ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

ТОМЪ XLVIII

КНЯЗЬ Г. А. ПОТЕМКИНЪ-ТАВРИЧЕСКІЙ.

Съ гравюры Валькера, сдѣланной съ портрета, писаннаго Левицкимъ.

Дозв. ценз. спб., 3 марта 1892 г.

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ XLVIII

1892

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1892

СОДЕРЖАНІЕ СОРОКЪ ВОСЬМАГО ТОМА.

(АПРѢЛЬ, МАЙ и ІЮНЬ 1892 года).

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

АПРѢЛЬ, 1892

СОДЕРЖАНІЕ.

АПРѢЛЬ, 1892 г.

См. слѣд. стр.

ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ ВОРОТЫНЦЕВЫХЪ [1].

XIV.

Наступила зима. Слухи про дѣло, поднятое противъ Воротынцева, смолкли.

Въ началѣ января у Александра Васильевича былъ блестящій балъ, на которомъ веселилось лучшее петербургское общество, а передъ этимъ Марта пѣла въ концертѣ, устроенномъ съ благотворительною цѣлью, а также во дворцѣ, нѣсколько разъ, у императрицы и у великихъ княженъ.

Ужъ одного этого было бы достаточно, чтобъ заставить относиться скептически къ злымъ намекамъ баронессы Фреденборгъ, которая не переставала исподтишка шипѣть противъ Александра Васильевича за сына.

Въ концѣ зимы, передъ масляницей, былъ также балъ у Ратморцевыхъ, очень чопорный и скучный. Оживить общество и вести бесѣды съ малознакомыми людьми Людмила Николаевна не умѣла, а дочери ея были такъ застѣнчивы и такъ странно воспитаны, что не только кавалеры, но даже дѣвицы не знали, о чемъ съ ними говорить.

Балъ кончился рано. Немногіе только дождались ужина, чтобъ разъѣхаться по домамъ.

Проводивъ послѣднюю маменьку съ дочерьми до дверей прихожей, барышни Ратморцевы съ недоумѣніемъ переглянулись.

---

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLVII, стр. 609.

«Такъ вотъ что это такое—балъ!»—читалось въ ихъ широко раскрытыхъ невинныхъ глазахъ и въ печальной гримаскѣ алыхъ губъ.

Полнѣйшее разочарованіе.

Какъ онѣ ждали этого вечера! Сколько приготовленій, жуткаго, сладостнаго волненія! Какъ билось у нихъ сердце на послѣднемъ урокѣ танцевъ, когда старикъ-французъ, учившій танцовать менуэты и гавоты еще ихъ отца и бабушку съ дѣдушкой, и съ особенною деликатною нѣжностью выправлявшій ихъ ножки и плечики, расчувствованнымъ голосомъ произнесъ имъ торжественную рѣчь относительно важности предстоящаго событія: «C'est votre premier bal, mes demoiselles...».

Ничего изъ того, что онѣ ожидали, не сбылось. Выдѣлывая старательно па въ мазуркѣ и кадриляхъ, кружась въ вальсѣ съ незнакомыми мужчинами въ блестящихъ мундирахъ и во фракахъ, онѣ, кромѣ страха и смущенія, ничего не испытывали. Говорили съ ними о томъ, чего онѣ не знали, и сознаніе, что никто изъ всей этой толпы не понимаетъ ихъ, не знаетъ ни ихъ мыслей, ни чувствъ, что всѣ эти красивыя, веселыя дѣвушки, оживленно болтавшія между собою, окидывая маленькихъ хозяекъ полнымъ обиднаго снисхожденія взглядомъ, ничего не имѣютъ съ ними общаго и, пожалуй, расхохочутся, если узнаютъ ихъ внутренній міръ,—сознаніе это производило на нихъ удручающее впечатлѣніе.

Проходя по опустѣвшей залѣ въ гостинную, гдѣ ожидала ихъ мать, и робко прижимаясь другъ къ другу, онѣ напоминали бѣлыхъ бабочекъ, застигнутыхъ бурей въ такомъ мѣстѣ, гдѣ укрыться некуда. Розовыя щечки поблѣднѣли, золотистые локоны, поддерживаемые черепаховыми гребеночками, развились, бѣлыя ваперовыя юбочки помялись и длинные концы бѣлыхъ атласныхъ лентъ, кокетливо развѣвавшихся въ началѣ вечера на короткихъ рукавчикахъ, печально спадывали теперь съ худенькихъ, дѣтскихъ плечъ, какъ опущенныя крылья.

«Бѣдняжки!»—думала Людмила Николаевна, глядя на дочерей изъ противоположнаго конца длинной гостинной, гдѣ тоже, кромѣ нея да двухъ-трехъ лакеевъ, ожидавшихъ у дверей приказанія гасить свѣчи въ люстрѣ и стѣнныхъ бра, никого не было.—«Первый балъ не заставитъ ихъ пристраститься къ свѣтской жизни. Милыя дѣвочки, какъ не похожи онѣ на противныхъ жеманницъ, кружившихся здѣсь нѣсколько минутъ тому назадъ!»

Но нѣжное умиленіе, выражавшееся на ея лицѣ, исчезло при приближеніи дѣтей, и вмѣсто того, чтобъ прижать ихъ къ сердцу и расцѣловать, она съ обычною сдержанностью спросила:

— Весело вамъ было, дѣти?

— Merci, maman, — отвѣчали онѣ, цѣлуя ея руки.

— Не надо завиваться сегодня. Проститесь съ папенькой и

ложитесь спать,—сказала она, проводя рукой по густымъ волосамъ Сони.

И, дотронувшись двумя пальцами до бѣленькой шейки Вѣры, она прибавила, накидывая ей на плечи свою мантилью изъ лебяжьяго пуха:

— Пройдите къ папенькѣ черезъ мою уборную, въ коридорѣ холодно.

— Oui, maman.

Онѣ опять поцѣловали ея руку, а она перекрестила ихъ и, прикоснувшись губами къ ихъ лбу, еще разъ повторила, чтобъ онѣ шли къ отцу.

Сергѣй Владиміровичъ разговаривалъ про нихъ съ мсьё Vaillant, когда онѣ вошли. Онъ обошелся съ ними еще сдержаннѣе, чѣмъ мать.

— Вы слишкомъ много танцовали въ то время, какъ у другихъ дѣвицъ не было кавалеровъ. Это очень не хорошо. Какъ хозяйки, вы должны были только о другихъ думать и заботиться, чтобъ вашимъ гостямъ было весело. Ты, Вѣра, стояла въ первой парѣ, въ мазуркѣ, за тобой шли дамы старше тебя, надо было это сообразить и уступить имъ твое мѣсто.

Онъ говорилъ это строгимъ, серьезнымъ тономъ, сдвигая брови и съ трудомъ сдерживая улыбку подъ напущенною суровостью, а дѣвочки стояли передъ нимъ съ опущенными глазами, краснѣя и волнуясь отъ сознанія вины, готовыя расплакаться отъ раскаянія не подозрѣвая, что и онъ тоже, какъ и мать, любуется ими и гордится ихъ красотой и невинностью.

— Идите спать, завтра уроковъ не будетъ,—сказалъ онъ ласковѣе, протягивая имъ одну руку для поцѣлуя, а другой крестя ихъ.

Въ комнатѣ, служившей имъ спальней и до сихъ поръ называемой дѣтской, съ двумя кроватками подъ бѣлыми кисейными занавѣсками, кіотомъ въ углу и туалетомъ изъ ясеневаго дерева между окнами, съ зажженной свѣчей и кучками нарванной бумаги для папильотокъ, дожидались барышень няня Паня, на рукахъ которой онѣ родились и выросли, и молодая горничная Феша, ея помощница, выбранная изъ всей дворни за благонравіе и ровный терпѣливый характеръ.

Постели съ розовыми атласными одѣялами были оправлены на ночь; въ кіотѣ ярко горѣла лампадка, между откинутыми занавѣсками сверкали образки въ золоченыхъ ризахъ, у одного изголовья—мученицы Софьи, у другаго—мученицы Вѣры, ангеловъ хранителей дѣвочекъ. Художникъ, писавшій ихъ по заказу Ратморцева, придалъ святымъ черты и выраженіе лица его дочерей, но знали это только старшіе, дѣвочкамъ же въ голову не приходило это замѣчать. И навѣрное, ихъ скорѣе смутило бы, чѣмъ забавило подобное открытіе.

Большой ясеневый комодъ противъ оконъ былъ тѣсно заставленъ изящными бездѣлушками изъ бронзы и фарфора, а въ углу, за дверью, стоялъ небольшой шкапикъ, запертый на ключъ, съ реликвіями изъ дѣтства—куклами.

Если-бъ не няня Паня, онѣ до сихъ поръ играли бы въ куклы.

Вопросъ о куклахъ былъ серьезно дебатированъ на совѣщаніи между ихъ родителями, мсьё Вальянъ и няней Паней.

Сергѣй Владиміровичъ съ учителемъ не находили ничего предосудительнаго въ томъ, чтобъ дѣвочки, которымъ только что минуло пятнадцать лѣтъ, играли въ куклы, а Людмила Николаевна была такого мнѣнія, что имъ даже это полезно въ извѣстномъ смыслѣ, пріучаетъ ихъ къ домовитости, къ порядку, пріохочиваетъ къ женскимъ рукодѣльямъ, но няня Паня энергично стояла на своемъ: барышнямъ года вышли замужъ выходить и въ куклы играть имъ теперь неприлично: женихи узнаютъ, смѣяться станутъ.

И сколько ни повторяли ей, что объ женихахъ для нихъ думать еще рано, что имъ надо прежде силами и здоровьемъ набраться, она отъ идеи своей не отступала и добилась таки своего—ей разрѣшили отучить дѣвочекъ отъ куколъ.

Это случилось всего только годъ тому назадъ, а вотъ какъ была права няня Паня: весной вышло такъ, что барышень представили ко двору, а зимой для нихъ сдѣлали балъ, съ оркестромъ, съ параднымъ ужиномъ, блестящими кавалерами, какъ для настоящихъ барышень-невѣстъ, однимъ словомъ.

А барышни-невѣсты по мѣрѣ того, какъ отдалялись отъ парадныхъ комнатъ, радостно оживали и, тихо щебеча между собой, едва касаясь носками бѣлыхъ атласныхъ башмачковъ до полу, въ припрыжку бѣжали къ себѣ.

Здѣсь, въ комнатѣ съ ясеневой мебелью и двумя бѣлыми кроватками, онѣ были ужъ дома, стѣсняться имъ было нечего, и съ порога, завидѣвъ издали няню Паню съ Фешей, стали, перебивая другъ друга, разсказывать имъ про вынесенныя впечатлѣнія.

И разсказывали бы долго, если бы старушка, съ притворною суровостью, не приказала имъ скорѣе раздѣваться, молиться Богу и ложиться спать.

— Маменька позволила сегодня не завиваться!—объявили барышни.

— Какая ужъ тутъ завивка, утро, добрые люди къ заутрени пошли,—ворчала няня, снимая съ Сони юбочки и расшнуровывая ей корсетъ.—Чего тамъ шепчетесь?—сердито обернулась она къ другой своей воспитанницѣ, которую разувала Феша.—Разгуляетесь, и сонъ пройдетъ, завтра головка будетъ болѣть... Не дери волосики, Сонюшка, запрячь ихъ въ чепчикъ, да и ложись съ Богомъ, завтра расчешемъ... Сегодня ужъ «Вѣрую-то» не читайте,

Господь проститъ, прочтите «Отче нашъ», «Богородицу», «Ангелу хранителю», за родителей положите по поклону, да и будетъ,— продолжала она командовать, въ то время какъ дѣвочки въ длинныхъ ночныхъ рубашкахъ и чепчикахъ становились на колѣни передъ кіотомъ.

А затѣмъ, уложивъ ихъ въ постель, она поправила лампадку, мысленно творя усердную молитву за своихъ «пичужекъ», и вышла въ сосѣднюю комнату, гдѣ за шкапами съ платьями стояла ея кровать.

Дверь за собою она не притворяла; сонъ у нея былъ чуткій, и просыпалась она часто, а проснувшись тотчасъ же начинала прислушиваться къ тому, что дѣлается въ комнатѣ барышень. Не бредятъ ли во снѣ? Не ворочаются ли, не грезится ли имъ страшное что нибудь? Горитъ ли ярко лампадка у нихъ передъ образами?

Врагъ-то не дремлетъ, стоитъ только грѣшному человѣку зазѣваться, свѣтлому лику Спасителя въ тѣнь уйдти, молитвеннымъ словамъ испариться въ воздухѣ, и онъ тутъ какъ тутъ, со своими таинственными навѣтами, мрачнымъ обаяніемъ грѣховныхъ искушеній...

У Ратморцовыхъ вели очень правильную жизнь и пріемы у нихъ были такъ рѣдки, что послѣ бала не только господа, но даже и люди, не могли вдругъ войдти въ прежнюю колею.

Цѣлымъ часомъ позже обыкновеннаго поднялись всѣ въ домѣ; въ восемь часовъ утра еще комнаты не были убраны, горничныя и лакеи безъ толку болтались по коридорамъ, разговаривая про вчерашнее торжество и хихикая между собою, въ полной увѣренности, что господа будутъ почивать долго и торопиться дѣлать дѣла не стоитъ.

Старый камердинеръ Захаръ Ипатычъ, который легъ позже всѣхъ, къ утру заснулъ такъ крѣпко, что не слышалъ баринова звонка; пришлось расталкивать его, чтобъ разбудить.

— Что? Баринъ зоветъ?—пробормоталъ онъ съ просонья и срываясь съ войлока, чтобъ скорѣе стряхнуть съ себя дремоту.

— Баринъ, не дождамшись васъ, сами вышли въ прихожую и Петьку позвали,—объявилъ казачекъ, прибѣжавшій, чтобъ разбудить его.

— Изволятъ гнѣваться?

— Ничего. Приказали карету закладывать.

— Кто-жъ имъ умываться подавалъ?

— Петька, должно быть. Они только спросили, спите вы, аль вышли куда. Петька сказалъ, что вы въ кухнѣ...

— А... а... Чай-то подали ужъ имъ?

Вопросы эти Захаръ кидалъ скороговоркой и отрывисто, торо-

пливо справляя свой туалетъ, умываясь надъ глиняннымъ тазомъ изъ жестянаго ковшика, которымъ онъ черпалъ воду изъ деревяннаго ведра, принесеннаго въ его коморку казачкомъ, напяливая сюртукъ и расчесывая сѣдые волосы, которые онъ носилъ до плечъ длинными, что придавало его благообразному, худощавому лицу патріархальный видъ.

—Чай Авдотья Семеновна наливаютъ. Какъ я бѣжалъ сюда, Яшка самоваръ въ чайную пронесъ,—продолжалъ докладывать казачекъ. А когда старикъ, ужъ одѣтый, направился къ двери, онъ объявилъ ему, что двое какихъ-то къ нему пришли и ужъ давно его ждутъ.

— Двое? Кто такіе? Гдѣ они?—просилъ Захаръ Ипатычъ, останавливаясь на полпути черезъ коридоръ въ кабинетъ.

— Съ задняго крыльца пришли. Иванъ Васильевичъ ихъ въ буфетную провелъ. Ждутъ тамъ теперича, давно ужъ,—отвѣчалъ мальчуганъ.

— Что-жъ ты меня, болванъ эдакій, раньше не разбудилъ?—проворчалъ старикъ.

И вмѣсто того, чтобъ войдти въ проходную передъ кабинетомъ, онъ повернулъ въ буфетную, длинную, темноватую комнату, съ однимъ окномъ, у котораго стояло двое посѣтителей, въ скромной почтительной позѣ людей, опасающихся стѣснить своимъ присутствіемъ обитателей дома.

Въ томъ изъ нихъ, что былъ пониже, потолще и посмѣлѣе, Захаръ Ипатычъ ужъ издали узналъ своего знакомаго, купца Бутягина, и его сухое, морщинистое лицо оживилось.

— Петръ Назарычъ! Наше вамъ почтеніе! Что это вы, какъ рано къ намъ, батюшка, пожаловали? Дѣльце вѣрно есть?—проговорилъ онъ привѣтливо и ускоряя шагъ.

— Дѣльце, Захаръ Ипатычъ, дѣльце,—отвѣчалъ Бутягинъ низко кланяясь и при этомъ искоса поглядывая на своего спутника, высокаго малаго въ чуйкѣ и въ широкихъ шароварахъ, засунутыхъ въ смазные сапоги.

При появленіи камердинера изъ противоположнаго конца комнаты, незнакомецъ попятился еще дальше назадъ, въ глубъ темнаго угла, въ которомъ онъ стоялъ неподвижно, опустивъ голову и теребя въ рукахъ картузъ.

Захаръ Ипатычъ глянулъ на него и, кромѣ густой шапки вьющихся черныхъ волосъ, ничего не увидѣлъ. Лицо, бѣлѣвшееся изъ-подъ кудрей, казалось юнымъ, но разобрать черты было невозможно.

Въ недоумѣніи старикъ перевелъ вопрошающій взглядъ на Бутягина.

Этотъ самодовольно ухмыльнулся.

— Барина бы намъ повидать, Сергѣя Владиміровича,—вымол-

вилъ онъ, кивая на своего спутника и съ особенною торжественностью отчеканивая слова.

— Баринъ въ сенатъ ѣдутъ,—возразилъ камердинеръ, не переставая перебѣгать взглядомъ отъ Бутягина къ незнакомцу, жавшемуся къ стѣнѣ, въ темномъ углу.

Волненіе Захара Ипатыча возростало съ минуты на минуту, онъ начиналъ догадываться, кто этотъ юноша.

— Ѣдутъ сейчасъ?—повторилъ съ досадой Бутягинъ, почесывая у себя за ухомъ.—Экое горе! А мы вотъ съ Григоріемъ Александровичемъ нарочно пораньше пришли, думали—самое теперича время ихъ застать.

При этомъ имени «Григорій Александровичъ» на лицѣ старика выразился испугъ, и онъ такъ растерялся, что съ минуту, какъ вкопанный, стоялъ съ выпученными глазами.

— Да, да, нарочно пораньше забрались,—продолжалъ сѣтовать Бутягинъ, видимо наслаждаясь изумленіемъ своего пріятеля.

Захаръ Ипатычъ разсмотрѣлъ наконецъ пришельца. Это былъ красивый юноша, на видъ лѣтъ семнадцати, съ большими карими глазами и короткой русой бородкой, удлиннявшей правильный овалъ его тонкаго лица. Онъ былъ очень блѣденъ, краска вспыхивавшая на его немного впалыхъ щекахъ, мгновенно исчезала, въ смущеніи онъ не зналъ, куда дѣвать глаза, и немилосердно мялъ въ рукахъ картузъ. Не взирая на простонародную одежду, въ которую онъ былъ облеченъ, во всей фигурѣ его было что-то элегантное, чуйка сидѣла на немъ точно на ряженомъ, руки были узкія и бѣлыя, съ длинными, тонкими пальцами.

— Въ какомъ, значитъ, одѣяніи тятенька ихъ нашли, въ такомъ и предоставили,—пояснилъ вполголоса Бутягинъ въ отвѣтъ на растерянные взгляды, кидаемые на него Захаромъ Ипатычемъ.

— Сейчасъ доложу, — выговорилъ, наконецъ, задыхаясь отъ волненія этотъ послѣдній и, низко опустивъ голову, быстрыми шагами направился къ кабинету.

— Не робѣйте, сударь,—обратился съ самодовольной усмѣшкой Бутягинъ къ своему спутнику.

— Я ничего, Петръ Назарычъ,—дрожащими губами вымолвилъ чуть слышно юноша.

— Робѣть вамъ не слѣдъ,—продолжалъ шептать наставительнымъ тономъ его покровитель, посматривая на него полнымъ ласковаго умиленія взглядомъ.—Дяденька вашъ, господинъ добрый и благочестивый, ни для кого на свѣтѣ кривить душой не станетъ. А ужъ супруга ихняя, тетенька ваша Людмила Николаевна, ангелъ во плоти, можно сказать...

Долго распространяться ему не дали. Очевидно, вѣсть о ихъ появленіи разнеслась по всему дому. Изъ всѣхъ дверей выгляды-

вали любопытные глаза. Подбѣгутъ изъ коридора, высунутся въ буфетную, посмотрятъ и убѣгутъ, уступая мѣста другимъ.

Выползала изъ своего уголка за барышниными шкапами и няня Паня, а также Акулина Осиповна съ барыниной половины.

Встрѣтившись въ коридорѣ, старушки остановились на минутку, чтобъ обмѣняться нѣсколькими словами, доказывавшими какъ нельзя лучше солидарность ихъ взглядовъ относительно событія, взволновавшаго весь домъ.

— Прямо къ намъ его привели,—замѣтила няня Паня.

— А то куда же? Больше некуда, какъ къ намъ,—съ достоинствомъ выпрямляясь возразила Акулина.

— Совсѣмъ еще молоденькій!—вздохнула первая.

— Двадцать второй годъ ему,—замѣтила вторая.

— Робѣетъ, поди чай, сердечный!

— Какъ не робѣть!

Эти у двери не останавливались, а прошли прямо къ тому углу, гдѣ стоялъ Бутягинъ со своимъ protégé.

— Здравствуйте, Петръ Назарычъ!

— Мое почтеніе, Акулина Осиповна. Какъ поживаете, Пелагея Васильевна?

— Все ли у васъ благополучно? Супруга ваша, дѣтки?

— Благодаримъ покорно, все слава Богу.

Говорилось это однимъ языкомъ, но во взглядахъ, которыми они обмѣнивались, выражалось совсѣмъ другое.

— «Привели? Неужто онъ? Подкидышъ изъ воспитательнаго дома? Маѳы Митревны сынокъ?»—спрашивали глазами старухи.

— «Онъ самый, взгляните только на него и увидите, что сомнѣнія быть не можетъ»,—отвѣчалъ имъ улыбкой и кивками Бутягинъ.

Старухи уставились пристальнымъ, полнымъ жгучаго любопытства, взглядомъ на юношу. И по мѣрѣ того, какъ онѣ всматривались въ его черты, радостное умиленіе проясняло ихъ лица, онѣ признавали въ немъ отца. Вылитый Александръ Васильевичъ, когда онъ былъ молодымъ!

И на губахъ Бутягина торжествующая усмѣшка расплывалась все шире и шире.

Акулина первая опомнилась. — Здравствуйте, сударь,—вымолвила она, отвѣшивая поклонъ незнакомцу.

— Что-жъ вы не присядете?—привѣтливо замѣтила въ свою очередь няня Паня.

Юноша, отвѣтивъ на поклоны, стоялъ съ опущенной головой.

— Ничего-съ, мы постоимъ-съ,—весело ухмыляясь, отвѣтилъ за него Бутягинъ.

Наступило молчаніе. Старухи безъ церемоніи продолжали разсматривать пришельца, обмѣниваясь кивками и подмигивая другъ

другу. Чѣмъ больше смотрѣли онѣ, тѣмъ больше дивились его поразительному сходству съ молодымъ красавцемъ, котораго онѣ каждый день видѣли въ домѣ Воротыновскомъ двадцать лѣтъ тому назадъ, котораго баринъ ихъ звалъ братцемъ, а старые господа, теперь уже покойники, племянникомъ.

— Надо барынѣ доложить,—шепнула няня Паня своей подругѣ.

— Доложимъ, — согласилась эта послѣдняя, не трогаясь съ мѣста.

— Не разболтали бы заранѣше дѣвки,—озабоченно оглядываясь на двери, съ толпившимся въ нихъ народомъ, замѣтила няня Паня.

На это Акулина отвѣтила, что барыня еще почиваетъ. Оторваться отъ созерцанія юноши она была не въ силахъ.

Прошлое такой могучей волной всплывало ей на память, что настоящее утопало въ немъ. Она видѣла себя въ старомъ Воротыновскомъ домѣ, среди людей, наполнявшихъ его тогда, когда она сама живой молодой дѣвкой шмыгала босикомъ по длиннымъ темноватымъ корридорамъ и комнатамъ съ узкими окнами и пестрыми изразцовыми печами, покойницу старую барыню Марѳу Григорьевну съ ея штатомъ: маленькой барышней-сиротой, Митинькой, Варварой Петровной, Ѳедосьей Ивановной, Самсонычемъ... Воскресала въ ея воображеніи сцена пріѣзда молодаго барина съ щеголемъ-гувернеромъ... Одѣть бы вотъ этого, что стоитъ теперь передъ нею въ чуйкѣ и смазныхъ сапогахъ, такъ, какъ тотъ былъ одѣтъ, въ голубой бархатный кафтанъ съ серебрянымъ шитьемъ, въ башмаки съ пряжками, розовые шелковые чулки и кружевное жабо, напудрить бы ему волосы, еще больше былъ бы тогда похожъ на наслѣдника старой барыни.

И странное дѣло, съ матерью у него тоже сходство есть. Пожалуй, даже больше, чѣмъ съ отцомъ.

Оба они, эти дѣти одной крови, богатый наслѣдникъ, представитель стариннаго знатнаго рода, и безродная сиротка, дочь обезчещенной дѣвушки, сливались въ лицѣ этого блѣднаго, золотокудраго юноши: черты—отца, выраженіе—матери.

— Петръ Назарычъ, пожалуйте къ барину,—раздался въ дверяхъ голосъ стараго камердинера.

— Пожалуйте и вы, сударь,—прибавилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, обращаясь къ спутнику Бутягина.

— Ступайте, сударь, ступайте, не робѣйте,—напутствовали старухи въ одинъ голосъ юношу въ то время, какъ онъ слѣдовалъ за своимъ покровителемъ въ кабинетъ.

Людмила Николаевна сидѣла въ своей уборной передъ туалетомъ, и горничная причесывала ей волосы, когда въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги ея мужа.

По одной его походкѣ, торопливой и неровной, она догадалась, что случилось нѣчто необычайное, и тревожно оглянулась на дверь, въ которую онъ долженъ былъ войдти.

— Что̀ случилось, мой другъ? Почему ты еще не уѣхалъ въ сенатъ?—спросила она, едва только онъ показался на порогѣ, въ вицмундирѣ, съ орденомъ на шеѣ, высоко взбитымъ хохломъ бѣлокурыхъ густыхъ волосъ и въ большомъ атласномъ галстухѣ, подпиравшемъ гладко выбритыя щеки. Отъ этого галстуха съ бѣлыми туго накрахмаленными воротничками черты худощаваго лица Ратморцева, съ большими, глубокими темными глазами, казались еще тоньше.

— Не пугайся, ничего дурнаго для насъ не случилось. Намъ надо переговорить, вышли дѣвушку,—сказалъ онъ пофранцузски, указывая на горничную.

— Ступай, Лиза, я позову, когда надо будетъ. Да скажи тамъ, чтобъ барышни подождали сюда приходить, я сама къ нимъ приду,—приказала Людмила Николаевна горничной, заплетавшей ей косу.

И, оставшись съ мужемъ наединѣ, она стала закидывать его вопросами:—Что такое? На тебѣ лица нѣтъ... Дѣти? Что нибудь съ дѣтьми случилось? Я только сейчасъ проснулась, не успѣла еще про нихъ спросить...

— Нѣтъ, нѣтъ, я же тебѣ говорю, ничего дурнаго для насъ не произошло.

Онъ опустился въ кресло, стоявшее у туалета, взялъ руки жены и, нѣжно пожимая ихъ, видимо затрудняясь начать свое повѣствованіе, повторялъ ей, чтобъ она не безпокоилась.

— Да что такое? Я покойна, скажи скорѣе.

— У меня былъ сейчасъ Бутягинъ...

— Зачѣмъ онъ опять пришелъ?—спросила она съ досадой.

Не долюбливала она этихъ Бутягиныхъ, втягивавшихъ, какъ ей казалось, ея Сережу въ непріятное и опасное Воротыновское дѣло. Давно не было о нихъ ни слуху, ни духу, а теперь опять!

— Что имъ отъ тебя нужно?

— Да все по тому же дѣлу...

У нея сдвинулись брови.

— Новое что нибудь случилось?

— Милуша, ты только не пугайся и не безпокойся: онъ былъ у меня не одинъ, а съ н и м ъ, съ этимъ... сыномъ Александра, нашимъ племянникомъ,—объявилъ отрывисто Сергѣй Владиміровичъ.

Она отъ изумленія не въ силахъ была произнести ни слова и смотрѣла на него широко раскрытыми глазами.

— Да, моя душенька, — продолжалъ онъ, постепенно одушевляясь,—я просто не могу прійдти въ себя отъ изумленія передъ

настойчивостью этихъ людей. Добились-таки своего, розыскали этого несчастнаго..

— Онъ похожъ на отца?

— Поразительно. Я не зналъ, кого я увижу, меня не предупредили, что Бутягинъ съ нимъ пришелъ, но когда онъ вошелъ, мнѣ показалось, что передо мной Alexandre, такой, какимъ онъ былъ шестнадцати лѣтъ, когда пріѣхалъ въ Петербургъ на службу и явился къ намъ съ письмомъ отъ нашей общей прабабки Марѳы Григорьевны.

— Ты съ нимъ говорилъ? Какъ его зовутъ?

— Григоріемъ. Фамильное имя Вoторынцевыхъ, — прибавилъ онъ съ усмѣшкой.—Можетъ быть, это и нечаянно вышло, но надо сознаться, что это странное стеченіе обстоятельствъ. И голосъ такой же, какъ у отца. Смущенъ безмѣрно. Съ полчаса они у меня пробыли въ кабинетѣ. Говорилъ я больше съ Бутягинымъ, а тотъ отъ страха и волненія былъ блѣденъ, какъ полотно, и дрожалъ, какъ листъ. Очень жалокъ. Я долженъ былъ самъ проводить ихъ до прихожей, чтобъ люди не лѣзли на него смотрѣть. Оно понятно, что онъ имъ любопытенъ, вѣдь такихъ, что помнятъ его отца молодымъ, у насъ въ дворнѣ не мало найдется.

— Есть и такіе, которые и мать его знали, — замѣтила Людмила Николаевна.

— Ну, вотъ видишь. У него и взглядъ отцовскій. О, это сынъ Александра, сомнѣваться въ этомъ невозможно. Я по одному его сходству съ отцомъ призналъ бы въ немъ племянника, если-бъ даже не было другихъ доказательствъ. А ихъ много. Почти все, что надо, всѣ документы, необходимые для признанія его законнымъ сыномъ Воротынцева, въ ихъ рукахъ.

— И что же ты намѣренъ дѣлать? — боязливо заглядывая въ лицо мужа, спросила Людмила Николаевна.

Онъ нахмурился.

— Во всякомъ случаѣ прогнать намъ его нельзя! — отрывисто вымолвилъ онъ.

— Правда твоя, нельзя,—печально вздохнула она.—Но что-жъ намъ съ нимъ дѣлать? Чѣмъ можемъ мы ему быть полезны?

— Очень многимъ. Вѣдь ты только подумай, онъ совсѣмъ одинъ на свѣтѣ, окруженъ сильными и могущественными врагами, а друзей у него — одни только эти Бутягины. А роль ихъ въ этомъ дѣлѣ ужъ кончена. Больше того, что они сдѣлали, требовать невозможно. Они и сами это сознаютъ, потому и привели его къ намъ.

— Да вѣдь не совсѣмъ же, Сережа? Не можетъ же онъ у насъ жить!—вскричала она съ ужасомъ.

Сергѣй Владиміровичъ съ раздраженіемъ передернулъ плечами.

— Они ужъ ушли, ты его не увидишь, не безпокойся, — возразилъ онъ сердито.

И, поднявшись съ мѣста, молча прошелся по комнатѣ.

Она съ стѣсненнымъ сердцемъ смотрѣла на него, смутно предчувствуя, что онъ рѣшился на что-то такое непріятное и опасное, но что спорить и разубѣждать его не стоитъ, рѣшенія своего онъ не измѣнитъ. И, заранѣе покоряясь всѣмъ послѣдствіямъ этого рѣшенія, она молила Бога научить ее, какъ дѣйствовать, чтобъ отвратить грозившую ихъ мирному гнѣздышку бурю.

— Вотъ что, моя душенька, — началъ онъ мягче, снова останавливаясь передъ нею, — прежде всего я попытаюсь свести его съ отцомъ, помоему это необходимо... Постой, дай мнѣ договорить, самъ онъ въ своемъ дѣлѣ ничего не понимаетъ, всего боится и ни на какія рѣшительныя мѣры неспособенъ. Я увѣренъ, что по временамъ ему дѣлается такъ жутко въ положеніи претендента, въ которомъ онъ нежданно-негаданно очутился, что онъ не безъ сожалѣнія вспоминаетъ то время, когда мнилъ себя сиротой безъ роду, безъ имени, но Бутягины—не то, они рѣшили довести это дѣло до конца и доведутъ. Деньги у нихъ есть, щадить Воротынцева у нихъ нѣтъ причинъ, а память той, которую онъ погубилъ, имъ почему-то чрезвычайно дорога. Правда, что слѣдствіе затягивается, у Александра, повидимому, очень ловкій ходатай; подъ какимъ-то пустымъ предлогомъ ему ужъ удалось такъ устроить, что дѣло отослали назадъ въ Тулу, отошлютъ и во второй разъ, безъ сомнѣнія, можетъ быть, даже и въ третій, но есть другой способъ кончить слѣдствіе скорѣе — это подать прошеніе на высочайшее имя, и вотъ старикъ привезъ сюда своего protégé именно съ этою цѣлью. Если только государь заинтересуется этимъ дѣломъ, что весьма возможно, оно будетъ окончено въ пользу этого юноши, и тогда Alexandre погибъ.

— Да что же ты-то тутъ можешь сдѣлать?— умоляющимъ голосомъ протянула Людмила Николаевна.

Онъ отвернулся, чтобъ не видѣть слезъ, засверкавшихъ на ея глазахъ, и твердо произнесъ:

— Я могу попытаться его спасти.

Она промолчала.

— Сейчасъ ѣду въ сенатъ, а оттуда къ Воротынцеву,—прибавилъ онъ.

— Помоги тебѣ Богъ,—вымолвила она со вздохомъ.

— О! Я очень мало разсчитываю на успѣхъ,—сказалъ онъ, обнимая ее.

XV.

Капитанъ Ожогинъ, Николай Ивановичъ, жилъ съ дочерью у Египетскаго моста, въ собственномъ домѣ, небольшомъ, правда, всего только пять комнатъ внизу да три въ мезонинѣ, но на дворѣ съ кухней и людской оставалось еще столько мѣста, что онъ раз-

велъ тутъ огородъ и садикъ. Послѣдній состоялъ изъ стараго дуба, посаженнаго еще его покойнымъ дѣдомъ сто лѣтъ тому назадъ, да изъ десятка березъ и липокъ болѣе современнаго происхожденія. Подъ дубомъ была скамеечка, сколоченная Филаткой, который при случаѣ умѣлъ и хохолъ барину подвить и напудрить, и башмаки ему починить, и клѣтку для барышниной птички сдѣлать, и мебель, какую угодно, смастерить. Онъ же и часы съ кукушкой поправлялъ, когда они начинали врать, и замки починялъ. Преполезный человѣкъ былъ этотъ Филатка, и если-бъ не пилъ запоемъ, цѣны бы ему не было. Ну, да вѣдь одинъ Богъ безъ грѣха, а люди всѣ съ изъянцемъ.

Въ огородѣ, трудами рукъ Филатки съ бариномъ, успѣшно произростали огурцы, морковь и редиска.

Въ домѣ былъ залецъ съ узкимъ зеркаломъ въ широкой рамѣ, старенькимъ фортепьяно, жесткими, съ волосянымъ сидѣньемъ, стульями и обѣденнымъ столомъ посреди, гостиная съ диваномъ и креслами, обитыми голубой матеріей разводами въ чехлахъ, поясные, масляными красками, портреты хозяина и хозяйки по стѣнамъ, тумбочка изъ краснаго дерева съ часами на самомъ видномъ мѣстѣ. Дальше была угловая, въ которой помѣщалась Полинька, а комнаты, выходившія окнами на дворъ, служили складочнымъ мѣстомъ для шкаповъ и сундуковъ съ господскими вещами и жильёмъ для женской комнатной прислуги, состоявшей изъ старухи няни, двухъ ея дочерей и дѣвчонки сироты, привезенной изъ деревни для побѣгушекъ.

Мезонинъ занималъ самъ полковникъ съ вѣрнымъ своимъ Филаткой и казачкомъ. Поваръ съ женой-прачкой и полдюжиной ребятишекъ жили въ надворныхъ строеніяхъ.

Ожогинъ былъ хорошій хозяинъ и отлично умѣлъ распоряжаться своими небольшими средствами. Кромѣ пенсіи да дома, у него было еще маленькое имѣньице въ Псковской губерніи, и онъ съ дочерью жилъ безбѣдно.

А съ тѣхъ поръ, какъ Полинька познакомилась съ Воротынцевыми, обстоятельства ихъ еще улучшились.

M-lle Lecage (старая знакомая Ожогиныхъ: Полиньки еще на свѣтѣ не было, когда Николай Ивановичъ, тогда еще поручикъ и холостой, строилъ ей куры въ Москвѣ, гдѣ она воспитывала дѣтей у какого-то князя и гдѣ полкъ его стоялъ три года сряду), m-lle Lecage устроила такъ, что у Воротынцевыхъ щедро платили Полинькѣ за то, что она пѣла дуэты съ Мартой.

Надо отдать справедливость Полинькѣ, она напрямикъ и съ обычною своею рѣзкостью отказалась брать деньги за удовольствіе проводить время въ обществѣ умной и веселой дочери Александра Васильевича.

— Хорошо, хорошо,—отвѣчала на это со своей тонкой усмѣшкой француженка,—мы это какъ нибудь иначе уладимъ.

И уладила. Полковникъ Ожогинъ любилъ деньги и особенною щепетильностью отъ природы не отличался; плату за дочь онъ съ удовольствіемъ согласился получать, и каждое первое число ему вручали черезъ m-lle Lecage или черезъ лакея конвертъ отъ Воротынцева съ шестью синенькими бумажками.

Тридцать рублей ассигнаціями значили въ то время втрое больше, чѣмъ теперь та же сумма на серебро. А послѣдній разъ, къ первому января, ему прислали цѣлыхъ пятьдесятъ рублей, и, кромѣ того, Полинька получила отъ своей пріятельницы щедрый подарокъ—золотой браслетъ и серьги.

Правда, что съ наступленіемъ зимы она почти каждый день бывала у Воротынцевыхъ. Марта въ свѣтъ почти совсѣмъ не выѣзжала и всѣ вечера занималась музыкой.

— Ужъ не готовится ли она тоже поступить на сцену, какъ и моя фантазерка, — замѣтилъ какъ-то разъ со смѣхомъ Ожогинъ въ присутствіи m-lle Lecage.

Эта послѣдняя скорчила печальную мину, жеманно опустила глазки и со вздохомъ объявила, что никогда нельзя впередъ знать, что насъ ожидаетъ въ будущемъ.

— Ну, ужъ до этого-то имъ никогда не дойти,—возразилъ Ожогинъ.—Такое состояніе, какъ у Воротынцевыхъ нельзя такъ разстроить, чтобъ ужъ ровно ничего отъ него не осталось.

Но француженка стояла на своемъ: все на свѣтѣ возможно.

Не взирая на деньги, тратившіяся въ домѣ, на блестящій балъ, данный у нихъ надняхъ, на наряды, выписанные для madame и mademoiselle изъ Парижа, monsieur чѣмъ-то крѣпко озабоченъ. Посторонніе, разумѣется, этого не замѣчаютъ, но отъ домашнихъ не скроешься. Къ нему теперь часто ходитъ un homme d'affaire, котораго прежде не видать было въ домѣ, худой такой, блѣдный, съ лицомъ іезуита, и каждый разъ послѣ посѣщенія этого субъекта monsieur очень мраченъ и не въ духѣ.

Да и вообще онъ во многомъ перемѣнился съ прошлаго года, не такъ строгъ и взыскателенъ къ домашнимъ, какъ прежде, меньше во все вмѣшивается, по недѣлямъ не входитъ въ комнаты жены, видится съ нею только за обѣдомъ и не спрашиваетъ про дѣтей.

О! m-lle Lecage все это отлично замѣчаетъ. Ей даже было извѣстно, что къ нему стала ходить (и большею частью по вечерамъ, когда стемнѣетъ) жена его камердинера, une certaine Malache, женщина лѣтъ сорока, съ черными пронзительными глазами, на худомъ лицѣ. Когда monsieur ведетъ съ нею переговоры, запершись въ кабинетѣ, мужъ этой особы, камердинеръ, расхаживаетъ, какъ часовой передъ будкой, по корридору.

Прежде эту Malache въ домъ не впускали.

Monsieur теперь и во дворецъ рѣже ѣздитъ; на приглашенія оттуда онъ отговаривается нездоровьемъ.

Запросто у нихъ никого не бываетъ, такъ что парадныя комнаты и не освѣщаются вовсе. Madame это на руку, она можетъ не одѣваться и по цѣлымъ днямъ просиживать безъ корсета, въ широкихъ капотахъ, со своими попами и юродивыми.

Mademoiselle, та тоже увѣряетъ, что ей несравненно пріятнѣе одной или вдвоемъ съ Полинькой, чѣмъ съ гостями. Drôles de gens tout de même.

Но m-lle Lecage съ m-r Rivière къ скучной жизни не привыкли, и если такой порядокъ въ домѣ Воротынцевыхъ вскорѣ не измѣнится, они будутъ искать другаго мѣста.

Разсказы эти Ожогинъ обыкновенно выслушивалъ, покуривая табакъ Жукова изъ длиннаго черешневаго чубука, молча и разсѣянно, какъ слушаютъ заведенную шарманку, въ одно ухо впуститъ, въ другое — выпуститъ. Но однажды, проводивъ гостью, онъ обратился къ дочери съ вопросомъ:

— Неужели Воротынцевъ и въ самомъ дѣлѣ разоренъ?

— Не думаю, папенька,—сдержанно отвѣчала дѣвушка.

— Отчего же у нихъ такія перемѣны въ домѣ?

— Никакихъ перемѣнъ я не замѣчала.

— Ты и замѣтишь, такъ не скажешь, тихоня, — проворчалъ онъ.—Небось тамъ у тебя языкъ-то развязывается, — продолжалъ онъ брюзжать, скашивая губы подъ сѣдыми усами въ ироническую гримасу.

— Герцогиня! Только съ вельможами удостоиваетъ разговоры водить, а съ отцомъ съ зашитымъ ртомъ сидитъ, принцесса!

— Я не понимаю, что вамъ отъ меня нужно, папенька. Сплетничать про Воротынцевыхъ я не стану, никогда вы отъ меня этого не дождетесь,—возразила она, вспыхивая до ушей отъ гнѣва.

— Ну, ладно, ладно, не хочешь говорить, и не надо, — поспѣшилъ онъ ее успокоить.

Но Полинька не унималась.

— На вашемъ мѣстѣ я бы слушать не стала розсказней этой пустой трещотки, m-lle Lecage, она злится на Марѳу Александровну за то, что ее не хотятъ больше держать въ домѣ. Если ей не отказываютъ, то только изъ деликатности, ждутъ, чтобъ она сама поняла, что ей надо искать другаго мѣста.

— Тогда, пожалуй, и тебя, матушка, оттуда вытурятъ,—злобно хихикнулъ старикъ:—вѣдь по ея рекомендаціи ты тамъ принята.

Въ отвѣтъ на это обидное замѣчаніе дочь только усмѣхнулась.

Ея положеніе у Воротынцевыхъ было прочно: Марта жить безъ нея не могла.

Полинька была въ этомъ такъ убѣждена, что иначе не представляла себѣ будущаго, какъ въ домѣ своей знатной, богатой и ве-

ликодушной пріятельницы. Онѣ вмѣстѣ будутъ наслаждаться всѣми благами жизни, путешествовать, ѣздить въ свѣтъ, кружить головы мужчинамъ и возбуждать зависть; женщинъ обѣ онѣ умны, красивы, талантливы, а Марта къ тому же знатна и богата за двухъ. Всюду можетъ она ввести свою подругу, въ самое высшее общество; дочь полковника Ожогина краснѣть ее за себя не заставитъ.

Марта ужъ исподволь хлопотала о томъ, чтобъ Полиньку взяли ей въ компаньонки.

Воротынцевъ сталъ съ нѣкоторыхъ поръ удивительно податливъ; всѣ капризы дочери онъ исполняетъ и съ каждымъ днемъ предоставляетъ ей все больше и больше свободы.

Съ француженкой насчетъ Марты онъ ужъ не совѣщается больше, а прямо обращается къ дочери, безъ посредниковъ. Между ними происходятъ иногда бурныя объясненія. Папенька вспыльчивъ и упрямъ, да и дочка не изъ кроткихъ, но она его такъ обожаетъ, что противиться его желаніямъ не можетъ. Въ одномъ только не хочетъ она ему уступить: въ его требованіи, чтобъ она выбрала себѣ жениха между молодыми людьми, являющимися претендентами на ея руку. Марта замужъ выходить не желаетъ, и Полинька ей въ этомъ вполнѣ сочувствуетъ. Что за охота связывать себя по рукамъ и по ногамъ, отказываться на всю жизнь отъ личной жизни и свободы, не насладившись всласть и тѣмъ и другимъ!

Въ планахъ, которые онѣ строили, для мужей мѣста не находилось. Имъ вдвоемъ было такъ хорошо, третій могъ только испортить ихъ счастье.

Мало по малу Полинька сдѣлалась необходимымъ членомъ тѣснаго кружка Воротынцевской семьи. Марту ужъ отпускали съ нею кататься въ открытыхъ саняхъ, безъ всякихъ другихъ провожатыхъ, кромѣ выѣзднаго лакея на запяткахъ.

Вначалѣ Александръ Васильевичъ спросилъ какъ-то разъ у m-lle Lecage: знаетъ ли она на столько хорошо дѣвицу Ожогину, чтобъ вполнѣ ручаться за нее?

— О! Вѣдь она воспитывалась у графини Зборовской, — отвѣчала француженка. И отвѣтомъ этимъ Александръ Васильевичъ удовлетворился.

Видѣть Полиньку почти каждый день за обѣдомъ вошло у него въ привычку; когда ея не было, ему точно чего-то не доставало, и онъ спрашивалъ у дочери:—Гдѣ же твоя подруга?

Съ удовольствіемъ слушалъ онъ, когда онѣ пѣли вмѣстѣ.

Правда, что нигдѣ Полинька не пѣла такъ чудесно, какъ у Воротынцевыхъ.

Въ ихъ большой залѣ съ хорами былъ такой прекрасный резонансъ, не то что въ маленькихъ, душныхъ и низкихъ комнатахъ полковника Ожогина.

А рояль Вирта, какое наслажденіе на немъ играть!

И сколько нотъ! Все, что угодно, у нихъ есть, а чего нѣтъ, стоитъ только сказать, сейчасъ пошлютъ купить въ магазинъ или выпишутъ изъ-за границы. Тоже и книги, и гравюры, и картины, какое множество всего этого было у нихъ въ домѣ.

А столъ и сервировка! Когда Полинька вспоминала про то, что она пила и ѣла у Воротынцевыхъ, про тяжелое серебро, севрскій фарфоръ и богемскій хрусталь, которыми у нихъ уставлялся столъ, ей противно было дотрогиваться до грубой и неуклюжей посуды, которой она должна была довольствоваться дома.

Полинька сидѣла у окна и шила.

Прическа ея была совсѣмъ готова. Машка, спеціалистка по завиванію волосъ, вывернула изъ бумажекъ, въ которыя онѣ были съ вечера заключены на всю ночь, длинныя пряди, свернутыя колечками, расчесала ихъ и, навивъ на палецъ, ловко спустила акуратными тирбушонами, по семи или восьми штукъ, съ каждой стороны барышнинаго личика. Косу она еще раньше заплела шириной въ двѣ ладони и уложила вокругъ черепаховой гребенки, высоко на макушкѣ, такъ чтобы спереди коса эта напоминала корону.

За прической барышня съ часъ, если не больше, просидѣла передъ небольшимъ веркальцемъ своего скромнаго туалета. Но времени оставалось много, раньше двухъ часовъ за нею отъ Воротынцевыхъ не пришлютъ, а поднималась она всегда съ постели въ шесть. До девяти пѣла вокализы и упражнялась въ гаммахъ; потомъ заперлась въ своей комнатѣ, чтобы повторить итальянскія вокабулы: она училась вмѣстѣ съ Мартой итальянскому языку, и сегодня у нихъ долженъ быть урокъ.

Часу въ двѣнадцатомъ Полинька принялась за свой туалетъ. Но когда пришлось надѣвать платье, оно оказалось незаштопаннымъ.

Это было древнее платье, шелковое, цвѣта gorge de pigeon, передѣланное самой барышней (Полинька отлично умѣла шить) изъ капота ея покойной матери. До знакомства съ Воротынцевыми она дышать боялась на это платье, такъ его берегла, но теперь стала надѣвать его каждый день и, разумѣется, такого безцеремоннаго обращенія почтенная старушка не выдержала и стала разлѣзаться.

— Что это такое? — строго спросила Полинька, указывая на широкую прорѣху, бѣлѣвшуюся на видномъ мѣстѣ.

— Виновата, барышня, всю юбку пересматривала, а этого не примѣтила.

— Пересматривала! Хорошо ты пересматривала,—сердито передразнила ее Полинька.—Дрянь!—прибавила она сквозь зубы, вырывая у нея изъ рукъ злополучное платье.

— Ей-Богу, барышня,—продолжала оправдываться горничная, но на нее прикрикнули еще строже.

— Молчи! Подай мнѣ рабочій ящикъ, я сама починю.

Это оказалось не такъ-то легко: по мѣрѣ того, какъ зашивалась одна дыра, открывалась другая. Отъ ветхости матерія по всѣмъ направленіямъ сѣклась и сдѣлалась мѣстами тонкая, какъ батистъ; при малѣйшемъ неосторожномъ движеніи—бѣда.

«Платье это невозможно дольше носить»,—думала Полинька:—«надо новое сдѣлать и какъ можно скорѣе».

У старика Ожогина были деньги, и его собственныя сбереженія и тѣ, что онъ получалъ за Полиньку отъ Воротынцевыхъ, но онъ подниметъ такой гвалтъ при первомъ намекѣ на необходимость съ ними разстаться, что дочь со дня на день откладывала съ нимъ бесѣду на этотъ счетъ. Но ужъ сегодня она ему непремѣнно скажетъ, что ей нужны деньги. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ въ заштопанномъ платьѣ ѣздить къ такимъ вельможамъ, какъ Воротынцевы. У нихъ горничныя лучше одѣваются, чѣмъ она. Ужъ ей разъ m-lle Lecage замѣтила, чтобъ она больше обращала вниманіе на свой туалетъ, когда къ нимъ пріѣзжаетъ: «Vous savez, mon enfant, les domestiques, c'est une abominable engeance, rien ne leur échappe, absolument rien».

Навѣрное ужъ была рѣчь про ея заштопанное платье въ дѣвичьихъ у Воротынцевыхъ, m-lle Lecage даромъ ничего не скажетъ.

Необходимо также новый салопъ сшить. Бѣличій мѣхъ, крытый коричневымъ драдедамомъ, пожертвованный Полинькѣ ея покойной благодѣтельницей, полупомѣшанной графиней, у которой она воспитывалась (вотъ тоже скряга-то была, упокой Богъ ея душу!), совсѣмъ облѣзъ и сидѣть въ такомъ салопѣ рядомъ съ Мартой въ саняхъ, обитыхъ бархатомъ, или на атласныхъ подушкахъ открытой коляски, было очень совѣстно. Да и башмаки давно ужъ просились въ отставку, носки каждое утро Филатка чернилами замазывалъ.

Рублей двѣсти понадобится на то, чтобъ обновить ея туалетъ, это по меньшей мѣрѣ.

И хотя у нея морозъ подиралъ по кожѣ при мысли о сценѣ, которую ей придется выдержать, чтобъ получить желаемое, тѣмъ не менѣе она повторила себѣ, что надо дѣйствовать.

Какая гадость быть бѣдной!

Она вспомнила, какъ надняхъ г. Воротынцевъ вошелъ въ комнату дочери и, положивъ на письменный столъ свертокъ съ золотыми, небрежно замѣтилъ:

— Это тебѣ на булавки, Марта.

Въ сверткѣ было десять червонцевъ. Марта имъ вовсе не обрадовалась; она преравнодушно переложила ихъ въ свой кошелекъ и, когда отецъ вышелъ, замѣтила, что надо часть этихъ денегъ

послать въ парфюмерный магазинъ, гдѣ она забирала свои косметики, никогда не торгуясь, выбирая то, что ей нравилось, не спрашивая о цѣнѣ и не провѣряя счетовъ. Въ прошломъ году, замѣтивъ, что Полинькѣ нравится запахъ помады, которой она помадилась, Марта подарила ей банку этой помады. Дѣвица Ожогина такъ берегла ее, что добрая половина у нея еще цѣла, тогда какъ у Марты навѣрное болѣе дюжины такихъ банокъ вышло.

Каждый мѣсяцъ Марта заказываетъ себѣ новыя платья. Принесутъ ей изъ магазиновъ цѣлые вороха матерій, она и выберетъ, что ей понравится, а по счетамъ камердинеръ г. Воротынцева, Михаилъ Ивановичъ, расплачивается.

Также француженкѣ модисткѣ за фасонъ, за шляпы, цвѣты, ленты, за все это отецъ ея платитъ.

Какъ только что надоѣла вещь, она ее бросаетъ, часто даже ни разу не надѣвши, и покупаетъ другую. Своимъ горничнымъ и m-lle Lecage Марта даритъ платья, которыя Полинька за счастье почла бы на себя надѣть.

Хорошо быть богатой!

Когда онѣ будутъ жить вмѣстѣ, Полинька просвѣтитъ свою подругу насчетъ многаго и научитъ ее пользоваться благами, такъ щедро отпущенными ей судьбой, между прочимъ, и деньгами...

Занятая думами и работой, она не замѣчала, какъ летѣло время.

Капитанъ Ожогинъ, свершивъ свою обычную прогулку до Невскаго и назадъ пѣшкомъ, вернулся домой. Дойдя до своего дома, онъ, по обыкновенію, постучался палкой въ окно дочери. Это значило, что пора подавать обѣдать, и, услышавъ этотъ стукъ, Полинька всегда хлопала въ ладоши и объявляла прибѣгавшей на ея зовъ дѣвчонкѣ, что папенька вернулся и сейчасъ кушать спроситъ.

Но сегодня она не шелохнулась, услыхавъ стукъ, только сдвинула еще больше свои черныя брови и стиснула еще крѣпче губы.

Заискивать въ людяхъ, которые ей были нужны, она терпѣть не могла, и предпочитала насиловать ихъ волю холодною твердостью и упорствомъ. До сихъ поръ система эта ей удавалась не только съ отцомъ, но и со всѣми, съ кѣмъ сталкивала ее судьба.

По крылечку, выходившему на улицу, раздались шаги, дверь въ прихожую растворилась, и громкій, повелительный голосъ хозяина пронесся по всему дому.

— Фомка, обѣдать! Высушенъ у тебя табакъ, пострѣленокъ? Смотри у меня! Если трубка понамеднишнему будетъ раскуриваться, задамъ я тебѣ знатную порку... Гдѣ Филатка? Бѣги за нимъ... Барышня еще не уѣхала?

Ему отвѣчали, что за барышней еще не пріѣзжали, и вмѣсто того, чтобы подняться по лѣстницѣ къ себѣ въ мезонинъ, онъ повернулъ изъ залы въ гостиную, чтобъ пройти въ комнату дочери.

— Ба, ба, ба! Еще не одѣта? Что-жъ это должно означать?— иронически протянулъ онъ, останавливаясь на порогѣ.

— Платье чиню, все разорвано,—отвѣчала она угрюмо, накидывая на голыя плечи большой платокъ.

И, не давая ему опомниться, она прибавила, не поднимая на него глазъ:

— Надо новое сдѣлать, пожалуйте мнѣ денегъ, будьте такъ добры.

Лицо старика, съ сѣдыми, взъерошенными бровями и жесткими, щетинистыми усами, мгновенно все сморщилось, какъ печеное яблоко.

— Что такое? Денегъ? Давно ли я тебѣ десять рублей далъ?— вскричалъ онъ запальчиво.—Каждый день по десяти рублей тебѣ на тряпки отваливать, не жирно ли будетъ, сударыня?

— Мнѣ надѣть нечего,—повторила она.

— Гдѣ это ты выучилась рублями-то швырять? а?—продолжалъ онъ, не вслушиваясь въ ея возраженія.—Графиня-то не изъ щедрыхъ была, капиталомъ тебя не наградила. Даже тряпья не оставила на память, материнское наслѣдство треплешь, по вельможамъ-то своимъ таскаючись. Говорилъ я тебѣ, Пелагея, что такое знакомство не по насъ и до добра тебя не доведетъ...

Никогда не говорилъ онъ ей ничего подобнаго, но возражать ему и спорить съ нимъ было все равно, что подливать масло въ огонь. Полинька это знала и молча ждала, чтобъ прошла буря.

Однако, когда онъ договорился до такихъ обидныхъ выраженій, какъ: «всякъ сверчокъ знай свой шестокъ, залетѣла ворона въ высокіе хоромы», она не вытерпѣла и, вспыхнувъ до ушей, напомнила ему, что она тоже дворянка и служить посмѣшищемъ Воротынцевской челяди не желаетъ.

— Я лучше совсѣмъ у нихъ не стану бывать, напишу Мареѣ Александровнѣ, что какъ я ея ни люблю...

— Ты-то ее любишь, а она-то могла бы и поласковѣе съ тобой обходиться,—проворчалъ онъ себѣ подъ носъ, но ужъ значительно мягче прежняго.

— Она и такъ ко мнѣ добра и будетъ еще добрѣе, если... если имъ не показывать, что мы въ нихъ нуждаемся,—прибавила она, понижая голосъ. А затѣмъ, помолчавъ немного, она подняла на отца выразительный взглядъ и проговорила:—Какъ это вы не понимаете, папенька, что если я начну носить обноски Мареы Александровны, мнѣ ужъ тогда изъ роли приживалки во всю жизнь не выйдти.

— Сколько же тебѣ нужно?—возразилъ онъ на это отрывисто.

— Мнѣ нужно платье, салопъ, башмаки...

— Те, те, те!—злобно захихикалъ онъ.—Можетъ быть, ужъ кстати и брилліантовый гребень, и колье жемчужное, я видѣлъ сегодня на Невскомъ въ магазинѣ, очень хороши.

Она молча передернула плечами и отвернулась къ окну.

— Ну, что же ты молчишь? Я у тебя спрашиваю, сколько тебѣ дать денегъ, не слышишь что ли?

— Двѣсти рублей, — отвѣчала она, не мѣняя позы.

Онъ съ минуту времени смотрѣлъ на нее выпученными глазами, беззвучно шевеля губами, точно соображая и высчитывая что-то въ умѣ, а затѣмъ крякнулъ, плюнулъ въ сторону и, медленно волоча ноги, побрелъ къ себѣ наверхъ, чтобъ принести ей потребованную сумму; она была въ этомъ вполнѣ увѣрена, старика своего она хорошо знала.

Погода съ утра стояла хорошая; морозецъ градусовъ въ пять безъ вѣтру и съ солнцемъ. Многiе пользовались такимъ яснымъ, погожимъ денькомъ, чтобъ прокатиться, и мимо оконъ Ожогинскаго дома то и дѣло проѣзжали сани и возки, но отъ Воротынцевыхъ ни экипажа, ни посланца до сихъ поръ не являлось.

Странно, однако, что за нею не прiѣзжаютъ. Наканунѣ, разставаясь съ Полинькой, Марта просила ее быть готовой пораньше. Учитель итальянскаго языка долженъ былъ явиться въ три часа, а до него ей хотѣлось разобрать новую оперу, переложенную для фортепьянъ въ четыре руки. Александръ Васильевичъ вечеромъ зайдетъ къ дочери, чтобъ прослушать нѣкоторыя мѣста изъ этой оперы. Обѣдали у Воротынцевыхъ ровно въ четыре часа. а послѣ обѣда заниматься музыкой нельзя было.

Время шло, а за Полинькой все не ѣхали. Она стала терять терпѣнiе. Платье свое вычинила и надѣла. Не взирая на ветхость, оно отлично облегало ея высокую, стройную фигуру. Ни въ одномъ платьѣ у нея не было такой тонкой талiи, какъ въ этомъ.

Да, фигура у нея была замѣчательная, даже Александръ Васильевичъ Воротынцевъ заглядывался на нее. Это доставляло особенное удовольствiе Полинькѣ. Однажды за обѣдомъ, разсказывая про придворныя новости, про присутствiе государя въ маскарадахъ и про то, какъ свободно обращаются съ нимъ маски, онъ прибавилъ, что царь любитъ стройныхъ и высокаго роста женщинъ. При этомъ онъ такъ посмотрѣлъ на Полиньку, что она вспыхнула отъ удовольствiя. «Такихъ, какъ вы», говорилъ взглядъ Воротынцева.

«Царь любитъ такихъ, какъ я», — повторилъ въ ней, точно эхо, внутреннiй голосъ.

И, чтобъ скрыть охватившее ее радостное смущенiе, она отвернулась и отошла въ противоположный конецъ комнаты, но и тутъ она продолжала чувствовать на себѣ взглядъ хозяина дома, и сердце ея сладко замирало отъ сознанiя своего обаянiя. Ужъ если такой знатокъ въ женщинахъ, какъ Воротынцевъ, любуется ею, то насчетъ остальныхъ можно быть покойной, всѣ будутъ у ея ногъ, стоитъ ей только показаться въ свѣтъ...

Въ залѣ накрывали на столъ, гремѣли посудой и серебромъ, шмыгали по коридору. Филатка явился къ ней съ докладомъ, что супъ на столѣ.

— Пожалуйте кушать, папенька ужъ сидятъ за столомъ, приказали васъ просить.

Ей очень не хотѣлось идти, но ослушаться отца было невозможно, особенно послѣ сцены изъ-за денегъ. Онъ, безъ сомнѣнія, вручитъ ей послѣ обѣда потребованную сумму, но ему хочется передъ тѣмъ помучить ее, ужъ безъ того онъ не можетъ.

Она не ошиблась, весь обѣдъ приставалъ онъ къ ней съ насмѣшками, иронизируя на счетъ ея пристрастія къ Воротынцевымъ и ихъ будто бы равнодушія и даже презрѣнія къ ней. Точно нарочно, а, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ нарочно, выбиралъ онъ самыя чувствительныя мѣста въ ея душѣ, чтобъ колоть ее.

— Что, матушка, измѣнили тебѣ твои друзья... Надоѣла ты имъ, другую позабавнѣе да поголосистѣе, вѣрно, нашли... Напрасно только въ шелки да въ бархаты рядилась, въ корсетъ затягивалась да букли завивала. Сняла бы ты всю эту амуницію, да покушала бы со мной на здоровье баранинки съ кашкой... А, можетъ, ужъ отвыкла отъ нашихъ простыхъ блюдъ? Ну, что-жъ, мы другое для тебя закажемъ... Филька, бѣги въ кухню, скажи Микешкѣ, чтобъ сію минуту раздобылъ птичьяго молока, да ананасовъ, бламанже фрикасе сдѣлалъ бы для барышни...

— Полноте, папенька, — умоляюще вымолвила Полинька, указывая глазами на казачка, который не могъ воздержаться, фыркнулъ въ кулакъ.

Капитанъ понялъ, что зашелъ слишкомъ далеко, и смолкъ. Онъ посвоему любилъ дочь и былъ не дурной человѣкъ; его и самого тревожило невниманіе къ ней Воротынцевыхъ, но онъ привыкъ для всѣхъ непріятнымъ образомъ выражать свое неудовольствіе, язвить направо и налѣво, когда былъ не въ духѣ. Люди къ нему близкіе это знали, и это не мѣшало имъ его любить и уважать. Ладила бы съ нимъ и дочь, если-бъ съ ранняго дѣтства не отдана была въ чужой домъ на воспитаніе.

Тамъ, у старой, полупомѣшанной графини, Полинька тоже выдержала ломку не изъ легкихъ, но совсѣмъ въ другомъ родѣ, чѣмъ та, которой она подверглась бы у отца, и на бѣду свою пріобрѣла такіе привычки и вкусы, которымъ почтенный Николай Ивановичъ ужъ никоимъ образомъ не могъ сочувствовать.

Передъ концомъ обѣда, когда Ожогинъ доѣдалъ кисель, а Ѳомка ужъ готовилъ трубку, чтобъ подать ее тотчасъ, какъ баринъ спроситъ, подъ окнами раздался лошадиный топотъ и стукнула входная дверь.

— Ну, ступай, ступай, одѣвайся, за тобой пріѣхали, — посмѣиваясь сказалъ Ожогинъ, — дождалась таки. Раньше-то, поди чай,

поважнѣе гостей принимали, ну, а ужъ теперь, подъ вечеръ, и про тебя вспомнили...

— Постойте, папенька, это m-lle Lecage,— съ раздраженіемъ прервала его дочь.

Она выбѣжала въ прихожую, гдѣ француженка снимала безчисленные платки и платочки, которыми была окутана.

При первомъ взглядѣ на нее Полинька замѣтила, что она чѣмъ-то чрезвычайно разстроена. Она забыла нарумяниться; ея дряблыя, блѣдныя щеки повисли, нижняя челюсть такъ тряслась, что слова выговаривались съ трудомъ, крашеныя кудерки на лбу распустились, и противъ морщинъ мелкими нитями, перерѣзывавшихъ его, не было принято никакихъ мѣръ предосторожности: онѣ выступали во всемъ своемъ безобразіи и старили свою обладательницу лѣтъ на двадцать.

Едва только увидала она Полиньку, какъ рѣчь ея полилась неудержимымъ потокомъ.

Воротынцевы поступили съ нею самымъ низкимъ образомъ, comme de vrais cochons russes, выгнали ее изъ дому. Если Ожогины не дадутъ ей пристанища на эту ночь, она не будетъ знать, гдѣ ей голову преклонить.

— Oui, ils m'ont mis à la porte,—повторяла она.— Александръ Васильевичъ получилъ сегодня утромъ какое-то извѣстіе, которое такъ его разстроило, что онъ самъ себя не помнитъ. Сейчасъ къ нему пріѣзжалъ его родственникъ, г. Ратморцевъ, и, должно быть, по очень важному дѣлу, потому что они въ ссорѣ и никогда другъ у друга не бываютъ; г. Воротынцевъ его не принялъ...

Изліянія свои, начатыя въ прихожей, m-lle Lecage продолжала въ гостинной, куда поспѣшила провести ее Полинька. Туда же перебрался и Николай Ивановичъ съ своей трубкой.

— Нѣтъ, нѣтъ, я къ нимъ больше не вернусь, ни за что! Довольно натерпѣлась я и скуки, и страху въ этомъ домѣ за послѣднее время. Вещи мои я приказала привезти къ вамъ, мои добрые друзья, въ полной увѣренности, что въ гостепріимствѣ вы мнѣ не откажете...

— Спроси ты у нея, изъ чего у нихъ сыръ боръ загорѣлся,— обратился Ожогинъ къ дочери.—Налопотала съ три короба, а ничего не поймешь,—прибавилъ онъ угрюмо.— Пусть съ самаго начала и по порядку разскажетъ.

Полинька перевела желаніе отца гостьѣ, и она объяснила слѣдующее.

Утромъ все было прекрасно. Какъ всегда, madame поѣхала въ церковь (она съ нѣкоторыхъ поръ стала каждый день ѣздить въ церковь). M-lle Marthe кушала чай съ отцомъ и съ ml-le Lecage. Онъ былъ, правда, молчаливъ и серьезенъ, но особеннаго разстройства въ немъ еще не было замѣтно, какъ вдругъ явился камерди-

неръ и доложилъ ему что-то такъ тихо, что m-lle Lecage не разслышала, но она видѣла, что monsieur измѣнился въ лицѣ и, не допивъ чая, торопливо вышелъ изъ столовой. M-lle Marthe тоже ушла къ себѣ и принялась за пѣніе. Прошло съ часъ времени. M-lle Lecage не сидѣлось на мѣстѣ, рулады m-lle Marthe нагнали на нее тоску; она не могла ни читать, ни работать и, вспомнивъ, что не дѣлала моціона послѣ завтрака, сошла внизъ. Моціонъ необходимъ для пищеваренія, ей это лучшіе доктора говорили...

— Да, да, мы это знаемъ, что же дальше?—прервала ее Полинька, внѣ себя отъ нетерпѣнія.

Дальше вотъ что случилось: бродя по дому и по своему обыкновенію заглядывая всюду, куда можно было заглянуть, m-lle Lecage увидѣла Михаила Ивановича, прохаживавшагося взадъ и впередъ по коридору передъ дверью въ кабинетъ, и заключила изъ этого, что у monsieur конференція, либо съ его homme d'affaire, либо съ Malache. M-lle Lecage вернулась въ залу и, чтобъ разсѣяться, подошла къ одному изъ оконъ и стала смотрѣть на улицу. Проѣзжало множество экипажей, и вдругъ одна карета остановилась у воротъ. Ливрейный лакей соскочилъ съ запятокъ и подошелъ къ дверцѣ, но не растворилъ ея, а только принялъ черезъ окно отъ сидѣвшаго въ каретѣ господина визитную карточку, съ которой онъ вошелъ во дворъ и поднялся по парадной лѣстницѣ. Появленіе этого лакея съ карточкой произвело у нихъ въ домѣ большой переполохъ; поднялась бѣготня, вызвали Михаила Ивановича изъ коридора, онъ взялъ карточку, положилъ ее на серебряный подносъ и особенно торжественной походкой направился въ кабинетъ. Долго онъ оттуда не возвращался. акей Лдожидавшагося въ каретѣ у воротъ господина стоялъ среди прихожей, съ серьезнымъ видомъ человѣка, сознающаго важность своей миссіи. Никто съ нимъ не заговаривалъ. Наконецъ, раздались шаги возвращавшагося изъ кабинета Михаила Ивановича, и всѣ головы обернулись въ его сторону.

Михаилъ Ивановичъ шелъ, потупившись и сдвинувъ брови.

— Передайте Сергѣю Владиміровичу, что Александръ Васильевичъ извиняются, они нездоровы и принять ихъ не могутъ,—проговорилъ онъ, не во весь голосъ, но, тѣмъ не менѣе, на столько громко, что m-lle Lecage какъ нельзя лучше разслышала эти слова.

А когда она обернулась, передъ нею стоялъ самъ Александръ Васильевичъ, блѣдный, съ дрожащими губами. И вотъ тутъ-то произошла между ними стычка.

— Je ne veux pas d'espions dans ma maison, mademoiselle,— сказалъ запальчиво Воротынцевъ.

— C'est un congé, monsieur?—спросила она.

Онъ отвѣчалъ утвердительно и прошелъ къ m-lle Marthe, которая оказалась такой же неблагодарной и безсердечной, какъ и ея отецъ. Однимъ словомъ вернуться къ Воротынцевымъ m-lle Le-

cage ужъ не хочетъ и, по правдѣ сказать, хотя ее и разстроило это приключеніе, но она рада, что представилась возможность покинуть этотъ домъ.

— Въ немъ происходитъ что-то страшное и таинственное, — продолжала она, понижая голосъ,—я ни минуты не могла спокойно спать послѣднее время. Каждую ночь грезились мнѣ жандармы, обыски, пытки, Сибирь...

— Папенька,—сказала Полинька, поднимаясь съ мѣста и подходя къ отцу,—позвольте мнѣ съѣздить къ Мареѣ Александровнѣ.

Не отнимая трубки отъ рта и продолжая смотрѣть сердито на француженку, капитанъ Ожогинъ одобрительно кивнулъ дочери, а когда она вышла изъ комнаты, онъ закричалъ ей вслѣдъ, чтобъ она взяла съ собой Филатку.

— Куда это хочетъ ѣхать m-lle Pauline?— спросила m-lle Lecage, озадаченная переговорами отца съ дочерью и уходомъ этой послѣдней.

Но отъ отвѣта на этотъ вопросъ старикъ уклонился.

— Ничего, разсказывайте дальше,—сказалъ онъ.

И, позвавъ казачка, приказалъ набить ему другую трубку.

XVI.

Вернувшись домой, Сергѣй Владиміровичъ прошелъ въ кабинетъ и, не снимая съ себя вицмундира, присѣлъ къ письменному столу и написалъ письмо, которое приказалъ немедленно отнести Александру Васильевичу Воротынцеву, а въ ожиданіи отвѣта онъ въ глубокой задумчивости сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Два раза Людмила Николаевна, волновавшаяся не меньше мужа, подходила къ маленькой двери, продѣланной между шкапами и замаскированной зеркаломъ, растворяла ее и затуманенными отъ слезъ глазами глядѣла на мужа. Онъ былъ такъ озабоченъ, что не замѣчалъ ея присутствія. У него не было потребности дѣлиться съ нею мыслями и, тихо притворивъ за собою дверь, она съ ноющимъ сердцемъ возвращалась къ себѣ.

Посланный вернулся скорѣе, чѣмъ можно было ожидать. Не прошло и часу, какъ Сергѣй Владиміровичъ держалъ въ рукѣ большой конвертъ, запечатанный гербовою печатью Воротынцевыхъ, съ надписью, начертанной крупнымъ и твердымъ почеркомъ.

Давно не видѣлъ Ратморцевъ этого знакомаго и нѣкогда дорогаго ему почерка. Цѣлыхъ двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ, живя въ одномъ городѣ и часто встрѣчаясь въ обществѣ, они притворялись вполнѣ равнодушными другъ къ другу.

Притворство со стороны Ратморцева несомнѣнное. Ни разу еще не обошлась такая встрѣча безъ того, чтобъ у него сердце не сжалось тоской и чтобъ онъ не всматривался украдкой и съ безотчет-

нымъ чувствомъ нѣжнаго участія въ лицо Александра Васильевича, подмѣчая перемѣны, происшедшія въ немъ отъ времени и тайныхъ мукъ и заботъ.

Обдумывая сдѣланный имъ первый шагъ, если не къ примиренію, то, по крайней мѣрѣ, къ сближенію съ этимъ человѣкомъ, Сергѣй Владиміровичъ не могъ не сознаться, что ни великодушія, ни христіанскаго смиренія съ его стороны въ этомъ поступкѣ нѣтъ, а есть только, всегда съ болью душевной подавленное, желаніе повидаться лицомъ къ лицу съ Воротынцевымъ и высказать ему все, что у него на душѣ противъ него.

Всегда жаждалъ онъ удобнаго случая, чтобы удовлетворить это желаніе, и примириться не могъ съ мыслью, что онъ можетъ не представиться во всю ихъ жизнь на землѣ. Ему казалось, что если Воротынцевъ умретъ раньше его, то къ разнообразнымъ чувствамъ, которыми будетъ полна его душа, когда онъ будетъ стоять передъ его открытымъ гробомъ, будетъ примѣшиваться горечь раскаянія и сознаніе, что онъ не исполнилъ вполнѣ своего долга относительно его.

Вотъ почему Сергѣй Владиміровичъ такъ поспѣшно и страстно ухватился за первую возможность доказать недругу свою преданность. Моментъ былъ выбранъ удачно. Положеніе Воротынцева, по мнѣнію Ратморцева, было такъ ужасно, что, зная его такъ, какъ онъ его зналъ, его гордость, самомнѣніе, презрѣніе къ людямъ, трудно было даже и представить себѣ что нибудь для него ужаснѣе этого. Друзей у него нѣтъ. Нѣтъ также такой подруги жизни въ лицѣ жены, какая была у Ратморцева. Дочь онъ, можетъ быть, и любитъ, но несчастье, обрушившееся на него, такого рода, что ему невозможно говорить о немъ съ дочерью.

Что въ первую минуту удивленія и недоумѣнія онъ его не принялъ, это не удивило Ратморцева. Вѣдь цѣль этого посѣщенія была ему неизвѣстна. Люди склонны судить о ближнихъ по себѣ; очень можетъ быть, что, чувствуя себя подавленнымъ несчастіемъ, Воротынцевъ могъ подумать, что тотъ, котораго онъ считалъ своимъ врагомъ, пріѣхалъ надъ нимъ глумиться.

Но подозрѣніе это должно было теперь разсѣяться; въ письмѣ своемъ Ратморцевъ ясно излагалъ причину своего посѣщенія.

«Я видѣлъ сегодня твоего сына. Онъ проситъ моей поддержки. Я могу оказать ее только въ такомъ случаѣ, если ты откажешь ему въ ней. Твой братъ С. Ратморцевъ.

«P. S. Мнѣ кажется, что исходъ этой печальной исторіи зависитъ отъ тебя. Слѣдствіе еще не кончено, а прошеніе на высочайшее имя можетъ и не быть подано, если ты этого не захочешь».

Все время, ѣдучи къ Воротынцеву, дожидаясь тамъ и возвращаясь назадъ, Сергѣй Владиміровичъ сочинялъ мысленно это письмо, а также подпись его и postscriptum, тщательно очищая его отъ всякаго выраженія, могущаго показаться обиднымъ для Але-

ксандра Васильевича или возбудить въ немъ подозрѣніе въ недоброжелательности писавшаго его.

И отчасти цѣль эта была достигнута. Воротынцевъ его понялъ и, кажется, былъ ему благодаренъ за попытку сближенія съ нимъ именно въ такую минуту, когда всѣ должны были отъ него отвернуться. Но протянутую ему руку онъ, тѣмъ не менѣе, оттолкнулъ отъ себя и всякую попытку на вмѣшательство въ его дѣла отстранилъ.

«Дѣлай, какъ хочешь» (сначала было написано «дѣлайте», но затѣмъ двѣ послѣднія буквы были вычеркнуты). Мнѣ все равно. Не принялъ тебя потому, что говорить намъ другъ съ другомъ не объ чемъ. Поздно. Твой братъ Александръ».

Долго сидѣлъ въ тяжеломъ раздумьѣ Сергѣй Владиміровичъ, облокотившись надъ полученнымъ письмомъ, и когда, наконецъ, онъ поднялъ опущенную на руки голову, въ глазахъ его стояли слезы.

Воротынцевъ былъ еще живъ, но его ужъ оплакивали, какъ покойника, съ тѣмъ чувствомъ всепрощенія и любви, съ которымъ каждый истинный христіанинъ взираетъ на бездыханное тѣло врага.

Весь день Сергѣй Владиміровичъ почти не видѣлся съ семействомъ и избѣгалъ не только оставаться наединѣ съ женой, но даже и встрѣчаться съ нею взглядомъ. За обѣдомъ онъ разговаривалъ съ дѣтьми и съ мьсё Vaillant; газету, которую онъ имѣлъ обыкновеніе просматривать, вставши изъ-за стола, за чашкой кофе въ гостинной, онъ унесъ въ кабинетъ, куда никто не позволилъ себѣ за нимъ послѣдовать, а вечеръ провелъ частью въ комитетѣ, а частью въ клубѣ. Только поздно ночью, отправившись въ спальню, приступилъ онъ къ объясненіямъ по поводу Воротынцевскаго дѣла.

Что Александръ Васильевичъ не захотѣлъ принять ея мужа, Людмила Николаевна не могла не знать, во всѣхъ углахъ дома толковали шепотомъ объ этомъ происшествіи. Свидѣтелями неудачнаго визита былъ и кучеръ, возившій его туда, и выѣздной Митька, относившій карточку барина.

— Очинно тамъ переполошились, — разсказывалъ Митька собравшимся вокругъ него лакеямъ и казачкамъ въ буфетной, послѣ господскаго обѣда.

— Еще бы не переполошиться,—замѣтилъ Захаръ Ивановичъ.— На словахъ ты, чай, о баринѣ-то нашемъ доложилъ?

— Какъ вы приказывали, на словахъ: его превосходительство Сергѣй Владиміровичъ Ратморцевъ желаютъ, говорю, г. Воротынцева видѣть. Ну, тутъ и поднялась кутерьма. За камардиномъ побѣжали...

— Это за Михаиломъ значитъ, — степенно подсказалъ Захаръ.

— А тутъ старушка такая древняя изъ колидора выползла и тоже на меня уставилась.

— Въ чепцѣ? Сухопарая?

— Нѣтъ, платкомъ повязана.

— Ну, это Марина Савишна, ихней барыни Марьи Леонтьевны старшая горничная,—рѣшилъ старикъ.

— И что-жъ Михайло-то?

— Да что, Захаръ Иванычъ, испужался и онъ тоже, какъ и всѣ. Какъ отлепортовалъ я ему про барина, въ лицѣ ажно измѣнился, глаза этта выпучилъ, губы побѣлѣли. Протянулъ руку за карточкой, а рука-то дрожитъ.

— Ишь ты! Понялъ значитъ, что баринъ нашъ попусту безпокоить бы себя не сталъ къ нимъ ѣздить, — процѣдилъ сквозь зубы Захаръ.—Ему, этому самому Михайлѣ, все извѣстно,—обратился онъ къ буфетчику, человѣку среднихъ лѣтъ, съ благообразной, внушительной физіономіей, изъ крѣпостныхъ родителя барыни.

— Онъ при Александрѣ Васильевичѣ съ самой младости состоитъ. Его въ камардины еще покойный Алексѣй Потапычъ опредѣлилъ. А супруга его—Маланья изъ Воротыновки, и намъ весь ейный родъ отлично даже извѣстенъ...

— Захаръ Иванычъ, я и забылъ совсѣмъ, вѣдь я ее сегодня видѣлъ, эфту самую Маланью Тимоѳеевну!—вскричалъ Митька.

— Ну?!

— Ей-Богу! Провалиться мнѣ на семъ мѣстѣ, если вру!—забожился Митька.—Бѣгу этта я съ отвѣтомъ-то по двору и вижу, съ задняго крыльца эта самая Маланья слѣзаетъ, а съ нею мужъ ейный. Я ее сейчасъ же призналъ.

— Худая такая, высокая, черноглазая?

— Да, да, она, я вамъ говорю. Мнѣ на нее намеднись за ранней обѣдней наша Фіона указала: вотъ, говоритъ, Воротынцевская Малашка, камардина ихняго барина супруга, купчихой, говоритъ, таперича живетъ, а дочка у нея барышня и сынъ тоже баринъ, чинъ на себѣ будетъ имѣть, какъ ученье кончитъ.

— Такъ, такъ. А только Малашкѣ эфтой самой ходу прежде въ домъ не было, ну, а таперича баринъ самъ, говоритъ, за нею посылаетъ.

Сергѣй Владиміровичъ принесъ показать женѣ копію со своего письма къ Воротынцеву, а также и отвѣтъ этого послѣдняго.

Пока она читала и то и другое, онъ съ тревогой смотрѣлъ на нее, готовясь къ непріятнымъ возраженіямъ, но при первыхъ же ея словахъ понялъ, что препятствовать ему она не будетъ, и успокоился.

— Надо заняться этимъ юношей,—сказала она.—У него будетъ хорошее имя, большое состояніе... Ты съ нимъ говорилъ? Что это за личность? Какое впечатлѣніе онъ производитъ?

— Я не столько съ нимъ говорилъ, сколько съ Бутягинымъ. Его мнѣ не хотѣлось затруднять для перваго знакомства разспросами, ужъ онъ и безъ того былъ такъ смущенъ, что не зналъ, куда глаза дѣвать. Онъ грамотный. Выучился читать и писать почти самоучкой... Но, послушай, милуша, если тебѣ непріятно съ нимъ возиться, его можно помѣстить...

Она съ раздраженіемъ прервала его.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты обо мнѣ не думай, пожалуйста, дѣло вовсе не въ томъ, что мнѣ пріятно и что непріятно, мы должны сдѣлать для него все, что можемъ...

— И я то же самое думаю.

— Ну, да, да, я знаю,—продолжала она съ живостью.—Вѣдь дѣло его можетъ продлиться долго еще, можетъ быть, нѣсколько лѣтъ, и разъ ужъ онъ все знаетъ и его сюда привезли, онъ долженъ жить у насъ, нигдѣ больше.

— Это была моя мысль, но я боялся тебѣ это сказать...

— Напрасно, напрасно! Я могу хотѣть только то, что ты хочешь... Такъ ты говоришь, что онъ ужъ умѣетъ читать и писать?... Это хорошо. Надо поручить его мсьё Vaillant... я ужъ говорила съ нимъ, онъ согласенъ.

— Ты ужъ говорила съ Вальяномъ? Но когда же ты успѣла?—вскричалъ въ изумленіи Сергѣй Владиміровичъ.

— Сегодня, послѣ обѣда, когда дѣвочки брали урокъ музыки. Вѣдь я же знала, для чего ты поѣхалъ къ Воротынцеву и на что ты долженъ былъ рѣшиться въ случаѣ, если онъ не захочетъ послѣдовать твоимъ совѣтамъ, а онъ даже не принялъ тебя, и вотъ тутъ прямо пишетъ, чтобъ ты поступалъ, какъ ты хочешь,—сказала она указывая на письмо Александра Васильевича,—стало быть...

Мужъ съ сверкающими восторгомъ и любовью глазами ее обнялъ.

— О, моя дорогая! Какое счастье, что мы такъ хорошо понимаемъ другъ друга!

Она поцѣловала его и тихо освободилась изъ его объятій.

— Постой, дай договорить. Vaillant согласенъ заняться воспитаніемъ этого молодаго человѣка.

— Милый старикъ!

— Да, онъ насъ очень любитъ и на все готовъ для насъ. И къ тому же, ты знаешь, какой онъ восторженный и какъ страстно за все берется. Если-бъ ты слышалъ, съ какою экзальтаціей онъ толковалъ со мною о томъ, que le jeune homme doit être à la hauteur de sa position, когда ему вернутъ имя и состояніе!

— Если онъ привьетъ ему вкусъ къ наукамъ и къ искусствамъ и желаніе учиться, ужъ и это будетъ много,—замѣтилъ Ратморцевъ.

— Да, да, и я тоже думаю,—поспѣшила согласиться Людмила Николаевна.—Надо, чтобъ онъ у насъ жилъ, не правда ли?

— Если ты находишь это необходимымъ?

— Да какъ же иначе? Вѣдь мы отдадимъ его на попеченіе Вальяна, а Вальянъ еще нуженъ дѣвочкамъ. Мы вотъ какъ рѣшили: надо поселить его съ нашимъ старичкомъ во флигелѣ, свободное отъ уроковъ время онъ будетъ проводить въ домѣ, у дѣтей. Обѣдать онъ будетъ съ нами, когда никого нѣтъ, а когда гости— въ дѣтской. Мы не будемъ скрывать, что принимаемъ въ немъ участіе, но и хвастаться этимъ передъ посторонними не ловко...

— Конечно, конечно.

— Къ тому же, первое время, пока мы его не отполируемъ... вѣдь онъ совсѣмъ мужикъ! Манеры у него ужасныя, да?

Не безъ страха ждала она отвѣта на эти вопросы.

— Нѣтъ, душенька, ты ошибаешься, ни мужицкаго, ни лакейскаго въ немъ ничего нѣтъ... но онъ и на барина не похожъ,—вымолвилъ Сергѣй Владиміровичъ, вызывая въ памяти образъ незнакомца, который долженъ былъ играть такую роковую роль въ ихъ жизни.

— На что же онъ похожъ?—съ досадой спросила Людмила Николаевна.

— Какъ тебѣ сказать... такія фигуры встрѣчаются въ монастыряхъ, между послушниками. Да вотъ ты сама увидишь, я не знаю, какъ тебѣ объяснить.

— Симпатичный онъ?

— Чрезвычайно,—не задумываясь отвѣчалъ Сергѣй Владиміровичъ.

У нея вырвался вздохъ облегченія.

— Ну, слава Богу! Можно, значитъ, надѣяться, что у него и характеръ хорошій?

— Характеръ? Да у него, я думаю, никакого еще нѣтъ характера, онъ во многихъ отношеніяхъ совсѣмъ еще ребенокъ долженъ быть.

— Тѣмъ лучше,

— Бутягинъ говоритъ, что тѣ люди, у которыхъ онъ жилъ, очень его хвалятъ.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше,—повторяла она порывисто, вся блѣдная и трепещущая отъ усилій подавить смятеніе, наполнявшее ей душу.

Н. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Д. М. ПОГОДИНА [1].

I.

Нѣсколько словъ о моемъ отцѣ.

Съ РАННИХЪ дѣтскихъ лѣтъ я сталъ соприкасаться съ литературными знаменитостями; разумѣется, какъ ребенокъ, я не придавалъ особой важности этимъ встрѣчамъ, не старался уловить подробности ихъ и теперь припоминаю ихъ, какъ бы въ туманѣ. Въ разсказѣ своемъ я не буду пускаться въ критическія обсужденія лицъ или обстоятельствъ описываемаго времени; я постараюсь передать въ моихъ воспоминаніяхъ лишь нѣсколько чертъ для обрисовки характеровъ, два, три обстоятельства, до сихъ поръ неизвѣстныя и касающіяся замѣчательныхъ людей.

Отецъ мой, коренной столбъ московскаго кружка славянофиловъ, одинъ изъ первыхъ ознакомившійся и сблизившійся съ славянами во время частыхъ своихъ поѣздокъ за границу, предпринимавшихся большею частію съ этою цѣлью, завязалъ съ ними прочныя сношенія и крѣпкія связи. Этой идеи онъ служилъ

---

[1]) Дмитрій Михайловичъ Погодинъ, сынъ извѣстнаго профессора историка М. П. Погодина, началъ писать свои воспоминанія, которыя, безъ сомнѣнія, были бы весьма интересны; но, къ сожалѣнію, постигшая его продолжительная болѣзнь и затѣмъ кончина лишили его возможности исполнить свое намѣреніе. Въ бумагахъ его уцѣлѣло начало этихъ воспоминаній, которое и передано въ редакцію «Историческаго Вѣстника» вдовой Д. М., Елизаветой Ивановной Погодиной. Считаемъ долгомъ выразить ей нашу благодарность за сообщеніе рукописи, въ которой, между прочимъ, заключаются любопытныя и новыя свѣдѣнія о Гоголѣ.

беззавѣтно и словомъ и дѣломъ, посылалъ въ славянскія земли и книги и деньги, когда это требовалось; такъ, между прочимъ, помогъ онъ Шафарику въ окончаніи изданія его «Славянскихъ древностей». Работалъ онъ неутомимо, велъ постоянно огромную переписку со всѣми выдающимися лицами, розыскивая и объединяя славянскихъ дѣятелей, какъ краснорѣчиво объ этомъ свидѣтельствуютъ сами славяне въ многочисленныхъ адресахъ своихъ, прочитанныхъ въ день пятидесятилѣтняго юбилея отца моего. Позволяю себѣ привести содержаніе одного изъ нихъ, а именно отъ чешскаго общества, такъ какъ, вѣроятно, не всѣ его читали.

«Знаменитый мужъ! Впродолженіе многихъ вѣковъ пусто и мертво было въ мірѣ славянскомъ; не было тамъ ни общественнаго самосознанія, ни любви, ни жизни.

«Въ началѣ же нынѣшняго столѣтія, когда геній славянства снова пробудился, дабы, подобно солнцу, въ одно и то же время освѣтить и разогрѣть разбросанные члены (disjecta membra) своего исполинскаго тѣла, тогда и **ты** былъ тамъ между его избранниками, тогда и **ты** вмѣстѣ съ нашими **Коларами** и **Шафариками** находился въ числѣ немногихъ избранныхъ имъ апостоловъ для провозглашенія славянской взаимности. Цѣлыхъ полстолѣтія поучалъ **ты**, **пробуждалъ дремавшихъ, просвѣщалъ невѣдающихъ**.

«Сколько славныхъ питомцевъ возростилъ ты славянству, какъ далеко ученики твои распространили твои наставленія, какъ много пріобрѣли они новыхъ послѣдователей и апостоловъ!

«Кто можетъ измѣрить, какъ далеко пролило свѣтъ свой священное пламя возвышенной идеи, сколько новыхъ свѣтилъ, сообщая себя, пробудило оно къ жизни?

«Одно намъ вѣдомо, что **идея взаимности** преимущественно **твоими трудами разрослась по широкой Руси**, что она благотворно подѣйствовала на всю духовную жизнь великаго народа, и что по мѣрѣ обычнаго движенія впередъ къ просвѣщенію и народному сознанію она будетъ дѣйствовать все шире, все могущественнѣе, нося въ себѣ начатки міровыхъ событій.

«По истинѣ великій народъ, хотя бы вопреки своимъ частнымъ интересамъ и административнымъ преданіямъ, всегда будетъ властелиномъ судебъ своихъ; по истинѣ невозможно, чтобы народъ дозрѣлый руководствовался какими либо иными, а не тѣми идеями, которыя въ немъ живутъ и въ немъ дѣйствуютъ.

«Уже не долго то время, когда славянскій народъ, младшій изъ сыновъ Кавказскаго племени, воспрянетъ въ полномъ сознаніи своей силы и своего единства, какъ передовой дѣятель на поприщѣ человѣчности, и никогда, какъ гонитель дѣла цивилизаціи, никогда, какъ притѣснитель иныхъ, а напротивъ, какъ провозвѣстникъ правъ человѣческихъ, общихъ для всѣхъ равноправности и всегдашняго мира. Когда же идея славянской взаимности совершитъ свое теченіе, и историки станутъ повѣствовать нашимъ потомкамъ о возращенныхъ ею добрыхъ плодахъ, то не найдется тогда **ни одного** между ними, который бы не припомнилъ съ благодарностью, что изъ **первыхъ** славянъ между русскими былъ **Погодинъ**.

«Примите, знаменитый мужъ, сердечное поздравленіе отъ Чехіи, этого передоваго стража славянства, отъ вѣрныхъ друзей и сотрудниковъ вашихъ, ко-

торые, работая у себя на отечественной почвѣ, въ то же время никогда не забываютъ держаться вѣрною рукой за тотъ священный кругъ взаимности, въ которомъ заключено общее для всѣхъ насъ спасеніе и какъ бы чудодѣйственная охрана отъ захвата чужеземцами. Прага. 30-го декабря 1871 года. Францъ Палацкій, предсѣдатель. Докторъ Фр. Владиславъ Ригеръ, помощникъ предсѣдателя Вацлавъ Зеленый, секретарь. Докторъ правъ Іосифъ Станиславъ Враxенскій, членъ правленія. Профессоръ Янъ Крейчи. Докторъ Фр. А. Праунеръ. В. В. Томокъ. А. Я. Вртятко. Фр. Фачекъ. Докторъ Іосифъ Емлеръ. Докторъ Студничка. Іосифъ Гулешъ Гауке».

Кстати привести здѣсь и еще одинъ отзывъ, вполнѣ характеризующій отца, отзывъ человѣка хорошо его знавшаго: Н. П. Гилярова-Платонова (редактора «Современныхъ Извѣстій»), высказанный имъ въ тотъ же день юбилея отца моего.

«Позвольте мнѣ напомнить объ одной преобладающей чертѣ въ жизни М. П.,—чертѣ не ученаго только, но гражданина и человѣка.

«Хорошіе люди должны крѣпко держаться другъ за друга». Кому изъ знакомыхъ М. П. не извѣстенъ этотъ его девизъ? Кому не высказывалъ онъ его въ видѣ правила напутственнаго и увѣщательнаго? Но онъ не только высказывалъ свое гражданское правило,—онъ ему слѣдовалъ всю жизнь. Замѣчательное дарованіе, честный трудъ, въ области ученой, литературной, художественной, государственной, промышленной, въ простомъ быту, — всякій кто сдѣлалъ, или обѣщаетъ что нибудь для чести отечества, дальнѣйшаго въ наукѣ и для успѣха общественнаго, заранѣе имѣетъ за себя въ М. П. крѣпчайшаго стоятеля. Всякій подвигъ отъ него перваго услышитъ горячее привѣтствіе. На это, впрочемъ, еще много охотниковъ. Но безпріютному окажетъ кровъ, начинающему окажетъ содѣйствіе, бѣдному устроитъ судьбу его и его семейства. Предприметъ не легкій и не всегда благодарный трудъ ходатайства. Воспользуется каждымъ случаемъ, чтобы вывести въ извѣстность человѣка, котораго находитъ замѣчательнымъ. Не зная лично, поищетъ знакомства, нужды нѣтъ, стара или молода замѣчательность, и гдѣ ея положеніе на общественной лѣстницѣ, высоко или низко; нарочно свернетъ съ дороги въ путешествіи, чтобы побывать и познакомиться. Правилу не измѣняется, не смотря на противоположность литературнаго стана, даже иногда и на личную непріязнь.

«Примѣровъ приводить не стану. Каждый изъ знакомыхъ М. П. самъ наберетъ многое въ своей памяти, но передамъ случай, въ свое время меня глубоко поразившій. Вскорѣ послѣ Крымской войны передалъ я М. П. содержаніе патріотической рукописи, бывшей у меня на рукахъ. Авторъ былъ новый, съ именемъ, ни мнѣ, ни ему неизвѣстнымъ. Вдругъ среди серьезнѣйшаго политическаго разговора слышу восклицаніе М. П—вича. «Чему же вы радуетесь?»—спросилъ я.—«Да какъ же, человѣкъ на свѣтъ родился», — отвѣтилъ онъ съ выраженіемъ, котораго никогда не забуду.

«Господствующее правило самому М. П—чу скорѣе вредило, нежели помогало. Тѣмъ позволительнѣе вспомнить о немъ въ настоящій юбилей, потому что правило то хорошее. Представимъ себѣ, чѣмъ была бы Россія, или лучше—чѣмъ бы она не была, если бы въ самомъ дѣлѣ всѣ гражданскіе хорошіе люди не смотрѣли на пересѣченіе личныхъ интересовъ и одностороннихъ направленій, крѣпко держались за себя взаимно, и только за себя, какъ желалъ и по мѣрѣ силъ исполнилъ почтенный юбиляръ?»

Отцу же принадлежитъ и мысль объ устройствѣ перваго славянскаго съѣзда въ Москвѣ въ 1867 году. Отецъ, какъ истый русскій-москвичъ, устроилъ вмѣстѣ съ своимъ дружескимъ кружкомъ, у себя въ саду на Дѣвичьемъ полѣ, обѣдъ въ честь славянскихъ гостей. Этотъ многознаменательный привѣтъ Москвы памятенъ славянамъ. Къ сожалѣнію, я не могъ присутствовать на немъ по своимъ служебнымъ дѣламъ.

Отецъ мой рано овдовѣлъ и по странной привычкѣ,—не знаю, какъ это назвать иначе,—бралъ меня съ собою всюду, разумѣется, куда только можно было. Какъ въ туманѣ, помню я антресоли Хомяковскаго дома на Собачьей площадкѣ, страшный шумъ и гамъ голосовъ, голубоватый огонекъ въ большой, бѣлой мискѣ, и чрезвычайно симпатичнаго человѣка, съ дѣтски красивымъ лицемъ и съ постоянно открытымъ воротомъ рубашки, сидѣвшаго на диванѣ и помѣшивавшаго ложкой въ дымящей мискѣ: то былъ извѣстный поэтъ, дерптскій студентъ, Н. М. Языковъ. Онъ варилъ введенную имъ жженку; голубоватый огонекъ лизалъ сахаръ, я чувствовалъ какую-то пріятную истому и мирно засыпалъ. Н. М. Языковъ, если не ошибаюсь, только что отпечаталъ тогда отдѣльной книжкой свое стихотвореніе «Отрокъ Вячко». Помню, что онъ подарилъ мнѣ эту зелененькую книжечку съ надписью; но во время моей скитальческой жизни она утратилась. Подъ рокотъ голосовъ я просыпался; помню, что чаще другихъ будилъ меня своимъ всегда непомѣрно зычнымъ голосомъ плотный господинъ въ коричневомъ сюртукѣ, Константинъ Аксаковъ, съ жаромъ всегда что-то доказывавшій. На другой день у меня, понятно, болѣла голова, меня ломило, но уже подъ вечеръ (отецъ по утрамъ бывалъ въ университетѣ) я съ нетерпѣніемъ поджидалъ той минуты, когда нашему престарѣлому слугѣ будетъ отданъ приказъ закладывать лошадь; куда нибудь да поѣдемъ, все веселѣе чѣмъ дома, да и прокатишься...

Помню я и хозяина дома, въ которомъ жилъ Н. М. Языковъ,—Алексѣя Степановича Хомякова, небольшаго роста, горбатаго, съ горящими какъ уголь глазами и жиденькой бородкой; мнѣ припоминается, что тогда очень много толковали о бородахъ, что ихъ нельзя было носить, и потому мнѣ врѣзались въ память слова К. Аксакова, указывавшаго пальцемъ на маститаго старца съ бѣлоснѣжною бородою и зеленымъ зонтомъ на глазахъ.—«Вотъ онъ выѣзжать не можетъ, вѣдь это срамъ, Божье благословеніе—и того носить нельзя». Маститый старецъ былъ впослѣдствіи извѣстный писатель С. Т. Аксаковъ. Я выразился «впослѣдствіи», потому что дѣйствительно даръ истиннаго творчества къ нему явился позднѣе, и «Записки Багрова внука» вышли изъ печати ужъ въ то время, когда самъ Сергѣй Тимоѳеевичъ писать уже не могъ, а поочередно диктовалъ своимъ дочерямъ.

Не смотря на пламенныя филиппики Константина Сергѣевича, бородъ, всетаки, не позволяли носить, и Сергѣй Тимоѳеевичъ сидѣлъ дома безвыѣздно... да и вообще за славянофильскимъ кружкомъ присматривали.

Помню я изрѣдка появленіе на нашихъ вечерахъ на Дѣвичьемъ полѣ красавца-генерала. Появленіе его производило на всѣхъ одинаково непріятное впечатлѣніе; всѣхъ какъ будто передергивало и слышался шепотъ: «принесла таки нелегкая». Это былъ И. Д. Лужинъ, московскій оберъ-полицеймейстеръ, личность сама по себѣ крайне добрая и безвредная. Ходили слухи, что къ первой его женѣ Ховриной былъ неравнодушенъ знаменитый Герценъ; но въ то время, о которомъ я говорю, Лужинъ уже былъ женатъ на второй, вдовѣ Орловой-Денисовой, считавшейся первой красавицей Москвы, и только связями удерживался на мѣстѣ, въ то время очень шаткомъ.

Но возвращаюсь къ А. С. Хомякову; я усвоилъ себѣ о немъ понятіе, какъ о человѣкѣ, любившемъ весьма много говорить, и замѣчалъ, что, когда онъ начиналъ говорить, всѣ какъ бы притихали, словно слушали соловья. И дѣйствительно рѣчь его лилась чрезвычайно плавно и красиво. Въ то тяжелое для писателей время всѣ зачитывались его неизданными стихотвореніями, изъ которыхъ я помню:

«Вставай, страна моя родная!
«Вставай! Тебя твой царь зоветъ».
. . . .

И у кого только не было тогда этихъ рукописныхъ экземпляровъ.

Съ религіозно-нравственными, философскими убѣжденіями, владѣя неотразимою логикой выводовъ, Хомяковъ былъ опаснымъ соперникомъ начинавшихъ уже появляться людей съ крайнимъ, такъ называвшимся тогда «краснымъ» оттѣнкомъ. Оттѣнокъ этотъ проскользнулъ уже и въ университетъ и коснулся молодежи. Къ числу этихъ лицъ принадлежали нынѣ уже умершіе: Разсадинъ, П. Н. Рыбниковъ, Свириденко, тогда еще ни во что не вѣровавшій Сѣверцевъ, впослѣдствіи знаменитый ученый натуралистъ, и до сихъ поръ здравствующіе К., Т., О. и другіе.

Маленькій студенческій кружокъ этотъ собирался на Воздвиженкѣ, во флигелѣ угловаго дома знаменитаго красавца въ былыя времена, грека Орфано, женатаго на очень богатой барынѣ Мусиной-Пушкиной; онъ до фанатизма любилъ свою родину и ради ея пожертвовалъ всѣмъ состояніемъ своей жены: все пошло на жертвы отечеству во время возстанія въ Греціи, множество имѣній и громадный домъ въ Москвѣ (гдѣ впослѣдствіи помѣщалась консерваторія). Молодые люди этого кружка зачитывались Фейербахомъ, Ренаномъ и всѣмъ, что писалось съ цѣлью колебанія вѣры

въ Бога и полнаго отрицанія Его существованія. Объ этомъ кружкѣ узналъ Алексѣй Степановичъ и съ страстною настойчивостью своей натуры взялся наставлять молодежь на путь истинный, пріѣзжая разъ въ недѣлю во флигель большаго дома Мусиной-Пушкиной бесѣдовать съ заблудившимися.

Сильнымъ оппонентомъ ему являлся Свириденко, который иногда какъ бы бралъ верхъ или, по крайней мѣрѣ, сводилъ вопросъ на нѣтъ. Къ сожалѣнію, эти бесѣды не принесли тогда особенной пользы кружку.

Однажды вечеромъ у моего отца было большое собраніе; пріѣхалъ и незванный Лужинъ, но не одинъ, а съ громаднаго роста усачемъ, котораго отрекомендовалъ отцу, назвавъ его Н. Ив. Огаревымъ: «Вотъ, Михаилъ Петровичъ, мой помощникъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ отцу,—прошу любить да жаловать, самъ я отправляюсь на время въ отпускъ»... Теперь кажется непонятнымъ, что надъ славянофильскимъ кружкомъ, самымъ благонамѣреннымъ и мирнымъ, былъ учрежденъ полицейскій надзоръ; но, впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что глава московской тайной полиціи, умнѣйшій и въ то же время добрѣйшій генералъ Перфильевъ, не любилъ бывать на собраніяхъ у отца, а пріѣзжалъ къ нему по утрамъ, въ свободное время, и любилъ бесѣдовать съ нимъ. Онъ очень уважалъ отца и всегда оставался съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ.

Мои дѣтскія впечатлѣнія не исчерпывались посѣщеніемъ и знакомствомъ съ выдающимися лицами; съ раннихъ лѣтъ мнѣ пришлось сопровождать отца по Россіи.

Такъ, въ одинъ изъ лѣтнихъ вечеровъ, когда у отца было собраніе, послѣ ужина меня разбудили и привели въ его кабинетъ. И какъ теперь слышится мнѣ раздающійся голосъ Степана Петровича Шевырева, восторженно декламировавшаго стихи:

«Сербъ, здорово, ратоборецъ
«Здравствуй, братъ, Христосъ воскресе!
«Здравствуй, болгаринъ-страдалецъ,
«Здравствуй, братъ, Христосъ воскресе!»

И всѣ были очень воодушевлены одною мыслью, однимъ чувствомъ любви къ братьямъ славянамъ.

Отецъ спросилъ своихъ собесѣдниковъ:

— А какъ вы полагаете, господа, не опасно ли въ такіе годы взять мнѣ его съ собою въ Симбирскъ на открытіе памятника Карамзину?

Я такъ и замеръ на мѣстѣ, что если скажутъ,— нельзя; но отвѣтъ, къ моему удовольствію, послѣдовалъ благопріятный, и отецъ, потрепавъ меня по плечу, сказалъ: «поѣдемъ-ка, братъ, открывать памятникъ Карамзину».

Немедленно принялись собирать меня въ дорогу, и въ ту же ночь на разсвѣтѣ мы пустились въ путь. Путевыя впечатлѣнія мои были самыя мимолетныя, не оставили во мнѣ особенныхъ воспоминаній. Нашимъ спутникомъ въ огромномъ сибирскомъ тарантасѣ-долгушѣ, въ которомъ средняго роста человѣкъ укладывался поперегъ, былъ молодой человѣкъ, лѣтъ 30-ти, нынѣ извѣстный банкиръ-милліонеръ Г. Г. Волковъ.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ я припоминаю полнаго, юркаго человѣчка, съ небольшимъ брюшкомъ; онъ былъ подвиженъ, точно ртуть, и постоянно размахивалъ руками. Онъ взялся быть нашимъ чичероне. Показывалъ намъ Нижній, начавъ съ собора; всюду останавливался подолгу и все объяснялъ, даже отцу, что меня очень удивляло: «отецъ самъ все лучше и больше всѣхъ знаетъ»,—думалъ я про себя. Звали его—Павелъ Ивановичъ: это былъ впослѣдствіи знаменитый писатель Мельниковъ (Андрей Печерскій). Отъ ярмарки осталось у меня впечатлѣніе невыразимаго хаоса, необыкновенной давки на ярмарочномъ мосту, гдѣ скакавшіе безъ всякой цѣли взадъ и впередъ казаки полосовали народъ нагайками. Въ Симбирскѣ мы остановились у Александра Михайловича Языкова, роднаго брата поэта. Время тамъ шло для меня чрезвычайно скоро и весело. У А. М. были два сына, мои ровесники, съ которыми я скоро подружился, а сама хозяйка, Наталія Алексѣевна, рожденная Хомякова, была необыкновенно добрая, обходительная женщина. Смутно припоминаю я длинную залу не то гимназіи, не то благороднаго собранія, въ которой отецъ читалъ свое «Похвальное слово Карамзину». Было очень тѣсно и необыкновенно жарко отъ множества собравшихся слушателей; я не зналъ, какъ дождаться конца. Отецъ читалъ долго и, наконецъ, когда онъ смолкъ, начались громкія привѣтствія со всѣхъ сторонъ, рукоплесканія, которымъ конца не было, и этотъ поднявшійся и долго не смолкавшій шумъ и гамъ голосовъ меня развеселилъ.

По своей необыкновенной любознательности, а также и по своей необыкновенной подвижности, отецъ удлинилъ свое путешествіе и поѣхалъ изъ Симбирска не прямо въ Москву, а на Казань. Надо сказать, что уже въ то время отецъ мой имѣлъ множество поклонниковъ и почитателей, имя его произносилось съ уваженіемъ, онъ вездѣ имѣлъ знакомыхъ и друзей, ни въ одномъ городѣ не нуждался въ гостинницахъ и всюду былъ желаннымъ гостемъ.

II.

Пребываніе Н. В. Гоголя въ домѣ моего отца.

Незабвенный Николай Васильевичъ Гоголь переселился къ намъ, на Дѣвичье поле, прямо изъ знойной Италіи. Онъ былъ изнѣженъ южнымъ солнцемъ, ему была нужна особенная теплота, даже зной; а у насъ кстати случилась, надъ громадной залой съ хорами, большая, свѣтлая комната, съ двумя окнами и балкономъ къ восходу солнца, царившаго надъ комнатой въ лѣтнее время съ 3-хъ часовъ утра до 3-хъ по полудни. Хотя нашъ домъ, принадлежавшій раньше князю Щербатову, и былъ построенъ на большую ногу, но уже потому, что комната приходилась почти въ третьемъ этажѣ, она была, относительно своей величины, низка, а желѣзная крыша также способствовала ея нагрѣванію. Я распространяюсь объ этомъ ничтожномъ для другихъ обстоятельствѣ на томъ основаніи, что для Николая Васильевича это было важно; послѣ итальянскаго зноя нашъ русскій май не очень-то пріятенъ; а потому наша комната была ему какъ разъ по вкусу. Нечего и говорить, какимъ почетомъ и, можно сказать, благоговѣніемъ былъ окруженъ у насъ Гоголь. Дѣтей онъ очень любилъ и позволялъ имъ рѣзвиться и шалить сколько угодно. Бывало мы, то-есть я съ сестрою, точно службу служимъ; каждое утро подойдемъ къ комнатѣ Н. В., стукнемъ въ дверь и спросимъ: «Не надо ли чего?»—«Войдите»,—откликнется онъ намъ. Не смотря на жаръ въ комнатѣ, мы заставали его еще въ шерстяной фуфайкѣ, поверхъ сорочки. «Ну, сидѣть, да смирно»,—скажетъ онъ и продолжаетъ свое дѣло, состоявшее обыкновенно въ вязаньѣ на спицахъ шарфа, или ермолки, или въ писаніи чего-то чрезвычайно мелкимъ почеркомъ на чрезвычайно маленькихъ клочкахъ бумаги. Клочки эти онъ, иногда прочитывая вполголоса, рвалъ, какъ бы сердясь, или бросалъ на полъ, потомъ заставлялъ насъ подбирать ихъ съ пола и раскладывать по указанію, причемъ гладилъ по головѣ и благодарилъ, когда ему угождали; иногда же бывало, какъ бы разсердившись, схватитъ за ухо и выведетъ на хоры: это значило—на цѣлый день уже и не показывайся ему. До обѣда онъ никогда не сходилъ внизъ въ общія комнаты, обѣдалъ же всегда со всѣми нами, причемъ былъ большею частью веселъ и шутливъ. Особенно хорошее расположеніе духа вызывали въ немъ любимые имъ макароны; онъ тутъ же за обѣдомъ и приготовлялъ ихъ, не довѣряя этого никому. Потребуетъ себѣ большую миску и, съ искусствомъ истиннаго гастронома, начнетъ перебирать ихъ по макаронкѣ, опуститъ въ дымя-

щуюся миску сливочнаго масла, тертаго сыру, перетрясетъ все вмѣстѣ и, открывъ крышку, съ какой-то особенно веселой улыбкой, обведя глазами всѣхъ сидящихъ за столомъ, воскликнетъ: «Ну, теперь ратуйте, людіе».

Весь обѣдъ, бывало, онъ катаетъ шарики изъ хлѣба, и, школьничая, начнетъ бросать ими въ кого нибудь изъ сидящихъ; а то такъ, если квасъ ему почему либо не понравится, начнетъ опускать шарики прямо въ графинъ. Послѣ обѣда до семи часовъ вечера онъ уединялся къ себѣ, и въ это время къ нему уже никто не ходилъ; а въ семь часовъ онъ спускался внизъ, широко распахивалъ двери всей амфилады переднихъ комнатъ, и начиналось хожденіе, а походить было гдѣ: домъ былъ очень великъ. Въ крайнихъ комнатахъ, маленькой и большой гостинныхъ, ставились большіе графины съ холодной водой. Гоголь ходилъ и черезъ каждыя десять минутъ выпивалъ по стакану. На отца, сидѣвшаго въ это время въ своемъ кабинетѣ за лѣтописями Нестора, это хожденіе не производило никакого впечатлѣнія; онъ преспокойно сидѣлъ и писалъ. Изрѣдка только бывало подниметъ голову на Николая Васильевича и спроситъ:—«Ну, что, находился ли?»—«Пиши, пиши,—отвѣчаетъ Гоголь,—бумага по тебѣ плачетъ». И опять тоже: одинъ пишетъ, а другой ходитъ. Ходилъ же Н. В. всегда чрезвычайно быстро и какъ-то порывисто, производя при этомъ такой вѣтеръ, что стеариновыя свѣчи (тогда о керосинѣ еще не было и помину) оплывали, къ немалому огорченію моей бережливой бабушки. Когда же Н. В. очень ужъ расходится, то моя бабушка, мать моего отца, сидѣвшая въ одной изъ комнатъ, составлявшихъ амфиладу его прогулокъ, закричитъ, бывало, горничной: «Груша, а Груша, подай-ка теплый платокъ, тальянецъ (такъ она звала Н. В.) столько вѣтру напустилъ, такъ страсть!»—«Не сердись, старая, — скажетъ добродушно Н. В., — графинъ кончу, и баста». Дѣйствительно, покончитъ второй графинъ и уйдетъ наверхъ. На ходу, да и вообще, Гоголь держалъ голову нѣсколько на бокъ. Изъ платья онъ обращалъ вниманіе преимущественно на жилеты: носилъ всегда бархатные и только двухъ цвѣтовъ, синяго и краснаго. Выѣзжалъ онъ изъ дома рѣдко, у себя тоже не любилъ принимать гостей, хотя характера былъ крайне радушнаго. Мнѣ кажется, извѣстность утомляла его, и ему было непріятно, что каждый ловилъ его слово и старался навести его на разговоръ; наконецъ, онъ зналъ, что къ отцу пріѣзжали многія лица спеціально для того, чтобы посмотрѣть на «Гоголя», и когда его случайно застигали въ кабинетѣ отца, онъ моментально свертывался, какъ улитка, и упорно молчалъ. Не могу сказать, чтобы у Н. В. было много знакомыхъ. Можетъ быть, интеллигентное общество, понимая, какъ дорогъ для Гоголя каждый часъ, не рѣшалось отнимать у него время, а, можетъ быть, было

дано людямъ строгое приказаніе никого не принимать. Гоголь жилъ у насъ скорѣе отшельникомъ. Подъ конецъ его послѣдняго пребыванія у насъ (онъ жилъ у отца нѣсколько разъ), я помню сановитую фигуру священника, приходившаго къ нему наверхъ и долго бесѣдовавшаго съ нимъ: то былъ отецъ Матеій, ржевскій знаменитый проповѣдникъ, котораго чуть ли не обвиняютъ въ томъ, что Гоголь, поддавшись его вліянію, такъ рано погибъ для жизни и общества. Вообще Н. В. любилъ бесѣдовать съ духовенствомъ и не обѣгалъ нашего немудраго, но очень добродушнаго религіознаго старичка, отца Іоанна, переведеннаго изъ села Воронова графа Ростопчина, въ нашъ приходъ св. Саввы Освященнаго, за усмиреніе однимъ пастырскимъ словомъ 5-ти тысячъ крестьянъ, не захотѣвшихъ повиноваться распоряженіямъ графа Ростопчина въ повелѣніи сжечь Вороново; но въ церкви Гоголя я ни разу не видалъ. Большое удовольствіе доставилъ Н. В. пріѣздъ его двухъ сестеръ: Маріи и Анны Васильевнъ, помѣстившихся у насъ же, какъ разъ противъ его комнаты, еще въ лучшей, выходившей большимъ итальянскимъ окномъ прямо въ садъ. Гоголь былъ очень нѣжный и заботливый братъ и сейчасъ же задумалъ имъ что нибудь подарить; но не зналъ—что̀, и прибѣгъ къ совѣту моей матери Елизаветы Васильевны, которую онъ очень уважалъ и любилъ. Доказательствомъ служатъ и письма его къ ней, и отзывы о ней въ письмахъ къ отцу моему. Съ общаго совѣта они рѣшили купить два черныхъ шелковыхъ платья, въ которыхъ его «сестренки», какъ онъ выражался, вскорѣ и защеголяли. Продажа изданій Н. В., какъ это ни удивительно, шла, всетаки, относительно туго, и онъ постоянно нуждался въ деньгахъ, но прибѣгалъ къ помощи своихъ искренниxъ друзей только въ крайнихъ случаяхъ; а тогда были около него и считались его друзьями такія личности, какъ Нащокинъ, Мельгуновъ, Павловъ, извѣстные своимъ богатствомъ; они сочли бы за честь и истинное удовольствіе ссудить Н. В. деньгами. Въ то время вообще денежные разсчеты велись какъ-то особенно отъ нашего времени; вѣрили больше слову, чѣмъ роспискѣ или долговому письму (векселя между дворянами совсѣмъ не употреблялись). Жили попросту, кассъ не грабили, общественныхъ суммъ не расхищали, банковъ не было, не было и краховъ; а жили себѣ припѣваючи и при нуждѣ помогали другъ другу, но помогали такъ, какъ нынче было бы и не понятно. По этому поводу да позволено мнѣ будетъ маленькое отступленіе.

Жилъ у насъ престарѣлый кучеръ Яковъ, въ описываемое время ему было уже за 70 лѣтъ, считался онъ какъ бы членомъ семейства и служилъ еще покойному дѣду. Бывало, придетъ онъ къ намъ въ дѣтскую, няня его сейчасъ чайкомъ побалуетъ, мы сядемъ къ нему на колѣна и пристанемъ: «Дядя Яковъ, дядя

Яковъ, разскажи-ка намъ что нибудь». Разъ онъ разсказалъ намъ, въ какомъ положеніи очутился мой дѣдъ послѣ французовъ. Домъ сгорѣлъ, а вмѣстѣ съ нимъ и все, что было. Перебивался дѣдъ кое-какъ. (Семейство его жило въ подмосковномъ селѣ Вороновѣ, которымъ онъ управлялъ). Мужички князя Салтыкова снабдили его лѣсомъ, старинный знакомый Лашсковскій прислалъ два воза крупы и муки, другой знакомый Рѣшетниковъ ссудилъ деньгами. «Ну, такъ по малости и отдышались»...—прибавилъ вздыхая дядя Яковъ. Дѣдъ мой управлялъ громадными имѣніями князя Салтыкова, могъ бы нажить большое состояніе, но онъ, какъ олицетворенная честность, ничего не нажилъ, кромѣ любви и преданности крестьянъ и добраго имени. Дѣдъ могъ помѣстить своего сына, а моего отца, съ превеликими хлопотами и трудомъ на казенный коштъ въ бывшій дворянскій пансіонъ, и то въ разночинное отдѣленіе, гдѣ содержаніе было дешевле, да и за столомъ полагалось только два блюда.

Возвращаюсь опять къ Гоголю. Въ ту зиму пріѣхалъ изъ Кіева М. А. Максимовичъ и, повѣрить ли кто теперь, на тройкѣ гнѣдыхъ, собственныхъ коней. Максимовичъ тоже пристроился у насъ, но уже во флигелѣ. Николай Васильевичъ страстно къ нему привязался, и у насъ въ домѣ стало еще пріятнѣе, какъ бы теплѣе. Раньше я сказалъ, что Н. В. посѣщали немногіе, но, всетаки, ихъ было достаточно; а такъ какъ Н. В. былъ въ душѣ хлѣбосолъ, какъ всякій истинный малороссъ, и только обстоятельства сдерживали его, то одинъ день въ году онъ считалъ своею обязанностью какъ бы разсчитаться со всѣми своими знакомыми на славу, и въ этотъ день онъ уже ничего не жалѣлъ. То былъ Николинъ день—его именины 9-го мая. Злоба дня, весь внѣшній успѣхъ пиршества, сосредоточивался на погодѣ. Дѣло въ томъ, что обѣдъ устроивался въ саду, въ нашей знаменитой липовой аллеѣ. Пойди дождь, и все разстроится. Еще дня за два до Николы, Николай Васильевичъ всегда былъ очень возбужденъ: подолгу бесѣдовалъ съ нашимъ старымъ поваромъ Семеномъ, но кончалось всегда тѣмъ, что старый Семенъ при составленіи меню несъ подъ конецъ такую галиматью, что Гоголь, выйдя изъ себя, кричалъ: «то-то уйдишь!» и, быстро одѣвшись, отправлялся въ купеческій клубъ къ Порфирію. Кромѣ Порфирія, славился еще поваръ Англійскаго клуба, Басанинъ, отецъ молодаго талантливаго доктора, Ивана Аѳанасьевича, рано похищеннаго смертію у науки. Слѣдовательно, выборъ былъ нетруденъ, и цѣны брали подходящія. Обыкновенно Н. В. тянуло болѣе къ Порфирію на томъ основаніи, что онъ готовилъ хотя и проще, но зато пожирнѣе, да и малороссійскія кушанья зналъ отлично. Съ кулинарною частію дѣло устроивалось безъ затрудненія, оставалось вино; но тутъ тоже выходило не понынѣшнему: отецъ писалъ такого рода записку: «Любезный Филиппъ Ѳедоровичъ (Депре),

пришлите, пожалуйста, сколько нужно вина человѣкъ на 40—50, по вашему выбору, оставшіяся цѣлыми бутылки будутъ возвращены». Вино присылалось отличное, прекрасно подобранное; со счетомъ не приставали: были деньги, Гоголь сейчасъ платилъ, а нѣтъ—ждали. Садъ былъ у насъ громадный, на 10,000 квадратныхъ саженъ, и весной сюда постоянно прилеталъ соловей. Но для меня собственно вопросъ состоялъ въ томъ: будетъ ли онъ пѣть именно за обѣдомъ; а пѣлъ онъ большею частію рано утромъ или поздно вечеромъ. Я съ дѣтскихъ лѣтъ имѣлъ страсть ко всякаго рода пѣвчимъ птицамъ, и у меня постоянно водились добрые соловьи. Въ данномъ случаѣ я пускался на хитрость: надъ обоими концами стола, ловко укрывъ вѣтвями, вѣшалъ по клѣткѣ съ соловьемъ. Подъ стукъ тарелокъ, лязгъ ножей и громкіе разговоры, мои птицы оживали: одинъ свиснетъ, другой откликнется и начинается дробь и дудка. Гости восхищались. «Экая благодать у тебя, Михаилъ Петровичъ, умирать не надо. Запахъ липъ, соловьи, вода въ виду, благодать, да и только».

Надо сказать, что Н. В. былъ посвященъ въ мою соловьиную тайну и самъ оставался доволенъ, когда мой птичій концертъ удавался, но никому, даже отцу, не выдавалъ меня. Кто были гости Гоголя? Всѣхъ я не могу припомнить, но въ памяти у меня сохранились слѣдующія лица: Нащокинъ, когда былъ въ Москвѣ, Н. А. Мельгуновъ, Н. Ф. Павловъ, Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ, Провъ Михайловичъ Садовскій, Васильевъ, С. П. Шевыревъ, Вельтманъ, Н. В. Бергъ, извѣстный острякъ Юрій Никитьевичъ Бартеневъ, знаменитый граверъ Іорданъ, актеры Ленскій и Живокини, С. Т. Аксаковъ, К. С. Аксаковъ и много другихъ, которыхъ я уже и не запомню. Обѣдъ кончался очень поздно, иногда варили жженку. Разговоры лились неумолкаемо. Провъ Михайловичъ Садовскій, нечего таить грѣха, находился всегда уже въ легкомъ подпитіи, и по общей просьбѣ начиналъ разсказывать: о капитанѣ Копейкинѣ, о Наполеандрѣ Бонапарте, или неподражаемый разсказъ о томъ, какъ пьяному мужику все кажется, что у него въ ушахъ «муха жужжитъ». Вся тонкость этого послѣдняго разсказа состояла въ томъ, чтобы голосъ вибрировалъ на разные тоны. Обойметъ онъ, бывало, одну изъ липъ лѣвой рукой, а правой какъ бы отмахиваясь отъ мнимой мухи, лѣзшей ему въ ухо, и начинаетъ на разные лады: «муха жужжитъ». А мимика, выраженіе глазъ при этомъ не поддаются никакому описанію. Провъ Михайловичъ былъ родоначальникомъ всѣхъ послѣдующихъ разсказчиковъ; но, увы! скольскихъ я ни переслушалъ послѣ неподражаемаго Садовскаго, всѣмъ имъ было далеко до него. Они даже не напоминали его, развѣ только даровитый Ив. Ѳ. Горбуновъ нѣсколько подходитъ къ нему. До того же момента, какъ общество, всетаки, нѣсколько «куликнетъ», около Юрія Никитьевича Бартенева, служившаго подъ рядъ

при нѣсколькихъ генералъ-губернаторахъ чиновникомъ особыхъ порученій, собирался тѣсный кружокъ слушателей. Юрій Никитьевичъ начиналъ чрезвычайно ѣдко и остро передавать различные факты, смѣшныя стороны лицъ, съ которыми онъ сталкивался по своей службѣ, и большею частью знакомыхъ слушателямъ; остротамъ его не было конца, и злой языкъ Юрія Никитьевича никому не дѣлалъ пощады. Между прочимъ, онъ любилъ давать всѣмъ своимъ хорошо знакомымъ прозвища, и такъ мѣтко, что разъ данное имъ прозвище навсегда оставалось за тѣмъ лицомъ. Жилъ онъ въ Москвѣ очень открыто, большимъ хлѣбосоломъ, и кто только не бывалъ у него на Смоленскомъ бульварѣ? Самъ дорогой имениникъ Н. В. въ этотъ день изъ нелюдимаго, неразговорчиваго въ обществѣ превращался въ расторопнѣйшаго, радушнѣйшаго хозяина; постоянно наблюдалъ за всѣми, старался, чтобы всѣмъ было весело, чтобы всѣ пили и ѣли, каждаго угощалъ и каждому находилъ сказать что нибудь пріятное. Изъ нѣсколькихъ имениныхъ дней, празднованныхъ въ нашемъ домѣ, я помню, что раза два случалась дурная погода, тогда обѣдъ происходилъ въ домѣ, но и это имѣло свою хорошую сторону: Николая Васильевича, не смотря на сильное сопротивленіе съ его стороны, всетаки, удавалось уговорить прочесть что нибудь. Долго отбивается Гоголь; но видя, что ничто не помогаетъ, нервно передергивая плечами, взберется, бывало, въ глубь большаго, стариннаго дивана, примостится въ уголъ съ ногами и начнетъ читать какой нибудь отрывокъ изъ своихъ произведеній. Но какъ читать?—и представить себѣ невозможно: никто не пошевельнется, всѣ сидятъ, какъ прикованные къ своимъ мѣстамъ... Обаяніе чтенія было на столько сильно, что когда, бывало, Гоголь, закрывъ книгу, вскочитъ съ мѣста и начнетъ бѣгать изъ угла въ уголъ,—очарованные слушатели его остаются все еще неподвижными, боясь перевести духъ... и только разъ какъ-то, послѣ подобнаго чтенія, Провъ Михайловичъ глубоко вздохнулъ, скорчилъ уморительную физіономію, ему одному только доступную, и тихо пробурчалъ: «а вотъ и «муха не жужжитъ». Всѣ разсмѣялись, повеселѣлъ и самъ Гоголь.

Какъ на чрезвычайно нервнаго человѣка, чтеніе глубоко продуманныхъ и прочувствованныхъ имъ очерковъ производило на Н. В. потрясающее впечатлѣніе, и онъ или незамѣтно куда-то скрывался, или сидѣлъ, опустивъ голову, какъ бы отрѣшаясь отъ всего окружающаго... Общество въ день имeнинъ расходилось часовъ въ одиннадцать вечера, и Н. В. успокоивался, сознавая, что онъ разсчитался со своими знакомыми на цѣлый годъ. Странно, что у меня не сохранилось воспоминанія о томъ, посѣщалъ ли Н. В. театръ.

Я упоминалъ, что Н. В. былъ домосѣдъ и знакомыхъ, даже близкихъ, какъ, напримѣръ, Степана Петровича Шевырева, М. С. Щепкина, посѣщалъ изрѣдка. Съ прислугою онъ обращался вѣжливо,

почти никогда не сердился на нее, а своего хохла-лакея цѣнилъ чрезвычайно высоко. Меня тоже онъ любилъ и называлъ своимъ племянникомъ. Припоминая различныя мелочи изъ характера Гоголя, я припомнилъ пустое обстоятельство, но доказывающее, что Гоголя занимало иногда подшучивать надъ дѣтьми. Вскорѣ послѣ его переѣзда къ отцу онъ обѣщалъ мнѣ съ сестрою привезти игрушекъ. Нынче, да завтра, такъ долго томилъ меня Н. В. Наконецъ, какъ-то разъ вернувшись изъ города (а городомъ мы, обитатели Дѣвичьяго поля, называли Москву), лакей пронесъ передъ Гоголемъ какой-то ящикъ, завязанный въ бумагу, и Н. В. крикнулъ мнѣ на ходу: «Митя, ступай живѣй на верхъ, я тебѣ игрушку привезъ, живѣй». Я стремглавъ бросился по лѣстницѣ за ними. Начали развязывать покупку, и—о, ужасъ!—оказалось, что Гоголь купилъ себѣ очень элегантную, ночную принадлежность изъ краснаго дерева. Вотъ тебѣ и игрушка! Со слезами на глазахъ я началъ бранить Н. В. и безъ всякой церемоніи называлъ его обманщикомъ и грозился объ его обманѣ разсказать всѣмъ, всѣмъ; а Гоголь, схватившись за бока, истерически хохоталъ; но въ концѣ концовъ утѣшилъ меня, обѣщаясь назавтра же непремѣнно привезти замысловатую игрушку; но исполнилъ ли онъ свое обѣщаніе, теперь уже не припомню: такъ сильно подѣйствовала на меня первая обида разочарованія.

Въ самомъ концѣ сороковыхъ годовъ Н. В. переѣхалъ отъ насъ на Никитскій бульваръ, въ бывшій домъ Талызиной, къ графу А. П. Толстому. Здѣсь онъ уже окончательно поддался тому мистическому направленію, которое, къ прискорбію всей Россіи, свело геніальнѣйшаго человѣка въ преждевременную могилу...

III.

Семейство Аксаковыхъ.

Аксаковыхъ я помню тоже очень давно, такъ давно, какъ помню только себя. Тогда они жили въ Москвѣ, у Власія, въ большомъ каменномъ домѣ Герцена. Комнатъ было очень много, но все глядѣло какъ-то неуютно, сумрачно и какъ будто грязновато. Въ передней всегда пропасть ничего не дѣлавшей прислуги и непремѣнный казачекъ, обязанность котораго состояла въ держаніи бумажныхъ фитилей для раскуриванія трубокъ.

Живо вспоминаю я и сельце Абрамцево, лѣтнее мѣстопребываніе Аксаковыхъ, гдѣ я въ молодости часто бывалъ. Однажды, по окончаніи курса въ гимназіи, въ началѣ 50-хъ годовъ, отправился я съ однимъ изъ своихъ товарищей Т. пѣшкомъ къ Троицко-Сергіевской лаврѣ, а оттуда въ Абрамцево къ Аксаковымъ. Троицкое

шоссе вилось широкой лентой, по бокамъ его были тропинки, частію около самаго полотна дороги, а частію уходя въ лѣсъ и перелѣски.

По шоссе всегда тянулась масса экипажей: троечныхъ тарантасовъ, бричекъ, телѣгъ, а по бокамъ тянулись непрерывной вереницей пѣшеходы съ палочками и котомками за плечами, преимущественно женщины. Часто проѣзжая по этой дорогѣ, Ив. Сер. Аксаковъ и написалъ прекрасное стихотвореніе:

«Большая дорога, прямая дорога,
«Простору не мало взяла ты у Бога,
«Ты вдаль протянулась пряма, какъ стрѣла,
«Ты гладью широкой, какъ скатерть, легла.
«Въ тебѣ, что ни шагъ, то мужикъ работалъ
«Прорѣзывалъ горы, мосты настилалъ».
. . . .
. . . .

Сгоряча, не имѣя понятія о ходьбѣ, мы прошли не присаживаясь до Мытищъ, что съ Дѣвичьяго поля составитъ добрыхъ тридцать верстъ, поспѣли ко всенощной въ Хатьковъ, а ночевали уже у Троицы. Зато на другой день ноги у насъ распухли, въ сапоги не влѣзали, и мы уже едва двигались. На возвратномъ пути намъ предстояло удовольствіе погостить недѣли двѣ-три въ Абрамцевѣ близъ Хотькова [1]), куда мы съ Т. и отправились.

Господскій домъ стоялъ на пригоркѣ, внизу протекала рыбная и довольно глубокая рѣчка, домъ былъ, сколько помню, одноэтажный, длинный, окрашенный въ сѣрую краску. Надо сказать, что старецъ Сергѣй Тимоѳеевичъ владѣлъ очень хорошими имѣніями въ Бузулукскомъ уѣздѣ; но выѣзжать на лѣто съ громаднымъ семействомъ въ Уфу ему было очень трудно, почему онъ и купилъ себѣ подмосковную. При семействѣ, самъ двѣнадцать, при относительно барскихъ замашкахъ дворянъ того времени, съ огромной дворней и безтолковымъ домашнимъ хозяйствомъ, С. Т. не могъ похвастаться деньгами. Братъ же его Николай Тимоѳеевичъ, какъ хорошій хозяинъ, былъ гораздо его богаче.

Глава семейства, Сергѣй Тимоѳеевичъ, былъ въ то время уже совсѣмъ сѣдой старикъ, высокаго роста, съ необыкновенно энергичнымъ, умнымъ лицомъ, нѣсколько отрывистою рѣчью, всегда прямой на словахъ и на дѣлѣ, велъ семью постаринному, деспотично, и слово его для всѣхъ было закономъ. Достойная супруга его, Ольга Семеновна, была добрая, толстенькая, низенькаго роста старушка, большая хлѣбосолка и рѣдкаго ума женщина; на ея плечахъ лежалъ весь домъ и все сложное, запутанное хозяйство. А семейка была таки благодатная—три сына: Константинъ,

[1]) Нынѣ Абрамцево принадлежитъ Саввѣ Ивановичу Мамонтову, директору Курской желѣзной дороги.

Григорій и Иванъ Сергѣевичи, да шесть дочерей. Обыкновенно всѣ они толпились въ кабинетѣ Сергѣя Тимоѳеевича, въ которомъ стоялъ синій туманъ отъ Жукова табаку и воздухъ дрожалъ отъ постоянныхъ, литературныхъ споровъ отца съ сыномъ Константиномъ. Изъ шести дочерей только одна, Марья Сергѣевна, вышла замужъ за Томашевскаго; въ день рожденья ея Константинъ Сергѣевичъ написалъ и прочелъ вслухъ стихотворную шутку, на сколько помню, слѣдующаго содержанія:

«Мой Марихенъ такъ ужъ малъ, такъ ужъ малъ,
Что изъ листика сирени
Сдѣлалъ зонтикъ онъ для тѣни
И гулялъ!
«Мой Марихенъ такъ ужъ малъ, такъ ужъ малъ,
Что, одувши одуванчикъ,
Сдѣлалъ онъ себѣ диванчикъ:
Тутъ и спалъ!
«Мой Марихенъ такъ ужъ малъ, такъ ужъ малъ,
Что изъ скорлупы яичной
Фаэтонъ себѣ отличный
Заказалъ!
«Мой Марихенъ такъ ужъ малъ, такъ ужъ малъ,
Что изъ скорлупы раченка
Сшилъ четыре башмаченка
И на балъ!
«Мой Марихенъ такъ ужъ малъ, такъ ужъ малъ,
Что изъ скорлупы орѣха
Сдѣлалъ стулъ, чтобъ слушать эхо,
И кричалъ!»

Двухъ сыновей: Григорія и Ивана Сергѣевичей, тогда не было въ Абрамцевѣ, да и въ Москвѣ ихъ не было: они оба очень удачно начали службу по министерству внутреннихъ дѣлъ, скоро были отмѣчены, какъ очень умные и дѣльные чиновники, стали быстро возвышаться, но Иванъ Сергѣевичъ оставилъ службу и, какъ извѣстно, предался всею душою литературѣ; а Григорій Сергѣевичъ продолжалъ службу и долгое время состоялъ начальникомъ Уфимской губерніи. Сергѣй Тимоѳеевичъ весною вставалъ очень рано, чуть ли не до восхода солнца, и мы съ нимъ отправлялись удить рыбу, непремѣнно съ лодки; рыбы въ рѣкѣ было изобиліе: попадались громадные головли и щуки до 12 фунтовъ. Мѣста Сергѣй Тимоѳеевичъ зналъ отлично и удилъ мастерски; я, хотя и завзятый охотникъ, предпочиталъ наблюдать за искусствомъ Сергѣя Тимоѳеевича, чѣмъ самому удить. Мой достойный учитель не скупился на совѣты и поученія; но я подвергался сильнымъ выговорамъ за то, что, заглядываясь на его поплавокъ, упускалъ моментъ подсѣчь свою рыбу, и она срывалась. Тутъ досада его доходила иногда до гнѣва. Какихъ только удочекъ у него не было, начиная отъ

пискарныхъ и кончая струнными съ концами стальной проволоки и громадными крючьями для живой насадки. Иногда мы ѣздили съ Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ и въ ночное; въ то время онъ былъ еще очень крѣпокъ, не смотря на свои годы, и могъ по своему богатырскому здоровью выдерживать ночную сырость и свѣжесть майской ночи, а мы гостили у Сергѣя Тимоѳеевича какъ разъ съ половины мая. Съ рыбной ловли мы возвращались всегда между 10 и 11 часами, и Сергѣй Тимоѳеевичъ сейчасъ же завтракалъ и ложился отдыхать; я же, какъ еще очень молодой человѣкъ, присоединялся къ дамскому обществу—устроивались прогулки, катанье въ лодкѣ и прочія удовольствія. Одна изъ дочерей Сергѣя Тимоѳеевича очень недурно играла на рояли и хорошо рисовала. Послѣ обѣда до чаю Константинъ Сергѣевичъ читалъ что нибудь вслухъ, преимущественно изъ своихъ произведеній. Въ то время онъ только что окончилъ свою скучнѣйшую драму «Псковитянку», которую, однако, пришлось выслушивать, хотя и позѣвывая. Ему было тогда лѣтъ подъ 30-ть, и онъ былъ довольно плотный мужчина. Это былъ любимецъ и баловень всей семьи; только и слышались восторженные возгласы его сестеръ: «Константинъ сказалъ то-то, Константинъ думаетъ такъ-то». Въ обществѣ мужчинъ онъ любилъ говорить и говорилъ горячо, проповѣдовалъ чистоту нравовъ и самъ строго придерживался своихъ тезисовъ; въ обществѣ же женщинъ онъ молчалъ, да и вообще избѣгалъ и чуждался прекраснаго пола. По вечерамъ нерѣдко собиралось многочисленное общество. Бывали два брата, богатые помѣщики Пальчиковы, Томашевскій, Н. Л. Загряжскій. Эти послѣдніе оба служили въ московскомъ почтамтѣ. Приходилъ и знаменитый ходокъ Карташевскій пѣшкомъ изъ Москвы къ обѣду; какъ ни въ чемъ не бывало, еще погуляетъ послѣ обѣда, а вечеромъ опять въ Москву. Въ общей сложности онъ проходилъ въ часъ, не отдыхая, 8 слишкомъ верстъ. У Сергѣя Тимоѳеевича мнѣ никогда не приходилось видѣть, чтобы играли въ карты: эта была чистая противоположность дому брата его Николая Тимоѳеевича, гдѣ карты со стола не сходили съ утра до вечера. Итакъ, весь домъ, всю его внутреннюю интеллектуальную жизнь составляли въ то время отецъ и сынъ; остальные члены были только (я не говорю о двухъ отсутствовавшихъ сыновьяхъ) блѣдными аксесуарами. Во время моего пребыванія въ Абрамцевѣ, сюда поджидали Ивана Сергѣевича Тургенева; и вотъ въ одинъ дѣйствительно прекрасный день, погромыхивая колокольцами, подкатила четверка ямскихъ въ коляскѣ, и изъ нея вышелъ молодой еще совсѣмъ человѣкъ. Нужно ли говорить о томъ, какое обаяніе имѣло одно только имя Ивана Сергѣевича на насъ, молодежь, какъ мы зачитывались его произведеніями и знали ихъ чуть ли не наизусть, а тутъ онъ самъ живой... Въ то время Иванъ Сергѣевичъ былъ очень красивъ: высокаго роста, хорошо сложенный, статный,

съ прелестными, голубыми глазами, наивыразительнымъ лицомъ; онъ обладалъ какъ бы магнитомъ притяганія. Голосъ его былъ мягокъ и оттѣнялъ малѣйшія движенія чувства. Одѣвался онъ безукоризненно и носилъ свое статское платье съ особеннымъ оттѣнкомъ благородства: то, что французы называютъ qu'il y avait du cachet. . . . .

. . . .

(Эта глава осталась недописанной).

IV.

Графиня Е. П. Ростопчина и ея вечера.

Графиня Евдокія Петровна Ростопчина въ описываемое мною время была въ апогеѣ своей лирической славы и красоты. Въ Москвѣ она жила на широкую ногу въ своемъ прекрасномъ домѣ на Садовой, гдѣ и собирались у нея по четвергамъ. Ея талантъ, красота, привѣтливость и хлѣбосольство, влекли къ ней и подкупали въ ея пользу всѣхъ, а вдали, какъ въ туманѣ, мерцалъ надъ нею ореолъ мученичества, испытаннаго, какъ говорили, въ III Отдѣленіи за ходившее по рукамъ стихотвореніе «Насильственный бракъ». Небольшого роста, необыкновенно стройная для своихъ 35-ти лѣтъ, съ хорошо развитымъ бюстомъ, здоровымъ румянцемъ, которому позавидовало бы наше нынѣшнее женское поколѣніе, съ большими, почти на выкатѣ, чрезвычайно умными, черными глазами, подвижная, всегда какъ бы въ лихорадкѣ, графиня была дѣйствительно увлекательна и соблазнительна. Въ мнѣніяхъ своихъ она была, такъ сказать, космополитка, и потому у нея собирались люди всевозможныхъ лагерей и профессій. На ея вечерахъ было чрезвычайно оживленно и весело; вечера всегда кончались отличнымъ ужиномъ съ тонкими винами. Ее усердно посѣщала такъ называемая молодая редакція «Москвитянина»: Ап. Григорьевъ, Эдельсонъ, Ф—въ, Мей и другіе; во главѣ ихъ находился, восходившее тогда драматическое свѣтило, гордость нашихъ театровъ, Александръ Николаевичъ Островскій, уже написавшій своего «Банкрота», не пропущеннаго цензурой и лишь позже явившагося на сценѣ, подъ названіемъ «Свои люди сочтемся». Въ первый разъ комедію эту читали у насъ на Дѣвичьемъ: Александръ Николаевичъ—женскія роли, а Провъ Михайловичъ—мужскія; что это было за художественное чтеніе, передать невозможно. Чтеніе это въ томъ же составѣ повторилось и у графини, но съ тою только разницею, что предварительно мы должны были прослушать нѣсколько главъ до тошноты скучной ея «Нелюдимки». Изъ артистовъ бывали: Лещетицкій, извѣстный Бауеръ и другіе, а изъ

красныхъ Н. А. Сѣверцевъ, знаменитый орнитологъ, замѣчательный также и своею внѣшностію: всегда косматый, нечесанный, въ одеждѣ, доходившей до неряшества, угрюмый, кусавшій постоянно ногти, онъ молча здоровался съ хозяйкой, держа подъ мышкой объемистый альбомъ; также молча, ни слова не говоря, развертывалъ онъ альбомъ, усаживался около лампъ и принимался рисовать преимущественно птицъ. Разъ графиня хотѣла расшевелить Сѣверцева, но онъ не поддался.

— Сѣверцевъ, а Сѣверцевъ,—сказала громко графиня (она считала шикомъ называть лицъ не по именамъ, а по фамиліямъ),—что это вы дѣлаете?

— Рисую, графиня,—буркнулъ Сѣверцевъ.

— Это ужасно скучно: все рисую да рисую, а говорить не говорю. Дайте сюда альбомъ,—капризничала графиня.

Альбомъ поданъ. Графиня стала его перелистывать; вдругъ она закричала:

— Сѣверцевъ, поглядите, какъ эта птица на васъ похожа! Какъ она называется?

— Сычъ, графиня,—угрюмо отвѣтилъ Сѣверцевъ и, взявъ альбомъ, сталъ снова рисовать, усѣвшись на старое мѣсто.

Присутствовавшіе безцеремонно расхохотались. Сѣверцева, чрезвычайно самолюбиваго, передернуло; ясно было, что при своемъ желчно-язвительномъ характерѣ онъ не спуститъ графинѣ этой просто дѣтски необдуманной шутки. Дѣйствительно, подъ конецъ вечера Сѣверцевъ, обратившись къ графинѣ, сказалъ ей:

— А вотъ и я, графиня, нашелъ птичку, на васъ похожую.

— Какая прелесть,—сказала съ восторгомъ графиня, заглядывая черезъ плечо Сѣверцева въ его альбомъ:—маленькая, граціозненькая, а какой длинный хвостикъ! Какъ ее зовутъ?

— Трясогузка,—спокойно протянулъ Сѣверцевъ.

Тутъ уже обществу было не до смѣха; закусивъ губы, всѣ старались глядѣть въ разныя стороны, боясь улыбнуться. Графиня поняла всю ѣдкость и мѣткость насмѣшки; но, какъ ловкая женщина, бывавшая въ передѣлкахъ, смѣясь сказала:

— Ну-ка, любезный сычъ, возьмите-ка подъ ручку вашу птичку и ведите ее въ столовую: ужинъ готовъ.

Не смотря на всю свободу, допускавшуюся въ аппартаментахъ графини, такой ловкій оборотъ, данный ею этому казусу, былъ какъ нельзя болѣе кстати; онъ вывелъ изъ смущенья присутствовавшихъ гостей, и всѣ весело поспѣшили въ столовую и принялись за ужинъ радушной хозяйки.

Въ другой разъ Сѣверцевъ откололъ штуку еще почище. Пріѣзжаетъ онъ чуть ли не въ срединѣ ужина и начинаетъ извиняться, что опоздалъ.

— Ничего, — необдуманно отвѣтила графиня: — я люблю, кто поздно ко мнѣ пріѣзжаетъ.

Сѣверцевъ замоталъ себѣ на усъ слова графини и въ слѣдующій четвергъ пріѣхалъ ровно въ четыре часа ночи; звонитъ, ему отпираетъ только-что уснувшій швейцаръ и злобно спрашиваетъ:—«Что вамъ угодно?»—«Графиню»,—говоритъ Сѣверцевъ.—«Да онѣ изволятъ почивать»,—отвѣтилъ швейцаръ.— «Врешь ты все, графиня намедни сказала мнѣ, что любитъ тѣхъ, кто поздно къ ней пріѣзжаетъ; поди, буди горничную, пусть доложитъ графинѣ: Сѣверцевъ, очень нужно». Швейцаръ нехотя повиновался. Графиня, испуганная, думая, что съ нимъ случилось какое нибудь несчастіе, выбѣгаетъ къ нему задрапированная въ шаль.

— Ради Бога, Сѣверцевъ, что съ вами? Не нужно ли чего?... Не оттуда ли... не отъ Цѣпнаго ли моста (III Отдѣленіе) на васъ подуло... говорите скорѣе,—несвязно говорила графиня Сѣверцеву.

— Ничего, графиня, я живъ и здоровъ, успокойтесь. Вы намедни сказали, что любите тѣхъ, которые поздно пріѣзжаютъ, вотъ я и заѣхалъ къ вамъ съ одной пирушки порисовать[1]).

Графиня, очень добрая ко всѣмъ, а въ особенности къ мужчинамъ, на этотъ разъ вспылила, сильно его побранила и поспѣшила удалиться въ свою комнату, а Сѣверцевъ преспокойно отправился въ гостинную, сѣлъ за свой альбомъ и рисовалъ до утренняго чая, при которомъ ему подали горячій завтракъ и бутылку любимаго имъ бургонскаго вина. Уписавъ все это, онъ отправился восвояси.

Юрій Никитичъ Бартеневъ, о которомъ я упоминалъ выше, какъ пожилой человѣкъ, не долюбливалъ графиню за ея веселую жизнь, въ которой онъ ужъ и по нездоровью принимать участія не могъ и всячески избѣгалъ вечеровъ графини, а ей непремѣнно хотѣлось, чтобы онъ бывалъ у нея; помню, разъ она настойчиво начала приставать къ нему: «пріѣзжайте, да пріѣзжайте».

— Ты, графиня, своихъ псовъ-то трехъ попривяжи, — отвѣчалъ онъ.

У графини были три отличные черные водолаза. Она, какъ бы позабывъ о нихъ, спросила:

— Какихъ Юрій Никитичъ?

— Сама понимаешь,—отвѣтилъ Юрій Никитичъ, — «какихъ»... четвероногіе-то не очень зубасты, да и умнѣе къ тому же.

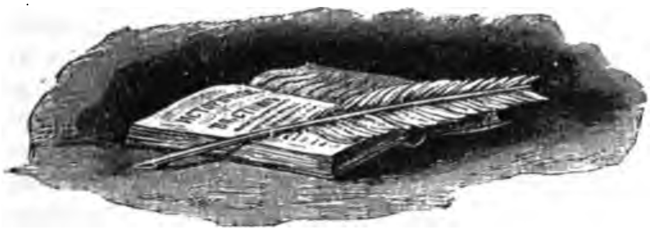
Юрій Никитичъ намекалъ здѣсь на извѣстныхъ трехъ лицъ, болѣе близкихъ къ графинѣ, изъ которыхъ одинъ, въ качествѣ адъютанта, постоянно сопровождалъ ее при выѣздахъ или дежурилъ при ея особѣ, когда она была дома. Графиня была ревностной сотрудницей «Москвитянина», гдѣ и помѣщала статьи свои.

---

[1]) Слышалъ это отъ самого Сѣверцева, съ которымъ былъ хорошо знакомъ.

Во время начавшейся для меня университетской жизни знаменитые Кудрявцевъ и Грановскій, а также не менѣе знаменитые Рулье и Глѣбовъ, поглотили все мое время и вниманіе, и я сталъ все рѣже и рѣже посѣщать кружокъ графини Ростопчиной, да и самый кружокъ вскорѣ распался: «молодая редакція» разсѣялась въ разныя стороны (Сѣверцевъ—на дальній Востокъ), да и сама графиня, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, не могла уже жить и принимать попрежнему.

Д. Погодинъ.



ДО И ПОСЛѢ[1].

(Изъ бурсацкихъ воспоминаній).

XIV.

Въ деревнѣ.

Намъ БЫЛА оказана почти торжественная встрѣча. Отецъ, правда, вышелъ къ намъ не въ рясѣ, какъ встрѣчалъ онъ, напримѣръ, благочиннаго, а въ тепломъ полукафтаньѣ, мать не надѣла на волосы своей парадной бисерной сѣтки и на плечи не накинула своей «китайской» шали съ пестрыми разводами, но всеже для меня, знавшаго ихъ привычки, было очевидно, что они въ минуту нашего въѣзда во дворъ не случайно оказались у крылечка, а именно затѣмъ, чтобы насъ встрѣтить. Только сестры здѣсь не было, но и это, какъ впослѣдствіи оказалось, объяснялось не пренебреженіемъ къ нашимъ особамъ, а напротивъ — особеннымъ усердіемъ: она была въ кухнѣ и собственноручно дѣлала «хрусты» намъ къ чаю.

Отецъ торжественно благословилъ насъ обоихъ и поцѣловалъ какъ меня, такъ и Пичужку, а мать дала моему другу только руку поцѣловать. Мы вошли въ такъ называемый залъ, то-есть комнату

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLVII, стр. 678.

побольше другихъ, въ которой былъ довольно твердый, начиненный мочалой, диванъ съ зеленой шерстяной обивкой, нѣсколько такихъ же креселъ и стульевъ, на стѣнѣ висѣли часы съ кукушкой и съ предлинными гирями, а на другихъ стѣнахъ картины съ священнымъ содержаніемъ.

— Ну, студенты, разсказывайте, какъ у васъ тамъ!—сказалъ отецъ, усадивъ насъ обоихъ на диванѣ. Мать вышла распорядиться, чтобы насъ накормили.

Мы ничего не отвѣтили на этотъ слишкомъ общій вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ: «какъ тамъ у насъ?». Плохо, очень плохо,—вотъ все, что мы могли бы отвѣтить. Тогда отецъ началъ задавать частичные вопросы: какъ служитъ архіерей — громко ли, тихо ли, торжественно, или умилительно, хорошъ ли голосъ у новаго протодіакона, сказалъ ли архіерей на первый день праздника проповѣдь, и хороша ли она была, все такъ же ли свирѣпъ о. инспекторъ, любезенъ ли со мной Василій Макарычъ (это было до его бѣгства), все такъ же ли скупъ Працовскій,—однимъ словомъ вопросы все были такого содержанія, которое не могло интересовать насъ. Все это намъ до смерти надоѣло, и намъ теперь было рѣшительно все равно, скупъ ли Працовскій, любезенъ ли Василій Макарычъ и хорошъ ли голосъ у протодіакона. Мы охотно все это забыли бы, да такъ, чтобы никогда не вспоминать.

Тѣмъ не менѣе Пичужко и здѣсь оказался на высотѣ призванія. Онъ давалъ моему отцу самые основательные отвѣты на всѣ вопросы. Я глядѣлъ на этого невзрачнаго мальчугана и дивился его развязности всюду и при всѣхъ обстоятельствахъ. Онъ, очевидно, съ перваго же момента въ нашемъ домѣ почувствовалъ себя вполнѣ свободно и велъ себя такъ, какъ будто выросъ въ этой семьѣ.

— Какой бойкій мальчуганъ—этотъ твой товарищъ, только какой онъ, должно быть, бѣднякъ! — сказала мнѣ потомъ моя мать, послѣ того, какъ изслѣдовала его узелокъ съ бѣльемъ и сравнила его содержимое съ содержимымъ моего сундука.

Скоро поспѣло и угощеніе. Появилась на столѣ сковорода съ шипящими еще и дымящимися колбасами въ капустѣ, пироги, поросятина и тому подобныя прелести. Послѣ насыщенія я ушелъ къ матери, которая требовала, чтобы я далъ ей хорошенько разсмотрѣть себя. Она нашла, что я очень похудѣлъ и значительно выросъ. Ея разспросы касались совсѣмъ другихъ предметовъ, чѣмъ разспросы отца. На сколько отца интересовали обстоятельства идеальнаго свойства, въ родѣ особенностей архіерейскаго служенія и содержанія проповѣди, на столько мать сейчасъ же погрузилась въ будничную прозу. Чѣмъ у насъ кормятъ, сколько даютъ блюдъ, свѣжее ли мясо, выдаютъ ли чай, хватаетъ ли мнѣ той провизіи, которую изъ дому присылаютъ, не нужно ли что подновить изъ бѣлья,—вотъ вопросы, которые она мнѣ предложила.

Когда я вернулся въ залъ, то не нашелъ тамъ никого. Отецъ сидѣлъ съ кабинетѣ одинъ и, надѣвъ большіе очки, читалъ послѣдній номеръ «Епархіальныхъ Вѣдомостей». Куда же дѣвался Пичужко? Никто этого не зналъ. Я забѣжалъ въ кухню и поздоровался съ сестрой, которая стояла надъ раскаленной плитой съ раскраснѣвшимся лицомъ, вся погруженная въ изготовленіе «хрустовъ». Пичужки здѣсь и не видали. Антонъ, къ которому я обратился за разъясненіемъ, молча махнулъ рукой по направленію къ телятнику. Я туда и отправился.

Въ обширномъ телятникѣ у стѣны стояли ясли, наполненныя сѣномъ. Нѣсколько телятъ разныхъ возростовъ стояли, уткнувъ свои морды въ сѣно, другіе лежали въ разныхъ концахъ и задумчиво ворочали челюстями. Пичужко сидѣлъ около одного изъ нихъ накорточкахъ и нѣжно гладилъ его голову и шею.

— Ты здѣсь?—спросилъ я:—что ты тутъ дѣлаешь?

Пичужко тихонько смѣялся, глазки его выражали полное умиленіе и были влажны. Величайшее довольство разливалось по всему его лицу.

— Какая глупая мордочка, посмотри, посмотри! Какъ у него шерстка лежитъ ровно-ровно, гладкая такая, какъ бархатъ! Онъ рябенькій, видишь: вотъ черное пятно, а вотъ бѣлое... А вонъ тамъ рыжій, какъ о. Петръ! Гляди! чудо что такое!

Онъ говорилъ это, восторженно закатывая глаза подъ лобъ, улыбался и обѣими руками любовно гладилъ теленка. Этотъ нисколько не протестовалъ, даже напротивъ, кажется, это ему нравилось. Но восторгу Пичужки не было предѣловъ, когда рыжій теленокъ, напоминавшій ему о. Петра, промычалъ довольно густымъ баритономъ.

— Вотъ такъ голосъ! Если бы тутъ былъ о. Петръ, то непремѣнно сказалъ бы: его надо взять въ хоръ! А знаешь, я уже былъ въ конюшнѣ. Тамъ Васька, Мишка, Гнѣдко и Воронъ; Воронъ лучше всѣхъ. На немъ твой батюшка по праздникамъ въ церковь ѣздитъ. Вѣдь церковь отъ васъ порядочно, съ версту. Это все объяснилъ мнѣ Антонъ. Антонъ—славный малый. Онъ только смотритъ строго, а добрый, все объясняетъ. Только онъ бѣдный. Онъ говоритъ, что у него каждую весну чахотка открывается. Да и еще я былъ на голубятнѣ. Антонъ поставилъ мнѣ лѣстницу, я взлѣзъ и распугалъ всѣхъ голубей! Я заглянулъ въ середину, тамъ все гнѣзда, гнѣзда... Ахъ, какая досада, что теперь зима, а не лѣто! Зеленой травки нѣтъ, деревья голы... А то бы я съ ума сошелъ! Послушай, ты попроси своихъ родныхъ, чтобы мнѣ пріѣхать сюда лѣтомъ, на каникулы...

Онъ лепеталъ скороговоркой, а я дивился, какъ онъ успѣлъ всюду побывать и все узнать. Его энергія и живость поражали меня.

Впродолженіе всего времени, что мы провели въ деревнѣ (около

недѣли), Пичужку нельзя было оторвать отъ телятъ, лошадей, коровъ, голубей, куръ. Онъ съ утра отправлялся въ конюшню и чистилъ вмѣстѣ съ Антономъ лошадей, потомъ взбирался на передокъ водовозной бочки и ѣхалъ съ Антономъ же къ рѣкѣ за водой; принималъ самое дѣятельное участіе въ кормленіи птицъ и доеніи коровъ. Послѣднее обстоятельство очень смущало кухарку Степаниду, которая почему-то всякій разъ, когда Пичужко вмѣшивался въ это дѣло, краснѣла и потупляла взоры, такъ далеко заходила ея щепетильность. Особенно близко сошелся онъ съ Антономъ, который съ своей стороны оказывалъ ему большую благосклонность. Антонъ познакомилъ его со многими деревенскими преданіями, большей и меньшей достовѣрности, разсказалъ, кто въ деревнѣ старшина, кто писарь, кто церковный староста. Пичужко съ восторгомъ передавалъ мнѣ всѣ эти разсказы, между которыми многіе были мнѣ хорошо извѣстны. Онъ съ грустью разсказывалъ мнѣ также печальную повѣсть Антона о его болѣзни. Болѣзнь эта открылась у него лѣтъ пять тому назадъ, когда онъ косилъ на полѣ. Былъ сильный урожай, цѣны на косарей стояли хорошіе, Антону хотѣлось какъ можно больше заработать денегъ, и онъ черезъ силу налегалъ на косу. Ну, тогда онъ и надорвался и съ тѣхъ поръ эта болѣзнь открывается у него каждую весну. Зимой—здоровъ, все у него въ порядкѣ, и работаетъ онъ за двоихъ, а чуть наступила весна, начинаетъ его всего томить и разламывать. А узналъ онъ, что у него чахотка отъ знахарки, которая «выливала ему болѣзнь на золѣ»; тутъ-то и выяснилось, что у него чахотка; знахарка прибавила еще, что болѣзнь эта неизлѣчима, и, согласно показанію той же золы, навѣрняка сосчитала, что ему осталось жить всего на всего семь лѣтъ, семь мѣсяцевъ и семь дней. Такъ какъ это было назадъ тому два года слишкомъ, то онъ проживетъ еще около пяти лѣтъ. Пичужко находилъ, что это очень мало и что Антонъ заслуживаетъ лучшей участи.

— Ну, какъ бы найдти средство, чтобы его вылѣчить!—со слезами на глазахъ восклицалъ онъ и долго думалъ надъ этимъ.— Знаешь, — сказалъ онъ мнѣ однажды:—въ городѣ есть докторъ. Я самъ видѣлъ вывѣску: «докторъ». Я непремѣнно проберусь къ нему и спрошу, какъ вылѣчить Антона. Непремѣнно!

И онъ долго и очень серьезно носился съ этой мыслью. Вообще Пичужко здѣсь, въ деревнѣ, представился мнѣ совсѣмъ въ новомъ видѣ. Въ городѣ онъ имѣлъ видъ какого-то заморыша, притомъ сознающаго свое положеніе принятаго «изъ милости», только потому, что его любилъ архіерей. Только съ однимъ архіереемъ, какъ это ни странно, онъ былъ смѣлъ, передъ всѣми же остальными смотрѣлъ робко и подавленно. Почти всегда я видѣлъ его какимъ-то вялымъ, апатичнымъ и лѣнивымъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда предстояла какая нибудь игра, въ особенности, гдѣ нужно

было бѣгать или драться, онъ отказывался принимать участіе Казалось, онъ ничего не любилъ, кромѣ душной комнаты, въ которой мы жили, и своей жесткой кровати, на которой постоянно валялся. Казалось, его нисколько не привлекали ни солнце, свѣтившее надъ архіерейскимъ дворомъ, ни мягкая травка, зеленѣвшая на узкой площадкѣ позади развалинъ стараго дома; и всегда онъ былъ сдержанъ, ровенъ, невозмутимъ.

А въ дѣйствительности оказалось, что ничего онъ такъ не любитъ, какъ степь, зелень, солнце, воздухъ, телятъ, лошадей, птицъ, что эта среда способна совсѣмъ приковать его къ себѣ, овладѣть имъ, оживить его и держать въ непрерывномъ волненіи. У Пичужки оказалась поэтическая натура, которая развернулась въ чуть-чуть подходящей обстановкѣ.

Бѣгая цѣлые дни на вольномъ воздухѣ, мы нагуливали великолѣпный аппетитъ, отлично питались, и мой другъ въ какихъ нибудь три-четыре дня пріобрѣлъ румянецъ щекъ и видимо поправился. На всѣхъ моихъ домашнихъ онъ производилъ самое пріятное впечатлѣніе, всѣ очень скоро сроднились съ нимъ, онъ сталъ, какъ свой, какъ членъ семьи, и это такъ уже осталось навсегда.

Однажды, когда мы съ Пичужкой сидѣли за воротами, на деревенской дорогѣ показался городской извозчичій экипажъ, который видимо направлялся къ намъ. Когда онъ подъѣхалъ ближе, мы узнали, что ѣдетъ Василій Макарычъ. Я обрадовался, а Пичужко нахмурился. Очевидно, всякое напоминаніе о бурсѣ было ему тягостно. Такъ какъ я громко выражалъ свою радость, то Пичужко мрачно спросилъ меня.

— Чему-жъ ты обрадовался? Эко удовольствіе! Еще, пожалуй, начнетъ щелчки давать!

— Что ты? Василій Макарычъ? Здѣсь, у насъ? Да онъ такой добрый!..

— Ну, ужъ... Добрый!.. Какъ это онъ можетъ быть добрымъ!..

Пичужко поднялся и хотѣлъ попросту удрать. Но это было поздно. Бричка подъѣхала къ воротамъ, лошади остановились, и Василій Макарычъ ловко соскочилъ на землю. Онъ подбѣжалъ къ намъ, приподнялъ меня обѣими руками и звонко поцѣловалъ въ губы.

— А!—промолвилъ онъ весело, увидавъ Пичужку:—вотъ кто здѣсь! Вишь, какимъ ты молодцомъ сталъ на свѣжемъ воздухѣ! Браво!

И онъ совсѣмъ подружески потрепалъ моего друга по плечу. Пичужко даже немного опѣшилъ и стоялъ молча, въ изумленіи. Василій Макарычъ расспрашивалъ насъ о родныхъ, всѣ ли здоровы, дома ли сестра, и затѣмъ, взявъ насъ обоихъ за руки, повелъ въ домъ. Его встрѣтили, разумѣется, съ радостью, такъ какъ онъ

былъ всегда желаннымъ гостемъ. Онъ былъ веселъ, разсказывалъ намъ множество потѣшныхъ исторій, хохоталъ съ нами, бѣгалъ взапуски и вообще былъ совсѣмъ не похожъ на помощника инспектора, всюду и на каждомъ шагу раздававшаго щелчки.

Пичужко долго не поддавался. По лицу его я видѣлъ, что онъ ко всему этому относился осторожно, съ сомнѣніемъ. Очевидно, онъ не довѣрялъ Василью Макарычу и каждую минуту ждалъ отъ него щелчка. Но, наконецъ, тотъ таки побѣдилъ его своей искренностью, и Пичужко пересталъ смотрѣть исподлобья и съ увлеченіемъ отдался веселью.

— Совсѣмъ другой онъ человѣкъ здѣсь!—съ изумленіемъ сообщилъ онъ мнѣ вечеромъ, когда мы ложились спать.—Совсѣмъ какъ будто бы не тотъ! Вотъ настоящее чудо! И всегда онъ такой у васъ?

— Всегда!

— Ей-Богу, чудо!

Когда на деревнѣ стало извѣстно, что поповичъ пріѣхалъ изъ бурсы, приходили смотрѣть на насъ. Приходилъ церковный староста, сотскій, нѣсколько бабъ и мужиковъ, и всѣ дивились моему сюртуку, въ которомъ я казался имъ необыкновенно важнымъ. Церковный староста, мужикъ зажиточный, по этому случаю посулилъ моему отцу два мѣшка пшеницы и въ тотъ же вечеръ прислалъ, а какая-то баба принесла цѣлую колбасу,—все по случаю того, что поповичъ пріѣхалъ изъ бурсы.

Когда мы явились въ деревенскую церковь и взошли на клиросъ, дьякъ и двое мѣстныхъ любителей церковнаго пѣнія изъ крестьянъ отнеслись къ намъ съ необыкновенной почтительностью и во всемъ, что касалось пѣнія, обращались къ намъ, какъ къ авторитетамъ. Мы пѣли, и гусиный голосъ Пичужки показался имъ восхитительнымъ. Бабы, слушавшія насъ, потомъ разсказывали своимъ знакомымъ, будто мы пѣли совершенно такъ, какъ поютъ ангелы на небѣ.

Но вотъ праздникъ нашъ кончился; о. Петръ строго-на-строго приказалъ не опоздать, а этотъ почтенный человѣкъ шутить не любилъ. Пичужко утратилъ всю свою живость, опустилъ голову и глядѣлъ мрачно.

— Опять лямку тянуть!—чуть не плача, промолвилъ онъ:—опять! Вотъ, если-бъ можно было вовсе туда не ѣздить, а всю жизнь прожить тутъ съ телятами да съ курами! Ахъ, какъ бы хорошо это было!

Но ѣхать, всетаки, было надо. Уже Антонъ выкатилъ изъ сарая бричку и сталъ закладывать лошадей. Мы стояли на дворѣ; я видѣлъ, какъ Степанида съ мѣшкомъ въ рукѣ рысцой побѣжала въ погребъ, и мать пошла туда же, а черезъ нѣсколько минутъ изъ погреба вынесли мою торбу, доверху наполненную всякой

живностью. Тутъ я вдругъ вспомнилъ чрезвычайно важное обстоятельство, о которомъ чуть было не забылъ.

При одной мысли, что я могъ совсѣмъ выпустить это изъ виду, у меня краска выступила на лицѣ. Вѣдь я же поклялся привезти особую торбу моему покровителю Остапову, и эта клятва право же для меня была святѣе многихъ другихъ. И это вовсе не потому, чтобы я боялся его кулака, нѣтъ, я представлялъ себѣ, какъ онъ, изголодавшійся на жалкой праздничной пищѣ Працовскаго, нетерпѣливо и жадно ждалъ этой торбы, и сколько она доставитъ ему высокаго, истиннаго наслажденія. Я побѣжалъ къ матери въ погребъ и сталъ умолять ее снарядить еще одну торбу. Мнѣ стоило большихъ трудовъ объяснить ей тонкую роль Остапова въ моей жизни. Такъ, кажется, она и не поняла, въ какомъ смыслѣ онъ мой защитникъ и покровитель, и если и согласилась исполнить мою просьбу, то больше потому, что вѣрила мнѣ на слово.

Тѣмъ не менѣе торба для Остапова была вынесена въ бричку. По сравненію съ нашей она была совсѣмъ тощая, но все же и въ ней было довольно добра.

Мы съ грустью оглядѣли комнаты и дворъ, отецъ благословилъ насъ, мы сѣли въ бричку и укатили.

Прежде чѣмъ проѣхать въ архіерейскій дворъ, мы подъѣхали къ дому Працовскаго и остановились. Насъ рѣшительно поразило то обстоятельство, что теперь, какъ и тогда, когда мы уѣзжали изъ города, голова Остапова торчала въ форточкѣ, словно съ тѣхъ поръ онъ и не вынималъ ея оттуда, а такъ и замеръ на цѣлую недѣлю въ страстномъ ожиданіи торбы. Завидѣлъ ли онъ и узналъ нашу бричку издали, или просто сердцемъ почуялъ наше приближеніе,—неизвѣстно. Но въ ту минуту, какъ мы остановились, голова уже исчезла изъ форточки, и Остаповъ, запыхавшись, стрѣлой вылетѣлъ изъ двери на улицу.

Мы дружными усиліями вытащили торбу и торжественно вручили ему. Онъ позабылъ даже поблагодарить и, какъ хищный звѣрь, послѣ долгихъ исканій нашедшій, наконецъ, добычу, съ жадными глазами потащилъ ее къ себѣ. Эта картина произвела сильное впечатлѣніе на Пичужку. Онъ хохоталъ до упаду и, когда минуты черезъ двѣ мы пріѣхали въ архіерейскій домъ, онъ былъ очень веселъ.

Въ тотъ же день мы уже драли глотки въ спѣвочной, готовясь къ завтрашнему празднику, а вечеромъ, когда въ соборѣ зазвонили къ вечернѣ, мой другъ Пичужко съ печальнымъ видомъ несъ по улицѣ тяжелыя нотныя тетради въ церковь.

Я замѣтилъ потомъ, что послѣ поѣздки въ деревню онъ сталъ апатичнѣе прежняго и еще больше привязался къ своему любимому занятію—лежанью на кровати, причемъ онъ задумчиво глядѣлъ въ потолокъ.

XV.

Борьба самолюбій.

Если бы меня спросили, чему мы учились въ школѣ въ тотъ періодъ, когда я былъ пѣвчимъ, то я затруднился бы отвѣтить. Чему? Да учились ли мы чему нибудь? Мы были пѣвчіе, и на насъ смотрѣли, какъ на пѣвчихъ, это было наше главное назначеніе, а остальное такъ себѣ, между прочимъ. Въ классѣ, въ то время, какъ съ другихъ требовали точнаго знанія «отсюда и досюда», на насъ махали рукой и говорили: «да это пѣвчіе», иными словами, это такой народъ, которому наука—лишнее бремя.

И не было никакой возможноести учиться. Даже наиболѣе прилежные, у которыхъ была большая склонность къ ученію, оставаясь пѣвчими, въ концѣ концовъ переходили въ разрядъ «ословъ», съ той только разницей, что обыкновенныхъ «ословъ» оставляли сидѣть въ одномъ классѣ по три двухлѣтія, а привиллегированныхъ «ословъ» изъ пѣвчихъ благополучно переводили изъ класса въ классъ. Если намъ удавалось три дня въ недѣлю побывать въ классѣ, какъ слѣдуетъ, то это было хорошо. Но бывали случаи, когда пѣвчіе покидали школу на нѣсколько недѣль, и ужъ тутъ, конечно, не могло быть и рѣчи о томъ, чтобъ идти наряду съ товарищами.

Такой случай выпалъ и на мою долю. Было объявлено, что архіерей поѣдетъ по епархіи. Какъ я уже сказалъ, онъ не былъ епархіальнымъ, а только викаріемъ, но какъ разъ въ это время епархіальный архіерей продолжительно болѣлъ, и всѣ его обязанности были возложены на нашего.

Отъѣздъ былъ назначенъ черезъ двѣ недѣли, но ужъ теперь начались настоящія интриги. По епархіи ѣздили рѣдко, и всякому хотѣлось попасть въ архіерейскую свиту. Пѣвчіе, да и прочій штатъ, смотрѣли на это, какъ на увеселительную поѣздку; но былъ еще и другой интересъ—матеріальный; причтъ посѣщаемыхъ и ревизуемыхъ церквей обыкновенно страшно трусилъ пріѣзда архіерейскаго и, такъ какъ архіерей самъ былъ строгъ и безкорыстенъ, старался всячески угодить всей его свитѣ, наивно приписывая вліяніе въ дѣлахъ каждому изъ членовъ этой свиты, до мальчишекъ-пѣвчихъ включительно. Предлагалось обильное угощеніе и благое даяніе.

А комплектъ ѣдущихъ, между тѣмъ, былъ незначителенъ. Ну, протодіаконъ былъ единственный, ему нечего было бояться, но, напримѣръ, иподіаконовъ было два, а къ поѣздкѣ назначенъ былъ только одинъ. И вотъ между ними, до сихъ поръ бывшими чуть не закадычными друзьями, началась борьба. Каждый старался по-

чаще попадаться архіерею на глаза, причемъ поражалъ своею исполнительностью, аккуратностью и даже граціозностью при исполненіи своихъ обязанностей.

Изъ пѣвчихъ предполагалось взять шесть взрослыхъ и шесть мальчиковъ. Больше всѣхъ волновался о. Павелъ, который отъ путешествія ждалъ великой жатвы во всѣхъ отношеніяхъ. Однажды о. Петръ сказалъ ему:

— Вы, о. Павелъ, не поѣдете!

— Это какъ? А почему бы я не поѣхалъ?—спросилъ о. Павелъ, весь вспыхнувъ.

— А потому, что вы состоите на приходѣ и одинъ дьяконъ тамъ. Нельзя же бросить приходъ на цѣлый мѣсяцъ!

— Ну, ужъ это извините!.. Это... это не причина! Я поѣду!

— Нѣтъ, вы не поѣдете!—съ ядовитымъ спокойствіемъ промолвилъ о. Петръ, которому доставляло высокое удовольствіе сдѣлать какую нибудь непріятность о. Павлу.

— А я вамъ говорю, что поѣду! Приходъ, эка важность! На приходъ я могу поставить замѣстителя. Я найду іеродіакона... Вамъ, конечно, не желательно, чтобы я поѣхалъ; вы рады мнѣ пакость сдѣлать, я васъ знаю, о. Петръ!..

— Не мнѣ, а преосвященному. Такъ преосвященный сказалъ, чтобы приходскихъ не брать. Спросите самого...

— Сказалъ?—съ какимъ-то выраженіемъ безнадежности спросилъ о. Павелъ.

— А разумѣется, сказалъ! Что же, я врать буду, что ли?..

О. Павелъ замолчалъ, подавленный и убитый. Съ преосвященнымъ спорить нельзя, тѣмъ болѣе, что о. Павелъ, за которымъ числилось множество упущеній, боялся его, какъ огня. Но примириться съ этимъ сразу у него тоже не было силъ. Всю спѣвку онъ просидѣлъ молча съ блѣднымъ и мрачнымъ лицемъ, а послѣ спѣвки подошелъ къ о. Петру и сказалъ тихо, покорно и просительно:

— О. Петръ! Ужъ вы похлопочите, чтобы мнѣ поѣхать! Ужъ я такъ буду благодаренъ, такъ буду благодаренъ! Ей-Богу, о. Петръ, будьте милостивы, похлопочите!

О. Петръ, разумѣется, не пропустилъ случая повеличаться передъ нимъ.

— Знаю я вашу благодарность, о. Павелъ, знаю! Это вы такъ говорите, когда вамъ круто пришлось. А чуть возьмете верхъ, сейчасъ носъ подымаете!—промолвилъ онъ.

— Ну, что тамъ, о. Петръ, старое вспоминать! У всякаго человѣка есть грѣхи!.. Конечно, я не опровергаю... У меня горячій характеръ. Такъ я же въ томъ не виноватъ...

— Ага, то-то и оно! Не мѣшало бы вамъ вашъ горячій характеръ охладить, о. Павелъ!

О. Павелъ еще выдерживалъ явное издѣвательство, но въ душѣ у него уже видимо подымалась буря. Лице его то блѣднѣло, то краснѣло.

— Но я же васъ прошу, о. Петръ! Прошу-у!

— Да я вижу, что просите, когда вамъ приспичило, когда о. Петръ вамъ нуженъ.

Тутъ о. Павелъ вскипѣлъ.

— Ну, и не надо! И не надо! И чортъ съ вами! Больше просить не стану!—закричалъ онъ злобнымъ голосомъ: — только помните это, помните, о. Петръ!.. Придетъ коза до воза... Когда нибудь и я вамъ понадоблюсь, такъ ужъ не пеняйте!...

— Да вы напрасно горячитесь, о. Павелъ!—спокойно промолвилъ регентъ, сознававшій превосходство своего положенія.— Если бы я еще могъ что нибудь сдѣлать, то былъ бы другой разговоръ, а то вѣдь это приказъ преосвященнаго...

Изъ взрослыхъ пѣвчихъ только одинъ Ѳедоръ не волновался. Онъ твердо зналъ, что безъ него никакъ нельзя обойтись. Архіерей не можетъ слышать хора, когда въ основаніи его нѣтъ октавы; а такъ какъ онъ, Ѳедоръ, единственный октависть во всемъ хорѣ и даже, кажется, въ цѣломъ городѣ, то для него путешествіе обезпечено. Притомъ же у него не было никакого прихода, ни семьи; онъ ничѣмъ не былъ связанъ и жилъ, какъ птица небесная.

Среди мальчиковъ-пѣвчихъ интриги поднялись въ неменьшей, если не въ большей степени. Такъ какъ здѣсь большая часть давно уже перешла въ рангъ «ословъ», то важнымъ побужденіемъ была возможность цѣлый мѣсяцъ совсѣмъ не заниматься науками. Но были и другія соображенія.

Путешествіе по епархіи, какъ увидимъ дальше, было веселое путешествіе, и всякому хотѣлось провести мѣсяцъ не дурно. Кромѣ того, ѣдущимъ дѣлали новую одежду, потому что нельзя же было развозить по губерніи оборванцевъ, какіе попадались среди насъ. Но чуть ли не самымъ капитальнымъ побужденіемъ было самолюбіе. Выбирали «лучшихъ», или, по крайней мѣрѣ, мы такъ думали, и всякій невыбранный для поѣздки этимъ самымъ разъ навсегда признавался «худшимъ». А самолюбіе, чисто пѣвческое, у насъ было развито сильно.

Начались скверныя исторіи. Мальчики, до сихъ поръ жившіе болѣе или менѣе мирно, стали смотрѣть другъ на друга исподлобья, придирались другъ къ другу, обвиняли товарищей въ разныхъ, никогда не существовавшихъ преступленіяхъ. Но что всего хуже, начались тайные доносы.

Мальченко, бывшій прежде «исполатчикомъ», теперь развѣнчанный по той причинѣ, что онъ «переросъ», имѣлъ мало шансовъ на поѣздку и рѣшительно не могъ снести этого. Онъ уже нѣсколько дней ходилъ въ задумчивости, а потомъ разразился

тѣмъ, что сталъ придираться къ Пегасову, бывшему его замѣстителемъ и конкурентомъ. Однажды Пегасовъ въ разговорѣ отозвался объ экономѣ не особенно лестно, сказавъ, что онъ даетъ намъ гнилую кашу, а деньги тратитъ на ромъ, который пьетъ съ Иваномъ Яковлевичемъ. Это было въ порядкѣ вещей, и мы часто такъ говорили въ своемъ кругу, хотя намъ достовѣрно было извѣстно, что экономъ, одинокій вдовецъ, честный человѣкъ, да и воровать-то ему не изъ чего. Но вдругъ Мальченко возвысилъ голосъ.

— А ты какъ смѣешь такую гадость про эконома говорить?— спросилъ онъ.

— А ты что за защитникъ? — спросилъ тотъ: — тебѣ какое дѣло?

— Защитникъ не защитникъ, а ты не смѣй!..

Насъ это удивило, но мы скоро забыли объ этомъ. Въ другой разъ Мальченко замѣтилъ, что Пегасовъ утромъ всталъ, одѣлся, умылся и не помолившись прямо сѣлъ за столъ и началъ ѣсть булку, которая полагалась намъ на завтракъ.

— А ты чего не молишься?—спросилъ онъ.

— Да что ты, Мальченко? Тебѣ какое дѣло? Можетъ, я въ душѣ помолился?

— Гм... Въ душѣ!.. Разсказывай!..

И всѣ видѣли, что Мальченку что-то мутитъ и тревожитъ. Но вотъ его скорбь дошла до такихъ предѣловъ, что онъ уже не могъ болѣе выдержать. Однажды, когда уже почти навѣрное стало извѣстно, что онъ не поѣдетъ, а вмѣсто него возьмутъ Пегасова, онъ отправился къ эконому и выпалилъ:

— О. экономъ! Пегасовъ говорилъ, что вы намъ гнилую кашу даете, а деньги на ромъ тратите съ Иваномъ Яковлевичемъ... И тоже онъ по утрамъ не молится...

— Что такое?—спросилъ экономъ, сразу не разобравшій, въ чемъ дѣло.

Мальченко повторилъ слово въ слово.

— Ага, вотъ что! — сказалъ экономъ, какъ-то странно улыбаясь.—Вотъ что! Такъ это говорилъ Пегасовъ? а?

— Пегасовъ! Онъ это говорилъ при всѣхъ насъ, всѣ слышали!

— А какъ онъ тебѣ приходится, Пегасовъ? а?

— Онъ... Никакъ!

— Какъ? Развѣ онъ тебѣ не товарищъ?

— Товарищъ!

— Такъ ты это на него доносъ дѣлаешь, наушничаешь и думаешь, что я тебя за это по головкѣ поглажу? а? А ты самъ, небось, никогда не бранилъ о. эконома? И всегда молился Богу нелицемѣрно? Ахъ, ты дрянцо этакое, мерзецъ и поганецъ!..

Экономъ поднялся и подошелъ къ нему.

— Поди-ка сюда!—промолвилъ онъ и, взявъ его за ухо, повелъ

въ свою спальню. Тамъ у него на стѣнѣ висѣла ремянная плетка, и этой плеткой онъ изрядно отодралъ бѣднягу Мальченку.

— Ну, теперь ступай и больше наушничествомъ не занимайся.

Мальченко съ подавленной злобой въ сердцѣ, скрывая слезы, вышелъ и прошелъ прямо въ глубину развалинъ стараго дома, куда мы вообще нерѣдко уносили всѣ свои тайныя радости и скорби. Дѣло его было окончательно проиграно.

Экономъ позвалъ Пегасова.

— Послушай, дружище, — сказалъ онъ ему строгимъ, внушительнымъ голосомъ:—ты что тамъ разглагольствуешь, будто я васъ обкрадываю и на ваши деньги ромъ пью? а?

Пегасовъ поблѣднѣлъ и весь задрожалъ. Вопросъ этотъ такъ поразилъ его, такъ онъ былъ неожиданъ, что у Пегасова не нашлось въ отвѣтъ ни одного слова.

— Что-жъ ты молчишь, свинья? Значитъ, это правда!? Такъ видишь ли, въ чемъ дѣло: я знаю, что вы тамъ между собой всякія гадости говорите не только про о. эконома, а и про самого архіерея, знаю это, самъ былъ когда-то сорванцомъ и такъ же поступалъ... Ну, что же, за глаза и царя ругаютъ. Да только все-же надо быть разборчивѣй и чести другаго человѣка не касаться. Я ничего у васъ не ворую, это знай и впредь не клевещи, свинья! А чѣмъ это ты досадилъ Мальченкѣ, что онъ пошелъ на тебя наушничать? Я за нимъ прежде не замѣчалъ...

— Такъ это Мальченко?—почти съ ужасомъ воскликнулъ Пегасовъ:—это онъ злобствуетъ...

— За что?

— Что его не возьмутъ по епархіи, а меня будто бы возьмутъ...

— Ахъ, вотъ что! Ну, ступай, да только впредь будь разборчивѣй!...

Когда у Мальченки прошло увлеченіе, онъ самъ страшно негодовалъ на себя за свой поступокъ и просилъ прощенія у Пегасова. Въ сущности онъ не былъ злымъ мальчикомъ, всегда считался хорошимъ товарищемъ и такимъ остался, за исключеніемъ этого случая.

Не избѣжалъ общаго увлеченія и Пичужко. Ему тоже хотѣлось попасть въ число избранниковъ, но самолюбіе у него въ этомъ случаѣ не играло никакой роли. Онъ хорошо зналъ себѣ цѣну, какъ пѣвчему; его «гусиный голосъ» вошелъ въ поговорку, и онъ самъ не меньше другихъ потѣшался надъ этимъ. Ему просто хотѣлось какой нибудь перемѣны, движенія. Кромѣ того, онъ сильно привязался ко мнѣ, и ему грустно было бы разставаться. Вопросъ же о томъ, поѣду ли я, самъ собою разрѣшался утвердительно.

— А меня ужъ ни за что не возьмутъ!—со вздохомъ говорилъ онъ мнѣ:—придется киснуть тутъ! Что бы такое придумать, чтобы взяли?! Давай-ка, подумаемъ!

Мы думали, но ничего не могли изобрѣсти. Единственная роль, которую Пичужко исполнялъ блестящимъ образомъ, была роль носителя нотъ, но для нея во время поѣздки не было мѣста. Мы уже почти примирились съ мыслью, что Пичужкѣ придется остаться, но тутъ вышелъ случай, неожиданно повернувшій это дѣло иначе.

Какъ-то мы играли съ нимъ во дворѣ и не замѣтили, какъ къ намъ подошелъ прогуливавшійся въ это время архіерей.

— А, здравствуй, философъ!—по обыкновенію съ улыбкой произнесъ архіерей, увидавъ Пичужку.—Ну, что, какъ твои дѣла?

Въ головѣ моего друга вдругъ промелькнула смѣлая, почти дерзкая мысль—воспользоваться этимъ случаемъ, и онъ сказалъ:

— Скверно, ваше преосвященство!

— Какъ такъ?—спросилъ архіерей, не ожидавшій такого отвѣта.

— Не берутъ по епархіи!

— О, только-то?! А я думалъ, что нибудь поважнѣе. А развѣ очень тебѣ хочется?

— Страшно хочется, ваше преосвященство!

— Ну, и поѣзжай, коли хочется! Скажи о. Петру, что я прошу его взять тебя.

Пичужко едва удержался, чтобы не подпрыгнуть на мѣстѣ. Онъ въ тотъ же день сообщилъ объ этомъ о. Петру.

— Тебя?—спросилъ тотъ съ изумленіемъ.—Что ты там будешь дѣлать?

— Не знаю. Преосвященный велѣлъ.

— Ну, и пролаза же ты, Пичужко, ей-Богу!

Но Пичужко не обидѣлся. Онъ торжествовалъ. Скоро мы узнали, что отъѣздъ совершится черезъ два дня.

И. Потапенко.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ТИПЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ [1].

II.

Капитонъ изъ Веретья.

I.

ПРЕЖДЕ всего позвольте мнѣ описать его наружность. Капитонъ — совсѣмъ плюгавый мужичонка, небольшаго роста, борода мочальнаго цвѣта торчкомъ, волоса постоянно взлохмочены, и мудрено сказать, какого они цвѣта. Носъ—пуговкой, подвижной, точно онъ ходитъ по лицу, что-то обнюхивая. Выраженіе сѣрыхъ запавшихъ глазъ—безпокойное; красное лицо все въ мелкихъ морщинкахъ, которыя словно лучами окружаютъ глаза. Голосъ — тонкій, съ какими-то выкриками. «Въ одну точку долбитъ»,—говорили про него. Это вѣрно и мѣтко сказано. Манеры у Капитона—то размашистыя, въ особенности, когда онъ подъ хмѣлькомъ, а то какія-то крадущіяся, онъ вдругъ весь съеживается и становится похожимъ на притаившуюся рысь, готовую броситься на добычу.

Я съ нимъ познакомился случайно. Онъ самъ пришелъ ко мнѣ. Я жилъ недалеко отъ Веретья, деревни, гдѣ была у Капитона полуразвалившаяся «избенка на курьихъ ножкахъ», какъ смѣялись крестьяне.

---

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLVII, стр. 416.

Стоялъ жаркій, лѣтній день, и я работалъ въ саду, въ бесѣдкѣ. Вдругъ является сынишка лавочника, у котораго я нанималъ дачу.

— Что тебѣ, Митя?

— Да васъ, кажись, мужикъ тутъ спрашиваетъ... можно ему сюда?

— Какой мужикъ?

— А и не знаю... Пришелъ и говоритъ: мнѣ сочинителя повидать надо, на дачѣ у васъ живетъ, изъ Питера.

— Позови его сюда,—сказалъ я, заинтересованный мужикомъ, спрашивающимъ не «Ликсандра Василича», не барина или дачника, какъ обыкновенно спрашивали крестьяне, предлагавшіе что нибудь, а сочинителя.

— Позвать?

— Позови, Митя!

Мальчикъ стрѣлой понесся изъ сада, а я оставилъ работу и сталъ дожидаться незнакомца.

Минуты черезъ двѣ явился и онъ. Онъ былъ въ стоптанныхъ сапоженкахъ, въ какомъ-то рыжемъ пиджакѣ, болѣе похожемъ на бабью кацавейку, чѣмъ на настоящій пиджакъ, и въ пестрыхъ штанахъ, забранныхъ въ сапоги.

Онъ снялъ рваную шапченку, поклонился и опять надѣлъ ее.

— Что тебѣ, любезный, надо?—спросилъ я его.

Онъ опять поклонился, подвинулся ко мнѣ шага на два, но ничего не отвѣтилъ.

— Зачѣмъ ты хотѣлъ меня видѣть?—снова спросилъ я.

— А видишь... какъ тебя звать, не знаю, — началъ онъ не то несмѣло, не то осторожно:—сказывали мнѣ, что у Ѳедотыча баринъ живетъ, въ газетахъ пишетъ... стало, это—ты... такъ вѣдь говорю?

— Пишу, что-жъ тебѣ?—отвѣтилъ я, стараясь угадать, о чемъ онъ поведетъ рѣчь дальше.

— А-а... ну, вотъ! — обрадовался онъ и заговорилъ какъ бы смѣлѣе:—такъ вотъ я къ тебѣ, значитъ, къ тебѣ: помоги!

Я былъ удивленъ.

— Помочь? Да чѣмъ же?..

— А напиши!.. Все, какъ есть, всю правду правденскую напиши. Я тебѣ разскажу, какъ передъ истиннымъ Христомъ, ни чуточки не совру, а ты опиши... Пускай министры и всякіе на̀большіе прочитаютъ и увидятъ, какой онъ такой есть злодѣй и мошенникъ, какъ я терплю отъ него, обиду всякую...

Онъ произнесъ все это быстрымъ, крикливымъ тономъ, и при послѣднемъ словѣ выразительно махнулъ рукою.

— Я ничего не понимаю, голубчикъ,—сказалъ я:—кто онъ? что онъ такое сдѣлалъ? что написать? Ты сядь да растолкуй хорошенько.

— Ничего, я постою...

Онъ помолчалъ недолго, пошевелилъ зачѣмъ-то на головѣ шапченку и выкрикнулъ:

— Ужели злодѣя нашего не знаешь: Өедьку Сохатаго? Эдакаго разбойника да не знаешь!

— Не знаю. Кто такой?

— Да одинъ онъ—аспидъ, Іюда Скаріотскій: нашъ старшина, чтобы ему ни дна, ни покрышки!

Я теперь припомнилъ, что слышалъ какъ-то разъ о Сохатомъ, который будто бы прижимаетъ крестьянъ, дѣлаетъ гешефты съ крестьянскимъ овсомъ... Но все это было неопредѣленно, сбивчиво, и неизвѣстно, сколько въ ходившихъ разсказахъ правды и сколько выдумки... Я уразумѣлъ только изъ словъ мужика, что Сохатый его обидѣлъ, и онъ пришелъ жаловаться на старшину. Но развѣ я судья?

— Ты къ мировому иди,—сказалъ я.

— Какъ мнѣ не жалиться! Нельзя не жалиться, если онъ меня изводитъ!—принялся опять выкрикивать мужикъ.—Аспидъ онъ, Іюда Скаріотскій... Ты думаешь—вру? Вотъ тѣ Крестъ Господень, Мать Святая Богородица... Отсохни мой языкъ!..

Я остановилъ его.

— Я вѣрю тебѣ... Но я-то при чемъ? Пожалуйся мировому!... или въ крестьянское присутствіе.

— А, ты думаешь, я не жалился?

— И что же?

— А что! Извѣстно—старшина!.. Развѣ не знаешь? Ну, да я правду найду... Я пойду дальше... Что мнѣ!.. Ужли правды не стало на свѣтѣ?

— Но что же тебѣ отъ меня надо?

— А помочи!.. Въ газетахъ опиши... Такъ и такъ-де: Сохатый обижаетъ неправосудно Капитона Картошкина... Это я—Капитонъ Картошкинъ... въ Веретьѣ я живу... Слыхалъ Веретье?

— Слыхалъ.

— Ну, вотъ... Обижаетъ де... творитъ всякія безчинства, а Капитонъ—это я-то—ничего ему худаго не сдѣлалъ; если и загналъ свинью, то вправѣ, срубилъ березки—опять въ правѣ: я хозяинъ своей земли... Такъ и опиши... Узнаютъ въ Питерѣ набольшіе чины—и сотворятъ правду... А я тебя чѣмъ ни на есть отблагодарю.

Я объявилъ ему, что писать не буду, это не мое дѣло, что и писать, о чемъ онъ проситъ, нельзя.

—А мнѣ сказали, что ты можешь!—произнесъ онъ недовѣрчиво.—Ты сочинитель, такъ и опиши... Прижми ихъ!.. Они тебя боятся.

Я улыбнулся.

— Думаешь, нѣтъ? Э, страсть, какъ боятся! Я, какъ про тебя-то узналъ, такъ сейчасъ евонной дочерѣ Матрешкѣ и сказалъ, а

она ему... Такъ онъ съ лица смѣнился... А я еще нарочно: пропечатаетъ, говорю, сочинитель, будетъ Ѳедькѣ шапка... А ты вотъ и... не хочешь!

Онъ сталъ упрашивать, но я наотрѣзъ отказался... По правдѣ сказать, изъ его словъ я ничего и не понялъ. Онъ ругалъ старшину аспидомъ, «Іюдой», упоминалъ о свиньѣ, о березкахъ, примѣшалъ еще что-то, а когда я его сталъ разспрашивать, онъ только повторялъ одно и то же.

Капитонъ ушелъ отъ меня не то обиженный, не то огорченный.

Часа два спустя, я встрѣтился съ хозяиномъ, который любилъ послѣ обѣда посидѣть у воротъ на лавочкѣ.

— А у васъ сегодня никакъ кліентъ былъ? — промолвилъ съ улыбкой хозяинъ, отвѣчая на мой поклонъ.

— Какой кліентъ? — удивился я, забывъ совсѣмъ о Капитонѣ.

— А Капитонъ-то изъ Веретья?

— Ахъ, да! Вы его знаете?

— Какъ же!.. Судейскій мужикъ!

— Почему вы его такъ назвали? Развѣ онъ часто судится?

— Скажите, когда онъ не судится!—промолвилъ хозяинъ.

Онъ улыбнулся и добавилъ:

— Поди, и къ вамъ за этимъ же дѣломъ приходилъ? Ругалъ Сохатаго?

Я отвѣтилъ уклончиво, не зная отношеній хозяина къ старшинѣ и не желая подводить Капитона.

— Да вы не бойтесь,—разсмѣялся хозяинъ:—я и такъ все знаю... Вѣдь вы же не говорили мнѣ о старшинѣ, а я ужъ и знаю, что Капитонъ его ругалъ... Онъ не боится, не скрывается и ругаетъ его при всѣхъ на чемъ свѣтъ стоитъ.

— Но какъ же онъ не боится? — замѣтилъ я, увидѣвъ, что скрывать дальше дѣйствительно нечего.

— А что ему?

— Ну, старшина можетъ...

— Э, развѣ захочетъ кто съ нимъ связываться!... Старшинѣ и зазорно, а другому... да онъ всякаго замучаетъ судьбищемъ. Его хлѣбомъ не корми, а дай посудиться. Онъ, кажись, съ тоски бы умеръ, если-бъ не судился: вѣчно съ кѣмъ нибудь тягается... Иное дѣло и плевка-то не стоитъ, а онъ судиться!

— Въ волостномъ?

— Всюду. Онъ и съ господами любитъ тягаться... Вотъ, чего добраго,—засмѣялся хозяинъ:—васъ притянетъ!

— Меня? Да за что же?

— А за что почтешь!... Ему что надо? Ему это удовольствіе доставляетъ: сейчасъ прошеніе (у него и аблакатъ имѣется, писарь тутъ живетъ изъ выгнанныхъ), и пошло дѣло въ судъ! Вызовутъ... Говорить онъ любитъ: не останови — цѣльный день будетъ бобы

разводить, хошь и безтолково, а бойко... Особливо если въ пылъ войдетъ: подвизгиваетъ, руками машетъ, тутъ ему все ни почемъ... Его чуть въ тюрьму не засадили за балясы-то...

— Какъ такъ?

— А замололся больно... Мировой, видите, не по немъ рѣшилъ, такъ онъ и скажи на судѣ-то: гдѣ, говоритъ, правда? Царь-то по правдѣ велѣлъ, а ты какъ?... Ну, его и пошугали!

— Засадили?

— Нѣтъ, а острастку дали!

— А чѣмъ его обидѣлъ старшина?

— Кто ихъ разберетъ!... Началось у нихъ съ самаго что ни на есть плеваго дѣла... Старшина загналъ его корову... то-есть, не загналъ, а заарестовалъ, такъ сказать, потому она въ поле къ нему зашла. Ну, штрафъ! Капитонъ какъ ни какъ, а долженъ былъ заплатить. Вотъ хорошо. Вскорѣ онъ старшинову свинью поймалъ у себя и загналъ... Старшина выкупилъ... Ну, извѣстно оба обозлобились. Тутотка старшина двѣ березы посадилъ возлѣ дома... а домъ-то его рядомъ съ Капитоновой избой. Капитонъ возьми и сруби: на моей землѣ, говоритъ. Стали судиться: оказалось, что Капитонъ-то не правда... Такъ нашли... А онъ кричитъ: врешь! неправда!.. Всетаки его, голубчика, на высѣдку... Ну, и пошло, и пошло...

— А дѣйствительно въ этомъ случаѣ онъ не правъ?

— Кто знаетъ... не могу удостовѣрить васъ, — уклонился хозяинъ.—Да вѣдь это что, если-бъ онъ только съ Ѳедоромъ Осиповичемъ судился: ну, обидѣлъ тотъ, мало ли случается... А то онъ со всѣми... всѣ его обижаютъ... Онъ что чайка: та рыбу наслѣживаетъ, а онъ—кого притянуть бы... Недалеко взять... Живетъ тутъ отъ насъ по близости баринъ, Погуляевъ фамилія его... Баринъ хорошій, только крутенекъ... Порядились мужики у него лѣсъ возить, и Капитонъ средь нихъ... Только споръ вышелъ. По глупости мужики не поняли... Баринъ осерчалъ: «Ничего, говоритъ, не получите, если такъ!» Подумали мужики, обсудили, видятъ, въ самомъ дѣлѣ одно глупство, а дѣло выгодное... Пришли къ барину и просятъ извиненья. Ну, получили свое, на водку даже баринъ прибавилъ, и опять принялись за работу. А Капитонъ барина къ суду! Я ему, говоритъ, покажу, нешто можно обижать такъ бѣднаго человѣка! Ему и говорятъ: да какая-жъ обида? Вѣдь всѣ вы ошиблись, вонъ поняли и работаютъ другіе... Сами вы напутали и разсердили барина. А онъ свое: пущай мировой разсудитъ, а я такъ и денегъ не приму! И подалъ въ судъ.

— Чѣмъ же кончилось?

— А тѣмъ же и кончилось: то и присудилъ мировой, что баринъ безъ суда давалъ!...

— Работу, конечно, онъ потерялъ?

— Извѣстное дѣло!... Баринъ его и на дворъ пускать не велѣлъ... А работа хорошая!

— Значитъ, онъ не мало теряетъ? — спросилъ я.

— И даже очень не мало! Развѣ хожденье-то по судамъ ничего не стоитъ? И за прошенье заплати, и то, другое, а время-то? Гдѣ бы ему работать, а онъ въ горячее-то время по судамъ шляется!... Здѣсь не рѣшатъ по евоному, онъ и дальше, въ городъ пѣхтурой претъ, харчится... А семья нужду терпитъ... Шалый совсѣмъ...

— Онъ плохо живетъ?

— Гдѣ-жъ тутъ жить хорошо? Да вотъ съѣздите когда нибудь: отсюда до Веретья-то всего верстъ девять, десять... Посмотрите на его житье-бытье!

— Но зачѣмъ же онъ такъ? — удивился я.

— А спросите его!... Правды ищетъ... Обиды не сноситъ. Онъ и другихъ-то тому-жъ учитъ... Гдѣ ссора, онъ ужъ тутъ: «въ судъ надо,—науськиваетъ,—чего такъ оставлять!»... И радъ, если по немъ выйдетъ... А нѣтъ—ругается: «дураки, кричитъ, не ищутъ судомъ обиды... и пущай... дураки!»... Совсѣмъ шалая заноза!... Нѣтъ, вы, право, съѣздите въ Веретье, посмотрите... поговорите о немъ: интересно, а для газетъ даже и очинно забавно будетъ.

Хозяинъ съ улыбкой раскланялся и отправился въ лавку.

II.

Я рѣшилъ непремѣнно побывать въ Веретьѣ, но разныя дѣла, а затѣмъ поѣздка въ Петербургъ, помѣшали мнѣ въ скоромъ времени выполнить свое намѣреніе. А потомъ какъ-то невольно я забылъ про Капитона. Но вотъ однажды, возвращаясь верхомъ отъ знакомаго помѣщика, я вдругъ вспомнилъ о Картошкинѣ. «Заѣхать развѣ?»—задалъ я самъ себѣ вопросъ. До Веретья было всего версты четыре. Подумалъ и поѣхалъ.

Веретье—деревня не богатая, но растянулась чуть не на версту. Когда я подъѣхалъ къ ѳтводу, изъ крайней избы выбѣжалъ бѣлоголовый мальчикъ въ одной рубашонкѣ и едва смогъ отворить ѳтводъ.

Я бросилъ малышу мелкую монету и спросилъ:

— Гдѣ живетъ Капитонъ Картошкинъ?

Но малышъ или не понялъ меня, или не нашелъ нужнымъ отвѣтить мнѣ, и умчался въ ворота своей избы.

Я поѣхалъ впередъ и черезъ нѣсколько саженъ встрѣтилъ старика, шедшаго съ ведромъ, вѣроятно, на рѣчку.

Онъ поклонился мнѣ.

— Гдѣ здѣсь живетъ Капитонъ Картошкинъ?—спросилъ я его.

— А-а, Картошкинъ?—промолвилъ старикъ:—а прямо поѣзжай... прямо... Тутъ будетъ большой, баской такой домъ... это старшининъ домъ, а рядомъ и избушка Капитона... Только его вѣдь нѣту дома-то.

— А гдѣ же онъ?

— Въ городъ ушелъ, родной, въ городъ.

— Зачѣмъ? Неужели въ судъ?

— Въ судъ, батюшка, и какъ есть угадалъ... И къ архіерею, слышь, хотѣлъ...

— Къ архіерею? — изумился я.

— Да, родной: на дьякона, вишь, жалиться хочетъ... Онъ у насъ безстрашный! — съ улыбкой добавилъ старикъ.

— А что у него съ дьякономъ?

— И Господь вѣдаетъ, Господь вѣдаетъ,—вздохнулъ старикъ.— Что-то промежъ нихъ вышло... Сказываютъ, будто дьяконъ-то семитку его не принялъ и бросилъ на полъ, говоритъ, мало, больше надоть за поминъ сродственниковъ, стало... Ну, Капитонъ и вошелъ въ сердце... Въ церкви, говоритъ, развѣ такъ можно?... И сейчасъ къ благочинному, да тотъ во вниманіе не взялъ его словъ, вотъ онъ теперь къ архіерею... Охъ, грѣхи, грѣхи!... Такъ ты прямо поѣзжай, родной, будетъ тутъ домъ баской, а рядомъ и Капитонова изба...

И, кряхтя, старикъ поплелся дальше.

Я поѣхалъ впередъ. Доѣхалъ я до «баскаго дома», миновалъ его и остановился въ изумленіи. Да гдѣ же изба Картошкина? Неужели вотъ эта развалина, которая даже среди бѣдныхъ деревенскихъ лачугъ казалась жалкою, а, благодаря сосѣдству съ домомъ Сохатаго, выглядѣла просто какой-то кротовой норой. Вся она покосилась, точно сейчасъ упасть собралась; стекла повыбиты наполовину, воротъ нѣтъ: прямо крыльцо, полусгнившее и развалившееся. Около избенки телѣжка объ одномъ колесѣ и кадка безъ дна.

Я слѣзъ съ лошади, привязалъ ее къ колу, вбитому въ землю вблизи избы, и направился въ хату, но она оказалась «заложенной», то-есть запертой палочкой. Значитъ, никого дома нѣтъ. Я осмотрѣлся вокругъ—тоже никого. Я хотѣлъ ужъ ѣхать обратно, какъ изъ избы, стоявшей напротивъ, черезъ дорогу, показался благообразный мужикъ, уже сѣдой, но еще крѣпкій, здоровый, съ бородой патріарха.

— Вамъ кого надобно-то? — промолвилъ онъ.

— Капитона... или кого нибудь изъ его семьи.

— Никого нѣту... Капитонъ въ городъ ушелъ, а хозяйка евонная ушедши на мызу стирать.

— А другіе?

— Да кто-жъ другіе-то: онъ, хозяйка да сынъ и дочь—и вся семья...

— Гдѣ же тѣ? дочь и сынъ?

— Сынъ утресь ушелъ куды-то, а Дунька къ фершалу въ сельцо... рука у нея разболѣлась.

Я былъ недоволенъ: зачѣмъ же сдѣлано столько верстъ?

— А вамъ почто надо-то, дѣло нешто какое? — спросилъ мужикъ, внимательно оглядывая меня и какъ бы удивляясь, зачѣмъ это барину понадобился Картошкинъ.

— Да такъ... ѣхалъ и заѣхалъ!.. Хотѣлъ посмотрѣть его житье-бытье!...

— Хм! — ухмыльнулся мужикъ: — да чего смотрѣть-то?... Изъ животовъ—одна кляча, замореннаго клопа тоще, а изъ посуды — черепки да обломки... Вотъ тутъ и все хозяйство.

Онъ зѣвнулъ, перекрестилъ ротъ и прибавилъ:

— Може, вамъ чего требуется: молочка, аль самоварчикъ, такъ это можно, милости просимъ ко мнѣ...

Жара истомила меня, и предложеніе мужика съ бородой патріарха мнѣ показалось привлекательнымъ.

— Спасибо... Если есть молоко, дайте криночку!—согласился я.

— Можно! Пожалуйте въ домъ, а то я вотъ сюды вынесть велю... въ тѣни на холодкѣ лучше еще,—сказалъ онъ, указывая мнѣ на задворокъ, гдѣ отъ трехъ рябинъ дѣйствительно была тѣнь.

Пока я переводилъ лошадь и привязывалъ ее, старуха, должно быть, жена гостепріимнаго мужика, принесла кринку молока, чашку и деревянную ложку. Я сѣлъ на поставленный табуретъ, а мужикъ помѣстился на крыльцѣ, невдалекѣ отъ меня.

Я рѣшилъ поразспросить о Капитонѣ.

— Что это онъ у васъ какой странный,—замѣтилъ я, кивнувъ головой на избу Картошкина:—все онъ судится!

— Эхъ!—только и произнесъ мужикъ въ отвѣтъ на мое замѣчаніе.

— Что же?—продолжалъ я.

— Да что... лучше и не говорить про него... Надоѣлъ всѣмъ... Смутьянецъ онъ... такого смутьянца выслать бы надоть!

— Да развѣ онъ кому мѣшаетъ?

— А то нѣтъ? Сутяга!.. Кого-кого только онъ не тягалъ! Вона на дьякона пошелъ жалиться... Пустой человѣкъ!... Никто его и работать-то не хочетъ брать... дѣла имѣть съ нимъ!...

— Онъ себѣ и вредитъ, никому другому...

— Себѣ! Какъ бы только себѣ!

Мужикъ сошелъ съ крыльца, подошелъ ко мнѣ и опустился на толстое бревно, лежавшее на землѣ, между деревьями.

— Всѣмъ вредный человѣкъ! — заговорилъ снова онъ, проводя рукой по бородѣ: — съ нимъ маяты не мало!... Его и стегали, и все такое—неймется! Замѣсто того, чтобы работать да жить хозяйственно, онъ тяжбы заводитъ... Весь въ недоимкахъ... раззорился!... Себѣ вредитъ! Гдѣ-жъ себѣ, коли всему міру смутой вредитъ... О прошлое лѣто какую баламуту поднялъ: прошенье уже

составили, а онъ ходокомъ выискался, въ Питеръ, стало... къ самому министру—вона куды!

— И что же?

— Да Господь отвелъ грозу, а то бы всѣмъ бѣда бѣдущая... Его бы, баламута, упрятали за рѣшетки!... И жаль, что не упрятали, стоило бы... Только вотъ другихъ-прочихъ жаль!..

— Почему же не пошелъ онъ въ Питеръ?

— А становой сдогадался... ну, и... вразумилъ!.. Благодаренье Господу!... Да, и человѣкъ!—сокрушенно и въ то же время пренебрежительно продолжалъ мужикъ: — какъ ни уговариваешь его, не дѣйствуетъ. Мировой надысь разсердился и закричалъ даже: убирайся, я отъ тебя больше и прошеній не буду принимать: надоѣлъ! Эхъ, баловство нонѣ, вотъ что!—закончилъ мужикъ.

— Какое баловство?

— А такое... Какъ открылись эти суды самые, мировые, стало возможно за всякимъ вздоромъ начальство безпокоить, вотъ такіе паршивцы-кляузники, какъ Капитошка, и полѣзли... Допрежь строже было!... Ну, а тутъ слободно... Бывало, баринъ и ругнетъ, куда идтить? Или невзначай что... мало ли... гдѣ судиться!... А теперь къ мировому!... Ты думаешь, одинъ такой сахаръ медовичъ Капитонъ-то? Есть ихъ! Вона на Горкахъ Максимъ, въ Погулянкѣ—Савелій... не лучше! Одного поля ягоды!... Только Максимъ не такой занозистый, поменьше попустому судится, а тоже охочъ!.. Ну, у Савелья—баба попалась, дюже въ рукахъ держитъ. Онъ слабнякъ, а она король-баба... Порой и затрещину дастъ ему, ну, и угомонитъ.

— А развѣ у Капитона плохая жена?

— Не, что хаять, баба — работящая, изъ силъ выбивается... Коли-бъ не она съ дѣвкой, все бы давно по всѣмъ швамъ расползлось... Онѣ однѣ и правятъ работу... А только обѣ онѣ смирны больно... Плачутъ да надрываются въ работѣ... Особливо сама-то: безгласная баба... Онъ ее и бьетъ еще! Робка!..

— А сынъ?

— Сынъ-то больше въ Питерѣ, по извозчичьей части... Избаловался парень... Одначе, подати справляетъ, и все платитъ за себя... Только тоже не радость... Давноль заявился, а ужъ и опять норовитъ въ Питеръ!

— Зачѣмъ его пускаютъ?—замѣтилъ я.

— А кто не пуститъ?... И онъ умѣетъ: угоститъ, уподчуетъ всѣхъ, ну, и смякнутъ...

Мимо насъ, по улицѣ, прошла худая, сгорбленная женщина. Она поклонилась мужику, съ которымъ я бесѣдовалъ, и назвала его Семеномъ Петровичемъ.

— А-а!...—промолвилъ онъ:—да вотъ и хозяйка Капитона вернулась... Вотъ, коли угодно... Эй, Татьяна!—крикнулъ онъ.

Женщина вернулась и остановилась неподалеку отъ насъ.

— Вона баринъ къ вамъ пріѣхалъ... принимай!

Она не то удивленно, не то пугливо посмотрѣла на меня.

— Чего глядишь-то... Не вру!... Самъ скажетъ, спроси!..

Я всталъ и подошелъ къ Татьянѣ. Она низко поклонилась мнѣ.

— Твой мужъ былъ у меня какъ-то,—сказалъ я ей... Вотъ и я завернулъ... навѣстилъ его... а онъ ушелъ куда-то!

— Нѣту его, нѣту,—захныкала Татьяна: — въ городъ онъ ушедши!

— Да что же ты на улицѣ разговариваешь... ты къ себѣ пригласи... эхъ, Татьяна!—причмокнулъ Семенъ и покачалъ головою.

— Куда ужъ намъ къ себѣ звать, Семенъ Петровичъ,—со вздохомъ отвѣтила женщина: — у насъ такъ сорòмно, что и принимать-то хорошихъ людей не годится! А, впрочемъ, если твоей милости угодно, такъ что же,—обратилась ко мнѣ баба...

Она пошла черезъ дорогу къ себѣ, я послѣдовалъ за нею.

— Ужъ не осудите только... бѣднò у насъ, совсѣмъ бѣднò...

Не только бѣднò, а настоящая нищета царила въ избѣ...

— И самовара у насъ нѣтъ, и чайку и сахарку не водится,— промолвила съ болью Татьяна: нечѣмъ и угостить добраго человѣка... Сморишься инò, и сама испила бы чашку, да нѣту!

Я пробылъ въ избѣ не больше минутъ пяти: въ ней было душно и грязно. Я вышелъ на крыльцо, за мной вышла и Татьяна. Я съ трудомъ убѣдилъ ее, что я не начальникъ, а живу на дачѣ и просто заѣхалъ посмотрѣть житье Капитона.

— Ахъ, батюшка, и что смотрѣть... стыдъ одинъ и маята!...— сказала она, повѣривъ наконецъ мнѣ.

— Да что онъ все судится?

— Изводитъ онъ насъ и себя,—перебила Татьяна... Такъ ли жить-то бы можно... а гдѣ тутъ: ни тебѣ работать, ни тебѣ что сберечь!... Раззоренье!...

— Ты бы его уговорила!—замѣтилъ я.

— И какъ же, гдѣ его уговорить!.. Съ лица перемѣнится весь... того гляди шибонетъ!... Ужъ такой, значитъ, предѣлъ опредѣленъ ему... отъ Господа!

— Всегда онъ такой былъ?

— Извѣстно, помоложе не тотъ былъ... Жили ничего... Батюшка-свекоръ живъ былъ... Онъ не любилъ этого... А умеръ батюшка,—воля ему стала... Суды новые эти, да и что старше, то упрямѣй сталъ... Норовистъ всегда былъ... И видитъ инò — не правъ, а не уступитъ!... Гдѣ уговорить... Вона хоть: къ архіерею пошелъ... Говорила: «не ходи», нѣтъ, пошелъ! Куды вѣдь: выговорить-то боязно, а онъ идетъ... Архіерей, говоритъ, отъ Господа, правду соблюдаетъ... и дьякону достанется... А я вотъ смекаю, что ничего не достанется... самому бы не вышло худо!..

На ея глазахъ навернулись слезы.

— И что будетъ, что будетъ!—сказала она, уже всхлипывая и утирая подоломъ фартука сначала носъ, а потомъ лице.

— Что же можетъ быть?—спросилъ я.

— Съѣстъ теперь его дьяконъ... да и отецъ Павелъ осерчалъ... Обчество тоже... ну, какъ на грѣхъ, да выселятъ... что тогда?... А тутъ дѣвка...

— Дочь твоя?

— Дочь, батюшка, Дунька!...

— Что же она-то?

— А кто ее возьметъ голую-то, безъ скруты!... А гдѣ чтò у насъ?...

Она заплакала.

Я далъ ей рубль на чай и сахаръ; она начала благодарить... Я уѣхалъ поскорѣе.

Тяжело было у меня на душѣ, когда я возвращался домой... Хотѣлось помочь, а чѣмъ? гдѣ средство?...

Въ селѣ, гдѣ я жилъ, есть почтовое отдѣленіе. Подъѣзжая къ нему, я увидѣлъ у воротъ тарантасъ мироваго судьи, котораго немного зналъ.

«Вотъ кого спросить о Капитонѣ»,—подумалъ я и завернулъ на почту.

— Катаетесь?—встрѣтилъ меня судья, видѣвшій изъ окна, какъ я подъѣхалъ верхомъ.

— Да, немножко... Увидѣлъ вашъ тарантасъ и завернулъ... Хочется мнѣ васъ спросить объ одномъ человѣкѣ.

— Не судиться ли хотите?

— Славу Богу, нѣтъ... А вотъ скажите вы мнѣ: что за человѣкъ Капитонъ Картошкинъ?

— Онъ васъ тянетъ въ судъ?

— Нѣтъ, нѣтъ... А онъ меня очень интересуетъ!

— Ну, дорогой мой, васъ онъ интересуетъ, а я не знаю, куда отъ него дѣваться, имени его слышать не могу... Хуже рѣдьки горькой надоѣлъ!.. Я ужъ думаю мѣры принять... Эдакъ, скоро только одни его дѣла и придется разбирать!...

— Какъ вы объясняете такое явленіе, Нилъ Африкановичъ?

— Да какъ объяснять! Натура такая сутяжная! Въ крови, видно..! А, впрочемъ, что же: отецъ его не любилъ судиться, дѣльный былъ мужикъ!... При немъ жили хорошо... Знаете что,—вдругъ промолвилъ судья, вставая: — вотъ эти адвокаты-шушера, чтò по деревнямъ засѣли... вотъ что язва!... Они и расплождаютъ такихъ сутягъ!...

— Вы полагаете?

— Непремѣнно!... Гдѣ бы иной и махнулъ рукой, а тутъ соблазнъ, піявка услуги предлагаетъ!.. На такую натуру, какъ Капитонъ, имъ повліять легко!..

— Да, но не все же такіе?

— Что бы и было тогда! Ложись и умирай! А все же не онъ одинъ. Есть ихъ... надоѣли мнѣ!.. Хотя бы вотъ — Сократъ... Богатый... все судится!.. Денегъ не жалѣетъ... Только онъ не такой тошный, какъ Капитонъ... Этотъ ужъ очень... какъ бы сказать...

— Ершистъ—вставилъ, улыбаясь, почтмейстеръ.

— Вотъ, вотъ! Именно!—засмѣялся судья... А и тотъ и другой—братцы по любви къ сутяжничеству!

— А не думаете вы, Нилъ Африкановичъ, что легкость судиться расплодила Капитоновъ?

— Легкость судиться?—переспросилъ судья въ раздумьѣ.

— Да?

— А что же, — вдругъ произнесъ онъ:—въ этомъ есть доля правды... И большая... Однако, досвиданья, тороплюсь на поѣздъ!...

— Въ городъ?

— Да, на съѣздъ!...

— А нельзя ли его исправить какъ нибудь, урезонить?—сказалъ я, прощаясь съ судьею.

— Это Капитона-то?—разсмѣялся онъ:—э, батенька, горбатаго могила одна исправитъ! Ему подъ 50 лѣтъ... гдѣ тутъ!

III.

Прошло два года.

Въ началѣ осени, по дѣлу, я попалъ въ городъ N., одинъ изъ скучнѣйшихъ губернскихъ городовъ... Я умиралъ съ тоски. Вдругъ совершенно случайно я узналъ, что въ N—скомъ судѣ служитъ мой гимназическій товарищъ. Я обрадовался и поспѣшилъ къ нему на квартиру. Мнѣ сказали, что онъ уѣхалъ въ судъ. Я—туда.

Первый, кто попался мнѣ въ коридорѣ, это былъ Капитонъ. Я его сразу, пожалуй бы, и не узналъ, но онъ поклонился мнѣ, и этимъ обратилъ на себя мое вниманіе. Онъ сильно измѣнился: похудѣлъ, выглядѣлъ совсѣмъ изнуреннымъ, сгорбился, въ волосахъ пробивалась замѣтная сѣдина.

— Здравствуй!—сказалъ я, подходя къ нему.—Да что съ тобой? Боленъ ты былъ что ли?

— Какое боленъ... Это они меня извели, аспиды, Іюды Скаріотскіе!

— Кто они?

— Старшина и его пріятели... Вѣдь я въ тюрьмѣ сидѣлъ... въ тюрьмѣ!

— За что же?

— А все черезъ нихъ! Искалъ я на нихъ правды, не могъ найти... Меня же и прижали!.. Описали все, все до нитки: корову послѣднюю увели, Машку—это кобыла у меня, и ее взяли. Да что

кобыла: избу раскрыли, крышу поснимали! Каковы аспиды, каковы Іюды Скаріотскіе? Ну, я не стерпѣлъ и сказалъ все, при самомъ становомъ и сказалъ, такъ прямо и сказалъ Ѳедькѣ: ты, говорю, не старшина, а разбойникъ, хуже разбойника, который на большой дорогѣ грабитъ.. ты, говорю, плутъ и подлецъ, и всяко-то его, всяко ихъ всѣхъ! Отвелъ душеньку! Ну, а меня и засадили!

Его голосъ сталъ будто еще крикливѣе, а носъ попрежнему «ходилъ» по лицу. Но весь онъ выглядѣлъ болѣе жалкимъ, чѣмъ раньше, хотя и тогда былъ неказистый мужичонка.

— Да развѣ можно такъ-то, Капитонъ, что ты! — сказалъ я ему...

— А что же такое?

— То, что засадили.

— И пущай!—выкрикнулъ онъ какъ-то особенно пискливо:— пущай! Я еще посижу, а ужъ имъ не уступлю!

— Неужели ты опять будешь судиться?

— А то какъ же? Уступать имъ? Ни!.. Ни въ жисть! Я и сюда за тѣмъ пришелъ: тутотка есть человѣкъ одинъ, онъ ужъ все понимаетъ, всѣ законы, какъ свои пять пальцевъ, изучалъ... дошлый, его никто не проведетъ... шалишь! Онъ все устроитъ!... Какъ можно оставить! Такое беззаконіе со мной они учинили, а я оставить!.. Что здѣшній судъ... я и выше управу найду... ужъ онъ обѣщалъ!

— Кто?

— Самый этотъ человѣкъ...

— И надуетъ онъ тебя.

— Онъ? Николи! Его слово вѣрно... Онъ не молодый... старый воробей... его на мякинѣ не проведешь!

— Да онъ-то тебя проведетъ!

— Ни!.. И я смекаю тоже... сдѣлай милость—человѣка видать! Ужъ онъ сказалъ, такъ и будетъ!

— Что же онъ сказалъ?

— Что? А то, что слетитъ Ѳедька... въ яму его засадятъ, анаѳему, вотъ что. Онъ думаетъ, что засадили—и капутъ! Подожди, миленькой... я еще ему носъ утру... всѣ евоныя пакости на свѣтъ Божій выведу... На-ка, недавно онъ старика чуть не запоролъ, а за что? Шапку ему не снялъ!.. Каковъ аспидъ? Дураку тому въ судъ бы... а онъ спужался и на рублѣ мировую покончилъ!.. Дуракъ шалый! А я не такой... я добьюсь своего!

«Да, его одна могила исправитъ!»—вспомнилъ я слова судьи.

— А что твоя семья?—спросилъ я.

— Семья?.. ничего... что ей!.. Я землю свою сдалъ...

— Сдалъ?

— Сдалъ, мужичку одному сдалъ... въ аренду, значитъ! То за меня и вноситъ, что слѣдуетъ!

— А дѣти что же?

— Сынъ померши... въ Питерѣ жилъ и померъ... Дунька замужъ вышла, за воспитанника, парень былъ тутъ... они оба на мызѣ живутъ... служатъ тамъ, значитъ.

— А жена?

— И Татьяна служитъ... на селѣ, гдѣ ты жилъ... у купца Зернушкина въ куфаркахъ... Я теперь что бобыль... А вотъ погоди: все верну... такое хозяйство поведу, что на поди, Ѳедька лопнетъ съ досады!.. Неужели правоты нѣтъ на свѣтѣ?

— Послушай-ка,—вдругъ вспомнилъ я:—а что твое дѣло съ дьякономъ?

Капитонъ мгновенно сдѣлался пасмурнымъ: я задѣлъ его больную рану.

— Не пустили меня!—сказалъ онъ упавшимъ голосомъ.—Извѣстно, свои люди... служка и все такое... ну, и не допустилъ архирей до себя!

Въ эту минуту дверь, близь которой мы стояли, отворилась и на порогѣ показался мой товарищъ.

— Батюшки! кого я вижу!—воскликнулъ онъ, подходя ко мнѣ...—Какъ здѣсь? по какому дѣлу?

Онъ протянулъ мнѣ обѣ руки, видимо, обрадовавшись неожиданной встрѣчѣ. Мы пошли, разговаривая, по коридору... Капитонъ куда-то исчезъ.

Спустя два дня я былъ снова въ судѣ, но его уже не встрѣтилъ. Въ N. я прожилъ болѣе двухъ недѣль, но ни разу не видѣлъ Картошкина. Онъ, вѣроятно, ушелъ въ деревню, а то, можетъ быть, и въ Петербургъ.

И гдѣ онъ теперь, что съ нимъ, я не знаю. Если живъ и имѣетъ возможность судиться, навѣрное продолжаетъ тягаться. Такіе люди упрямы.

Одно несомнѣнно: хозяйство возстановить ему навѣрное не удалось!

«Одна могила его исправитъ»,—смѣясь, сказалъ судья.

Это вѣрно: могила или въ крайнемъ случаѣ тѣ горки крутыя, что укатываютъ и сивку. Но, когда я вспоминаю Капитона, мнѣ не хочется смѣяться, а грустно и тяжело становится у меня на душѣ.

А. Кругловъ.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЖИЗНИ ПОЭТА М. Ю. ЛЕРМОНТОВА [1].

III.

ГЛѢБОВА Лермонтовъ увелъ къ себѣ, и тамъ друзья еще долго толковали о случившемся казусѣ [2]). Столыпинъ выслушалъ сооообщенное ему извѣстіе о предстоявшемъ поединкѣ серьезно и прочиталъ Лермонтову по обыкновенію строгую нотацію.

— Я говорилъ тебѣ, — обратился онъ къ нему съ упрекомъ:—что безъ этого дѣло не обойдется. Такъ и есть. Не успѣлъ еще избавиться отъ послѣдствій Барантовской дуэли, и вотъ опять новая!

— Ничего, мой милый, — отшучивался Михаилъ Юрьевичъ: — еще почтенный Панглосъ говорилъ, что все на свѣтѣ къ лучшему.

— Что тутъ хорошаго, когда тебя могутъ разжаловать за это.

— Да, разжалуютъ, если я убью или изувѣчу Мартышку. Но успокойся, другъ мой, я не только этой глупости не сдѣлаю, но и стрѣлять въ него не буду.

---

[1]) Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XLVII, стр. 700.

[2]) П. А. Висковатовъ въ біографіи Лермонтова (стр. 416) говоритъ: Мартыновъ, вернувшись, разсказалъ дѣло своему сожителю Глѣбову и просилъ его быть его секундантомъ. Это заявленіе не вѣрно. Глѣбовъ въ то время не былъ дома. На стр. 413 той же біографіи г. Висковатовъ, перечисляя лицъ, находившихся у Верзилиныхъ на вечерѣ, упоминаетъ и Глѣбова. Онъ былъ тамъ

— Не въ этомъ дѣло! У тебя масса враговъ и здѣсь, и въ Петербургѣ... Всякій твой шагъ истолковывается иначе... Произойдетъ шумъ, начнутся сплетни, сдѣлаютъ донесеніе въ Петербургъ, и возбудятъ переписку... а чѣмъ она кончится?.. И какъ перенесетъ все это бабушка?.. Ты совсѣмъ не жалѣешь ее!.. Нельзя ли какъ нибудь уладить все это миролюбиво...

— Я далъ Мишѣ (и Лермонтовъ указалъ глазами на Глѣбова) картъ-бланшъ и надѣюсь, что онъ сдѣлаетъ, что можно.

— Хорошо, пусть секунданты дѣлаютъ свое дѣло, а я повидаюсь съ Мартыновымъ и постараюсь повліять на него. Поэтому мнѣ нужно будетъ остаться здѣсь, и тебѣ придется уже поѣхать въ Желѣзноводскъ одному. Возьми съ собой на всякій случай дядьку [1]) и жди тамъ увѣдомленія. Мы тебѣ сообщимъ, что сдѣлаемъ.

На другой день весь городъ зналъ о сдѣланномъ Мартыновымъ вызовѣ на дуэль Лермонтову. У источниковъ, на бульварѣ и въ казино, извѣстіе объ этомъ возбудило оживленные разговоры. Всѣ, кому поэтъ казался не по плечу, кого когда либо отмѣтилъ острымъ словомъ или погладилъ не по шерсти, обрадовались случаю позлословить и бросить комомъ грязи въ «сочинителя» и «гнуснаго виршеплета». Мерлинисты торжествовали. На ихъ улицѣ былъ праздникъ. Они появлялись тамъ и здѣсь и старались, при случаѣ, подлить въ огонь масла. Мартыновъ былъ принятъ гласно подъ ихъ покровительство. За нимъ признали обиженную сторону и право вызова. «Онъ иначе поступить не могъ,—восклицали они авторитетно:—вѣдь нужно же, наконецъ, кому нибудь и образумить этого зарвавшагося мальчишку!». При появленіи «счастливаго несчастливца» въ обществѣ его привѣтствовали, пожимали ему руки и укрѣпляли въ рѣшимости довести дуэль до конца. У Верзилиныхъ онъ былъ принятъ весьма предупредительно и внимательно. M-lle Эмилія соизволила благосклонно выслушать его разсказъ о вызовѣ и, не безъ нѣкотораго самодовольствія, одобрила его рыцарскій пылъ въ дѣлѣ истребованія удовлетворенія оскорбленной чести [2]). Когда же онъ появился позднимъ вечеромъ въ казино,

---

вмѣстѣ съ другими, одновременно со всѣми вышелъ, былъ лично свидѣтелемъ вызова и остатокъ вечера, или, лучше сказать, ночи, провелъ у Лермонтова. Слѣдовательно Мартыновъ не могъ ему ничего разсказывать и приглашать въ секунданты.

[1]) Соколова, камердинера.

[2]) Можетъ быть, она шутила съ нимъ, можетъ быть, говорила сердечно, но только послѣ дуэли, когда Николай Соломоновичъ съумѣлъ показать себя во всей красотѣ своей, состоя подъ слѣдствіемъ и судомъ, она отвернулась отъ него. Вообще эта женщина, въ жилахъ которой текла польская кровь (по матери), держала себя, по словамъ Чиляева, весьма загадочно и неровно. Какъ особа весьма красивая, она не знала себѣ цѣны, мечтала о рыцаряхъ безъ страха и упрека и снисходила до простаго смертнаго, потомъ опять возносила

l'armée russe сдѣлала ему шумную овацію. Его встрѣтили съ бокалами вина и качали на рукахъ. Причемъ случился маленькій казусъ: подпившая толпа, качая героя дня, подбросила его выше своихъ головъ, и болтавшійся при подбрасываніи длинный кинжалъ его, задѣвъ за что-то, выпалъ изъ ноженъ и поранилъ одного стоявшаго вблизи грузина въ ногу.

— Ну, Мартыновъ,—сказалъ ему раненый грузинъ,—вы ранили меня, не думая о томъ; это дурной знакъ: вы на дуэли прольете кровь вашего противника, тоже, быть можетъ, не думая объ этомъ.

— А вы что же хотите, что бы пролилъ я, воду, что ли?—отвѣтилъ горделиво Мартыновъ. И всеобщій хохотъ покрылъ эту хвастливую браваду.

Между тѣмъ Михаилъ Юрьевичъ, пославъ въ Желѣзноводскъ утромъ камердинера своего Соколова, самъ отправился изъ Пятигорска послѣ обѣда, часовъ въ 6 дня. Садясь на лошадь, онъ былъ молчаливъ и серьезенъ. Но едва выѣхалъ изъ воротъ и взглянулъ на домъ Верзилиныхъ, какъ лицо его мгновенно приняло обычную веселую физіономію, и какая-то не то нервная, не то ироническая улыбка зазмѣилась на устахъ. Глѣбову, провожавшему его, онъ сказалъ: «Не хмурься, Миша, не стоитъ!» и, кивнувъ слегка головою, далъ шпоры своему «Черкесу» и исчезъ въ поднятомъ имъ облакѣ пыли.

Глѣбова обезкуражила неудача первыхъ попытокъ къ примиренію соперниковъ. Столыпинъ, Безобразовъ, Манзей, Зельмицъ, Пушкинъ и другіе друзья Лермонтова, всѣ вмѣстѣ и порознь, обращались къ Мартынову съ предложеніями покончить возникшее недоразумѣніе примиреніемъ, но онъ гордо и непреклонно отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. «Довольно,—говорилъ онъ,—посмѣялся Лермонтовъ надо мною, но всему есть мѣра: чаша долготерпѣнія моего исполнилась, и я хочу возстановить свою честь не иначе, какъ поставивъ своего оскорбителя подъ пулю». На дальнѣйшія настоянія онъ отвѣтилъ: «я уполномочилъ вести переговоры по сему дѣлу князя Александра Илларіоновича Васильчикова, обра-

свои взоры горѣ и снова ниспускалась на землю. Сегодня она была слишкомъ горда, завтра—слишкомъ снисходительна. Однихъ манила, къ другимъ бѣжала. Умъ жаждалъ князя, сердце—юношу. Русскій былъ терпимъ, но стоялъ на заднемъ планѣ. Борьба велась долго, по несчастливо, и кончилась тѣмъ, что она послѣ долгихъ сердечныхъ блужданій была рада, что могла, наконецъ, пристроиться за Акима Павловича Шанъ-Гирея, родственника и товарища дѣтскихъ лѣтъ М. Ю. Лермонтова. Бывшій слуга Лермонтова, Христофоръ Саникидзе (газета «Кавказъ», 1891 г., № 185), говоритъ: «Въ семействѣ Верзилиныхъ Лермонтовъ довольно часто бывалъ, а въ послѣднее время сильно ухаживалъ за одной изъ дочерей Верзилина, хорошенькой 18-ти-лѣтней дѣвушкой Эмиліей, которая была предметомъ поклоненія и нѣкоторыхъ другихъ молодыхъ людей. Но болѣе всѣхъ неравнодушенъ къ ней былъ отставной драгунскій маіоръ Мартыновъ, часто и одновременно съ Лермонтовымъ бывавшій у нихъ въ домѣ».

титесь, пожалуйста, господа, къ нему, и что вы сообща постановите, тому я подчинюсь безпрекословно». Была сдѣлана попытка привлечь къ посредничеству между друзьями-соперниками Эмилію Александровну, но она съ наивностью институтки отвѣчала весьма уклончиво, что рада сдѣлать все возможное для Михаила Юрьевича, но боится своимъ вмѣшательствомъ въ такое ужасное дѣло, какъ дуэль, повредить ему еще болѣе. Помоему, всего лучше бы было,—закончила она свою лукавую рѣчь,—если бы вы обратились съ вашей просьбой къ maman».

Пришлось вести переговоры оффиціальные съ секундантомъ. «Князь Ксандръ» не даромъ считался «умникомъ» и «дипломатомъ не у дѣлъ». Окунувшись съ первыхъ дней службы въ канцелярскую казуистику и пройдя всѣ степени крючкотворства и кляузничества, присущихъ вообще тогдашнему гражданскому дѣлопроизводству, онъ увѣрялъ обѣ стороны въ своемъ дружескомъ расположеніи и безпристрастіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, принималъ всѣ мѣры, чтобы разстроить миролюбивое соглашеніе безъ дуэли. Самъ онъ въ своей статьѣ: «Нѣсколько словъ о кончинѣ М. Ю. Лермонтова и о дуэли его съ Н. С. Мартыновымъ» [1]), говоритъ: «Мы истощили втеченіе трехъ дней наши миролюбивыя усилія безъ всякаго успѣха. Хотя формальный вызовъ на дуэль и послѣдовалъ отъ Мартынова, но всякій согласится, что слова Лермонтова: «потребуйте отъ меня удовлетвореніе», заключали въ себѣ уже косвенное приглашеніе на вызовъ, и затѣмъ оставалось рѣшить, кто изъ двухъ былъ зачинщикъ и кому передъ кѣмъ слѣдовало сдѣлать первый шагъ къ примиренію». Вопросы эти ставилъ онъ же, «князь Ксандръ», и онъ же настаивалъ на предварительномъ ихъ разрѣшеніи. А такъ какъ Лермонтовъ и не говорилъ даже: «потребуйте отъ меня удовлетворенія», а сказалъ: «не хочешь ли требовать удовлетворенія?», то переговоры секундантовъ, не касаясь существа дѣла, скользили по немъ въ видѣ глубокомысленныхъ упражненій въ элоквенціи, и, конечно, «Донъ-Кихотъ іезуитизма», какъ болѣе ловкій діалектикъ, одолѣвалъ своего оппонента М. П. Глѣбова, соединявшаго въ себѣ, по словамъ «князя Ксандра» [2]), отважную храбрость и самое любезное и сердечное добродушіе. Мерлинисты могли ликовать: ихъ инструкціи были исполнены въ точности—миролюбиваго соглашенія не состоялось.

Пятигорское начальство, услышавъ о вызовѣ, встрепенулось было; комендантъ Ильяшенковъ испугался, вскипѣлъ, по фигуральному выраженію В. И. Чиляева, какъ самоваръ, и потребовалъ Лермонтова къ себѣ, съ намѣреніемъ тотчасъ же его, какъ окончившаго курсъ леченія, отправить въ полкъ. Но посланный вѣ-

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1872 года, № 1.
[2]) Тамъ же.

стовой вернулся съ отвѣтомъ, что «поручикъ Лермонтовъ изволятъ быть выбывши въ Желѣзноводскъ», а нѣкоторые вліятельные мерлинисты успокоили старика, увѣривъ его, что «ночной вызовъ на дуэль»—не что иное, какъ шутовство, которое приведетъ только къ распитію дюжинъ двухъ шампанскаго, но отнюдь не къ дуэли. Старикъ сдался на эти увѣренія, но чтобы не казаться безучастнымъ къ дѣлу, отдалъ приказаніе, чтобы «Лермонтовъ, если онъ вернется въ Пятигорскъ, тотчасъ по прибытіи явился къ нему.

Но вотъ наступило и 15-е іюля. Мартыновъ еще съ утра обезпокоилъ жившаго съ нимъ вмѣстѣ Глѣбова лаконическимъ вопросомъ: «когда ожидается возвращеніе отсутствующаго путешественника?» и заявилъ, что было бы желательно поскорѣе разрѣшить вопросъ объ его удовлетвореніи. Глѣбовъ тотчасъ отправился къ князю Васильчикову, и они рѣшили назначить дуэль въ тотъ же день, въ шесть часовъ, послѣ обѣда, за городскимъ кладбищемъ, на взгорьѣ, у подошвы Машука, лежащемъ на полпути между Пятигорскомъ и колоніей Шотландка (Каррасъ), по Желѣзноводской дорогѣ. Къ Лермонтову тотчасъ былъ отправленъ ѣздовой съ увѣдомленіемъ объ этомъ и приглашеніемъ прибыть къ назначенному времени. Причемъ Глѣбовъ присовокупилъ, что онъ выѣдетъ его встрѣтить въ колонію Каррасъ. Столыпину онъ послалъ записку съ увѣдомленіемъ о времени и мѣстѣ дуэли. Деньщикъ Глѣбова, не найдя дома Столыпина, отдалъ записку его слугѣ-грузину, который положилъ ее къ нему на столъ, гдѣ она, непрочитанная, такъ и пролежала до вечера.

Въ этотъ же день, то-есть 15-го іюля, князь Владиміръ Сергѣевичъ Голицынъ былъ именинникъ. У него для избраннаго общества назначенъ былъ обѣдъ, а вечеромъ—тотъ пресловутый праздникъ въ Ботаническомъ саду, о которомъ весь городъ говорилъ уже нѣсколько дней. Утромъ онъ прислалъ приглашеніе на обѣдъ и праздникъ Столыпину и Лермонтову. Было ли то особенное вниманіе къ представителямъ свѣтской молодежи, или просто любезность стоящаго выше личныхъ счетовъ вельможи, была ли то великодушная месть за неприглашеніе его молодежью на пикникъ въ гротѣ Діаны, или же коварный умыселъ — лишить Лермонтова въ самый моментъ разстрѣла поддержки самыхъ близкихъ друзей [1]), а, слѣдовательно, и примиренія, — осталось покрыто мракомъ неизвѣстности. Извѣстно только одно, что Столыпинъ, получивъ сказанное приглашеніе, поѣхалъ поздравить князя и поблагодарить за вниманіе. А такъ какъ въ этотъ день (не зная о назначеніи дуэли) онъ ожидалъ возврата Лермонтова изъ Желѣзноводска, для окончательныхъ распоряженій о переѣздѣ туда, то и оставилъ ему записку о томъ, чтобы онъ, по пріѣздѣ, явился

---

[1]) Мартыновъ приглашенія не получилъ.

къ коменданту Ильяшенкову, а послѣ приходилъ къ князю Голицыну. У именинника Столыпинъ нашелъ большое общество, всѣ выдающіеся его представители были въ сборѣ. Князь Владиміръ Сергѣевичъ принялъ его съ особеннымъ радушіемъ и гостепріимствомъ. Освѣдомился о Лермонтовѣ и, узнавъ, что онъ ждетъ его изъ Желѣзноводска, выразилъ надежду, что онъ, вѣроятно, также не побрезгуетъ хлѣбомъ-солью старика. Наконецъ, при дальнѣйшихъ разговорахъ такъ расположилъ къ себѣ Алексѣя Аркадьевича, что онъ изъявилъ согласіе провести у князя весь день. Князь С. В. Трубецкой получилъ также приглашеніе и находился тутъ же. Около четырехъ часовъ начался обѣдъ, и вотъ, когда лилось шампанское рѣкой, а на дворѣ бушевали стихіи: гремѣлъ громъ, зигзагами вилась молнія и хляби небесныя разверзлись потоками дождя,—было получено извѣстіе о дуэли и смерти М. Ю. Лермонтова. Нужно ли говорить, какъ поразило оно пирующихъ!

Но возвратимся къ событіямъ.

Михаилъ Юрьевичъ, получивъ увѣдомленіе отъ Глѣбова о назначеніи секундантами времени и мѣста дуэли, тотчасъ собрался и выѣхалъ въ колонію Шотландку (Каррасъ), гдѣ въ ресторанчикѣ услужливой нѣмки Анны Ивановны Рошке (имѣвшей, по словамъ Н. П. Раевскаго, двухъ молоденькихъ и премиленькихъ прислужницъ, Мильхенъ и Гретхенъ, погибель для l'armée russe) его долженъ былъ встрѣтить Глѣбовъ для сообщенія ему условій, при которыхъ должна состояться дуэль съ Мартыновымъ. Друзья встрѣтились и порѣшили пообѣдать у Рошке, съ тѣмъ, чтобы послѣ обѣда отправиться на мѣсто поединка. Въ это время проѣзжала изъ Пятигорска въ Желѣзноводскъ сосѣдка Верзилиныхъ, помѣщица Прянишникова, съ племянницею, дѣвицей Быховецъ (извѣстной болѣе по данному ей Лермонтовымъ прозванію «la belle noire»). Онѣ также остановились у Рошке. Слово за́ слово, любезность за любезность, — составился семейный обѣдъ. Передъ грозой стояла страшная жара и духота, ѣхать въ полуденное время оказалось утомительнымъ, и дамы съ удовольствіемъ согласились раздѣлить скромную трапезу двухъ друзей, тѣмъ болѣе, что онѣ еще дорогою предполагали также пообѣдать у Рошке. За обѣдомъ разговоръ оживился. Дамы разсказывали о великолѣпіи устроеннаго княземъ Голицынымъ вечера, о выписанномъ изъ Ставрополя оркестрѣ музыки, о роскошномъ убранствѣ павильона, о лицахъ, получившихъ приглашеніе. Лермонтовъ слушалъ, смѣялся и острилъ по обыкновенію. О себѣ сказалъ, что ѣдетъ на бой съ гигантомъ-Мартышкой. Замѣтивъ улыбку недовѣрчивости на устахъ m-lle Быховецъ, онъ попросилъ позволенія разсказать подробности и сочинилъ цѣлый фантастическій разсказъ о томъ, какъ въ дебряхъ кавказскихъ горъ, за Кубанью, Лабой и Бѣлой, на прибрежьяхъ Чернаго моря, живутъ люди-обезьяны съ длинными лапами и хвостами,

и какъ они похищаютъ молодыхъ казачекъ для игръ и пляски въ лѣсу.

— Да развѣ въ Россіи есть обезьяны? — перебила его со смѣхомъ m-lle Выховецъ.

— Въ Россіи,—отвѣчалъ серьезно Лермонтовъ,—конечно, нѣтъ, но на Кавказѣ, въ непокоренныхъ еще нами горахъ, есть.

— Ну, ну, разсказывайте!—продолжала смѣяться дѣвушка, откинулась на спинку кресла, сняла съ головы золотую фероньерку и, играя ею, потребовала какъ можно скорѣе сути разсказа.

И Лермонтовъ самымъ серьезнымъ тономъ продолжалъ фантазировать, какъ онъ весною, командуя вольнымъ отрядомъ своихъ нукеровъ и джигитовъ, проникъ въ кокосовые лѣса, заселенные людьми-обезьянами, какъ онъ бился тамъ съ цѣлымъ легіономъ мартышекъ, какъ освободилъ плѣненную ими одну красавицу и какъ предводитель ихъ, исполинъ-мартышка, розыскивалъ его и, наконецъ, найдя здѣсь, требуетъ ея возврата, въ противномъ случаѣ вызываетъ на дуэль.

— И вы будете драться? — спросила участливо дѣвушка.

— Мое правило: отъ счастья и отъ дуэли не отказываться! — отвѣчалъ поэтъ.

— На чемъ же вы будете драться?

— На дубинкахъ.

— Какъ же это?... Да разсказывайте скорѣе! Вы видите, что я интересуюсь,— лепетала раскраснѣвшаяся m-lle la belle noire.

— Извольте! — отвѣчалъ съ покорнымъ наклоненіемъ головы поэтъ.—Дуэль на дубинкахъ весьма оригинальна. Она стоитъ того, чтобы цивилизованныя страны ее приняли. Во-первыхъ, противники мѣряются физическою силой. На проведенной между ними чертѣ становятся лицомъ другъ къ другу, берутъ за концы поданную имъ секундантами дубинку обѣими руками и, по сдѣланному ими знаку, начинаютъ тянуть другъ друга къ себѣ. Кто кого перетянетъ за черту или вырветъ изъ рукъ противника дубинку, тотъ считается побѣдителемъ. Во-вторыхъ, противники испытываются въ искусствѣ метанія дубинки. Для этого они становятся рядомъ и, по данному знаку, бросаютъ дубинки. Чья дубинка будетъ брошена дальше, тотъ — побѣдитель. Въ-третьихъ, соперники испытываются въ ловкости — они дерутся на дубинкахъ. Кто первый нанесетъ ударъ, или вышибетъ изъ рукъ противника дубинку, тотъ — побѣдитель. Одолѣвшій противника въ двухъ состязаніяхъ признается тріумфаторомъ и получаетъ отъ побѣжденнаго условленное вознагражденіе или беретъ предметъ, изъ-за котораго произошелъ поединокъ.

— Что же тутъ страшнаго?!—воскликнула съ удивленіемъ дѣвушка.—Это игра, а не поединокъ!

— Страшнаго, какъ вездѣ и всюду, — отвѣчалъ съ улыбкой Лер-

монтовъ,—ничего нѣтъ. Но бываетъ, что соперники, разгорячась, не довольствуются однимъ ударомъ, схватываются серьезно, и одинъ убиваетъ другаго.

— Значитъ, и васъ могутъ убить?—заинтересовалась уже болѣе серьезно дѣвица Выховецъ, продолжая играть фероньеркой.

— Не думаю!—улыбнулся снова Михаилъ Юрьевичъ.—Въ особенности, если я буду имѣть талисманъ. Дайте мнѣ вашу фероньерку. Она мнѣ будетъ вмѣсто талисмана. Съ нею меня, навѣрно, не убьютъ.

— Возьмите!—и дѣвушка подала фероньерку.—А если убьютъ васъ?...—и, сконфузясь, она не докончила вопроса.

— Не безпокойтесь,—отвѣчалъ самоувѣренно поэтъ:—завтра я буду имѣть честь доставить ее вамъ въ Желѣзноводскѣ лично и вмѣстѣ съ тѣмъ разскажу вамъ о послѣдствіяхъ моей битвы съ гигантомъ-Мартышкой [1]).

Глѣбовъ, между тѣмъ, взглянулъ на часы и шепнулъ ему: «пора!». Лермонтовъ извинился передъ дамами, всталъ и откланялся. «Можно ли было думать,—говорилъ потомъ Глѣбовъ:—чтобы надъ этимъ веселымъ, беззаботнымъ и обаятельнымъ человѣкомъ рѣяла уже невидимая смерть!»

Всю дорогу изъ Шотландки до мѣста дуэли Лермонтовъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Никакихъ предсмертныхъ разговоровъ, никакихъ посмертныхъ распоряженій отъ него Глѣбовъ не слыхалъ. Онъ ѣхалъ какъ будто на званый пиръ какой нибудь. Все, что онъ высказалъ за время переѣзда, это—сожалѣніе, что онъ не могъ получить увольненія отъ службы въ Петербургѣ, и что ему въ военной службѣ едва ли удастся осуществить задуманный трудъ. «Я выработалъ уже планъ,—говорилъ онъ Глѣбову,—двухъ романовъ: одного—изъ временъ смертельнаго боя двухъ великихъ націй, съ завязкою въ Петербургѣ, дѣйствіями въ сердцѣ Россіи и подъ Парижемъ и развязкой въ Вѣнѣ, и другаго—изъ Кавказской жизни, съ Тифлисомъ при Ермоловѣ, его диктатурой и кровавымъ усмиреніемъ Кавказа, Персидской войной и катастрофой, среди которой погибъ Грибоѣдовъ въ Тегеранѣ, и вотъ придется сидѣть у моря и ждать погоды, когда можно будетъ приняться за кладку ихъ фундамента. Недѣли черезъ двѣ уже нужно будетъ отправиться въ отрядъ, къ осени пойдемъ въ экспедицію, а изъ экспедиціи когда вернемся!»...

Подъѣзжая къ Машуку и увидя въ кустахъ на взгорьѣ лошадь въ дрожкахъ Мартынова, онъ сказалъ: «Смотри, Миша, они уже

---

[1]) Бандо это, по словамъ Э. А. Шанъ-Гирей, было возвращено ей послѣ дуэли, а Н. П. Раевскій занесъ въ свой разсказъ, что оно найдено въ боковомъ карманѣ сюртука убитаго поэта все въ крови, и что m-lle Выховецъ въ день похоронъ его прибѣжала, какъ сумасшедшая, и взяла свою фероньерку, какъ она была, даже вымыть, не то что починить, не позволила. («Русскій Архивъ», 1889 года, № 6, и «Нива», 1885 года, № 8).

здѣсь!» и помчался галопомъ. Поднявшись на взгорье, друзья остановились у дрожекъ, слѣзли и привязали лошадей къ кустамъ. Поднимаясь выше къ стоявшимъ на маленькой и довольно покатой, въ формѣ неправильнаго треугольника, площадкѣ противникамъ, Лермонтовъ шепнулъ Глѣбову: «Пожалуйста, Миша, кончай скорѣе всю эту комедію, и мчимся въ городъ!» Подойдя къ князю Васильчикову, друзья обмѣнялись рукопожатіями, а съ Мартыновымъ вѣжливо раскланялись. Секунданты приступили къ окончательнымъ переговорамъ и осмотру привезенныхъ «княземъ Ксандромъ» пистолетовъ.

Н. П. Раевскій передаетъ о дуэли слѣдующее [1]). На другой день, 15-го іюля, послѣ обѣда, видимъ, что Мартыновъ съ Васильчиковымъ выѣзжаютъ изъ воротъ на дрожкахъ. Глѣбовъ же еще раньше верхомъ поѣхалъ Михаила Юрьевича встрѣтить. А мы дома пиръ готовимъ, шампанскаго накупили, чтобы примиреніе друзей отпраздновать. Такъ и рѣшили, что Мартыновъ никакъ не попадетъ. Ему первому стрѣлять, какъ обиженной сторонѣ, а Михаилъ Юрьевичъ и совсѣмъ цѣлить не станетъ. Значитъ, и кончится ничѣмъ. Когда они всѣ сошлись на заранѣе выбранномъ мѣстѣ и противниковъ поставили, какъ было условлено: Михаила Юрьевича выше Мартынова и спиной къ Машуку, Глѣбовъ отмѣрилъ 30 шаговъ и бросилъ шапку на то мѣсто, гдѣ остановился, а князь Васильчиковъ, — онъ такой тонкій, длинноногій былъ, — подошелъ да и оттолкнулъ ее ногой, такъ что шапка на много шаговъ еще откатилась. «Тутъ вамъ и стоять, гдѣ она лежитъ»,—сказалъ онъ Мартынову. Мартыновъ и сталъ, какъ было условлено, безъ возраженій. Больше 30-ти шаговъ—не шутка! Тутъ хотя бы и изъ ружья стрѣлять. Пистолеты-то были Кухенрейтера, да и изъ нихъ на такомъ разстояніи не попасть. А къ тому-жъ еще цѣлый день дождь лилъ, такъ Машукъ весь туманомъ заволокло: въ десяти шагахъ ничего не видать. Мартыновъ снялъ черкеску, а Михаилъ Юрьевичъ только сюртукъ разстегнулъ. Глѣбовъ просчиталъ до трехъ разъ, и Мартыновъ выстрѣлилъ. Какъ дымокъ-то разсѣялся, они и видятъ, что Михаилъ Юрьевичъ упалъ. Глѣбовъ первый подбѣжалъ къ нему и видитъ, что какъ разъ въ правый бокъ, и руку задѣвши, навылетъ. И послѣднія свои слова Михаилъ Юрьевичъ ему сказалъ: «Миша, умираю»... Тутъ и Мартыновъ подошелъ, земно поклонился и сказалъ: «Прости меня, Михаилъ Юрьевичъ!», потому что, какъ онъ послѣ говорилъ намъ всѣмъ, не хотѣлъ онъ убить его, и въ ногу, а не въ грудь цѣлилъ.

Въ статьѣ князя А. И. Васильчикова [2]) мы находимъ такое описаніе: «Мы отмѣрили съ Глѣбовымъ 30 шаговъ; послѣдній барь-

---

[1]) «Нива», 1885 года, № 8.

[2]) «Русскій Архивъ», 1872 года, № 1.

еръ поставили на 10-ти и, разведя противниковъ на крайнія дистанціи, положили имъ сходиться каждому на 10-ть шаговъ по командѣ: маршъ. Зарядили пистолеты. Глѣбовъ подалъ одинъ Мартынову, я—другой Лермонтову, и скомандовали: сходись! Лермонтовъ остался неподвиженъ и, взведя курокъ, поднялъ пистолетъ дуломъ вверхъ, заслоняясь рукой и локтемъ по всѣмъ правиламъ опытнаго дуэлиста. Въ эту минуту, и въ послѣдній разъ, я взглянулъ на него и никогда не забуду того спокойнаго, почти веселаго выраженія, которое играло на лицѣ поэта передъ дуломъ пистолета, уже направленнаго на него. Мартыновъ быстрыми шагами подошелъ къ барьеру и выстрѣлилъ. Лермонтовъ упалъ, какъ будто его скосило на мѣстѣ, не сдѣлавъ движенія ни взадъ, ни впередъ, не успѣлъ даже захватить больное мѣсто, какъ это обыкновенно дѣлаютъ люди раненные или ушибленные. Мы подбѣжали. Въ правомъ боку дымилась рана, въ лѣвомъ—сочилась кровь, пуля пробила сердце и легкія».

Этимъ воспоминаніямъ соотвѣтствуетъ въ главныхъ чертахъ и разсказъ В. И. Чиляева. Но въ разсказѣ послѣдняго есть одна существенная деталь, заключающаяся въ томъ, что Мартыновъ, подойдя къ барьеру, такъ долго цѣлилъ въ Лермонтова, что Глѣбовъ долженъ былъ крикнуть: «стрѣляйте!.. или я разведу васъ!..». Выстрѣлъ раздался, и поэтъ опустился на землю безъ крика, стона и движенія [1]).

Между тѣмъ, покрывшая небо, при началѣ дуэли, темная громовая туча вдругъ разразилась страшнымъ ливнемъ и грозой, и долго-долго на горизонтѣ змѣились молніи, раздавались удары грома и стонали горы подъ его неумолкаемыми раскатами. Герои дня въ трепетѣ спѣшили убраться домой. Первыми ускакали на

---

[1]) Въ «Біографіи Лермонтова» описаніе его дуэли сдѣлано П. А. Висковатовымъ согласно вышеприведенному разсказу князя Васильчикова. Но къ нему добавлены біографомъ и сдѣланныя ему сказаннымъ княземъ личныя дополненія. Къ числу сихъ дополненій относится, что при дуэли присутствовали Столыпинъ и князь Трубецкой, какъ секунданты, что длинноногій Столыпинъ увеличилъ пространство отмѣренныхъ шаговъ, откинувъ брошенную на барьерѣ Глѣбовымъ шапку еще на нѣсколько шаговъ и что Столыпинъ же крикнулъ: «стрѣляйте! или я разведу васъ!» (стр. 424 и 425). Но это не вѣрно. Ни Столыпинъ, ни князь Трубецкой при дуэли не присутствовали, такъ какъ находились, какъ выше приведено, на обѣдѣ у князя Голицына, и секундантами не были, хотя и участвовали въ попыткахъ къ примиренію соперниковъ дома. Увеличилъ разстояніе, какъ видно изъ разсказа Раевскаго, не «длинноногій Столыпинъ», который длинноногимъ и не былъ, а самъ дѣйствительно «длинноногій» «князь Ксандръ», и крикнулъ: «стрѣляйте!.. или я васъ разведу!» по разсказу В. И. Чиляева, записаннаго со словъ Глѣбова, не Столыпинъ, а Глѣбовъ. Далѣе въ «Біографіи» приводятся догадки, что присутствовало еще нѣсколько лицъ, но эти догадки совершенно произвольныя—балластъ, собранный для увеличенія числа листовъ «Біографіи», возражать противъ которыхъ не невозможно, но не стоитъ.

дрожкахъ Васильчиковъ и Мартыновъ, а за ними, прикрывъ тѣло Лермонтова своею шинелью, поѣхалъ и Глѣбовъ. Брошенное тѣло разстрѣляннаго поэта лежало подъ дождемъ до поздняго вечера, когда, по распоряженію пятигорскихъ властей, была прислана телѣга съ людьми, которые и перевезли его въ городъ.

Н. П. Раевскій въ своемъ разсказѣ [1]) заявляетъ: «Мы дома съ шампанскимъ ждемъ. Видимъ, ѣдутъ Мартыновъ и князь Васильчиковъ. Мы къ нимъ на встрѣчу бросились. Николай Соломоновичъ никому ни слова не сказалъ и, темнѣе ночи, къ себѣ въ комнату прошелъ, а послѣ прямо отправился къ коменданту Ильяшенкову и все разсказалъ ему. Мы съ разспросами къ князю, а онъ только и сказалъ: «убитъ!» и заплакалъ. Мы чуть не рехнулись отъ неожиданности, всѣ плакали, какъ малыя дѣти. Полковникъ же Зельмицъ, какъ услышалъ,—бѣгомъ къ Марьѣ Ивановнѣ Верзилиной и кричитъ: «о-то! ваше превосходительство, на повалъ!». А та, ничего не зная, ничего не поняла сразу, а когда уразумѣла, въ чемъ дѣло, такъ, какъ сидѣла, на полъ и свалилась [2]). Барышни ея услышали,—и что тутъ поднялось, такъ и описать нельзя. Пріѣхалъ Глѣбовъ, сказалъ, что покрылъ тѣло шинелью своею, а самъ подъ дождемъ больше ждать не могъ. А дождь, переставъ было, опять безпрерывный заморосилъ. Отправили мы извозчика биржеваго за тѣломъ, такъ онъ съ полудороги вернулся: колеса вязнутъ, ѣхать не возможно. И пришлось намъ телѣгу нанять».

Въ дѣлѣ Пятигорскаго комендантскаго управленія 1841 года, № 96, «О дуэли маіора Мартынова и поручика Лермонтова, на коей первый убилъ послѣдняго», мы находимъ слѣдующія бумаги: а) отношеніе пятигорскаго окружнаго начальника (онъ же и комендантъ), отъ 16-го іюля за № 1353, въ Пятигорскій земскій судъ: «лейбъ-гвардіи коннаго полка корнетъ Глѣбовъ вчерашняго числа въ вечеру, пришедъ ко мнѣ въ квартиру, объявилъ, что отставной маіоръ Мартыновъ убилъ на дуэли Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручика Лермонтова, и что эта дуэль происходила версты за четыре отъ города, у подошвы горы Машука. Нарядивъ для производства слѣдствія плацъ-маіора подполковника Унтилова, предлагаю оному суду, для нахожденія при ономъ, командировать со стороны земскаго суда засѣдателя и пригласить, для бытности

---

[1]) «Нива», 1885 года, № 8.

[2]) Э. А. Шанъ-Гирей, въ возраженіяхъ по поводу воспоминаній Н. П. Раевскаго, говоритъ: «Внезапность этого извѣстія и растерянный видъ Зельмица насъ всѣхъ сильно поразили и перепугали, но матушка моя на полу не валялась, а просила Дмитревскаго, бывшаго въ то время у насъ, пойти узнать суть дѣла». («Нива», 1885 года, № 27). Въ Воспоминаніяхъ же пишетъ: «Такое извѣстіе и столь внезапное до того поразило матушку, что съ ней сдѣлалась истерика, едва могли ее успокоить». («Русскій Архивъ», 1889 года, № 6). Вотъ образецъ ея правдивости.

при томъ, окружнаго стряпчаго», и б) рапортъ пятигорскаго коменданта, полковника Ильяшенкова, отъ 16-го іюля за № 1357, командующему войсками на Кавказской линіи и въ Черноморіи, генералъ-адъютанту Граббе: «Вашему превосходительству имѣю честь донести, что находившіеся въ г. Пятигорскѣ, для пользованія болѣзней кавказскими минеральными водами, уволенный отъ службы изъ Гребенскаго казачьяго полка маіоръ Мартыновъ и Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Лермонтовъ, сего мѣсяца 15-го числа, въ четырехъ верстахъ отъ города, у подошвы горы Машука, имѣли дуэль, на коей Мартыновъ ранилъ Лермонтова изъ пистолета въ бокъ навылетъ, отъ каковой раны Лермонтовъ померъ на мѣстѣ. Секундантами были у нихъ находящіеся здѣсь для пользованія минеральными водами: лейбъ-гвардіи коннаго полка корнетъ Глѣбовъ и служащій во 2-мъ отдѣленіи собственной его императорскаго величества канцеляріи въ чинѣ титулярнаго совѣтника князь Васильчиковъ. По сему происшествію производится законное слѣдствіе, а маіоръ Мартыновъ, корнетъ Глѣбовъ и князь Васильчиковъ арестованы. О чемъ и донесено государю императору за № 1356».

Документы эти свидѣтельствуютъ, что секундантами при дуэли были только Глѣбовъ и Васильчиковъ и что съ заявленіемъ къ начальству о дуэли явился Глѣбовъ, а не Мартыновъ [1]).

[1]) Теперь обратимъ вниманіе на то, что писалъ князь Васильчиковъ въ статьѣ «Нѣсколько словъ о кончинѣ М. Ю. Лермонтова и дуэли его съ Мартыновымъ» («Русскій Архивъ», 1872 года, № 1) о концѣ дуэли. «Хотя признаки жизни уже видимо исчезли, но мы рѣшили позвать доктора. По предварительному нашему приглашенію присутствовать при дуэли, доктора, къ которымъ мы обращались, всѣ наотрѣзъ отказались. Я поскакалъ верхомъ въ Пятигорскъ, заѣзжалъ къ двумъ господамъ медикамъ, но получилъ такой же отвѣтъ, что на мѣсто поединка, по случаю дурной погоды (шелъ проливной дождь), они ѣхать не могутъ, а пріѣдутъ на квартиру, когда привезутъ раненнаго. Когда я возвратился, Лермонтовъ уже мертвый лежалъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ упалъ, около него Столыпинъ, Глѣбовъ и Трубецкой. Мартыновъ уѣхалъ прямо къ коменданту объявить о дуэли. Черная туча, медленно поднимавшаяся на горизонтѣ, разразилась страшной грозой, и перекаты грома пѣли вѣчную память новопреставленному рабу Михаилу. Столыпинъ и Глѣбовъ уѣхали въ Пятигорскъ, чтобы распорядиться перевозкой тѣла, а меня съ Трубецкимъ оставили при убитомъ. Какъ теперь помню страшный эпизодъ этого роковаго вечера, наше сидѣнье въ полѣ при трупѣ Лермонтова продолжалось очень долго, потому что извозчики, слѣдуя примѣру храбрости господъ докторовъ, тоже отказались одинъ за другимъ ѣхать для перевозки тѣла убитаго. Наступила ночь, ливень не прекращался. Вдругъ мы услышали дальній топотъ лошадей по той же тропинкѣ, гдѣ лежало тѣло, и чтобы оттащить его въ сторону, хотѣли его приподнять, отъ этого движенія, какъ обыкновенно случается, спертый воздухъ выступилъ изъ груди, но съ такимъ звукомъ, что намъ показалось, что это живой и болѣзный вздохъ, и мы нѣсколько минутъ были увѣрены, что Лермонтовъ еще живъ. Наконецъ, часовъ въ 11 ночи явились товарищи съ извозчикомъ, нарядженнымъ, если не ошибаюсь, отъ полиціи. Покойника уложили на дроги, и мы проводили его всѣ вмѣстѣ до общей нашей квартиры». Все это вошло въ біографію поэта,

Вечеромъ, часовъ въ 7, по разсказу В. И. Чиляева, явился къ коменданту Глѣбовъ, весь мокрый и въ грязи. Когда онъ доложилъ ему, что явился прямо съ дуэли и что Лермонтовъ раненъ смертельно, полковникъ Ильяшенковъ совершенно потерялся. Онъ бѣ-

---

да еще съ большими прикрасами со словъ того же Васильчикова, объяснявшаго этотъ эпизодъ спустя много лѣтъ лично біографу. Прислушаемся кстати и къ пѣснямъ біографа. «Въ смерть не вѣрилось,—пишетъ П. А. Висковатовъ въ біографіи М. Ю. Лермонтова (стр. 426 и 427),—какъ растерянные стояли вокругъ павшаго, на устахъ котораго продолжала играть улыбка презрѣнія. Глѣбовъ сѣлъ на землю и положилъ голову поэта къ себѣ на колѣни. (Это уже взято изъ сказокъ Э. Шанъ-Гирей; въ розсказняхъ Васильчикова говорится, что Глѣбовъ со Столыпинымъ уѣхали въ городъ). Тѣло быстро холодѣло. Васильчиковъ поѣхалъ за докторомъ; Мартыновъ доложилъ коменданту о случившемся и отдалъ себя въ руки правосудія. Мы ничего не знаемъ о другихъ! Что дѣлалъ многолѣтній вѣрный другъ поэта Монго-Столыпинъ? Онъ ли закрылъ глаза любимаго имъ и любившаго его человѣка? (Онъ въ это время обѣдалъ у князя Голицына и закрывать глазъ поэту не могъ). Князь Васильчиковъ упорно молчалъ относительно другихъ лицъ, свидѣтелей дуэли. Онъ и о Дороховѣ почему-то говорить не хотѣлъ. (Если ужъ «князь Ксандръ» молчалъ, то, значитъ, ничего не было)... Между тѣмъ, въ Пятигорскѣ трудно было достать экипажъ для перевозки Лермонтова. Васильчиковъ, покинувшій Михаила Юрьевича еще до яснаго опредѣленія его смерти, старался привезти доктора, но никого не могъ уговорить ѣхать къ сраженному. Медики отвѣчали, что на мѣсто поединка при такой адской погодѣ они ѣхать не могутъ, а пріѣдутъ на квартиру, когда привезутъ раненнаго. Дѣйствительно, дождь лилъ, какъ изъ ведра, и совершенно померкнувшая окрестность освѣщалась только блистаніемъ непрерывной молніи при страшныхъ раскатахъ грома. Дороги размокли. Съ большимъ усиліемъ и за большія деньги, кажется, не безъ участія полиціи, удалось, наконецъ, выслать за тѣломъ дроги. Было 10 часовъ вечера. Досталъ эти дроги уже Столыпинъ. Князь Васильчиковъ, ни до чего не добившись, пріѣхалъ на мѣсто поединка безъ доктора и экипажа. Тѣло Лермонтова все время лежало подъ проливнымъ дождемъ, накрытое шинелью Глѣбова, покоясь головою на его колѣняхъ. Когда Глѣбовъ хотѣлъ осторожно спустить ее, чтобы поправиться,—онъ промокъ до костей,—изъ раскрытыхъ устъ Михаила Юрьевича вырвался не то вздохъ, не то стонъ, и Глѣбовъ остался недвижимъ, мучимый мыслью, что, быть можетъ, въ похолодѣломъ тѣлѣ еще кроется жизнь... Наконецъ, появился долго ожидаемый экипажъ въ сопровожденіи полковника Зельмица и слугъ. Поэта подняли и положили на дроги. Поѣздъ, сопровождаемый товарищами и людьми Столыпина, тронулся». Какъ это все прекрасно, чувствительно и человѣчно! Цѣлая эпопея доблестей. Товарищи окружаютъ трупъ поэта подъ грозой и страшнымъ ливнемъ, голова его покоится у одного изъ нихъ на колѣняхъ, соперникъ, совершивъ земной поклонъ убитому, спѣшитъ отдаться въ руки правосудія, одинъ секундантъ скачетъ за докторомъ (къ мертвецу), другой—за экипажемъ и, ничего не найдя, возвращаются и сидятъ вокругъ тѣла, пока не прибываетъ телѣга, посланная полиціей, и на ней они везутъ его на квартиру. Какая преданность! какое самоотверженіе! Сотни тысячъ людей прочитали эту эпопею и умилялись надъ нею. И что же вдругъ оказывается? Во всей этой Ксандріадѣ нѣтъ ни слова правды! Тѣло поэта (а, можетъ быть, онъ былъ еще и живъ?) было брошено, друзья ускакали, къ коменданту явился не Мартыновъ, а Глѣбовъ, и тѣло привезли въ городъ не товарищи, а слуги: это ли не самое горькое и злое издѣвательство и глумленіе надъ памятью одного изъ величайшихъ нашихъ поэтовъ предъ всей Россіей?!!

галъ изъ одной комнаты въ другую, хватался за волосы и плакалъ, причитывая: «Мальчишки, мальчишки, что вы надо мной надѣлали?» Потомъ, немного оправясь, онъ закричалъ: «Послать ко мнѣ плацъ-маіора!» и едва подполковникъ Унтиловъ показался въ дверяхъ, бросился къ нему на встрѣчу и выпалилъ: «Подъ арестъ! сейчасъ подъ арестъ! всѣхъ, всѣхъ подъ арестъ!» Плацъ-маіоръ поманилъ за собой Глѣбова и хотѣлъ выйдти. «Постойте!— остановилъ онъ Унтилова,—корнетъ Глѣбовъ еще ничего не разсказалъ о дуэли, гдѣ, что и какъ происходило. Пусть разскажетъ, а вы прислушайтесь, составьте краткое конфиденціальное увѣдомленіе начальнику штаба, и сейчасъ же отправьте его по эстафетѣ!» Глѣбовъ разсказалъ, что зналъ, о событіяхъ дня, и донесеніе было въ тотъ же вечеръ отправлено. Мартыновъ, по приказанію коменданта, былъ арестованъ плацъ-адъютантомъ и помѣщенъ, какъ отставной, въ городской тюрьмѣ [1]). Глѣбовъ же и князь Васильчиковъ арестованы домашнимъ арестомъ на квартирахъ [2]). Доставленное съ мѣста дуэли тѣло Лермонтова, согласно приказанію коменданта—«арестовать всѣхъ», было отвезено на гауптвахту, но тамъ возникъ вопросъ: что съ нимъ дѣлать? Разумѣется, оказалось, что тѣлу на гауптвахтѣ не мѣсто, повезли его къ церкви и положили на паперти. Тутъ оно лежало нѣсколько времени, и только позднимъ вечеромъ, по чьему-то внушенію, тѣло отвезли на квартиру покойнаго и тамъ подвергли его медицинскому освидѣтельствованію [3]).

---

[1]) Въ дѣлѣ комендантскаго управленія 1841 года, № 96, имѣются: отношеніе коменданта, отъ 22-го іюля за № 1451, къ начальнику Кавказской области о разрѣшеніи перемѣстить маіора Мартынова изъ городской тюрьмы на гауптвахту; отношеніе этого начальника, отъ 24-го іюля за № 251, съ изъявленіемъ на то согласія, и отношеніе строительной коммиссіи при кавказскихъ минеральныхъ водахъ, отъ 26-го іюля за № 643, что ею предписано отвести для содержащагося въ городовомъ острогѣ маіора Мартынова въ домѣ Орлова, гдѣ помѣщается гауптвахта, особую комнату, куда онъ и былъ переведенъ 26-го іюля.

[2]) Въ томъ же дѣлѣ имѣются разрѣшенія начальника Кавказской области, отъ 28-го іюля за № 389, и начальника штаба войскъ Кавказской линіи и Черноморіи, отъ 29-го іюля за № 94, перевести князя Васильчикова и корнета Глѣбова, для леченія болѣзней въ Кисловодскъ, гдѣ они и находились на пользованіи, но подъ домашнимъ арестомъ, и возвращены въ Пятигорскъ 11-го сентября, при рапортѣ кисловодскаго коменданта за № 216.

[3]) Освидѣтельствованіе производилъ 17-го іюля ординаторъ Пятигорскаго военнаго госпиталя Барклай-де-Толли, въ присутствіи слѣдственной коммиссіи. Актъ, составленный объ этомъ (№ 35), гласитъ слѣдующее: «Вслѣдствіе предписанія конторы Пятигорскаго военнаго госпиталя, отъ 16-го іюля за № 504, основаннаго на отношеніи пятигорскаго окружнаго начальника, полковника Ильяшенкова, отъ того же числа за № 1352, свидѣтельствовалъ я, въ присутствіи изслѣдователей: а) пятигорскаго плацъ-маіора, подполковника Унтилова, б) пятигорскаго земскаго суда засѣдателя Черепанова, в) и исправляющаго должность пятигорскаго стряпчаго Ольшанскаго 2-го и находящагося за депутата корпуса жандармовъ подполковника Кувшинникова, тѣло убитаго на дуэли Тен-

«Когда тѣло привезли,—разсказываетъ Н. П. Раевскій [1]),—мы убрали рабочую комнату Михаила Юрьевича, заняли у Зельмица большой столъ и накрыли его скатертью. Когда пришлось обмывать тѣло, сюртука невозможно было снять, руки совсѣмъ закоченѣли. Правая рука, какъ держала пистолетъ, такъ и осталась [2]). Нужно было сюртукъ на спинѣ распороть, и тутъ всѣ мы видѣли, что навылетъ пуля проскочила, да и фероньерка de la belle noire въ правомъ карманѣ нашлась вся въ крови... Дѣло было поздно вечеромъ, изъ публики никто не узналъ, а Марья Ивановна Верзилина соберется пойдти тѣлу поклониться, дойдетъ до подъѣзда, да и падаетъ безъ чувствъ. Только ужъ часовъ въ 11 ночи пріѣхалъ къ намъ Ильяшенковъ, сказалъ, что гробъ онъ заказалъ, и велѣлъ намъ завтра пойдти священника попросить. Мы ужъ и сами объ этомъ подумывали, потому что знали, что бабушка поэта, Елизавета Алексѣевна Арсеньева, женщина очень богомольная, никогда бы не утѣшилась, если бы ея внука похоронили не по церковнымъ установленіямъ... На другой день Столыпинъ и я отправились къ священнику, единственной въ то время, православной церкви въ Пятигорскѣ. Встрѣтила насъ красавица-попадья, сказала намъ, что слышала о нашемъ несчастіи, поплакала, но тутъ же прибавила, что батюшки нѣтъ и что вернется онъ только къ вечеру... Вернулись домой, а народу много набралось: и пріѣзжіе, и офицеры, и казачки изъ слободки. Принесли и гробъ, и хорошо такъ его бѣлымъ глазетомъ обили. Мы собрались тѣло въ него класть, когда кто-то изъ публики сказалъ, что такъ нельзя, что надо сперва гробъ освятить. А гдѣ намъ святой воды достать? Посовѣтовали намъ на слободку послать, потому что тамъ у всякой казачки есть святая вода въ пузырькѣ за образомъ, да у кого-то изъ прислуги нашлась. Мы хотя, въ гробъ тѣло положивши, и пропѣли: «Святый Боже, Святый крѣпкій», и покрестились, но полагали, что этого не достаточно, и очень безпокоились объ отсутствіи священника. Тутъ же изъ публики и подушку въ гробъ сшили, и цвѣтовъ принесли, и намъ всѣмъ крепъ на рукава навязали. Намъ бы самимъ не догадаться».

гинскаго пѣхотнаго полка поручика Лермонтова. При осмотрѣ оказалось, что пистолетная пуля, попавъ въ правый бокъ ниже послѣдняго ребра, при сроценіи ребра съ хрящемъ, пробила правое и лѣвое легкія, поднимаясь вверхъ, вышла между пятымъ и шестымъ ребромъ лѣвой стороны и при выходѣ прорѣзала мягкія части лѣваго плеча, отъ которой раны поручикъ Лермонтовъ мгновенно на мѣстѣ поединка померъ. Въ удостовѣреніе чего общимъ подписомъ и приложеніемъ герба моего печати свидѣтельствуемъ. Городъ Пятигорскъ, іюля 17-го дня 1841 года».

[1]) «Нива», 1885 года, № 8.

[2]) Въ локтѣ согнутая и прижатая къ груди, съ сведенными пальцами, что доказываетъ, что дуло пистолета въ моментъ смерти было обращено не къ противнику, а вверхъ.

Изъ многописаній Э. Шанъ-Гирей [1]) объ этомъ днѣ мы узнаемъ не много. Она пишетъ: «Мы собирались на балъ къ князю Голицыну, но когда пошелъ проливной дождь и началась сильнѣйшая гроза, то должны были остаться дома. Приходитъ Дмитревскій и, видя насъ въ вечернихъ туалетахъ, предлагаетъ позвать этихъ господъ всѣхъ сюда и устроить свой балъ. Не успѣлъ онъ докончить, какъ вбѣгаетъ въ залу полковникъ Зельмицъ съ растрепанными длинными сѣдыми волосами, съ испуганнымъ лицомъ, размахиваетъ руками и кричитъ: «одинъ наповалъ, а другой подъ арестомъ!». Мы бросились къ нему: что такое, кто наповалъ, гдѣ? Лермонтовъ убитъ. Такое извѣстіе и столь внезапное до того поразило матушку, что съ ней сдѣлалась истерика, едва могли ее успокоить. Когда мы нѣсколько пришли въ себя отъ такого треволненія, переодѣлись и, сидя у открытаго окна, смотрѣли на проходящихъ, видѣли, какъ проскакалъ Васильчиковъ къ коменданту и за докторомъ, позднѣе провели Глѣбова подъ карауломъ на гауптвахту [2]). Мартынова же, какъ отставнаго, посадили въ тюрьму, гдѣ онъ провелъ ужасныхъ три ночи въ сообществѣ двухъ арестантовъ, изъ коихъ одинъ все читалъ псалтырь, а другой произносилъ страшныя ругательства. Къ 9-ти часамъ все утихло. Вечеръ былъ чудный, тишина въ воздухѣ необыкновенная, луна свѣтила, какъ день. Роковая вѣсть быстро разнеслась по городу. Дуэль— неслыханная вещь въ Пятигорскѣ! Многіе ходили смотрѣть на убитаго поэта изъ любопытства; знакомые же его, изъ участія и желанія узнать о причинѣ дуэли, спрашивали насъ, но мы и сами ничего не знали тогда вѣрнаго. Это хожденіе туда-сюда продолжалось до полуночи. Всѣ говорили шепотомъ, точно боялись, чтобы ихъ слова не раздались въ воздухѣ и не разбудили бы поэта, спавшаго уже непробуднымъ сномъ. На бульварѣ и музыка два дня не играла».

«Блѣдный, истекшій кровью, съ улыбкой презрѣнья на устахъ, въ «исторической» канаусовой рубашкѣ, смоченной кровью,—восклицаетъ П. А. Висковатовъ въ біографіи поэта [3]), — лежалъ Михаилъ Юрьевичъ. Вокругъ ходила молодежь, растерявшаяся и пораженная. Вмѣсто веселаго ужина, приготовленнаго для встрѣчи счастливо возвратившагося и примиреннаго съ товарищемъ поэта, приходилось хлопотать о приведеніи въ порядокъ его смертныхъ останковъ. Вѣсть быстро разнеслась по городу, и еще вечеромъ приходили пріятели и знакомые подъ кровъ сраженнаго пѣвца.

---

[1]) «Нива», 1885 года, № 20, и «Русскій Архивъ», 1889 года, № 6.

[2]) Этого онѣ видѣть не могли, потому что Васильчиковъ пріѣхалъ съ Мартыновымъ на бѣговыхъ дрожкахъ, а Глѣбовъ не былъ посаженъ на гауптвахту, но арестованъ домашнимъ арестомъ.

[3]) Стр. 430.

Никто изъ друзей не спалъ... Спали ли тѣ, что съ такою настойчивостью и искусствомъ вели интригу и добились желаннаго?!»

16-го іюля, за № 83, въ отвѣтъ на сдѣланное донесеніе, комендантъ получилъ увѣдомленіе отъ начальника штаба войскъ Кавказской линіи и Черноморіи, полковника Траскина, что въ слѣдственную коммиссію имъ назначается депутатомъ присланный для секретнаго надзора корпуса жандармовъ подполковникъ Кувшинниковъ. Коммиссія образовалась подъ предсѣдательствомъ пятигорскаго плацъ-маіора, подполковника Унтилова, изъ засѣдателя земскаго суда Черепанова, квартальнаго надзирателя Марушевскаго и исправлявшаго должность стряпчаго Ольшанскаго 2-го [1]), и слѣдствіе началось.

Въ тотъ же день, по распоряженію коменданта, произведена опись вещамъ, оставшимся послѣ смерти Лермонтова. Производили опись: командиръ кавказскаго линейнаго баталіона № 2-й, подполковникъ Монаенко, плацъ-адъютантъ Сидери и квартальный надзиратель Марушевскій, въ присутствіи протоіерея Павла Александровскаго, городскаго головы Рыжкова и словеснаго судьи Тупикова [2]).

---

[1]) Дѣло Пятигорскаго комендантскаго управленія, 1841 года, № 96.

[2]) Послѣ Лермонтова осталось слѣдующее имущество, какъ видно изъ описи, составленной упомянутыми выше лицами, и находящейся въ дѣлѣ Пятигорскаго комендантскаго управленія, 1841 года, № 96: 1) образъ маленькій св. Архистратига Михаила въ серебряной вызолоченной ризѣ—1; 2) образъ небольшой св. Іоанна Воина въ такой же ризѣ—1; 3) образъ побольше св. Николая Чудотворца въ серебряной ризѣ съ вызолоченнымъ вѣнцомъ—1; 4) образъ маленькій—1; 5) крестъ маленькій серебряный, вызолоченный, съ мощами—1; 6) собственныхъ сочиненій покойнаго на разныхъ лоскуточкахъ бумаги, кусковъ—7; 7) писемъ разныхъ лицъ и отъ родныхъ—17; 8) книга на черновыя сочиненія, подаренная покойному княземъ Одоевскимъ, въ кожаномъ переплетѣ—1; 9) карманная книжка маленькая—1; 10) бумажникъ сафьянный—1; 11) шкатулка орѣховаго дерева съ бронзою—1; 12) денегъ ассигнаціями двѣ тысячи шестьсотъ десять рублей (2.610 р.); 13) ножикъ перочинный съ ножницами и другой небольшой сломанный—2; 14) бритвъ въ черныхъ черенкахъ въ футлярѣ—2; 15) кисть для бритья съ ручкою нейзильберъ—1); 16) ремень для точенія бритвъ съ ручкою—1; 17) гребешокъ складной роговой—1; 18) лорнетка съ двумя стеклами золотая, складная, въ перламутровыхъ черенкахъ—1; 19) погребецъ, обитъ тюленевою кожею съ жестяною оковкою и внутреннимъ замкомъ—1; 20) въ немъ рюмка стеклянная—1; 21) солонка таковая-жъ—1; 22) банокъ стеклянныхъ съ крышками—3; 23) тарелокъ фаянсовыхъ—5; 24) ложекъ серебряныхъ столовыхъ—8; 25) ложекъ серебряныхъ чайныхъ—8; 26) ситечко чайное серебряное—1 27) ложка суповая серебряная—1; 28) ножей простыхъ съ вилками паръ—3 29) сюртуковъ суконныхъ, форменныхъ, поношенныхъ, съ красною подкладкою—2; 30) сюртукъ лѣтній шерстянаго ластику—1; 31) сюртукъ суконный, форменный, на калмыцкомъ мѣху—1; 32) мундиръ поношенный—1; 33) брюкъ: одни—новые, другіе—поношенные, суконныхъ форменныхъ—2; 34) шаровары поношенные—1; 35) таковые же верблюжьи, старые—1; 36) таковые же сѣраго сукна, поношенные—1; 37) эполетъ мишурныхъ паръ—3; 38) черкеска простаго темнаго сукна—1; 39) жилетъ черный, шелковый, поношенный—1; 40) бешметъ

17-го іюля прибылъ въ Пятигорскъ начальникъ штаба войскъ Кавказской линіи и Черноморіи, флигель-адъютантъ полковникъ Траскинъ. Получивъ отъ коменданта донесеніе о дуэли Лермонтова и его смерти, онъ, по словамъ В. И. Чиляева, сильно перетрусилъ, такъ какъ разрѣшеніе Михаилу Юрьевичу на леченіе Пятигор-

---

бѣлый коленкоровый—1; 41) халатъ бухарскій кашемировый—1; 42) халатъ термаламовый на мѣху крымскихъ мерлушекъ—1; 43) шинель свѣтло-сѣраго сукна съ краснымъ воротникомъ, лѣтняя, на демикатоновой подкладкѣ — 1; 44) таковая же на ватѣ свѣтло-сѣраго сукна, съ бобровымъ воротникомъ, подкладка таковая-жъ—1; 45) персидскій войлокъ цвѣтной двойной—1; 46) подушекъ пуховыхъ малыхъ—3; 47) одѣяло фланелевое—1; 48) калмыцкій ергакъ—1; 49) шапка шерстяная вязаная синяго цвѣта, старая съ краснымъ околышкомъ—1; 50) рубашекъ канаусовыхъ старыхъ—7; 51) шаровары лѣтніе бѣлые—1; 52) рубахъ холщевыхъ бѣлыхъ, старыхъ—2; 53) подштанниковъ холщевыхъ старыхъ—7; 54) подштанниковъ холстинковыхъ—1; 55) платковъ носовыхъ цвѣтныхъ, шелковыхъ—8; 56) батистовыхъ бѣлыхъ платковъ—5; 57) полотенцевъ личныхъ ткацкаго полотна—8; 58) фуфаекъ фланелевыхъ три и лѣтняя канифасовая одна—4; 54) рубашка длинная фланелевая—1; 60) подштанники фланелевые—1; 61) салфетокъ бѣлыхъ разной величины—15; 62) скатертей—3; 63) носковъ нитяныхъ паръ—12; 64) носковъ шерстяныхъ паръ—3; 65) фуфайка и подштанники лосинные—2; 66) банное полотенце—1; 67) наволочекъ на подушки холщевыхъ—6; 68) наволочекъ на подушки ситцевыхъ—6; 69) простынь—2; 70) шарфъ шерстяной красный—1; 71) стирочныхъ полотенецъ—13; 72) шейныхъ косынокъ шелковыхъ черныхъ—3; 73) платокъ бумажный шейный—1; 74) портупей—4; 75) темляковъ мишурныхъ—2; 76) шапочекъ вязаныхъ бумажныхъ—2; 77) перчатокъ бѣлыхъ замшевыхъ паръ—5; 78) мыльница аплике—1; 79) головная щеточка двойная—1; 80) печать гербовая стальная съ ручкой—1; 81) одѣяло персидское, на подобіе скатерти, пестрое, большое—1; 82) папахъ форменныхъ съ приборомъ, изъ коихъ одна старая,—2; 83) полусабля съ серебрянымъ темлякомъ—1; 84) шарфъ мишурный—1; 85) фуражка суконная бѣлая съ краснымъ околышкомъ—1; 86) пистолетъ черкескій въ серебряной отдѣлкѣ, съ золотою насѣчкою, въ чахлѣ ахатскомъ—1; 87) кинжалъ съ ножикомъ съ бѣлою ручкою и при немъ поясокъ съ серебрянымъ подъ чернью приборомъ въ 16 штукъ, и жирничка серебрянная же—1; 88) шашка въ серебряной подъ чернью оправѣ, съ портупеею, на коей 12 пуговицъ серебряныхъ же подъ чернью—1; 89) перстень англійскаго золота съ бирюзою --1; 90) кольцо червоннаго золота — 1; 91) подсвѣчниковъ аплике малыхъ—2; 92) оловянныхъ тарелокъ—6; 93) оловянныхъ мисокъ—2; 94) кастрюль красной мѣди небольшихъ—4; 95) самоваръ желтой мѣди складной—1; 96) желѣзная кровать складная безъ прибора—1; 97) чемоданъ кожаный—1; 93) сундуковъ колясочныхъ, обтянутыхъ кожею—2; 99) сѣдло черкесское простое съ приборомъ—1; 100) лошадей: меринъ масти темно-сѣрой, грива на правую сторону, лѣтъ 4, на лѣвомъ боку, на передней и задней ногѣ тавро О, и другой меринъ же, масти свѣтло-сѣрой, лѣтъ 10, грива на правую сторону, на лѣвой задней ногѣ тавро Θ—2, и 101) крѣпостныхъ людей: Иванъ Вертюковъ и Иванъ Соколовъ—2. Опись эта, по словамъ В. И. Чиляева, вторичная и составлена 17-го іюля, такъ какъ въ первую, составленную въ отсутствіе Столыпина, были включены многія Столыпинскія вещи, его столовая, чайная и кухонная посуда, бѣлье и серебро, а также Чиляевскія кастрюли, большой самоваръ и посуда, сданные при квартирѣ. Даже самые пистолеты, на которыхъ противники стрѣлялись, были взяты не тѣ, доказательствомъ чего можетъ служить слѣдующій рапортъ коменданту коммиссіи военнаго суда, отъ 3-го октября за № 9: «Въ послѣдствіе предписанія вашего высоко-

скими минеральными водами было дано лично имъ. Не зная, какъ взглянуть на эту дуэль въ Петербургѣ, онъ поспѣшилъ въ Пятигорскъ, чтобы на мѣстѣ лично разузнать причины дуэли и степень виновности прикосновенныхъ къ ней лицъ, и распорядиться произвести формальное разслѣдованіе сего дѣла коммиссіею, какъ можно наипоспѣшнѣе, чего обыкновенно, при существовавшихъ тогда порядкахъ въ дѣлопроизводствѣ, ожидать было нельзя. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ предполагалъ личнымъ появленіемъ въ Пятигорскѣ предупредить могущее возникнуть въ разношерстномъ водяномъ обществѣ недовольство и порицанія и дать извѣстное направленіе общественной мысли по поводу смерти поэта и ея послѣдствіямъ [1]).

Въ этотъ же день вечеромъ хоронили и тѣло Лермонтова. Много усилій нужно было употребить, чтобы склонить мѣстное духовенство къ исполненію надъ нимъ послѣднихъ молитвословій по христіанскому обряду.

Н. П. Раевскій пишетъ [2]): «На другой день опять мы со Столыпинымъ пошли къ священнику. Матушка-то его предупредила, но онъ всеже не сразу согласился. Батюшка все настаивалъ на томъ, что по такой-то де главѣ Стоглава дуэлисты причтены къ самоубійцамъ, и потому Михаилу Юрьевичу никакой заупокойной службы не полагается и хоронить его слѣдуетъ внѣ кладбища. Боялся онъ очень отъ архіерея за это выговоръ получить. Мы стали было увѣрять его, что архіерей не узнаетъ, а онъ тутъ и говоритъ: «Вотъ если бы комендантъ далъ мнѣ записочку, что въ своемъ донесеніи онъ обо мнѣ не упомянетъ, я былъ бы спокоенъ». Мы попробовали у Ильяшенкова эту записку для священника выпросить, но онъ сказалъ, что этого нельзя, а велѣлъ на словахъ передать, что хуже будетъ, когда узнаютъ, что такого человѣка дали безъ заупокойныхъ служеній похоронить [3]). Сказали мы это

благородія, отъ 29-го сентября сего года, № 2232, эта коммиссія имѣетъ честь донести, что препровожденные въ оную два пистолета, принадлежащіе убитому на дуэли поручику Лермонтову, изъ которыхъ онъ стрѣлялся съ отставнымъ маіоромъ Мартыновымъ, въ коммиссія получены, а имѣющіеся въ оной таковые же пистолеты, принадлежащіе ротмистру Столыпину, взятые частною управою по ошибкѣ при описи имѣнія Лермонтова, при семъ къ вашему высокоблагородію коммиссія обратно представляетъ». На рапортѣ этомъ росписка: «значащіеся въ этомъ рапортѣ два пистолета для доставленія 5-го октября 1841 года получилъ. Корнетъ Глѣбовъ».

[1]) А не для высылки изъ Пятигорска лечившихся на водахъ офицеровъ, какъ повѣствуетъ гадательно П. А. Висковатовъ въ «Біографіи Лермонтова» (стр. 391).

[2]) «Нива», 1885 года, № 8.

[3]) Въ дѣлѣ Пятигорскаго комендантскаго управленія, 1841 года, № 96, имѣется слѣдующая переписка. Протоіерей Павелъ Александровскій, отъ 16-го іюля, за № 60, пишетъ коменданту: «Въ выданномъ свидѣтельствѣ сего числа, за № 34, отъ лекаря, Пятигорскаго военнаго госпиталя ординатора, титулярнаго

батюшкѣ, а онъ опять заартачился, однако обѣщался придти. Мы вернулись съ успокоеннымъ сердцемъ. Народу — море цѣлое. Наконецъ, священникъ пришелъ, но, увидавъ музыку и солдатъ, какъ и слѣдуетъ на похоронахъ офицера, онъ опять испугался. «Уберите трубачей, говоритъ, нельзя, чтобы самоубійцу такъ хоронили». Пришлось спрятать музыку. Похороны вышли торжественныя. Весь народъ былъ въ траурѣ. И кого только не было на этихъ похоронахъ. Послѣ похоронъ былъ поминальный обѣдъ, на который пригодилось наше угощеніе, приготовленное за два дня передъ тѣмъ съ совсѣмъ иною цѣлію. Нѣмецкій художникъ нарисовалъ портретъ съ Михаила Юрьевича въ гробу. Съ него и я сдѣлалъ копіи для себя и для М. И. Верзилиной, а послѣ акварелью и для Е. А. Арсеньевой».

У г-жи Шанъ-Гирей [1]) мы находимъ такую замѣтку о похоронахъ Лермонтова. На другой день, когда собрались всѣ къ панихидѣ, долго ждали священника, который съ большимъ трудомъ согласился хоронить Лермонтова, уступивъ убѣдительнымъ и неотступнымъ просьбамъ князя Васильчикова [2]) и другихъ, но съ условіемъ, чтобы не было музыки и никакого народу. Наконецъ, пріѣхалъ отецъ Павелъ, но, увидѣвъ на дворѣ оркестръ, тотчасъ повернулъ назадъ. Музыку мгновенно отправили, но зато много, много усилій употреблено было, чтобы вернуть отца Павла. Наконецъ, все уладилось, отслужили панихиду и проводили на кладбище. Гробъ несли товарищи; народу было много, и всѣ шли за гробомъ въ какомъ-то благоговѣйномъ молчаніи! Это меня пора-

---

совѣтника Барклая-де-Толли, доставленномъ ко мнѣ лично военнымъ офицеромъ Столыпинымъ, прописано: Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ Михаилъ Юрьевъ Лермонтовъ, православнаго вѣроисповѣданія, застрѣленъ противникомъ на полѣ, близь горы Машука, 15-го числа сего мѣсяца, и по освидѣтельствованіи имъ тѣло можетъ быть предано землѣ по христіанскому обряду. Не имѣя отъ начальства мѣстнаго города Пятигорска особеннаго свѣдѣнія, или, по крайней мѣрѣ, отъ свидѣтельствующихъ лицъ за общимъ подписомъ вѣдѣнія: возможно ли приступить къ погребенію по христіанскому обряду поручика Лермонтова, и не имѣется ли къ этому препятствія по силѣ законовъ?» Вслѣдствіе сего, комендантъ, отъ того же числа за № 1367, сообщилъ слѣдователю, плацъ-маіору подполковнику Унтилову: «пятигорскій городской протоіерей Александровскій, отношеніемъ отъ 16-го числа сего мѣсяца, за № 60, проситъ моего распоряженія о доставленіи ему свѣдѣнія совмѣстно съ прочими находящимися при слѣдствіи объ убитомъ на дуэли поручикѣ Тенгинскаго пѣхотнаго полка Лермонтовѣ: возможно ли приступить къ погребенію по христіанскому обряду тѣла помянутаго убитаго Лермонтова. О доставленіи просимаго протоіереемъ Александровскимъ свѣдѣнія предлагаю вашему высокоблагородію». Что отвѣчалъ Унтиловъ, неизвѣстно, но тѣло Лермонтова погребено по христіанскому обряду по внушительной просьбѣ прибывшаго въ Пятигорскъ флигель-адъютанта Траскина.

[1]) «Русскій Архивъ», 1889 года, № 6.

[2]) Не Васильчикова, а Столыпина. Васильчиковъ находился уже подъ арестомъ.

жало: вѣдь не всѣ же его знали и не всѣ его любили! Такъ было тихо, что только слышенъ былъ шорохъ сухой травы подъ ногами. Похоронили и положили небольшой камень, съ надписью: **Михаилъ**, какъ временный знакъ его могилы (потому что весной 1842 года его увезли; мы были, когда вынули его гробъ, поставили въ свинцовый, помолились и отправили его въ путь).

П. А. Висковатовъ занесъ въ біографію Лермонтова [1]) еще слѣдующія подробности. На другое утро тѣло было обмыто. Окостенѣлымъ членамъ трудно было дать обычное для мертвеца положеніе; сведенныхъ рукъ не удалось расправить, и онѣ были накрыты простыней. Вѣки все открывались, и глаза, полные думъ, смотрѣли чуждыми земнаго міра. Въ чистой бѣлой рубашкѣ лежалъ онъ на постели въ своей небольшой комнатѣ, куда перенесли его. Художникъ Шведе снималъ съ него портретъ масляными красками. Съ утра домъ и дворъ, гдѣ жилъ поэтъ, были переполнены народомъ. Многіе плакали... Столыпинъ и друзья, распорядившись относительно панихидъ, стали хлопотать о погребеніи останковъ поэта. Но протоіерей Павелъ Александровскій не рѣшался этого сдѣлать [2]). Друзья на это уговаривали протоіерея, представляли ему значительность связей бабки покойнаго и друзей его, обѣщали богатое вознагражденіе. Но онъ колебался. Тщетно обращались къ содѣйствію жены его, старались задобрить и ее. Напуганная, она говорила батюшкѣ: «не забывай, что у тебя семейство!» Сообщили о затрудненіяхъ полковнику Траскину, и онъ авторитетомъ своимъ подѣйствовалъ на протоіерея. Похороны поэта состоялись въ тотъ же день, 17-го іюля, около 6-ти часовъ вечера [3]). На плечахъ то-

---

[1]) Стр. 430—435.

[2]) Въ бытность мою въ Пятигорскѣ въ 1870 году, отецъ Василій Эрастовъ, одинъ изъ двухъ священниковъ, бывшихъ въ Пятигорскѣ въ 1841 году, въ разговорѣ со мной, объяснялъ обстоятельство это тѣмъ, что во время похоронъ Лермонтова на водахъ было нѣсколько вліятельныхъ личностей, которыя не любили поэта за его нещадившій никого юморъ. Они старались повліять и на коменданта, и на отца протоіерея, въ смыслѣ отказа, какъ въ отданіи послѣднихъ почестей, такъ и въ христіанскомъ погребеніи праху «ядовитаго покойника», какъ одинъ изъ нихъ выразился объ умершемъ. Говорили, что убитый на дуэли — тотъ же самоубійца. и что на похороны самоубійцы по обряду христіанскому едва ли взглянетъ начальство снисходительно. Вотъ откуда происходило колебаніе духовенства, боявшагося отвѣтственности, и, только благодаря энергіи друзей покойнаго, дѣло устроилось такъ, что тѣло любимаго поэта не было лишено послѣдняго благословенія церкви. Сопровождалъ тѣло поэта въ послѣднее жилище и совершалъ погребеніе протоіерей Александровскій. Отецъ же Василій соучаствовать не могъ, такъ какъ выносъ тѣла назначенъ былъ въ четыре часа по полудни, именно въ то время, когда въ городской церкви обыкновенно служили обѣдню. («Всемірный Трудъ», 1870 года, № 10).

[3]) П. А. Висковатовъ говоритъ, что друзья поэта, желая придать болѣе торжественности похоронамъ, хлопотали о воинскихъ почестяхъ. Но это разрѣшено не было. Это не вѣрно. При погребеніи служащаго офицера, по воинскому уставу, тогда обязательно назначались команды нижнихъ чиновъ. Что же ка-

варищей гробъ былъ донесенъ до Пятигорскаго кладбища и похороненъ по всѣмъ правиламъ православной религіи. Понятно, что почти весь Пятигорскъ участвовалъ на похоронахъ. Были и представители всѣхъ полковъ, въ коихъ волею или неволею служилъ Лермонтовъ: полковникъ Безобразовъ — представителемъ Нижегородскаго драгунскаго полка, А. И. Арнольди—Гродненскаго гусарскаго, Тиранъ—лейбъ-гвардіи гусарскаго. Во время шествія и похоронъ погода стояла ясная, и все такъ же спокойно и безучастно глядѣли вершины ближнихъ и дальнихъ горъ, когда, при молитвѣ и торжественномъ пѣніи, опускали въ землю прахъ великаго русскаго поэта.

Еще двѣ-три детали можно почерпнуть изъ разсказа В. И. Чиляева. Онъ говорилъ: позднимъ вечеромъ привезли тѣло Лермонтова въ квартиру; домъ и дворъ мгновенно переполнились народомъ, дамы плакали, а нѣкоторыя мочили платки свои въ крови убитаго, сочившейся изъ неперевязанныхъ ранъ. Все, что называлось въ Пятигорскѣ обществомъ, перебывало втеченіе трехъ дней, пока покойникъ лежалъ въ квартирѣ. Городъ раздѣлился на двѣ партіи: одна защищала Мартынова, другая, бо́льшимъ числомъ, оправдывала Лермонтова. Были слышны даже такіе озлобленные голоса противъ перваго, что не будь онъ арестованъ, ему бы не сдобровать. Хоронили поэта при торжественной обстановкѣ. Было начальство и былъ нарядъ отъ 2-го кавказскаго линейнаго баталіона. Гробъ несли друзья и почитатели таланта покойнаго на рукахъ. Погода стояла великолѣпная. Почти полгорода вышло проводить поэта. Дамы были въ траурѣ. Мартыновъ просилъ позволенія проститься съ покойнымъ, но ему, вѣроятно, въ виду раздраженія массы не позволили [1]).

Оставшіеся послѣ Лермонтова вещи, деньги 2,610 р., двѣ лошади и два крѣпостные человѣка были переданы Столыпину, который выданнымъ коменданту реверсомъ обязался доставить ихъ къ родственникамъ [2]) и чрезъ нѣкоторое время отправилъ къ бабушкѣ поэта Е. А. Арсеньевой.

сается трубачей, то они могли быть приглашены друзьями поэта и удалены по настоянію отца Павла.

[1]) К. І. Карповъ сообщаетъ («Русскія Вѣдомости», 1891 года, № 5): Мартыновъ писалъ изъ-подъ ареста: «Для облегченія моей преступной скорбящей души, позвольте мнѣ проститься съ тѣломъ моего лучшаго друга и товарища». Комендантъ нѣсколько разъ перечиталъ записку и, вмѣсто отвѣта, поставилъ сбоку на полѣ бумаги вопросительный знакъ и подписалъ свою фамилію. Въ такомъ видѣ записка эта была доложена начальнику штаба, который, прочитавъ ее и ни слова не говоря, поставилъ ниже подписи коменданта три восклицательные знака и написалъ: «Нельзя. Траскинъ».

[2]) Реверсъ Столыпина: «Я нижеподписавшійся даю сей реверсъ пятигорскому коменданту, г. полковнику и кавалеру Ильяшенкову, въ томъ, что оставшіеся п слѣ убитаго отставнымъ маіоромъ Мартыновымъ на дуэли двоюрод-

Вечеръ князя В. С. Голицына состоялся 18-го іюля, по отзыву Э. Шанъ-Гирей [1]), фантастично, хорошо, но скучно, потому что всѣмъ было какъ-то не по себѣ. Она плясала — что ей было за дѣло до схороненнаго наканунѣ поэта!.. Ей нужны были новые живые люди...

Между тѣмъ, Унтиловская слѣдственная коммиссія, подъ строгимъ контролемъ полковника Траскина, повела дѣло быстро и энергично, 30-го іюля она его закончила и представила коменданту. Отъ 4-го августа, за № 5.456, военный министръ по высочайшему повелѣнію предписалъ кавказскому начальству: Мартынова, Глѣбова и Васильчикова судить военнымъ судомъ не арестованными. Въ октябрѣ въ Пятигорскѣ учреждена была для производства надъ ними суда военно-судная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ командира кавказскаго линейнаго баталіона № 2, подполковника Монаенки [2]). Сія послѣдняя коммиссія, по словамъ В. И. Чиляева, вела дѣло безъ всякихъ придирокъ, но и безъ всякаго упущенія и послабленія [3]). Въ нѣсколько засѣданій

наго брата моего, Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручика Лермонтова, поясненные въ описи: деньги 2,610 рублей ассигнаціями, разныя вещи, двѣ лошади и два крѣпостныхъ человѣка Ивана Вертюкова и Ивана Соколова, я обязуюсь доставить въ цѣлости къ родственникамъ его, Лермонтова. Въ противномъ же случаѣ, предоставляю поступить со мною по законамъ. Іюля 23-го дня 1841 года, городъ Пятигорскъ. Подписалъ Нижегородскаго драгунскаго полка капитанъ Столыпинъ. О томъ, что капитанъ Столыпинъ оставшіеся послѣ убитаго поручика Лермонтова деньги, вещи, лошадей и крѣпостныхъ людей доставитъ къ родственникамъ Лермонтова, поручаемся: Нижегородскаго драгунскаго полка командиръ полковникъ Безобразовъ и камеръ-юнкеръ Н. Атрѣшковъ». (Дѣло Пятигорскаго комендантскаго управленія, 1841 года, № 96).

[1]) «Нива», 1885 года, № 20.

[2]) Рапортъ коменданту полковника Унтилова за № 64 и отношеніе управляющаго Кавказской областью за № 1910. (Дѣло Пятигорскаго комендантскаго управленія, 1841 года, № 96).

[3]) Мартыновъ показывалъ на судѣ, что съ самаго пріѣзда его въ Пятигорскъ Лермонтовъ не пропускалъ ни одного случая, когда бы онъ могъ сказать ему что либо непріятное: остроты, колкости,—однимъ словомъ, все, чѣмъ только можно досадить человѣку, не касаясь до его чести. Онъ, Мартыновъ, показывалъ Лермонтову, какъ могъ, что не намѣренъ служить мишенью для его шутокъ, но Лермонтовъ дѣлалъ видъ, какъ будто не замѣчаетъ этого. Недѣли три тому назадъ, во время бала Лермонтова, онъ высказалъ ему все откровенно и просилъ перестать насмѣхаться, но Лермонтовъ, отшучиваясь, ничего не обѣщалъ, а предлагалъ ему, въ свою очередь, смѣяться надъ нимъ. На вечерѣ въ одномъ частномъ домѣ (у Верзилиныхъ) за два дня до дуэли, Лермонтовъ вывелъ его изъ терпѣнія, привязываясь къ каждому его слову и на каждомъ шагу показывая явное желаніе досадить. Тогда онъ, Мартыновъ, рѣшился положить этому конецъ. При выходѣ изъ дома Верзилиныхъ, онъ удержалъ Лермонтова за рукавъ и пошелъ съ нимъ рядомъ; тутъ онъ сказалъ Лермонтову, что уже просилъ его прекратить эти несносныя шутки, и теперь предупреждаетъ, что если онъ еще разъ вздумаетъ выбрать его предметомъ своей остроты, то онъ, Мартыновъ, заставитъ его перестать. Лермонтовъ, не давъ

участь подсудимыхъ была рѣшена [1]). Судъ, признавая подсудимыхъ виновными, маіора Мартынова — въ произведеніи дуэли съ поручикомъ Лермонтовымъ и убійствѣ его на этой дуэли, а корнета Глѣбова и титулярнаго совѣтника князя Васильчикова въ

ему кончить, сказалъ, что ему его проповѣди не нравятся, что Мартыновъ не можетъ запретить ему говорить про него то, что онъ хочетъ, и въ заключеніе добавилъ: «вмѣсто пустыхъ рѣчей, ты гораздо лучше бы сдѣлалъ, если бы дѣйствовалъ; ты знаешь, что я отъ дуэли никогда не отказываюсь, слѣдовательно, ты никого этимъ не испугаешь». Въ это время оба они подошли къ дому Лермонтова, и Мартыновъ сказалъ ему, что, въ такомъ случаѣ, пришлетъ къ нему своего секунданта. Князь Васильчиковъ и Глѣбовъ показывали, что всѣми силами старались достигнуть примиренія противниковъ. Но, такъ какъ они не могли сказать ему, Мартынову, ничего отъ имени Лермонтова, то дуэль состоялась. Условлено было сойтись на мѣстѣ въ 6½ часовъ по полудни. Мартыновъ выѣхалъ немного ранѣе изъ своей квартиры верхомъ, бѣговыя дрожки свои далъ Глѣбову, который догналъ его уже на дорогѣ. Васильчиковъ и Лермонтовъ тоже пріѣхали верхомъ. По прибытіи на мѣсто, лошадей они привязали къ кустарнику. При дуэли никто, кромѣ секундантовъ, не присутствовалъ. Верзилина показала подъ присягою, что Лермонтовъ и Мартыновъ у нея въ домѣ 13-го числа вечеромъ были, но непріятностей между ними она не слыхала и не замѣчала. Объ обстоятельствахъ дуэли князь Васильчиковъ и Глѣбовъ показали сосласно вышеизложенному, прибавивъ, что хотя они употребляли всѣ усилія къ отклоненію Лермонтова и Мартынова отъ дуэли, но Мартыновъ, считая себя обиженнымъ и указывая на сказанныя ему Лермонтовымъ слова, намекавшія о дуэли, оставить сдѣланнаго имъ вызова не согласился.

[1]) П. А. Висковатовъ не доволенъ дѣйствіями слѣдственной и военно-судной коммиссій. Можно ли полагаться на нихъ! — восклицаетъ онъ въ «Біографіи Лермонтова» (стр. 435—437.)—Признавшіе себя оффиціально единственными свидѣтелями дуэли, князь Васильчиковъ и Глѣбовъ дѣлали все, чтобы выгородить всѣхъ прочихъ участниковъ. Не былъ упомянутъ даже служитель Чаловъ, державшій лошадей, а заявлено, что лошади были привязаны къ кустамъ. Выгородили и Верзилиныхъ, хотя съ послѣднихъ было снято показаніе. Арестованные имѣли полную возможность собираться и заранѣе сговариваться или списываться относительно того, что показывать. Причемъ приводитъ посланное секундантами Мартынову письмо, гдѣ, между прочимъ, сказано: «Что же касается до правды, то мы отклоняемся только въ отношеніи Т (рубецкаго) и С (толыпина), которыхъ имена не должны быть упомянуты ни въ какомъ случаѣ». Почтенному біографу, во что бы то ни стало, хочется доказать, что секундантами на дуэли, кромѣ Васильчикова и Глѣбова, были также Столыпинъ и Трубецкой, что при дуэли присутствовали Дороховъ и другія лица и что, наконецъ, слѣдственная и судная коммиссіи это скрыли. При существовавшей въ Николаевское время строгости, никакая слѣдственная, а тѣмъ болѣе судная коммиссія не осмѣлилась бы рѣшиться на подобное дѣло, а тѣмъ болѣе коммиссія по Лермонтовской дуэли, въ которой засѣдалъ нарочно присланный изъ Ставрополя жандармскій штабъ-офицеръ, подполковникъ Кувшинниковъ, — это «царево око», по тогдашнему времени. Скрыть же отъ коммиссій, то-есть обмануть ихъ, едва ли было возможно, когда о дуэли зналъ весь городъ, и при устраненіи отъ слѣдствія и суда прикосновенныхъ лицъ нашлись бы люди, которые довели бы объ этомъ до свѣдѣнія высшей власти. Да и сами Столыпинъ и князь Трубецкой не такіе были люди, чтобы скрываться отъ отвѣтственности, если бы они дѣйствительно принимали участіе въ дуэли. Въ доказательство чего приведу то обстоятельство, что въ Варантовской дуэли Столыпинъ, не спрошенный при производствѣ дознанія, самъ подалъ рапортъ о своей

томъ, что они не донесли начальству о намѣреніи Лермонтова и Мартынова драться на дуэли и находились при оной секундантами, приговорилъ всѣхъ трехъ подсудимыхъ къ лишенію чиновъ и правъ состоянія [1]). Командиръ отдѣльнаго кавказскаго корпуса, во вниманіе прежней безпорочной службы Мартынова, отличія, оказаннаго имъ въ 1837 году въ экспедиціи противъ горцевъ, а Глѣбова и князя Васильчикова, во вниманіе ихъ молодости, хорошей службы и бытности перваго въ экспедиціи противъ горцевъ и полученной раны, полагалъ: вмѣнить имъ въ наказаніе содержаніе подъ арестомъ до преданія суду, Мартынова, лишивъ чиновъ и орденовъ, записать въ солдаты до выслуги; князя Васильчикова выдержать еще въ крѣпости одинъ мѣсяцъ, а Глѣбова не-

---

прикосновенности къ дѣлу и заявилъ, что онъ участвовалъ въ ней, какъ секундантъ. Все же пресловутое выгораживаніе Верзилиныхъ, Дорохова и другихъ, а также «отклоненіе отъ правды секундантовъ по отношенію Трубецкаго и Столыпина», заявленное въ письмѣ, на которое такъ побѣдоносно ссылается біографъ, есть не что иное, какъ умолчаніе о предполагавшейся дуэли, такъ какъ знаніе о имѣющей быть дуэли и недонесеніе о томъ начальству, по военно-уголовному кодексу, составляетъ преступленіе, строго наказуемое. (Глѣбову и Васильчикову главною виною поставлено судомъ недонесеніе начальству о знаніи предполагавшейся дуэли). Очевидно, почтенный біографъ введенъ въ заблужденіе. Не даромъ по всему его разсказу о послѣднихъ дняхъ жизни поэта красной нитью проходятъ слѣды его личныхъ бесѣдъ съ «княземъ Ксандромъ». Но сей послѣдній, подъ видомъ обѣленія Мартынова, старался болѣе всего о гарантіяхъ собственнаго обѣлѣнія. Оба они были сообщниками и оба хоронили концы: одинъ—своимъ упорнымъ молчаніемъ, другой—изворотливыми розсказнями. Статья послѣдняго въ «Русскомъ Архивѣ», 1872 года, № 1, есть не что иное, какъ длинный рядъ неправдъ, инсинуацій и макіавелистическихъ уязвленій покойнаго поэта. Его увѣренія въ ней о дружбѣ съ Лермонтовымъ—извѣстный риторическій пріемъ, съ цѣлью расположить съ себѣ читателя. Его характеристика поэта—ловкій казуистическій вывертъ съ намѣреніемъ затушевать его достоинства, какъ человѣка, выставленіемъ на видъ дѣтскихъ шалостей, заносчивости и задора. Его свидѣтельство о нерасположенія къ поэту при дворѣ и неблагопріятномъ отзывѣ о немъ высокопоставленнаго лица — ложь, имѣвшая цѣлью санкціонировать высказанное имъ дурное о поэтѣ мнѣніе. Разсказъ его о столкновеніи Лермонтова съ Мартыновымъ у Верзилиныхъ, даже по сравненію съ показаніемъ послѣдняго на судѣ, которое не могло не быть ему извѣстно, неточенъ и направленъ къ обвиненію поэта. Его толкованія о невозможности примиренія — канцелярское крючкотворство, направленное къ разсчету съ поэтомъ на барьерѣ. Его описаніе дуэли, начиная съ посвященія въ секунданты Столыпина и Трубецкаго, и кончая розсказнями о поѣздкахъ за докторомъ и экипажемъ, сидѣньемъ у трупа подъ ливнемъ и грозою, и сопровожденіемъ его на квартиру, — такое искаженіе фактовъ, такое сцѣпленіе лжи, бравадъ и фанфаронства, что нужно только развести руками. Недостаточно этого, при личныхъ объясненіяхъ съ біографомъ, онъ къ сдѣланнымъ заявленіямъ присовокупляетъ новыя, говоритъ, что при дуэли даже не было опредѣлено, кто чей секундантъ былъ, и старается объ одномъ — о признаніи за его розсказнями исторической достовѣрности... Voila comme on écrit l'histoire!

[1]) Тамъ же.

ревесть изъ гвардіи въ армію тѣмъ же чиномъ. По докладѣ этого дѣла государю императору, въ 3-й день января 1842 года, послѣдовало слѣдующее высочайшее повелѣніе: «маіора Мартынова посадить въ Кіевскую крѣпость на гауптвахту на три мѣсяца и предать церковному покаянію; титулярнаго совѣтника князя Васильчикова и корнета Глѣбова простить, перваго — во вниманіе къ заслугамъ отца, а втораго—по уваженію полученной тяжелой раны».

Въ мартѣ 1842 года прахъ поэта былъ перевезенъ изъ Пятигорска въ пензенское имѣніе Е. А. Арсеньевой, село Тарханы, и погребенъ на фамильномъ кладбищѣ. Надъ могилой поэта, по словамъ Э. Шанъ-Гирей, посѣтившей Тарханы нѣсколько лѣтъ спустя [1]), выстроена маленькая часовня. Въ ней стоитъ большой образъ и въ ящикѣ подъ стекломъ вѣтка Палестины, подаренная ему А. Н. Муравьевымъ. Рядомъ съ Михаиломъ Юрьевичемъ похоронена и его бабушка, Арсеньева [2]).

Мѣсто могилы Лермонтова на Пятигорскомъ кладбищѣ уничтожено рукой времени. Никакихъ признаковъ о немъ ни мѣстный причтъ, ни родственники покойнаго (изъ числа которыхъ Акимъ Павловичъ Шанъ-Гирей съ супругою, пресловутой «Верзиліей», жили долго въ Пятигорскѣ) не сохранили. Въ бытность мою въ Пятигорскѣ въ 1870 году, отецъ Василій Эрастовъ, къ которому я обратился съ вопросомъ по сему предмету, далъ мнѣ уклончивый отвѣтъ. Могила, по вынутіи гроба Лермонтова, его родными зарыта, говоритъ онъ, но знака никакого не оставлено по приказанію начальства. Мѣсто, гдѣ была могила, я указать не могу, такъ какъ на кладбищѣ, вблизи этого мѣста, построенъ новый храмъ, и затѣмъ всякій признакъ могилы утратился. Знаю только, добавилъ онъ, что мѣсто это не занято храмомъ, но находится почти что у самой стѣны церкви. Поручикъ же Куликовскій, бывшій въ 1870 году воинскимъ начальникомъ, говорилъ мнѣ, что ранней весной 1842 года онъ посѣтилъ какъ-то разъ могилу Лермонтова, на ней лежалъ простой, узкій, продолговатый камень, съ надписью: «Поручикъ Тенгинскаго пѣхотнаго полка Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ, родился и умеръ тогда-то» [3]).

---

[1]) «Русскій Архивъ», 1889 года, № 6.

[2]) Часовня въ селѣ Тарханахъ, гдѣ покоится прахъ Лермонтова вмѣстѣ съ останками его матери, бабки и дѣда, какъ передаютъ посѣтившіе ее въ 1891 году, мрачна, непривѣтлива и съ каждымъ годомъ приходитъ въ упадокъ. Слова тропаря: «Христосъ воскресе изъ мертвыхъ», начертанныя по карнизу внутри часовни, наполовину отъ сырости почернѣли. Намогильный памятникъ изъ чернаго лабрадора слишкомъ скроменъ для великаго поэта, и если бы не книга, лежащая тутъ же въ часовнѣ, въ которую заносятъ свои имена случайные туристы, то можно было бы подумать, что сюда никогда никто не заходитъ и не заглядываетъ. («Одесскій Листокъ», 1891 года, № 182).

[3]) Э. Шанъ-Гирей говоритъ, что надъ могилою поэта положили послѣ похоронъ небольшой камень съ надписью: «Михаилъ», какъ временный знакъ

Камень этотъ, по вырытіи праха поэта, лежалъ рядомъ съ могилой, которая оставалась незакопанною. Вдругъ пронесся слухъ, что кто-то хочетъ взять этотъ камень, и распорядительное начальство приказало зарыть его въ могилу. Чрезъ нѣсколько дней по увозѣ тѣла Лермонтова изъ Пятигорска, въ одну изъ родительскихъ суббот я самъ видѣлъ,—говорилъ упомянутый выше офицеръ,—камень былъ сброшенъ въ могилу и стоялъ въ ней торчкомъ, гдѣ его послѣ и зарыли. Теперь нѣтъ никакого слѣда могилы, немногіе старожилы узнаютъ это мѣсто по углубленію въ землѣ или по сосѣднимъ могиламъ, но я уже указать вамъ не могу, закончилъ почтенный поручикъ. Отъ В. И. Чиляева я тоже ничего не могъ добиться. Со старческимъ упрямствомъ, онъ толковалъ одно: «Могу ошибиться!... навру!... ну, что-жъ тутъ хорошаго!...» [1]).

Немного болѣе удачи было у меня по отысканію мѣста дуэли Лермонтова. Ѣздилъ я розыскивать въ обществѣ одного бывшаго въ то время на водахъ молодаго врача Александровскаго. Нанявъ у собора извозчика, знавшаго, по его увѣренію, мѣсто дуэли, мы отправились. Оставивъ за собой городское кладбище и проѣхавъ версты три-четыре по Желѣзноводской дорогѣ, мы остановились у подошвы Машука. Извозчикъ отвелъ экипажъ немного въ сторону отъ дороги, и мы стали подниматься по отлогой покатости къ болѣе крутому изгибу горы, съ сѣверо-восточной ея стороны, въ предшествіи нашего Автомедона. Поднявшись шаговъ полтораста на довольно пологую изложину подножія горы, нашъ возница остановился, снялъ шапку и, указавъ на два недалеко другъ отъ друга стоявшихъ куста, сказалъ намъ внушительно: «вотъ здѣсь!»... При этихъ словахъ я невольно вздрогнулъ и внимательно обвелъ глазами окружающую мѣстность. Солнце свѣтило въ полномъ блескѣ. Опоясанная густымъ кустарникомъ, кудрявая голова Машука, съ ея голымъ обнаженнымъ черепомъ, склоняется какъ будто предъ ослѣпительнымъ, невыносимымъ блескомъ полуденныхъ лучей солнца и задумчиво глядитъ на свое подножіе, орошенное кровью поэта. Направо, изъ-за ея плеча-уступа, горятъ кресты на главахъ городскаго собора и разстилается живописная панорама Пятигорска, лѣвѣе бѣжитъ, извиваясь узкой желтой лентой, упавшая за лѣсъ, излучистая, холмистая Желѣзноводская дорога, а супротивъ съ нахмуреннымъ челомъ, какъ олицетворенный упрекъ въ кровавомъ

его могилы. Камень этотъ, вѣроятно, впослѣдствіи замѣненъ камнемъ, о которомъ упоминаетъ поручикъ Куликовскій, иначе трудно допустить, чтобы надъ прахомъ поэта лежалъ камень съ однимъ именемъ. Вѣдь онъ же былъ не монахъ, не бродяга безъименный, а русскій офицеръ, надъ могилой котораго, по воинскому обычаю, должно быть означено: мѣсто служенія, чинъ, имя, отчество и фамилія и годъ смерти.

[1]) П. А. Висковатовъ въ «Біографіи Лермонтова» (стр. 495) заявилъ, что онъ также пытался розыскать мѣсто могилы Лермонтова, но не могъ найдти.

злодѣяніи, стоитъ Бештау, а тамъ, на дальнемъ горизонтѣ, виднѣются хребты-утесы снѣжныхъ горъ и высится, какъ юная чета въ серебряныхъ вѣнцахъ, Эльбрусъ двуглавый и дружно-дѣвственный Казбекъ. «Здѣсь, — продолжалъ между тѣмъ словоохотливый нашъ чичероне, — положенъ былъ для отлички мѣста, бѣлый, не очень большой камень, а теперь вотъ нѣту, понадобился, знать, кому нибудь, утащили»... Я внимательно осмотрѣлъ показанное мѣсто—ни малѣйшаго признака былаго роковаго событія: покатая изложина горы, трава, колючія растенія и два куста, нѣмые свидѣтели жестокаго убійства, одиноко и уныло стоящіе діагонально по изложинѣ горы,—вотъ все, что мы нашли тутъ, и я съ нѣмою скорбію склонился къ землѣ, напоенной кровію поэта, и сломилъ на память вѣтку съ одного изъ кустовъ, свидѣтелей дуэли, трепетавшихъ подъ легкимъ дуновеньемъ вѣтерка точно также, какъ и тогда, при видѣ безчеловѣчнаго и гнуснаго разстрѣла величайшаго изъ русскихъ поэтовъ [1]).

Увѣдомленіе въ петербургскія газеты о смерти поэта сдѣлано Атрѣшковымъ и появилось въ такой формѣ: 15-го іюля, около шести часовъ вечера, разразилась ужасная буря съ молніей и громомъ; въ это самое время, между горами Машукомъ и Бештау, скончался лечившійся въ Пятигорскѣ М. Ю. Лермонтовъ.

Императоръ Николай Павловичъ, получивъ донесеніе о кончинѣ поэта, выразился такъ: «Получено съ Кавказа горестное извѣстіе: Лермонтовъ убитъ на дуэли. Жалѣю его. Это—поэтъ, подававшій великія надежды» [2]). Сожалѣніе государя о безвременной смерти поэта горячо раздѣляла находившаяся тогда въ Петербургѣ великая герцогиня веймарская Марія Павловна [3]). Появленіе въ прессѣ такого милостиваго отзыва царя о поэтѣ опровергаетъ, заявленное княземъ А. И. Васильчиковымъ въ статьѣ: «Нѣсколько словъ о кончинѣ М. Ю. Лермонтова и о дуэли его съ Н. С. Мартыновымъ» [4]), съ такимъ апломбомъ и нашедшее въ нѣкоторыхъ кругахъ сочувственные отклики [5]), утвержденіе, что Лермонтовъ вообще былъ нелюбимъ въ гвардіи и петербургскихъ салонахъ, что при дворѣ его считали вреднымъ, неблагонамѣреннымъ и по фрунту дурнымъ офицеромъ, что, когда его убили, государь сказалъ: «Туда ему и дорога!», и что все петербургское великосвѣтское общество, махнувъ

---

[1]) «Всемірный Трудъ», 1870 года, № 10.

[2]) «Русскій Архивъ», 1891 года, № 7, стр. 402.

[3]) «Одесскій Листокъ», 1891 года, № 182.

[4]) «Русскій Архивъ», 1872 года, № 1.

[5]) Князь П. П. Вяземскій, въ статьѣ «Лермонтовъ и г-жа Омеръ де-Гелль» («Русскій Архивъ», 1887 года, № 9), со словъ Лужина, повторилъ слухъ, что государь, узнавъ о смерти Лермонтова, будто бы сказалъ: «Собакѣ собачья и смерть!» Но слухъ этотъ опровергнутъ флигель-адъютантомъ А. И. Философовымъ («Лермонтовъ», Воспоминанія Акима Шанъ-Гирей, «Русское Обозрѣніе», 1890 года, № 10).

рукой, повторило это надгробное слово. Этимъ опроверженіемъ мы закончимъ наше сказаніе о «князѣ Ксандрѣ». Но здѣсь, мнѣ кажется, умѣстно будетъ сказать два-три заключительныхъ слова о Н. С. Мартыновѣ. Отбывъ срокъ заключенія и покаянія въ Кіевѣ, онъ продолжалъ нѣсколько лѣтъ прежнюю жизнь [1]), влюбился въ жену одного польскаго помѣщика, принялъ на себя расходы развода и женился на ней. Затѣмъ, перебрался въ Москву и жилъ скромно частнымъ человѣкомъ [2]). До самой смерти онъ не сказалъ ни одного слова въ свое оправданіе открыто и гласно, кромѣ извѣстной въ письмѣ къ М. И. Семевскому [3]) буффонады, что: «именно потому, что злой рокъ судилъ ему быть орудіемъ воли провидѣнія въ смерти Лермонтова, онъ не считаетъ себя вправѣ вымолвить хотя бы единое слово въ его осужденіе, набросить малѣйшую тѣнь на его память; принять же всю нравственную отвѣтственность этого несчастнаго событія на себя не въ силахъ». Но изъ-за угла и шепотомъ, въ кружкахъ пріятелей и знакомыхъ, онъ не стѣснялся распространять слухи о причинахъ своей дуэли съ Лермонтовымъ, противные истинѣ. Въ статьяхъ и письмахъ Костенецкаго [4]), Пирожкова и Бетлинга [5]) мы находимъ слѣды этихъ слуховъ. По ихъ удостовѣреніямъ, онъ говорилъ, что причиной дуэли были не остроты и эпиграммы поэта, а задержка имъ писемъ и дневника сестры его и денегъ 300 руб., посланныхъ ему отцомъ его, что ссору раздули пріятели [6]), и что Лермонтовъ на мѣстѣ дуэли не стоялъ съ поднятымъ къ верху дуломъ пистолета, какъ извѣстно изъ показаній секундантовъ и по освидѣтельствованію тѣла покойнаго, но держалъ пистолетъ съ мѣста на полномъ прицѣлѣ, медленно подвигался къ барьеру и, пріостановясь на ходу, продолжалъ цѣлить, такъ что онъ вспылилъ и спустилъ курокъ [7]). Мы затрудняемся даже подыскать соотвѣтственное названіе подобной, боящейся дневнаго свѣта, клеветѣ. Инсинуація о письмахъ

---

[1]) Кстати два слова о розсказняхъ Э. Шанъ-Гирей. Она говоритъ, что Мартыновъ былъ приговоренъ къ 15-ти лѣтнему покаянію (экъ, вѣдь хватила!), и что они (но кто они, неизвѣстно) видѣлись съ нимъ въ Кіевѣ, а потомъ, въ 1847 году, и въ Петербургѣ, куда онъ былъ посланъ зачѣмъ-то отъ монастыря (!?!). «Нива», 1885 года, № 27.

[2]) «Нива», 1885 года, № 20.

[3]) «Матеріалы для біографіи поэта М. Ю. Лермонтова», изданные М. И. Семевскимъ въ 1870 году.

[4]) «Русскій Архивъ», 1887 года, № 1.

[5]) «Нива», 1885 года, № 27.

[6]) По отношенію «князя Ксандра» это, можетъ быть, и справедливо, но только не по отношенію прочихъ друзей поэта.

[7]) П. А. Висковатовъ въ «Біографіи Лермонтова» (стр. 440—442) называетъ заявленіе о письмахъ и деньгахъ «навѣтомъ» и свидѣтельствуетъ, что дѣлать сообщенія другимъ лицамъ не въ пользу Лермонтова Мартыновъ не стѣснялся. (Прим. 1 на стр. 441). Послѣднія же два сообщенія опровергаетъ И. А. Арсеньевъ («Нива», 1885 года, № 27).

и деньгахъ есть уже посягательство на честь поэта и, по существу, болѣе убійственна, чѣмъ всѣ извѣты «князя Ксандра», высказанные имъ открыто и гласно, подъ видомъ безпристрастія и дружбы къ поэту. Но маски долой! Еще Державинъ говорилъ: «Нельзя же вѣкъ носить личинъ, и истина должна открыться!» Слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ прошло со дня смерти М. Ю. Лермонтова, и время исторіи наступило. Разобраться во всемъ этомъ нагроможденіи лжи на ложь, клеветъ на клевету и извѣтовъ на извѣты и возстановить во всей естественной чистотѣ, величіи и блескѣ геніальную личность автора «Демона» и «Героя нашего времени»—дѣло будущаго историка жизни Михаила Юрьевича. Мы же, съ своей стороны, даемъ только матеріалы, факты и свѣдѣнія, собранные нами съ цѣлію содѣйствія будущему историку въ дѣлѣ выясненія истины.

Взаключеніе считаю не излишнимъ указать, что иниціатива постановки памятника поэту въ Пятигорскѣ приписана бывшему арендатору Кавказскихъ минеральныхъ водъ, А. М. Байкову, неправильно [1]). Я первый высказалъ эту мысль въ статьѣ «Поэтъ М. Ю. Лермонтовъ по запискамъ и разсказамъ современниковъ» [2]) въ слѣдующихъ словахъ: Петербургъ и Кронштадтъ ставятъ памятники Крузенштерну и Беллинсгаузену, Кіевъ—Богдану Хмѣльницкому и графу Бобринскому, Смоленскъ — Глинкѣ, почему бы Пятигорску, съ его тысячами посѣтителей водъ, не принять иниціативы въ дѣлѣ сооруженія памятника М. Ю. Лермонтова. Или же геніальный человѣкъ, гордость и слава русской поэзіи, въ силу принциповъ, руководившихъ извѣстную часть общества въ 1841 году, и донынѣ не считается à la hauteur des circonstances!...

П. Мартьяновъ.

---

[1]) «Листокъ для посѣтителей Кавказскихъ минеральныхъ водъ», 1874 года, № 13, и 1875 года, № 7, а за нимъ «Терскія Вѣдомости» и нѣкоторыя столичныя газеты.

[2]) «Всемірный Трудъ», 1870 года, № 10.

ШУКУРЪ.

(Картинка средне-азіатскихъ нравовъ).

I.

Въ ЛУННУЮ ночь, по узкой тропинкѣ, между высокими песчаными барханами [1]), еле тащится телѣжка. Не смотря на ея незначительную тяжесть, колеса чуть не по самыя оси погружаются въ песокъ. Два измученныхъ верблюда съ усиліями везутъ экипажъ, и громко и жалобно стонутъ. Имъ приходится останавливаться почти черезъ два-три шага, чтобы перевести духъ. Тутъ же идутъ два пассажира. Одинъ впереди, повидимому, военный докторъ, тянетъ двѣ веревки, концы которыхъ продѣты сквозь ноздри верблюдовъ.

На немъ грязная бѣлая фуражка военнаго покроя съ кокардой, сѣрая парусинная блуза, подпоясанная ремнемъ, на которомъ виситъ револьверъ въ чехлѣ, засаленные малиновые чамбары [2]) и худые охотничьи сапоги.

Другой идетъ около переднихъ колесъ телѣжки и безпощадно хлещетъ нагайкой по худымъ бокамъ несчастныхъ животныхъ. Онъ тоже въ блузѣ, тоже въ высокихъ сапогахъ, но на головѣ надѣта мягкая войлочная шапка, какую носятъ сарты.

---

[1]) Барханъ—холмъ.

[2]) Чамбары—замшевые штаны.

На противоположной сторонѣ экипажа, рядомъ съ верблюдомъ, ѣдетъ хивинецъ верхомъ на тощемъ саврасомъ конѣ. Огромная баранья шапка совсѣмъ закрыла голову до самыхъ плечъ; только глаза глядятъ изъ-подъ густаго пушистаго края. Онъ одѣтъ въ синій халатъ и подпоясанъ узкимъ ремнемъ. Въ рукахъ тоже нагайка. Всадникъ съ такимъ же озлобленіямъ, какъ и пассажиръ, колотитъ верблюдовъ и издаетъ ужасные крики, означающіе азіатское понуканіе.

Телѣжка остановилась. Господинъ, тащившій верблюдовъ, снялъ фуражку и отеръ потъ съ краснаго загорѣлаго лица.

— Ну, Шукуръ, гдѣ же мы станемъ ночевать?—обратился онъ къ всаднику.

— А вотъ сейчасъ будутъ кудуки[1])... Вонъ за этимъ барханомъ! — отвѣчалъ синій халатъ и указалъ нагайкой въ правую сторону.

— Чтобъ чортъ побралъ эту дорогу!—проворчалъ докторъ.—Просто жизни не радъ, голоденъ какъ собака, усталъ до невозможности, а доѣхать никакъ не можемъ... Ну, дыхлятина, трогай!

И онъ сильно потянулъ за веревку. Верблюды завертѣли головой, фыркнули и, издавши жалобный стонъ, снова натянули постромки; у одного изъ ноздрей закапала кровь: острый деревянный крючекъ началъ рвать живое мясо.

— Ѳедоръ, подгоняй!... жарь хорошенько!—покрикивалъ докторъ.

Ѳедоръ озлобленно щелкалъ нагайкой, поддерживаемый съ другой стороны Шукуромъ.

Наконецъ, выбрались на небольшую площадку. Песокъ здѣсь былъ плотно утоптанъ, вездѣ валялись кучи лошадинаго и верблюжьяго навоза. Чернѣлось большое отверстіе кудука. Въ одномъ мѣстѣ лежала даже кучка саксауловыхъ дровъ, и бѣлымъ пятномъ свѣтлѣлась зола потухшаго костра.

— Здѣсь, тюра[2]), здѣсь! — закричалъ Шукуръ. Онъ слѣзъ съ своей лошади и съ наслажденіемъ потянулся, расправляя отекшіе члены.

— Ну, слава Богу! — обрадовался докторъ и бросилъ веревки, за которыя тянулъ верблюдовъ.—Ѳедоръ, давай кошму, давай воды, давай кунчанъ[3]), будемъ скорѣе варить чай.

Мрачный и сонливый деньщикъ Ѳедоръ медленно подошелъ къ телѣгѣ и не спѣша вынулъ все необходимое. Шукуръ распрягъ верблюдовъ и пустилъ ихъ отыскивать себѣ пропитаніе, гдѣ и какъ имъ угодно.

---

[1]) Кудукъ—колодецъ.

[2]) Тюра—господинъ.

[3]) Кунчанъ—высокій мѣдный кувшинъ, съ узкимъ и длиннымъ горлышкомъ. Въ немъ обыкновенно кипятятъ воду для чая.

Было уже далеко за полночь. Полная луна стояла высоко на чистомъ небѣ и обливала песчаные барханы голубоватымъ свѣтомъ.

Докторъ, чтобы не жариться на солнцѣ и выиграть время, старался, по возможности, ѣхать болѣе ночью. Днемъ всякое передвиженіе стоило огромныхъ усилій, верблюды и сами пассажиры буквально изнывали подъ жгучими лучами средне-азіатскаго свѣтила; дышать было трудно, въ глаза летѣла горячая песчаная пыль... Надо, однако, замѣтить, что остановки не всегда зависѣли отъ желанія путниковъ. Дѣло въ томъ, что давать воду животнымъ можно было только изъ кудуковъ, а они чрезвычайно рѣдки въ пустынѣ Кизылъ-Кумъ и отстоятъ другъ отъ друга на 50, 60 и даже 70 верстъ. Слѣдовательно, надо было всегда разсчитывать такъ, чтобы извѣстное пространство дѣлить пополамъ: первую половину проходить днемъ, вторую—ночью. Конечно, на первомъ привалѣ ни верблюдовъ, ни лошадь не поили, такъ какъ приходилось останавливаться гдѣ попало. Варился чай, ѣли сухари, спали, а животныя оставались безъ капли воды и почти безъ всякой пищи. Для лошади, на всякій случай, былъ запасъ ячменя, и Шукуръ отъ времени до времени давалъ ей небольшія порціи, но о верблюдахъ никто не заботился. Бѣдные «корабли пустыни» бродили между барханами и щипали ту жалкую травку, которая выглядывала изъ трещинъ разсохшейся солонцеватой почвы, или обрывали зеленые побѣги саксауловыхъ деревьевъ.

Понятно, что путешествіе съ такимъ комфортомъ не служило на пользу всѣмъ: лошадь еле передвигала ноги, верблюды исхудали, а люди казались оборванцами-нищими.

Докторъ съ денщикомъ ѣхалъ изъ Петро-Александровска, скучной крѣпости на Аму-Дарьѣ, отстоящей верстахъ въ 30-ти отъ Хивы. Онъ получилъ отпускъ и спѣшилъ въ Петербургъ, отслужа цѣлыхъ пять долгихъ лѣтъ на далекой окраинѣ.

Шукуръ, въ качествѣ джигита, взялся провести пассажировъ въ Казалинскъ, то-есть на берегъ Сыръ-Дарьи. Огромное пространство, раскинутое между двумя величайшими рѣками Средней Азіи, какъ извѣстно, занято страшной безводной пустыней «Кизылъ-Кумъ». Вотъ ее-то надо было пересѣчь, останавливаясь около кудуковъ; сбившись съ дороги, свернувъ вправо или влѣво, можно было легко погибнуть отъ голода и жажды.

Только киргизы да хивинцы, сроднившіеся съ этимъ песчанымъ моремъ и знающіе каждый барханъ, каждую лощину, могутъ тамъ не только переѣзжать съ мѣста на мѣсто, но перекочевывать съ своими стадами. Правда, что стада можно встрѣтить на недалекихъ разстояніяхъ отъ Аму или Сыра, но, во всякомъ случаѣ, однимъ туземцамъ извѣстны безчисленныя тропинки, по которымъ изрѣдка пройдетъ небольшой караванъ и которыя носятъ громкое названіе «дорогъ».

Шукуръ взялся провести доктора въ Казалинскъ въ восемь дней. Уже пять сутокъ, какъ выѣхали они изъ Петро-Александровска, а оставалось еще много впереди, такъ много, что бѣдные путешественники готовы были, кажется, плакать.

Днемъ жаръ, ночью — боязнь потерять верблюдовъ, которыхъ легко могутъ угнать волки, не давали возможности отдохнуть, какъ слѣдовало бы... А верблюды были собственностью доктора; онъ недавно вылѣчилъ богатаго хивинца, и благодарный мусульманинъ, узнавши, что урусъ [1]) ѣдетъ на родину, подарилъ ему пару молодыхъ и здоровыхъ верблюдовъ. Подарокъ былъ какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ финансы доктора оказывались не въ особенно хорошемъ положеніи. Потерять этихъ драгоцѣнныхъ животныхъ въ Кизылъ-Кумахъ было бы равносильно смертному приговору. Что можетъ, въ самомъ дѣлѣ, предпринять въ такомъ случаѣ бѣдный путникъ? Оставалось бы ждать какого нибудь случайнаго проѣзжающаго, который, быть можетъ, возьмется принять въ свою компанію брошенныхъ на произволъ судьбы. Но путешественники въ этихъ мѣстахъ бываютъ рѣдко. Иногда пройдетъ цѣлая недѣля, а иногда и двѣ, прежде чѣмъ кто нибудь соберется двинуться изъ Казалинска въ Петро-Александровскъ или наоборотъ. А между тѣмъ съѣстные припасы уменьшаются быстро, и въ перспективѣ голодная смерть. Вотъ почему докторъ, Ѳедоръ и Шукуръ, по очереди, караулили ночью свой бивуакъ, поддерживали огонь и изрѣдка стрѣляли изъ ружей, чтобы отгонять степныхъ хищниковъ.

Когда кошма была разложена, докторъ бросилъ на нее кожаную подушку и съ наслажденіемъ растянулся.

— Ѳедоръ,—сказалъ онъ деньщику,—можешь теперь спать; я пока буду караулить, а потомъ, часа черезъ два, разбужу тебя.

Мрачный Ѳедоръ раздувалъ огонь. Шукуръ взялъ изъ телѣжки топоръ и скрылся за барханомъ, чтобы поискать дровъ.

Безоблачное небо такъ величественно раскинулось надъ пустыней. Въ яркомъ свѣтѣ мѣсяца потонули звѣзды. Тишина была невозмутимая, какая можетъ быть только въ этихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ человѣческаго жилья...

Докторъ лежалъ навзничь, закинувъ руки подъ голову. Его черные, огромные глаза смотрѣли вверхъ, стараясь проникнуть въ глубокую синюю пустоту. Онъ забылъ, что онъ далеко отъ цивилизованнаго міра. Онъ былъ уже тамъ, въ шумной столицѣ, куда стремился всѣмъ своимъ существомъ.

---

[1]) Урусъ—русскій.

II.

Грезится ему громадный Питеръ. Онъ еще студентъ, онъ полонъ вѣры въ людей и въ свои собственныя силы... Передъ нимъ развертывается картина маскарада: суета, безтолковая интрига, пискъ масокъ. Одно голубое домино совсѣмъ сбило съ толку молодаго человѣка: она его знаетъ, знаетъ, гдѣ онъ живетъ, чѣмъ занимается, у кого проводитъ субботы, и проч. На другой день — свиданіе на набережной Невы. Она оказывается очень миловидной блондинкой, съ чудными сѣрыми глазами; она—жена отвратительнаго бѣлобрысаго адвоката, съ очень сомнительной репутаціей; у г. адвоката на первомъ планѣ—однѣ деньги. Семейнаго счастья не существуетъ у интересной дамочки; два года замужества совсѣмъ разрушили идеалы, сложившіеся въ нѣсколько сантиментальномъ сердечкѣ... Пошла она подъ вѣнецъ такъ же, какъ это дѣлается въ большинствѣ случаевъ, не любя и не размышляя, но по совѣту добрыхъ родныхъ и знакомыхъ, видящихъ въ женихѣ человѣка, у котораго впереди блестящая будущность. Сначала жизнь казалась сносною; катанья, вечера, театръ, наряды, не давали опомниться, не давали возможности заглянуть внутрь себя и задать вопросъ: «довольна ли судьбой молодая барынька? счастлива ли она?» И вотъ въ одинъ прекрасный день она какъ-то сразу почувствовала всю пустоту, ее окружающую, весь ужасъ ея положенія. Оказалось, что съ мужемъ у нея не было ничего общаго, исключая крыши, прикрывающей обоихъ вмѣстѣ, и исключая квартиры, гдѣ они жили...

Всѣ интересы супруга вертѣлись на одномъ словѣ—деньги. Онъ былъ знакомъ только съ вліятельными лицами, но не гнушался принимать для веденія такія дѣла, которыя хотя и были позорны, но давали огромный заработокъ.

Все это поняла бѣдная Марья Ивановна и рѣшила: не думать ни о чемъ, вертѣться, кружиться, не давая себѣ времени задавать такіе жгучіе вопросы. Однажды, она съ одной изъ своихъ знакомыхъ отправилась въ маскарадъ, въ дворянское собраніе. Шумное веселье и блескъ газа подѣйствовали возбуждающимъ образомъ на нервы молодой дамочки, и она скоро замѣшалась въ пестрой толпѣ, подцѣпивъ какого-то стройнаго офицера. Нѣсколько въ сторонѣ, скрестивъ руки à la Napoleon, стоялъ бѣлобрысый супругъ, улыбаясь мимо проходящимъ маскамъ.

— Скажи, пожалуйста,—обратилась Марья Ивановна къ своему кавалеру:—кто этотъ господинъ? Вонъ, видишь, стоитъ у колонны?

— Это Z., здѣшній адвокатъ.

— Ты почему его знаешь?

— А кто его не знаетъ!?

— Что же онъ хорошій господинъ?

— Подлецъ первой степени!

И пришлось услышать про близкаго человѣка такія вещи, что волосы стали дыбомъ. Марья Ивановна въ первый разъ имѣла случай узнать оцѣнку того, съ кѣмъ связана на всю жизнь! Такимъ образомъ, все рухнуло. Не только любви, но даже спокойнаго равнодушія нельзя было чувствовать къ этому карьеристу.

И еще сильнѣе завертѣлась барыня, и еще чаще появлялась она на всѣхъ пикникахъ, маскарадахъ. Супругъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что его Магіе производитъ эффектъ, и сильно старался о томъ, чтобы денежные тузы обращали на нее свое вниманіе.

Такъ прошло два года. Дѣтей у Марьи Ивановны не было, не было и людей, къ которымъ бы могло привязаться молодое сердце. О чемъ же тутъ размышлять, о чемъ философствовать? Прожигай жизнь, вотъ и все!

На этомъ хотѣлось успокоиться. И вотъ въ маскарадѣ встрѣтился студентъ-медикъ Павелъ Петровичъ Вяхиревъ. Онъ былъ красивый брюнетъ, съ бархатными черными глазами, волнистыми кудрями и правильными чертами лица. Онъ не выдѣлялся своими способностями, но много пережилъ, много передумалъ. Поступивъ въ медицинскую академію, жилъ уроками и изрѣдка, увлекаемый товарищами, позволялъ себѣ нѣкоторыя удовольствія: то пойдетъ въ оперу, то въ маскарадъ... Но все это дѣлалось самымъ экономнымъ образомъ.

Встрѣтившись съ Марьей Ивановной, Вяхиревъ по уши влюбился въ нее. Былъ у нея съ визитомъ, на супруга не произвелъ никакого опредѣленнаго впечатлѣнія, и сталъ постояннымъ посѣтителемъ розоваго будуара, гдѣ такъ мила и интересна казалась ему «хозяйка».

Содержательная жизнь молодаго медика показалась Марьѣ Ивановнѣ необыкновенной; она не ожидала, что въ трудѣ можно найдти наслажденіе, что, имѣя цѣль въ жизни, видишь все въ какомъ-то осмысленномъ свѣтѣ. Для нея жизнь была забава, а здѣсь—трудъ.

Павелъ Петровичъ не былъ «развивателемъ» молодыхъ дамъ и дѣвицъ, онъ терпѣть не могъ этотъ типъ болтуновъ, но онъ такъ просто толковалъ, такъ хорошо и прямо относился ко всѣмъ и ко всему, что... пустая барыня втупикъ стала. Теперь она совсѣмъ иначе объясняла многое, надъ чѣмъ никогда не задумывалась. А главное—въ Павлѣ Петровичѣ она нашла то, чего ей не доставало, у нея теперь былъ человѣкъ, къ которому она могла обратиться за совѣтомъ, у нея оказался другъ, какого никогда не было; даже больше, чѣмъ другъ, дороже...

Все это потомъ, спустя много времени послѣ знакомства, узналъ Вяхиревъ отъ самой Марьи Ивановны, и, Боже, какъ ему пріятно было все это слышать!

III.

Громъ выстрѣла прервалъ воспоминанія доктора. Онъ вскочилъ на ноги и осмотрѣлся.

Костеръ весело пылалъ въ сторонѣ. На углахъ стоялъ мѣдный кунчанъ съ кипящей водой для чая. Ѳедоръ спалъ крѣпкимъ сномъ, укрывшись своимъ тулупомъ съ головой. Въ нѣсколькихъ шагахъ, на барханѣ рѣзко выдѣлялась фигура Шукура, съ дымящимся ружьемъ въ рукахъ.

— Ты чего палишь? — закричалъ докторъ, не видя никакой опасности.

— А вонъ чакалки [1]) бѣгаютъ! Попугать захотѣлъ, а то къ намъ придутъ, хлѣбъ таскать будутъ... Спи, тюра, спи!... Я караулить стану. Ложись, еще рано вставать...

Вяхиревъ подошелъ къ огню, взялъ горячую воду, приготовилъ чай и, потягивая съ наслажденіемъ не особенно вкусный (отъ соленой воды колодца) напитокъ, снова замечтался.

... Помнится ему одинъ зимній вечеръ. Въ розовомъ будуарѣ такъ тепло и уютно. Бѣлобрысый супругъ уѣхалъ къ какимъ-то жидамъ, которымъ онъ обязательно проигрывалъ въ карты (взятокъ они не брали!)... Павелъ Петровичъ былъ въ ударѣ и разсказывалъ живо, съ увлеченьемъ... Говорилъ онъ о своемъ дѣтствѣ, о шалостяхъ и проказахъ, которыя продѣлывалъ въ гимназіи... Незамѣтно разговоръ коснулся и старушки-матери, живущей въ Казанской губерніи. Потомъ рѣчь зашла о петербургской жизни, потомъ о первой встрѣчѣ съ Марьей Ивановной въ маскарадѣ, когда она куталась въ свое голубое домино, и... неизвѣстно, какъ студентъ схватилъ маленькую ручку и началъ цѣловать... Ему не сопротивлялись...

Промелькнуло еще нѣсколько недѣль, и влюбленные начали мечтать, какъ бы было хорошо жить вмѣстѣ, трудиться вмѣстѣ, уѣхать подальше... Онъ врачевалъ бы тѣлесные недуги (какъ любилъ выражаться), а она жила бы только для него одного. Но такія мечты считались обоими пока совсѣмъ несбыточными, такъ какъ все тутъ зависѣло отъ денегъ. Надо было сначала кончать курсъ и отыскивать службу.

Помнитъ также Вяхиревъ чудный майскій день. Онъ уѣхалъ съ Марьей Ивановной (съ разрѣшенія супруга) за городъ, въ березовый лѣсъ. Весна стояла теплая, все цвѣло, все звало къ жизни... Гуляя по тропинкѣ, они вышли на лужайку, гдѣ изумрудная трава была, какъ снѣгомъ, покрыта множествомъ ландышей. Оба кинулись рвать букеты и весело хохотали. Павелъ Петровичъ сравнилъ

[1]) Чакалки—шакалы.

себя съ аркадскимъ пастушкомъ, а Марью Ивановну съ пастушкой; они у свѣтлаго ручья плетутъ вѣнки и стерегутъ милыхъ козочекъ и овечекъ!... Это сравненіе еще больше развеселило счастливцевъ...

День прошелъ незамѣтно, надо было подумать объ обратномъ пути. Нехотя собрались въ путь, гдѣ-то отпустили своего извозщика и медленно пошли пѣшкомъ по улицамъ шумной столицы.

— А вотъ и моя квартира!—сказалъ Вяхиревъ, указывая на огромный домъ, съ вывѣской «меблированныя комнаты».

— Неужели? Зайдемте отдохнуть! — сорвалось у Марьи Ивановны.

Черезъ полчаса оба сидѣли уже на старенькомъ диванчикѣ холостой студенческой квартиры. Какъ хороша казалась Павлу Петровичу молодая гостья, когда она сняла свою шляпку, и свѣтлые волосы густыми кудрями разсыпались по плечамъ!... Какъ ярко пылалъ румянецъ, какъ свѣтились сѣрые глазки!...

Сумерки становились все темнѣе. Въ противоположномъ домѣ, въ окнѣ вспыхнулъ красноватый огонекъ зажженной лампы. А на диванчикѣ сидѣли и бесѣдовали два существа, забывъ обо всемъ на свѣтѣ...

— Господи, какая вы хорошенькая!—шепотомъ сказалъ наивный Павелъ Петровичъ.

Она вскинула на него глазами и отвернулась. Бѣлая шейка такъ изящно охватывалась воротничкомъ и такъ плѣнительно сверкала своей нѣжной кожей, что юноша закрылъ глаза... онъ не смѣлъ, онъ боялся...

Вдругъ Марья Ивановна быстро обернулась, обхватила его шею своими изящными ручками и начала цѣловать въ лобъ, глаза, губы...

...Молодая женщина нисколько не скрывала передъ мужемъ своихъ отношеній къ Вяхиреву. Сначала бѣлобрысый хотѣлъ было сдѣлать женѣ сцену, но ничего не вышло, а затѣмъ махнулъ рукой: ему въ это время было не до того, такъ какъ онъ выигралъ огромный процессъ богатому жиду и получилъ порядочный кушъ, слѣдовательно, онъ былъ счастливъ!...

Марья Ивановна часто бывала на квартирѣ у Павла Петровича, познакомилась даже съ нѣкоторыми изъ его товарищей и почти перестала выѣзжать. Тутъ наступили экзамены. Вяхиревъ началъ уже мечтать о мѣстѣ, о томъ, какъ бы пристроиться къ больницѣ, въ качествѣ ординатора.

Вдругъ онъ узнаетъ, что его милая «Маруся» должна сдѣлаться матерью. Какое-то странное чувство сжало сердце; теперь какъ будто самыя ихъ отношенія сдѣлались серьезными, законными. Маруся стала выше въ его глазахъ, дороже. Онъ ее ни за что не уступитъ мужу, увезетъ куда нибудь подальше... Марья Ивановна

вполнѣ положилась на Павла Петровича. Казалось, никакого облака не было на горизонтѣ.

Послѣдній, самый трудный экзаменъ кончился. Нѣсколько десятковъ молодыхъ врачей прямо изъ залы академіи двинулись въ гостинницу, гдѣ обыкновенно устроивается прощальная товарищеская трапеза, и пропировали тамъ до разсвѣта. Когда уже безчисленные тосты прекратились, когда изобрѣтательность распорядителей въ этомъ отношеніи иссякла, одинъ товарищъ Вяхирева, знакомый съ его романомъ, налилъ вина и вполголоса сказалъ Павлу Петровичу:

— Ну, дружище, позволь пожелать тебѣ и твоей Марусѣ полнѣйшаго счастья!... Вы оба, кажется, сошлись не по разсчету, стало быть, залогъ на возможное благополучіе существуетъ. Дай Богъ вамъ всего хорошаго!—Вяхиревъ осушилъ стаканъ и съ чувствомъ пожалъ руку товарища; онъ былъ даже нѣсколько растроганъ такимъ вниманіемъ, и на глазахъ появились слезы.

Совсѣмъ ужъ было свѣтло, когда Павелъ Петровичъ вернулся въ свою квартиру.

— Завтра,—думалъ онъ,—пойду къ Марусѣ и скажу, что я готовъ теперь начать новую жизнь. Какъ нарочно, приглашаютъ врача въ Сыръ-Дарьинскую область, и никто не рѣшается ѣхать въ такую даль. Какъ только все кончится, махнемъ въ Азію! То-то заживемъ!

Онъ сѣлъ на диванчикъ, на то мѣсто, гдѣ такъ часто сиживала Марья Ивановна, и началъ обдумывать всѣ подробности предстоящаго дальняго путешествія. Машинально взглянулъ онъ на столъ, стоявшій тутъ же, сбоку около дивана, и увидѣлъ на немъ письмо. Предчувствуя что-то недоброе, Вяхиревъ схватилъ конвертъ и, подойдя къ окну, въ которое брызнули первые лучи восходящаго солнца, дрожащими пальцами развернулъ листокъ.

На хорошенькой бумажкѣ, съ буквою М въ углу, стояло слѣдующее:

«Павелъ Петровичъ! Третьяго дня утромъ у меня родился сынъ. Когда мнѣ положили на руки маленькое, безпомощное существо, я сама не знаю, что со мной сдѣлалось. Я такъ полюбила сразу это красненькое тѣльце, оно стало для меня дороже всего на свѣтѣ! И я поклялась заботиться о немъ и посвятить всю мою жизнь на его воспитаніе. Я долго думала и пришла къ такому выводу: мнѣ необходимо остаться навсегда у нелюбимаго мужа, онъ дастъ мнѣ необходимыя средства, я буду жить, какъ прежде, не испытывая никакихъ лишеній. Если бы я, въ самомъ дѣлѣ, переѣхала къ вамъ на квартиру, что бы я получила? Отсутствіе всякаго комфорта, къ которому такъ привыкла, и безконечный трудъ впереди, котораго я никогда не испытывала. Богъ вѣдаетъ еще, когда вы получите мѣсто, а для того, чтобы жить съ ребенкомъ втроемъ, тре-

буются большія траты. Вы не можете содержать меня такъ, какъ я этого желаю; поэтому простимся навсегда и пойдемъ разными дорогами. Пожили, повеселились, испытали возможное счастье... чего же больше? Вѣдь у другихъ и этого не было! Итакъ, прощайте.

«P. S. Сынъ ужасно похожъ на васъ. Пишу на подушкѣ, поэтому простите за невозможный почеркъ».

Павелъ Петровичъ прочелъ разъ, прочелъ другой, и сразу не могъ сообразить: видитъ ли онъ все наяву, или это страшный кошмаръ. Неужели бездушное письмо, которое онъ держитъ въ рукахъ, писано его Марусей? Можно ли такъ хладнокровно и безсердечно взвѣшивать жизнь съ богатымъ нелюбимымъ мужемъ и жизнь съ нимъ, котораго она боготворила, ласкала? Неужели все было только одно притворство? Что же это за женщина?

И чѣмъ больше онъ вдумывался, тѣмъ безотраднѣе казалось ему его положеніе. Цѣлый день Вяхиревъ ходилъ какъ потерянный.

Послѣ долгихъ размышленій было рѣшено немедленно же ѣхать въ Азію.

И дѣйствительно, черезъ недѣлю поѣздъ мчалъ разочарованнаго медика далеко отъ холодной столицы, гдѣ живутъ такія холодныя сердца.

Прошло пять лѣтъ. Вяхиревъ работалъ, трудился... Наконецъ, выхлопоталъ отпускъ въ Питеръ, и, странное дѣло, опять какое-то щемящее чувство заговорило въ немъ, опять ему захотѣлось взглянуть на Марусю и своего сына, котораго еще ни разу не видѣлъ.

А тутъ, какъ нарочно, путь такъ безконечно длиненъ!

Наконецъ, мечты стали путаться, Павелъ Петровичъ положилъ голову на кожаную подушку и забылся крѣпкимъ сномъ человѣка, измученнаго дорогой въ средне-азіатскихъ пустыняхъ.

Предразсвѣтный вѣтерокъ налетѣлъ на бивуакъ. Потухавшій огонекъ заметался, задымилъ... Какая-то бумажка покатилась по песку и запуталась въ брошенной веревкѣ. Стреноженная лошадь шумно вздохнула и еще ниже наклонила голову.

Шукуръ, сидя на барханѣ, плотнѣе завернулся въ свой синій халатъ.

IV.

Шукуръ тоже мечталъ, тоже думалъ. И ему припомнилась вся короткая, быстро промелькнувшая жизнь.

Онъ не зналъ ни отца, ни матери. Съ самаго ранняго дѣтства жилъ онъ у одного сарта въ Самаркандѣ и исполнялъ всякую тяжелую работу, какъ закабаленный рабъ, какъ вьючное животное. Какимъ образомъ попалъ мальчикъ къ сарту, никто никогда не говорилъ, а самъ Шукуръ этимъ не интересовался: къ чему? не

все ли равно жить, зная своихъ предковъ, или нѣтъ? развѣ онъ не станетъ пасти овецъ, убирать дворъ, ходить за лошадьми, если ему скажутъ имя отца, матери, мѣсто родины?

Однимъ словомъ, Шукуръ былъ азіатъ въ полномъ значеніи этого слова и вѣрилъ въ судьбу. Чему быть, того не миновать, значитъ, приходится покоряться и меньше думать.

Только вотъ теперь, въ настоящую минуту не думать онъ не могъ. Причина была очень важная.

Помнитъ Шукуръ тотъ ужасный день, когда русскія войска заняли Самаркандъ. Его хозяинъ былъ убитъ въ рядахъ нестройной конницы, которая набиралась изъ горожанъ и туземцевъ вообще, способныхъ носить оружіе. Необученная военному дѣлу, не дисциплинированная, она при первомъ же выстрѣлѣ непріятеля разсѣялась, оставивъ на полѣ битвы десятки убитыхъ. Въ числѣ труповъ оказался и сартъ, пріютившій Шукура.

Семья убитаго, жившая въ саклѣ на окраинѣ города, куда-то исчезла, и пока гремѣла пальба, Шукуръ сидѣлъ въ кукурузѣ, на огородѣ. Наступилъ вечеръ. Русскіе солдатики свободно гуляли по городу, крѣпость превратилась въ казармы, гдѣ веселились и отдыхали «бѣлыя рубахи». Многіе горожане пожелали остаться на своихъ мѣстахъ, остался и Шукуръ въ пустой саклѣ.

Скоро бо́льшая часть войска ушла въ Бухарскія владѣнія, оставивъ небольшой гарнизонъ. Тутъ-то самаркандцы поднялись, какъ одинъ человѣкъ, и кинулись на горсть русскихъ. Какой-то смѣльчакъ солдатикъ съумѣлъ выбраться изъ города и поскакалъ къ своимъ дать знать объ опасности и просить выручки. И дѣйствительно, часть войска вернулась, городъ былъ вторично взятъ приступомъ и отданъ на расправу побѣдителямъ. Что тутъ было— передать невозможно! Притаившись въ высокой башенкѣ, какія обыкновенно строятъ на огородахъ для того, чтобы оттуда обозрѣвать засѣянную кукурузу и джугару, Шукуръ видѣлъ, какая бойня началась на улицахъ. Озлобленные вѣроломствомъ солдаты не щадили ни старыхъ, ни малыхъ... Рѣзали мужчинъ, душили дѣтей, рубили женщинъ... Со смѣхомъ тащили плѣнниковъ и кидали ихъ въ пылающія зданія... Грабежъ считался дѣломъ самымъ невиннымъ: каждый тащилъ что попало — лошадь, дѣвушку, серебро, ковры и всякую рухлядь и тутъ же продавалъ желающимъ... Кругомъ подымался дымъ черный и смрадный, горѣли склады клевера, магазины хлѣба, товары, сложенные въ лавкахъ... Слышны были крикъ, плачъ, хохотъ, рыданія...

Шукуръ не участвовалъ въ защитѣ города. Онъ больше всего заботился о своей безопасности. Когда хозяинъ сѣлъ на лошадь и вооружился мултукомъ [1]), кинжаломъ и саблей, молодому и силь-

[1]) Мултукъ—фитильное ружье.

ному парню поручено было охранять саклю; но, какъ только стало извѣстнымъ, что русскіе уже въ городѣ, онъ сообразилъ, что напрасна будетъ попытка сопротивляться, и запрятался въ кукурузу на огородѣ. Такъ же поступилъ Шукуръ во время вторичнаго взятія Самарканда.

Когда грабежъ и насиліе побѣдителей прекратились, онъ вылѣзъ изъ своей засады и, какъ голодное животное, кинулся въ хозяйскіе склады. Тамъ все было цѣло. Онъ досталъ сыръ, кукурузныя лепешки и съ остервенѣніемъ утолилъ голодъ.

Затѣмъ былъ поставленъ вопросъ: что же теперь дѣлать? Чувствуя къ русскимъ паническій страхъ и ни малѣйшей симпатіи, молодой азіатъ рѣшился уйти, куда глаза глядятъ, но только чтобъ не служить гяурамъ.

Въ одну темную ночь, ползкомъ, прячась за камни и строенія, Шукуръ выбрался изъ Самарканда и пошелъ по дорогѣ. На пути встрѣчались русскіе солдаты, но никто не обращалъ вниманія на бѣглеца, такъ какъ онъ былъ безъ всякаго оружія и ничего воинственнаго или подозрительнаго своею фигурой не представлялъ.

Скоро онъ набрелъ на разрушенный кишлакъ [1]). Въ обгорѣвшихъ и изломанныхъ зданіяхъ пріютились сарты, тоже бѣжавшіе изъ Самарканда. Они приняли Шукура, и всѣ вмѣстѣ, черезъ много дней, очутились въ Хивѣ.

Здѣсь Шукуръ нанялся къ одному богатому купцу ходить за лошадьми. Сдѣлавшись такъ неожиданно «джигитомъ» именитаго горожанина, нашъ юноша считалъ себя вполнѣ счастливымъ, и каждый вечеръ на молитвѣ благодарилъ Аллаха за ниспосланное счастье.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ.

V.

Однажды Мустафа (такъ звали хивинца, у котораго служилъ Шукуръ) ѣхалъ по улицѣ, направляясь въ чай-хана [2]) выпить чашку кокъ-чая [3]) и выкурить кальянъ.

Купецъ сидѣлъ молодцомъ на своемъ жирномъ бѣломъ конѣ. Не смотря на нѣкоторую тучность и шестьдесятъ лѣтъ, онъ не считалъ себя старикомъ и не пропускалъ нигдѣ ни одной тамаши [4]), гдѣ танцовали бачи [5]). Гаремъ его постоянно обновлялся

---

[1]) Кишлакъ—деревня, поселокъ.

[2]) Чай-хана—нѣчто въ родѣ гостинницы или клуба, гдѣ собираются правовѣрные потолковать и посплетничать.

[3]) Кокъ-чай—зеленый чай.

[4]) Тамаша—собраніе, вечеринка, празднество.

[5]) Бача—красивый мальчикъ, танцоръ.

новыми невольницами, а тѣхъ, которыя ему казались постарше, умѣлъ пристроивать къ кому нибудь.

День былъ базарный. Народъ толкался, шумѣлъ. Ишани [1]) кричали во все горло, точно съ нихъ сдирали кожу. Верблюды ревѣли. Визгливо выкрикивали продавцы воды, которая колыхалась въ большихъ турсукахъ, переброшенныхъ черезъ сѣдло лошади. Пыль густымъ красноватымъ туманомъ носилась надъ площадью.

Мустафа еле пробирался въ толпѣ. Шукуръ трусилъ на своей савраскѣ за хозяиномъ.

На поворотѣ къ чай-хана имъ встрѣтился молодой хивинецъ, сынъ очень вліятельнаго бека. Онъ былъ также верхомъ, на золотисто-рыжемъ аргамакѣ, сбруя котораго сверкала серебромъ и бирюзой. Мустафа подъѣхалъ вплотную къ всаднику, взялъ его руку въ обѣ свои, подержалъ нѣсколько секундъ и пріятно улыбнулся. Затѣмъ оба заговорили такъ громко, какъ будто оба страдали глухотой.

— Куда ѣдешь? Куда путь держишь?—кричалъ Мустафа.

— На базаръ, къ жиду Ибрагиму,—отвѣчалъ сынъ бека.

— Что у него хорошаго?

— Много хорошаго! Ахъ, какъ много хорошаго!

— Что же такое?

— Плѣнниковъ отъ тюркменъ привели, много красавицъ продаетъ!

— А!? Ну, такъ поѣдемъ вмѣстѣ, авось, что нибудь и купимъ.

Мустафа завернулъ своего бѣлаго жеребца и, проѣхавши площадь, оба хивинца очутились въ узкомъ переулкѣ, передъ запертой калиткой.

Надъ глинянымъ сѣрымъ заборомъ свѣшивалась могучая крона карагача; рядомъ стояло нѣсколько стройныхъ пирамидальныхъ тополей.

— Эй, Шукуръ, стучи хорошенько!—крикнулъ Мустафа.

Джигитъ соскочилъ съ савраски и ударилъ кулакомъ нѣсколько разъ въ калитку. Почти тотчасъ же она отворилась, и сѣдой еврей, въ полуазіатскомъ костюмѣ, показался на порогѣ.

— Товаръ есть?—спросилъ купецъ.

— Есть. Войдите и посмотрите, — отвѣчалъ Ибрагимъ, низко кланяясь передъ знакомыми покупателями, съ которыхъ получилъ уже не мало золота за разный товаръ, преимущественно же—живой.

Всѣ вошли на дворикъ, и калитка опять очутилась на запорѣ.

Въ особомъ домикѣ съ широкой дверью, но безъ оконъ, и состоящемъ только изъ одной просторной комнаты, разостланъ коверъ, лежатъ сартовскія пестрыя подушки, сшитыя въ видѣ толстыхъ упругихъ валиковъ изъ канауса. Пугливой толпой жмутся

[1]) Ишань—оселъ.

въ углу шесть женщинъ. Всѣ онѣ еще очень молоды, старшей не болѣе 15—16 лѣтъ. Черные глаза съ недовѣріемъ смотрятъ на гостей, миловидныя личики блѣдны, темныя и длинныя косы въ безпорядкѣ лежатъ по плечамъ.

Вся одежда плѣнницъ состоитъ изъ бѣлой рубашки безъ рукавовъ, спитой на подобіе халата, то-есть съ разрѣзомъ на переди, сверху до низу. Полы запахнуты и подвязаны узкимъ темно-синимъ поясомъ.

Подобный костюмъ, конечно, нисколько не скрываетъ античныхъ формъ женщинъ; когда покупщикъ разсматриваетъ товаръ, то и эти покровы сбрасываются, и каждый членъ тѣла подвергается самому тщательному осмотру. Однимъ словомъ, поступаютъ такъ, какъ это дѣлается, напримѣръ, при покупкѣ лошади.

Глаза у сына бека разгорѣлись. Онъ подошелъ къ одной дѣвушкѣ и взялъ ее за подбородокъ, чтобы лучше всмотрѣться въ черты ея лица.

— Якши! копъ якши!—твердилъ онъ.

Мустафа тоже любовался красавицами.

— А гдѣ же еще одна?—спохватился жидъ. — Ахъ, вонъ она! Посмотрите-ка туда.

Покупатели и Шукуръ, стоявшій у дверей все время, розиня ротъ, взглянули въ отдаленный уголъ.

Тамъ, съежившись и завернувшись въ огромное сартовское одѣяло, сидѣла на коврѣ фигура. Издали можно было принять ее за какой нибудь узелъ,—до такой степени она была неподвижна.

— Нѣтъ, вы хорошенько посмотрите!—повторилъ Ибрагимъ и, подойдя къ плѣнницѣ, сильно рванулъ за одѣяло. Пестрыя складки раскрылись, и глазамъ покупателей представилась совершенно голая женщина, покрытая сверху до низу роскошной волной своихъ черныхъ, блестящихъ волосъ.

— Вотъ такъ волосы!—невольно прешепталъ Мустафа.

Ибрагимъ взялъ женщину за руку и заставилъ встать на ноги. Сконфуженная и робкая, нехотя выпрямилась красавица. Стыдливо куталась она въ распущенные волосы и только изрѣдка вскидывала на посѣтителей чудными темно-сѣрыми очами.

Мустафа совсѣмъ остолбенѣлъ. Онъ не могъ оторваться отъ этого стройнаго стана, изящныхъ членовъ, идеально-прекрасной головки и пожиралъ глазами смуглое молодое тѣло.

— Отчего же на ней никакого платья нѣтъ?—спросилъ сынъ бека, которому также понравилась красавица съ такими великолѣпными волосами.

Ибрагимъ засмѣялся и разсказалъ слѣдующее.

— Ее такъ и привезли туркмены третьяго дня. Она совсѣмъ было захворала; вѣдь ночи холодныя, а ей дали только лошадиную попону для покрышки. Мужчинъ въ караванѣ всѣхъ пере-

били, а ее насилу могли взять. Никакъ нельзя было сладить, всѣхъ кусаетъ, царапаетъ... Ну, вотъ во время борьбы на ней все и изорвали. Везли совсѣмъ голую, только здѣсь дали какую-то дрянь прикрыть наготу. Ужасно, должно быть, характерная дѣвка! Какъ сѣла вчера въ уголъ, окуталась въ одѣяло, такъ вотъ все время и сидитъ, не ѣстъ и не пьетъ. Конечно, вышколить можно!

— Вотъ вѣдь какая!... а ужъ какъ хороша!... якши, копъ-якши!—твердилъ сынъ бека.

— Я ее у тебя покупаю!—рѣшилъ Мустафа.

— Нѣтъ, Мустафа, уступи мнѣ, пожалуйста, уступи! — обратился къ купцу молодой хивинецъ.

— Ни за что! Ибрагимъ, она—моя! Сколько хочешь за нее?

Сынъ бека сверкнулъ глазами, проворчалъ что-то, должно быть, не особенно лестное по адресу старика и, быстро повернувшись, направился къ калиткѣ.

Жидъ пошелъ слѣдомъ, задвинулъ засовъ и вернулся къ Мустафѣ, который не могъ отойдти отъ плѣнницы.

Шукуръ, стоя у дверей, превратился въ статую: онъ никогда не бывалъ въ гаремахъ, никогда не видалъ столько женщинъ, и вдругъ—здѣсь цѣлый рай Магомета! У него замирало сердце, темнѣло въ глазахъ.

— Ну, говори же скорѣй цѣну, старый чортъ! — крикнулъ Мустафа, выведенный изъ терпѣнія медленностью жида.

— Сто золотыхъ.

— Ты съ ума сошелъ! Хочешь пятьдесятъ?

— Ни копѣйки меньше!

Ибрагимъ подошелъ къ красавицѣ и сталъ ей поправлять волосы на головѣ такъ, чтобы можно было лучше разглядѣть идеальный профиль, пунцовыя губки и точно нарисованныя брови.

— Вотъ что!—предложилъ купецъ, входя въ азартъ все болѣе и болѣе:—хочешь, сдѣлаемъ такъ: я дамъ тебѣ пятьдесятъ золотыхъ и всѣхъ трехъ моихъ рабынь изъ гарема. Ты ихъ хорошо знаешь,—вѣдь у тебя купилъ! Развѣ онѣ не хороши? а?... бери ихъ всѣхъ, а мнѣ отдай одну эту.

Жидъ постоялъ, подумалъ и пощипалъ кончикъ своей длинной сѣдой бороды.

— Ну, для тебя только, Мустафа, соглашаюсь на такую невыгодную сдѣлку!... Вѣдь сынъ бека придетъ, навѣрно, сегодня вечеромъ и двѣ сотни дастъ, а то, пожалуй, и всѣ три.

— Ну, что же, пусть приходитъ! Ты ему какую нибудь изъ моихъ продашь. Развѣ онѣ дурны? старшей всего 15 лѣтъ! а какія онѣ у меня теперь жирненькія да бѣленькія стали, просто прелесть!

— Пусть будетъ такъ,—рѣшилъ Ибрагимъ.—Только какъ же ты возьмешь отъ меня вотъ эту штучку? Вѣдь не повезешь же ее

голою? Я вотъ что придумалъ: у меня есть хорошенькій костюмъ (по случаю купилъ); ей онъ будетъ какъ разъ въ пору. Купи для нея!

— Давай скорѣе.

— Сію минуту достану.

И жидъ стремглавъ бросился къ себѣ на задній дворикъ, гдѣ помѣщалась кладовая.

Мустафа, какъ бы чувствуя уже нѣкоторое право хозяина, сталъ гладить по головѣ и плечамъ свою новую рабыню.

— Какъ тебя зовутъ, мой соловей?—спросилъ онъ, придавая самый ласковый оттѣнокъ своему голосу.

Красавица молчала, потупивъ очи и закрывая лице волосами.

— Ну, скажи, скажи, мой лепестокъ розы, какъ тебя зовутъ?

— Юлдузъ,—еле прошептала она.

— Юлдузъ! какое прекрасное имя [1]), оно такъ идетъ къ тебѣ!.. Ты откуда?

— Изъ Мерва.

— У кого жила?

— У одного купца, онъ меня недавно купилъ въ Афганистанѣ.

Въ это время прибѣжалъ жидъ. Онъ принесъ не только рубашку, но даже шелковый халатъ и черную волосяную сѣтку, которою закрываютъ лице женщины, даже красные сафьяновые сапоги съ калошами и другія принадлежности костюма...

— Вотъ это хорошо, ай да Ибрагимъ!—твердилъ Мустафа, помогая одѣвать красавицу.—Эй, Шукуръ, бѣги сейчасъ, найми арбу, и мы увеземъ покупку домой.

Черезъ четверть часа Юлдузъ вскарабкалась у калитки на арбу, Мустафа расплатился съ Ибрагимомъ, и вмѣстѣ съ Шукуромъ усѣлись на своихъ коней.

Высочайшія колеса арбы громыхали по выбоинамъ и ямамъ улицы и взбрасывали легкое облачко пыли.

На базарѣ стояла та же толкотня, тотъ же гамъ. Въ воздухѣ сильно парило. Издалека доносились слабые раскаты грома.

Сидя на савраскѣ, Шукуръ не могъ сообразить, видѣлъ ли онъ чудный сонъ, или же это дѣйствительность. Неужели онъ будетъ такъ близко жить около Юлдузъ? Неужели онъ будетъ имѣть возможность хоть изрѣдка, украдкой видѣть это чудное существо?

Бѣдный малый совсѣмъ одурѣлъ и не спускалъ глазъ съ фигуры невольницы, которая сидѣла подъ навѣсомъ арбы, закрытая съ головой синимъ халатомъ. Онъ почти не помнилъ, какъ доѣхали домой, какъ Мустафа распорядился посадить на ту же арбу своихъ трехъ красавицъ, не ожидавшихъ такого сюрприза, и какъ Юлдузъ исчезла въ узкомъ проходѣ, ведущемъ въ гаремное помѣщеніе.

[1]) Юлдузъ—звѣзда.

VI.

На заднемъ дворикѣ стараго купца находилось гаремное помѣщеніе. Оно состояло изъ нѣсколькихъ совершенно отдѣльныхъ комнатъ, въ которыхъ помѣщались часто мѣняющіяся невольницы Мустафы. Теперь всѣ эти уютные и прохладные пріюты опустѣли, и только въ одномъ жила Юлдузъ.

Тутъ же возвышалось узкое двухъ-этажное зданіе; въ верхнемъ этажѣ жили и плодились голуби, въ нижнемъ—куры. До этихъ птицъ Мустафа былъ великій охотникъ и развелъ ихъ видимо-невидимо. Огромныя тучи турмановъ цѣлыми днями кружились въ голубомъ небѣ надъ саклей, а отъ воркованья и шума крыльевъ, когда вся эта крылатая команда спускалась на землю клевать кормъ, стонъ стоялъ въ воздухѣ, въ буквальномъ смыслѣ слова. Крики пѣтуховъ, кудахтанье куръ, особенный какъ бы плачущій хохотъ египетскихъ голубей способствовали еще большему оживленію задняго дворика богатаго купца.

Всѣмъ пернатымъ царствомъ завѣдывала глухая кухарка съ бѣльмомъ на одномъ глазѣ, одѣтая въ длинную синюю рубаху, съ бѣлымъ тюрбаномъ на головѣ. Одинъ конецъ этого тюрбана окутывалъ шею старухи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ на ней лежала еще обязанность вести строгій надзоръ надъ гаремомъ. Она носила странное имя «Анвасиль», которое есть искаженное—Анна Васильевна. Много лѣтъ тому назадъ ее привезли плѣнницей изъ-подъ Оренбурга и продали Мустафѣ. Въ качествѣ жены пробыла она, однако, не долго, такъ какъ лишилась глаза, оглохла и вообще быстро поблекла, тоскуя по родной сторонѣ. И вотъ Анвасиль дѣлается кухаркой, которой пребываетъ уже чуть не двадцать лѣтъ.

Какъ-то разъ Мустафы не было въ Хивѣ. Стоялъ невыносимый полуденный зной; все живое попряталось. Даже голуби и куры притихли. Шукуръ, не зная куда дѣваться отъ тоски, тихонько направился на задній дворикъ. Маленькая площадка, окруженная со всѣхъ сторонъ строеніями, сверкала подъ яркими лучами солнца. Короткія тѣни отъ навѣсовъ казались темно-лиловыми.

Отважный джигитъ сунулся въ одну дверь—заперта, въ другую—тоже, въ третью—тоже. Всѣ маленькія каморки оказались накрѣпко закрытыми: въ однѣхъ хранились хозяйственныя принадлежности, другія оставались пустыми послѣ того, какъ три женщины, составлявшія гаремъ Мустафы, отправлены были къ жиду.

Шукуръ, конечно, предполагалъ заглянуть въ отдѣленіе, гдѣ помѣщалась Юлдузъ. Ему хотѣлось хоть однимъ глазкомъ увидѣть спящую красавицу.

Только въ дальнемъ углу дворика темнѣла полуотворенная дверца. Тихонько заглянулъ туда Шукуръ и увидѣлъ Анвасиль, спящую

на толстомъ сартовскомъ одѣялѣ, разостланномъ на полу. Благодаря своей глухотѣ, она, конечно, не могла слышать легкихъ шаговъ джигита и продолжала сладко похрапывать. Цѣлый рой мухъ вертѣлся надъ ея раскрытымъ ртомъ. Кругомъ, по стѣнамъ, стояли разной величины сундуки, помѣщались большіе стѣнные часы съ одной гирей, остановившіеся на девяти, а въ углу висѣлъ деревянный крестъ.

Равнодушно посмотрѣлъ на все это Шукуръ и, огорченный неудачей, побрелъ къ себѣ въ конюшню.

Надъ конюшней находились обширные сѣновалы, гдѣ почти всегда было запасено много клевера и вообще сѣна. Въ одномъ мѣстѣ въ стѣнѣ образовалась трещина, черезъ которую можно было видѣть гаремный дворикъ и наблюдать, что тамъ происходитъ.

И странное дѣло, прежде нашему джигиту никогда и въ голову не приходило заглядывать въ эту щель; теперь же все пошло по иному. Съ тѣхъ поръ какъ Юлдузъ поступила въ вѣдѣніе Анвасиль, не проходило часа, чтобы любопытные глаза влюбленнаго молодца не устремлялись на рѣзную дверь, ведущую въ комнату красавицы. Притаивъ дыханіе, онъ слѣдилъ за появленіемъ и исчезаніемъ миловиднаго личика, за тѣмъ, какъ она разговаривала съ Анвасиль, за тѣмъ, какъ она несетъ воду въ мѣдномъ кунганѣ. Однимъ словомъ, почти каждый шагъ молодой женщины былъ Шукуру извѣстенъ.

Изъ своего обсерваціоннаго пункта онъ до мельчайшихъ подробностей изучилъ линіи крышъ, колоннъ, дверей; ему сталъ извѣстенъ каждый камень, каждая выбоина, каждая ямочка на дворѣ. Какимъ знакомымъ казался ему довольно обширный четырехъугольный бассейнъ, расположенный посреди двора. Изъ бассейна шли арыки для поливки сада, хотя и небольшаго, но наполненнаго старыми тутовыми деревьями, карагачами, тополями. Шукуръ зналъ чуть не каждый сучекъ, выдѣлявшійся на голубомъ небѣ.

Зато какою ревностью горѣло сердце, когда Мустафа появлялся здѣсь. Анвасиль съ поклономъ скрывалась въ кухнѣ, а хозяинъ властно направлялся въ комнату Юлдузъ.

Шукуръ сжималъ кулаки и скрежеталъ зубами.

— Проклятый старый шайтанъ, — ворчалъ онъ. — Не бывать этому! Нѣтъ, не бывать!

Какіе ужасные дни потянулись для джигита! Онъ до сихъ поръ не можетъ вспомнить о нихъ безъ содроганія.

Онъ придумывалъ разныя хитрости, чтобы повидаться съ красавицей, но все выдуманное оказывалось несбыточнымъ. Главное, онъ не зналъ, какъ отнесется Юлдузъ къ его признанію, даже просто — къ свиданію. Быть можетъ, она разскажетъ хозяину о

дерзости влюбленнаго, и, безъ дальнихъ церемоній, ему влѣпятъ сотню на чаекъ въ спину... Это—еще самое легкое изъ наказаній!

Думалъ также Шукуръ обратиться къ Анвасиль, прося ея помощи, но... проклятая старуха строга и, пожалуй, задастъ ему такого трезвону, что не найдешь дороги къ себѣ въ конюшню. Ко всему этому, съ ней почти невозможно разговаривать, вѣдь она совсѣмъ почти глуха, а о такихъ вещихъ нельзя же кричать на весь дворъ.

Время шло, любовь разгоралась, и надо было на что нибудь рѣшиться. Рѣшеніе послѣдовало такого рода: надняхъ у Мустафы будетъ большая тамаша. Какъ хозяину, Мустафѣ предстоитъ много дѣла, народу соберется пропасть. Вотъ въ самый разгаръ танцевъ можно проникнуть къ Юлдузъ и излить передъ ней все, что наболѣло на сердцѣ. Неужели она не захочетъ выслушать? На этомъ пока остановился Шукуръ.

А что дальше?—не хотѣлось заглядывать въ будущее, не хотѣлось подводить итоги. Неугомонное сердце трепетало и не думало подчиниться голосу благоразумія.

VII.

Наконецъ, наступилъ вечеръ тамаши. Небольшая площадка передъ крыльцомъ, выходившимъ въ садъ изъ большаго дома стараго хивинца, устлана коврами. Кругомъ висятъ разноцвѣтные фонарики; по угламъ стоятъ высокіе деревянные поставцы со свѣчами, дымятся смоляные длинные факелы. Однимъ словомъ, Шукуръ никогда не видывалъ такого великолѣпнаго и праздничнаго освѣщенія.

Народу собралась масса. Переулокъ передъ входомъ въ усадьбу Мустафы запруженъ верховыми лошадьми въ богатыхъ сѣдлахъ и толпою джигитовъ, которые остались караулить коней, а надъ самой входной калиткой, на высокомъ шестѣ, болтался огромный красный фонарь изъ промасленнаго кумача.

На устланную площадку явились музыканты. Одинъ со скрипкой, конецъ которой во время игры упирается въ колѣни, другой — съ огромнымъ бубномъ, а третій — съ горшкомъ внушительныхъ размѣровъ, съ отверстіемъ, затянутымъ кожей.

Когда они усѣлись подъ деревьями, передъ ними поставили жаровню. Тотъ изъ музыкантовъ, у котораго въ рукахъ былъ горшокъ, тщательно сталъ нагрѣвать натянутую кожу надъ угольями, изрѣдка ударяя въ нее пальцами. Раздавались глухіе звуки, похожіе на звуки турецкаго барабана.

Наконецъ, всѣ приготовленія кончились, и, по знаку Мустафы, грянула музыка, дикая, нестройная.

Публика засуетилась. Каждому захотѣлось занять получше мѣстечко; всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли на узкую дверь, за которой скрывался бача, извѣстный во всей Хивѣ за самаго искуснаго танцора, и о красотѣ котораго слышалъ даже самъ всемогущій ханъ. Слава Аллаху! обѣ узорчатыя створки распахнулись, и изъ темнаго четырехугольника развязно вышелъ мальчикъ лѣтъ тринадцати.

Стройная фигурка скрывалась въ широкихъ складкахъ краснаго шелковаго халата, на головѣ надѣтъ былъ парикъ, заплетенный въ сотню мелкихъ и длинныхъ черныхъ косъ, и красивая желтая повязка съ блестками. Серебряный поясокъ стягивалъ талію. Ноги оставались босыми, но на нихъ звенѣли браслеты съ бубенчиками. Въ общемъ бача представлялъ изъ себя красивую дѣвушку.

Толпа заревѣла отъ восторга. Танцоръ снисходительно поклонился, кивнувъ головкой, и усѣлся посреди ковра. Небрежно развалясь на мягкихъ подушкахъ, онъ окинулъ взглядомъ всю эту толпу, и въ черныхъ глазахъ его сверкнуло сознаніе силы своей чарующей красоты.

Музыка играла все громче и громче. Хозяинъ и гости суетились и наперерывъ подносили этому кумиру душистый, горячій чай въ голубой китайской чашкѣ. Мальчикъ важно лежалъ и принималъ всѣ знаки вниманія, какъ нѣчто должное, необходимое.

Но вотъ онъ всталъ. Десятки рукъ потянулись и сняли съ него халатъ. Бача остался въ бѣлой, длинной, полупрозрачной рубашкѣ съ широкими рукавами и подпоясанной голубой лентой.

Хивинцы совсѣмъ остервенѣли, музыка участила темпъ. Мальчикъ прошелся по краю большаго ковра, медленно и плавно разводя руками, потомъ, слегка припрыгивая въ тактъ, ускорилъ шагъ и, наконецъ, остановившись посрединѣ, сразу опрокинулся назадъ, голова съ косами почти коснулась земли, а торсъ изогнулся въ дугу.

Этотъ маневръ вызвалъ у зрителей взрывъ неистовыхъ криковъ одобренія.

Бача неспѣша выпрямился, перевелъ духъ и началъ крутиться. Движенія становились быстрыми, страстными, порывистыми. Онъ то вертѣлся, то изгибался змѣей. Выхоленное бѣлое тѣло трепетало и, казалось, каждую минуту готово было сбросить съ себя легкую рубашку. Иногда мальчикъ останавливался и громко произносилъ речитативъ, на что толпа отвѣчала хоромъ, ударяя въ ладоши и въ тактъ музыки. Потомъ слѣдовало опять круженіе, прерываемое небольшими антрактами. Тогда со всѣхъ сторонъ протягивались руки съ чашками чая; бача нехотя бралъ, отпивалъ глотокъ и отдавалъ обратно какому нибудь наиболѣе вліятельному и богатому гостю.

Отличіе это возбуждало всеобщую зависть и слышались громкіе возгласы:

— Счастливецъ!... ты получилъ жизнь отъ цвѣтка востока!

Послѣдній танецъ кончился тѣмъ, что мальчикъ, стоя на мѣстѣ, завертѣлся до такой степени быстро, что вся его фигура превратилась въ какой-то туманный столбъ; сверкали только бѣлыя руки и ноги, обнажившіяся выше колѣнъ.

Когда послѣ такого эффектнаго финала танцоръ, обезсиленный, упалъ на подушки, всѣ кинулись къ нему: одни цѣловали его руки, другіе—ноги, третьи—край рубашки.

Всѣ хвалили искусство, каждый старался сѣсть поближе къ «небесному цвѣтку», «майскому соловью», «дыханію жизни».

Самъ Мустафа поглаживалъ себя по брюшку и самодовольно осклаблялся.

Кончились танцы, началось угощеніе. Огромныя блюда съ пилавомъ разставили на коврахъ. Гигантскія чаши съ кумысомъ, подносы съ красными яйцами, изюмомъ, фисташками и пряниками, спеченными на бараньемъ салѣ, исчезали быстро и замѣнялись новыми.

Все, однако, группировалось около бачи. Мустафа сидѣлъ около него по правую руку, а сынъ бека по лѣвую. Оба смотрѣли на мальчика посоловѣлыми глазами и нашептывали ему комплименты.

Утренняя заря разгоралась на востокѣ, когда стали гости разъѣзжаться.

Мустафа взялъ двѣ свѣчи и съ поклонами проводилъ бачу до калитки. Толпа почтительно разступалась и тоже низко кланялась.

Ушелъ послѣдній хивинецъ. Калитка заперлась на засовъ.

Шукуръ, блѣдный и мрачный, появился на площадкѣ и молча сталъ убирать фонарики, снимать ковры, класть на мѣсто подушки.

Свѣжій вѣтерокъ зашелестилъ листьями тополей и погасилъ догоравшую свѣчу.

VIII.

На плоской крышѣ сакли, на которую низко надвинулась могучая вѣтка карагача, расположились посмотрѣть на тамашу Анвасиль и Юлдузъ. Густая листва дѣлала женщинъ совсѣмъ незамѣтными; сюда почти не доходилъ свѣтъ фонарей, а имъ, между тѣмъ, представлялась полнѣйшая возможность наблюдать все, что происходило тамъ, внизу.

Сначала Анвасиль смотрѣла безстрастно своимъ единственнымъ глазомъ; ее нисколько это не интересовало, все было слишкомъ знакомо, все пріѣлось... Ни шумъ движенія, ни звуки музыки, ни крики толпы, не существовали для бѣдной женщины.

Но вдругъ, неизвѣстно почему, сверкнула у нея въ головѣ, точно молнія, мысль, потомъ—другая, третья... Мгновенно, съ поразительной ясностью, развернулась картина далекаго прошлаго... Обрывки воспоминаній, отдѣльные эпизоды прожитаго — все связалось въ длинную цѣпь чудныхъ, дорогихъ мгновеній. Какъ будто сказочный волшебникъ силою своихъ чаръ превратилъ ее, бѣдную, старую, слѣпую Анвасиль, въ молодую, красивую, прежнюю Анну Васильевну.

Другая, не азіатская, картина видится ей.

На берегу Урала, въ темной рощѣ, собралось нѣсколько семействъ русскихъ офицеровъ. Горятъ костры, взвиваются ракеты, играетъ военная музыка. Солнце садится яркое, свѣтлое. Небо чистое.

Она тоже, какъ и другіе, хлопочетъ надъ угощеньемъ вмѣстѣ съ своимъ молодымъ мужемъ; они всего мѣсяцъ какъ обвѣнчаны. Какимъ прекраснымъ казался ей весь окружающій Божій міръ. Всѣ такіе добрые, всѣ къ ней внимательны, предупредительны... А какъ красивъ ея Сережа! онъ лучше всѣхъ!... а ужъ какъ любитъ ее, и сказать нельзя, слова этого не выразятъ!

Передъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ расположился пикникъ молодежи, на той сторонѣ, громоздится высокій берегъ Урала. На немъ идетъ дѣятельная постройка, воздвигаются каменныя постройки Оренбурга. Но вотъ отъ города отчалила небольшая душегубка; къ нимъ переправляется солдатикъ. Всѣ смотрятъ и начинаютъ высказывать различныя предположенія о причинѣ, вызвавшей посылку къ нимъ этого вѣстника радости или горя.

Душегубка пристаетъ къ камышамъ. Солдатикъ, вытянувшись, марширует къ старшему офицеру и, взявши подъ козырекъ, вручаетъ пакетъ съ большою красною печатью. Всѣ смолкли, всѣ ждутъ...

— Господа, послѣзавтра въ походъ! Киргизы опять бунтуютъ!—раздается громкій голосъ.

Всякое веселье моментально рушилось, музыка перестала играть, рѣчи затихли. Гдѣ-то послышалось рыданіе.

Боже! какіе ужасные часы пережила Анна Васильевна. Проводила она въ походъ мужа, и, прощаясь съ нимъ, простилась навѣки!

Войско расположилось въ одномъ изъ укрѣпленныхъ лагерей, въ нѣсколькихъ сотняхъ верстъ отъ Оренбурга. Письма оттуда приходили не часто. Безконечно долго тянулась зима, наступила весна... Вдругъ, о счастье! семействамъ офицеровъ разрѣшено ѣхать въ лагерь, такъ какъ, повидимому, киргизы успокоились.

Сборы были недолги, и вотъ десятки телѣгъ, бричекъ и тарантасовъ, запряженные верблюдами и лошадьми и нагруженные всякимъ скарбомъ, потянулись длиннымъ караваномъ по зеленѣю-

щей степи. Сколько надеждъ зашевелилось въ груди Анны Васильевны! Скоро, скоро она увидитъ снова своего милаго, ненагляднаго Сережу!

Помнится темная ночь. Всѣ спятъ вокругъ догорающихъ огней. Караульные тоже задремали, завернувшись въ бараньи тулупы. Вдругъ — выстрѣлы, страшный визгъ, стоны, крики. Анна Васильевна вскочила и обмерла. Звѣрскія лица въ мохнатыхъ шапкахъ, страшныя фигуры съ копьями, верхомъ на быстрыхъ коняхъ, выскакивали изъ темноты со всѣхъ сторонъ... Черезъ часъ все было кончено. Весь караванъ достался киргизамъ; кто старался защищаться, тѣхъ перебили, а нѣсколько женщинъ, въ томъ числѣ и Анна Васильевна, очутились связанными на землѣ. Подѣливъ то, что можно было захватить, разбойники помчались восвояси. Страшная боль отъ веревокъ, которыми прикручена была Анна Васильевна къ сѣдлу взятой въ караванѣ русской лошади, заставляла ее часто терять сознаніе.

А разбойники неслись все дальше и дальше... Сколько времени прошло въ такой бѣшеной скачкѣ, Анна Васильевна уяснить себѣ не могла. Она совсѣмъ одеревенѣла, какъ будто лишилась способности сознавать, что кругомъ дѣлается.

Точно во снѣ видѣла она аулы, народъ, рѣки, наконецъ, городъ. Здѣсь Анна Васильевна очутилась отдѣленною отъ другихъ плѣнницъ въ какомъ-то сараѣ. Съ нея сняли платье, или, правильнѣе, тѣ лохмотья, которые прикрывали ея тѣло, и облекли въ длинную рубашку и халатъ. Помнитъ также, какъ явился какой-то не то хивинецъ, не то сартъ, и купилъ ее.

Что было потомъ, она боится даже вспоминать; она цѣлые годы старалась искоренить даже проблески воспоминаній объ этомъ ужасномъ времени... Образованная, воспитанная женщина, считавшая себя всегда человѣкомъ, превратилась въ какую-то неодушевленную тварь, хуже рабы, хуже всякой вещи. Анна Васильевна не могла помириться съ своимъ положеніемъ и, между тѣмъ, переходила отъ одного хозяина къ другому; ее перевозили съ мѣста на мѣсто, и вотъ она у Мустафы, въ Хивѣ... Бѣдная женщина продолжала не думать, не сознавать своего положенія, и хотѣла поскорѣе превратиться въ машину.

Конечно, такая ломка не прошла безслѣдно для организма, и Анна Васильевна стала хворать. Само собою разумѣется, что, по мѣрѣ того, какъ ея силы слабѣли и красота увядала, она теряла расположеніе Мустафы. Покупать тоже никто не соглашался больную невольницу. Случайно открывшееся умѣнье Анны Васильевны готовить кушанья рѣшило ея участь: она сдѣлалась кухаркой.

Въ одну изъ холодныхъ зимъ обрушились на плѣнницу еще два несчастья заразъ: она ослѣпла на одинъ глазъ и почти оглохла; и хотя трудно было объяснять ей что либо, Мустафа, по

своему добросердечію, оставилъ «Анвасиль» при исполненіи своихъ обязанностей.

Суровая судьба, физическія и нравственныя страданія, пережитыя за долгіе годы, измѣнили бывшую офицершу, она ожесточилась, со злобой смотрѣла на всѣхъ и не могла видѣть чужаго счастья.

— Почему все это не для меня? — думала она, глядя на веселыхъ, здоровыхъ и полныхъ жизни людей.—Гдѣ справедливость Промысла? Чѣмъ я прогнѣвила Бога, за чьи грѣхи я страдаю?...

Мустафа изъ состраданія разрѣшилъ Аннѣ Васильевнѣ повѣсить въ своей комнаткѣ крестъ, сдѣланный изъ двухъ деревянныхъ брусочковъ. И сколько горькихъ невѣдомыхъ слезъ пролила кухарка Анвасиль, стоя на колѣняхъ передъ этой незатѣйливой работой своихъ собственныхъ рукъ. Но кончалась молитва, и опять она превращалась въ ворчливую старуху, озлобленную и угрюмую.

За самое послѣднее время Анвасиль какъ будто перестала вспоминать давнопрошедшее счастливое время. Сердце спокойно билось въ груди, мозгъ медленно работалъ, потребности удовлетворялись не спѣша... Чего же лучше?... Даже злоба какъ будто стихла. И вдругъ сегодня почему-то вся эта суета, освѣщеніе напомнили былое счастье!

Сѣдая голова старухи поникла, мускулы лица дрогнули, и крупная горячая слеза медленно скатилась по морщинистой щекѣ.

IX.

Юлдузъ смотрѣла совсѣмъ иначе на тамашу, на дымные факелы, фонари и свѣчи! Ей все это нравилось. Какая пестрота, движеніе, какое веселье! Какъ хорошо жить на свѣтѣ!

Она обыкновенно ни надъ чѣмъ не задумывалась и не любила вспоминать прошлое. Къ чему? не все ли равно кому принадлежать, гдѣ жить, гдѣ дышать воздухомъ? лишь бы была одѣта, сыта и могла бы ни о чемъ не заботиться. Она вѣдь сильно отбивалась, когда ее въ плѣнъ брали послѣдній разъ, кусала, щипала, царапала... Но, разъ ее одолѣли, она покорилась. Вѣдь противъ судьбы не пойдешь?

Вдругъ что-то сзади стукнуло. Красавица оглянулась и увидѣла около себя тѣнь. Она быстро закрылась халатомъ и готова была уже прибѣгнуть къ помощи Анвасиль, какъ чья-то рука схватила ее за тонкіе бѣлые пальцы. Голосъ, который казался ей знакомъ, тихо проговорилъ:

— Послушай меня, Юлдузъ. Не зови старуху. Я хочу тебѣ что-то сказать. Ради Аллаха!

Юлдузъ остановилась и со страхомъ смотрѣла на фигуру.

— Кто ты? Что тебѣ надобно?

— Я Шукуръ, джигитъ Мустафы.

— Ну, такъ что же тебѣ надобно, я спрашиваю.

Джигитъ не находилъ словъ, робѣлъ и вертѣлъ въ рукахъ концы своего кушака. Затѣмъ онъ рѣшился задать какой-то незначительный вопросъ. Получивъ отвѣтъ, Шукуръ задалъ другой, и бесѣда завязалась смѣлѣе, подъ звуки барабана и вой восторженной толпы.

Сильно билось сердце влюбленнаго джигита, когда дѣло коснулось красоты его собесѣдницы и когда въ самыхъ пылкихъ и страстныхъ выраженіяхъ, на который такъ способенъ восточный человѣкъ, джигитъ раскрылъ свою душу, свою любовь, о которой онъ не говорилъ до сихъ поръ ни слова только потому, что не представлялся случай.

Юлдузъ вся поблѣднѣла отъ такихъ рѣчей. Испуганно оглянулась она кругомъ и на Анвасиль.

Но старуха ничего не слышала и ничего не видѣла, ея мысли были далеко.

— Уйди отъ меня!... уйди!... насъ услышатъ!—шептала красавица, отодвигаясь дальше отъ искусителя.

— Никто не услышитъ, радость души моей!—страстно продолжалъ Шукуръ.—Скажи мнѣ что нибудь въ отвѣтъ.

— Уходи, уходи, а то я позову Анвасиль!

— Еще хоть одну минутку! Отчего ты не скажешь мнѣ какого нибудь ласковаго слова? Развѣ твой старикъ-хозяинъ можетъ любить тебя такъ, какъ я? Смотри, вонъ онъ какъ увивается около бачи! Видишь?... сама своими глазами видишь?

Дѣйствительно, внизу Мустафа какъ разъ въ эту минуту страстно цѣловалъ ножку мальчика и съ жадностью допивалъ изъ чашки остатки его чая.

Что-то похожее на ревность шевельнулось въ сердцѣ Юлдузъ. Она вся вспыхнула.

— А ужъ я бы тебя какъ любилъ!—продолжалъ джигитъ.—Уѣхали бы куда нибудь подальше!... Скажи, моя роза, хоть одно словечко!

— Ради Аллаха, уходи! Насъ увидятъ вмѣстѣ, и Мустафа убьетъ тебя! Онъ ревнивъ, должно быть!

— Мустафа убьетъ? А посмотри, что онъ тамъ дѣлаетъ? Развѣ ты не видишь, что онъ забылъ тебя?

Юлдузъ молчала.

— Ты молчишь, сердце души моей! Старикъ завтра же можетъ прогнать тебя такъ, какъ прогналъ недавно трехъ своихъ женъ! Стоитъ ему найти кого нибудь получше, и ты будешь выброшена за порогъ.

Разговоръ смолкъ. Внизу опять вертѣлся бача, опять визжала скрипка и гудѣлъ барабанъ.

Шукуръ подвинулся впередъ.

— Итакъ, какое будетъ твое послѣднее слово, ароматъ розы?

— Никакого. А вотъ что ты знай: Мустафа богатый, а ты — байгушъ [1]). Къ чему вести такіе разговоры? Если бы у тебя было много денегъ, ну... тогда разговоръ, пожалуй, былъ бы иной, а то теперь... даже смѣшно!

— Но, солнце очей моихъ! у меня могутъ быть деньги; я могу достать ихъ, сколько хочешь. Только прикажи, только обѣщай... У меня есть...

Юлдузъ засмѣялась.

— Если у тебя есть деньги, зачѣмъ же ты служишь джигитомъ у Мустафы? Развѣ пріятно убирать навозъ, когда въ карманахъ звенятъ золотые? Перестань, пожалуйста!

И опять раздался смѣхъ язвительный, ужасный.

— Ну, а если я на самомъ дѣлѣ достану? — закричалъ Шукуръ, точно ужаленный.

По счастью Анвасиль была глуха.

Однако Юлдузъ, всетаки, отшатнулась отъ джигита при такомъ возгласѣ и закутала голову поплотнѣе въ халатъ.

— Ну, ну, что же? — допытывался джигитъ.

— Вѣдь я тебѣ сказала уже, что тогда будетъ разговоръ иной! Отстань!

— Обѣщаешь ли тогда жить со мной? Обѣщаешь ли тогда уѣхать отсюда подальше и бросить Хиву, Мустафу?...

— Хорошо, хорошо! Уйди ты отъ меня, ради Аллаха! Ты совсѣмъ съ ума сошелъ!

Шукуръ стоялъ на мѣстѣ, опустивъ голову, и что-то соображалъ.

— Ну, Юлдузъ, помни! — проговорилъ онъ медленно. — Аллахъ тебя накажетъ, если обманешь! Помни свое слово!

Красавица хотѣла что-то возразить, но, когда обернулась, джигитъ уже исчезъ.

X.

Въ 30 верстахъ отъ Хивы, на берегу Аму-Дарьи, русскіе начали строить крѣпость.

Понаѣхало туда много всякихъ мастеровъ, пришли войска и рабочіе, и на развалинахъ какого-то незначительнаго глинянаго укрѣпленія воздвигли цѣлый городъ съ большимъ домомъ для начальника, лазаретомъ для больныхъ и казармами.

Шукуръ съ Мустафой не разъ уже побывали тамъ на базарѣ и дивились, какъ это все у урусовъ скоро дѣлается, должно быть, денегъ у нихъ много, очень много...

Это убѣжденіе укрѣпилось у всѣхъ хивинцевъ.

---

[1]) Байгушъ — нищій.

Наконецъ, самъ всемогущій ханъ съ блестящей свитой явился въ новый городъ и сдѣлалъ визитъ живущему здѣсь важному начальнику. Завязались сношенія самыя безцеремонныя; офицеры пріѣзжали въ Хиву прямо во дворецъ, привозили вино, какія-то веселыя картинки, свою военную музыку... Веселились иногда нѣсколько дней подъ рядъ, пока великій ханъ не сваливался на подушки подъ вліяніемъ усталости и винныхъ паровъ.

Черезъ два дня послѣ тамаши, Шукуръ отпросился у своего хозяина въ новый городъ къ урусамъ; тамъ войска будутъ встрѣчать Ярынъ-Падишаха [1]), который пріѣдетъ, говорятъ, изъ Ташкента осматривать выстроенную крѣпость.

— Урусы всѣ люди богатые!—думалъ джигитъ, подъѣзжая по пыльной дорожкѣ къ свѣтлой и широкой Аму-Дарьѣ.—Я достану денегъ, непремѣнно достану! Безъ нихъ не вернусь! А ужъ Юлдузъ будетъ моя!

Въ русской крѣпости было шумно. Войска стройно двигались по огромной площади, гремѣла военная музыка, развѣвалось знамя. Густое облако пыли подымалось слѣдомъ за мчавшимися пушками. Гремѣло «ура».

Народъ живымъ кольцомъ охватывалъ со всѣхъ сторонъ площадь. Вездѣ виднѣлись пестрые костюмы хивинцевъ, сартовъ, бухарцевъ; было даже много тюркменъ. Меньше всего оказывалось русскихъ—они терялись въ массѣ азіатовъ, какъ капля въ морѣ.

Когда парадъ кончился, Шукуръ поѣхалъ къ своему единственному здѣсь знакомому сарту, у котораго на концѣ новаго города стояла небольшая сакля. Низенькое строеніе совсѣмъ почти было незамѣтно, теряясь между развалинами какой-то древней башни.

Калитка оказалась отворенною; на дворикѣ, огороженномъ высокой глиняной стѣной, суетился хозяинъ, разбиралъ волосяныя веревки, связывалъ мѣшки, наполненные ячменемъ, заколачивалъ ящики.

— Да будетъ милость Аллаха надъ тобою!—проговорилъ Шукуръ, поднося руку ко лбу и сердцу.

— Да пошлетъ Пророкъ и твоему дому всего хорошаго!—отвѣчалъ сартъ, копошась около большаго сундука.—Поставь лошадь въ конюшню и будь желаннымъ гостемъ!

Шукуръ привязалъ коня подъ прохладный навѣсъ, бросилъ ему снопикъ зеленаго клевера и вернулся къ хозяину.

— Въ какія страны собираешься?—началъ онъ, садясь на корточки.

[1]) **Ярынъ-Падишахъ**—полу-царь. Такъ называли туземцы генерала К. П. фонъ-Кауфмана.

— Охъ, далеко, очень далеко! добрая недѣля пути. На Сыръ-Дарью, въ Казалу.

— Развѣ есть дѣло какое?

— Нанялся уруса вести, завтра ѣдемъ. Поклажи почти никакой; урусъ — табибъ, лечитъ отъ всякихъ болѣзней, поихнему — докторъ. Съ нимъ — его джигитъ. Такъ вотъ я хочу взять своихъ верблюдовъ, навьючить ячменемъ; въ Казалѣ продамъ, деньги получу. У табиба своя пара верблюдовъ; мы на перемѣнныхъ скоро доѣдемъ.

— Что же ты взялъ за такое дѣло?

— Пятьдесятъ серебряныхъ рублей, ни копѣйки меньше... Пожалуй, оно и недорого, вѣдь у этихъ гяуровъ денегъ много. Да и ѣхать ему отсюда хочется, родныхъ увидать. Сейчасъ же и согласился! Я думалъ, что бранить и кричать будетъ, пожалуй, нагайкой приколотитъ. Куда тебѣ! сейчасъ же и задатокъ далъ. Табибъ зналъ, что я не уступлю, а больше не къ кому обратиться! Завтра утромъ ѣдемъ. Урусъ здѣсь не далеко живетъ, на новой улицѣ.

Шукуръ съ завистью смотрѣлъ на сарта. Что если-бъ ему самому взяться за такое дѣло? Въ Кизылъ-Кумахъ онъ бывалъ нѣсколько разъ, съ Мустафой ѣздилъ въ Казалу. Дорога извѣстна хорошо... У уруса денегъ должно быть много...

Скверныя мысли зашевелились въ мозгу у джигита. Надо сдѣлать такъ, чтобы табибъ поѣхалъ съ нимъ, а не съ сартомъ. Это первое. А второе... второе устроится само собою. Вотъ въ самомъ дѣлѣ!... Какъ бы было хорошо, если-бъ такъ вышло!... Ну, а если не удастся?... Что тогда дѣлать?

Шукуръ даже задрожалъ отъ своего плана, отъ возможности удачи.

— Ну, да будетъ тебѣ путь пріятенъ! Я мѣшать не стану! — скороговоркой пробормоталъ онъ, направляясь къ своей лошади.

Хлопотавшій сартъ машинально взглянулъ на удаляющагося гостя и снова принялся за ящикъ.

Ведя своего коня въ поводу, Шукуръ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и, быстро оглянувшись, юркнулъ въ развалины башни.

Здѣсь, въ нижнемъ этажѣ, куда вело огромное отверстіе обвалившейся стѣны вмѣсто двери, оказалось на столько просторно, что могли бы помѣститься даже четыре всадника совершенно свободно. Мрачныя стѣны и своды были закопчены; въ большія амбразуры развертывался далекій горизонтъ, сверкала Аму-Дарья. На полу валялись кучи мусора, обломки брусьевъ.

Никто никогда сюда не заглядывалъ. Башня стояла совсѣмъ въ сторонѣ отъ поселка. Шукуръ рѣшилъ спрятаться въ этомъ укромномъ мѣстѣ и ждать. Онъ нѣсколько разъ внимательно осмотрѣлъ свой псякъ—острый небольшой ножъ, съ которымъ никакой азіатъ не разстается ни днемъ, ни ночью, и который всегда ви-

ситъ у нихъ на поясѣ, въ красивыхъ ножнахъ. Мало этого. Ему удалось еще разъ сходить на дворикъ къ сарту, взять тамъ нѣсколько снопиковъ клевера и, вернувшись незамѣтно, дать ихъ лошади. Сартъ какъ разъ въ это время бѣгалъ зачѣмъ-то къ доктору, и калитка оставалась отпертой. Никого въ саклѣ не было, каравань-баши [1]) жилъ бобылемъ.

Какъ медленно потянулось время до вечера! Солнце такъ лѣниво спускалось къ горизонту!.. Но вотъ наступили, наконецъ, сумерки. Даль посинѣла. Съ Сыръ-Дарьи пахнуло холодкомъ. Заблестѣла вечерняя звѣздочка. Изъ-за лиловаго тумана поднялась луна.

Шукуръ вышелъ изъ засады и осторожно подкрался къ калиткѣ.

На дворикѣ приготовлены вьюки; они стоятъ рядкомъ, связанные аккуратно волосяными арканами. Подъ навѣсомъ лежатъ, одинъ около другаго, четыре верблюда и поглядываютъ по сторонамъ, пережевывая жвачку. Какъ разъ посрединѣ, на землѣ, разостлана бѣлая кошма, и на ней растянулся сартъ. Онъ лежитъ навзничъ, по поясъ прикрытый халатомъ. Лицо еле выдѣляется въ голубоватой тѣни, падающей отъ высокаго забора.

Шукуръ дотронулся до калитки. Она безшумно отворилась; ее завязали изнутри одной тонкой полусгнившей бичевкой, и никакихъ другихъ запоровъ не оказалось. Повидимому, ложась спать, сартъ не разсчитывалъ на чье нибудь посѣщеніе. Кому придетъ охота забраться къ нему? Вора урусы поймаютъ и повѣсятъ... Сколько разъ такъ бывало!

И, успокоившись на этомъ, каравань-баши крѣпко заснулъ.

Войдя на дворъ, джигитъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по направленію къ спящему. Сартъ храпѣлъ самымъ безпечнымъ образомъ. Шукуръ осторожно приблизился; онъ чувствовалъ, какъ сердце бьется сильно и часто. Стало жарко; онъ сбросилъ баранью шапку, растегнулъ воротъ своей рубахи. Въ глазахъ вертѣлись зеленые круги.

Наконецъ, еще шагъ, и нога джигита стала на кошму; онъ нагнулся надъ сартомъ, прислушался къ ровному дыханію. Затѣмъ, дрожащей рукой вынулъ изъ ноженъ псякъ и вонзилъ его прямо въ сердце каравань-баши...

XI.

На другое утро Шукуръ тихонько выбрался изъ башни и, какъ ни въ чемъ не бывало, направился къ новой улицѣ, гдѣ разсчитывалъ найти доктора.

---

[1]) **Каравань-баши**—тотъ, кто ведетъ караванъ, показываетъ дорогу.

Проѣзжая мимо калитки убитаго сарта, онъ замѣтилъ толпу любопытныхъ и нѣсколькихъ русскихъ солдатиковъ.

Какъ будто нисколько не интересуясь этой суматохой, джигитъ двинулся дальше.

Около длиннаго строенія лазарета, у самаго крыльца, стояла небольшая телѣжка. Безъ шапки, съ сердитымъ лицомъ и всклокоченными черными волосами, ходилъ здѣсь молодой господинъ и разговаривалъ съ нѣсколькими туземцами, которые сидѣли тутъ же на корточкахъ.

Шукуръ остановилъ лошадь.

— Больше не съ кѣмъ ѣхать, тюра! — говорилъ сѣдобородый хивинецъ.—Всѣ караванъ-баши ушли въ разныя стороны. Откуда ихъ достанешь?

— Что же мнѣ умирать здѣсь, что ли? — окрысился сердитый господинъ.

Всѣ молчали.

— А вамъ куда надо?—рѣшился ввернуть свое словечко Шукуръ, не слѣзая съ сѣдла.

— Въ Казалу!—въ одинъ голосъ закричали туземцы.

Затѣмъ сѣдобородый хивинецъ пояснилъ:

— Вотъ тюра совсѣмъ сторговался съ караванъ-баши, а его кто-то сегодня ночью зарѣзалъ. Тюра черезъ это долженъ остаться.

Докторъ ходилъ взадъ и впередъ около телѣжки и нервно вертѣлъ усъ.

— Я могу въ Казалу проводить, если хочешь!—нехотя процѣдилъ сквозь зубы джигитъ и даже отвернулся въ сторону, какъ будто разсматривая какой-то очень интересный предметъ.

— Маршъ! — кинулся радостно докторъ. — Вези сейчасъ, сію минуту! У меня верблюды выкормлены, все уложено... Насъ двое: я, да деньщикъ. Поклажи не много. Мнѣ ничего не надо, надо только одного проводника...

— Что же, я согласенъ...

— А сколько возьмешь? Говори скорѣе!

Шукуръ посмотрѣлъ на доктора и промолчалъ.

— Ну, говори же, чортъ тебя возьми, сколько возьмешь?

— Тюра не обидитъ.

— Пятьдесятъ серебряныхъ рублей хочешь? За эту сумму я уже сторговался, и теперь столько же дамъ. Хочешь?

— Якши...

— Ну, слава Богу! Иди ко мнѣ въ комнаты, тамъ напьемся чая, закусимъ и маршъ! Слѣзай съ своей лошади, живо!

Шукуру много усилій стоило, чтобы не выдать своей радости. Какъ все удается, какъ все уладилось! Ну, теперь надо доводить дѣло до конца!

Черезъ часъ, докторъ, напутствуемый пожеланіемъ товарищей

и солдатиковъ, медленно отъѣхалъ отъ своего крыльца. Два сытыхъ верблюда шли тихимъ и мѣрнымъ шагомъ, таща легкую телѣжку, какъ игрушку. Въ ней сидѣли докторъ и сонливый Ѳедоръ-деньщикъ. Сбоку на своей савраскѣ молодцевато вертѣлся Шукуръ въ синемъ халатѣ; ему удалось даже достать у кого-то ружье, которое болталось за спиной.

Офицеры провожали путниковъ до выѣзда изъ города; здѣсь еще разъ выпили, разцѣловались, пожелали счастливаго пути и скораго свиданія въ Питерѣ.

— Ну, теперь трогай!—весело крикнулъ докторъ, усаживаясь поудобнѣе.

Какъ разъ въ это время изъ калитки караванъ-баши, около которой происходило прощанье, выносили носилки съ мертвымъ тѣломъ. Изъ-подъ бѣлой простыни ясно обрисовывалась голова, острый кончикъ носа, грудь...

Толпа туземцевъ молча разступалась.

— Ну, не къ добру эта встрѣча!—пробурчалъ Ѳедоръ.

— Глупости!.. айда!

Шукуръ отвернулся въ сторону и смотрѣлъ на сверкающую поверхность многоводной Аму-Дарьи.

Проѣхали развалину башни. Горячимъ воздухомъ пахнуло на встрѣчу. Горизонтъ дрожалъ... На небѣ ни облачка.

Все это до мельчайшихъ подробностей припомнилъ Шукуръ, сидя на вершинѣ песчанаго бархана и карауля бивуакъ во время сна доктора и деньщика.

XII.

Вотъ уже пять сутокъ ѣдутъ путники по Кизылъ-Кумамъ. Всѣ измучились, обносились, съѣстные припасы на исходѣ, верблюды и лошадь исхудали. А все довести дѣло до конца джигиту не удается.

То-есть, говоря по правдѣ, онъ бы могъ давно уже раздѣлаться съ урусами и забрать все ихъ имущество, но... рука не подымается. Шукуръ закололъ сарта и до сихъ не можетъ забыть того ощущенія, когда лезвіе ножа входило въ грудь, между ребрами. Ему въ первый разъ случилось убить человѣка, и вотъ постоянно и вездѣ, особенно ночью, чудится убійцѣ караванъ-баши: онъ стоитъ передъ нимъ въ бѣлой рубахѣ и съ огромнымъ кровавымъ пятномъ на груди. А тутъ еще надо расправиться съ двумя!..

Шукуръ даже мысленно нѣсколько разъ давалъ себѣ слово бросить всѣ эти намѣренія, но передъ глазами являлся образъ очаровательной Юлдузъ во всей своей чарующей красѣ, и джи-

гить опять готовъ былъ не только двумъ, но сотнѣ урусовъ перерѣзать горло.

Сегодня вечеромъ, когда тюра и Өедоръ задремали, было легко покончить съ обоими. Шукуръ даже попробовалъ пустить пулю въ голову доктора съ высоты бархана, но... промахнулся. Тюра вскочилъ невредимымъ, а джигитъ долженъ былъ соврать, объяснивъ выстрѣлъ желаніемъ попугать чакалокъ. А никакихъ чакалокъ не было!

Тѣмъ не менѣе, надо кончать... непремѣнно!.. чѣмъ скорѣе тѣмъ лучше!

Шукуръ рѣшилъ сегодня же развязать себѣ руки.

Солнце взошло. Стало очень прохладно, какъ это всегда бываетъ въ пустынѣ. Путешественники сонливо и молча спѣшили пить чай. Верблюды нехотя подошли къ телѣжкѣ и дали себя запрячь.

Черезъ два часа около кудуковъ еле дымился брошенный костеръ. Вдали виднѣлись, какъ черныя точки, удаляющіеся путники, долетали крикливыя понуканія Шукура и громкіе стоны верблюдовъ.

Наконецъ, все затихло. Пустыня молчала, а солнце опять начало нагрѣвать безплодный песокъ.

Въ полдень—необходимая остановка. Надо дать отдохнуть животнымъ и своимъ мускуламъ, надо хоть что нибудь поѣсть. Өедоръ занялся приготовленіемъ какой-то болтушки, а докторъ ушелъ собирать дрова для костра.

Кругомъ виднѣлся полузасохшій тальникъ, торчали уродливыя деревья саксаула.

Шукуръ взялъ топоръ изъ телѣжки и пошелъ тоже какъ будто за сучьями. Онъ слѣдилъ за каждымъ шагомъ Павла Петровича и, прячась за кусты, подкрадывался сзади.

Стояла такая духота, что дышать почти что было невозможно. Отъ песка несло жаромъ, какъ изъ открытой печки... Ни одного живаго существа кругомъ—ни птицы, ни звѣря. Все попряталось.

Докторъ сѣлъ въ тѣни бархана, которая прикрывала только его голову, снялъ фуражку и принялся закуривать папироску.

Шукуръ выскользнулъ изъ засады и со всего размаха ударилъ его сзади по головѣ. Беззвучно упало тѣло ничкомъ, взмахнувъ руками... Джигитъ поднялъ снова топоръ и также сильно ударилъ еще разъ по черепу. Нѣсколько судорожныхъ подергиваній въ пальцахъ, чуть слышное хрипѣніе—и все было кончено.

На сѣромъ фонѣ песка грузно лежало тѣло съ широкой спиной. Блуза мѣстами потемнѣла отъ выступившаго пота. Изъ проломленнаго черепа вытекала алая кровь, виднѣлась бѣлая масса

мозга. Маленькій сакъ-вояжъ, висящій черезъ плечо, сверкалъ стальнымъ замочкомъ.

Не помня себя отъ волненія, Шукуръ кинулся къ этой сумкѣ, гдѣ, по всей вѣроятности, лежали деньги. Замокъ не открывался... пальцы не слушались. Пришлось разрѣзать дно и вынуть оттуда всѣ бумаги.

— Потомъ разберу! Теперь скорѣе отсюда! — шепталъ убійца, пряча бумаги въ необъятный карманъ своего синяго халата и поспѣшая къ тому мѣсту, гдѣ паслась лошадь. Онъ быстро вскочилъ въ сѣдло и рысью пустился на югъ, въ обратную сторону, предоставляя Ѳедору дѣлать, что угодно.

Отъѣхавши съ версту, джигитъ поскакалъ... Ему чудилось, что слѣдомъ за нимъ мчатся караванъ-баши и убитый урусъ... Онъ боялся оглянуться, хлесталъ своего коня и летѣлъ все впередъ и впередъ. Только горячій вѣтеръ свистѣлъ въ ушахъ.

Приближался вечеръ; не отдохнувши самъ и не давши лошади корма въ полдень, Шукуръ сообразилъ, что при такихъ условіяхъ далеко не уѣдешь. Онъ остановился... Но съ нимъ не было ни куска хлѣба, ни воды, ни ячменя, все это осталось на бивуакѣ. До колодцевъ—далеко, да и мѣстность оказывается совершенно незнакомою. Что дѣлать?

Усталый конь жалобно посматривалъ вокругъ себя; онъ поводилъ потными боками и усиленно дышалъ, покачиваясь всѣмъ тѣломъ.

Шукуръ совсѣмъ растерялся, и холодный потъ выступилъ у него на лбу.

При каждомъ движеніи въ карманѣ халата шелестили бумаги и деньги, взятыя у убитаго, но онѣ пока не были нужны.

— Не вернуться ли къ Ѳедору? — вдругъ пришло въ голову джигиту.

Но мысль была совсѣмъ глупою. Для чего онъ вернется? Чтобы заявить о своемъ поступкѣ?

А главное—онъ чувствовалъ, что сбился съ дороги, что выбраться онъ скоро не можетъ на караванную тропинку. Голодъ давалъ о себѣ знать весьма сильно. Даже ружье не было захвачено!.. нечѣмъ будетъ застрѣлить хоть какую нибудь птицу.

Между тѣмъ наступила ночь. Лошадь, окончательно обезсиленная, легла, не найдя себѣ никакой пищи, пить ей также не давали съ самаго ранняго утра.

Взошла луна. По землѣ побѣжали голубыя тѣни, барханы и кусты колючихъ растеній приняли какія-то фантастическія очертанія.

Мучимый голодомъ, Шукуръ не могъ найти себѣ мѣста; онъ то садился, то вытягивался во весь ростъ на пескѣ, то ходилъ взадъ и впередъ... Ему казалось, что изъ-за каждаго бугорка смотрятъ черные глаза уруса, а караванъ-баши, въ бѣлой рубашкѣ

съ кровавымъ пятномъ на груди, машетъ рукой и какъ будто зоветъ къ себѣ.

Вдругъ, дремавшій конь быстро вскочилъ на ноги, навострилъ уши и звонко захрапѣлъ. Потомъ моментально повернулся и кинулся въ сторону, ломая на пути кусты джузгеновъ. Въ ту же минуту два волка промчались мимо испуганнаго и озадаченнаго Шукура.

Топотъ становился все менѣе и менѣе слышенъ, и скоро опять наступила мертвая тишина. Луна также спокойно и величественно стояла на чистомъ небѣ. Барханы точно дремали, затянутые голубоватой дымкой.

Джигитъ стоялъ какъ окаменѣлый. Его глаза смотрѣли все туда, гдѣ исчезла лошадь... Послѣдняя надежда на спасеніе пропала!

XIII.

Жаркій день. Все оцѣпенѣло подъ знойнымъ, убивающимъ все живое, солнцемъ. Воздухъ горячій, раскаленный. Небо сѣрое. Пески огромными неподвижными волнами уходятъ вдаль и сверкаютъ своими крутыми склонами.

Какъ разъ на припекѣ лежитъ Шукуръ. Онъ не помнитъ, сколько дней бродитъ здѣсь, стараясь какъ нибудь попасть на торную тропинку.

Силы окончательно ему измѣнили. Муки жажды доводили до отчаянья; за каплю воды онъ готовъ бы былъ отдать жизнь! Губы растрескались, языкъ казался какимъ-то деревяннымъ, совершенно сухимъ. Онъ лизалъ себѣ вспотѣвшія руки, въ надеждѣ этимъ хоть нѣсколько освѣжиться, но все напрасно!

Синій халатъ давилъ плечи, сталъ тяжелымъ и былъ сброшенъ гдѣ-то уже давно... Въ одномъ оборванномъ бѣльѣ, исхудалый до невозможности, джигитъ казался выходцемъ съ того свѣта: глаза сдѣлались огромными, окружились черной каймой, кожа какъ бы присохла къ костямъ, щеки ввалились...

Вдругъ Шукуръ вскочилъ: ему послышалось журчаніе ручья. Черезъ силу взобрался онъ на барханъ и взглянулъ въ даль. Нечеловѣческій крикъ радости вырвался изъ груди.

Да, дѣйствительно, вонъ тамъ, недалеко, сверкаетъ огромное озеро. Дальніе холмы отражаются въ его кристальныхъ струяхъ. А, кромѣ того, за этимъ кустомъ шумитъ ручей. Онъ слышитъ очень ясно.

Боже! Скорѣе туда!

Спотыкаясь на каждомъ шагу, онъ пустился бѣгомъ, не желая терять ни одной секунды. Голыя распухшія ноги тонули въ горячемъ пескѣ, но это ничего! сейчасъ будетъ вода, сейчасъ можно напиться, освѣжить свое горло...

Шукуръ спѣшилъ, шагалъ. Вотъ и тотъ огромный кустъ краснаго джузгена, который, какъ было видно, долженъ стоять на самомъ берегу, но воды нѣтъ. Должно быть, опять сбился съ дороги.

Джигитъ собралъ послѣднія силы и снова взобрался на ближній барханъ, чтобы оглядѣть мѣстность. Вода исчезла, кругомъ раскрывалась перспектива сыпучихъ песковъ, и ничего больше. Въ отчаяніи Шукуръ схватилъ себя за голову и громко зарыдалъ. Все кончено, смерть близка!

Обезсиленный онъ впадаетъ въ забытье. Ему представилась Хива съ разноцвѣтными старинными башнями. Вотъ тѣнистый садикъ Мустафы, вотъ бассейнъ, обсаженный карагачами. На берегу стоитъ Юлдузъ и снимаетъ свою легкую одежду, собираясь купаться... Боже, какъ похорошѣла за это время ненаглядная красавица!

Шукуръ застоналъ.

Юлдузъ освѣжилась, беретъ кувшинъ, зачерпываетъ воды и подходитъ къ джигиту.—«На, вотъ, напейся, мой милый!» И съ какою любовью она смотритъ въ потухающіе глаза несчастнаго своего поклонника.—«Пей и скорѣе возвращайся! Мы уѣдемъ отъ старика Мустафы, уѣдемъ въ Коканъ! Пей на здоровье!» Какая холодная вода! Живительная струя льется въ пересохшее горло. Шукуръ протягиваетъ руки, чтобы схватить кувшинъ, чтобы не отрывали его отъ горячихъ губъ, и... просыпается.

Прямо въ глаза бьетъ свѣтъ яркій, невыносимый! Во рту—огонь, въ груди—тоже. Голова какъ будто хочетъ разлетѣться отъ страшной боли.

Какая-то тѣнь пронеслась близко надъ лицомъ, обдала легкимъ вѣтеркомъ. Вотъ она опять набѣжала.

Шукуръ сдѣлалъ усиліе, чтобы сообразить, въ чемъ дѣло, и понялъ, что надъ нимъ кружатся два степныхъ орла. Обманутые неподвижностью тѣла, они приняли его за трупъ и уже давно спускались съ высоты большими кругами; наконецъ, убѣдившись, что лежитъ въ самомъ дѣлѣ мертвецъ, и что можно поживиться, оба хищника готовы были сѣсть, какъ вдругъ мнимый трупъ зашевелился.

Шукуръ приподнялся. Онъ понялъ, что орлы почуяли добычу; но защититься у него уже не хватаетъ силъ. Неужели ему, еще живому, выклюютъ глаза? Боже, что дѣлать?...

Слабыя руки уперлись въ песокъ; тѣло сначала качнулось на одну сторону и потомъ медленно сползло къ подножію бархана. Здѣсь недалеко стоитъ кустъ тальника; можно доползти какъ нибудь до него и укрыться отъ солнца и птицъ; по крайней мѣрѣ, возможно спрятать лице подъ вѣтки, которыя касаются почвы.

Съ большимъ трудомъ передвинулся Шукуръ въ зеленую тѣнь.

Какъ разъ противъ него, весь малиновый, съ огромнымъ ко-

личествомъ розовыхъ колючихъ плодовъ, стоялъ вѣтвистый кустъ кизилъ-джузгена.

Онъ чувствовалъ себя, повидимому, очень хорошо, погрузивши длинные корни въ раскаленный песокъ. Для него мертвящій жаръ ничего не значилъ.

Лежа неподвижно, джигитъ сталъ смотрѣть на это странное растеніе. Онъ уже ни о чемъ не думалъ. Прошлое не отличалось отъ настоящаго. Всѣ страданія прекратились, даже желаніе жить изсякло.

Вдругъ кустъ джузгена началъ двигаться. Какъ живыя, заколыхались ярко-красныя вѣтки, закачалась верхушка.

Шукуръ этому уже не могъ удивляться. Онъ апатично наблюдалъ, что будетъ дальше.

Нѣтъ, это—не кустъ, это—караванъ-баши. Вонъ краснѣетъ огромное кровавое пятно на его бѣлой рубашкѣ. Какъ попалъ сюда убитый? Развѣ онъ могъ догнать джигита?

Между тѣмъ, зарѣзанный сартъ подходитъ все ближе и ближе, какъ-то странно присѣдая; онъ то становится очень маленькимъ, то раздувается въ огромную фигуру. Глаза смѣются, ротъ открытъ; онъ хохочетъ тихо, вздрагивая всѣмъ своимъ тѣломъ.

Подойдя къ Шукуру, караванъ-баши сразу отскакиваетъ въ сторону и указываетъ пальцемъ на какую-то другую тѣнь, которая прячется за нимъ.

Нѣтъ, это не тѣнь, а урусъ. Глазъ его не видно, черные волосы закрываютъ все лицо... Черепъ покрытъ красной корой запекшейся крови. На бородѣ и усахъ тоже висятъ алыя сосульки... Дорожная блуза вся испачкана красными пятнами...

Урусъ держитъ въ правой рукѣ пачку бумажныхъ денегъ и подаетъ ихъ Шукуру, а караванъ-баши продолжаетъ смѣяться, то съеживаясь, то расширяясь.

Джигитъ не можетъ поднять руки, даже не въ состояніи пошевельнуть пальцемъ, онъ только ждетъ, что будетъ дальше.

Урусъ близко наклонился къ Шукуру и надвинулъ на его голову свою раскрытую дорожную сумку. Стало темно... душно... воздуха не хватаетъ... дышать нечѣмъ... Слышно, какъ смѣется караванъ-баши и кладетъ свою холодную руку на голую грудь затрепетавшаго убійцы... Боже, какъ сильно давитъ!..

Вдругъ что-то страшное почувствовалъ Шукуръ. Онъ какъ будто сталъ падать въ темную, огромную яму... Все смѣшалось, завертѣлось... Кругомъ, точно густыя, черныя облака стали охватывать его со всѣхъ сторонъ, надвигаться... и, какъ молнія, сверкнуло сознаніе, что все кончено!...

Изъ-подъ опавшей листвы тальника выскользнула большая ящерица. Она сѣраго цвѣта, съ длиннымъ хвостомъ и розовыми

бакенбардами, изрѣзанными по краямъ, на подобіе бахромы. Огромная пасть открыта, животное усиленно дышетъ.

Ящерица возвращается съ очень неудачной охоты: ни одного насѣкомаго не удалось поймать, все попряталось отъ жары. Разсерженная она рѣшается немного отдохнуть около своей норки и возобновить поиски, когда солнце станетъ садиться. Но что это? Тамъ, гдѣ должно находиться убѣжище всей семьи ящерицъ, лежитъ человѣкъ... Храбрый охотникъ хотѣлъ было улизнуть поскорѣе, пока есть время, однако тѣло не двигается, опасаться очень не стоитъ...

Мало этого, на голой груди человѣческаго тѣла помѣстилась хвостатая подруга ящерицы!... Она сидитъ очень важно и поглядываетъ свѣтлыми глазками, какъ бы приглашая и своего супруга занять мѣсто около себя.

Черезъ минуту обѣ расположились надъ сердцемъ Шукура, которое уже не билось. Надъ краснымъ кустомъ джузгена низко летали два степныхъ орла.

XIV.

Опять свѣтитъ луна, но ужъ не полная, а какая-то урѣзанная. Слабый, мерцающій свѣтъ озаряетъ небольшую долинку, между песчаными холмами. Подъ кустомъ тальника, раскинувши руки, лежитъ на спинѣ трупъ. Мутные, сморщенные глаза смотрятъ прямо передъ собою; вѣки полузакрыты. Верхняя почернѣвшая губа нѣсколько приподнята и видны бѣлые крѣпкіе зубы.

По гребню бархана гуськомъ бѣгутъ пять штукъ шакаловъ. Вдругъ переднiй остановился, насторожилъ уши, поднялъ острую мордочку. Онъ почуялъ запахъ разлагающагося тѣла и радостно взвизгнулъ. Ему отвѣтили тѣмъ же его спутники и всѣ, помахивая пушистыми хвостами, стали спускаться въ долинку.

Передовой остановился, сѣлъ... Сѣли и остальные. Въ двухъ шагахъ виднѣлось тѣло... Жалобные звуки, похожіе на плачъ больнаго ребенка, огласили пустыню, шакалы затянули погребальный концертъ.

Набѣжавшее темное облако закрыло луну, и густая мгла затянула все... Не стало видно ни трупа, ни шакаловъ...

Н. Сорокинъ.

ИЗЪ БУМАГЪ ГЕНЕРАЛА И. С. ЖИРКЕВИЧА.

ПРИ РАЗБОРѢ бумагъ дѣда моего, генерала Жиркевича [1]), я нашелъ нѣсколько набросанныхъ имъ замѣтокъ, имѣющихъ несомнѣнный бытовой и историческій интересъ, которыя и привожу здѣсь въ томъ видѣ, какъ онѣ записаны самимъ дѣдомъ.

I.

Въ 1837 году, я былъ вызванъ въ Петербургъ въ коммиссію для разсмотрѣнія проектовъ объ управленіи государственными имуществами. Коммиссія состояла изъ нѣсколькихъ губернаторовъ; предсѣдательствовалъ въ ней генералъ Киселевъ.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я видѣлся съ генералъ-губернаторомъ Дьяковымъ. Государь уже выѣхалъ въ Вознесенскъ и оттуда проѣхалъ черезъ Одессу и Чернымъ моремъ

---

[1]) И. С. Жиркевичъ родился въ 1789 году; въ составѣ гвардейской артиллеріи сдѣлалъ всѣ походы противъ Наполеона. Затѣмъ, былъ адъютантомъ у графа Аракчеева; въ послѣдніе годы службы состоялъ сначала симбирскимъ, а потомъ витебскимъ губернаторомъ. Печатаемыя замѣтки относятся ко времени его пребыванія въ Витебскѣ. Жиркевичъ умеръ въ 1848 году, оставивъ послѣ себя обширные мемуары, которые печатались въ «Русской Старинѣ» въ періодъ 1874—1890 годовъ. Служба въ гвардіи, дружба съ многими историческ[illegible] лицами и благоволеніе императора Николая дали Жиркевичу возможность видѣть и знать много интереснаго, а въ Витебскѣ онъ принималъ участіе въ дѣлѣ присоединенія уніатовъ, къ которому и относится приводимый здѣсь разговоръ его съ Блудовымъ.

въ Грузію. Въ Петербургъ государь вернулся 9-го декабря. Генералъ Дьяковъ, разсказывая о предположенномъ государемъ вояжѣ, сообщилъ мнѣ: «Вотъ какъ дѣла дѣлаютъ! Государь сперва не хотѣлъ ѣхать въ Одессу, говоря, что онъ не можетъ видѣть Содома и Гоморры. Дали подъ рукой знать Воронцову. Тотъ прискакалъ въ Петербургъ, и государь будетъ въ Одессѣ». Не знаю, справедливо ли это, но послѣдствія оправдали настоянія Воронцова, который въ Одессѣ былъ осыпанъ милостями, а жена его пожалована статсъ-дамою.

По пріѣздѣ, я посѣтилъ министра внутреннихъ дѣлъ Блудова, который принялъ меня съ особенной благосклонностью. Поблагодаривъ за Симбирскую губернію, Блудовъ насчетъ Витебской сказалъ:

— Я удивляюсь вамъ, любезный Иванъ Степановичъ, какъ вы всегда дѣйствуете въ превратномъ противу другихъ положеніи! Я еще ни отъ кого не слыхалъ, чтобы кто похвалилъ Витебскую губернію. Ваши замѣчанія меня вполнѣ радуютъ, и тѣмъ болѣе, что мои мнѣнія согласуются вполнѣ съ вашими. Между прочимъ, скажите мнѣ откровенно ваше мнѣніе насчетъ политическаго характера обывателей этой губерніи. Какими глазами они смотрятъ на распоряженія нашего правительства?

— Скажу вамъ откровенно, ваше высокопревосходительство,— отвѣчалъ я:—что всѣ усилія раздражить дворянъ Витебской губерніи тщетою своею доказываютъ спокойствіе оной. Я не слѣпъ! Знаю, что въ такъ называемыхъ Инфлендскихъ уѣздахъ [1]) есть дома 3—4, душою преданныхъ польскому дѣлу. Но эти лица всѣ наперечетъ и, дорожа болѣе имуществомъ своимъ, нежели призракомъ свободы, они осторожно и молчкомъ сидятъ у себя дома. Но есть у меня одинъ Лепельскій уѣздъ, гдѣ множество дворянъ преисполнены польскаго духа. По обыкновенному своему легкомыслію, они много, иногда даже черезчуръ много, болтаютъ; но ни одинъ изъ нихъ не подымется ни на какія возстанія иначе, какъ если буря, по несчастію, дойдетъ до нихъ самихъ, чего и ожидать невозможно. Прочіе же уѣзды всѣ, если можно такъ сказать, обрусѣли совершенно. Но дѣйствія мѣстнаго православнаго духовенства [2]) напомнили имъ прежнюю отчизну, которая почти у всѣхъ вышла изъ памяти, и я признаюсь, что въ послѣднія 6—7 лѣтъ, не будь частыхъ голодныхъ годовъ, послѣдствія могли бы быть важныя!.. Витебскій крестьянинъ—не человѣкъ [3]). Онъ ни чувствъ,

---

[1]) Рѣжецкій, Люцинскій, Динабургскій и Дриссенскій уѣзды Витебской губерніи.

[2]) Въ своихъ мемуарахъ Жиркевичъ доказываетъ, что православное духовенство въ западныхъ губерніяхъ, въ эпоху присоединенія уніатовъ, часто злоупотребляло своей властью и значеніемъ.

[3]) Жиркевичъ, очевидно, хотѣлъ сказать, что витебскій крестьянинъ забитъ и неразвитъ.

ни религія не имѣетъ. Слушаетъ всякаго, кто передъ его глазами. Ксендзъ, чиновникъ, помѣщикъ, дѣйствуютъ имъ, какъ машиною, и я могу удостовѣрить ваше высокопревосходительство, что въ теперешнемъ положенія крестьянина прикажи ему не только перейти въ православіе, но и въ магометанство, онъ и это безпрекословно сдѣлаетъ, и опомнится въ новомъ законѣ только тогда, когда его накормятъ. Не было примѣровъ, чтобы занимались религіозными вопросами, когда въ животѣ вмѣсто хлѣба—древесная кора и мохъ, какъ у витебскаго крестьянина. Накормятъ его, говорю я, и онъ сочтетъ это благимъ послѣдствіемъ перемѣны и навсегда подчинится оной. Я не знаю и не понимаю, что такъ много церемонятся съ ними...

— Какъ же вы предполагаете докончить присоединеніе уніатовъ?—спросилъ меня Блудовъ.

— Всѣхъ вдругъ, однимъ разомъ, и рѣшительно безъ всякихъ колебаній.

— Но что же заговорятъ объ этомъ за границей?!

— Неужели вы думаете, ваше высокопревосходительство, что теперь ничего не говорятъ и не пишутъ? Всѣ наши проволочки, нерѣшительность, колебанія, даютъ только поводъ газетчикамъ и недоброжелающимъ намъ правительствамъ лаять на насъ шавками... Мы, вмѣсто того, чтобы презирать и не обращать вниманія на этотъ лай, какъ сильное и могущественное правительство, останавливаемся, прислушиваемся и, страшно вымолвить, какъ будто боимся!!... Кому нужна унія? Ровно никому! Развѣ только одному Риму, да и ему она безполезна и даже въ тягость, ибо денегъ туда не отправляетъ—не изъ чего. Остаются однѣ хлопоты, которыя могутъ поссорить съ такимъ лицомъ, со стола котораго часто перепадаютъ крупинки, служащія для другихъ цѣлымъ обѣдомъ. Быть можетъ, и весьма вѣроятно, папа поворчитъ въ секретномъ конклавѣ, а потомъ и замолчитъ. Неужели какое нибудь правительство будетъ серьезно обращать вниманіе на ворчанье или даже на гнѣвъ папы?!

— Но попы уніатскіе, наконецъ, всѣ католики, будутъ ли молчать?!

— Точно также! Съ ними-то и нужно дѣйствовать напрямикъ. Изъ поповъ найдутся упорные: человѣка два-три. Переведите ихъ для вида въ другія губерніи или въ другіе приходы, и, по прибытіи ихъ туда, приходовъ имъ не давайте, а замѣните двойной или тройной пенсіей и все дѣло пойдетъ своимъ чередомъ.

— Мы и думали это сдѣлать, но все опасались потрясеній... Ваши теперешнія слова меня много подвинули впередъ. Скажу вамъ одну важную новость: на дняхъ состоялся здѣсь указъ, что всѣ церковныя дѣла уніатовъ подчиняются непосредственно канцеляріи оберъ-прокурора святѣйшаго синода. Вмѣстѣ съ этимъ мы хотимъ поднять нѣсколько уніатскихъ епископовъ. Вашему Лужин-

скому думаемъ дать ленту. Какъ вы полагаете, хорошо ли мы дѣлаемъ и въ нашемъ ли духѣ онъ будетъ дѣйствовать?

— Я ручаюсь за него,—отвѣчалъ я:—Смарагдъ [1]) только что не билъ его, а ругалъ и въ глаза, и за глаза нестерпимо... И вдругъ Лужинскій получитъ такую награду, которая возвыситъ его въ глазахъ тѣхъ, которые, быть можетъ, были не разъ свидѣтелями его униженій!.. Я увѣренъ, что это будетъ ему великой радостью.

— Мы предполагали еще,—добавилъ министръ:—повремени нѣсколько, предложить уніатскимъ священникамъ черезъ ихъ архіереевъ присоединеніе съ оставленіемъ имъ прежней ихъ одежды и тѣхъ допущеній, которыя уже вкрались въ ихъ обряды богослуженія отъ католицизма.

Я замѣтилъ Блудову, что это слѣдуетъ допустить только современемъ.

II.

Кромѣ Блудова, я посѣтилъ Клейнмихеля, бывшаго въ это время дежурнымъ генераломъ и находившагося до конца октября или начала ноября въ отъѣздѣ съ государемъ. На другой же день по пріѣздѣ Клейнмихеля, я, соблюдая военный порядокъ, отправился къ нему для представленія. Пріѣхалъ въ 9 часовъ утра. Въ пріемной комнатѣ нашелъ ординарцевъ и дежурнаго адъютанта, сидѣвшаго въ углу съ книгою, обернувшись рѣшительно ко всѣмъ спиною. Подойдя къ нему, спросилъ: «Принимаетъ ли генералъ?»—Получилъ въ отвѣтъ: «Принимаетъ». Просилъ доложить о себѣ; мнѣ отвѣтили: «Здѣсь не докладываютъ! Генералъ кончитъ свои занятія—самъ выйдетъ!» Нечего дѣлать, пришлось дожидаться. Впродолженіе часа времени прибыло еще человѣкъ 5 генераловъ, въ полной формѣ, какъ и я. Между ними я встрѣтилъ короткаго моего пріятеля, Боклеса, начальника штаба внутренней стражи. На вопросъ послѣдняго: «Давно ли дожидаюсь?»—отвѣтилъ: «Болѣе часу!» — «Всегда одно и то же свинство!—замѣтилъ Боклесъ:—ждешь иногда часа по два, а выйдетъ—ни слова не скажетъ... А дѣлать нечего, должно ждать!» Мы прождали еще съ ½ часа. Наконецъ Клейнмихель вышелъ. Не обращая вниманія ни на кого, кромѣ меня, котораго тотчасъ узналъ, взялъ меня за руку и повелъ въ свой кабинетъ. Войдя туда, обнялъ меня и припомнилъ старую нашу службу вмѣстѣ при графѣ Аракчеевѣ. Посадивъ меня подлѣ себя на диванъ, Клейнмихель началъ мнѣ разсказывать, что онъ возвратился только вчера изъ вояжа и сильно утомился; жалѣлъ, что не можетъ познакомить меня съ своей женою, которая только что родила, о чемъ онъ узналъ въ Смоленскѣ; хвалилъ дорогу по Витебской губерніи, выразившись: «Видно, что тутъ хозяинъ управ-

[1]) Архіепископъ полоцкій и виленскій—Смарагдъ Крыжановскій.

ляетъ; совсѣмъ не то, что въ Псковской губерніи, гдѣ ѣдешь, кажется, все по горбамъ Пещурова» [1]). Далѣе, Клейнмихиль спросилъ, знакомъ ли я съ Пещуровымъ, и, получивъ въ отвѣтъ, что мы вмѣстѣ теперь засѣдаемъ въ комитетѣ, замѣтилъ: «Хитеръ старикъ и низкопоклончивъ: отъ того и спина вся въ горбахъ!»— Сталъ еще разспрашивать о Муравьевѣ и Гамалѣѣ, другихъ моихъ сотрудникахъ въ комитетѣ, и всячески старался добиться моего о нихъ мнѣнія. Потомъ обратилъ разговоръ на генералъ-губернатора Дьякова, упомянулъ, что онъ вовсе дѣла не понимаетъ, и что его просто можно назвать «штемпелемъ», который прикладываетъ свою подпись, какъ печать, не зная самъ, зачѣмъ и для чего. На замѣчаніе мое, что Дьяковъ благородный человѣкъ и если не ознакомился еще съ дѣлами, то, всетаки, ими занимается, во все вникаетъ самъ и здраво судитъ, Клейнмихель отвѣтилъ мнѣ, что спорить со мною не хочетъ, но что говоритъ, какъ самъ его понимаетъ, и въ проѣздъ черезъ Смоленскъ видѣлся тамъ съ губернаторомъ Рославцевымъ, человѣкомъ ему вполнѣ знакомымъ и благороднымъ, который показалъ ему нѣкоторыя бумаги, писанныя не только глупо, но даже дерзко, къ человѣку новому, слѣдовательно, еще не заслужившему нареканій, и отъ этого Рославцевъ уже просится вонъ. За симъ Клейнмихель разспрашивалъ меня подробно о Витебской губерніи; вспомнилъ свою стоянку тамъ въ 1831 году во время польскаго возмущенія, не оставилъ безъ разспросовъ или своихъ замѣчаній ни одного изъ тамошнихъ значительныхъ лицъ, коснулся Смарагда и присоединенія уніатовъ... Однимъ словомъ, говорилъ со мной, какъ государственный человѣкъ, испытывающій меня въ малѣйшихъ подробностяхъ. Провожая меня, Клейнмихель сказалъ, что надѣется со мною еще часто видѣться, и простился, какъ старый пріятель. Черезъ два дня государь вызвалъ его въ Москву, и мы съ нимъ свидѣлись уже въ декабрѣ, послѣ пожара Зимняго дворца, новая постройка котораго была на него возложена. Я обѣдалъ у него и познакомился съ его женою.

III.

Работы коммиссіи по управленію государственными имуществами первоначально происходили въ IV-мъ Отдѣленіи собственной его величества канцеляріи, и первое присутствіе открылъ самъ Киселевъ. Пробывъ съ нами отъ восьми часовъ утра до четырехъ по полудни, онъ прочелъ намъ въ этотъ день исторію учрежденій управленія казенными крестьянами въ Россіи съ самаго начала и до настоящаго времени. Это изложеніе было составлено начальни-

[1]) Въ то время псковскій губернаторъ былъ дѣйствительно горбатый.

комъ отдѣленія, статскимъ совѣтникомъ Клоковымъ, и заключало въ себѣ болѣе 600 писанныхъ листовъ. Государь въ Москвѣ, возвращаясь съ Кавказа, имѣлъ терпѣніе прочесть этотъ фоліантъ отъ доски до доски, и, какъ разсказывалъ намъ Киселевъ, прибывъ къ государю часу въ десятомъ, онъ засталъ его уже при послѣднихъ страницахъ. Государь сказалъ ему: «Смотри, съ четвертаго часа за твоимъ дѣломъ: все прочелъ!» Потомъ тѣмъ же Клоковымъ читаемы были намъ ежедневно, отъ восьми до трехъ часовъ, справки новаго положенія, и каждый пунктъ онаго обсуждался присутствующими въ самыхъ рѣзкихъ и, можно сказать, даже предосудительныхъ выраженіяхъ, такъ что меня удивляло терпѣніе г. Клокова!..

Въ перерывѣ одного изъ засѣданій, Киселевъ разсказывалъ мнѣ, что когда въ прошломъ году, по докладу его, государь подписалъ указъ о томъ, чтобы раздачу арендъ пріостановить на пять лѣтъ, въ тотъ же самый день государь, по докладу Канкрина, подписалъ другой указъ о назначеніи мнѣ аренды. Киселевъ спросилъ его, какого указа держаться. Государь же отвѣтилъ: «Самъ разсуди!» И Киселевъ поддержалъ мою выгоду: я получилъ аренду.

IV.

Въ этотъ же пріѣздъ мой въ Петербургъ, я часто видѣлся съ моимъ двоюроднымъ братомъ, Алекс. Мих. Гедеоновымъ, директоромъ императорскихъ театровъ.

Гедеоновъ разсказывалъ мнѣ, что когда до Петербурга дошли слухи о волненіи удѣльныхъ крестьянъ въ Симбирской губерніи [1]), то князь Волконскій, увидѣвшись съ нимъ, сказалъ: «Ну, хорошъ же твой хваленый братецъ! Какую кутерьму надѣлалъ!» Гедеоновъ полагалъ, что я навѣрно пропалъ и буду смѣщенъ съ должности губернатора. Но на другой день Блудовъ и Бенкендорфъ совершенно его успокоили, объявивъ, что государь, прочтя донесеніе мое, выразился: «Молодецъ! онъ все устроитъ!»

Гедеоновъ же, вернувшись изъ дворца, разсказалъ мнѣ однажды: «О тебѣ былъ сейчасъ разговоръ у государя. Онъ изволилъ отозваться: «Вотъ у меня такъ губернаторъ! Но только его надо каждый день обливать холодной водою! Горячъ до неимовѣрности!»»

V.

Для представленія государю я былъ въ штабѣ у гр. Чернышова, и онъ приказалъ при мнѣ сдѣлать объ этомъ докладную

---

[1]) См. въ «Русской Старинѣ», 1890 года, іюль, описаніе усмиренія губернаторомъ Жиркевичемъ бунта Лашманъ.

записку, а на другой день я получилъ отъ него письмо, что «государь императоръ, не имѣя теперь свободнаго времени, меня принять для представленія ему не можетъ, а когда улучитъ свободное время, то дастъ знать о томъ прямо отъ себя».

Наканунѣ новаго года, поутру, въ десять часовъ, пріѣхалъ ко мнѣ прямо отъ государя фельдъегерь и словесно объявилъ мнѣ, что «государь проситъ меня пожаловать къ нему въ 12 часовъ утра въ Аничковъ дворецъ». Когда я пріѣхалъ туда, то нашелъ уже другихъ губернаторовъ, а именно: курскаго — Муравьева, смоленскаго — кн. Трубецкаго, волынскаго—Попова и костромскаго — Приклонскаго. Тутъ же я увидѣлъ статсъ-секретаря Лонгинова, который со всею любезностью упрекалъ меня за то, что я до сихъ поръ у него не былъ, и грозился со мною разсориться за это. Мы прождали до двухъ часовъ. Въ это время прибылъ еще генералъ-губернаторъ Эссенъ, митрополитъ Серафимъ и все почетнѣйшее духовенство изъ Троицко-Сергіевской лавры и Невскаго монастыря. При этомъ случаѣ узналъ я впервые объ обыкновеніи нашихъ монарховъ принимать поздравленіе съ новымъ годомъ и молитвы на сей день отъ духовенства не въ самый день, то-есть 1-го января, а наканунѣ.

Вышелъ камердинеръ его величества и, обратясь къ намъ, губернаторамъ, сказалъ: «Государь проситъ извинить, что сегодня онъ не можетъ принять гг. губернаторовъ. Очень сожалѣетъ, что отнялъ у нихъ время, которое, конечно, они могли бы употребить съ бо̀льшей пользою. Но въ оправданіе свое онъ беретъ ихъ же въ свидѣтели, на сколько онъ занятъ, и проситъ пожаловать къ нему въ воскресенье, 2-го числа, во время обѣдни, и послѣ оной онъ ихъ первыхъ къ себѣ допуститъ».

Въ новый годъ, на Эрмитажной половинѣ Зимняго дворца, я имѣлъ счастье на общемъ представленіи облобызать руку императрицѣ, которая, по докладѣ ей моего имени, изволила сказать: «Вы—недавно въ Витебскѣ, а прежде были въ Симбирскѣ». Тутъ же я встрѣтилъ пріятное себѣ напоминаніе по Симбирску, а именно бывшаго до меня губернатора Загряжскаго, который уже пріѣзжалъ ко мнѣ и, не заставъ меня дома, просилъ доложить объ его ко мнѣ пріѣздѣ, съ поясненіемъ, что билета онъ мнѣ не оставляетъ, ибо пріѣзжалъ ко мнѣ не съ визитомъ, а съ благодареніемъ.

Затѣмъ, тутъ же я встрѣтилъ симбирскаго губернскаго предводителя дворянства Бестужева и жандармскаго окружнаго генерала графа Апраксина, котораго я въ Симбирскѣ ни разу не видѣлъ, ибо онъ жилъ въ Казани и оттуда завѣдывалъ своею частью по Симбирску. Вотъ слова Апраксина: «Завидую, ваше превосходительство, славѣ вашей по Симбирску! У меня сыновей нѣтъ— одна дочь, а потому могу имѣть желаніе, чтобы хоть одинъ внукъ мой былъ столько счастливъ своей репутаціей, сколько досталось

на долю вашу въ Симбирскѣ! Тамъ нѣтъ ни одного лица, которое не вспомнило бы о васъ безъ сокрушенія!.. Преемникъ вашъ не по васъ пошелъ!»

Съ новымъ симбирскимъ губернаторомъ **Хомутовымъ** я видѣлся въ день своего представленія у Блудова. Онъ ругалъ губернію и тамошнее дворянство и укорялъ меня, что я ввелъ его въ большое заблужденіе на ихъ счетъ. Само собою разумѣется, что я, оправдываясь, защищалъ ихъ. Послѣ узналъ я, что и губернія, и дворяне, Хомутову отплатили взаимность сторицею.

Въ воскресенье, едва мы успѣли собраться во дворецъ, государь прежде всѣхъ призвалъ къ себѣ сибирскаго генералъ-губернатора кн. **Горчакова**, стариннаго моего сослуживца, съ которымъ я не видѣлся болѣе 20-ти лѣтъ, потомъ новаго генералъ-кригсъ-коммиссара **Храпачева**. Прошло съ 1/4 часа, и насъ позвали. Мы стали въ томъ же порядкѣ, какъ сказано выше. Государь прежде всѣхъ обратился къ **Муравьеву**:

— Что это значитъ, Муравьевъ, что ты просишь увольненія?

— Слабость здоровья вынуждаетъ, государь, — отвѣтилъ тотъ, видимо изнуренный болѣзнью.

— Не согласенъ я на это, — возразилъ его императорское величество: — возьми отпускъ на годъ, если нужно! Я отпущу тебя въ Россію, за границу — куда хочешь, а въ отставку не выпущу (Муравьевъ поклонился). Я вчера получилъ просьбу отъ брата твоего [1]),—продолжалъ государь:—просьбу такого рода, въ которой я не привыкъ никому отказывать. Онъ **дурачится**: это прямое мое слово о его поступкѣ. Что онъ скоро вышелъ въ люди, этому я нѣсколько виною; я за него и отвѣчать долженъ отечеству, а онъ — мнѣ! Я былъ недоволенъ его корпусомъ — что дѣлать! Ему слѣдовало потерпѣть: дѣло бы уладилось въ свою пору. Онъ не выдержалъ, прислалъ просьбу объ отставкѣ, а я ему сегодня и далъ ее! Еще разъ прошу тебя, напиши ему, что онъ сдѣлалъ большое дурачество!

Обратившись къ кн. **Трубецкому**, государь сказалъ:

— Я слышалъ, князь, что ты недоволенъ переводомъ въ Смоленскъ?!..

— Я, государь, готовъ служить, гдѣ вамъ будетъ угодно,—отвѣчалъ Трубецкой.

— И я полагаю, что такъ и должно быть! Служить — такъ служить вездѣ, а не по выбору!... Но я постигнуть не могу, что такъ сильно привязываетъ тебя къ Харькову?

— Воспитаніе дѣтей, государь: тамъ университетъ и болѣе способовъ къ ученью, нежели въ другомъ мѣстѣ.

— И это неправда!—сказалъ государь:—Смоленская губернія

---

1) Николай Николаевичъ Муравьевъ—командиръ гренадерскаго корпуса.

смежна съ Москвою — только рукой подать, и ты всегда можешь быть тамъ. Ты знаешь, мы съ тобою—свои. Если ты желаешь помѣстить своихъ дѣтей куда на воспитаніе, ты всегда могъ обратиться прямо ко мнѣ. Что у тебя—сыновья или дочери?

— Я болѣе думаю теперь о сыновьяхъ,—сказалъ Трубецкой.

— Какихъ лѣтъ они и куда ты ихъ думаешь?

— Одному четырнадцать, а другому — двѣнадцать лѣтъ. Я бы просилъ, государь, помѣстить ихъ въ пажи.

— Въ пажи? Такихъ нѣтъ! Это дóлжно прежде справиться, могутъ ли быть тотчасъ приняты. Дочерей всѣхъ, сколько есть, давай! Я поручу ихъ женѣ моей. Теперь поговоримъ о губерніи, куда я тебя назначилъ. Для Смоленска собственно мы много сдѣлали, и городъ въ большомъ порядкѣ; нужно только его поддерживать. Дворянство тамъ — ко всему доброму расположенное; нужно умѣть только имъ руководить и распоряжаться, и тебѣ немного будетъ хлопотъ!

— Ну, Жиркевичъ! А ты какъ поживаешь?—сказалъ государь, подойдя ко мнѣ: — мы давно уже съ тобою не видѣлись!

— Въ это время, государь,—отвѣчалъ я:—на мою душу легло столько долгу благодарности за ваши милости, что я не найду словъ ее выразить!...

— За что?!—сказалъ государь:—я благодарю тебя! Я доволенъ твоей службою... Продолжай служить, какъ служилъ до сихъ поръ!... Но что у тебя Полоцкъ? Поправляется?!

— Я скоро послѣ пожара выѣхалъ изъ губерніи, и ничего не могу сказать объ этомъ.

— Гдѣ же ты былъ все это время?

— Здѣсь, въ комитетѣ, подъ предсѣдательствомъ генерала Киселева, объ устройствѣ управленія казенными крестьянами...

— Мнѣ Киселевъ сказалъ, что это дѣло уже кончено...

— Точно, государь, о западныхъ губерніяхъ кончено надняхъ, и я скоро отправляюсь въ губернію.

— Съ Богомъ! Но смотри, чтобы Полоцкъ былъ **русскимъ** городомъ!... Онъ и прежде былъ русскимъ...

— Скоро вы ѣдете къ вашему мѣсту?—спросилъ государь **Попова**.

— Дня черезъ три или четыре.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Въ вашей губерніи жиды много шалятъ! Я сейчасъ съ графомъ Бенкендорфомъ читалъ записку о новыхъ ихъ продѣлкахъ... Поѣзжайте, уймите ихъ!...

Со всѣми нами государь говорилъ съ кроткимъ выраженіемъ лица, а тутъ принялъ серьезный видъ и только спросилъ **Приклонскаго**: «А какъ идутъ работы Ипатьевскаго монастыря?» [1]).

---

[1]) Ходили слухи, что Приклонскій, подъ чужимъ именемъ, вошелъ въ подрядъ на работы по этому монастырю; дополнительныя смѣты слѣдовали одна

Тотъ замѣтно оробѣлъ, сталъ отвѣчать что-то; но государь, не дождавшись конца его рѣчи, поклонился намъ и вышелъ. Черезъ нѣсколько времени, весьма скоро, Приклонскій былъ смѣненъ.

Выйдя на лѣстницу, ведущую изъ бель-этажа внизъ, мы стали спрашивать стоявшаго на лѣстницѣ лакея, куда идти въ покои къ наслѣднику. — «Къ вашимъ услугамъ, — перебилъ наши разспросы самъ цесаревичъ, всходившій къ намъ на встрѣчу:— позвольте мнѣ васъ проводить къ себѣ!» Мы пошли вслѣдъ за его высочествомъ. Въ корридорѣ повстрѣчалась какая-то дама пожилыхъ лѣтъ. Великій князь, съ утонченной вѣжливостью, поцѣловалъ у нея руку и проводилъ нѣсколько шаговъ мимо насъ. Потомъ, когда мы взошли въ покои, по предварительному докладу черезъ адъютанта **Кавелина** фамиліи каждаго изъ насъ, цесаревичъ сказалъ всякому нѣсколько привѣтливыхъ словъ: «Вы, ваше превосходительство, до Витебска были, кажется, въ Симбирскѣ? Я слыхалъ о васъ!» Затѣмъ, раскланявшись, обратился ко всѣмъ съ извиненіемъ, что крайне сожалѣетъ, что время не дозволяетъ ему долѣе заняться съ нами, ибо онъ имѣетъ свой назначенный часъ у государя и опасается, что уже пропустилъ оный, но имѣетъ достаточно уважительную причину къ извиненію себя—наше посѣщеніе.

Передъ отъѣздомъ я представлялся великой княгинѣ **Еленѣ Павловнѣ**. Она, между прочимъ, спрашивала меня, правда ли, что генералъ **Дьяковъ** все еще боленъ (очевидно, разумѣя его ипохондрію). Я отвѣчалъ, что послѣднее извѣстіе о немъ имѣлъ благопріятное. «Но часто ли возобновляются у него припадки этой болѣзни, ломота ноги и подагра?»—спросила великая княгиня.— «Возобновляются», — отвѣчалъ я, съ уклончивостью отъ прямаго отвѣта.

И. С. Жиркевичъ.

за другой; работы производились небрежно и изъ худаго матеріала; рабочихъ совсѣмъ не разсчитывали. Жаловались губернатору: тотъ, конечно, бралъ сторону подрядчика, то-есть свою. Все это стало извѣстнымъ и было доложено государю.

ЕКАТЕРИНИНСКІЙ ВРЕМЕНЩИКЪ.

Въ минувшемъ году, 5-го октября, исполнилось ровно сто лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ среди глухой Бессарабской степи, подъ открытымъ небомъ, умеръ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей Екатерининскаго царствованія, человѣкъ, втеченіе 18-ти лѣтъ пользовавшійся почти неограниченной властью, ни до, ни послѣ него никѣмъ не достигнутою. Въ жизни и характерѣ его долгое время многое представлялось загадочнымъ. Современные ему писатели, одержимые извѣстною страстью того вѣка дѣлать изъ исторіи своего времени хронику придворныхъ скандаловъ, постарались загромоздить біографію Потемкина массою разсказовъ анекдотическаго характера, въ которыхъ крайне трудно, а иной разъ и совершенно невозможно, разграничить правду отъ лжи.

Но исторія на многое смотритъ иначе, чѣмъ современники. Въ настоящее время мы уже можемъ составить себѣ представленіе о Потемкинѣ гораздо болѣе близкое къ дѣйствительности, чѣмъ то, которое находимъ въ панегирикахъ и памфлетахъ прошлаго и начала этого вѣка [1]).

---

[1]) 5-го октября прошлаго года, въ годовщину смерти Потемкина, вышла біографія его, написанная профессоромъ Брикнеромъ. Это чуть ли не первая монографія о знаменитомъ временщикѣ, въ которой собранъ весь обширный, въ послѣднее время такъ разросшійся, историческій матеріалъ. Въ нашемъ краткомъ очеркѣ мы главнымъ образомъ основывались на этомъ трудѣ.

Эпоха полновластныхъ временщиковъ, которая является въ нашей исторіи почти весь XVIII вѣкъ, получила, можно сказать, завершеніе въ лицѣ Потемкина, наиболѣе ясно воплотившаго въ себѣ главныя черты «полудержавныхъ властелиновъ», десятки лѣтъ державшихъ въ рукахъ судьбы нашего отечества. Такимъ завершителемъ является онъ и по той мѣрѣ власти, которою былъ облеченъ, и по тому ничѣмъ неограниченному произволу, съ которымъ ею пользовался, придавая исполненію своихъ личныхъ причудъ и капризовъ не меньшее значеніе, чѣмъ важнѣйшимъ государственнымъ интересамъ. На ряду съ этимъ, однако, и въ характерѣ, и въ дѣлахъ этого человѣка было много такого, что заставляетъ насъ удѣлить ему особое мѣсто, признать его стоящимъ несравненно выше многочисленныхъ фаворитовъ того времени, обязанныхъ своимъ возвышеніемъ заслугамъ скорѣе личнаго, чѣмъ государственнаго характера.

Сынъ небогатаго помѣщика Смоленской губерніи, Потемкинъ еще съ раннихъ лѣтъ, на ряду съ выдающимися способностями, отличался непомѣрнымъ честолюбіемъ и страстью къ разнаго рода грандіознымъ проектамъ. Въ его дѣтскихъ мечтахъ то мелькала мысль, что онъ будетъ министромъ, добьется высокихъ чиновъ и почестей, то представлялось ему, что онъ приметъ постриженіе, сдѣлается архіереемъ, а то и митрополитомъ, и будетъ «командовать попами»; въ иную же минуту онъ мечталъ собрать огромныя богатства, скупить гдѣ нибудь массу домовъ, снести ихъ всѣ и построить чудовищныхъ размѣровъ дворецъ. Поступивъ, послѣ переселенія матери (отецъ его умеръ рано) въ Москву, въ гимназію при университетѣ, онъ вначалѣ напряженно занимался. Его дарованія и успѣхи обратили на себя вниманіе начальства, и вскорѣ Потемкинъ въ числѣ лучшихъ учениковъ удостоивается чести быть представленнымъ государынѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Но тутъ сказалась черта характера, которую мы и потомъ часто замѣчаемъ у Потемкина. Страстно предавшись какой нибудь мысли, онъ вначалѣ всѣ свои старанія употребляетъ на достиженіе цѣли, потомъ, однако, вдругъ охладѣваетъ къ своей мечтѣ, впадаетъ въ хандру, или же всѣ свои силы сразу устремляетъ на что либо другое. Такъ было и теперь. Онъ бросаетъ занятія наукою, по цѣлымъ днямъ не выходитъ изъ дому, запоемъ читая разныя «душеспасительныя» книги, и, наконецъ, исключается изъ числа учениковъ «за лѣность и нехожденіе». Достигнувъ такого результата на научномъ поприщѣ, Потемкинъ рѣшается посвятить себя военной службѣ. Онъ добываетъ кое-какія средства, переѣзжаетъ въ Петербургъ, и здѣсь поступаетъ въ гвардію, въ которой, какъ тогда водилось, онъ былъ записанъ чуть ли не съ тринадцати лѣтъ.

Это случилось въ 1761 году.

Время было какъ разъ очень счастливое для человѣка, только

и жаждавшаго того, чтобы выдвинуться. При дворѣ происходила борьба двухъ партій, причемъ гвардія поддерживала ту, во главѣ которой стояла молодая великая княгиня, а вскорѣ императрица, Екатерина Алексѣевна, быстро съумѣвшая окружить себя толпою горячихъ приверженцевъ. Потемкинъ примкнулъ къ этой партіи, и при переворотѣ 26-го іюня ему удалось обратить на себя вниманіе монархини. Всѣ знаютъ разсказъ о темлякѣ, благодаря которому будто бы молодой сержантъ сдѣлался лично извѣстенъ государынѣ; но случай этотъ, хотя, какъ говорили, разсказанный впослѣдствіи самимъ княземъ, едва ли вполнѣ достовѣренъ: по крайней мѣрѣ, вѣрность его отрицаетъ родной племянникъ Потемкина. Такъ или иначе, однако, первый шагъ къ единственному тогда возможному возвышенію былъ сдѣланъ. Государыня запомнила Потемкина и отзывалась объ его участіи въ государственномъ переворотѣ въ томъ смыслѣ, что онъ «направлялъ все благоразумно, смѣло и дѣятельно». Бывшій сержантъ былъ произведенъ въ подпоручики и камеръ-юнкеры, получилъ денежное вознагражденіе и, что для него было важнѣе всего, доступъ ко двору.

Существуютъ различные разсказы о томъ, какъ воспользовался Потемкинъ этимъ дозволеніемъ. Одинъ современникъ разсказываетъ, что, «стараясь нравиться императрицѣ, онъ ловилъ ея взгляды, вздыхалъ, имѣлъ дерзновеніе дожидаться въ коридорѣ и, когда она проходила, упадалъ на колѣни и, цѣлуя ей руку, дѣлалъ нѣкотораго рода изъясненія» и т. д. Другой сообщаетъ, что онъ забавлялъ государыню своимъ умѣньемъ поддѣлываться подъ чужой голосъ и этимъ будто бы заслужилъ ея расположеніе. Третій приводитъ факты, свидѣтельствующіе, что главною его цѣлью было оттѣсненіе братьевъ Орловыхъ: на это были направлены всѣ его усилія, но они не увѣнчались успѣхомъ, и въ придачу еще однажды Григорій и Алексѣй Орловы страшно избили его палками. Къ величайшему отчаянію своему, Потемкинъ въ это время лишился еще и одного глаза, какимъ именно образомъ — неизвѣстно: одни винили въ томъ дѣлѣ Орловыхъ, другіе всю вину сваливали на неумѣлыя припарки какого-то мужика-знахаря (по преданію, того же самаго, который изобрѣлъ знаменитый напитокъ «Ерофеичъ»). Потемкинъ захандрилъ, заперся безвыѣздно и сталъ, какъ въ дѣтствѣ, подумывать о постриженіи. Отъ этого рѣшенія его удержала сама императрица.

Потемкинъ опять остается при дворѣ, медленно подвигаясь вверхъ по лѣстницѣ чиновъ и почетныхъ должностей; онъ послѣдовательно производится въ поручики, камергеры, отчисляется по особой волѣ императрицы ко двору и, наконецъ, назначается опекуномъ отъ иновѣрцевъ въ «Большую Коммиссію» 1767 года. Мало извѣстно вообще о жизни Потемкина за эти пять лѣтъ, но мы видимъ, что за все это время императрица благоволитъ къ нему,

держитъ его при дворѣ, хотя пока еще не считаетъ нужнымъ или не находитъ возможнымъ облекать его властью. Честолюбивый нравъ будущаго свѣтлѣйшаго князя Таврическаго не могъ выносить такого положенія. Ему хотѣлось поскорѣе выдвинуться чѣмъ нибудь, заставить говорить о себѣ и добиться, наконецъ, желанной цѣли.

Въ это время какъ разъ шла война съ Турціей, одна изъ наиболѣе славныхъ, когда либо веденныхъ нами. Григорію Александровичу пришла мысль принять въ ней участіе, чтобы добытою на полѣ битвы славою обратить на себя большее вниманіе. Онъ пишетъ государынѣ прошеніе, въ которомъ проситъ снять съ себя обязанности опекуна, чтобы онъ могъ «для славы ея величества кровь пролить» на войнѣ. Онъ получаетъ дозволеніе и поступаетъ въ армію «волонтиромъ».

Дѣйствія его на войнѣ были удачны, по крайней мѣрѣ, по донесеніямъ фельдмаршала Румянцева, онъ разбилъ турокъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ, принималъ участіе въ главныхъ сраженіяхъ, причемъ иногда отличался, взялъ въ плѣнъ нѣсколько судовъ турецкихъ и т. д. Пробывъ около года на войнѣ, Потемкинъ въ 1770 году возвращается въ Петербургъ, но лишь на короткое время. Между нимъ и государыней происходятъ какіе-то переговоры, о содержаніи которыхъ намъ почти ничего неизвѣстно. Мы знаемъ лишь, что съ этихъ поръ онъ состоитъ съ нею въ перепискѣ.

Проходитъ еще два года съ небольшимъ, въ теченіе которыхъ Потемкинъ принимаетъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Онъ получаетъ чинъ генералъ-маіора, потомъ генералъ-поручика. Не военные подвиги, однако, должны были выдвинуть его, а обстоятельства совершенно иного рода.

Въ концѣ 1773 года Потемкинъ получилъ небольшое собственноручное письмо Екатерины. Выражая здѣсь свою увѣренность въ полной преданности ей Григорія Александровича, государыня просила его «попустому не вдаваться въ опасности» и не заниматься черезчуръ «глазѣньемъ на Силистрію». Заключалось письмо слѣдующими словами:

«Вы, читавъ сіе письмо, можетъ статься, сдѣлаете вопросъ: къ чему оно писано? На сіе вамъ имѣю отвѣтствовать: къ тому, чтобы вы имѣли подтвержденіе моего образа мыслей о васъ, ибо я всегда къ вамъ весьма доброжелательна».

Получивъ это письмо, Потемкинъ тотчасъ уѣхалъ изъ арміи и въ началѣ 1774 года былъ уже въ Петербургѣ.

Въ его судьбѣ произошла рѣшительная перемѣна.

Императрица чувствовала необходимость въ близости преданнаго человѣка. Внутреннія дѣла въ государствѣ въ это время приняли плохой оборотъ: въ народѣ недовольство, бунты, въ придворномъ кругу постоянныя интриги; молодой государынѣ положи-

тельно не на кого было опереться. Въ Потемкинѣ она предполагала создать себѣ такого рода опору. Григорій Александровичъ тотчасъ послѣ пріѣзда былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ и повышенъ въ чинъ генералъ-аншефа.

Новый генералъ-адъютантъ сталъ однимъ изъ лицъ, которыхъ чаще всего можно было встрѣтить при дворѣ. Онъ почти постоянно находился при особѣ императрицы, бывалъ съ нею въ театрѣ, часто бесѣдовалъ съ нею и, по словамъ современницы, «постоянно дежурилъ у нея вмѣсто другихъ». Почести, одна за другой, посыпались на фаворита, оттершаго отъ двора всѣхъ прежнихъ любимцевъ. Непріятнѣе всего происшедшая перемѣна должна была отразиться на братьяхъ Орловыхъ, до сихъ поръ пользовавшихся наибольшимъ вліяніемъ при дворѣ. Вражда между Потемкинымъ и Орловыми существовала уже раньше, но тогда первый долженъ былъ уступить. Теперь судьба перемѣнилась. Гр. Алексѣй Орловъ находился съ эскадрою на югѣ, а князю Григорію не подъ силу было отстаивать свое прежнее положеніе. По поводу отношеній обоихъ фаворитовъ, бывшаго и настоящаго, разсказывался при дворѣ слѣдующій анекдотъ. Однажды, какъ-то случилось, что Потемкинъ подъѣхалъ ко дворцу какъ разъ въ то время, когда князь Орловъ собирался уходить. На лѣстницѣ, ведущей въ покои государыни, оба соперника встрѣтились. Потемкинъ, смущенный неожиданной встрѣчей и не зная, о чемъ заговорить, обратился къ князю съ привѣтомъ и спросилъ его: «Нѣтъ ли чего новаго при дворѣ?» — «Ничего,—отвѣчалъ сухо Орловъ:—только вы поднимаетесь, а я опускаюсь».

Всѣ болѣе или менѣе важныя дѣла государственныя мало по малу сосредоточились въ рукахъ Потемкина. Возведенный въ графское достоинство по случаю заключенія выгоднаго мира съ Турціею, назначенный генералъ-губернаторомъ Новороссійской губерніи, а затѣмъ и вице-президентомъ военной коллегіи, онъ сдѣлался первымъ лицомъ въ государствѣ. Императрица не скупилась на награды своему любимцу: кромѣ значительныхъ денежныхъ подарковъ, онъ получилъ и всѣ почти русскіе ордена. Могущество фаворита обратило на него вниманіе иностранныхъ дворовъ. Короли шведскій, датскій, прусскій и польскій посылаютъ Потемкину черезъ своихъ довѣренныхъ лицъ высшіе знаки отличій; австрійскій императоръ возводитъ его въ князья Священной Римской имперіи. Потемкинъ достигъ цѣли своихъ желаній. Въ средѣ придворной его окружало полное раболѣпіе, сами бывшіе его соперники льстили ему во всемъ; университетъ, не такъ давно исключившій его, посвящалъ ему вирши на латинскомъ языкѣ, поэты Сумароковъ и Херасковъ славили его какъ своего Мецената, а нѣкій протоіерей Алексѣевъ даже сочиненный имъ «Церковный словарь» счелъ за лучшее посвятить и преподнести его сіятельству.

Недюжинная натура князя наиболѣе ясно сказывается въ той дѣятельности, изумительной по своему разнообразію, которую онъ проявлялъ въ это время, когда казался современникамъ совершенно поглощеннымъ погонею за почестями и придворными интригами.

Оставаясь вдали отъ театра военныхъ дѣйствій, Потемкинъ, все-таки, напряженно слѣдилъ за ходомъ дѣлъ на немъ, онъ завѣдывалъ отправкою новыхъ полковъ и руководилъ мирными переговорами. Его настойчивости Екатерина впослѣдствіи приписывала успѣшное заключеніе мира при Кучукъ-Кайнарджи, чуть ли не единственнаго въ нашей многовѣковой борьбѣ съ Турціею, гдѣ дѣйствительно русская дипломатія достигла намѣченныхъ ею цѣлей. Онъ принималъ участіе въ вопросахъ финансоваго управленія, подавалъ совѣты и составлялъ докладныя записки по поводу Пугачевскаго бунта, крестьянскихъ волненій и т. п. Наиболѣе интересовали его, однако, вопросы внѣшней политики, и изъ нихъ особенно вопросъ восточный.

Екатерининское царствованіе было временемъ, когда ожили и сильно заявили о себѣ интересы Россіи на Востокѣ. Оживилась память о частыхъ просьбахъ единовѣрцевъ нашихъ на Балканскомъ полуостровѣ прійти имъ на помощь, содѣйствовать ихъ освобожденію; вспомнили планы Петра Великаго и памятный своимъ печальнымъ исходомъ походъ его; стали съ большею настойчивостью стремиться къ осуществленію тѣхъ плановъ относительно сѣвернаго побережья Чернаго моря, которые уже со временъ Іоанна Грознаго питались нашимъ правительствомъ. Кучукъ-Кайнарджійскій миръ, крайне выгодный для Россіи и богатый по своимъ результатамъ, остановился какъ бы на полпути. Татарскія области на сѣверѣ Чернаго моря были отняты у Турціи, но не были присоединены и къ Россіи: онѣ оставались въ какомъ-то неопредѣленномъ положеніи, колеблющемся между русскимъ и турецкимъ вліяніемъ, чтò не могло, конечно, продолжаться долго. Отношенія къ единовѣрцамъ нашимъ, славянамъ и грекамъ, въ особенности же къ дунайскимъ княжествамъ, оставались также неопредѣленными: въ мирныхъ условіяхъ было установлено, и притомъ въ весьма неясныхъ чертахъ, лишь право покровительства Россіи ея единовѣрцамъ.

На этомъ, конечно, нельзя было остановиться; эта мысль представлялась наиболѣе ясно Потемкину. Еще будучи на первой турецкой войнѣ,—разсказываетъ намъ его племянникъ (Самойловъ),—онъ неоднократно вспоминалъ о походахъ первыхъ князей на Царьградъ, сравнивалъ татаръ съ половцами, разсуждалъ о тѣхъ путяхъ, которыми теперь Россія могла бы прійти къ осуществленію своихъ вѣковыхъ стремленій. У него уже въ это время былъ составленъ планъ отдѣлить татаръ отъ турокъ и привести Крымъ

и всѣ турецкія крѣпости сѣвернаго побережья Чернаго моря подъ власть Россіи. «Тогда,—разсуждалъ онъ,—Новороссія будетъ вся въ нашихъ рукахъ, и мы будемъ, наконецъ, послѣ столькихъ вѣковъ покойны на счетъ нашихъ южныхъ границъ. Черное море будетъ въ нашихъ рукахъ, оно будетъ нашимъ моремъ и отъ насъ будетъ зависѣть, захотимъ ли мы запирать ходъ туркамъ, кормить ли ихъ или морить съ голоду». Фантазія князя разъигрывалась и далѣе, и принимала подчасъ довольно причудливыя формы. Онъ видѣлъ уже цѣлый рядъ богатыхъ торговыхъ городовъ и военныхъ портовъ по всему сѣверному побережью Чернаго моря. Русскій флагъ гордо развѣвается и на цитаделяхъ крѣпостей, и на массѣ грозныхъ военныхъ фрегатовъ и торговыхъ кораблей, покрывающихъ море. Русскія суда безпрепятственно плаваютъ повсюду, проходятъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы въ Средиземное море, всюду разнося славу русскаго имени и накопляя въ родной сторонѣ огромныя богатства. На мѣстѣ татарскихъ улусовъ, гдѣ собирались шайки грабителей, втеченіе вѣковъ безпокоившія русскія предѣлы, глазамъ его представлялись многолюдные города съ прекрасными зданіями, гдѣ вмѣсто мечетей возвышаются православные храмы, величіемъ и блескомъ затмевающіе величайшія произведенія западнаго искусства. Планы, или, вѣрнѣе, мечты князя не останавливались ни передъ чѣмъ. «Порта,—думалъ онъ,—покорится нашему оружію. Единовѣрцамъ нашимъ послѣ долгаго рабства, наконецъ, будетъ возвращена свобода. Царьградъ, колыбель православія, снова станетъ столицею христіанскаго государства, и надъ Св. Софіею будетъ сіять крестъ вмѣсто полумѣсяца». Послѣдняя мысль до того ясно представлялась ему, что при рожденіи великаго князя Константина Павловича по его плану была выбита медаль, на которой изображался Софійскій храмъ въ Константинополѣ и звѣзда, озарявшая своими лучами Черное море: какъ самъ Потемкинъ, такъ и императрица, были убѣждены, что носитель имени послѣдняго византійскаго императора будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ обновителемъ Греческой имперіи и положитъ въ ней основаніе новой династіи.

Прежде всего Потемкинъ рѣшилъ обратить вниманіе свое на Новороссію, но и здѣсь планы его принимали нѣсколько фантастическій характеръ. Весь край предполагалось заселить массою выходцевъ изъ Балканскаго полуострова: сербовъ, болгаръ, грековъ, румынъ и др. Центромъ этой населенной области предполагалось сдѣлать большой городъ на правой сторонѣ Днѣпра. Въ городѣ долженъ былъ основаться университетъ, куда могла бы стекаться массами молодежь изъ Польши, Греціи, Румыніи и т. д. Эта столица Новороссійскаго края должна была украситься массою великолѣпныхъ зданій: предполагались «судилища на подобіе древнихъ базиликъ», лавки «на подобіе Пропилей въ Аѳинахъ», музы-

кальная консерваторія и двѣнадцать огромныхъ фабрикъ, для самыхъ различныхъ производствъ: шерстянаго, шелковаго, суконнаго и т. д. Пространство города было опредѣлено въ триста квадратныхъ верстъ, для пастбищъ городскаго скота предназначалось до восьмидесяти тысячъ десятинъ, улицы предполагались шириною въ 30 саженей. Въ самомъ центрѣ города долженъ былъ находиться храмъ, по внѣшнему виду схожій съ храмомъ св. Петра въ Римѣ, но только,—фантазіи князя подчасъ были довольно странныя,—на аршинъ выше этого послѣдняго.

Таковы были мечты и планы, роившіеся въ головѣ этого «князя Тьмы», какъ называетъ его современный памфлетъ, котораго тогда и позже весьма многіе считали человѣкомъ исключительно преданнымъ мелочному честолюбію, обжорству и всевозможнымъ инымъ порокамъ. Личное честолюбіе, правда, играло не маловажную роль во всѣхъ этихъ планахъ, и не совсѣмъ неправы какъ современники, такъ и новѣйшіе историки, подозрѣвавшіе, что Потемкинъ мечталъ о царскомъ вѣнцѣ для себя въ томъ государствѣ, которое онъ предполагалъ создать силою русскаго оружія. Нельзя, однако, не придать большаго значенія тому обстоятельству, что въ сущности главная часть этихъ плановъ, особенно, что касается сѣвернаго побережья Чернаго моря, отношеній къ славянамъ Балканскаго полуострова и пр., носятъ характеръ далеко не личный: ихъ выработало съ давнихъ временъ наше народное самосознаніе, и они въ той или другой формѣ сказывались какъ задолго до Потемкина, такъ и не разъ послѣ него.

Надѣясь дѣйствительно достигнуть исполненія своихъ начертаній, Потемкинъ внимательно слѣдилъ за ходомъ русской политики и за событіями на Востокѣ. Преданные агенты доносили ему обо всемъ, что дѣлалось въ дунайскихъ княжествахъ, на Кавказѣ, въ Грузіи, Персіи и Константинополѣ. Князь состоялъ въ секретной перепискѣ съ посломъ нашимъ въ Константинополѣ, сообщавшимъ ему о настроеніи умовъ въ столицѣ османли; по его плану составлялись записки о нападеніи на Дарданеллы, завладѣніи Очаковымъ и т. д.

Обращая вниманіе на дѣятельность князя въ это время, мы во многомъ можемъ уяснить себѣ характеръ его. Во всѣхъ его планахъ видна погоня за грандіознымъ, выходящимъ изъ ряду, причемъ мало обращается вниманія на близкое, на тѣ мелочи, безъ которыхъ ничто не можетъ быть достигнуто. Когда эти планы приходилось приводить въ исполненіе, мелочи, упущенныя изъ виду, давали себя знать, тормозили ходъ дѣла и зачастую выводили изъ себя князя, разсчитывавшаго на быстрое исполненіе своихъ замысловъ. Размашистая натура Потемкина, любившаго строить гигантскіе планы, не имѣла достаточно настойчивости для приведенія ихъ въ исполненіе. Поэтому, рьяно принявшись сначала за дѣло,

онъ въ концѣ концовъ довольствовался какимъ либо чисто внѣшнимъ успѣхомъ и переходилъ къ чему нибудь новому.

Была и еще одна черта въ характерѣ его, которая не могла не отразиться на его дѣятельности: твердая вѣра въ себя и въ свое счастіе, лишь въ рѣдкія минуты покидавшая его. Онъ былъ увѣренъ въ своемъ всегдашнемъ счастіи, называлъ себя enfant gâté de Dieu, которому нечего опасаться какихъ бы то ни было опасностей. Когда въ 1785 году ко двору былъ приближенъ Ермоловъ, и всѣ прихлынули къ этому новому любимцу, оставивъ совершенно безъ всякаго вниманія Потемкина, паденіе котораго ожидалось съ часу на часъ, князь и не думалъ о томъ, чтобы ему могла угрожать какая нибудь опасность. Французскій дипломатъ графъ Сегюръ напомнилъ князю о ней и получилъ отвѣтъ такого рода: «Я знаю,—сказалъ ему Потемкинъ:—про меня говорятъ, что я погибну. Не безпокойтесь: меня не погубитъ этотъ мальчикъ, и вообще нѣтъ никого, кто бы осмѣлился это сдѣлать. Я слишкомъ презираю моихъ враговъ, чтобы бояться ихъ». Князь былъ правъ. Прошло нѣсколько времени, Ермоловъ былъ удаленъ, и прежняя власть снова находилась въ рукахъ Потемкина. Та же самоувѣренность высказывалась временщикомъ и въ виду опасностей чисто стихійнаго характера, которыхъ личными усиліями нельзя было устранить. Когда на глазахъ его взлетѣлъ на воздухъ со всѣмъ экипажемъ корабль, на который онъ только что хотѣлъ сѣсть, онъ съ вполнѣ серьезнымъ видомъ обратился къ сопровождавшему его австрійскому военно-дипломатическому агенту, принцу де-Линю, и сказалъ съ увѣренностью и той набожностью, которою онъ любилъ иногда щеголять: «То же самое воспослѣдовало бы и съ нами, но небо оказываетъ мнѣ особенную милость и печется денно и нощно о моемъ сохраненіи». Другой разъ, осаждая Бендеры, Потемкинъ въ первой линіи лично указывалъ, гдѣ слѣдуетъ заложить осадныя батареи. Турки узнали его, масса орудій была направлена на то мѣсто, гдѣ онъ стоялъ, причемъ одно ядро упало недалеко отъ князя и забросало его землею. Онъ вполнѣ спокойно замѣтилъ: «Турки цѣлятъ въ меня», постоялъ еще нѣкоторое время на томъ мѣстѣ и медленно проѣхалъ потомъ по линіи, не обращая никакого вниманія на учащенные выстрѣлы. Эта увѣренность въ своемъ счастіи, доходившая до фатализма, по временамъ прерывалась въ характерѣ князя мгновенными, всегда непродолжительными приступами меланхоліи, хандры. По временамъ онъ, повидимому, тяготился своимъ положеніемъ, сознавалъ, что власть его основана на шаткой почвѣ, что вся она покоится на одномъ лишь, можетъ быть, временномъ расположеніи государыни. Отъ этихъ же мыслей, или же отъ пресыщенія властью, часто, по его собственному выраженію, на него «черною тучею находила грусть», онъ впадалъ въ полнѣйшее уныніе. Въ такія минуты онъ затворялся въ своемъ

кабинетѣ, приказывалъ не допускать до себя никого, ничего не дѣлалъ, лежалъ на софѣ въ халатѣ, босой и нечесанный, и лишь грызъ ногти и потиралъ лобъ. Такія минуты, однако, быстро проходили, и онъ спѣшилъ вознаградить себя за нихъ потворствомъ разнаго рода причудамъ, приходившимъ ему въ голову. Тѣшась раболѣпствомъ окружавшихъ его, онъ позволялъ себѣ неслыханныя вещи. Находясь при войскѣ въ качествѣ главнокомандующаго, онъ то посылалъ своихъ адъютантовъ въ Парижъ за башмаками для Прасковьи Андреевны Потемкиной, то цѣлыми десятками разсылалъ своихъ курьеровъ въ разныя стороны: за огурцами въ Сибирь, за сладкимъ тѣстомъ въ Калугу и т. д., а то еще залпомъ изъ сотенъ орудій приказывалъ торжествовать побѣду надъ сердцемъ одной изъ своихъ многочисленныхъ возлюбленныхъ. Сюда же относятся его роскошныя празднества и пиры, гдѣ иногда одно какое либо блюдо стоило тысячи, а на фейерверкахъ число ракетъ считалось сотнями тысячъ.

Вся Европа говорила о подобныхъ затѣяхъ князя, которыя досужая фантазія разнаго рода памфлетистовъ увеличивала еще до самыхъ грандіозныхъ размѣровъ. Можемъ указать одинъ изъ такихъ разсказовъ, который характеризуетъ ихъ всѣхъ. По словамъ одного иностранца-современника, во время путешествій князя впереди ѣхалъ всегда англичанинъ-садовникъ съ шестью стами помощниковъ. Если князю хотѣлось гдѣ нибудь отдохнуть, онъ отдавалъ приказаніе англичанину, и тотъ съ невѣроятною быстротою разбивалъ садъ въ англійскомъ вкусѣ, даже если бы остановка продолжалась не дольше дня. Однако же, многое изъ того, что разсказывалось про прихоти временщика, пожалуй, даже большинство разсказовъ, было вполнѣ справедливо, и враги его имѣли за себя очень много фактовъ, утверждая, что Потемкинъ только и дѣлаетъ, что «дуритъ, обжирается и дѣлаетъ проказы, нимало съ его саномъ несообразныя».

Глубоко ошибались, однако, тѣ, которые думали, что этимъ ограничивалось все времяпровожденіе фаворита. Прикрываясь этимъ вѣчнымъ праздникомъ, вѣчнымъ пиршествомъ и всякаго рода затѣями, Потемкинъ въ то же время былъ неутомимо дѣятеленъ по различнымъ вопросамъ внутренней и внѣшней политики и усердно старался о приведеніи въ исполненіе тѣхъ своихъ начертаній, о которыхъ мы говорили выше.

Дѣятельность его въ началѣ почти исключительно была направлена на устроеніе Новороссійскаго края, подчиненнаго его управленію. Вся эта мѣстность въ половинѣ семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка представляла собою безлюдную пустынную степь, немногіе жалкіе поселки которой въ одинаковой степени терпѣли отъ набѣговъ татаръ и не менѣе ихъ любившихъ пограбить запорожцевъ. Кое-гдѣ по этой степи были разбросаны небольшія крѣ-

постцы съ довольно разношерстнымъ составомъ гарнизоновъ: главную массу ихъ составляли выходцы изъ Сербіи, Болгаріи, Греціи и др. странъ Балканскаго полуострова.

Однимъ изъ первыхъ дѣлъ Потемкина было уничтоженіе Запорожской Сѣчи, теперь уже ненужной для защиты нашихъ границъ отъ татаръ. Самъ князь былъ сторонникомъ казаковъ, онъ предпочиталъ ихъ всякому другому конному войску, и впослѣдствіи его обвиняли даже въ желаніи всю конницу превратить въ казаковъ. Въ данномъ случаѣ онъ, однако, считалъ совершенно невозможнымъ дольше оставить Сѣчь, въ которой смута смѣняла смуту. Запорожцы были весьма запуганы этими планами и отправили къ Потемкину, который самъ былъ записанъ въ сѣчевыхъ казакахъ подъ именемъ «Грицка Нечеса», депутацію, во главѣ которой находился полковой старшина Головатый.

Головатый тотчасъ явился къ князю и подалъ ему проектъ о реформѣ Сѣчи, могшій бы внести больше порядка въ ея внутреннее управленіе. Потемкинъ выслушалъ рѣчь Головатаго, бумаги его съ проектомъ бросилъ въ уголъ и сказалъ довольно сердито:

— «Право! Не можно вамъ оставаться. Вы крѣпко расшалились и ни въ какомъ видѣ не можете уже принести пользы. Вотъ ваши добрыя и худыя дѣла».

При этихъ словахъ онъ сунулъ Головатому толстую тетрадь, въ которой одни противъ другихъ были размѣщены всѣ хорошія и худыя дѣла Запорожскаго войска. Головатый посмотрѣлъ въ тетрадь и потомъ о ней отзывался слѣдующимъ образомъ: «Все было написано вѣрно, никакое обстоятельство изъ обоихъ дѣйствій не осталось скрытымъ или ослабленнымъ, но писарь-то хитрый какую штуку придумалъ? Худыя дѣла Сѣчи написалъ строка отъ строки пальца въ два словами величиною въ воробьевъ, а что добраго сдѣлала Сѣчь, то было написано часто и мелко, точно макомъ усыпано. Отъ того наши худыя дѣла занимали больше мѣста, нежели добрыя». Головатый, конечно, здѣсь выражался гиперболически. Черезъ нѣсколько дней старшина опять зашелъ къ Потемкину, но было уже поздно: все было сдѣлано. Полковникъ Текелли, по порученію князя, овладѣлъ безъ выстрѣла всѣми укрѣпленіями Сѣчи и положилъ конецъ вольному устройству Запорожья. Потемкинъ встрѣтилъ Головатаго словами: «Все кончено. Текелли доноситъ, что исполнилъ полученіе. Пропала ваша Сѣчь». Головатый какъ громомъ былъ пораженъ этою вѣстью и, не помня себя, съ горечью замѣтилъ: «Пропали же и вы, ваша свѣтлость!» — «Что ты врешь?—закричалъ на него Потемкинъ:—и притомъ,—разсказывалъ Головатый,—такъ взглянулъ на меня, что я на лицѣ его ясно прочелъ мой маршрутъ въ Сибирь и потому крѣпко струсилъ. Надо было поспѣшить смягчить гнѣвъ всемогущаго вельможи, и я, не смотря на сильную горесть, поразившую

меня, скоро нашелся и отвѣчалъ ему: «Вы же, батьку, вписаны у насъ казакомъ; такъ коли Сѣчь уничтожена, то и ваше казачество кончилось».—«То-то же, ври, да не завирайся!»—сердито сказалъ князь. Депутаты, вскорѣ послѣ этого, были переименованы въ армейскіе чины и отпущены. Большая часть запорожцевъ была принята въ дѣйствующую армію, въ войско «вѣрныхъ черноморскихъ казаковъ», и потомъ они не разъ во время войны оказывали большія услуги главнокомандующему.

Вторымъ важнымъ дѣломъ Потемкина въ первые же годы управленія южнымъ краемъ было присоединеніе Крыма, событіе первостепенной важности въ исторіи распространенія владѣній Россіи на югѣ. Что этотъ шагъ давно уже входилъ въ програму дѣйствій Потемкина, мы видѣли выше.

Въ это же время шли дѣятельно работы по водворенію порядка въ Новороссіи. На сѣверномъ берегу Чернаго моря, у устья Днѣпра, былъ основанъ Херсонъ, куда черезъ два года по закладкѣ перваго строенія уже ходили корабли съ грузомъ и подъ русскимъ флагомъ; здѣсь селились колонисты изъ разныхъ краевъ, частью сербы и волохи, частью русскіе старообрядцы; строились храмы, присутственныя мѣста, фабрики. Не прошло и восьми лѣтъ съ начала управленія Потемкина въ южномъ краѣ, какъ онъ уже представлялъ совсѣмъ иной видъ. Тамъ, гдѣ простиралась пустынная степь, гдѣ очень недавно лишь кое-гдѣ виднѣлись разсѣянныя на большомъ разстояніи другъ отъ друга избушки, теперь, проѣзжая изъ Кременчуга въ Херсонъ, путешественникъ встрѣчалъ цѣлый рядъ селеній, отстоявшихъ другъ отъ друга не далѣе двадцати, тридцати верстъ. Въ самомъ Херсонѣ находилось, ежедневно увеличивавшееся, множество каменныхъ зданій, крѣпость съ цитаделью, адмиралтейство съ строившимися или уже построенными кораблями; около крѣпости простиралось обширное предмѣстье съ домами купечества и мѣщанъ и казармами, вмѣщавшими до 10,000 солдатъ. На островкѣ въ лиманѣ, находившемся противъ города, находился карантинъ, у котораго постоянно толпилась масса греческихъ купеческихъ кораблей. Немало должны были возбуждать изумленіе современниковъ и другіе вновь построенные города: Николаевъ и особенно же Екатеринославъ, который съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе росъ и украшался. Многіе города, правда, были еще только въ зачаточномъ состояніи. Путешественники встрѣчали такіе изъ нихъ, гдѣ не было улицъ, или были улицы, но безъ домовъ, дома же безъ крышъ, безъ дверей и и безъ оконъ; работа, однако, шла дѣятельно, и эти города мало по малу получали приличный видъ. На Днѣпрѣ, въ нижней части его теченія, шло довольно оживленное судоходство. Для облегченія его Потемкинъ думалъ взорвать Ненасытецкіе пороги, но это благое намѣреніе привело къ довольно печальному результату: взрывъ

только загромоздилъ русло рѣки новыми обломками камней. Въ степи во многихъ мѣстахъ разводились виноградники, рощи и цѣлые лѣса; въ городахъ учреждались школы, даже началось возводиться зданіе для Екатеринославскаго университета, въ который изъ-за границы были приглашены нѣкоторые преподаватели; строились фабрики и мастерскія.

Новоприсоединенный Крымъ подъ управленіемъ Потемкина также принялъ совершенно иной видъ. Татарскіе города и деревни исчезли, и на мѣстѣ ихъ появились зданія европейскаго образца, русское населеніе и т. д. Не обошлось при этомъ, конечно, безъ притѣсненій прежняго населенія, но, по всей вѣроятности, отзывы иностранныхъ памфлетистовъ объ этомъ дѣлѣ въ сильной степени преувеличены. Главною причиною послѣдовавшаго вскорѣ послѣ присоединенія Крыма выселенія татаръ были интриги со стороны Турціи, заставлявшія татаръ массами уходить въ земли прежняго своего владыки. Самымъ удачнымъ изъ начатыхъ здѣсь Потемкинымъ дѣлъ было основаніе Севастополя на мѣстѣ, представляющемъ превосходныя условія для морскаго порта на всемъ сѣверномъ побережьѣ Чернаго моря. Здѣсь была устроена гавань для военныхъ судовъ, въ которой уже черезъ два года послѣ присоединенія полуострова находилась небольшая эскадра изъ линейныхъ кораблей, фрегатовъ и мелкихъ судовъ, зародышъ славнаго впослѣдствіи Черноморскаго флота. Этимъ флотомъ болѣе всего гордился Потемкинъ, на него онъ просилъ государыню главнымъ образомъ обратить вниманіе.

«Я,—писалъ онъ ей,—матушка, прошу воззрѣть на здѣшнее мѣсто (Севастопольскую гавань), какъ на такое, гдѣ слава твоя *оригинальная* и гдѣ ты не дѣлишься ею съ твоими предшественниками; тутъ не слѣдуешь по стезямъ другаго».

Нужно, однако, обратить вниманіе и на другую сторону медали. Препятствія, съ которыми приходилось бороться при выполненіи всѣхъ этихъ замысловъ, были огромны, и князь, во что бы то ни стало желавшій поставить на своемъ, тратилъ огромныя суммы денегъ, часто не видя отъ нихъ никакой пользы. Многіе изъ грандіозныхъ плановъ Потемкина, какъ, напримѣръ, мысль о сооруженіи собора въ Екатеринославѣ и университета съ обсерваторіею тамъ же, потребовали массу и трудовъ, и издержекъ и, всетаки, не могли быть приведены въ исполненіе. Для предполагавшагося собора былъ возведенъ лишь фундаментъ, который теперь служитъ оградою позже построенной въ этомъ мѣстѣ церкви. Человѣческихъ жизней, при приведеніи въ исполненіе плановъ Потемкина, потребовалось также немало. Французскій посолъ при нашемъ дворѣ, графъ Сегюръ, приводитъ намъ отзывъ о работахъ, веденныхъ Потемкинымъ, данный императоромъ Іосифомъ II, который лично осмотрѣлъ преобразованный княземъ Новороссійскій край. Отзывъ

этотъ даетъ дѣйствительно ужасающія подробности. «Мы,—говорилъ императоръ,—въ Германіи и Франціи не смѣли бы предпринимать того, что здѣсь дѣлается. Владѣлецъ рабовъ приказываетъ, рабы работаютъ; имъ вовсе не платятъ или платятъ мало; ихъ кормятъ плохо; они не жалуются, и я знаю, что впродолженіе трехъ лѣтъ въ этихъ вновь пріобрѣтенныхъ губерніяхъ, вслѣдствіе утомленія и вреднаго климата болотистыхъ мѣстъ, умерло около 50,000 человѣкъ; никто не жаловался, никто даже и не говорилъ объ этомъ». Невозможно допустить, чтобы здѣсь были крупныя преувеличенія.

Не смотря на такое презрѣніе къ человѣческимъ жизнямъ, когда дѣло шло объ исполненіи разнаго рода реформъ, Потемкину, всетаки, нельзя отказать въ извѣстнаго рода гуманности. Эта черта его характера, кромѣ массы мелкихъ отдѣльныхъ случаевъ, замѣтна и въ той дѣятельности, которую онъ проявилъ, будучи въ описываемое нами время вице-президентомъ военной коллегіи. Однимъ изъ первыхъ дѣлъ его было измѣненіе солдатской формы, значительно облегчившее службу рядовыхъ, въ то время и безъ того достаточно тяжелую. Со времени Семилѣтней войны солдаты наши носили прусскую форму, уродливую и крайне неудобную. Затянутые въ узкія брюки, которыя можно было надѣвать лишь съ чужою помощью, въ кафтанахъ съ массою клапановъ, обшлаговъ и проч., съ напудренными головами и косичками, въ странной формы треуголкахъ, солдаты мало того, что сами испытывали мученія, были еще до крайности стѣснены въ своихъ движеніяхъ и не могли отличаться требуемою скоростью. Князь совершенно измѣнилъ форму: уродливыя треуголки замѣнилъ легкими касками, пудру и косицы, развивавшія лишь накожныя болѣзни у солдатъ, отмѣнилъ совершенно, вмѣсто неудобныхъ высокихъ сапоговъ ввелъ штиблеты, одѣлъ солдатъ въ удобные шаровары и кафтаны безъ всякихъ лишнихъ придатковъ. Въ то же время онъ старался о сокращеніи времени, до сихъ поръ употреблявшагося на обученіе ружейнымъ артикуламъ, ратовалъ за болѣе гуманное отношеніе къ солдатамъ со стороны ихъ ближайшаго начальства. Солдаты цѣнили его старанія и сложили даже особую пѣсню въ память освобожденія ихъ отъ ненавистной пудры и косицъ, въ которой повторялся припѣвъ: «Дай Богъ тому здоровья, кто выдумалъ сіе», и такъ далѣе.

Труды Потемкина по преобразованію Новороссіи сильно интересовали государыню, и она нѣсколько разъ собиралась посѣтить этотъ край. Въ 1787 году, наконецъ, состоялось это путешествіе, въ которомъ принимали участіе и императоръ германскій Іосифъ II, и представители разныхъ другихъ державъ. Эта знаменитая поѣздка, казавшаяся участникамъ ея страницей изъ «Тысячи и одной ночи», надѣлала шуму во всей Европѣ и дала поводъ къ са-

мымъ разнообразнѣйшимъ толкамъ о дѣятельности всемогущаго временщика. Раззолоченныя галеры, вмѣщавшія до 3,000 человѣкъ, спустились отъ Кіева до Кременчуга, вездѣ по берегамъ вмѣсто пустынной, безлюдной степи, встрѣчая живописныя селенія, толпы крестьянъ, маневрирующія войска. Въ Кременчугѣ путешественниковъ встрѣтили пятнадцать тысячъ вновь созданнаго войска, поразившаго всѣхъ своимъ видомъ и легкостью на маневрахъ. Подобнаго же рода и еще большіе сюрпризы оказались въ Екатеринославѣ и Херсонѣ. По великолѣпной дорогѣ, «на подобіе римскихъ», путешественники направились въ Крымъ, гдѣ ихъ встрѣтили торжественныя депутаціи татаръ и кабардинцевъ. Болѣе всего эффектныхъ сценъ встрѣтилось въ Крыму, всего три года тому назадъ покоренномъ: прекрасные дворцы, сады съ фонтанами, на морѣ сорокъ судовъ подъ русскимъ военнымъ флагомъ, созданные княземъ новые полки, и къ тому же вездѣ, на всѣхъ остановкахъ, празднества, фейерверки, торжественныя встрѣчи. Уже во время самаго путешествія находилось немало скептиковъ, видѣвшихъ во всемъ лишь одинъ фокусъ князя, но блестящія картины, развернутыя имъ, не могли не удивить всѣхъ и каждаго. Евграфъ Александровичъ Чертковъ, человѣкъ не привыкшій льстить кому бы то ни было, слѣдующимъ образомъ отзывался о путешествіи императрицы: «Я былъ съ его свѣтлостью въ Тавридѣ, въ Херсонѣ и Кременчугѣ мѣсяца за два до пріѣзда туда ея величества. Нигдѣ тамъ ничего не видно было отмѣннаго; словомъ, я сожалѣлъ, что его свѣтлость позвалъ туда ея императорское величество попустому. Пріѣхавъ съ государынею, Богъ знаетъ, что тамъ за чудеса явилися. Чертъ знаетъ, откуда явились строенія, войска, людство, татарва, одѣтая прекрасно, казаки, корабли... Ну, ну, Богъ знаетъ что... Какое изобиліе въ яствахъ, въ напиткахъ, словомъ, во всемъ — ну, знаешь, такъ, что придумать нельзя, чтобъ пересказать порядочно. Я иногда ходилъ, какъ во снѣ, право, какъ сонный. Самъ себѣ ни въ чемъ не вѣрилъ, щупалъ себя: я ли? гдѣ я? не мечту ли, или не привидѣніе ли вижу? Ну! надобно правду сказать: ему-ему только одному можно такія дѣла дѣлать, и когда онъ успѣлъ все это сдѣлать? Кажется, не видно было, чтобы онъ въ Кіевѣ занимался слишкомъ дѣлами.., ну, подлинно удивилъ». И дѣйствительно, необходимо признать, что Потемкинъ съ замѣчательною ловкостью съумѣлъ во время этого путешествія скрыть всѣ недостатки своего управленія, хотя далеко не въ той степени, въ какой это представляли нѣкоторые иностранные памфлетисты. Не заслуживаютъ, напримѣръ, никакого вниманія разсказы о театральныхъ декораціяхъ, будто бы замѣнявшихъ собою села и деревни, о базарахъ, представлявшихъ собою искусственныя драматическія представленія, и т. п. Большая часть того, что показывалъ Потемкинъ импе-

ратрицѣ, существовало дѣйствительно; его ухищренія состояли лишь въ томъ, что онъ обращалъ ея вниманіе лишь на казовыя вещи, старался, чтобы она не прогуливалась пѣшкомъ, маскировалъ недостатки разнаго рода торжественными встрѣчами, празднествами и т. д. Справедливо, однако, то, что многія изъ показанныхъ Потемкинымъ государынѣ чудесъ были лишь временны и послѣ ея отъѣзда скоро исчезли; великолѣпные сады въ Кременчугѣ и другихъ городахъ были тотчасъ же запущены и превратились въ прежнюю голую степь, всѣ почти дворцы, построенные по поводу путешествія Екатерины, раздѣлили ту же участь.

Путешествіе 1787 года, съ сопровождавшими его манифестаціями, было принято Портою, какъ вызовъ къ начатію военныхъ дѣйствій. Сборы войскъ, черноморскій флотъ, прочія сооруженія Потемкина давно уже возбуждали недовѣріе и опасеніе турокъ, знавшихъ о намѣреніяхъ князя и боявшихся ихъ. Обаяніе князя въ Османской имперіи было довольно велико, особенно среди христіанъ въ Константинополѣ. Когда еще въ 1784 году Потемкинъ собирался посѣтить турецкую столицу, ему писалъ по этому случаю русскій посолъ въ Константинополѣ: «Здѣсь почитаютъ вашу свѣтлость нашимъ верховнымъ визиремъ. Прибытіе ваше сюда не можетъ быть утаено и произведетъ суматоху въ народѣ, коей и еще Сераль и Порта опасаются, ибо думаютъ, что духи еще не успокоились», и т. д. Турецкое правительство рѣшило скорѣе предупредить этого опаснаго человѣка и, пользуясь совѣтами французскаго посла, объявило войну въ тотъ моментъ, когда врагъ еще не успѣлъ какъ слѣдуетъ подготовиться. У насъ общество было настроено въ пользу войны: надѣялись на армію, собранную Потемкинымъ въ южныхъ предѣлахъ Россіи и по спискамъ доходившую до 100,000, возлагали большія надежды и на черноморскій флотъ. Всѣ были твердо увѣрены, что тотчасъ будетъ предпринята осада Бендеръ и Очакова, русская эскадра подступитъ къ Константинополю, и намъ удастся покончить кампанію въ первый же годъ. Во всемъ этомъ, однако, пришлось горько разочароваться. Разсчетъ турокъ оказался вѣренъ. Русское войско, находившееся подъ начальствомъ Потемкина, было далеко не въ блестящемъ положеніи; значительная часть солдатъ была занята разнаго рода работами и т. д. Весь первый годъ пришлось вести войну лишь оборонительную. Черноморская эскадра, любимое дѣтище Потемкина, не успѣвъ еще ничего сдѣлать, едва не погибла въ самомъ началѣ кампаніи. По плану Потемкина, она должна была найдти и аттаковать турецкій флотъ гдѣ бы то ни было; но на пути къ Варнѣ корабли были застигнуты страшной бурею, продолжавшеюся нѣсколько дней, и потерпѣли сильныя поврежденія. Эта неудача страшно разстроила князя; въ письмахъ его къ государынѣ выражается сильное отчаяніе, онъ нѣсколько разъ просилъ объ

отставкѣ, писалъ, что необходимо сдѣлать уступки туркамъ, даже пожертвовать Крымомъ. Эти приступы отчаянія были, однако, кратковременны.

Слѣдующій 1788 годъ внесъ нѣкоторое оживленіе въ ходъ военныхъ дѣйствій. Русскій флотъ, оправившись отъ своихъ повреждeній, разбилъ турецкій у Очакова и заставилъ его удалиться отъ крѣпости. Потемкинъ рѣшилъ обложить городъ, чтобы блокадою заставить его сдаться. Брать крѣпость штурмомъ князь считалъ рискованнымъ: Очаковъ былъ сильно укрѣпленъ французскими инженерами, снабженъ многочисленнымъ гарнизономъ, и занятіе его стоило бы громадныхъ жертвъ. Сбереженіе солдатъ было всегда главною задачею Потемкина; онъ предпочиталъ приводить къ рѣшенію дѣло либо голодомъ, либо переговорами, боясь пуще всего излишняго пролитія крови. Про него разсказывали, что видъ крови приводилъ его въ какое-то оцѣпенѣніе, и онъ плакалъ всякій разъ, когда получалъ извѣстіе о потеряхъ. Благодаря этому свойству своего характера, онъ и ждалъ теперь, обложивъ Очаковъ съ суши, капитуляціи крѣпости. Проходила недѣля за недѣлею безъ всякихъ перемѣнъ; осаждающіе и осажденные все время ограничивались одною перестрѣлкою и канонадою. Солдаты были недовольны бездѣятельнымъ ожиданіемъ. Армія, не смотря на всѣ старанія князя, чтобы она была одѣта и снабжена пищею, сильно страдала и терпѣла большой ущербъ отъ болѣзней; въ Петербургѣ ходили слухи, что треть арміи Потемкина уже не существуетъ. Императрица стала довольно явно выражать свое неудовольствіе. Тогда рѣшенъ былъ штурмъ, и князь въ награду за взятіе крѣпости обѣщалъ солдатамъ отдать имъ Очаковъ на разграбленіе. Началось ужасное кровопролитіе... Есть преданіе, что Потемкинъ будто бы во все время штурма сидѣлъ на батареѣ, подперши голову рукою, и повторялъ постоянно: «Господи, помилуй». Послѣ страшныхъ усилій и потерь, русскіе утвердились, наконецъ, въ крѣпости. Грабежъ и кровопролитіе въ городѣ продолжались три дня. Добыча была громадна...

Взятіе Очакова произвело въ Петербургѣ сильное впечатлѣніе. Императрица была въ восторгѣ и въ письмахъ своихъ къ князю высказывала свою признательность ему и приглашала его въ столицу. Путешествіе князя въ Петербургъ было настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ. Вездѣ готовились торжественныя встрѣчи, города при проѣздѣ его украшались, знать толпилась у его порога. Въ Царскомъ Селѣ къ пріѣзду князя была устроена иллюминація, гдѣ, между прочимъ, на транспарантѣ красовались стихи, выбранные изъ оды на взятіе Очакова, сочиненной Петровымъ.

Потемкинъ пробылъ въ Петербургѣ недолго и вскорѣ вернулся въ армію, получивъ отъ государыни щедрыя награды: фельдмаршалскій жезлъ, похвальную грамоту и т. п. Война тѣмъ време-

немъ продолжалась, нисколько, однако, не оправдывая тѣхъ великихъ надеждъ, которыя на нее возлагались. Самъ Потемкинъ попрежнему боялся уроновъ для войска и чаще всего старался заставить крѣпости сдаваться ему безъ боя, выморивъ ихъ голодомъ или подкупивъ начальниковъ гарнизоновъ. Такъ сдались ему Аккерманъ и Бендеры. Турки вполнѣ сознавали это и были поэтому не очень высокаго мнѣнія о военныхъ талантахъ Потемкина. «Сожалѣю,—говорилъ послѣ смерти князя о немъ турецкій полномочный министръ русскому драгоману,—сожалѣю, что я не видалъ сего страннаго человѣка, который всѣ дѣла дѣлалъ языкомъ; да и подлинно онъ думалъ, что ѣдкій и бранчивый языкъ такъ, какъ и обычай его грозить, надъ всѣми дѣйствовать могъ. Впрочемъ, гдѣ же храбрость видна была? Гдѣ случалась драка въ равныхъ или меньшихъ съ вашей стороны силахъ, тамъ онъ не присутствовалъ. Взялъ Аккерманъ и Бендеры, приведши съ собою 80,000 одной пѣхоты и многія сотни пушекъ. Люди испугались и сами отдалися».

Послѣ взятія Бендеръ военныя дѣйствія опять пошли вяло, а затѣмъ, съ наступленіемъ зимы, армія Потемкинымъ была распущена. Самъ онъ находился въ Яссахъ, а потомъ въ Бендерахъ, утопая въ невиданной роскоши. Мѣстопребываніе его походило не на стоянку главнокомандующаго, а на блистательный дворъ какого нибудь восточнаго сатрапа. Вокругъ него толпились знатные и богатые иностранцы, разсыпавшіеся передъ нимъ въ комплиментахъ; его окружали люди знатныхъ и вліятельныхъ фамилій, налетѣвшіе изъ столицы за дешевыми лаврами; вокругъ жужжалъ рой красавицъ, вращался легіонъ прихлебателей и проходимцевъ. Праздникъ слѣдовалъ за праздникомъ, но среди этой постоянной folle journée у Потемкина шла дѣятельная работа; онъ слѣдилъ за ходомъ дѣлъ, велъ дѣятельно переговоры о мирѣ съ Турціею, переписывался съ государынею по различнымъ вопросамъ.

Мы видѣли выше, какъ далеко заходили планы Потемкина относительно завоеванія и раздѣленія Османской имперіи. Въ это время, однако, дѣла сложились такъ, что осуществленія этихъ плановъ пока нечего было и ожидать. Положеніе Россіи было крайне трудное; Австрія колебалась въ своемъ союзѣ съ нами, прочія государства Европы были противъ насъ. Берлинскій дворъ заключилъ формальный договоръ съ Турціею, въ которомъ гарантировалъ послѣдней неприкосновенность всѣхъ ея владѣній. Шведскій король, думая, воспользовавшись тяжелымъ положеніемъ Россіи, возвратить отнятыя Петромъ I провинціи, объявилъ намъ войну. Война эта продолжалась недолго, велась больше съ успѣхомъ съ нашей стороны, но, всетаки, она надѣлала немало тревоги. Шведская граница проходила тогда близко къ Петербургу, морскія битвы

происходили почти на виду столицы, жителямъ ея не разъ со страхомъ приходилось прислушиваться къ гулу орудій, отдававшемуся на берегахъ Невы.

Изъ всѣхъ этихъ затрудненій, благодаря твердости нашего правительства, удалось выйти довольно счастливо, хотя не безъ нѣкоторыхъ уступокъ. Конференціи европейскихъ державъ тщетно дожидались депутатовъ отъ Россіи; наше правительство рѣшилось не обращать вниманія на иностранное вмѣшательство, но, всетаки, значительно сократило свои требованія: рѣшено было при заключеніи мира съ Турціею главнымъ образомъ требовать лишь границу по Днѣстру и облегченіе участи дунайскихъ княжествъ. Со Швеціей дѣло уладилось скоро. Густавъ III, фуфлыга-богатырь, какъ его называла Екатерина, скоро угомонился и заключилъ лѣтомъ 1790 года миръ, въ которомъ онъ если и не потерялъ ничего, то также остался и безъ всякихъ пріобрѣтеній. На ряду съ этимъ и дѣла наши на югѣ пошли съ большимъ успѣхомъ. Адмиралъ Ушаковъ одержалъ съ черноморской флотиліей блестящую побѣду надъ турецкимъ флотомъ. И сухопутныя войска вышли изъ своего состоянія бездѣйствія. Потемкинъ рѣшилъ штурмъ Измаила и для приведенія этого плана въ исполненіе далъ Суворову неограниченныя полномочія. Энергія Суворова въ короткое время привела въ исполненіе то, что считалось почти невозможнымъ. Послѣ отчаяннѣйшей рѣзни палъ Измаилъ, сильнѣйшая изъ турецкихъ крѣпостей при устьѣ Дуная, въ ночь 11 декабря 1790 года. При этомъ штурмѣ, одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ военной исторіи, нашихъ погибло до десяти тысячъ, а изъ турецкаго гарнизона, доходившаго до двадцати тысячъ человѣкъ, спасся только одинъ: Дунай былъ закрашенъ кровью, шесть дней съ утра до вечера валявшіеся на улицахъ трупы выбрасывались въ рѣку, прежде чѣмъ успѣли очистить городъ.

Война была близка къ окончанію: еще нѣсколько удачныхъ ударовъ, и Турціи можно было бы предписать выгодныя условія мира. Тутъ, однако, Потемкинъ совершаетъ поступокъ довольно неожиданный: онъ рѣшается оставить армію и, испросивъ позволеніе императрицы, выѣзжаетъ изъ Яссъ въ Петербургъ. Это послѣднее пребываніе князя въ Петербургѣ возбудило въ свое время много толковъ, и до сихъ поръ еще остается довольно много сомнѣній насчетъ его. Предполагаемой причиною поѣздки было желаніе временщика свергнуть новаго любимца государыни—Зубова, который втеченіе одного года изъ секундъ-ротмистра конной гвардіи сдѣлался флигель-адъютантомъ государыни, генералъ-маіоромъ и кавалеромъ четырехъ орденовъ. Говорили, что положеніе этого фаворита было бѣльмомъ на глазу у Потемкина, и онъ своимъ личнымъ присутствіемъ думалъ устранить его отъ двора и одержать надъ нимъ такую же побѣду, какъ раньше надъ другими. Быстрый

отъѣздъ князя изъ Петербурга толковали въ смыслѣ полной неудачи этого плана.

Внѣшнія обстоятельства мало, однако, заставляютъ предполагать измѣненіе въ положеніи князя Таврическаго въ этомъ году. Онъ попрежнему считался всесильнымъ. «Положеніе Потемкина,—писалъ герцогъ Ришелье въ 1790 году,—превосходитъ все, что можно вообразить себѣ въ отношеніи къ могуществу безусловному. Онъ царствуетъ во всемъ пространствѣ между горами Кавказа и Дунаемъ и раздѣляетъ власть императрицы въ остальной части государства. Онъ располагаетъ неимовѣрными сокровищами; имѣнія его доставляютъ ему доходы въ размѣрѣ отъ четырехъ до пяти милліоновъ франковъ. Къ тому же онъ по усмотрѣнію беретъ сколько хочетъ изъ разныхъ кассъ имперіи» и пр. Его путешествіе изъ Яссъ въ Петербургъ, въ сопровожденіи огромной блестящей свиты, было похоже, по словамъ очевидца, на пріѣздъ царя; вездѣ, какъ въ прошлую поѣздку, его встрѣчали съ огромнымъ торжествомъ. Когда онъ подъѣзжалъ къ столицѣ, навстрѣчу ему выѣхала императрица, и онъ во все время его пребыванія тамъ былъ окруженъ громаднымъ почетомъ. Всѣ сношенія съ иностранными дворами велись съ его вѣдома, также какъ и большая часть дѣлъ по внутреннему управленію: онъ готовилъ отпоръ Пруссіи, грозившей начать военныя дѣйствія, велъ переговоры съ императоромъ Леопольдомъ, рѣшалъ финансовыя затрудненія, пререканія между Екатериною и «молодымъ дворомъ». На ряду съ этимъ, однако, отношенія фаворита къ государынѣ стали какъ будто иными, чѣмъ они были въ прежнее время. Они омрачались нерѣдко размолвками довольно серьезнаго характера, о причинахъ которыхъ мы имѣемъ довольно мало достовѣрныхъ свѣдѣній. Лѣтъ съ десять тому назадъ былъ опубликованъ разсказъ нѣкоего Ѳеодора Секретарева, бывшаго у Потемкина камердинеромъ, въ которомъ даются интересныя свѣдѣнія объ одной изъ такихъ размолвокъ. «У князя съ государыней,—разсказываетъ Секретаревъ,—нерѣдко бывали размолвки. Мнѣ случалось видѣть, какъ князь кричалъ въ гнѣвѣ на горько плакавшую императрицу, вскакивалъ съ мѣста и скорыми, порывистыми шагами направлялся къ двери, съ сердцемъ отворялъ ее и такъ ею хлопалъ, что даже стекла дребезжали, и тряслась мебель. Они меня не стѣснялись, потому что мнѣ нерѣдко приходилось видѣть такія сцены; на меня они смотрѣли, какъ на ребенка, который ничего не понимаетъ. Однажды, князь, разсердившись и хлопнувъ по своему обыкновенію дверью, ушелъ, а императрица вся въ слезахъ осталась глазъ на глазъ со мною въ своей комнатѣ. Я притаился и не смѣлъ промолвить слова. Очень мнѣ жаль ея было; она горько плакала, рыдала даже; видѣть ее плачущею для меня было невыносимо; я стоялъ, боясь пошевельнуться. Кажется, она прочла на лицѣ моемъ участіе къ ней. Взгля-

нувъ на меня своимъ добрымъ, точно заискивающимъ взоромъ, она сказала мнѣ: «Сходи, Ѳедя, къ нему; посмотри, что онъ дѣлаетъ, но не говори, что я тебя послала». Я вышелъ и, войдя въ кабинетъ князя, гдѣ онъ сидѣлъ задумавшись, началъ что-то убирать на столѣ. Увидя меня, онъ спросилъ: «Это она тебя прислала?». Сказавъ, что я пришелъ самъ по себѣ, я опять началъ что-то перекладывать на столѣ съ мѣста на мѣсто. «Она плачетъ?» —«Горько плачетъ, — отвѣчалъ я... — Развѣ вамъ не жаль ея? Вѣдь она будетъ нездорова». На лицѣ князя показалась досада. «Пусть реветъ, она капризничаетъ»,—проговорилъ онъ отрывисто.—«Сходите къ ней, помиритесь», — упрашивалъ я смѣло, нисколько не опасаясь его гнѣва; и не знаю, задушевность ли моего дѣтскаго голоса и искренность моего къ нимъ обоимъ сочувствія, или сама собой прошла его горячка, но только онъ всталъ, велѣлъ мнѣ оставаться, а самъ пошелъ на половину къ государынѣ. Кажется, что согласіе возстановилось, потому что во весь день лица князя и государыни были ясны, спокойны и веселы, и о размолвкѣ не было помину».

Этотъ свидѣтель, очевидно совершенно безпристрастный, ничего не говоритъ о причинахъ размолвки. Другіе современники сообщаютъ, что главною причиною ихъ было положеніе Зубова при дворѣ, которое мучило Потемкина. При дворѣ разсказывали, что Потемкинъ сильно разстроенъ, что онъ часто съ горечью жаловался своимъ приближеннымъ, что «зубъ у него болитъ», что не можетъ успокоиться, пока не выдернетъ его съ корнемъ.

Громадныя суммы, которыя князь тратилъ на свои грандіозные торжественные праздники, обѣды,—все это, по словамъ нѣкоторыхъ современниковъ, дѣлалось лишь для того, чтобы поддержать свое падающее значеніе при дворѣ. Сообщаютъ также, что Потемкинъ сильно желалъ остаться въ Петербургѣ, и выѣздъ его изъ города совершился противъ его воли. «Ходили слухи о личномъ столкновеніи между Екатериною и княземъ наканунѣ отъѣзда послѣдняго. Императрица старалась уговорить его къ отъѣзду ради скорѣйшаго окончанія войны; Потемкинъ желалъ оставаться въ Петербургѣ. Наконецъ, императрица черезъ Зубова или черезъ Безбородко хотѣла приказать ему уѣхать. Никто изъ вельможъ не пожелалъ пойдти къ князю съ столь опаснымъ порученіемъ. Тогда она самолично пошла къ князю и объявила ему въ рѣшительномъ тонѣ, что ему пора ѣхать, что дѣла требуютъ этого. Потемкинъ изъ своенравнаго, строптиваго, упрямаго, сдѣлался совершенно скромнымъ, послушнымъ, кроткимъ и повиновался желанію Екатерины, такъ что всѣ удивлялись въ послѣдніе дни и часы пребыванія Потемкина въ столицѣ его кротости, мягкости, крутой перемѣнѣ его нрава». Наиболѣе вѣроятности имѣетъ за себя то мнѣніе, что князя заставили выѣхать изъ столицы успѣхи Репнина.

Репнинъ одержалъ надъ турками блестящую побѣду при Мачинѣ и началъ отъ себя вести переговоры о мирѣ. Потемкинъ могъ бояться, что утратитъ значеніе побѣдителя на войнѣ, начатой имъ, если Репнину удастся заключить миръ. Исходя изъ этихъ соображеній, онъ рѣшился скорѣе выѣхать.

Отношенія его къ государынѣ за это время не ухудшились; онъ попрежнему переписывался съ нею, и письма Екатерины къ нему выражаютъ одну лишь дружбу и привязанность. Самъ князь, однако, въ это время находился далеко не въ хорошемъ расположеніи духа, и на это имѣлось немало причинъ. Ему, съ одной стороны, не могли быть пріятны успѣхи Репнина, съ другой—условія мира, предложенныя послѣднимъ туркамъ, нисколько не сообразовались съ его собственными планами; потомъ ему не могло быть пріятно, конечно, и сознаніе того, что теперь въ столицѣ полновластный повелитель Зубовъ, и, наконецъ, въ довершеніе всего у него открылась тяжелая внутренняя болѣзнь, которую онъ еще усилилъ своей обычной неумѣренностью во всемъ рѣшительно, какъ въ пищѣ и образѣ жизни, такъ и въ дѣятельности по военному управленію. Его обыкновенные, часто и прежде, но лишь на непродолжительное время посѣщавшіе припадки меланхоліи усилились. Онъ мечталъ, какъ и прежде иногда, о постриженіи въ монахи.

Чувствуя усиленіе болѣзни, Потемкинъ все чаще и чаще предавался мысли о монашествѣ. Подъ вліяніемъ такихъ мыслей былъ сочиненъ княземъ цѣлый «Канонъ Спасителю» въ девяти пѣсняхъ, въ тонѣ и духѣ псалмовъ. Онъ какъ бы хотѣлъ передъ смертью очиститься покаянною молитвою. Привычка къ чтенію «божественныхъ» книгъ, которому онъ предавался съ юности, воспитала въ немъ особаго рода религіозность, проявлявшуюся, однако, лишь временно, въ «черныя» минуты.

Въ концѣ іюля Потемкинъ выѣхалъ изъ Царскаго Села, но уже въ сентябрѣ мѣсяцѣ этого года болѣзнь его приняла безнадежный характеръ. «Отъ 21 сентября,—писалъ Екатеринѣ изъ Яссъ секретарь его Вас. Степ. Поповъ,—князь подверженъ былъ безпрестаннымъ и жестокимъ страданіямъ. Всѣ признаки открывали тяжкую и мучительную болѣзнь. Горестныя его стенанія сокрушали всѣхъ окружавшихъ его. Когда только боли унимались, то его свѣтлость начиналъ говорить о безнадежности своей жизни и со всѣми прощался, не внемля никакимъ нашимъ вопреки его увѣреніямъ». 2 октября, когда боли сдѣлались нестерпимыми, князь рѣшилъ ѣхать въ Николаевъ, свое собственное твореніе, чтобъ здѣсь, въ мѣстѣ болѣе здоровомъ, получить нѣкоторое облегченіе. «Не взирая на свою слабость,—пишетъ далѣе Поповъ,—его свѣтлость непремѣнно требовалъ, чтобы везли его отсюда. На 4-е число его свѣтлость проводилъ ночь довольно покойно, и хотя сна совсѣмъ почти

не было, но не было и тоски. Какъ выѣздъ изъ Яссъ назначенъ былъ по утру, то князь поминутно спрашивалъ: который часъ? и все ли готово? Едва только разсвѣтало, то, не смотря на крайнюю его слабость, не было возможности удержать его нѣсколько часовъ, пока бы разошелся бывшій тогда густой туманъ. Его свѣтлость приказалъ положить себя въ большія кресла и на оныхъ снести къ шестимѣстной каретѣ, въ которую его съ великимъ трудомъ и положили. Тутъ князь подписалъ письмо къ вашему императорскому величеству и въ 8 часовъ по полуночи пустился въ путь свой къ Николаеву». Это послѣднее письмо Потемкина къ государынѣ сохранилось; оно состоитъ изъ нѣсколькихъ строкъ, написанныхъ Василіемъ Степановичемъ Поповымъ, небольшой приписки графини Браницкой, любимой племянницы князя, и наконецъ изъ приписки самого Потемкина: «я для спасенія уѣзжаю». Къ вечеру 4-го числа князь долженъ былъ остановиться на пути у командира Таврическаго гренадерскаго полка, нѣкоего Кнорринга. Здѣсь приготовили ему торжественную встрѣчу, но изъ кареты у подъѣзда слышали лишь болѣзненный, нерадостный голосъ князя: «жарко, душно». Потемкину удалось, однако, еще войти въ домъ. Здѣсь онъ улегся на диванъ, все время повторяя: «жарко, душно!». Ночь была тихая, лунная, свѣжая. Что ни дѣлалъ докторъ, чего только ни давалъ ему для прохлажденія, князь все повторялъ, что ему душно, и метался отъ нестерпимыхъ мукъ на диванѣ. Выѣздъ былъ назначенъ между семи и восьми часовъ утра, и князь съ нетерпѣніемъ ожидалъ его. Лишь только показался свѣтъ, онъ велѣлъ сейчасъ же заложить лошадей; ему отвѣчали, что ихъ повели поить. Онъ примѣтилъ, что его обманываютъ... нечего было дѣлать, усадили его въ коляску, хотя не было и трехъ часовъ еще, и повезли. Отъѣхавъ семь верстъ, онъ вдругъ велѣлъ остановить коляску. «Будетъ теперь,—сказалъ онъ,—некуда ѣхать, я умираю; выньте меня изъ коляски, я хочу умереть на полѣ». Постлали коверъ, принесли подъ голову кожаную подушку, уложили его. Онъ попросилъ спирту намочить себѣ голову, и затѣмъ около трехъ четвертей часа, не говоря ни слова, спокойно лежалъ на травѣ на чистомъ утреннемъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ. Затѣмъ онъ вдругъ, крѣпко и сильно вздохнувъ, протянулся. Казакъ изъ конвойныхъ первый замѣтилъ, что князь отходитъ и закрыть бы ему глаза. Поповъ того же числа писалъ Екатеринѣ: «Ударъ совершился, всемилостивѣйшая государыня! Свѣтлѣйшаго князя нѣтъ болѣе на свѣтѣ».

На императрицу смерть князя оказала чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Дневникъ Храповицкаго сообщаетъ подъ 12-мъ октября: «Курьеръ къ пяти часамъ по полудни, что Потемкинъ умеръ... Слезы и отчаяніе. Въ 8 часовъ пустили кровь; въ 10 часовъ легли въ постель». 13-го октября: «Проснулись въ огорченіи и слезахъ.

Жаловались, что не успѣваютъ приготовить людей. Теперь не на кого опереться». Горе императрицы отзывалось и на дворѣ; Екатерина мало выходила, увеселеній обычныхъ не было, и все, хотя лишь съ внѣшней стороны, облеклось въ скорбь. Похороны князя, отложенныя на нѣсколько недѣль, были произведены съ большою торжественностью въ Яссахъ: полки, разставленные по этому случаю въ двѣ шеренги, стояли прямой линіею, занимавшей болѣе пяти верстъ. Ему былъ сооруженъ мраморный памятникъ въ соборной церкви города Херсона, въ честь его выбита медаль и т. д. Государыня долго не могла забыть Потемкина; прошелъ почти годъ послѣ его смерти, но все еще мы слышимъ отзывы такого рода: «его память и теперь съ похвалами, и о его имени многое течетъ, какъ прежде».

Видя настроеніе государыни, при дворѣ всѣ прикидывались печальными. Однако, мы имѣемъ точныя свѣдѣнія, что большинство придворныхъ радовалось смерти временщика, привѣтствовали «удачный ударъ смерти». Князь былъ мало любимъ; его ненавидѣли не только соперники его, но и многіе, повидимому, безпристрастные свидѣтели. Нерѣдко были такіе отзывы о его дѣйствіяхъ, какъ слѣдующій относящійся къ 1788 году: «Потемкинъ ворочалъ всѣмъ государствомъ; онъ родился во вредъ оному: ненавидѣлъ свое отечество и причинялъ ему неизреченный вредъ и несмѣтные убытки алчностью своею къ богатству; отъ него ничего ожидать было не можно, кромѣ вреда и пагубы». Другой современникъ давалъ такого рода характеристику князя: «Властолюбіе, пышность, подобострастіе ко своимъ всѣмъ хотѣніямъ, обжорливость и слѣдственно роскошь на столѣ, лесть, сребролюбіе, захвальчивость и всѣ другіе зіяемые въ свѣтѣ пороки». Подобные отзывы встрѣчаются нерѣдко и у другихъ современниковъ.

Были ли, однако, эти отзывы справедливы? Намъ кажется, уже изложенные нами выше факты даютъ намъ возможность разрѣшить этотъ вопросъ. Мы видѣли планы Потемкина, свидѣтельствующіе о дѣйствительно выдающемся умѣ его, видѣли и то, что онъ успѣлъ выполнить, его неусыпныя заботы объ устроеніи ввѣреннаго ему южнаго края, его участіе въ важнѣйшихъ политическихъ дѣлахъ этого времени. Всего этого нельзя отрицать, во всемъ этомъ дѣятельность его была несомнѣнно плодотворна, хотя онъ и гнался слишкомъ часто лишь за внѣшностью и не щадилъ средствъ для исполненія своихъ прихотей. Его обвиняли въ высокомѣріи, въ расточительности, въ страсти къ женщинамъ, въ томъ что онъ состоялъ въ связи съ своими родными племянницами. Всѣ эти обвиненія справедливы, но кто изъ вельможъ того времени не отличался тѣми же свойствами, не имѣя за себя къ тому же тѣхъ смягчающихъ обстоятельствъ, на которыя могъ бы сослаться въ свое оправданіе Потемкинъ. Въ личномъ обращеніи князь, хотя и от-

талкивалъ многихъ отъ себя своей грубостью, доходившей до неприличія, но въ то же время онъ отличался рѣдкимъ добродушіемъ; сохранилось много разсказовъ, характеризующихъ его съ этой стороны. По словамъ людей, коротко знавшихъ его, онъ былъ «немстителенъ и незлобенъ», что можно было сказать о рѣдкомъ изъ царедворцевъ того времени. Многія мѣропріятія его отличались рѣдкою въ то время гуманностью. Онъ раздѣлялъ съ государынею мнѣніе о необходимости смягчить наказанія, ненавидѣлъ Шешковскаго, начальника тайной канцеляріи, про котораго говорили, что онъ тѣлесными наказаніями вынуждалъ признанія у подсудимыхъ. Встрѣчаясь съ нимъ, Потемкинъ обыкновенно его спрашивалъ съ нескрываемымъ презрѣніемъ: «Каково кнутобойничаешь, Степанъ Ивановичъ?». Въ своихъ польскихъ имѣніяхъ онъ велѣлъ сломать построенныя тамъ для устрашенія крестьянъ висѣлицы, «не оставляя и знаку оныхъ». Наказанія солдатъ были имъ также смягчены; въ народѣ и въ войскѣ онъ былъ весьма популяренъ, о чемъ можно судить по сочиненнымъ въ честь его народнымъ и солдатскимъ пѣснямъ.

Со смертью высокой покровительницы Потемкина на память о немъ обрушилось гоненіе. Императоръ Павелъ Петровичъ, можетъ быть, изъ личной непріязни, на всякомъ шагу старался поступать напротивъ его планамъ. Многія изъ начинаній Потемкина на югѣ были заброшены, основанный имъ Екатеринославъ получилъ было другое названіе, воздвигнутый ему въ Херсонѣ памятникъ былъ разрушенъ, были приняты даже мѣры противъ восхваленія его въ печати. Павелъ видѣлъ во всей дѣятельности князя одинъ лишь вредъ. Однажды, разсказываютъ, скоро послѣ вступленія на престолъ, Павелъ, бесѣдуя съ Василіемъ Степановичемъ Поповымъ, разговорился о Потемкинѣ, обвинялъ его въ разстройствѣ финансовъ и затѣмъ, постепенно возвышая голосъ, трижды поставилъ вопросъ: «Какъ поправить все зло, которое Потемкинъ причинилъ Россіи?». Будучи вынужденъ отвѣчать, Поповъ сказалъ: «Отдать туркамъ южный берегъ!». Эта смѣлая выходка бывшаго правителя Потемкинской канцеляріи такъ взволновала государя, что онъ бросился за шпагою; Поповъ, однако, въ это время успѣлъ выйти изъ дворца. Онъ былъ сейчасъ же высланъ изъ столицы.

Императоръ былъ и правъ, и не правъ. Зло дѣйствительно было причинено Россіи, но вина за него падала не на одного человѣка...

А. Л.

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ ГОДЫ И СОВРЕМЕННАЯ БЕЛЛЕТРИСТИКА.

«Я разумѣю правильное отношеніе къ традиціямъ, которое несомнѣнно составляетъ одинъ изъ существенныхъ пунктовъ общественнаго воспитанія. Работа человѣческаго духа преемственна».

Н. К. Михайловскій.

Утверждаютъ, что нигдѣ не существуетъ такой тѣсной связи между беллетристикою и публицистикою, какъ у насъ, въ Россіи. Если это такъ, — а серьезно оспоривать это мнѣніе трудно, какъ и нечего пояснять очевидныя причины этого явленія,—то слѣдовало бы думать, что публицисты не могутъ у насъ относиться равнодушно къ беллетристикѣ, а напротивъ изучаютъ ее внимательно, чтобы уяснить себѣ политическія и соціальныя теченія, господствующія въ нашемъ обществѣ, и что журналы и газеты подчиняютъ весь беллетристическій матеріалъ общественнаго значенія своимъ руководящимъ политическимъ воззрѣніямъ или началамъ.

Все это дѣйствительно было такъ еще весьма недавно, но все это теперь измѣняется. Быстро мы живемъ. Какимъ далекимъ уже кажется то время, когда Катковъ заставлялъ Тургенева или Л. Толстого измѣнять ихъ безсмертныя произведенія: «Отцы и дѣти», «Анна Каренина», потому что они въ нѣкоторыхъ деталяхъ не соотвѣтствовали тенденціи его журнала! Теперь большинство журналовъ выше такого предразсудка, и вы напрасно стали бы искать политическаго единства въ беллетристическомъ и пу-

блицистическомъ матеріалѣ этихъ органовъ. До извѣстной степени старой традиціи придерживаются еще органы такъ называемаго консервативнаго толка. Тутъ выдержанность въ направленіи еще не окончательно сдана въ архивъ. Но органы либеральнаго толка становятся все индиферентнѣе въ этомъ отношеніи, и мы видимъ, напримѣръ, что изданія, придерживающіяся въ публицистическихъ своихъ статьяхъ традицій шестидесятыхъ годовъ, помѣщаютъ рядомъ съ ними беллетристическія произведенія, въ которыхъ надъ этими традиціями произносится приговоръ, или же онѣ даже прямо осмѣиваются. Съ другой стороны, мы замѣчаемъ, что публицисты начинаютъ относиться равнодушно къ беллетристикѣ, и что никто изъ нихъ не подвергаетъ ее обстоятельному и серьезному анализу для уясненія тѣхъ политическихъ воззрѣній, которыя теперь господствуютъ въ нашемъ обществѣ. Правда, въ послѣднемъ отношеніи разница между прошлымъ и настоящимъ, быть можетъ, не такъ ощутительна; но это имѣетъ свою особую причину. Въ сущности у насъ публицисты, въ истинномъ значеніи этого слова, почти никогда не занимались критикою политическаго содержанія художественныхъ или псевдо-художественныхъ произведеній, которыми, какъ извѣстно, обилуетъ наша изящная литература. Художественные критики у насъ по большей части исполняли одновременно и амплуа цѣнителей политическаго содержанія художественныхъ произведеній. Конечно, выдающійся критикъ не можетъ не располагать политическимъ міросозерцаніемъ, такъ какъ политическіе вопросы занимаютъ большинство художниковъ и поэтовъ. Но точка зрѣнія такого критика отличается обыкновенно широтою и историческою перспективою, ибо только въ этомъ случаѣ онъ можетъ быть компетентнымъ цѣнителемъ безсмертныхъ произведеній геніальныхъ художниковъ. Кто не въ состояніи самъ оцѣнить и главное выяснить другимъ художественныхъ красотъ и глубокихъ мыслей Шекспира, Байрона, Гете, Шиллера, тотъ названія художественнаго критика не заслуживаетъ. Странно было бы предположить, что Гервинусъ или Тэнъ оцѣниваютъ Шекспира или Лафонтена съ точки зрѣнія принциповъ 1848 года, или идеаловъ противниковъ второй имперіи. Нѣтъ, для правильной оцѣнки генія требуется широкій горизонтъ, а его никогда не раскрываетъ злоба даннаго дня: онъ раскрывается только тому, кто вдумывался въ прошлое и видитъ настоящее не только съ точки зрѣнія интересовъ своего кружка или партіи, а съ высшей точки зрѣнія блага своего народа и человѣчества.

Все это элементарно. Но широкая русская натура не любитъ стѣсняться азбучными истинами. Вотъ и выходитъ, напримѣръ, что, конечно, ни одинъ нѣмецъ не сомнѣвается въ геніальности Гете и Шиллера, а у насъ бывали моменты, когда величайшій поэтъ Россіи признавался отсталымъ человѣкомъ, не заслуживаю-

щимъ вниманія аристократикомъ-поэтомъ, и даже все искусство въ міровыхъ его представителяхъ признавалось чуть ли не совершенно ненужною дребеденью. Объяснить себѣ подобное явленіе можно только тѣмъ, что въ сущности у насъ истинной художественной критики не было и что наша критика оказалась въ рукахъ публицистовъ, но,—и это особенно странно,—публицистовъ безъ всякой публицистической подготовки. Мы тутъ не дѣлаемъ исключенія и для Каткова. Правда, Катковъ былъ далекъ отъ низведенія Пушкина съ его «нерукотворнаго» пьедестала; но и онъ, какъ извѣстно, не имѣлъ публицистической подготовки; когда же сдѣлался публицистомъ, проявилъ не меньшую, а, быть можетъ, и большую нетерпимость къ свѣтиламъ русской поэзіи, чѣмъ Добролюбовъ, Писаревъ и ихъ эпигоны.

Какъ бы то ни было, въ умственной жизни нашего общества произошло такимъ образомъ чрезвычайно прискорбное по своимъ послѣдствіямъ недоразумѣніе. Художественными критиками оказались непризванные публицисты. Возможно было подобное явленіе только вслѣдствіе низкаго политическаго ценза нашего общества. Его, конечно, за это винить нельзя, потому что гдѣ же ему и было набраться политической зрѣлости? Но, тѣмъ не менѣе, фактъ оставался фактомъ и, продолжая развиваться, привелъ къ тому, что между художественною критикою и публицистикою произошло полное смѣшеніе, такъ что у насъ трудно опредѣлить, гдѣ начинается первая, кончается вторая и наоборотъ. Съ другой стороны, получился такой результатъ, что серьезные публицисты стали чуждаться области, въ которой происходилъ на потѣху мало развитого читателя маскарадъ, совершенно спутавшій истинный характеръ дѣйствующихъ лицъ. Словомъ, мы дошли до такого положенія, что въ этой области очень трудно разобраться читателямъ, не посвященнымъ въ закулисный міръ нашей журналистики. Но для всѣхъ очевиденъ отмѣченный уже нами фактъ, что между публицистикою и беллетристикою произошло какое-то отчужденіе, что въ журналахъ беллетристическій матеріалъ часто находится въ прямомъ противорѣчіи съ общимъ ихъ политическимъ направленіемъ, что художественные критики добролюбово-писаревской школы не знаютъ, какъ отнестись къ появляющимся беллетристическимъ произведеніямъ въ виду неопредѣленной ихъ политической тенденціи и даже приходятъ къ выводу, что имъ и критиковать-то нечего, что беллетристы пишутъ чортъ знаетъ о чемъ, только фотографируютъ дѣйствительность, никакою руководящею идеею не располагаютъ. Вообще между критикою и беллетристикою происходитъ теперь сильнѣйшій разладъ или, точнѣе говоря, устанавливается взаимное непониманіе, доходящее до того, что публицистика, критика и беллетристика какъ бы смотрятъ въ разныя стороны и рѣшились исполнять свои задачи каждая на собственную руку, не

обращая вниманія на то, что творится въ сосѣднемъ родственномъ лагерѣ. Такимъ образомъ происходитъ расколъ не только во всей арміи единомышленниковъ, но даже въ каждомъ полку, и понятно, что отъ этого дѣло только страдаетъ, а врагу облегчается побѣда. Мы тутъ имѣемъ въ виду не какой нибудь опредѣленный политическій лагерь, а вообще всѣ лозунги, за которые представители общества ведутъ между собою борьбу въ печати. Вслѣдствіе указаннаго разлада между публицистикою, критикою и беллетристикою получается крайняя неясность и сбивчивость цѣлей. Эта сбивчивость деморализуетъ читателя, не имѣющаго досуга или возможности разобраться во всей этой прискорбной разноголосицѣ. Мы дошли до того, что читатель вмѣстѣ съ критиками какъ бы махнулъ рукою на всѣ направленія, увѣренный, что какихъ либо ясныхъ и устойчивыхъ идеаловъ въ печатномъ словѣ искать нечего, что одни опошлились и утратили свое значеніе, другіе еще не народились, и что поэтому лучше всего жить такъ, какъ Богъ на душу положитъ.

Такъ смотрятъ на дѣло многіе. Эпигоны добролюбово-писаревской школы тщетно стараются поддержать обаяніе своихъ идеаловъ и, чувствуя, что это имъ плохо удается, сѣтуютъ на наступившее безвременіе. Неужели, — спрашиваютъ они, — мы прожили даромъ длинный періодъ отъ того момента, когда Бѣлинскій признавалъ «все существующее разумнымъ»? Можемъ ли мы вернуться къ этому идеалу или, лучше сказать, къ этому отсутствію всякаго идеала? Не возмущается ли наша душа противъ этого? Мы имѣли извѣстные идеалы. Положимъ, что жизнь требуетъ теперь новыхъ; но гдѣ же они? Кто ихъ намъ указываетъ? Всѣ попытки этого рода совершенно несостоятельны; никакихъ новыхъ идеаловъ нѣтъ: есть простое признаніе дѣйствительности, и это признаніе оказывается очень удобнымъ, потому что оно даетъ полный просторъ своекорыстнымъ, мелкимъ и грязнымъ инстинктамъ. Отсутствіе идеаловъ нигдѣ не выражается такъ ясно, какъ въ беллетристикѣ. Народился рядъ беллетристовъ, и притомъ даже даровитыхъ, въ произведеніяхъ которыхъ нельзя уловить никакой руководящей идеи. Эти беллетристы просто списываютъ съ натуры, и они-то главнымъ образомъ читаются широкою публикою, утратившею вѣру во всякіе идеалы.

Эти сѣтованія и жалобы раздаются теперь поминутно. Въ критическихъ фельетонахъ, журнальныхъ статьяхъ и сборникахъ статей, выходящихъ отдѣльными изданіями, вы то и дѣло натолкнетесь на подобнаго рода разсужденія. У иныхъ сторонниковъ этого взгляда на вещи, напримѣръ, у г. Михайловскаго, въ его книгѣ «Литература и жизнь», звучитъ, кромѣ того, и бравурная нота, какъ бы вызовъ, брошенный противникамъ. Въ полемикѣ съ «Недѣлею» и «Сѣвернымъ Вѣстникомъ» онъ обращается къ нимъ съ предложеніемъ раскрыть свои карты и указать на тѣ новые идеалы,

которые названныя изданія могутъ противопоставить традиціямъ шестидесятыхъ годовъ. «Произнесите, наконецъ, ваше новое слово; быть можетъ, оно и окажется дѣльнымъ и заслуживающимъ вниманія,—иронизируетъ г. Михайловскій,—но только не довольствуйтесь общими мѣстами, въ родѣ какого-то «обнаженнаго новаго угла души» и какой-то «новой мозговой линіи». Эта «новая мозговая линія» дѣйствительно очень потѣшна и объясняется манерничаніемъ и литературною неопытностью критика «Сѣвернаго Вѣстника»; но и бравурный тонъ г. Михайловскаго врядъ ли можетъ вызвать сочувствіе. Г. Михайловскій посѣдѣлъ въ литературномъ трудѣ, и если онъ сѣтуетъ на отсутствіе идеаловъ, то онъ не можетъ и не долженъ относиться свысока къ попыткамъ установить ихъ согласно вынесенному нами опыту и требованіямъ даннаго времени. Какъ бы ни были незрѣлы эти попытки, все же онѣ заслуживаютъ вниманія, поощренія и доброжелательныхъ указаній. Въ особенности это надо сказать относительно молодыхъ силъ, искренно тяготящихся отсутствіемъ идеаловъ и жадно ихъ отыскивающихъ.

Но г. Михайловскій заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, еще другаго, болѣе серьезнаго упрека. Онъ иронизируетъ надъ всякими «новыми словами»; онъ утверждаетъ, что всѣ эти «новыя слова» сводятся къ «реабилитаціи дѣйствительности», къ голому преклоненію передъ силою фактовъ, въ лучшемъ случаѣ, и къ обдѣлыванію болѣе или менѣе темныхъ дѣлишекъ, въ худшемъ. Г. Михайловскій несомнѣнно отчасти правъ; но его огульный судъ представляется намъ большою неправдою, и если мы вникнемъ въ причину совершаемой имъ несправедливости, то придемъ къ заключенію, что г. Михайловскій, не смотря на критическія свои дарованія, проявляетъ въ данномъ случаѣ большой недостатокъ объективнаго и многосторонняго анализа. Жизненные факты бросаются въ глаза; нѣтъ сколько нибудь внимательнаго наблюдателя, который не замѣтилъ бы, что въ міросозерцаніи русскаго общества произошелъ за послѣднія десять лѣтъ коренной переломъ. Г. Михайловскій самъ это признаетъ, но какъ-то странно, съ разными ужимками, не договаривая своей мысли. Прежде,—говоритъ онъ,— все было ясно: Катковъ, такъ Катковъ; Салтыковъ, такъ Салтыковъ. А теперь пошелъ разбродъ и разладъ. Читатель не знаетъ, «кому вѣрить, за кѣмъ идти».

Очень странное, даже непонятное разсужденіе. Неужели г. Михайловскій можетъ выставлять удовлетворительнымъ такое положеніе, когда читатель слѣдуетъ слѣпо за тѣмъ или другимъ авторитетомъ? Какъ это соотвѣтствуетъ традиціямъ шестидесятыхъ годовъ! По нашему мнѣнію, это только признакъ умственной незрѣлости. Къ тому же мы сильно сомнѣваемся, чтобы у насъ, какъ и въ другихъ странахъ, вообще было время, когда публицистъ или беллетристъ создавалъ то или другое общественное теченіе. Г. Ми-

хайловскій не долженъ былъ бы заблуждаться на этотъ счетъ. Гораздо вѣрнѣе перевернуть вопросъ и сказать, что и Катковъ, и Салтыковъ, и всѣ другіе писатели, были только продуктомъ своего времени, иначе они не могли бы имѣть обширнаго круга читателей. Это взаимодѣйствіе между писателемъ и читателемъ слишкомъ хорошо выяснено въ капитальныхъ трудахъ, чтобъ о немъ стоило распространяться, и самостоятельная дорога, избранная современною нашею беллетристикою, не смотря на всѣ усилія эпигоновъ добролюбово-писаревской школы не дать ей сбиться съ истиннаго, по ихъ мнѣнію, пути, показываетъ, на сколько это взаимодѣйствіе подтверждается фактами.

Можно даже сказать болѣе. Собственно такъ называемыя традиціи шестидесятыхъ годовъ никогда въ нашей беллетристикѣ не были сколько нибудь виднымъ моментомъ, опредѣлявшимъ ея направленіе. Въ псевдо-художественной литературѣ, въ разныхъ, давно уже забытыхъ, повѣстяхъ и романахъ эти традиціи играли очень существенную роль, но въ произведеніяхъ корифеевъ нашей художественной мысли добролюбово-писаревскія воззрѣнія никогда не были въ почетѣ. Какъ на исключеніе, указываютъ на Салтыкова, но, конечно, только по великому недоразумѣнію. Если вдуматься въ его произведенія, то не трудно будетъ убѣдиться, что и онъ принялъ на себя наслѣдіе всей нашей литературы со временъ Кантемира вплоть до Гоголя. Чтò Салтыковъ думалъ въ тиши своего кабинета, этого мы здѣсь касаться не будемъ, ибо для откровеннаго разъясненія этого вопроса не настало еще время. Но его сочиненія у всѣхъ передъ глазами, и основная ихъ мысль, основное ихъ содержаніе, сводится къ усугубленному приговору надъ русскимъ обществомъ, къ осмѣянію его представителей, гдѣ бы они ни дѣйствовали: въ администраціи, печати, помѣщичьей усадьбѣ, земствѣ, собраніяхъ «свѣдущихъ людей». Чтобы ослабить истинное значеніе этого смѣха, говорятъ, что Салтыковъ былъ сатирикъ. Но сатира можетъ приносить пользу только тогда, когда читатель твердо знаетъ, ради какихъ идеаловъ сатирикъ осмѣиваетъ жизнь. Возьмемъ ли мы Ювенала, Раблэ, Свифта, мы знаемъ, къ чему они стремились не только въ общечеловѣческомъ смыслѣ, но и по отношенію къ той средѣ, въ которой они жили и дѣйствовали. Ювеналъ боролся съ развращенностью римскаго общества, Раблэ—съ католическимъ духовенствомъ, Свифтъ—для доставленія торжества вигамъ. Относительно Салтыкова этого сказать нельзя. Онъ высоко ставилъ такъ называемыя «забытыя слова», но изъ всѣхъ его сочиненій вы не выведете сколько нибудь ясныхъ указаній относительно вопроса, какъ онъ представлялъ себѣ выходъ изъ окружавшей его, столь безпросвѣтной, по его мнѣнію, дѣйствительности. Свобода—величайшее благо; хорошо было бы, если-бъ на Руси вывелись всѣ подлецы, мерзавцы, если-бъ «свинья не тор-

жествовала», а честный человѣкъ не подвергался бы ежеминутно незаслуженнымъ невзгодамъ. Вотъ приблизительно весь положительный багажъ Салтыкова, а большой его талантъ проявился въ изображенiи отрицательныхъ сторонъ нашего общества, какъ генiй Гоголя проявился въ томъ же. Салтыковъ застылъ на этой работѣ и до какихъ нибудь положительныхъ идеаловъ не додумался: у него не было пригодныхъ для жизни (не въ отвлеченномъ, а въ конкретномъ смыслѣ) идеаловъ. Была ли эта его задача—другой вопросъ. Я, какъ публицистъ, склоненъ отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно. Дѣло въ томъ, что на Салтыкова смотрѣли не просто, какъ на писателя-сатирика, а какъ на вождя политической партiи. Это признаетъ и г. Михайловскiй, говоря, что прежде читатель зналъ, кого придерживаться: «Катковъ, такъ Катковъ; Салтыковъ, такъ Салтыковъ». Но глава политической партiи не можетъ ограничиваться голымъ протестомъ; онъ долженъ имѣть положительную программу, иначе онъ можетъ претендовать только на славу Рошфора, превратившагося изъ врага Наполеона III въ друга г. Буланже; а у Салтыкова такая программа только предполагалась. Относительно Гоголя нельзя сказать, что онъ къ этой другой сторонѣ своей задачи не стремился всѣми силами своей чуткой души. Да, Гоголь провелъ многiе тяжелые часы, дни, мѣсяцы, годы, надъ разрѣшенiемъ мучительной и, можетъ быть, сведшей его преждевременно въ могилу загадки, въ чемъ заключается высшее этическое, общественное и государственное значенiе его «смѣха». И, къ стыду нашему, мы должны признать, что именно тамъ, гдѣ начиналась эта мучительная работа прекрасной, возвышенной и отчизно-любивой души, мы переставали понимать Гоголя и кощунственною рукою ставили надъ нимъ крестъ. Быть можетъ, въ этомъ отношенiи наши критики-публицисты писаревской школы больше всего виноваты. Только писатели, поддѣлывавшiеся подъ ихъ камертонъ, признавались честными гражданами Русской земли, а всѣ остальные подвергались ихъ осужденiю: и надъ Пушкинымъ, и надъ Тургеневымъ, и надъ Достоевскимъ, и надъ Гончаровымъ они ставили и ставятъ свой крестъ. Кто изъ нашихъ великихъ писателей избѣгъ этой участи? Развѣ они не довели Тургенева почти до того, что тотъ готовъ былъ бросить навсегда перо? Развѣ они не осмѣивали Достоевскаго? Развѣ они не окрестили Гончарова «буржуазнымъ» писателемъ? Почему? Потому что всѣ эти великiе наши художники не хотѣли и не могли по совѣсти служить имъ, потому что они несли службу въ тысячу разъ болѣе почетную и дорогую,—службу предъ всею нашею родиною, службу, опредѣляемую всѣмъ ходомъ нашего государственнаго и общественнаго развитiя съ его преемственными задачами, которыя представители шестидесятыхъ годовъ въ нашей псевдо-художественной критикѣ, должно быть, оцѣ-

нили не совсѣмъ вѣрно, если ни одинъ изъ нашихъ крупныхъ писателей въ своихъ произведеніяхъ ихъ не одобрилъ. Писемскій, Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ произнесли суровый приговоръ надъ критико-литературнымъ движеніемъ шестидесятыхъ годовъ: Писемскій въ «Взбаламученномъ морѣ», Тургеневъ въ «Нови», Достоевскій въ «Бѣсахъ», косвенно въ «Братьяхъ Карамазовыхъ», Гончаровъ въ «Обрывѣ»; а что касается до Некрасова, котораго эпигоны добролюбово-писаревской школы причисляютъ къ своимъ людямъ, то въ его музѣ звучатъ, конечно, болѣе широкія и возвышенныя ноты, а нерѣдко звучало и сомнѣніе въ вѣрности пути, избраннаго такъ называемымъ передовымъ лагеремъ:

Захватило насъ трудное время
Неготовыми къ трудной борьбѣ:
Вы еще не въ могилѣ, вы живы,
Но для дѣла вы мертвы давно.
Суждены вамъ благіе порывы,
Но свершить ничего не дано.

Мнѣ, какъ простому публицисту, а не критику-публицисту, хотѣлось бы указать еще на логику событій, крупныхъ историческихъ фактовъ, которые подтверждаютъ, что правы въ этомъ вопросѣ были не эпигоны добролюбово-писаревской школы, а корифеи нашей художественной мысли. Надо, однако, предпослать оговорку, надо условиться относительно того, что слѣдуетъ понимать подъ движеніемъ шестидесятыхъ годовъ. Г. Михайловскій очень склоненъ, не смотря на проявляемый имъ въ другихъ вопросахъ тонкій анализъ, разсматривать это движеніе, такъ сказать, огуломъ, не разграничивая отдѣльныхъ его проявленій. Эту, какъ мнѣ кажется, нѣсколько преднамѣренную ошибку онъ раздѣляетъ со многими другими. А между тѣмъ она представляетъ глубокую историческую фальшь, имѣвшую весьма печальныя послѣдствія. Шестидесятые годы сильно теперь дискредитированы, именно вслѣдствіе этого смѣшенія. Оно, къ прискорбію, поддерживается не только съ консервативной стороны, которой оно очень удобно, но и съ прогрессивной, съ либеральной. На самомъ дѣлѣ разница между движеніемъ шестидесятыхъ годовъ, охватившимъ почти все русское общество, и движеніемъ шестидесятыхъ годовъ, какъ его понимали наши критики-публицисты, огромная. Она чрезвычайно мѣтко выражена Гончаровымъ въ его извѣстной статьѣ: «Лучше поздно», гдѣ онъ оправдывается противъ взведеннаго на него обвиненія, будто бы онъ въ лицѣ Марка Волохова хотѣлъ изобразить молодое поколѣніе. «Волоховъ,—восклицаетъ онъ:—новое поколѣніе! То поколѣніе, которое бросилось навстрѣчу реформамъ и туда уложило всѣ силы! Даровитые дѣятели крестьянской реформы, въ земскихъ дѣлахъ, въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, гдѣ успѣли пріобрѣсти громкія имена: неужели это—Волоховы!» Нѣтъ, это—не Волоховы.

Искреннее увлеченіе было и тамъ, и здѣсь; но было и глубокое различіе во взглядахъ и въ стремленіяхъ, заставившее корифеевъ нашей художественной мысли: Писемскаго, Тургенева, Достоевскаго, Гончарова, всей душой сочувствовавшихъ освободительному движенію, отнестись отрицательно къ собирательному типу Волохова или Нежданова, не смотря на ихъ честность и искренность, и выставить на ряду съ ними положительные типы въ лицѣ Тушина или Соломина. Но эти положительные типы, въ которыхъ такъ ясно выразилось стремленіе лучшихъ людей, поставленныхъ лицомъ къ лицу съ практическими требованіями жизни, съ рѣшеніемъ самого существеннаго вопроса, какъ приблизить русскую дѣйствительность къ тѣмъ идеаламъ добра, правды, честности и просвѣщенія, которыми жива всякая русская душа,—эти-то положительные типы подверглись неодобренію со стороны нашихъ критиковъ-публицистовъ. И установилась, и пошла гулять по міру вопіющая неправда, будто бы на Руси нѣтъ другихъ передовыхъ людей, кромѣ людей закала Волохова и Нежданова, будто русскій либерализмъ сводится къ фантасмагоріямъ этихъ господъ. Они сами прокричали Тургенева, Гончарова и многихъ другихъ лучшихъ русскихъ дѣятелей въ области литературы, публицистики, государственнаго управленія, общественной дѣятельности, ретроградами и обскурантами; имъ охотно повѣрили на слово (это было многимъ такъ удобно), и такимъ образомъ установилось въ корнѣ фальшивое и крайне опасное по своимъ послѣдствіямъ мнѣніе, будто бы либерализмъ совпадаетъ съ рискованными стремленіями и теоріями Волоховыхъ и Неждановыхъ. Историческія событія громадной важности пришли на помощь нашимъ критикамъ-публицистамъ и какъ бы подтвердили ихъ точку зрѣнія. Это—одна изъ самыхъ печальныхъ страницъ нашей исторіи, потому что она вызвала предубѣжденіе, будто бы между разными факторами государственной жизни происходитъ самый сильный разладъ въ тѣ моменты, когда Россія вступаетъ на путь реформъ.

Конечно, въ изображеніи нашихъ критиковъ-публицистовъ дѣло представляется въ иномъ видѣ. Они склонны утверждать, что только вслѣдствіе уклоненія русскаго общества отъ ихъ идеаловъ насъ въ настоящее время грозятъ потопить «мутныя волны дѣйствительности», какъ выражается г. Михайловскій. Не разладъ между основными факторами государственной жизни,—нѣтъ, слишкомъ слабое проявленіе этого разлада вызвало «наплывъ мутныхъ волнъ». Главные носители нашей художественной мысли съ тревогою и болью въ сердцѣ спрашивали себя, окажется ли общество на высотѣ великой задачи, выпавшей на его долю, проявитъ ли оно послѣ николаевскихъ временъ достаточную зрѣлость, чтобъ увѣковѣчить новый путь, на который вступила Россія. Они предостерегали вдохновенными образами общество отъ увлеченій; они

старались по мѣрѣ силъ и средствъ выставить положительные типы,—и не ихъ вина, если эти типы выходили сравнительно блѣдными: жизнь не давала имъ тѣхъ сочныхъ красокъ на ихъ изображеніе, какія она давала для изображенія той галлереи героевъ печальнаго образа, которая начинается съ Фонвизинскаго Недоросля и кончается Тургеневскимъ Неждановымъ. Но они съ напряженнымъ страстнымъ вниманіемъ искали положительныхъ типовъ, способныхъ двинуть русскую жизнь и ослабить тотъ жестокій приговоръ, который они, смѣясь сквозь кровавыя слезы, произносили надъ русскимъ обществомъ. Найдутся ли, наконецъ, эти типы, найдутся ли, наконецъ, въ Россіи не одни донъ-кихоты и гамлеты, а люди дѣла, дѣла жизненнаго,—люди, которые привели бы насъ, наконецъ, къ осуществленію въ «мутной дѣйствительности» высокихъ идеаловъ добра, правды, свободы, которые указали бы намъ практическіе пути приближенія русскаго общества къ этимъ идеаламъ? Вотъ огромный вопросъ, который носители нашей художественной мысли оставили неразрѣшеннымъ; вотъ вопросъ, на который должна отвѣтить современность; вотъ наслѣдіе, завѣщанное русскому обществу людьми, составляющими нашу славу и гордость.

Мы видимъ, слѣдовательно, что тутъ не въ одной литературѣ дѣло, что вопросъ стоитъ гораздо шире, что онъ обнимаетъ собою всю нашу общественную и государственную жизнь. Но наши критики-публицисты, какъ извѣстно, не любятъ заниматься изученіемъ Россіи, ея прошлымъ, нуждами и чаяніями громаднаго большинства ея населенія. Что въ ней хорошаго? Развѣ только идеи такъ называемыхъ передовыхъ людей. То ли дѣло Западъ, эта обѣтованная ихъ земля. О, конечно, на Западѣ много хорошаго, и многому мы тамъ можемъ научиться. Но всякій сѣятель знаетъ, что самое лучшее зерно можетъ и должно погибнуть на несвойственной ему почвѣ. Слѣдовательно, изученіе западныхъ «послѣднихъ словъ» и порядковъ не избавляетъ насъ отъ необходимости изучать почву, на которой мы хотимъ взростить излюбленные нами западные плоды и цвѣты. Много ли мы сдѣлали въ этомъ отношеніи? Знаемъ ли мы нашу родную почву? Стремимся ли мы ее изучить? Никто не станетъ отрицать, что Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ лучше ее знали, чѣмъ наши критики-публицисты, и если первые пришли къ выводамъ, часто оскорбляющимъ и возмущающимъ послѣднихъ, то не потому ли, что критикъ-публицистъ, занимаясь общественными или политическими построеніями, можетъ витать въ эмпиреяхъ, а беллетристъ долженъ стоять на реальной почвѣ? Всѣ наши беллетристы, творившіе по рецепту нашихъ критиковъ-публицистовъ, не создавали ничего, что по своимъ достоинствамъ выдерживало бы и отдаленное сравненіе съ великими твореніями русской художественной мысли.

Жизнь крупными фактами и чудными литературными произведеніями краснорѣчиво указала на ложность пути, которому мы слѣдовали, подчиняясь традиціямъ шестидесятыхъ годовъ въ смыслѣ нашихъ критиковъ-публицистовъ. И вотъ мы видимъ, что и современная беллетристика, въ лицѣ сколько нибудь талантливыхъ своихъ представителей, ихъ указаніямъ слѣдовать не желаетъ. Чтобъ въ этомъ убѣдиться, возьмемъ наиболѣе пригоднаго свидѣтеля, А. М. Скабичевскаго, какъ извѣстно, составившаго «Исторію новѣйшей русской литературы» съ точки зрѣнія ея соотвѣтствія идеаламъ шестидесятыхъ годовъ. Чѣмъ же кончилось это движеніе по словамъ автора? «Мрачною реакціею,—говоритъ онъ,—обнаружившеюся не въ однѣхъ правительственныхъ сферахъ, но и во всемъ обществѣ». Авторъ не поясняетъ намъ, чѣмъ собственно вызвана была эта «реакція». Это какъ бы само собою разумѣется. Но онъ указываетъ намъ на послѣдствія этой «реакціи» въ области беллетристики. Явился новый герой времени, котораго авторъ называетъ «кающимся дворяниномъ», или, точнѣе говоря, «обнищалымъ дворяниномъ». «Изъ полуразрушенныхъ усадьбъ, изъ голодныхъ дворянскихъ семей, проѣвшихъ всѣ выкупныя свидѣтельства, вышло новое поколѣніе, худосочное, тщедушное, словно несущее на своихъ плечахъ всѣ грѣхи отцовъ и дѣдовъ, и обреченное расплачиваться за нихъ». Вотъ беллетристы восьмидесятыхъ годовъ будто бы и рисуютъ намъ это худосочное, тщедушное поколѣніе. Намъ кажется, что эта характеристика по существу своему не совсѣмъ вѣрна. Неужели подобное отрицательное отношеніе русскихъ беллетристовъ къ ихъ героямъ началось въ упомянутую эпоху «мрачной реакціи»? Мы только что указывали, что и во время расцвѣта движенія шестидесятыхъ годовъ наши выдающіеся беллетристы: Писемскій, Тургеневъ, Толстой, Гончаровъ, Салтыковъ, относились столь же отрицательно къ своимъ героямъ, представляли ихъ такими же дряблыми и несостоятельными, какъ только заходила рѣчь о дѣлѣ, а энергичными, талантливыми развѣ на словахъ, въ области отвлеченныхъ разсужденій. Что же! Значитъ идеалы шестидесятыхъ годовъ оказались безсильными: они не создали новаго, лучшаго поколѣнія. Мало того, если корифеи нашей художественной мысли относились отрицательно къ движенію шестидесятыхъ годовъ, то эта черта еще рѣзче обозначена въ произведеніяхъ современныхъ беллетристовъ. Такимъ образомъ, послѣдніе въ полной мѣрѣ приняли на себя наслѣдіе своихъ знаменитыхъ предшественниковъ, приняли вопреки всѣмъ указаніямъ критиковъ-публицистовъ и проявили въ этомъ отношеніи полную самостоятельность. Мы это имъ не ставимъ въ заслугу; мы хотимъ только показать, что беллетристъ, подчиняясь духу времени или, точнѣе говоря, окружающей дѣйствительности, воспроизводя образы, встрѣчаемые имъ въ жизни, желая оставаться художникомъ, до-

рожащимъ только жизненною правдою и отвѣчающимъ только за нее предъ высшимъ своимъ судьей, предъ собственною совѣстью,— что такой беллетристъ, говорю я, не можетъ, если-бъ даже хотѣлъ, подчинять свое творчество принципамъ, почерпнутымъ изъ области отвлеченной мысли. Ужъ какъ одинъ изъ даровитѣйшихъ нашихъ беллетристовъ, П. Д. Боборыкинъ, благоговѣлъ и благоговѣетъ передъ Западомъ и его модными словечками, но, какъ наблюдательный художникъ, онъ поминутно пишетъ страницы, которыя не имѣютъ ничего общаго съ этими словечками, и эти-то страницы и возбуждаютъ живой интересъ русскаго читателя. Г. Михайловскій, какъ умный человѣкъ, останавливается подчасъ съ явнымъ недоумѣніемъ надъ вопросомъ: отчего тотъ или другой изъ современныхъ беллетристовъ вдругъ пріобрѣтаетъ извѣстность и всѣми охотно читается? Это недоумѣніе объясняется съ публицистической точки зрѣнія тѣмъ, что критикъ вѣритъ въ заслуженный успѣхъ только такихъ произведеній, въ которыхъ основная идея соотвѣтствуетъ его политическимъ и соціальнымъ идеаламъ. А тутъ вдругъ г. Чеховъ, г. Потапенко! Что они Гекубѣ, и что она имъ? Однако, они имѣютъ успѣхъ, мало того, печатаются въ такихъ органахъ, которые признаются приличными самимъ г. Михайловскимъ; надо же объяснить читателямъ, почему они имѣютъ успѣхъ.

Мы остановимся на одной чрезвычайно характерной страничкѣ въ критическомъ этюдѣ, посвященномъ г. Михайловскимъ выясненію основной идеи беллетристическихъ произведеній г. Потапенка. «Вездѣ, — говоритъ нашъ критикъ, — дѣйствующія лица ставятъ себѣ извѣстныя цѣли, крупныя или мелкія, хорошія или дурныя, и вездѣ успѣхъ или неуспѣхъ, по задачѣ автора, зависитъ отъ расчета пущенныхъ въ ходъ силъ... Самыя цѣли, къ которымъ стремятся дѣйствующія лица г. Потапенка, представляютъ для него второй вопросъ. Его занимаетъ торжествующая или гибнущая сила сама по себѣ, процессъ достиженія или недостиженія цѣли».

Это очень мѣткое замѣчаніе. Но удивительно, что критикъ такъ близко подошелъ къ самому существенному вопросу, подошелъ, повертѣлся около него и отошелъ. А между тѣмъ такъ естественно было спросить себя: почему же г. Потапенко занятъ не столько цѣлью, сколько средствами ея достиженія, — и такъ легко было отвѣтить, что въ созданіи цѣлей самыхъ широкихъ, самыхъ прекрасныхъ, мы всегда были сильны, а вотъ въ средствахъ для достиженія не только этихъ широкихъ, но даже самыхъ крошечныхъ цѣлей мы всегда проявляли замѣчательную несостоятельность. И если это—характеристическая черта нашего общества, если это — больное его мѣсто, вызвавшее, быть можетъ, главнымъ образомъ ту «мрачную реакцію», о которой упоминаетъ г. Скабичевскій, то что же удивительнаго, если современные беллетристы возвращаются

постоянно къ этому вопросу и стараются выяснить своимъ читателямъ, что прежде всего для успѣха въ жизни надо соразмѣрять средства съ цѣлью, что недостаточно поставить себѣ возвышенную и благородную цѣль, но надо, кромѣ того, вдуматься въ средства, которыя могутъ привести къ ея достиженію?

Относительно г. Чехова г. Михайловскій ужъ совсѣмъ не знаетъ, что сказать. Онъ никакъ не можетъ уяснить себѣ руководящей идеи его произведеній. А, между тѣмъ, если вдуматься въ нихъ безъ предубѣжденія, безъ предвзятыхъ тенденцій, то не трудно будетъ придти къ выводу, что по мѣрѣ того, какъ беллетристъ старается осмыслить богатый жизненный матеріалъ, собранный его рѣдкою наблюдательностью, въ его произведеніяхъ начинаетъ все сильнѣе звучать однородная нотка съ тою, которую мы только-что отмѣтили въ произведеніяхъ г. Потапенка. И г. Чеховъ, наблюдая жизнь, приходитъ къ выводу, что русское общество проявляетъ большую несостоятельность въ общественныхъ дѣлахъ, именно вслѣдствіе нравственной несостоятельности или вслѣдствіе той же неспособности соразмѣрять средства съ цѣлью. Эта нотка рѣзко уже звучала въ комедіи г. Чехова: «Ивановъ»; она стала доминирующею въ двухъ послѣднихъ его произведеніяхъ: «Дуэль» и «Жена».

Не видимъ ли мы, слѣдовательно, что современная беллетристика идетъ по стопамъ корифеевъ нашей художественной мысли? Она всецѣло приняла ихъ наслѣдіе и по мѣрѣ силъ и средствъ старается примѣнить завѣщанныя ими традиціи къ современной намъ жизни. Во всякомъ ея сколько нибудь значительномъ произведеніи чувствуется эта преемственность задачъ. Можетъ быть, она дѣйствуетъ въ этомъ отношеніи не вполнѣ сознательно; но ее приводятъ на этотъ путь съ одной стороны замѣчательные образцы предшествующей нашей литературы, съ другой,—и этотъ импульсъ, понятно, еще сильнѣе,—сама жизнь съ ея реальными требованіями, которымъ не можетъ не подчиниться ни одинъ художникъ, если онъ только заслуживаетъ этого названія. Въ общемъ, надо сказать, что дряблость, несостоятельность, такъ сказать, житейская неспособность является основнымъ мотивомъ современной беллетристики, какъ эти отрицательныя качества нашего общества были и основнымъ мотивомъ всей нашей художественной литературы, начиная съ Кантемира и кончая Тургеневымъ и Салтыковымъ. Различіе между писателями заключалось,—не касаясь ихъ художественнаго дарованія, которое мною, какъ публицистомъ, оставляется въ сторонѣ,—только въ томъ, что каждый изъ нихъ отмежевывалъ себѣ, согласно житейскому своему опыту, ту или другую сферу наблюденій, и въ этомъ отношеніи можно группировать всѣхъ нашихъ писателей большихъ, среднихъ и малыхъ, по сословіямъ или общественнымъ классамъ, которые они преимущественно изображали. Какъ Тургеневъ изображалъ главнымъ образомъ помѣщика сред-

ней руки, Толстой—высшую аристократію, помѣщичью и чиновную, Салтыковъ—мѣстную администрацію, Лѣсковъ—духовенство, такъ и въ современной беллетристикѣ Успенскій создалъ себѣ извѣстность изображеніемъ сѣрыхъ людей провинціальныхъ городковъ и крестьянъ, Лейкинъ—купеческаго быта, Альбовъ и Баранцевичъ—мелкихъ городскихъ разночинцевъ и т. д. Даже независимо отъ всякаго идейнаго содержанія, эта бытописательная сторона нашихъ беллетристовъ имѣетъ громадное значеніе: она раскрываетъ намъ русскую дѣйствительность во всѣхъ ея уголкахъ и даетъ намъ общую картину, столь сочную, наглядную и глубокую по замѣчательной наблюдательности и дару пластическаго изображенія, какою ни одинъ народъ въ мірѣ не можетъ похвалиться. Эта сторона дѣятельности прежнихъ и современныхъ беллетристовъ составляетъ силу нашей литературы. И въ самомъ дѣлѣ пора было бы нашимъ критикамъ-публицистамъ вспомнить, что если они хотятъ съ успѣхомъ служить своимъ идеямъ, то имъ также надо соразмѣрять средства съ цѣлями, и что для этого прежде всего требуется знакомство съ дѣйствительностью, въ которой имъ приходится дѣйствовать, что эту дѣйствительность имъ раскрываютъ и современные беллетристы съ несомнѣннымъ дарованіемъ, и что поэтому они должны были бы до извѣстной степени преложить гнѣвъ на милость, меньше брюзжать на нихъ за то, что они не хотятъ подчиняться такъ называемымъ традиціямъ шестидесятыхъ годовъ, а благодарить ихъ за то, что они по мѣрѣ силъ и средствъ помогаютъ намъ уяснить себѣ среду, въ которой мы живемъ и дѣйствуемъ.

Но не этою, такъ сказать, бытописательною стороною творчества современныхъ беллетристовъ исчерпывается наслѣдіе, которое они приняли отъ великихъ своихъ предшественниковъ. Конечно, очень комическое впечатлѣніе производятъ усилія нашихъ критиковъ-публицистовъ найти въ томъ или другомъ беллетристѣ ихъ лагеря идейное содержаніе, которое въ нихъ отсутствуетъ. Смѣшно причислять, напримѣръ, гг. Альбова и Баранцевича къ убѣжденнымъ представителямъ передовыхъ идей. Это не только смѣшно, но и крайне опасно для ихъ значительнаго дарованія, потому что это заставляетъ ихъ «топорщиться, пыхтѣть и надуваться», какъ въ баснѣ Крылова лягушку, которая хотѣла сравняться съ воломъ. Заслуга беллетристовъ этой категоріи заключается въ томъ, что они съ большою непосредственностью, убѣдительностью и пластичностью изображаютъ намъ горе и радости среды, которую они изучили. Въ этомъ отношеніи ихъ труды и поучительны, о интересны. Больше отъ нихъ нечего и требовать, потому что и это ужъ очень, очень много. Надо, дѣйствительно, слишкомъ увлекаться традиціями шестидесятыхъ годовъ, чтобъ не признать, какую огромную услугу приноситъ обществу тотъ писатель, кото-

рый, не мудрствуя лукаво, съумѣетъ въ цѣльномъ образѣ раскрыть намъ тотъ или другой уголокъ русской дѣйствительности. Такой на видъ безхитростный разсказъ, такой золотникъ серебра стоитъ иногда многихъ пудовъ трескучихъ фразъ самаго передоваго содержанія, и, чтобъ дать такой разсказъ, требуется гораздо больше ума, чувства, наблюдательности и проникновенія въ тайники человѣческой души, чѣмъ для критическихъ упражненій по одобреннымъ тѣмъ или другимъ лагеремъ трафареткамъ. Ужъ какъ разносили нѣкоторые критики Тургенева или Салтыкова, о нихъ давно забыли, а Тургеневъ и Салтыковъ блестятъ на нашемъ небосклонѣ и будутъ еще долго, если не всегда, блестѣть. Съ другой стороны, какъ ужъ нападали критики прогрессивнаго толка на г. Лѣскова, а дождался онъ того, что его печатаютъ и въ «Русской Мысли», и въ «Вѣстникѣ Европы», потому что нападки этихъ критиковъ и даже поводы, ихъ вызвавшіе, забываются, а «Соборяне» и «Мелочи архіерейской жизни» увѣковѣчили заслуги г. Лѣскова предъ роднымъ словомъ. Является ли г. Лѣсковъ въ этихъ произведеніяхъ писателемъ по шаблону нашихъ критиковъ, бѣлыхъ или красныхъ, или же просто тонкимъ и необыкновенно одареннымъ наблюдателемъ извѣстной среды? Отвѣтъ очевиденъ. Такъ зачѣмъ же ставить другія требованія болѣе молодымъ беллетристическимъ силамъ? Но у послѣднихъ, какъ я уже отчасти указывалъ, есть и идейная сторона, и, надо сказать, эта идейная сторона находится въ полномъ соотвѣтствіи съ переживаемымъ нами фазисомъ нашего общественнаго самосознанія. И тутъ современная беллетристика является вѣрною хранительницею завѣтовъ творцовъ нашей художественной мысли.

Если взглянуть на основную ея тенденцію,—общественную, потому что ее я исключительно имѣю въ виду,—то окажется, что современная беллетристика твердо идетъ по стопамъ прежней. Я и тутъ особенной какой нибудь заслуги со стороны современныхъ беллетристовъ не вижу; я даже сомнѣваюсь, на сколько самостоятельно они избираютъ этотъ путь. Можетъ быть, тутъ играетъ существенную роль простое желаніе угождать читателямъ, дать имъ то, чего они требуютъ, чѣмъ интересуются. Не даромъ нѣкоторыхъ изъ современныхъ беллетристовъ упрекаютъ за ихъ многописательство, за желаніе выработать по возможности большій гонораръ. Этотъ упрекъ равносиленъ упреку въ стремленіи находить широкій сбытъ своимъ произведеніямъ, въ желаніи поддѣлываться подъ вкусы и настроеніе читающей публики. Но многописательствомъ грѣшили и Александръ Дюма, и Крашевскій, кто больше—трудно рѣшить, кажется второй, потому что онъ однихъ романовъ написалъ болѣе 400 томовъ,—и г. Боборыкинъ. Однако, многописательство это не исключало своеобразности этихъ писателей въ выборѣ темъ, въ способахъ заинтересовывать читателя.

Относительно же Крашевскаго и Боборыкина можно сказать, что въ различные періоды ихъ дѣятельности они затрогивали весьма различныя темы. Это вполнѣ понятно, потому что всякій день имѣетъ свою злобу, а беллетристъ невольно прислушивается къ этимъ злобамъ, даетъ имъ выраженіе въ своихъ образахъ. То же мы видимъ и въ современной беллетристикѣ. Желая быть занимательною, она прислушивается къ жизни, просто воспроизводитъ ее или старается дать отвѣтъ на запросы, ею предъявляемые. Такимъ образомъ беллетристика сознательно или безсознательно отражаетъ жизнь, даже въ лицѣ тѣхъ изъ своихъ представителей, которые не обладаютъ цѣльнымъ міросозерцаніемъ, то-есть которые просто болѣе или менѣе талантливо фотографируютъ жизнь въ ея характерныхъ проявленіяхъ. Словомъ, жизнь неизбѣжно вліяетъ на беллетристику, даетъ ей содержаніе и направленіе, и если мы взглянемъ на дѣло съ этой точки зрѣнія, то намъ не трудно будетъ убѣдиться, что и современная беллетристика вполнѣ подчиняется окружающей насъ дѣйствительности.

Прежде всего мы тутъ наталкиваемся на почти общее отрицаніе традицій шестидесятыхъ годовъ. Было время, когда со стороны русскаго беллетриста требовалось большое мужество, чтобъ выразить свое несочувствіе къ этимъ традиціямъ. Дѣйствительно, популярнѣйшіе писатели утрачивали значительную долю своей популярности вслѣдствіе этого рода попытокъ. Вспомнимъ «Взбаламученное море» Писемскаго, «Обрывъ» Гончарова, «Бѣсы» Достоевскаго, «Новь» Тургенева. Но постепенно для русскаго писателя явилась возможность относиться отрицательно къ увлеченіямъ шестидесятыхъ годовъ безъ утраты популярности. Въ восьмидесятые годы этотъ процессъ окончательно завершился, и мы теперь дожили до того, что сомнѣнія въ плодотворности идеаловъ шестидесятыхъ годовъ, прямое ихъ отрицаніе или даже осмѣяніе встрѣчается у всѣхъ современныхъ беллетристовъ, къ какому бы журнальному кружку они ни принадлежали. Недавно много говорили о появленіи разсказа г. Лѣскова на страницахъ «Вѣстника Европы». Нѣкоторые критики выразили по этому поводу недоумѣніе или даже неудовольствіе. Но въ чемъ же грѣхъ г. Лѣскова? Конечно, главнымъ образомъ, въ романѣ «Некуда», то-есть въ томъ, что онъ осмѣялъ увлеченія шестидесятыхъ годовъ. Но развѣ Гончаровъ и Тургеневъ не осмѣивали ихъ на страницахъ того же «Вѣстника Европы»? Развѣ г. Боборыкинъ въ своемъ большомъ романѣ «На ущербѣ» еще такъ недавно не пропѣлъ имъ отходную въ томъ же «Вѣстникѣ Европы»? Тутъ эти увлеченія ужъ прямо называются «предразсудками», и авторъ произноситъ надъ «направленцами»,—какъ онъ ихъ называетъ,— рѣзкій приговоръ. «По моему мнѣнію, лучше познать себя, чѣмъ жить въ самообманѣ и въ безсильной тоскѣ по живому дѣлу... Такіе, какъ онъ (одинъ

изъ «направленцевъ»), проиграли свою партію, жили миражами, дождались повсемѣстной опалы и должны ждать смерти въ тѣни, укутавшись въ саванъ, какъ схимники, охраняя свою совѣсть и свое человѣческое достоинство». Въ жизни имъ ужъ мѣста нѣтъ. Но и въ другихъ журналахъ болѣе передового оттѣнка постоянно помѣщаются повѣсти, свидѣтельствующія о полномъ разладѣ между публицистическимъ и беллетристическимъ матеріаломъ въ смыслѣ отрицанія традицій шестидесятыхъ годовъ. Г. Бѣлинскій-беллетристъ, воспріемникомъ котораго были «Отечественныя Записки», то и дѣло возвращается къ этой темѣ. Возьмемъ наудачу первую попавшуюся сценку, какихъ можно набрать сколько угодно въ произведеніяхъ этого беллетриста.

«... Я относительно идеи. Въ настоящее время какія-то все непонятныя идеи пошли. Въ шестидесятыхъ годахъ идеи были ясны. Мы чего тогда хотѣли? Свободы личности — разъ. Допущенія женщинъ въ университетъ — два. Свободы...

— «Свободы любви — три,—подхватилъ студентъ.— Свободы пустословія—четыре. Вы требовали пять свободъ. Пятая свобода заключалась въ предоставленіи гимназистамъ курить въ классахъ во время уроковъ. Гимназистки тоже задумывались надъ этимъ, волновались и составляли сходки... Такъ-то, гг. шестидесятовцы.

— «Безпринципная тварь!—вскричалъ врачъ и посмотрѣлъ на сына взглядомъ, полнымъ презрѣнія».

Но оказывается, что и самъ врачъ-отецъ всѣ традиціи шестидесятыхъ годовъ растерялъ и представляетъ собою субъекта, склоннаго къ спиртнымъ напиткамъ и совершенно равнодушнаго къ здоровью своихъ паціентовъ, а настоящіе принципы, торжествующіе въ повѣсти, именно тѣ, которые отрицались «шестидесятовцами»,—вѣра и искусство («Новая жизнь», «Сѣверный Вѣстникъ», ноябрь 1891 года).

Такое отрицательное отношеніе къ шестидесятымъ годамъ мы встрѣчаемъ и у г. Потапенка. Его послѣдній большой романъ «Не-герой» является по основному своему замыслу и по многимъ детальнымъ сценамъ протестомъ противъ безпочвеннаго умствованія и призывомъ къ жизненному практическому дѣлу. Всѣ герои, воспитанные на традиціяхъ шестидесятыхъ годовъ, вырождаются въ дряблыхъ, неспособныхъ субъектовъ, съ низкимъ нравственнымъ уровнемъ (публицистъ Ползиковъ, дантистка Зоя Өедоровна, отчасти беллетристъ Баклановъ); наоборотъ всѣ симпатіи автора на сторонѣ практическихъ дѣятелей, дѣлающихъ непосредственно дѣло въ жизни. Калымовъ (издатель, заботящійся практическими средствами о распространіи просвѣщенія, энергическій дѣятель, совершенно ушедшій въ свое дѣло), «не-герой» Рачеевъ (всецѣло посвятившій себя своему хозяйству и сосѣднимъ крестьянамъ, такъ что въ его округѣ голода быть не можетъ, даже если-бъ голодала вся Россія),—вотъ дѣятели, которые прельщаютъ г. Потапенка. Для

нихъ онъ не щадитъ положительныхъ красокъ, какими только располагаетъ его палитра. Даже самъ г. Короленко, котораго авторъ «Исторіи новѣйшей русской литературы» чуть ли не боготворитъ за его мнимую преданность традиціямъ шестидесятыхъ годовъ, который, какъ говоритъ г. Скабичевскій, «по широтѣ сферы наблюдательности и по міросозерцанію стоитъ вполнѣ въ уровнѣ вѣка по своему образованію», а въ сущности, говоря проще, является талантливымъ жанристомъ, открывшимъ намъ нѣкоторые новые уголки русской жизни,—и тотъ въ произведеніи, помѣщенномъ въ «Русской Мысли», въ очеркѣ: «Съ двухъ сторонъ», высказываетъ сомнѣніе, чтобы сторона, которую мы называемъ традиціями шестидесятыхъ годовъ, была спасительною стороною, хотя, правда, у него продолжаетъ еще довольно сильно звучать отживающая свое время нотка особаго пристрастія ко всему, что безсильно и безполезно протестуетъ противъ существующихъ порядковъ, потому что неспособно къ какому нибудь жизненному дѣлу. Это, какъ извѣстно, было модною темою нѣкоторыхъ нашихъ беллетристовъ, съ особеннымъ сочувствіемъ относившихся къ пропойцамъ и ко всякаго рода свихнувшимся людямъ и изображавшихъ ихъ жертвами несчастныхъ условій, при чемъ беллетристамъ и въ голову не приходилъ простой силлогизмъ: если пропойца или воръ—продуктъ окружающихъ его условій, то вѣдь трезвый и добронравный человѣкъ—тоже продуктъ окружающихъ его условій; другими словами, если мы свободной воли не признаемъ, то всякое этическое начало утрачиваетъ свое значеніе, и намъ не на что негодовать и нечѣмъ возмущаться. И пропойца, къ которому всегда такъ сочувственно относится, напримѣръ, г. Гл. Успенскій, и будочникъ, который всегда возбуждаетъ его гнѣвъ,—одинаково продукты окружающихъ насъ условій, и поэтому, разъ признавъ эту теорію, исключающую дѣйствіе свободной воли, мы должны съ одинаковымъ чувствомъ относиться и къ пропойцѣ, и къ будочнику.

Силлогизмъ этотъ такъ непреложенъ, что современная беллетристика въ лицѣ большинства своихъ представителей не могла не отрѣшиться отъ ложной сентиментальности по отношенію къ своимъ героямъ, загубленнымъ будто бы средою. Давно уже возникъ вопросъ о томъ, на сколько въ крушеніи, постигающемъ такъ часто русскаго человѣка, виновата среда или онъ самъ?

Тутъ мы встрѣчаемся съ третьимъ основнымъ общественнымъ мотивомъ нашей современной беллетристики. Если она, слѣдуя завѣтамъ корифеевъ русской художественной мысли, старается безпощадно раскрывать язвы русскаго общества; если она въ своемъ анализѣ русской дѣйствительности раскрываетъ намъ все новые уголки, постоянно расширяетъ сферу своихъ наблюденій и распространяетъ ихъ на все новыя общественныя группы или разновидности русскаго интеллегентнаго человѣка; если она, разносторонне

наблюдая жизнь, приходитъ къ выводу, что общественные идеалы такъ называемыхъ передовыхъ русскихъ дѣятелей страдали безпочвенностью, чрезмѣрною отвлеченностью и поэтому въ жизни положительныхъ результатовъ дать не могли; если она причисляетъ къ этому разряду идеаловъ и такъ называемыя традиціи шестидесятыхъ годовъ въ смыслѣ, который имъ придаютъ Писаревъ и Добролюбовъ и ихъ эпигоны; если она, согласно традиціямъ нашей литературы въ самыхъ видныхъ ея представителяхъ, казнитъ неспособность русскаго интеллигентнаго человѣка къ практической дѣятельности, къ устраненію самыхъ насущныхъ несовершенствъ русской дѣйствительности,—то она въ то же время жадно и подчасъ страстно бросается въ поиски за такими дѣятелями, которые, не теряя пустыхъ словъ, принимались бы умѣло и энергично за дѣло, конечно, не за то дѣло, надъ которымъ подтруниваетъ г. Михайловскій, не за своекорыстныя дѣлишки подъ предлогомъ отсутствія въ нашемъ обществѣ идеаловъ, а за осуществленіе въ самой жизни завѣтнѣйшихъ преданій и идеаловъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ, за доставленіе фактическаго торжества «забытымъ словамъ». Идеалы правды, добра, честности, свободы, остаются неизмѣнными; они будутъ жить, пока живъ человѣкъ; но теперь недостаточно только провозглашать ихъ; необходимо осуществлять ихъ въ жизни примѣнительно къ умственному развитію, общественнымъ воззрѣніямъ, нуждамъ и стремленіямъ той среды, въ которой современному поколѣнію приходится дѣйствовать. Эта истина властно предстала предъ сознаніемъ русскаго общества, которое всѣми своими фибрами чувствуетъ, что пока она не войдетъ въ нашу плоть и кровь, Русская земля будетъ рождать попрежнему однихъ гамлетиковъ и донъ-кихотиковъ.

Преемственность задачъ русской беллетристики бросается и тутъ съ неотразимою силою въ глаза. Уже Гоголь въ той части своего великаго творенія, которая нашла себѣ меньше всего отзвука, во второй части своихъ «Мертвыхъ душъ», пытался указать на существующіе въ нашемъ обществѣ положительные типы. Костанжогло, Муразовъ и генералъ-губернаторъ являются такими типами, въ которыхъ воплощается до извѣстной степени умѣніе служить народу и осуществлять въ дѣйствительности идеи правды, добра, честности. Наболѣвшая душа Гоголя не могла примириться съ тою отрицательною картиною русской жизни, которую онъ самъ такъ геніально изобразилъ. И онъ началъ подходить къ положительнымъ типамъ, онъ началъ ихъ изображать, къ сожалѣнію, слабѣющею рукою, но у этого великаго художника и слабѣющая рука была еще очень сильна. Если его положительные типы не были оцѣнены по достоинству нашею критикою, то только потому, что онъ искалъ ихъ въ средѣ, откуда русское общество перестало искать чего либо хорошаго, убѣжденное, что только обновленное поколѣніе можетъ обновить рус-

скую жизнь. А бѣда-то заключалась въ томъ, что это обновленное поколѣніе русской жизни совсѣмъ не знало, что, воспитанное вдали отъ нея на «прекраснодушіи», какъ выражался Бѣлинскій, оно не въ состояніи было справиться съ трудною задачею водворенія правды и добра въ средѣ Чичиковыхъ, Ноздревыхъ, Собакевичей. Но приступъ былъ сдѣланъ, и рука Гоголя указала всѣмъ послѣдующимъ русскимъ беллетристамъ на эту сторону ихъ отвѣтственной задачи. Нѣтъ большого русскаго писателя въ по-гоголевскомъ періодѣ, который не пытался бы принять и въ этомъ отношеніи на себя его наслѣдіе, за исключеніемъ развѣ одного Салтыкова, который довелъ гоголевскій смѣхъ до послѣдней крайности. Тургеневъ далъ намъ Соломина и Инсарова, этого дѣятеля, который, живя всецѣло, до полнаго забвенія своей личности, любовью къ родинѣ, умѣетъ воплощать эту любовь въ дѣлѣ. Гончаровъ противопоставилъ Обломову Штольца, обломовщинѣ — жизнерадостное, увѣренное, дѣловитое служеніе тому, въ чемъ наиболѣе, быть можетъ, нуждается наше отечество; Марку Волохову онъ противопоставилъ Тушина и т. д. Я не могу прослѣдить всѣ детали этой стороны художественнаго творчества нашихъ великихъ писателей, но и указанныхъ примѣровъ достаточно, чтобъ понять мою мысль. И что же мы видимъ въ современной беллетристикѣ? Она и тутъ продолжаетъ дѣло корифеевъ нашей художественной мысли. Она старается въ живыхъ образахъ указать на несоотвѣтствіе средствъ и цѣлей, выяснить, что герои, ищущіе подвиговъ, оказываются у насъ почти всегда несостоятельными, именно вслѣдствіе внутренней или внѣшней невозможности пріискать средства для совершенія предположенныхъ подвиговъ. Взвинченный высокими идеями облагодѣтельствованія всей родины или даже всего человѣчества, герой бросается, очертя голову въ бой, и скоро оказывается, что онъ ведетъ борьбу съ вѣтренными мельницами или расшибаетъ себѣ голову о первый встрѣчный камень, не замѣченный имъ, не смотря на всю внушительность его размѣровъ. «Въ извѣстные годы (я говорю о юности),—мы цитируемъ г. Потапенка,—насъ подавляетъ потребность подвига, великаго дѣла, мірового, великой жертвы. Мы еще тогда слишкомъ неопытны и не знаемъ, что «то кровь кипитъ, то силъ избытокъ», и не болѣе, кипитъ кровь, которая съ нашимъ вступленіемъ въ практическую жизнь, благодаря различнымъ охлаждающимъ вліяніямъ, мало по малу пріобрѣтаетъ умѣренную температуру, избытокъ силъ, который тою же практическою жизнью такъ просто и незамѣтно распредѣляется на разные неизбѣжные пустяки. Но мы этого знать не хотимъ, потому что сознать это — значитъ признать себя средними людьми, и рвемся къ подвигу, дѣлаемъ ложные шаги и кончаемъ либо пьянствомъ, либо выстрѣломъ, либо, что хуже того и другаго, реакціей въ другую сторону. Но я, слава Богу, во время сознаъ, что я не

болѣе, какъ средній человѣкъ, и не сдѣлалъ ложнаго шага. Я сказалъ себѣ: нѣтъ, подвига я совершить не способенъ, а буду жить по совѣсти, и то хорошо. И, когда я твердо сказалъ себѣ это, все моё отчаяніе, происходившее отъ безплоднаго исканія путей, прошло, и въ душѣ моей водворилась полная гармонія» («Сѣверный Вѣстникъ», ноябрь 1891 г., «Не-герой», стр. 73). Нельзя удивляться, что герои прежняго пошиба не соблазняютъ современныхъ беллетристовъ. Рудины, Базаровы, Неждановы остаются, не смотря на положительную сторону ихъ идеаловъ, на возвышенность ихъ порывовъ, типами отрицательными. Костанжогло, Инсаровы, Штольцы, Соломины являются типами положительными, можетъ быть, блѣдными, но въ этомъ, какъ я уже замѣтилъ, невиноваты великіе наши художники, въ этомъ виновата сама жизнь, и мы рѣшительно отказываемся вѣрить, чтобы русская, столь одаренная, столь богатая натура не создала въ концѣ концовъ матеріала пригоднаго для сильнаго положительнаго типа въ искусствѣ. Вопросъ этотъ сложный, котораго здѣсь не мѣсто касаться; но мы видимъ, что общество наше жаждетъ такихъ типовъ, что его герои прежняго закала болѣе не удовлетворяютъ, что оно ищетъ именно такихъ дѣятелей, которыхъ г. Вас. Немировичъ-Данченко [1]) первый назвалъ «незамѣтными героями», которыхъ г. Потапенко демонстративно назвалъ «не-героями» и о которыхъ Тургеневъ пророчески говорилъ: «Мы вступаемъ въ эпоху только полезныхъ людей... и это будутъ лучшіе люди».

И вотъ что заслуживаетъ вниманія. Положительные типы, вышедшіе изъ-подъ рѣзца такихъ художниковъ, какъ Гоголь, Тургеневъ, Гончаровъ, не произвели въ свое время особеннаго впечатлѣнія: они затмевались яркими отрицательными типами, созданными тѣми же великими художниками. Но вотъ въ настоящее время стоило одному почти начинающему беллетристу не изобразить положительнаго типа, а просто болѣе или менѣе ясно и рѣзко выставить въ беллетристической формѣ одного изъ тѣхъ «только полезныхъ людей», которыхъ Тургеневъ называлъ «лучшими людьми» наступающей эпохи,—достаточно было этому начинающему писателю изобразить намъ не Богъ вѣсть какими густыми красками... кого? — сельскаго священника, готоваго положить душу, чтобы придти на помощь ближнему въ сферѣ реальныхъ страданій, реальнаго горя, — и этотъ начинающій писатель сразу сталъ извѣстностью. Почти одновременно, нѣсколько раньше появленія разсказа этого беллетриста, одинъ изъ нашихъ губернаторовъ говорилъ въ циркулярахъ, разосланныхъ по губерніи, о священникѣ, монахинѣ, сельской учительницѣ, тюремномъ смотрителѣ, распространившихъ въ глухихъ провинціальныхъ уголкахъ съ изнывав-

[1]) В. Немировичъ-Данченко, «Незамѣтные герои». Спб., 1889 г.

шимъ отъ бѣдности и невѣжества населеніемъ духовное и матеріальное благосостояніе, и называлъ этихъ дѣятелей «истинно великими людьми». Это не случайное совпаденіе: и тамъ, и здѣсь,—въ разсказѣ начинающаго беллетриста и въ циркулярахъ саратовскаго губернатора,—говорили съ нами не занимательный разсказчикъ, не мѣстный администраторъ,—говорила съ нами сама жизнь. Она заставляетъ насъ прислушиваться съ жаднымъ вниманіемъ къ голосу администратора и къ голосу разсказчика; она со всѣми своими злобами и назрѣвшими вопросами возбуждаетъ нашъ интересъ къ одному слову и заставляетъ насъ равнодушно пропускать мимо ушей другое; она нами руководитъ; она—наша учительница, а тѣ учителя, которые почерпаютъ свое вдохновеніе въ отвлеченныхъ разсужденіяхъ иноземнаго происхожденія, въ разсужденіяхъ, порожденныхъ иною почвою, иными людьми, какъ бы возвышенны ни были стремленія этихъ учителей, какъ бы горячо они ни любили вмѣстѣ съ нами родину,—нѣтъ, эти учителя возбуждаютъ наше вниманіе лишь по старой доброй памяти, лишь въ силу вѣры въ ихъ искренность; но время ихъ вліянія проходитъ, если уже не прошло. Достаточно у насъ было провозвѣстниковъ правды; намъ теперь нужны люди, осуществляющіе ее, а только жизнь въ союзѣ съ наукою можетъ научить насъ, какъ ее осуществлять.

У г. Потапенка сорвалось вѣрное слово, въ которомъ выразилась основная злоба нашихъ дней. Онъ озаглавилъ доставившій ему извѣстность разсказъ «На дѣйствительной службѣ». Да, намъ нужна эта «дѣйствительная служба». Порывъ шестидесятыхъ годовъ былъ только порывомъ людей неопытныхъ, не искушенныхъ въ житейской борьбѣ, и кончился, какъ выражаются гг. Михайловскій и Скабичевскій, «наплывомъ мутныхъ волнъ дѣйствительности» и «мрачною реакціею». И теперь предсталъ предъ нами грозный вопросъ: захлебнемся ли мы въ этихъ «мутныхъ волнахъ», одолѣетъ ли насъ «сѣрый мракъ», или же мы одержимъ надъ ними побѣду? Не могутъ же все только въ столицѣ «гремѣть витіи», а тамъ, «во глубинѣ Россіи», не можетъ и впредь царить «вѣковая тишина». Нѣтъ, на самомъ дѣлѣ эта тишина давно уже нарушена. Зашевелился огромный муравейникъ, заколыхалось великое море, но всплыло изъ него на поверхность вовсе не то, чего мы ожидали. Пока мы «прекраснодушничали», пока въ столицахъ «гремѣли витіи», тамъ, въ медвѣжьихъ углахъ нашего отечества, поднялся другой шумъ, робкій, неясный, но, все-таки, уже опредѣленный, и когда мы къ нему прислушиваемся, что же мы слышимъ? Немолчный припѣвъ: «кулакъ—кабакъ, кабакъ—кулакъ». Это монотонный, но душу раздирающій припѣвъ, и когда мы его слышимъ, мы не можемъ не спросить себя: что же нами сдѣлано втеченіе тридцати лѣтъ для того, чтобъ покончить съ этимъ припѣвомъ? Гдѣ мы были, мы, интеллигентная Русь?

Мы «гремѣли» въ столицахъ, мы увѣряли себя и другихъ, что дѣлаемъ настоящее дѣло; а жизнь намъ теперь кричитъ: «нѣтъ, вы только «прекраснодушничали»; вы ублажали себя однихъ; дайте мнѣ людей, состоящихъ на моей «дѣйствительной службѣ», а вы служите не мнѣ, а себѣ». Мы до сихъ поръ не желаемъ прислушиваться къ этому голосу. Намъ говорятъ люди, задыхающіеся отъ «мутныхъ волнъ дѣйствительности» тамъ, «во глубинѣ Россіи»: «необходимо, чтобъ всѣ, кто сохраняетъ въ своей душѣ идеи правды и добра, въ комъ бьется сердце и живетъ стремленіе ко всему благому и возвышенному, кто истинно любитъ свою родину, шли бы на работу въ провинцію, чтобы общими силами вывести народъ на торную дорогу»; намъ представляютъ въ живыхъ образахъ примѣры того, что это возможно, но мы остаемся глухи къ этимъ голосамъ, потому что они намъ неудобны, потому что мы сами не привыкли трудиться въ этой области, потому что мы жаждемъ подвиговъ и гнушаемся работы въ сѣрой и мутной дѣйствительности. Мы только нарекаемъ на нее, пожимая плечами, и даемъ разными алегоріями чувствовать, что все это происходитъ по «независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ».

Нѣтъ, обстоятельства зависятъ не отъ кого другаго, какъ отъ насъ. Вдумаемся въ приговоръ всей нашей литературы. Перечитаемъ сатиры Кантемира, вспомнимъ Простаковыхъ, Недорослей, Фамусовыхъ, Чацкихъ, Онѣгиныхъ, Печориныхъ, Рудиныхъ, Базаровыхъ, Обломовыхъ, Собакевичей, Ноздревыхъ, пройдемся по этой галлереѣ живыхъ лицъ, выхваченныхъ изъ дѣйствительности. Нужна ли намъ болѣе яркая картина нашей общественной несостоятельности? Къ чему винить во всемъ другихъ, когда мы сами такъ много виноваты? Или наши великіе художники ошибались и взвели напраслину на наше общество? Кто рѣшится это утверждать? Но если наше общество дѣйствительно таково, если общественные дѣятели въ лучшемъ смыслѣ этого слова составляютъ у насъ такую рѣдкость, что ни одинъ художникъ, какъ бы великъ ни былъ его талантъ, не въ состояніи изобразить ихъ намъ выпукло и ярко, то надо войти въ себя, надо призадуматься надъ вопросомъ, почему «волны дѣйствительности такъ мутны»? Слегка измѣняя извѣстное изрѣченіе, можно сказать, что всякій народъ имѣетъ тотъ общественный строй, какого онъ заслуживаетъ. Когда всякій изъ насъ будетъ на своемъ мѣстѣ въ борьбѣ съ окружающею насъ неправдою, она скоро исчезнетъ. Но быть на своемъ мѣстѣ, проявить выдержку въ борьбѣ съ прозою жизни, подавать примѣръ цѣльности характера во всѣхъ мелочахъ жизни, дрязгахъ, повседневныхъ встрѣчахъ и столкновеніяхъ, работать неустанно и настойчиво надъ преодолѣніемъ всевозможныхъ препятствій, противопоставляемыхъ нашимъ возвышеннымъ идеаламъ и порывамъ,—это также своего рода подвигъ, незамѣтный, но тѣмъ

болѣе великій. Такіе люди, такіе «незамѣтные герои» встрѣчаются, — объ этомъ также свидѣтельствуетъ наша литература, начиная съ Кантемира и доходя до беллетристовъ нашихъ дней. Этимъ «незамѣтнымъ героямъ» надо оказывать поддержку, ибо они ее въ высшей мѣрѣ заслуживаютъ. Ради Бога, не будемъ ихъ смѣшивать съ «мутными волнами дѣйствительности». Наоборотъ, будемъ на нихъ указывать, протягивать имъ руку, отводить имъ почетное мѣсто, потому что они—истинные работники на родной нивѣ, потому что они—надежда земли Русской.

Р. Сементковскій.

АРТИЛЛЕРІЙСКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ[1].

ВЪ СТѢНАХЪ кронверка Петропавловской крѣпости, въ Петербургѣ, размѣщены, единственные въ ряду прочихъ по своему обилію и исторической законченности, памятники артиллерійскаго дѣла въ Россіи за періодъ пяти вѣковъ. Излишне говорить что либо о полезности коллекцій подобнаго характера, почти живыми словами разсказывающихъ намъ исторію своего далеко уже отошедшаго отъ насъ прошлаго. Настоящее же древнехранилище представляетъ особо широкій интересъ въ данномъ отношеніи, такъ какъ, рисуя передъ нами строго спеціальную картину движенія отъ эпохи къ эпохѣ усовершенствованій артиллерійскаго искусства, оно въ то же время захватываетъ не менѣе широкими штрихами и богатую исто-
ію общаго развитія технической промышленности на Руси. При
ижайшемъ ознакомленіи съ коллекціями артиллерійскаго музея,
стянувшимися сотнями экземпляровъ: отъ неуклюжей закованной
ь дубовую колоду желѣзной пищали XIV вѣка до грандіозной
дюймовой береговой пушки нашихъ дней, открывается много лю-
пытныхъ страницъ и не для однихъ спеціалистовъ; каждый,
же мало интересующійся указанными вопросами, найдетъ здѣсь
ильную пищу для своей любознательности.

---

[1]) Основаніемъ сообщаемыхъ ниже свѣдѣній послужили: «Историческій ка-
тогъ С.-Петербургскаго артиллерійскаго музея» и «Отчетъ музея за 1872—
32 годы», составленные г. Бранденбургомъ; «Историческое описаніе вооруженія
іскъ», Висковатова; инвентарныя описи музея и нѣсколько документовъ ар-
ва артиллерійскаго музея.

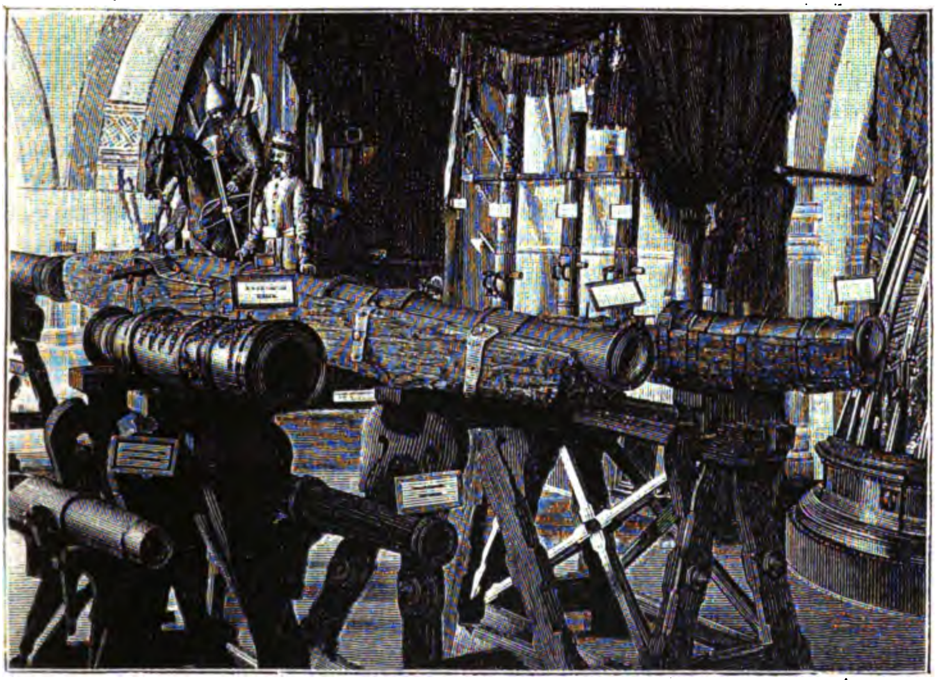
Мы не говоримъ уже о конструктивной оригинальности нѣкоторыхъ боевыхъ орудій нашихъ предковъ, нерѣдко поражающей курьезностью своей идеи и назначеніемъ тѣхъ или другихъ деталей, чему особенно широкое мѣсто въ отдѣлѣ такъ называемыхъ «инвенцій» и «прожектовъ». Здѣсь, начиная отъ представителей неусыпнаго стремленія древнихъ артиллеристовъ къ ускоренію боевой стрѣльбы, отъ всевозможныхъ: «орга́новъ», пушки-револьвера, скорострѣльнаго ящика, пушки на подобіе мельничнаго колеса съ десятками мортирокъ по окружности и т. п., цѣлою серіей тянутся, подчасъ лишенныя даже всякаго смысла, абсурдныя творчества досужихъ прожектеровъ прошлаго времени, претендовавшихъ, напримѣръ, замѣною снаряда въ орудіи двумя желѣзными палками, для чего и послѣднее передѣлывалось въ двуствольное, поражать однимъ выстрѣломъ если и не всю непріятельскую армію, то во всякомъ случаѣ не менѣе 36 человѣкъ, какъ обѣщаетъ самъ, увлекшійся своимъ изобрѣтеніемъ, инвенторъ. Но на ряду съ этимъ приходится нерѣдко становиться лицомъ къ лицу и передъ такими вопросами, какъ, напримѣръ, сознаніе того обстоятельства, что почти все, чѣмъ мы пользуемся въ наши дни подъ громкимъ девизомъ послѣдняго слова артиллерійской науки, не было новостью и для нашихъ очень древнихъ предковъ. Мысль о томъ, что то только ново, что хорошо забыто, находитъ въ стѣнахъ артиллерійскаго музея самое широкое разоблаченіе. Заряжаніе съ казенной части, скрѣпленіе орудій кольцами, нарѣзы въ пушкахъ, разрывные снаряды и многое другое, что видимъ мы въ наше время, слѣпо считая открытіями и изобрѣтеніями лишь недавнихъ дней, все это видѣли и наши сѣдые предки XVII, XVI и даже XIV вѣковъ; если же идея умирала, не переживая ихъ и возвращаясь къ намъ подъ формою чего-то новаго, то только благодаря тому, что собою она значительно опережала общее состояніе современной ей техники и не имѣла нынѣшнихъ богатыхъ средствъ послѣдней. Тѣмъ не менѣе, даже при такихъ условіяхъ, техника старыхъ временъ съумѣла создать многое, что бы могло сдѣлать честь и техникѣ нашего времени, особенно въ отношеніи желѣзоковательнаго искусства, далеко нелегкаго вообще. Въ числѣ памятниковъ музея имѣется, напримѣръ, выкованная изъ желѣза пищаль XVII столѣтія, вѣсящая въ отдѣлкѣ, кстати замѣтимъ, чрезвычайно щеголеватой [1]), болѣе 62 пудовъ, слѣдовательно вчернѣ металлъ, который при отсутствіи машинъ приходилось ковать въ ручную, вѣсилъ еще болѣе. Другой рѣдкій экземпляръ подобнаго рода, это— орудіе Петровской эпохи, выкованное туляками изъ желѣзной проволоки на манеръ такъ называемой дамасской стали.

Не менѣе любопытна и рѣдка своею исторической древностью

---

[1]) Сверху орудіе покрыто серебряною чеканкой и рѣзьбою.

группа нѣсколькихъ орудій, поставленныхъ во главѣ коллекцій артиллерійскаго музея. Это — самые сѣдые представители артиллерійскаго искусства, какіе только могла сохранить намъ наша старина. Два правыхъ орудія, примитивностью своей конструкціи и грубостью отдѣлки какъ самаго орудія, такъ и вмѣщающей ихъ деревянной колоды, наглядно знакомятъ насъ, между прочимъ, съ тѣми первыми на Руси пушками, которыя были вывезены къ намъ съ Запада въ княженіе Димитрія Іоанновича Донскаго, и о которыхъ говоритъ лѣтописецъ, отмѣчая подъ 1389



Древнѣйшія орудія, мѣдныя и желѣзныя, съ XIV по XVI вѣкъ.

годомъ, что «лѣта 6897 вывезли изъ Нѣмецъ арматы на Русь и огненную стрѣльбу и отъ того часу уразумѣли изъ нихъ стрѣляти». По виду, орудіе представляется грубо выкованнымъ изъ листоваго желѣза, скрѣпленнымъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ такими же кольцами. Каналъ орудія сквозной, что̀ указываетъ намъ, что оно заряжалось сзади, или, какъ принято говорить на языкѣ артиллеристовъ, съ казенной части, для чего къ ней приспособленъ и особый механизмъ, состоящій изъ отдѣльной отъ орудія вкладной цилиндрической каморы, съ помѣщенною наверху рукоятью. Камора, по укладкѣ въ нее пороховаго заряда и снаряда, вкладывалась въ

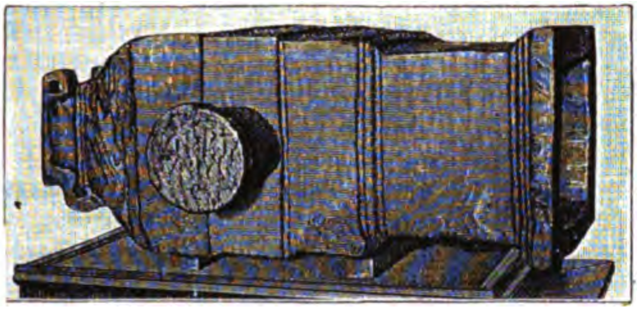
каналъ орудія, гдѣ плотно зажималась помѣщавшимся сзади нея желѣзнымъ клиномъ. Все это наглядно можно видѣть на рисункѣ втораго отъ края орудія. Этотъ рѣдкій памятникъ былъ поднятъ со дна Балтійскаго моря и впослѣдствіи подаренъ императору Николаю I датскимъ королемъ Фридрихомъ VII; другой—найденъ у береговъ Ревеля; оба находились подъ водою болѣе двухъ вѣковъ. Видныя въ этой же группѣ только наполовину своей длины орудія принадлежатъ также къ весьма древней эпохѣ; судя по конструкціи, выдѣлка ихъ никакъ не позже начала XV столѣтія. И то и другое найдены въ области Донскаго войска: одно — въ Новочеркасскѣ, другое пріобрѣтено генераломъ Саблуковымъ въ Лугани.

Пятый и послѣдній памятникъ, представленный на рисункѣ, есть щеголеватый представитель артиллеріи грознаго царя Руси Іоанна IV. Это—«гафуница», типъ орудія, извѣстнаго впослѣдствіи подъ названіемъ гаубицы, назначеніемъ которой была стрѣльба каменными ядрами и каменною картечью, «дрȣбомъ». По всей поверхности орудіе разукрашено литыми травами съ любопытнымъ, между прочимъ, изображеніемъ у дула большаго вѣнка и оленя, чешущаго себѣ ногой голову. Вдоль гафуницы тянется славянскою вязью надпись: «Іоаннъ Божьею милостью государь всея Руси въ лѣто 7050 (1542 г.) дѣлалъ Игнатій».

Къ разряду орудій съ такимъ же боевымъ назначеніемъ относится и другой экземпляръ, представляющій собою мѣдный камнеметъ XVI столѣтія. Особенности его конструкціи составляютъ пирамидальная камора и форма всего орудія, обдѣланнаго въ параллепипедъ.

Между указанными уже нами памятниками ютятся или, наоборотъ, рѣзко выдѣляются грандіозностью своихъ размѣровъ многіе десятки другихъ представителей прошлаго русской артиллеріи, если и не составляющихъ особеннаго рельефа въ общей, вырисовывающейся ими картинѣ пятивѣковаго прогресса артиллерійскаго дѣла, то во многихъ случаяхъ представляющихъ большое сокровище по своей общеисторической цѣнности. Таковы, напримѣръ, мортиры, отлитыя: одна—на иждивеніе извѣстнаго гетмана Мазепы и всего войска Запорожскаго, другая — въ кратковременное царствованіе Лжедимитрія, бывшаго большимъ охотникомъ до пушечной стрѣльбы и литья пушекъ. Еще Петръ Великій подмѣтилъ цѣнность послѣдняго памятника, увѣковѣчивъ свой интересъ къ нему сохранившеюся доселѣ чеканною на орудіи надписью: «великій государь по имянному своему указу сего мортира переливать не указалъ». Невдалекѣ отъ этихъ двухъ помѣщается не менѣе интересный представитель артиллеріи царя Михаила Ѳедоровича, съ весьма двусмысленнымъ и любопытнымъ посвященіемъ въ надписи по ободу казенника. Была ли таковая продуктомъ скрытой иро-

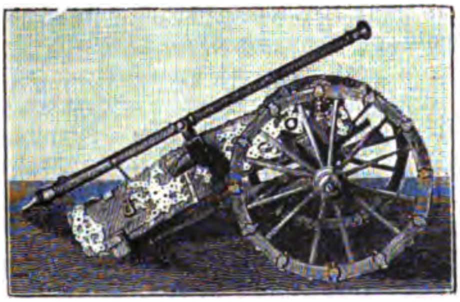
ніи иностраннаго мастера, если полагать отливку орудія за границею, или же попросту ошибкою нашего литейщика, перещегольнувшаго своимъ полуграмотнымъ знакомствомъ съ латинскимъ языкомъ, трудно сказать съ достовѣрностью; курьезно же то, что, въ латинскомъ посвященіи этого орудія Михаилу Ѳедоровичу слово



Мѣдный камнеметъ XVI вѣка.

«russorum» замѣщено, благодаря перестановкѣ двухъ первыхъ буквъ, словомъ «ursorum», что въ общемъ переводитъ всю надпись къ титулованію русскаго царя «великимъ предводителемъ всѣхъ медвѣдей». Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ памятникъ представляетъ собою древнѣйшее нарѣзное орудіе, которое до сихъ поръ извѣстно не только въ Россіи, но и въ заграничныхъ музеяхъ.

Другой экземпляръ того же типа, относящійся къ царствованію Алексѣя Михайловича, представленъ нами на рисункѣ.



Древняя нарѣзная пищаль XVII вѣка.

Это—заряжающаяся съ казенной части, болѣе сажени длиною, пищаль съ правильно расположенными внутри ея канала 16 полукруглыми нарѣзами. По поверхности орудіе изящно украшено серебромъ и позолотою, что, между прочимъ, указываетъ на ихъ особую службу въ рядахъ артиллеріи Московскаго государства.

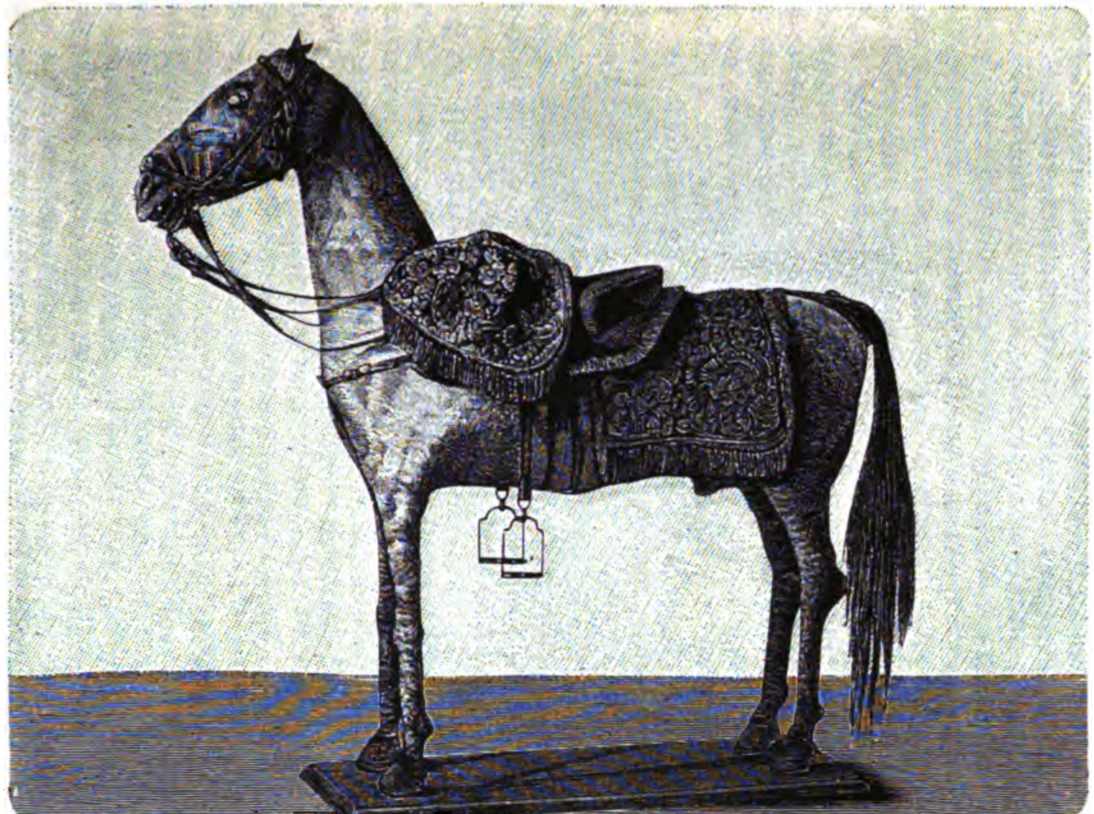
По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, орудія этого рода, которыхъ имѣется числомъ двѣнадцать, употреблялись при торжественныхъ церемоніяхъ встрѣчи въ Москвѣ иноземныхъ пословъ, находясь въ постоянномъ храненіи въ пушкарскомъ приказѣ. Отъ времени эти орудія успѣли сильно поблекнуть; во многихъ мѣстахъ не осталось и слѣдовъ какой либо позолоты. Любопытно, что еще въ 1775 году оружейная канцелярія выражала желаніе реставрировать попорченныя украшенія, но потребовавшаяся на то громадная сумма въ 12,900 рублей заставила отказаться отъ всякихъ попытокъ привести орудія въ ихъ прежній видъ.

Подъ орудіемъ современный двухколесный лафетъ, окрашенный красною краскою и со множествомъ узорчатыхъ оковокъ.

Перейдя затѣмъ въ залъ памятниковъ двухъ послѣднихъ вѣковъ, посѣтитель артиллерійскаго музея встрѣтитъ и здѣсь не мало любопытныхъ экземпляровъ. Грандіозная, украшенная рѣзьбою колесница XVIII вѣка, съ помѣщеннымъ на ней единственнымъ представителемъ артиллерійскаго знамени; самодѣльныя пушки Емельяна Пугачева; орудіе, участвовавшее въ битвѣ 1806 года подъ Прейсишъ-Эйлау и не разряженное съ тѣхъ поръ, благодаря пораненію французскимъ ядромъ его канала; «секретная» гаубица, инвентованная графомъ Шуваловымъ; пушка съ метательною силою пара вмѣсто пороха и много другихъ, не говоря уже о рѣдкихъ памятникахъ спеціально артиллерійскаго интереса.

Сотни знаменъ и развѣшаннаго по стѣнамъ залъ ручнаго оружія, вмѣстѣ съ образчиками боевой аммуниціи русскихъ войскъ за разныя эпохи, придаютъ полную законченность этой живой картинѣ исторіи общаго состоянія военнаго дѣла на Руси, съ далекихъ временъ XIV вѣка, до самыхъ послѣднихъ дней. Но, выполняя прямую цѣль своего назначенія, какъ спеціальнаго древнехранилища отечественныхъ памятниковъ, артиллерійскій музей въ то же время служитъ хранилищемъ многочисленныхъ трофеевъ, отбитыхъ нами въ разные періоды войнъ у войскъ почти всѣхъ государствъ Европы и Азіи. Размѣщенные по верхнему этажу, частью же, по недостатку помѣщенія, внѣ стѣнъ музея, памятники нашихъ войнъ съ Австріей, Германіей, Франціей, Англіей, Италіей, Швеціей, Турціей и другими государствами представляютъ уже по одному обилію ихъ богатый интересъ, возростающій еще болѣе при ближайшемъ ознакомленіи. Рядомъ съ этими главными отдѣлами коллекцій музея, отведенъ небольшой, но нарядный уголокъ собранію предметовъ совершенно общаго характера, къ описанію которыхъ мы еще вернемся. Теперь же скажемъ нѣсколько словъ объ исторіи самаго древнехранилища.

Прошлое артиллерійскаго музея восходитъ въ очень отдаленное отъ насъ время. До нашихъ дней сохранились хотя и немногія, но весьма цѣнныя указанія въ этомъ отношеніи, дающія возмо-

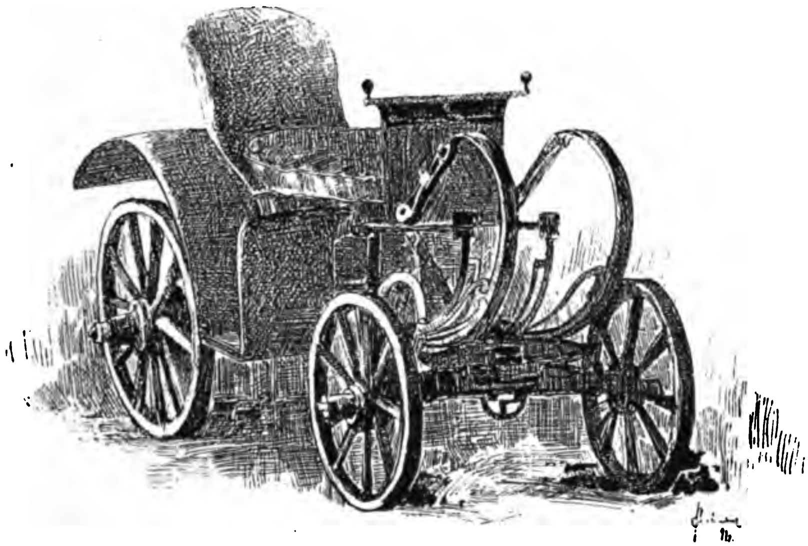


Лошадь и сѣдло императрицы Екатерины II.

жность съ достаточнымъ основаніемъ полагать однимъ изъ начальныхъ моментовъ проявленія интереса нашихъ предковъ къ сохраненію представителей отдаленныхъ эпохъ прошлаго артиллеріи время уже знакомой намъ чеканки на мортирѣ Лжедимитрія, помѣченной 1703 годомъ. Порождая въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи рядъ другихъ мѣръ подобнаго характера, интересъ этотъ успѣлъ окрѣпнуть въ форму вполнѣ сознательнаго уваженія къ этимъ безмолвнымъ свидѣтелямъ славныхъ, подчасъ и полныхъ несчастья, страницъ боевой жизни Руси. Въ 1719 году, мы видимъ, напримѣръ, что восемь пушекъ Преображенскаго и Семеновскаго полковъ царскимъ указомъ велѣно «за ихъ службы» взять отъ полковъ и поставить на храненіе въ цейхгаузъ «въ удобномъ мѣстѣ, гдѣ-бъ мочи не было и отъ пожара опасности». Далѣе передъ нами цѣлая серія распоряженій о пріобрѣтеніи отъ иностранныхъ и русскихъ купцовъ вывезенныхъ ими изъ Швеціи старинныхъ русскихъ орудій[1]); въ 1724 году опубликовано повсемѣстное для Россіи запрещеніе переливки старыхъ пушекъ, мотивируемое надобностью таковыхъ въ артиллерію «для курьезу» и т. д. То же прослѣживаемъ мы и въ послѣдующихъ царствованіяхъ. Всѣ собираемые далѣе памятники складывались на храненіе «вмѣстѣ съ прочими старинными пушками» въ тотъ же Петербургскій цейхгаузъ, образовавъ съ теченіемъ времени, своимъ все болѣе и болѣе обогащавшимся собраніемъ, ядро того будущаго зачатка артиллерійскаго музея, которому окончательно окрѣпнуть суждено было лишь благодаря случайному интересу къ хранимому имъ имуществу. Генералъ-фельдцейхмейстеръ и извѣстный въ свое время неусыпный изобрѣтатель графъ Петръ Ивановичъ Шуваловъ, натолкнувшись на археологическія богатства помянутаго цейхгауза, понялъ всю важность, какую могли бы играть таковыя въ сферѣ его инвенторскихъ измышленій, давая собой богатый матеріалъ къ ознакомленію съ изобрѣтеніями прошлыхъ дней а вмѣстѣ съ тѣмъ и канву для новыхъ проектовъ. Въ виду чего, желая возможно шире пополнить коллекціи цейхгауза и не довольствуясь уже прежнимъ, подчасъ вполнѣ случайнымъ приростомъ новыхъ патятниковъ, онъ рѣшился вывести это дѣло на путь спеціальныхъ и энергичныхъ розысковъ, не безъ основанія намѣтивъ мѣстами ихъ главнымъ образомъ старые монастыри. Слѣдствіемъ этой незабвенной въ хроникѣ музея иниціативы Шувалова, 14-го ноября 1756 года состоялся высочайшій указъ, предоставившій возможность «разобранія имѣющихся по монастырямъ старинныхъ военныхъ орудій и протчаго» и взятія ихъ въ

[1]) Утерянныхъ въ роковой для артиллеріи день первой Нарвской битвы въ 1700 году, когда Карломъ XII была захвачена наша артиллерія, болѣе 150 орудій.

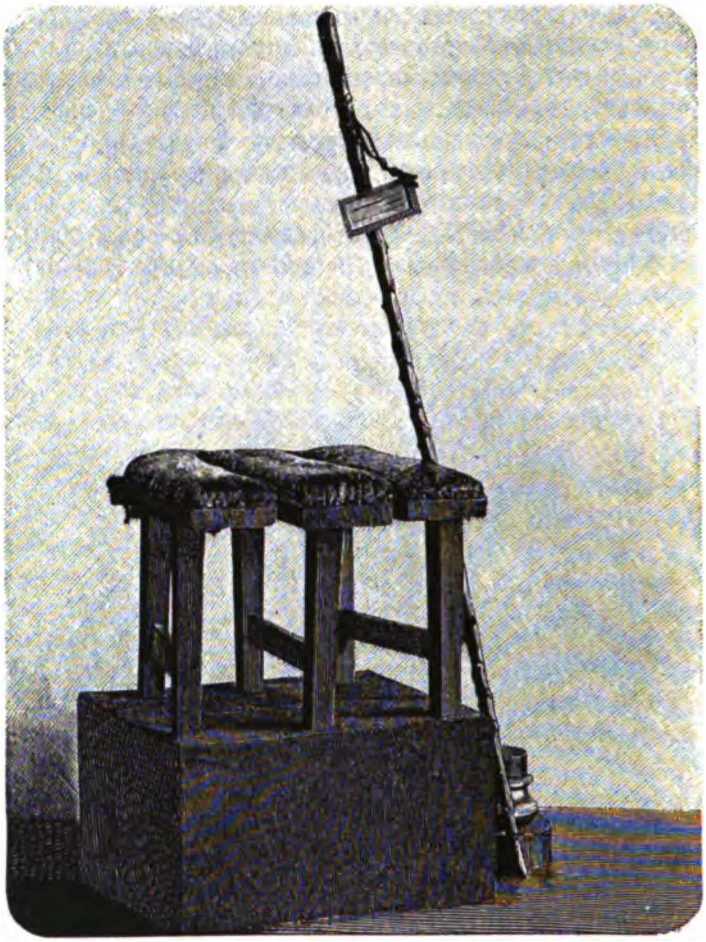
артиллерію, съ каковою миссіею и былъ командированъ подпоручикъ Семеновскаго полка Кропотовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣмъ прочимъ учрежденіямъ, у которыхъ почему либо могли оказаться тѣ или другіе «курьезные» памятники помянутаго характера, было предписано, разобравъ и составивъ возможно подробное описаніе имъ, хранить таковые въ особыхъ помѣщеніяхъ. Съ теченіемъ времени весь этотъ матеріалъ, обильно почерпаемый изъ монастырей и другихъ мѣстъ и концентрируемый въ двухъ главныхъ пунктахъ—Москвѣ и Петербургѣ, образовалъ въ послѣднемъ обширное собраніе «инвенторскихъ и достопамятныхъ вещей», размѣ-



Походныя дрожки императора Александра I.

щенное въ томъ же году подпоручикомъ Миллеромъ въ одномъ изъ зданій Новаго Пушечнаго двора.

Но, подбирая эти памятники, Шуваловъ, какъ мы видѣли, имѣлъ въ виду лишь исключительное назначеніе ихъ служить матеріаломъ для временнаго изученія состоянія артиллерійской техники въ предшествовавшія эпохи; почему, по выполненіи собранными коллекціями означенной роли, родился естественно вопросъ объ ихъ дальнѣйшей участи, и въ виду того, что «во оныхъ нужды болѣе не состояло», какъ доносилъ о томъ помянутый Миллеръ, въ 1761 году послѣдовало распоряженіе о передачѣ ихъ къ имуществу С.-Петербургскаго арсенала; частью же коллекцій, главнымъ образомъ ручнымъ оружіемъ, предположено было вооружить иррегулярныя войска. Тѣмъ не менѣе, съ этихъ поръ за помянутымъ собраніемъ, не смотря на какъ будто пошатнувшійся инте-



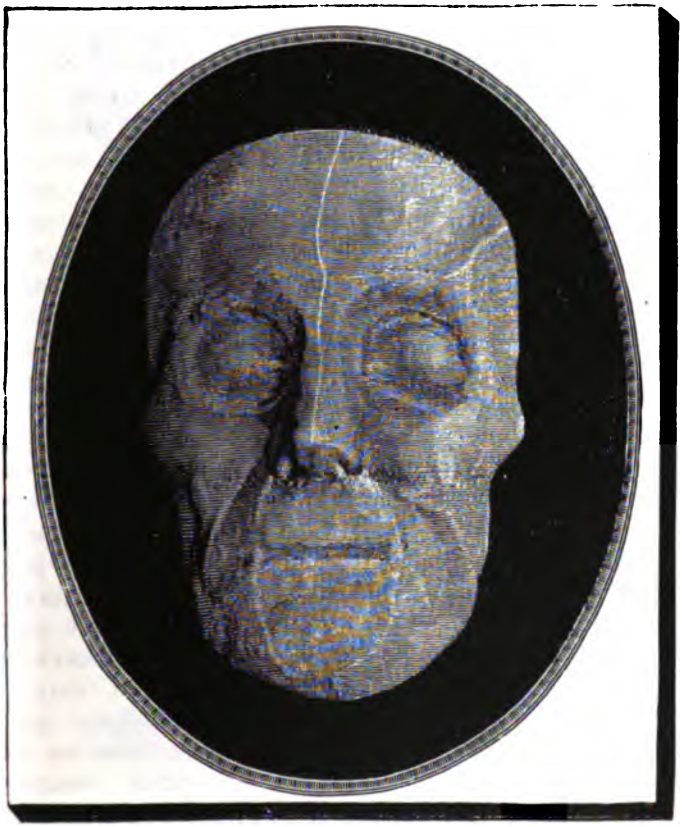
Табуретъ и трость Стеньки Разина.

ресъ къ нему, утвердилось вполнѣ опредѣленное значеніе спеціальнаго хранилища памятниковъ артиллерійскаго искусства, и сюда же четыре года спустя была доставлена изъ Москвы и съ Сестрорѣцкаго завода многочисленная серія старинныхъ орудій, числомъ до 250-ти, готовыхъ было погибнуть въ переливкѣ на монету для уплаты числящагося въ артиллеріи двухмилліоннаго долга.

Обезпеченныя еще болѣе въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи указомъ слѣдующаго 1765 года, коллекціи артиллерійскихъ памятниковъ Москвы и Петербурга начали постепенно стягивать къ себѣ таковые со всѣхъ концовъ Россіи, вмѣстѣ съ тѣмъ главнѣйшая роль въ этомъ отношеніи установилась за Петербургомъ, на

столько, напримѣръ, что въ 1786 году мы встрѣчаемся съ фактомъ передачи изъ Московскаго арсенала въ Петербургскій весьма драгоцѣннаго памятника XVII столѣтія—12 желѣзныхъ высеребренныхъ пищалей, о которыхъ мы уже имѣли случай говорить выше.

Въ перечнѣ поступленій въ Петербургскій арсеналъ, производившихся нерѣдко и отъ постороннихъ артиллеріи вѣдомствъ, особенно выдѣляется обиліемъ доставленныхъ памятниковъ проме-



Гипсовая маска Суворова.

жутокъ 1778 и 1779 годовъ, когда изъ Ораніенбаумской конторы и С.-Петербургской крѣпости было передано ему въ общей сложности до 700 экземпляровъ, изъ которыхъ на долю русскихъ памятниковъ приходилась цифра 470, остальное дополняла группа иностранныхъ. Въ это же время арсеналомъ были сдѣланы и такія рѣдкія пріобрѣтенія, какъ, напримѣръ, коллекція орудій, бывшихъ въ отрядѣ Шеина при памятной въ лѣтописяхъ исторіи осады Смоленска 1632—1634 годовъ, масса иностранныхъ знаменъ съ

нѣмецкимъ знаменемъ 1542 года во главѣ и многіе другіе предметы. Здѣсь же становится замѣтна вполнѣ оффиціальная роль арсенала, на ряду съ фактомъ постановки въ немъ 13-го января 1797 года въ личномъ присутствіи императора Павла I-го тринадцати знаменъ царствованія Екатерины Великой. Цѣлыми группами шли съ разныхъ концовъ Россіи высылки въ Петербургскій арсеналъ достопамятныхъ предметовъ, причемъ характеръ его, какъ центральнаго хранилища ихъ, окончательно выясняется передачею въ 1795 году съ Тульскаго оружейнаго завода коллекціи нарѣзныхъ орудій времени Елизаветы на храненіе въ Петербургъ, а не въ Москву, какъ того можно было ожидать въ виду значительной близости послѣдней къ Тулѣ. Всѣ болѣе любопытные и цѣнные памятники направлялись уже исключительно въ Петербургскій арсеналъ, за массою которыхъ во все время ихъ поступленій мы, однако, отказываемся слѣдить непрерывно, изъ опасенія значительно уклониться отъ прямой цѣли настоящаго сообщенія [1]).

Отмѣтимъ лишь наиболѣе любопытныя пріобрѣтенія, какъ, напримѣръ, переданные въ 1827 году изъ Казанскаго артиллерійскаго гарнизона 16 русскихъ мортиръ и пушекъ XVII столѣтія; отъ министра императорскаго двора 13 предметовъ личнаго гардероба Петра Великаго; въ 1828 году изъ главнаго штаба и отъ придворной конторы коллекція болѣе 150 предметовъ, лично принадлежавшихъ государямъ: Петру I-му, Петру III-му, Екатеринѣ Второй, Александру I-му, Фридриху Великому и Францу I-му; въ 1838 году изъ арсенала великаго князя Константина Павловича собранія ручнаго вооруженія XVIII и XIX вѣковъ; въ 1839 году изъ Московскаго арсенала 11 предметовъ очень рѣдкаго холоднаго оружія XVII столѣтія и, между прочимъ, единственный, на сколько до сихъ поръ извѣстно, экземпляръ особой конструкціи артиллерійскаго орудія, упоминаемаго въ лѣтописяхъ прошлаго подъ названіемъ «сорóки», и, наконецъ, въ 1871 году изъ арсенала Аничковскаго дворца многочисленная коллекція древняго вооруженія иностранныхъ войскъ. Не малую роль въ обогащеніи арсенала играли также пріобрѣтенія случайныя, являвшіяся отчасти продуктомъ пожертвованій частныхъ лицъ, но, въ большей массѣ, благодаря открывавшимся, время отъ времени, находкамъ, изъ которыхъ особенно любопытна коллекція желѣзныхъ кованыхъ пищалей XV—XVI столѣтій, найденная въ 1856 году въ Устюжнѣ-Желѣзнопольской.

Въ общемъ, весь приростъ, вмѣстѣ съ имѣвшимся уже въ арсеналѣ военно-археологическимъ имуществомъ, выразился къ 1872

---

[1]) Интересующіеся могутъ найдти подробныя указанія на страницахъ составленнаго г. Бранденбургомъ «Отчета артиллерійскаго музея», откуда почерпнуты и настоящія свѣдѣнія.

Стутая Нептуна.

году въ солидной цифрѣ итога до 8,000 предметовъ, не считая здѣсь свыше 400 различныхъ памятниковъ общеисторическаго значенія и собранія ружей, вошедшихъ въ его коллекціи только опредѣленнымъ количествомъ экземпляровъ.

При взглядѣ на приведенный выше перечень предметовъ поступленій, рельефно вырисовывается, между прочимъ, самый характеръ, носимый въ то время хранилищемъ ихъ. При организаціи этого собранія не проводилось, повидимому, никакой опредѣленной идеи, такъ какъ составившія его коллекціи отличаются

крайнимъ разнообразіемъ; помѣщенныя на ряду съ тѣми или другими представителями артиллерійскаго искусства, вещи, въ родѣ игрушечной лошадки Павла I-го, придворной похоронной колесницы [1]), верстомѣрной коляски и т. п., придавали организованному собранію видъ скорѣе какого-то общаго склада достопамятныхъ рѣдкостей, нежели спеціальнаго древнехранилища артиллерійскихъ памятниковъ, почему является и вполнѣ соотвѣтствующимъ, приданное, впослѣдствіи, этому учрежденію, обширное по своему значенію, названіе «достопамятнаго зала».

Помѣщаясь долгое время въ стѣнахъ зданія нынѣшняго окружнаго суда [2]), «достопамятный залъ» въ 1869 году былъ переведенъ, къ сожалѣнію, не безъ ущерба и даже утраты многихъ памятниковъ, въ кронверкъ Петропавловской крѣпости, гдѣ три года спустя для него наступила совершенно новая эра существованія.

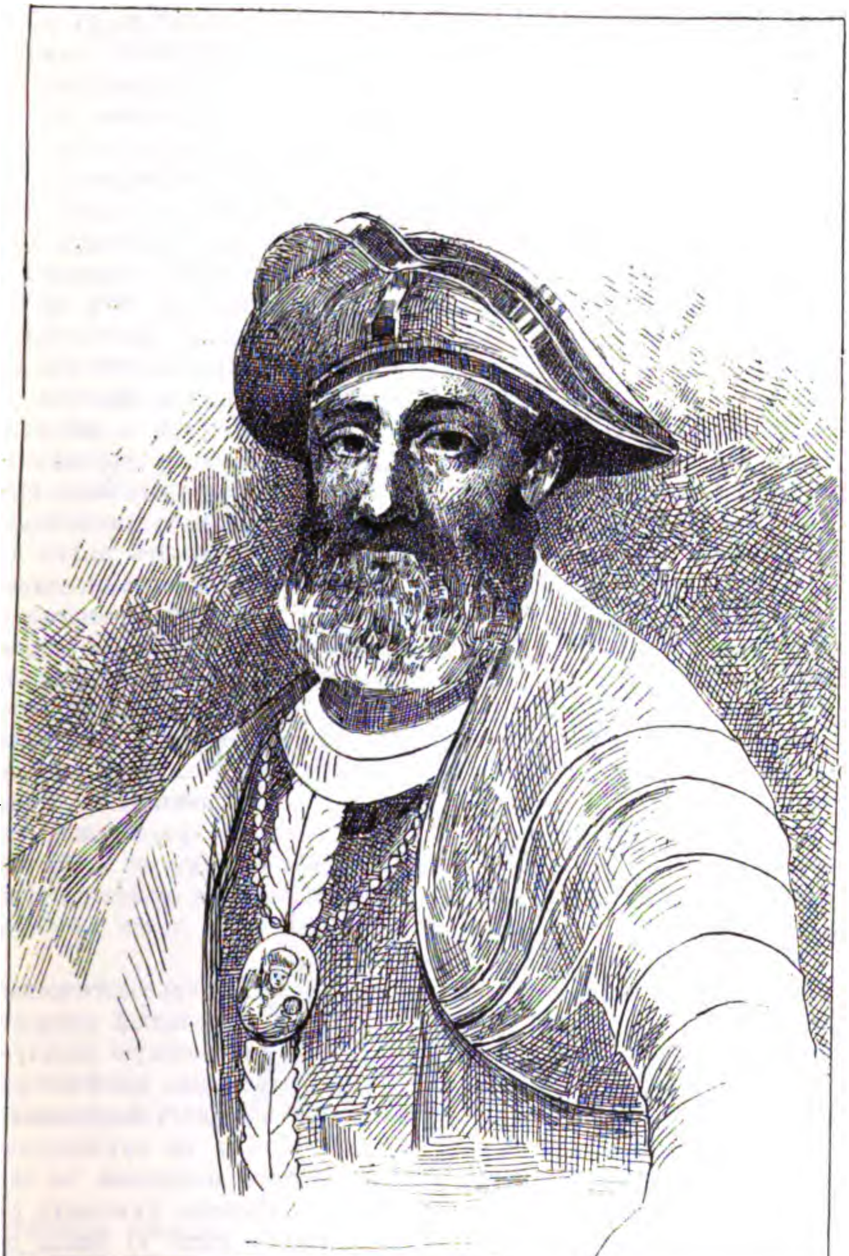
Широкая программа устроивавшейся въ 1872 году въ Москвѣ политехнической выставки вызвала, между прочимъ, необходимость участія въ историческихъ отдѣлахъ технической промышленности представителей артиллерійскаго дѣла Россіи за все время своего развитія. Высланные сюда, главною массою изъ коллекцій «достопамятнаго зала», памятники помянутаго характера, вмѣстѣ съ богатою серіею доставленныхъ изъ разныхъ другихъ учрежденій, образовали собою обширное собраніе, давшее полную возможность организаціи на выставкѣ цѣлаго историческаго музея. Назначеннымъ къ тому спеціально лицамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, удалось придать послѣднему строго научный характеръ, гдѣ памятники того или другаго фазиса развитія артиллерійскаго искусства, тѣсно подобранные въ извѣстной хронологической послѣдовательности, составили собою наглядную картину историческаго хода его движенія въ Россіи. Спеціально составленный каталогъ, съ небольшими, но основательными руководящими замѣтками по общимъ вопросамъ прошлаго артиллеріи, вмѣстѣ съ указанною выше классификаціей, давали возможность каждому посѣтителю выставки, даже и неспеціалисту, суммировать впечатлѣнія обзора ея артиллерійскаго отдѣла не сотнями отрывочныхъ представленій о тѣхъ или другихъ памятникахъ, а въ формѣ цѣльной, вполнѣ законченной картины постепенности развитія русскаго артиллерійскаго дѣла отъ эпохи къ эпохѣ, съ древнѣйшихъ временъ его зарожденія вплоть до послѣднихъ дней.

Этотъ-то образцово-организованный временный музей и далъ собою образецъ музею постоянному, продолжавшему оставаться

---

[1]) Нынѣ, впрочемъ, изъятой вмѣстѣ съ прочими аттрибутами похоронныхъ церемоній изъ имущества музея.

[2]) На Литейной. Ранѣе здѣсь былъ, такъ называемый, старый арсеналъ.



Портретъ Ермака.

все тѣмъ же «достопамятнымъ заломъ». Тотчасъ послѣ выставки, благодаря горячему участію со стороны покойнаго товарища генералъ-фельдцейхмейстера Баранцова, было приступлено къ коренной реорганизаціи древнехранилища артиллерійскихъ памятниковъ. Вслѣдъ за переименованіемъ его въ «артиллерійскій музей», къ завѣдыванію коллекціями былъ назначенъ одинъ изъ главнѣйшихъ организаторовъ помянутаго выставочнаго музея г. Бранденбургъ [1]), которому и было поручено привести все имущество музея въ полный научный порядокъ. На первыхъ же порахъ обнаружились всѣ недостатки прежняго положенія коллекцій, причемъ самымъ существеннымъ явилось обстоятельство, указывавшее на значительный пробѣлъ въ подборѣ памятниковъ ихъ по эпохамъ, въ особенности же за эпохи болѣе древнія. Доставленные изъ разныхъ учрежденій на выставку представители той или другой отрасли артиллерійскаго искусства, явившись во многихъ случаяхъ образцами единственными, породили вопросъ о небезосновательной возможности существованія гдѣ либо и другихъ неизвѣстныхъ пока цѣнныхъ памятниковъ. Въ виду чего были предприняты, съ одной стороны, широкія ходатайства артиллерійскаго управленія о передачѣ въ артиллерійскій музей отъ всѣхъ вѣдомствъ, высланныхъ ими на выставку, помянутыхъ памятниковъ, съ другой — повтореніе мѣры 1756 года, энергичные розыски по древнимъ монастырямъ и отдаленнымъ угламъ Россіи. На ряду съ этимъ, возникъ вопросъ объ отсутствіи среди коллекцій музея представителей артиллеріи новѣйшихъ дней, безъ чего таковой утрачивалъ, не говоря уже объ ущербѣ хронологической послѣдовательности, одно изъ главнѣйшихъ назначеній — служить вмѣстѣ съ историческими цѣлями и цѣлямъ общеобразовательнымъ. Здѣсь горячее вниманіе генерала Баранцова позволило присоединить къ коллекціямъ музея не только всѣ виды полевыхъ и болѣе легкихъ орудій, но даже и такого гиганта, какимъ является грандіозная 11 дюймовая береговая пушка, вѣсящая почти 2,000 пудовъ.

Вслѣдъ за посильнымъ обогащеніемъ военно-археологическаго имущества музея, давшимъ къ 1882 году значительный приростъ почти 1,000 предметовъ, оставалось разрѣшить нелегкую задачу— придать всему собранію научную систематизацію, намѣченную, въ настоящемъ случаѣ на основаніяхъ не погоднаго нанизыванія памятниковъ, безъ всякой внутренней связи, а на группировкѣ однородныхъ представителей артиллерійскаго искусства по эпохамъ, рѣзко раздѣляющимся исторіей послѣдняго. Таковыхъ согласно историческимъ датамъ было намѣчено пять: а) эпоха до-

---

[1]) Позднѣйшимъ предмѣстникомъ былъ извѣстный беллетристъ А. С. Аѳанасьевъ-Чужбинскій.

Петровская, б) отъ Петра I до Шуваловскихъ преобразованій, в) отъ времени Шувалова до воцаренія Павла I, г) съ начала XIX столѣтія до введенія нарѣзныхъ орудій и д) артиллерія но-

Гардеробъ Петра Великаго.

вѣйшихъ временъ. Но для выполненія указанной классификаціи памятниковъ артиллерійскій музей почти не давалъ никакихъ средствъ; существовавшія инвентарныя описи, по большей части, страдали невѣрностью и анахронизмомъ сообщаемыхъ ими свѣ-

дѣній; приходилось снова обращаться непосредственно къ самимъ памятникамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и имѣть подъ руками историческія указанія для возможно точной классификаціи. Съ этою цѣлью историческій архивъ главнаго артиллерійскаго управленія былъ переданъ въ артиллерійскій музей и, какъ необходимое пособіе, заведена небольшая библіотека спеціальныхъ историческихъ сочиненій. Тѣмъ не менѣе, не мало труда и времени было потрачено на коренное переустройство музея, и только благодаря внимательному отношенію къ его нуждамъ со стороны высшей артиллерійской администраціи, послѣднее достигло того образцоваго устройства, которое мы видимъ въ наши дни, и которому, замѣтимъ кстати, во многомъ могли бы позавидовать его иностранные собратья. Ни въ одномъ заграничномъ музеѣ нѣтъ, напримѣръ, такой полноты артиллерійскихъ памятниковъ главнымъ образомъ за древній періодъ, какъ въ нашемъ.

При настоящемъ устройствѣ артиллерійскій музей носитъ характеръ спеціальнаго, строго научнаго учрежденія, призваннаго къ выполненію исключительной задачи—служить основаніемъ къ изученію исторіи тѣхъ или другихъ вопросовъ прошлаго артиллерійскаго дѣла въ Россіи, и на сколько музей въ состояніи выполнить ее, можно судить уже по одному богатству его средствъ. Къ настоящему дню музей насчитываетъ въ своихъ обширныхъ коллекціяхъ до 10,000 предметовъ и не однихъ только спеціальныхъ представителей артиллерійскихъ войскъ, но и большія собранія ручнаго и холоднаго орудія, а равно предохранительнаго вооруженія и боевой аммуниціи [1]). Богатый архивъ старыхъ дѣлъ, включающій въ себѣ болѣе 8,000 связокъ, даетъ возможность найти самыя цѣнныя, а въ большинствѣ случаевъ и единственныя свѣдѣнія по всѣмъ вопросамъ исторіи артиллеріи, оставившей въ сотнѣ тысячъ дѣлъ непрерывную нить своей жизнедѣятельности за все прошлое столѣтіе и за начало текущаго. Включая же въ кругъ своего вѣдомства подчасъ области совершенно ей чуждыя, что̀ въ особенности имѣло широкій просторъ въ началѣ XVIII вѣка, артиллерія въ своихъ актахъ оставила множество документовъ и по другимъ историческимъ вопросамъ, какъ, напримѣръ, по горному дѣлу, лѣсному хозяйству, по почтовой части, по колокольнымъ дѣламъ, по вопросамъ учебно-школьнымъ и т. п. Спеціальная библіотека музея не оставляетъ съ каждымъ годомъ обогащаться пріобрѣтеніями новыхъ капитальныхъ сочиненій на всѣхъ языкахъ, достигнувъ въ настоящее время въ своемъ каталогѣ до 600 слишкомъ томовъ. Въ видахъ возможно широкаго ознакомле-

[1]) Въ самое послѣднее время музей обогатился еще двумя обширными витринами съ предметами вооруженія такъ называемаго «курганнаго» періода.

нія общества съ оберегаемымъ артиллерійскимъ музеемъ археологическимъ собраніемъ, издано нѣсколько трудовъ, посвященныхъ изученію какъ самыхъ памятниковъ, такъ равно и открывающихся съ ними страницъ общей исторіи русской артиллеріи. При

Знамя Лейбъ-Кампаніи.

всемъ томъ не забыта и внѣшняя сторона благоустройства музея и, на сколько то позволяли его незначительныя средства, артиллерійскій музей достигъ своею декоративною частью даже нѣкоторой щеголеватости.

Единственно, чего остается еще пожелать нашему военно-историческому древнехранилищу, это—скорѣйшаго перевода всѣхъ его памятниковъ въ болѣе удобное помѣщеніе; настоящее, помимо главнѣйшаго недостатка—отсутствія достаточнаго количества свѣта, становится съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ прироста коллекцій, все тѣснѣе и тѣснѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, располагаясь вдали отъ центра столичной жизни и не имѣя до сихъ поръ вполнѣ легальнаго существованія, артиллерійскій музей далеко не пользуется надлежащею извѣстностью и особенно—въ нашемъ же отечествѣ! Трудно вѣрить, напримѣръ, тому факту, что музей гораздо болѣе знакомъ посѣщающимъ Петербургъ иностранцамъ, чѣмъ самимъ петербуржцамъ. Подобная аномалія еще шире сказывается при сравненіи нашего военнаго музея съ заграничными.

При новомъ переустройствѣ древнехранилища артиллерійскихъ памятниковъ, памятники общаго характера были выдѣлены въ совершенно самостоятельную группу, занявъ своимъ собраніемъ свободное помѣщеніе нарядно убраннаго пріемнаго зала. Нѣкоторымъ изъ особенно интересныхъ памятниковъ этой категоріи, въ связи съ приложенными здѣсь иллюстраціями, мы предпошлемъ болѣе подробное описаніе, объ остальныхъ же замѣтимъ, что, не связывая съ собою воспоминаній объ особенно крупныхъ историческихъ событіяхъ, они, тѣмъ не менѣе, представляютъ весьма любопытный интересъ въ общемъ ихъ обозрѣніи.

При входѣ въ пріемный залъ артиллерійскаго музея, въ лѣвомъ углу его рѣзко бросается въ глаза чучело осѣдланной лошади сѣрой масти. Это — собственная лошадь Екатерины Великой, называвшаяся «Бриллiантъ», въ богатомъ конскомъ уборѣ, лично принадлежавшемъ императрицѣ. По конструкціи совершенно мужское, съ двумя стремянами, сѣдло красиво зашито по малиновому бархату серебромъ и золотомъ. На этой лошади, по имѣющимся свѣдѣніямъ, Екатерина верхомъ ѣхала при Преображенскомъ полку въ Петергофъ въ день своего восшествія на престолъ. Лошадь, ставшая съ тѣхъ поръ историческою, жила 30 лѣтъ; затѣмъ сдѣланное изъ нея чучело со всѣмъ сѣдельнымъ уборомъ поступило въ придворный конюшенный музей, а оттуда въ 1783 году было передано на храненіе въ Петербургскій арсеналъ.

По происхожденію лошадь—Нормандской породы.

Рядомъ съ лошадью помѣщаются на массивномъ чугунномъ постаментѣ турецкіе солнечные часы XV вѣка, съ высѣченными на мраморной доскѣ арабскими названіями знаковъ зодіака. Взяты эти часы въ Адріанопольскомъ арсеналѣ въ войну 1828—1829 годовъ. Сзади нихъ двое серебряныхъ съ позолотою литавръ, подаренныхъ императрицею Елизаветою своему любимцу, графу Алексѣю Разу-

мовскому, въ 1751 году. Тутъ же наверху боковой стѣны зала виситъ овальный темной бронзы барельефъ прусскаго короля Фридриха-Вильгельма I, съ нѣмецкою надписью по краю. Взятъ этотъ барельефъ изъ Берлинскаго арсенала въ Семилѣтнюю войну.

По правую сторону широкаго, съ бронзовымъ бюстомъ императора Александра I на серединѣ, стола, помѣщается оригинальной

Гардеробъ Фридриха II.

конструкціи оглобельный экипажъ, напоминающій собою типъ, еще недавно лишь исчезнувшей въ Замоскворѣчьѣ, такъ называемой «гитàры». Поддерживаемый весьма эластичными высокими рессорами, кузовъ этого экипажа имѣетъ по бокамъ широкія крылья съ подножками для помѣщенія ногъ и сзади для облокачиванія мягко обитую спинку, сидѣньемъ же служитъ волосяная, во всю

длину кузова, подушка. Садились на него обыкновенно верхомъ, причемъ кучеръ, располагавшійся спереди, свѣшивалъ ноги на деревянную прокладку надъ осью. На сколько удобны къ продолжительному путешествію экипажи подобнаго рода, судить не трудно, почему нельзя не выразить удивленія, что настоящій экземпляръ могъ служить императору Александру Павловичу для разъѣздовъ его по Германіи и Франціи въ походахъ 1813—1814 годовъ.

Дрожки эти поступили въ арсеналъ въ 1853 году изъ придворнаго конюшеннаго музея, куда, въ свою очередь, онѣ были доставлены въ 1828 году изъ Ямской части. Происхожденіе настоящаго памятника относится къ 1811 году.

Впереди дрожекъ, на небольшомъ основаніи стоитъ весьма любопытный свидѣтель исторіи извѣстной Поволжской смуты XVII вѣка. Это — собственные табуретъ и трость Стеньки Разина, неразлучные спутники его воровскихъ дѣяній. Кожаное съ двумя прорѣзами сидѣніе табурета поддерживается шестью невысокими ножками, приспособленными для помѣщенія на рѣчномъ суднѣ; весь табуретъ деревянный, весьма грубой отдѣлки. Суковатая трость украшена гвоздевыми мѣдными шляпками; въ верхнемъ концѣ продѣтъ небольшой ремешокъ; длина трости два съ половиною аршина.

Памятникъ этотъ доставленъ въ 1778 году изъ Ораніенбаумской конторы.

Здѣсь же, надъ витриною собственныхъ вещей императора Александра I, въ стеклянномъ ящикѣ положена на бархатной подушкѣ посмертная маска, снятая гипсомъ съ лица умершаго генералъ-фельдмаршала графа Александра Васильевича Суворова-Рымникскаго. Сохраненіемъ этихъ дорогихъ Россіи чертъ лица ея славнаго военнаго генія, мы обязаны бывшему правителю дѣлъ церемоніальнаго департамента Ахлопкову, сдѣлавшему распоряженіе, при погребеніи Суворова, о снятіи таковаго слѣпка въ двухъ экземплярахъ. Одинъ былъ имъ переданъ семьѣ Суворова, другой, оставленный Ахлопковымъ для себя, впослѣдствіи перешелъ къ его сыну, который въ 1847 году поднесъ свой слѣпокъ въ даръ военно-учебнымъ заведеніямъ; но въ силу высочайшаго повелѣнія для военно-учебныхъ заведеній оставлена лишь вновь изготовленная со слѣпка копія, подлинный же слѣпокъ былъ переданъ на храненіе въ Петербургскій арсеналъ, куда онъ и поступилъ въ 1848 году.

Въ проходѣ двухъ отдѣленій зала поставлены двѣ небольшія витрины съ орденами, принадлежавшими императорамъ Александру Павловичу и Николаю I, гдѣ среди иностранныхъ имѣется весьма рѣдкій англійскій орденъ «Подвязки». Здѣсь же помѣщаются, собранныя на манекенѣ, латы нѣмецкаго рыцаря 1547 года, покрытыя красной краскою съ позолотою и гравировкою различныхъ

изображеній и нѣмецкихъ надписей. При латахъ имѣется закрытый шлемъ. Между витринами съ орденами находится еще небольшая витрина съ древнимъ ветхимъ сѣдломъ времени Іоанна Грознаго, представляющимъ собою весьма рѣдкій экземпляръ этого рода.

Слѣдующимъ изъ общеисторическихъ памятниковъ укажемъ на бронзовую статую человѣка, установленную на кубическомъ основаніи. Статуя эта, по недавно найденнымъ въ архивѣ артиллерійскаго музея свѣдѣніямъ, представляетъ собою «штатунную фигуру Нептуна», отлитую въ артиллеріи, по государеву приказу въ 1714 году, для постановки во дворецъ. Судя по сохранившейся перепискѣ, отливка статуи интересовала многихъ лицъ того времени, но, тѣмъ не менѣе, она не была закончена, и изображеніе Нептуна вмѣсто дворца попало на Пушечный дворъ, гдѣ зачисленное въ разрядъ негоднаго имущества было даже представлено въ 1759 году къ уничтоженію переливкою въ мѣдныя деньги и навсегда погибло бы для насъ, если бы не явился его спасителемъ генералъ-фельдцейхмейстеръ Вильбоа. Любопытно, что исторію этого памятника сопровождала до сихъ поръ легенда, называвшая статую новгородскимъ купцомъ Аникіевымъ. По словамъ преданія, она якобы была отлита повелѣніемъ Петра помянутому Аникіеву въ воспоминаніе его патріотическаго поступка, относящагося къ исторіи извѣстнаго захвата Карломъ XII подъ Нарвою въ 1700 году у нашихъ войскъ артиллеріи. Аникіевъ, успѣвъ выкупить нѣсколько орудій, вывезъ ихъ обратно изъ Швеціи въ Россію и передалъ артиллеріи. Объ этомъ фактѣ, между прочимъ, имѣются свѣдѣнія и въ архивѣ музея, но что могло послужить основаніемъ отнести къ нему и происхожденіе настоящей статуи, трудно объяснить.

По внѣшнему виду статуя представляетъ голаго бородатаго человѣка средняго роста, прикрытаго лишь однимъ поясомъ. Вѣситъ статуя почти 25 пудовъ.

Направо отъ статуи, въ большомъ шкафу развѣшано форменное военное платье Екатерины Второй: Кирасирскаго, Коннаго, Семеновскаго и другихъ полковъ. Далѣе—портретъ бывшаго с.-петербургскаго генералъ-губернатора графа Милорадовича и стекляная витрина съ тѣмъ мундиромъ, въ которомъ покойный графъ былъ смертельно раненъ въ день бунта 14-го декабря 1825 года. По другую сторону два большихъ шкафа съ форменнымъ разныхъ частей войскъ гардеробомъ, лично принадлежавшимъ императорамъ: Петру III, Александру Павловичу и Николаю I. Здѣсь же сбоку праваго шкафа небольшая деревянная осѣдланная лошадка, бывшая игрушкою Павла I въ дни его дѣтства. Надъ лѣвымъ шкафомъ помѣщается поясной писанный масляными красками портретъ, съ надписью поверху красными буквами: «Завоеватель Сибири Ермолай, 1666 года. П. А. К.». Памятникъ этотъ весьма

рѣдокъ, какъ представитель старинной живописи. Изъ имѣющихся сзади портрета надписей видно, что онъ долгое время находился въ городѣ Тобольскѣ, хранимый въ «Сборномъ мѣстѣ» (?), гдѣ въ сентябрѣ 1820 года его осматривалъ, между прочимъ, сибирскій генералъ-губернаторъ М. М. Сперанскій въ сопровожденіи тобольскаго губернатора Ф. А. фонъ-Брина и другихъ лицъ. Въ 1872 году этотъ портретъ былъ высланъ изъ Тобольска на Московскую политехническую выставку, а отсюда въ томъ же году былъ переданъ въ артиллерійскій музей. Живопись портрета сильно попорчена временемъ.

По серединѣ втораго отдѣленія зала, въ двухъ большихъ шкафахъ и стеклянной витринѣ размѣщены собственныя вещи императора Петра Великаго. Нѣкоторыя изъ нихъ представлены на рисункѣ. Это—полковничій лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка свѣтло-синій, съ красными обшлагами и золотыми пуговицами, мундиръ императора, его трехугольная черная пуховая шляпа, пробитая пулею, серебряный вызолоченный нагрудный знакъ съ изображеніемъ на эмали распятія св. Андрея Первозваннаго [1]) и шпага съ вызолоченнымъ эфесомъ, надѣтая на кожаную съ серебряными пряжками портупею. Помянутые предметы были на Петрѣ Великомъ въ Полтавскомъ сраженіи 27-го іюня 1709 года [2]). Изъ прочихъ вещей его замѣчателенъ лосиновый колетъ [3]), въ которомъ Петръ работалъ въ Саардамѣ подъ именемъ плотника Петра Михайлова.

Весь этотъ гардеробъ доставленъ въ арсеналъ въ 1827 году отъ министра императорскаго двора.

Здѣсь же широко растянулся между двумя стѣнами другой особенно любопытный и рѣдкій памятникъ той же эпохи. Это—громадное, почти двѣ сажени въ поперечникѣ, четыреугольное стрѣлецкое знамя 1696 года, съ нарисованной золочеными травами по шелковой матеріи картиною «Страшнаго Суда» и по борту аллегорическихъ изображеній градація адскихъ мукъ грѣшниковъ. Весьма характерною является, между прочимъ, идея, вложенная художникомъ въ изображенный имъ сюжетъ. Помѣстивъ наверху въ ореолѣ множество святыхъ и ангеловъ, Святую Троицу, художникъ ниже въ ту и другую сторону уставилъ небольшими группами: налѣво—грѣшниковъ и направо — праведниковъ. Первыхъ, отмѣченныхъ сверху каждой изъ группъ надписями: «Жиди», «Турки», «Татаре», «Нѣмцѣ», «Арапи» и т. д., ожидаетъ дорога въ адъ, полный ужаснѣйшихъ мученій, куда повергаютъ уже разныхъ

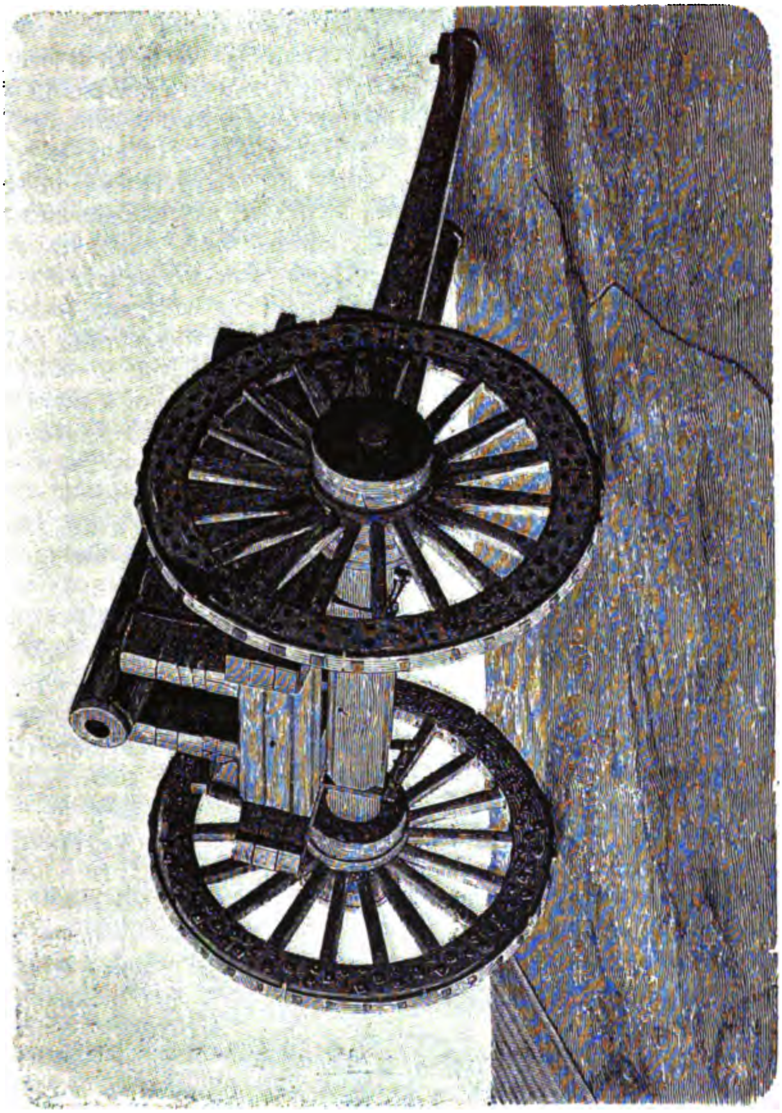
---

[1]) Имѣвшаяся сверху корона нынѣ, къ сожалѣнію, утрачена.

[2]) Бѣляевъ, Кабинетъ Петра Великаго. Здѣсь же помѣщено подробное весьма любопытное описаніе этихъ предметовъ, см. отдѣленіе первое, стр. 29—45.

[3]) Родъ кафтана.

грѣшниковъ длинными вилами три ангела. Самый адъ изображенъ въ видѣ огнедышащаго чудовища съ широко разинутою пастью, въ глубинѣ которой помѣщается самъ сатана и на колѣняхъ у него Іуда-предатель. Внѣ адскаго пламени нарисована нагая фигура



Китайская пушка XVIII вѣка.

человѣка, привязаннаго къ дереву, съ надписью наверху: «Сей человѣкъ милостыню творяй, а блудъ... оста(вя)... того ради: рая—лишенъ, муки—избавленъ», и какъ бы вѣчнымъ напоминовеніемъ ему о лучшей участи, возлѣ поставленъ ангелъ, указывающій про-

тянутою рукою на собранный по другую сторону сонмъ праведниковъ. Здѣсь — мѣсто только христіанамъ, ожидающимъ входа въ рай; рай же изображенъ художникомъ небольшимъ плодовымъ садомъ, обнесеннымъ кругомъ стѣною, у золотыхъ воротъ котораго съ ключемъ въ рукѣ стоитъ святой Петръ; здѣсь же и надпись: «идутъ праведніи въ жизнь вѣчную». Внутри рая нѣсколько отроковъ обрываютъ яблоки съ деревьевъ, а въ разныхъ мѣстахъ расположены ложи для отдохновенія. Трудно представить себѣ болѣе реальное понятіе ученія о загробной жизни.

Описанное нами составляетъ только малую часть всѣхъ изображеній, помѣщенныхъ на знамени; подробное же ознакомленіе съ рисунками его обѣихъ сторонъ можетъ доставить большой интересъ, поражая, напримѣръ, на первыхъ же порахъ замѣчательною для своего времени художественностью кисти.

Другой экземпляръ того же рода представляетъ знамя, данное въ томъ же 1696 году Петромъ I Архангелогородскому стрѣлецкому полку; размѣры его: въ длину—9 фут. 6 дюйм., въ ширину— 8 фут. 5,5 дюймовъ. Построено оно изъ малиновой камки съ голубою каймою и бортомъ желтаго цвѣта; съ обѣихъ сторонъ на знамени имѣются изображенія и надписи, вышитыя шелками, серебромъ и золотомъ. Съ лицевой стороны—въ серединѣ государственный гербъ (двуглавый орелъ), сверху его образъ Знаменія Пресвятой Богородицы, помѣщающійся въ облакахъ, внизу—рисунокъ какого-то укрѣпленія съ башнями. По бокамъ герба изображены во весь ростъ: справа—св. апостолъ Петръ съ ключемъ въ лѣвой рукѣ и небольшою хартіею съ надписью: «Яко ты еси Петръ, и на семъ камени созижду церковь мою и врата адова», слѣва—св. Алексѣй, человѣкъ Божій. Вокругъ середины знамени тянется вышитая вязью славянская надпись: «Благоволеніемъ всесильнаго въ Троицѣ славимаго Бога и споспѣшеніемъ Единороднаго Его Сына и содѣйствіемъ Пресвятаго и Животворящаго Духа, благоволи въ настоящее сіе время по Своей Божественной волѣ въ лѣто міросозданія нынѣшняго 7204 года, а отъ воплощенія Божія Слова, сирѣчь Его Сына, 1696 года, при державѣ пресвѣтлѣйшаго и высокодержавнѣйшаго великаго государя нашего царя и великаго князя Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчича и дѣдича и наслѣдника и государя и обладателя присно Августу купно, и при наслѣдникѣ его царскаго пресвѣтлаго величества сынѣ и благороднѣйшемъ великомъ князѣ Алексѣѣ Петровичѣ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи, а при бытности въ тая времена бывшаго на Двинѣ при ближнемъ стольникѣ и воеводѣ при Ѳедорѣ Матвѣевичѣ Апраксинѣ, а при военачальникѣ при полковникѣ при Семенѣ Димитріевичѣ Ружинскомъ въ то время и при пятидесятникахъ того Архангелогород-

скаго полка и всего того регимента стрѣлецкихъ шти сотъ восьми человѣкъ».

По краямъ знамени вышито нѣсколько звѣздъ и изображеній херувимовъ.

На оборотной сторонѣ—вмѣсто герба вышитъ образъ Рождества Христова и изображенія: выше образа—въ облакахъ Бога Саваоѳа, а ниже—той же крѣпости. Съ правой стороны—образъ Архистратига Михаила, съ лѣвой—преподобнаго Сергія. По борту середины—продолженіе вышеприведенной надписи: «Построено сіе знамя изъ его великаго государя казны по имянному его великаго государя указу съ вышитыми святыми образы золотомъ и серебромъ и разными изрядными шелки, а которые образы шиты на знамени надписано надъ тѣми святыми образы надъ главами ихъ, а между тѣхъ святыхъ иконъ вышитъ золотомъ и серебромъ и разными шелки царскаго его пресвѣтлаго величества гербъ, превысокопаривый двоеглавный орелъ съ пресвѣтлосіятельною его царскою короною съ треми вѣнцы во образъ Пресвятой Троицы, а въ когтѣхъ его, въ десней—скипетръ, а въ шуей державу, иже значитъ тои орелъ на вся ему враги, а въ серединѣ того орла на персѣхъ его вышитъ во образѣ царскаго его пресвѣтлаго величества воинъ, сѣдящій на конѣ, а въ руцѣ имѣетъ копіе и тѣмъ копіемъ своимъ попираетъ змія, а тои воинѣ попраніе своего коня того змія значитъ попраніе и прогнаніе и всеконечное агарянское погубленіе и вѣчное ихъ въ родствѣ огненномъ мученіе. А сей орелъ православнаго царя двоеглавный, отъ востока солнца даже до запада славный благочестіемъ вѣры, силы державы враговъ души и тѣла побѣждаетъ главы, а вышиты тѣ святые образы, па томъ знамени, на поклоненіе всѣмъ православнымъ христіаномъ и на воспоминаніе впредь будущимъ родамъ на побѣжденіе и пораженіе всѣхъ безбожныхъ и богомерзкихъ агарянъ, иже бранемъ хотящихъ».

Настоящій экземпляръ переданъ въ арсеналъ въ 1790 году изъ коммиссаріатской конторы, куда знамя, въ свою очередь, поступило изъ Астраханскаго цейхгауза.

Знаменъ, подобныхъ описаннымъ, имѣется въ артиллерійскомъ музеѣ нѣсколько, но, къ сожалѣнію, своею громадою они представляютъ массу техническихъ препятствій къ воспроизведенію хотя бы одного изъ нихъ въ иллюстраціи, почему отъ таковой и пришлось отказаться.

Любопытный памятникъ того же времени представляетъ собою небольшой значекъ, современный исторіи извѣстнаго Кожуховскаго похода 1694 года. Характеръ военной потѣхи похода отразился, между прочимъ, и на надписи значка, къ слову замѣтимъ, крайне нецензурной,—обстоятельство, указывающее, что значекъ этотъ не имѣлъ назначеніемъ служить серьезнымъ представителемъ воинской регаліи, а принадлежалъ, о чемъ говоритъ сама надпись, царскому

шуту Якову Тургеневу, командовавшему, какъ извѣстно, въ помянутой военной потѣхѣ ротою «пѣвчихъ», дѣйствовавшей противъ такой же, составленной изъ подьячихъ.

Среди памятниковъ прошлаго вѣка имѣется также знамя, пожалованное императрицею Елизаветою ротѣ бывшихъ гренадеровъ Преображенскаго полка, переименованной въ «Лейбъ-Кампанію», въ благодарность за извѣстное пособничество гренадеръ подъ руководствомъ Лестока возведенію ея на престолъ, 25 ноября 1741 года. Сдѣлано это знамя, величиною около 4 футовъ въ поперечникѣ, изъ бѣлой съ серебряными ткаными уборами шелковой матеріи, сложенной вдвое. И та и другая стороны имѣютъ одинаковое шитье и надписи. Въ серединѣ вышитъ чернымъ шелкомъ двуглавый орелъ, держащій въ лѣвой лапѣ свѣтло-зеленую пальмовую вѣтвь и золотой скипетръ, а въ правой—обнаженный мечъ, обвитый лавровою вѣтвью. На груди орла—въ сіяніи изъ кованыхъ золоченныхъ лучей серебряной парчи четырехконечный крестъ съ распятіемъ и у подножья послѣдняго Адамовой головою съ костями. По концамъ креста вышиты, въ верхнемъ—Всевидящее Око, а въ боковыхъ—Богородица и св. Іоаннъ. Выше и ниже орла нашиты двѣ ленты съ надписями, на одной: «Силою креста победила», на другой: «Ноября 25 дня 1741 году»; кромѣ того, въ углахъ—пылающія гранаты. По борту знамя украшено богатымъ серебрянымъ шитьемъ и такою же бахрамою.

Любопытный памятникъ этотъ поступилъ въ арсеналъ въ 1798 году отъ генералъ-фельдцейхмейстера Зубова.

Въ коллекціяхъ артиллерійскаго музея находится, между прочимъ, одно польское знамя, принадлежавшее времени революціи польскихъ инсургентовъ подъ предводительствомъ Костюшки. По виду оно малиновое шелковое и чрезвычайно ветхое, такъ что съ трудомъ можно разобрать имѣющуюся на немъ надпись въ трехъ строкахъ: «Wolno... całos... Y...», представляющую собою остатокъ слѣдующихъ словъ: «Wolnosć, całosć y niepodległosć» [1]). Знамя укрѣплено на копьѣ, наверху котораго имѣется небольшая высеребренная дощечка, съ надписью: «Powstanie narodu dn. 24-te mar. pod Tadeuszem Kosciuszki».

Взято это знамя въ битвѣ у деревни Селище въ 1794 году.

Съ описаніемъ послѣдняго памятника мы уже перешли въ помѣщеніе памятниковъ иностраннаго отдѣла, расположенныхъ въ верхнемъ этажѣ музея. Внизу, у лѣстницы для подъема на послѣдній находится небольшая статуя барабанщика XVII столѣтія, приводящаяся въ движеніе механизмомъ, скрытымъ внутри: по заводѣ его, барабанщикъ бьетъ по подвѣшенному у него барабану.

---

[1]) Свобода, цѣлость и независимость.

Любопытнымъ памятникомъ среди иностранныхъ является, между прочимъ, сѣдло XVII вѣка, съ чрезвычайно массивными аксессуарами. Размѣры, напримѣръ, имѣющагося къ сѣдлу мундштука поражаютъ своею огромностью; трудно подъискать лошадь нашего времени, которой бы мундштукъ этотъ былъ впору. Также массивны фигурныя рыцарскія шпоры. По преданіямъ, сѣдло это принадлежало шведскому королю Густаву-Адольфу.

Между трофеями, отбитыми нами въ Семилѣтнюю войну у пруссаковъ, въ музеѣ имѣется интересная коллекція предметовъ личнаго гардероба короля Фридриха Великаго. Изъ нихъ на рисункѣ представленъ его мундиръ синяго сукна на красной подкладкѣ и съ такого же цвѣта обшлагами, на немъ серебряный аксельбантъ и шитая звѣзда ордена Чернаго Орла. Изъ-подъ воротника и рукавовъ мундира выглядываютъ кружева манжетовъ полотняной рубашки, поддѣтой подъ мундиръ; здѣсь же его пара замшевыхъ перчатокъ.

Гардеробъ поступилъ на храненіе въ арсеналъ отъ главнаго штаба въ 1826 году.

Въ отдѣлѣ восточныхъ памятниковъ, обратимъ вниманіе на курьезнаго представителя артиллеріи китайцевъ, особенно выдѣляющагося своею уродливостью. Пушка эта, изготовленная въ 1759 году, сконфузила бы собою европейскихъ артиллеристовъ даже XVII и XVI вѣковъ; помѣщается она на еще болѣе уродливомъ лафетѣ, представляющемся скорѣе какою-то неуклюжею арбою, съ двумя толстыми оглоблями. Отлито орудіе изъ мѣди, на поверхности его имѣются надписи китайскими и маньчжурскими іероглифами, изъ которыхъ мы узнаемъ, что пушка эта титуловалась китайцами: «Проявляющая воинственность, великая, чудесная пушка», и была отлита «въ счастливое утро 7-й луны 23 года (правленія) Цянъ-Луна».

Курьезный экземпляръ этотъ позднѣе принадлежалъ уже туркестанцамъ и былъ отбитъ нашими войсками у нихъ, по всей вѣроятности, во время Кульджинской экспедиціи. Въ артиллерійскій музей доставлена эта пушка въ 1874 году отъ генерала Кауфмана.

Невдалекѣ отъ нея имѣются другіе памятники китайской національности: это манекены пѣшаго и коннаго китайцевъ XVIII вѣка. Послѣдній, по преданіямъ, состоялъ въ конвоѣ императрицы Елизаветы Петровны, сопровождая ее при выѣздахъ. Здѣсь же поставлены манекены: пѣшаго турецкаго аскера, времени султана Мустафы III, и японскаго воина XVIII столѣтія. Въ числѣ турецкихъ памятниковъ укажемъ на нѣсколько изсѣченныхъ надписями мраморныхъ плитъ отъ фонтановъ, среди которыхъ имѣются весьма древнія; тутъ же двѣ главы съ куполовъ крымскихъ мечетей прошлаго столѣтія и ключи: Дербента, Керчи, Ѳеодосіи, Шемахи и другихъ крѣпостей.

Въ коллекціяхъ иностраннаго отдѣла имѣются также ключи прусскаго города Мемеля, взятые въ Семилѣтнюю войну.

Въ заключеніе настоящаго сообщенія, остается добавить, что артиллерійскій музей открываетъ вполнѣ свободный доступъ для личнаго обозрѣнія его историческихъ коллекцій [1]), причемъ беремъ смѣлость увѣрить каждаго, кому попадутся на глаза эти строки, что непосредственное ознакомленіе съ памятниками музея въ состояніи доставить много любопытныхъ впечатлѣній даже и неспеціалистамъ. Здѣсь же могутъ быть пріобрѣтаемы и каталоги для подробнаго изученія коллекцій.

Напомнимъ также, что въ 1889 году артиллерійскій музей удостоился высочайшаго посѣщенія, въ день приснопамятной 500-лѣтней годовщины русской артиллеріи, торжественно отпразднованной среди непосредственныхъ сѣдыхъ свидѣтелей ея славнаго прошлаго.

Д. Струковъ.

[1]) Музей открытъ для посѣтителей по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ отъ 11 до 3 часовъ дня, кромѣ праздниковъ.

УЧЕНЫЕ ТРУДЫ АКАДЕМИКА М. И. СУХОМЛИНОВА.

(6-го марта 1852—6-го марта 1892 г.).

МАРТА шестаго исполнилось сорокъ лѣтъ ученой дѣятельности академика М. И. Сухомлинова. Дѣлаемъ краткій очеркъ трудовъ маститаго русскаго ученаго.

Сынъ профессора Харьковскаго университета, М. И. Сухомлиновъ родился и первоначальное образованіе получилъ въ Харьковѣ; здѣсь же въ 1848 году онъ окончилъ курсъ на историко-филологическомъ факультетѣ, а въ 1850 году защитилъ, на степень магистра русской словесности, диссертацію: «Взглядъ на историческій ходъ русской драмы». Въ 1852 году, 6-го марта, онъ назначается адъюнктомъ по каѳедрѣ исторіи русской литературы въ Петербургскій университетъ, и навсегда переселяется въ Петербургъ. Въ 1856 году за диссертацію: «О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ», получаетъ въ Петербургскомъ университетѣ степень доктора славяно-русской филологіи.

Учено-литературная дѣятельность Сухомлинова начинается съ 1852 года и съ самаго начала обращаетъ на себя вниманіе ученыхъ. Уже въ 1854 году второе отдѣленіе академіи наукъ только-что назначенному въ С.-Петербургскій университетъ адъюнкту Сухомлинову—выражаетъ свою признательность за его участіе въ составленіи академическаго словаря русскаго языка. Наиболѣе ранними напечатанными трудами Сухомлинова были двѣ статьи:

«Вассіанъ, современникъ Іоанна III» и «О древне-русскихъ сборникахъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Пчелъ»; обѣ были помѣщены въ «Извѣстіяхъ II отдѣленія академіи наукъ», за 1852 годъ. Болѣе обширнымъ, и по объему, и по содержанію, было изслѣдованіе: «О языкознаніи въ древней Россіи» («Ученыя Записки академіи наукъ», I, 1854 г.), трактующее о вопросѣ особенно важномъ какъ въ отношеніи къ исторіи древне-русской литературы, такъ и вообще въ отношеніи къ исторіи древне-русской образованности. Въ высшей степени важнымъ трудомъ молодого ученаго было новое изслѣдованіе, явившееся въ слѣдующемъ (1855) году: «О псевдонимахъ въ древней русской словесности» («Извѣстія II отдѣленія академіи наукъ», IV, 1855 годъ, стр. 117—159). Изслѣдователь впервые ставитъ здѣсь вопросъ о подложности многихъ древне-русскихъ произведеній, приписывавшихся, по заглавіямъ, тѣмъ или другимъ отцамъ церкви, чаще всего Іоанну Златоусту, въ дѣйствительности же бывшихъ оригинальными русскими произведеніями; статья впервые затрогивала научнымъ изученіемъ, остававшійся до того времени совершенно непочатымъ, обширнѣйшій отдѣлъ древне-русской письменности—сочиненій переводныхъ, патристическихъ и оригинальныхъ русскихъ, вызванныхъ ихъ вліяніемъ. Всѣ названныя статьи были весьма невелики по объему, но представляли столько научной цѣнности, что уже въ этомъ же 1855 году Сухомлиновъ былъ избранъ членомъ-корреспондентомъ академіи наукъ [1]).

Въ 1856 году въ III томѣ «Ученыхъ Записокъ II отдѣленія академіи наукъ» явился первый монументальный трудъ Сухомлинова, упомянутая его докторская диссертація: «О древней русской лѣтописи, какъ памятникѣ литературномъ» (Спб., 1856). Ни одинъ памятникъ нашей древней письменности не имѣлъ и не имѣетъ столь обширной литературы изученія, какъ наша начальная, кіевская лѣтопись. Исторія ея изученія идетъ съ Татищева († 1750 г.) и Миллера († 1783 г.) и продолжается въ трудахъ Шлецера (дошедшаго въ своемъ изученіи до 980 года), Карамзина, Строева, Перевощикова, Бѣляева, Кубарева, Соловьева, Казанскаго, Розенкампфа, скептиковъ Каченовскаго и его послѣдователей, Погодина, Буткова, Иванова; позднѣйшими, явившимися послѣ труда Сухомлинова, изслѣдованіями въ этой сферѣ были труды Полѣнова, Срезневскаго, Лавровскаго, Бестужева-Рюмина, Костомарова... Труды, болѣе ранніе, были бо̀льшею частью или отрывочными, касались отдѣльныхъ частныхъ вопросовъ, или столь обширными, что иногда оканчивались на началѣ; но, что главное, всѣ вообще чаще всего разсматривали лѣтопись почти исключи-

---

[1]) См. Григорьева, «Императорскій С.-Петербургскій университетъ втеченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія», Спб., 1870 года, стр. 240—241.

тельно съ исторической точки зрѣнія, игнорируя значеніе ея, какъ памятника литературнаго, искали въ ней исключительно указаній историческихъ, забывая о живомъ лицѣ ея автора, составителя, и даже цѣлаго ряда ихъ. Трудъ Сухомлинова впервые подвергнулъ нашу древнюю лѣтопись изученію съ этой стороны. Сухомлиновъ впервые вполнѣ прочнымъ образомъ ввелъ нашу начальную лѣтопись въ общую область нашей начальной кіевской литературы, впервые поставилъ ее на ту литературную почву, на которой она выросла и которая ее создала. Впервые точно и обстоятельно были указаны литературные источники лѣтописи и вся ея литературная генеалогія. Позднѣе, въ отдѣльной статьѣ онъ первый коснулся и вопроса о народныхъ преданіяхъ въ нашей начальной лѣтописи (О преданіяхъ въ древней русской лѣтописи, «Основа», 1864, № 4). Изысканія послѣдующихъ ученыхъ значительно подвинули дальше вопросъ изученія нашихъ лѣтописей, но ничего не измѣнили въ тѣхъ результатахъ, къ которымъ пришелъ изслѣдователь, и результаты эти навсегда вошли въ учебники по исторіи русской словесности.

Черезъ два года, въ 1858 году, вышелъ другой обширный трудъ Сухомлинова въ области древне-русской литературы — изданіе сочиненій Кирилла Туровскаго, съ обширнымъ введеніемъ о литературной дѣятельности этого писателя [1]). Открытый Калайдовичемъ Кириллъ Туровскій впервые былъ изданъ имъ же, но изданъ не полно и безъ историко-литературнаго обслѣдованія рукописей. Въ томъ и другомъ отношеніи новое изданіе неизмѣримо превзошло прежнее. Открытъ былъ цѣлый новый рядъ неизвѣстныхъ дотолѣ произведеній Туровскаго проповѣдника, и совершенно новымъ свѣтомъ освѣщены были не только самыя произведенія этого древне-русскаго писателя, но весь обширный отдѣлъ нашей древнерусской проповѣдной письменности, къ которому они принадлежали. Въ своемъ введеніи издатель впервые фактически указываетъ на значительность византійскаго вліянія въ сочиненіяхъ нашихъ первыхъ писателей, характеръ и отличительныя свойства этого вліянія; впервые съ документами въ рукахъ, сближаетъ нашу древнюю письменность съ византійской. Указанія на эти отношенія дѣлались и раньше, но бо́льшею частью въ формѣ гаданій, ни на чемъ не основанныхъ предположеній, и безъ всякаго непосредственнаго детальнаго изученія, почему высказывались иногда въ этомъ отношеніи мнѣнія болѣе чѣмъ крайнія совершенно голословныя; такъ, нѣкоторые изслѣдователи того же Кирилла Туровскаго называли лишь переводчикомъ, чуть не переписчикомъ сочиненій Златоуста. Вслѣдъ за немногими другими изслѣдователями того времени, Сухомлиновъ впервые рѣшился

[1]) Рукописи графа А. С. Уварова, т. II, вып. I, Спб., 1858 года.

разобраться среди массы византійскихъ памятниковъ и точными фактами указать ихъ отношеніе къ нашей письменности. Вслѣдъ за Востоковымъ и одновременно съ знаменитыми розысканіями Горскаго и Невоструева, Сухомлиновъ вопросъ о византійскомъ вліяніи въ нашей древней письменности ставитъ на прочную почву непосредственнаго, реальнаго изученія, выводя его изъ сферы чаяній и гаданій... Позднѣе, продолжая свои изысканія въ области древней русской литературы, Сухомлиновъ одно время останавливается на изученіи другаго весьма важнаго факта нашей древней письменности — вліянія на нее семитическаго востока. На литературной судьбѣ нашей народной повѣсти о судѣ Шемяки изслѣдователь доказываетъ всю силу этого вліянія[1]) оставаясь, однако, и здѣсь на строго научной почвѣ и не увлекаясь въ область фантазіи...

Академикъ Сухомлиновъ не замыкался въ какой либо одной области своего предмета. Изученіе древнерусской литературы шло рядомъ съ изученіемъ нашей литературы новаго періода. Уже въ 1855 году, по поводу одной вышедшей монографіи о Сумароковѣ, въ «Извѣстіяхъ» II отдѣленія академіи наукъ Сухомлиновымъ напечатана была небольшая замѣтка, гдѣ онъ справедливо указываетъ на одну черту литературной дѣятельности нашего сатирика XVIII вѣка, оставленную безъ вниманія изслѣдователемъ. Болѣе поздніе труды Сухомлинова окончательно сосредоточиваются въ области русской литературы и русскаго образованія XVIII — XIX вѣковъ. Съ 1865 года въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» стали печататься его статьи по исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I-го, обратившія на себя вниманіе. Выйдя особымъ изданіемъ, статьи составили обширный томъ, каждая страница котораго является въ высшей степени драгоцѣнной для изученія исторіи нашего образованія и общественнаго развитія за время еще столь недавнее. Статьи составлены исключительно по даннымъ, совершенно новымъ и ранѣе неизвѣстнымъ, извлеченнымъ изслѣдователемъ изъ архива министерства и сгруппированнымъ съ большой тщательностью и умѣніемъ. У насъ мало было историко-литературныхъ трудовъ, которые бы, при своей научной документальности, представляли столь живой общественный интересъ, бросали бы такой яркій свѣтъ не только на прошедшее, но и настоящее...

Въ 1871 году Сухомлиновъ былъ избранъ членомъ академіи наукъ, и съ этого же времени предпринимается имъ, по поруче-

---

[1]) Повѣсть о судѣ Шемяки, Записки академіи наукъ, XXII, 1873 года. Укажемъ здѣсь еще замѣтку академика Сухомлинова: Два семитическихъ сказанія, встрѣчающіяся въ памятникахъ руcской литературы, Сборникъ II отдѣленія академіи наукъ, X.

нію академіи, новый обширный трудъ—Исторія Россійской академіи. Основанная, какъ извѣстно, Екатериною II въ 1783 году, Россійская академія просуществовала до 1841 года, когда была присоединена къ академіи наукъ, съ наименованіемъ вторымъ ея отдѣленіемъ, или отдѣленіемъ русскаго языка и словесности. Трудъ Сухомлинова состоитъ изъ 7-ми томовъ [1]), представляющихъ глубокій научный интересъ, не только въ смыслѣ изложенія дѣятельности ученаго учрежденія, но всей исторіи нашего образованія и литературы конца XVIII — начала XIX вѣковъ. Какъ въ самомъ началѣ учрежденіе Россійской академіи было отвѣтомъ на литературныя требованія тогдашней эпохи, являлось осуществленіемъ мысли, издавна занимавшей русскихъ писателей, и вызывало къ себѣ живое сочувствіе образованнаго общества, такъ и во все дальнѣйшее время существованія исторія академіи, вся ея дѣятельность, является неразрывно связанной со всей исторіей русскаго образованія и литературы указаннаго періода. Въ составъ академіи входили всѣ наличныя наши научныя и литературныя силы — отъ Державина и Фонъ-Визина въ XVIII столѣтіи до Карамзина и Востокова въ XIX столѣтіи. И подъ перомъ изслѣдователя исторія ученаго учрежденія является дѣйствительно исторіей всего нашего образованія и литературы за періодъ конца XVIII—начала XIX вѣка. Передъ нами цѣлый рядъ обширныхъ и блестящихъ монографій дѣятелей академіи, съ массою въ высшей степени интересныхъ и цѣнныхъ приложеній. Не говоря о чисто литературномъ достоинствѣ, трудъ представляетъ неисчерпаемый научный интересъ по множеству тѣхъ новыхъ, совершенно неизвѣстныхъ, данныхъ, по обилію тѣхъ новыхъ матеріаловъ, которыми пользуется изслѣдователь, извлекая изъ многочисленныхъ архивовъ—академическаго, государственнаго, святѣйшаго синода, архива II отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи, Московскаго архива министерства юстиціи; библіотекъ—императорской Публичной, академіи наукъ, Московскаго университета, С.-Петербургской духовной академіи и мн. др.; изъ иностранныхъ — между прочимъ, изъ архива Лейпцигскаго университета, въ которомъ учились нѣкоторые изъ будущихъ академиковъ.

Къ труду надъ исторіей Россійской академіи непосредственно примыкаетъ другой громадный трудъ Сухомлинова: «Матеріалы для исторіи академіи наукъ», являющійся какъ бы отчасти дополненіемъ, отчасти продолженіемъ труда академика Пекарскаго: «Исторія академіи наукъ» (вышло 2 тома, Спб., 1870—

---

[1]) См. Сборникъ II отд. академіи наукъ, XI, 1—427; ib., XIV, 1—584; ib., XVI, 1—453; ib., 1—522; ib., XXII, 1—432; ib., XXXI, 1—512; ib. XXXVII, 1—648.

1873). «Матеріалы» въ подлинныхъ документахъ представляютъ исторію дѣятельности нашего высшаго ученаго учрежденія, съ самаго начала его возникновенія, съ собственноручныхъ замѣтокъ Петра Великаго, знакомящихъ насъ со взглядами его на дѣло учреждаемой имъ въ Россіи академіи, и за все дальнѣйшее время. До сихъ поръ вышло 6 томовъ матеріаловъ, доходящихъ до 1743 года.

Все перечисленное, однако, не исчерпываетъ вполнѣ всѣхъ трудовъ маститаго академика. Рядомъ съ позднѣйшими, сейчасъ названными, трудами по исторіи русской науки и образованія продолжались прежніе труды ученаго въ области собственно историко-литературной. Мы не станемъ перечислять этихъ мелкихъ его монографій и статей послѣдняго времени, хотя изъ нихъ каждая являлась написанной на основаніи новыхъ, неизвѣстныхъ ранѣе матеріаловъ, или представляла новое освѣщеніе предмета [1]); мы укажемъ лишь на болѣе обширную монографію о Радищевѣ [2]) и въ заключеніе на только что надняхъ вышедшій первый томъ изданія сочиненій Ломоносова, начало новаго монументальнаго труда почтеннаго академика.

А. А.

---

[1]) Отмѣчаемъ лишь нѣкоторыя изъ нихъ:

Н. И. Новиковъ, авторъ историческаго словаря о русскихъ писателяхъ.

Кн. П. А. Вяземскій.

Ф. Ц. Лагарпъ, воспитатель императора Александра I.

Полемическія статьи Пушкина.

Императоръ Николай Павловичъ—критикъ и цензоръ сочиненій Пушкина.

Появленіе въ печати сочиненій Гоголя.

Н. А. Полевой и его журналъ «Московскій Телеграфъ».

Три повѣсти Павлова.

И. С. Аксаковъ въ сороковыхъ годахъ.

[2]) А. Н. Радищевъ, авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву».

Всѣ названныя статьи, вмѣстѣ съ другими, вошли въ два тома изданныхъ г. Суворинымъ «Изслѣдованій и статей по русской литературѣ и просвѣщенію, М. И. Сухомлинова».

МЕМУАРЫ ИСЧЕЗНУВШАГО.

Новый семидесятишестилѣтній писатель. — Слѣдуетъ ли дѣлаться литераторомъ-придворнымъ, не смѣющимъ высказывать своихъ мнѣній.— Обер-шталмейстеръ и его нескромныя воспоминанія. — Что говорятъ о немъ другіе и что говоритъ онъ самъ о себѣ. — Мѣсто префекта за умѣнье льстить. — Табакерка и пустая касса.— Казакъ въ Парижѣ. — Императорскіе долги, уплачиваемые народомъ.— Охотникъ въ лѣсу и на зеленомъ полѣ. — Писатель-плебей и аристократическій псевдонимъ. — Похожденія Коссада. — Анекдоты про Дюма-отца. — Переворотъ 2-го декабря. — Благочестивый генералъ и игрокъ. — Принцъ Камерата и историческія легенды. — Дворъ Луи-Наполеона. — Сынъ Массены — предводитель краснокожихъ. — Сипріани и графъ д'Орсе. — Англичане въ Парижѣ. — Какъ трудно узнать правду и отъ современниковъ.— Потерянная брошка и проигранные милліоны. — Русскіе въ Монако. — Бѣгство императрицы Евгеніи. — Демидовъ Сан-Донато. — Неудачный обвинитель и защитникъ.— Война 1870 года.— Нѣмцы и французы. — Кухонная латынь.

СТРАСТЬ къ обнародованію своихъ мемуаровъ до того распространилась на Западѣ въ послѣднее время, что съ ними являются въ публику даже такія лица, которымъ впору писать развѣ только свои завѣщанія. Правда, вспоминать о прежней жизни приличнѣе всего старикамъ, но для этого необходимо, чтобы они втеченіе этой жизни подготовляли какіе нибудь матеріалы для того времени, когда, удалясь отъ дѣлъ, примутся приводить въ порядокъ свои воспоминанія. Но когда въ литературѣ является 76-тилѣтній писатель, никогда ничего не печатавшій и откровенно сознающійся, что у него нѣтъ никакихъ замѣтокъ, никакихъ документовъ, относящихся къ прожитой имъ эпохѣ, а пишетъ онъ только по памяти да по совѣту друзей, увѣрившихъ его, что онъ «неистощимый разсказчикъ», — читатель и критикъ имѣютъ полное основаніе отне-

стись съ недовѣрчивостью къ такому лицу. Вотъ почему появившаяся недавно въ Парижѣ книга «Воспоминанія и нескромности исчезнувшаго» (Souvenirs et indiscrétions d'un disparu) встрѣчена была журналистикою безъ отзыва. Это одно уже доказывало, что авторъ не принадлежитъ ни къ одной изъ господствующихъ партій и имя его неизвѣстно въ литературѣ. Дѣйствительно, до нынѣшняго года она была вовсе незнакома съ барономъ де-Планси. Имени его нѣтъ даже во всеобъемлющемъ словарѣ Ларусса, а званіе выставленное въ заголовкѣ его книги «бывшій обер-шталмейстеръ короля Іеронима и бывшій депутатъ» говорило только о его общественной, а не литературной дѣятельности. Званіе указывало только на то, что онъ бонапартистъ, но между тѣмъ ни всемірное библіографическое обозрѣніе «Polybiblion», ни монархистскій «Correspondant» не давали отчета о книгѣ, отзывавшейся рекламою въ своемъ заглавіи. Но безъ этихъ «нескромностей» и «исчезновеній» книгу, о которой молчала періодическая печать, никто не сталъ бы читать, а это не входило въ разсчетъ издателя, извѣстнаго парижскаго книгопродавца Оллендорфа. И вотъ, благодаря, можетъ быть, даже этой рекламѣ, книга проникла въ публику, которая если не нашла въ ней особыхъ нескромностей, то, всетаки, прочла не безъ интереса воспоминанія автора, болѣе полувѣка вращавшагося въ кругу извѣстныхъ и историческихъ лицъ. Ничего новаго авторъ не сообщаетъ объ этой эпохѣ, но въ книгѣ его, гдѣ, какъ во всѣхъ старческихъ произведеніяхъ, гораздо больше лишняго, чѣмъ существеннаго, встрѣчаются, всетаки, любопытные факты и анекдоты, характеризующіе его время. Мы приведемъ тѣ изъ нихъ, которые могутъ занять русскихъ читателей, провѣривъ тамъ, гдѣ въ этомъ встрѣтится надобность, показанія автора воспоминаніями другихъ писателей объ эпохѣ, хотя и близкой къ намъ, но отошедшей уже въ область легендъ. Авторъ слишкомъ много говоритъ о самомъ себѣ, но мы посмотримъ прежде, что о немъ говорятъ другіе.

Фамилія Планси принадлежитъ къ числу старинныхъ дворянскихъ родовъ и получила свое прозваніе отъ небольшой деревни близъ города Арсиса, въ департаментѣ Оба. Въ «Словарѣ современниковъ», Ваперо, выходящемъ теперь шестымъ изданіемъ, показанъ виконтъ Шарль де-Планси, родившійся въ 1809 году. Онъ былъ внукомъ Лебрена, бывшаго консуломъ Французской республики и потомъ главнымъ казначеемъ первой имперіи, но служилъ очень усердно Луи-Филиппу съ 1835 года и потомъ еще усерднѣе Наполеону III. Нѣсколько разъ выбираемый въ палату, онъ былъ въ то же время меромъ и членомъ генеральнаго совѣта департамента Уазы. Братъ его, авторъ «Воспоминаній», баронъ Августъ, родился въ 1815 году и былъ четыре раза избираемъ въ палату второй имперіи, но послѣ революціи 1870 года три раза являлся кандидатомъ своего округа въ парламентъ и каждый разъ былъ

забаллотированъ. Немудрено, что послѣ этихъ неудачныхъ попытокъ вернуться къ политической жизни, онъ назвалъ себя «исчезнувшимъ» и сталъ писать свои мемуары. Посвящаетъ онъ ихъ вылечившему его отъ опасной болѣзни доктору Ласковскому, профессору Женевскаго университета, и сознается, что, принадлежа по рожденію къ классу если не виверовъ, то праздныхъ людей, хотя и вращался въ политическихъ сферахъ въ молодости и видѣлъ и слышалъ много любопытнаго, но изъ лѣни или изъ деликатнаго желанія не обнаруживать закулисной стороны жизни общественныхъ дѣятелей, не собиралъ никакихъ автографовъ, писемъ, замѣтокъ, не записывалъ чиселъ и подробностей разныхъ событій и, найдя подъ старость себѣ занятіе въ составленіи мемуаровъ, пишетъ ихъ подъ диктовку своей памяти, оставшейся такою же свѣжею, какъ была въ молодости. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приписываетъ большое значеніе своимъ воспоминаніямъ, говоритъ, что они объясняютъ причины многихъ историческихъ фактовъ, упоминаетъ даже о томъ, что онъ родился въ пятницу, 13-го іюля, и въ пятницу же, 13-го ноября 1891 года, кончилъ свои мемуары, какъ будто кого нибудь могутъ интересовать эти кабалистическія цифры. Очень много распространяется онъ также о своихъ родственникахъ, своихъ подвигахъ во всѣхъ родахъ спорта, о своихъ политическихъ взглядахъ. Все это мы, конечно, оставимъ въ сторонѣ и остановимся только на характеристикѣ его современниковъ и событій той эпохи, хотя и тутъ онъ высказываетъ съ первыхъ строкъ предисловія самыя оберъ-шталмейстерскія мнѣнія о лицахъ, которымъ служилъ. Такъ, отставленный вестфальскій король Іеронимъ—«совершенный джентльменъ, привѣтливый, патріархальный и несомнѣнной честности въ денежныхъ дѣлахъ», а принцъ Наполеонъ—«умный, отличавшійся прямотою взглядовъ, великій политикъ и финансистъ, не игравшій роли претендента». Но такія крайнія мнѣнія, высказанныя въ порывѣ вѣрноподданническаго усердія не подтверждаются даже въ мемуарахъ самого автора, нерѣдко проговаривающагося и забывающаго свое намѣреніе—сглаживать щекотливыя подробности въ поступкахъ историческихъ лицъ. Напрасно также онъ старается блеснуть своимъ слогомъ: его постоянныя потуги къ остроумничанью производятъ непріятное впечатлѣніе.

Планси родился въ годъ паденія имперіи и отмѣчаетъ этотъ роковой годъ только анекдотомъ, какъ отецъ его, бывшій префектомъ Сены-и-Марны, долженъ былъ получить мѣсто префекта Парижа, но оно досталось Шабролю, префекту Пюи-де-Дома, бывшему въ это время въ Парижѣ и явившемуся въ Тюльери, когда префектъ Фрошо былъ отставленъ послѣ заговора генерала Мале.

— Ужъ не думаете ли вы проситься у меня въ парижскую префектуру?—спросилъ Наполеонъ.

— Отчего же и нѣтъ, ваше величество? — развязно отвѣчалъ Шаброль.

— Но сколько же вамъ лѣтъ?—продолжалъ императоръ.

— Въ мои года вы, государь, были уже главнокомандующимъ и одерживали блестящія побѣды,—возразилъ находчивый придворный и на другой же день былъ уже парижскимъ префектомъ.

«Вѣроятно, это мѣсто очень понравилось ему, — замѣчаетъ Планси, — такъ какъ онъ сохранилъ его и при Бурбонахъ». Онъ замѣчаетъ также, что, вопреки утвержденія газетъ, на бульварахъ Парижа не кричали во время вступленія иностранныхъ армій: «да здравствуютъ наши друзья-непріятели!» (nos amis les ennemis) и не повторяли каламбура о Людовикѣ XVIII: rendez nous notre père de Gand (paire de gants). Наполеонъ, во время Ста дней, занявъ въ Тюльери кабинетъ Людовика XVIII, нашелъ въ немъ табакерку короля изъ папье-маше въ 15 сантимовъ и пустую кассу. Когда король вернулся опять въ свой кабинетъ, касса въ немъ была пуста попрежнему, но табакерки не было. Отецъ автора мемуаровъ за приверженность къ императору былъ приговоренъ къ смертной казни, но по ходатайству министра Деказа высланъ только изъ Парижа въ свое помѣстье Планси, подъ надзоръ полиціи, и отправился туда въ сопровожденіи своего вѣрнаго камердинера, получавшаго также жалованье отъ полиціи за доставленіе отчетовъ о занятіяхъ своего господина. Тамъ графъ де-Планси—отъ скуки что ли—попробовалъ зарѣзаться и выброситься изъ окна, но неудачно, и разбитый и израненый привезенъ былъ въ Парижъ для леченья. Въ помѣстьѣ остался отрядъ казаковъ, расквартированныхъ при занятіи Франціи чужеземными войсками и истреблявшихъ дичь въ лѣсахъ и рыбу въ прудахъ владѣльца. Казаки, конечно, ѣли сальныя свѣчи, по увѣренію автора мемуаровъ, и одинъ изъ нихъ запорожецъ Федоръ (zaporogue) остался въ услуженіи у автора, при конюшнѣ. На немъ ребенокъ ѣздилъ верхомъ и, благодаря этимъ первымъ урокамъ верховой ѣзды, сдѣлался королевскимъ первымъ конюхомъ. Впослѣдствіи казакъ, получивъ пенсію отъ Планси, поступилъ швейцаромъ въ церковь св. Роха и подавалъ святую воду святой королевѣ Маріи-Амаліи. Se non e vero...

Съ первыхъ страницъ своихъ воспоминаній Планси горячо защищается отъ обвиненій въ бонапартизмѣ. Онъ всегда былъ независимымъ гражданиномъ, поклонникомъ свободы, только симпатизировалъ наполеонистамъ, и если принялъ придворную должность, то потому, что Луи-Наполеонъ объяснилъ ему, что въ качествѣ друга онъ не можетъ являться во фракѣ на придворныхъ церемоніяхъ и быть на войнѣ безъ мундира. Авторъ былъ всегда пламеннымъ поклонникомъ равенства, «идея котораго роковымъ образомъ должна непремѣнно въ латинской расѣ воплощаться въ

одномъ человѣкѣ». Для него это воплощеніе представляетъ Наполеонъ, «синонимъ либерализма, увѣнчаннаго властью». Поэтому Планси называетъ себя бонапартистскимъ республиканцемъ. Отчего же не республиканскимъ бонапартистомъ? Вся эта игра громкими словами, конечно, не доказываетъ ничего, кромѣ шаткости убѣжденій автора, убаюкивающаго себя напыщенными фразами, ровно ничего не доказывающими. Планси восхваляетъ, напримѣръ, слѣдующій поступокъ Луи-Наполеона. Когда дядя его вернулся съ Эльбы и нашелъ въ кабинетѣ Тюльери только одну табакерку, онъ послалъ воззваніе къ королямъ, герцогамъ и принцамъ своего дома, приглашая ихъ заложить свои имѣнія, брилліанты, драгоцѣнности и пополнить государственную кассу. «Это не будетъ подаркомъ,—писалъ императоръ:—Франція ихъ не принимаетъ; это заемъ, который будетъ гарантированъ». Внесли до 80-ти милліоновъ франковъ и взамѣнъ ихъ получили облигаціи, обезпеченныя государственными лѣсами. Людовикъ XVIII перемѣнилъ цвѣтъ этихъ облигацій и, вмѣсто зеленыхъ, сталъ выдавать розовые билеты, но полученіе по нимъ капитала производилось такъ туго, что уже вначалѣ второй имперіи король Іеронимъ предлагалъ барону Планси пріобрѣсти на шесть милліоновъ этихъ облигацій за шесть тысячъ, но баронъ отказался. Когда вторая имперія окончательно водворилась, къ новому императору явились со старыми претензіями. Онъ назначилъ комисію изъ юристовъ, сбавившую претензіи на 30 милліоновъ. (Были, между прочимъ, претенденты и на Елисейскій дворецъ, обмѣненный еще при Наполеонѣ I за какую-то провинцію въ Иллирійскомъ королевствѣ). Наполеонъ III еще уменьшилъ эту сумму до 12-ти милліоновъ и объявилъ, что, «не желая, чтобы его домъ воспользовался деньгами Франціи, уплачиваетъ этотъ долгъ изъ своихъ собственныхъ суммъ, разложивъ его по годамъ». А практическій Людовикъ XVIII не уплатилъ ничего,—замѣчаетъ Планси. Развѣ это не однѣ громкія фразы? Откуда же, какъ не у Франціи, взялъ свои собственныя суммы авантюристъ, захватившій престолъ и жившій въ Лондонѣ жалованьемъ констебля и на содержаніи у миссъ Говардъ?

О своихъ школьныхъ годахъ Планси говоритъ очень мало и только называетъ нѣкоторыхъ товарищей, сдѣлавшихся потомъ извѣстными. За то онъ передаетъ множество нисколько не интересныхъ разсказовъ о похожденіяхъ разныхъ гулякъ его круга. По поводу своей женитьбы онъ приводитъ только то обстоятельство, что обманулъ свою будущую тещу, увѣривъ ее въ Баденѣ, что онъ не играетъ въ рулетку, и въ тотъ же день отправился въ игорный домъ. Въ своемъ помѣстьѣ онъ велъ праздную жизнь, охотясь и объѣзжая лошадей, и очень доволенъ, что въ книгѣ «Охоты второй имперіи» его назвали хорошимъ стрѣлкомъ. Въ Планси онъ дѣлалъ, впрочемъ, кое-что для улучшенія своего имѣ-

нія и копалъ колодцы по указаніямъ знакомаго аббата, имѣвшаго способность открывать подземные источники даже на значительной глубинѣ. Эта способность, доказанная опытомъ, хотя и не объясненная научно, зависитъ отъ нервной воспріимчивости подобнаго субъекта и, такъ сказать, отъ его электропроводимости, потому что въ шелковыхъ чулкахъ и въ перчаткахъ и на глинистой почвѣ такіе люди теряютъ свою способность. Даже новая обувь мѣшаетъ имъ производить ихъ открытія и для успѣшнаго дѣйствія необходимо, чтобы подошвы ихъ сапоговъ были достаточно потерты во время ходьбы. До извѣстной степени все это объясняется физическими законами, но Планси, какъ клерикалъ, видитъ въ этомъ чудодѣйственную силу и подтверждаетъ открытіе одного колодца письмомъ 1767 года, гдѣ разсказывается о томъ, что на этомъ мѣстѣ былъ старый, засыпанный колодезь... Мемуары наполнены случаями разныхъ предчувствій, предсказаній, предзнаменованій. Вотъ одинъ изъ нихъ. Маркиза Контада спросили однажды въ клубѣ: счастливо ли онъ играетъ?—Да, я счастливъ, слишкомъ счастливъ,—отвѣчалъ Контадъ:—всѣ дѣла мнѣ удаются; жена моя — красавица и любитъ меня одного (она вышла потомъ за герцога Люиня), я выдалъ дочь свою за перваго дворянина Франціи—герцога Шевреза; въ картахъ, на билліардѣ я постоянно въ выигрышѣ. Но Тарпейская скала близь Капитолія, я предчувствую, что со мной случится несчастіе». Онъ вышелъ изъ клуба въ холодную январьскую ночь и пошелъ домой пѣшкомъ. У государственнаго совѣта окрикъ часового испугалъ его, онъ отскочилъ, поскользнулся на тротуарѣ и упалъ такъ несчастливо, что переломилъ руку. Доктора нашли только утромъ. Съ больнымъ сдѣлалась сначала лихорадка, потомъ тетаносъ, отъ котораго онъ и умеръ. Все это, можетъ быть, вѣрно до мельчайшихъ подробностей, но что же это доказываетъ? И сколько случаевъ ожиданія бѣды или неудачи не оправдываются, сколько предсказаній забывается и остаются неисполненными? Можно ли выводить какія нибудь заключенія изъ совершенно случайныхъ событій? Климатическія и гигіеническія условія, дурное расположеніе духа, тысяча мелкихъ обстоятельствъ нерѣдко наводятъ насъ на самыя мрачныя мысли, но неужели вслѣдъ за всякимъ разстройствомъ желудка мы должны ждать неминуемыхъ несчастій? Отчего же намъ поэтому не вѣрить гаданью на кофейной гущѣ или заговорамъ знахаря?..

Революція 1848 года застигла Планси въ Руанѣ, гдѣ онъ былъ назначенъ капитаномъ національной гвардіи, но уѣхалъ въ свое помѣстье и былъ выбранъ депутатомъ въ палату отъ департамента Оба. О послѣднихъ часахъ Іюльской монархіи онъ разсказываетъ только сцену, когда маршалъ Бюжо явился въ кабинетъ Луи-Филиппа съ извѣстіемъ, что народъ идетъ на Тюльери, и предложилъ въ полчаса усмирить возстаніе.

— Что же вы сдѣлаете, маршалъ?—спросилъ король.

— А я пущу въ ходъ картечь.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Луи-Филиппъ,—я не хочу, чтобы изъ-за меня пролилась хоть капля крови.

— Это ваше послѣднее слово?—переспросилъ Бюжо и, видя, что король молчитъ, ушелъ съ непечатнымъ ругательствомъ. Въ Планси авторъ мемуаровъ покровительствовалъ внучкамъ и брату Дантона, заботился о сохраненіи надгробной плиты съ могилы Вольтера въ Сельерскомъ абатствѣ и не пускалъ къ себѣ въ за̀мокъ писателя, родившагося въ Планси и подписывавшаго свои произведенія названіемъ этого мѣстечка въ соединеніи со своимъ простонароднымъ именемъ: Колленъ-де-Планси. Этотъ литературный кондотьеръ дѣйствительно не заслуживаетъ уваженія: онъ началъ свое поприще республиканскими, атеистическими и спекулятивными изданіями, какъ «Словарь ада», «Живописная біографія іезуитовъ», «Чортъ, самъ себя изображающій», «Феодальный словарь», «Такса грѣховъ въ папской лавочкѣ»; потомъ бѣжалъ въ Бельгію, восхвалялъ короля Леопольда и военные подвиги бельгійцевъ и въ 1837 году отправился въ Римъ, гдѣ принесъ покаяніе папѣ въ своихъ литературныхъ и иныхъ грѣхахъ и сталъ издавать легенды пресвятой Богородицы, смертныхъ грѣховъ, Господнихъ заповѣдей, вѣчнаго жида, словарь атеистовъ, вольнодумцевъ и еретиковъ, житія святыхъ и т. п. Этихъ благочестивыхъ произведеній онъ издалъ 25 томовъ, но умеръ въ бѣдности наборщикомъ у типографщика Плона. Но Колленъ-де-Планси былъ, всетаки, настоящимъ литераторомъ и писалъ, на̀до сознаться, гораздо лучше барона де-Планси, который могъ бы и помягче отнестись къ своему однофамильцу.

Оставивъ свое помѣстье, баронъ отправился въ Парижъ и поступилъ на службу къ экс-королю Іерониму, у котораго пробылъ 12 лѣтъ въ должности главнаго конюшаго. Онъ рисуетъ портреты придворныхъ, преимущественно бонапартистовъ, между которыми было, впрочемъ, мало выдающихся лицъ. Одинъ изъ нихъ Коссадъ, служившій сначала по почтовому вѣдомству, оказалъ большія услуги Луи-Наполеону, когда его избирали въ президенты республики. Генералъ Кавеньякъ, бывшій также кандидатомъ на этотъ постъ, надѣялся восторжествовать надъ своимъ конкурентомъ, такъ какъ онъ уже спасъ однажды Францію, употребивъ въ дѣло совѣтъ, данный его парижскимъ товарищемъ, маршаломъ Бюжо, Луи-Филиппу: усмирить бунтъ картечью. Перестрѣлявъ въ Парижѣ во время трехъ дней іюньскаго возстанія массу соціалистовъ и захвативъ власть въ свои руки, Кавеньякъ, конечно, не церемонился и со своимъ соперникомъ по кандидатурѣ и просто приказалъ остановить на почтѣ отправку въ разные департаменты воззваній и прокламацій Луи-Наполеона къ народу. Видя, что главный директоръ почтъ Араго разсылаетъ только воззванія Кавеньяка, Коссадъ съ

заряженными пистолетами сталъ у тюковъ съ прокламаціями и требовалъ одновременнаго ихъ отправленія, что и принуждены были исполнить, хотя и съ большою неохотою. Тотъ же Коссадъ сказалъ однажды своему начальнику, генералу Гопулю, грубо обращавшемуся съ нимъ, какъ и со всѣми подчиненными:

— Генералъ, вы были, сколько мнѣ помнится, во время реставраціи въ Тулузѣ командиромъ гусарскаго полка?—и на утвердительный отвѣтъ прибавилъ:

— Припомните, что въ театрѣ давали тогда оперу «Пещера разбойниковъ». Предводителя ихъ убиваютъ, и разбойники спрашиваютъ: кого выберемъ мы нашимъ атаманомъ?—Наполеона Бонапарте!—вскричалъ въ то время, поднявшись въ партерѣ, одинъ гусарскій офицеръ. Но сзади его сидѣлъ молодой студентъ, который при этихъ словахъ также всталъ со своего мѣста и закатилъ гусару здоровую пощечину. На другое утро мы дрались, и я прокололъ насквозь офицера. И теперь я хоть и не молодъ, но также горячъ и не переношу грубыхъ выходокъ.

— Ага,—сказалъ Гопуль, кисло улыбаясь:—такъ это вы убили моего гусара? И куда же вы потомъ пропали? Я искалъ васъ по всему городу и даже за городомъ.

— Еще бы! Но я предпочелъ отправиться подальше, чтобы имѣть теперь удовольствіе бесѣдовать съ вами.

Этотъ же Коссадъ былъ зачѣмъ-то въ Варшавѣ, гдѣ княгиня Чарторыйская поручила ему отвезти князю Адаму, жившему въ Парижѣ, ея письма и сорокъ свертковъ золота, которые Коссадъ спряталъ въ подушкахъ своей кареты. Сбираясь оставить Варшаву, онъ явился къ князю Меншикову, «бывшему, кажется, директоромъ полиціи» (?), и сказалъ ему: «князь, я завтра уѣзжаю...— И увозите съ собою письма княгини Чарторыйской къ ея сыну и сорокъ свертковъ золота, спрятанныхъ въ вашемъ экипажѣ,—добавилъ князь:—но завтра же васъ остановили бы у городской заставы и арестовали. Однако, такъ какъ вы увѣдомили меня о вашемъ отъѣздѣ, я разрѣшаю вамъ продолжать путешествіе и исполнить данное вамъ порученіе». Удивляясь точнымъ свѣдѣніямъ русской полиціи, Коссадъ выѣхалъ изъ Варшавы вмѣстѣ съ еврейскимъ банкиромъ Френкелемъ, но анекдотъ, который Планси разсказываетъ объ этомъ евреѣ, носившемъ лапсердакъ (la lévite) и забывшемъ однажды въ Страсбургѣ надѣть подъ эту хламиду необходимую часть одежды, въ то время, когда онъ отправлялся въ соборъ слушать ночную обѣдню, гдѣ и былъ арестованъ,—грязенъ и неправдоподобенъ. Вообще анекдоты, разсказанные авторомъ, не отличаются особеннымъ остроуміемъ, хотя онъ часто приписываетъ ихъ извѣстнымъ писателямъ. Такъ, Александръ Дюма-отецъ разсказывалъ ему будто бы о посѣщеніи имъ въ Лондонѣ знатнаго лорда. Дюма ждалъ его въ великолѣпной пріемной, уставленной тропическими

растеніями, и вдругъ почувствовалъ сильную боль въ ногѣ: огромный красный ара незамѣтно слѣзъ съ клѣтки и укусилъ его за икру. Взбѣшенный писатель ударомъ ноги положилъ его на мѣстѣ, но, заслышавъ шаги хозяина, забросилъ птицу въ дальній уголъ залы, подъ развѣсистую пальму. Черезъ годъ Дюма пришлось сдѣлать визитъ тому же лорду, въ той же пріемной, но какъ удивился онъ, увидя на прежнемъ мѣстѣ того же краснаго ара. Пока онъ разсматривалъ его, вошелъ хозяинъ и, послѣ обычныхъ привѣтствій, сказалъ посѣтителю:

— Это чучело. Я убѣдился въ прошломъ году, что попугаи, какъ лебеди, умирая удаляются въ самыя уединенныя мѣста. Этого ара нашли мертвымъ въ далекомъ углу подъ пальмою.

Въ другой разъ писатель былъ съ визитомъ у богатаго графа и ждалъ хозяина въ его кабинетѣ, гдѣ подъ кушеткой лежали двѣ левретки. Вдругъ обѣ онѣ бросились къ двери и стали такъ настойчиво ломиться въ нее, что Дюма отворилъ имъ дверь. Въ то же время въ другую дверь вошелъ хозяинъ и объявилъ гостю причину внезапнаго бѣгства собакъ. «Онѣ у меня почти постоянно въ кабинетѣ,—сказалъ онъ,—но по временамъ позволяютъ себѣ... маленькое неприличіе. Затрудняясь найти, кто изъ нихъ виноватъ, я обыкновенно награждаю обѣихъ ударомъ хлыста, и поэтому онѣ уже всегда вмѣстѣ стараются убѣжать и спрятаться».

О государственномъ переворотѣ 2-го декабря 1851 года Планси разсказываетъ слѣдующія подробности.

Перваго декабря онъ былъ въ палатѣ, гдѣ депутаты ждали отъ Шангарнье, командовавшаго парижскою арміею, извѣстія о томъ, что Луи-Наполеонъ арестованъ, но генералъ, взойдя на трибуну, произнесъ только: «представители Франціи, продолжайте спокойно ваши пренія!..». Изумленіе палаты было неописанное, поднялся страшный шумъ, и президентъ Дюпенъ, привыкнувъ къ тому, что тишину нарушалъ всегда ярый радикалъ Міо, аптекарь изъ Кламеси, вскричалъ:

— Господинъ Міо, я призываю васъ къ порядку!

Въ то же время со скамьи оповиціи раздался чей-то голосъ:

— Но, господинъ президентъ, Міо боленъ и уже болѣе недѣли не посѣщаетъ палату.

Гомерическій смѣхъ раздался въ залѣ, его прервалъ звонокъ и голосъ Дюпена:

— Я поддерживаю мое призваніе къ порядку.

Смѣхъ, конечно, продолжался, но не до смѣху было въ этотъ день Луи-Наполеону и заговорщикамъ. На пріемѣ въ Елисейскомъ дворцѣ, куда отправился Планси послѣ засѣданія въ палатѣ, было множество народа. Всѣ съ безпокойствомъ ждали, что будетъ дѣлать президентъ республики, видя враждебное противъ него настроеніе палаты. Луи-Наполеонъ бесѣдовалъ очень любезно, особенно

съ военными, когда къ нему подошелъ одинъ генералъ и сказалъ, улыбаясь:

— А что, ваша свѣтлость, вѣдь нашъ маленькій заговоръ удался!

Мертвое молчаніе встрѣтило эти странныя слова. Можно представить себѣ положеніе заговорщика, у котораго въ карманѣ, конечно, лежалъ уже декретъ о государственномъ переворотѣ и захватѣ солдатами всѣхъ его противниковъ, совершившемся въ ту же ночь.

— Я послѣдовалъ вашему совѣту,— продолжалъ генералъ, — и представилъ военному министру записку о заслугахъ офицера, которому вы не соглашались дать орденъ безъ согласія министра, и нашъ протеже получилъ сегодня красную ленточку.

Тогда только Луи-Наполеонъ глубоко вздохнулъ и благосклонно улыбнулся, но не сказалъ ни слова.

На другой день камердинеръ Планси сказалъ ему, подавая одѣваться:

— Если г. баронъ собирается въ палату, это напрасно: палата закрыта и распущена.

Планси, всетаки, отправился знакомою дорогою, но на площади Согласія отрядъ солдатъ не пустилъ его дальше.

— Какъ! вы останавливаете меня,— вскричалъ баронъ:—но вѣдь я депутатъ!

— Именно потому, что вы депутатъ, вы и не пройдете дальше,— отвѣчалъ спокойно безъусый подпоручикъ.— Пришлось повиноваться. Планси отправился по бульварамъ, но и они были заняты войсками. У Сенжерменскихъ воротъ онъ встрѣтилъ знакомаго генерала Котта, прохаживавшагося передъ своимъ отрядомъ.

— Ба! депутатъ! Не разстрѣлять ли намъ его, чѣмъ стоять безъ дѣла?—Солдаты съ непріязненнымъ видомъ опустили ружья къ ногѣ. Планси взялъ подъ руку Котта и сказалъ: «генералъ, это уже переходитъ границы шутки!» Коттъ сдѣлалъ нервную гримасу и далъ знакъ, чтобы пропустили барона. Это былъ чрезвычайно набожный генералъ и въ то же время страстный игрокъ, замѣчаетъ Планси. Когда его спрашивали, какъ же онъ соединяетъ благочестіе со страстью къ картамъ, онъ отвѣчалъ: мнѣ разрѣшилъ играть мой духовникъ. Онъ говоритъ, что игра не грѣхъ, а только заблужденіе. Заигравшись въ клубѣ до утра, генералъ нерѣдко по воскресеньямъ отправлялся прямо изъ-за баккара въ церковь причащаться. Планси не описываетъ, однако, убійствъ въ столицѣ, когда, чтобы навести страхъ на парижанъ и удержать ихъ отъ постройки баррикадъ, Луи-Наполеонъ приказать дать вдоль бульваровъ залпъ картечью, положившій на мѣстѣ множество женщинъ, дѣтей и фланеровъ, проходившихъ по улицамъ. Планси говоритъ только, что «революцію, какъ яичницу, нельзя сдѣлать безъ того, чтобы не перебить яицъ». Очень утѣшительное остроуміе, особенно для

тѣхъ, изъ кого состряпали эту яичницу. Для суда надъ захваченными живьемъ «бунтовщиками» была назначена особая комисія, отправлявшая въ ссылку и въ тюрьмы лицъ, осмѣлившихся протестовать противъ будущаго императора. Въ числѣ осужденныхъ было немало и такихъ лицъ, которыя при Бурбонахъ и Орлеанахъ были бонапартистами, потому что стояли за свободу, а при захватѣ власти Луи-Наполеономъ сдѣлались его противниками.

Говоря о дворѣ Луи-Наполеона и близкихъ къ нему лицахъ, Планси доказываетъ, что бывшій агентъ полиціи Клодъ сплошь и рядомъ сообщаетъ въ своихъ мемуарахъ невѣрныя извѣстія. Такъ онъ пишетъ: «Принцъ Камерата влюбился въ императрицу, и Луи-Наполеонъ велѣлъ, изъ ревности, одному корсиканцу заколоть его кинжаломъ». Во-первыхъ, Камерата былъ не принцемъ, а графомъ, и влюбленъ былъ въ актрису бульварнаго театра Марту, которая отравилась послѣ того, какъ Камерата застрѣлился изъ пистолета. Планси видѣлъ трупъ его тотчасъ послѣ самоубійства. Мать графа, принцеса Элиза Бачіоки отличалась энергичнымъ характеромъ: выйдя замужъ, она приказала разломать свое фортепіано и бросить въ огонь всѣ ноты, по которымъ ее учили музыкѣ и пѣнію. Въ 1830 году она пыталась освободить герцога Рейхштадтскаго и увезла его тайно изъ Шенбруна, но ее остановили въ Вѣнѣ. Чтобы заставить своего мужа согласиться на разводъ, она пригласила его однажды въ свой замокъ Вивье, гдѣ она жила подлѣ своего обожателя Іоахима Клари, и тамъ мужъ, садясь за завтракъ, нашелъ подъ салфеткой своего прибора пару заряженныхъ пистолетовъ. Это предостереженіе или приглашеніе такъ на него подѣйствовало, что онъ далъ ей полную свободу. Клодъ, дѣйствительно, много сочинялъ въ своихъ мемуарахъ, но кто же поручится за непогрѣшимость и мемуаровъ «исчезнувшаго»? Представляя характеристики придворныхъ второй имперіи, онъ разсказываетъ про нихъ иногда весьма интересные анекдоты. Старому наполеоновскому генералу Лакроссу Луи-Наполеонъ сказалъ однажды:—«Вы не зашли вчера ко мнѣ въ ложу, генералъ, и хорошо сдѣлали: у меня былъ сильный насморкъ, а онъ прилипчивъ».—«Я не зналъ этого,—отвѣчалъ Лакроссъ,—и былъ бы счастливъ, получивъ насморкъ отъ вашего величества». Итальянецъ, корсиканецъ или американецъ Сипріани появился въ Тюльери послѣ своихъ экскурсій въ Калифорнію. Тамъ онъ, съ отрядомъ изъ сорока инсургентовъ 1848 года, дрался съ краснокожими и однажды, въ главѣ каравана, сопровождалъ транспортъ быковъ въ двѣ тысячи головъ изъ Сан-Франсиско въ Нью-Іоркъ черезъ прерію въ 500 миль. На этомъ пути онъ встрѣтилъ племя команчей, и предводитель ихъ прислалъ свою сквау (жену) пригласить европейца переночевать въ вигвамъ. Дикарь отлично говорилъ пофранцузски, и изъ разспросовъ его Сипріани увидѣлъ ясно, что его хозяинъ отлично знаетъ Парижъ и

Европу. При разставаніи вождь команчей признался, что онъ—сынъ маршала Массены и давно уже охотно промѣнялъ цивилизованную жизнь на роль главы дикарей и очень доволенъ ею, обладая дюжиною ребятъ и огромными стадами. Во время итальянской войны Сипріани оказалъ большія услуги Луи-Наполеону и Виктору-Эммануилу, и они предлагали ему разныя должности, но корсиканецъ предпочелъ жизнь независимаго авантюриста. Графъ д'Орсе былъ представителемъ моды въ Парижѣ и прямымъ наслѣдникомъ Бруммеля, законодателемъ всякаго рода спорта, изобрѣтателемъ мужскихъ костюмовъ. Онъ и умеръ въ шелковой жакеткѣ цвѣта блохи, въ голубыхъ панталонахъ въ обтяжку, въ жилетѣ изъ бѣлаго пике, въ вышитой рубашкѣ, лакированныхъ ботинкахъ, съ завитыми бакенбардами. «Апостолъ Петръ,—прибавляетъ Планси,—долженъ былъ удивиться, впуская его въ рай въ такомъ костюмѣ». Но этотъ д'Орсе былъ въ то же время хорошимъ скульпторомъ и сдѣлалъ очень схожій бюстъ Луи-Наполеона. Въ Лондонѣ онъ былъ такимъ же царемъ моды, и богатые лорды говорили, что съ удовольствіемъ дали бы тысячу франковъ, если-бъ д'Орсе подалъ имъ руку и прошелся съ ними по Пикадилли. «Въ наше время протягиваютъ руку только банкирамъ съ цѣлью попросить у нихъ денегъ». Въ Парижѣ во время второй имперіи жило много англичанъ. Маркизъ Гертфордъ, бывшій сначала англійскимъ посланникомъ, прожилъ тамъ лѣтъ двадцать. По праву маіоратства, онъ обладалъ милліонами, тогда какъ братъ его Сеймуръ не получилъ въ наслѣдство ни шиллинга, что не мѣшало ему, живя также въ Парижѣ, относиться съ почтеніемъ къ старшему брату. Сеймуръ отличался физическою силою и доставлялъ себѣ по временамъ удовольствіе отправляться на рынокъ, вызывая тамъ охотниковъ бороться, и, побѣдивъ ихъ, угощалъ роскошнымъ обѣдомъ. Гертфордъ былъ большой эксцентрикъ. Кромѣ множества замковъ, въ Лондонѣ у него былъ великолѣпный отель, гдѣ ему каждый день былъ готовъ обѣдъ, на случай его пріѣзда, хотя онъ десятки лѣтъ не покидалъ континента. Въ Парижѣ у него были обширныя конюшни съ богатыми экипажами и удивительными лошадьми, но онъ ходилъ часто въ клубъ пѣшкомъ, въ калошахъ и съ зонтикомъ подъ мышкой, а въ дождливое время нанималъ фіакръ. Онъ подарилъ въ 1851 году Луи-Наполеону севрскій сервизъ королевы Гортензіи, пріобрѣтенный имъ еще во время республики за десять тысячъ франковъ. Изъ русскихъ, игравшихъ въ Тюльери видную роль, Планси называетъ молодого графа Медема, сына дипломата; его убилъ потомъ на дуэли во Флоренціи генералъ Калерджи. Но что за общество являлось при этомъ странномъ дворѣ! Планси передаетъ немного случаевъ изъ жизни этихъ авантюристовъ, не называя ихъ, а обозначая только иниціалами да титулами: герцогъ К., графъ Л. Одинъ бѣднякъ, потерявшій все состояніе, застрѣ-

лившись, назвалъ, въ своемъ завѣщаніи, наглымъ шулеромъ обыгравшаго его навѣрняка вельможу. Тотъ спросилъ у Верона совѣта, какъ поправить дѣло? — «Очень просто,—отвѣчалъ журналистъ:—найдите лицъ, которыя играли бы съ вами и засвидѣтельствовали, что вы остались въ проигрышѣ». Вельможа, однако, напрасно искалъ такихъ лицъ. Разсказываетъ также авторъ объ одной оргіи между четырьмя придворными и ихъ знатными подругами. Графы и герцоги такъ перепились подъ конецъ ужина, что потребовали отъ своихъ дамъ, чтобы тѣ явились передъ ними въ костюмѣ, въ какомъ богини предстали на судъ Париса. Три дамы тотчасъ же исполнили игривое желаніе своихъ партнеровъ, но четвертая заупрямилась, и хозяинъ дома, не помня себя отъ пьянства, сорвалъ со стѣны своего кабинета, украшеннаго оружіемъ, пистолетъ и застрѣлилъ сначала графиню, потомъ себя. Передавая этотъ случай, Плански не ручается, однако, за его достовѣрность и говоритъ, что вообще о происшествіяхъ, случившихся во время второй имперіи, ходитъ очень много легендъ, въ которыхъ трудно добиться правды. Такъ, хроникеры разсказываютъ, что генералъ Корнемюзъ былъ кѣмъ-то убитъ при выходѣ съ бала въ Тюльери, а Плански говоритъ, что онъ былъ на этомъ балу съ генераломъ, и оба они вмѣстѣ простояли съ полчаса въ холодныхъ сѣняхъ дворца, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ, ожидая своихъ пальто и экипажей. Плански схватилъ сильный насморкъ, а Корнемюзъ воспаленіе въ легкихъ, отчего и умеръ черезъ недѣлю. На этомъ же балу съ баронесой Плански произошелъ странный случай. Утромъ лакей подалъ барону брошку, найденную имъ у дверей будуара. Рѣшили, что эта брошь потеряна одною изъ дамъ, танцовавшихъ на балу, и какъ нибудь прицѣпилась къ длинному шлейфу баронессы, которая и привезла ее домой. Написали въ придворное вѣдомство, спрашивая, что дѣлать съ находкой. Получился отвѣтъ: «у насъ цѣлый шкафъ такихъ найденныхъ драгоцѣнностей; все это стразы и поддѣльные камни; никто ихъ не требуетъ обратно и не заявляетъ объ нихъ». Плански послалъ, однако, брошку къ ювелиру, и тотъ оцѣнилъ ее въ десять тысячъ франковъ. Баронеса стала тогда показывать находку всѣмъ пріѣзжавшимъ къ ней знакомымъ дамамъ, и недѣли черезъ три одна изъ нихъ сказала: «эти брилліанты съ опалами—графини Сен-Поль. Отчего эта брошь до сихъ поръ у васъ?» Плански отправилъ ее тотчасъ же графинѣ съ необходимыми объясненіями, и она прислала сто франковъ лакею, нашедшему драгоцѣнность. Но подруга баронесы не упустила случая посплетничать въ кругу знакомыхъ о странномъ случаѣ съ брошкою, такъ крѣпко прицѣпившеюся къ платью, что не потерялась ни при разъѣздѣ, ни въ экипажѣ, ни на лѣстницахъ...

Болѣе половины мемуаровъ наполнены описаніемъ подвиговъ автора, какъ охотника, наѣздника и игрока. Мы, конечно, не бу-

демъ слѣдить за его похожденіями на этихъ скользкихъ аренахъ. Сколько зайцевъ и тетеревовъ онъ подстрѣлилъ, сколько лошадей выѣздилъ и сколько денегъ проигралъ въ баккара и рулетку, это можетъ интересовать только его самого и подобныхъ ему героевъ. Отмѣтимъ, однако, что Планси выигрывалъ и проигрывалъ огромныя суммы въ клубахъ и игорныхъ домахъ Бадена, Гомбурга, Монако. Онъ не приводитъ цифръ своихъ огромныхъ потерь и прибылей, но нѣсколько разъ цитируетъ газетныя извѣстія, говорившія о его милліонныхъ выигрышахъ. Конечно, газеты охотно преувеличиваютъ всякіе факты, но Планси приводитъ сцену и съ цифрами въ одномъ, клубѣ, гдѣ онъ игралъ съ турецкимъ посланникомъ въ Вѣнѣ Халилъ-беемъ въ пикетъ по полутораста франковъ пуэнтъ и выигралъ, въ шесть королей, 2.500 пуэнтовъ. «Сосчитайте, сколько это!»—прибавляетъ онъ. Въ другой разъ онъ «имѣлъ глупость», какъ самъ сознается, предложить Ротшильду держать какое-то пари въ милліонъ франковъ, но банкиръ отвѣчалъ спокойно: «я не такъ богатъ, чтобы держать подобныя пари». Не сознается онъ прямо, но изъ словъ его видно, что онъ кончилъ, всетаки, сильнымъ проигрышемъ въ Монако, гдѣ имъ очерчены, впрочемъ, очень поверхностно, нѣсколько русскихъ типовъ: Нарышкинъ, Абаза, князь Петръ Голицынъ и какой-то Ерашевскій (Yeracheski), выигравшій два милліона въ экарте, но тотчасъ же спустившій ихъ въ пари на скачкахъ. Какъ настоящій игрокъ, Планси говоритъ, что запрещать игорные дома значитъ лишать человѣка необходимой для него свободы дѣйствій. Онъ заступается также за Эмиля Оливье и увѣряетъ, что этотъ министръ «съ легкимъ сердцемъ» не хотѣлъ войны. Но тогда зачѣмъ же онъ остался министромъ, когда война была объявлена? При описаніи возстанія 4-го сентября 1870 года Планси разрушаетъ одну изъ легендъ, относящихся къ бѣгству императрицы Евгеніи изъ Парижа. Извѣстно, что въ сопровожденіи посланниковъ Меттерниха и Нигры она, оставивъ Тюльери, прошла галерею Лувра и вышла на площадь Сен-Жермень д'Оксеруа, гдѣ сѣла въ фіакръ, который отвезъ ее за городъ. На площади ее узнали нѣсколько лицъ, но фіакръ быстро умчалъ ее. Легенда прибавляетъ, что отъѣздъ ея былъ до того поспѣшный, что она успѣла захватить съ собой только маленькій саквояжъ, и толпа, вторгнувшаяся во дворецъ, нашла въ ея комнатахъ забытый ею носовой платокъ и приготовленный для нея завтракъ. Планси, въ опроверженіе этого преданія, приводитъ слѣдующій документъ, сохранившійся въ его бумагахъ, написанный на бланкѣ со штемпелемъ министерства двора и подписанный обер-гофмаршаломъ императрицы:

«Списокъ вещей, заключающихся въ ящикѣ, врученномъ Анджель-Подриго-Вивару, по приказанію ея величества императрицы, для передачи ихъ въ Мадридѣ графинѣ де-Монтихо. Бриліанто-

вое ожерелье съ жемчугомъ и изумрудами, съ эмальированнымъ медальономъ и инициалами Л. Н.—Два браслета, двѣ пары серегъ и брошь—бриліантовые. — Драгоцѣнный крестъ, подарокъ его величества русскаго императора.—Чаша, украшенная бриліантами, данная на память русскимъ великимъ княземъ Константиномъ.—Пятьсотъ тысячъ франковъ банковыми билетами. Все вмѣстѣ на сумму въ четыре милліона франковъ. Парижъ, 4-го сентября 1870 года. Вальянъ».

Если Евгенія и дѣйствительно забыла свой платокъ, то потому, что думала о болѣе серьезныхъ вещахъ.

Планси говоритъ, что во время вторженія народа въ палату депутатовъ, онъ, вмѣстѣ съ Тьеромъ и другими товарищами, подвергался большой опасности, но это врядъ ли справедливо. Во время осады Парижа онъ вступилъ въ отрядъ волонтеровъ и участвовалъ въ сраженіи при Баньё, но подвиги свои описываетъ какъ-то вскользь и жалуется только, что его несправедливо вычеркнули изъ списка лицъ, получившихъ медаль за храбрость. Во время комуны онъ оставилъ Парижъ и хорошо сдѣлалъ, прибавляетъ онъ, такъ какъ комунары два раза навѣдывались къ нему въ квартиру, чтобы взять его заложникомъ. Съ 1871 года онъ не возвращался во Францію и жилъ въ Италіи, а послѣднее время въ Женевѣ. Живя на озерѣ Комо, онъ былъ приглашенъ Демидовымъ погостить въ его виллѣ Пратолино, близь Сан-Донато, и провелъ тамъ недѣлю. Его управляющій въ Пратолино устроивалъ охоту и получалъ фельдмаршальское жалованье. Анатолій Демидовъ продавалъ тогда картины и рѣдкости Сан-Донато и говорилъ, что его музей, канцелярія, содержаніе всего дома, конюшни стоятъ ему 500,000 франковъ въ годъ, но изъ нихъ 200,000 идетъ на столъ. Его обѣды и завтраки были дѣйствительно лукуловскіе. Ходили легенды, что онъ проигрывалъ и выигрывалъ милліоны, играя съ Шуваловымъ въ карты, но Планси говоритъ, что однажды онъ проигралъ ему въ пикетъ двадцать луидоровъ, и на этомъ остановился, заплативъ итальянскими асигнаціями, ходившими тогда ниже курса, а когда его гость написалъ ему изъ Ниццы письмо, прося о небольшой ссудѣ на короткій срокъ, князь Сан-Донато отвѣчалъ, что онъ самъ въ настоящее время находится въ стѣсненномъ положеніи. Тогда Планси предложилъ къ его услугамъ свой кредитъ, но тотъ отказался. «Впрочемъ,—прибавляетъ авторъ,—милліонеровъ такъ часто эксплуатируютъ, что они совершенно основательно отклоняютъ всякія денежныя просьбы». Въ Женевѣ семидесятипятилѣтній старикъ началъ писать свои мемуары, изъ которыхъ мы извлекли все существенное; остальное могло бы и не являться въ печати, особенно въ такомъ неотдѣланномъ и безпорядочномъ видѣ, какъ оно является изъ-подъ пера человѣка, непривыкшаго къ литера-

турному и систематическому изложенію своихъ воспоминаній. Мы не упоминали еще о множествѣ совершенныхъ пустяковъ, разсказываемыхъ имъ съ серьезнымъ тономъ и встрѣчавшихся не разъ въ разныхъ «не любо не слушай». Таковъ, напримѣръ, разсказъ о татуированномъ матросѣ, бывшемъ королемъ у дикарей, и на тѣлѣ котораго былъ искусно награвированъ полный генеральскій мундиръ со всѣми галунами, погонами, пуговицами, эполетами и, сверхъ того, множествомъ девизовъ и сценъ на рукахъ и ногахъ,—или о продажѣ капитаномъ комерческаго судна королю африканскихъ дикарей огромной партіи клизопомпъ, причемъ дикаря увѣрили, что посредствомъ этого новаго изобрѣтенія въ Европѣ не иначе пьютъ вино, какъ въ этомъ инструментѣ.

Съ береговъ Женевскаго озера Планси посылалъ во французскія газеты замѣтки о ловлѣ рыбы и о своихъ политическихъ взглядахъ: наставленія, какъ ловить форелей, щукъ и окуней, можетъ быть, и очень практичны,—объ этомъ могутъ судить спеціалисты, но политикъ Планси очень плохой и его измышленія могли явиться только въ провинціальной газетѣ Обскаго департамента. Въ ней «исчезнувшій» съ политическаго горизонта, на которомъ онъ игралъ незавидную роль, возстаетъ противъ настоящихъ историческихъ дѣятелей и тѣхъ эпитетовъ, съ какими соединяются ихъ имена. Такъ, по его мнѣнію, Тьеръ далеко не «знаменитый старикъ и освободитель территоріи». Если и согласиться въ этомъ съ авторомъ, то слѣдуетъ доказать это фактами, а не тѣмъ, что въ палатѣ Тьеръ выругалъ цинически министра Руэра и помѣшалъ маршалу Ніелю развить учрежденіе мобилей, съ которыми «результатъ войны могъ быть иной». Возставая противъ Гамбеты, Планси сознается только, что онъ былъ умнѣе своихъ помощниковъ; «замѣтьте: я не говорю, что онъ былъ менѣе глупъ, чѣмъ они», прибавляетъ авторъ. Дешевое остроуміе стараго игрока-конюха объ умѣ Гамбеты ровно ничего не доказываетъ. Онъ вступается и за Базена и, замѣчая, что онъ не могъ быть продажнымъ, разсказываетъ, какія гимнастическія способности выработалъ въ себѣ этотъ тучный маршалъ, чтобы спуститься съ балкона своей тюрьмы, во время побѣга изъ нея. Графа Шамбора авторъ защищаетъ отъ обвиненія въ стремленіи къ власти и доказываетъ это тѣмъ, что онъ дважды отказывался отъ предложенной ему короны, не желая замѣнить бѣлое знамя Бурбоновъ трехцвѣтнымъ, принятымъ страною. Но корону ему предлагала горсть монархистовъ, не имѣвшихъ никакихъ корней въ народѣ, и Шамборъ очень хорошо зналъ это, почему и не рѣшался на рискованное предпріятіе: явиться во Францію безъ призванія народомъ. У Мак-Магона была подъ начальствомъ вся армія, однако, и онъ не рѣшился произвести переворотъ въ пользу Шамбора, или въ свою собственную, понимая, что армія не пойдетъ за нимъ по этому

пути. Планси увѣряетъ, что и принцъ Наполеонъ никогда не былъ претендентомъ и не пытался захватить власть. Но и это потому, что у него никогда не было приверженцевъ ни между народомъ, ни въ арміи. «Исчезнувшій» кончаетъ свои мемуары панегерикомъ этому принцу, котораго онъ восхваляетъ больше, чѣмъ его отца, но не говоритъ ничего о его ссорѣ со своимъ старшимъ сыномъ, лишеннымъ наслѣдства и политическихъ правъ по завѣщанію, признаваемому, однако, незаконнымъ. Зато Планси распространяется о храбрости принца, хотя тотъ въ Крыму и въ Италіи доказалъ, что ко многимъ непривлекательнымъ свойствамъ его характера принадлежала и трусость. Что онъ былъ недоволенъ войною, объявленною Пруссіи, и предсказывалъ печальный исходъ ея—этому можно повѣрить, такъ какъ, ненавидя Евгенію, онъ всегда былъ противникомъ всѣхъ плановъ ея и императора, совершенно подчинившагося въ послѣднее время ея вліянію. Вспоминая объ этой войнѣ, Планси приводитъ, между прочимъ, три относящіеся къ ней факта. Въ 1867 году, на парижской выставкѣ, вмѣстѣ съ Вильгельмомъ I и Бисмаркомъ былъ и адъютантъ короля, графъ Лендорфъ, префектъ полиціи въ Берлинѣ. Онъ обѣдалъ у Планси, и хозяинъ спросилъ гостя за столомъ: доволенъ ли онъ своею поѣздкою въ Парижъ?

— Я былъ бы въ высшей степени неблагодарнымъ, если бы остался недоволенъ, — отвѣчалъ начальникъ прусской полиціи:— мнѣ показали все, начиная съ катакомбъ и подземныхъ клоаковъ до картъ и плановъ военнаго министерства. Я все осмотрѣлъ до мельчайшимъ подробностей. Надо признаться, что вы ничего не скрываете отъ вашихъ друзей. Вернувшись въ Берлинъ, я постараюсь устроить его по образцу, данному вашимъ префектомъ Гаусманомъ.

Нѣсколько позже, когда прошелъ слухъ о введеніи во французской арміи скорострѣльныхъ ружей, прусскій военный министръ Роонъ говорилъ: «намъ незачѣмъ озабочиваться успѣхами этого новаго рода оружія. Французы горячаго темперамента и менѣе насъ дисциплинированые, тотчасъ разстрѣляютъ всѣ заряды, тогда какъ наши холодные нѣмцы, послушные приказаніямъ, въ то же время употребятъ съ пользою только половину своихъ зарядовъ». Это «употребленіе съ пользою» особенно утѣшительно.

Наконецъ, вотъ слова, сказанныя, по свидѣтельству Планси, одному изъ его знакомыхъ генераловъ, уже по заключеніи мира, наслѣдникомъ короны, будущимъ императоромъ Фридрихомъ III.

— Республика должна погубить Францію. Если бы мы не имѣли этого въ виду, то неужели позволили бы установить тамъ этотъ родъ правленія?..

По счастью, не всѣ предсказанья сбываются и не всѣ расчеты— хотя бы и императорскіе—оправдываются.

Вотъ все, что можно извлечь безъ всякихъ «нескромностей» изъ «мемуаровъ исчезнувшаго». Чтеніе ихъ, кромѣ множества совершенно неинтересныхъ подробностей и пустой, старческой болтовни, затрудняетъ особенно тяжелый языкъ, который авторъ напрасно старается сдѣлать литературнымъ, уснащая его плохими каламбурами, остротами дурного тона и латинскими цитатами, перевираемыми самымъ безпощаднымъ образомъ. Изъ страсти блеснуть своею ученостью авторъ искажаетъ даже самыя общеупотребительныя поговорки. Такъ извѣстное выраженіе: ablata causa tollitur effectus, онъ передаетъ самою кухонною латынью: cessante causa cessat effectus. Другихъ примѣровъ приводить не стоитъ: ab ano disce omnes.

Вл. Зотовъ.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Сочиненія М. В. Ломоносова, съ объяснительными примѣчаніями академика М. И. Сухомлинова. Изданіе академіи наукъ. Спб. 1892.

НАША АКАДЕМІЯ въ послѣднее время (какъ бы не сглазить!) обнаруживаетъ необыкновенную дѣятельность. Вслѣдъ за первымъ выпускомъ «Словаря» она издала первый томъ сочиненій Ломоносова, до 850-ти страницъ въ большую четверку. Оба изданія напечатаны по распоряженію академіи, какъ значится на помѣткѣ непремѣннаго секретаря, въ декабрѣ 1891 года. Объявлено также о подготовленіи академическаго изданія Пушкина. Будемъ надѣяться, что между появленіемъ въ свѣтъ трудовъ нашего перваго по своему значенію поэта и перваго основателя тоническаго стиха въ нашей поэзіи пройдетъ меньше двадцати лѣтъ, которыя прошли между изданіемъ академіею Державина и Ломоносова. Какъ ни хороши эти изданія, но если на каждое изъ нихъ потребуется чуть не четверть вѣка, сколько же лѣтъ употребитъ академія на собраніе сочиненій всѣхъ нашихъ классическихъ писателей? И что если въ средѣ ея не найдется такихъ удивительныхъ по своему трудолюбію членовъ, какъ М. И. Сухомлиновъ? Только что окончивъ «Исторію академіи», онъ принялся за такой огромный трудъ, какъ собраніе всего, что написалъ Ломоносовъ. Правда, трудъ этотъ былъ во многихъ частяхъ значительно подготовленъ изслѣдованіями его предшественниковъ, да и самъ М. И. напечаталъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1861 года большой этюдъ: «Ломоносовъ, студентъ Марбургскаго университета». Мы очень богаты мо-

нографіями объ этомъ Петрѣ Великомъ русской литературы, какъ его называлъ Бѣлинскій: его разбирали, въ числѣ другихъ русскихъ самородковъ, Перевлѣскій, Щаповъ, Ремезовъ, Пятковскій, Новаковскій, даже Д. В. Григоровичъ въ своемъ, впрочемъ, довольно слабомъ изданіи «Русскіе знаменитые простолюдины». Его изслѣдовали какъ писателя: Погодинъ, Штелинъ, Тихонравовъ, Кулишъ, Пономаревъ, Пекарскій, Куникъ, Лонгиновъ, Никитенко, Билярскій, какъ историка: Соловьевъ, Вороновъ, какъ филолога: Будиловичъ, В. Ламанскій и др. Со временъ Екатерины нѣтъ ни одного сколько нибудь замѣчательнаго русскаго писателя, который не отозвался бы съ почетомъ и уваженіемъ объ этомъ высокоталантливомъ дѣятелѣ русскаго слова. Наше общество дважды откликнулось на призывъ почтить память рыбака-академика, первый разъ въ 1855 году, въ годовщину изданія Ломоносовымъ первой русской граматики и основанія Московскаго университета, когда Куникъ отъискалъ въ архивѣ академіи первую оду молодого студента, присланную изъ Марбурга. Черезъ десять лѣтъ послѣ этого юбилея вся Россія сочувственно отозвалась на торжественныя поминки по Ломоносовѣ, въ столѣтнюю годовщину его кончины. Не было почти ни одного города въ Россіи, который не сказалъ бы по поводу этого дня добраго слова о почившемъ дѣятелѣ. Невозможно перечислить всѣхъ біографій, рѣчей, статей, воспоминаній, стихотвореній, вышедшихъ къ этому дню. Въ библіографической исторіи литературы Межова приведены далеко не всѣ источники по этой части. Въ словарѣ Геннади они перечислены гораздо подробнѣе, съ указаніемъ на содержаніе многихъ отзывовъ, съ подраздѣленіемъ на напечатанные до юбилея 1865 года и послѣ него, на критическія статьи, характеристики и панегирики, статьи по поводу юбилея, сборники и юбилейныя рѣчи. Редактору полнаго собранія сочиненій Ломоносова не легко будетъ разобраться въ этомъ огромномъ матеріалѣ, но мы увѣрены, что онъ извлечетъ изъ него все необходимое для полной и вѣрной оцѣнки писателя и ученаго. Въ первомъ вышедшемъ нынѣ томѣ онъ является только какъ поэтъ впродолженіе первыхъ 14-ти лѣтъ его дѣятельности. Остается, стало быть, еще столько же лѣтъ до окончанія его славнаго поприща. Стихотворнымъ трудамъ Ломоносова предпослано очень короткое предисловіе, въ которомъ говорится не о значеніи стиховъ писателя,—критическая оцѣнка явится, вѣроятно, позже, вмѣстѣ съ біографіей,—а о прежнихъ изданіяхъ его сочиненій. Редакторъ упоминаетъ только о пяти изданіяхъ: двухъ выпущенныхъ при жизни автора, двухъ академическихъ (послѣднее 1840 года) и одномъ лучшемъ—архимандрита Дамаскина въ Москвѣ.

Въ новомъ изданіи стихи помѣщены въ хронологическомъ порядкѣ, по подлиннымъ рукописямъ, сохранившимся въ академіи; варіанты, объяснительныя примѣчанія и приложенія отнесены въ конецъ тома, имѣютъ особую пагинацію и занимаютъ слишкомъ 500 страницъ. Здѣсь собрано множество любопытныхъ фактовъ и подробностей, большею частью являющихся въ первый разъ. Казалось бы, что послѣ стольких статей о лучшихъ произведеніямъ Ломоносова трудно сказать объ нихъ что нибудь новое, а между тѣмъ оказывается, что всѣ наши курсы литературы, учебники и критическіе отзывы повторяютъ только общія мѣста о сочиненіяхъ Ломоносова, на основаніи первоначальныхъ показаній, къ тому же еще не рѣдко ошибочныхъ. Такъ, долгое время первою русскою одою, написанною тоническимъ размѣромъ, считалась «Ода на взятіе Хотина» 1739 года, пока

академикъ Куникъ не отъискалъ, черезъ 118 лѣтъ послѣ присылки Ломоносовымъ, дѣйствительно первой его оды, переведенной изъ Фенелона, и не издалъ это произведеніе. Г. Сухомлиновъ не только приводитъ въ подлинникѣ французскую оду со всѣми ея варіантами по разнымъ изданіямъ, но цитируетъ для чего-то не имѣющія никакого отношенія къ ней мѣста изъ «Телемака», представляющія очень скромныя и туманныя выходки прелата противъ своего монарха. Тутъ же г. Сухомлиновъ приводитъ другую оду Фенелона въ подлинникѣ и въ переводѣ Тредьяковскаго, чтобы доказать, вмѣстѣ съ Пекарскимъ и Куникомъ, что стихи Ломоносова, при всей ихъ шероховатости, благозвучнѣе, чѣмъ у Тредьяковскаго. Съ этимъ врядъ ли можно согласиться: стихи автора Телемахиды, конечно, неуклюжи, но онъ переводитъ такъ, что его можно понять, тогда какъ у Ломоносова, во многихъ строфахъ его перевода, нельзя добиться смысла. Тредьяковскій пишетъ: «Съ мнѣніемъ другихъ всегда будь согласенъ прямо. Никогда въ твоемъ стоять не изволь упрямо. Внятно слушай, что тебѣ люди предлагаютъ. Больше умнымъ не кажись, нежели тя знаютъ». Ломоносовъ выражается такъ въ 5-й строфѣ, взятой наудачу: «Гдѣ два острова прекрасны, какъ щастливы вѣтьвми рясны Зраку могутъ радость дать, Сердце каковой желаетъ: Лира что моя не знаетъ, Пѣснь тебѣ боговъ воспѣвать». Такими безсмыслицами полны почти всѣ 14 строфъ перевода. И между тѣмъ въ этомъ неумѣломъ переводчикѣ была, всетаки, искра настоящаго поэтическаго дарованія, до котораго никогда не достигалъ бездарный труженикъ Тредьяковскій. Въ слѣдующей же одѣ «На взятіе Хотина» марбургскій студентъ достигнулъ такого высокаго одушевленія, что оно должно было поразить даже тѣхъ членовъ академіи, которые сколько нибудь мараковали порусски. Штелинъ, одинъ изъ первыхъ біографовъ Ломоносова, говоритъ въ своихъ «Запискахъ», что эта ода была напечатана при академіи, поднесена императрицѣ и роздана при дворѣ, гдѣ всѣ читали ее, удивляясь новому размѣру. Академическое изданіе Ломоносова 1784 года прибавляетъ даже, что оду напечаталъ камергеръ Корфъ. Съ тѣхъ поръ всѣ исторіи литературы повторяли это извѣстіе, описывая яркими красками впечатлѣніе, произведенное одою рыбака на высшее петербургское общество. И что же оказывается? Ода никогда не была напечатана ни отдѣльно, ни въ тогдашнихъ повременныхъ изданіяхъ, и присланная въ 1739 году появилась впервые въ печати только черезъ 12 лѣтъ, въ собраніи сочиненій Ломоносова, изданномъ имъ самимъ. Онъ отправилъ ее въ академію тотчасъ послѣ взятія Хотина, но не одну, а вмѣстѣ съ «разсужденіемъ о нашей версификаціи». Тредьяковскій сознается, что студентъ прислалъ письмо, «которымъ опровергалъ правила, положенныя отъ меня, а свои вмѣсто тѣхъ представилъ», но не говоритъ, что, вѣроятно, убѣдилъ академиковъ не издавать стиховъ своего конкурента, а добрые нѣмцы, конечно, были рады, что русскій же человѣкъ подставляетъ ногу своему соотечественнику. Такимъ образомъ, придворные Анны Ивановны и петербургское общество никакъ не могли восхищаться произведеніемъ дѣйствительно удивительнымъ по тому времени. Опроверженія подобныхъ общепринятыхъ и между тѣмъ ложныхъ фактовъ приводятся и въ другихъ случаяхъ, но мѣстами такіе коментаріи уже черезчуръ подробны и излишни даже для академическаго изданія. Такъ, разобравъ оду не съ критической, а только съ риторической стороны, на основаніи мнѣній Сумарокова, Державина, Шевырева, г. Сухомлиновъ приводитъ не только мнѣ-

нія нѣмецкихъ писателей объ одѣ Гюнтера на миръ съ Турціею 1718 года, но и цѣликомъ въ подлинникѣ всю невыносимо скучную оду въ 50 строфъ, то-есть въ 500 стиховъ, только для того, чтобы доказать, что Ломоносовъ заимствовалъ изъ нея только форму четырехстопной ямбической строфы да нѣсколько риторическихъ пріемовъ, общихъ всѣмъ сочиненіямъ такого рода. Смѣемъ увѣрить редактора, что нѣмецкую оду прочтутъ развѣ только онъ самъ, да коректоръ... Онъ приводитъ также изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» 1739 года подробное официальное извѣстіе о взятіи турецкой крѣпости, занимающее въ книгѣ 14 страницъ мелкаго шрифта. Кому и на что это нужно? Для исторіи литературы было бы гораздо важнѣе, если бы вмѣсто всѣхъ этихъ нѣмецкихъ одъ, россійскихъ реляцій и писемъ Анны къ саксонскому королю, приведенъ былъ разборъ оды, но сдѣланный не съ риторической, а съ эстетической стороны лучшими нашими критиками. Между тѣмъ, коментаріи ограничиваются немногими короткими цитатами Буслаева, Радищева, Куника, Мерзлякова, Бѣлинскаго, и самою содержательною изъ нихъ является историческая оцѣнка Соловьева.

Послѣ блестящей оды 1739 года Ломоносову пришлось, конечно, по порученію академіи, писать оды на день рожденія императора Ивана Антоновича и «первые трофеи» полуторагодового ребенка. Немудрено, что эти офиціальныя произведенія были очень слабы, но, воспѣвая по обязанности разные торжественные «иллуминаціи и фейэрверки» того времени, Ломоносовъ никогда не унижался, какъ нѣмецъ Штелинъ и русскій Тредьяковскій, до восхваленій Бирона, а напротивъ заклеймилъ его правленіе рѣзкой строфой въ первой изъ этихъ одъ. Въ коментаріяхъ къ ней г. Сухомлиновъ приводитъ чрезвычайно рѣдкій манифестъ, «Божіею милостью Іоанна III, императора и самодержца всероссійскаго», отъ 18-го апрѣля 1741 года. Въ ноябрѣ того же года императоръ былъ низвергнутъ Елисаветою и сенатъ повелѣлъ: «учиненныя принцу Іоанну присяги сжечь, тако-жъ манифесты, печатные указы, регламенты, кои публикованы въ народѣ, сколько найдется, не оставливая ничего съ титуломъ принца Іоанна». Академія, чтобы доказать свое вѣрноподданическое усердіе, не сожгла, а представила въ сенатъ: «о продажѣ Бироновыхъ пожитковъ 10 листовъ, прибавленіевъ печатныхъ къ вѣдомостямъ—90 и одъ или похвальныхъ рѣчей, изданныхъ адъюнктомъ Ломоносовымъ—12». Всѣ онѣ являются въ новомъ изданіи, полномъ любопытныхъ подробностей и заставляющемъ желать скорѣйшаго появленія послѣдующихъ томовъ, такъ добросовѣстно и полно редактируемыхъ М. И. Сухомлиновымъ.

Вл. З.

Н. П. Загоскинъ. Очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи. Казань. 1892.

Подъ этимъ названіемъ профессоръ Загоскинъ выпустилъ въ свѣтъ свою рѣчь, прочитанную имъ въ годичномъ собраніи Казанскаго университета 5-го ноября 1891 года. Такимъ образомъ, книжка г. Загоскина представляетъ изъ себя популярный очеркъ исторіи смертной казни въ Россіи, начиная съ удѣльно-вѣчеваго періода и до нашихъ дней. Авторъ ея вполнѣ основательно исходитъ изъ той мысли, что смертная казнь была всегда чужда правовому міровоззрѣнію русскаго народа, какъ чуждо ему и суровое отношеніе къ преступнику вообще. Доказательствомъ истинности этого мнѣнія служитъ тотъ

фактъ, что смертная казнь долго не признавалась памятниками древне-русскаго свѣтскаго права и оставалась имъ чуждою вплоть до конца XIV столѣтія. Только съ этого времени она получила свою законодательную санкцію, продолжая оставаться наказаніемъ заноснымъ, привитымъ извнѣ и вынужденнымъ вести долгую борьбу съ основами русскаго правового міросозерцанія. Тѣмъ не менѣе и русскому народу довелось пройдти въ своей исторической жизни черезъ мрачную эпоху господства устрашительныхъ наказаній со смертною казнью во главѣ. Случилось это, благодаря византійскому вліянію, глубоко отразившемуся на всѣхъ сторонахъ жизни русскаго народа и далеко еще не вполнѣ оцѣненному русскою наукою. Благодаря этому вліянію, смертная казнь уже въ удѣльно-вѣчевую эпоху стала примѣняться на практикѣ. Извѣстно лѣтописное повѣствованіе о совѣтѣ епископовъ Владиміру Святому относительно казни разбойниковъ: «Умножились разбои,—говорили епископы великому князю,—почему ты не казнишь ихъ?»—«Боюсь грѣха»,—отвѣчалъ князь.—«Ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ,—убѣждали епископы, — тебѣ достоитъ казнить разбойниковъ, но съ испытомъ». Владиміръ послушался, отмѣнилъ денежныя пени (виры), которыми карались по русскому праву разбойники, и началъ ихъ казнить. Такимъ образомъ (заключаетъ профессоръ Загоскинъ), византійскій законъ (Номоканонъ, или Кормчая, примѣнявшійся у насъ со времени принятія христіанства въ церковныхъ судахъ) побѣдилъ русскій законъ и получилъ практическое примѣненіе. Но эта побѣда продолжалась не долго: Владиміръ вскорѣ снова возвратился къ системѣ денежныхъ пеней и отмѣнилъ смертную казнь, не прививавшуюся къ русской жизни. Другіе князья удѣльно-вѣчеваго періода также высказывались противъ этого вида наказанія и примѣняли его сравнительно рѣдко. «Не убивайте ни праваго, ни виноватаго, — говорилъ въ завѣщаніи своимъ дѣтямъ одинъ изъ лучшихъ князей удѣльно-вѣчевой Руси — Владиміръ Мономахъ, и не повелѣвайте убивать таковаго; хотя бы кто и былъ повиненъ смерти, не губите христіанской души».

Впервые законодательную санкцію смертная казнь получила въ 1398 г. съ изданіемъ Двинской уставной грамоты, предписавшей за третью кражу карать преступника смертью чрезъ повѣшеніе. Разъ санкція смертной казни оффиціально проникла въ карательную систему, усвоеніе русскимъ законодательствомъ этого вида наказанія быстро пошло впередъ. Минуло еще 69 лѣтъ, и въ Псковской судной грамотѣ 1467 года, этомъ грандіозномъ памятникѣ вѣчеваго законодательства, смертная казнь уже играетъ видную роль въ лѣстницѣ наказаній. Апогея своего развитія этотъ видъ наказанія достигаетъ въ московскомъ законодательствѣ: въ Судебникахъ 1497 и 1550 года, дополнительныхъ къ нимъ указахъ, Уложеніи 1649 года и новоуказныхъ статьяхъ. Въ одномъ Уложеніи смертная казнь примѣняется въ 60 случаяхъ, причемъ масса всевозможныхъ преступленій и проступковъ, многіе изъ которыхъ могутъ быть отнесены къ категоріи совершенно безразличныхъ дѣяній, караются смертью. Самая смертная казнь дѣлится на восемь видовъ, причемъ многіе изъ нихъ имѣютъ квалифицированный характеръ. Видами смертной казни въ это время были: отсѣченіе головы, повѣшеніе, утопленіе, четвертованіе, залитіе горла расплавленнымъ металломъ, окопаніе заживо въ землю, посаженіе на колъ, колесованіе и сожженіе. Этотъ, по выраженію перваго изслѣдователя Уложенія Строева, «чудовищный, кровожадный и до невѣроятности свирѣпый» характеръ московскаго законода-

тельства долженъ быть отнесенъ на счетъ вліянія Кормчей (въ особенности «градскихъ законовъ», то-есть памятниковъ свѣтскаго византійскаго права) и Литовскаго статута, бывшихъ одними изъ главныхъ источниковъ Уложенія. Петровское законодательство сдѣлало еще значительный шагъ впередъ въ сторону жестокости, такъ что область примѣненія смертной казни значительно расширилась сравнительно съ XVII столѣтіемъ. Достаточно вспомнить тотъ фактъ, что по Воинскому уставу 1716 года смертная казнь назначалась въ 122 случаяхъ, причемъ увеличивается число квалификацій, долженствовавшихъ еще болѣе усилить мученія преступниковъ, напримѣръ, рванье тѣла клещами при четвертованіи, сожженіе на медленномъ огнѣ съ обкуриваніемъ преступника какимъ-то ѣдкимъ составомъ, отъ котораго у него вылѣзали всѣ волосы на тѣлѣ, и т. п. Однако, на ряду съ этою мрачною устрашительною системою, съ этимъ кровавымъ господствомъ смертныхъ казней въ царствованіе Петра I, мы встрѣчаемъ и первую попытку ограниченія ужасовъ уголовной практики той эпохи. Такъ, въ 1703, 1704 и 1705 году издаются указы, которыми фактическое примѣненіе смертной казни было поставлено въ несравненно болѣе тѣсныя рамки сравнительно съ тѣмъ почти безграничнымъ просторомъ, который предоставляется этому виду кары Воинскимъ уставомъ и указною дѣятельностью.

Эпоха реакціи противъ смертной казни наступаетъ со времени вступленія на престолъ императрицы Елизаветы Петровны. По словамъ извѣстнаго историка прошлаго столѣтія князя Щербатова, дочь Петра I, «идучи на сверженіе съ престола Іоанна III Антоновича, гдѣ крайняя ей опасность представлялась», усердно молилась передъ этимъ Богу и дала обѣтъ во все свое царствованіе, если ей удастся взойдти на престолъ, никого не лишать жизни. Дѣйствительно, Елизавета Петровна во все свое двадцатилѣтнее царствованіе проявляла полное отвращеніе къ смертной казни и сдѣлала весьма рѣшительные шаги къ пріостановкѣ дѣйствія ея въ Россіи, въ свое время заставившіе говорить о себѣ всю Европу. Такъ, 7-го мая 1744 года былъ изданъ знаменательный въ исторіи русскаго уголовнаго права указъ, фактически пріостановившій дѣйствіе смертной казни въ Россіи. Имъ было предписано присылать въ сенатъ «обстоятельныя перечневыя выписки», то-есть экстракты изъ всѣхъ дѣлъ, по которымъ состоялись смертные приговоры, и до полученія изъ сената соотвѣтствующихъ указовъ въ исполненіе этихъ приговоровъ не приводить. Указъ былъ подтвержденъ въ 1753 году. Такимъ образомъ, втеченіе цѣлаго десятилѣтія систематически и настойчиво пріостанавливается повсемѣстно въ Россіи дѣйствіе смертной казни. Въ результатѣ оказалось, что сенатъ былъ заваленъ массою присланныхъ въ него экстрактовъ изъ дѣлъ о присужденіи смертной казни, остававшихся здѣсь по повелѣнію императрицы безъ разсмотрѣнія, а тюрьмы были переполнены присужденными къ казни преступниками, цѣлыми годами содержавшимися въ ожиданіи дальнѣйшаго сенатскаго указа. И вотъ 30-го сентября 1754 года появляется этотъ сенатскій указъ, которымъ предписывается подвергнуть названныхъ преступниковъ «жестокому» наказанію кнутомъ, вырвать имъ ноздри, заклеймить словомъ «воръ» и сослать въ разныя мѣста, преимущественно на работы въ Рогервикъ, то-есть Балтійскій портъ. Пріостановивъ дѣйствіе смертной казни, Елизавета Петровна желала ея окончательной отмѣны, о чемъ свидѣтельствуетъ словесный указъ государыни законодательной коммиссіи, составлявшей въ это время проектъ новаго Уложенія: «въ

ономъ новосочиняемомъ Уложеніи за подлежащія вины смертныя казни не писать».

Екатерину II также занималъ вопросъ о смертной казни и въ своемъ извѣстномъ Наказѣ, составленномъ для законодательной коммиссіи 1767 года, она высказалась за примѣненіе этого вида наказанія только тогда, когда общество находится въ анархическомъ состояніи. «При спокойномъ же царствованіи законовъ,—читаемъ въ Наказѣ,—не можетъ быть въ томъ никакой нужды, чтобъ отнимать жизнь у гражданина». «Опыты свидѣтельствуютъ,—говоритъ въ другомъ мѣстѣ Наказа императрица,—что частое употребленіе казней никогда людей не дѣлало лучшими», такъ какъ «не чрезмѣрная жестокость и разрушеніе бытія человѣческаго производятъ великое дѣйствіе въ сердцахъ гражданъ, но непрерывное продолженіе наказанія». Впрочемъ, въ одной статьѣ Наказа императрица противорѣчитъ себѣ, говоря, что «гражданинъ бываетъ достоинъ смерти, когда онъ нарушилъ безопасность даже до того, что отнялъ у кого жизнь или предпріялъ отнять; смертная казнь есть нѣкоторое лекарство больнаго общества». Такимъ образомъ, взгляды Екатерины на смертную казнь отличались неопредѣленностью. На практикѣ, въ ея царствованіе, хотя и было нѣсколько случаевъ смертной казни надъ политическими преступниками, но въ общемъ все осталось постарому.

При Александрѣ I вопросъ о смертной казни снова былъ поставленъ на очередь. Дѣло въ томъ, что въ 1813 году законодательная коммиссія, учрежденная еще въ 1801 году, составила проектъ уголовнаго Уложенія, въ которомъ были допущены два вида смертной казни: повѣшеніе и отсѣченіе головы. Хотя проектъ значительно смягчилъ прежнюю сферу примѣненія этого вида наказанія какъ качественно, такъ и количественно, тѣмъ болѣе, что ни одинъ смертный приговоръ не могъ быть приведенъ въ исполненіе безъ утвержденія его государемъ, однако, при обсужденіи проекта въ 1824 году въ государственномъ совѣтѣ, онъ вызвалъ довольно сильную оппозицію. Ярымъ противникомъ внесенія въ проектъ смертной казни выступилъ извѣстный дѣятель той эпохи адмиралъ графъ Н. С. Мордвиновъ. «Когда благодѣтельными самодержцами Россіи,—говорилъ адмиралъ въ своемъ письменномъ мнѣніи, представленномъ въ государственный совѣтъ,—отмѣнена смертная казнь, то возстановленію ея въ новоиздаваемомъ уставѣ при царствованіи Александра I невольно приводитъ меня въ трепетъ и смущеніе. Знаменитѣйшіе по уголовной части писатели признали и доказали ненадобность и безполезность смертной казни, приводя всѣмъ другимъ народамъ въ изящный примѣръ тому Россію». Продолжая свои доводы противъ смертной казни, Мордвиновъ ставитъ вопросъ и на нравственно-теологическую точку зрѣнія. «Имѣетъ ли человѣкъ право отнять у подобнаго себѣ то, чего, раскаявшись впослѣдствіи, онъ не въ силахъ ему возвратить?»—вопрошаетъ онъ.—«Судья, постановляющій смертный приговоръ, невольно чувствуетъ душевное содроганіе, не есть ли это напоминаніе ему совѣстью о томъ, что онъ принимаетъ на себя ему непринадлежащее? Облечь кроткаго и человѣколюбиваго императора Александра I въ званіе возобновителя въ Россіи смертной казни—самое благоговѣніе мое, никогда въ сердцѣ моемъ къ особѣ его величества неумолчное, меня не допускаетъ!» Какъ извѣстно, проектъ 1813 года не получилъ законодательной санкціи.

При составленіи нынѣ дѣйствующаго Уложенія о наказаніяхъ 1845 года, графъ Блудовъ, одинъ изъ главныхъ руководителей трудовъ особаго коми-

тета, составлявшаго Уложеніе, хотя и призналъ, что смертная казнь «есть въ нѣкоторомъ смыслѣ зло уголовнаго законодательства, крайность, которую иные философы-моралисты не совсѣмъ несправедливо почитаютъ противною религіи», однако, включилъ ее въ Уложеніе, въ силу чего смертная казнь по общему законодательству примѣняется теперь только за важнѣйшія государственныя и за нѣкоторыя карантинныя преступленія.

Все сказанное по исторіи смертной казни въ Россіи профессоръ Загоскинъ резюмируетъ въ слѣдующихъ словахъ, къ которымъ мы вполнѣ присоединяемся: «оставаясь вполнѣ чуждыми патріотическаго фрондерства, неумѣстнаго ни въ чемъ, а тѣмъ болѣе въ области науки, мы, русскіе, можемъ съ національною гордостью указать на то, что въ вопросѣ объ ограниченіи смертной казни мы за послѣдніе полтораста лѣтъ не только не отставали отъ цивилизованныхъ народовъ Западной Европы, но даже шли въ этомъ направленіи впереди ихъ». «Все (сказанное) заставляетъ насъ думать, что Россія идетъ по вѣрному пути къ окончательной отмѣнѣ у себя смертной казни. Будемъ же твердо вѣрить, что грядущее XX столѣтіе, отъ котораго мы ждемъ чудесъ человѣческаго ума и человѣческой культуры, увѣнчаетъ историческое развитіе русскаго уголовнаго права знаменемъ, на которомъ явится начертаннымъ высоко-христіанскій завѣтъ, еще 800 лѣтъ тому назадъ преподанный потомству Владиміромъ Мономахомъ: «не казните ни праваго, ни виновнаго—не губите души христіанской».

В. Латкинъ.

Арсеній Сухановъ. Изслѣдованіе Сергѣя Бѣлокурова. Часть первая. Біографія Суханова. Съ 3 фототипическими снимками. Москва. 1892.

Благодаря прекрасному изслѣдованію г. Бѣлокурова, мы имѣемъ теперь обстоятельную и почти полную біографію Арсенія Суханова, одного изъ замѣчательныхъ людей XVII столѣтія, автора «Проскинитарія», два раза ѣздившаго на Востокъ и собравшаго драгоцѣнныя греческія рукописи, составляющія достояніе Московской Синодальной Библіотеки. Изслѣдованіе г. Бѣлокурова состоитъ изъ шести главъ.

Въ первой главѣ, авторъ обозрѣваетъ въ хронологическомъ порядкѣ всю существующую литературу о Сухановѣ, начиная съ предисловія къ служебнику 1655 года и кончая изданіемъ, профессоромъ Ивановскимъ, Арсеніева «Проскинитарія», и затѣмъ говоритъ объ источникахъ своего изслѣдованія и его планѣ. Глава эта, показывающая основательное знакомство г. Бѣлокурова съ литературой объ Арсеніи Сухановѣ, могла бы, однако, быть гораздо короче и много выиграла бы, если бы авторъ исключилъ изъ нея придирчивыя выходки противъ своихъ предшественниковъ.

Во второй главѣ излагается начальная жизнь Арсенія Суханова до путешествія на востокъ въ 1649 году, говорится о происхожденіи и родинѣ его, объ его жизни въ молодыхъ годахъ, архидіаконствѣ при патріархѣ Филаретѣ, книжныхъ занятіяхъ, нѣкоторомъ знакомствѣ съ латинскимъ языкомъ и объ изученіи имъ греческаго языка; объ его поѣздкѣ въ Грузію въ числѣ членовъ отправленнаго въ послѣднюю духовнаго посольства и о прохожденіи имъ должности строителя принадлежавшаго Троицкому Сергіеву монастырю московскаго Богоявленскаго монастыря. Не смотря на самые

старательные розыски, автору не удалось напасть на такого Суханова, который бы положительнымъ образомъ могъ быть принятъ за отца Арсеніева, но его основанное на извѣстныхъ данныхъ предположеніе, что отцомъ Арсенія былъ мелкій служилый человѣкъ изъ нынѣшней Тульской губерніи, по имени Путила Сухановъ, должно быть признано за весьма вѣроятное. О жизни Арсенія до его архидіаконства при патріархѣ Филаретѣ авторъ также не успѣлъ отыскать положительныхъ свѣдѣній; но его предположенія, что Сухановъ былъ сначала мірскимъ дьячкомъ, а потомъ принялъ монашество въ Коломенскомъ Голутвиномъ монастырѣ и предъ архидіаконствомъ у патріарха Филарета былъ іеродіакономъ московскаго Чудова монастыря, представляются столько же вѣроятными. Что Арсеній былъ когда-то у какого-то архіерея архидіакономъ, объ этомъ доказываютъ его подписи на принадлежавшихъ ему и сохранившихся до настоящаго времени книгахъ. Найденные г. Бѣлокуровымъ документы вполнѣ разъясняютъ вопросъ объ его архидіаконствѣ, именно, что онъ былъ недолгое время архидіакономъ при патріархѣ Филаретѣ въ послѣдній годъ его жизни. Памятникомъ книжныхъ занятій Суханова служатъ упомянутыя нами рукописи, которыя авторъ и обозрѣваетъ въ отношеніи ихъ содержанія. Подробно излагаемое авторомъ путешествіе Суханова въ Грузію является въ печати въ первый разъ: всѣ документы, касающіеся этого посольства, до тѣхъ поръ совершенно неизвѣстнаго, открыты г. Бѣлокуровымъ. Говоря о строительствѣ Арсенія Суханова въ принадлежавшемъ Троицкому Сергіеву монастырю московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, авторъ, на основаніи найденныхъ имъ новыхъ документовъ, сообщаетъ обстоятельныя свѣдѣнія объ этомъ монастырѣ и указываетъ тотъ промежутокъ времени, къ которому должно быть относимо назначеніе Арсенія въ его строители.

Въ главѣ третьей авторъ говоритъ о побужденіяхъ, которыя заставили московское правительство послать Арсенія Суханова на востокъ, и о задачахъ, которыя были ему при этомъ даны; объ его отправленіи изъ Москвы и путешествіи до Молдавіи съ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ; объ его двукратномъ возвращеніи въ Москву изъ Молдо-Валахіи для государевыхъ дѣлъ и его преніяхъ о вѣрѣ съ греками, спутниками патріарха Паисія, происходившихъ во время его проживанія при патріархѣ Паисіи въ Торговищѣ. Когда авторъ, считающій побужденіемъ для посылки Арсенія Суханова на востокъ то обстоятельство, что въ Москвѣ измѣнили взглядъ на грековъ, оставивъ прежнее противъ нихъ предубѣжденіе, приписываетъ эту перемѣну взгляда на грековъ вліянію «Книги о вѣрѣ», которая издана была въ Москвѣ въ 1648 году, и которая настойчиво говоритъ о неповрежденности у грековъ православія, то можно съ нимъ спорить; относительно же всего остальнаго, фактическаго, слѣдуетъ сказать, что авторъ, при помощи архивныхъ документовъ, отчасти ставшихъ извѣстными прежде него, отчасти же имъ самимъ найденныхъ, приводитъ эту часть путешествія Суханова, бывшую дотолѣ весьма недостаточно извѣстною, въ совершенную ясность. Статейный списокъ Арсенія и его преніе съ греками о вѣрѣ, содержаніе котораго подробно передается авторомъ, не составляютъ его (автора) открытія, но ему мы обязаны ихъ напечатаніемъ.

Въ главѣ четвертой авторъ разсказываетъ о новомъ отправленіи Суханова въ путешествіе на востокъ (послѣ вторичнаго возвращенія въ Москву изъ Молдо-Валахіи), объ его остановкѣ въ Константинополѣ, его пути

изъ Константинополя на Александрію и о вопросахъ къ александрійскому патіарху, объ его семимѣсячномъ пребываніи въ Іерусалимѣ, возвращеніи назадъ сухимъ путемъ на Кавказъ и Астрахань; излагаетъ содержаніе представленнаго имъ правительству, по возвращеніи въ Москву, обстоятельнаго отчета, названнаго имъ «Проскинитаріемъ», и подвергаетъ своему разбору упреки, которые дѣлаются ему за «Проскинитарій». Относительно этой части путешествія Суханова автору не было нужды хлопотать объ открытіи матеріала, потому что весь матеріалъ содержится въ «Проскинитаріи». По этому послѣднему авторъ излагаетъ путешествіе обстоятельнымъ образомъ, причемъ, прекрасно изучивъ текстъ памятника, указываетъ, гдѣ слѣдуетъ, его неисправности въ печатныхъ изданіяхъ. Защита Суханова отъ упрековъ, которые дѣлаются ему за «Проскинитарій», должна быть признана доказательною и убѣдительною.

Въ главѣ пятой г. Бѣлокуровъ говоритъ о поѣздкѣ Арсенія Суханова въ 1653 — 1655 гг. на Аѳонъ за греческими рукописями. Здѣсь авторъ, во-первыхъ, обстоятельно излагаетъ исторію поѣздки, по найденнымъ имъ документамъ; во-вторыхъ, представляетъ полный списокъ рукописей, привезенныхъ Арсеніемъ съ Аѳона, на сколько этотъ списокъ можетъ быть возстановленъ въ настоящее время.

Въ главѣ шестой авторъ сообщаетъ объ остальной жизни Арсенія Суханова до его смерти, именно—о назначеніи его въ келари Троицкаго-Сергіева монастыря, о назначеніи его въ начальники печатнаго двора и о дѣятельности его въ этомъ послѣднемъ званіи, а также рѣшаетъ вопросъ о третьей поѣздкѣ Арсенія на востокъ за моделью іерусалимскаго храма Воскресенія. Что Арсеній былъ начальникомъ Печатнаго Двора, прежде вовсе не было извѣстно, и свѣдѣнія объ этомъ принадлежатъ нашему автору. Отрицаніе авторомъ третьей поѣздки Суханова на востокъ за моделью іерусалимскаго храма можно признать основательнымъ.

Отдавая г. Бѣлокурову справедливость за усердіе въ розысканіи матеріала, мы должны вмѣнить ему въ заслугу также и то, что онъ не только нашелъ матеріалъ, но и значительнѣйшую долю его напечаталъ (частію отдѣльно, прежде изданія разбираемой нами монографіи, частію въ приложеніи къ ней).

Изученіе архивовъ для отысканія матеріала объ Арсеніи Сухановѣ составляло для автора главное. Но онъ не ограничился только этимъ главнымъ, но въ равной мѣрѣ обратилъ вниманіе и на все другое, относящееся къ дѣлу. Списковъ «Проскинитарія» Арсеніева и его «Пренія» съ греками розыскана и сличена имъ цѣлая масса. Все печатное, такъ или иначе касающееся предмета изслѣдованія, прочтено или просмотрѣно и указывается съ библіографическою полнотой.

Е. Г.

Матеріалы для біографіи Гоголя. В. И. Шенрока. Томъ первый. Москва. 1892.

Если, положившись на заглавіе, читатель вообразитъ, что, пріобрѣтая эту книгу почти въ 400 страницъ, онъ будетъ имѣть солидный томъ матеріаловъ для біографіи Гоголя, то онъ сильно ошибется. Матеріаловъ въ строгомъ смыслѣ, т. е. новыхъ, никому до сихъ поръ неизвѣстныхъ документовъ о Гоголѣ, въ книгѣ очень немного. Устные разсказы друга Го-

голя А. С. Данилевскаго, отрывки изъ дневника А. О. Смирновой (рожденной Россеть), нѣсколько писемъ самого Гоголя и его матери, четыре документа, касающіеся жизни отца Гоголя, Василія Аѳанасьевича, отрывки изъ дневника одного изъ товарищей Гоголя о Нѣжинской гимназіи, вотъ и всѣ матеріалы въ книгѣ г. Шенрока, заключающіе maximum 30 стр. Остальныя 350 стр. представляютъ біографическій трудъ о Гоголѣ самого г. Шенрока, въ которомъ исчисленные матеріалы помѣщены частію въ текстѣ, частію въ приложенія, въ качествѣ оправдательныхъ документовъ. Слѣдовательно, не ими опредѣляется содержаніе книги г. Шенрока, что сознавалъ и самъ авторъ, снабдившій свою книгу «краткимъ обзоромъ литературы о Гоголѣ» и заявившій въ этомъ обзорѣ (стр. 22—23) о «настоятельной необходимости разобраться въ накопившемся о Гоголѣ матеріалѣ». Не задаваясь «самоувѣреннымъ притязаніемъ» привести въ исполненіе «намѣченную» очень нелегкую задачу, авторъ заявляетъ, что онъ беретъ на себя смѣлость «предложить общественному вниманію только скромную попытку составить посильный обзоръ жизни Гоголя на основаніи матеріала, заключающагося преимущественно въ письмахъ». Далѣе онъ еще подробнѣе опредѣляетъ содержаніе своего труда, говоря, что цѣлью его было собрать и свести въ одно цѣлое, по возможности, весь накопившійся печатный матеріалъ о Гоголѣ, «высказать предположенія, возникающія при внимательномъ изученіи писемъ, и подвергнуть ихъ провѣркѣ спеціалистовъ» и, наконецъ, «по мѣрѣ силъ, хотя отчасти возстановить исторію его внутренняго развитія на основаніи имѣющихся данныхъ». Очевидно, слѣдовательно, что передъ нами не просто «матеріалы» для біографіи Гоголя, а самостоятельный (въ какомъ смыслѣ и въ какой степени, это другой вопросъ) біографическій трудъ о Гоголѣ, или, вѣрнѣе сказать, начало такого труда, потому что, по заявленію автора, все сочиненіе его будетъ состоять изъ трехъ томовъ.

Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, содержаніе книги не соотвѣтствуетъ ея заглавію. А въ данномъ случаѣ это весьма важно, ибо приходится остановиться на вопросѣ: съ какими требованіями отнестись къ книгѣ г. Шенрока: какъ къ матеріаламъ только для біографіи Гоголя, или какъ къ біографіи Гоголя? Отъ рѣшенія этого вопроса зависитъ и оцѣнка разсматриваемой книги. Полагаю, что въ данномъ случаѣ всего правильнѣе будетъ, не останавливаясь на заглавіи книги, принять во вниманіе то опредѣленіе содержанія и цѣли книги, какое дано самимъ авторомъ, и отнестись къ ней съ тѣми же требованіями, какимъ должна удовлетворять всякая біографія. Вкратцѣ требованія эти можно формулировать такимъ образомъ: біографія должна отличаться хронологической и фактической достовѣрностью и должна дать ясное и опредѣленное представленіе объ основныхъ нравственныхъ свойствахъ той личности, чья біографія пишется.

Къ сожалѣнію, должно сказать, что съ точки зрѣнія этихъ требованій въ книгѣ г. Шенрока оказывается не мало пробѣловъ. Къ хронологической и фактической достовѣрности своей книги авторъ отнесся такъ небрежно, что полагаться на его трудъ въ этомъ отношеніи не представляется возможнымъ. Въ доказательство этого укажемъ только на тѣ неточности, которыя допущены авторомъ въ вопросѣ о службѣ Гоголя и о знакомствѣ его со Смирновой.

По первому вопросу онъ принялъ во основаніе замѣтку о службѣ Гоголя, помѣщенную въ «Сборникѣ студентовъ С.-Петербургскаго универси-

тета» (вып. 1-й), но воспользовался ею очень своеобразно. Во всякой біографіи найдутся годы вполнѣ достовѣрные, окончательно установленные, которые, поэтому необходимо помнить и по нимъ, какъ по вѣхамъ, опредѣлять хронологію другихъ событій. И хотя въ вопросѣ о службѣ Гоголя у насъ еще не установлено окончательно время, съ котораго началось его служебное поприще, ибо въ этомъ случаѣ у насъ имѣется нѣсколько противорѣчивыхъ показаній, разобраться въ которыхъ довольно трудно; тѣмъ не менѣе и теперь уже есть факты, не подлежащіе никакому сомнѣнію, ибо они удостовѣрены оффиціально. Къ числу ихъ принадлежатъ свѣдѣнія о службѣ Гоголя въ департаментѣ удѣловъ. Изъ выданнаго ему 25-го января 1832 года аттестата объ оставкѣ изъ этого департамента (помѣщеннаго въ «Сборникѣ студентовъ») мы знаемъ какъ время его поступленія въ департаментъ (10-го апрѣля 1830 года), такъ и время увольненія (9-го марта 1831 года). Между тѣмъ, г. Шенрокъ сообщаетъ (стр. 232), будто 9-го марта 1831 года (т. е. въ день своего увольненія) Гоголь получилъ въ департаментѣ мѣсто помощника столоначальника, «которое и занималъ до 1832 года». Откуда взяты авторомъ эти неправдоподобныя хронологическія даты, — не понятно, ибо въ «Сборникѣ студентовъ», на который сдѣлана имъ ссылка, такихъ датъ нѣтъ. Да если-бъ и были, то для біографа Гоголя онѣ не могли бы быть обязательными, ибо извѣстно, что въ томъ же мартѣ 1831 года Гоголь поступилъ старшимъ учителемъ исторіи въ Патріотическій институтъ и, слѣдовательно, не могъ уже оставаться на службѣ въ департаментѣ, да еще втеченіе почти цѣлаго года.

Еще рѣзче бросается въ глаза небрежность автора въ вопросѣ о знакомствѣ Гоголя съ А. О. Смирновой. Въ рѣшеніи его онъ основался на отрывкахъ изъ дневника Смирновой (стр. 319—324 и 327—328), не обративши вниманія на то, что, по его собственнымъ словамъ, въ дневникѣ «нѣсколько страницъ вырвано, годъ же выставлялся только въ началѣ, а далѣе мѣсяцы и числа бо́льшею частію не обозначены» (стр. 324). Ясно, что при такихъ условіяхъ дневникомъ надо пользоваться въ высшей степени осторожно, дополняя отсутствующія въ немъ хронологическія даты такими же датами изъ другихъ источниковъ. Тогда автору ясно было бы, что въ имѣвшихся въ его рукахъ отрывкахъ изъ дневника разсказывается о событіяхъ не одновременныхъ, а случившихся на пространствѣ трехъ лѣтъ и, слѣдовательно, пріурочивать ихъ къ одному 1830 году, какъ дѣлаетъ это авторъ, нельзя. Что касается до самаго вопроса о времени знакомства Гоголя со Смирновой, то приведенное авторомъ мѣсто изъ дневника вовсе не подтверждаетъ мнѣнія, будто это знакомство состоялось въ 1830 году, какъ утверждаетъ г. Шенрокъ. На́до замѣтить, что вопросъ этотъ, не лишенный значенія и самъ по себѣ, интересенъ главнымъ образомъ по связи своей съ вопросомъ о времени знакомства Гоголя съ Пушкинымъ, ибо съ послѣднимъ Гоголь познакомился раньше, чѣмъ со Смирновой. Она сама разсказываетъ въ своемъ дневникѣ, что въ первый разъ Гоголь приведенъ былъ къ ней Пушкинымъ и Жуковскимъ, а это могло случиться только лѣтомъ 1831 года, такъ какъ именно въ это время Гоголь познакомился съ Пушкинымъ. До тѣхъ же поръ она только встрѣчала Гоголя въ обществѣ и знала его, какъ знаютъ тѣхъ, съ кѣмъ встрѣчаются у знакомыхъ. О такой первой встрѣчѣ своей съ нимъ она разсказываетъ въ своемъ дневникѣ подъ 1830 годомъ. Но встрѣчу въ знакомомъ домѣ нельзя еще назвать знакомствомъ.

Я указалъ на самыя крупныя, существенныя хронологическія неточности въ книгѣ г. Шенрока, пропуская нѣсколько болѣе мелкихъ. Если бы эти неточности проистекали отъ недостатка данныхъ и представляли поэтому трудно разрѣшимый вопросъ, то на нихъ и не для чего было бы останавливаться. Въ неразрѣшимыхъ вопросахъ всякій воленъ избирать тѣ данныя, которыя кажутся ему болѣе достовѣрными. Но хронологическія неточности въ книгѣ г. Шенрока произошли не отъ затруднительности разрѣшить окончательно тотъ или другой хронологическій вопросъ, а отъ какой-то непонятной небрежности, которая обнаруживается не только въ данномъ отношеніи, а составляетъ характеристическую особенность всей его книги. Отъ этого многіе существенные въ жизни Гоголя вопросы остались у г. Шенрока безъ надлежащаго разъясненія или освѣщены невѣрно, какъ, напримѣръ, школьные годы Гоголя. И въ «Авторской исповѣди», и въ письмахъ своихъ Гоголь не разъ заявлялъ, что онъ не получилъ правильнаго воспитанія. Казалось бы, на эти заявленія Гоголя біографамъ его слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе и постараться разъяснить, что̀ именно въ воспитаніи Гоголя представлялось ему неудовлетворительнымъ, что разумѣлъ онъ подъ правильнымъ воспитаніемъ и чего, по его мнѣнію, не хватало ему въ его собственномъ воспитаніи. Вопросъ очень важный и очень трудный, который хоть нѣсколько сдѣлается для насъ яснымъ только тогда, когда мы подробно разсмотримъ тѣ условія, въ которыхъ Гоголь находился въ періодъ своего обученія въ Нѣжинской гимназіи. Въ этомъ отношеніи у насъ есть достаточно матеріала какъ въ письмахъ Гоголя, такъ и въ исторіи этой гимназіи, заключающей въ себѣ, кромѣ историческаго очерка самаго заведенія, воспоминанія ея учениковъ, ихъ біографіи, а также біографіи нѣкоторыхъ лицъ учебно-воспитательнаго персонала. Если къ этому присоединить свѣдѣнія объ учебныхъ годахъ Гоголя, помѣщенныя въ «Запискахъ о жизни Гоголя» Кулиша и въ воспоминаніяхъ товарищей Гоголя, напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, то окажется, что можно довольно обстоятельно разъяснить данный вопросъ. Но г. Шенрокъ почему-то мало воспользовался всѣми этими данными, и хотя въ его книгѣ школьнымъ годамъ Гоголя посвящено три главы, но изъ нихъ одна состоитъ изъ буквальной перепечатки цѣлыхъ страницъ изъ «Записокъ о жизни Гоголя» Кулиша и изъ статьи Кояловича: «Дѣтство и юность Гоголя» помѣщенной въ «Московскомъ Сборникѣ» 1887 года, а другая передаетъ записанныя г. Шенрокомъ воспоминанія о школьной жизни Гоголя товарища его А. С. Данилевскаго. Къ этому авторъ прибавилъ отрывки изъ имѣющагося у него дневника другаго товарища Гоголя, фамиліи котораго онъ не назвалъ. Но ограничиться однимъ этимъ матеріаломъ въ данномъ случаѣ невозможно. Необходимо **самостоятельно и внимательно** разсмотрѣть этотъ періодъ въ жизни Гоголя и выяснить, на сколько возможно, **всѣ** тѣ условія, которыя вліяли какъ въ положительномъ, такъ и въ отрицательномъ смыслѣ на нравственное и умственное его развитіе. Но этого-то авторъ и не сдѣлалъ, и потому нѣкоторыя весьма существенныя обстоятельства въ школьной жизни Гоголя совсѣмъ не разсмотрѣны авторомъ, какъ, напримѣръ, благотворное вліяніе на нѣжинскихъ учениковъ такихъ профессоровъ, какъ Бѣлоусовъ, Шапалинскій, Зингеръ, а также и вліяніе на нихъ тогдашней литературы и журналистики, съ которыми нѣжинскіе воспитанники были очень хорошо знакомы; нѣкоторыя же обстоятельства представлены и оцѣ-

нены авторомъ не совсѣмъ вѣрно. Напримѣръ, упустивъ изъ виду вліяніе на тогдашнихъ нѣжинскихъ воспитанниковъ лучшихъ профессоровъ и литературы, авторъ придалъ слишкомъ большое значеніе вліянію на развитіе Гоголя одного изъ товарищей его, Высоцкаго.

Съ другой стороны, имъ мало обращено вниманія на отрицательныя стороны въ жизни воспитавшаго Гоголя заведенія, напримѣръ, на такъ называемую «Нѣжинскую исторію», которая отразилась самымъ существеннымъ образомъ какъ на заведеніи, такъ и на нравственномъ развитіи тогдашнихъ его питомцевъ. Между тѣмъ, на этой исторіи, повлекшей за собою удаленіе изъ заведенія лучшихъ профессоровъ, на обстоятельствахъ, ее вызвавшихъ и сопровождавшихъ, и на тѣхъ перемѣнахъ, которыя она произвела въ жизни заведенія, необходимо сосредоточить главное вниманіе, ибо исторія эта, несомнѣнно, отразилась въ высшей степени неблагопріятно на нравственномъ настроеніи тогдашнихъ нѣжинскихъ воспитанниковъ, а на Гоголѣ, можетъ быть, даже особенно.

Столь же неудовлетворительно разсмотрѣнъ авторомъ одинъ изъ любопытныхъ эпизодовъ въ жизни Гоголя—его первая поѣздка за границу въ 1829 году. Самъ Гоголь объясняетъ эту поѣздку (въ письмахъ къ матери) многими причинами: давно лелѣянными планами о заграничной поѣздкѣ, любовью къ неизвѣстной намъ особѣ, болѣзнью, вызванной суровымъ для Гоголя климатомъ сѣверной столицы. Авторъ отрицаетъ всѣ эти причины, стараясь, хотя и неудачно, доказать, что всѣ онѣ выдуманы Гоголемъ, что все это не болѣе, какъ искусные маневры съ его стороны передъ матерью и т. п. Такое недовѣріе возлагаетъ на него обязанность на мѣсто отвергнутыхъ показаній самого Гоголя указать какія нибудь другія причины. Но онъ этого не дѣлаетъ, такъ какъ и сдѣлать этого нельзя, ибо никакихъ другихъ причинъ не было. Поэтому читатель остается въ полномъ недоумѣніи, что же вызвало такой поступокъ со стороны Гоголя? Наконецъ, и психологическій анализъ нравственныхъ свойствъ Гоголя на столько у автора неясенъ и неустойчивъ, что противорѣчія въ оцѣнкѣ этихъ свойствъ встрѣчаются у него довольно часто. Приписавъ, напримѣръ, Гоголю высокое о себѣ мнѣніе, авторъ тутъ же, черезъ нѣсколько строкъ, говоритъ о врожденной скромности (стр. 193), не обративъ вниманія на то, что эти качества взаимно исключаютъ другъ друга. Такими же противорѣчіями наполнено то, что говоритъ г. Шенрокъ объ отношеніяхъ Гоголя къ матери (стр. 109—123). Опредѣленнаго вывода о характерѣ этихъ отношеній онъ не дѣлаетъ: они оказываются въ одно и то же время и искренними, и неискренними. Ни на одномъ изъ этихъ выводовъ онъ не останавливается окончательно и сопровождаетъ каждый изъ нихъ такими оговорками, которыя въ довольно сильной степени ослабляютъ его значеніе. Ограничусь пока этими краткими замѣчаніями о книгѣ г. Шенрока. Уже изъ нихъ видно, что ее слѣдуетъ подвергнуть болѣе подробному и обстоятельному разсмотрѣнію, чего въ небольшой рецензіи сдѣлать нельзя. Поэтому, въ виду важности предмета, я надѣюсь представить вскорѣ такой разборъ книги г. Шенрока, съ указаніемъ всѣхъ заключающихся въ ней неточностей и противорѣчій.

Ф. Витбергъ.

Ежегодникъ императорскихъ театровъ за сезонъ 1890—91 годовъ. Спб. 1892.

Изданная Вольфомъ «Хроника Петербургскихъ театровъ» показала, въ какой мѣрѣ такого рода статистическій сводъ можетъ быть интересенъ и полезенъ для всѣхъ, занимающихся судьбами нашего театра. Книга эта сдѣлалась справочною для каждаго театрала, и будущему историку театра она послужитъ удобнымъ подспорьемъ въ его работѣ. Но книга Вольфа очень коротка, поверхностна и не безъ большаго количества ошибокъ. Первою попыткою сдѣлать въ этомъ отношеніи нѣчто болѣе подробное и вѣрное представляется вышедшій въ февралѣ нынѣшняго года «Ежегодникъ императорскихъ театровъ», составленный на основаніи точныхъ оффиціальныхъ данныхъ и обнимающій сезонъ 1890—91 годовъ. Здѣсь вы встрѣтите самую полную картину всего персонала всѣхъ императорскихъ театровъ Петербурга и Москвы, какъ артистовъ, такъ и оркестра и лицъ администраціи, причемъ всюду помѣчено, съ какого года каждый служитъ при дирекціи. Тутъ же приложенъ полный репертуаръ всѣхъ пьесъ, исполненныхъ на всѣхъ императорскихъ театрахъ: драматическихъ (русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ), оперныхъ и балетныхъ, съ обозначеніемъ ихъ авторовъ, новыя ли пьесы, или повторенныя (прежнихъ сезоновъ), сколько разъ и когда именно играны. Обзоръ постепеннаго хода сезона сдѣланъ по рубрикамъ (по отдѣльнымъ театрамъ) и безъ всякаго критическаго разбора, только съ обозначеніемъ пьесъ и краткимъ изложеніемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя поставлены въ первый разъ. Кромѣ того, «Ежегодникъ» даетъ свѣдѣнія обо всѣхъ учрежденіяхъ, состоящихъ въ вѣдѣніи императорской дирекціи театровъ (о театральномъ училищѣ, центральной библіотекѣ, фотографіи и т. п.), а также объ обществѣ русскихъ драматическихъ писателей, о филармоническомъ обществѣ и обществѣ для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ. Къ книгѣ приложены некрологи, планы театровъ и т. п., и она роскошно украшена хорошо исполненными иллюстраціями въ количествѣ 177 рисунковъ. Они изображаютъ всѣ написанныя для новыхъ пьесъ въ обозрѣваемомъ сезонѣ новыя декораціи, портреты артистовъ (большинство въ костюмахъ), сцены изъ пьесъ и проч. Такимъ образомъ «Ежегодникъ» старается быть нагляднымъ отраженіемъ всей жизни нашихъ императорскихъ театровъ.

Чтобы показать, какіе интересные выводы можно сдѣлать изъ представленныхъ «Ежегодникомъ» данныхъ, прослѣдимъ, хотя поверхностно, одну работу русской драматической труппы за означенный сезонъ въ Петербургѣ и Москвѣ. Петербургъ исполнялъ русскіе драматическіе спектакли на двухъ театрахъ (на Александринскомъ и Михайловскомъ), Москва—на одномъ (Маломъ). Петербургъ исполнилъ 248 спектаклей, Москва — 184. Стало быть, на каждыя три представленія Петербурга приходится только два спектакля московскихъ, иначе: Москва исполнила $^2/_3$ количества петербургскихъ представленій. То же видимъ мы на количествѣ исполненныхъ пьесъ. Петербургъ сыгралъ 62 большихъ и 43 одноактныхъ пьесы; Москва—всего 45 большихъ и 27 одноактныхъ. Между тѣмъ труппы, по количеству лицъ, какъ петербургская, такъ и московская, одинаковы. Въ Петербургѣ числилось 45 актрисъ и 43 актера, въ Москвѣ — 48 актрисъ и 42 актера. Ясно, что количество работы на петербургскую труппу легло значительно

большее, чѣмъ на московскую. И дѣйствительно, вглядываясь въ количество исполненій отдѣльныхъ актеровъ, мы видимъ, что въ Москвѣ нѣтъ ни одного артиста, игравшаго 151 разъ, какъ игралъ въ Петербургѣ Варламовъ. Главная артистка Петербурга Савина играла 92 раза, тогда какъ Ермолова въ Москвѣ 88 разъ, Ѳедотова 59 разъ. Въ роляхъ старухъ петербургская Жулева играла 97 разъ, московская Медвѣдева 29 разъ. Далѣе въ Петербургѣ играли: Абаринова 97 разъ, Ильинская 87, Левкѣева 83, Ленская 58, Стрѣльская 107, Читау 52. Въ Москвѣ—Садовская 85 разъ, Васильева 77, Никулина 78 и т. д. Относительно главныхъ актеровъ (мужчинъ), кромѣ Варламова, работа московскихъ и петербургскихъ актеровъ количественно была почти одинакова: такъ въ Петербургѣ—Далматовъ 117 разъ, Сазоновъ 90, Свободинъ 91, Давыдовъ 96, Аполонскій 87, въ Москвѣ—Южинъ 120, Макшеевъ 108, Ленскій 98, Правдинъ 123, Музиль 88, Рябовъ 115, Садовскій 99, Горевъ 94. Но если мы взглянемъ на ихъ исполненія по количеству сыгранныхъ ролей, выйдетъ нѣчто иное: Далматовъ 27 ролей, Сазоновъ 19, Свободинъ 26, Давыдовъ 25, Аполонскій 28. Въ Москвѣ только Южинъ, Правдинъ и Рябовъ перешли 2-й десятокъ ролей (27, 29 и 23 роли), остальные всѣ менѣе 20-ти ролей: Ленскій 19 ролей, Макшеевъ 18, Музиль 18, Садовскій 19, Горевъ 17. Такимъ образомъ, хотя Аполонскій игралъ менѣе, чѣмъ Южинъ, но выучилъ больше ролей; Свободинъ и Давыдовъ играли меньше разъ, чѣмъ Макшеевъ, но выучили ролей болѣе его. Но самая крупная разница работы Петербурга отъ Москвы сказывается на вторыхъ актерахъ: такъ, напримѣръ, въ Петербургѣ актеръ Ремизовъ сыгралъ 171 разъ (38 ролей), Шевченко 125 разъ (27 ролей), Шапошаленко 101 разъ (22 роли). Просматривая, какія именно роли играли тѣ и другіе артисты, мы замѣчаемъ, что актеры Ремизовъ, Шевченко и Панчинъ играли тѣ же роли, что и Давыдовъ, Варламовъ, Сазоновъ; стало быть, многія роли и въ главныхъ пьесахъ сезона передавались отъ первыхъ актеровъ труппы вторымъ. Явно изъ этого, что усиленная работа петербургской труппы вызывала какую-то трепетность и спѣшность во всемъ дѣлѣ. Съ другой стороны изъ приложенныхъ въ концѣ «Ежегодника» плановъ императорскихъ театровъ видно, что московскій Малый театръ значительно меньше по размѣрамъ петербургскихъ, не только Александринскаго, но и Михайловскаго (на одинъ и на два яруса вверхъ, на одинъ и два ряда въ глубину и на 6 и 10 креселъ въ ширину). Тѣмъ не менѣе, по приложеннымъ тутъ же цѣнамъ, полный сборъ Александринскаго театра (1,600 руб.) немного превышаетъ полный сборъ Малаго московскаго (1,300 руб.); стало быть, цѣны Александринскаго театра въ отдѣльности ниже цѣнъ московскаго Малаго. Изъ этихъ статистическихъ данныхъ дѣлаемъ слѣдующіе выводы. При условіяхъ сезона 1890—91 годовъ драматической труппѣ московскаго Малаго театра было гораздо легче работать, чѣмъ петербургской. Во-первыхъ, московская труппа работала болѣе спокойно, безъ спѣшки, безъ постоянной передачи ролей, и каждому отдѣльному актеру приходилось большее число разъ повторять одну и ту же роль; во-вторыхъ, московская труппа играла въ маленькомъ по объему театрѣ, въ которомъ не нужно такъ напрягать голосъ, какъ въ петербургскихъ; стало быть, и всѣ оттѣнки голоса и мимики могутъ быть исполнены легче и тоньше; въ-третьихъ, московская труппа играла передъ публикой болѣе интеллигентной, такъ какъ (относительно) высокія цѣны московскаго театра не допускаютъ частаго появленія въ

немъ бѣдныхъ слоевъ общества. Естественно, что при такихъ условіяхъ мы имѣемъ полное право ожидать, чтобъ московская труппа исполняла пьесы съ большимъ ансамблемъ, съ болѣе тонкой отдѣлкой, и критика, дѣлая оцѣнку представленіямъ той и другой труппы, будетъ менѣе ошибочна и безпристрастна, если заглянетъ сперва въ «Ежегодникъ» и выскажетъ свои сужденія, имѣя въ виду статистическія данныя.

Такого рода выводы очень характерны, и «Ежегодникъ» даетъ полную возможность сдѣлать ихъ по всѣмъ отраслямъ театральнаго дѣла императорскихъ театровъ.

Къ сожалѣнію, всѣ денежныя цифровыя данныя опущены въ «Ежегодникѣ». Онъ не представляетъ намъ никакихъ свѣдѣній о приходахъ и расходахъ императорскихъ театровъ, о сборахъ, о жалованіи служащимъ, о цѣнности постановокъ, о вознагражденіи авторамъ и музыкальнымъ композиторамъ. Вѣроятно, все это составляетъ до нѣкоторой степени секретъ дирекціи, опубликованіе котораго, въ виду жгучести вопроса и современности данныхъ, могло бы повлечь за собой какія нибудь неправильныя толкованія и непріятные конфликты. Мы желаемъ полнаго успѣха «Ежегоднику», конечно, если онъ будетъ выходить и впредь: одна ласточка еще весны не составляетъ. Было бы еще пріятнѣе, еслибъ «Ежегодникъ» расширилъ свою программу и, не ограничиваясь одними императорскими театрами, сдѣлался «Ежегодникомъ» всего театральнаго дѣла въ Россіи, въ родѣ таковыхъ же иностранныхъ французскихъ и нѣмецкихъ изданій. Конечно, если разработать это такъ же подробно для частныхъ театровъ, какъ сдѣлано для императорскихъ, это бы стоило очень дорого и сдѣлало бы «Ежегодникъ» мало доступнымъ по цѣнѣ; но хоть поверхностные обзоры дѣятельности частныхъ театровъ были бы очень желательны. **В. К.**

Ѳ. И. Булгаковъ. Альбомъ выставки въ академіи художествъ. Спб. 1892.

Г. Булгаковъ уже шестой годъ продолжаетъ популяризировать наши художественныя выставки и художниковъ, издавая иллюстрированные каталоги картинъ, появляющихся на этихъ выставкахъ. Такъ какъ далеко не всѣ выставляемыя произведенія заслуживаютъ иллюстраціи, то г. Булгаковъ перешелъ отъ иллюстрированныхъ каталоговъ, издававшихся имъ въ былое время, къ альбомамъ, гдѣ собраны выдающіяся произведенія каждой выставки. Въ нынѣшнемъ году академическая выставка, не смотря на свое численное богатство, не представляетъ большаго интереса. Изъ всѣхъ ея номеровъ г. Булгаковъ выбралъ только тридцать семь произведеній, среди которыхъ мы находимъ имена К. Маковскаго, Виллевальде, Кившенко, Ковалевскаго, Сергѣева и др. Посмотрѣвъ этотъ альбомъ, посѣтителю легче оріентироваться на выставкѣ и найдти наиболѣе интересныя произведенія, не особенно развлекая своего вниманія массою слабыхъ вещей. Г. Булгаковъ принялъ теперь для своихъ альбомовъ очень удобный форматъ, отличающійся отъ формата его прежнихъ иллюстрированныхъ каталоговъ. Слѣдуетъ желать, чтобы ради единства цѣли онъ сохранилъ его и на будущее время. Снимки сдѣланы фотографическимъ образомъ и исполнены въ мастерской Вильборга, лучшей у насъ для подобныхъ работъ и достаточно

уже извѣстной. Изданіе г. Булгакова можетъ занять съ полнымъ правомъ мѣсто не только въ библіотекѣ любителя искусствъ, но въ любой гостиной, какъ кипсекъ. Вообще, по внѣшнему изяществу и по невысокой цѣнѣ, это изданіе, не уступающее любымъ заграничнымъ изданіямъ подобнаго рода, слѣдуетъ считать положительно лучшимъ въ Россіи. И. И.

Бернгардъ Таннеръ. Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 году. Переводъ съ латинскаго, примѣчанія и приложенія И. Ивакина. Москва. 1892.

Бернгардъ Таннеръ, оставившій настоящія записки, чехъ по происхожденію, былъ въ Москвѣ лѣтомъ 1678 года. Прибылъ онъ сюда вмѣстѣ съ польскимъ посольствомъ и оставался три мѣсяца, втеченіе которыхъ могъ наблюдать московскую жизнь. Наблюдалъ онъ ее, впрочемъ, какъ это можно судить по запискамъ, мало и большую часть времени проводилъ въ нѣмецкой слободѣ, «у нѣмцевъ, съ коими онъ очень подружился» (стр. 69) и гостепріимство которыхъ очень цѣнилъ (стр. 70). Всѣ его наблюденія, относящіяся къ русской жизни, отличаются большой поверхностностью, носятъ слишкомъ случайный характеръ и ниже многихъ записокъ, оставленныхъ другими иностранцами. Помимо наблюдательности Таннера, здѣсь, конечно, не мало значенія имѣло еще то обстоятельство, что онъ оставался въ Москвѣ сравнительно недолго и, кромѣ того, не зналъ русскаго языка. Понятно, что при такихъ условіяхъ ему трудно было поглубже вглядѣться въ окружавшую его жизнь и сплошь и рядомъ приходилось ограничиваться тѣмъ, что сообщали ему поляки и его друзья изъ нѣмецкой слободы, иронически, а подчасъ и враждебно, относившіеся къ русскимъ. Впрочемъ, такого рода замѣтокъ, относящихся къ жизни русскихъ, у Таннера очень немного. Жаль, что г. Ивакинъ почти не обратилъ на нихъ вниманія. Какъ бы онѣ ни были поверхностны и пристрастны, но нѣкотораго вниманія заслуживаютъ, и было бы далеко не лишнимъ опредѣлить степень ихъ достовѣрности. Г. Ивакинъ, однако, не счелъ нужнымъ сдѣлать этого. Онъ ограничился тѣмъ, что назвалъ Таннера «легкомысленнымъ иностранцемъ», все же свое вниманіе обратилъ на другую сторону записокъ Таонера—на чисто внѣшнее описаніе пути посольства отъ предѣловъ Польши до Москвы, описаніе посольскаго въѣзда, подворья, пріема пословъ царемъ, города Москвы, впечатлѣнія, какое производили переговоры съ боярами на самихъ пословъ и ихъ свиту, и проѣзда пословъ. Всѣ эти свѣдѣнія на столько точно сообщаются Таннеромъ, что положительно устраняется всякая необходимость ихъ провѣрки.

Въ приложеніи къ книгѣ г. Ивакинъ помѣстилъ описанія города Москвы, извлеченныя имъ изъ записокъ всѣхъ иноземцевъ, оставившихъ свои замѣтки объ этомъ городѣ, и нѣсколько довольно любопытныхъ документовъ изъ архива иностранныхъ дѣлъ, относящихся къ пребыванію въ Москвѣ того же польскаго посольства. Книжка иллюстрирована пятью фототипіями. В. Б.

Начало Руси по сказаніямъ современниковъ и курганамъ. Ольгерда Вильчинскаго. Спб. 1892.

Русскую исторію обыкновенно начинаютъ со временъ призванія варяговъ. Между тѣмъ, начало Руси ведется значительно ранѣе. Записки арабскихъ, греческихъ и римскихъ писателей представляютъ намъ время до Рюрика далеко не такимъ дикимъ и ничтожнымъ, какимъ его рисуетъ нашъ монахъ-лѣтописецъ и повѣрившіе ему историки Шлецеро-Карамзинской школы. Прежде чѣмъ появиться на исторической сценѣ славянамъ и Руси подъ собственными именами, наши предки играли уже значительную роль подъ именами скиѳовъ, сарматовъ, венедовъ, антовъ, аланъ, роксоланъ и т. д. Продолжительное существованіе этихъ племенъ далеко небезъинтересно, тѣмъ болѣе, когда принято думать, что только съ усиленіемъ варяго-византійскаго элемента славяне начали цивилизоваться и крѣпнуть. Позднѣйшія изслѣдованія о началѣ Руси гг. Забѣлина, Иловайскаго и друг. ученыхъ убѣждаютъ насъ въ могуществѣ до-Рюриковскаго и до-христіанскаго періода русской исторіи, значительно помогая опредѣлить будущую роль и вліяніе на насъ Византіи и татарщины. Брошюра г. Вильчинскаго, составленная по курганнымъ изслѣдованіямъ русскихъ ученыхъ и сочиненіямъ мусульманскихъ и римскихъ писателей, посвящена тому же любопытному предмету. Автору ея, однако, недостаетъ талантливаго изложенія и умѣнья возстановить по извлеченіямъ картину прошлаго во всѣхъ ея существенныхъ подробностяхъ, съ необходимымъ толкованіемъ и освѣщеніемъ. Изъ брошюры мы узнаемъ, что главныя племена до-Рюрика были руссы длинно-головаго типа и славяне коротко-головаго типа; они то торговали, то воевали съ Византіей и отдаленнымъ востокомъ; придерживались жестокихъ обычаевъ при погребеніи умершихъ, и первые рюриковичи описаны такими, какими мы найдемъ ихъ въ любомъ дешевенькомъ учебникѣ... Между тѣмъ, въ брошюрѣ ничего не сказано о времени, когда еще славяне-русь не появлялись въ исторіи подъ собственнымъ именемъ; равно забытъ и вопросъ о томъ, кто были варяги-русь и какъ онъ рѣшается нашими учеными. Ничего не сказано также о формахъ общежитія нашихъ предковъ и имѣющихся объ этомъ теорій: родоваго быта (С. Соловьева, Кавелина, Чичерина, Забѣлина и др.), общиннаго (Бѣляевъ, К. Аксаковъ, Лешковъ и др.), задружно-общиннаго (К. Бестужевъ-Рюминъ, Леонтовичъ), и, наконецъ, одновременнаго существованія различныхъ соціальныхъ формъ въ бытѣ славянъ (Затыркевичъ и др).

Но, при всей неполнотѣ брошюры г. Вильчинскаго и безпорядочнаго ея изложенія, она прочтется не безъ пользы тѣми, кто мало знакомъ съ языческими временами русской исторіи и хотѣлъ бы болѣе научно представить себѣ значеніе послѣдующихъ порядковъ въ христіанской Руси.

А. Фаресовъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ МЕЛОЧИ.

Чѣмъ кончили 387 цареубійцъ Людовика XVI.—Роялистская печать въ періодъ французской революціи.—Изъ воспоминаній о герцогѣ Пакье.

ЧѢМЪ КОНЧИЛИ 387 цареубійцъ Людовика XVI. Во Франціи поднятъ вопросъ о празднованіи въ будущемъ году 21-го января 1793 г. столѣтія казни Людовика XVI. По этому поводу Эдгаръ Бурлотонъ напечаталъ въ «Correspondant» двѣ статьи о цареубійцахъ, т. е. о тѣхъ 300—400 членахъ конвента, которые голосовали смерть несчастному королю Франціи. Небезъинтересно узнать, что сталось съ этими господами.

Самый приговоръ королю состоялся вотъ при какихъ условіяхъ. Въ четвергъ 17-го января 1793 года, въ 7 часовъ вечера, послѣ засѣданія, длившагося 24 часа, президентъ конвента Верньо провозгласилъ результатъ голосованія о «казни Людовика Капета». Изъ 721 подававшихъ голоса, причемъ абсолютное большинство составляли 361 голосъ, 366 высказались за казнь. Съ слѣдующаго дня явились многочисленныя поправки къ протоколу, имѣвшія въ виду усилить это слабое большинство всего пяти голосовъ. Со всякими натяжками насчитали еще 26 депутатовъ, высказавшихся за смерть короля условно. Чѣмъ же кончили эти 387 цареубійцъ?

Лепеллетье-Сенъ-Фаржо умеръ первымъ, убитый 20-го января 1793 года парижской кордегардіей. Рука убійцы сразила Марата нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Затѣмъ начались присужденія къ смертной казни цареубійцъ такими же цареубійцами. Такимъ образомъ погибли жирондисты. 3-го сентября 1793 года застрѣлился Лидонъ (де-ла Коррезе), объявленный внѣ закона. 31-го октября гильотина отсѣкла голову Верньо и его друзьямъ, въ томъ числѣ Фонфреду 33 лѣтъ и 28-лѣтнему Дюко; Барбару 27 лѣтъ былъ захваченъ нѣсколько позднѣе въ Сентъ-Эмильонѣ (въ Жирондѣ), вмѣстѣ съ

Гаде. Трупы Бюзо и Петіона найдены были съ лицами, на половину объѣденными волками. Нѣкоторое время спустя, въ Марселѣ жирондисту Ребеккѣ пришлось съ горя броситься въ море. Затѣмъ идутъ эбертисты и дантонисты вперемежку (не преминувъ по дорогѣ захватить съ собою Филиппа Égalité). Анахарсисъ Клоотцъ, Шабо, Фабръ д'Эглантинъ, Дантонъ, Камиллъ Демуленъ и др. въ свою очередь присуждены были къ гильотинѣ... За ними послѣдовали Робеспьеръ и робеспьеристы во время термидора... Между прочимъ, англичане покончили съ двумя цареубійцами: Вайлемъ въ Тулонѣ и Бове де-Прео въ Монпелье... Апрѣльскіе и майскіе мятежи и сособытія стоили жизни цареубійцѣ Феро (изъ департамента Верхнихъ Пиренеевъ); «послѣдніе монтаньары»: Бурботтъ, Дюкенуа, Дюруа, Роммъ, Субрэни, Колло д'Эрбуа и Бильо-Вареннъ, подверглись изгнанію.

Во время 18-го брюмера во Франціи оставалось еще 307 цареубійцъ. Большинство сошедшихъ со сцены погибло въ междоусобицахъ; нѣкоторые изъ нихъ сражены были вражеской рукой, какъ, напримѣръ, Фабръ, павшій въ битвѣ съ испанцами, и Бонье д'Арко, одинъ изъ полномочныхъ министровъ, убитыхъ въ Раштадтѣ. Оба были представителями департамента Геро, куда относились также Камбонъ и Камбасересъ. Человѣкъ сто цареубійцъ вернулись къ домашнему очагу или же удалились изъ Франціи. Около двухъ сотъ остальныхъ (изъ 387), за исключеніемъ четырехъ-пяти, присоединились къ консульству. Исключеніе составляли: Шедано (изъ Шаранты), Гей де Вернонъ (изъ Haute Vienne), Лекуэнтръ (изъ Версаля), Мишо (изъ Дуба), Ларевельеръ-Лепо (изъ Maine-et-Loire).

Императорское правительство навербовало для придворной аристократіи изъ цареубійцъ одного герцога (Фуше—герцога Отрантскаго), десять графовъ, пятнадцать бароновъ и одиннадцать кавалеровъ. Въ періодъ 1805—1815 годовъ смерть сразила 101 цареубійцу на занятыхъ ими «мѣстахъ». Что собственно представляли собою эти «мѣста»? Ни одно изъ нихъ не являло жирной синекуры. Само собой разумѣется, что сенатъ, законодательный корпусъ, префектуры, главныя казначейства пріютили къ себѣ важныхъ перебѣжчиковъ. Но сколько было несчастныхъ, удрученныхъ нищетой, которые, во избѣжаніе голодной смерти для себя и для своего семейства, вынуждены были принимать, или даже искать, скромныхъ должностей въ родѣ сборщиковъ податей, чиновниковъ въ магистратурѣ, на почтѣ, въ Mont de Piété. Бурлотонъ относится къ нимъ съ большою строгостью, охотно иронизируя и негодуя по ихъ адресу. Фуше и ему подобные, какъ люди печальной извѣстности, вполнѣ того заслуживали. Но остальные, люди темные въ дѣлѣ предательства, дѣйствительно вызываютъ къ себѣ одно презрѣніе со стороны исторіи.

Вторая реставрація наказала нѣкоторыхъ изъ членовъ конвента, заявившихъ себя несвоевременнымъ усердіемъ въ пользу Наполеона, втеченіе Ста Дней. Въ 1815 году палата усугубила королевскую строгость закономъ де-ла Бурдонне, подъ названіемъ: «Проектъ амнистіи». Коммиссія дополнила этотъ законъ параграфомъ, навсегда изгонявшимъ «цареубійцъ, втеченіе Ста Дней принявшихъ какое либо назначеніе или подписавшихъ дополнительный актъ въ маѣ 1815 года». Словомъ, суровые роялисты 1815 года, очевидно, считали смертный приговоръ Людовика XVI меньшимъ преступленіемъ, нежели близкія сношенія съ правительствомъ Ста Дней. Изъ числа 189 цареубійцъ, существовавшихъ тогда, 38 человѣкъ не занимали никакой

должности въ періодъ времени между возвращеніемъ съ острова Эльбы и Ватерлоо. Нѣкоторые изъ этихъ 38 благоразумно порѣши или удалиться, и они отчасти были правы, ибо чрезмѣрно усердные префекты тревожили ихъ вполнѣ беззаконно. Камбасересъ, не смотря на то, что голосъ его за смерть короля не оказался въ числѣ большинства, 17-го марта 1793 года благоразумно добрался до Бельгіи. Онъ поселился въ отелѣ «Веллингтонъ», въ ожиданіи лучшихъ дней, которые наступили очень скоро. Впрочемъ, онъ могъ широко жить, ибо ежедневно платилъ по 100 франковъ за свою квартиру и за столъ. Однимъ изъ 38 цареубійцъ, не подлежавшихъ высылкѣ, былъ Баррасъ жившій на свою пенсію, претерпѣвшій предварительно неоднократныя преслѣдованія и изгнанія во время имперіи (онъ виновникъ удачи Наполеона!). Кромѣ того, былъ еще одинъ странный маркизъ Мальи де Шаторено (изъ Верхней Соны), умершій въ 1819 году, слабоумнымъ, 77 лѣтъ отъ роду, оставивъ послѣ себя 21 законнаго ребенка, и «еще болѣе того незаконныхъ дѣтей». Состояніе его слабоумія было констатировано.

Цареубійцы, сокращенные въ числѣ своемъ голодомъ, изгнаніемъ, горемъ,—нѣкоторые, быть можетъ, дѣйствительно уступая непритворному раскаянію, — взяли обратно свои голоса о «преступной измѣнѣ», какъ они сами выражались. Такимъ образомъ, между прочимъ, они понуждались къ отмѣнѣ постановленія 21-го января. И изъ ихъ декларацій съумѣли извлечь выгоду. Такъ, ла-Примодьеръ (изъ Сарты), за пять дней до своей кончины, передалъ «актъ объ отреченіи» своему духовнику. Мѣсяцъ спустя «Gazette de France» напечатала у себя этотъ актъ. Дочь ла-Примодьера протестовала противъ подобнаго нарушенія тайны исповѣди, и священника подвергли наказанію. Дѣло заключалось въ желаніи понудить этихъ людей удаляться въ изгнаніе безотлагательно, не взирая на снѣдавшіе ихъ недуги. Такъ, напримѣръ, поступлено было съ Вине (изъ департамента Нижней Шаранты), котораго приняли, наконецъ, въ больницу de Blaye, гдѣ онъ подписалъ актъ объ отреченіи. То же самое было съ Дегруа (изъ Орнскаго департамента), страдавшимъ слѣпотой и, согласно свидѣтельству врачей, «покрытымъ неизлечимыми недугами». Въ виду замедленія его отъѣзда орнскій префектъ (Вурлотонъ почему-то обозначаетъ его только иниціаломъ: виконтъ де-Р....) приказалъ отвести его въ тюрьму, какъ ослушника. За его постель ежедневно взимали по десяти франковъ. Вскорѣ онъ впалъ въ состояніе спячки и умеръ 17-го апрѣля. Орнскому префекту было выражено оффиціальное «порицаніе». Извѣстное число цареубійцъ отправилось въ Соединенные Штаты, какъ, напримѣръ, Лаканаль, Бернаръ, Пеньеръ. Нѣкоторымъ правительство оказало пособіе, снабдивъ ихъ нѣсколькими сотнями франковъ и давъ возможность умереть въ Бельгіи, какъ, напримѣръ, Саворнэну.

Начиная съ 1818 года амнистіи давались уже королемъ, въ большинствѣ случаевъ, благодаря великодушнымъ настояніямъ графа Буасси д'Англа, бывшаго члена конвента, сдѣлавшагося перомъ Франціи. 21 цареубійца не могли или же не хотѣли вернуться. Но нѣкоторымъ въ изгнаніи жилось совсѣмъ не такъ тяжко, какъ большинству остальныхъ; таковы: Сіейесъ и живописецъ Давидъ, удалившіеся въ Брюссель, графъ Тибодо, проживавшій въ Австріи. Единственному цареубійцѣ удалось остаться во Франціи и скрываться: это былъ Друэ, почтмейстеръ изъ Сентъ-Менегульды, заарестовавшій короля и его семейство въ Вареннѣ. Но о судьбѣ его въ «Ист. Вѣстникѣ» уже было разсказано подробно.

Въ итогѣ, согласно расчету самого Бурлотона, 32 цареубійца взошли на эшафотъ, 23 были разстрѣляны, задушены, убиты, повѣшены или покончили съ собою самоубійствомъ; 67 погибли въ изгнаніи, а «жизнь большинства остальныхъ завершилась страшными страданіями физическими и бѣдностью»...

— Роялистская печать въ періодъ французской революціи. Французскій депутатъ и сотрудникъ «République Française» Густавъ Иванберъ напечаталъ весьма любопытные этюды о литературѣ и печати въ періодъ французской революціи. Обыкновенно думаютъ, что революціонная печать разнузданностью и дикостью своего языка много содѣйствовала обостренію антагонизма и кровавымъ столкновеніямъ. Иваньеръ документально доказываетъ, что роялистская, такъ называемая, благомыслящая пресса въ этомъ отношеніи нисколько не уступала революціоннымъ органамъ. И органовъ антиреволюціонеровъ было не мало. Таковы: «Ami du Roi», «Journal de la Cour et de la Ville», листокъ »A deux liards», «Petit Journal» и др. Рѣзкостью языка особенно отличался послѣдній изъ названныхъ. Однажды онъ обѣщалъ даже хорошую награду тому, кто выдастъ союзнымъ державамъ, дѣйствовавшимъ противъ Франціи, точный списокъ всѣхъ членовъ національнаго собранія, чтобы не могло произойдти никакихъ недоразумѣній, когда имъ выпадетъ честь быть повѣшенными. По другому поводу тамъ съ радостью объявлялось о появленіи во Франціи иноземныхъ войскъ. «A deux liards» писалъ: «три съ половиною четверти народа ждетъ съ такимъ же великимъ нетерпѣніемъ, какъ и аристократы, вступленія иностранныхъ войскъ и эмигрантовъ». Въ то время, когда національное чувство было сильно возбуждено, подобныя угрозы иноземщиной должны были дѣйствовать особенно удручающе и имѣть роковыя послѣдствія. Другія газеты писали въ тонѣ болѣе умѣренномъ, но оставались на той же точкѣ зрѣнія. Таковы: «Gazette de Paris», «Gazette universelle», «Feuille du Jour», «Courrier français», «Journal de Louis XVI et de son Peuple» и пр. Столь же многочисленны, возбудительны и рѣзки были непеfriодическія изданія, брошюры, памфлеты.

Однимъ изъ самыхъ яростныхъ листковъ былъ «Journal de M. Suleau», издатель котораго Сюло много писалъ въ Кобленцѣ (гдѣ проживали роялистскіе эмигранты изъ Франціи) и печаталъ въ Нейвидѣ. Однажды онъ нанаписалъ слѣдующее о національномъ собраніи: «Покойный Мирабо, проклятой памяти, сказалъ однажды, что въ государствѣ есть только взяточники, нищіе и воры. Какъ видите, онъ былъ достаточно лукавъ, чтобы обойти молчаніемъ національное собраніе, ибо иначе въ этотъ перечень попали бы и глупцы, плуты, разбойники и убійцы, и никто бы не осмѣлился его назвать лгуномъ, такъ какъ при малѣйшемъ шумѣ, при малѣйшемъ знакѣ неудовольствія, онъ обратился бы къ любой сторонѣ и воскликнулъ бы: «Кто считаетъ себя оклеветаннымъ, можетъ заявить о семъ, и если его не изобличу, то я самъ окажусь честнымъ человѣкомъ?» Подобно Мирабо, поворился и Лафайетъ, но всѣхъ больше доставалось Филиппу Égalité, котораго называли «безстыжимъ сводникомъ, хуже Равальяка» (убійцы Генриха IV). Отъ выясненія подобныхъ пріемовъ «благомыслящей» печати становятся болѣе понятными и многія крайности противниковъ роялистовъ.

— Изъ воспоминаній о герцогѣ Пакье. Въ «Nouvelle Revue» появились извлеченія изъ воспоминаній о герцогѣ Пакье (род. 1767 г., † 1862 г.), великомъ канцлерѣ Франціи при Луи-Филиппѣ, которыя приготовляются

къ печати бывшимъ его секретаремъ Габріелемъ Бонне, подъ заглавіемъ «Souvenirs d'un ex-ténorino». Эти извлеченія относятся къ послѣднимъ годамъ герцога Пакье, тогда уже почти ослѣпшаго и совершенно глухаго. Обязанности Бонне состояли въ слѣдующемъ: 1) онъ долженъ былъ по утрамъ писать и отправлять въ типографію меню обѣда на каждый день, составленное главнымъ поваромъ и исправленное самимъ герцогомъ; 2) онъ обязанъ былъ пробѣгать брошюры, газеты, отчеты о засѣданіяхъ французской академіи, къ которой принадлежалъ герцогъ, какъ одинъ изъ сорока «безсмертныхъ», отчеты ученыхъ обществъ, чтобъ реферировать о нихъ герцогу раньше, чѣмъ онъ отправлялся на прогулку въ каретѣ въ Елисейскія поля, послѣ завтрака; 3) въ тѣ дни, когда герцогъ чувствовалъ себя въ духѣ работать, Бонне долженъ былъ писать подъ диктовку, въ формѣ замѣтокъ, или какія либо личныя воспоминанія, или же размышленія по поводу текущихъ событій; 4) секретарь обязывался распредѣлять помощь деньгами и порціями хлѣба бѣднымъ квартала, которые являлись въ контору герцога. «Эта обязанность,—поясняетъ Бонне, — была тѣмъ менѣе тягостна, что въ кварталѣ Madeleine не обрѣталось бѣдныхъ, а бѣднякамъ другихъ кварталовъ безжалостно отказывалось».

Бонне такъ характеризуетъ своего патрона: «Это былъ поистинѣ недюжинный человѣкъ, этотъ почти 90-лѣтній старецъ, высокаго роста, нисколько не согбенный, исхудалый, съ величавыми движеніями, съ манерами царственными! Бывшій совѣтникомъ въ парламентѣ при Людовикѣ XVI, онъ остался какъ бы отраженіемъ конца XVIII столѣтія, когда всѣ должны были вырости, чтобъ стоять во главѣ событій. Отъ этой пылкой эпохи у него сохранилась политическая страсть, твердость характера (не скажу, убѣжденій), широта взглядовъ, вольтеріанская терпимость и любезное обхожденіе подъ видомъ дипломатической суровости. Революція 1848 года удалила его отъ дѣлъ послѣ 60 лѣтъ непрерывныхъ трудовъ. Будучи поочередно членомъ государственнаго совѣта, министромъ, хранителемъ печати и, наконецъ, президентомъ палаты перовъ, никогда еще сановникъ не подвергался больше, чѣмъ онъ, сарказмамъ, критикѣ, сатирѣ, нападкамъ въ каррикатурахъ, но ничто не могло смутить его бодрости, ослабить въ немъ духъ либерализма. Я не знаю, упоминается ли въ исторіи хоть объ одномъ преслѣдованіи, которое было бы возбуждено имъ противъ его клеветниковъ, когда онъ находился у власти».

Изъ анекдотовъ, приводимыхъ Бонне, любопытны совѣщанія герцога съ своимъ поваромъ. Главный поваръ его былъ кулинарной знаменитостью той эпохи. Раньше онъ служилъ у герцога Орлеанскаго, а затѣмъ, послѣ трагической смерти герцога, поступилъ на службу къ русскому императору. Герцогъ Пакье соблазнилъ его блестящими условіями, и поваръ покинулъ Петербургъ, чтобъ стать во главѣ кухни президента палаты перовъ,—кухни, которая уже пользовалась почтенной репутаціей. Жалованье поваръ получалъ министерское. Онъ имѣлъ въ годъ отъ 60 до 80 тысячъ франковъ, считая вмѣстѣ съ доходами отъ покупки припасовъ и винъ, которыя онъ былъ обязанъ самъ поставлять къ столу своего богатаго барина.

Почти ежедневно у герцога обѣдали по 15—18 гостей, причемъ, кромѣ его бывшихъ коллегъ и друзей, тутъ перебывали всѣ политическія знаменитости, пріѣзжавшія въ то время въ Парижъ. Престарѣлый герцогъ съ лицомъ аскета и съ манерами старинныхъ придворныхъ умѣлъ всѣхъ очаровать своимъ остроуміемъ и любезностью.

Какъ либералъ стариннаго покроя, герцогъ ненавидѣлъ императора Наполеона III. По поводу этой ненависти Бонне разсказываетъ забавный случай. Когда родился сынъ у императора, нѣкоторымъ изъ придворныхъ и усердныхъ саповниковъ пришло па мысль поднести будущему наслѣднику престола подарокъ по національной подпискѣ. Собиралось по 5—25 сантимовъ. Въ одинъ прекрасный день подали и герцогу Пакье подписной листъ. Когда секретарь объявилъ ему, въ чемъ дѣло, герцогъ сперва отвѣтилъ ему: «не дамъ ничего!». Секретарь замѣтилъ герцогу, что вѣдь опять явятся къ нему съ тѣмъ же. Эта настойчивость разгнѣвала герцога. «Ну, хорошо!— сказалъ онъ:—дайте имъ одинъ су и пусть убираются!». Требовалось подписаться на листѣ. Но ужъ отъ этого герцогъ отказался рѣшительно. Сборщики попросили Бонне поставить свое имя вмѣсто герцога. Послѣдній этого не дозволилъ секретарю.

— Однако-жъ,—сказалъ Бонне герцогу Пакье,—надо же обозначить какую нибудь подпись, безъ этого они не уйдутъ.

— Въ такомъ случаѣ скажите Жозефу, чтобъ онъ позвалъ кучера подписаться.

— Тома не умѣетъ писать.

— Тѣмъ лучше, онъ поставитъ крестъ.

Бонне спросилъ сборщиковъ, согласятся ли они на то, чтобъ кто нибудь изъ слугъ герцога подписался на сборномъ листѣ? «Вотъ все, на что соглашается герцогъ».

— Пусть подписывается кто хочетъ, только надо же покончить съ этимъ,— отвѣтили секретарю.

Секретарь позвонилъ камердинера:

— Скажите Тома, чтобъ онъ пришелъ немедля, такъ, какъ онъ одѣтъ; эти господа не могутъ ждать.

Явился Тома... въ конюшенномъ туалетѣ.

— Канцлеръ проситъ васъ подписаться на этомъ листѣ. Этотъ господинъ покажетъ вамъ мѣсто.

— Но вѣдь я же не умѣю писать,—возразилъ кучеръ.—Господинъ канцлеръ знаетъ это уже тридцать лѣтъ.

— Да, но онъ сказалъ, чтобъ вы сдѣлали крестъ.

— А, это я могу.

Кучеръ употребилъ на это пять добрыхъ минутъ и затѣмъ показалъ сдѣланный имъ крестъ секретарю. Тома взялъ черезчуръ много чернилъ, и крестъ вышелъ толстый и жирный.

Для герцога Пакье это забавное участіе кучера въ данномъ случаѣ, этотъ крестъ вмѣсто подписи, этотъ кляксъ, представлялись самой настоящей оппозиціей. Но вторая имперія едва ли и потерпѣла бы иного сорта оппозицію.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Попытки сближенія Франціи съ Россіею передъ Крымской войною. — Братъ Наполеона III въ роли посланника и русофила. — Исторія византійскаго искусства въ миніатюрахъ.—Книга о Сибири, написанная въ опроверженіе сочиненія Кеннана.—Мемуары маршала Макдональда.—Словарь современниковъ Ваперо.— Оракулы Нострадамуса.

ДИПЛОМАТИЧЕСКІЕ архивы въ наше время перестаютъ облекаться въ непроницаемую, будто бы государственную, тайну и дѣлаются доступны для всякаго серьезнаго изслѣдователя международныхъ отношеній, хотя бы эти отношенія не только скрѣпляли дружественныя связи между державами, но и вели къ разрыву между ними. Почти въ то же время, когда г. Татищевъ, въ нашемъ журналѣ, набрасывалъ картину нашихъ дипломатическихъ переговоровъ съ Портою передъ началомъ Крымской войны, Тувенель, авторъ книгъ «Греція и король Оттонъ» и «Секретъ императора», издалъ въ Парижѣ книгу «Николай I и Наполеонъ III, предварительные переговоры передъ Крымской войною» (Nicolas I et Napoleon III, les préliminaires de la guerre de Crimée). Книга составлена по неизданнымъ бумагамъ Эдуарда-Антонія Тувенеля, дипломата временъ второй имперіи, умершаго въ 1868 году. Въ этихъ любопытныхъ документахъ, не смотря на вспыхнувшую вслѣдъ затѣмъ войну, замѣтно стремленіе двухъ народовъ къ болѣе тѣсному сближенію, которое и произошло бы еще сорокъ лѣтъ назадъ, если бы Наполеону III не была нужна война для укрѣпленія власти, захваченной вслѣдствіе насильственнаго переворота. И хотя Тувенель далеко не на сторонѣ этого сближенія и даже предостерегаетъ французовъ отъ увлеченія этой идеею, но народныя симпатіи невольно проглядываютъ почти во всѣхъ документахъ, относящихся къ этимъ переговорамъ. Самъ Луи-Наполеонъ склонялся на сторону Англіи, какъ и Персиньи, но другіе приверженцы его, какъ Морни, стояли за союзъ съ Россіей, властитель которой сочувствовалъ подавленію всякихъ возстаній

и республикъ. Архивъ англійскаго Foreign office еще строго закрытъ для публики, и потому Тувенель не приводитъ офиціальной переписки министровъ и посланниковъ, но пользуется ихъ частными письмами, проще и яснѣе рисующими ходъ дѣла, хотя и называющими лицъ своими именами, а не дипломатическими титулами. Такъ маркизъ Лавалетъ пишетъ къ Тувенелю объ англійскомъ повѣренномъ въ дѣлахъ въ Константинополѣ: «это животное, полковникъ Розе». Занимая постъ французскаго посланника въ Турціи, Тувенель имѣлъ возможность близко слѣдить за всѣми переговорами, предшествовавшими Крымской войнѣ, и велъ дѣятельную кореспонденцію съ министромъ Друэнъ-де-Люисомъ, генераломъ Бараге д'Илье, Кастельбажакомъ, посланникомъ въ Петербургѣ, и др. Послѣдній особенно относился съ недовѣріемъ къ союзникамъ Франціи, англичанамъ, и симпатично къ ея врагамъ, русскимъ. Черезъ его руки прошли всѣ документы, окончившіеся войною, но въ нихъ видно столько сожалѣнія о разрывѣ и столько надеждъ на лучшее будущее, что этого генерала смѣло можно назвать предтечею союза. Изъ его депеши видно, что всѣ событія того времени были слѣдствіемъ недоразумѣній, неожиданностей, роковыхъ случайностей. До послѣдней минуты надѣялись, что дѣло уладится, а когда война вспыхнула, расчитывали какъ можно скорѣе покончить съ нею. Только явная ненависть Англіи къ Россіи и скрытая недоброжелательность Австріи и Пруссіи раздували распрю, которую такъ легко можно было потушить вначалѣ. Никто не предполагалъ, чтобы вопросъ о святыхъ мѣстахъ, возникшій изъ спора монаховъ о ключахъ церквей, то-есть о правѣ служить обѣдню, могъ повести къ гибели стольких тысячъ людей въ Крыму. Возбудившіе этотъ вопросъ не понимали, къ какимъ важнымъ послѣдствіямъ онъ можетъ привести. Тувенель объясняетъ это въ своей книгѣ. Вопросъ этотъ, интересующій только духовныхъ лицъ, всегда существовалъ въ Палестинѣ, существуетъ и теперь. Луи-Наполеону нужно было пріобрѣсти расположеніе епископовъ и ультрамонтановъ, и онъ отправилъ къ султану ноту въ защиту католическихъ притязаній. Тувенель, бывшій еще тогда посланникомъ въ Мюнхенѣ, писалъ въ Парижъ, что Россія не сдѣлаетъ уступокъ въ этомъ вопросѣ. Султанъ издалъ фирманъ въ пользу католиковъ, Россія вступилась за православныхъ. Англійскій посолъ въ Константинополѣ лордъ Стратфордъ Редклифъ, которому не было никакого дѣла ни до тѣхъ, ни до другихъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы возстановить Абдулъ-Меджида и всѣ державы противъ Россіи. Посольство Меншикова, такого же неумѣлаго дипломата, какъ впослѣдствіи главнокомандующаго, уничтожавшаго своею заносчивостью всякую надежду на соглашеніе, повело къ занятію русскими войсками дунайскихъ княжествъ, какъ «залога противъ двуличнаго образа дѣйствій Порты». Англійскій флотъ вошелъ въ проливы. Война началась ко всеобщему удивленію. Кастельбажакъ писалъ изъ Петербурга: «есть два вопроса, въ которыхъ императоръ Николай никогда не уступитъ: это — польское возстаніе и интересы православія. Послѣдніе очень сильны въ народѣ, въ арміи и въ купцахъ, Николай I на сторонѣ народной партіи». Тувенель говоритъ, что въ этомъ случаѣ императоръ былъ даже увлеченъ «московскою партіей, желавшею войны, какъ въ 1878 Александръ II былъ вовлеченъ въ войну панславистскою партіею». Авторъ приписываетъ огромное вліяніе какому-то Лабенскому, «ритору и плохому писателю, но предшественнику Каткова, строчившему въ петербургской канцеляріи брошюры противъ Нессельроде, раз-

жигавшія вопросъ о святыхъ мѣстахъ и возбуждавшія народъ къ священной войнѣ на защиту православія». Все это, кажется, слишкомъ преувеличено, хотя Кастельбажакъ приводитъ въ числѣ слуховъ, ходившихъ въ народѣ, разсказъ о появленіи ночью въ кабинетѣ государя видѣнія въ монашеской одеждѣ, предсказавшаго блестящій успѣхъ русскому оружію, если оно поднимется противъ Турціи единственно въ защиту религіозныхъ интересовъ. Напрасно самъ императоръ говорилъ, что съ нимъ не случилось ничего подобнаго; народъ упорно вѣрилъ созданной кѣмъ-то легендѣ. И между тѣмъ Франція, всетаки, объявила войну Россіи, «своей естественной союзницѣ противъ интригъ Англіи, на каждомъ шагу подкапывавшейся подъ французское вліяніе въ Константинополѣ,—какъ говоритъ Тувенель,—изъ-за какихъ-то ключей, до которыхъ никому не было дѣла, изъ-за упрямства Турціи, которая могла отвратить войну, сдѣлавъ справедливыя уступки. Эти бусурмане (mécréants) смѣются надъ нами, полагая, что для ихъ прекрасныхъ глазъ мы ввели нашъ флотъ въ проливы». Кастельбажакъ старался уладить вопросъ, даже когда русскіе уже заняли княжества, говорилъ, что всѣ эти освобождаемыя Россіей племена: греки, румыны, сербы,—теперь бы онъ могъ прибавить и болгаръ, — нисколько не желаютъ подчиняться вліянію Россіи и вовсе не будутъ ей благодарны за свое освобожденіе. Да на благодарность и вообще нечего расчитывать въ политикѣ, хотя въ ней всякое добро, дѣлаемое одной націей въ пользу другой, стоитъ первой громадныхъ жертвъ и потерь. «У англичанъ одинъ интересъ во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ,—пишетъ Тувенель:—уничтожить морскія силы всѣхъ другихъ націй и преградить русскимъ путь въ Индію». Кастельбажакъ рисуетъ довольно вѣрный портретъ Николая I. Вообще вся книга читается съ большимъ интересомъ.

— Другой дипломатъ второй имперіи, герцогъ Морни, оставилъ записки, относящіяся къ его посольству въ Россію въ 1856 году. Извлеченіе изъ нихъ издано теперь его родственниками (Une ambassade en Russie. Extrait des mémoires du duc de Morny). Это простой сборникъ писемъ съ короткимъ предисловіемъ. Онъ начинается письмомъ Нессельроде въ 1853 году къ нашему повѣренному въ дѣлахъ въ Парижѣ Никол. Дмитр. Киселеву. Въ письмѣ расхваливается Морни за его умѣнье вести переговоры по признанію императорскаго титула за Наполеономъ III. Еще во время войны Морни велъ переписку съ Горчаковымъ и, по заключеніи мира, былъ отправленъ посломъ въ Петербургъ. Братъ Луи-Наполеона, онъ писалъ письма своему «любезному и доброму императору», полныя симпатій къ Россіи. Въ этомъ издатели книги видятъ «патріотизмъ полный твердыхъ принциповъ». Что касается до принциповъ, то въ своей интимной перепискѣ съ Морни Горчаковъ совѣтовалъ построже держаться ихъ. Дипломатъ онъ былъ плохой и причислялъ венгерцевъ къ славянскому племени, но, какъ умный человѣкъ, скоро освоился съ посланническими обязанностями. Еще французы не оставили Крыма, а Морни уже напоминаетъ, что «апогеемъ могущества Наполеона I была эпоха его тѣснаго сближенія съ Россіею». Горчакову онъ писалъ, что французы сражаются только изъ славы и желаютъ мира, тогда какъ англичане съ упорной ненавистью не хотятъ положить оружіе, пока не уничтожатъ русскія силы. Поэтому Морни совѣтовалъ Горчакову согласиться на ограниченіе морскихъ силъ Россіи въ Черномъ морѣ, называя это ограниченіе временнымъ, и говорилъ, что его

легко будетъ уничтожить впослѣдствіи. Этотъ ничему не вѣрившій жуиръ и денди говоритъ даже о своемъ «религіозномъ чувствѣ, заставляющемъ его спѣшить загладить ужасы войны». Принятый съ особенной любезностью въ Петербургѣ дворомъ и высшимъ кругомъ, побочный сынъ королевы Генріетты пишетъ о «магнетическомъ токѣ, соединяющемъ берега Сены съ берегами Невы, о безконечномъ рядѣ баловъ и обѣдовъ, объ иллюминаціяхъ и фейерверкахъ, ослѣпляющихъ глаза, о пріемѣ французскаго посла во дворцѣ во всякое время, безъ соблюденія обычнаго этикета, о великихъ князьяхъ, просившихъ прислать модель пушки, изобрѣтенной императоромъ-артиллеристомъ, о великихъ княжнахъ, съ уваженіемъ отзывавшихся объ императрицѣ Евгеніи, о министрѣ финансовъ, однимъ почеркомъ пера уничтожившемъ пошлину на привозимыя французскія вина». Во время переговоровъ о мирѣ, Морни горячо отстаивалъ интересы Россіи во всѣхъ спорныхъ пунктахъ, совѣтовалъ своему брату не уступать требованіямъ Англіи, ручаясь, что Россія согласится на всякое увеличеніе Франціи. Онъ упрекалъ Англію даже въ томъ, что она даетъ у себя пріютъ революціонерамъ и эмигрантамъ и позволяетъ своимъ газетамъ писать противъ Наполеона III. Впослѣдствіи письма Морни становятся рѣже. Какъ консерваторъ, онъ безпокоится за революціонный духъ, обнаруживающійся въ Италіи и поощряемый Франціей, называетъ неаполитанскаго короля самымъ «кроткимъ реакціонеромъ», и дѣйствительно Фердинандъ II сдѣлалъ гораздо меньше вреда Франціи, чѣмъ заговорщикъ и гарибальдіецъ Криспи, сдѣлавшись министромъ. Книга оканчивается письмами, относящимися къ польскому возстанію 1863 года. Въ предпослѣднемъ письмѣ Морни уговариваетъ Горчакова согласиться на созваніе конгреса по дѣламъ Польши; въ послѣднемъ, получивъ вѣжливый, но твердый отказъ, сожалѣетъ о томъ, что это «нарушаетъ дружескія отношенія двухъ странъ». Отношенія эти, однако, не нарушились, а достигли высшей точки сближенія, когда во Франціи установилось твердое правительство, уничтожившее гнилую имперію съ ея страннымъ властителемъ, который подъ вліяніемъ своей безхарактерности велъ сумбурную политику. Сражаясь за интересы Англіи въ Крыму, онъ позволилъ потомъ своимъ генераламъ угрожать ей высадкою; освободивъ часть Италіи въ 1859 году, онъ помѣшалъ ей при Ментонѣ организоваться въ прочное королевство. Разбивъ Австрію при Сольферино, онъ послалъ ея эрцгерцога императоромъ въ Мексику, потомъ позволилъ разстрѣлять его; Пруссіи онъ совѣтовалъ округлить свои владѣнія въ Германіи, а когда она сдѣлала это, объявилъ ей войну, послѣ которой нѣмцы округлились еще болѣе, но уже на счетъ Франціи. Морни не дожилъ, впрочемъ, до этой катастрофы и умеръ въ 1865 году, 54-хъ лѣтъ, отъ слишкомъ широкой жизни.

— Въ Парижѣ вышла «Исторія византійскаго искуства, преимущественно по миніатюрамъ», изданная нашимъ соотечественникомъ г. Кондаковымъ и переведенная г. Травинскимъ (Kondakoff: Histoire de l'art byzantin considéré principalement dans les miniatures, édition française originale, publiée par l'auteur sur la traduction de m. Trawinski). Извѣстно, какую важную роль играютъ миніатюры рукописей въ исторіи византійскаго искуства, представляющія до паденія имперіи непрерывный рядъ драгоцѣнныхъ памятниковъ, находящихся въ тѣсной связи съ культурнымъ и религіознымъ развитіемъ ихъ эпохи: въ нихъ предоставляется дарованію художника болѣе широкое поприще, чѣмъ въ созданіяхъ офиціаль-

наго искуства, и видно большее вліяніе народности и духа времени. Французская критика очень довольна появленіемъ въ переводѣ капитальнаго труда русскаго ученаго. Первый томъ, обнимавшій исторію искуства отъ его начала до конца IX вѣка, явился еще въ 1886 году. Второй томъ заключаетъ въ себѣ исторію второго періода золотого вѣка миніатюры до начала XIII столѣтія. Авторъ опредѣляетъ художественныя достоинства иллюстрированныхъ псалтырей, евангелій, библій, менологовъ—поучительныхъ бесѣдъ, проповѣдей Григорія Назіанзина и др. Онъ описываетъ ихъ не въ хронологическомъ порядкѣ, а по степени ихъ артистическаго значенія. Странно, что къ такому прекрасному изданію, заслуживающему во всѣхъ отношеніяхъ вниманіе археологовъ и художниковъ, приложено такъ мало рисунковъ, всего 13, да и изъ нихъ снимковъ съ миніатюръ только пять, остальные рисунки воспроизводятъ палермскія мозаики. Безъ хорошихъ гравюръ подобныя книги теряютъ половину своей цѣны.

— Въ Лондонѣ появилось новое сочиненіе о «Сибири въ ея настоящемъ видѣ» (Siberia as it is) де-Виндтъ, съ предисловіемъ г-жи Новиковой. Книга написана въ опроверженіе извѣстнаго памфлета объ этой странѣ, д-ра Кеннана, представившаго особенно въ мрачномъ видѣ положеніе государственныхъ преступниковъ. Основываясь на офиціальныхъ документахъ тюремнаго управленія въ Петербургѣ, авторъ доказываетъ, что Кеннанъ ввелъ въ заблужденіе англійскую публику и лжетъ преднамѣренно. Главный начальникъ этого управленія говорилъ де-Виндту: «довѣрчивость англичанъ изумительна; они повѣрили американскому журналисту и принимаютъ, какъ авторитетъ, выдумки «Century magazine» о сибирскихъ ужасахъ». Но еще изумительнѣе этой довѣрчивости англичанъ — ихъ недовѣрчивость ко всему, что говорится въ защиту Россіи, и прямое нежеланіе ихъ слышать правду объ этой странѣ. Критикъ «Атенеума», разбиравшій эту книгу въ мартовскомъ номерѣ этого журнала, говоритъ, что онъ самъ былъ въ Сибири, видѣлъ государственныхъ преступниковъ и, какъ Ландсель и др., не нашелъ никакихъ ужасовъ (atrocities), но прибавляетъ, что это ничего не доказываетъ, и Кеннанъ, всетаки, можетъ быть правъ. Имѣя дѣло съ такимъ упрямствомъ, поневолѣ вспоминаешь поговорку: нѣтъ слѣпыхъ хуже тѣхъ, которые не хотятъ ничего видѣть.

— Между множествомъ мемуаровъ вышли довольно любопытныя «воспоминанія маршала Макдональда» (Souvenirs du maréchal Macdonald). Мы имѣли недавно случай познакомиться съ характеристикой маршала въ запискахъ правдиваго, хотя и не очень дальновиднаго Марбо. Но онъ оцѣниваетъ дѣйствія Макдональда преимущественно съ точки зрѣнія его военныхъ подвиговъ, дѣйствительно не весьма блестящихъ, хотя Наполеонъ и далъ ему титулъ герцога Тарентскаго. Но объ этомъ герцогѣ весьма высокаго мнѣнія нѣмецкій историкъ Веберъ, отзывающійся въ послѣднемъ XIV томѣ своего обширнаго труда, гдѣ говорится о наполеоновскихъ войнахъ, съ большою похвалою о Макдональдѣ, особенно какъ о человѣкѣ. И хотя при этомъ панегирикѣ невольно приходитъ на память стихъ нашего баснописца: «кого намъ хвалитъ врагъ, въ томъ вѣрно проку нѣтъ», но нельзя не согласиться съ историкомъ, что маршалъ дѣйствительно отличался прямодушіемъ, гуманностью и безкорыстіемъ, то-есть свойствами, какими далеко не обладали его товарищи по оружію. Такъ, въ первой палатѣ временъ реставраціи онъ отстаивалъ законъ о свободѣ печати, чѣмъ, конечно, возбу-

дилъ неудовольствіе Людовика XVIII, а брату короля заявилъ прямо, что онъ «обожаетъ революцію», отчего будущій Карлъ X, только что упрекавшій маршала, зачѣмъ онъ не эмигрировалъ, пришелъ въ священный ужасъ. Макдональдъ спокойно объяснилъ, что не оставлялъ Франціи потому, что у него были жена и дѣти, и что многіе офицеры бѣжали вовсе не изъ привязанности къ династіи, а отъ долговъ и грязныхъ дѣлъ. «Я презираю преступленія революціи, но армія въ нихъ не участвовала, — прибавилъ маршалъ:— да и какъ мнѣ не любить революцію? она меня воспитала, вознесла на высшую степень почестей и, благодаря ей, я имѣю честь обѣдать за королевскимъ столомъ, рядомъ съ вашимъ высочествомъ». Графъ д'Артуа отвѣчалъ, что онъ цѣнитъ такую откровенность. Правда, Макдональдъ немножко скоро призналъ перемѣну правленія во Франціи и ея превращеніе изъ имперіи въ королевство, но къ этому побудилъ его, какъ и другихъ маршаловъ, невыносимый гнетъ наполеоновскаго деспотизма, да и признавъ однажды Бурбоновъ, Макдональдъ остался имъ вѣренъ и не перешелъ опять на сторону Наполеона послѣ его возвращенія съ Эльбы. Мемуарамъ, занимающимъ 420 страницъ, предпослано обширное предисловіе почти въ сто страницъ, написанное членомъ французской академіи Камилломъ Руссе и заключающее въ себѣ подробную біографію маршала съ оцѣнкою его военныхъ дѣйствій. Почтенный академикъ, весьма мало компетентный въ вопросахъ стратегіи, отзывается, конечно, о своемъ героѣ въ тонѣ панегирика, но изъ его статьи видно, что маршалъ началъ писать свои воспоминанія въ 1825 году, когда ему было уже 60 лѣтъ, чтобы оставить наслѣднику своего имени, только что родившемуся отъ третьей жены, ясное понятіе о жизни отца. Руссе говоритъ, что мемуары не назначались къ печати, что языкъ ихъ, не претендуя на литературную обработку, часто неправиленъ, отрывистъ, изложеніе во многихъ мѣстахъ сбивчиво и требуетъ коментарій. Все это совершенно вѣрно, но тогда для чего же было ждать почти 70 лѣтъ и только теперь обнародовать записки «въ интересахъ и для большей выгоды исторіи, какъ и для доброй славы маршала». Но интересы исторіи требуютъ, чтобы документы очевидцевъ какой либо эпохи являлись своевременно, а не тогда, когда все давно уже высказано о людяхъ и событіяхъ даннаго времени. Да и слава общественнаго дѣятеля основывается не на его личныхъ разсказахъ, а на ея признаніи другими лицами. Внучка маршала, поручая Руссе издать мемуары, говоритъ, что «пришло время поднять покровъ, скрывавшій ихъ». Не пришло, а скорѣе прошло, думаемъ мы. Воспоминанія Макдональда прочтутся съ интересомъ лицами, изслѣдующими событія послѣдняго времени, но не внесутъ ничего новаго въ сокровищницу исторіи. Правдивость ихъ автора не подвержена сомнѣнію, и однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ невольно останавливаешься и спрашиваешь себя: такъ ли все слышалъ авторъ, какъ передаетъ въ своихъ запискахъ? Послѣ взятія Парижа, Александръ I давалъ обѣдъ французскимъ маршаламъ, бывшимъ въ столицѣ, и военному министру. Никто изъ иностранцевъ, даже русскіе генералы, не были приглашены на обѣдъ; императоръ, очевидно, хотѣлъ избѣжать всякихъ столкновеній въ мнѣніяхъ и взглядахъ лицъ разныхъ національностей и хотѣлъ узнать сужденія только однихъ французовъ. Между тѣмъ, Макдональдъ разсказываетъ, что когда Александръ I благосклонно отозвался о Наполеонѣ, кто-то спросилъ, не было ли причиною разрыва между двумя императорами то обстоятельство, что Наполеонъ вдругъ прервалъ перего-

воры о своемъ бракѣ съ русскою великою княжною и обратился къ Австріи. Александръ отвѣчалъ: «я могъ бы оскорбиться этимъ разрывомъ, тѣмъ болѣе, что, какъ можетъ засвидѣтельствовать герцогъ Виченцскій, сказалъ, что нахожу этотъ союзъ приличнымъ (convenable), но сестра моя еще не достигла лѣтъ замужества, и я боюсь сильной опозиціи со стороны моей матери. Но я, всетаки, постараюсь склонить ее къ этому браку и со временемъ, къ тому же необходимымъ для развитія моей сестры, надѣюсь, можетъ быть, побѣдить ея сопротивленіе. Наполеонъ принялъ мои слова за отказъ и прекратилъ переговоры, такъ какъ дѣло шло о вопросахъ семейныхъ, а не политическихъ». Сверхъ того, императоръ началъ объяснять маршаламъ, что, не смотря на свое самодержавіе, онъ не имѣетъ никакой власти надъ особами женскаго пола въ своемъ семействѣ, зависящими вполнѣ отъ своихъ матерей. Вся эта сцена, въ которой французскіе генералы толкуютъ о семейныхъ дѣлахъ русскаго императора, кажется намъ весьма неправдоподобною.

— Появились два первые выпуска шестого изданія «Всеобщаго словаря современниковъ» (Dictionnaire universel des contemporains) Ваперо. Этотъ колоссальный трудъ, издававшійся втеченіе 35 лѣтъ съ 1858 года, составитъ къ концу нынѣшняго года шесть огромныхъ томовъ біографій замѣчательныхъ европейскихъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ науки, искуства, литературы, политики, промышленности и вообще служенія обществу. Эти томы составятъ библіотеку въ 12.000 страницъ компактной печати въ 2 столбца, не считая пяти дополненій, выходившихъ въ разные сроки. Каждое новое изданіе являлось въ переработанномъ видѣ, такъ какъ всѣ лица, умершія въ это время, исключались изъ словаря и замѣнялись новыми дѣятелями, а біографіи оставшихся въ живыхъ пополнялись новыми свѣдѣніями о ихъ продолжающейся дѣятельности. Въ выходящемъ нынѣ изданіи принято весьма полезное нововведеніе: всѣ лица, сдѣлавшіяся чѣмъ либо извѣстными въ наше время, но умершія до 1890 года, не исключены изъ словаря, а внесены въ примѣчанія на каждой страницѣ подъ соотвѣтствующимъ алфавитомъ живыхъ людей, съ краткими указаніями на родъ ихъ дѣятельности и тѣ томы прежнихъ изданій, гдѣ помѣщены ихъ біографіи. Это возстановляетъ, такимъ образомъ, связь между всѣми дѣятелями нашего времени. Почтенный составитель словаря признается, что онъ рѣдко пользовался доставляемыми ему личными указаніями разныхъ дѣятелей, такъ какъ трудъ его имѣетъ въ виду не удовлетвореніе тщеславія отдѣльныхъ личностей, а общую пользу. И надо сознаться, что всѣ сообщенныя имъ свѣдѣнія, отличаясь строгою точностью фактовъ, скупы на оцѣнку значенія современныхъ лицъ. Въ концѣ предисловія авторъ замѣчаетъ, что обычныя границы человѣческихъ силъ и жизни не даютъ ему надежды на продолженіе своихъ трудовъ по послѣдующимъ изданіямъ, которыя онъ долженъ предоставить другимъ болѣе свѣжимъ силамъ. Ваперо теперь 73 года и, кромѣ своего словаря современниковъ и множества серьезныхъ статей въ большихъ энциклопедіяхъ, онъ выпустилъ въ свѣтъ еще два изданія «Всеобщаго словаря литературы», гдѣ, кромѣ біографій писателей всѣхъ вѣковъ и народовъ, помѣщены разборы и оцѣнки главныхъ выдающихся произведеній человѣческаго ума, теорія и исторія всѣхъ родовъ литературы, академій, театровъ, журналистики, лингвистики, библіографія всѣхъ историческихъ произведеній, относящихся къ этой области творчества, и пр. Нельзя не относиться съ полнымъ уваженіемъ къ такимъ трудамъ и такимъ лично-

стямъ, особенно когда вспомнишь судьбу разныхъ словарей въ другихъ странахъ, гдѣ многотомныя изданія или не оканчиваются, или никуда не годятся, а небольшія, даже спеціальныя, въ родѣ художественныхъ энциклопедій, засѣвъ на второмъ томѣ, такъ и не выдаютъ послѣдняго третьяго, оставляя читателей съ неоконченнымъ и поэтому ни къ чему ненужнымъ словаремъ, хотя за первые томы его внесены деньги впередъ на его окончаніе.

— Для удовлетворенія стремленій конца нашего вѣка къ чудесному, Уардъ издалъ «Оракулы Нострадамуса (Oracles of Nostradamus) съ новыми коментаріями. Этотъ странный докторъ, практиковавшій въ Салонѣ, маленькомъ городкѣ между Марселемъ и Авиньономъ, и умершій въ 1566 году въ сумасшествіи, издалъ въ 1555 году свои «Центуріи» и «Предсказанія», составившія ему извѣстность ученаго, магика и астролога. Екатерина Медичи и Генрихъ II совѣтовались съ нимъ, а Карлъ IX сдѣлалъ его придворнымъ докторомъ и далъ ему богатую награду; но въ своемъ отечествѣ пророка считали помѣшаннымъ и не старались разбирать его чрезвычайно темныя предсказанія, изложенныя варварскими стихами. Зато впослѣдствіи находилось много охотниковъ истолковывать его четверостишія, наполовину наполненныя искаженными греческими и латинскими словами, и изобрѣтенными самимъ Нострадамусомъ. Пророкъ не видѣлъ въ будущемъ ничего утѣшительнаго: онъ предсказываетъ только войны, убійства, злодѣянія, горе всему человѣчеству. Уардъ горячо доказываетъ, что предсказатель не былъ обманщикомъ, но трудно повѣрить, чтобы умный и образованный человѣкъ серьезно утверждалъ, что даже пророчества перешли къ нему по наслѣдству изъ колѣна Иссахарова, такъ какъ онъ былъ еврейскаго происхожденія и только отецъ его перешелъ въ христіанство. Въ одномъ изъ его четверостишій увидѣли предсказаніе о смерти Генриха II, убитаго на турнирѣ: оно начиналось слѣдующими стихами:

«Le liòn ieune le vieux surmontera
«En champ bellique par singulier duelle».

Это еще болѣе увеличило его извѣстность, но въ большей части случаевъ толкованія его коментаторовъ были натянуты и произвольны, или далеко не оправдывались. Приводимъ одно изъ самыхъ знаменитыхъ его пророчествъ, отчасти и до насъ касающееся, но исполненіе котораго—еще въ далекомъ будущемъ:

«Чрезъ двѣсти лѣтъ на рогъ луны
«Поднимется медвѣдь,
«Но если быкъ, пѣтухъ дружны,
«Медвѣдю ихъ не одолѣть.

«А черезъ двадцать лѣтъ потомъ
«Исламъ пусть знаетъ страхъ:
«Возникнетъ крестъ, а рогъ луны
«Сотрется и падетъ во прахъ».

СМѢСЬ.

Годичное собраніе русскаго историческаго общества. 27-го февраля происходило въ Аничковскомъ дворцѣ, подъ предсѣдательствомъ государя императора, при участіи наслѣдника цесаревича и великаго князя Владиміра Александровича, годичное общее собраніе русскаго историческаго общества. По открытіи засѣданія, предсѣдатель общества А. А. Половцевъ прочелъ отчетъ о дѣятельности общества за 1890 и 1891 годы. Со дня послѣдняго общаго собранія общества изданы были 73—81 томы и, кромѣ того, приступлено къ печатанію: проф. Трачевскимъ—82-го тома о сношеніяхъ съ Франціею послѣ 1804 г., проф. Сергѣевичемъ — 83-го тома о Екатерининской комисіи 1767 г., Н. Ѳ. Дубровинымъ — 84-го тома бумагъ графа Киселева, сообщенныхъ графомъ Д. А. Милютинымъ, 85-го тома дипломатическихъ сношеній Московскаго государства съ Крымомъ и Турціею. Томъ этотъ остановился въ печатаніи, вслѣдствіе смерти Г. Ѳ. Карпова. Нынѣ членъ общества Д. Ѳ. Кобеко и профессоръ Петербургскаго университета Смирновъ приняли на себя докончить начатый покойнымъ Г. Ѳ. Карповымъ трудъ. По окончаніи чтенія отчета, нѣкоторыми членами общества были прочитаны изготовленные ими опыты біографій, а именно: К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ «о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ», статья, назначенная для біографическаго словаря; Я. К. Гротомъ «о заслугахъ для русскаго языка филолога, академика Александра Христофоровича Востокова»; Н. Ѳ. Дубровинымъ изъ жизнеописанія императора Николая 1—два эпизода: «юность императора», а затѣмъ «распоряженія его относительно защиты Севастополя». Въ заключеніе государь императоръ выразилъ желаніе объ избраніи въ почетные члены общества великаго князя Константина Константиновича, президента академіи наукъ. Общее собраніе членовъ общества приняло къ исполненію такое выраженіе воли августѣйшаго почет-

наго предсѣдателя. Затѣмъ, на основаніи §§ 29, 31 и 45 устава общества, приступлено было къ перензбранію должностныхъ лицъ общества, окончившихъ сроки служенія, причемъ единогласно выбраны на новое трехлѣтіе, въ должность предсѣдателя—А. А. Половцевъ; вице-предсѣдателя—А. Ѳ. Бычковъ, секретаря — Г. Ѳ. Штендманъ; казначея — Е. М. Ѳеоктистовъ и въ члены совѣта—В. И. Сергѣевичъ. Состоявшееся годовое собраніе общества, подъ предсѣдательствомъ государя, было счетомъ двадцать пятое послѣ принятія его величествомъ званія почетнаго предсѣдателя общества.

Памятникъ Н. В. Гоголю. 21-го февраля исполнилось 40 лѣтъ со дня кончины Н. В. Гоголя. Вотъ въ какомъ положеніи находится дѣло о памятникѣ великому писателю. 1-го августа 1880 года послѣдовало разрѣшеніе обществу любителей россійской словесности открыть повсемѣстную въ имперіи подписку на составленіе капитала для сооруженія памятника Н. В. Гоголю въ Москвѣ. Полученное разрѣшеніе помогло обществу уже къ 1 января 1885 года собрать на памятникъ 10,779 руб. 13 коп., а потомъ этотъ капиталъ постепенно возросталъ. Ко дню сорокалѣтней годовщины капиталъ, собранный на памятникъ Н. В. Гоголю, достигъ до пятидесяти восьми тысячъ. Въ эту сумму, между прочимъ, наслѣдникъ цесаревичъ, «глубоко сочувствуя мысли о сооруженіи въ Москвѣ памятника Н. В. Гоголю», 17-го октября 1890 г. назначилъ свой вкладъ въ тысячу рублей, который и былъ полученъ обществомъ. Въ довершеніе всего государь 27 декабря 1890 г. разрѣшилъ цесаревичу принять подъ свое покровительство учрежденный при обществѣ любителей словесности комитетъ по сооруженію памятника Гоголю. Остается отъ души пожелать, чтобы комитетъ успѣшно довелъ сборъ пожертвованій до достаточной суммы, и чтобы ко времени пятидесятилѣтія со дня кончины Н. В. Гоголя Москва украсилась новымъ памятникомъ.

Пятидесятилѣтній юбилей проф. Благовѣщенскаго. Членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія Николай Михайловичъ Благовѣщенскій праздновалъ 13-го февраля полувѣковой юбилей своей учено-литературной дѣятельности. Юбиляру принадлежитъ масса филологическихъ работъ, изъ которыхъ пользуются большею извѣстностью монографія «Горацій и его время», лекціи объ Ювеналѣ, переводы изъ Горація и сатиры Персія съ историко-литературнымъ введеніемъ. Кромѣ учено-литературной извѣстности, юбиляръ извѣстенъ еще своею педагогическою дѣятельностью. Какъ профессоръ Казанскаго университета, Н. М. первый обратилъ вниманіе на художественные образы класической скульптуры, затѣмъ въ своихъ многочисленныхъ статьяхъ подробно выяснилъ художественное значеніе греческой пластики и античной скульптуры позднѣйшихъ эпохъ. Послѣдними произведеніями Н. М. Благовѣщенскаго являются бытовой очеркъ подъ названіемъ «Римскіе кліенты Домиціанова вѣка» («Русская Мысль», 1890 г.) и характеристика «Винкельманъ и позднія эпохи греческой скульптуры», изданная отдѣльною книгою въ прошломъ году. Заботясь о распространеніи художественныхъ знаній, юбиляръ еще въ 1864 г. поднялъ вопросъ о необходимости устроивать губернскіе художественные музеи. Н. М. Благовѣщенскій родился въ Петербургѣ въ 1821 г., отецъ его былъ законоучителемъ Маріинскаго института. Окончивъ курсъ въ главномъ педагогическомъ институтѣ съ золотою медалью, Н. М. отправился въ 1842 г. за границу, гдѣ занялся основательнымъ изученіемъ исторіи античнаго искуства подъ руководствомъ Беккера, римской литературы подъ руководствомъ Вера, древне-класической филологіей у проф. Германа и археологіей у Крейцера, автора знаменитой «Символики.» Съ 1845 по 1852 г. юбиляръ читалъ римскую словесность въ Казанскомъ университетѣ. Его первая статья въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» «О судьбахъ римской трагедіи» заинтересовала знатока класической литературы П. М. Леонтьева, который пригласилъ Н. М. въ число постоянныхъ сотрудниковъ сборника

«Пропилеи», издававшагося въ 50-хъ годахъ. Въ 1852 г. юбиляръ переселился въ Петербургъ и былъ приглашенъ читать лекціи римской литературы въ Петербургскомъ университетѣ и главномъ педагогическомъ институтѣ. Професорскую каѳедру Н. М. занималъ до 1872 г., когда былъ назначенъ коронннымъ ректоромъ Варшавскаго университета. Въ 1883 г. онъ назначенъ членомъ совѣта министра народнаго просвѣщенія. Какъ професоръ, Н. М. всегда былъ готовъ придти на помощь словомъ и дѣломъ своимъ слушателямъ и потому имѣетъ массу почитателей между своими многочисленными учениками. Въ день юбилея Н. М. пришлось получить болѣе сотни привѣтственныхъ телеграмъ и писемъ: изъ нихъ были телеграмы отъ Казанскаго университета, отъ историко-филологическихъ факультетовъ Московскаго и Варшавскаго университетовъ, отъ редакціи «Филологическаго Обозрѣнія», отъ профессоровъ К. Н. Бестужева-Рюмина, Варсукова, Булича, Д. И. Иловайскаго, Цвѣтаева и др. Предсѣдательница московскаго археологическаго общества графиня Уварова извѣстила юбиляра объ избраніи его въ дѣйствительные члены общества. Юбилей праздновался скромно, юбиляра, между прочимъ, посѣтили директоръ Публичной библіотеки А. Ѳ. Бычковъ, члены совѣта министра народнаго просвѣщенія, профессора Петербургскаго университета: Помяловскій, Кондаковъ, Ламанскій и др.

Диспутъ въ университетѣ. 2-го февраля, въ Петербургскомъ университетѣ кандидатъ С. М. Середонинъ защищалъ диссертацію подъ заглавіемъ: «Сочиненіе Джильса Флетчера (Of the Russian common wealth), какъ историческій источникъ», представленную имъ въ историко-филологическій факультетъ для полученія степени магистра русской исторіи. С. М. Середонинъ, сынъ священника, родился въ Петербургѣ въ 1860 г. Среднее образованіе получилъ въ 6-й Петербургской гимназіи, по окончаніи курса которой въ 1879 г. съ золотою медалью, поступилъ на историко-филологическій факультетъ здѣшняго университета. Въ 1883 г. окончилъ курсъ со степенью кандидата и въ томъ же году оставленъ при университетѣ для подготовленія къ профессорской дѣятельности. Съ 1885 г. преподаетъ исторію въ гимназіяхъ: Царскосельской женской и княгини Оболенской, также въ пріютѣ принца Ольденбургскаго. Въ 1884 г. напечаталъ въ «Чтеніяхъ общества исторіи и древностей» переводъ нѣкоторыхъ англійскихъ извѣстій о Россіи изъ сборника Гаклюйта; въ 1885 г. въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія» «Обзоръ извѣстій англичанъ о Россіи второй половины XVI вѣка»; въ 1891 г. въ «Библіографѣ» «Извѣстія иностранцевъ о вооруженныхъ силахъ Московскаго государства въ концѣ XVI вѣка». Сочиненіе, послужившее М. С. Середонину для полученія ученой степени, представляетъ интересное историческое изслѣдованіе въ области русской исторіи второй половины XVI вѣка. Какъ извѣстно, конецъ XVI столѣтія — одна изъ интересныхъ эпохъ русской исторіи; успѣхи на Востокѣ и неудачи на Западѣ, торжество государственнаго единства и монархическаго начала и зародыши грядущей смуты, преобразованія центральнаго и мѣстнаго управленія, усиленная народная колонизація и начало прикрѣпленія земледѣльца къ землѣ,—вотъ главнѣйшіе вопросы, приковывавшіе къ себѣ вниманіе изслѣдователей. Иностранныя сочиненія о Россіи вообще занимаютъ не особенно высокое мѣсто среди источниковъ науки. Исключеніе изъ нихъ составляетъ сочиненіе Джильса Флетчера, занимающее столь почетное мѣсто, что нѣтъ ни одного самостоятельнаго научнаго труда по русской исторіи XVI вѣка, въ которомъ не встрѣчались бы ссылки на сочиненіе Флетчера. Дисертація г. Середонина состоитъ изъ четырехъ главъ: 1) историко-географическія извѣстія, 2) извѣстія о населеніи, его бытѣ—внѣшнемъ, соціальномъ и экономическомъ; 3) извѣстія о власти, ея отношенія къ подданнымъ, къ церкви, къ думѣ боярской и 4) извѣстія объ управленіи—административномъ, церковномъ, судопроизводствѣ, финансовомъ и военномъ.

Официальными опонентами были професоръ С. Ѳ. Платоновъ и приватъ-доцентъ А. С. Лаппо-Данилевскій. Первый опонентъ, отозвавшись съ большою похвалою о трудѣ молодого ученаго, указалъ на встрѣчающіяся въ немъ погрѣшности. Главнымъ образомъ промахи обнаруживаются въ повтореніяхъ фактовъ, въ недостаточной строгости распредѣленія матеріала и въ подчиненности авторитету Ключевскаго, къ выводамъ котораго, иногда не совсѣмъ вѣрнымъ, дисертантъ не рѣшается отнестись критически. Было также указано на то, что дисертантъ въ трудѣ нѣкоторые вопросы не дорѣшилъ. Второй опонентъ въ своемъ возраженіи касался частностей въ дисертаціи. Самый большой недостатокъ, по мнѣнію г. Лаппо-Данилевскаго, это часто встрѣчающаяся въ книгѣ неточность выраженій. По окончаніи диспута, который велся весьма оживленно, историко-филологическій факультетъ единогласно призналъ М. С. Середонина достойнымъ получить степень магистра русской исторіи.

Медали въ память Джона Говарда. Наше юридическое общество присудило по малой золотой медали и по тысячѣ франковъ за лучшее сочиненіе о значеніи Джона Говарда въ исторіи тюремной реформы инспектору тюремъ въ Лондонѣ Артуру Гриффису и секретарю парижскаго тюремнаго общества Альберту Ривьеру. Надняхъ какъ медали, такъ и денежныя преміи отправлены по назначенію. Медали приготовлены петербургскимъ монетнымъ дворомъ. На лицевой сторонѣ изображеніе профиля Джона Говарда съ надписью кругомъ «Alios salvos fecit. Vixit propter alios» (Другихъ исцѣлялъ. Жилъ для другихъ). На оборотной сторонѣ — имя награжденнаго лица и надпись. «In memoriam Iohannis Hovardii, qui vitam suam miseris consecraiit, egregio hujus operum historici (Въ память Іоганна Говарда, посвятившаго жизнь свою несчастнымъ, искусному лѣтописцу его дѣяній). Въ настоящее время изготовляются по особому чертежу почетные отзывы и дипломы на посланныя уже медали.

Торжественное годовое засѣданіе Славянскаго общества 16-го февраля собрало многочисленную публику. На эстрадѣ была водружена хоругвь общества. Предсѣдательствовалъ Ѳеогностъ, епископъ владимірскій. Засѣданіе было открыто пѣніемъ тропаря св. Кириллу и Меѳодію, исполненнаго хоромъ г. Архангельскаго. Графъ Н. П. Игнатьевъ съ каѳедры прочелъ выдержки изъ отчета о дѣятельности общества за истекшій годъ. Почетныхъ членовъ было 36, пожизненныхъ — 66 и дѣйствительныхъ — 367. Втеченіе года были избраны вновь: въ почетные—г-жа Морозова и въ пожизненные—о. Іоаннъ Сергіевъ (кронштадтскій). Общество понесло утраты въ лицѣ покойныхъ почетныхъ членовъ: генерала Мирковича, проф. Кояловича, о. Наумовича, митрополита Платона, проф. Н. Попова и проф. Первольфа. Составъ совѣта общества послѣ истекшаго трехлѣтія былъ избранъ снова тотъ же. Общихъ собраній было 8, изъ нихъ 5 торжественныхъ. Попечительство надъ славянами, обучающимися въ Москвѣ, выдавало пособія пятнадцати молодымъ людямъ и израсходовало на нихъ 2.967 руб. Есть основаніе думать, что средства этого попечительства увеличатся и улучшатся на столько, что можно будетъ скоро открыть общежитіе для молодыхъ учащихся славянъ. Издательская дѣятельность общества продолжается. Особая комисія, учрежденная обществомъ для наблюденія за поведеніемъ славянской молодежи, живущей въ Петербургѣ, и для призрѣнія славянъ прибывающихъ, дала возможность нѣсколькимъ молодымъ людямъ подготовиться въ высшія учебныя заведенія и нѣсколькимъ—пріискать себѣ мѣста и занятія. Общество имѣетъ 39 стипендіатовъ и 6 стипендіатокъ; кромѣ того, 11 лицъ получаютъ пособія для взноса платы за слушаніе лекцій въ университетъ и военно-медицинскую академію. Балансъ выразился приходомъ въ 48.840 рублей и расходомъ въ 46.354 рубля, всего же въ распоряженіи общества состоитъ капиталъ въ 220.679 рублей. Чтеніе отчета графъ Н. П. Игнатьевъ закончилъ указаніемъ

на необходимость обезпечить бывшихъ раненыхъ добровольцевъ 1876 года и ихъ семей, составляющихъ болѣе 80 человѣкъ. На помощь имъ общество можетъ отчислить только 1.600 рублей изъ своихъ средствъ и потому нуждается въ посильныхъ пожертвованіяхъ. Собранныя въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая 10.000 рублей были представлены графомъ Н. П. Игнатьевымъ въ особый комитетъ Наслѣдника Цесаревича, для снабженія учащихся въ епархіальныхъ школахъ дѣтей теплою пищею. Графиня Е. Н. Игнатьева обошла съ тарелкою присутствовавшихъ для сбора посильныхъ даяній на теплую пищу дѣтямъ въ школахъ. Профессоръ духовной академіи С. А. Соляртинскій прочелъ статью «О злобѣ дня», посвященную характеристикѣ стоицизма и терпѣнія русскаго человѣка, переносящаго трудное время неурожая. Хоръ исполнилъ Гусситскую пѣсню, Д. Л. Мордовцевъ прочелъ съ каѳедры прочувствованную статью, посвященную памяти покойнаго проф. Первольфа, извѣстнаго лингвиста и поборника славянскихъ идей. Онъ умеръ неожиданно, въ разгаръ бесѣды въ интеллигентномъ кружкѣ о гусситскомъ движеніи. Онъ, уроженецъ Чехіи, принужденъ былъ оставить свою родину и только подъ гостепріимнымъ кровомъ Россіи могъ найдти возможность осуществить проведеніе въ жизнь славянскихъ идей. Труды его многочисленны и изъ нихъ выдается особенно его сочиненіе «Германизація балтійскихъ славянъ», въ которомъ описывается многовѣковая борьба славянъ съ давленіемъ запада. Въ виду того, что, за отказомъ В. В. Комарова редактировать «Славянскія Извѣстія», послѣднія перестали существовать, на ихъ мѣстѣ возникло «Славянское Обозрѣніе». Изъ перваго номера этого органа профессоръ духовной академіи г. Пальмовъ прочелъ статью для того, чтобы ознакомить присутствующихъ съ духомъ и направленіемъ новаго журнала. Публика прослушала очень красивую въ музыкальномъ отношеніи сербскую пѣсню «Война труба». Затѣмъ секретарь общества прочелъ статью профессора Варшавскаго университета г. Будиловича, посвященную чествованію памяти знаменитаго въ свое время чешскаго педагога, энциклопедиста и ученаго Іоанна Аммоса Коменскаго, со дня рожденія котораго 16-го марта нынѣшняго года исполнится 300 лѣтъ. Онъ училъ, что школы должны быть мастерскими человѣчества. Онъ выработалъ цѣлую энциклопедію школьнаго дѣла, обнимающую философскія, историческія, математическія и другія стороны школы. Онъ же проектировалъ пансофистическую коллегію. Сборъ въ пользу дѣтей въ церковно-приходскихъ школахъ далъ 330 руб., суммы этой вполнѣ достаточно, какъ объявилъ графъ Н. П. Игнатьевъ, для снабженія теплой пищей двухъ училищъ. Собраніе закончилось кантатою, исполненною хоромъ г. Архангельскаго.

Открытіе подземнаго города въ Туркестанѣ. Лейтенантъ англійской службы Бойеръ сообщилъ бенгальскому азіатскому обществу объ открытомъ имъ, въ восточномъ Туркестанѣ, древнемъ городѣ, съ давнихъ поръ уже никѣмъ не обитаемомъ. Онъ находится вблизи Шахъ-Яра, и народная молва приписываетъ его постройку королю Афрасіабу, современнику Рустана, герою персидскаго эпоса, жившему за шесть столѣтій до Р. Х. и погибшему въ одной изъ предпринятыхъ персами экспедицій въ Индію. Всѣ почти дома этого древнѣйшаго изъ городовъ, сооруженнаго въ эпоху бо́льшаго могущества Персидскаго царства, сокрыты подъ землею и сообщаются съ ея поверхностью подземными ходами. Каждый домъ состоитъ изъ келій, длиною и шириною въ сажень, стѣны которыхъ сверху до низу испещрены рисунками геометрическихъ фигуръ. Бойеръ полагаетъ, что въ окрестностяхъ Шахъ-Яра должны находиться и другіе подземные города. Въ той же мѣстности встрѣчаются кирпичныя постройки, на подобіе башенъ, назначеніе которыхъ остается неизвѣстнымъ. Возлѣ одной изъ такихъ башенъ найдены: манускриптъ, писанный чернилами на 56 кускахъ березовой коры, и нѣсколько потертыхъ отъ времени монетъ. Рукопись еще никѣмъ не прочи-

тана, но полагаютъ, что она написана на такъ называемомъ индо-санскритско-татарскомъ языкѣ, на которомъ говорили въ началѣ христіанской эры жители Кокана и Кашгара. Кромѣ того, буквы рукописи схожи по характеру съ неварійскимъ письмомъ, положившимъ начало въ VII столѣтіи по Р. Х. тибетскому алфавиту.

† 1-го февраля, въ Петербургѣ извѣстный путешественникъ-изслѣдователь центральной Африки, докторъ **Вильгельмъ Юнкеръ**. Онъ родился въ 1840 г. въ Москвѣ. Его отецъ основалъ извѣстную банкирскую фирму Юнкеръ и комп. По окончаніи курса въ гимназіи при Петербургско-Петропавловской церкви, онъ посѣщалъ медико-хирургическую академію, затѣмъ слушалъ лекціи въ Дерптскомъ университетѣ и окончилъ курсъ въ Геттингенскомъ университетѣ, получивъ званіе доктора медицины. Желая отправиться въ дальнія путешествія, привести въ исполненіе свои давнишнія мечты, Юнкеръ принялся энергично изучать географію, этнографію и естествознаніе. Въ Берлинѣ онъ съ этою цѣлью посѣщалъ лекціи профессора Киперта. Въ 1869 году для испытанія своихъ силъ Юнкеръ отправился въ Исландію, въ 1872 году въ Тунисъ, въ 1874 году предпринялъ первую экспедицію въ Суданъ. Впродолженіе трехъ лѣтъ онъ изслѣдовалъ внутреннюю Африку и проникъ до горъ, окаймляющихъ сѣверо-западные берега озера Альбертъ-Ніанза. Въ результатѣ этого путешествія явились важныя дополненія въ картографіи Судана. Захворавъ африканскою лихорадкою, Юнкеръ возвратился въ Петербургъ для поправленія здоровья, но проживъ здѣсь недолго и вновь отправился въ Суданъ. На этотъ разъ онъ рѣшился изслѣдовать раздѣленіе рѣчныхъ системъ Нила и Конго и направленіе рѣки Уэлле. Въ 1882 году среди племенъ Ням-нямъ и Монбутту вспыхнулъ мятежъ, и Юнкеръ попалъ въ плѣнъ. Его родные, не получая отъ него никакихъ свѣдѣній, рѣшили, что онъ погибъ. Въ 1885 году снаряжена была экспедиція съ докторомъ Фишеромъ въ главѣ для отъисканія Юнкера. Но розыски экспедиціи окончились неудачно: она послѣ десятимѣсячныхъ безуспѣшныхъ попытокъ проникнуть далѣе озера Викторія-Ніанза возвратилась обратно. Дальнѣйшій путь оказался непроходимымъ, вслѣдствіе непріязненнаго настроенія короля Уганды, Мванга. Пробывъ слишкомъ три года въ плѣну, Юнкеръ бѣжалъ изъ плѣна въ мѣстности южной части озера Викторія-Ніанза. Онъ достигъ Занзибара и оттуда извѣстилъ о своемъ спасеніи. Во время бѣгства покойный лишился всѣхъ своихъ коллекцій и записокъ, но, всетаки, по собраннымъ матеріаламъ успѣлъ составить замѣчательную книгу о своемъ путешествіи, во многомъ опровергающую умышленно-ложныя показанія Стенлея. Къ сожалѣнію, книга написана на нѣмецкомъ языкѣ, такъ какъ покойный былъ русскимъ только по имени да по мѣсту рожденія. На англійскомъ языкѣ книга Юнкера уже явилась въ переводѣ, а на русскомъ — пока только обѣщана.

† 11-го февраля, членъ артилерійскаго комитета и заслуженный профессоръ Михайловской артилерійской академіи, генералъ-отъ-артилеріи **Николай Владиміровичъ Маіевскій**. Покойный пользовался заслуженною извѣстностью знатока балистики, имѣлъ ученую степень доктора прикладной математики и былъ избранъ за свои труды въ члены-кореспонденты академіи наукъ по разряду математическихъ наукъ. Его «Курсъ внѣшней балистики» представляетъ солидный трудъ въ нашей спеціальной артилерійской литературѣ и, впервые появившись около 1870 года, послужилъ матеріаломъ для многихъ научно-практическихъ сочиненій по части стрѣльбы. Покойному принадлежитъ много спеціальныхъ статей и сочиненій, нѣкоторыя изъ нихъ премированы михайловской преміей. Въ 1882 году напечатано его сочиненіе подъ заглавіемъ: «Рѣшеніе задачъ прицѣльной и навѣсной стрѣльбы», которое принято за руководство въ Михайловской артилерійской академіи. Помимо занятій по балистикѣ покойный много трудился по астрономіи, произ-

водя астрономическія наблюденія въ собственной небольшой обсерваторіи, устроенной въ Новоторжскомъ уѣздѣ, Тверской губерніи, и сообщая ихъ Пулковской обсерваторіи. Н. В. Маіевскій—дворянинъ Таврической губерніи, родился въ 1823 году, общее образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ въ 1843 году окончилъ курсъ со степенью кандидата математическихъ наукъ, военное образованіе — въ Михайловской артиллерійской академіи. Въ 1850 году онъ былъ приглашенъ артиллерійскимъ отдѣленіемъ военно-ученаго комитета занять должность ученаго секретаря, въ 1858 году назначенъ членомъ артиллерійскаго комитета. Еще секретаремъ комитета, Н. В. составилъ цѣнныя таблицы стрѣльбы для нашихъ крѣпостныхъ, осадныхъ, полевыхъ и горныхъ орудій, въ 60 годахъ принималъ дѣятельное участіе въ проектированіи новыхъ нарѣзныхъ береговыхъ орудій изъ литой стали, заряжаемыхъ съ казенной части. Съ 1859 года по 1890 годъ покойный читалъ балистику въ Михайловской артиллерійской академіи, получивъ въ 1876 году званіе заслуженнаго профессора. Въ 1890 году избранъ въ почетные члены Московскаго университета.

† 31-го января, въ Стрѣльнѣ **Аркадій Николаевичъ Пехисневъ**, одинъ изъ старѣйшихъ журналистовъ. Онъ родился въ 1816 году въ Орловскомъ имѣніи своего отца. Въ 1829 году А. Н. поступилъ въ Пажескій корпусъ, откуда вышелъ въ Преображенскій полкъ, въ которомъ послѣ 10 лѣтъ службы съ чиномъ штабсъ-капитана былъ отчисленъ въ безсрочный отпускъ и переведенъ въ Павловскій полкъ. Здѣсь онъ оставался недолго и назначенъ адъютантомъ къ генералъ-губернатору Восточной Сибири Муравьеву-Амурскому. Независимо отъ служебныхъ порученій, инспектированія баталіоновъ и слѣдствій, сопряженныхъ съ разъѣздами на десятки тысячъ верстъ по обширному краю, А. Н., какъ компетентный любитель и знатокъ сцены, былъ назначенъ графомъ Муравьевымъ директоромъ Иркутскаго театра, который въ то время считался лучшимъ въ провинціи. Въ управленіи театромъ онъ пользовался искреннею любовью и глубокимъ уваженіемъ всѣхъ начальниковъ, товарищей и подчиненныхъ, какъ человѣкъ гуманный, просвѣщенный и остроумный—качества, которыя сохранилъ и въ преклонныхъ годахъ. Оставивъ военную службу, А. Н. болѣе 12 лѣтъ исключительно посвятилъ журнальной работѣ, театру, для котораго написалъ 14 репертуарныхъ пьесъ, игранныхъ всѣ съ успѣхомъ, при участіи такихъ талантовъ, какъ Асенкова, сестры Самойловы, Линская, Сосницкая, Брошель, Сосницкій, Мартыновъ, Дюръ, Максимовъ и всѣ извѣстные московскіе премьеры. Не вдаваясь въ серьезную драму, А. Н. преимущественно писалъ легкія комедіи и водевили съ куплетами, съ постоянно веселымъ содержаніемъ, массою остротъ и игриво написанными ролями. Особенное вниманіе обращали его рецензіи русскихъ, французскихъ пьесъ, а главнымъ образомъ его балетныя статьи, писанныя съ знаніемъ хореграфическаго искуства. А. Н. былъ по части балета горячимъ сторонникомъ «строгаго классицизма» и ярымъ врагомъ всякихъ новшествъ. Въ балетныхъ кружкахъ А. Н. пользовался особою популярностью. Журнальное поприще А. Н. началъ въ «Сѣверной Пчелѣ» Греча, потомъ работалъ во всѣхъ театральныхъ журналахъ и газетахъ того времени, во многихъ современныхъ и преимущественно въ «Петербургской Газетѣ», болѣе 25 лѣтъ. Всѣ артисты цѣнили его мнѣніе и взгляды на искуство. Поступивъ на службу въ главное управленіе по дѣламъ печати, А. Н. былъ замѣченъ министромъ Валуевымъ и ему было назначено отвѣтственное составленіе обозрѣній (меморій) въ видѣ résumé для государя. Не смотря на ежедневныя занятія, А. Н. вечеромъ являлся въ театръ бодрый, остроумный. Онъ не оставилъ послѣ себя никакихъ матеріальныхъ средствъ, не смотря на солидное жалованье и весьма порядочный гонораръ за журнальную работу, но и при ограниченныхъ средствахъ онъ дѣлалъ много добра.

† 23-го февраля **Владиміръ Ивановичъ Головинъ**, хорошо извѣстный читающей публикѣ своими стихотворными переводами изъ шведскихъ и финскихъ поэтовъ. В. И., еще будучи воспитанникомъ псковской гимназіи, написалъ первое свое стихотвореніе и затѣмъ, позже, всѣ литературные труды свои посвящалъ сѣвернымъ поэтамъ. Блестяще и разносторонне образованный, окончивъ съ золотою медалью курсъ въ Петербургскомъ университетѣ, онъ свою служебную дѣятельность посвятилъ Финляндіи, состоя чиновникомъ финляндскаго статсъ-секретаріата и ознакомившись съ учрежденіями, исторіей и жизнью Финляндіи. Послѣдній печатный трудъ его посвященъ этому же краю. Въ 70-хъ годахъ В. И., кромѣ своихъ литературныхъ и служебныхъ занятій, владѣлъ еще образцово поставленною типографіею и своими трудами въ этой области создалъ себѣ крупную репутацію среди типографовъ, но неудачныя спекуляціи и, особенно, петербургскіе ростовщики уничтожили предпріятіе, приносившее одно время до 35 тысячъ чистаго дохода. В. И. родился во Псковѣ, въ ноябрѣ 1835 года, въ бѣдной семьѣ и самъ пробилъ себѣ дорогу, печатался почти во всѣхъ журналахъ, отдѣльно издалъ переводы поэмы Тегнера «Первое причащеніе», датскаго народнаго гимна, съ посвященіемъ принцесѣ Дагмарѣ, и поэму Стагнеліуса «Владиміръ Великій».

† Присяжный повѣренный **Осипъ Яковлевичъ Левенсонъ** кончилъ жизнь самоубійствомъ въ Москвѣ. Онъ писалъ музыкальные фельетоны въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ»; сборникъ этихъ статей вышелъ въ первоначальномъ видѣ въ двухъ томикахъ подъ заглавіемъ: «Въ концертной залѣ», второе же изданіе ихъ было значительно сокращено и озаглавлено «Изъ области музыки». Книга его обнаруживаетъ обширную начитанность автора, знакомство его съ иностранной литературой, особенно съ нѣмецкой; къ сожалѣнію, Левенсонъ придавалъ слишкомъ много значенія отзывамъ нѣмецкихъ критиковъ и выказываетъ недостаточный анализъ ихъ мнѣній. Онъ былъ большимъ поклонникомъ представителей веймарской школы и горячо отстаивалъ тенденціи Вагнера, въ русской музыкѣ былъ поклонникомъ гг. Чайковскаго и Рубинштейна, но не признавалъ теорій такъ называемой «могучей кучки». Левенсонъ самъ очень хорошо игралъ на рояли и пользовался въ Москвѣ въ концѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ большимъ авторитетомъ въ качествѣ музыкальнаго критика; его фельетонами очень интересовались. У него на дому часто игрались квартеты, тріо и почти всегда съ его участіемъ (фортепіано). Ему было 46 лѣтъ. Одинъ изъ его кліентовъ Хаджиконста далъ ему довѣренность на веденіе его дѣлъ, и Левенсонъ, поддѣлавъ этотъ документъ, заложилъ домъ, принадлежавшій его довѣрителю. Когда слухи о заложенномъ домѣ дошли до прокурорскаго надзора, Левенсонъ уѣхалъ въ Парижъ и, вернувшись въ Москву, былъ допрошенъ, въ качествѣ обвиняемаго, по производящемуся о немъ дѣлу о подлогѣ довѣренности, которая находилась въ кредитномъ обществѣ и представлена въ судъ, когда Хаджиконста прислалъ прошеніе объ уничтоженіи ея. Послѣ допроса Левенсонъ былъ отданъ на поруки своего соотечественника Малкіеля, потомъ подрядчику Селуанову, положившему за него залогъ въ 150.000 руб., и оставался на свободѣ. Когда послѣдовало распоряженіе прокурорскаго надзора объ его арестѣ, и онъ былъ вызванъ къ судебному слѣдователю, то подписалъ постановленіе о его задержаніи. Ему совѣтовали на такое постановленіе написать жалобу, но совѣта этого онъ исполнить не пожелалъ и, улучивъ минуту, вынулъ изъ кармана жилета маленькій пузырекъ въ кожаномъ футлярѣ съ ядомъ и принялъ его въ порошкѣ; съ Левенсономъ сдѣлалось дурно, были приглашены немедленно врачи, которымъ онъ сказалъ, что отравился стрихниномъ. Приняты были всѣ мѣры къ его спасенію; сдѣланы были подкожныя впрыскиванія противоядія, отъ чего онъ пришелъ на нѣсколько минутъ въ чувство, но затѣмъ его не стало.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

1.

По поводу инфлюэнцы въ Россіи.

Въ послѣднее время эпидемическій гриппъ, или инфлюэнца, принялъ, какъ извѣстно, угрожающіе размѣры пандемической болѣзни. При довольно значительномъ процентѣ смертности, инфлюэнца не щадитъ ни пола, ни возраста. Ставъ злобой дня, эта пандемія обратила на себя серьезное вниманіе спеціалистовъ-врачей, которые принялись изучать какъ характеръ, такъ и историческій ходъ развитія этой заразной болѣзни.

Западъ, очень внимательный къ своему прошлому, хорошо изучилъ свои историческіе источники и прослѣдилъ эту заразную болѣзнь съ XII вѣка включительно. Въ весьма обстоятельномъ трудѣ (Handbuch der historisch-geograph. Pathologie), появившемся въ 1881 году въ Штутгартѣ, авторъ его, докторъ Ав. Гиршъ, указываетъ на 1173 годъ, какъ на время перваго появленія инфлюэнцы въ Западной Европѣ. Съ тѣхъ поръ по 1876 годъ эпидемія гриппа свирѣпствовала въ Западной Европѣ 86 разъ, тогда какъ въ Россіи появленія гриппа извѣстно только 17 случаевъ. Чѣмъ это объяснить? Объясняется это просто тѣмъ, что наши спеціалисты, писавшіе объ эпидеміяхъ въ Россіи, черпали историческія свѣдѣнія изъ нѣмецкихъ источниковъ, что отечественными источниками они не пользовались вовсе, убѣдившись, неизвѣстно какимъ путемъ, въ узкости умственнаго кругозора нашихъ лѣтописцевъ, которые по неразвитости не могли, напримѣръ, додуматься до необходимости оставить потомству болѣе подробное описаніе симптомовъ какой либо эпидеміи, а не ограничиться однимъ только констатированіемъ факта ея появленія, какъ они это будто бы дѣлали.

Этого очевиднаго непониманія своихъ лѣтописцевъ не избѣгъ ни одинъ изъ нашихъ спеціалистовъ, и легко возможно, что это убѣжденіе и лишило ихъ возможности опредѣлить время перваго появленія многихъ эпидемій въ Россіи. Не избѣгъ этой ошибки и такой обстоятельный и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ прекрасный трудъ, какъ «Историческій очеркъ эпидемій гриппа въ Россіи» доктора медицины Ѳ. А. Протасова, который, идя по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, объясняетъ слѣдующимъ образомъ причину, почему мы не знаемъ о состояніи народнаго здравія въ древней Россіи:

«Въ таблицѣ Гирша,—говоритъ авторъ,—начинающейся съ 1173 года, указаніе на эпидемію гриппа въ Россіи находится впервые только въ 1729 году. Но первая ли это эпидемія, или до нея у насъ гриппъ бывалъ и раньше, съ точностью рѣшить этотъ вопросъ едва ли возможно, по отсутствію достаточныхъ данныхъ. Вообще о состояніи народнаго здравія въ Россіи и объ эпидеміяхъ, господствовавшихъ у насъ, мы имѣемъ очень мало свѣдѣній, особенно съ древнихъ временъ. Причины этого различны. Прежде всего изолированное положеніе нашего отечества отъ Западной Европы, трудность сношеній и отсутствіе образованныхъ и ученыхъ людей—наблюдателей, интересовавшихся, какъ на Западѣ, описаніемъ и изученіемъ повальныхъ болѣзней, а главное — полное отсутствіе

врачей. Эти причины обусловливали отсутствіе точныхъ свѣдѣній о состояніи народнаго здравія, а отдаленность положенія Россіи и трудность сношеній затрудняли проникновеніе повальныхъ болѣзней къ намъ изъ Западной Европы. Первыми историками нашего государства были монахи-лѣтописцы, которые и представляли собою образованныхъ людей своего времени, интересовавшихся судьбами своего отечества. Но они, въ силу религіозныхъ понятій, считали болѣзни, а въ особенности эпидемическія, гнѣвомъ Божіимъ за грѣхи людей, а потому только безхитростно (?) заносили въ свои лѣтописи: «того же лѣта было моровое повѣтріе», «бысть моръ великій», или «смерть люта и напрасна и скора», но какими припадками сопровождалась болѣзнь, каково было ея теченіе и распространеніе, въ эти подробности они не вдавались».

Эту же мысль, въ той или другой формѣ, можно встрѣтить у всѣхъ, писавшихъ объ эпидеміяхъ въ Россіи. Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Точно ли наши лѣтописцы-монахи и эти «образованные люди своего времени» были столь дѣтски наивны, что ограничивались одними только «безхитростными» упоминаніями объ эпидеміяхъ, не понимая, на сколько важно описаніе ихъ симптомовъ?

Уже самое поверхностное знакомство съ лѣтописцами обнаруживаетъ совершенно противоположное. Оказывается, что чрезмѣрно строгіе критики не понимали лѣтописей—da liegt der Hund begraben! Оно, положимъ, несравненно легче обвинить лѣтописцевъ въ невѣжествѣ, чѣмъ терпѣливо знакомиться съ произведеніями этихъ историческихъ лицъ, во всякомъ случаѣ достойныхъ глубочайшаго уваженія и вѣчной признательности потомства. Дѣло въ томъ, что когда лѣтописецъ говорилъ: «того же лѣта бысть моровое повѣтріе», не поясняя признаковъ болѣзни, то это просто означало, что существовавшая болѣзнь была именно моровое повѣтріе, или иначе моровая язва, чума, тоже эпидемія, столь извѣстная и въ наши дни и очень частая въ древности. Такія болѣзни не описывались, какъ обыкновенныя и всѣмъ извѣстныя; за то появленіе очень рѣдкой или ранѣе небывалой болѣзни сейчасъ же заносилось въ лѣтописи. Правда, болѣзни эти описывались кратко, не по современному, но мѣтко и вѣрно, такъ что и теперь не трудно по нимъ узнать симптомы той или другой заразной болѣзни. Точно также и инфлюэнца не могла ускользнуть отъ наблюдательности лѣтописца, и по моему мнѣнію первое появленіе ея отмѣчено имъ. Говорю—по моему мнѣнію, потому что мнѣ, неспеціалисту, незнакомому съ симптомами этой эпидемической болѣзни, понятно, трудно узнать ее въ описаніяхъ эпидемій, оставленныхъ лѣтописцами: это дѣло историка-врача. Однако, для примѣра, приведу одно изъ подобныхъ описаній лѣтописцевъ, чтобы устранить незаслуженныя нареканія на нихъ. Быть можетъ, этотъ примѣръ вызоветъ въ комъ либо изъ нашихъ спеціалистовъ по исторіи медицины желаніе заняться изслѣдованіемъ нашихъ историческихъ источниковъ.

Вотъ какъ описываетъ лѣтописецъ какую-то пандемію, свирѣпствовавшую въ Россіи во второй половинѣ XIV столѣтія.

1364 годъ былъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ для Руси. Помимо разныхъ политическихъ осложненій и неурядицъ, междоусобій удѣльныхъ князей, этотъ годъ отличался давно небывалыми атмосферическими явленіями. Вскорѣ стало извѣстно, что въ Нижнемъ Новгородѣ появилась какая-то эпидемическая болѣзнь—«моръ великъ», которая быстро охватила всѣ станы

тогдашняго Нижегородскаго уѣзда и широко потянулась далѣе по «Сарѣ и Кишѣ, по странамъ и по властямъ».

Пока смерть косила по Нижегородскому уѣзду, остальное населеніе Руси, и безъ того запуганное приближеніемъ «Божьей кары», было не мало смущено тѣмъ, что творилось у нихъ надъ головами. Втеченіе этого года, говоритъ лѣтописецъ, «бысть стрѣляніе и шибеніе громное въ Твери на соборную церковь и страшна молнія и вихри». Весь годъ длились эти ужасныя въ особенности для суевѣрнаго человѣка XIV столѣтія атмосферическія явленія. Въ сентябрѣ наступилъ новый годъ, а они, эти атмосферическія явленія, еще продолжались до слѣдующей осени. Душевное настроеніе всего населенія древней Россіи видно изъ слѣдующихъ словъ лѣтописца: «бысть знаменіе на небеси: солнце бысть аки кровь и по немъ мѣста черныя и мгла стояла съ полъ лѣта, и зной и жары бяху велиціи: лѣса, болота и земля горяше и рѣки пресохша, иныя же мѣста водяныя до конца исохша, и бысть страхъ и ужасъ на всѣхъ человѣцехъ и скорьбь велія».

Между тѣмъ, эта новая, еще никому не извѣстная эпидемическая болѣзнь, пришедшая съ юга, отъ Везвѣжа въ Нижній Новгородъ, начала постепенно распространяться. Она направилась на Рязань и на Коломну, отсюда перекинулась въ Переславль и наконецъ въ Москву. Изъ Москвы она по радіусамъ разошлась во всѣ стороны, охвативъ огромное пространство съ городами: Тверь, Владиміръ, Дмитріевъ, Суздаль и Волокъ, «и во вся грады разидеся силенъ и страшенъ».

Вопреки неосновательному обвиненію въ безхитростности, лѣтописецъ, описывая эту болѣзнь, не только даетъ вѣрное понятіе о ея признакахъ, но обнаруживаетъ удивительную для своего времени наблюдательность. Онъ отмѣчаетъ и отличаетъ двѣ заразныя болѣзни, свирѣпствовавшія въ Россіи одновременно въ 1364 году. Привожу описаніе лѣтописца дословно. «Того же лѣта моръ бысть въ Переславлѣ; болѣзнь же бысть двояка: едина—прежде, яко рогатиной, ударитъ за лопатку, или подъ грудь, противу сердца или межъ крылъ, и учинится жаръ, вскорѣ начнетъ кровію харкать и огнь зажжетъ и разваритъ и потомъ потъ велій пойдетъ, потомъ дрожь иметь, и полежавъ день единъ или два, а рѣдко того, чтобы кто полежалъ три дня, и тако умираху».

«Другіе желѣзою боляху, не единако: иному убо на шеѣ, иному же на стегнѣ, подъ пазадухою, подъ скулою, или за лопаткою, и умираху на день человѣковъ по семидесяти, по сту, и по полутораста, не токмо въ градѣ Переславлѣ, но и по всѣмъ властямъ и селамъ и монастырямъ переславскимъ».

Эти ужасныя эпидеміи появились въ первый разъ и, понятно, лѣтописецъ, поэтому, и оставилъ намъ описаніе ихъ.

Пораженный страшнымъ опустошеніемъ и паникой, распространенной свирѣпствовавшей эпидеміею, лѣтописецъ заключаетъ свое описаніе слѣдующимъ изъ глубины души вырвавшимся восклицаніемъ: «Увы! Увы! Кто возможетъ таковую сказати страшную и умиленную повѣсть?»

По словамъ того же лѣтописца, послѣдствія первой эпидеміи, а, можетъ быть, соединенныя дѣйствія ея съ другой эпидемическою болѣзнью, представляются по истинѣ ужасными: «А на Бѣлеозерѣ,—говоритъ онъ,—тогда ни единъ живъ обрѣтеся, и бысть скорбь велія по всей землѣ, и опусте вся земля и пораст лѣсомъ, и быша потомъ пустыни всюду непроходимыя».

Въ этой краткой, но живой картинѣ, изображенной лѣтописцемъ, не только имѣется толковое описаніе симптомовъ двухъ какихъ-то эпидемій, но, какъ мы видѣли, указано время, направленіе и напряженность болѣзней. Не забыты и метеорологическія явленія,—это ли не полное описаніе для скромнаго монаха столь отдаленной эпохи? **Л. Вейнбергъ.**

II.

По поводу письма г-жи Быховецъ.

Моя статья «Послѣдніе дни жизни Лермонтова» была уже отпечатана, когда въ мартовской книжкѣ «Русской Старины» за текущій годъ появилось письмо дѣвицы Быховецъ къ сестрѣ ея, отъ 5-го августа 1841 года. Происхожденіе этого письма весьма загадочно: оно найдено г. Акерманомъ случайно въ какой-то книжкѣ, купленной имъ на толкучкѣ въ Самарѣ въ 1891 году, и по содержанію своему представляетъ документъ оригинальный. Это какое-то птичье чириканье, доступное пониманію только корреспондирующихъ институтокъ. Въ немъ разсказывается урывками обо всемъ: о Лермонтовскомъ вечерѣ 8-го іюля, о дружбѣ и родствѣ съ поэтомъ, о его ссорѣ съ Мартыновымъ, о вызовѣ на дуэль, о послѣднемъ обѣдѣ въ колоніи и похоронахъ. Но провѣрить по немъ нить историческихъ фактовъ также трудно, какъ и понять самый языкъ письма. Г-жа Быховецъ пишетъ, что Лермонтовъ, спустя 4 дня послѣ вызова на дуэль, поѣхалъ въ Желѣзноводскъ, но онъ въ это время былъ уже убитъ. Далѣе говоритъ, что 15-го іюля была въ Желѣзноводскѣ и долго гуляла съ Лермонтовымъ въ паркѣ, а потомъ поѣхали и обѣдали въ колоніи. Но не была ли она въ Желѣзноводскѣ и не гуляла ли съ Лермонтовымъ въ паркѣ когда либо прежде, такъ какъ, по ея же словамъ, она, при поѣздкѣ въ Желѣзноводскъ, съ компаніей завтракала въ колоніи въ 2 часа, а обѣдала съ Лермонтовымъ на обратномъ пути въ той же колоніи въ 5 часовъ? Но трехъ часовъ для двукратной поѣздки отъ колоніи въ Желѣзноводскъ и обратно и долгой прогулки въ рощѣ—недостаточно. Всего же болѣе характеризуетъ интересъ письма заявленіе, что о дуэли Лермонтова съ Мартыновымъ никто не зналъ, кромѣ двухъ молодыхъ мальчиковъ, которыхъ они заставили поклясться, что никому не скажутъ, и что они такъ и сдѣлали. Во всякомъ случаѣ письмо это ничего новаго къ сообщеннымъ мною выше фактамъ не прибавляетъ. Въ немъ, очевидно, смѣшаны впечатлѣнія нѣсколькихъ дней въ одномъ.

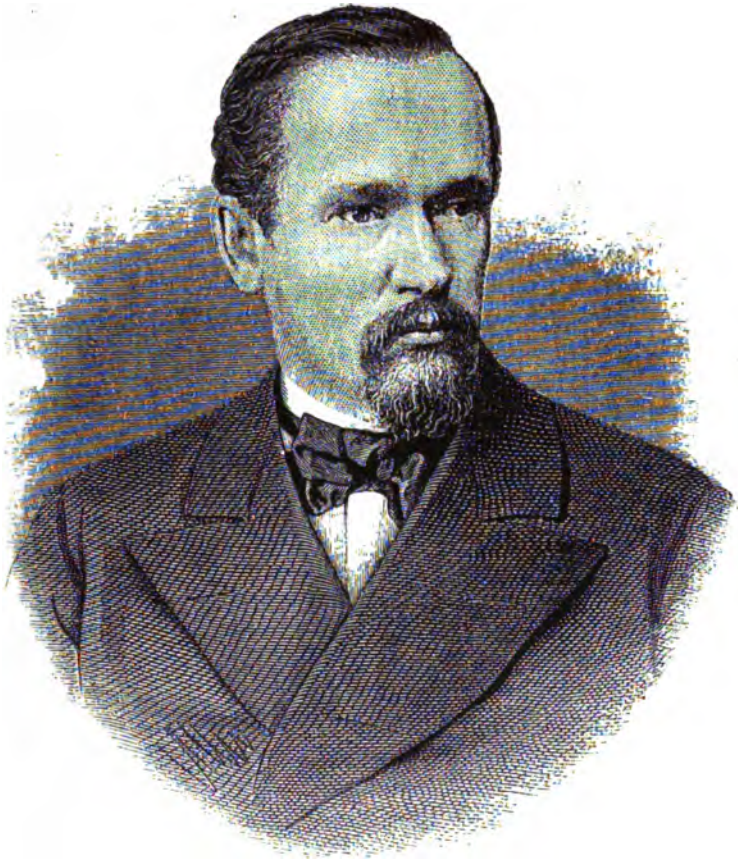
П. Мартьяновъ.

МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ.

(некрологъ).

Неожиданно, въ три дня, смерть унесла въ могилу энергичнаго работника на поприщѣ журналистики, исторіи, археологіи, публицистики, на общественной службѣ своимъ согражданамъ. Кому между сколько нибудь образованными русскими людьми неизвѣстно имя Михаила Ивановича Семевскаго, этого неутомимаго изслѣдователя нашей прошлой жизни во всѣхъ ея эпохахъ и проявленіяхъ, основателя и редактора журнала, 23-й годъ пользующагося прочнымъ и заслуженнымъ успѣхомъ, хотя и ограничивающагося изученіемъ только одной Россіи? «Русскою Стариною» Михаилъ Ивановичъ воздвигнулъ себѣ, еще при жизни, несокрушимый памятникъ, aere perennius, въ который онъ вложилъ всю свою жизнь, гдѣ онъ работалъ съ упорною, непреклонною энергіей, не только собирая и разработывая матеріалы прошлаго, но и освѣщая многіе близкіе къ нашему времени вопросы, съ тою же любовью къ правдѣ, какая всегда руководила имъ во всѣхъ его поступкахъ. Родившись въ помѣщичьей средѣ (4-го января 1837 года, въ селѣ Великолуцкаго уѣзда), получивъ воспитаніе сначала въ провинціальномъ Полоцкомъ кадетскомъ корпусѣ, потомъ въ Дворянскомъ полку, Семевскій былъ выпущенъ на службу, въ іюнѣ 1855 года, прапорщикомъ въ л.-гв. Павловскій полкъ. Еще въ корпусѣ онъ выдавался своими сочиненіями на темы по русской исторіи и литературѣ и, замѣченный на экзаменахъ Я. И. Ростовцевымъ, получилъ отъ него рекомендательное письмо къ А. Д. Галахову, въ Москву, куда отправлялся на коронацію и отрядъ Павлов-

скаго полка. Въ Москвѣ, 18-тилѣтній офицеръ вошелъ въ кругъ професоровъ и литераторовъ, началъ посѣщать университетскія лекціи и посылать въ «Русскій Вѣстникъ» и «Русское Слово» статьи историческаго и этнографическаго содержанія. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ былъ прикомандированъ, въ октябрѣ 1857 года, къ 1-му кадетскому



М. И. Семевскій.

корпусу въ должности репетитора русскаго языка и, сверхъ того, преподавалъ исторію и литературу въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ продолжалъ писать статьи историческаго содержанія и, въ 1858 году, при основаніи «Иллюстраціи» Бауманомъ, подъ редакціею В. Зотова, помѣстилъ въ одномъ изъ первыхъ нумеровъ замѣчательный

этюдъ о Кожуховскомъ походѣ. Петербургскіе журналы: «Отечественныя Записки», «Вѣстникъ Европы», «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», позднѣе «Голосъ», охотно печатали его изслѣдованія, особенно относящіяся къ эпохѣ Петра I, къ которому писатель не относился съ особеннымъ сочувствіемъ. Въ 1859 году Ушинскій пригласилъ его преподавать исторію въ Смольномъ институтѣ, гдѣ онъ оставался до 1862 года, еще прежде (въ ноябрѣ 1860 года) выйдя въ отставку изъ военной службы. Когда онъ оставилъ преподаваніе въ Смольномъ не по своей волѣ, министръ просвѣщенія, А. В. Головнинъ, пригласилъ его обозрѣть народныя школы въ разныхъ губерніяхъ. Напечатанный имъ отчетъ о состояніи этихъ школъ въ Псковской губерніи былъ замѣченъ статсъ-секретаремъ Заблоцкимъ-Десятовскимъ, пригласившимъ его служить въ государственной канцеляріи. Онъ скоро получилъ тамъ должность экспедитора, но въ 1866 году перечислился въ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія, гдѣ и оставался до закрытія этого комитета въ маѣ 1882 года. Служебные успѣхи пошли на ряду съ литературными и учеными: въ 1869 году онъ получилъ медали: за труды по устройству крестьянъ въ царствѣ Польскомъ и за труды по поземельному устройству государственныхъ крестьянъ; въ 1870 году онъ началъ издавать «Русскую Старину»; въ 1871 году былъ избранъ въ члены археографической комисіи, въ 1874 году откомандированъ въ комисію для устройства въ имперіи архивовъ, въ 1878 году назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта, въ 1882 году уволенъ отъ службы съ пенсіею въ 2.000 рублей и съ чиномъ тайнаго совѣтника. Это было блестящее завершеніе карьеры, начатой 27 лѣтъ тому назадъ съ прапорщичьяго чина. Съ неменьшимъ рвеніемъ, чѣмъ и на государственной службѣ, покойный работалъ на ученомъ и общественномъ поприщѣ. Втеченіе девяти трехлѣтій онъ былъ почетнымъ мировымъ судьею великолуцкаго мирового округа. Городъ Великія Луки избралъ его почетнымъ гражданиномъ за его плодотворное попечительство надъ женской прогимназіей и реальнымъ училищемъ. Онъ былъ почетнымъ членомъ археологическаго института, ученыхъ обществъ: ростовскаго, астраханскаго, казанскаго, одесскаго, антропологическаго, минералогическаго, древней письменности, исторіи и древностей при Московскомъ университетѣ, педагогическаго музея въ Петербургѣ, разныхъ архивныхъ комисій, дѣятельнымъ попечителемъ ремесленнаго училища и одной изъ городскихъ школъ, чле-

номъ Краснаго Креста и многихъ благотворительныхъ учрежденій, лондонскаго общества исторіи, и др. Въ 1877 году онъ былъ выбранъ въ гласные Петербургской думы и съ тѣхъ поръ втеченіе 15-ти лѣтъ неутомимо трудился на пользу города. Членъ управы и разнородныхъ думскихъ комисій, онъ два года (1883 — 1885) былъ товарищемъ городского головы и ревностно защищалъ все, что было направлено къ общему благу и пользѣ. Но въ долгой и напрасной борьбѣ съ управскими безпорядками, рутиною и халатностью, отказался отъ участія въ направленіи дѣлами городского хозяйства и остался только членомъ комисіи по народному образованію и финансовой, работая неуклонно и безкорыстно на пользу городского управленія и городского благоустройства, не оставляя вмѣстѣ съ тѣмъ и своихъ литературныхъ, ученыхъ и журнальныхъ трудовъ. Изъ 267 книжекъ «Русской Старины», вышедшихъ подъ его редакціей, едва ли найдется одна, въ которой онъ не помѣстилъ бы какихъ нибудь статей изъ огромнаго запаса своихъ замѣтокъ, рукописей, автографовъ, собранныхъ имъ во время своей трудовой жизни, изъ своей великолѣпной библіотеки книгъ и матеріаловъ, относящихся къ изученію Россіи. Также ревностно трудился онъ надъ разработкою общественныхъ и частныхъ архивовъ, продолжая въ то же время издавать отдѣльныя сочиненія по разнымъ отраслямъ отчизновѣдѣнія. Такъ, въ послѣднее время имъ изданы два тома «Архива князя Куракина», «Записки Миниха» «Слово и дѣло» (второе изданіе), «Царица Екатерина Алексѣевна», пять собраній портретовъ русскихъ дѣятелей, альбомъ «Знакомые», съ 850-ю автобіографическими замѣтками извѣстныхъ дѣятелей, «Царица Прасковья», «Сборникъ писемъ Екатерины II»; изъ прежнихъ сочиненій его замѣчательны біографіи Лопухиной, фрейлины Гамильтонъ, семейства Монсовъ, Іоанна VI Антоновича, Петра III, Елисаветы Петровны, «Сторонники царевича Алексѣя», изданіе записокъ Болотова, и др. Брату покойнаго, профессору исторіи, Вас. Ив. Семевскому, которому, по словамъ газетъ, завѣщано продолжать «Русскую Старину», предстоитъ собрать если не всѣ, то главнѣйшіе труды покойнаго по изслѣдованію русской исторіи. Онъ не внесъ никакихъ новыхъ открытій въ эту область знанія, не проложилъ въ ней новыхъ путей и не шелъ впереди другихъ, но былъ твердымъ и настойчивымъ проводникомъ, горячимъ и убѣжденнымъ распространителемъ прогресивныхъ, свѣтлыхъ и гуманныхъ идей.

Михаилъ Ивановичъ, всегда бодрый, энергичный и заня-

тый дѣломъ, говорилъ, что ему «некогда хворать», но въ половинѣ февраля заболѣлъ инфлуэнцой. Болѣзнь прошла, и въ началѣ марта морское собраніе въ Кронштадтѣ пригласило его прочесть лекцію о Петрѣ Великомъ. 6-го марта онъ поѣхалъ въ Кронштадтъ и въ тотъ же вечеръ читалъ лекцію передъ многочисленной публикой. Во время антракта онъ почувствовалъ утомленіе и съ трудомъ окончилъ чтеніе. Вернувшись въ гостинницу, онъ послалъ за врачомъ, и тотъ констатировалъ крупозное воспаленіе легкихъ. На слѣдующій день для укрѣпленія силъ прибѣгли къ шампанскому и кислороду, но болѣзнь все усиливалась. 8-го марта онъ началъ писать утромъ дѣловое письмо, но не могъ его кончить. 9-го числа, въ 2 часа начался бредъ, и въ 6 часовъ Михаила Ивановича не стало. Тѣло его, привезенное 11-го марта изъ Ораніенбаума и встрѣченное на станціи желѣзной дороги многочисленными почитателями покойнаго, въ тотъ же день прибыло въ Новодѣвичій монастырь, и на слѣдующій день погребено тамъ въ присутствіи родныхъ, знакомыхъ, литераторовъ, депутацій отъ разныхъ учрежденій, учениковъ городскихъ школъ, гласныхъ думы и др. При отпѣваніи, священникъ произнесъ краткое надгробное слово, въ которомъ упомянулъ о заслугахъ покойнаго, какъ изслѣдователя русской страны, какъ ревнителя образованія, трудившагося надъ его распространеніемъ въ городѣ и во всей Россіи, и какъ добраго человѣка, горячо любившаго дѣтей. Надъ могилой безвременно почившаго общественнаго труженика, покрывшейся грудою вѣнковъ, г. Шляпкинъ сказалъ нѣсколько словъ о значеніи Михаила Ивановича, какъ ученаго и писателя. Но изъ выдающихся писателей и ученыхъ никто не произнесъ рѣчи надъ гробомъ того, кто такъ много говорилъ рѣчей на всѣхъ поприщахъ своей плодотворной дѣятельности, и такъ много собралъ ихъ изъ разныхъ вѣковъ въ своемъ журналѣ.

— Я все знаю. Твое назначеніе при тебѣ. Вы, капитанъ Шенъ, завтра выступаете. Очень радъ за отечество!

— Ты говоришь объ отечествѣ, ты?

— Я служилъ ему и продолжаю служить съ большею пользой, чѣмъ вы: въ тяжелые дни узнаютъ мнѣ цѣну. Я возвращаюсь къ вамъ, Жанъ Шенъ, выслушайте меня, ты тоже, Картамъ; я благодаренъ случаю, который ставитъ насъ лицемъ къ лицу съ вами. Вы честные люди.

— Благодаримъ,—проговорилъ сквозь зубы Картамъ.

— Я могу говорить съ вами совершенно откровенно, — продолжалъ Фуше, не обращая вниманія на то, что его прервали.

— Ты навѣрно соврешь.

— Суди самъ. Вотъ мое мнѣніе въ двухъ словахъ. Одинъ только человѣкъ можетъ избавить Францію отъ ужасовъ втораго нашествія: это—Наполеонъ. Люблю ли я его, или нѣтъ — безразлично. Фактъ несомнѣнный, вы сами это очень хорошо знаете. Если бы вы были единственными заговорщиками, я былъ бы споконъ, но есть другіе, которые ждутъ реванша еще съ большимъ нетерпѣніемъ.

— Роялисты.

— Да, они; я знаю,—прибавилъ Фуше, понизивъ голосъ:—что эти люди не остановятся ни передъ чѣмъ, чтобы помѣшать успѣху ихъ злѣйшаго врага Наполеона. Я напрасно говорю объ этомъ, какъ о чемъ-то въ будущемъ, они уже дѣйствуютъ, и хотя, Картамъ, ты меня считаешь за дурнаго патріота, я замираю въ ужасѣ при мысли о томъ, что я подозрѣваю. Думаютъ,—тутъ голосъ его сталъ едва слышенъ,—что предатели напали на тайну и на планы сраженій.

— Этотъ слухъ дошелъ и до насъ,—замѣтилъ Картамъ.

— Неужели?... Нѣкоторые признаки заставляютъ меня думать что онъ отголосокъ истины... и я страшусь...

И онъ остановился, какъ будто эти опасенія сжимали ему горло.

Картамъ глядѣлъ на него и спрашивалъ себя, неужели въ самомъ дѣлѣ у этого человѣка, котораго было мало презирать, могли быть проблески совѣсти...

Кто самъ честенъ, тому такъ трудно вѣрить въ нечестность другаго.

— Чего же ты ждешь? Ты министръ полиціи, въ рукахъ котораго нити всѣхъ заговоровъ... Отчего же ты до сихъ поръ не схватилъ преступниковъ? Зачѣмъ не отнялъ ты у нихъ возможности наносить вредъ?

— Ахъ, до чего вы наивны!—воскликнулъ Фуше.—Министръ полиціи, стоглазый Аргусъ... Прекрасно!.. Неужели вы думаете, что всѣ заговорщики такъ же просты, какъ вы? Вѣдь вы же чест-

ные люди, вы рискуете вашею свободою, жизнью, головою. А вѣдь другіе, настоящіе-то преступники, превращаются въ нѣчто микроскопическое, невидимое, неуловимое. Вы кричите о вашихъ замыслахъ, они не говорятъ о нихъ даже шепотомъ. Развѣ Іисусъ зналъ Іуду? Одинъ изъ васъ предастъ меня, который? И апостолы, подобно вамъ, ни о чемъ не догадывались. Я искалъ и ничего не знаю, ничего не вѣдаю и ничего не могу подѣлать; знаю одно, что, быть можетъ, въ эту самую минуту по дорогѣ къ сѣверу несется человѣкъ, который уноситъ съ собой безопасность и честь Франціи.

И патріотъ Фуше съ грустью склонилъ голову.

— Но неужели нѣтъ никакихъ указаній, по которымъ можно было бы напасть на слѣдъ этихъ преступниковъ?

— Указанія всегда есть... у министра полиціи, — замѣтилъ съ усмѣшкою Фуше.—Но вѣрны ли они?

— Ихъ можно провѣрить.

— Положимъ. Но только помните, что я ничего не утверждаю, и если вы поступите неблагоразумно...

— Ты отречешься отъ насъ,—сказалъ Картамъ.—Будь покоенъ, какая намъ охота ссылаться на тебя?

— Дѣло въ томъ, что то, что намъ, полицейскимъ,—признаю это названіе и для себя,—кажется подозрительнымъ, для другихъ не имѣетъ никакого значенія. Знаю, что одна дама весьма уважаемаго, знатнаго рода, роялистка до фанатизма, нѣчто въ родѣ Дѣвы съ лиліей, преслѣдуетъ съ ожесточеніемъ цѣль низверженія Наполеона. Я знаю, что ея домъ центръ заговора. Это женщина ума, Катилина въ юбкѣ, у нея есть лазутчики, она въ сношеніяхъ съ иностранными державами. Вчера у нея было собраніе вандейцевъ. Сегодня утромъ она выѣхала,—куда?

— Но кто же эта женщина?

— Вы ее тоже знаете, она сегодня ночью...

И онъ продолжалъ медленно, устремивъ взоръ на Жана Шена.

— Пробралась въ ваше собраніе заговорщиковъ.

— Ея имя! ея имя!—воскликнулъ Жанъ Шенъ.

— Маркиза де-Люсьенъ, рожденная де-Салестэнь, — отвѣтилъ холодно Фуше.

Жанъ Шенъ смертельно поблѣднѣлъ.

— Вотъ видите ли, — продолжалъ Фуше, дѣлая видъ, что не знаетъ настоящей причины его волненія, — милліонерша, въ родствѣ съ самыми именитыми семьями Франціи.

— А если эта женщина предастъ Францію, чортъ ли въ ея богатствѣ, въ ея имени?—замѣтилъ Жанъ Шенъ, преодолѣвъ свое волненіе.

— Людовикъ XVI ужъ чего былъ именитаго рода,—прибавилъ Картамъ.

— Я не жду ничего хорошаго отъ этой женщины... Впрочемъ, я, кажется, увлекся и разсказалъ вамъ больше, чѣмъ слѣдовало. Воспользуйтесь этимъ по своему усмотрѣнію. Теперь вы знаете, что вы свободны... у меня много дѣла... Прощайте!

И онъ направился къ двери, чтобы проводить своихъ собесѣдниковъ.

— Извѣстно ли тебѣ, по крайней мѣрѣ,—спросилъ Картамъ,— куда направилась эта продавщица родины?...

— Нѣтъ, но объ этомъ легко догадаться. Притягательная сила дѣйствуетъ на сѣверѣ. Кстати, какая еще птичка попалась вмѣстѣ съ вами? Я велѣлъ его выпустить, не справляясь даже объ его имени. Вѣроятно, волченокъ якобинецъ.

— Не совсѣмъ-то,— отвѣтилъ Картамъ,—дворянинъ, да еще весьма знатный, славный малый, хотя роялистъ до чертиковъ, и отдѣлалъ же онъ твою полицію!

— Его имя?

— Виконтъ де-Лорисъ.

— Вотъ какъ,— замѣтилъ Фуше самымъ равнодушнымъ тономъ,—женихъ маркизы де-Люсьенъ.

Во второй разъ Жанъ Шенъ перемѣнился въ лицѣ.

Но Фуше, который торопился выпроводить посѣтителей, открылъ уже дверь; вошелъ служитель, чтобы проводить ихъ.

— Прощай, Картамъ,—проговорилъ Фуше.

— Прощай, Фуше.

Дверь закрылась за ними.

Фуше стоялъ не двигаясь, устремивъ взоръ въ стѣну.

— Чортъ возьми!—проговорилъ онъ,—не дурно устроилось. Роялисты предаютъ и мнѣ благодарны... Якобинцы узнали объ этомъ отъ меня и примутъ это во вниманіе... я остаюсь въ равновѣсіи.

XI.

Изъ всѣхъ трагическихъ кризисовъ, черезъ которые прошла Франція, тотъ, который исторія назвала именемъ, не заключающимъ въ себѣ ни хвалы, ни порицанія—кризисъ «Ста дней», одинъ изъ самыхъ печальныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ самыхъ своеобразныхъ.

Никогда Франція, обыкновенно столь опредѣленная, сознательная, даже въ своихъ ошибкахъ, въ своихъ увлеченіяхъ, не была менѣе рѣшительна.

Впродолженіе этихъ трехъ мѣсяцевъ точно не хватало ей равновѣсія, и какое-то непрерывное колебаніе нагоняло дремоту на мозгъ страны.

Странный періодъ; въ 1814 году большинство населенія привѣтствовало Бурбоновъ, какъ освободителей; послѣ всѣхъ крово-

пролитій, истощенія, это былъ покой, миръ! Тому, кто обезпечивалъ его, оно отдавалось безъ задней мысли: хартія казалась ему возобновленіемъ либеральныхъ традицій.

Но вотъ всѣ дореволюціонные мертвецы, феодалы, акробаты Людовика XIV и рядомъ съ ними всевозможные ханжи, отъ которыхъ только требовалось немножко болѣе терпѣнія и лицемѣрія, порѣшили силою вернуть Францію въ Прокустово ложе, съ котораго она сбѣжала, оставивъ на его желѣзной рѣшеткѣ клочки своего мяса и слѣды крови.

Эти воскресшіе превратились въ подстрекателей, махали своими саванами вмѣсто знаменъ, приказывая всѣмъ слѣдовать за ними, и тому, котораго вчера еще ненавидѣли, котораго вчера еще страшились, Наполеону, стоило только проявить свою смѣлость, чтобы Реставрація, это ничтожество, воздвигнутое ни на чемъ, рухнуло.

Но въ эти нѣсколько мѣсяцевъ Франція забыла, чѣмъ былъ императоръ.

Обманывая сама себя, принимая мечты за дѣйствительность, она убѣдила себя, что человѣкъ, который вернулся, былъ не тотъ, который уѣхалъ: островъ Эльба сотворилъ это чудо, это превращеніе самаго отвратительнаго деспота въ самаго кроткаго освободителя.

Для наивной массы это было торжество вѣры — пришествіе Мессіи.

Но политики не такъ относились къ положенію вещей: они требовали немедленно политическаго равновѣсія, учрежденія парламента, подчиненія исполнительной власти власти законодательной. Настала непроглядная ночь, всѣ требовали свѣта, свѣта полнаго, мгновеннаго, ослѣпительнаго.

Наполеонъ, въ высшей степени проникнутый диктаторскимъ чувствомъ, усиливавшимся увѣренностью въ томъ, что онъ одинъ въ состояніи отвратить опасность, сперва сопротивлялся, потомъ не выдержалъ; онъ согласился на уступки, которыя могли быть только временными; онъ слишкомъ хорошо зналъ людей, чтобы не понять, что разъ онъ явится побѣдителемъ, всѣ сопротивленія легко устраняются при помощи плебесцита или голосованіемъ безъ всякихъ записокъ, а послѣ побѣды онъ легко справится съ безпокойнымъ либерализмомъ. Если же онъ побѣжденъ, къ чему же тогда бороться? Онъ зналъ заранѣе свой приговоръ.

Настоящая борьба должна была происходить на почвѣ опредѣленной, вполнѣ выясненной: побѣда или пораженіе.

Политики, для которыхъ свобода заключалась въ допущеніяхъ къ правительственнымъ функціямъ, въ свою очередь очень дешево цѣнили побѣду: они въ сто разъ больше были бы довольны какимъ нибудь трактатомъ, который бы избавилъ ихъ отъ Наполеона. Народъ, болѣе искренній, еще разъ разочаровавшійся въ

Бурбонахъ, когда разглядѣлъ ихъ поближе, напуганный, полный ненависти къ иноземцамъ, отъ которыхъ онъ едва избавился, былъ готовъ на всѣ жертвы, лишь бы одержать побѣду: прежде всего сокрушить коалицію, а ужъ потомъ разобраться семейнымъ образомъ во внутреннихъ дѣлахъ.

Съ одной стороны интриги, съ другой безразсудный энтузіазмъ: чѣмъ разрѣшить все это, какъ не войною — случайно вытащенный жребій. Плебисцитъ, которому предстояло одобрить этотъ прибавочный актъ, сознавалъ незаконнорожденность такого положенія; подписалось не болѣе 130 тысячъ голосовъ. Тѣмъ не менѣе, актъ былъ утвержденъ, но къ нему отнеслись съ тѣмъ равнодушіемъ, которое доказало, какъ мало значенія придавали формальности, требовавшейся близорукими политиками. Наполеонъ зналъ, что окруженъ предателями и недоброжелателями; онъ уличилъ Фуше въ интригахъ съ иноземщиной, но онъ терпѣлъ его въ своихъ расчетахъ на будущее. Его теребили всѣ его совѣтчики, предавая его самымъ преступнымъ образомъ—одни сознательно, другіе по глупости, онъ все выносилъ, всѣ эти тираніи, которыя считалъ для себя оскорбительными, хотя онѣ иногда и скрывались подъ формой особой почтительности, въ надеждѣ воздать за все послѣ успѣха.

1-е іюня 1815 года явилось апоѳеозомъ его популярности.

Онъ, по выраженію папы, комедіантъ и трагикъ, собрался побѣдить толпу своимъ величіемъ, увлечь ее апоѳеозомъ свой силы, тронуть ее опасностью отчизны.

Съ утра пушечная пальба сзывала народъ на улицы и площади.

Этой великолѣпной театральной обстановкѣ, одна внѣшность которой долженствовала тронуть всѣ сердца, погода какъ нельзя болѣе благопріятствовала.

Все было залито лучами яркаго іюньскаго солнца.

Парижъ, воодушевленный скорѣе любопытствомъ, чѣмъ радостью, скорѣе взволнованный, чѣмъ растроганный, принялъ праздничный видъ. Рабочіе предмѣстій, буржуа изъ Marais, все контрабандное населеніе Пале-Рояля, а также элегантные фланеры бульваровъ, почтенныя торговки съ рынка, мелкія швейки, гризетки въ чепчикахъ съ цвѣтами, отъ которыхъ наши современныя корсетницы и перчаточницы сгорѣли бы со стыда, вся эта рѣка парижскаго населенія прорывалась потокомъ по бульварамъ, по улицѣ de la Paix, по улицѣ Rivoli, разливалась цѣлымъ моремъ по площади de la Concorde, на которой уличные мальчишки прыгали въ вырытыхъ по четыремъ угламъ ямахъ, или влѣзали на будки, которыя были украшены аллегорическими вѣнками, затѣмъ отливала на Champs Elysées, образуя водоворотъ, центръ котораго просачивался подъ ноги лошадей Марли, откуда

шли два теченія — одно направлялось къ Etoile, теперешнему Rond-pont, другое—къ набережной de la Conférence.

На лѣвомъ берегу происходилъ настоящій исходъ изъ св. Женевьевы въ «Grenelle»: новые бульвары — du Midi, Luxembourg, Mont Parnasse, Vaugirard, des Invalides, набережныя отъ Jardin des plantes до Corps législatif, отъ Montebello до университета и архива, въ то время помѣщавшихся на берегу рѣки за площадью Инвалидовъ,—всѣ эти пути, изъ которыхъ нѣкоторые были неокончены, были запружены группами веселыхъ студентовъ и рабочихъ съ портовъ, которые слѣдовали черезъ хмурое Сенъ-Жерменское предмѣстье. Эти вереницы прохожихъ быстро сторонились, когда шли баталіоны федератовъ, въ блузахъ, съ палками, вмѣсто обѣщанныхъ, но не выданныхъ имъ ружей, эти сомнительныя шайки, готовыя на насилія и за, и противъ какой угодно партіи.

Но какъ только раздавался рожокъ, какъ только барабанный бой возвѣщалъ о регулярномъ войскѣ, объ армейскомъ полкѣ или національной гвардіи, толпа прижималась къ стѣнамъ домовъ или къ периламъ. Офицеры, бывшіе въ запасѣ во время Реставраціи, снова ожили и, гордясь возвращенными имъ правами, важно выступали. Солдаты, большинство которыхъ пережило французскую войну, молодые, съ загорѣлыми лицами, шли быстрымъ шагомъ, точно въ желчной лихорадкѣ, съ устремленнымъ взоромъ на знамена воскресшихъ трехъ цвѣтовъ.

Въ толпѣ мало раздавалось криковъ, какой-то безотчетный страхъ мѣшалъ восторгамъ радости.

Но иногда какой нибудь ветеранъ императорской арміи съ деревянной ногой, или съ пустымъ рукавомъ безъ руки, бросался въ ряды, чтобы расцѣловать пріятеля, и, увлеченный теченіемъ, продолжалъ идти вмѣстѣ, точно колесо снова захватило его.

Въ группахъ слышались слова: Аустерлицъ, Ваграмъ, Шанпоберъ.

За полкомъ бѣжали уличные мальчишки, безъ шапокъ, волосы ихъ такъ и развѣвались по вѣтру, они лѣзли подъ ноги лошадей.

— Да здравствуетъ императоръ!—кричали звонкіе голоса, къ нимъ присоединялись и голоса взрослыхъ людей.

По словамъ одного изъ современниковъ, женщины молчали и, даже улыбаясь галантнымъ офицерамъ, казались печальными. Вдругъ, за четверть часа до 12, раздались страшные ускоренные выстрѣлы пушекъ.

Вся толпа съ площади de la Concorde ринулась къ рѣшеткамъ Тюльери.

Тутъ уже образовались цѣлыя изгороди изъ народа; солдаты заградили проходъ съ терассы къ набережной de la Conférence, и всѣ эти массы возвышались цѣлымъ куполомъ. Всѣ глаза широко раскрылись, всѣ затаили дыханіе... То былъ Наполеонъ!

По широкой аллеѣ, на фонѣ изъ зелени, отъ павильона Медичи до площади Pont-Tournant, тянулся кортежъ, вышедшій со двора Тюльери, весь сіяющій на яркомъ солнцѣ пурпуромъ, золотомъ и сталью.

Во главѣ несется гвардія, звеня кирасами и саблями, съ развѣвающимися султанами, за ними на золотыхъ осяхъ широкая, грузная коронаціонная карета, запряженная восемью громадными лошадьми, головы которыхъ исчезаютъ подъ перьями и лентами.

Карету окружаютъ блестящіе мундиры, на которыхъ лучи солнца играютъ разнообразными переливами, настоящіе костюмы комедіантовъ, развѣвающіяся перья, разлетающіеся доломаны, мельканье султановъ, пестрота аксельбантовъ, крестовъ, звѣздъ.

За ними карасиры, карабинеры, съ огненною грудью, все это великолѣпіе издали казалось метеоромъ.

Рѣшетки сада внезапно разверзлись точно отъ невидимыхъ рукъ, затѣмъ пошло: фырканье лошадей, скрипъ колесъ, цвѣта и отраженія, превратившіяся въ пестроту калейдоскопа. Сонъ величія и гордыни.

Толпа казалась нерѣшительною, скорѣе удивленною, чѣмъ восхищенною, но вотъ въ каретѣ, какъ въ золотой рамѣ, на атласномъ фонѣ, точно византійская медаль, появляется римскій профиль императора, жирный, мраморный отъ падающихъ на него тѣней перьевъ. Какъ! онъ не въ генеральскомъ мундирѣ, одѣтъ капраломъ, солдатомъ. А между тѣмъ Парижъ ждетъ солдата, на солдата возлагаетъ свои надежды.

По командѣ, сдѣланной по линіи, ружья вбрасываются, штыки поднимаются кверху и раздается звукъ стали, напоминающій хлопанье бичемъ; сабли, сверкая на солнцѣ, вынимаются изъ ноженъ.

— Да здравствуетъ императоръ!

На этотъ разъ грандіозная поэзія зрѣлища, грозный возгласъ: «На плечо!», брошенный Франціею въ лице иноземщины, побѣдили всѣ сомнѣнія, всякое резонерство, и радостные крики ростутъ, гремятъ, превращаются въ непрерывное эхо, которому вторятъ пушки.

— Ней! Да здравствуетъ Ней!

Это маршалъ, онъ скачетъ подлѣ императорской кареты, изъ которой ему только что было сказано:

— А я полагалъ, что вы уже эмигрировали.

По мѣрѣ прослѣдованія конвоя крики удвоиваются; крики народа, одобренія, благодарности, надежды, носились надъ полками, раздавались по всему городу, опасенія котораго превратились въ восторгъ, и въ послѣдній разъ онъ подписывалъ кровью договоръ съ грознымъ воителемъ.

На Марсовомъ Полѣ зрѣлище было поистинѣ поразительное.

Изъ двухъ боковыхъ флигелей «École militaire» тянулись длинныя эстрады, на оконечности одной четверти ихъ круга было оставлено пустое пространство, среди котораго возвышалась высокая эстрада, вся убранная краснымъ, съ золотыми пчелами, сукномъ. Въ глубинѣ, ближе къ центральному павильону, возвышался подъ балдахиномъ тронъ. Въ этой оградѣ помѣщались братья императора, высшіе сановники, 500 избирателей-делегатовъ, генералы, магистраты, эти 10 тысячъ актеровъ или зрителей грандіознаго, потрясающаго спектакля, торжество вѣры цѣлаго народа въ одного человѣка.

Внѣ этой привилегированной ограды, на обширной окружности Марсова Поля, помѣщался народъ, 50 тысячъ солдатъ, императорская гвардія, линейныя войска, кавалерія, національная гвардія, сто пушекъ, затѣмъ по угламъ размѣстились федераты со всѣхъ концовъ имперіи, добровольные делегаты націи, желающей защищаться, затѣмъ повсюду народъ. Сердца всѣхъ потрясены. Передъ трономъ, на который «Te Deum» только что призывалъ благословеніе Божіе, ораторъ избирательныхъ коллегій громко провозглашалъ слова о вѣрности, свободѣ и независимости.

— Каждый французъ — солдатъ; побѣда снова послѣдуетъ за вашими орлами, и враги наши, которые расчитывали на наши раздоры, скоро пожалѣютъ, что они затѣяли съ нами дѣло!

Такія слова всегда воодушевляютъ души патріотовъ и отъ нихъ размягчаются сердца, подавленныя страхомъ.

Хочется вѣрить и вѣрятъ. Да отчего, въ самомъ дѣлѣ, и не повѣрить?

Но вотъ раздается голосъ Наполеона, сперва глухой, затѣмъ звонкій, какъ рожокъ:

— Французы, моя воля—воля народа, мои права — его права. Моя честь, моя слава, мое счастье не могутъ быть иными, какъ честью, славою, счастьемъ Франціи!

Затѣмъ присяга конституціямъ имперіи. Сотни голосовъ соединились въ одномъ словѣ почтенія и преданности.

Въ трибунахъ возсѣдали элегантныя дамы, въ самыхъ роскошныхъ туалетахъ, съ обнаженными шеями, съ жемчугами и брильянтами въ волосахъ; кружевныя прямыя косынки, вышитыя золотыми блестками, прикрывали грудь, высоко поднятую длиннымъ лифомъ; руки были разукрашены браслетами. Умиленныя, онѣ привѣтствовали платками, надушенными гортензіею, эту верховную власть; онѣ болѣе чѣмъ кто нибудь поддавались обаянію новыхъ чувствъ, такъ какъ Наполеонъ въ то время желалъ болѣе увлекать, чѣмъ господствовать.

Вдругъ все зашевелилось: знамена будутъ раздаваться не въ оградѣ. Императоръ заручился своею властью; глава арміи подниметъ теперь штандартъ Франціи.

Наполеонъ всталъ съ трона, съ него торжественно сняли его императорскую мантію, затѣмъ онъ прослѣдовалъ медленно между сановниками и, сопровождаемый своими министрами, вышелъ изъ ограды, поднялся по ступенькамъ на большую эстраду, откуда можно было лучше окинуть окомъ громадное пространство Марсова поля, эту движущуюся площадь народа, это поле ржи, колосьями котораго были штыки.

Незабвенное зрѣлище: Наполеонъ, стоящій точно въ апоѳеозѣ. Кругомъ груды трехцвѣтныхъ знаменъ съ золотою бахромою, съ золотыми орлами, и благословляющій архіепископъ дю-Барраль, съ поднятыми вверхъ руками. Внизу полки, артиллерія, кавалерія, блестятъ всевозможными переливами подъ яркими лучами солнца.

Опять заговорилъ Наполеонъ; слова его звучатъ ясно, опредѣленно, какъ команда; онъ обращается къ патріотизму, къ храбрости, къ самоотверженію. Онъ требуетъ обѣщаній, жаждетъ восторговъ, криковъ, играетъ, какъ настоящій артистъ, на струнахъ человѣческихъ сердецъ. Депутаціи войскъ слѣдуютъ одна за другой, какъ волна за волной, непрерываясь. Женщины рукоплещутъ солдатамъ, бросаютъ имъ букеты, платки, вѣера, посылаютъ имъ поцѣлуи. Всѣ крики соединились въ одинъ, всѣ голоса точно слились въ одинъ голосъ. Народъ, наэлектризованный, желая приблизиться къ этому человѣку, который еще разъ сталъ центромъ, прорвалъ всѣ преграды и, увлекая за собою полицейскихъ агентовъ, прорывался въ ряды солдатъ, лѣзъ подъ ноги лошадей и, поддаваясь инстинктивно дисциплинѣ, образовывалъ цѣлыя стѣны, среди которыхъ теперь проходило войско.

Передъ императоромъ поднимались руки, обнажились шпаги, а офицеры, окружающіе его, отдавали честь ротамъ.

Шумъ, полный страсти, превратившійся въ безритменный гулъ.

Вдругъ, въ полукругѣ, въ которомъ проходили роты передъ императоромъ, все смолкло.

Люди шли съ офицерами во главѣ воинственнымъ шагомъ, безъ крика.

Толпа, точно пораженная, смолкла. Наполеонъ, нагнувшись впередъ, смотрѣлъ.

Это шелъ отрядъ 6-го полка стрѣлковъ, того самаго, который три мѣсяца назадъ въ Компьэнѣ устоялъ противъ всеобщаго энтузіазма. Его хотѣли потопить въ этихъ волнахъ восторга. Въ полномъ порядкѣ, какъ бы идя на бой, проходили люди мимо.

Офицеры, не спотыкаясь, держали шпаги по уставу. Еще минута, и они прошли.

Въ это самое время изъ толпы раздался звучный, торжественный голосъ:

— Отечество въ опасности... Императоръ да спасетъ Францію... Да здравствуетъ императоръ!

И Жанъ Шенъ, и другіе, поднявъ шпаги, воскликнули:

— Да здравствуетъ императоръ!

Въ это самое время, неизвѣстно откуда, въ солдатъ были брошены вѣтки омелы (gui). Они, не нагибаясь, на ходу ловили ихъ. Наполеонъ обернулся къ Фуше:

— Кто говорилъ?—спросилъ онъ рѣзко.

Герцогъ Отрантскій нагнулся къ нему.

— Пускай ваше величество взглянетъ направо, на первые ряды толпы... высокій старикъ, съ сѣдыми волосами, онъ опирается на молодую дѣвушку.

— Кто это такой?

— Бывшій членъ Конвента, ссыльный Нивоза.

Наполеонъ пожалъ плечами и отвернулся.

Передъ эстрадою группа офицеровъ разговаривала:

— Что вы дѣлаете, милѣйшій Лорисъ, вы поднимаете зеленую вѣточку, которая, по моему, эмблема якобинцевъ.

Лорисъ, въ формѣ поручика, пряталъ вѣтку себѣ за кушакъ:

— Вы не ошиблись, Тремовиль,—отвѣтилъ онъ,—я ее взялъ и сохраню ее... это память.

И движеніемъ шпаги онъ послалъ поклонъ въ сторону старика, бывшаго члена Конвента, и... Марсели.

Крики восторга продолжались.

Наполеонъ сіялъ.

XII.

Капитанъ Лавердьеръ, какъ всѣ авантюристы, былъ изъ тѣхъ, которые жаждутъ увидать поскорѣе окончаніе задуманнаго ими предпріятія, тѣмъ болѣе, что обыкновенно въ связи съ окончаніемъ бываетъ и получка вознагражденія. Все у нихъ, что называется, кипитъ и горитъ. Не теряется ни минуты на первыхъ порахъ. Однако, ощущая у себя туго набитую мошну и хорошо зная, что кредитъ у него большой, такъ какъ дѣло было весьма деликатное, партизанскій предводитель, быть можетъ, и замѣшкался бы въ Парижѣ, если бы нѣкоторыя опасенія не заставили его не терять времени.

И, правду сказать, Лавердьеръ былъ не изъ тѣхъ низменныхъ буржуа, которые могутъ въ часъ разсказать о своемъ монотонномъ существованіи: въ его прошломъ были забытыя страницы, о которыхъ онъ не любилъ вспоминать, и до новаго положенія вещей ему было бы не особенно пріятно, если бы кто нибудь вздумалъ доискаться его подноготной.

Побочное дитя аристократическаго рода, изъ дворянства Bocage, вслѣдствіе своего происхожденія выброшенный изъ нормальной жизни, не желающій подчиняться банальности регулярнаго труда, тотъ, кто въ настоящее время носилъ имя Лавердьеръ, по крайней мѣрѣ, разъ сто въ 20 лѣтъ пытался подъ разными превращеніями не сочетаться бракомъ, но изнасиловать фортуну, эту кокетку, которая боится грубой страсти и не дается иногда въ руки.

А между тѣмъ, чтобы легче овладѣть ею, онъ освободился отъ всякаго неудобнаго багажа, какъ-то: принциповъ и мученій совѣсти.

Съ 1797 по 1800 годъ онъ воевалъ не въ Вандейской войнѣ, а въ шуанской, изъ расчета, охотясь за наживою, обирая и вымогая деньги, получая отовсюду тумаки, воздавая ихъ сторицею, за обѣщанный ударъ палкою нанося ударъ кинжаломъ, иногда богатый на одну недѣлю, превращавшійся въ нищаго въ какія нибудь двѣ ночи разврата. Но, увы! нѣтъ дороги безъ ямъ: въ періодъ строгостей консульства онъ попался въ кражѣ на большой дорогѣ, съ оружіемъ въ рукахъ.

Правда, дѣло шло о казенныхъ деньгахъ, обстоятельство, которое, вѣроятно, тронуло судей: онъ поплатился ссылкой и каторжной работой.

Испорченная будущность, что говорить; но у Лавердьера нашелся выходъ: разныя услуги, оказанныя въ свое время полиціи, нѣсколько подходящихъ доносовъ, цѣлая политическая гамма лицемѣрія и навѣтовъ возвратили ему свободу. Съ тѣхъ поръ онъ вездѣ перебывалъ понемножку, и во Франціи, и за границею, вѣчно бѣгая по слѣдамъ, какъ гончая собака, то на службѣ при императорской полиціи, то на жалованьѣ у Малэ дю-Пана или де-Пюизьё, предавая то однихъ, то другихъ, продавая всѣхъ и все широкою рукою, въ тѣхъ расчетахъ, что онъ наканунѣ быстраго обогащенія, вѣчно сохраняя наивную вѣру въ обѣщанія своихъ кліентовъ, выплывая сегодня для того, чтобы завтра опуститься на дно самой ужасающей нищеты.

Въ общемъ, настоящій образецъ преступности.

Однако, по мѣрѣ того, какъ подъ разными прозвищами онъ рисковалъ быть повѣшеннымъ, у этого человѣка было только одно прекрасное желаніе, глубокое, неизмѣнное, онъ мечталъ о возможности снова носить свое настоящее имя, которое такъ хорошо звучало, въ которомъ было столько блеска, но чтобы удовлетворить эту фантазію, онъ составилъ себѣ цѣлую программу, которой никакія обстоятельства до сихъ поръ не заставили его измѣнить,— онъ рѣшилъ участвовать въ такомъ дѣлѣ, которое вознаградило бы его не только матеріально, но вернуло бы ему его положеніе въ свѣтѣ, дало бы ему не деньги, а уваженіе.

Въ сущности уваженіе можно вѣдь тоже скрасть, какъ и всякое другое добро на свѣтѣ; онъ подстерегалъ какое нибудь дѣло чести, чтобы наложить на него руку и воспользоваться имъ для украшенія своего имени. Онъ ставилъ ловушки дѣйствительному или мнимому возстановленію своего честнаго имени, расчитывая при всѣхъ неудачахъ на одну изъ тѣхъ перипетій, какія случайность приберегаетъ иногда для самыхъ несчастливыхъ неудачниковъ. Онъ утомился никогда не быть самимъ собою, онъ хотѣлъ влѣзть въ свою собственную шкуру, ему казалось, что его настоящее имя будетъ для него маскою, за которою никто не узнаетъ въ немъ ни авантюриста, ни разбойника.

Иллюзія, быть можетъ, но превратившаяся въ неотступную мысль. Онъ скромно упомянулъ о ней въ своемъ разговорѣ съ madame де-Люсьенъ; онъ былъ искрененъ, говоря, что это удовлетвореніе было бы для него дороже богатства. Къ несчастью, этому сну дѣйствительность всячески сопротивлялась, цѣль отходила все дальше.

Игрокъ, пьяница и развратникъ, Лавердьеръ нагромождалъ передъ именитымъ батардомъ препятствіе за препятствіемъ, цѣлыя баррикады поддѣльныхъ игральныхъ костей, опустошенные жбаны и заушницы, въ которыхъ не сознаются.

Онъ не умѣлъ справляться съ полными карманами.

Напримѣръ, въ тотъ день, когда маркиза такъ щедро заплатила ему впередъ за его трудъ, онъ поспѣшилъ, точно не вынося полноты своихъ кармановъ, въ кабакъ, гдѣ, увлекшись какой-то дрянью, съ ней порядкомъ растранжирилъ свой капиталъ.

Какъ поправить прореху?

Что или кого продать?

Очень кстати онъ вспомнилъ о случайно подслушанномъ разговорѣ на почтовомъ дворѣ.

Онъ, смѣясь, направился въ полицію для переговоровъ.

Операція не важная: нѣсколько золотыхъ, съ презрѣніемъ брошенныхъ, подъ условіемъ, что онъ самъ проводитъ агентовъ въ логовище якобинцевъ.

Мы уже знаемъ, сколько тумаковъ онъ получилъ за свои труды. А такъ какъ, помимо всѣхъ остальныхъ капитальныхъ грѣховъ, Лавердьеръ особенно культивировалъ гнѣвъ и, при видѣ этого маленькаго виконта, шпага котораго еще утромъ чуть не подрѣзала подъ самый корень всѣ его планы на будущее, онъ пришелъ въ безумное бѣшенство: ударъ шпагою, который онъ получилъ по лицу, имѣлъ ту хорошую сторону, что онъ заставилъ его образумиться. Неужели же онъ будетъ вѣчно безумствовать? Какое ему дѣло до злополучнаго виконта и маленькой якобинки?

Неужели къ этой глупой сдѣлкѣ съ полиціей изъ-за грошей, въ то время, когда ему, по его дѣламъ, слѣдовало бы быть совсѣмъ

въ другомъ мѣстѣ, онъ прибавитъ еще другую глупость — свою смерть изъ-за дурацкой исторіи?

Эта выпущенная капля крови освѣжила его, онъ рѣшился бѣжать.

Полиція, которой онъ такъ добродушно предложилъ свои услуги, вздумала вдругъ отнестись къ нему такъ серьезно, и ей-то онъ открылъ тайну!

Прибывъ къ дверямъ Conciergérie, мрачный видъ которой пробудилъ въ немъ непріятныя воспоминанія, онъ сбѣжалъ отъ агентовъ Фуше и вернулся въ трактиръ въ улицѣ Сенъ-Дени, и разбудилъ своихъ трехъ спутниковъ, которые спали въ ожиданіи работы. Вмѣсто шестерыхъ, всего трое, что дѣлать? Военныя силы зависятъ отъ бюджета войны, а пропорція имѣющихся еще на лице средствъ требовала и оправдывала это сокращеніе персонала. Всѣ четверо, не теряя ни минуты, расторопные, какъ люди всегда готовые къ побѣгу, живо вскочили на лошадей и помчались къ заставѣ. На ихъ счастье въ эти тревожные дни, когда въ Парижъ то и дѣло приходили войска и отряды федератовъ, ворота города не особенно тщательно охранялись, и нашимъ дѣйствующимъ лицамъ удалось черезъ заставу de la Boyauterie, отъ которой теперь не найдти и слѣдовъ, пробраться на восточную дорогу.

О трехъ спутникахъ почти нечего сказать. Одинъ изъ нихъ Эсташъ, по прозванію Цапля,—прозвище, данное ему за длинную шею, вѣроятно, удлинившуюся отъ сдѣланной надъ ней попытки къ повѣшанью,— остановился, мертвецки пьяный, въ трактирѣ «Verte feuille», въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Суасона. Второй, по прозванію «Желѣзная Спина», который гордился тѣмъ, что, благодаря своимъ несокрушимымъ бокамъ, вынесъ безконечное множество палокъ во всѣхъ четырехъ концахъ имперіи за свои ночныя экскурсіи, вздумалъ затѣять ссору въ лѣсу de Lugny, въ двухъ шагахъ отъ Verviers, съ своимъ патрономъ изъ-за несчастнаго вопроса о гонорарѣ. Лавердьеръ былъ строгъ въ соблюденіи дисциплины, а, кромѣ того, не пренебрегалъ благоразумною экономіею. Онъ слѣзъ съ лошади и однимъ ударомъ рапиры въ горло спорщика сократилъ свои расходы на одну треть.

Затѣмъ онъ воздалъ ему должную почесть, вдвоемъ съ оставшимся въ живыхъ онъ похоронилъ его въ отдаленномъ уголкѣ.

Вмѣсто семи человѣкъ, объявленной цифры отряда Лавердера, въ немъ оказалось всего двое—самъ капитанъ и Франсуа «Синій», бывшій солдатъ, который изъ-за случайности,—пуля изъ его пистолета неожиданно попала въ начальника, котораго онъ ненавидѣлъ,—дезертировалъ и посвятилъ себя разбойничьему ремеслу.

Лавердьеръ рѣшилъ, что онъ заслужилъ право отдохнуть; оба остановились за Verviers въ Capelle, въ недѣлю самымъ добросовѣстнымъ образомъ проѣли всѣ сбереженныя деньги, такъ что

только 10 іюня утромъ ревностный лазутчикъ маркизы де-Люсьенъ добрался до Мобёжа и до маленькой деревушки Бергштейнъ, гдѣ въ трактирѣ «Голубой Лебедь» ожидала его дважды 48 часовъ, съ отчаяньемъ, оправдываемымъ только любовью къ законному королю, нѣкая таинственная личность.

Надо сознаться, что Лавердьеръ не былъ знакомъ ни съ какими угрызеніями совѣсти. Франсуа «Синій», покорный, благодарный за дни веселья, которое было ему такъ любезно предложено, не безъ страха увидалъ, что онъ встрѣченъ не особенно-то привѣтливыми рѣчами.

— Стыдно,—говорилъ старый господинъ:—когда дѣло идетъ о такихъ важныхъ вопросахъ, когда судьба такихъ серьезныхъ вещей въ зависимости отъ энергіи и дѣятельности преданныхъ людей, терять время въ дебошахъ...

Дѣйствительно, въ Парижѣ выбирали удивительныхъ слугъ.

Лавердьеръ, выслушавъ молча потокъ упрековъ, обратился къ своему адъютанту:

— Вѣчная неблагодарность!—замѣтилъ онъ.

И, такъ какъ старый господинъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на него, нашъ молодецъ, не теряясь, сталъ ему разсказывать всевозможныя небылицы о разныхъ нападеніяхъ съ оружіемъ въ рукахъ, о засадахъ и о всякихъ опасностяхъ, которымъ они подвергались.

— Человѣкъ, какъ я, — продолжалъ онъ своимъ, отъ попоекъ послѣднихъ дней, сладкимъ и вмѣстѣ внушительнымъ голосомъ,— не измѣняетъ своему долгу. Вы, вѣроятно, не знаете, что орды Бонапарта захватили всѣ пути и нападаютъ на крестьянъ и грабятъ ихъ самымъ жестокимъ образомъ. Развѣ я, въ сердцѣ котораго сохранилось незапятнанное воспоминаніе о нашихъ короляхъ, развѣ я могъ отказать въ помощи этимъ несчастнымъ преслѣдуемымъ? Мнѣ пришлось съ моимъ товарищемъ, по крайней мѣрѣ, разъ двадцать вырывать ихъ изъ рукъ ихъ палачей и тогда, если-бъ вы слышали, сколько обѣщаній преданности и вѣрности потомку св. Людовика, покорнымъ слугою котораго я называлъ себя. А вы еще обвиняете меня, тогда какъ я, съ опасностью жизни, сдѣлалъ для святаго дѣла, защитниками котораго мы являемся, можетъ быть, больше, чѣмъ всѣ дипломаты священнаго союза.

Слушатель, растроганный, измѣнилъ тонъ.

— Итакъ вы думаете, что французскій народъ...

— Ждетъ, надѣется, призываетъ своего короля! Да, это несомнѣнно, мнѣ это теперь извѣстно достовѣрно, а затѣмъ, если вы находите, что за то, что я исполнилъ мой долгъ, меня слѣдуетъ казнить, я подчиняюсь непогрѣшимому правосудію его величества.

То негодуя въ мѣру, то кстати вставляя почтительную нотку,

Лавердьеръ изложилъ весь этотъ вздоръ съ такою увѣренностью, что королевскій лазутчикъ смягчился. Никто не сомнѣвался въ его преданности; та особа, которая отвѣчала за его вѣрность, одна изъ тѣхъ, которыя не ошибаются. Вся суть вознаграждать скорѣе потерянное время усиленною дѣятельностью.

Важныя извѣстія были получены въ главной квартирѣ союзниковъ. Говорили, что армія Наполеона направилась къ морю, чтобы отрѣзать всѣ пути арміи Веллингтона.

Лавердьеръ былъ стратегъ не важный, но для того, кто прибылъ изъ Франціи, не требовалось особой компетентности, чтобы догадаться, что эти извѣстія, судя по всѣмъ признакамъ, не вѣрны.

По пути авантюристы понабрали свѣдѣній, что военныя силы, повидимому, двигались по направленію къ Намуру и Люттиху.

Лавердьеръ по своей сообразительности, дополняя воображеніемъ всѣ собранные слухи, развилъ цѣлый планъ сраженія и, что странно, человѣкъ, который до сихъ поръ воевалъ только исподтишка, самъ того не подозрѣвая, напалъ на мысль великаго стратега. Его предположенія, довольно смѣлыя, удивили его слушателя, а нѣсколько штриховъ карандаша на трактиромъ столѣ, затѣмъ разставленные стаканы и бутылки, изображающіе фронтъ сраженія, убѣдили его на столько, что лице это, пользуясь данной ему m-me де-Люсьенъ властью, приказало ему немедленно, не теряя ни минуты, изслѣдовать мѣстность между Мобёжомъ и Живе съ формальнымъ требованіемъ явиться черезъ два дня съ отчетомъ.

Лавердьеръ въ душѣ сознавалъ, что за нимъ есть провинности, которыя надо заслужить. Данное порученіе было рискованное, его могли поймать и разстрѣлять какъ шпіона. Но чѣмъ больше опасность, тѣмъ больше будетъ вознагражденіе.

Лавердьеръ былъ весьма польщенъ неожиданной важностью своей роли. Конечно, онъ не дѣлалъ себѣ никакихъ иллюзій на счетъ своей подлости, но въ ней принимали не малое участіе и тѣ, которые употребляли его какъ орудіе.

Это была гарантія для будущаго, на случай успѣха, а въ этомъ успѣхѣ онъ былъ убѣжденъ заранѣе.

Какъ человѣкъ предусмотрительный, онъ далъ замѣтить, что онъ очень хорошо знаетъ цѣну требуемыхъ отъ него услугъ, и заручился формальными обѣщаніями благодарности въ будущемъ.

Свиданіе должно было состояться черезъ день.

Лавердьеръ напомнилъ, что, согласно приказанію маркизы де-Люсьенъ, онъ долженъ быть во что бы то ни стало 15 числа въ Филипвиллѣ.

— Любезный Франсуа,—обратился Лавердьеръ къ своему товарищу, хлопая его по животу,—черезъ двѣ недѣли мы будемъ или разстрѣлены, или наше дѣло будетъ въ шляпѣ. Впередъ! и да здравствуетъ король!

Онъ не замѣтилъ, что Франсуа Синій весьма недружелюбно поглядѣлъ въ сторону таинственнаго господина, чьи приказанія Лавердьеръ собирался приводить въ исполненіе.

Да и не все ли это было равно, на деталяхъ нечего было останавливаться. На этотъ разъ Лавердьеръ держалъ счастье въ рукѣ.

Было не время играть въ случайнаго солдата. По дорогамъ для бродячихъ бездѣльниковъ было не безопасно, тѣмъ болѣе, что по пути отъ Вервье въ Мобежъ за нашими всадниками слѣдовали войска, которыя шли на границу и должны были образовать непроницаемый кордонъ.

Черезъ затянутыя петли этой сѣтки приходилось пролѣзать.

Въ нѣсколько часовъ оба молодца превратились въ настоящихъ добродушныхъ мужичковъ Фландріи и отправились предлагать свои услуги для разслѣдованій.

Дѣло сейчасъ же сладилось: на одно только Лавердьеръ могъ сѣтовать, именно на усердіе своего помощника, который несъ всякій вздоръ и безъ всякой надобности упоминалъ о Вальми, Флерусѣ и другихъ пустякахъ.

Правда, это бывало послѣ выпивки, когда онъ терялъ всякую способность разсуждать.

Въ назначенное время оба шпіона были на мѣстѣ.

Экспедиція удалась какъ нельзя лучше.

Французы, кромѣ всѣхъ своихъ качествъ, обладаютъ еще однимъ—до послѣдней минуты не вѣрить въ возможность предательства.

Теперь у Лавердьера въ рукахъ былъ почти цѣликомъ весь планъ Наполеона, планъ, о которомъ онъ никому не говорилъ, котораго Фуше не могъ продать, такъ какъ онъ его не зналъ. Герцогу Отрантскому угодно было создать себѣ право на королевскую благодарность, благодаря лже-предательству.

Дѣйствительно, нападеніе съ берега, чтобы отрѣзать отступленіе англичанамъ, было имъ вполнѣ обдумано. И почемъ знать, не было ли главною причиною его неудовольствія на Наполеона то, что ему не удалось осуществить этого плана, который казался ему лучшимъ изъ всѣхъ.

Лавердьеру, человѣку, привыкшему къ внезапнымъ нападеніямъ, было ясно, что войска съ разныхъ направленій должны были сконцентрироваться въ Брюсселѣ или Гентѣ.

За лѣсами и холмами, которые тогда служили франко-бельгійской границей—продолженіе Арденъ на рубежѣ Эно, французская армія расположилась отъ Авэнъ до Роктруа и Седана.

Съ запада корпуса Рейля и д'Эрлона, въ центрѣ Лобау, съ востока—Жерара.

Куда двинутся они — на Можъ и Атъ, или на Динанъ и Намуръ?

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **„Новаго Времени"**, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа **„Историческаго Вѣстника"**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику"** прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ. **Редакторъ С. Н. Шубинскій.**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

ГРАФЪ АНТОНЪ МАНУИЛОВИЧЪ ДИВЬЕРЪ.

Съ портрета находившагося на исторической выставкѣ 1870 года.

Дозв. ценз. спб., 24 Апрѣля 1892

ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ ВОРОТЫНЦЕВЫХЪ [1]).

XVII.

Марта обрадовалась Полинькѣ. Ей очень хотѣлось ее видѣть, но въ домѣ былъ такой переполохъ вслѣдствіе происшедшихъ въ немъ событій: визита Ратморцева и изгнанія француженки, что она не рѣшалась безпокоить отца.

— Какъ это хорошо, что вы сами догадались ко мнѣ пріѣхать!—говорила она, обнимая свою пріятельницу.—Папенька не совсѣмъ сегодня здоровъ, и пѣть въ залѣ намъ нельзя, но мы займемся музыкой здѣсь, наверху, а потомъ будемъ вмѣстѣ читать и болтать. Вы мнѣ поможете отогнать мрачныя мысли, которыя меня осаждаютъ,—прибавила она, пытаясь скрыть тревогу подъ усмѣшкой.

Полинька поспѣшила ей объявить, что m-elle Lecage у нихъ.

— Вамъ, стало быть, извѣстно, что папенька ей отказалъ? Она его разсердила своимъ любопытствомъ; онъ, кажется, засталъ ее подслушивающей у двери кабинета, навѣрное не знаю; она начала было мнѣ жаловаться на папеньку и оправдываться, но я попросила ее оставить меня въ покоѣ. Это, можетъ быть, безсердечно съ моей стороны, но я очень рада, что ея у насъ въ домѣ больше не будетъ.

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLVIII, стр. 5.

Марта была очень возбуждена и говорила съ лихорадочною поспѣшностью.

— Послѣднее время я видѣть ее не могла равнодушно, она каждымъ своимъ словомъ, каждымъ движеніемъ раздражала меня.

— А она, кажется, надѣется, что вы будете ее просить вернуться,—замѣтила Полинька.

— Нѣтъ, нѣтъ, этого не будетъ,—рѣшительнымъ тономъ объявила Марта.—Папенька приказалъ уложить всѣ ея вещи и отослать ихъ туда, куда она скажетъ. Онъ и видѣть ее не хочетъ. Если вы откажетесь поступить на ея мѣсто, я попрошу его найдти мнѣ другую компаньонку, но ужъ ея у насъ больше не будетъ.

— Почему же вы думаете, что я откажусь съ вами жить?—спросила Полинька, съ трудомъ сдерживая радость при мысли, что мечта ея близка къ осуществленію.

Прежде чѣмъ отвѣтить, Марта пристально посмотрѣла на нее.

— Потому, что вы всѣхъ нашихъ обстоятельствъ еще не знаете,—вымолвила она.

— И вы полагаете, что если ваши обстоятельства не такъ блестящи, какъ всѣмъ кажется, мое чувство къ вамъ измѣнится?—съ горечью замѣтила Полинька.

— Простите меня, но мнѣ такъ тяжело! Я себя не узнаю, такая я сдѣлалась злая и подозрительная за послѣднее время... съ тѣхъ поръ, какъ папенька нездоровъ и разстроенъ... Не будемъ лучше объ этомъ говорить. Разскажите мнѣ про себя, достали вы билетъ на концертъ Вьярдо? Если нѣтъ, я вамъ уступлю свой, мнѣ не до концертовъ. Если-бъ еще папенька со мной поѣхалъ, но онъ наотрѣзъ отказался...

И вдругъ она заговорила про Ратморцевыхъ и про посѣщеніе Сергѣя Владиміровича.

— Онъ намъ близкій родственникъ, и папенька былъ прежде съ нимъ очень друженъ, но теперь вотъ ужъ скоро двадцать лѣтъ, какъ они не бываютъ другъ у друга. Дядю Сергѣя Владиміровича я иногда встрѣчаю въ обществѣ, но жену его и дочерей я никогда не видала.

— Теперь, можетъ быть, и познакомитесь,—сказала Полинька.

Марта печально покачала головой.

— Нѣтъ, теперь на это еще меньше надежды, чѣмъ прежде. Папенька дядю не принялъ. Я его понимаю,—продолжала она съ живостью.—Дѣла наши не хороши: намъ, кажется, грозитъ потеря если не всего состоянія, то большей части его; при такихъ обстоятельствахъ участіе людей, даже самыхъ близкихъ, не можетъ быть пріятно, а ужъ такихъ, съ которыми находишься во враждебномъ отношеніи, нестерпимо должно быть. Я бы, напримѣръ, была въ отчаяніи, если-бъ меня стали жалѣть Фреденборги. Дядя, можетъ

быть, пріѣзжалъ и съ добрыми намѣреніями, но онъ сдѣлалъ это некстати и не во время.

Она помолчала съ минуту, а затѣмъ продолжала вполголоса и задумчиво:

— Мнѣ кажется, что намъ грозятъ не однѣ только денежныя потери, а еще что-то такое, болѣе непріятное...

Полинькѣ вспомнились бредни m-elle Lecage про жандармовъ и Сибирь, и она вздрогнула. Что если это не бредни? Если дѣйствительно господинъ Воротынцевъ причастенъ къ какому нибудь изъ тѣхъ страшныхъ дѣлъ, о которыхъ опасно говорить даже шепотомъ и съ самыми близкими людьми?

А Марта, между тѣмъ, продолжала свои изліянія:—Что именно намъ грозитъ, я не знаю, и даже представить себѣ не могу, но я вижу, что папенька очень страдаетъ. Изъ-за денегъ онъ бы такъ не мучился. Изъ-за денегъ и дяденька Сергѣй Владиміровичъ не пріѣзжалъ бы къ намъ.

Она глубоко вздохнула.

— Мнѣ очень тяжело, моя душенька. Точно камень давитъ грудь.

— Позвольте мнѣ при васъ остаться, моя милая Марѳа Александровна,—проговорила съ чувствомъ Полинька.

Ей было и жутко, и сладко въ одно и то же время, произнося эти слова; точно въ черную, бездонную бездну какую-то она бросалась съ закрытыми глазами. Но ее неотразимо притягивала къ себѣ эта таинственная бездна, и она чувствовала, что будетъ въ отчаяніи, если отклонятъ ея предложеніе.

Марта же, погруженная въ свои размышленія, ничего этого не замѣчала и, крѣпко пожавъ ея руку, продолжала вслухъ высказывать мысли, навертывающіяся ей на умъ.

— Что особенно прискорбно, это то, что папенька не хочетъ быть со мною откровеннымъ. А между тѣмъ я вижу, что онъ меня жалѣетъ и боится за меня. Онъ иногда такъ на меня смотритъ, съ такой тоской, что я ухожу прочь, чтобъ не поддаться искушенію, не приставать къ нему съ разспросами. Но что всего больше меня безпокоитъ, это перемѣна въ его характерѣ: онъ ко всему сталъ равнодушенъ. Сегодня за обѣдомъ передъ нимъ стояла почти пустая бутылка, онъ этого и не замѣтилъ. Съ дѣтьми забываетъ здороваться; маменька его о чемъ-то спросила вчера, онъ не отвѣчалъ... Ни на кого не гнѣвается... О, вы его раньше не знали и судить о немъ не можете! — прервала она восклицаніе, сорвавшееся съ губъ Полиньки:—онъ былъ совсѣмъ, совсѣмъ другой до нынѣшней весны, до тѣхъ поръ, пока у насъ не случилось этого несчастья съ Хонькой,—продолжала Марта, поддаваясь потребности къ изліяніямъ, нестерпимо мучившей ее съ утра.

Она уже раньше, но вскользь и безъ всякихъ комментаріевъ,

разсказала своей пріятельницѣ про эпизодъ съ письмомъ, кончившійся самоубійствомъ дѣвочки.

— Неужели до сихъ поръ неизвѣстно, кто подбросилъ это письмо?—спросила Полинька.

— Да вѣдь я же вамъ разсказывала: онъ запретилъ разузнавать объ этомъ. Въ этомъ письмѣ, должно быть, сообщалось какое нибудь ужасное извѣстіе. Оно произвело на него страшное впечатлѣніе. Съ тѣхъ поръ жизнь наша совсѣмъ измѣнилась; по его желанію, мы разошлись почти со всѣми своими знакомыми; насъ ужъ теперь никуда и не приглашаютъ. Про Фреденборговъ, къ которымъ онъ такъ благоволилъ, помните? — онъ теперь слышать не можетъ.

— Этимъ вы, кажется, не очень огорчаетесь,—съ улыбкой замѣтила Полинька.

— О! я была бы вполнѣ счастлива этой перемѣной въ его взглядахъ, если-бъ...

— Сюда идутъ, — прервала ее Полинька, прислушиваясь къ шуршанью шелковой юбки на лѣстницѣ.

— Это маменька,—объявила Марта.—Она тоже, бѣдная, начинаетъ догадываться, что у насъ неблагополучно въ домѣ, и мѣста себѣ не находитъ. Теперь она каждый день ко мнѣ заходитъ, и все спрашиваетъ, не знаю ли я, почему папенька такой мрачный...

Обѣ дѣвушки поднялись съ мѣста при появленіи Марьи Леонтьевны.

Увидавъ дѣвицу Ожогину, она въ нерѣшительности остановилась на порогѣ.

— Ты не одна, — сказала она вполголоса дочери, пригибаясь къ ней въ то время, когда она цѣловала ея руку.

— Это Полинька,—отвѣчала Марта.—Вы знаете, m-elle Lecage уѣхала и не вернется къ намъ больше, — поспѣшила она прибавить, придвигая большое кресло, въ которое Марья Леонтьевна, отвѣтивъ кивкомъ на почтительный реверансъ Полиньки, опустилась.

— Я знаю,—отвѣчала Воротынцева,—Александръ Васильевичъ ей отказалъ... Merci, mademoiselle,—кивнула она вторично пріятельницѣ дочери за скамеечку, которую та поспѣшила подставить ей подъ ноги, и, снова обращаясь къ Мартѣ, сказала:—Но я вотъ чего не понимаю, почему твой отецъ не приказалъ ей дождаться, чтобъ была пріискана другая на ея мѣсто? Съ кѣмъ же ты теперь будешь выѣзжать и кто будетъ присутствовать при твоихъ урокахъ съ учителями?

— Я не одна, маменька, со мной Полинька, — сказала Марта съ улыбкой.

Марья Леонтьевна вынула изъ кармана пузырекъ съ нюхательнымъ спиртомъ, поднесла его къ носу; съ пристальнымъ вни-

маніемъ окинувъ съ ногъ до головы дѣвицу Ожогину, обернулась къ дочери и проговорила утомленнымъ голосомъ:

— Mademoiselle est bien jeune.

— Папенька позволяетъ мнѣ съ нею и кататься, и въ магазины ѣздить,—возразила Марта.

— Если папенька позволяетъ... — начала было Воротынцева и, не договоривъ фразы, заговорила о визитѣ Ратморцева. Что это значитъ? Для чего онъ къ нимъ пріѣзжалъ? Она все видитъ дурные сны, черныхъ птицъ... много черныхъ птицъ... C'est un très mauvais présage, vous savez, mademoiselle?—обращалась она то къ дочери, то къ Полинькѣ.

— Можно ли вѣрить снамъ, maman! — укоризненно покачала головой Марта.

Лице Марьи Леонтьевны приняло испуганное выраженіе.

— Ты грѣшишь, Марта, сны намъ часто посылаются свыше. Вотъ я вамъ скажу, m-elle Pauline; когда я была дѣвушкой, мнѣ разъ приснился такой сонъ: я видѣла, что падаю въ пропасть, падаю, падаю, и все до конца не могу достичь... ужасно мучительное состояніе, вы представить себѣ не можете... проснувшись, я вся дрожала отъ холоднаго пота, и сердце у меня билось.

— Это нервное,—замѣтила Полинька.

— Постойте... Съ годъ спустя, когда я сдѣлалась невѣстой Александра Васильевича, пришла къ моей нянѣ юродивая. Меня позвали на нее посмотрѣть. Вхожу, а она какъ закричитъ: «на днѣ будешь, на днѣ, на самомъ днѣ». Я сейчасъ же вспомнила мой сонъ и поняла, что это значитъ, — прибавила она со вздохомъ.

Дѣвушки переглянулись. Въ томъ мрачномъ настроеніи, въ которомъ онѣ находились, разсказъ этотъ не могъ не произвести на нихъ впечатлѣнія. Обѣ чувствовали, что имъ надо сказать что нибудь успокоительное, и не въ силахъ были произнести ни слова.

— Господь сказалъ: «Сокрою отъ мудрыхъ и открою младенцамъ», — снова заговорила Марья Леонтьевна. — Ты представить себѣ не можешь, въ какомъ волненіи твои братья, Марта. Я сейчасъ отъ нихъ. Бѣдненькіе! Мы ихъ совсѣмъ забросили. Ривьеръ дѣлаетъ съ ними, что хочетъ. Его, слава Богу, не было, когда я пришла, и они мнѣ могли все разсказать. Онъ ихъ бьетъ. Скажи отцу, Марта, чтобъ онъ имъ взялъ другаго гувернера. Пожалуйста, скажи ему это.

— Хорошо, maman.

— Ривьеръ ихъ постоянно оставляетъ съ людьми, и они слышатъ такія вещи... Мнѣ даже непріятно повторять. Ну, вотъ я тебѣ сказала то, что хотѣла сказать, ты не забудешь?

Она поднялась съ мѣста.

— Нѣтъ, нѣтъ, maman, будьте покойны.

— О, я всегда покойна, когда ты обѣщаешь. C'est une bonne fille,—обратилась она къ Полинькѣ,—et quand je serai tout au fond...

— Мы вмѣстѣ будемъ страдать, maman,—подхватила, не давая ей договорить, дочь:—а вдвоемъ все переносится легче.

Она произнесла эти слова, цѣлуя у матери руки.

— Vous voyez quelle bonne fille j'ai, mademoiselle,—улыбаясь сквозь слезы, сказала Марья Леонтьевна.

И, милостиво кивнувъ Полинькѣ, вышла изъ комнаты.

— Душенька моя, что такое у насъ дѣлается!—простонала Марта, падая въ кресло и заливаясь слезами. — Я боюсь догадываться... боюсь останавливаться на мысляхъ, которыя у меня вертятся въ умѣ, онѣ такъ ужасны! Мнѣ иногда кажется, что ужъ всѣмъ, всѣмъ извѣстно, что именно намъ грозитъ, всему городу и что только мы одни ничего не знаемъ.

И вдругъ, схвативъ Полиньку за обѣ руки и пытливо вглядываясь ей въ лице, она задыхающимся голосомъ произнесла:

— Вы знаете?

— Милая моя, Мароа Александровна,—въ замѣшательствѣ пролепетала Полинька,—ничего я не знаю, я могу только...

— Догадываться? Да? Ну, о чемъ же вы догадываетесь? О чемъ? Говорите! Я хочу!—вскричала запальчиво Марта, топая ногой.

Полинька молчала. Марта выпустила ея руки, отерла слезы, струившіяся по ея щекамъ, и, гордо выпрямившись, произнесла отрывисто и сурово отчеканивая слова:

— Слушайте: если вы хотите быть моимъ другомъ, вы мнѣ сейчасъ, сію минуту, все скажете, все, что у васъ на умѣ насчетъ... вы сами знаете, о комъ я говорю. Какъ знакомая, какъ пѣвица, какъ компаньонка, вы мнѣ не нужны, не такое теперь для насъ время... Мнѣ нуженъ другъ, понимаете? другъ, съ которымъ я могла бы все говорить, все, при которомъ я могла бы думать вслухъ, понимаете?—повторила она властно, не спуская съ нея выразительный взглядъ своихъ огненныхъ глазъ.

Полиньку била лихорадка, однако, послѣ минутнаго колебанія, она вымолвила рѣшительнымъ тономъ:

— Никакихъ доказательствъ у меня на это нѣтъ, но я думаю, что отецъ вашъ замѣшанъ въ какое нибудь политическое дѣло.

У Марты еще шире раскрылись глаза, но изъ побѣлѣвшихъ ея губъ не вылетѣло ни слова, и довольно долго молчаніе, воцарившееся въ комнатѣ, ничѣмъ не нарушалось.

— Вы, можетъ быть, и правы,—выговорила она, наконецъ, съ трудомъ.

XVIII.

Прошло недѣли двѣ.

Полинька всѣ дни проводила у Воротынцевыхъ. За нею пріѣзжали утромъ и, возвращаясь вечеромъ назадъ, она такъ жаловалась на усталость, что много съ нею разговаривать не было никакой возможности.

Капитанъ былъ угрюмъ. Эта вертихвостка, m-lle Lecage, смутивъ ему душу глухими намеками, переѣхала жить къ другимъ своимъ знакомымъ, гдѣ тоже, поди чай, болтаетъ напропалую про Воротынцевыхъ. Зловредная тварь! Долго ль ея розсказнямъ до III Отдѣленія дойти, и если подозрѣнія ея основательны, бѣда тогда! И не одному Воротынцеву бѣда, а всѣмъ, кто съ нимъ знакомство водитъ. Притянутъ тогда и капитана съ дочерью. Но, съ другой стороны, если француженка соврала, а это было весьма возможно, лишать дочь такихъ вліятельныхъ покровителей, какъ Воротынцевы, было бы ужъ совсѣмъ глупо.

— На какомъ же положеніи ты у нихъ теперь находишься?— допрашивалъ онъ дочь.

— Да просто, чтобъ Марѳѣ Александровнѣ не быть одной, компанію ей составляю,—отвѣчала неохотно Полинька.

— Гм... компанію.

И, не зная, что къ этому прибавить, онъ ограничивался глухими угрозами:

— Смотри ты у меня, если что узнаю, запру тебя, голубушка, на замокъ; не посмотрю, что изъ младенцевъ вышла и съ вельможами дружбу водишь.

Полинька на это только плечами пожимала. Деньги, которыя онъ ей далъ въ день появленія къ нимъ m-lle Lecage, она ему назадъ отдала дней черезъ пять.

— Я купила все, что мнѣ нужно, благодарствуйте, — сказала она при этомъ.

— На какія деньги?

— Да вѣдь не даромъ же я у Воротынцевыхъ всѣ дни провожу,—небрежно отвѣчала она.

— Прибавили они тебѣ, значитъ, жалованье? Сколько же ты теперь получаешь?—продолжалъ любопытствовать старикъ.

Полинька засмѣялась.

— Сколько хочу.

— Хе, хе, хе! Вотъ какъ! Вотъ мы какъ теперь! — повторилъ онъ съ недовѣрчивой усмѣшкой.

Она вынула изъ ридикюля свертокъ съ золотыми и подала ему его со словами:

— Вотъ, спрячьте, пожалуйста.

Онъ пересчиталъ червонцы, ихъ было десять.

— Это что-жъ?—спросилъ онъ, хмуря свои сѣдыя брови.

И вдругъ, сообразивши что-то такое, насупился еще больше и запальчиво вскричалъ:

— Ужъ не строитъ ли тебѣ куры г. Воротынцевъ? Смотри ты у меня!!. Если я такое что нибудь узнаю....

Ему не дали договорить.

— Это деньги Мароы Александровны, а г. Воротынцева мы и не видимъ вовсе; онъ теперь даже и къ обѣду изъ своего кабинета не выходитъ.

Капитанъ успокоился, онъ зналъ, что дочь его никогда не лжетъ.

— И какія такія у него заботы?!—раздумчиво произнесъ онъ какъ бы про себя, но пытливо посматривая на нее.

— Не знаю, право; кажется, въ дѣлахъ по имѣніямъ какое-то разстройство,—замѣтила она.

— Хорошо кабы только это!—вздохнулъ старикъ. — Та, стрекоза-то, болтала про дѣла поопаснѣе этихъ.

— Мало ли что болтаютъ, всѣхъ не переслушаешь,— съ досадой возразила дѣвушка.

Но онъ не унимался. Ему давно хотѣлось исчерпать до дна эту тэму, чтобъ между нимъ и дочерью не было больше недоразумѣній на этотъ счетъ.

— Оно, конечно, очень вѣроятно, что все это враки и ничего больше, однако я на всякій случай долженъ тебя предупредить, чтобъ ты отнюдь и ни при какихъ обстоятельствахъ не забывала, что отецъ твой за собой сорокъ лѣтъ безпорочной службы имѣетъ и вотъ этой кавалеріей удостоенъ, — указалъ онъ, выпрямляясь и гордо выпячивая грудь, на Георгіевскій крестъ, бѣлѣвшійся у него въ петлицѣ.—Сорокъ лѣтъ безпорочной службы царю и отечеству!— выкрикнулъ онъ такъ громко, что дремавшій въ прихожей казачокъ вздрогнулъ и скатился кубаремъ съ коника, растерянно оглядываясь по сторонамъ.

— Да, сударыня, — продолжалъ капитанъ Ожогинъ, принимаясь большими шагами расхаживать взадъ и впередъ по комнатѣ и грозно поглядывая изъ-подъ нависшихъ бровей на дочь.—Да, сударыня, звѣрь я травленый, можно сказать. Подбивались ко мнѣ со всяческими смущеніями и въ двадцать четвертомъ году и раньше, когда пакость эта въ нашей православной арміи только еще заводиться стала. Смущали, подъѣзжали, однако съ носомъ отъѣхали.

И, остановившись передъ Полинькой, онъ повторилъ, пронизывая ее насквозь пристальнымъ и пытливымъ взглядомъ:

— Смотри у меня, Пелагея, не накличь бѣды на мою сѣдую голову, да и себя съ вельможами-то своими не погуби. Если

только въ томъ ихъ бѣда состоитъ, что сокровищъ у нихъ поубавится, бросать ихъ тебѣ не слѣдъ, но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же ты деньги съ нихъ берешь? Если же другое что...

Полинька, наконецъ, не выдержала.

— Папенька, не мучьте вы меня, ради Бога!—вскричала она со слезами.—Ничего я еще не знаю и бросить Марѳу Александровну не могу. Это было бы совсѣмъ низко съ моей стороны, и вы, я знаю, сами бы этого не позволили, если-бъ видѣли, какъ они всѣ несчастны.

Въ тотъ вечеръ Полинька вернулась домой раньше обыкновеннаго, и Марта съ девяти часовъ оставалась одна.

Сначала она пробовала пѣть, потомъ взяла книгу, а затѣмъ опять сѣла за фортепьяно. Начала сонату и, не доигравъ ее до половины, сорвалась съ мѣста и стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Тоска ея съ минуты на минуту усиливалась. Все ее раздражало: и то, что она одна, и что часы громко тикаютъ среди окружавшаго ее молчанія, и что подъ окнами громыхаютъ экипажи.

Давно ли и она тоже, счастливая и безпечная, проводила вечера въ блестящемъ обществѣ и возбуждала зависть своей красотой, богатствомъ, высокимъ положеніемъ, занимаемымъ ея отцомъ при дворѣ, а теперь всѣ про нее забыли или, что еще хуже, вспоминая про нее, съ сожалѣніемъ пожимаютъ плечами.

И долго ли это будетъ продолжаться? Долго ли еще отецъ ихъ всѣхъ будетъ держать въ неизвѣстности?

Вѣдь есть же люди, съ которыми онъ говоритъ про это дѣло... его новый ходатай по дѣламъ, а также Маланья, жена камердинера.

Марта теперь уже знала ее въ лицо, эту женщину. Каждый почти день можно было ее встрѣтить, то въ заднихъ комнатахъ, то въ коридорѣ, поджидающей мужа. При появленіи барышни, она ей низко и почтительно кланялась. Марта спѣшила пройдти мимо не оборачиваясь; ее смущалъ пытливый взглядъ, которымъ Маланья украдкой на нее смотрѣла. Прежде ее не велѣно было пускать въ домъ; люди говорили, что баринъ ее не любитъ. За что же онъ ее теперь полюбилъ? Какія услуги она ему оказала? По тому дѣлу вѣрно...

Чтобъ отогнать мучительныя мысли, неотступно осаждавшія ее, она пошла бродить по дому, завернула изъ маленькой гостиной, слабо освѣщенной кенкетомъ, въ угловую, гдѣ нашла свою мать спящей въ креслѣ. Возлѣ, на столѣ, горѣли свѣчи въ канделябрѣ. Комната была небольшая и тѣсно заставленная мебелью. На скамеечкѣ у ногъ спящей лежала засаленная колода картъ и вязанье, сѣрый чулокъ изъ грубой шерсти. Это оставила Дарька, полупомѣшанная старушонка, жившая ужъ лѣтъ тридцать на покоѣ въ

людской. Кто-то сказалъ барынѣ, что она умѣетъ въ карты гадать, и по этому случаю Марья Леонтьевна свела съ нею короткое знакомство. Особенно удобно было заниматься гаданіемъ съ тѣхъ поръ, какъ Александръ Васильевичъ совсѣмъ пересталъ заглядывать на половину жены. Увѣренная въ томъ, что застать ее врасплохъ не кому, Марья Леонтьевна совсѣмъ опустилась. Если-бъ Марина не заботилась о туалетѣ своей барыни, она по недѣлямъ не мылась бы и не чесалась. Должно быть, въ тотъ вечеръ карты предсказали одно только дурное: передъ тѣмъ какъ заснуть, Марья Леонтьевна плакала. Слезы еще не успѣли высохнуть на ея блѣдныхъ, впалыхъ щекахъ. Марта съ минуту постояла передъ нею, отставила подальше канделябръ съ горѣвшими въ немъ свѣчами и, рѣшивъ, что надо позвать Марину, тихо вышла изъ комнаты. Но, выйдя въ коридоръ, она опять такъ задумалась, что, сама того не замѣчая, повернула не туда, гдѣ можно было найдти Марину, а въ ту сторону дома, гдѣ жили мальчики съ гувернеромъ. Очень можетъ быть, что ее безотчетно притягивалъ гулъ голосовъ, доносившійся оттуда.

Помѣщеніе мальчиковъ состояло изъ трехъ комнатъ: спальни, классной и комнаты мсьё Ривьера. Въ коридорѣ, за шкафомъ, спалъ ихъ дядька Семенъ. Когда Марта растворила дверь въ классную, она въ первую минуту ничего не увидѣла, кромѣ топившейся печки и собаки Цамцы, растянувшейся передъ пылающими дровами. Огромный песъ занималъ на полу все пространство, залитое свѣтомъ, остальная часть большой, глубокой комнаты утопала въ тѣняхъ, сгущавшихся особенно черно въ томъ углу у окна, куда шарахнулась при появленіи барышни вся компанія, за исключеніемъ Семена.

— Гдѣ дѣти?—спросила Марта, вглядываясь въ неясныя тѣни, копошившіяся съ сдержаннымъ хихиканьемъ у окна.

— Здѣсь, сударыня. Левонтій Лександрычъ, Василій Лександрычъ, пожалуйте-съ, сестрица изволитъ васъ спрашивать... Мы вотъ тутъ засумерничались, — продолжалъ смущенный старикъ, обращаясь то къ барышнѣ, то къ тѣнямъ въ углу.—Левонтій Лександрычъ, Василій Лександрычъ, пожалуйте-съ,—повторилъ онъ.

Но отъ угла никто не отдѣлялся. Тогда, обождавъ еще минутку, Семенъ самъ туда пошелъ.

— Кто это здѣсь съ дѣтьми? — спросила Марта, проникая въ комнату.—И почему у васъ тутъ такая темнота? Гдѣ мсьё Ривьеръ? Зажгите свѣчку.

— Мусью дома нѣтъ-съ, а свѣчку я сейчасъ...

— Съ кѣмъ тутъ дѣти? — продолжала допытываться Марта.

— Со мной-съ, съ кѣмъ же имъ еще быть-съ?—нагло солгалъ Семенъ, чиркая безуспѣшно сѣрничками объ стѣну. Потому ли что онѣ отсырѣли, или потому, что руки у дядьки слегка дрожали, но спички не зажигались.

— Я слышала голоса въ коридорѣ, да и сейчасъ сама видѣла людей вотъ тутъ,—указала она на темный уголъ.

— Барчуки тутъ-съ, одни-съ, никого, окромя меня, съ ними нѣтъ, — съ апломбомъ возразилъ Семенъ.

И, поднявъ высоко свѣчку, которую ему, наконецъ, удалось зажечь лучиной отъ огня въ печкѣ, онъ освѣтилъ комнату. Кромѣ мальчиковъ, Лели съ Васей, продолжавшихъ жаться въ углу, выглядывая оттуда злыми глазенками на сестру, такъ некстати нарушившую ихъ веселье, теперь тутъ ужъ никого не было. Казачки и лакеи, толпившіеся здѣсь съ минуту тому назадъ, успѣли всѣ до одного выбраться вонъ въ другую дверь, пока барышня разговаривала съ Семеномъ.

— Дѣти, съ кѣмъ вы тутъ были?—обратилась Марта къ братьямъ.—Не лгать!—строго прибавила она, замѣтивъ, что они въ нерѣшительности переглядываются съ дядькой.

— Одни, съ Семеномъ,—объявили въ одинъ голосъ мальчуганы.

— Съ кѣмъ же имъ быть-съ? — повторилъ, дерзко ухмыляясь, дядька, извлекая изъ угла своихъ питомцевъ и ставя ихъ передъ сестрой.

Дѣти были красны, въ поту, съ взъерошенными волосами, разстегнутыми курточками и тяжело дышали. Руки и лица ихъ были вымазаны въ чемъ-то красномъ. Варенье вѣрно ѣли пальцами и безъ салфетокъ. Въ комнатѣ было жарко, воняло саломъ, грязными сапогами и водкой.

— Играли-съ, перепачкались,—счелъ нужнымъ объяснить Семенъ, замѣтивъ брезгливую гримасу барышни.

Марта молчала. Она понимала, что надо заставить братьевъ сознаться во лжи и сдѣлать строгій выговоръ Семену за то, что онъ допускаетъ такой безпорядокъ въ дѣтской, но слова не выговаривались. Что-то такое мѣшало не только говорить и дѣйствовать, но даже мыслить. «Не для чего, не стоитъ»,—твердилъ внутренній голосъ.

И, невольно повинуясь этому голосу, она вышла вонъ изъ комнаты, не оборачиваясь къ дѣтямъ, которыя, она это чувствовала, смотрѣли ей вслѣдъ дерзкими глазами, какъ на врага. «Что взяла?» — читалось въ этихъ глазенкахъ. «Что взяла?»—повторялъ безъ словъ, усмѣхаясь своими длинными, хитрыми губами, и Семенъ, поглаживая темной широкой ладонью бѣлокурыя головенки, довѣрчиво прижимавшіяся къ нему.

Въ коридорѣ ей встрѣтился камердинеръ отца, Михаилъ Иванычъ. Онъ выходилъ изъ уборной барина и имѣлъ видъ очень озабоченный. Увидѣлъ онъ барышню тогда только, когда поровнялся съ нею, и, замѣтно смутившись, хотѣлъ идти дальше. Но она его остановила.

Никогда еще не хотѣлось ей такъ повидать отца, какъ въ эту

минуту. Одинъ онъ только могъ ее успокоить. Надо ему сказать про дѣтей. Оставлять ихъ въ такомъ положенiи невозможно. Пусть отецъ найдетъ имъ другаго гувернера, мсьё Ривьеръ не годится. Она ему также и про Семена скажетъ: онъ учитъ мальчиковъ лгать, отъ него пахнетъ виномъ, и, чтобъ не давать себѣ труда занимать дѣтей, онъ позволяетъ имъ играть съ казачками. Это ни на что не похоже и надо этому положить конецъ...

Она вспомнила, что мать именно объ этомъ просила ее недѣли двѣ тому назадъ, а она до сихъ поръ не исполнила ея просьбы. Правда, что за это время ей удавалось видѣть отца только на минуту, урывками, и онъ казался ей до такой степени удрученнымъ и озабоченнымъ, что надоѣдать ему жалобами на кого бы то ни было она была просто не въ силахъ. Но сегодня она рѣшилась обо всемъ съ нимъ переговорить.

— Папенька одинъ? — спросила она у камердинера.

— Одни-съ.

— Скажи ему, что мнѣ очень нужно его видѣть...

Онъ вскинулъ на нее растерянный взглядъ.

— Они заняты-съ...

— Дѣлай, что тебѣ приказываютъ!—объявила она повелительно, указывая на дверь, изъ которой камердинеръ только-что вышелъ.

Михаилъ Ивановичъ молча повиновался, а она осталась въ коридорѣ. Ждать ей долго не пришлось, минуты черезъ двѣ онъ вернулся къ ней съ отвѣтомъ.

— Папенька приказали вамъ сказать, что они заняты, и чтобъ вы не изволили ихъ безпокоить.

— Ты сказалъ, что мнѣ нужно его видѣть? — спросила она задыхающимся отъ волненiя голосомъ.

— Сказалъ-съ.

И, не дожидаясь дальнѣйшихъ разспросовъ, онъ прошелъ мимо по направленiю къ буфетной, торопливо и понуривъ голову, а она, постоявъ еще съ минуту въ нерѣшительности передъ припертой дверью, побрела дальше съ горькимъ сознанiемъ своей безпомощности и одинокости.

Куда ей идти? Съ кѣмъ совѣтоваться? Кому разсказать то, что гнететъ ей сердце? Ей страшно было оставаться одной, она боялась своихъ мыслей, онѣ были такъ мрачны! Если-бъ можно было, она ни на минуту не отпускала бы отъ себя Полиньку, но дѣвица Ожогина ни за что не соглашалась оставаться здѣсь ночевать и съ каждымъ днемъ все раньше и раньше уѣзжала домой. Вчера она простилась съ Мартой въ десять часовъ, сегодня въ девять... Очень можетъ быть, что она совсѣмъ ее покинетъ, если убѣдится, что бывать у нихъ не безопасно.

Какая пустота дѣлается теперь вокругъ нихъ! На прошлой недѣлѣ одна только дама и была съ визитомъ, да и ту не приняли.

Съ тѣхъ поръ никто не пріѣзжалъ. Послѣ того памятнаго дня, когда дядя Ратморцевъ пытался повидаться съ ея отцомъ и было отказано m-lle Lecage, папенька не выходилъ изъ дому ни пѣшкомъ, ни въ экипажѣ.—Господи, какая тоска! Господи!—повторяла она себѣ, ломая въ отчаяніи руки. И долго ли это будетъ продолжаться? Скорѣй бы одинъ конецъ, какой ни на есть, самый ужасный, все лучше, все сноснѣе неизвѣстности, въ какой барахтается она столько времени, безъ луча свѣта, безъ надежды. Да и не она одна, а весь домъ.

Она вспомнила про мать, про то, что надо послать Марину ее уложить въ постель, и повернула къ гардеробной, гдѣ старая горничная обыкновенно сидѣла вечеромъ, чтобъ каждую минуту быть готовой бѣжать на зовъ барыни.

Изъ-подъ припертой двери этой комнаты, отдѣлявшейся отъ маленькой угловой гостиной спальней и уборной, пронизывалась полоса свѣта.

— Марина, — сказала Марта, останавливаясь на порогѣ узкой горницы, уставленной сундуками и шкафами, и освѣщенной нагорѣвшей сальной свѣчей,—маменька заснула въ креслѣ, надо ее раздѣть и уложить въ постель.

Женщина, сидѣвшая у стола, задомъ къ двери, торопливо сорвалась съ мѣста и, заслоняя свѣчу своей фигурой, окутанной съ головы до ногъ въ темное, отвѣсила барышнѣ низкій и почтительный поклонъ.

— Марины здѣсь нѣтъ, сударыня. Сейчасъ барыня изволили позвонить, она побѣжала туда,—проговорила она глухимъ, взволнованнымъ голосомъ.

Въ первый разъ слышала Марта этотъ голосъ, но, подавшись впередъ, чтобы разглядѣть незнакомку, она узнала въ ней жену камердинера, и сердце ея такъ забилось, что духъ захватило, и она не въ силахъ была произнести ни слова.

Съ минуту времени смотрѣли онѣ другъ на друга молча. Наконецъ Марта собралась съ силами.

— Зачѣмъ ты здѣсь?—спросила она отрывисто.

— Папенька вашъ изволили за мной послать, сударыня, вотъ я и пришла,—отвѣчала съ холодною сдержанностью Маланья.

Зачѣмъ она это сказала? Чтобъ дразнить ее? Чтобъ похвастаться тѣмъ, что она нужна ея отцу, нужнѣе родной дочери?

Отъ этихъ мыслей, вихремъ проносившихся въ ея отуманенной головѣ, лице Марты вспыхивало багровымъ румянцемъ и дрожь пробѣгала по тѣлу.

— Зачѣмъ за тобой послалъ папенька?

Вопросъ этотъ помимо воли сорвался съ ея губъ, и она испугалась, когда онъ прозвучалъ среди тишины, воцарившейся въ комнатѣ. Но Маланью онъ, повидимому, нимало не удивилъ.

— Папенька изволятъ меня давно знать, барышня, когда они еще совсѣмъ молоденькимъ къ бабушкѣ своей, старой барынѣ Марѳѣ Григорьевнѣ, пріѣзжали,—степенно отвѣчала Маланья.—И послѣ также... Вамъ, чай, извѣстно, что они, передъ тѣмъ какъ на вашей маменькѣ жениться, у насъ въ Воротыновкѣ чуть не съ годъ прогостили?

— Я это знаю,—прошептала Марта.—Такъ что-жъ изъ этого?

— Такъ вотъ они съ какихъ поръ меня знаютъ, — повторила Маланья.

— Тебѣ извѣстно, чѣмъ онъ обезпокоенъ теперь?

Произнося эти слова, Марта испытывала то, что чувствуетъ человѣкъ, кидающійся въ море, не умѣя плавать.

— Извѣстно-съ,—спокойно отвѣчала Маланья. — Намъ нельзя не знать, мы при этомъ дѣлѣ были свидѣтелями.

Марта поблѣднѣла и оперлась о столъ, у котораго стояла, у нея ноги подкашивались. Маланья, не спускавшая съ нея глазъ, поспѣшила подставить ей стулъ.

— Присядьте, сударыня, — съ почтительною настойчивостью проговорила она.

— При какомъ дѣлѣ? Про какое дѣло ты говоришь?—продолжала свой допросъ Марта, опускаясь на предложенный стулъ.

Прежде чѣмъ отвѣтить, Маланья подошла къ двери, заглянула въ коридоръ и, убѣдившись, что никто ихъ не подслушиваетъ, вернулась на прежнее мѣсто и вымолвила, таинственно понижая голосъ:

— При томъ дѣлѣ, что въ Воротыновкѣ было-съ.

— Да развѣ заговорщики въ Воротыновкѣ собирались?—задыхающимся шепотомъ проговорила Марта.

— Какіе заговорщики? — удивилась Маланья. — Что вы, барышня, никогда баринъ Александръ Васильевичъ заговорщикомъ не былъ.

— Такъ что-жъ тамъ было?

— Да ужъ не знаю, право, говорить ли вамъ, или нѣтъ...

— Говори, говори! Все равно не отъ тебя, такъ отъ другаго узнаю,—подхватила Марта.

— Оно конечно, если такъ разсудить, почему бы вамъ этого не знать? Ужъ разъ до того дошло, что и Ратморцевскимъ все извѣстно, и другимъ...

— Скажи мнѣ все, все, безъ утайки, не бойся, я не испугаюсь, я ужъ давно на все готова, вѣдь скоро годъ, какъ эта мука продолжается,—продолжала прерывающимся отъ волненія голосомъ Марта.—Скоро годъ, какъ у меня нѣтъ ни минуты покоя... Скажи, убійство вѣрно какое нибудь тамъ у васъ случилось... убійство, въ которомъ замѣшанъ...

Она испуганнымъ взглядомъ докончила фразу.

— Что это, барышня, какія страсти вы себѣ надумали! — усмѣхнулась Маланья.—Какіе же мы убивцы, помилуйте! Мы христіане, православные, кажинный годъ исповѣдываемся и причащаемся святыхъ таинъ.

— Ну, такъ что-жъ такое, что? Вѣдь пойми же ты, что я истерзалась, на него глядючи. Какъ онъ похудѣлъ! Какъ посѣдѣлъ! Какой онъ сталъ молчаливый, мрачный...

— Что говорить, — вздохнула Маланья. — А только, помоему, ужъ слишкомъ они это дѣло близко къ сердцу приняли, вотъ что-съ. Помоему, не стоитъ-съ, вотъ что помоему. Если-бъ они только захотѣли, мало ли какъ можно было бы обернуться! Съ ихъ богатствомъ, да знакомствомъ, да знатностью, Господи Боже мой! Не изъ такихъ бѣдъ выкручиваются. Это не я одна говорю, барышня, а также и другіе вамъ скажутъ...

И насупившись она прибавила отрывисто и не глядя на свою слушательницу:—Уговорили бы вы ихъ, сударыня, во всемъ на Малашку положиться, всѣмъ бы тогда спокойствіе было. Пусть ужъ лучше одна душа гибнетъ, чѣмъ двумъ семействамъ такую маяту выносить...

— Чья душа должна погибнуть?—съ возростающимъ недоумѣніемъ перебила ее Марта.

— Вотъ вы жалуетесь на вашу жизнь, что она тяжка,—продолжала Маланья, не обращая вниманія на ея слова,—что у васъ въ домѣ все шиворотъ навыворотъ дѣлается, а, вы думаете, у насъ лучше? Господи, Боже мой! да я ужъ не знаю, куда мнѣ отъ дѣтей и хорониться, ей Богу! Тоже вѣдь все допрашиваютъ, допытываются, да безпокоятся. Но только съ ними я такъ, какъ съ вашей милостью, разговаривать не смѣю, потому они-то ужъ къ этому дѣлу и вовсе непричастны и знать ничего о немъ не должны... Ихъ жизнь впереди, они вольные.

Послѣднія слова она произнесла очень тихо, но Марта ихъ разслышала, поняла всю горечь глубокаго вздоха, которымъ они сопровождались, и въ ея возбужденномъ мозгу блеснула новая мысль.

— Передъ образомъ клянусь тебѣ, что и ты тоже будешь вольная съ мужемъ, если все, все, безъ утайки мнѣ скажешь, — торжественно произнесла она, обращая свое взволнованное лице къ образу и осѣняя себя крестнымъ знаменіемъ.

Маланья низко поклонилась ей.

— Покорно васъ благодарю, сударыня, а только намъ тогда, можетъ, воли и не надо будетъ. Ужъ вы дѣтей не оставьте,—прибавила она съ новымъ поклономъ.

— И дѣтей вашихъ не оставлю и васъ отстою!—въ порывѣ экзальтаціи объявила Марта. — Что ты на меня такъ смотришь? Чему ты улыбаешься?

— Смотрю я, дорогая барышня, на васъ, и сердце у меня при

всей моей печали радуется: ну, вотъ точно наша старая барыня Марѳа Григорьевна изъ гробу встала, такъ вы на нее похожи! И глазки такъ сверкаютъ, какъ бывало у нее, когда онѣ чѣмъ нибудь разгнѣваны, и голосъ такой, какъ у васъ, дѣлался, и ручку вы вотъ такъ подняли, какъ онѣ...

— Ей бы ты все сказала?

— Господи! Да она, бывало, только взглянетъ на человѣка, ужъ у него душа къ ней поворачивается. Отъ нея никто ничего утаить не могъ.

— Ну, скажи также и мнѣ, и тогда мы будемъ вмѣстѣ дѣйствовать. Вдвоемъ-то легче будетъ, вотъ увидишь. Если нѣтъ въ этомъ дѣлѣ ни убійства, ни заговора, то что-жъ это такое? Мы разорены? У насъ, можетъ быть, отъ всего состоянія ничего не осталось? Мы будемъ совсѣмъ, совсѣмъ бѣдные?—продолжала она закидывать ее вопросами.

Маланья покачала головой.

— И не разорены, и ничего, Богъ дастъ, папенькѣ не будетъ, если только они захотятъ меня послушать. Ну, пусть отдѣлятъ ему имѣніе, пусть денегъ дадутъ...

— Кому?—вырвалось у Марты.

— А если не захочетъ этимъ довольствоваться, да съ жалобой на роднаго отца поднимется, ну, тогда ужъ я одна и буду въ отвѣтѣ... Вы не пугайтесь, барышня моя золотая, уговорите только папеньку во всемъ па меня положиться. Малашка не выдастъ. Малашка ихъ, можетъ, больше всѣхъ на свѣтѣ обожаетъ, Малашка ни на мужа законнаго, ни на дѣтей, своего барина не промѣняетъ, вотъ что! Да имъ все это извѣстно... больше сорока лѣтъ я у нихъ на виду, испытывали всячески... ужъ если я для нихъ барышню нашу не пожалѣла, и даже послѣ того, какъ тетеньку мою родную, которая меня за мѣсто матери вскормила... вспоила... по его милости до смерти засѣкли...

Ея сбивчивая, восторженная рѣчь порвалась въ истерическихъ рыданіяхъ.

Сквозь хаосъ разнорѣчивыхъ предположеній, возникавшихъ одно за другимъ въ головѣ Марты, начинало, наконецъ, просвѣчиваться что-то такое похожее на истину. Въ воображеніи ея вставали образы женщины и ребенка, когда-то столько же близкихъ ея отцу, какъ теперь ея мать, братья и она сама. Все это было еще такъ смутно, а главное такъ неожиданно, что достаточно было бы одного слова, чтобъ блѣдные призраки, вызванные изъ темной бездны неизвѣстности, испарились безслѣдно изъ ея воображенія, но такого слова Маланья не произнесла. Напротивъ того, на вопросъ Марты, кто была эта барышня, которую она не пожалѣла, и какое отношеніе имѣла она къ ея отцу, Маланья отвѣчала, что баринъ повѣнчался съ нею.

— Какъ? Такъ папенька во второй разъ женатъ?—вскричала Марта.

— Во второй-съ.

— Кто же была его первая жена?

— Наша барышня. Та, что старая барыня Марѳа Григорьевна, какъ родное дитя, воспитала въ Воротыновкѣ,—отвѣчала Маланья, отирая глаза.

— Да какъ же... какъ же онъ на ней женился?—задыхаясь отъ изумленія, спрашивала Марта.

— Очень просто-съ. Красавица была, полюбилась имъ, и обвѣнчались.

— А потомъ она умерла?

— Умерла-съ. Своей смертью, вотъ какъ передъ Богомъ говорю, что своей смертью скончалась! Родила ребеночка и скончалась. Не дай Богъ счастья моимъ дѣтямъ видѣть, если вру.

Она перекрестилась большимъ крестомъ и продолжала съ возростающимъ одушевленіемъ, забывая, что слушательницѣ ея ничего еще неизвѣстно объ этой исторіи, что она въ первый разъ въ жизни слышитъ имя Воротыновской барышни-сироты.

— Гдѣ же она умерла?—спросила Марта.—Тамъ, въ Воротыновкѣ?

— Нѣтъ-съ, не въ Воротыновкѣ. Баринъ поздней осенью уѣхалъ въ Петербургъ, а по веснѣ, какъ стали рѣки вскрываться, они изволили отписать управителю, чтобъ насъ съ нею въ подмосковную отправить. Распутица была. Насилу черезъ три недѣли дотащились. Три раза тонули. Рѣки-то гдѣ прошли, а гдѣ нѣтъ. А она ужъ пятый мѣсяцъ тяжелая была, ну, вотъ, можетъ, и повредила себѣ тогда, а только съ нашей стороны вины тутъ не было. Баринъ все спрашиваютъ: берегли ли мы ее, да не сдѣлали ли мы надъ нею чего... Запало имъ таперича въ голову, что не своею смертью она скончалась, и какъ уперлись на этомъ, ничѣмъ не разубѣдишь. Терзаются, да и все тутъ. И все разспрашиваютъ, все допытываются, какъ она умерла, да что передъ смертью говорила, да много ли мучилась, вспоминала ли про нихъ... Больше, чѣмъ сто разъ, кажется, я имъ про это разсказывала, а имъ все мало. Мучаютъ себя, терзаютъ, хоть что хочешь дѣлай. Ужъ я имъ намеднись осмѣлилась сказать: да вы, сударь, больше таперича маятесь, чѣмъ она маялась, право, ей Богу! Никакого тиранства она отъ насъ не видѣла, окромя того, что стерегли мы ее, чтобъ не убѣжала, да чтобъ людямъ на глаза не попадалась. Толковъ-то и безъ того расплодилось не мало. Чего-чего не болтали! И что въ подвалѣ-то мы ее держимъ, и голодомъ да холодомъ моримъ, да что! всѣхъ вракъ и не перескажешь! Я говорю намеднись барину: кабы могла она встать изъ гроба да заговорить, такъ вы бы и узнали, какую она къ вамъ до самой послѣдней минуты любовь

имѣла. Никогда на васъ не жаловалась, никогда ни въ чемъ васъ не упрекала. И меня передъ смертью простила. Зачала я этта плакать да руки у нея цѣловать, какъ ужъ холодѣть-то совсѣмъ стала, а она, моя голубушка, положила мнѣ свою ручку на голову да и говоритъ: «Богъ тебя проститъ, береги ребенка... А Александру Васильевичу, говоритъ, я напишу письмо, и ты ему его передашь, когда я умру. Вѣдь ужъ тогда вамъ бояться нечего, говоритъ, я мертвая буду»...—«Передамъ, говорю, сударыня, безпремѣнно передамъ». А сама думаю: гдѣ тебѣ письма писать! Ужъ личико-то у нихъ темнѣть стало. Вздохнули еще два разочка, да и скончались. А ребеночекъ-то пищитъ, здоровенькій. Куда его сокроешь? Лапшиха мнѣ и говоритъ: въ спитательный бы его, въ Москву отвезть, тамъ ужъ никто не отыщетъ. Туда ихъ, говоритъ, младенцевъ-то, тьму тьмущую со всей Россеи подкидываютъ. Раскинула я умомъ, и вижу, ничего больше не остается дѣлать. Баринъ женились, управитель сказывалъ—ужъ тяжелая молодая-то барыня, а тутъ вдругъ наслѣдникъ явится отъ первой супруги, и тоже законный... такая пойдетъ путаница, не приведи Богъ! Вотъ я и рѣшилась. Свезла ребеночка въ спитательный и Лапшиху съ собой захватила, потому она Москву-то хорошо знала, два года тамъ по оброку жила. А она, шельма эдакая, у меня бумажку съ номеромъ-то и скрадь, да передъ смертью, на духу, все попу и разсказала. А попъ на награду покорыстовался, да и поднялъ дѣло. Покойницу откопали, отъ ребенка костей не нашли, а по нумеру, что у Лапшихи въ ладонкѣ былъ зашитъ, розыскали его въ дальней деревнѣ, у слесаря. . . . .

. . . .

Долго длилась бесѣда между Маланьей Тимоѳеевной и Мартой. Два раза подходилъ къ двери Михаилъ Ивановичъ, но, убѣдившись, что жена его разговариваетъ съ барышней, тихо отходилъ прочь.

Заглянула въ гардеробную и Марина, и тоже на цыпочкахъ ушла въ уборную, гдѣ прикурнула на диванчикѣ.

Всѣ огни въ домѣ, одинъ за другимъ, погасли, кромѣ восковыхъ свѣчей подъ зеленымъ тафтянымъ абажуромъ на письменномъ столѣ Александра Васильевича, да сальной свѣчки въ оловянномъ подсвѣчникѣ въ гардеробной его жены.

Всѣ спали, кромѣ Марты, съ замирающимъ сердцемъ слушавшей разсказъ о томъ, что происходило въ Воротыновкѣ двадцать лѣтъ тому назадъ, когда отца ея всѣ еще звали молодымъ бариномъ, а Воротыновская барышня-сирота съ ума сходила отъ любви къ нему.

Узнала она также и про то, что у нея есть братъ, появленіе котораго можетъ имѣть роковыя послѣдствія для всей ихъ семьи, и поняла она тутъ, какъ должна быть велика нравственная мука, испытываемая ея отцомъ.

Марта лѣтъ на десять постарѣла въ эту ночь. Страшное открытіе сдуло съ нея невинную свѣжесть юности, и душа ея поблекла, какъ блекнетъ цвѣтокъ отъ порыва морознаго вѣтра.

Не спалъ въ ту ночь и Александръ Васильевичъ, мысленно переживая испытанія минувшаго дня и готовясь къ тому, что ожидало его завтра.

Развязка была близка. Жандармскій офицеръ привезъ ему письмо отъ графа Бенкендорфа, съ надписью «секретное» на конвертѣ.

Письмо это офицеръ пожелалъ вручить ему въ собственныя руки, и Воротынцевъ приказалъ ввести его въ кабинетъ.

— Передайте графу, что я во всякое время готовъ исполнить желаніе его сіятельства,—объявилъ онъ съ любезной улыбкой офицеру, не безъ любопытства слѣдившему за выраженіемъ его лица, пока онъ читалъ письмо.—Буду у его с—ва, когда онъ назначитъ.

— Если ваше п—во не стѣснитъ пожаловать къ его с—ву завтра утромъ...

— Въ которомъ часу?—спокойно перебилъ его Воротынцевъ.

— Его с—ву желательно было бы повидаться съ вашимъ п—мъ пораньше...

— Передайте графу, что ровно въ девять часовъ я у него буду,—объявилъ Александръ Васильевичъ.

И, надменнымъ кивкомъ давъ понять, что аудіенція кончена, онъ съ свойственной ему величавой важностью поднялся съ мѣста.

Всталъ и офицеръ, почтительно раскланялся и уѣхалъ. А вечеромъ явилась Маланья, на этотъ разъ съ запоздалыми вѣстями.

Тотъ подалъ прошеніе на высочайшее имя и его ужъ два раза, втеченіе прошлой недѣли, требовали въ III Отдѣленіе. Что тамъ ему сказали неизвѣстно, а только Бутягины носъ повѣсили. Маланья видѣла въ Казанскомъ соборѣ старика, къ образу Всѣхъ Скорбящихъ свѣчи ставилъ. Изъ церкви Маланья побѣжала къ Гусеву, онъ ей и про прошеніе сказалъ, и про то, что Бутягинъ упалъ духомъ послѣ допроса въ III Отдѣленіи и по два раза въ день къ Ратморцевымъ бѣгаетъ.

— Въ домъ вѣдь они его взяли жить, того-то. Во флигелѣ съ старичкомъ французомъ поселили,—продолжала докладывать Маланья, съ долгими промежутками между фразами, выжидая вопросовъ, возраженій или окрика.

Но баринъ молчалъ, не отрываясь отъ книги, которую читалъ и, повидимому, не вслушиваясь въ ея слова.

Послѣ продолжительной передышки Маланья набралась храбрости и приступила съ отчаянной рѣшимостью къ изложенію того, что составляло главную цѣль ея посѣщенія.

— Я, сударь, все на себя возьму, когда меня спросятъ,—объявила она.

Онъ и на это только поморщился, не выронивъ ни слова и не поднимая глазъ, опущенныхъ на книгу.

— А если насъ къ допросу не позовутъ,—продолжала она:—я сама пойду и разскажу, какъ было дѣло и что ваша милость тутъ не при чемъ. Одна я всѣмъ распорядилась, по глупости, по злобѣ къ покойницѣ, ужъ я знаю, какъ сказать, чтобъ глаза имъ отвести...

— Оставь меня, когда нужно будетъ, я за тобой пошлю,—прервалъ ее съ раздраженіемъ баринъ.

И ни слова больше не было произнесено между ними въ тотъ вечеръ.

Маланья прошла въ гардеробную и, когда Марта ее тамъ застала, она ждала, чтобъ мужъ удосужился ее проводить, если не до дому, то, по крайней мѣрѣ, до воротъ.

— Завтра, чтобъ въ половинѣ девятаго карета была у крыльца,—приказалъ Александръ Васильевичъ своему камердинеру, раздѣваясь на ночь.

XIX.

Въ глубокой и просторной комнатѣ, заставленной вдоль стѣнъ высокими шкапами съ книгами и дѣлами въ папкахъ, у большаго письменнаго стола, стоявшаго посреди, сидѣлъ шефъ жандармовъ и начальникъ III-го Отдѣленія графъ Бенкендорфъ.

Онъ внимательно слушалъ разсказъ Воротынцева про дѣвушку безъ роду и племени, которую онъ нашелъ въ старомъ прадѣдовскомъ домѣ, когда пріѣхалъ туда вступать во владѣніе завѣщаннымъ ему прабабкой родовымъ имѣніемъ.

Описавъ свою встрѣчу съ этой дѣвушкой, которую онъ и теперь, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ, называлъ Мароинькой, разсказавъ про то, какъ они сблизились и полюбили другъ друга, Александръ Васильевичъ все тѣмъ же спокойнымъ тономъ, точно рѣчь шла не о немъ, а о постороннемъ человѣкѣ, приступилъ къ описанію своей первой стычки съ Ѳедосьей Ивановной.

— Страсть моя со дня на день разгоралась, мнѣ казалось, что я съ ума сойду, если не удовлетворю ее. Въ усадьбѣ я былъ единственнымъ полновластнымъ хозяиномъ. Не только въ домѣ, но и на десятки верстъ кругомъ, все было мое — и земля, и люди. Обстоятельство это придавало мнѣ еще больше смѣлости.

— Такъ, такъ, — медленно кивая сѣдой головой, прошепталъ графъ.

Не въ первый разъ приходилось ему выслушивать исповѣди, начинавшіяся заявленіемъ, подобнымъ этому. Ему лучше, чѣмъ кому либо, было извѣстно, до какихъ гнусныхъ крайностей дово-

дить опьяненіе властью даже самыхъ добрыхъ и мягкихъ людей, а Воротынцевъ былъ далеко не изъ такихъ.

— Я зналъ, — продолжалъ между тѣмъ Александръ Васильевичъ,—что если мнѣ даже и встрѣтится кто нибудь въ корридорѣ, когда я пойду ночью въ спальню Мароиньки, достаточно будетъ одного моего взгляда, чтобы заставить этого человѣка бѣжать безъ оглядки и молчать о видѣнномъ. Дворню, порядочно-таки набалованную моей прабабкой, мнѣ въ эти два мѣсяца удалось подтянуть. Но у дверей спальни мнѣ стала поперегъ дороги эта старуха, Өедосья. Что тутъ произошло между мною и ею, я до сихъ поръ хорошенько не понимаю; одно только помню ясно, это то, что я даже и пальцемъ ее не тронулъ. Страсть, кипѣвшая во мнѣ, внезапно стихла, и я вернулся къ себѣ, даже не пытаясь насиліемъ достигнуть цѣли. Я рѣшился ждать, чтобъ Мароинька добровольно мнѣ отдалась. И это непремѣнно такъ бы и случилссь. Сама того не сознавая, она была влюблена въ меня до безумія. Но старуха задумала, во что бы то ни стало, спасти ее отъ меня и уговорила ее бѣжать изъ Воротыновки. Ничего не подозрѣвая, я на цѣлый день уѣхалъ въ сосѣднее имѣніе, и этимъ воспользовались, чтобъ потихоньку отправить Мароиньку въ городъ. Все было продѣлано такъ ловко, что когда управитель объ этомъ узналъ, отъ Мароиньки и слѣдъ простылъ. Предвидя, что мой гнѣвъ обрушится на него, онъ отъ страха совсѣмъ потерялъ голову и сталъ допрашивать старуху подъ розгами. Въ ту же ночь она умерла.

— И вы полагаете, что причиной ея смерти было вынесенное ею истязаніе?—спросилъ графъ.

— Да, я въ этомъ увѣренъ,—отвѣчалъ Воротынцевъ.—Ей было около восьмидесяти лѣтъ. Я былъ такъ потрясенъ этой неожиданиой катастрофой, что поклялся умирающей жениться на той, которую они всѣ тамъ называли «своей барышней». И клятву мою я исполнилъ,—прибавилъ онъ.

Наступило молчаніе. Графъ пригнулся къ папкѣ, наполненной бумагами и лежавшей передъ нимъ, отыскалъ между ними исписанный кругомъ листъ и сталъ его перечитывать. Воротынцевъ же, все съ тѣмъ же надменнымъ спокойствіемъ и не мѣняя своей комфортабельной позы въ глубокомъ вольтеровскомъ креслѣ, уставился взглядомъ въ большой портретъ императора Александра Павловича, въ широкой золотой рамѣ, занимавшій простѣнокъ противъ того мѣста, гдѣ онъ сидѣлъ.

Александръ Васильевичъ казался очень заинтересованнымъ этимъ портретомъ и разсматривалъ его съ большимъ вниманіемъ, но отъ наблюдательности графа, который по временамъ украдкой взглядывалъ на него, не ускользали ни растерянность, выражавшаяся въ его глазахъ, ни мучительное усиліе сосредоточить раз-

бѣгавшіяся въ разныя стороны мысли, ни нервное подергиваніе его нижней челюсти.

— Въ прошеніи, поданномъ государю вашимъ сыномъ, про эту старуху ничего не говорится, — сказалъ графъ, опуская руку съ бумагой на столъ и откидываясь на спинку кресла.

Не отрывая глазъ отъ портрета, Александръ Васильевичъ небрежнымъ движеніемъ руки сдѣлалъ знакъ, что ему это безразлично.

— Мы, стало быть, этого дѣла поднимать не станемъ,—продолжалъ графъ.—Вы мнѣ это разсказали, какъ знакомому, а не какъ шефу жандармовъ,—прибавилъ онъ мягко.—Въ прошеніи ничего также не говорится о смерти вашей первой супруги,—продолжалъ онъ, устремляя выразительный взглядъ на своего собесѣдника.

— При ея смерти я не присутствовалъ, ваше сіятельство, — сдержанно заявилъ Воротынцевъ.

— Знаю.

Графъ вынулъ другую бумагу изъ папки и, пробѣжавъ ее мелькомъ, продолжалъ:

— При ней была дѣвка изъ Воротыновской дворни...

— Маланья Тимоѳеева,—подсказалъ Александръ Васильевичъ.

— Точно такъ, Маланья Тимоѳеева. Дѣвка эта по вашему приказанію была приставлена къ покойницѣ?

— Можетъ быть, хотя навѣрное я этого теперь сказать не могу. Дѣло было, вѣроятно, такъ, — продолжалъ онъ послѣ минутнаго размышленія:—управитель, которому я довѣрялъ вполнѣ, отрекомендовалъ мнѣ эту дѣвку, какъ личность, на которую можно положиться. Я впослѣдствіи женилъ на ней моего камердинера.

— Вы ей дали приданое, домъ, кажется?

— А также клочекъ земли въ Царскомъ,—отвѣчалъ Воротынцевъ.

— Въ награду за услуги?

— Да, за услуги.

— Вѣдь это она распорядилась распустить слухъ о смерти ребенка, родившагося за нѣсколько часовъ до кончины вашей супруги, и отвезти его въ воспитательный домъ?—спросилъ графъ.

Воротынцевъ утвердительно кивнулъ.

— Она поступила такимъ образомъ по своему собственному побужденію, а не по вашему приказанію?—продолжалъ допрашивать графъ.

— Да, по своему собственнному побужденію, но поступокъ ея я одобрилъ и наградилъ ее за него, — твердо, точно впередъ заученный урокъ, возразилъ Воротынцевъ.

Опять наступило молчаніе. Графъ обдумывалъ вопросы, которые ему оставалось предложить своему собесѣднику, а Воротынцевъ терпѣливо ждалъ, не проявляя при этомъ ни страха, ни смущенія.

Ничто не выдавало испытываемой имъ нравственной пытки. Усиліемъ воли ему удалось совладать съ нервами; всѣ черты его лица, не взирая на ознобъ, пробѣгавшій по его тѣлу, хранили обычное, величавое спокойствіе, и нижняя его челюсть не дрожала больше.

Сидѣлъ онъ неподвижно. Не шелохнулся даже тогда, когда маленькая потайная дверь между шкапами, позади его кресла, тихо растворилась, и въ образовавшемся отверстіи появилось блѣдное продолговатое лице съ длинными, черными усами и глубокими темными глазами.

Графъ же немедленно поднялъ голову при появленіи своего помощника и, на мгновеніе зажмурившись, отрицательно покачалъ головой на предложенный ему нѣмой вопросъ.

Блѣдное лице мгновенно скрылось, а графъ, переждавъ еще немного, отложилъ въ сторону бумагу съ помѣтками на поляхъ карандашемъ, которую онъ просматривалъ, и, устремивъ на Воротынцева пристальный и пытливый взглядъ, произнесъ торжественно, отчеканивая слова:

— Государь императоръ васъ всегда удостоивалъ своимъ благоволеніемъ, Александръ Васильевичъ.

Воротынцевъ почтительно наклонилъ голову.

— Ваша супруга была одна изъ любимыхъ фрейлинъ императрицы. Отецъ ея, князь Молдавскій, оказалъ важныя услуги отечеству, наконецъ, у васъ дочь, которая до сихъ поръ пользуется милостями августѣйшей семьи...

И, помолчавъ, графъ продолжалъ:

— Припомните, васъ, можетъ быть, ввели въ заблужденіе. Вы, можетъ быть, имѣли основаніе предполагать, что первой вашей супруги уже нѣтъ въ живыхъ, когда вы вступили во второй бракъ? Она была женщина болѣзненная и, кажется, страдала умопомѣшательствомъ.

Отвѣта на эти вопросы не послѣдовало. Воротынцевъ, сдвинувъ брови, не разжималъ губъ, а графъ, переждавъ съ минуту, продолжалъ:

— Эта женщина, Маланья Тимоѳеева, можетъ быть, съ умысломъ давала вамъ невѣрныя свѣдѣнія о своей госпожѣ и, зная ваши чувства къ княжнѣ Молдавской, можетъ быть, съ умысломъ сообщила вамъ раньше времени о смерти вашей супруги, безнадежное состояніе которой ей было лучше, чѣмъ кому либо, извѣстно? Припомните,—повторилъ онъ настойчиво.

Но и на это Александръ Васильевичъ ни слова не возразилъ. По опущеннымъ вѣкамъ пробѣгалъ трепетъ, а нижняя челюсть снова слегка задрожала.

— Она очень рѣшительная особа, эта Маланья Тимоѳеева,— снова началъ графъ, мѣняя торжественный тонъ на добродушно

ироническій.—Хватило же у нея смѣлости объявить новорожденнаго младенца мертвымъ, когда онъ былъ живъ, да еще при этомъ искусную mise en scène устроить, уложить въ гробъ съ покойницей куклу изъ тряпокъ, съ цѣлью ввести въ заблужденіе окрестное населеніе. Да ужъ одно то, что она самовольно такъ распорядилась, ужъ одно это доказываетъ, что она и на многое другое была способна.

Опять онъ смолкъ въ ожиданіи отвѣта. Но Александръ Васильевичъ точно окаменѣлъ. На его мертвенно блѣдномъ лицѣ ни одинъ мускулъ не шевелился.

Графъ взглянулъ на стоявшіе передъ нимъ столовые часы. Стрѣлка дошла до двѣнадцати. Бесѣда съ Воротынцевымъ длилась уже два часа.

— Вамъ, можетъ быть, удобнѣе отвѣчать мнѣ письменно? — сказалъ онъ.—Въ такомъ случаѣ мы можемъ подождать ваши показанія до вечера. Сегодня государь въ театрѣ, и я поѣду съ докладомъ во дворецъ часовъ въ одиннадцать, не раньше.

Точно внезапно очнувшись отъ сна, Воротынцевъ вздрогнулъ и автоматическимъ движеніемъ поднялся на ноги.

— Ваше сіятельство, — началъ онъ твердымъ и громкимъ голосомъ,—прошу васъ покорнѣйше передать государю императору мою глубокую признательность за его милость ко мнѣ, но сообщать мнѣ вамъ больше нечего. По чистой совѣсти долженъ сознаться, что никто меня въ заблужденіе не вводилъ, и женился я на княжнѣ Молдавской, зная, что моя первая жена еще жива.

Послѣднія слова онъ особенно ясно и медленно отчеканилъ.

— У васъ есть семья, Александръ Васильевичъ, — вполголоса замѣтилъ графъ.

— Мою вину передъ дочерью князя Молдавскаго и передъ его внуками я съумѣю искупить, ваше сіятельство,—возразилъ высокомѣрно Воротынцевъ.

— Я долженъ буду передать ваши слова государю, — сказалъ графъ, тоже поднимаясь съ мѣста.—Его величеству будетъ прискорбно... А вашъ сынъ? Государю желательно знать ваши намѣренія относительно его.

— Онъ получитъ все, что ему слѣдуетъ получить изъ нашего родоваго состоянія, какъ мой единственный, законный наслѣдникъ,—холодно возразилъ Воротынцевъ.

И, почтительно раскланявшись, вышелъ.

Длинная зала, почти пустая, когда онъ проходилъ черезъ нее два часа тому назадъ, была теперь полна публики всякаго званія и состоянія.

Ждали тутъ своей очереди и люди изъ простонародья, и хорошо одѣтые господа, военные и статскіе, дамы и простыя бабы.

У всѣхъ почти лица были угрюмыя или озабоченныя. У многихъ черты были искажены страхомъ, печалью или отчаяніемъ. Завязывались тамъ и сямъ шепоткомъ разговоры, прерываемые тяжелыми вздохами и долгими молчаніями.

На Воротынцева, когда онъ проходилъ черезъ эту залу, никто не обратилъ вниманія. Мало ли важныхъ и богатыхъ баръ ѣздило къ шефу жандармовъ за совѣтомъ, съ жалобами и съ просьбами всякаго рода!

У окна, близь двери, стоялъ бѣлокурый юноша, съ блѣднымъ, моложавымъ лицомъ. Поровнявшись съ нимъ, Александръ Васильевичъ, который до этой минуты шелъ, не озираясь ни вправо, ни влѣво, поднялъ голову, поблѣднѣлъ и, какъ вкопанный, остановился.

Чьи это глаза смотрѣли на него съ наивнымъ любопытствомъ, пристально и боязливо?

У одного только существа въ мірѣ могли быть такіе глаза, у сына Мароиньки.

Но замѣшательство Александра Васильевича длилось не долго, онъ отвернулся отъ представшаго передъ нимъ призрака и прошелъ дальше не оборачиваясь.

— Ну, что, Леонтій Васильевичъ, удалась вамъ ваша комбинація? Видѣлъ Воротынцевъ сына? Узналъ его? — спросилъ графъ Бенкендорфъ у своего помощника, когда послѣ пріема просителей они остались вдвоемъ.

— Не могъ онъ его не видѣть. Я поставилъ его около самой двери; пройти мимо и не замѣтить его было невозможно, — отвѣчалъ Леонтій Васильевичъ.

— И что-жъ? Вы слѣдили за нимъ, когда онъ поровнялся съ сыномъ?

— Слѣдилъ. Онъ какъ будто замялся на мгновеніе въ дверяхъ и повернулъ голову въ ту сторону, гдѣ тотъ стоялъ, но догадался ли онъ, кто этотъ юноша, трудно сказать, такъ быстро прошелъ онъ дальше.

— Я вамъ говорилъ, что такъ выйдетъ. Я Воротынцева знаю, это характеръ.

— Но вѣдь признать сына онъ не отказывается?—полюбопытствовалъ Леонтій Васильевичъ.

— Ни отъ чего онъ не отказывается. Сегодня онъ мнѣ сознался даже и въ такихъ преступленіяхъ, о которыхъ я его и не спрашивалъ.

— Это, можетъ быть, очень ловко съ его стороны, великодушіе государя ему извѣстно...

— Увидимъ,—замѣтилъ съ усмѣшкой графъ.

Вернувшись домой, Александръ Васильевичъ заперся въ кабинетѣ и писалъ до обѣда письма.

Къ обѣду онъ вышелъ спокойный и даже веселый, освѣдомился у жены про ея здоровье, спросилъ у Ривьера, доволенъ ли онъ дѣтьми, и пошутилъ надъ блѣдностью дочери.

— Ты вчера хотѣла меня видѣть, Марѳа,—сказалъ онъ, ласково потрепавъ ее по щекѣ,—но я былъ занятъ. Что тебѣ? Вѣрно, про твою Полиньку что нибудь?

— Нѣтъ, папенька.

Одно только слово и могла она произнести при постороннихъ на его вопросъ, но если-бъ онъ позволилъ ей придти къ нему въ кабинетъ и высказать ему съ глазу на глазъ все то, чѣмъ переполнена ея душа, какъ много бы она ему сказала!

— Она очень прилична, эта дѣвушка,—продолжалъ Александръ Васильевичъ, не вслушиваясь въ возраженія дочери и не замѣчая ея волненія—Я ничего не имѣю противъ того, чтобъ она заступила при тебѣ мѣсто m-lle Lecage, но... méfiez vous des engouements, ma chère, méfiez vous des engouements, — повторилъ онъ, шутливо грозя ей пальцемъ.

И, опять не дождавшись отвѣта, онъ продолжалъ:

— Почему ея сегодня здѣсь нѣтъ? Ты не посылала за нею?

— Нѣтъ, не посылала... мнѣ хотѣлось бы...

Она рѣшила во что бы то ни стало добиться съ нимъ свиданія наединѣ, но онъ, не давъ ей докончить начатой фразы, поднялся изъ-за стола.

Дѣти и мсьё Ривьеръ подошли благодарить его за обѣдъ. Подошла и Марта, послѣ всѣхъ, когда онъ отошелъ отъ ея матери.

— Папенька,—прошептала она, цѣлуя его руку,—выслушайте меня, Бога ради... я не могу дольше молчать... мнѣ вамъ надо сказать...

Въ глазахъ его промелькнуло выраженіе, похожее на испугъ.

— Послѣ, послѣ, сегодня я занятъ, — отрывисто проговорилъ онъ,—пусти меня, душа моя.

И, вырвавъ руку, которую она прижимала къ своимъ губамъ, онъ отвернулся отъ ея взгляда, полнаго отчаянной мольбы, и торопливо вышелъ изъ комнаты.

Слѣдовать за нимъ она не осмѣлилась.

Въ темномъ проходѣ у лѣстницы, что вела въ ея комнаты, Марта увидѣла жену камердинера. Маланья давно ужъ ее тутъ дожидалась.

— Барышня, милая, ничего вамъ папенька не сказали? — спросила она задыхающимся шепотомъ.

— Ничего,—отвѣчала сквозь слезы дѣвушка.

— А Мишѣ они изволили сказать...

— Что такое? Что онъ ему сказалъ?—стремительно перебила ее Марта.

— Сказали, чтобъ не тревожился и меня бы успокоилъ. Все, дескать, благополучно, никому ничего худаго не будетъ. Все, говоритъ, я устроилъ, опасаться вамъ нечего... А только мнѣ не не вѣрится, милая барышня, чтобъ они правду сказали, не вѣрится, да и все тутъ. Ноетъ у меня сердце, такъ ноетъ, мѣста себѣ не нахожу. Ужъ третій разъ съ утра сюда прибѣгаю, не сидится дома, хоть ты тутъ что хочешь дѣлай. Все думается, если что случится, здѣсь скорѣе узнаю.

— Приди ко мнѣ, — сказала Марта, поднимаясь по винтовой лѣстницѣ.

Маланья послѣдовала за нею.

— А той барышни нѣтъ сегодня, что у васъ кажинный день бываетъ?—спросила она.

— Нѣтъ, я за нею сегодня не посылала.

— И хорошо сдѣлали, милая барышня, не до чужихъ здѣсь таперича,—прибавила со вздохомъ Маланья.

Когда наступили сумерки, Александръ Васильевичъ приказалъ заложить карету и куда-то уѣхалъ.

Куда? Михаилъ Ивановичъ такъ и не могъ узнать, ни отъ выѣзднаго Митьки, ни отъ кучера.

— Приказали остановиться на набережной и стоять тутъ, а сами вышли и пошли пѣшкомъ въ переулокъ, а ужъ въ какую сторону они изъ переулка завернули, какъ тутъ угадать! Митьку они съ собой не взяли, приказали и ему ждать на набережной. Черезъ часъ, надо такъ полагать, вернулись, сѣли въ карету и приказали домой ѣхать.

— Портфель маленькій у нихъ подъ шинелью былъ, какъ поѣхали, а вернувшись, я у нихъ этого портфеля какъ будто не видѣлъ,—замѣтилъ въ свою очередь Митька.

Вечеръ Александръ Васильевичъ провелъ за работой у письменнаго стола.

Въ десятомъ часу Марта опять прислала спросить, можетъ ли она къ нему войдти, но онъ такъ сердито отвѣтилъ: «нельзя», что настаивать было невозможно.

До полуночи бродила она по темнымъ корридорамъ и полуосвѣщеннымъ парадньшъ комнатамъ, въ надеждѣ, что отецъ про нее вспомнитъ и пошлетъ за нею, или случится что нибудь такое, что дастъ ей возможность возобновить попытку повидаться съ нимъ наединѣ, но она дождалась только того, что камердинеръ, выходя изъ уборной барина, объявилъ ей, что папенька чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровымъ, легли почивать и не

приказали входить завтра утромъ въ спальню до тѣхъ поръ, пока они не позвонятъ.

Послѣ этого Мартѣ оставалось только возвратиться къ себѣ и съ ноющимъ отъ мучительныхъ предчувствій сердцемъ лечь въ постель.

На другой день, часу въ двѣнадцатомъ, недоумѣвая передъ необычно продолжительнымъ сномъ барина, Михаилъ Иванычъ рѣшился нарушить данное ему наканунѣ вечеромъ приказаніе. Онъ снялъ башмаки и, осторожно ступая по ковру въ однихъ чулкахъ, проникнулъ въ спальню.

Тутъ было темно отъ тяжелыхъ драпировокъ, опущенныхъ передъ окнами, и царствовала полнѣйшая тишина.

Постоявъ съ минуту въ нерѣшительности передъ кроватью подъ балдахиномъ, онъ дрожащей отъ страха рукой отвелъ край тяжелой, шелковой ткани и сталъ всматриваться въ блѣдное, искаженное лице своего барина, дотронулся до его уже окоченѣвшей руки и съ раздирательнымъ воплемъ выбѣжалъ вонъ изъ комнаты.

Александръ Васильевичъ Воротынцевъ былъ мертвъ.

Н. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ДО И ПОСЛѢ[1].

(Изъ бурсацкихъ воспоминаній).

XVI.

По епархіи.

МЫ ВЫѢХАЛИ почти при торжественной обстановкѣ. Въ то время, какъ на архіерейскій дворъ въѣхали четыре экипажа, собрались всѣ пѣвчіе и значительная часть соборнаго штата. Пѣвчимъ, оставшимся въ городѣ, не было никакой надобности собираться, и никто ихъ не звалъ; они сами пришли. Это было своего рода добровольное мученіе при видѣ того, какъ другіе пользуются счастьемъ, потому что среди цѣлаго хора не было ни одного человѣка, который не далъ бы дорого за то, чтобы поѣхать.

Можетъ быть, иные не теряли надежды на поѣздку, расчитывая, что въ послѣднюю минуту какой нибудь безумный случай измѣнитъ всѣ обстоятельства. Ну, архіерею придетъ въ голову капризная и ничѣмъ не объяснимая мысль, что нужно оставить тѣхъ и взять этихъ, или всѣ мы, назначенные къ поѣздкѣ, вдругъ потеряемъ голоса, смертельно заболѣемъ, провалимся сквозь землю, словомъ, произойдетъ какая

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLVIII, стр. 56.

нибудь катастрофа. Что же касается соборнаго штата, то изъ него ѣхали только: настоятель, молодой еще, очень ученый магистръ (онъ же и ректоръ бурсы), который долженъ былъ ѣхать въ одной каретѣ съ архіереемъ, протодьяконъ и иподьяконъ, остальные же пришли спеціально для того, чтобы устроить архіерею торжественныя проводы.

Экипажи, въ которыхъ мы должны были ѣхать, стояли совсѣмъ готовые, каждый былъ запряженъ четверкой почтовыхъ лошадей. Три изъ нихъ были очень страннаго типа, широкіе, громоздкіе, съ складными верхами, какъ-то тяжеловѣсно болтавшимися позади, съ гигантскими крыльями, съ необыкновенно возвышеннымъ сидѣньемъ для кучера, и при каждомъ движеніи той или другой лошади, даже когда она стоя подымала ногу или обмахивалась хвостомъ, этотъ экипажъ издавалъ странный звукъ, похожій на неодобрительное кряхтѣнье. Четвертый—былъ просто очень длинный ящикъ на четырехъ колесахъ. Онъ былъ нагруженъ нашимъ багажемъ, нотами, предметами церковнаго облаченія, всѣмъ тѣмъ, что могло понадобиться въ дорогѣ.

Мы должны были выѣхать впередъ, а архіерей послѣ насъ часа черезъ два. И вотъ началось усаживанье. Садились въ каждый экипажъ по пяти душъ, по два мальчика и трое взрослыхъ, но такъ какъ Пичужко былъ шестнадцатый, то его пришлось помѣстить на козлы рядомъ съ кучеромъ.

— Ничего,—весело сказалъ онъ:—мнѣ и тутъ будетъ хорошо!

И ловко взобрался на высокіе козлы того экипажа, гдѣ сидѣлъ я. Ни у кого изъ насъ, ѣдущихъ мальчиковъ, не было столько завистниковъ и недоброжелателей, какъ у него. Мальчики, которымъ было суждено оставаться дома и ходить въ школу, громко высказывали свое негодованіе.

— Этотъ пролаза всюду вотрется! — говорили они: — и зачѣмъ ему ѣхать? Вѣдь онъ безголосый!... Развѣ, можетъ быть, станетъ сапоги чистить о. Петру!..

Это послѣднее предположеніе было высказано съ явною цѣлью оскорбить моего друга, но Пичужко, во всякое другое время очень чуткій къ обидѣ и всегда готовый вступиться за себя и отвѣтить вдесятеро большимъ оскорбленіемъ, на этотъ разъ оказался неуязвимымъ. Онъ до такой степени былъ проникнутъ счастливымъ сознаніемъ, что покидаетъ эти скучныя стѣны нашего казармо-подобнаго жилища, что ничего не замѣчалъ. Предстояла поѣздка степью, улыбались разнообразныя впечатлѣнія, которыхъ такъ жаждала его поэтическая душа.

Наконецъ, зазвенѣли бубенцы, и мы торжественно и весело выѣхали изъ двора. Три причудливыхъ экипажа, запряженные четверней каждый, звонъ бубенцовъ, къ которому впослѣдствіи, когда мы выѣхали за городъ, присоединился звонъ колокольчиковъ, при-

вѣшенныхъ къ дугѣ, молодецкій видъ ямщиковъ въ круглыхъ шапкахъ съ павлиньими перьями, наши веселыя лица, все это обращало на насъ общее вниманіе всюду, гдѣ только мы ни проѣзжали. Прохожіе останавливались и съ любопытствомъ глядѣли на этотъ странный поѣздъ.

Особенно весело сдѣлалось намъ, когда мы выѣхали за городъ. Ну, мальчишкамъ весело отъ всякой перемѣны, но надо было видѣть лица взрослыхъ, почтенныхъ мужей, въ родѣ хотя бы самаго о. Петра. Всѣ улыбались, шумѣли, говорили глупости, громко смѣялись. Вѣдь для всѣхъ эта поѣздка была отдыхомъ, временнымъ освобожденіемъ отъ разнаго рода обычныхъ скучныхъ обязанностей, тоскливо тянувшихся изо дня въ день и грозившихъ тянуться такимъ образомъ до самой смерти. Жизнь этихъ людей была лишена всякаго движенія, въ ней совершенно отсутствовали какіе бы то ни было порывы, внезапныя, неожиданныя перемѣны, способныя придавать скучной житейской канители интересъ новизны. Все тянулось по разъ установленному шаблону, все было узко, мелко, незначительно и пошло. А тутъ вдругъ— все иначе, разомъ всѣ освободились отъ обычныхъ формъ обязательной службы, отъ надоѣвшихъ, досадливыхъ семейныхъ обязанностей, у всѣхъ точно разомъ выросли крылья.

Я ѣхалъ въ одной коляскѣ съ о. Петромъ. Онъ вынулъ изъ кармана листъ бумаги, въ которомъ былъ изображенъ маршрутъ нашего путешествія, и объявилъ, что первой нашей станціей будетъ село Епанчино, до котораго надо было ѣхать пятнадцать верстъ. Я зналъ, что село Епанчино лежитъ по дорогѣ къ нашему селу, и меня очень интриговалъ вопросъ: поѣдемъ ли мы въ наше село и когда. Но узнать это не было никакой возможности. О. Петръ заглянулъ въ листъ бумаги какъ-то мелькомъ и сейчасъ же спряталъ его въ карманъ. Очевидно, имѣлось въ виду соблюдать тайну.

Тайна эта объяснялась желаніемъ архіерея заставать свою паству врасплохъ. Ему было очень хорошо извѣстно, что своевременно освѣдомленныя духовныя лица умѣютъ отлично придавать себѣ и приходскимъ дѣламъ вполнѣ благолѣпный видъ. Между тѣмъ ему хотѣлось добыть чистую истину.

Съ нами ѣхали Ѳедоръ и протодіаконъ. Этотъ послѣдній былъ мужчина средняго роста, тонкій и худощавый, даже тщедушный. Глядя на него, никогда нельзя было подумать, что въ глубинѣ его гортани скрывается такой гремучій басъ, какимъ онъ въ дѣйствительности обладалъ. Но стоило ему только заговорить, какъ это становилось ясно. Онъ вовсе не умѣлъ говорить тихо, произносилъ каждый слогъ ясно, отчетливо, громко, какъ въ церкви. Въ хорѣ не было такого сочнаго и густаго баса, какимъ обладалъ протодіаконъ. Въ его голосѣ было что-то необыкновенно

мужественное и даже благородное. Казалось, что этотъ голосъ служилъ выраженіемъ какой-то могучей силы, которая незримо сидѣла въ этомъ тщедушномъ человѣкѣ. И когда его голосъ плавно гремѣлъ подъ высокими сводами соборной церкви, молящіеся ощущали какой-то торжественно благоговѣйный трепетъ. Служилъ онъ всегда съ достоинствомъ, никогда не щеголялъ голосомъ, не выкрикивалъ высокихъ нотъ. Отчасти и у самого его не было къ этому вкуса, отчасти и архіерей не позволялъ этого, находя, что подобныя выкрикиванья въ церкви не приличны. Поэтому протодіаконъ всю службу проводилъ однотонно и давно уже въ соборѣ не слышали, какъ «выносятъ» многолѣтіе или евангельское чтеніе. Надо, однако, сказать, что далеко не всѣ соборные прихожане были довольны этимъ обычаемъ. Многіе находили, что съ тѣхъ поръ, какъ перестали «выносить», въ церковной службѣ явился существенный пробѣлъ.

— А кто въ Епанчинѣ священникомъ? Вы не знаете, о. Петръ?— спросилъ протодіаконъ.

О. Петръ замялся и не сразу отвѣтилъ.

— Н-не знаю хорошенько... Кажись, о. Иванъ Заурядскій...

— Га... Га-а!—громко и очевидно тенденціозно кашлянулъ Өедоръ.

— Фу, ты... Что это вы, Өедоръ?.. Даже испугали меня!—воскликнулъ о. Петръ и въ самомъ дѣлѣ вздрогнулъ.

— Нѣтъ, это я такъ... Въ горлѣ першитъ! — отвѣтилъ Өедоръ и выразительно толкнулъ локтемъ въ бокъ протодіакона. Тотъ не понялъ, потому что вообще былъ простодушный человѣкъ.

— А этотъ о. Иванъ Заурядскій, кажись, вамъ кумомъ приходится, о. Петръ? — продолжалъ Өедоръ и на этотъ разъ подмигнулъ уже мнѣ.

О. Петръ сердито тряхнулъ головой.

— Ну, такъ что-жъ, что кумъ? Ну, кумъ! Что же изъ того? Какой вы надоѣдливый, Өедоръ!..

Өедоръ опять толкнулъ локтемъ въ бокъ протодіакона, а тотъ опять ничего не понялъ.

— Я думаю, вы таки оповѣстили кума? а? Отецъ Петръ!?— не отставалъ Өедоръ.

— Что такое оповѣстилъ? О чемъ вы говорите?

— Насчетъ архіерейскаго пріѣзда!... а?

— Вовсе и не думалъ! Никого я не извѣщалъ!.. Я даже не имѣю права...

— Ну, это пустое. Какое тамъ право, ежели кумъ!?.. А знаете, о. Петръ, я самъ видѣлъ вчера вечеромъ Заурядскаго.

— Что? Гдѣ вы его видѣли?

— Видѣлъ, какъ онъ вышелъ отъ васъ, сѣлъ въ свою бричку и поѣхалъ...

— Удивляюсь вамъ... Вы все видите!.. Ну, такъ что-жъ такое, что онъ былъ у меня? Эка важность! И извѣстилъ, что-жъ тутъ такого? Все-жъ 'таки онъ мнѣ кумъ, свой человѣкъ... Я думаю, грѣха тутъ большаго нѣтъ...

— Да я развѣ что нибудь такое говорю? Если-бъ я былъ на вашемъ мѣстѣ, я бы всѣхъ оповѣстилъ. Зачѣмъ людямъ службу портить? Пускай бы приготовились. И преосвященнѣйшій владыка, увидавъ вездѣ отмѣнный порядокъ, былъ бы доволенъ и не сердился бы... Ей-ей! Такъ я говорю?—обратился онъ къ протодіакону.

— А, разумѣется, такъ!..—сказалъ тотъ.—Никому зла дѣлать не слѣдуетъ, какъ бы и себѣ самому!..

— Не имѣю права!...—отвѣтилъ о. Петръ.

— Ну, вотъ какіе пустяки вы говорите! Мало ли на что мы права не имѣемъ, а дѣлаемъ... Ей-ей!

— Нѣтъ, этого не полагается!.. Мнѣ и списокъ данъ по секрету; какъ же это можно?

— Гм... По секрету?! Такъ вы и оповѣстите тоже по секрету... Такъ и скажите, что, молъ, никому нельзя говорить и, Боже сохрани, чтобъ преосвященный не узналъ какъ нибудь.

— Ну, какой же это будетъ секретъ, когда узнаютъ какъ разъ тѣ, кому знать нельзя!..

Но Ѳедоръ, не смотря на эти, повидимому, разумныя возраженія, не хотѣлъ отстать отъ него.

— Однако же, о. Петръ, кума своего вы извѣстили... — замѣтилъ онъ.

— Отстаньте вы отъ меня, пожалуйста! Чего вы пристали! — нетерпѣливо крикнулъ регентъ, очевидно теряя терпѣніе.

— А у меня тоже есть кумъ! — простодушно сказалъ протодіаконъ:—и я тоже хотѣлъ бы оповѣстить его...

— У васъ? А гдѣ вашъ кумъ?—спросилъ о. Петръ.

— Въ Заблудовкѣ, о. Макарій Маккавеевъ...

— Ну, и оповѣстите его... Вотъ я вамъ сейчасъ скажу...—Онъ вынулъ изъ кармана маршрутъ, заглянулъ въ него и сейчасъ же опять положилъ обратно:—Заблудовка—большое село. Тамъ будемъ черезъ полторы недѣли въ субботу. Служимъ всенощную, ночуемъ, служимъ обѣдню... Вотъ и все. Только скажите Ѳедору, чтобъ больше не приставалъ ко мнѣ, а то съ нимъ до грѣха дойдешь...

— Ха, ха, ха! — заливался Ѳедоръ. — Вотъ и отлично! Вотъ о. протодіаконъ и сдѣлаетъ удовольствіе своему куму. Экая жалость, что у меня нѣтъ кума! Нигдѣ нѣтъ, хоть шаромъ покати! Хоть бы плохенькій!...

— Молчите, пожалуйста!...

— Такъ вѣдь молчать скучно, о. Петръ! Вотъ что: не покропить ли мнѣ мою октаву?.. А то она совсѣмъ присохла... а? Какъ вы думаете?

При этихъ словахъ онъ вынулъ изъ кармана штановъ полуштофъ, раскрылъ его и поднесъ ко рту.

— Тьфу!—презрительно плюнулъ о. Петръ:—безъ этого не можетъ обойтись...

— А какъ же можно безъ этого обойтись? А октава? Вы забыли? Октава этого требуетъ. Октава требуетъ, чтобъ ее поили!.. Вы думайте, это я пью? Нисколько! Это октава пьетъ! Ей-Богу!...

Протодіаконъ взглянулъ на него и усмѣхнулся.

— Однако, какой вы запасливый, Өедоръ! Право.

Сказалъ онъ это не безъ сожалѣнія и не безъ зависти. Хотя онъ и не могъ похвастаться такой низкой и густой октавой, какая была у Өедора, но также не отрицалъ необходимости «кропленія». Разница между ними была только та, что Өедоръ послѣ перваго же глотка приходилъ въ умильное настроеніе и глаза его дѣлались влажными, тогда какъ протодіаконъ туго поддавался опьяненію. Өедоръ правильно понялъ и оцѣнилъ его чувства.

— Если не брезгаете, о. протодіаконъ, то можно и вамъ хватить!—сказалъ онъ, поднеся штофъ къ его устамъ.

— Зачѣмъ же брезгать? Тутъ нечего брезгать!—отвѣтилъ протодіаконъ и безъ дальнихъ разговоровъ взялъ штофъ и извлекъ изъ него препорядочную порцію.

— Ахъ, господа, господа!—со вздохомъ промолвилъ о. Петръ:—что вы только дѣлаете... Богъ съ вами! При мальчикахъ! Ей-Богу же, это не хорошо, неблаговидно!...

— А вы, о. Петръ, не изопьете? а? — спросилъ протодіаконъ, предлагая ему штофъ.

О. Петръ отрицательно покачалъ головой и махнулъ рукой.

— Даже и надобности никакой нѣтъ!—сказалъ онъ.

Өедоръ скорчилъ комическую рожу, выражавшую сомнѣніе.

— Какъ же нѣтъ надобности? Все-жъ таки прохладно еще, не лѣто теперь... Согрѣться не мѣшаетъ. При томъ... Ахъ, о. Петръ, вы и не знаете, какъ это вкусно, ежели на свѣжемъ воздухѣ... Это совсѣмъ другой напитокъ!... Увѣряю васъ!...

— Вѣрно!—подтвердилъ протодіаконъ.

О. Петръ опять покачалъ головой и отвернулъ лице отъ штофа, какъ бы избѣгая соблазна.

— Гм... А вы подумайте, о. Петръ... Ей-ей, подумайте!—настаивалъ Өедоръ.

— Ну, этотъ Өедоръ какъ пристанетъ, никакъ отъ него не отвяжешься!—сердито произнесъ о. Петръ.—Развѣ, чтобы отвязаться... Давайте ужъ...

Продолжая быть разсерженнымъ, онъ выхватилъ у протодіакона штофъ и гнѣвно выпилъ изъ него нѣсколько глотковъ. Өедоръ хохоталъ и подмигивамъ намъ.—Вотъ за что я васъ люблю, о. Петръ, такъ это за то, что васъ всегда упросить можно! — говорилъ онъ

очень весело. — Съ виду-то вы сердитесь, а ежели на васъ хорошенько налечь, такъ вы непремѣнно сдѣлаете такъ, какъ просишь...

О. Петръ вытеръ усы рукавомъ рясы и ничего не отвѣтилъ.

Дорога была хороша. Влага отъ недавно стаявшаго снѣга подъ теплыми лучами весенняго солнца испарилась, но солнце не успѣло еще превратить землю въ камень, и колеса экипажей катились по дорогѣ мягко и безшумно, словно по ковру. Небо было чисто, воздухъ ясенъ и тихъ. Легко дышалось, и какое-то безпричинное веселье наполняло грудь и пріятно щекотало нервы. Наши четверки мчались быстро. Какою-то бодростью вѣяло отъ ихъ оживленнаго бѣга, отъ браваго вида ямщиковъ, отъ всей этой шумной и безпечальной компаніи, вырвавшейся на волю, случайно выбившейся изъ скучной колеи обыденной, будничной жизни.

Общее настроеніе было праздничное. И въ самомъ дѣлѣ, вся эта поѣздка была для насъ не что иное, какъ сплошной праздникъ. Всѣ наши обычныя обязанности, не заключавшія въ себѣ ровно ничего пріятнаго, спали съ нашихъ плечъ. Нельзя же было считать обязанностью, напримѣръ, то, что мы въ каждой деревнѣ, обозначенной въ маршрутѣ, должны будемъ встрѣчать архіерея при входѣ его въ церковь торжественнымъ пѣніемъ, а въ крупныхъ пунктахъ—пропѣть всенощную и обѣдню. Если это и походило еще на обязанность, то это было все. Остальное же надо было смѣло причислить къ правамъ, и притомъ очень пріятнымъ правамъ. Втеченіе, по крайней мѣрѣ, мѣсяца мы будемъ лихо кататься по чистому полю, дышать чуднымъ воздухомъ, не вѣдать никакихъ заботъ, всюду будутъ принимать насъ съ распростертыми объятіями, какъ дорогихъ гостей... Чего же лучше? И какъ было намъ, привыкшимъ къ постоянному стѣсненію во всемъ и на каждомъ шагу, не ощущать въ груди ликованія?

Мы и не замѣтили, какъ прокатили пятнадцать верстъ. Вонъ уже невдалекѣ видна узкая рѣчка, теперь, послѣ таянія снѣга, наполнившаяся водою и быстро несущаяся по наклонной плоскости. Въ срединѣ лѣта она высохнетъ до послѣдней капли, и въ въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь весело переливаются ея воды, будетъ виднѣться только черное дно, сухое и твердое, какъ и вся земля въ тѣ жаркіе дни. По берегу рѣчки раскинулось село, какъ двѣ капли воды, похожее на сотни другихъ селъ, также, какъ оно, раскинувшихся по берегу какой нибудь случайной, незначительной рѣчки или ставка,—съ невысокой, старенькой церковью, съ запущеннымъ помѣщичьимъ домомъ и столь же запущеннымъ садомъ, съ каменнымъ нештукатуреннымъ зданіемъ кабака...

Когда мы подкатили къ церковному дому, въ церковной оградѣ уже собрался, очевидно, цвѣтъ деревенскаго общества. Кумъ о. Петра, о. Иванъ Заурядскій, въ новенькой черной рясѣ, стоялъ впереди

всѣхъ. Онъ былъ уже не молодыхъ лѣтъ, въ длинной бородѣ бѣлѣло немало сѣдыхъ волосъ; росту небольшаго, довольно толстъ и полнокровенъ. Далѣе шелъ дьякъ, высокій, въ длинномъ кафтанѣ, худой и совсѣмъ старенькій, какія-то двѣ дамы въ шляпкахъ и въ мѣшковатыхъ кофточкахъ, должно быть, матушка и дьячиха, церковный староста и сельскій староста, очевидно, задавшіеся цѣлью перещеголять другъ друга блескомъ огромнѣйшихъ чеботъ, обильно смазанныхъ дегтемъ, нѣсколько человѣкъ съ мѣдными бляхами на груди и еще съ десятокъ мужиковъ и бабъ, безъ опредѣленнаго амплуа.

Кумовья встрѣтились трогательно, заключивъ другъ друга въ объятія. Въ первую минуту, однако, у о. Ивана Заурядскаго былъ довольно трепетный видъ. Но, убѣдившись, что архіерея еще нѣтъ, а будетъ онъ часа черезъ два, о. Иванъ повеселѣлъ и сейчасъ же принялъ радушно-гостепріимный видъ.

— Такъ э-э... тово... Значитъ, господа, вы успѣете закусить до пріѣзда преосвященнаго?!—сказалъ онъ.

— И выпить! — густо пробасилъ Ѳедоръ, очевидно, желавшій сразу показать жалкимъ провинціаламъ, какая съ преосвященнымъ ѣдетъ октава.

— Ну, это тово... э-э... это само собою разумѣется!.. Такъ уже э-э... попрошу тово... ко мнѣ... ко мнѣ въ горницу... Тамъ уже тово... при... э-э... приготовлено... Матушка, угости-ка гостей!...

Изъ группы встрѣчавшихъ выдѣлились обѣ упомянутыя выше дамы, какъ будто онѣ вмѣстѣ и составляли матушку, и обѣ совершенно одинаково улыбнулись намъ, всѣмъ своимъ видомъ приглашая насъ слѣдовать за ними. Мы послѣдовали.

Въ скромныхъ покояхъ о. Ивана Заурядскаго насъ ожидала великолѣпная закуска съ разнообразными винами. Все это было живописно разставлено на длинномъ столѣ, и видъ всего этого сразу разрушалъ въ корнѣ иллюзію неожиданности архіерейскаго пріѣзда. Очевидно, насъ здѣсь ждали и очень хорошо приготовились.

XVII.

Продолженіе предыдущей.

Нечего и говорить, что преосвященный засталъ все въ образцовомъ порядкѣ. Церковь была выметена, полы вымыты, передъ иконами горѣли лампадки, метрическія книги были на мѣстѣ, утварь и облаченіе—все это было въ такомъ видѣ, будто здѣсь вчера тщательно приготовились къ свѣтлому празднику. Церковь снаружи была заново побѣлена, и это было настоящее чудо. Бѣлилъ ее всю ночь церковный сторожъ, такъ какъ отецъ Заурядскій пріѣхалъ

изъ города позднимъ вечеромъ. Однимъ словомъ, все было въ величайшемъ порядкѣ, архіерей былъ доволенъ и привѣтливо улыбался, благословляя прихожанъ, которыхъ къ его пріѣзду набралась полная ограда, а отецъ Заурядскій ликовалъ и въ душѣ благодарилъ Бога за то, что гроза благополучно миновала. Онъ думалъ о томъ, какъ хорошо имѣть кума тамъ, гдѣ слѣдуетъ имѣть его. Въ это самое время архіерей спросилъ его.

— А что-жъ ты, отецъ, школы мнѣ не показываешь? а? Школы я еще не видалъ, да и учителя здѣсь нѣтъ...

— Школы, ваше преосвященство, у насъ не тово... не имѣется... — дрожащимъ голосомъ отвѣтилъ отецъ Заурядскій. Въ одно мгновеніе онъ струсилъ, и разомъ пропала вся его увѣренность въ благополучномъ исходѣ. Безъ сомнѣнія, онъ нисколько не былъ виноватъ въ томъ, что въ Епанчинѣ нѣтъ школы, но, тѣмъ не менѣе, былъ глубоко убѣжденъ, что архіерей станетъ бранить его за это. Если бы архіерею пришла въ это время мысль заговорить вообще о свойственныхъ человѣческому роду несовершенствахъ, то отцу Заурядскому точно также показалось бы, что и въ этихъ несовершенствахъ рода человѣческаго виноватъ не кто иной, какъ онъ, Заурядскій, и его за это будутъ разносить.

— Гм... Какъ же такъ? Надо завести школу!... Такое большое село, и нѣтъ школы! Это не хорошо!...—замѣтилъ архіерей.

— Она будетъ заведена, ваше преосвященство!—сказалъ о. Заурядскій, не имѣя, впрочемъ, на это никакихъ основаній.

— А, будетъ? Ну, это хорошо! Надо, непремѣнно надо!...—закончилъ архіерей, понявшій слова о. Заурядскаго въ томъ смыслѣ, что это уже дѣло рѣшенное.

Такимъ образомъ, дѣло кончилось благополучно. Но, не смотря на это, о. Заурядскій все остальное время нашего пребыванія въ Епанчинѣ былъ блѣденъ и сумраченъ. На свѣтломъ фонѣ его души, свѣтломъ оттого, что онъ хорошо приготовился къ архіерейскому пріѣзду, легло темное пятно. Все-жъ таки не на всѣ вопросы архіерея онъ могъ отвѣчать удовлетворительно. Хотя устройство школы и не входило въ кругъ его обязанностей, но онъ былъ бы въ милліонъ разъ счастливѣе, если бы могъ на вопросъ архіерея отвѣчать: «школа есть. Не соблаговолите ли посмотрѣть, ваше преосвященство?!» Если бы онъ могъ вчера предвидѣть этотъ случай, онъ непремѣнно принялъ бы какія нибудь мѣры. Онъ устроилъ бы наскоро какое нибудь помѣщеніе, такъ или иначе способное напоминать школу, изобрѣлъ бы учителя, или указалъ бы на какое нибудь строящееся зданіе и сказалъ бы: «строится, ваше преосвященство!» Вѣдь вся суть въ томъ, чтобы архіерей былъ доволенъ, чтобы онъ уѣхалъ изъ Епанчина въ добромъ расположеніи духа. Это онъ будетъ помнить, а остальное,—какъ, напримѣръ, такіе пустяки, какъ школа, — забудется на слѣдующей же станціи.

Меня очень озабочивала мысль о томъ, когда мы должны быть въ нашемъ селѣ. Узнать это было дѣломъ первой важности. Неужели же,—думалъ я,—мы застанемъ ихъ врасплохъ? Хотя я, по сыновнему пристрастію, вѣрилъ въ полную исправность моего отца и всего нашего причта, но все же побаивался. Какія нибудь ничтожныя упущенія могутъ погубить все дѣло. А, между тѣмъ, о. Петръ спряталъ свой списокъ въ внутренній боковой карманъ рясы и принялъ твердое рѣшеніе никому его не показывать.

Такъ какъ я самъ не могъ придумать никакого способа помочь дѣлу, то долженъ былъ прибѣгнуть къ хитроумію моего друга Пичужки.

— Послушай, — сказалъ я ему, — вѣдь это надо какъ нибудь узнать... А вдругъ мы завтра тамъ будемъ, и они ничего не знаютъ!

Пичужко понималъ всю серьезность положенія и глубоко задумался. Но вотъ я замѣтилъ на лицѣ его просвѣтлѣніе.

— А ты знаешь, гдѣ у него этотъ списокъ лежитъ?—спросилъ онъ таинственно.

Я подробно описалъ ему положеніе того кармана рясы о. Петра, гдѣ лежалъ списокъ.

— Ну, ладно!—сказалъ Пичужко:—я придумалъ одну штуку. Не знаю, выгоритъ ли...

Архіерей отдыхалъ въ кабинетѣ о. Заурядскаго, гдѣ было много иконъ и господствовалъ запахъ курительныхъ свѣчекъ. Мы всѣ стояли во дворѣ. Мальчишки бѣгали вокругъ церкви. О. Петръ сидѣлъ на стулѣ, почтительно вынесенномъ ему самой матушкой. Я видѣлъ, какъ Пичужко подошелъ къ нему сзади и внимательно осмотрѣлъ его спину и низъ рясы.

— О. Петръ! — вдругъ сказалъ онъ: — у васъ ряса запачкана!

— Гдѣ?—спросилъ регентъ.

— На спинѣ и внизу... Такъ некрасиво!... Это надо вычистить...

— Не вижу!—сказалъ о. Петръ, оглянувшись и напрасно пытаясь разсмотрѣть собственную спину.

— Да вамъ не увидѣть... Позвольте, я вамъ вычищу... Я въ одну минуту... Позвольте, о. Петръ!...

— Пожалуй... Вычисти!— промолвилъ регентъ, которому очень понравилась предупредительная услужливость Пичужки. — Не успѣлъ онъ выразить согласіе, какъ Пичужко уже стаскивалъ съ него рясу, стараясь сдѣлать это поскорѣе, чтобы о. Петръ какъ нибудь не сообразилъ, въ чемъ дѣло.

— Да ты потише, а то рукавъ оторвешь!...

— Нѣтъ, нѣтъ, я въ одну минуту!... Я... я—мигомъ!...

И Пичужко уже бѣжалъ съ рясой въ рукахъ, отъискивая глазами какое нибудь уединенное мѣсто. Онъ повернулъ въ узкій проходъ между двумя сарайчиками, я, конечно, послѣдовалъ за

нимъ, и мы скоро очутились въ какомъ-то странномъ помѣщеніи, въ родѣ хлѣва. Мигомъ была вынута изъ кармана желанная бумага, и мы начали изучать списокъ. Мы долго не могли найдти нашего села, но, наконецъ, нашли его въ самомъ концѣ. До посѣщенія его оставалось еще болѣе четырехъ недѣль. Оно было назначено на обратный путь. Все это мы приняли къ свѣдѣнію, тщательно свернули бумагу и положили ее обратно въ карманъ. Ряса о. Петра была совершенно чиста, ее не зачѣмъ было чистить.

— Такъ мы вотъ что сдѣлаемъ: въ субботу будемъ въ уѣздномъ городѣ К., тамъ будетъ обѣдня, я выпрошу у Ѳедора десять копѣекъ, и мы пошлемъ твоему отцу письмо... А то они, должно быть, каждый день ждутъ... Зачѣмъ же имъ напрасно безпокоиться?...

Ряса была возвращена о. Петру съ увѣреніемъ, что она теперь совсѣмъ чиста. Я замѣтилъ, что первымъ движеніемъ о. Петра, когда онъ надѣлъ рясу, было—пощупать карманъ. Мнѣ показалось даже, что въ глазахъ его выражалась тревога, которая прошла только тогда, когда онъ убѣдился, что бумага лежитъ на своемъ мѣстѣ.

Замѣтилъ я также, что о. Заурядскій велъ какіе-то таинственные переговоры то съ о. Петромъ, то съ протодіакономъ и даже, какъ мнѣ показалось, что-то такое совалъ имъ въ руки, причемъ тѣ нисколько не отказывались.

Скоро мы опять катили по широкой степной дорогѣ. Ѳедоръ и протодіаконъ были навеселѣ, такъ какъ о. Заурядскій угостилъ насъ хорошо. О. Петръ пытался вздремнуть, но это ему не удавалось. Солнце близилось къ закату. Мы торопили ямщиковъ, чтобы своевременно пріѣхать въ ближайшее мѣстечко, гдѣ былъ предположенъ ночлегъ. О. Петръ порылся въ карманѣ брюкъ, что-то вынулъ оттуда и сказалъ:

— Вотъ, Ѳедоръ, и вы, о. протодіаконъ, смотрите, чтобы потомъ другіе не сказали чего: это далъ на пѣвчихъ о. Иванъ. Тутъ десять рублей...

— Гм...—отвѣтилъ Ѳедоръ:—видно, что вашъ кумъ, о. Петръ, хорошій человѣкъ!... Ей-ей!...

— А мнѣ трешницу далъ!—объяснилъ протодіаконъ:—я и тѣмъ доволенъ...

— Еще бы! Вы же одинъ, а насъ сколько... Да еще преосвященный сказалъ, чтобъ на мальчиковъ выдѣлить половину... Имъ, говоритъ, потомъ пригодится, когда будутъ покидать хоръ... Они, говоритъ, тоже трудятся. Я говорю: ваше преосвященство, ихъ за это кормятъ и одѣваютъ. А онъ: а вамъ, большимъ, жалованье платятъ... Что ты съ нимъ подѣлаешь? Ужъ онъ, ежели что выскажетъ, то такъ и должно быть... Такой у него характеръ!... Придется выдѣлить и имъ. И это насъ на большую сумму обидитъ.

Пичужко оглянулся и любопытными глазами посмотрѣлъ на отца Петра.

— Ну, напримѣръ,—продолжалъ о. Петръ, — этому? Пичужкѣ? За что ему? Вѣдь у него и голоса никакого нѣтъ... А архіерей велѣлъ взять его... И ему часть придется... Несправедливость!...

Протодіаконъ, который никому ничего не долженъ былъ выдѣлять изъ своей добычи, громко и вкусно зѣвнулъ и перекрестилъ ротъ. Ѳедоръ переглянулся со мной и Пичужкой и сдѣлалъ намъ рожи.

Солнце зашло. Всѣ мы чувствовали усталость и мечтали о ночлегѣ, въ ожиданіи сладостнаго сна.

XVIII.

Пичужкинъ подвигъ.

Въ уѣздный городъ мы пріѣхали довольно рано. Въ нѣкоторые небольшіе приходы архіерей заѣзжалъ безъ насъ, останавливался на полчаса, заходилъ въ церковь, благословлялъ, если находилъ чистоту, и разносилъ, если встрѣчалъ неисправность, или былъ въ плохомъ расположеніи духа, но во всякомъ случаѣ наводилъ страхъ. Бѣдное духовенство послѣ архіерейскаго посѣщенія буквально заболѣвало и слегало въ постель.

Въ такихъ случаяхъ, когда архіерей заѣзжалъ въ попутные приходы, мы проживали въ большихъ пунктахъ иногда по нѣскольку дней и блаженствовали. Въ уѣздный городъ мы пріѣхали въ пятницу, а архіерей долженъ былъ прибыть въ субботу къ вечеру. Намъ отвели просторное помѣщеніе въ соборномъ домѣ. Богъ знаетъ, кого и куда выселили на это время изъ квартиры; мы объ этомъ не справлялись, но намъ было удобно. Спали мы въ широкихъ кроватяхъ въ мягкихъ перинахъ. Однимъ словомъ, принадлежность къ архіерейской свитѣ отражалась на насъ самымъ благопріятнымъ образомъ.

По городу очень скоро распространилась вѣсть, что пріѣхала архіерейская свита. Лишенные какихъ бы то ни было зрѣлищъ, обыватели являлись къ соборному дому съ единственною цѣлью поглядѣть на пріѣзжихъ, у оконъ нашей квартиры стояли группы любопытныхъ.

— Пройдемся-ка по городу!—предложилъ мнѣ Пичужко.

— Чего мы тамъ не видали?—спросилъ я.

— Положимъ, ничего такого нѣтъ. Городишко поганенькій. Но мы такъ, похорохоримся!..

— Какъ это похорохоримся?

— Да такъ... Будемъ ходить себѣ, а на насъ будутъ смотрѣть.

Важно такъ! Я люблю, когда дураки на меня смотрятъ, какъ на какое нибудь чудо!..

Мы пошли. Улицы уѣзднаго города были необыкновенно широки, и такъ какъ недавно была грязь, теперь просохнувшая, то онѣ были изрыты въ разныхъ направленіяхъ глубочайшими слѣдами колесъ. Когда по этимъ рытвинамъ проѣзжала телѣга, то она ежеминутно подпрыгивала и плясала на своеобразный ладъ. Прохожіе при встрѣчѣ съ нами останавливались, осматривали насъ и громко говорили:

— Это архіерейскіе пѣвчіе!

Пичужко важно подымалъ голову и молодецки улыбался. Онъ «хорохорился». Надо замѣтить, что по внѣшнему виду мы не представляли ничего оригинальнаго. Такихъ длинныхъ черныхъ сюртуковъ и широкихъ блинообразныхъ фуражекъ съ плисовыми околышками, какъ у насъ, въ городѣ было достаточно. Такъ одѣвались мастеровые, когда въ большой праздникъ шли въ гости, и костюмы ихъ были сшиты также скверно, какъ и наши. Но кажется, что насъ знали уже всѣхъ въ лице и на каждаго изъ насъ смотрѣли, какъ на артиста.

На базарѣ мы собрали вокругъ себя цѣлую толпу. Одинъ бакалейщикъ затащилъ насъ въ свою лавку и сталъ угощать сластями, а на прощанье нагрузилъ наши карманы орѣхами и пряниками. Особенное же удовольствіе доставило ему то обстоятельство, что наши карманы оказались почти бездонными. Сколько онъ ни напихивалъ въ нихъ всякаго добра, все было мало, они никакъ не могли наполниться до краевъ.

— Ну, и карманы-жъ! Вотъ такъ карманы! Прямо—чудеса!— съ непритворнымъ восторгомъ восклицалъ онъ и прибавлялъ еще.

— Вотъ видишь! — говорилъ мнѣ Пичужко, когда мы шли обратно:—мы таки не безъ пользы прогулялись!

Придя въ соборный домъ, мы великодушно угощали нашей добычей всѣхъ своихъ спутниковъ. О. Петръ, однако, не одобрилъ нашъ образъ дѣйствій.

— Ну, ну, вы не очень-то по лавкамъ шляйтесь! Нечего нищую братію изображать!

И дѣйствительно что-то уже было похожее на «нищую братію». Өедоръ и еще одинъ пѣвчій изъ теноровъ забрались въ трактиръ и тамъ охотно принимали угощеніе всѣхъ родовъ; а двое другихъ мальчишекъ, слѣдуя нашему примѣру, притащили откуда-то цѣлую связку винныхъ ягодъ. Хорошо еще, если они просто на просто не стянули его гдѣ нибудь на лоткѣ.

— Послушай,—сказалъ мнѣ Пичужко въ то самое время, когда мы наслаждались плодами своей прогулки.— А мы забыли о самомъ главномъ!

— О чемъ такомъ?

— О письмѣ. Надо же послать письмо къ твоимъ роднымъ. Надо же извѣстить ихъ, когда архіерей будетъ. Но какъ написать его? Гдѣ достать бумагу, перо, чернилъ?

Все это, безъ сомнѣнія, легко было достать, стоило только намекнуть любому духовному лицу. Но вѣдь это былъ глубочайшій секретъ. Надо было сдѣлать это такъ, чтобъ никто не зналъ.

Мы опять пустились съ Пичужкой въ путешествіе, но на этотъ разъ мой другъ уже не «хорохорился». Напротивъ, мы старались идти такъ, чтобъ насъ никто не замѣтилъ, и попали въ церковную сторожку. Сторожъ, хромой старикъ, былъ очень польщенъ нашимъ визитомъ и, узнавъ, что намъ нужно, немедленно доставилъ намъ бумагу, перо, чернила и даже предложилъ марку. Послѣднее было для насъ очень цѣнно, такъ какъ, не смотря на нашу блестящую роль въ уѣздномъ городѣ, денегъ у насъ, все-таки, не было ни копѣйки. Мы написали, что было нужно, изобразили на конвертѣ адресъ и разспросили, гдѣ почтовый ящикъ.

— Охота вамъ безпокоиться! Позвольте, я самъ снесу, на самую почту снесу!—любезно предложилъ хромой сторожъ.

Пичужко многозначительно покачалъ головой. Онъ не могъ никому довѣрить своей тайны. Скептицизмъ по отношенію къ людямъ былъ развитъ у него до послѣдней степени. Нельзя поручиться, что сторожъ снесетъ письмо именно на почту. А, можетъ быть, онъ отдастъ его о. Петру, тогда весь планъ разрушенъ.

По указанію сторожа мы пошли розыскивать почтовый ящикъ. Въ почтовый ящикъ Пичужко вѣрилъ безусловно. Онъ представлялся ему мѣстомъ священнымъ и неприкосновеннымъ.

Ящикъ находился неподалеку отъ собора. Мы шли, оглядываясь по сторонамъ. Строгій образъ о. Петра всюду преслѣдовалъ насъ, вѣроятно, потому, что у насъ совѣсть была нечиста передъ нимъ. Вотъ и зеленый ящикъ. Дрожащими руками Пичужко цѣлитъ письмомъ въ отверстіе ящика.

— А вы что тутъ дѣлаете, сорванцы? — вдругъ раздалось неподалеку отъ насъ.

Пичужко поблѣднѣлъ и торопливо опустилъ письмо въ ящикъ. Передъ нами стоялъ иподіаконъ—долговязый, кудластый, обладавшій длинной шеей, съ чрезвычайно выдающимся кадыкомъ, въ которомъ, по его увѣренію, у него сидѣлъ высокій теноръ.

Рѣшительно непонятно, почему мы оба струсили. Иподіаконъ никоимъ образомъ не былъ нашимъ начальствомъ, если не считать того обстоятельства, что начальствомъ нашимъ былъ всякій, кто хотѣлъ. Но несомнѣнно, что мы струсили и растерялись.

— Мы... мы такъ себѣ!..—отвѣтилъ Пичужко, запинаясь.

— Какъ это такъ себѣ? А письмо? Куда это вы письмо посылаете?

Что было дурнаго въ томъ, что мы послали куда бы то ни

было письмо? И мы, и иподіаконъ знали, что въ этомъ нѣтъ ничего дурнаго, но сознаніе, что мы совершили преступленіе, выдало насъ. Пичужко объяснилъ:

— Письмо къ родителямъ!..

— Къ какимъ родителямъ? Да у тебя развѣ есть родители?

— Къ моимъ!—пояснилъ я.

— Гм... понимаю! Ну, да и шельмы же вы!.. Понимаю!.. Но какъ это вы узнали? Какимъ манеромъ?

Рѣшительно, этотъ иподіаконъ обладалъ геніальной догадливостью. Онъ въ самомъ дѣлѣ понялъ все; это мы видѣли по его глазамъ и по тону, какимъ онъ говорилъ съ нами. Положеніе наше было опасное. Надо было принять мѣры.

— Отецъ иподіаконъ! Вы никому не говорите! Сдѣлайте милость!—взмолился Пичужко.

— Какъ не говорить? Непремѣнно скажу... О. Петру скажу! Сейчасъ пойду и скажу! Ахъ, вы, шельмецы!

— Ну, пожалуйста, не говорите! Сдѣлайте милость, не говорите...

— А скажи, какъ узналъ! Скажи, тогда помолчу...

— Да мы нечаянно узнали... Такъ слышали...

— Врете! Слышать вы не могли! О. Петръ одинъ только знаетъ и никому не говоритъ...

— Ей-Богу, слышали нечаянно!..

— А, такъ вы не хотите сказать?! Ну, я сейчасъ къ о. Петру пойду...

— А вамъ развѣ тоже нужно?—поспѣшно спросилъ Пичужко.

— То-то и есть, что нужно... У меня братъ—дьяконъ въ Кривой Балкѣ... Вотъ, ежели узнаешь, не скажу!..

— Я узнаю!.. — рѣшительно сказалъ Пичужко. — Я вамъ назавтра узнаю!

— Ну, ладно. Дозавтра я подожду, а ежели надуешь, плохо будетъ!

Иподіаконъ ушелъ, а мы смотрѣли другъ на друга съ выраженіемъ взаимнаго укора за то, что не съумѣли обдѣлать такое простое дѣло.

— Нѣтъ, я дуракъ! — обличалъ себя Пичужко. — Нужно было мнѣ съ нимъ разговаривать?! Письмо да и только. Вѣдь ящикъ казенный, изъ него никто не можетъ вынуть! Вотъ дурило я настоящее!.. Теперь хоть удавись, узнай. А какъ я ему узнаю?

Да, въ самомъ дѣлѣ, какъ узнать? Случай, подобный тому, когда мы получили первое свѣдѣніе, уже не можетъ повториться. Во второй разъ нельзя продѣлать такую штуку; о. Петръ догадается. При томъ же неизвѣстно еще, не переложилъ ли онъ бумагу въ другой карманъ. Вообще мы ничего утѣшительнаго не придумали, и положеніе наше было отвратительное. Вѣдь если

иподіаконъ скажетъ о. Петру, то регентъ непремѣнно донесетъ архіерею, а ужъ тутъ намъ не сдобровать: архіерей отнесется къ этому серьезно и, пожалуй, велитъ отослать обратно въ бурсу насъ обоихъ. Мы возвратились домой угрюмые и совершенно растерянные. Видѣли о. Петра. Въ томъ мѣстѣ рясы, гдѣ былъ роковой для насъ карманъ, очень явственно обозначался продолговатый четырехугольникъ, изъ чего мы заключили, что бумага все еще осталась на прежнемъ мѣстѣ. Но какъ достать ее?

— Послушай!—шепнулъ мнѣ Пичужко:—ты слѣди только, когда онъ сниметъ рясу, а тамъ... я придумалъ!..

— Да неужто придумалъ?

— Говорю—придумалъ! Главное, чтобъ онъ снялъ рясу...

До архіерейскаго пріѣзда оставалось еще часа три. Пѣвчіе скучали нестерпимо. Всѣ выспались отмѣнно и такимъ образомъ были лишены этого мирнаго развлеченія. О. Петръ и протодіаконъ помѣщались въ отдѣльной комнатѣ. Они сидѣли другъ противъ друга и самымъ убійственнымъ образомъ молчали. Рѣшительно все было сказано, что только можно было сказать.

— Вотъ скука!—пробасилъ протодіаконъ.—Хоть топись!

— Н-да!—повторилъ о. Петръ:—въ шашки бы сыграть, да шашекъ нѣтъ...

Вдругъ Пичужко влетѣлъ къ нимъ въ комнату.

— Я достану шашки!—оживленно сказалъ онъ.

— Гдѣ же ты ихъ достанешь? Украдешь, что ли?—недовѣрчиво спросилъ о. Петръ.

— Я достану!—повторилъ Пичужко:—сходить?

— Ну, сходи, пожалуй!

Пичужко побѣжалъ. Онъ вспомнилъ, что у соборнаго сторожа—того самаго, что̀ снабдилъ насъ маркой—онъ видѣлъ старую загрязненную шахматную доску. Пока онъ отсутствовалъ, мнѣ довелось услышать слѣдующія изрѣченія по адресу моего друга:

— Ну, и пройдоха же этотъ Пичужко! Изъ него выйдетъ навѣрно какой нибудь жуликъ!..

— Онъ шустрый!—подтвердилъ протодіаконъ:—только, кажись, не того... Не дурнаго характера!..

— Не то, чтобъ... а такъ вообще... пролаза порядочная!.. Изъ земли выроетъ, а найдетъ... И всегда своего добьется. Вотъ и по епархіи его взяли... Зачѣмъ? Безполезенъ онъ. Голосу никакого. А взяли, архіерей велѣлъ... Выклянчилъ...

Пичужко торжественно притащилъ доску и шашки. Не доставало двухъ черныхъ и трехъ бѣлыхъ, но это не бѣда. Черныхъ замѣнили двумя копѣечными монетами, а для бѣлыхъ скатали три шарика изъ бумаги.

Тутъ-то и обнаружилась уже до нѣкоторой степени чертовская сообразительность и предусмотрительность Пичужки. Я никакъ

не могъ понять, зачѣмъ онъ такъ услужливо добылъ шашки, но сейчасъ же наполовину понялъ это.

— Рясу-то надо снять! — сказалъ протодіаконъ.— Въ кафтанѣ оно ловчѣе будетъ! — и сейчасъ же снялъ рясу и повѣсилъ ее на гвоздѣ, вбитомъ въ стѣну.

— Оно, пожалуй, что и такъ!..—согласился о. Петръ и въ свою очередь снялъ рясу и положилъ ее во всю длину на кровати. Пичужко, съ которымъ мы сидѣли въ сосѣдней комнатѣ, радостно потиралъ руки. Щеки его раскраснѣлись, глаза горѣли; очевидно, онъ былъ вдохновленъ.

— Что-жъ дальше будетъ?—спросилъ я его тихонько.

— А вотъ что: пойдемъ!

Мы прошли на цыпочкахъ въ третью комнату. Пѣвчіе были во дворѣ, только Ѳедоръ, посвятившій все утро добросовѣстному ознакомленію съ мѣстными трактирами, спалъ на отведенной ему кровати. Въ третьей комнатѣ въ углубленіи стѣны были придѣланы деревянныя полки, на которыхъ стояло нѣсколько церковныхъ книгъ. Пичужко подставилъ стулъ, взлѣзъ на него и, выбравъ изъ книгъ самые почтенные экземпляры, придвинулъ ихъ ближе къ краю.

— Ты полѣзай сюда, на стулъ! — повелительнымъ шепотомъ сказалъ онъ мнѣ:—я пойду туда, а ты сдвинь разомъ всѣ книги на полъ и самъ лети за ними. Да только не свороти шею, и чтобы побольше было грохоту! Слышишь?

Я повиновался и взобрался на стулъ. Разсуждать было нечего; приходилось спасать свое право на дальнѣйшую поѣздку по епархіи.

Едва Пичужко удалился изъ комнаты, какъ раздался страшный грохотъ. Толстыя книги въ какихъ-то деревянныхъ переплетахъ попадали на полъ, а я, съ излишнимъ усердіемъ, свалился вслѣдъ за ними и причинилъ себѣ сильную боль въ спинѣ. Отъ боли я крикнулъ, Пичужко повторилъ мой крикъ въ преувеличенномъ видѣ, и въ ту же минуту въ комнатѣ, гдѣ произошла катастрофа, торопливо появились о. Петръ и протодіаконъ съ встревоженными лицами.

— Что тутъ такое? Чего тебя нелегкая понесла туда? Ну, скажите, пожалуйста! Ты лунатикъ, что ли, что по стѣнамъ карабкаешься? а?

Они подбѣжали ко мнѣ и начали извлекать меня изъ кучи книгъ.

— Я хотѣлъ библію достать!..—вралъ я:—да сорвался какъ-то!— и плакалъ непритворно, потому что мнѣ въ самомъ дѣлѣ было больно.

Меня перевели на кровать и ушли продолжать игру. Пичужки тутъ не было, да и вообще его не было въ комнатахъ. Онъ исчезъ.

Игра продолжалась еще около часу. За это время я отлежался, а Пичужки все не было. Наконецъ, вбѣжали пѣвчіе и тревожно заявили, что пріѣхалъ архіерей. Поднялась суматоха. О. Петръ впопыхахъ напялилъ рясу, и весь хоръ подъ его предводительствомъ поспѣшилъ на встрѣчу архіерею. Былъ тутъ и Пичужко, который, однако-жъ, прибѣжалъ немного позже другихъ.

Послѣ встрѣчи мы шли домой, и было замѣчено, что о. Петръ какъ-то тревожно взволнованъ. Онъ все ощупывалъ свои карманы и чего-то не находилъ. Придя домой, онъ осмотрѣлъ кровать, столъ, комодъ, но безуспѣшно.

— Господа, не видалъ ли кто тутъ одной бумаги?— дрожащимъ голосомъ спрашивалъ всѣхъ о. Петръ. — Я, должно быть, потерялъ...

— А какая она на видъ? — невиннымъ голосомъ спросилъ Пичужко.

— Бѣлый листъ, сложенный вчетверо...

— А гдѣ она была, о. Петръ?..

— Была вотъ въ этомъ карманѣ.

— Въ рясѣ, значитъ?

— Само собою, въ рясѣ...

— Э, такъ вы, должно быть, выронили, когда рясу снимали... какъ садились играть въ шашки... Это надо поискать!..

И Пичужко тотчасъ же ринулся искать. Онъ ползалъ на четвереилькахъ подъ столъ, отодвигалъ комодъ, наконецъ, забрался весь подъ кровать, и вдругъ оттуда донесся его глухой голосъ, точно изъ подземелья:

— А тутъ какая-то бумага есть!

— Ну-у?—радостно спросилъ о. Петръ: — тащи ее! Только не развертывай! Слышишь?—строго прибавилъ онъ:—не смѣй читать! Она секретная!..

— Да какъ же читать, когда тамъ подъ кроватью темно? Вотъ она! — сказалъ Пичужко, подавая о. Петру желанную бумагу...

Все, значитъ, уладилось. Потомъ, когда мы остались вдвоемъ, Пичужко показалъ мнѣ бумажку, въ которую онъ списалъ весь маршрутъ архіерейскаго путешествія.

— Знаешь что? Надо только достать марки да конвертовъ, а то можно хорошую штуку сдѣлать... Написать во всѣ приходы: дескать, тогда-то будетъ у васъ архіерей!.. Вотъ хорошо бы! Рады бы какъ были! И у всѣхъ была бы исправность какая...

Изъ этого можно заключить, что моему другу, не смотря на описанныя выше преступныя склонности, были свойственны высокіе порывы великодушія. Мысль эту онъ высказалъ вовсе не для того, чтобы оставить ее втунѣ. Мы долго думали, къ кому изъ взрослыхъ обратиться за содѣйствіемъ. Вѣдь приходилось

открывать тайну. Нашъ выборъ остановился на добродушнѣйшемъ протодіаконѣ.

— Да неужто?—спросилъ онъ, когда узналъ, въ чемъ дѣло:—ловкіе же вы парни! Ей-ей, ловкіе!.. И это истинно доброе дѣло будетъ!..

Марки были пріобрѣтены. Мы отправились въ сторожку и написали краткія записки такого содержанія: «у васъ будетъ архіерей такого-то числа». Но изъ этого города мы послали только два письма, а другія осторожно посылались изъ другихъ мѣстъ.

Забѣгая нѣсколько впередъ, можно сообщить, что Пичужко рисковалъ не даромъ, и его великодушіе принесло плоды. Куда мы ни пріѣзжали, вездѣ все оказывалось въ величайшемъ порядкѣ. Церкви были побѣлены снаружи и внутри, чистота необыкновенная, духовенство трезво и угощеніе превосходно.

Архіерей съ чувствомъ особеннаго удовольствія констатировалъ, что епархія—въ отличномъ порядкѣ.

И. Потапенко.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ А. И. МИХАЙЛОВСКАГО-ДАНИЛЕВСКАГО [1].

1818 годъ.

I.

Путешествіе императора Александра на югъ Россіи.—Отъ Варшавы до Каменецъ-Подольска.—Любимый государемъ разговоръ о смотрѣ при Вертю.—Отъ Каменецъ-Подольска до Кишенева. — Пріемъ и празднества въ Кишеневѣ.—Смотръ войскамъ въ Тираспол̀ѣ.—Отставка Беннигсена.—Пребываніе въ Одессѣ.—Графини Марковскія. — Сцена съ колонистами. — Прибытіе въ Крымъ.—Разговоръ государя съ баронетомъ Вилліе.—Розыскъ въ Карасубазарѣ сестры генерала Рудзевича, простой татарки, и представленіе ея государю.—Посѣщеніе имѣнія графа Милорадовича.—Посѣщеніе государемъ татарскаго дома въ Алупкѣ.—Непріятная встрѣча въ Байдарахъ.—Анекдотъ о Суворовѣ.—Пребываніе въ Севастополѣ.—Посѣщеніе государемъ въ Бахчисараѣ татарской мечети, а въ Чуфутъ-Кале гарема.—Перекопъ и отъѣздъ изъ Крыма.—Пріемъ государемъ въ селѣ Терпѣніи духоборцевъ.—Новочеркасскъ.—Смерть Барклая-де-Толли. — Посѣщеніе государемъ графини Орловой-Чесменской въ селѣ Хрѣновѣ.—Отъѣздъ въ Москву.

ВЪ НАЧАЛѢ марта 1818 года, императоръ Александръ Павловичъ отправился изъ Москвы въ Варшаву, откуда намѣренъ былъ ѣхать въ Бессарабію, Крымъ и землю Донскихъ казаковъ, не видавъ еще никогда областей сихъ, и на пути осмотрѣть вторую армію, состоявшую подъ начальствомъ Беннигсена. Въ этомъ путешествіи сопровождали государя австрійскій генералъ принцъ Гессенъ-Гомбургскій и маіоръ графъ Кламмъ, впослѣдствіи довѣренная особа императора Фердинанда, генералы: Милорадовичъ, Уваровъ, князь Волконскій, князь Меншиковъ и лейбъ-медикъ Вилліе. Графъ Аракчеевъ, никогда не ѣздившій въ Варшаву, долженъ былъ примкнуть къ свитѣ государя въ Кишеневѣ.

Апрѣля 18-го, отправились мы изъ Варшавы. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ провожалъ императора до Замостья. Первый

[1]) См. «Историческій Вѣстникъ», 1890 г., октябрь, стр. 130—168.

ночлегъ былъ въ Пулавѣ, второй въ Замостьѣ. На слѣдующее утро государь осматривалъ крѣпость сію и войско, и провелъ большую часть дня съ цесаревичемъ, 20-го апрѣля простился съ нимъ, ночевалъ въ Луцкѣ и 21-го къ вечеру пріѣхалъ въ имѣніе Ржевуской, Григоровку, близь Стараго Константинова. 22-го государь смотрѣлъ корпусъ князя Горчакова, послѣ смотра обѣдалъ у графини Ржевуской, вечеромъ былъ у нея на балѣ, а на другой день присутствовалъ на маневрахъ, которыми распоряжалъ тотъ, кто въ 1807 году первый изъ полководцевъ Европы восемь мѣсяцевъ оспоривалъ побѣду у непобѣдимаго дотолѣ Наполеона—Беннигсенъ.

Апрѣля 24-го выѣхали мы изъ Григоровки въ Каменецъ-Подольскій прекрасною дорогою. На одной станціи, при перемѣнѣ лошадей, императоръ сказалъ мнѣ:

— Какова дорога? Зато я написалъ къ губернаторамъ орацію на шести листахъ.

Мы пріѣхали въ Каменецъ-Подольскій поздно вечеромъ. Въ слѣдующее утро государь осматривалъ больницы, городскую тюрьму, домъ сумасшедшихъ и прогуливался по бульвару. Потомъ былъ у государя обѣдъ, къ которому пригласили губернатора, вице-губернатора и дворянскаго предводителя. За столомъ государь подробно разсказывалъ имъ объ одномъ изъ самыхъ любимыхъ имъ предметовъ—смотрѣ при Вертю. Однажды дорогою, когда не было постороннихъ, государь сказалъ намъ:

— Я часто говорю о Вертю, во-первыхъ, потому, что мнѣ пріятно вспомнить о томъ времени, а, во-вторыхъ, встрѣчая въ путешествіяхъ безпрестанно новыя лица, трудно каждый разъ находить новые предметы для разговоровъ; по неволѣ надобно повторять сегодня то, о чемъ было говорено вчера и третьяго дня.

— Я не согласенъ съ вашимъ величествомъ,—отвѣчалъ Милорадовичъ:—мнѣ кажется, что нѣтъ ничего легче, какъ говорить о пустякахъ. Я болѣе ничего, кромѣ вздора, не говорю.

На другой день, 26-го апрѣля, императоръ отправился изъ Каменца-Подольскаго въ Бессарабію, на пути осматривалъ Хотинъ и тамошній карантинъ, и прибылъ на ночлегъ въ Бѣльцы; 27-го по утру, въ день рожденія цесаревича Константина Павловича, отслушавъ обѣдню въ Бѣльцахъ, поѣхалъ въ Кишеневъ, куда прибылъ въ 9-мъ часу вечера. Въ слѣдующее утро онъ осматривалъ съ бессарабскимъ намѣстникомъ Бахметевымъ, лишившимся подъ Бородиномъ ноги, острогъ, больницу и окрестности, потомъ поѣхалъ къ обѣднѣ съ принцемъ Гессенъ-Гомбургскимъ, и послѣ обѣдни посѣтилъ митрополита Гавріила.

— Прошу васъ,—сказалъ ему государь:—сѣсть по правую сторону. Я крѣпокъ на лѣвое ухо. Въ молодости моей стоялъ я подлѣ батареи, и отъ сильнаго пушечнаго выстрѣла лишился слуха въ лѣвомъ ухѣ.

Возвратясь домой, государь принималъ представленія всѣхъ сословій, а потомъ постельника Маврокордато, присланнаго отъ молдавскаго господаря поздравить его величество съ прибытіемъ въ Кишеневъ. Къ обѣденному столу были приглашены, кромѣ свиты государя, митрополитъ, бессарабскій намѣстникъ, гражданскій губернаторъ и Маврокордато. Послѣ обѣда императоръ посѣтилъ пріѣхавшаго въ тотъ день въ Кишеневъ графа Аракчеева и супругу генерала Бахметева, которому пожаловалъ Александровскую ленту. Вечеромъ былъ балъ на 600 особъ. Для него жена Бахметева выписала изъ Вѣны танцовальнаго учителя, который два мѣсяца училъ въ Бессарабіи и старыхъ и малыхъ танцовать, приготовляя ихъ къ балу для пріѣзда государя. Велико было отчаяніе Бахметевой и учителя, когда государь, вмѣсто кадрилей, изъявилъ желаніе видѣть національный танецъ, называемый «митики». Танецъ оказался и предлинный, и прескучный. Видя, что онъ длился уже болѣе получаса, государь сказалъ мнѣ въ полголоса:

— Est-il possible que ce «mitiki» puisse amuser ces dames et ces messieurs? (Неужели этотъ «митики» можетъ тѣшить этихъ дамъ и господъ)?

Апрѣля 29-го императоръ выѣхалъ изъ Кишенева въ Тирасполь, дорогою обозрѣвалъ Бендерскую крѣпость, у Днѣстра осмотрѣлъ понтонную роту, приказалъ ей навести мостъ на Днѣстрѣ и перешелъ по немъ. Въ Тирасполѣ былъ смотръ и на другой день маневръ корпуса Сабанѣева. Здѣсь Беннигсенъ явился въ послѣдній разъ передъ войскомъ. Представивъ государю ввѣренную ему вторую армію, онъ испросилъ увольненіе отъ званія главнокомандующаго и позволеніе провести остатокъ своей жизни въ Гановерѣ, гдѣ онъ хотѣлъ кончить начатыя имъ записки о современныхъ ему происшествіяхъ. Онъ самъ читалъ мнѣ эти записки. Въ нихъ много любопытнаго и много несправедливаго, какъ, напримѣръ, посягательство на великія заслуги Кутузова.

Изъ Тирасполя мы поѣхали 1-го мая въ Одессу нѣмецкими колоніями. Въ каждой были сооружены тріумфальныя ворота, дѣвушки усыпали путь монарха цвѣтами, колонисты привѣтствовали его восклицаніями. Императоръ провелъ въ Одессѣ три дня, называя ихъ одними изъ пріятнѣйшихъ въ своей жизни. Какъ будто мановеніемъ волшебнаго жезла возникшая среди Екатеринославскихъ степей, Одесса въ прекраснѣйшее весеннее время являлась въ роскошномъ видѣ. Государь осматривалъ всѣ казенныя заведенія, даже частныя училища, по нѣскольку разъ въ день выходилъ на балконъ и былъ такъ доволенъ, что послалъ фельдъегеря въ Парижъ вручить орденъ св. Андрея Первозваннаго дюку де-Ришелье, создателю Одессы. Его преемникомъ былъ графъ Ланжеронъ, извѣстный многими прекрасными воинскими подвигами, благородствомъ чувствъ и разсѣянностью. Встрѣчая въ Одессѣ государя,

онъ хотѣлъ представить его величеству рапортъ о благосостояніи ввѣреннаго ему края, долго искалъ рапортъ во всѣхъ карманахъ и, не найдя, сказалъ:

— Ma foi, sire, je ne sais pas où j'ai mis mon rapport. (Право, государь, не знаю, куда положилъ мой рапортъ).

Императоръ улыбнулся и пожалъ руку покорителя Монмартра. Ланжеронъ провелъ съ государемъ четверть часа въ своемъ кабинетѣ и, выходя оттуда, заперъ дверь ключемъ, забывъ, что тамъ оставилъ императора.

Мая 4-го, поутру выѣхали мы изъ Одессы въ Вознесенскъ. Графъ Аракчеевъ сидѣлъ въ коляскѣ съ государемъ, потому что всегдашній спутникъ его величества, князь Волконскій, остался на нѣсколько дней въ Одессѣ, гдѣ воспитывались его сыновья. Мы обѣдали на станціи Кодинцевой, въ домѣ помѣщика Холмогорова. Къ столу государя были приглашены графъ Аракчеевъ; уѣздный предводитель г. Холмогоровъ съ супругою, Виллie и я. Рѣчь коснулась Англіи. Государь, между прочимъ, сказалъ:

— Удивительная опрятность и чистота въ Англіи особенно поражаютъ, когда пріѣдешь туда изъ грязной и проклятой Франціи.

Лишь только подали кофе, отворилась дверь столовой комнаты, вошли пять дѣвицъ, прекрасно одѣтыхъ, и пали на колѣни, прося императора помиловать отца ихъ, находившагося подъ судомъ. То были графини Марковскія. По лицу государя видно было, сколь внезапное появленіе ихъ было ему непріятно, но онъ не прогнѣвался, велѣлъ имъ встать и разспрашивалъ о дѣлѣ ихъ отца. На слѣдующей станціи государь посѣтилъ бывшаго адъютанта Суворова, Куриса, кушалъ у него плоды, говорилъ съ нимъ о Суворовѣ, и тоже былъ недоволенъ, когда Курисъ, не зная, какъ отблагодарить за посѣщеніе, сталъ на колѣни. Казалось, весь тотъ день назначенъ былъ для непріятныхъ явленій. Черезъ двѣ станціи отъ помѣстья г. Куриса, при перемѣнѣ лошадей, собралось вокругъ насъ множество колонистовъ. Нѣкоторые изъ нихъ подали просьбы государю. Между тѣмъ, какъ его величество вручалъ мнѣ ихъ для разсмотрѣнія, одинъ колонистъ закричалъ понѣмецки во все горло:

— До Бога высоко, а до Петербурга далеко!

Я приказалъ было ему молчать, но государь велѣлъ мнѣ не трогать его и, обращаясь къ колонистамъ, сказалъ имъ понѣмецки:

— Если не хотите оставаться въ Россіи, можете возвратиться въ Германію.

Въ девять часовъ вечера мы пріѣхали въ Вознесенскъ, главную квартиру поселенныхъ войскъ. На другой день поутру государь смотрѣлъ Бугскую и Украинскую уланскія дивизіи, молодыхъ лошадей, и былъ на разводѣ; послѣ обѣда посѣтилъ больницу и смотрѣлъ въ манежѣ ѣзду улановъ. Благодаря начальника поселеній, графа Витта, онъ сказалъ ему:

— Все, что я видѣлъ сегодня, превзошло мои ожиданія.

На другой день поутру былъ маневръ; потомъ государь нѣсколько часовъ занимался дѣлами съ графомъ Виттомъ. Къ обѣду его величества были приглашены всѣ генералы и полковые командиры. Государь исключительно говорилъ о выгодахъ, ожидаемыхъ имъ отъ военныхъ поселеній, и, между прочимъ, сказалъ:

— Если мнѣ удастся назначить достаточное количество земли для войскъ, то они не будутъ болѣе вести кочующую жизнь. Въ мирное время поселенія избавятъ насъ отъ рекрутскихъ наборовъ, и мы будемъ брать рекрутъ только во время войны: тогда каждый обязанъ защищать отечество.

Послѣ обѣда государь отправился изъ Вознесенска въ Николаевъ, пріѣхалъ туда вечеромъ и остановился въ домѣ главнаго командира черноморскаго флота, Грейга.

Въ слѣдующее утро императоръ осматривалъ штурманское и артиллерійское училища, предлагалъ вопросы воспитанникамъ и былъ доволенъ умными и смѣлыми отвѣтами ихъ, ѣздилъ въ госпиталь, богадѣльню и адмиралтейство, гдѣ спускали 44-хъ пушечный фрегатъ «Флору». Во время спуска государь говорилъ съ адмиралами о различныхъ системахъ строеній кораблей и въ заключеніе сказалъ:

— Впрочемъ, я сужу о морскомъ дѣлѣ, какъ слѣпой о краскахъ. Вина не моя: лучшіе годы мои прошли въ сухопутной войнѣ.

Изъ адмиралтейства государь поѣхалъ въ депо картъ, кунстъкамеру, типографію и на увеселительную мызу Спасскъ, а потомъ гулялъ въ катерѣ по Бугу, осматривая окрестности Николаева. По возвращеніи государя домой, было общее представленіе, причемъ его величество напомнилъ контръ-адмиралу Белли, какъ онъ, въ чинѣ капитанъ-лейтенанта, получилъ отъ императора Павла за взятіе Неаполя награду безпримѣрную—Аннинскую ленту. Къ обѣду государя были приглашены всѣ находившіеся въ Николаевѣ генералы и адмиралы. Послѣ обѣда его величество выѣхалъ изъ Николаева и прибылъ въ Херсонъ, прямо въ соборъ, въ тотъ самый день, когда пріѣхала туда Екатерина II, за 31 годъ передъ тѣмъ, во время ея великолѣпнаго путешествія въ Крымъ. Отслушавъ молебенъ въ соборѣ, гдѣ случайно стоялъ императоръ на доскѣ, подъ которою похороненъ Потемкинъ, его величество поѣхалъ въ приготовленный для него домъ гражданскаго губернатора, графа Сенъ-При.

Утромъ, 8-го мая, государь осматривалъ богадѣльню, острогъ, редуты, канатный заводъ, морскую и сухопутную больницы, арсеналъ, пристани и адмиралтейство. Взойдя на приготовленный къ спуску 74-хъ-пушечный корабль «Скорый», онъ слушалъ молебствіе съ водосвятіемъ, а когда сошелъ на берегъ, корабль спустили на воду. Потомъ государь заложилъ новый корабль о 100 пушкахъ, завтракалъ въ адмиралтейской чертежной, былъ на разводѣ Ряж-

скаго полка, а возвратясь домой, принималъ представленія. Когда мы собрались къ обѣду, государь повелъ насъ въ садъ, находившійся подлѣ столовой комнаты, и остановился у большаго абрикосоваго дерева. Съ умиленіемъ посмотрѣвъ на него нѣсколько секундъ, онъ сказалъ:

— Это дерево посадила императрица Екатерина. Она хотѣла основать въ Херсонѣ столицу Южной Россіи и часто говорила объ этомъ предположеніи. Дорожа своимъ завоеваніемъ, она приказала подписывать на нѣкоторыхъ манифестахъ, вмѣстѣ съ годомъ вступленія своего на престолъ, годъ присоединенія къ Россіи Таврическаго царства: это сдѣлано въ манифестѣ о рожденіи брата моего Николая Павловича.

Послѣ обѣда, въ три часа, при колокольномъ звонѣ, пушечной пальбѣ съ адмиралтейства и всѣхъ купеческихъ судовъ и восклицаніяхъ «ура!» государь отплылъ изъ Херсона на шлюпкѣ въ Алешки, куда заблаговременно были отправлены наши экипажи. Дорогою императоръ наиболѣе разговаривалъ съ адмираломъ Грейгомъ о Черноморскомъ флотѣ, употребляя морскія выраженія. На замѣчаніе Уварова объ обширной памяти его величества, императоръ отвѣчалъ:

— Стыдно было бы мнѣ не знать этого.

Черезъ нѣсколько минутъ Уваровъ, пользовавшійся особенною благосклонностью государя, сказалъ:

— Знаете ли, ваше величество, что мнѣ говорилъ капитанъ спущеннаго сегодня въ Херсонѣ корабля? При первой войнѣ съ турками онъ непремѣнно хочетъ полонить турецкаго адмирала.

— Капитанъ можетъ долгое время покоиться,—отвѣчалъ государь.

Въ Алешкахъ мы сѣли въ коляски и отправились въ Перекопъ, куда прибыли въ полночь. Переночевавъ въ домѣ г. Пиленка, государь рано поутру слушалъ молебенъ въ церкви и потомъ посѣтилъ находящіяся въ четырехъ верстахъ отъ Перекопа двѣ церкви, греческую и армянскую. Послѣ онъ занимался дѣлами соляного промысла, въ полдень отправился въ Симферополь и пріѣхалъ туда въ 9 часовъ вечера. Отслушавъ молебенъ въ Петропавловской церкви, его величество поѣхалъ въ приготовленный для него домъ гражданскаго губернатора Лавинскаго, гдѣ для пребыванія его убраны были двѣ комнаты въ азіатскомъ вкусѣ.

Планъ путешествія нашего по Крыму былъ слѣдующій. Изъ Симферополя положено было ѣхать сперва въ Керчь и возвратиться черезъ Ѳеодосію въ Симферополь, потомъ отправиться на южный берегъ и ѣхать верхомъ на лошадяхъ черезъ Алупку, Никиту и Кикинейсъ въ Байдарскую долину и оттуда отправиться въ колясках черезъ Севастополь и Бахчисарай въ Симферополь. Для всего путешествія назначалось восемь дней.

10-го мая, поутру, мы поѣхали въ Керчь. Дорогою былъ обѣдъ въ Карасубазарѣ. Во время стола государь сказалъ:

— Здѣсь для насъ все ново: чистое, прекрасное небо, верблюды, орлы, летающіе подъ облаками, одежда татаръ, минареты, благоуханіе травъ. — Обратясь къ Вилліе, онъ спросилъ: — Нашелъ ли ты какія нибудь новыя произрастенія?

— Я не искалъ ихъ, — отвѣчалъ Вилліе.

— Что же ты дѣлалъ дорогою? — продолжалъ императоръ.

— Я стрѣлялъ орловъ, — былъ отвѣтъ.

Съ видомъ неудовольствія государь сказалъ ему протяжно:

— Начальникъ всей медицинской части ѣздитъ по такимъ мѣстамъ, гдѣ, конечно, находятся сокровища для нашихъ аптекъ, и вмѣсто того, чтобы обратить на нихъ вниманіе и извлечь огромную пользу, онъ стрѣляетъ птицъ.

Затѣмъ послѣдовало молчаніе. Желая развеселить разговоръ, принцъ Гессенъ-Гомбургскій сказалъ государю:

— Крымъ можно назвать садомъ Россіи. Нужно только поставить въ Перекопѣ такую же рѣшетку, какъ передъ Лѣтнимъ садомъ.

Послѣ обѣда князь Волконскій приказалъ мнѣ отыскать въ Карасубазарѣ родственниковъ генерала Рудзевича и узнать, кто они. Исполнивъ порученіе, я доложилъ, что нашелъ сестру Рудзевича, бѣдную, простую татарку, съ нѣсколькими дѣтьми. Тотчасъ велѣно было позвать ее къ государю. По выходѣ ея изъ комнаты императора, гдѣ она провела минутъ десять, государь отворилъ дверь и, увидя меня одного въ горницѣ, сказалъ мнѣ, улыбаясь:

— Это будетъ пріятно Рудзевичу.

— Я думаю,— отвѣчалъ я,— что вниманіе ваше къ его сестрѣ обрадуетъ его больше всѣхъ наградъ, какими бы вы ни пожаловали его.

— Я не различаю, — возразилъ государь, — ни дворянъ, ни разночинцевъ, ни бѣдныхъ, ни богатыхъ; мнѣ всѣ равны, если служатъ хорошо. Рудзевичъ татаринъ, но мнѣ дороже, чѣмъ иной столбовой дворянинъ.

Сказавъ это, онъ велѣлъ послать брилліантовый фермуаръ сестрѣ генерала Рудзевича.

Вечеромъ мы пріѣхали въ Керчь. Рано по утру 11-го императоръ ѣздилъ въ Еникаль и былъ разгнѣванъ, найдя дорогою солдатъ, обработывавшихъ поля своихъ начальниковъ. Отдача подъ судъ была возмездіемъ противозаконнаго поступка. Возвратясь въ Керчь, государь всходилъ на высокую гору, называемую «Митридатовою», и восхищался прелестнымъ оттуда видомъ. Слѣва разстилалось Азовское море, справа Черное, а передъ нами лежалъ азіатскій берегъ, отдѣляемый отъ Крыма проливомъ.

— Жаль только, — замѣтилъ императоръ, — что эти моря не оживлены торговыми кораблями!

Сойдя съ горы, онъ осматривалъ древнія гробницы и музеумъ.

Находившіяся въ немъ древности были объясняемы французскимъ эмигрантомъ Дю-Брюксомъ, занимавшимъ мѣсто антикварія. Всего болѣе понравилась государю прекрасной работы бронзовая головка Діаны. Онъ подарилъ ее принцу Гессенъ-Гомбургскому. Потомъ, указывая на какого-то уродливаго кумира, онъ сказалъ мнѣ пофранцузски:

— Quel monstre (какой уродъ)!

— Cependant, sire, — отвѣчалъ я, — ce monstre a été adoré (однако же, этотъ уродъ былъ обожаемъ).

— On a adoré bien des objets,—возразилъ государь,—qui n'étaient point adorables (обожали много предметовъ, не заслуживавшихъ обожанія).

Отобѣдавъ въ Керчи, императоръ отправился въ Ѳеодосію, куда прибылъ въ 8 часовъ вечера, и, приложась къ кресту въ Николаевской церкви, поѣхалъ на ночлегъ въ домъ турецкаго купца, убранный въ восточномъ вкусѣ. Черезъ часъ зажгли иллюминацію, и живописная Ѳеодосія явилась въ невыразимой красотѣ. На другой день, 12-го мая, государь слушалъ обѣдню въ 4 часа утра, потомъ осматривалъ музеумъ, карантинъ, гавань и турецкія бани. Начальникомъ музеума былъ генуезецъ. Государь не оставилъ безъ вниманія этого случая и сказалъ ему, указывая на генуезскіе мраморы:

— Вы здѣсь дома: вы окружены памятниками вашей народной славы.

Въ заключеніе государь приказалъ градоначальнику представить ему, какъ можно скорѣе, смѣты суммамъ, для исправленія казенныхъ зданій и фонтановъ. Въ 7 часовъ утра холоднаго, ненастнаго, выѣхали мы изъ Ѳеодосіи черезъ Старый Крымъ въ Симферополь. За двѣ станціи до этого города мы обѣдали наскоро въ татарской избѣ. Императоръ говорилъ, что Ѳеодосія чрезвычайно ему понравилась. Потомъ, упомянувъ о бушевавшемъ дождѣ и вихрѣ, отъ которыхъ мы всѣ дрожали, и объ удовольствіи отогрѣться въ Симферополѣ, онъ сказалъ:

— Pour avoir des jouissances il faut se creer des privations (чтобы пользоваться удовольствіями, нужно создавать себѣ лишенія).

Переночевавъ въ Симферополѣ, мая 13-го, въ 8 часовъ утра мы отправились на южный берегъ Крыма. Графъ Аракчеевъ остался въ Симферополѣ, имѣя повелѣніе заняться разными касавшимися до Крыма дѣлами. Мы ѣхали въ колясках 20 верстъ до селенія Чевки. Здѣсь ожидалъ насъ табунъ степныхъ верховыхъ лошадей. Мы надѣли бурки, башлыки. Государь былъ въ фуражкѣ и буркѣ, съ нагайкою въ рукѣ, и такой нарядъ шелъ ему къ лицу. Переводчикомъ при немъ былъ магометанинъ, генералъ-маіоръ Балатуковъ. Верхомъ отправились мы въ Алушту,

гдѣ былъ приготовленъ обѣдъ. Свѣжія устрицы составляли лучшее блюдо. Государь былъ очень веселъ, шутилъ надъ нашими нарядами, уподоблялъ поѣздъ нашъ маскараду, говорилъ, что къ вечеру мы не узнаемъ другъ друга, потому что тучи облегли все небо, предвѣщая бурю. Отобѣдавъ, мы отправились въ Никиту, вдоль морскаго берега, крутыми высокими горами, возлѣ глубокихъ пропастей. Пошелъ дождь и вскорѣ обратился въ ливень, вѣтеръ вылъ, море ярилось. За темнотою нельзя было различать предметовъ въ двухъ шагахъ. Зажгли факелы и отправили съ ними впередъ проводниковъ. Длинною вереницею ѣхали мы одинъ за другимъ, ибо тѣснота дороги не позволяла ѣхать двумъ рядомъ. Съ одной стороны высились скалы, съ другой—далеко внизу бушевало море, отражая въ себѣ свѣтъ факеловъ. Поѣздъ нашъ являлъ картину самую живописную. Нечувствительный къ непогодамъ, императоръ смѣялся и, оглядываясь назадъ, громко взывалъ къ намъ:

— Господа! не отставайте!

Вымокшіе до костей, пріѣхали мы въ 10 часу вечера въ Никиту.

На другой день, 14-го мая, государь осмотрѣлъ казенныя заведенія и садъ въ Никитѣ, и въ 8 часовъ поѣхалъ въ Кикинейсъ. Графъ Милорадовичъ, имѣвшій садъ на дорогѣ, по которой надлежало намъ ѣхать, въ тотъ день отправился впередъ, желая встрѣтить государя у своего помѣстья.

Вскорѣ солнце заблистало ярко, и южный берегъ Тавриды явился во всей своей очаровательной прелести. Море успокоилось отъ волновавшихъ его наканунѣ бурь, воздухъ благоухалъ отъ фиговыхъ, лавровыхъ, оливковыхъ деревьевъ. Императоръ былъ въ восхищеніи, часто останавливался, обращая взоръ во всѣ стороны. Видя Александра во всей силѣ и красотѣ, восторженнаго Тавридою, кто могъ вообразить, что черезъ семь лѣтъ на сихъ самыхъ мѣстахъ обрѣтетъ онъ смертоносную болѣзнь, что на сіи горы грянетъ проклятіе проповѣдника и услышимъ Филарета взывающаго: «Горы Таврійскія, да не снидетъ дождь, ниже роса на васъ!»

Проѣхавъ верстъ пять, увидѣли мы графа Милорадовича у межи помѣстья его. Встрѣчая государя, онъ сказалъ:

— У меня нѣтъ здѣсь никакого заведенія, нечѣмъ угостить ваше величество, но есть для васъ, государь, воспоминанія.

При этихъ словахъ онъ указалъ на величественное лавровое дерево.

— Лавры принадлежатъ тебѣ,—отвѣчалъ государь, обнявъ его.

На морскомъ берегу, подъ огромнымъ орѣховымъ деревомъ, былъ приготовленъ чай. Послѣ завтрака государь, по просьбѣ графа Милорадовича, избралъ мѣсто для построенія дома, гдѣ вѣч-

ный мечтатель, Милорадовичъ, хотѣлъ провести остатокъ своей жизни, посвященной боямъ и наслажденіямъ.

Въ Алупкѣ жители ожидали государя съ хлѣбомъ и солью и привѣтствовали его приложеніемъ руки къ головѣ, ко рту и груди. Одинъ татаринъ пригласилъ императора посѣтить его домъ. Государь исполнилъ его желаніе, обласкалъ семейство татарина и пожаловалъ ему пятьсотъ рублей. Часу въ четвертомъ мы достигли Кикинейса, мѣста нашего обѣда и ночлега. Для государя былъ выстроенъ нарочно домъ, но его величество хотѣлъ непремѣнно остановиться у какого нибудь татарина и сказалъ:

— Иначе татары подумаютъ, что я гнушаюсь ими.

Вновь выстроенный домъ занялъ, по волѣ государя, принцъ Гессенъ-Гомбургскій. Мы обѣдали на полѣ. Государь продолжалъ хвалить южный берегъ Крыма, а потомъ началъ говорить о великороссійскихъ губерніяхъ и сказалъ:

— У насъ нѣтъ такихъ видовъ, но зато народъ лучше. Можетъ быть, ему не достаетъ нѣкотораго просвѣщенія, но ни у кого нѣтъ такихъ природныхъ способностей и ума, какъ у русскаго народа; повторяю: завидовать намъ некому.

Весь вечеръ государь занимался дѣлами.

Мая 15-го въ 9 часовъ утра мы отправились изъ Кикинейса въ Байдары. На половинѣ дороги увидѣли мы передъ собою скалы огромной величины, и только одну тропу, по крутизнѣ своей называемую «Лѣстницею». Казалось невозможнымъ въѣхать верхомъ на скалы. Мы остановились. Проводники начали подтягивать подпруги у нашихъ лошадей. Только Милорадовичъ отдѣлился отъ государевой свиты и, рожденный для всякаго рода отвагъ, понесся на утесы и взлетѣлъ на вершину скалъ. Смотря на него, государь сказалъ:

— Михаилъ Андреевичъ хочетъ во всемъ быть первымъ.

Въ полдень пріѣхали мы въ Байдарскую долину. Государь былъ опечаленъ сдѣланною ему встрѣчею. Все населеніе Байдаръ стояло на его дорогѣ со слезами и воплями, жалуясь на притѣсненія. Государь призвалъ къ себѣ управителя байдарскаго, долго съ нимъ говорилъ и потомъ приказалъ разсмотрѣть жалобы.

За обѣдомъ рѣчь коснулась Суворова. Императоръ назвалъ его «великимъ» и присовокупилъ:

— Какихъ подвиговъ не надѣлалъ бы Суворовъ съ теперешнею, до совершенства доведенною арміею нашею!

Потомъ императоръ говорилъ о намѣреніи своемъ переставить на другія мѣста находившіеся на Марсовомъ полѣ памятники Румянцева и Суворову.

— Первый изъ нихъ, — сказалъ онъ,—похожъ на верстовой столпъ, а подлѣ втораго будка. Я поставлю памятникъ Румянцева передъ кадетскимъ корпусомъ, потому что онъ учился тамъ.

Это послужитъ поощреніемъ для кадетовъ, а Суворова такъ поставлю, чтобы всякій, кто ѣдетъ по Невѣ, идетъ набережною, съ съ Марсова поля или съ Троицкаго моста, могъ его видѣть.

Обращаясь къ Милорадовичу, государь сказалъ:

— Михаилъ Андреевичъ, разскажи намъ какой нибудь анекдотъ о Суворовѣ.

Не останавливаясь ни минуты, Милорадовичъ началъ такъ:

— Когда, возвращаясь изъ Италіи, мы остановились въ Прагѣ, я былъ дежурнымъ генераломъ при Суворовѣ и долженъ былъ всюду ѣздить съ нимъ. Иногда онъ игралъ съ дѣвицами въ жгуты, билъ ихъ и былъ ими битъ изо всей мочи. Ежедневно приглашали насъ на обѣды. Суворовъ приказалъ мнѣ разъ навсегда говорить въ то время, когда онъ ѣлъ, и продолжать начатую имъ рѣчь, когда ему подавали какое нибудь блюдо. Однажды началъ онъ разсказывать, какъ лѣтъ за сорокъ онъ стоялъ съ войскомъ въ Полтавѣ. Въ ту минуту подносятъ ему блюдо съ кушаньемъ. Суворовъ замолчалъ. Я ничего не зналъ о пребываніи его въ Полтавѣ, но, вспомнивъ, что въ то время жила тамъ г-жа Кочубей, сказалъ: «его свѣтлость, тогда страстно влюбленный въ госпожу Кочубей, проводилъ у нея всѣ вечера».— Браво, браво!—воскликнулъ Суворовъ.

После обѣда государь посѣтилъ мечеть во время богослуженія, и благоговѣйно слушалъ моленіе, пока оно кончилось. Вышедши изъ мечети, я спросилъ муллу: «упоминаетъ ли онъ въ молитвахъ объ императорѣ». Недалеко отъ насъ стоялъ государь на крыльцѣ.

— О чемъ говорилъ ты съ муллою? — спросилъ онъ меня по-французски, и когда я доложилъ ему о предложенномъ мною вопросѣ, онъ сказалъ:—Laissez les dire tout ce qu'ils veulent (пусть они говорятъ все, что хотятъ).

Весь вечеръ императоръ провелъ въ дѣлахъ.

Наше трехдневное путешествіе верхомъ по южному берегу кончилось въ Байдарахъ. По утру 16-го мая сѣли мы въ пріѣхавшія къ намъ изъ Симферополя коляски и отправились въ Севастополь. Государь намѣренъ былъ посѣтить лежавшій на дорогѣ монастырь св. Георгія, причемъ князь Волконскій предупредилъ насъ, что государь желаетъ быть въ монастырѣ одинъ, и чтобы мы туда не входили.

Въ полдень мы прибыли въ Севастополь. Послѣ обѣда императоръ осматривалъ казармы, больницы, военно-сиротское отдѣленіе и адмиралтейство, гдѣ спускали 14-ти-пушечное судно. На слѣдующее утро было представленіе. Потомъ государь присутствовалъ на разводѣ, объѣзжалъ въ катерѣ Севастопольскую гавань, обозрѣвалъ укрѣпленія, входилъ на корабль «Бріеннъ» и обѣдалъ на стопушечномъ караблѣ «Парижѣ». Бріеннъ и Парижъ—какія воспоминанія для Александра! Послѣ обѣда онъ ѣздилъ въ катерѣ

осматривать развалины генуэзскаго города Инкермана, и оттуда отправился сухимъ путемъ въ Бахчисарай, посадивъ въ свою коляску графа Милорадовича. Не доѣзжая пяти верстъ до сего города, множество татаръ въ глазетовыхъ кафтанахъ, на прекрасныхъ лошадяхъ, окружили его коляску и провожали его до Бахчисарая. По прибытіи своемъ туда, онъ осматривалъ дворецъ бывшихъ хановъ и потомъ пошелъ въ мечеть, гдѣ происходило торжественное богослуженіе по случаю высочайшаго пріѣзда въ Бахчисарай. По окончаніи молитвъ, во время которыхъ государь стоялъ на хорахъ, дервиши начали вертѣться, произнося громкія восклицанія. Изъ мечети государь ходилъ смотрѣть татарскую свадьбу и пожаловалъ новобрачнымъ 1.000 рублей и дервишамъ 500 рублей.

Мая 18-го по утру было представленіе. Сперва ввели къ государю муфтія и 12 духовныхъ. Никому изъ насъ не было позволено находиться при семъ представленіи, даже переводчику князю Балатукову. Вмѣсто него на время аудіенціи духовныхъ избрали другаго переводчика изъ простыхъ татаръ. Послѣ представлялись беги, или князья, а потомъ императоръ поѣхалъ въ Чуфутъ-Кале. Осмотрѣвъ синагогу, онъ пошелъ пѣшкомъ въ домъ богатаго жителя, у котораго былъ приготовленъ завтракъ, состоявшій изъ орѣховъ, сотовъ, масла, сыра, плодовъ и цареградскихъ конфектъ.

Изъявляя благодарность за сдѣланную ему честь, хозяинъ просилъ государя посѣтить его гаремъ. Войдя, мы увидѣли женщинъ до десяти, отъ 15 до 50 лѣтъ. Не ожидая посѣщенія, онѣ крайне перепугались и закрыли лица руками. Потомъ, когда мужъ объяснилъ, что передъ ними государь, онѣ изумленно смотрѣли на насъ. Удостоивъ ихъ привѣтствіемъ и уходя, государь сказалъ переводчику:

— Dites à ces dames, qui je suis enchanté d'avoir fait leur connaissance. (Скажите этимъ дамамъ, что я въ восторгѣ отъ знакомства съ ними).

Изъ Чуфутъ-Кале государь поѣхалъ въ греческій Успенскій монастырь, къ вечеру прибылъ въ Симферополь и на другое утро, 19-го мая, отправился ночевать въ Перекопъ. Здѣсь кончилось наше путешествіе по Крыму. Изъ Перекопа отправились мы въ Новочеркаскъ. Первый ночлегъ нашъ былъ въ селѣ Терпѣніи, обитаемомъ духоборцами. По выходѣ изъ коляски, первымъ вопросомъ государя жителямъ было:

— Довольны ли вы вашимъ положеніемъ?

Изъ толпы вышелъ высокій мужчина, съ окладистой бородой, и смѣло отвѣчалъ:

— Въ царствованіе ваше избавлены мы гоненія.

На другой день, въ 5 часовъ утромъ, императоръ принималъ у себя нѣсколько духоборцевъ, послѣ присутствовалъ при ихъ моленіи. Уходя, онъ сказалъ имъ:

— Я вашъ защитникъ,—и, обратясь къ намъ, присовокупилъ:— они люди добродѣтельные.

Въ 9 часовъ мы выѣхали изъ Терпѣнія въ Маріуполь. Сперва дорога шла духоборческими селеніями, потомъ колоніями менонитовъ, послѣ везли насъ селеніями нагайцевъ, казаковъ и грековъ. Такимъ образомъ, видѣли мы, какъ на пространствѣ 180 верстъ живутъ въ мирѣ и спокойствіи племена, различныя между собою вѣрою, обычаями, происхожденіемъ. За бывшимъ въ тотъ день обѣдомъ императоръ говорилъ съ удовольствіемъ о такой разительной картинѣ вѣротерпимости въ Россіи. Принцъ Гессенъ-Гомбургскій упомянулъ о слѣдующемъ случаѣ съ нимъ во время нашего путешествія по Крыму.

— Я,—сказалъ онъ,—протестантъ, со мною въ коляскѣ сидѣлъ графъ Кламмъ, католикъ, кучеромъ былъ русскій, слѣдовательно греческаго вѣроисповѣданія, форейторомъ—жидъ, а ѣхавшій подлѣ меня переводчикъ—магометанинъ.

Переночевавъ въ Маріуполѣ, мы продолжали 22-го мая путь въ Таганрогъ, имя котораго и поздній потомокъ не произнесетъ безъ горести. Здѣсь впослѣдствіи угасъ великій монархъ, въ которомъ всѣ любили человѣка. Императоръ провелъ два дня въ Таганрогѣ, осматривалъ его во всѣхъ подробностяхъ и обращалъ тѣмъ большее вниманіе на торговлю, что нашелъ ее несовсѣмъ согласною съ представленіями, какія сдѣланы были ему въ Одессѣ, за что онъ объявилъ строгій выговоръ новороссійскому генералъ-губернатору.

Мая 23-го императоръ отправился изъ Таганрога въ Новочеркаскъ. На дорогѣ, въ крѣпости св. Дмитрія, получилъ онъ донесеніе о кончинѣ фельдмаршала князя Барклая де-Толли и жалѣлъ о потерѣ любимаго имъ полководца. Узнавъ на границѣ Донской области, что для въѣзда его въ Новочеркаскъ приготовлены были тріумфальныя ворота, и на нихъ стихи, императоръ приказалъ снять ихъ. Донцы заставили доскою произведеніе своего барда. Оно было слѣдующаго содержанія:

«Объемлемы восторгомъ, радостно сердца
«Спѣшатъ во срѣтенье монарха и отца.
«Се Александръ днесь ту же благость намъ явилъ,
«Чѣмъ въ первый разъ Великій Петръ насъ одарилъ».

До 30-ти донскихъ генераловъ и множество штабъ-офицеровъ ожидали государя передъ Черкаскомъ. Онъ въѣхалъ въ городъ верхомъ на казачьей лошади и на казачьемъ сѣдлѣ и слѣдовалъ прямо въ соборъ, а оттуда въ домъ наказнаго атамана Иловайскаго 5-го. Здѣсь представлялись ему казачьи генералы и были удостоены самыхъ лестныхъ выраженій за ихъ службу въ послѣднія войны.

Въ 10 часовъ вечера императоръ былъ на балѣ, а на другой день объѣзжалъ верхомъ городъ, осматривалъ казенныя заведенія и посѣтилъ гробницу графа Платова, во время начальства котораго донцы стяжали себѣ самую блистательную страницу въ исторіи. Возвратясь, государь обѣдалъ со всѣми генералами и остатокъ дня провелъ въ дѣлахъ. Ночью онъ отправился въ Павловскъ. Прибывъ сюда 26-го, поздно вечеромъ, государь на слѣдующее утро слушалъ панихиду по князѣ Барклаѣ де-Толли, потомъ смотрѣлъ учебные драгунскіе эскадроны дивизіи Бенкендорфа и поѣхалъ въ принадлежащее графинѣ Орловой-Чесменской село Хрѣновое. Встрѣчая государя, графиня вручила ему дорогой подарокъ—письмо отъ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Послѣ обѣда государь осматривалъ конскій заводъ и присутствовалъ на скачкѣ. Графиня Орлова подвела государю пять лошадей и подарила по одной каждому изъ насъ. Императоръ пожаловалъ прислугѣ ея 7.500 рублей и перстень въ 3.000 рублей управителю конскаго завода.

На слѣдующій день императоръ отправился въ Воронежъ, гдѣ остановился въ домѣ г. Тулинова. Вечеромъ его величество былъ на балу, а на другое утро, осмотрѣвъ учебные драгунскіе и конноегерскіе эскадроны корпуса Бороздина, поѣхалъ въ Липецкъ. Переночевавъ здѣсь, императоръ отправился на ночлегъ въ Данковъ и на слѣдующее утро въ Рязань, куда пріѣхалъ часовъ въ 8 вечера, посѣтилъ балъ, на другое утро былъ на разводѣ, осмотрѣлъ казенныя заведенія и отправился въ Москву, гдѣ имѣлъ утѣшеніе впервые обнять новорожденнаго племянника своего, впослѣдствіи императора Александра Николаевича. По случаю этого радостнаго событія и пребыванія въ ней двора, Москва, обыкновенно лѣтомъ пустынная, являлась столицею шумною, блестящею. Въ началѣ іюня пріѣхалъ туда король прусскій и имѣлъ торжественный въѣздъ въ городъ. Нѣсколько дней спустя, происходила закладка храма Спасителя, въ воспоминаніе Отечественной войны. Въ іюлѣ дворъ возвратился въ Петербургъ, и вскорѣ начались приготовленія къ отъѣзду государя на Ахенскій конгрессъ и обѣихъ императрицъ въ чужіе края.

А. И. Михайловскій-Данилевскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ТИПЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ [1].

III.

Шалыга́нъ.

I.

ТЕПЛЫМЪ лѣтнимъ вечеромъ возвращался я домой, въ усадьбу Николая Вавиловича Скребикова, у котораго приводилъ въ порядокъ его обширную, но совершенно запущенную библіотеку. Я давно зналъ Николая Вавиловича; онъ находился въ хорошихъ отношеніяхъ еще съ моимъ отцомъ, самъ годился мнѣ въ отцы и шутя звалъ меня почему-то «племянникомъ». Я скорѣе гостилъ у него, чѣмъ жилъ въ качествѣ «наемнаго человѣка»: работой меня не заваливали, а напротивъ Скребиковъ постоянно просилъ меня «не надсаживаться».

— Чего вы убиваетесь въ пыли-то... Книги не хлѣбъ, не испортятся... успѣете... лѣтомъ гулять надо. Вотъ осенью примитесь. Пожалуйста, не надсаживайтесь, прошу васъ!

И я охотно исполнялъ такую любезную просьбу, оставлялъ работу въ библіотекѣ и шелъ въ поле или въ лѣсъ, а то бралъ

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XLVIII, стр. 69.

удочки и отправлялся за три версты на рѣку, къ Бѣсову Колѣну, гдѣ водилось много разной рыбешки. Иногда со мной ходилъ и учитель, приготовлявшій въ корпусъ сына Скребикова. Это былъ молодой человѣкъ, большой щеголь, ухаживавшій очень сильно за одной изъ сосѣднихъ барышенъ. Эти ухаживанія и мѣшали ему часто ходить со мной, хотя онъ былъ большой любитель рыбной ловли.

Съ рѣки, отъ Бѣсова Колѣна, и возвращался я теплымъ лѣтнимъ вечеромъ... Солнце уже садилось за высокій лѣсъ и золотило своимъ чуднымъ блескомъ и широкую ниву, и верхушки лѣса, и небольшое облачко, повисшее надъ закатомъ. Жаръ свалилъ, и въ воздухѣ разлилась пріятная свѣжесть, пахло скошенной травой. Хорошо и вольно дышалось...

Мнѣ пришлось проходить мимо Кипина. Это маленькій поселокъ, въ семь дворовъ. У отвода, на бревнѣ сидѣлъ мужикъ—плотный, коренастый, съ карими глазами, которые свѣтились какимъ-то пренебрежительнымъ, чваннымъ блескомъ. Толстыя губы у мужика были оттопырены. Носъ также толстый, книзу расширяющійся и красный... Мужикъ курилъ «цыгарку». Я бы прошелъ мимо него, но когда я поровнялся съ нимъ, онъ мнѣ поклонился и промолвилъ:

— Рыбку ловили?

— Да,—отвѣтилъ я, не имѣя желанія вступать съ нимъ въ разговоръ.

— Клевало?

— Ничего.

— Чать плотва больше?

— Да.

— Оно ужъ такъ... Потому вы на это мѣсто ходите, а тамъ плотва.

— На какое это мѣсто?

— Къ Бѣсову Колѣну вѣдь ходите, такъ я говорю?

— Да, туда.

— Ну, вотъ, вотъ... тамъ плотва.

— А ты почемъ знаешь?

Онъ ухмыльнулся и глубокомысленно повелъ русыми усами.

— Я все знаю,—произнесъ онъ.

Онъ затянулся, бросилъ цыгарку и затопталъ ее сапогомъ. Голосъ у него былъ низкій, хриповатый и не особенно пріятный.

— Вы вѣдь у Николая Вавиловича живете?

— Да.

— Ну, вотъ! Какъ же! Мы его довольно знаемъ... Баринъ знакомый. И то сказать: дѣло сусѣдское, какъ не знать! Я у него и работалъ. Да вы меня и видывали не одинова.

— Не помню.

— Не запримѣтили. Помните, какъ машину-то ставили?

— Ну.

— Я тутъ и былъ. Я все и устроилъ. Безъ меня бы и не сдѣлать ничего. Этотъ Пахомъ только брался, а гдѣ ему! Я все! Бились, бились, а все пришлось поклониться Ѳедору.

— Это тебя зовутъ такъ?

— Меня! Ѳедоръ Балабинъ. Меня всѣ знаютъ. Спросите только Ѳедора Балабина, вамъ всякій мальчишка укажетъ.

Я посмотрѣлъ на него и спросилъ:

— Почему же къ тебѣ обратились? Развѣ ты знаешь по машинной части?

— Я-то?

И онъ даже плечами передернулъ.

— Еще бы мнѣ да не знать!

— Гдѣ же ты учился?

Я заинтересовался имъ и присѣлъ на бревно. Ѳедоръ пододвинулся немного.

— Ты жилъ въ городѣ, на заводѣ?

— Жилъ. Я на механическомъ заводѣ жилъ двѣнадцать лѣтъ, почитай, за механика все правилъ. Мнѣ ли не знать... плевое дѣло. Не такія машины ставили, какъ у Николая Вавиловича... Это по нашей части!

— На какомъ же заводѣ ты жилъ? У кого?

— На разныхъ жилъ. Подъ Петербургомъ... въ Финляндіи. Я, почитай, болѣе десяти городовъ перевидалъ. Я вѣдь и по малярному, и по столярному мастерству могу... Можетъ, знаете помѣщика Олсуфьева?

— Знаю.

— И бывали, можетъ?

— Разъ былъ.

— Ну, вотъ... домъ-то его видѣли? Вѣдь какъ отдѣланъ-то... лѣпная работа на рѣдкость!

— Да, хорошая работа... ну, и что же?

— А я же все!

— Какъ ты?

— А такъ! Я всѣмъ завѣдовалъ, на моемъ отвѣтѣ всѣ рабочіе были.

— Подрядчикомъ ты былъ, что ли?

— Нѣтъ, не подрядчикомъ, а вродѣ. Да вотъ я вамъ все разскажу. Олсуфьевъ баринъ, сами знаете, какой: баринъ важный и всякую образованность понимаетъ чудесно, потому генералъ и при дворѣ находился. Ну, вотъ... какъ задумалъ онъ, значитъ, домъ-то отдѣлывать, и хотѣлъ въ Питеръ писать, чтобъ лучшаго мастера выслали, а я сейчасъ той минутой къ Михею Михеичу. Знаете Михея Михеича?

— Нѣтъ, не знаю. Кто это такой?

— А это управляющій Владиміра Степановича. Человѣкъ— кремень, а дѣло свое понимаетъ и линію ведетъ какъ слѣдуетъ, потому въ людяхъ и во всемъ толкъ знаетъ. Ну, и смѣкалкой Богъ не обидѣлъ... Мы съ нимъ давнишніе пріятели, я ему не одинова дѣла обдѣлывалъ. Вотъ я и пошелъ къ нему. Такъ и такъ говорю: слышалъ, что генералъ за мастеромъ посылать хочетъ. Точно такъ, говоритъ это Михей-то Михеичъ: хочетъ, а что? Не ты ли бы взялся? Именно, отвѣчаю ему, я... Потому дѣло это знаю и исполнить могу какъ слѣдуетъ... вы не сумлѣвайтесь! А онъ мнѣ: «развѣ я тебя не знаю! Ужъ если берешься, такъ, значитъ, сдѣлаешь, объ этомъ и говорить не стоитъ. Я передамъ Владиміру Степановичу».

— И онъ тебя взялъ?

— Взялъ. Самъ призвалъ меня, разспросилъ все, видитъ, дѣло знаю доподлинно, ну, и взялъ. Да вѣдь что же: развѣ питерскій-то мастеръ лучше бы сдѣлалъ? Вѣдь хорошо все сами видѣли?

— Очень хорошо,—повторилъ я.

— Ну, вотъ! А я взялъ куда дешевле. Питерскій на эту цѣну ни въ жизнь не пошелъ бы.

— Гдѣ же ты всему учился?—полюбопытствовалъ я.

— Гдѣ?

Онъ опять ухмыльнулся.

— У добрыхъ людей, да отъ Господа Бога. Потому мнѣ талантъ отъ Бога данъ. Я на что ни взгляну, все сразу понимаю. Разъ тутъ охотникъ проѣзжалъ. Посмотрѣлъ я у него ружье, поработалъ мозгами и сейчасъ, значитъ, свое ружье приспособилъ къ евоному. Потомъ тульскій мастеръ глядѣлъ, и тотъ диву дался! Да эдакъ, говоритъ, и мнѣ бы не сдѣлать, въ голову не вошло бы. Талантъ, говоритъ, надо на это! Извѣстно, талантъ. Да вотъ хоша бы ловлю взять эту. Я вамъ такое мѣсто найду, что будете благодарить. Лещи во какіе берутъ. Я разъ около двухъ фунтовъ вытащилъ.

— Развѣ ты ловишь тоже?—обрадовался я.

— Теперь нѣтъ, некогда... И не охотникъ я, а такъ временемъ баловался. А я вамъ мѣсто укажу.

— Пожалуйста!

— Безпремѣнно! Потому лещи, а то плотва, что за рыба... плевое занятіе плотву таскать.

— Өедоръ, а Өедоръ!—раздался вдругъ пискливый женскій голосъ, и въ ту же минуту изъ-за избы, находившейся вблизи отвода, показалась худощавая, пожилая баба, въ красномъ платкѣ, который съѣхалъ у нея съ головы. Баба держала въ одной рукѣ горшокъ, а другой поправляла платокъ.

— Өедоръ, а Өедоръ!—повторила она.

— Что тебѣ?

— Ты это чего же опять разсѣлся-то, пустая голова... чать, за дѣломъ пошелъ!

— Погоди, Марѳа, видишь, я съ бариномъ разговариваю.

— Тьфу ты, окаянный,—плюнула досадливо баба: — люди работаютъ, а онъ только балясы точитъ, шалыгàнъ эдакій. И чаво вы его слушаете, — вдругъ обратилась она ко мнѣ: — нешто онъ путное что скажетъ! Поди, не вѣсть чего нагородилъ, всяко росписалъ себя: и такой, и сякой, цѣны ему нѣтъ, а вся-то цѣна ему, шалыгàну, грошъ ломанный!

— Марѳа!

— Ну, что... не любо, небось? У, безпутный!

Баба опять плюнула и пошла въ избу.

— Дура, какъ есть дура!—пренебрежительно произнесъ Ѳедоръ, но въ его тонѣ мнѣ послышалось смущеніе.

Онъ всталъ съ бревна и добавилъ:

— Вы не смотрите на нее, она, извѣстно, баба безъ понятіевъ... волосъ дологъ, а умъ коротокъ. Гдѣ ей! А это все вѣрно, и мѣсто я вамъ укажу важное.

И онъ пошелъ медленной развалистой походкой къ лѣсу. Я слышалъ, какъ онъ еще повторилъ про себя: «а дура, дура баба!».

Идя домой, я невольно задалъ себѣ вопросъ: «что такое Ѳедоръ? Дѣйствительно ли такой, какъ онъ про себя разсказывалъ, или это все вздоръ, и онъ только хвастунъ?». Я рѣшился разспросить о немъ Скребикова.

II.

— Ну, что, мы ѣдимъ сегодня уху?—смѣясь, встрѣтилъ меня Скребиковъ у воротъ усадьбы.

Онъ заглянулъ въ буракъ, гдѣ лежала моя добыча, и добавилъ:

— Э-э, да почти все одна плотва! Это не намъ, значитъ, а кошкамъ.

— Вотъ погодите, скоро я васъ угощу настоящей ухой,—промолвилъ я.

— Это почему? Уговоръ съ водянымъ царемъ сдѣлали?

— Нѣтъ, не съ нимъ, а съ однимъ изъ кипинцевъ. Онъ обѣщался указать мнѣ мѣсто, гдѣ водится много хорошей рыбы.

— Вотъ какъ! Будемъ ждать. Но кто же сей знатокъ?

— Ѳедоръ.

— Ѳедоръ? — воскликнулъ Скребиковъ, который уже сдѣлалъ было шагъ впередъ, но при моемъ отвѣтѣ вдругъ остановился. — Ѳедоръ?—повторилъ онъ:—какой? Ужъ не Балабинъ ли?

— Да, онъ, а что?

Скребиковъ захохоталъ.

— Ну, могу васъ поздравить! Значитъ, намъ вашей ухи придется долго дожидаться.

— Да почему же? Онъ говоритъ, что знаетъ мѣсто.

— Еще бы, онъ все знаетъ! Только это онъ такъ говоритъ, а на самомъ дѣлѣ онъ ровно ничего не знаетъ.

— А онъ увѣрялъ...

— Мало ли что увѣрялъ. Онъ и меня увѣрялъ, и я имѣлъ глупость ему повѣрить.

— Насчетъ машины?

— Да. А вы знаете? Впрочемъ, что я: это при васъ было, да и отъ меня вы, конечно, слышали.

— Нѣтъ, не отъ васъ, а отъ него самого.

— Какъ, отъ него? Это любопытно! Что же онъ вамъ говорилъ? Неужели сознался?

— Нѣтъ, онъ, напротивъ, мнѣ сказалъ, что безъ него ничего не могли сдѣлать, что, только благодаря ему, и машина пошла въ ходъ... Какой-то Пахомъ брался, да ничего не подѣлалъ...

— Это онъ вамъ разсказывалъ?

— Да.

— Ахъ, онъ, шалыга̀нъ эдакій, вотъ нахальный-то хвастунъ.

Къ намъ подошелъ высокій мужикъ, уже сѣдой, но еще бодрый и крѣпкій на видъ. Это былъ у Скребикова на̀большій надъ всѣми рабочими, что-то вродѣ старосты. Его звали Сидоромъ. Онъ поклонился намъ низко, почтительно, какъ кланяются теперь только немногіе старики, помнящіе еще крѣпостничество и не возгордившіеся отъ воли, по-бабаевски.

— Слышишь, Сидоръ, слышишь,—обратился къ нему Скребиковъ,—какія пѣсни-то поетъ Ѳедька Балабинъ.

У Сидора при этихъ словахъ на губахъ появилась улыбка, и даже глаза его засмѣялись.

— Онъ мастеръ пѣть-то,—произнесъ Сидоръ.

— Да вѣдь что: говоритъ, что безъ него и машина не пошла бы... Каково, а? Ахъ, безстыдникъ, ахъ, шалыга̀нъ! Да вы спросите его,—показалъ Скребиковъ на Сидора,—его спросите, какую штуку со мной устроилъ Ѳедоръ, и вѣдь два раза.

— Да ужъ, это вѣрно, опѣлъ,—согласился Сидоръ, но такимъ тономъ, что онъ не оскорблялъ довѣрчиваго барина.

— Онъ все сдѣлалъ! — не унимался Скребиковъ, — а вотъ я вамъ скажу, какъ все это онъ сдѣлалъ... Ты куда, Сидоръ?

— Да на луга, Николай Вавиловичъ. Яминовцы расчету просятъ, говорятъ, на Клину всю траву скосили, такъ надо посмотрѣть.

— И я туда же. Пойдемте вмѣстѣ,—предложилъ мнѣ Скребиковъ.

— Хорошо,—согласился я,—только куда же мнѣ дѣвать всѣ эти снасти?

— А вотъ отдайте Сидору, онъ снесетъ домой. Да погодите, вотъ Митька бѣжитъ... Эй, Митька! — крикнулъ Скребиковъ казачку, бѣжавшему черезъ дворъ.—Возьми-ка все это да снеси во флигель,—прибавилъ онъ подбѣжавшему мальчишкѣ.

Я отдалъ всѣ рыболовныя принадлежности казачку, и мы втроемъ отправились на луга.

Скребиковъ нѣкоторое время шелъ молча, потомъ досталъ папироску, закурилъ, бросилъ спичку, и промолвилъ своимъ обычнымъ, нѣсколько торопливымъ голосомъ:

— Такъ вотъ я вамъ разскажу про Ѳедора... Его шалыга̀номъ всѣ зовутъ. Слыхали вы такое слово раньше?

— Нѣтъ. Я его сегодня въ первый разъ услыхалъ отъ жены Ѳедора.

— И она его такъ же зоветъ? Ха-ха-ха! Слышишь, Сидоръ?

— Она завсегда его такъ зоветъ, Николай Вавиловичъ,—отвѣтилъ Сидоръ.—Да и какъ его иначе звать, когда вся его работа въ пустомельствѣ; языкомъ только и робитъ... какъ есть шалыга̀нъ.

— Именно языкомъ, — подхватилъ Скребиковъ. — Такъ вотъ я вамъ разскажу про оба случая... Сначала насчетъ сада; какъ пріѣхалъ я въ имѣніе послѣ покойнаго брата, такъ сейчасъ же и принялся за садъ. Я, знаете вы, люблю растительное царство. Ну, вотъ хорошо. А въ ту пору у меня жилъ Ѳедоръ работникомъ, только что поступилъ. Онъ сейчасъ съ предложеніемъ, такъ, молъ, и такъ, все устрою. Прямо большія деревья возьмемъ и посадимъ. Погибнутъ, вѣдь, говорю я. Ни за что,—увѣряетъ,—чтобы у меня да погибли! Да развѣ ты учился?—спрашиваю. А то какъ же,—отвѣчаетъ, и такъ храбро, съ апломбомъ: — учился и жилъ въ садовникахъ больше десяти лѣтъ у Задымова. Слыхалъ я про Задымова и зналъ, что онъ большой любитель цвѣтовъ и постоянно разбивалъ новые сады. Ну, думаю, если у него жилъ въ садовникахъ, значитъ, дѣло знаетъ, и положился я на моего Ѳедора.

— Отчего вы о немъ ни у кого не спросили? — замѣтилъ я Скребикову.

— И въ голову не пришло. Да вѣдь онъ при другихъ говорилъ, и всѣ молчали. У меня и сомнѣнья не было. Ну, вотъ и навезли мы липъ, тополей, и давай садить. Садили, садили, а къ осени все и погибло. Ѳедоръ и не смутился нисколько. Земля, говоритъ, неподходящая. Вижу, что чепуха, да вѣдь что подѣлать! А тутъ вскорѣ оказалось, что онъ никогда у Задымова и не живалъ.

— Онъ долго жилъ на механическомъ заводѣ, — замѣтилъ я Сребикову,

— Гдѣ это? У кого?

— Подъ Петербургомъ гдѣ-то, за механика былъ.

— Вретъ онъ все! За механика! Хорошъ механикъ... вотъ онъ тоже и мнѣ наговорилъ на счетъ своей механики. У меня паровая машина перестала работать, большія я за нее деньги далъ, а бросай, да и все тутъ. Онъ опять и выискался.

— И вы довѣрились?

— Что подѣлаешь, думалъ,—про садовничество навралъ, а это и въ самомъ дѣлѣ знаетъ. Къ тому же мнѣ кто-то сказалъ, что онъ дѣйствительно жилъ на заводѣ, гдѣ эти машины дѣлаютъ. Да и не все ли равно, машина не работаетъ, отчего не попытать. Вотъ и согласился. Осмотрѣлъ Өедоръ, походилъ около машины и объявилъ рѣшительно, что она никуда не годится. Кого угодно, говоритъ, позовите: ничего не подѣлать. Продайте на сломъ лучше. Хорошо, что я еще его въ этомъ не послушался и оставилъ машину.

— Теперь она работаетъ?

— Преотличнымъ манеромъ! Пахомъ,—видали, можетъ быть, его: такой невзрачный рыженькій мужиченка,—все и наладилъ. Этотъ дѣйствительно на заводѣ жилъ и дѣло знаетъ. Какъ пошла машина, я Өедору и говорю: ну, что теперь скажешь? Думаю, смутится человѣкъ, куда! Занесъ чепуху, ни въ чемъ не виноватъ, всѣ виноваты, а онъ правъ. Оказалось, что онъ тоже совѣтовалъ, что и Пахомъ, да его не послушались. Да вотъ вы раза три повидайтесь съ нимъ, такъ и поймете его. Онъ вамъ скажетъ, что онъ былъ на стеклянномъ, и потомъ еще гдѣ нибудь. Онъ и матросомъ ходилъ, и кондукторомъ былъ... кѣмъ не служилъ! Здѣсь онъ служилъ десять лѣтъ, тамъ двѣнадцать, въ третьемъ мѣстѣ чуть не пятнадцать. Если сложить все вмѣстѣ, такъ ему теперь больше ста лѣтъ будетъ.

— Значитъ, неправда, что онъ у Олсуфьева отдѣлывалъ домъ?— сказалъ я.

— Что-о?—изумился Скребиковъ: — у Олсуфьева? Да неужели онъ вамъ это разсказывалъ?

— Да.

Я передалъ все слышанное отъ Өедора.

— Ахъ, онъ хвастунъ эдакій! — засмѣялся Скребиковъ: — да Олсуфьевъ и близко-то къ своей усадьбѣ его не пускаетъ. Онъ тому тоже чего-то нахвасталъ, и по обыкновенію дѣло дальше словъ не пошло. И прогнали его чуть ли не въ шею. Лѣпная работа! Да его ли ума это дѣло! Онъ у себя печку какъ-то сдѣлалъ, да и то сколько смѣху было. Вся деревня ходила смотрѣть. Я думаю, какъ ни плохо кладетъ печки Толстой, а все лучше Өедора... а то домъ отдѣлывалъ! Вѣдь и уродится же такой человѣкъ: хвастаетъ и вретъ безъ зазрѣнія совѣсти.

— Чѣмъ же онъ кормится, если онъ ничего не умѣетъ дѣлать?

— Да такъ вотъ и переходитъ съ мѣста на мѣсто, а, впрочемъ, мужикъ онъ сильный и на черную работу способенъ. Пока не напакоститъ, и держатъ. Да я бы его и послѣ этихъ исторій держалъ, да только онъ, помимо своего вранья, лѣнивъ страшно. Гляди да гляди за нимъ, а то пойдетъ, напримѣръ, косить, да и пролежитъ цѣлый день, а деньги забирать впередъ—большой мастеръ. И по началу, пока не раскусятъ его, успѣваетъ, хоть кого опоетъ, ну, и вѣрятъ. Семьѣ его плохо приходится, особенно какъ безъ работы, да въ шатаніе ударится. Мѣстъ онъ дѣйствительно много исходилъ, да только проку мало. Ужъ его и на сходѣ пороли за недоимки, да ему неймется.

— Николай Вавиловичъ, намъ вѣдь сюда,—произнесъ Сидоръ.

— Что?—обратился къ нему Скребиковъ.

— Вправо, къ Клину, вотъ сюда.

— Ахъ, я заговорился и прошелъ было совсѣмъ.

Въ эту минуту къ намъ подъѣхалъ учитель, возвращавшійся отъ помѣщика, за дочерью котораго ухаживалъ. Скребиковъ и Сидоръ направились къ Клину, а я сѣлъ въ шарабанъ къ учителю, и мы поѣхали домой.

III.

Какъ-то разъ, вскорѣ послѣ описаннаго въ предъидущей главѣ, мнѣ пришлось проѣзжать мимо погоста, гдѣ жилъ старый заштатный дьячекъ Касьянычъ со своею старухою Аграфеною Тимоѳеевной. Гляжу, около знакомаго домика толпится народъ. Кто-то кричитъ, кто-то плачетъ словно. Я подъѣхалъ.

— Что тутъ такое случилось?—обратился я къ бабѣ, стоявшей у края.

— Да корова заболѣла у Аграфены Тимоѳеевны... что и подѣлать, не знаетъ, убивается, сердешная.

Шумъ продолжался. Аграфена ревѣла, причитала и не знала, кого слушать: одни совѣтовали то, другіе иное.

— Къ фершалу надо бы послать.

— Куда за нимъ идти-то, двадцать верстъ будетъ, а то, гляди, и болѣе. Куда!

— Извѣстно куда! А ее вонъ какъ претъ.

Корову дѣйствительно распирало, и она жалобно мычала. На крыльцѣ стоялъ Касьянычъ, древній, сухой, какъ мумія, глядѣвшій на толпу слезившимися подслѣповатыми глазами.

— Съ чего это ее такъ?—сказалъ я, подходя къ Касьянычу и здороваясь съ нимъ.

— Не слушалась: вотъ и случилось,—отвѣтилъ онъ, кивнувъ

своей маленькой сѣдой головкой. — Говорилъ, не пущайте въ эту болотину, осока вредоносна, нѣтъ, пустили—ну, вотъ!

— Какъ же теперь?

— Кто же знаетъ?

— Падетъ, пожалуй.

— И падетъ, что подѣлаешь; впередъ гляди: скотина—неразумная тварь, смотрѣть за ней надо.

— На все воля Божья, — со вздохомъ сказала баба, стоявшая вблизи.

— Воля Божья! А свое разумѣніе на что? — промолвилъ старикъ.—Все на Бога, а знаешь: на Бога надѣйся, а самъ не плошай.

— А, да замолчи ты, Касьянычъ, — съ досадой остановила жена:—теперь словами не помочь, что только сердце терзать попустому

Въ эту минуту вдругъ откуда-то появился Ѳедоръ. Онъ протолкался черезъ толпу и приблизился къ коровѣ.

— Э-э,—произнесъ онъ: — коровка-то тово, осоки болотной поѣла, видно.

Ему никто на это ничего не отвѣтилъ. Аграфена какъ-то даже недружелюбно посмотрѣла на него, точно онъ могъ повредить коровѣ, или былъ виною того, что она заболѣла.

— Да, да, осоки поѣла,—продолжалъ Ѳедоръ, не обращая вниманія на такое отношеніе къ себѣ:—въ болотину зашла, значитъ Такъ, а только это плевое дѣло... ее сейчасъ поднять можно.

Его слова вызвали въ толпѣ насмѣшливое замѣчаніе.

— Ишь, докторъ выискался!

Но на Аграфену эти слова подѣйствовали иначе. Она въ упоръ посмотрѣла на Ѳедора.

— Можно поднять, это что,—повторилъ Ѳедоръ.

— Да ты это какъ: зря болтаешь, али взаправду знаешь что?—промолвила она нерѣшительно.

— Ну, вотъ зря, зачѣмъ зря? Дѣло не впервой... Когда я жилъ въ кучерахъ у генерала Маркова, такъ тамъ тоже съ лошадью приключилось какъ есть вотъ то же самое, и ничего, я живой рукой поднялъ.

— Когда же ты въ кучерахъ жилъ? — смѣясь, обратился къ Ѳедору какой-то парень.

Ѳедоръ даже не нашелъ нужнымъ отвѣтить на вопросъ. Онъ только презрительно посмотрѣлъ на «молокососа«» и продолжалъ, обращаясь къ дьячихѣ:

— Это вѣрно. Если хочешь, я сейчасъ...

— Помоги, если можешь, да только...

Она продолжала не вѣрить и въ то же время какъ бы боялась обидѣть Ѳедора своимъ недовѣріемъ. «Кто де знаетъ: можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ умѣетъ, а то вдругъ да разсердится».

— Помоги, если можешь,—повторила дьячиха.

— Что ты, что ты, оглашенная,—напустилась на нее баба, разговаривавшая со мной: — нешто можно вѣрить этому шалыгану? Какой онъ знахарь!

— Извѣстно гдѣ ему,—поддержалъ кто-то бабу.

— Да теперь что же, все равно ужъ сдохнетъ, чаво не попробовать,—замѣтилъ косоглазый, плюгавый мужиченка.

— И то, пожалуй, такъ, хуже не будетъ,—согласился его сосѣдъ.

Поднялся говоръ. Одни убѣждали Аграфену не позволять Ѳедору лечить корову, а другіе находили, что теперь уже все равно, «пущай его попробуетъ». Послѣдняго мнѣнія держался и самъ Касьянычъ. Дьячиха колебалась; она переводила глаза съ одного совѣтчика на другаго и продолжала плакать. Корова жалобно мычала.

— По мнѣ что-жъ, — промолвилъ Ѳедоръ, какъ бы обидясь:— коли боишься, и не надо. Корысть мнѣ что ли какая? Твое дѣло, а только я это знаю, не впервой.

И онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы уйдти. Дьячиха удержала его за рукавъ.

— Погоди, я что же!... Только чѣмъ ты будешь лечить?

— Да какое тутъ леченье... проколъ надо ей, чтобы, значить, зловонный духъ вышелъ...

— Проколъ?—пугливо спросила дьячиха... А зачѣмъ же проколъ?... И какой такой духъ?

— Зловонный, онъ ее и роспираетъ... а выпустить, и пройдетъ все...

— Проколъ, проколъ,—повторяла трусливая дьячиха:—а какъ да ты ей жилу повредишь? Вонъ покойникъ Онисимушка наговоромъ лечилъ... ты вѣдь не знаешь наговора-то!

— Ну, вотъ, не знаю!

И, замѣтивъ недовѣріе Аграфены, онъ прибавилъ съ апломбомъ:

— И наговоромъ могу, если боишься кòлотья... наговоръ знаю... тоже дѣйствуетъ чудесно... не одинова я имъ помогалъ... слава Богу, бывалое дѣло!

— Наговоромъ-то лучше, пожалуй,—промолвила дьячиха и окинула взглядомъ толпу, потомъ перевела его на мужа, какъ бы еще разъ спрашивая общаго мнѣнія.

— Ишь ты, наговòръ знаетъ, шалыгàнъ, — засмѣялась баба:— откуда узналъ-то?

— Вретъ, поди, все!—тихо промолвилъ Касьянычъ.

— Что-жъ, наговòръ силу имѣетъ,—философски произнесъ плюгавенькій мужиченка:—кто знаетъ, наговòръ дѣйствуетъ, это вѣрно!

— Да откуда ему знать-то?—опять крикнула баба.

— Откуда? Мало ли откуда! Ходилъ по мѣстамъ и узналъ.

— Не у тебя ли учиться надо?—насмѣшливо кинулъ бабѣ Ѳедоръ.

Аграфена посмотрѣла на него и вдругъ рѣшительно промолвила

— Помоги, если можешь. Я тебя поблагодарю.

— Нешто я изъ-за этого, — уклонился отъ благодарности Өедоръ.—Скотинку жалко, гибнетъ зря.

— Помоги!

— Я это сейчасъ, только пусть всѣ разойдутся: при всѣхъ нельзя, силы не будетъ.

Толпа разошлась. Корову прикрыли. Өедоръ началъ шептать что-то надъ нею, потомъ взялъ въ руки палочку и принялся водить ею по коровѣ.

— Воды дайте мнѣ, воды,—торопливо прошепталъ онъ.

Дьячиха побѣжала за водой.

Я не сталъ дожидаться окончанія леченія и уѣхалъ домой.

«Неужели поможетъ?»—размышлялъ я дорогой.

Когда я разсказалъ все Скребикову, онъ громко захохоталъ.

— Еще новость,—произнесъ онъ:—то былъ нашъ Өедоръ маляромъ да механикомъ, а теперь въ знàхари попалъ.

— А если онъ въ самомъ дѣлѣ...

— Умѣетъ лечить? Полно вамъ! Онъ никогда и не лечилъ... И въ кучерахъ едва ли живалъ... Пустое все... Это на него сразу нашло. Захотѣлъ знаніе свое показать. Развѣ можетъ онъ чего нибудь не знать! Исколоть корову искололъ бы, а проку не вышло бы. Онъ какъ-то чуть было не погубилъ лошади у попа, вздумавъ у нея насосъ спускать... насилу кровь уняли... А лошадь все равно уже не та, пропала почти... Положимъ, теперь-то все равно, корова сдохнетъ...

— А наговоръ?

— Неужели вы вѣрите въ наговоръ?

— Знаете...

— Понимаю,—перебилъ Скребиковъ:—вы хотите сказать: случается, помогаетъ. Не будемъ спорить, есть дѣйствительно вещи, другъ Горацiо, и проч... Да только не Өедору знать такiе наговоры. Онъ никакого и не знаетъ, но сознаться въ своемъ незнанiи не хочетъ, скорѣй рѣчка наша вспять побѣжитъ, чѣмъ вы дождетесь этого отъ Өедора.

На другой день мы узнали, что наговоръ Өедора дѣйствительно не помогъ: корова подохла.

IV.

— А что же вы давно не ловили рыбы? Надоѣло, видно?—спросилъ меня Скребиковъ.

Мы играли съ учителемъ въ шашки, а Николай Вавиловичъ читалъ газету и, по обыкновенiю, немилосердно дымилъ сигарой.

— Да что ловить, если попадается одна плотва да уклея, — отвѣтилъ я, радуясь тому, что провелъ-таки свою шашку въ дамки: учитель игралъ превосходно и всегда побѣждалъ меня.

— Что такъ?—началъ было Скребиковъ, но вдругъ, оставивъ газету и повернувшись ко мнѣ лицомъ, добавилъ съ улыбкой:

— Да постойте: что же это ваше новое мѣсто? Вѣдь Өедоръ хотѣлъ указать вамъ такое мѣсто, гдѣ ловится всякая рыба. Указалъ? Или только навралъ по обыкновенію?

— Да я и не ходилъ къ нему.

— Почему же, сходите.

— Не вѣрится уже мнѣ.

— Ха-ха-ха! А вы все равно испытайте, любопытно.

— А это въ самомъ дѣлѣ любопытно,—сказалъ учитель:—какъ онъ вывернется, если навралъ. Пойдемте, право. Ну, и вздоръ все окажется — что за важность, не правда ли?

— Конечно, такъ. А вы пойдете?

— Да, да, съ удовольствіемъ.

— Что же, попробуемъ. Когда?

— Да хоть завтра.

Мы на томъ и рѣшили.

Самый лучшій, конечно, утренній клевъ, но учитель проспалъ, и пришлось остановиться на вечерней ловлѣ. Послѣ обѣда мы накопали червей, заготовили мухъ, даже двухъ лягушекъ взяли съ собой на щуку и отправились въ Кипино.

— А если его дома нѣтъ?—замѣтилъ учитель.

— Тогда на старое мѣсто пойдемъ.

— Напрасно мы заранѣе не предупредили его,—снова промолвилъ учитель.

— Я хотѣлъ, но Николай Вавиловичъ отсовѣтовалъ.

— Почему?

— Увернется Өедоръ, по его мнѣнію.

Но наши опасенія были напрасны: Өедора мы застали дома. Онъ сидѣлъ у избы и починивалъ сапогъ.

— Э-э, да никакъ ты и сапожничать умѣешь?—сказалъ я ему съ умысломъ.

— Я-то? Да я что угодно сошью, не то что сапогъ, а хошь щимблетъ модный, потому когда я....

Онъ хотѣлъ, видимо, сказать: «когда я жилъ въ сапожникахъ», но какое-то соображеніе остановило его, и онъ докончилъ:

— Приходилось дѣлать все, слава Богу.

— А вотъ корову-то ты, всетаки, не вылечилъ у дьячихи,—сказалъ учитель.

— Такъ что же, не моя вина... я бы безпремѣнно поднялъ, она-жъ виновата сама.

— Дьячиха?

— Извѣстно, она, ну, и другіе прочіе.

— Да чѣмъ же они-то виноваты?

— А тѣмъ: пошто долго канителились-то? Нешто скотина ин-

струментъ какой? Хошь и не душа въ ней, а паръ, все же она не инструментъ, а тварь, жизнь въ ней...

— Ну, такъ что же?

— А то и есть. Развѣ можно такъ-то: надо скорѣе все. Я говорилъ проколоть надо, убоялась... а чего бояться? нешто впервой? Слава Богу, на своемъ вѣку сколько поднималъ: проколешь, и баста. Зловонный духъ выйдетъ, кровь очистится, и здорова скотинка.

— Ты развѣ коновалъ? — спросилъ учитель.

— Что коновалъ! Когда я жилъ въ кучерахъ у князя Баратынскаго...

— Ты говорилъ, у генерала Маркова, — напомнилъ я.

— То само собой, и у него жилъ. Развѣ только у него у одного? Я у Баратынскаго три года жилъ,—промолвилъ Ѳедоръ безъ всякаго смущенія.

— А наговоръ хуже помогаетъ прокола? — опять промолвилъ учитель.

— И наговоръ хорошо; въ немъ большая сила. Да все ко времени, опустишь, и капутъ. А они боятся, точно я не знаю. Слава Богу, когда я...

— Вотъ что, Ѳедоръ,— остановилъ я его, основательно предполагая, что его хвастовству не будетъ конца:—если ты ничѣмъ не занятъ, то укажи то мѣсто, о которомъ ты говорилъ. Мы вотъ рыбачить пошли. Ты не забылъ обѣщанія?

— Ну, вотъ, какъ не помнить!

— Такъ покажешь?

— Отчего нѣтъ? Мѣсто важное: рыбы такая уйма, что успѣвай только удочку закидывать.

— И хорошая рыба? — спросилъ учитель.

— И-и! Тутъ тебѣ и лещъ, и окунье крупное, и язи жирные... уйма рыбы.

— Такъ пойдемъ же.

— Сейчасъ, сейчасъ,— заторопился Ѳедоръ: — только вотъ оболокусь. Я это могу, потому знаю довольно.

— Ты самъ-то ловилъ?

— Ловилъ, ловилъ, какъ же! Разъ такого язя вытащилъ, думалъ, удилище не выдержитъ.

— Помнится, ты про леща говорилъ, — снова поправилъ я Ѳедора.

— Что лещъ, лещъ само собой! Говорю: уйма рыбы.

Мы переглянулись съ учителемъ и улыбнулись.

Ѳедоръ обулся, сбѣгалъ зачѣмъ-то въ избу, и черезъ нѣсколько минутъ мы всѣ трое отправились на «важное мѣсто».

— А далеко это? — освѣдомился учитель.

— Ни, гдѣ далеко! Оно, конечно, не то, что вотъ тутъ и есть, а только и не далеко.

Однако, мы довольно долго шли берегомъ.

— Далеко еще? — спрашиваемъ у Өедора.

— Теперь скоро, вотъ сейчасъ: тутъ кустъ будетъ такой.

— Да ты не забылъ ли, не спуталъ ли? Можетъ, мы уже прошли?

— Чего забыть! Сколько разъ ловилъ. Кустъ такой будетъ. Эге, да вотъ и онъ, онъ самый. Ну, теперь сейчасъ... Ахъ, и мѣсто же: рыбы этой, хошь руками бери.

Мы поднялись на пригорокъ и опять спустились внизъ къ рѣкѣ.

— Ну, вотъ, вотъ,—обрадовался Өедоръ:—это и есть, сюда, сюда.

Мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, и наши ноги стали вязнуть. Учитель провалился чуть не по колѣно.

— Да куда же тутъ идти? Тутъ болото, завязнешь, — закричалъ онъ.

Въ этотъ мигъ и я провалился глубоко въ какую-то кашу.

— Зачѣмъ болото? Это только такъ, вотъ еще немного, а тамъ и лучше... тамъ совсѣмъ хорошо. Видите, видите, какъ рыба-то играетъ.

— Ну, нѣтъ, пускай она хоть вальсируетъ, а я дальше не пойду, — рѣшительно объявилъ учитель, съ трудомъ вытаскивая ногу: — какая тутъ ловля, когда вязнешь... Это, чортъ знаетъ, что такое.

Его модные штиблеты превратились въ какую-то модную губку; брюки выше колѣнъ были покрыты липкою грязью.

— Оно точно немного есть, — улыбаясь, сказалъ Өедоръ: — да вѣдь извѣстно, на охотѣ не то, что въ горницѣ. Ягоду, примѣрно, взять морошку: скусная ягода, а тоже болото любитъ.

— Что же, назадъ пойдемъ? — обратился я къ учителю.

— Я домой, — еще рѣшительнѣе объявилъ онъ: — какая тутъ ловля; только ноги промочилъ и штиблеты испортилъ. Зналъ бы, такъ не пошелъ. Ну, братъ Өедоръ, спасибо, указалъ мѣсто, нечего сказать.

Өедоръ обидѣлся.

— Да я что же, я привелъ, я знаю: рыбы здѣсь уйма! Чѣмъ я виноватъ?

— Ты бы предупредилъ, что здѣсь такая вязь.

— Что-жъ, извѣстно, рѣка; берегъ низкій, топь, не въ горницѣ. Оно, хошь вотъ ягода: морошка, примѣрно...

— Да ну тебя, замолчи, пожалуйста,—разсердился учитель:— далась ему морошка.

Всю дорогу онъ не проронилъ больше ни слова. Зато Өедоръ продолжалъ вполголоса выражать сожалѣніе, что мы не пошли дальше, потому что «рыбы уйма, хоть черпай».

И Скребиковъ, и сосѣдніе помѣщики, которымъ мы все разсказали, долго смѣялись надъ нашей экскурсіей.

— Всему виной этотъ Өедоръ-хвастунъ,—горячился учитель.

Но Өедоръ и не думалъ считать себя виноватымъ. Какъ-то Сидоръ замѣтилъ ему, когда онъ пришелъ зачѣмъ-то въ усадьбу:

— Ты что же, шалыганъ, куда завелъ нашихъ господъ?

— А что, куда?—спокойно возразилъ онъ:—никуда не заводилъ. Извѣстно, рѣка, мѣсто низкое, а рыбы-то зато, рыбы сколько.

— Да полно тебѣ врать,—перебилъ его Сидоръ:—никогда тамъ и рыба-то не водилась. Ишь какой рыболовъ выискался, мѣста указываетъ тоже.

— А ты, думаешь, одинъ все знаешь?—обидчиво произнесъ Өедоръ.—Я, братъ, сколько разъ лавливалъ. Какъ-то разъ язя...

— Котораго ѣсть нельзя! — захохоталъ Сидоръ.

— Что съ тобой говорить, — махнулъ рукой Өедоръ и пошелъ со двора.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого разговора Өедоръ отправился въ городъ. Говорили, что онъ поступилъ къ какому-то купцу въ дворники. Я уѣхалъ отъ Скребикова уже въ серединѣ зимы, но Өедоръ еще въ деревню не возвращался.

А. Кругловъ.

ПИ-ЛИНЪ-СЫ.

(Отрывокъ изъ путевыхъ замѣтокъ о сѣверо-восточномъ Тибетѣ).

ЕЩЕ ЗИМОЙ 1884—1885 годовъ, которую я проводилъ въ Сань-чуани, я слышалъ о знаменитомъ буддійскомъ монастырѣ Пи-линъ-сы, лежащемъ на берегу Желтой рѣки ниже Сань-чуани въ разстояніи дня скорой ѣзды. Мнѣ разсказывали, что это диво природы и человѣческихъ рукъ, что тамъ всѣ скалы изсѣчены пещерами и покрыты изображеніями боговъ въ такомъ большомъ количествѣ, что потангутски этотъ монастырь называется Шянба-бумлынъ; въ буквальномъ переводѣ это значитъ: «Шянба десять тысячъ», а по комментарію: «Шянба и десять тысячъ другихъ изображеній». Шянба есть имя божества, которое у монголовъ извѣстно подъ именемъ Майдари, отъ санскритскаго Майтрея, откуда иранскій Митра. Почему по имени этого божества названа эта мѣстность, будетъ видно изъ дальнѣйшаго нашего разсказа.

Дорога къ этому монастырю, говорили, убійственная. Нужно сначала изъ Сань-чуани ѣхать по большой дорогѣ и потомъ свернуть съ нея по горной тропинкѣ, по которой мулы могутъ пройдти только порожніе, безъ вьюковъ. Другая дорога идетъ ближе къ Желтой рѣкѣ; по ней можно проѣхать съ небольшимъ вьюкомъ, но эта дорога гориста, то и дѣло приходится спускаться въ глубокіе овраги и выкарабкиваться изъ нихъ на высокія горы. Третья дорога идетъ подлѣ самой рѣки, которая въ этомъ мѣстѣ течетъ въ узкомъ ущельѣ. Первыя двѣ дороги, проходящія по высокимъ горамъ, къ послѣдней относятся, какъ желѣзная дорога, прове-

денная надъ крышами домовъ европейской столицы, относится къ дорогѣ, идущей по мостовой. Дорога подлѣ рѣки, то-есть самая нижняя, считается самой опасной; она лѣпится по карнизамъ надъ пропастью, въ которой съ шумомъ катитъ свои волны большая и глубокая рѣка, и нерѣдко всадникъ или мулъ со всадникомъ вмѣстѣ летятъ въ пучину и находятъ въ ней свой конецъ. Безопаснѣе всего ѣхать по самой верхней, то-есть по большой дорогѣ; она и ровнѣе другихъ. Зато послѣдній коротенькій спускъ къ монастырю служитъ прескверньмъ возмездіемъ за льготы на остальномъ протяженіи дороги. Словомъ, какую изъ трехъ дорогъ ни выбери, на всѣхъ одинаково можно намаяться, особенно если съ собой есть какой нибудь вьюкъ.

Изъ Сань-чуани мнѣ не удалось съѣздить въ Пи-линъ-сы; осенью 1885 года, возвращаясь въ Сань-чуань изъ провинціи Сычуань, я долженъ былъ близко проѣзжать отъ Пи-линъ-сы и потому заблаговременно постарался разузнать, съ какого пункта на большой дорогѣ, ведущей изъ города Лань-чжоу въ Сань-чуань, удобнѣе всего свернуть къ Пи-линъ-сы. Оказалось, что изъ деревень, лежащихъ на тракту, ближе всѣхъ къ монастырю деревенька Сунъ-чжя-чыръ. Дойдя до нея, мы остановились въ ней на ночлегъ съ намѣреніемъ на другой день отправиться въ Пи-линъ-сы.

Совершенно неожиданно для меня деревенька эта оказалась населенною окитаившимися монголами, совершенно такими же, какіе населяютъ и знакомую намъ мѣстность Сань-чуань. Она основана лѣтъ десять съ небольшимъ назадъ во время мусульманскаго возстанія; прежняя родина здѣшнихъ крестьянъ находится на правомъ берегу Желтой рѣки въ мѣстности Тунъ-шянъ, гдѣ есть нѣсколько деревень, населенныхъ монголами этого рода. Какъ всѣ тунъ-шянскіе монголы, и жители деревни Сунъ-чжя-чыръ мусульмане. Поэтому нашъ спутникъ, лама Серенъ, уроженецъ Сань-чуани, не смотря на единство языка и племенное родство съ жителями этой деревни, отнесся къ нимъ очень недружелюбно. Десять лѣтъ, протекшія здѣсь со времени мусульманскаго возстанія, были не достаточны для того, чтобы заровнять ту пропасть, которую вырылъ мятежъ внутри здѣшняго населенія. Многіе герои того времени еще живы; многія лица, раззоренныя мятежемъ, до сей поры не поправили еще свои состоянія; все еще цѣлыя деревни, даже города, даже сплошные округа, лежатъ въ развалинахъ, не говоря о монастыряхъ и отдаленныхъ кумирняхъ; многіе помнятъ еще, какую цвѣтущую картину представлялъ здѣшній край до возстанія, и могутъ сравнить настоящее запустѣніе съ тѣмъ, что было. Многіе потеряли въ мятежѣ не только свое благосостояніе, но и лишились дорогихъ ихъ сердцу людей; для этихъ потерянное было не возвратимо. Двѣ партіи въ народѣ, правительственная и бунтовавшая, какъ будто только временно сложили оружіе и готовы

при первомъ поводѣ вновь вцѣпиться другъ другу въ бороду. Лама Серенъ не́ иначе называлъ жителей Сунъ-чжя-чыра, какъ ворами, конечно, заглазно. «Скажи ворамъ, чтобъ они закрыли окна ставнями», отдавалъ онъ приказаніе нашему слугѣ, тангуту Гендуну.

Что до меня касается, я былъ обрадованъ тѣмъ, что еще разъ встрѣтилъ тунъ-шянцевъ; проходя черезъ мѣстность Тунъ-шянъ осенью 1884 года, я не имѣлъ времени записать ни одного тунъ-шянскаго слова, а потому въ Сунъ-чжя-чырѣ я сейчасъ же собралъ около себя толпу мѣстныхъ крестьянъ и пополнилъ этотъ пробѣлъ. Монгольское племя, живущее осѣдло въ долинѣ Желтой рѣки между городами Лань-чжоу и У-янъ-бу, отличается разнообразіемъ говоровъ; отъѣдешь двадцать верстъ, и новый уже говоръ; въ особенности отличаются говоромъ монголы-мусульмане отъ монголовъ-буддистовъ, вѣроятно, по той причинѣ, что между ними не бываетъ смѣшанныхъ браковъ.

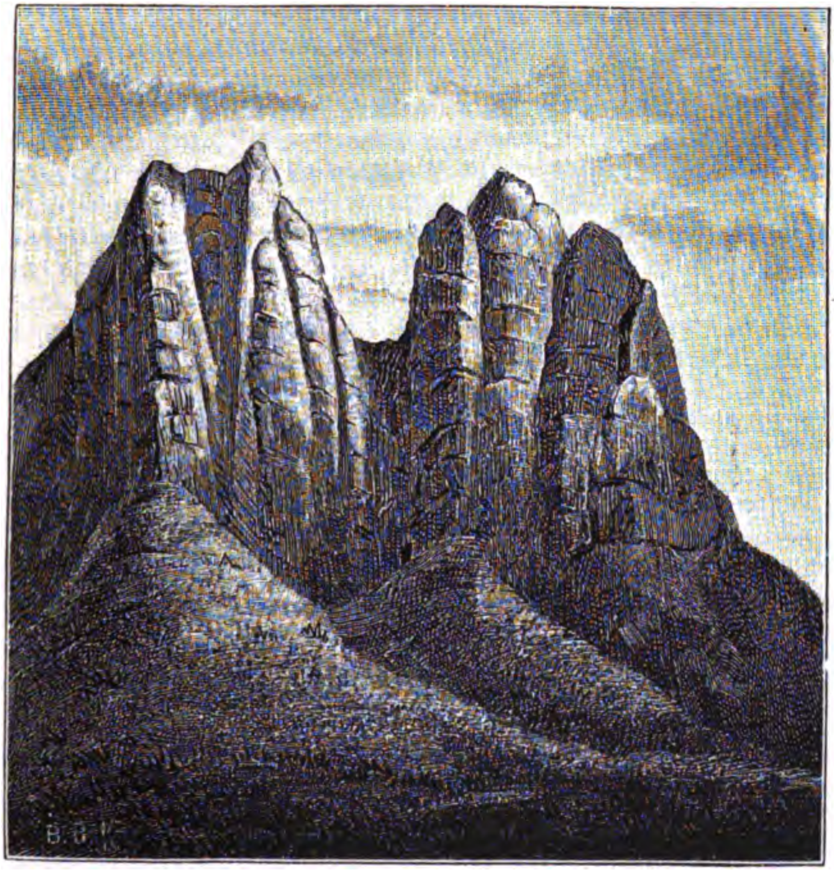
На другой день нашъ караванъ и при немъ моя жена отправились далѣе по большой дорогѣ въ Сань-чуань, а я и лама Серенъ безъ всякихъ вьюковъ поѣхали въ Пи-линъ-сы, до котораго отъ деревни Сунъ-чжя-чыръ считается не болѣе десяти ли (пяти верстъ). Хозяинъ дяня[1]), въ которомъ мы ночевали въ деревнѣ, проводилъ насъ саженъ двѣсти отъ деревни, чтобы указать на башню, торчащую на одной изъ сосѣднихъ горныхъ вершинъ; около этой башни мы должны, по его словамъ, найдти тропинку, которая сведетъ въ оврагъ, а по оврагу мы прямо и попадемъ въ Пи-линъ-сы. Тропинка найдена, и мы начинаемъ по ней спускаться въ оврагъ, дно котораго мы видимъ глубоко, глубоко внизу. Это было раннимъ утромъ; солнце еще не вышло изъ-за горъ или, по крайней мѣрѣ, изъ-за тучъ, собравшихся на востокѣ; тѣнь еще лежала на горахъ, а въ оврагѣ было и еще темнѣе. Спускъ былъ дьявольскій; разсказы, слышанные мною въ Сань-чуани, не преувеличивали нисколько трудностей, съ которыми соединено путешествіе въ знаменитую обитель. Иногда мулы, хотя и были порожніе, потому что мы спускались пѣшкомъ и вели ихъ въ поводу, по крутизнѣ дороги не хотѣли идти; узенькая тропинка мѣстами прерывалась глубокимъ проваломъ, какіе часто образуются въ лёссѣ, и была срѣзана покато къ пропасти.

Спустившись на дно долины, мы очутились въ мѣстности совершенно особеннаго характера. Деревня Сунъ-чжя-чыръ лежитъ между плоскими лёссовыми горами; здѣсь насъ со всѣхъ сторонъ обступали высокія отвѣсныя скалы.

По всей долинѣ Желтой рѣки отъ города Лань-чжоу до города Гуй-дуй залегаетъ формація красныхъ песчаниковъ и конгломератовъ, прикрытая сверху массою лёсса. Находясь внутри

[1]) Дянь—постоялый дворъ.

страны, подальше отъ значительной рѣки, нижней красной формаціи нигдѣ не видишь; повсюду одинъ лёссъ; красная формація обнажается только у береговъ Желтой рѣки и въ долинахъ побочныхъ рѣкъ. Но вездѣ она представляетъ однообразные красные обрывы въ родѣ непрерывно тянущихся отвѣсныхъ стѣнъ. Здѣсь, въ Пи-линъ-сы, не то. Здѣсь красная стѣна, которая протянулась



Группа скалъ.

вдоль рѣки, разорвана поперечными оврагами и раздроблена на отдѣльныя скалы, между которыми часто, особенно ближе къ рѣкѣ, встрѣчаются удивительныя столбообразныя и кеглеобразныя формы. Эти формы кажутся искусственными. Кромѣ внѣшняго очертанія, здѣшнимъ скаламъ еще болѣе придаютъ сходство съ искусственными сооруженіями ихъ гладкія, какъ грани, стѣны. Въ одномъ мѣстѣ вы видите высокую до 20 саженъ высоты пя-

тигранную башню; въ другомъ нѣсколько такихъ башенъ какъ бы составляютъ одно общее цѣлое; большая, средняя остроконечная вершина съ прилѣпленными къ ней кругомъ другими такими же остроконечными вершинами меньшей величины дѣлаютъ эту группу скалъ похожею на колоссальный храмъ; точно передъ вами оболваненный, но не раздѣланный въ подробностяхъ готическій соборъ. Проходя далѣе по оврагу, вы оставляете съ боку узкій промежутокъ между двумя высокими отвѣсными скалами, такой же тѣсный и такой же темный, какъ улица въ старомъ нѣмецкомъ городѣ. Въ нижнемъ концѣ главнаго ущелья, по которому мы спускались, тамъ, гдѣ оно выходитъ на долину Желтой рѣки, стоятъ двѣ отдѣльныя скалы вродѣ обелисковъ или колоннъ, оставшихся отъ развалившихся колоссальныхъ воротъ.

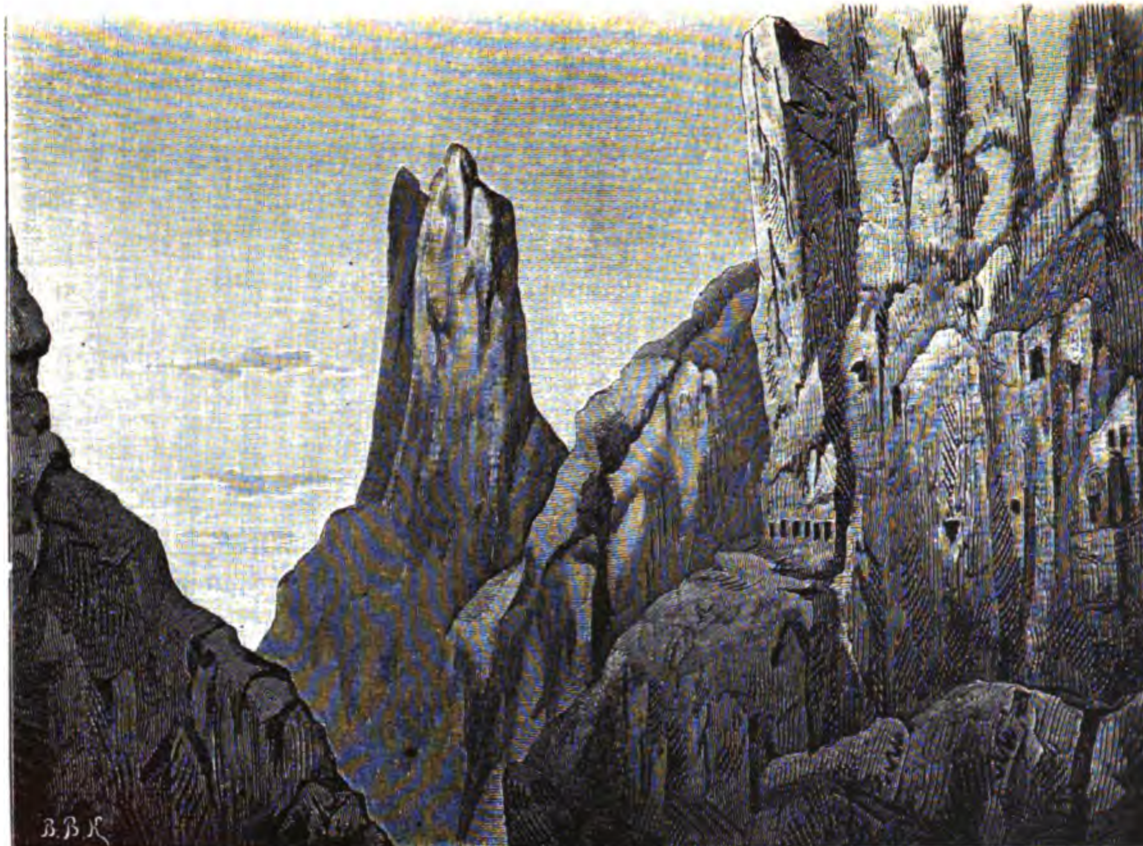
Разсказавъ о выходѣ изъ ущелья, я забѣжалъ впередъ, потому что монастырь Пи-линъ-сы стоитъ, или вѣрнѣе, такъ какъ это теперь однѣ пустыя развалины, стоялъ внутри ущелья, саженяхъ во ста выше выхода изъ него. Но прежде, чѣмъ перейдти къ описанію монастырскихъ развалинъ, еще нѣсколько словъ объ ущельѣ и его скалахъ. Песчаники, изъ которыхъ состоятъ скалы, двухъ родовъ: одинъ темный, болѣе плотный, другой свѣтлый, мягкій и скорѣе вывѣтривающійся; чередующіеся пласты этихъ двухъ роровъ песчаника лежатъ горизонтально. Свѣтлый песчаникъ во всѣхъ уровняхъ отъ подошвы до самыхъ верхушекъ скалъ изрытъ нишами разныхъ очертаній—круглыми, продолговатыми, приплюснутыми и т. п. Эти ниши или углубленія, располагаясь горизонтальными рядами, дѣлаютъ стѣны скалъ еще болѣе похожими на человѣческія сооруженія. Кажется, передъ вами поднимаются стѣны многоэтажныхъ дворцовъ съ многочисленными окнами. Для довершенія иллюзіи, въ нѣкоторыхъ случаяхъ ниши верхнихъ ярусовъ приходятся противъ нишъ нижнихъ.

Лѣсу между этими красными дворцами нѣтъ; здѣсь гнѣздятся только кустарники барбариса и караганы. Вѣроятно, лѣтомъ, когда кустарники бываютъ одѣты зеленью, ущелье смотритъ привѣтливѣе, мы же посѣтили его въ такую позднюю пору, когда здѣшняя растительность впала уже въ общій сѣрый цвѣтъ. О недавно прошедшемъ сезонѣ говорили только красныя ягоды, висѣвшія на вѣтвяхъ барбариса, какъ будто украшенія, нашитыя на изношенномъ полинялоиъ платьѣ, да бѣлые шары летучекъ ломоноса, подвѣшенные на кустахъ засохшей караганы и напоминавшіе сѣдыя букли на сморщенномъ лицѣ кокетливой старушки.

Развалины монастыря Пи-линъ-сы разбросаны на обоихъ бокахъ долины; тутъ было двѣ обители: одна ближе къ нижнему входу въ ущелье, другая полверсты или болѣе выше; въ нижней считалось до 300 ламъ, въ верхней до 200. Теперь отъ этихъ обителей остались однѣ только развалившіяся чуть не до основанія

стѣны. Кромѣ этихъ обителей, много отдѣльныхъ келій было разбросано по всему ущелію. Многія ниши, образовавшіяся естественнымъ путемъ въ мягкихъ слояхъ песчаника, также были приспособлены къ обитанію.

Внутри обителей были, конечно, и богослужебные храмы и кумирни, но настоящія святыни этого мѣста, и доселѣ привлекающія богомольцевъ, собраны въ нишахъ скалы на правомъ боку ущелья, какъ я сказалъ, саженяхъ во ста отъ выхода его на Желтую рѣку. Здѣсь весь нижній ярусъ скалы, поднимающійся какъ отвѣсная стѣна, на всемъ протяженіи усѣянъ нишами, раздѣланными человѣческой рукой въ квадратныя каплицы. Нѣкоторыя изъ этихъ нишъ находятся у самаго подножія скалы, рядъ другихъ тянется выше, образуя какъ бы второй этажъ; надъ этимъ еще третій рядъ. Ко всѣмъ нишамъ верхнихъ рядовъ были нѣкогда устроены ходы въ видѣ винтовыхъ лѣстницъ и горизонтальныхъ галлерей, но теперь отъ этихъ лѣстницъ, галлерей и балконовъ остались только обгорѣлыя балки, мѣстами торчащія изъ скалы, а еще чаще о существованіи ихъ свидѣтельствуютъ одни пустыя гнѣзда для балокъ. Однѣ ниши такихъ размѣровъ, что человѣкъ могъ бы въѣхать въ нихъ на лошади; другія не болѣе слуховаго окна. Всѣхъ нишъ я насчиталъ около шестидесяти. Если вы будете входить въ ниши нижняго яруса,— верхніе ряды теперь недоступны для осмотра,—вы въ нѣкоторыхъ изъ нихъ увидите статуи, изсѣченныя изъ той же скалы, изъ которой состоятъ стѣны нишъ. Статуи нѣкогда были покрыты штукатуркой и красками, но онѣ остались только на двухъ изъ нихъ. Фигуры стоячія, отдѣлены отъ стѣны промежутками; скульпторъ долженъ былъ выбрать часть скалы, отдѣляющую теперь статуи отъ стѣнъ нишъ. Въ одной удлиненной вдоль подножія стѣны нишѣ, на широкой ступени подъ плоскимъ сводомъ, лежитъ саженное тѣло спящаго Будды, другими словами Будды въ нирванѣ. Но самая важная статуя въ Пи-линъ-сы—статуя Шянбы. Она высѣчена на открытой поверхности скалы; другія фигуры скрыты внутри нишъ; статую Шянбы видно изъ долины. Ею, можно сказать, и начинается рядъ святынь, если идти по ущелью сверху внизъ. Фигура бога представлена сидящею на стулѣ съ опущенными ногами; если-бъ не сидячее положеніе, это изваяніе не уступило бы, вѣроятно, въ величіи извѣстнымъ баміянскимъ статуямъ. Мнѣ возможно было измѣрить только разстояніе между разставленными ступенями ногъ; это измѣреніе дало мнѣ 8 метровъ; отойдя на другую сторону ущелья и поднявшись на гору до уровня, на которомъ находится грудь статуи, я могъ судить объ относительныхъ размѣрахъ статуи; какъ мнѣ казалось, длина ноги статуи отъ колѣна до ступни была равна разстоянію между ступнями, а высота всей статуи была въ три раза болѣе, чѣмъ голень. По этому рас-



Скала праваго бока ущелья у выхода изъ него въ долину Желтой рѣки.

чету статуя имѣетъ 24 метра высоты. Туземцы говорятъ, что въ ноздряхъ статуи гнѣздятся голуби.

Ступни статуи приходятся на высотѣ около 3—4 саженъ надъ дномъ долины; подъ ногами статуи была устроена терраса или насыпь, обшитая снаружи каменной стѣнкой; слѣва и справа къ ногамъ статуи вели каменныя ступени. Остатки всего этого видны и теперь. Надъ статуей, выше головы, съ правой и съ лѣвой сторонъ видны пещеровидныя углубленія въ скалѣ; въ каждомъ изъ нихъ на высотѣ десяти саженъ надъ дномъ долины были нѣкогда построены висячія кумирни, къ которымъ вели совершенно отвѣсныя лѣстницы; поднявшись по одной изъ нихъ, можно было по висячимъ балконамъ ходить въ уровнѣ выше головы статуи. Теперь кумиренъ уже нѣтъ, но одинъ висячій балконъ какимъ-то чудомъ остался въ нишѣ съ правой стороны.

Шянба представленъ, какъ я уже сказалъ, сидящимъ на тронѣ; правая рука его лежитъ вдоль праваго колѣна; лѣвая, прижатая къ животу, имѣетъ открытую ладонь обращенною вверхъ; можетъ быть, она прежде что нибудь держала. Голова статуи, вмѣсто шапки, покрыта бугорками, которые должны изображать куафюру. Средній бугорокъ, приходящійся на темени, выше другихъ; это такъ называемый у буддистовъ «усниша»; это, будто бы, пучекъ волосъ; остальные же бугорки должны быть приняты, увѣряютъ свѣдущіе люди, за обритые волосы. Бугорки и кольцо, надѣтое на лбу, были покрыты позолотой. Поверхность статуи была нѣкогда покрыта слоемъ глины или штукатуркой, на которой были вылѣплены складки и другія части одѣянія, но по большей части эта лѣпная работа свалилась; только на лѣвомъ плечѣ статуи остались какіе-то слѣды ея, отливающіе металлическимъ блескомъ.

Кромѣ этой колоссальной статуи, есть двѣ или три небольшія, также изсѣченныя не въ глубокихъ нишахъ, а въ полунишахъ, такъ что статуи отлично видны со дна долины. Онѣ стоятъ на значительной высотѣ надъ послѣднимъ. Кромѣ статуй на отвѣсной поверхности скалы, мѣстами вырѣзаны въ видѣ барельефа ряды такъ называемыхъ чортэновъ, т. е. башенъ-прахохранительницъ.

Уцѣлѣли отъ разрушенія только тѣ статуи, которыя высѣчены изъ камня; но здѣсь, вѣроятно, было много статуй, вылѣпленныхъ изъ глины и частью разрушенныхъ ударами фанатика-мусульманина, частью размытыхъ дождями. Когда все это было въ цѣлости, когда по поверхности скалы лѣпились одна выше другой расписанныя яркими красками и золотомъ кумирни, когда лѣстницы, подобно вьющимся растеніямъ, цѣплялись за выступы скалы и взбѣгали на высоту десяти саженъ, и легкіе балконы висѣли надъ бездной, видъ скалы, изсверленной жилищами боговъ, былъ, вѣроятно, очень живописенъ. Все это было разрушено мусульма-

нами во время возстанія. Мятежники спустились въ долину со стороны деревни Сунь-чжа-тырь, по той же тропинкѣ, по которой спустились и мы; монахи защищались и обстрѣливали тропинку, но безъ успѣха; мусульмане спустились на дно долины и принялись грабить монастырь; сначала перебили статуи въ нижнемъ ряду нишъ, а потомъ пустили по скалѣ огонь, который по деревяннымъ лѣстницамъ забрался къ самымъ верхнимъ постройкамъ и истребилъ ихъ безъ остатка. Потомъ были разрушены храмы на днѣ долины, и монастырскія кельи обращены въ груды камней. Теперь едва ли можно надѣяться, что Пи-линь-сы когда нибудь возникнетъ изъ развалинъ. Въ настоящее время около великаго Шяибы не живетъ ни одинъ монахъ; пока я мѣрялъ богомъ метрической лентой, а лама Серенъ набожно припадалъ къ нимъ висками, ни одна душа не помѣшала нашимъ занятіямъ. Впрочемъ тангуты, отправляясь по святымъ мѣстамъ, заходятъ поклониться и Шянбѣ. Мы видѣли также, что мѣстами какой-то набожной рукой собраны въ кучу валявшіеся на дорогѣ изразцы, но къ возстановленію святыни, повидимому, и не думаютъ приступать.

Ничто такъ не возмущаетъ душу, какъ насиліе надъ чужимъ вѣрованіемъ. Разрушители буддійскихъ святынь думали, конечно, что они истребляютъ вредное лжеученіе, но хотя бы и такъ, все-таки знамя, на которомъ написано: «вѣруй только помоему!» не можетъ расчитывать на сочувствіе. Теперь эти поруганныя святыни только подновляютъ своимъ видомъ озлобленіе буддистовъ противъ недавнихъ хозяевъ страны. Буддійскіе монастыри единственные пока духовные центры въ Средней Азіи. Все лучшее, что нарождается въ населеніи, люди съ нѣжнымъ сердцемъ, способные къ состраданію или увлеченію безкорыстной идеей, жаждущіе знанія или чувствующіе въ себѣ влеченіе къ умственному труду, словомъ люди, которые на другой культурной степени или посвятили бы свою жизнь безкорыстному служенію наукѣ, или отдались бы какому нибудь общественному дѣлу,—все это здѣсь идетъ въ монастыри. Въ нихъ сосредоточено все здѣшнее знаніе, вся книжная мудрость. Положимъ, точная наука отсутствуетъ въ этихъ книгахъ, но въ нихъ подробно разработывается культъ милосердія. Соображая это, еще менѣе прощаешь фанатикамъ, которые поджигали буддійскія святыни.

Въ долинѣ, въ которой, можетъ быть, и во время существованія обители не было шумно, теперь было совершенно тихо. Нарушалась ли тишина какимъ нибудь чириканьемъ птицъ, не помню. Маленькая ночная бабочка, летавшая надъ посохшей травой, вотъ было единственное, оставшееся въ памяти, проявленіе животной жизни въ долинѣ. Это было въ ноябрѣ; вмѣсто того, чтобъ отродиться будущей весной, несчастное животное подъ ударомъ заблу-

дившагося солнечнаго луча появилось на свѣтъ въ такую пору, когда въ природѣ все умерло, а впереди вмѣсто тепла надо было ждать однихъ холодовъ; бѣдная бабочка тщетно искала цвѣтовъ, на которые можно было бы присѣсть и покормиться, или подругъ, съ которыми можно было бы покружиться въ воздухѣ.

Я попалъ въ Пи-линъ-сы въ моментъ, когда здѣсь все—и жизнь человѣка, и жизнь природы, были прекращены, замерли; все было

Статуя бога Майдари, или Шянба.

руина. Монастырь лежалъ въ развалинахъ; растительность увяла; міръ насѣкомыхъ замолкъ. Самая эта дикая картина, которую представляютъ толпящіяся въ долинѣ скалы, чему обязана своимъ существованіемъ, какъ не дѣятельной тоже силѣ разрушенія? Развѣ эти скалы тоже не развалины?—развалины формаціи, которую природа когда-то здѣсь созидала, и которая теперь ею же предназначена къ сломкѣ и уборкѣ? Какъ идетъ теперь этому мѣсту названіе «долина смерти»!

Мы выѣзжаемъ изъ ущелья на Желтую рѣку. При выходѣ изъ ущелья видны развалины башни, такъ называемаго чортэна, построеннаго на пригоркѣ. Теперь это просто груда камней. Дорога потихоньку взбирается на пригорокъ съ чортэномъ, минуетъ его, огибаетъ природный обелискъ, стоящій при выходѣ изъ ущелья на правой его сторонѣ, и заворачивается направо, то-есть вверхъ по Желтой рѣкѣ, проходя по узкому карнизу на высотѣ двухъ или трехъ саженъ надъ рѣкой. Берега рѣки были оживлены въ это время людьми, которые съ берега ловили плывущій по рѣкѣ лѣсъ. Послѣ мы узнали, что это были рабочіе очень извѣстнаго въ здѣшнемъ краѣ Ма-та-женя. Около развалинъ славнаго буддійскаго монастыря Пи-линъ-сы очень кстати разсказать объ этомъ человѣкѣ. Ма-та-жень мусульманскій ахунъ, который сдѣлалъ ловкую карьеру во время возстанія и изъ ахуновъ съумѣлъ сдѣлаться китайскимъ военнымъ генераломъ. Ма-та-женя зовутъ также Ма-ахунъ; Ма—фамильное имя ех-ахуна; та-жень покитайски вельможа, сановникъ, буквально «большой или великій человѣкъ». Зовутъ его еще также Мо-нью-ку по мѣсту его родины, по деревенькѣ, лежащей не далеко отъ города Хо-чжоу. Во время возстанія этотъ кривой ахунъ явился сначала заправителемъ мусульманскаго дѣла въ здѣшней провинціи; онъ во главѣ мятежной шайки расхаживалъ по окрестной странѣ и не столько хлопоталъ о торжествѣ мѣсяца надъ язычествомъ, сколько о набиваніи своего кармана. Его шайка разрушила и разгромила Сань-чуань; ему же приписывается разрушеніе Гумбума. «Все серебро Гумбума, Сань-чуани и другихъ сосѣднихъ мѣстъ въ рукахъ теперь у Ма-та-женя», говорилъ мнѣ лама Серенъ Въ Сининѣ, попавшемъ также въ руки мусульманъ, въ это время во главѣ мѣстнаго управленія былъ поставленъ Тинъ-сы-ахунъ; это былъ человѣкъ справедливый по отзыву даже противниковъ, то-есть китайцевъ язычниковъ, но власть его, вѣроятно, не простиралась на шайку Ма-та-женя. Когда армія Цзо-гунъ-бу, вооруженная поевропейски, начала тѣснить мусульманъ-мятежниковъ въ восточной части провинціи Гань-су, и Ма-та-жень понялъ, что дѣло мусульманъ проиграно, онъ съ легкой душой повернулъ фронтъ и перешелъ на сторону императорскихъ войскъ. Онъ свалилъ весь мятежъ въ этой странѣ на Тинъ-сы-ахуна, который и былъ императорскими войсками схваченъ и казненъ, а Ма-та-жень, прежде громившій язычниковъ, съ тѣмъ же усердіемъ началъ усмирять теперь мусульманъ и получилъ званіе «та-женя», генеральскій шарикъ и постоянный отрядъ солдатъ для свиты. Теперь онъ богатѣйшій человѣкъ въ краѣ, и нѣтъ здѣсь человѣка, который бы его не зналъ или о немъ не слыхалъ. Онъ имѣетъ домъ и въ Лань-чжоу, и въ Хо-чжоу, и въ селеніи Та-хо-чжа, и въ своей родной деревушкѣ Мо-нью-ку; и въ каждомъ изъ этихъ домовъ у него есть жена и домочадцы. Послѣ военнаго генія онъ обнаружилъ и

генiй коммерческiй; нѣтъ, кажется, отрасли торговли, которой бы онъ не захватилъ въ свои руки; торговлю лѣсомъ и сплавъ его по Желтой рѣкѣ въ Лань-чжоу онъ монополизировалъ; кромѣ того, по всей окрестной странѣ, по городамъ и деревнямъ, разсѣяны его лавки, харчевни, дяни (постоялые дворы) и танъ-пу (закладные дома). Теперь этотъ измѣнникъ и мятежникъ видное лице въ краѣ,

Выходъ изъ ущелья Пи-линъ-сы на Желтую рѣку.

вмѣшивается во внутреннiя дѣла буддiйскихъ монастырей и пишетъ доносы или, какъ принято на мѣстномъ оффицiальномъ языкѣ выражаться по отношенiю къ нему, подаетъ мудрые совѣты высшимъ управителямъ.

Немного проѣхавъ вверхъ по долинѣ Желтой рѣки, мы увидѣли прилѣпленную къ скалѣ бѣленькую и чистенькую кумирню, а внизу подъ ней нѣсколько монастырскихъ келiй. Это Шуй-лэнъ-

дунъ[1]). Здѣсь мы заранѣе еще предполагали сдѣлать небольшой отдыхъ и напиться чаю. Въ кельяхъ живетъ здѣсь пять, шесть монаховъ; это остатки отъ многочисленной братіи монастыря Пилинъ-сы. Старый монахъ съ сѣденькой щетинкой на черепѣ вышелъ на тѣсную улицу между кельями и пригласилъ насъ войдти въ его домъ. Домъ былъ только что выстроенъ, какъ и всѣ другіе здѣшніе дома; община едва начинаетъ поправляться послѣ погрома. Старикъ лама сообщилъ мнѣ, что отъ всей братіи Пи-линъ-сы найдется теперь развѣ человѣкъ тридцать; всѣ они живутъ по разнымъ тангутскимъ монастырямъ, кто въ Лабранѣ, кто въ другихъ мѣстахъ. Всѣ ламы въ Пи-линъ-сы были китайцы, но это не были хэ-шаны, то-есть не были буддійскіе монахи китайцы, читающіе свои книги покитайски. Братія въ Пи-линъ-сы изучала тангутскій языкъ и на немъ отправляла богослуженіе. Поддерживалась, то-есть рекрутировалась, эта братія преимущественно изъ китайскихъ деревень, лежащихъ на югъ отъ Пи-линъ-сы, на противоположномъ берегу Желтой рѣки. Дѣйствительно, проѣзжая по дорогѣ изъ Лань-чжоу въ Хо-чжоу осенью 1884 года, я видѣлъ одну китайскую деревню, жители которой держатся буддійской религіи, какъ монголы. Говорятъ, тутъ много такихъ деревень; такія буддійско-китайскія деревни есть будто бы и на сѣверномъ берегу Желтой рѣки. Мнѣ кажется, что эти китайцы не настоящіе китайцы, а окитаившіяся монголы или тангуты. Сколько я видѣлъ монаховъ изъ бывшаго Пи-линъ-сы, мнѣ показалось, всѣ они были типа не китайскаго. Мальчикъ лама, котораго мы увидѣли въ Шуйлэнъ-дунѣ, былъ настоящій гумбумскій банди (послушникъ), а самъ старичекъ ни дать, ни взять, лама изъ какого нибудь монастыря въ Ордосѣ.

Почтенный старикъ проводилъ насъ въ кумирню, которую мы видѣли въ горѣ. Каменная крутая лѣстница ступеней въ сорокъ ведетъ на террасу передъ входомъ въ кумирню. Терраса съ наружной стороны кончается отвѣснымъ обрывомъ въ нѣсколько саженъ и ничѣмъ не огорожена; но надъ самой верхней ступенью, по которой поднимаются на террасу, выстроены ворота, замыкаемыя ключемъ. Зданіе кумирни закрываетъ собою двѣ пещеры, параллельно углубляющіяся внутрь скалы; пещеры раздѣлены другъ отъ друга природнымъ довольно толстымъ простѣнкомъ. Внутри кумирни потолокъ, задняя стѣна, боковыя стѣны и полъ—все это природная скала; только одинъ передній фасадъ построенъ человѣкомъ и имѣетъ видъ ширмъ, скрывающихъ внутренность пещеры, вродѣ того, какъ въ нашихъ храмахъ иконостасъ отгораживаетъ алтарь. Весь фасадъ состоялъ изъ изящной рѣшетки, заклеенной изнутри разноцвѣтной бумагой и служившей вмѣсто

---

[1]) «Пещера съ холодной водой», по объясненію саньчуаньцевъ.

оконъ; розетки и другія цвѣтныя фигуры показывали, что старикъ лама, состоящій надзирателемъ кумирни и наклеивавшій бумагу, не лишенъ вкуса и мастеръ располагать цвѣта.

Входная дверь устроена въ серединѣ фасада, какъ разъ противъ каменной скалы, раздѣляющей двѣ пещеры. У этого простѣнка, противъ входа, устроенъ жертвенникъ, за которымъ подлѣ стѣны поставлено изображеніе какого-то божества. Входъ въ лѣвую пещеру былъ забранъ деревянной стѣнкой, въ которой была видна дверь. Старикъ лама пропустилъ насъ черезъ нее. Мы очутились въ высокой и свѣтлой залѣ; отверстіе пещеры гораздо больше деревянной перегородки, которая заграждаетъ только нижнюю его половину, вверху остается большое окно, черезъ которое зала щедро заливается свѣтомъ. Здѣсь мы, однако, ничего не увидѣли, кромѣ когда-то расписанныхъ и теперь полинявшихъ стѣнъ, да лежавшаго на полу ея мусора, въ который мусульмане обратили жившихъ здѣсь боговъ. Отшибленныя головы, ноги, кисти рукъ, безголовые торсы, были навалены кучами и валялись въ безпорядкѣ на полу залы и напоминали первый планъ батальной живописи. Когда храмъ опять будетъ приведенъ въ порядокъ и вновь населится богами, онъ будетъ самымъ свѣтлымъ ламайскимъ храмомъ; всѣ храмы, которые строитъ здѣсь самъ человѣкъ, обыкновенно страдаютъ недостаткомъ свѣта; маленькія окна пропускаютъ внутрь ламайскихъ храмовъ только полусвѣтъ, а потолки въ нихъ обыкновенно поддерживаются цѣлымъ лѣсомъ колоннъ. Ламайскіе архитекторы не умѣютъ строить такихъ величественныхъ сводовъ, какой здѣсь устроила сама природа.

Входъ въ правую пещеру оставленъ открытый. Потолокъ ея значительно ниже, чѣмъ въ лѣвой пещерѣ. Какъ потолокъ, такъ и стѣны, не смотря на ихъ неровности и желваки, сплошь расписаны какими-то сценами и пейзажами: тутъ и морскіе виды, и рощи, и дворцы, люди, животныя, корабли и т. д. По серединѣ пещеры кіотъ или стеклянный колпакъ, въ которомъ помѣщается вылѣпленное изъ глины изображеніе богини Гуань-инъ-пусы; оно недавно привезено сюда изъ Лабрана, гдѣ было исполнено по заказу для здѣшней кумирни. Передъ богиней снаружи было повѣшено нѣсколько мячиковъ или шариковъ изъ разноцвѣтнаго шелка вродѣ тѣхъ, которые у насъ подвѣшиваются къ дѣтскимъ люлькамъ. Мало этого, передъ кіотомъ устроена особая перекладина на двухъ столбахъ вродѣ висѣлицы, на которой висѣла коллекція изъ двухъ десятковъ подобныхъ же разноцвѣтныхъ шаровъ, гармонично подобранныхъ. За кіотомъ Гуань-инъ-пусы слышно мѣрное паденіе водяныхъ капель въ бассейнъ; стоя въ пещерѣ, чувствуешь сырость. Дѣйствительно въ задней стѣнѣ пещеры выступаетъ вода, сочится и каплетъ съ нея въ бассейнъ или естественное углубленіе въ полу пещеры. Края бассейна приподняты надъ поломъ пе-

щеры вершковъ на шесть. Это огражденіе замыкаетъ бассейнъ со всѣхъ сторонъ и не допускаетъ водѣ разливаться по полу кумирни; изъ бассейна вода, вѣроятно, уходитъ въ какія нибудь трещины скалы, такъ что бассейнъ не переполняется. Вообще пещера опрятна, полъ въ ней сухой, а не покрывается слякотью, какъ въ другихъ подобнаго рода пещерахъ.

Лама поднесъ намъ въ мѣдной чашечкѣ воды изъ этого ключа, которая, повидимому, считается святой или, по крайней мѣрѣ, необычайной; каждый изъ насъ сначала отпилъ изъ чашки, потомъ остатками покропилъ себя и помочилъ волосы на головѣ.

Въ стѣнѣ надъ бассейномъ показываютъ природную неровность вродѣ ласточкина гнѣзда, то-есть желвакъ или выпуклость, въ верхней поверхности которой есть чашевидное, или вѣрнѣе стакановидное углубленіе. Оно всегда наполнено водой. Съ этимъ стаканомъ воды связанъ одинъ обрядъ. Когда въ Сань-чуани бываетъ засуха и жители желаютъ упросить небо даровать дождь, они отправляютъ депутацію къ Гуань-инъ-пусѣ въ Шуй-лэнъ-дунъ; депутація состоитъ изъ трехъ лицъ: «инъ-яна», то-есть шамана, «тереучи» (это особый выборный, смѣняемый черезъ три года, чинъ, обязанность котораго участвовать въ обрядахъ, совершаемыхъ во время грозы) и «холавыра» (тоже родъ шамана). Дѣло въ томъ, что, по саньчуаньскимъ вѣрованіямъ, выпаденіе дождя зависитъ отъ божества, которое въ Сань-чуани, какъ и во всемъ Китаѣ, называется «лунъ-ванъ». Сань-чуаньцы говорятъ, что лунъ-вановъ множество; что въ каждой мѣстности свой лунъ-ванъ; всѣ они различно рисуются или лѣпятся и носятъ по мѣстностямъ различныя имена. Лунъ-ванъ Сань-чуани называется Со-чжіѣ и изображается съ краснымъ лицомъ. Этотъ самый Со-чжіѣ когда-то былъ свирѣпымъ богомъ, но встрѣтился съ Гуань-инъ-пусой, долженъ былъ испытать на себѣ ея могущество, смирился, смягчился сердцемъ и поступилъ въ ея ученики. Съ тѣхъ поръ онъ чтитъ ее, какъ своего учителя (бакши), помнитъ сдѣланный ему урокъ и всегда чувствуетъ ея власть надъ собой. Поэтому-то недовольные скупостью бога дождя сань-чуаньцы и ходятъ жаловаться на него вододательницѣ Гуань-инъ-пусѣ, обитающей пещеру Шуй-лэнъ-дунъ; нѣсколько почтенныхъ стариковъ, предварительно выдержавъ семидневный постъ, состоящій въ отказѣ отъ мяса и чесноку и отъ ношенія панталонъ и обуви, несутъ на своихъ плечахъ статую Со-чжіѣ въ Шуй-лэнъ-дунъ въ сопровожденіи трехъ упомянутыхъ выше депутатовъ. Прибывъ въ Шуй-лэнъ-дунъ, статую Со-чжіѣ ставятъ въ правой пещерѣ подлѣ Гуань-инъ-пусы и оставляютъ тутъ на цѣлую ночь. Депутація приноситъ съ собой глиняную флягу и шелковую нить или шнуръ; флягу ставятъ на полъ пещеры подлѣ бассейна, одинъ конецъ нити опускаютъ въ описанный выше стаканъ въ стѣнѣ пещеры,

другой во флягу; вода изъ стакана по ниткѣ начинаетъ медленно сочиться во флягу. Когда на днѣ фляги скопится нѣсколько капель, депутація уходитъ въ Сань-чуань въ увѣренности, что теперь скупой Со-чжіѣ откроетъ хляби небесныя; когда же дѣйствительно прольетъ дождь, депутація вновь идетъ въ Шуй-лэнъ-дунъ, и капли, унесенныя во флягѣ, возвращаетъ въ бассейнъ.

Положивъ на алтарь связку мелкихъ мѣдныхъ китайскихъ монетъ, поставивъ каждому богу по масляной лампадкѣ, мы спустились изъ кумирни внизъ въ келью старика ламы, чтобъ поблагодарить его. Старикъ угостилъ насъ чаемъ изъ жаренаго ячменя съ молокомъ. Оставивъ ему еще связку монетъ, которую онъ ни за что не хотѣлъ принять, какъ плату за гостепріимство, и принялъ только, какъ даръ въ кумирню богамъ, мы распростились съ нимъ и поѣхали догонять свой караванъ, который изъ деревни Сунъ-чжя-чыръ ушелъ впередъ въ Сань-чуань.

Г. Потанинъ.

Гумбумъ. 1886 года.

ВОСПОМИНАНІЯ АРТИСТА ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ А. А. АЛЕКСѢЕВА.

Александръ Алексѣевичъ Алексѣевъ, авторъ нижеслѣдующихъ воспоминаній, прослужилъ на императорской петербургской и на провинціальной сценахъ въ общей сложности около пятидесяти трехъ лѣтъ. Разумѣется, въ этотъ продолжительный промежутокъ времени онъ былъ свидѣтелемъ многаго, что можетъ послужить матеріаломъ для исторіи нашего театра. Впрочемъ, слѣдуетъ оговориться, что Алексѣевъ не имѣетъ въ виду изобразить извѣстное положеніе или значеніе театра въ прямомъ смыслѣ, онъ ограничивается лишь деталями, передачей нѣкоторыхъ забытыхъ фактовъ и событій изъ закулисной жизни послѣднихъ пятидесяти лѣтъ. Знакомыя имена дѣйствующихъ лицъ дѣлаютъ эти воспоминанія интересными, а ихъ характеръ, не претендующій на серьезность, придаетъ имъ анекдотическую занимательность.

Нужно удивляться замѣчательной памяти Александра Алексѣевича, которая, не взирая на его почтенный возростъ, сохранилась во всей своей полнотѣ. Разсказывая мнѣ эпизоды изъ своихъ воспоминаній, онъ безъ особаго труда припоминалъ имена, мѣсто дѣйствія, года и даже мѣсяцы и числа. Говоря о своихъ товарищахъ и сослуживцахъ, большинство которыхъ давнымъ-давно покинули свѣтъ, онъ такъ былъ отчетливъ въ мелочахъ, что, казалось, только вчера съ ними видѣлся и велъ оживленную бесѣду: онъ подражалъ ихъ тону, манерамъ.

По словамъ Алексѣева, не особенно давно онъ собственноручно написалъ свои воспоминанія, однако очень субъективныя и небольшія по объему, но они, переходя изъ рукъ въ руки между московскими знакомыми, затерялись для него окончательно. Поэтому онъ проситъ неизвѣстнаго обладателя его рукописи считать таковую недѣйствительною и предать ее уничтоженію, какъ вещь, не имѣющую въ настоящее время никакого значенія.

М. В. Шевляковъ.

I.

Мое происхожденіе.—Вторая гимназія.—Первое посѣщеніе театра.—Любовь къ сценѣ.—Обманъ директора гимназіи Постольса.—Наказаніе.

Настоящая моя фамилія Келенинъ. Родился я въ 1822 году въ Петербургѣ, въ девятой линіи Васильевскаго острова. Отецъ мой носилъ званіе личнаго дворянина и считался состоятельнымъ человѣкомъ. По заведенному въ тѣ времена порядку приписывать къ сословіямъ или обществамъ тотчасъ же по рожденіи, я былъ приписанъ въ купцы. Первоначальное воспитаніе я получилъ дома, подъ надзоромъ родителей, а по истеченіи девяти лѣтъ былъ опредѣленъ пансіонеромъ во вторую С.-Петербугскую гимназію, въ которой, однако, курса не кончилъ, выйдя изъ шестаго класса, къ чему побудила непреодолимая страсть къ сценѣ, таившаяся во мнѣ съ перваго класса гимназіи, то-есть съ перваго посѣщенія Большаго театра.

Вторая гимназія во время моего пребыванія въ ней переживала самый лучшій свой періодъ, лучшій потому, что директоромъ ея тогда былъ Александръ Филипповичъ Постольсъ, личность во всѣхъ отношеніяхъ прекрасная, внушавшая молодому поколѣнію любовь къ наукамъ и строго слѣдившая за нравственными качествами своихъ питомцевъ, которые всегда благословляли доброе имя его, сохранивъ въ своей памяти свѣтлыя воспоминанія о времени пребыванія въ стѣнахъ второй гимназіи при Александѣ Филипповичѣ.

При поступленіи моемъ въ гимназію, отецъ, желая доставить мнѣ какое нибудь удовольствіе, взялъ съ собою въ Большой театръ, въ которомъ тогда давались драматическія представленія. Это первое посѣщеніе театра было для меня причиной того, что я сдѣлался актеромъ.

Изъ памяти моей до сихъ поръ не изгладилось впечатлѣніе этого спектакля, всѣ мельчайшія подробности такъ еще живы во мнѣ, что я помню наизусть всю программу его, mis-en-scéne и всѣхъ исполнителей извѣстнаго водевиля Ленскаго «Стряпчій подъ

столомъ». Въ особенности же я увлекся игрой незабвеннаго комика Дюра, исполнявшаго главную роль Жовіаля. Этому увлеченію я и обязанъ своей карьерой.

Секретно отъ отца, выдававшаго мнѣ на карманные расходы по одному рублю въ недѣлю, я началъ покупать театральныя пьесы и разучивать ихъ, разумѣется, безъ всякой системы и безъ малѣйшаго понятія о манерѣ разучиванія, имѣющей, какъ оказалось впослѣдствіи, свои особенности и условности, крайне необходимыя и сразу не уловимыя. Не умѣя взяться за дѣло, какъ слѣдуетъ, я обыкновенно прибѣгалъ къ тяжелому пріему: выучивалъ всю пьесу на пролетъ, не исключая даже женскихъ ролей. Прежде всего, конечно, пріобрѣлъ я «Стряпчаго» и вызубрилъ его многочисленные куплеты, которые были такъ неподражаемы въ исполненіи Дюра.

Посвящая каждую свободную отъ классныхъ занятій минуту на безполезное разучиваніе водевилей, я, разумѣется, становился самымъ отчаяннымъ ученикомъ и прослылъ отъявленнымъ лѣнтяемъ. По правдѣ сказать, мнѣ было не до ученья: непреодолимая сила тянула меня за кулисы; въ пылу увлеченія я забывалъ о своемъ дѣтскомъ возростѣ, а слѣдовательно и о своей непригодности для театра. Я сталъ держаться особнякомъ отъ товарищей и своихъ радужныхъ надеждъ сдѣлаться актеромъ не открывалъ никому изъ нихъ, но, однако, вскорѣ моя завѣтная мечта, не смотря на таинственность, которою я облекалъ ее, какимъ-то образомъ получила огласку. Однокашники начали посмѣиваться надо мной (тогда еще не было нынѣшняго поголовнаго увлеченія театральными подмостками), а воспитатель Госсе, прозванный воспитанниками за свой картавый выговоръ галкой, предпринялъ уничтоженіе моихъ любимыхъ водевилей и пожаловался на меня отцу, который за это страшно на меня разгнѣвался и пригрозилъ отдачей въ кантонисты, если театральную дурь не выкину изъ головы. Конечно, мнѣ, удрученному безжалостнымъ нашествіемъ на мою библіотеку Галки и угрозой не любившаго шутить отца, больше ничего не оставалось дѣлать, какъ смириться и снова взяться за учебники, которые, однако, не заставили забыть театръ: я остался все такимъ же лѣнтяемъ, какимъ былъ до того.

Отецъ видѣлъ во мнѣ будущаго коммерсанта и ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ уступить моему влеченію. Я уже нашелъ было нѣкоторыя лазейки въ императорское театральное училище и объявилъ отцу, что классическаго образованія мнѣ не нужно, такъ какъ по роду моего очевиднаго призванія мнѣ надлежитъ перейдти въ спеціальное учебное заведеніе. Мать присоединилась ко мнѣ и тоже долгое время дѣйствовала на отца въ духѣ умиротворенія, но онъ былъ непоколебимъ и въ доказательство своей непріязненности къ моимъ, какъ выражался онъ, затѣямъ, пересталъ брать

меня съ собою въ театръ. Впрочемъ, въ этомъ, кромѣ непріязненности, было еще предположеніе заставить меня забыть подмостки и направить мое вниманіе исключительно на науки. Расчеты были вѣрные, но желаемыхъ результатовъ не получилось.

Огорченный безапелляціоннымъ рѣшеніемъ отца оторвать меня отъ театра окончательно, я прибѣгнулъ однажды къ неособенно замысловатой, но для моего возроста преступной хитрости: получивъ отъ отца въ воскресенье рубль на недѣльные расходы, я ушелъ изъ дому часомъ раньше обыкновеннаго въ гимназію и явился къ директору Постольсу за разрѣшеніемъ возвратиться въ стѣны училища только на другой день утромъ, прямо къ класснымъ занятіямъ.

— Папаша убѣдительно проситъ васъ о моемъ отпускѣ,—солгалъ я директору, съ твердой увѣренностью, что воля отца не встрѣтитъ, какъ и прежде, препятствій.

— А ты зачѣмъ же нуженъ ему сегодня вечеромъ?—спросилъ Александръ Филипповичъ, не долюбливавшій несвоевременныхъ отлучекъ воспитанниковъ изъ зданія гимназіи.

— Въ театръ папаша меня беретъ съ собой.

— Охъ, ужъ эти театры! Родители только балуютъ тебя, и ты лѣнишься самымъ отчаяннымъ образомъ.

Я отправился въ театръ и купилъ билетъ въ галерку. Въ двѣнадцатомъ часу кончился спектакль, я вышелъ на улицу и остановился въ горестномъ раздумьѣ, не зная, куда идти? Въ гимназію было поздно; начальство удивилось бы моему появленію и спросило бы, почему я не поѣхалъ по обыкновенію домой. Это навело бы ихъ на подозрѣніе, и мой поступокъ могъ бы обнаружиться во всемъ своемъ непривлекательномъ видѣ. Домой же показаться я не смѣлъ никоимъ образомъ, прежде всего поднялся бы такой переполохъ, такъ бы перепугались домашніе, что не миновать бы крупной непріятности. Оставалось одно—гулять всю ночь по улицамъ; я такъ и сдѣлалъ: вышелъ на Невскій и скитался по проспекту до 7½ часовъ утра, то-есть до тѣхъ поръ, пока швейцаръ не раскрылъ дверей для приходящихъ учениковъ. Явился я въ гимназію полузамерзшимъ, съ окоченѣвшими членами; въ это время стояли сильнѣйшіе морозы, а моя шинель, какъ и всѣ форменныя аммуниціи при императорѣ Николаѣ Павловичѣ, была холодная, и ноги, согласно тогдашнему порядку, не были обуты въ калоши.

Но, не смотря на такой чувствительный урокъ и на опасность подобныхъ ночныхъ прогулокъ, я еще нѣсколько разъ посѣтилъ драматическій театръ. Такова была у меня любовь къ сценѣ.

Въ концѣ-концовъ, разумѣется, мои похожденія обнаружились и дошли до слуха отца, который просилъ директора, крайне не довольнаго моимъ поведеніемъ, чтобы онъ наказалъ меня шести-

мѣсячной выдержкой въ стѣнахъ гимназіи. Съ своей стороны отецъ лишилъ меня на такой же срокъ «еженедѣльнаго рубля».

Выдержавъ полугодовой арестъ, возвращаюсь въ родительскій домъ и сталкиваюсь съ отцомъ.

— Ну, что отучили тебя?—было его первымъ вопросомъ.—Не будешь больше въ театръ бѣгать?

— Нѣтъ, буду,—отвѣтилъ я рѣшительно.

— Ты теперь уже большой!—сказалъ мнѣ внушительно отецъ.— У тебя свой умъ... Предоставляю тебѣ полную свободу, но, въ качествѣ человѣка опытнаго и, главное, желающаго тебѣ добра, совѣтую свои дѣйствія всегда сообразовать съ положеніемъ... Отнынѣ ни за какія послѣдствія твоего сумасбродства я не отвѣчаю, всю отвѣтственность ты принимаешь на себя... Поступай, какъ хочешь, но на меня не пеняй...

— Такъ, значитъ, я могу...—радостно воскликнулъ я, но отецъ перебилъ меня:

— Все что угодно и, пожалуйста, безъ всякихъ спрашиваній у меня.

II.

М. В. Самойлова.—Традиція.—Л. В. Дубельтъ.—Гедеоновъ. — Театральное училище.—О. Василій.—Л. Л. Леонидовъ.—Училищный спектакль.—Публичный дебютъ и служба въ Александринскомъ театрѣ.

Слабый протестъ отца, вдругъ круто измѣнившаго свои воззрѣнія на сцену, какъ оказалось, былъ слѣдствіемъ случайнаго заступничества за меня извѣстной въ то время артистки Маріи Васильевны Самойловой, родной сестры Василія Васильевича Самойлова, которая въ блескѣ своего таланта покинула сцену, благодаря своему замужеству съ купцомъ Загибенинымъ. Она сказала моему отцу, выслушавъ его жалобы на меня:

— Ужъ если у Саши такая страсть, то не слѣдуетъ его удерживать. Никакая сила не поборетъ страсти: рано ли, поздно ли, а вѣдь придется вамъ уступить, и онъ, всетаки, восторжествуетъ; препятствія же только сильнѣе разжигаютъ желанія... Лучше всего возьмите его изъ гимназіи и присылайте ко мнѣ: я буду съ нимъ заниматься и проходить роли, и все что сама знаю, передамъ ему...

Это убѣдило отца въ мою пользу. Я вышелъ изъ гимназіи и сталъ ежедневно посѣщать Марью Васильевну, серьезно принявшуюся внушать мнѣ замысловатыя театральныя премудрости, кажущіяся такими незначительными съ перваго взгляда, но на самомъ дѣлѣ не легко преодолѣваемыя и имѣющія громадное значеніе къ драматическомъ искусствѣ.

Современная театральная школа, придерживающаяся исключительно одного натурализма и изгнавшая изъ учебниковъ окончательно тѣ старинные догматы и символы, о которыхъ нынѣшніе актеры съ презрѣніемъ отзываются, какъ объ отжившей «традиціи»,—дѣлаетъ величайшую ошибку. Эти традиціи создавали намъ таланты, ихъ придерживались такіе колосы, какъ Каратыгинъ, Мочаловъ, Мартыновъ, Самойловъ, Щепкинъ, Садовскій, Самаринъ, Максимовъ; эти традиціи извѣстнымъ образомъ служили уровнемъ всей сцены, приподнимали пигмеевъ до великановъ, благодаря чему получался (нынѣшнему зрителю совсѣмъ незнакомый) ансамбль, при условіи котораго былъ возможенъ классическій репертуаръ. Въ настоящее же время всѣ театры, какъ столичные, такъ и провинціальные, пробавляются водевилемъ, къ чему только и примѣнимъ не понятый современными актерами натурализмъ. Впрочемъ, московскій Малый театръ кое-какъ еще лавируетъ между трагедіей и водевилемъ, не отставая отъ первой и не приставая ко второй; старая традиція тамъ еще по временамъ оживаетъ и съ гордостью смотритъ на своего побѣдителя, на балаганнаго импровизатора, такъ глупо ее уничтожившаго... Не такъ обидно то, что царствуетъ на сценѣ наивный водевиль и что сцена заполонена неучами, а то, что все это ягодки тѣхъ цвѣточковъ, которыми такъ усердно, съ такою искреннею надеждою въ хорошее будущее, занимались цивилизаторы и прогрессисты роднаго театра, безумно любившіе его и отдававшіеся ему всей душой. Эти честные дѣятели оказываются преступниками, убійцами искусства; ихъ не поняли и хорошія идеи ихъ перетолковали безобразно, дико, нелѣпо...

Первая роль, которую я разучилъ подъ руководствомъ Марьи Васильевны, была Жано Бижу изъ водевиля «Любовное зелье». Я занимался съ Самойловой нѣсколько мѣсяцевъ; она меня основательно подготовила къ сценѣ и, довольная моими успѣхами, обѣщала свое ходатайство передъ директоромъ императорскихъ театровъ.

— Я благословляю его,—сказала она какъ-то при встрѣчѣ съ моимъ отцомъ. — Онъ годенъ...

То же самое она передала и крестному отцу моему, Леонтію Васильевичу Дубельту, имѣвшему видное положеніе въ петербургскомъ свѣтѣ, благодаря занимаемому имъ мѣсту. Онъ пріѣхалъ къ намъ и сказалъ:

— Марья Васильевна хвалитъ Сашу и находитъ его способнымъ. Я очень радъ и обѣщаюсь его пристроить на здѣшнюю сцену...

— Да вѣдь онъ еще совсѣмъ мальчишка, — усомнился отецъ.

— Ничего не значитъ! Я съ Гедеоновымъ очень друженъ: мы вѣдь съ нимъ однокашники по полку, и онъ для меня сдѣлаетъ все, что угодно.

Дубельтъ велѣлъ мнѣ явиться къ нему на другой день утро[м] для того, чтобы отправиться съ нимъ вмѣстѣ къ Гедеонову. Раз[у]мѣется, радости моей не было конца, и я насилу дождался уст[а]вленнаго часа. Прихожу къ Леонтію Васильевичу и отправляю[сь] съ нимъ къ Гедеонову, который встрѣтилъ Дубельта необыкн[о]венно радушно, а меня, послѣ того, какъ узналъ, что я крестник[ъ] его пріятеля,—ласково.

— Я къ вамъ привезъ актера,—приступилъ прямо къ дѣл[у] Леонтій Васильевичъ.

Гедеоновъ взглянулъ на меня и спросилъ:

— Вотъ этого молодаго человѣка?

— Да.

Я сконфузился и покраснѣлъ до ушей.

— Вы не безпокойтесь, Александръ Михайловичъ,—поспѣшил[ъ] предупредить Дубельтъ директора театровъ,—онъ не неучъ како[й]-нибудь: его приготовляла Марья Васильевна Самойлова.

— Это хорошо,—согласился Гедеоновъ и обратился ко мнѣ с[ъ] вопросомъ:

— Вы брѣетесь?

— Нѣтъ еще!

— Ну, такъ до бороды придется въ нашей школѣ пробыть...

Съ слѣдующаго дня я считался уже экстерномъ императорскаго театральнаго училища, начальникомъ котораго въ то время былъ Дмитрій Яковлевичъ Ѳедоровъ. Я поступилъ въ старшій драматическій классъ, находившійся въ вѣдѣніи Петра Андреевича Каратыгина, и пробылъ въ немъ почти годъ. Театральное училище въ то время было на столько узко-спеціальнымъ учебнымъ заведеніемъ, что питомцамъ своимъ не давало даже элементарнаго образованія, ограниченнаго хотя бы умѣньемъ читать и писать порусски; были случаи, когда окончившіе курсъ въ этомъ училищѣ не умѣли грамотно подписать своей фамиліи, между тѣмъ какъ училище имѣло своихъ преподавателей по всѣмъ научнымъ предметамъ, введеннымъ въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Но самое отвратительное въ этомъ то, что тѣ, въ рукахъ коихъ находились бразды правленія училищемъ и которые такъ безсердечно относились къ своимъ прямымъ обязанностямъ, всегда первые глумились надъ безграмотнымъ закулиснымъ людомъ... Относительно образовательнаго ценза, даваемаго театральнымъ училищемъ, существуетъ крайне характерный анекдотъ про П. А. Каратыгина, извѣстнаго остряка и каламбуриста.

Является однажды къ нему бѣдно одѣтая женщина и убѣдительно проситъ его пристроить ея семилѣтнюю дочь въ балетное отдѣленіе театральнаго училища.

— Что побуждаетъ васъ сдѣлать изъ дочери танцовщицу?—обратился онъ къ ней съ вопросомъ.

— Моя матеріальная недостаточность.

— Но вѣдь дочь-танцовщица наврядъ будетъ подспорьемъ вамъ въ старости! Если вы расчитываете на ея будущую поддержку, то дѣлайте изъ нея ремесленницу. Это резоннѣе и вѣрнѣе.

— Да, но вѣдь и балетъ вѣрный кусокъ хлѣба?

— Условный, сударыня, и не вѣчный. Пока здорова, ноги въ порядкѣ, получаетъ гроши, но чуть что—иди по міру, потому что наша школа не дастъ никакого образованія: кромѣ антраша да батмановъ, ничего знать не будетъ...

— Помилуйте, Петръ Андреевичъ, неужели онѣ такъ-таки ровно ничѣмъ въ школѣ не занимаются?

— Занимаются...

— Ну, вотъ видите...

— Да занимаются-то пустяками: другъ другу сказки разсказываютъ... какъ, напримѣръ: «ворона-сорока кашу варила, дѣтокъ кормила»... а какъ выйдутъ изъ училища...

И Каратыгинъ докончилъ дѣтскую прибаутку, окончательно разочаровавъ просительницу, тотчасъ же отказавшуюся отъ мысли помѣстить свое дѣтище въ театральное училище.

Если начальство не заботилось о нашемъ образованіи, зато религіозныя чувства оно развивало въ насъ дѣятельно и усердно. Намъ было строго вмѣнено въ обязанность не пропускать ни одной церковной службы, и мы аккуратно посѣщали нашу домовую церковь наканунѣ праздниковъ и въ самые праздники. Нашего священника звали, если не ошибаюсь, о. Василій. Онъ былъ строгъ и взыскателенъ. Если, бывало, увидитъ, что мы разговариваемъ между собой, а въ особенности если вступаемъ въ разговоръ съ воспитанницами, сейчасъ же заставитъ провинившихся стать на колѣни и простоять въ такомъ положеніи всю службу. Разумѣется, такая мѣра наказанія намъ не нравилась, и мы были очень недовольны своимъ законоучителемъ. Однажды кто-то изъ воспитанниковъ, имѣвшій наибольшее основаніе не довольствоваться мѣропріятіями о. Василія, вздумалъ продѣлать съ нимъ такую штуку: написалъ нѣсколько заупокойныхъ поминаній съ однимъ именемъ «Петръ» и подалъ ихъ старостѣ черезъ какого-то простолюдина. Тотъ, не разсмотрѣвъ, отправилъ ихъ со сторожемъ въ алтарь къ о. Василію. Когда пришло время поминовенія умершихъ, о. Василій началъ смѣлымъ голосомъ, послѣ извѣстныхъ словъ «упокой Господи»:

— Петра... Петра... Петра...

И, понизивъ голосъ, продолжалъ смущенно:

— Петра... Петра... Петра...

Взялся за вторую записку и уже съ сердцемъ прочелъ:

— Петра... Петра... Петра...

Третья записка заключала въ себѣ то же. Это, наконецъ, вы-

вело его изъ терпѣнія, онъ погрозился въ нашу сторону и сказалъ:

— Ваша продѣлка? На колѣни всѣ!

Такъ мы и простояли всю обѣдню на колѣняхъ.

Въ театральномъ училищѣ я учился одновременно съ А. А. Яблочкинымъ и Л. Л. Леонидовымъ, который былъ режиссеромъ школьной сцены. Ученическіе спектакли въ то время были часты и имѣли обыкновенно семейный характеръ, впрочемъ, иногда посѣщало ихъ начальство, въ томъ числѣ и министръ императорскаго двора, князь П. М. Волконскій. На моемъ первомъ дебютѣ въ школѣ онъ тоже присутствовалъ. Я долженъ былъ выступить въ водевилѣ П. С. Ѳедорова, тогда только что начинавшаго водевилиста, «Елена, или она замужемъ». На репетиціяхъ и передъ спектаклемъ я былъ смѣлъ, но, узнавъ передъ самымъ поднятіемъ занавѣса, что пріѣхалъ князь, я оробѣлъ и сталъ просить отсрочить начало на нѣсколько минутъ; мою просьбу уважили, я оправился и довольно храбро вышелъ на сцену. Это было первое мое появленіе на подмосткахъ. По окончаніи спектакля ко мнѣ подошелъ начальникъ школы Ѳедоровъ и сказалъ, что мною остался доволенъ министръ. Это ободрило меня, и на второмъ спектаклѣ я игралъ уже увѣреннѣе, бойчѣе, что не осталось незамѣченнымъ нашимъ многочисленнымъ начальствомъ. Второй спектакль состоялъ изъ водевиля Ленскаго «Честный воръ», въ которомъ игралъ я вмѣстѣ съ Яблочкинымъ. Упоминаю объ этомъ потому, что въ живыхъ изъ той отдаленной эпохи только и остались мы съ нимъ...

1-го апрѣля 1839 года я выпущенъ изъ школы съ званіемъ артиста императорскихъ театровъ на 300-рублевый (ассигнаціями) годовой окладъ. Первый публичный дебютъ состоялся черезъ недѣлю въ Александринскомъ театрѣ, въ пьесѣ «Хороша и дурна, и глупа, и умна», роли которой распредѣлены были такъ: я игралъ Падчерицына, Григорьевъ 1—отца, Бормотова (впослѣдствіи Громова)—мать, Асенкова — дочь, А. М. Максимовъ — жениха Алинскаго. Свой входный куплетъ: «здравствуй, кумъ, ты, мой любезный», по требованію публики, я долженъ былъ повторить; такой пріемъ меня ободрилъ, и я продебютировалъ безъ робости и страха, присущей всякому новичку, въ особенности новичку-актеру. Кстати слѣдуетъ замѣтить, что въ то достопамятное время зрители не знали слова «bis»: требуя отъ исполнителя повторенія, они кричали «фора».

III.

Наша школьная любовь.—Встрѣча съ директоромъ театровъ А. М. Гедеоновымъ.—Трубная.—Гедеоновъ, какъ начальникъ и человѣкъ.—Актеръ Калининъ и Радинъ.

Въ театральномъ училищѣ во всѣ времена была развита «любовь». Каждый воспитанникъ, также какъ и воспитанница, имѣли свои «предметы», боготворимые и обожаемые ими. Не смотря на всю строгость училищнаго начальства, неусыпно слѣдившаго за чистотою нашихъ нравовъ, и на то, что женскіе и мужскіе классы были искусно изолированы другъ отъ друга, мы, однако, поддерживали различными хитроумными способами общеніе и не могли особенно жаловаться на рѣдкость свиданій. Во-первыхъ, мы могли видѣть другъ друга въ окна, хотя окна мужскихъ дортуаровъ не были vis-à-vis съ окнами женскихъ, а приходились подъ ними, такъ что воспитанники, разговаривая съ воспитанницами, должны были лежать на подоконникѣ внизъ спиной; во-вторыхъ, тайно, подъ страхомъ отвѣтственности, сходились на черной лѣстницѣ, откуда, однако, насъ немилосердно изгонялъ всякій, кому нужно и не нужно, начиная съ Ѳедорова и кончая кухоннымъ мужикомъ, понимавшимъ отлично всю противозаконность нашихъ свиданій и тѣшившимся нашею трусливостью; въ-третьихъ, мы видѣлись въ церкви, хотя опять-таки за нами тутъ былъ зоркій надзоръ и нашу группу воспитанниковъ отъ группы воспитанницъ отдѣлялъ учебный ареопагъ, съ олимпійскимъ величіемъ взиравшій на молодежь, таявшую подъ влюбленными взглядами своихъ «предметовъ». Разумѣется, это положеніе не изъ завидныхъ, но мы, покорные судьбѣ, были довольны и имъ: впродолженіе почти двухъ часовъ безпрерывно могли мы любоваться другъ другомъ, изрѣдка привѣтливо улыбнуться, многозначительно кивнуть головой и иногда даже обмѣняться записками, преисполненными ласковыми подкупающими фразами, увѣреніями, клятвами. И во всемъ этомъ было такъ много жизни, такъ много поэзіи...

Школьная любовь не всегда была буквально «школьною», очень часто она имѣла серьезныя послѣдствія; многіе по выходѣ изъ училища оставались вѣрными своему первому увлеченію и вступали въ супружество.

У меня и у Леонидова, съ которымъ я близко сошелся на школьной скамьѣ и продолжалъ быть дружнымъ все время нашего совмѣстнаго служенія на казенной сценѣ, было тоже по любовному предмету. Я обожалъ Евгенію Скильзевскую, а онъ Горину, изъ балетнаго отдѣленія. Когда мы съ нимъ поступили на сцену и покинули училищныя стѣны, онѣ еще продолжали учиться и, слѣдовательно, были для насъ запретнымъ плодомъ гораздо въ

большей степени, чѣмъ прежде, когда жили подъ одной кровлей. Наше общеніе съ ними стало ограничиваться перепиской, крайне затруднительною и только разжигавшею въ насъ сильные порывы любви.

Однажды въ отвѣтномъ своемъ посланіи наши дамы просили насъ доставить имъ сладостей, но не конфектъ, а что нибудь въ видѣ сладкихъ пирожковъ. Желая какъ можно скорѣе удовлетворить прихоти Гориной и Скильзевской, мы въ тотъ же день купили громадный сливочный тортъ и поѣхали въ Театральную улицу. Не смѣя войдти въ училище, мы остановились на противоположной сторонѣ улицы (гдѣ теперь консерваторія) и обратили наши взоры на верхніе этажи, изъ оконъ которыхъ выглядывали воспитанницы, обыкновенно разсматривавшія своихъ многочисленныхъ поклонниковъ, устраивавшихъ въ опредѣленное время дня свои терпѣливыя прогулки подъ завѣтными окнами театральной школы. Вскорѣ показались наши пассіи, и у насъ начался оживленный разговоръ по собственному телеграфу, въ которомъ наибольшее участіе принимали глаза, руки и голова.

Въ то время, какъ мы просили выслать къ намъ, на улицу, служанку для пріема отъ насъ пирога, изъ училищнаго подъѣзда вышелъ, незамѣченный нами, директоръ театровъ А. М. Гедеоновъ. Онъ нѣсколько минутъ наблюдалъ наши мимическіе переговоры и, наконецъ, сердитымъ голосомъ крикнулъ:

— Подойдите-ка сюда!

Мы взглянули въ сторону крикнувшаго и обомлѣли. Гедеоновъ повторилъ приглашеніе.

Сконфуженные и смущенные, мы перебѣжали черезъ дорогу.

— Вы это чѣмъ же изволите заниматься на улицѣ?

— Ваше превосходительство...—началъ было что-то въ оправданіе свое Леонидовъ, но Александръ Михайловичъ его раздраженно перебилъ:

— Ничего новаго вы мнѣ не скажете! Отвѣчайте на вопросы... Вы кто такіе?

— Артисты императорскаго театра!

— Артисты императорскаго театра?—съ ужасомъ воскликнулъ Гедеоновъ.—И вамъ не стыдно устраивать балаганныя представленія на улицѣ? Не стыдно своимъ людямъ подавать примѣры постороннимъ повѣсничать передъ окнами глупыхъ дѣвченокъ? Вѣдь вы уже не школьники, пора вамъ дѣйствовать сообразно съ вашимъ положеніемъ!..

Прочтя намъ это наставленіе, директоръ театровъ насупилъ брови и отчетливо произнесъ, грозя въ тактъ указательнымъ пальцемъ:

— Если вы еще разъ когда нибудь вздумаете остановиться хоть на одинъ мигъ на этой улицѣ, то изъ артистовъ я превращу васъ въ солдатъ! Слышите?

И, не дожидаясь нашего отвѣта, крикнулъ:

— Вонъ отсюда, негодные школьники!..

Вся эта сцена произошла потому, что мы попались ему въ минуты гнѣва. Въ другое время Александръ Михайловичъ ограничился бы только легкой укоризной самаго безобиднаго свойства, и самъ бы первый разсмѣялся нашей затѣѣ, но, будучи въ нехорошемъ расположеніи духа, онъ въ состояніи былъ подвергнуть насъ строжайшимъ взысканіямъ и посадить подъ арестъ въ знаменитую трубную. «Трубною» называлась одна изъ комнатъ театральныхъ сторожей, лишенная какой бы то ни было обстановки и имѣвшая значеніе арестантской. Въ ней только и была одна большая скамейка, такъ что арестованный долженъ былъ или самъ отправляться къ себѣ домой за подушкой и одѣяломъ, или посылать за этимъ сторожа. Арестъ обыкновенно бывалъ суточный, но за особенно большіе проступки провинившихся сажали на два-три и болѣе дня.

Этой «трубной», кажется, никто изъ драматической труппы не избѣгнулъ: уединялись въ ней и Самойловъ, и Мартыновъ, и Максимовъ, и Сосницкій, и въ особенности Прохоровъ о которомъ рѣчь впереди. Сажали и за незнаніе роли, и за пьянство, и за неуваженіе начальства, словомъ за все, за что теперь подвергаютъ штрафамъ. Каждому арестованному, по положенію, отпускалось 15 копѣекъ суточныхъ на харчи. Первый разъ я попалъ въ «трубную» за водевильный куплетъ, слова котораго я перепуталъ на спектаклѣ, но такъ, что не всякій изъ публики понялъ мой промахъ...

Характеризуя Александра Михайловича Гедеонова, нельзя не помянуть его добрымъ словомъ. Это былъ прекрасный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ. Отзывчивый, безконечно добрый, всегда готовый помочь ближнему, въ особенности своему подчиненному, онъ снискалъ себѣ всеобщую любовь и уваженіе. Будучи, какъ говорится, «въ духѣ», онъ выслушаетъ каждаго, войдетъ въ его положеніе, вмѣстѣ плакать будетъ, но избави Богъ попасться ему въ минуты гнѣва. Разнесетъ ни за что, никакія убѣжденія, просьбы не тронутъ его расходившагося сердца. Его злость обыкновенно выражалась въ безпрерывномъ свистѣ и ажитированной бѣготнѣ по кабинету изъ угла въ уголъ, съ заложенными за спину руками.

Бывало, приходитъ къ нему проситель и первымъ долгомъ освѣдомляется у курьера, никогда не покидавшаго прихожей директора:

— Свиститъ?

И, смотря по состоянію духа Александра Михайловича, получался отвѣтъ:

— Посвистываетъ!

Или:

— Въ усмиреніи чувствъ!

Въ первомъ случаѣ поворачивай оглобли назадъ, если не хочешь навѣрное потерпѣть фіаско, во второмъ—смѣло иди въ кабинетъ: все угодное тебѣ, разумѣется, въ предѣлахъ возможнаго будетъ исполнено.

Справляться у курьера о расположеніи духа Гедеонова было на столько необходимо, что малѣйшая неосторожность въ этомъ направленіи могла имѣть весьма печальныя послѣдствія. Приведу примѣръ.

Въ драматической труппѣ было два актера, имѣвшихъ нѣкоторое физическое сходство между собой, Калининъ и Радинъ (отецъ извѣстной балетной артистки). Первый—пьяница, буянъ, почти не выходившій изъ «трубной», второй—тихій, безропотный служака, никогда не подвергавшійся никакимъ взысканіямъ. Радинъ, какъ-то гримируясь въ одной уборной съ П. Г. Григорьевымъ, пожаловался послѣднему на свое непригдядное положеніе.

— Семья большая,—сказалъ онъ:—а получка ничтожная. Вотъ ужъ двадцать лѣтъ служу, а мнѣ ни прибавки къ жалованью, ни бенефиса... Всѣ другіе кое-какъ поправились, а я все въ безпомощномъ положеніи. На меня, на несчастнаго, никакого вниманія со стороны начальства...

— А ты хлопоталъ ли когда нибудь о прибавкѣ или бенефисѣ?—спросилъ его Петръ Григорьевичъ.

— Никогда!

— Ну, такъ чего же ты конючишь? Подъ лежачій камень вода не течетъ... Развѣ что нибудь безъ хлопотъ и просьбъ у насъ дается? Непремѣнно нужно самому стараться...

— Конфузливъ я очень, да и не умѣю какъ-то съ генералами разговаривать...

— Вздоръ! Иди завтра же къ Гедеонову и проси себѣ за двадцатилѣтнюю службу бенефиса: головой ручаюсь, что не откажетъ, если только ты съумѣешь обрисовать ему свои стѣсненныя обстоятельства...

— Совѣты-то давать легко, а вотъ поди-ка самъ съ просьбой къ нему, сунься, такъ и узнаешь, гдѣ раки зимуютъ...

— Экій ты глупый человѣкъ! Неужели же всѣ блага земныя къ намъ сами съ неба сваливаются?

— Сами не сами, но только у васъ идетъ все это какъ-то такъ ловко, точно по заведенному порядку... Ужъ сколько разъ порывался я идти къ Александру Михайловичу, но дойду до его прихожей и вернусь обратно, духу не хватало переступить его порога...

— Стыдно быть такимъ трусомъ!

— Все боялся я, какъ бы не попасть къ нему въ минуту гнѣва, да вмѣсто бенефиса не получить бы отставку.

— Безъ всякихъ глупыхъ разсужденій отправляйся завтра же

къ нему и не выходи до тѣхъ поръ изъ его кабинета, пока не получишь бенефиса.

— Пойду, но если что приключится, на твою душу ляжетъ грѣхъ...

На другой день, дѣйствительно, Радинъ отправляется къ Гедеонову, но забываетъ спросить у курьера, «свиститъ, или не свиститъ».

Послѣ доклада его провели въ кабинетъ Александра Михайловича, бывшаго въ этотъ день, какъ нарочно, въ самомъ злѣйшемъ настроеніи.

— Тебѣ чего? — грубымъ голосомъ спросилъ онъ Радина, не переставая шагать изъ угла въ уголъ.

— Виноватъ, ваше превосходительство, быть можетъ, я не во время, то...

— Не во время?—передразнилъ его Гедеоновъ и началъ кричать на него.—Да когда же ты ко мнѣ приходилъ во время? Ты только пьянствуешь во время, безобразничаешь во время... Ну, взгляни ты на себя, на кого ты похожъ! Взгляни ты на свою физіономію, какой восхитительный видъ она у тебя имѣетъ! Стыдъ, срамъ, а еще на сценѣ императорскаго театра выступаешь... Зачѣмъ ты ко мнѣ явился? Что тебѣ отъ меня надо?

Смущенный Радинъ, вмѣсто оправданій и разъясненія очевиднаго недоразумѣнія, началъ излагать свою просьбу:

— Служу двадцать лѣтъ... вѣрой и правдой... ни прибавки, ни бенефиса... Обремененъ большимъ семействомъ... источникъ доходовъ единственный... Это побудило меня обезпокоить ваше превосходительство и просить бенефиса...

— Что-о? — вскрикнулъ Гедеоновъ. — Тебѣ? Бенефиса? Да ты съ ума сошелъ? Ахъ, ты, пьяница! Вонъ!

Ни живъ, ни мертвъ, выскочилъ изъ директорскаго кабинета Радинъ и со слезами на глазахъ сталъ спускаться по лѣстницѣ къ выходу. На одной изъ площадокъ сталкивается съ нимъ начальникъ репертуарной части Александръ Львовичъ Неваховичъ.

— Что съ вами, Радинъ?

Радинъ разсказалъ ему всю исторію въ послѣдовательномъ порядкѣ и закончилъ ее словами:

— Все время называлъ меня пьяницей, ругалъ и, наконецъ, чуть не въ шею выгналъ...

— Это недоразумѣніе! Пойдемте опять къ нему, сейчасъ же все это выяснимъ...

Неваховичъ направился въ кабинетъ директора, а Радинъ остался въ пріемной ожидать результата объясненія Александра Львовича съ Гедеоновымъ.

— Ваше превосходительство, чѣмъ провинился предъ вами Радинъ? Я сейчасъ встрѣтилъ его на лѣстницѣ: идетъ, несчастный, и заливается слезами.

— Какой Радинъ? У меня сейчасъ былъ этотъ пьянчуга Калининъ?

— Нѣтъ, Радинъ!... Ничего не пьющій Радинъ...

— Калининъ, я вамъ говорю...

— Радинъ! Если желаете, я сейчасъ его приведу сюда; онъ дожидается меня въ пріемной.

— Что же ему отъ меня нужно?

— Онъ приходилъ просить у васъ бенефиса за свою двадцатилѣтнюю службу.

— Въ самомъ дѣлѣ не Калининъ?

— Нѣтъ.

— Ну, дайте ему бенефисъ!

IV.

Режиссеръ Александринскаго театра Н. И. Куликовъ.—Его секретарь Пономаревъ.—Наше совмѣстное житье.—Трактиръ Фениксъ.—Столкновеніе въ Фениксѣ Куликова съ Сушковымъ.—Пріѣздъ къ намъ Д. Т. Ленскаго.—Знакомство съ Н. А. Некрасовымъ.—Его стѣсненныя обстоятельства.—Закладываніе имъ своихъ стихотвореній.—Его первая пьеса.

При поступленіи моемъ на сцену, режиссеромъ Александринскаго театра былъ извѣстный водевилистъ Николай Ивановичъ Куликовъ [1]), авторъ «Вороны въ павлиныхъ перьяхъ» и многихъ другихъ пьесъ. Его отношенія къ дѣлу не отличались усердіемъ, а ограничивались одною формальностью. Онъ какъ-то такъ умѣлъ устроиваться, что за него все дѣлали другіе. Впрочемъ, благодаря всему этому, онъ не долго продержался въ званіи режиссера; свое положеніе онъ долженъ былъ уступить другому и остаться въ труппѣ простымъ актеромъ. Но и актеромъ онъ пробылъ непродолжительное время: вышелъ въ отставку и отдался литературнымъ занятіямъ.

Свои водевили онъ писалъ замѣчательнымъ образомъ. У него при себѣ всегда имѣлась тетрадочка, въ которую при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ онъ вписывалъ карандашомъ явленіе за явленіемъ, куплетъ за куплетомъ. На репетиціи, на спектаклѣ, въ трактирѣ, въ гостяхъ—всюду онъ занимался сочинительствомъ. Такая неразборчивость времени и мѣста давала ему возможность стряпать пьесы, какъ блины, и прославиться плодовитѣйшимъ драматургомъ. И, всетаки, не смотря на такой способъ почти механическаго сочинительства, его водевили были не безъ достоинствъ и многіе удержались въ репертуарѣ до сего времени.

[1]) Умершій въ Петербургѣ весною 1890 г., въ преклонномъ возрастѣ.

При такихъ усердныхъ литературныхъ занятіяхъ, онъ, разумѣется, не имѣлъ возможности отдаваться всѣмъ мелочамъ своихъ режиссерскихъ обязанностей, такимъ мелочамъ, на которыхъ зиждется весь успѣхъ режиссерскаго дарованія, а окружилъ себя довѣренными людьми, которые въ сущности и низвели его съ начальническаго поста своими нелѣпыми и неумѣстными распоряженіями. Нѣкоторые же шли дальше и эксплоатировали его самымъ грубымъ образомъ. Такъ, напримѣръ, Николай Ивановичъ имѣлъ у себя личнаго секретаря, нѣкоего Пономарева, обязанности котораго сосредоточивались главнымъ образомъ на составленіи всевозможныхъ «объясненій и требованій» изъ театральной конторы необходимыхъ для бутафоріи вещей. Такъ какъ эти бумаги не заключали въ себѣ ничего серьезнаго, то Куликовъ подписывалъ ихъ не читая, а то и просто росписывался на чистыхъ листахъ. Бывало, подастъ ему утромъ Пономаревъ нѣсколько бланковъ, на которыхъ вверху было четко выведено «въ контору императорскихъ театровъ», и Куликовъ украситъ ихъ своимъ автографомъ, вскользь освѣдомясь:

— Сегодня что?

— То-то и то-то, Николай Ивановичъ.

— Ну, хорошо!

Потомъ уже Пономаревъ вписывалъ требованія и предъявлялъ ихъ по мѣсту назначенія.

Однажды, при полученіи жалованья, Куликовъ былъ пренепріятно изумленъ: изъ его мѣсячнаго оклада вычитаютъ сто рублей и взамѣнъ ихъ предъявляютъ ему на такую же сумму росписку, будто бы выданную имъ на имя какого-то еврея-ростовщика. Подпись росписки, къ своему удивленію, Николай Ивановичъ призналъ за свою и на неожиданный вычетъ претендовать, конечно, не сталъ. По разслѣдованіи, что же оказалось? Пономаревъ на одномъ изъ бланковъ, подписанныхъ Куликовымъ, вмѣсто требованія написалъ заемную росписку и продалъ ее за дешевую цѣну еврею, который и не замедлилъ получить изъ конторы свой мнимый долгъ съ режиссера. Разумѣется, за эту продѣлку Пономаревъ лишился своего необременительнаго мѣста секретаря при Куликовѣ, но судебному преслѣдованію не подвергся, благодаря доброму сердцу Николая Ивановича. Съ тѣхъ поръ Куликовъ, проученный горькимъ опытомъ, всѣ бумаги, исходившія отъ него, внимательно перечитывалъ и на чистыхъ бланкахъ не росписывался.

Вскорѣ по выходѣ изъ театральнаго училища, я покинулъ родительскій кровъ, за дальностью разстоянія его отъ театра, и поселился вмѣстѣ съ Николаемъ Ивановичемъ, квартировавшимъ очень близко къ мѣсту служенія. Наша совмѣстная жизнь особенно памятна мнѣ, благодаря вѣчной безалаберности, царившей въ нашемъ холостомъ помѣщеніи. Наши комнаты, заваленныя все-

возможнымъ хламомъ, не знали ни уборки, ни мытья и даже не видѣли свѣту Божьяго—окна были чѣмъ-то загрязнены такъ, что въ квартирѣ царилъ постоянный полумракъ. Хотя у насъ былъ слуга, но отъ него путнаго мы ничего не видѣли: онъ даже способствовалъ запущенію нашего обиталища. Всегда лѣнивый, грязный, неряшливый, на всѣ наши требованія и приказанія онъ глубокомысленно отвѣчалъ:

— Чего прибираться-то? Коли бы это на вѣки вѣчные, — еще такъ, я понимаю, а то всѣ мы смертны; на долго ли прибираться-то намъ: сегодня живъ, а завтра, глядь, померши... Вотъ и погибли всѣ труды твои...

По обыкновенію, на лакейскую аргументацію мы махали рукой и продолжали обростать грязью въ прежнемъ добродушіи.

По невозможности имѣть дома столъ, мы обѣдали въ трактирѣ «Фениксъ», помѣщавшемся противъ Александринскаго театра, почти рядомъ съ подъѣздомъ дирекціи [1]). Тамъ же мы пили и утренній чай. Въ то время трактиръ этотъ процвѣталъ, что называется, «во всю»: контингентъ посѣтителей его состоялъ почти исключительно изъ актеровъ и театраловъ. Это было нѣчто въ родѣ артистическаго клуба. Между прочими, усердно посѣщалъ «Фениксъ» нѣкій Сушковъ, безумно влюбленный въ Асенкову и не долюбливавшій по недоразумѣнію Куликова. Сушковъ подозрѣвалъ Николая Ивановича въ закулисныхъ интригахъ противъ его предмета, на самомъ же дѣлѣ надъ самимъ Куликовымъ тяготѣло высшее давленіе въ лицѣ одного высокопоставленнаго лица, имѣвшаго неоспоримыя права на Асенкову. Сушковъ, ничего этого не знавшій, питалъ къ Николаю Ивановичу глубокую непріязнь и старался всюду досадить ему елико возможно. Прежде всего онъ шикалъ Куликову, когда тотъ появлялся на сценѣ актеромъ: это, разумѣется, больше всего задѣвало за живое остроумнаго водевилиста, и между ними произошолъ однажды такой крупный разговоръ въ «Фениксѣ».

— Это вы мнѣ шикаете?—задорно спросилъ Николай Ивановичъ проходившаго мимо него Сушкова.

— Я!—признался тотъ.

— А какое право имѣете вы на это?

— Не ваше дѣло!

— Какъ не мое дѣло? Шиканье-то вѣдь адресуется ко мнѣ?

— Къ вамъ!

— Имѣйте въ виду, что я буду просить директора, чтобы онъ прекратилъ вамъ доступъ въ театръ.

— Съ масломъ вы ничего не хотите выкусить? — грубо отвѣтилъ Сушковъ.

— И будьте увѣрены, — продолжалъ Куликовъ, не обращая

1) На той сторонѣ, гдѣ Аничкинъ дворецъ, въ самомъ углу.

вниманія на дерзкое замѣчаніе собесѣдника:—что директоръ избавитъ насъ отъ такого лицепріязненнаго зрителя.

— Никогда!

— Ну, такъ знайте, если только вы когда нибудь мнѣ еще разъ шикнете, то я такъ свисну, что своихъ не узнаете.

Во время моего сожительства съ Куликовымъ, пріѣзжалъ погостить въ Петербургъ московскій актеръ и знаменитый острякъ Дмитрій Тимоѳеевичъ Ленскій. Будучи большимъ пріятелемъ Николая Ивановича, онъ остановился у насъ. Въ безалаберной нашей квартирѣ мы только и могли предложить ему диванъ, переночевавъ на которомъ онъ сказалъ:

— Теперь я знаю, какъ актеры проваливаются!..

Наша необычайная жизнь поразила его страшно. Съ перваго же утра онъ наталкивался на любопытныя картинки нашего вседневнаго существованія. Онъ обошелъ всю квартиру, розыскивая рукомойникъ, но такого не обрѣлъ нигдѣ.

— Какъ же у васъ помыться?—спросилъ онъ Куликова.

— Надъ ведромъ,—спокойно отвѣтилъ тотъ.

Ленскій отправился въ кухню.

— Дай помыться?—сказалъ онъ лакею.

— Рано еще,—равнодушно отвѣтилъ лакей.

— Почему рано?

— Воды еще нѣтъ.

— Какъ нѣтъ?

— Да такъ, дворникъ еще не привозилъ.

Куликовъ крикнулъ дворнику въ окно:

— Что же ты, каналья, намъ воды не даешь?

Тотъ принесъ. Ленскій приготовился мыться, засучилъ рукава и сталъ искать мыло.

— Ты чего высматриваешь?—спросилъ Куликовъ.

— Мыло.

— Ну, ужъ этого у насъ нѣтъ.

— Да какъ же вы безъ него обходитесь?

— Точно такъ, какъ и ты сейчасъ обойдешься.

Кое-какъ поплескался Ленскій и попросилъ полотенца.

— Ну, братъ, не взыщи!—ничуть не конфузясь, сказалъ Куликовъ.—И этого у насъ нѣтъ...

— Полотенца нѣтъ?—въ ужасѣ воскликнулъ Ленскій.—Что же вы за люди, скажи мнѣ, пожалуйста?

— Было у насъ ихъ нѣсколько, да вотъ мѣсяца три какъ загрязнились... теперь о разное бѣлье утираемся...

Дмитрій Тимоѳеевичъ съ брезгливостью замѣнилъ полотенце ночною сорочкой и недовольно проворчалъ:

— Нѣтъ, ужъ лучше я въ гостинницу переѣду!

Однако въ гостинницу онъ не перебрался, но нашу домашнюю утварь пополнилъ полотенцами, мыломъ и умывальнымъ тазомъ.

Съ Николаемъ Алексѣевичемъ Некрасовымъ я познакомился въ «Фениксѣ». Тогда еще былъ онъ непризнаннымъ поэтомъ и только что пробовалъ свои силы въ драматургіи. Онъ исправно посѣщалъ «Фениксъ» и заводилъ дружбу съ актерами, которые такъ или иначе могли содѣйствовать его поползновеніямъ сдѣлаться присяжнымъ закройщикомъ пьесъ при Александринскомъ театрѣ.

Въ то время Некрасовъ матеріально былъ крайне стѣсненъ и нуждался чуть не въ кускѣ хлѣба. Я съ нимъ сблизился, и прожили мы съ нимъ неразлучными друзьями нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ часто оставался у насъ ночевать, и мы укладывали его, какъ и Ленскаго, на нашъ полуразрушенный диванъ, который онъ прозвалъ шутя «гробомъ». Не умѣя по молодости лѣтъ расчитывать деньги, я и самъ оказывался часто въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, на столько стѣсненныхъ, что приходилось отказывать себѣ въ трактирномъ обѣдѣ и довольствоваться какимъ нибудь грошовымъ сухояденіемъ. Хотя въ «Фениксѣ» всѣмъ намъ и былъ открытъ кредитъ, но я оказывался постояннымъ должникомъ сверхъ положенной цифры. Памятный до сихъ поръ буфетчикъ Ермолай Ивановичъ, при всей своей любезности и услужливости, долженъ былъ въ дальнѣйшемъ кредитѣ мнѣ, какъ и многимъ другимъ, въ томъ числѣ и Некрасову, отказывать.

Однажды, въ одну изъ безденежныхъ минутъ жизни, является ко мнѣ Некрасовъ и говоритъ:

— Есть у тебя на обѣдъ деньги?

— Нѣтъ!

— А съ «Фениксомъ» не расплатился?

— Отдалъ частицу въ послѣднюю получку, но опять съ излишкомъ наверсталъ ее.

— А вѣдь пообѣдать-то нужно.

— Да, не мѣшаетъ...

— Знаешь что? Отправимся-ка къ Ермолаю Ивановичу и убѣдимъ его въ нашей честности...

— Ну, его къ чорту! Заскулитъ... кусокъ въ глотку не полѣзетъ...

— Въ такомъ случаѣ мы можемъ устроить нашъ обѣдъ на болѣе благородныхъ основаніяхъ.

— На какихъ это?

— У меня съ собой есть книжка со стихами, я заложу ее...

— Не приметъ...

— Что? Буфетчикъ такого просвѣщеннаго заведенія, какъ «Фениксъ», не приметъ въ залогъ стиховъ? Этого не можетъ быть! Головой своей ручаюсь...

— Попробуй!

Приходимъ въ трактиръ.

— Вотъ, Ермолай Ивановичъ, — началъ Некрасовъ, отведя въ сторону буфетчика,—у меня есть книжка собственныхъ стихотвореній... видите, какая толстая?.. Не возьмете ли ее на время къ себѣ... можетъ быть, поинтересуетесь почитать?..

— Некогда намъ читать-то...

— Ну, такъ пусть бы полежала у васъ... надняхъ я получу деньги и возьму ее...

— Ахъ, вамъ въ долгъ чего нибудь надо?—догадался Ермолай Ивановичъ и рѣшительно произнесъ:—никакъ нельзя-съ, за вами и то уже очень много считается...

— Вовсе не въ долгъ, а подъ залогъ, такъ сказать... эта книга очень дорогая...

— Я въ книгахъ не понимаю-съ и сказать ничего не могу, но если она точно дорогая, то посовѣтую вамъ продать ее...

— Ахъ, Господи! Да на это нужно большое время!

— Что дѣлать-съ, а я не могу-съ!..

— Такъ-таки рѣшительно отказываете?

— Совершенно.

Операція не удалась. Мы усѣлись съ нимъ за свободный столъ и стали выжидать какого нибудь щедраго знакомаго, который угостилъ бы насъ обѣдомъ. Такое выжиданье во время оно повторялось нами неоднократно и въ большинствѣ удавалось, какъ нельзя лучше.

Первая пьеса Николая Алексѣевича называлась «Шила въ мѣшкѣ не утаишь, дѣвушку подъ замкомъ не удержишь». Написалъ онъ ее въ нѣсколько дней у насъ на квартирѣ, по перепискѣ я былъ его усерднымъ помощникомъ. У насъ дѣло шло быстро: онъ писалъ, я переписывалъ за тѣмъ же столомъ набѣло. Кажется, до сего времени въ библіотекѣ императорскихъ петербургскихъ театровъ эта пьеса сохраняется въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она тогда представлена была въ дирекцію, т. е. написанная моею рукою.

Съ отъѣздомъ моимъ въ провинцію, знакомство съ Некрасовымъ прекратилось и уже не возобновлялось вовсе по пріѣздѣ моемъ обратно въ Петербургъ. Время было другое, Некрасовъ былъ редакторомъ «Современника»; онъ сталъ славенъ, богатъ и недоступенъ. Отъ товарищей я узналъ, что отъ старыхъ знакомыхъ онъ отрекся окончательно, и начало сороковыхъ годовъ имъ забыто положительно. Это произвело на меня впечатлѣніе, и я не сталъ искать встрѣчи съ своимъ старымъ пріятелемъ, котораго судьба такъ вознесла и возвеличила...

А. Алексѣевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЕРВЫЙ ПЕТЕРБУРГСКІЙ ГЕНЕРАЛЪ-ПОЛИЦЕЙМЕЙСТЕРЪ [1].

I.

Въ 1697 ГОДУ, во время пребыванія Петра Великаго въ Голландіи, амстердамскіе бургомистры, желая сдѣлать ему удовольствіе, устроили въ заливѣ Эй примѣрное морское сраженіе подъ руководствомъ адмирала Схея. Всѣ парусныя суда, какія только можно было собрать, выстроились въ двѣ боевыя линіи при входѣ въ заливъ, передъ Схелингвудомъ. Петръ, сопровождаемый своей свитой и бургомистрами, пріѣхалъ на богато украшенной яхтѣ, которую флотъ привѣтствовалъ залпомъ изъ всѣхъ орудій. Вслѣдъ за тѣмъ начался бой, продолжавшійся отъ ранняго утра далеко за полдень. Непрерывная пальба съ судовъ и береговыхъ батарей, по словамъ очевидца, закрыла солнце облаками дыма и производила такой громъ, что едва можно было разслышать командныя слова, передаваемыя въ рупоръ. Государь не хотѣлъ оставаться простымъ зрителемъ: онъ перебрался на военный

---

[1]) Источниками и пособіями для настоящей статьи служили слѣдующія сочиненія: 1) «Исторія Россіи», С. М. Соловьева, т. 19.—2) «Птенцы Петра Великаго». Его же. «Русскій Вѣстникъ», 1861 г., № 5.—3) «Царствованіе императрицы Екатерины I», Арсеньева.—4) «Дѣянія Петра Великаго», Голикова, т. 7.—5) «Дневникъ камеръ-юнкера Бергхольца», ч. IV.—6) «Исторія Петербурга», П. Н. Петрова.—7) «Петербургская старина», Пекарскаго, «Современникъ», 1860 г., № 6.—8) «Князь Меншиковъ и графъ Морицъ Саксонскій въ Курляндіи», Щебаль-

корабль и постоянно направлялъ его туда, гдѣ огонь былъ сильнѣе. Распоряжаясь кораблемъ, Петръ обратилъ вниманіе на одного молодаго юнгу, почти еще мальчика, съ еврейскимъ типомъ лица, очень красиваго и стройнаго. Этотъ юнга съ замѣчательной ловкостью лазилъ по веревочнымъ лѣстницамъ на мачты, крѣпилъ и ослаблялъ паруса и, вообще, быстро и толково исполнялъ всякія корабельныя работы. По окончаніи маневровъ, Петръ подозвалъ его, похвалилъ за расторопность, подарилъ талеръ и спросилъ, кто и откуда онъ. Юнга бойко отвѣчалъ, что его зовутъ Антономъ Дивьеромъ, что онъ сынъ португальскаго еврея, переселившагося въ Голландію и здѣсь крестившагося, что отецъ его умеръ, не оставивъ ему никакихъ средствъ, и онъ по необходимости поступилъ въ юнги, не имѣя случая найдти себѣ другое, болѣе легкое занятіе. Толковые отвѣты юноши и его симпатичная наружность такъ понравились государю, что онъ тутъ же предложилъ Дивьеру поступить къ нему въ услуженіе, обѣщая, если онъ будетъ служить честно и вѣрно, позаботиться объ его дальнѣйшей судьбѣ. Разумѣется, молодой юнга съ восторгомъ принялъ предложеніе и на другой же день былъ зачисленъ въ штатъ царской прислуги пажемъ.

Петръ не ошибся въ выборѣ. Дивьеръ дѣйствительно, оказался способнымъ, исполнительнымъ и честнымъ слугой. Не обладая большимъ умомъ, онъ былъ, однако же, смышленъ, вкрадчивъ, безкорыстенъ, неутомимъ и, кромѣ всего этого, обладалъ живымъ, веселымъ характеромъ. Благодаря этимъ качествамъ, онъ скоро заслужилъ расположеніе государя и всей его семьи, былъ сдѣланъ сперва царскимъ деньщикомъ, на которыхъ тогда возлагались разнообразныя порученія, требовавшія находчивости, сообразительности и ловкости, а затѣмъ, быстро возвышаясь, въ короткое время достигъ чина генералъ-маіора и званія генералъ-адъютанта.

Освоившись съ русскимъ языкомъ и обычаями, войдя въ кругъ людей, приближенныхъ къ царской фамиліи, Дивьеръ, всетаки, чувствовалъ себя чуждымъ въ высшемъ обществѣ, которое относилось весьма сдержанно и холодно къ португальскому выходцу. Онъ рѣшилъ преодолѣть это препятствіе женитьбой. Обратить свои искательства въ среду родовитыхъ боярскихъ семей онъ не смѣлъ, зная, что его еврейское происхожденіе явится здѣсь несокрушимой пре-

скаго, «Русскій Вѣстникъ», 1860 г., № 2.— 9) «Сборникъ императорскаго историческаго общества», т.т. 11 и 63. —10) «Русскій Архивъ», 1865 г. (Письмо Дивьера къ Меншикову).—11) «Русская Старина», 1876 г. (Дивьеръ и Скорняковъ-Писаревъ въ ссылкѣ).—12) «Memoires du prince Pierre Dolgoroukow».—13) «Цвѣтущее состояніе Всероссійскаго государства, въ каковое началъ, привелъ и оставилъ неизрѣченными трудами Петръ Великій».—14) «Русская родословная книга», изданіе «Русской Старины», т. 2.—15) «Словарь достопамятныхъ людей», Бантышъ-Каменскаго, т. 2.

пономъ; оставалось пробовать счастія у новой аристократіи, созданной Петромъ изъ разночинцевъ, выдвинувшихся на высшія ступени государственной іерархіи своею службою и дарованіями. У всесильнаго и самаго выдающагося представителя этой аристократіи, князя Александра Даниловича Меншикова, была сестра Анна, не особенно красивая и уже въ годахъ, почти потерявшая надежду выйдти замужъ, такъ какъ гордый и зазнавшійся князь постоянно находилъ всѣхъ сватавшихся къ ней жениховъ недостойными породниться съ нимъ. Сюда-то и направилъ свои виды Дивьеръ, расчитывая, не безъ основанія, что, породнившись съ царскимъ любимцемъ, онъ сразу упрочитъ не только свое служебное и общественное положеніе, но и матеріальное, потому что Меншиковъ назначилъ сестрѣ хорошее приданое. Красивому и ловкому португальцу удалось безъ особенныхъ усилій страстно влюбить въ себя перезрѣлую дѣвушку. Обезпечивъ себя съ этой стороны, Дивьеръ рѣшился, наконецъ, объясниться съ самимъ Меншиковымъ. Но едва лишь онъ заикнулся объ Аннѣ Даниловнѣ, какъ свѣтлѣйшій князь пришелъ въ страшный гнѣвъ. Внѣ себя, онъ бросился на Дивьера, собственноручно далъ ему нѣсколько пощечинъ и, не довольствуясь этимъ, позвалъ своихъ челядинцевъ и велѣлъ имъ бить на смерть непрошеннаго жениха. Несчастный Дивьеръ, избитый и окровавленный, едва вырвался изъ рукъ усердныхъ слугъ Меншикова и поскакалъ съ жалобой прямо къ государю. Петръ принялъ это дѣло близко къ сердцу. Судъ его былъ коротокъ. Онъ потребовалъ къ себѣ Меншикова и, не принимая никакихъ возраженій, приказалъ ему втеченіе трехъ дней обвѣнчать сестру его съ Дивьеромъ. Понятно, что послѣ такого происшествія между всесильнымъ временщикомъ и навязаннымъ ему родственникомъ возникла непримиримая ненависть. Оба, разумѣется, внѣшнимъ образомъ скрывали ее, но въ душѣ только ждали удобнаго случая погубить одинъ другаго.

II.

Петербургъ сдѣлался столицей, въ сущности, съ 1710 года, когда Петръ Великій окончательно перебрался въ него со всей царской фамиліей, сосредоточилъ здѣсь высшую администрацію и повелѣлъ переселить сюда на постоянное житье мастеровыхъ людей изъ центровъ Россіи, съ ихъ семействами, въ числѣ 15.000 человѣкъ и построить для нихъ на средства казны жилища. Вслѣдствіе этого городъ началъ быстро обстроиваться, и черезъ нѣсколько лѣтъ народонаселеніе его опредѣлялось уже приблизительно въ 35.000 осѣдлыхъ жителей. Разнообразныя мѣры государя къ улучшенію внѣшняго быта населенія новой столицы, развитію въ ней промышленности, устройству благообразія и благочинія, потребовали

созданія особаго учрежденія, которое наблюдало бы за точнымъ исполненіемъ всѣхъ этихъ мѣръ. Такое учрежденіе явилось въ лицѣ перваго въ Россіи генералъ-полицеймейстера и подвѣдомственной ему канцеляріи. Петръ нашелъ, что наиболѣе подходящимъ человѣкомъ для столь отвѣтственной должности былъ Дивьеръ, въ энергіи и честности котораго онъ имѣлъ не мало случаевъ убѣдиться.

27-го мая 1718 года состоялся слѣдующій высочайшій указъ сенату:

«Господа сенатъ! Опредѣлили мы для лучшихъ порядковъ въ семъ городѣ генералъ-полицеймейстера, которымъ назначили нашего генералъ-адъютанта Дивьера, и дали пункты, какъ ему врученное дѣло управлять. И ежели противъ оныхъ пунктовъ чего отъ васъ требовать будетъ, то чините. Также всѣмъ жителямъ здѣшнимъ велите публиковать, дабы невѣдѣніемъ никто не отговаривался. Петръ».

Инструкція, данная государемъ Дивьеру, состояла изъ тринадцати пунктовъ, гдѣ подробно были изложены обязанности полиціи относительно наблюденія за правильностью построекъ въ городѣ, укрѣпленіемъ береговъ Невы и притоковъ, чистотою улицъ и переулковъ, порядкомъ на торговыхъ площадяхъ и рынкахъ, опрятностью помѣщеній торговцевъ, свѣжестью продаваемыхъ съѣстныхъ припасовъ, точностью мѣръ и вѣсовъ, и т. п. Полиція должна была не допускать злоумышленнаго возвышенія цѣнъ на хлѣбъ и другіе продукты; осматривать каждые три мѣсяца печи во всѣхъ жилыхъ зданіяхъ; искоренять азартныя игры въ зернь и карты; «испровергать» притоны разврата; забирать «гулящихъ и слоняющихся» людей и отдавать ихъ, по допросѣ, въ работы; отбирать отъ домохозяевъ свѣдѣнія о живущихъ у нихъ лицахъ, о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ; учреждать ночные караулы, причемъ «караульщики ходили бы по ночамъ съ трещотками, какъ обычай въ другихъ краяхъ»; содержать въ сборныхъ пунктахъ, на случай пожара, водоливныя трубы, ведра, топоры, войлочные щиты, паруса, крючья, лѣстницы; наконецъ, отводить квартиры солдатамъ въ домахъ обывателей, безъ различія званія, и т. д. «Для лучшаго смотрѣнія всякаго противъ сихъ пунктовъ неисправленія,—заключалъ Петръ,—надлежитъ опредѣлить въ каждой слободѣ, или улицѣ, старосту и къ каждымъ десяти дворамъ десятскаго изъ тѣхъ же жителей, и дабы каждый десятскій за своимъ десяткомъ накрѣпко смотрѣлъ, чтобы чего не учинилось противнаго запрещенію; и ежели за кѣмъ что усмотритъ, о томъ тотчасъ объявить старостѣ, а ему полицеймейстеру; также учинить распорядокъ между жителями, кому съ какимъ пожарнымъ орудіемъ ходить на пожары».

Получивъ отъ государя «пункты», Дивьеръ обратился въ сенатъ съ просьбой о присылкѣ къ нему всѣхъ постановленій, о выпол-

неніи которыхъ онъ долженъ имѣть наблюденіе, о снабженіи вновь учреждаемаго управленія потребнымъ числомъ служащихъ лицъ и о публикованіи царскаго повелѣнія, обязывавшаго жителей столицы исполнять всѣ его распоряженія.

Сенатъ 4-го іюня опредѣлилъ: 1) сообщить Дивьеру всѣ указы; 2) дать 10 офицеровъ, 20 унтеръ-офицеровъ и 160 «солдатъ добрыхъ», одного дьяка и 10 подъячихъ—для канцеляріи; 3) отпустить 300 рублей на первоначальные расходы; 4) для выбора старостъ и десятскихъ прислать вѣдомости о числѣ домовъ изъ губернской канцеляріи; 5) вытребовать планы строеній въ городѣ и фасады образцовыхъ домовъ; 6) распубликовать указъ сената объ исполненіи требованій полиціи наклейкою листовъ на перекресткахъ улицъ.

Дивьеръ, прежде всего, поспѣшилъ организовать личный составъ генералъ-полицеймейстерской канцеляріи, выбравъ себѣ въ помощники маіора Рыкунова, которому было назначено жалованья 168 рублей въ годъ. Занятія остальныхъ офицеровъ (жалованье которыхъ, сообразно чину, колебалось отъ 100 до 50 рублей въ годъ) были отчасти спеціализированы: однимъ поручено наблюденіе за рынками и торговлей; другимъ—за чистотой и порядкомъ на улицахъ; третьимъ—сыскъ воровскихъ людей, пристанодержателей и укрывателей и т. д. Впрочемъ, та или другая служебная обязанность, на то или другое время, возлагалась на нихъ по усмотрѣнію генералъ-полицеймейстера, и положеніе при немъ офицеровъ скорѣе можно сравнить съ положеніемъ нынѣшнихъ адъютантовъ и чиновниковъ особыхъ порученій. Дьяки и подъячіе вѣдали исключительно письмоводство. Общій расходъ на содержаніе всего личнаго состава полиціи на первое время былъ исчисленъ въ 1.059 рублей. Форма полицейскихъ состояла изъ кафтана, брюкъ и картузовъ василькового цвѣта съ алыми обшлагами, зеленыхъ камзоловъ, шпаги на лосиной перевязи, ружья и патронной сумы. Сформировавъ свой штатъ, Дивьеръ усердно принялся за благоустройство города, что представляло немало затрудненій.

Петербургъ того времени былъ не что иное, какъ окруженное лѣсами болото, среди котораго пролегали мѣстами непроходимыя отъ грязи и ночью совершенно темныя улицы, съ разбросанными на обширномъ пространствѣ лачугами и наскоро сколоченными хижинами; только кое-гдѣ, преимущественно на Адмиралтейской сторонѣ и около Петропавловской крѣпости, встрѣчались барскіе дома, построенные на голландскій манеръ. Составъ населенія былъ самый разнообразный: рабочіе и мастеровые, насильно согнанные со всѣхъ концовъ Россіи, мелкіе торговцы всякой всячиной, солдаты, иностранные шкипера и матросы, чухонцы, колодники, разношерстный сбродъ, искавшій заработка и наживы, и т. п. Пьянство, развратъ, воровство, насиліе, грабежи, были обычнымъ явле-

ніемъ и постоянной угрозой для обывателей; но не одни только люди наводили на нихъ страхъ: окрестные лѣса изобиловали волками, дерзость которыхъ доходила до того, что, напримѣръ, въ 1714 году они заѣли двухъ солдатъ, стоявшихъ на часахъ у Литейнаго двора, а немного спустя, на Васильевскомъ острову, у самыхъ воротъ дома князя Меншикова, загрызли одну изъ его прислугъ; смѣлые хищники взрывали кладбища и поѣдали трупы покойниковъ, такъ что для обузданія ихъ иногда отряжались цѣлыя команды.

Не смотря на то, что относительно распоряженій Дивьера сохранились лишь отрывочныя и случайныя свѣдѣнія, мы, всетаки, и на основаніи ихъ можемъ имѣть довольно ясное понятіе о его дѣятельности, какъ перваго петербургскаго генералъ-полицеймейстера.

Первымъ распоряженіемъ Дивьера было изданіе правилъ мощенія улицъ: «каждому жителю противъ своего двора посыпать пескомъ и камнемъ мостить гладко, какъ будетъ показано отъ мастеровъ, и чтобы стоки были вдоль улицъ, къ дворамъ ближе, а по концамъ улицъ стоки дѣлать къ рѣкамъ и прудамъ, чтобы были твердо утверждены, дабы весною и въ дожди не заносило». Относительно обдѣлки недостроеннаго берега предписывалось «по рѣкѣ и по протокамъ, чтобъ каждый противъ своего двора сваи билъ и къ сваямъ слалъ фашины и землею засыпалъ крѣпко накрѣпко».

Затѣмъ, согласно представленію Дивьера, сенатомъ были установлены наказанія за нарушеніе правилъ, изложенныхъ въ инструкціи генералъ-полицеймейстера. Домовладѣльцы, за необъявленіе о пріѣзжающихъ и отъѣзжающихъ, а также за принятіе въ работы людей безъ свидѣтельства и добрыхъ порукъ, подвергались наказанію кнутомъ и ссылкѣ въ каторгу, а имущество отбиралось въ казну. Такому же наказанію подвергались допускавшіе производить въ своей квартирѣ азартную игру или пьянство. Кто въ рынкахъ и рядахъ продавалъ нездоровые припасы или мертвечину, то въ первый разъ получалъ кнутъ, во второй—ссылался на каторгу, въ третій—подвергался смертной казни. Вѣсы должны были быть непремѣнно «за орломъ» (то-есть съ клеймомъ), а за фальшивые угрожалось «жестокимъ штрафомъ». За несоблюденіе въ исправности печей, комелей и трубъ полагался значительный для того времени штрафъ: въ первый разъ—10 рублей, во второй—20 рублей, въ третій—30 рублей.

По улицамъ Петербурга предписывалось соблюдать величайшую чистоту, «чтобы никакого скаредства и мертвечины не валялось». Каждый домовладѣлецъ обязанъ былъ противъ своего двора рано утромъ, или вечеромъ, когда по улицамъ не было ни ѣзды, ни ходьбы, сметать всякій соръ, а камни, которые выламывались

впродолженіе дня, поправлять. За неисполненіе этого правила взыскивался штрафъ, по двѣ деньги съ сажени.

Особенно строго наказывались тѣ, кто вывозилъ на Неву и другія рѣки пометъ и соръ («для того, что такими пометами тѣ рѣки засариваются, отчего по тѣмъ рѣкамъ судамъ проходъ чинится не свободный»). Въ такихъ случаяхъ у знатныхъ ихъ служители, а незнатные домовладѣльцы самолично, были биты кнутомъ и ссылались въ вѣчную каторжную работу.

Постановлено было, чтобы всѣ торгующіе въ Петербургѣ съѣстными припасами по улицамъ и въ лавкахъ «ходили въ бѣломъ мундирѣ, по указу, а мундиръ бы дѣлали по образцу, какъ въ мясномъ и рыбномъ рядахъ у торговыхъ людей». Съ неисполнявшихъ правили штрафъ, а товаръ отбирали въ казну.

Воспрещалось, «чтобъ никто, никакого чину, по малой рѣчкѣ Мью и по другимъ малымъ рѣчкамъ и по каналамъ, днемъ и ночью, на лошадяхъ, въ саняхъ и верхомъ, кромѣ пѣшихъ, отнюдь не ѣздили, а ѣздили бы по улицамъ проѣзжимъ того ради, что отъ коневаго помета засариваются оныя рѣчки и каналы».

«Для прекращенія воровскихъ приходовъ и всякихъ непотребныхъ людей» учреждены шлагбаумы, при которыхъ по ночамъ находился караулъ съ дворовъ, по очереди. Шлагбаумы находились по концамъ каждой улицы; они опускались ежедневно вечеромъ, въ одиннадцатомъ часу, а поднимались послѣ пробитія утренней зари въ крѣпости. Впродолженіе ночи черезъ шлагбаумъ пропускались воинскія команды, знатные господа, лѣкаря, священники, повивальныя бабки и лица, посланныя по дѣламъ службы; но всѣ они должны были имѣть при себѣ фонари. Впослѣдствіи подтверждено: «когда шлагбаумы ночью опустятъ, въ такіе часы знатныхъ персонъ и при нихъ служителей пропускать съ фонарями безъ задержанія, а безъ фонарей не пропускать. А изъ подлыхъ въ такіе неуказные часы, развѣ кто за крайнею нуждою пойдетъ одинъ съ фонаремъ, спрося у него, пропускать же; а ежели два, или три человѣка и болѣе изъ подлыхъ пойдутъ, хотя и съ фонаремъ, и тѣхъ брать подъ арестъ». При крикѣ «караулъ», рогаточному караулу, подъ страхомъ смертной казни, приказано оказыватъ вспоможеніе кричавшему.

Просившихъ милостыню велѣно ловить и арестовывать, и отбирать отъ нихъ показанія, откуда они и какъ давно бродятъ. Послѣ опроса, просившій милостыню наказывался батогами и отсылался на мѣсто жительства; при вторичномъ же захватѣ, нищенствовавшаго мужчину били кнутомъ на площади и отсылали на каторгу, женщинъ посылали на суконную фабрику въ работу, а несовершенныхъ ребятъ послѣ наказанія батогами отдавали или въ мастерство, или тоже на суконную фабрику. Если нищенствующіе, по разслѣдованіи, оказывались помѣщичьими крестьянами, то

съ помѣщика за каждаго человѣка взыскивался штрафъ по пяти рублей. «Пѣвшіе на улицѣ пѣсни» также забирались въ полицію и наказывались батогами.

Извозчиковъ, ѣздившихъ на невзнузданныхъ лошадяхъ или сбивавшихъ пѣшеходовъ, за первую подобную вину драли кошками, за вторую—кнутомъ, за третью—ссылали въ каторгу.

Съ 1721 года, Петербургъ начали освѣщать фонарями, которыхъ требовалось (исключая бывшихъ уже на Васильевскомъ островѣ) 595 штукъ. По смѣтѣ, освѣщеніе улицъ и содержаніе фонарщиковъ обходилось тогда въ 21.438 рублей. Освѣщеніе производилось конопляныыъ масломъ и продолжалось только пять часовъ въ сутки.

Сначала расходы на освѣщеніе улицъ хотѣли отнести на домовладѣльцевъ, взимая съ нихъ деньги по числу квадратныхъ саженъ владѣемаго мѣста. Въ докладѣ сенату 1721 года Дивьеръ испрашивалъ, для облегченія жителей, и безъ того обремененныхъ постоями и другими повинностями, брать деньги на освѣщеніе города изъ неокладныхъ сборовъ: съ продажи на возахъ хлѣба, сѣна, дровъ, съ бань, хомутныхъ денегъ и т. п. Такихъ сборовъ поступало втеченіе года около 11.000 рублей, и изъ нихъ же генералъ-полицеймейстеръ предполагалъ покрывать расходы на мощеніе улицъ, площадей, также содержаніе ихъ въ чистотѣ и прочее.

Далѣе, Дивьеръ представлялъ о необходимости имѣть особаго городоваго архитектора съ жалованіемъ въ годъ по 1.000 рублей и трехъ «архитекторскихъ подмастерьевъ» съ ежегоднымъ жалованьемъ по 150 рублей каждому.

Для содержанія города въ чистотѣ, Дивьеръ просилъ установить особыхъ 25 фурманщиковъ съ 50 лошадьми и при нихъ столькими же рабочими для своза съ улицъ сора и навоза; все это, по смѣтѣ, могло обойдтись въ 2.750 рублей. Сверхъ того, онъ полагалъ вмѣсто 1.200 ночныхъ караульщиковъ, наемъ которыхъ на каждую ночь стоилъ по 5 алтынъ на человѣка, употреблять рекрутъ за опредѣленное жалованье.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ представленій, сенатъ разрѣшилъ выдать генералъ-полицеймейстеру изъ суммы штатсъ-конторы 5.000 рублей на фонари, фурманщиковъ и прочее, а всю сумму, требуемую на расходы, разложить на жителей въ цѣломъ государствѣ «для того, что здѣшнее мѣсто (Петербургъ) безъ того дороговизною провіанта и харча и квартирами отягчено, а другіе такой тягости не имѣютъ». Жалованье архитектору и его «подмастерьямъ» было опредѣлено давать изъ городовой канцеляріи, а ночныхъ караульщиковъ оставить на прежнемъ основаніи.

Въ 1723 году положено было на содержаніе фонарей, чищеніе улицъ, укрѣпленіе береговъ и проч. собирать съ домовладѣльцевъ съ каждой квадратной сажени: на Адмиралтейскомъ островѣ по

Мью рѣку и на Васильевскомъ островѣ—по копѣйкѣ; а за Мьею по Фонтанной--по деньгѣ; на Московской и Выборгской сторонахъ и на Аптекарскомъ островѣ—по полушкѣ. Отъ платежа этихъ денегъ были изъяты только получавшіе жалованье 20 и менѣе рублей въ годъ. Кромѣ этого налога, въ канцелярію полицеймейстерскихъ дѣлъ на подмогу былъ отданъ хомутный сборъ и четвертая доля сбора съ постоялыхъ дворовъ.

Что касается пожарной части въ Петербургѣ въ Петровское время, то одинъ изъ иностранцевъ-очевидцевъ отзывается съ похвалою о мѣрахъ, которыя были тамъ приняты для прекращенія пожаровъ. Не смотря на то, что не проходило недѣли безъ пожара и что въ городѣ бо́льшая часть зданій были деревянныя, крытыя досками или дранью, легко воспламенявшимися, пожары, благодаря разумнымъ распоряженіямъ полиціи, никогда не были велики, и рѣдко сгорало разомъ два дома, да и то развѣ если они стояли близко одинъ отъ другаго. На всѣхъ городскихъ башняхъ помѣщались постоянно караульщики, сторожившіе городъ денно и ночно: едва замѣчали они пламя въ какомъ нибудь зданіи, то ударяли въ набатъ, повторявшійся затѣмъ на всѣхъ колокольняхъ, а войска били тревогу въ барабаны. Заслыша это, на пожаръ бѣжали тысячи плотниковъ, которыми былъ полонъ городъ и которые были обязаны, какъ и солдаты, подъ страхомъ жестокаго наказанія за неисполненіе, сбѣгаться съ топорами на мѣсто происшествія. Когда государь былъ въ городѣ, то всегда являлся на пожаръ изъ первыхъ. Онъ собственнымъ примѣромъ поощрялъ работниковъ и, въ случаѣ большой опасности, вооружался самъ топоромъ, взбирался на полусгорѣвшіе дома и вообще дѣйствовалъ такъ, что у зрителей часто пробѣгала по жиламъ дрожь.

Мѣдныя пожарныя трубы съ рукавами были только въ адмиралтействѣ. Дивьеръ, представляя въ 1721 году сенату, что эти трубы за дальностью разстояній не поспѣвали всюду во время, ходатайствовалъ о заказѣ для четырехъ острововъ по одной заливной мѣдной трубѣ съ рукавами въ Голландіи, каждая по 400 руб., что сенатъ и разрѣшилъ.

Изъ приведенныхъ нами отрывочныхъ свѣдѣній о дѣятельности Дивьера, какъ перваго генералъ-полицеймейстера, можно вывести заключеніе, что онъ вполнѣ оправдалъ ожиданія государя и былъ усерднымъ и толковымъ исполнителемъ стремленій Петра устроить любимый имъ «парадизъ» по образцу европейскихъ городовъ. По словамъ голштинскаго камеръ-юнкера Берхгольца, жившаго въ Петербургѣ въ концѣ царствованія Петра Великаго, Дивьеръ славился своею строгостью и внушалъ городскимъ обывателямъ такой страхъ, что они дрожали при одномъ его имени. Къ сожалѣнію, есть указанія, что иныя мѣры, предпринимаемыя Дивьеромъ на пользу петербургскаго населенія, нерѣдко тормозились медленностью и равно-

душіемъ сената, черезъ который только, въ отсутствіе государя, онъ и могъ проводить свои распоряженія.

Весь 1722 годъ Петръ находился въ персидскомъ походѣ и вернулся въ Петербургъ лишь въ мартѣ 1723 года. Въ это время цѣны на хлѣбъ и другіе припасы очень поднялись, и генералъ-полицеймейстеръ, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, имѣлъ основаніе убѣдиться, что цѣны подняты искусственно, представилъ въ сенатъ свои предположенія о средствахъ для противодѣйствія такому злу; но тщетно дожидался какой либо резолюціи втеченіе почти трехъ лѣтъ. Приводимъ любопытное письмо по этому поводу Дивьера къ Меншикову, исполнявшему тогда должность Ингерманландскаго генералъ-губернатора.

«Хотя моя должность и принуждала о семъ его императорскому величеству писать, дабы мнѣ сіе въ упущеніе не причлось, токмо сего оставить не хотѣлъ, дабы прежде вашей свѣтлости о томъ предложить, и дабы оное не причлось и правительствующему сенату въ несмотрѣніе, что мы по его величества пунктамъ свое мнѣніе и росписаніе пунктами о порядочной продажѣ цѣнами муки и прочихъ съѣстныхъ припасовъ правительствующему сенату многократно предлагали и о прочихъ дѣлахъ нужныхъ резолюцій требовали, какъ явствуетъ при семъ приложенная краткая выписка. Понеже, мой премилостивый государь, еще и понынѣ за неотвѣтствіемъ, по предложеніямъ нашимъ, изъ сената никакого опредѣленія достойнаго цѣнами въ продажѣ съѣстныхъ товаровъ не учинено, и купцы, какъ хотятъ, такъ цѣну и подвигаютъ, отговариваясь и указывая, гдѣ хлѣбу есть недородъ, то тамъ-де и тамъ дорогими цѣнами покупается. А нынѣ изъ такихъ мѣстъ и въ привозѣ нѣтъ, а во Псковѣ и по рублю четверть хлѣба покупалась и въ другихъ мѣстахъ, то и цѣнѣ противъ прежней сбавка, а здѣшніе купцы токмо цѣну подвышаютъ, а сбавки не бываетъ, хотя-бъ гдѣ дешево покупали. И сего ради, видя за такимъ ихъ подвышеніемъ цѣнъ народное отягощеніе, хотя отъ сената резолюціи о томъ по предложенію нашему и не получили, принуждены были у такихъ купцовъ подъ караулъ брать прикащиковъ, а хозяева ушли и въ повышеніи цѣнъ допрашиваны; опредѣлили за всѣми ихъ расходами и харчами брать имъ съ рубля барыша по гривнѣ, пока изъ сената получено будетъ къ намъ на предложенные о томъ пункты опредѣленіе.

«Сего ради прошу вашу свѣтлость, дабы соизволили милостивое стараніе возымѣть, чтобъ предложеніе мое въ сенатѣ обо всемъ было выслушано и опредѣленіе положено, дабы такія необходимыя дѣла для государственной пользы въ продолженіи далѣе не были оставлены, и его императорскому величеству, какъ увѣдаетъ, во гнѣвъ не произошло, понеже третій годъ какъ пункты поданы: слушать время было довольное».

Но подобные случаи могли происходить лишь въ отсутствіе Петра. Когда онъ находился въ Петербургѣ, Дивьеръ ежедневно лично докладывалъ ему о всѣхъ петербургскихъ происшествіяхъ. Да и самъ государь входилъ во все, что касалось благоустройства новой столицы, не пропускалъ безъ вниманія никакой мелочи и за всякое малѣйшее замѣченное имъ упущеніе взыскивалъ строго, причемъ доставалось и самому Дивьеру, какъ это видно изъ одного анекдота, разсказаннаго Голиковымъ и Штелинымъ.

Однажды, Петръ, проѣзжая по городу вмѣстѣ съ Дивьеромъ въ одноколкѣ, приблизился къ мосту черезъ каналъ у Новой Голландіи. Мостъ былъ неисправенъ, потому что кто-то укралъ съ него нѣсколько досокъ. Государь приказалъ своему деньщику сдвинуть остальныя доски, чтобы можно было переѣхать, а самъ, между тѣмъ, отсчиталъ генералъ-полицеймейстеру нѣсколько ударовъ дубинкой, приговаривая: «это лучше прибавитъ тебѣ памяти о попеченіи и содержаніи мостовъ въ порядкѣ: будешь самъ все осматривать!». Потомъ, какъ ни въ чемъ не бывало, сказалъ Дивьеру: «садись, братъ!» и поѣхалъ дальше, продолжая прерванный разговоръ.

III.

28-го января 1725 г. Петръ Великій умеръ, не успѣвъ сдѣлать никакихъ распоряженій относительно престолонаслѣдія. Благодаря энергическимъ и вѣрно обдуманнымъ мѣрамъ, своевременно принятымъ княземъ Меншиковымъ, Екатерина I была провозглашена самодержавной императрицей. Новая государыня начала свое царствованіе щедрыми наградами всѣмъ лицамъ, которыя доказали ей свою преданность. Въ числѣ ихъ находился и Дивьеръ, неизмѣнно пользовавшійся расположеніемъ Екатерины и съумѣвшій войдти въ тѣсный кружокъ ея приближенныхъ. Онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, получилъ орденъ св. Александра Невскаго, званіе сенатора и, наконецъ, графскій титулъ. Еще при жизни Петра, Екатерина всякій разъ, когда уѣзжала изъ Петербурга, поручала наблюденію Дивьера свою малолѣтнюю дочь Наталью Петровну и пасынковъ: великаго князя Петра Алексѣевича и его сестру Наталію Алексѣевну. Какъ всегда, точный и исполнительный, Дивьеръ аккуратно два раза въ недѣлю посылалъ государынѣ краткія извѣстія о ходѣ занятій царственныхъ дѣтей. «Ея высочество, всемилостивѣйшая государыня, Наталія Петровна,— писалъ онъ,—и великій князь съ сестрицей обрѣтаются въ добромъ здравіи и охотно всегда въ ученіи пребываютъ», или: «великій князь и великая княжна изволили писать понѣмецки письма собственными своими руками, изъ которыхъ изволите усмотрѣть, кто лучше писалъ, и изволите о томъ отписать особливое письмо на то

имя съ благодареніемъ, дабы могли впредь наилучше писать и читать, и другъ другу будутъ ревновать и отъ ревности лучше будутъ трудиться».

Не смотря на всемогущество и неограниченное вліяніе Меншикова на Екатерину, Дивьеръ былъ защищенъ отъ его вражды личнымъ расположеніемъ къ себѣ государыни, къ которой имѣлъ свободный доступъ во всякое время, считаясь въ царской семьѣ какъ бы домашнимъ человѣкомъ. Екатерина любила веселаго португальца, забавлявшаго ее своими шутками и неистощимыми разсказами. Оставаясь генералъ-полицеймейстеромъ, Дивьеръ исполнялъ разныя другія порученія, по указанію императрицы, и, между прочимъ, былъ даже посланъ однажды въ Курляндію отстаивать русскіе интересы. Почему именно была возложена такая дипломатическая миссія на Дивьера, трудно понять; но для характеристики его необходимо сказать о ней нѣсколько подробнѣе, хотя она и не имѣла никакихъ практическихъ результатовъ.

Съ XVI вѣка Курляндія составляла часть Польскаго королевства, но имѣла свои особые законы, права и учрежденія и наслѣдственно управлялась герцогами изъ потомства знаменитаго Готарда Кетлера. Зависимость отъ Польши, всячески старавшейся уничтожить обособленность герцогства и водворить въ немъ католичество, тяготила курляндцевъ. Во время войны съ Карломъ XII, русскія войска не разъ проходили черезъ Курляндію и долго тамъ квартировали и этимъ положили начало прочнымъ сношеніямъ между Россіей и герцогствомъ. Петръ Великій, сознавая важность тѣснаго сближенія съ Курляндіей, задумалъ достигнуть этого, женивъ молодаго герцога Фридриха-Вильгельма на своей племянницѣ, царевнѣ Аннѣ Ивановнѣ. Петръ далъ за ней въ приданое 200,000 рублей, которые были обращены на выкупъ заложенныхъ герцогскихъ имѣній, но съ тѣмъ, чтобы эти имѣнія, въ свою очередь, служили залогомъ и обезпеченіемъ сдѣланнаго у Анны Ивановны займа. Въ случаѣ смерти герцога, вдовѣ его была выговорена ежегодная пенсія въ 40,000 рублей. Бракъ Анны Ивановны состоялся 31-го октября 1710 года, а черезъ два мѣсяца герцогъ неожиданно умеръ отъ оспы. По праву наслѣдственности, управленіе перешло къ послѣднему потомку Кетлера, дядѣ умершаго герцога, шестидесятилѣтнему герцогу Фердинанду, католику, нелюбимому въ Курляндіи и жившему постоянно въ Данцигѣ. Фердинандъ, вслѣдствіе непріязни къ нему курляндскаго дворянства, остался жить въ Данцигѣ; что же касается Анны Ивановны, то она поселилась въ Митавѣ, приняла въ свое завѣдываніе заложенныя ей дворцовыя имѣнія и старалась образовать около себя партію, расположенную къ Россіи. Такъ какъ Фердинандъ былъ холостъ и старъ, и съ нимъ кончалась династія Кетлеровъ, то курляндцы, тайно стремившіеся къ независимости, сочли необходимымъ еще при его жизни выбрать

себѣ новаго герцога. Но Польшѣ хотѣлось, послѣ смерти Фердинанда, присоединить совершенно Курляндію и раздѣлить ее на воеводства и староства. Для Россіи же представлялось весьма важнымъ, чтобы герцогомъ былъ выбранъ человѣкъ, на котораго она могла бы вліять къ своимъ выгодамъ. Начались, по обыкновенію, разныя интриги, подкупы и т. п. Курляндцы, встревоженные вмѣшательствомъ въ ихъ внутреннія дѣла, рѣшили дѣйствовать независимо и, собравшись въ іюнѣ 1726 года на сеймъ въ Митавѣ, единогласно избрали герцогомъ графа Морица Саксонскаго, побочнаго сына короля Августа II. Морицъ, лично присутствовавшій на сеймѣ, принялъ избраніе, а избиратели послали депутацію къ вдовствующей Аннѣ Ивановнѣ съ предложеніемъ вступить въ бракъ съ новымъ герцогомъ. Анна Ивановна, которой очень нравился Морицъ, готова была обвѣнчаться съ нимъ, но не могла дать положительнаго отвѣта безъ согласія императрицы Екатерины. Рѣшеніе Митавскаго сейма шло въ разрѣзъ политикѣ какъ Польши, такъ и Россіи. Рѣчь Посполитая объявила избраніе Морица незаконнымъ потому, что Курляндія, какъ ленное владѣніе Польши, не могла собственной властью рѣшать такой первостепенный вопросъ, а Россія придралась къ тому, что Морицъ темнаго происхожденія и вслѣдствіе этого не заслуживаетъ герцогской короны и тѣмъ болѣе чести породниться съ императорскимъ россійскимъ домомъ. Это обстоятельство показалось честолюбивому Меншикову удобнымъ для осуществленія давно преслѣдовавшей его мысли— самому сдѣлаться герцогомъ Курляндскимъ. Онъ тотчасъ отправился въ Митаву, объявилъ Аннѣ Ивановнѣ, чтобы она оставила всѣ мечты о бракѣ съ Морицемъ, созвалъ курляндскихъ депутатовъ и гордо потребовалъ, чтобы они низложили Морица и избрали герцогомъ его, угрожая въ противномъ случаѣ ввести въ Курляндію 20,000 русскаго войска. Требованіе Меншикова, предъявленное при томъ же въ самой грубой формѣ, возбудило общее негодованіе. Анна Ивановна писала императрицѣ слезныя письма, горько жалуясь на дѣйствія временщика, а въ Польшѣ заговорили о вооруженномъ сопротивленіи такимъ дерзкимъ притязаніямъ. Екатерина испугалась возможности войны съ поляками и поспѣшно вызвала Меншикова въ Петербургъ. Вскорѣ затѣмъ, на сеймѣ, собранномъ польскимъ королемъ въ Гродно, Рѣчь Посполитая постановила, избраніе Морица уничтожить, рѣшеніе о дальнѣйшей судьбѣ Курляндіи отложить до смерти герцога Фердинанда, назначить особую коммиссію для изслѣдованія дѣла о незаконномъ избраніи и пересмотра курляндской конституціи, съ цѣлью внести въ нее необходимыя измѣненія для предупрежденія на будущее время подобныхъ попытокъ.

Рѣшеніе Гродненскаго сейма произвело въ Курляндіи сильное впечатлѣніе. Съ одной стороны, раздраженіе противъ Польши уси-

лилось до того, что грозило явнымъ ей сопротивленіемъ; съ другой, болѣе робкіе начинали склоняться передъ тяжелою необходимостью и заговорили о присоединеніи Курляндіи къ Польшѣ. Такая развязка была бы въ высшей степени невыгодна для Россіи, и здравая политика повелѣвала предупредить ее. Надо было увѣрить курляндцевъ, что мы готовы защищать ихъ самостоятельность и право избирать герцога, лишь бы онъ не принадлежалъ къ саксонскому дому. Съ такимъ порученіемъ и былъ отправленъ въ Митаву графъ Дивьеръ. Явная цѣль его поѣздки состояла въ томъ, чтобы закупить въ Кенигсбергѣ бархату, парчи, кавалерскихъ уборовъ и проч. для двора; но секретной инструкціей ему предписывалось, проѣздомъ черезъ Митаву, остановиться тамъ подъ благовиднымъ предлогомъ, войти въ сношеніе съ расположенными къ намъ лицами, стараться усилить нашу партію и, если можно, подѣйствовать, хотя бы и деньгами, на ожидавшуюся польскую коммиссію, въ благопріятномъ для Курляндіи смыслѣ.

Дивьеръ явился въ Митаву и употребилъ чисто полицейскій, выходящій изъ дипломатическихъ обычаевъ, способъ для удостовѣренія въ истинныхъ чувствахъ сторонниковъ Россіи. Пріѣхавъ къ гофмейстеру Анны Ивановны, М. П. Бестужеву, безъ шума и огласки, онъ попросилъ его немедленно пригласить къ себѣ всѣхъ тѣхъ курляндцевъ, которые считались нашими приверженцами, не сказавъ имъ о его пріѣздѣ, а самъ спрятался въ смежную комнату, откуда могъ слышать каждое ихъ слово. Приглашенные съѣхались; это были представители многихъ благородныхъ фамилій. Между ними и Бестужевымъ завязался разговоръ, который Дивьеръ внимательно подслушивалъ изъ-за двери. Когда онъ убѣдился, что всѣ собравшіеся уповаютъ только на Россію, то вышелъ къ нимъ, какъ будто только что пріѣхалъ изъ Петербурга, показалъ Бестужеву свою вѣрительную грамоту, а затѣмъ, обратясь къ курляндцамъ, именемъ государыни подтвердилъ имъ, что Россія ни подъ какимъ предлогомъ не допуститъ присоединенія и раздѣла Курляндіи.

Дивьеръ видѣлся также съ главными лицами противной партіи и, наконецъ, съ самимъ Морицемъ, который продолжалъ оставаться въ Митавѣ, упорно отказываясь подчиниться постановленію Рѣчи Посполитой. Морицъ доказывалъ, что если русское правительство рѣшилось поддерживать самостоятельность Курляндіи, то для него безразлично, кто будетъ тамъ герцогомъ, потому что герцогская власть крайне ограничена; онъ увѣрялъ въ своей преданности императрицѣ и предлагалъ дать какое угодно ручательство въ томъ, что никогда не будетъ противиться русскимъ интересамъ. Дивьеръ, повидимому, отнесся къ нему вѣжливо и съ участіемъ, потому что на другой же день получилъ отъ него письмо на французскомъ языкѣ слѣдующаго содержанія:

«Трудно, кажется, придумать болѣе вѣрное средство для утвержденія вѣрности курляндцевъ (относительно Россіи) и для внушенія довѣренности королю (польскому), какъ немедленно заключивъ брачный союзъ (Морица съ Анной Ивановной), и какъ бракъ этотъ упрочиваетъ благоденствіе курляндцевъ, которое вполнѣ согласно съ интересами Россіи, то я осмѣливаюсь предложить вашему сіятельству, не боясь оскорбить васъ, десять тысячъ экю, если вы возьмете на себя этому содѣйствовать. Прошу ваше сіятельство не отказать въ принятіи этой суммы и считать это письмо не чѣмъ инымъ, какъ выраженіемъ моего уваженія; прошу также быть увѣреннымъ, что благодарность моя прекратится только съ моею жизнью, равно какъ и совершенная преданность, съ которою я не перестану быть вашего превосходительства нижайшимъ и покорнѣйшимъ слугой. Морицъ Саксонскій, Митава, 1-го марта 1727 года».

Въ то время гражданская нравственность была очень невысока. Вся политика основывалась главнымъ образомъ на подкупѣ. Ни одинъ посланникъ не уѣзжалъ изъ Петербурга въ Варшаву, или Гродно, безъ особыхъ суммъ, назначенныхъ для раздачи благопріятствовавшимъ намъ лицамъ; въ свою очередь, и иностранные дипломаты щедрой рукой сыпали въ Россіи деньги. Никакая услуга не дѣлалась тогда даромъ. Поэтому письмо Морица является весьма обыкновеннымъ, и намъ кажется, что едва ли бы многіе устояли противъ такого соблазнительнаго предложенія, тѣмъ болѣе, что обманъ постоянно шелъ рука объ руку со взяточничествомъ. Но къ чести Дивьера должно сказать, что онъ оказался довольно рѣдкимъ исключеніемъ изъ тогдашнихъ «новыхъ людей», которые, подобно Меншикову, жадно стремились къ наживѣ, не брезгуя ничѣмъ. Безкорыстіе Дивьера вполнѣ выразилось въ его отвѣтѣ Морицу.

«Полученное мною сего числа письмо, — отвѣчалъ онъ понѣмецки,—повергло меня въ удивленіе и чувствительное волненіе, тѣмъ болѣе что, благодаря Бога, все мое предшествующее поведеніе можетъ служить доказательствомъ, что я неспособенъ не только за нѣсколько тысячъ рейхсталеровъ, но и за сокровища всего свѣта сдѣлать хотя самомалѣйшее отступленіе отъ порученія, возложеннаго на меня иструкціей моей всемилостивѣйшей государыни. Это странное предложеніе, равно какъ и тому подобныя искушенія, предполагающія подлыя и низкія чувства въ томъ, къ кому они относятся, оскорбительны для честнаго человѣка. Въ вышеупомянутомъ дѣлѣ, въ которомъ ея величество удостоила избрать меня мелкимъ орудіемъ своей воли, я буду безъ всякаго уваженія къ видамъ частныхъ лицъ и чуждымъ интересамъ, равно какъ и безъ всякаго посторонняго вознагражденія, исполнять свои обязанности, какъ слѣдуетъ честному человѣку. Но

если бы дѣло это обратилось и въ вашу пользу, то всякій и безъ того долженъ помнить то, къ чему приличіе обязываетъ. Вашъ почтительный и покорнѣйшій слуга графъ Дивьеръ».

Такъ какъ дипломатическое порученіе, возложенное на Дивьера, заключалось лишь въ томъ, чтобы усилить русскую партію въ Курляндіи и завѣрить ее въ поддержкѣ Россіи при сопротивленіи посягательствамъ Рѣчи Посполитой, то онъ послѣ свиданій и разговоровъ съ нашими сторонниками счелъ свое посольство законченнымъ и въ концѣ марта 1727 года уѣхалъ изъ Митавы.

IV.

Здоровье императрицы Екатерины I было уже давно потрясено, и въ началѣ 1727 года появились признаки, не предвѣщавшіе хорошаго исхода. Еще при жизни Петра Великаго вопросъ о томъ, кто будетъ его наслѣдникомъ, сильно волновалъ общество; для многихъ это былъ вопросъ о жизни и смерти, по крайней мѣрѣ, политической. Петръ, вынужденный обстоятельствами, взялъ на себя право назначить себѣ преемника по своему усмотрѣнію. Такое смѣлое рѣшеніе наносило новый ударъ уже расшатанному коренными передѣлками зданію. Приверженцы Екатерины, возведя ее на престолъ, отдалили развязку роковаго вопроса, и теперь онъ снова возникалъ передъ ними со всѣми своими страшными послѣдствіями. Наслѣдниковъ было трое: двѣ дочери Екатерины, Анна, вышедшая замужъ за герцога Голштинскаго, и Елисавета, и внукъ Петра Великаго, двѣнадцатилѣтній великій князь Петръ Алексѣевичъ, сынъ царевича Алексѣя Петровича, отъ брака его съ принцессой Шарлоттой Вольфенбюттельской. Народныя симпатіи всецѣло принадлежали юному Петру; за него стояли всѣ старинные вельможи и вліятельные при русскомъ дворѣ послы Даніи и Австріи. Данія опасалась, чтобы власть не попала въ руки враждебнаго ей герцога Голштинскаго, а Австрія надѣялась на безчисленныя выгоды съ воцареніемъ въ Россіи племянника своей императрицы. Новые люди, «птенцы Петра Великаго», стремились всячески устранить Петра и возвести на престолъ одну изъ дочерей Екатерины. Въ числѣ этихъ новыхъ людей, сильныхъ своими дарованіями и заслугами, находились: Меншиковъ, Толстой, Ягужинскій, Макаровъ и др. Всѣ они были усердными помощниками Петра Великаго въ процессѣ несчастнаго царевича Алексѣя, подписали его смертный приговоръ и опасались, что сынъ жестоко отомститъ имъ за смерть отца. Придумывались разнообразныя комбинаціи (напримѣръ, женить Петра II на Елисаветѣ Петровнѣ), чтобы примирить противоположные интересы, но всѣ онѣ рушились, потому что не удовлетворяли, не гарантировали ту или другую партію. Наконецъ,

датскій посланникъ Вестфаленъ изобрѣлъ планъ, посредствомъ котораго можно было доставить корону Петру. Планъ состоялъ въ томъ, чтобы отнять у партіи, враждебной Петру, ея могущественнаго главу Меншикова и заставить его дѣйствовать въ пользу Петра. Черезъ австрійскаго посланника, графа Рабутина, Меншикову была указана блестящая будущность, которая можетъ его ожидать при Петрѣ, если онъ выдастъ за него замужъ свою дочь, причемъ Рабутинъ, отъ имени австрійскаго императора, обѣщалъ князю первое герцогство, которое только сдѣлается вакантнымъ въ имперіи. Меншиковъ съ радостью принялъ такое предложеніе, дававшее ему неожиданный и прекрасный выходъ изъ его затруднительнаго положенія. Екатерина, всѣмъ обязанная Меншикову, уступила его настойчивымъ просьбамъ и согласилась на этотъ бракъ. Можетъ быть, она сознавала невозможность отстранить отъ престола великаго князя въ пользу одной изъ своихъ дочерей и думала, что упрочиваетъ ихъ положеніе, соединяя съ будущимъ императоромъ человѣка, на признательность котораго имѣла право расчитывать.

Какъ бы то ни было, вопросъ былъ рѣшенъ въ мартѣ 1727 года, и это рѣшеніе привело въ ужасъ цесаревенъ и ихъ приверженцевъ. Обѣ цесаревны бросились къ ногамъ матери, заклиная ее подумать о гибельныхъ послѣдствіяхъ сдѣланнаго ею шага; къ нимъ присоединился и герцогъ Голштинскій. Сначала Екатерина поколебалась, но потомъ, еще разъ секретно переговоривъ съ Меншиковымъ, объявила, что не возьметъ назадъ даннаго ею слова.

Въ это время вернулся въ Петербургъ Дивьеръ. Онъ былъ пораженъ, узнавъ о томъ, что произошло при дворѣ въ его отсутствіе. Смертельный врагъ его, отъ котораго нельзя ждать пощады, дѣлается тестемъ будущаго императора! Екатерина умретъ, и тогда у Меншикова будутъ развязаны руки. Пользуясь малолѣтствомъ государя, онъ захватитъ неограниченную власть и прежде всего обрушится на своихъ недоброжелателей и уничтожитъ ихъ. Дивьеръ видѣлъ впереди неизбѣжную гибель и терялъ голову, не зная, что предпринять, гдѣ искать спасенія...

Между тѣмъ, Толстой [1]) старался сплотить около себя единомышленниковъ, чтобы совмѣстно съ ними направить противъ Меншикова всѣ усилія и пружины, и убѣдить Екатерину отступиться отъ принятаго ею рѣшенія. Однако, дѣло оказалось труднымъ. Многіе, почуявъ, гдѣ сила, уже передались на сторону Меншикова, или благоразумно устранялись, выжидая дальнѣйшихъ событій.

---

[1]) Толстой особенно боялся воцаренія Петра II, такъ какъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ дѣятелей въ процессѣ царевича Алексѣя Петровича. Онъ обманнымъ образомъ выманилъ его изъ-за границы и предалъ въ руки грознаго отца.

Толстому явно сочувствовали лишь герцогъ Голштинскій, его министръ Бассевичъ, престарѣлый генералъ И. И. Бутурлинъ, А. Л. Нарышкинъ, Скорняковъ-Писаревъ, Ушаковъ и князь И. Долгорукій.

Узнавъ, что Дивьеръ вернулся изъ Митавы, Толстой поспѣшилъ пріѣхать къ нему.

— Знаешь ли ты,—спросилъ Толстой,—о сватовствѣ великаго князя на дочери Меншикова?

— Слышалъ объ этомъ,—отвѣчалъ Дивьеръ,—и удивляюсь, что же вы молчите? Меншиковъ овладѣлъ всѣмъ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ. Лучше было бы, если бы меня въ верховный совѣтъ опредѣлили.

— Надо,—продолжалъ Толстой,—обстоятельно представить государынѣ о всѣхъ послѣдствіяхъ, которыя могутъ произойдти. Меншиковъ и такъ великъ, въ милости, и ежели сдѣлается по волѣ ея величества, не будетъ ли послѣ изъ того государынѣ какая противность? Онъ захочетъ больше добра великому князю, сдѣлаетъ его наслѣдникомъ, и бабушку его [1]) велитъ сюда привезти, а она нрава особливаго, жестокосерда, захочетъ выместить злобу и дѣла, которыя были при блаженной памяти государѣ, опровергнуть. Необходимо все это объяснить государынѣ, пусть ей будетъ извѣстно. По моему мнѣнію, лучше всего, чтобъ ея величество, ради собственнаго своего интереса, короновала при себѣ цесаревну Елисавету Петровну, или Анну Петровну, или обѣихъ вмѣстѣ. Тогда государынѣ будетъ благонадежнѣе, потому что онѣ родныя ея дѣти. Что касается великаго князя, то когда онъ здѣсь научится, то можно его послать за море погулять, какъ посылаются прочіе европейскіе принцы, а тѣмъ временемъ коронація утвердится.

Дивьеръ согласился со всѣмъ, что говорилъ Толстой, хотя, въ сущности, ему было все равно, кто наслѣдуетъ Екатеринѣ. Онъ боялся лишь одного—усиленія могущества Меншикова, и желалъ устраненія Петра единственно потому, что тотъ вступалъ въ бракъ съ дочерью его врага.

Пока Толстой переговаривался и обсуждалъ планъ дѣйствій то съ герцогомъ Голштинскимъ, то съ Бутурлинымъ, то съ Дивьеромъ и другими, рѣшительная минута наступила ранѣе, нежели ее ожидали. 10-го апрѣля у императрицы открылась горячка. Меншиковъ безотлучно находился при больной, подносилъ къ ея подписи указы и, вмѣстѣ съ канцлеромъ Головкинымъ, княземъ Д. М. Голицынымъ и Остерманомъ, сочинилъ для нея духовное завѣщаніе, которымъ наслѣдникомъ престола назначался великій князь Петръ Алексѣевичъ, причемъ цесаревнамъ и «администраціи» вмѣнялось

---

[1]) Царицу Евдокію Өедоровну, постриженную Петромъ Великимъ и заточенную въ монастырѣ.

въ «обязанность» стараться о бракосочетаніи его съ дочерью князя Меншикова; въ вознагражденіе того, что цесаревны «уклонены отъ наслѣдства отца своего», опредѣлялось выдать каждой изъ нихъ, сверхъ 300.000 приданаго, еще по одному милліону наличными деньгами; до совершеннолѣтія Петра, управленіе государствомъ сосредоточивалось въ верховномъ тайномъ совѣтѣ.

Такимъ образомъ, Меншиковъ достигъ своихъ цѣлей и торжествовалъ. Оставалось только поскорѣе отдѣлаться отъ враговъ, и онъ нетерпѣливо добивался случая, который далъ бы ему возможность однимъ разомъ сокрушить ихъ. Случай этотъ не замедлилъ представиться, благодаря необъяснимой неосторожности Дивьера, сдѣланной, по всей вѣроятности, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, ибо онъ, по тогдашнему обычаю, любилъ выпить и часто безъ мѣры.

26-го апрѣля, состоялся высочайшій указъ о назначеніи особой слѣдственной комиссіи для суда надъ Дивьеромъ, обвинявшимся въ слѣдующихъ преступленіяхъ:

«1) Понеже объявили намъ ихъ высочества, государыни цесаревны, что сего апрѣля 16-го дня, во время нашей, по волѣ Божьей, прежестокой болѣзни пароксизмуса, всѣ доброжелательные наши подданные были въ превеликой печали, а Антонъ Дивьеръ, въ то время будучи въ домѣ нашемъ, не только не былъ въ печали, но и веселился, и плачущую Софью Карлусовну (Скавронскую, племянницу императрицы) вертѣлъ вмѣсто танцевъ и говорилъ ей: «не надобно плакать». 2) Въ другой палатѣ самъ сѣлъ на кровать и посадилъ съ собою его высочество великаго князя и нѣчто ему на ухо шепталъ; въ тотъ часъ и государыня цесаревна, Анна Петровна, въ безмѣрной бывъ печали и стоявъ у стола, въ той же палатѣ плакала; и въ такой печальный случай онъ, Дивьеръ, не вставъ противъ ея высочества и не отдавъ должнаго рабскаго респекта, но въ злой своей предерзости говорилъ ея высочеству, сидя на той кровати: «о чемъ печалишься! выпей рюмку вина». И говорилъ то, смѣясь, и предъ ея высочествомъ по рабской своей должности не вставалъ и респекта не отдавалъ. 3) Когда выходила въ ту палату государыня цесаревна Елисавета Петровна въ печали и въ слезахъ, и предъ ея высочествомъ по рабской своей должности не вставалъ и респекта не отдавалъ, и смѣялся о нѣкоторыхъ персонахъ. 4) Его высочество великій князь объявилъ, что Дивьеръ, въ то время, посадя его съ собою на кровати, говорилъ ему: «поѣдемъ со мной въ коляскѣ, будетъ тебѣ лучше и воля, а матери твоей не быть уже живой». И притомъ его высочеству напоминалъ, что его высочество сговорился жениться, а они за его невѣстою будутъ волочиться, а его высочество будетъ ревновать».

Дивьеръ отвѣчалъ, что 16-го апрѣля, въ домѣ ея величества, въ покояхъ, гдѣ дѣвицы сидятъ, попросилъ онъ у лакея пить и

назвалъ его Егоромъ; князя Никиту Трубецкаго называли шутя товарищи его Егоромъ, и когда онъ, Дивьеръ, попросилъ у лакея пить и назвалъ его Егоромъ, то Трубецкой на это слово обернулся, и всѣ засмѣялись; великій князь спросилъ у него: «чему вы смѣетесь?», и онъ, Дивьеръ, ему объяснилъ, что Трубецкой этого не любитъ, и шепнулъ на ухо, что онъ къ тому же и ревнивъ. Софью Карлусовну вертѣлъ ли, не помнитъ. Цесаревнѣ Аннѣ Петровнѣ говорилъ упомянутыя слова, утѣшая ее. Цесаревна Елисавета Петровна сама не велѣла никому вставать. Великому князю означенныхъ въ обвиненіи словъ не говорилъ, а прежде говаривалъ часто, чтобъ изволили учиться, а какъ надѣлъ кавалерію, худо учится, и еще какъ сговоритъ жениться, станетъ ходить за невѣстою и будетъ ревновать, и учиться не станетъ.

Но Меншикову нужно было знать не то, чему смѣялся Дивьеръ и что онъ болталъ спьяна. Ему нужно было, чтобы онъ выдалъ своихъ пріятелей. Поэтому на отвѣтѣ Дивьера отъ имени императрицы послѣдовала такая резолюція: «Мнѣ о томъ великій князь самъ доносилъ самую истину; я и сама его, Дивьера, присмотрѣла въ его противныхъ поступкахъ и знаю многихъ, которые съ нимъ сообщники были, и понеже оное все чинено отъ нихъ было къ великому возмущенію, того ради объявить Дивьеру послѣднее, чтобъ онъ объявилъ всѣхъ сообщниковъ».

Дивьеръ пробовалъ было запираться; но покорные Меншикову слѣдователи не стали съ нимъ церемониться. Его вздернули на дыбу, и послѣ двадцать пятаго удара онъ повинился во всемъ, назвалъ всѣхъ единомышленниковъ и сообщилъ свои разговоры съ ними. Меншиковъ страшно торопилъ слѣдственную коммиссію; она такъ поспѣшно вела дѣло, что окончила его въ десять дней. Въ докладѣ, представленномъ ею 6-го мая императрицѣ, было сказано, что преступники дерзали опредѣлять наслѣдника россійскаго престола по своему произволу, и замышляли противиться сватанью великаго князя, происходившему по высочайшей волѣ.

За нѣсколько часовъ до своей кончины, умирающая императрица слабѣющей рукой подписала указъ о наказаніи виновныхъ: «Дивьера и Толстова, лишивъ чина, чести и данныхъ деревень, сослать: Дивьера въ Сибирь; Толстова съ сыномъ Иваномъ въ Соловки; Бутурлина, лиша чиновъ, сослать въ дальнія деревни; Скорнякова-Писарева, лиша чиновъ, чести, деревень и, бивъ кнутомъ, послать въ ссылку; князя Ивана Долгорукова отлучить отъ двора и, унизя чиномъ, написать въ полевые полки; Александра Нарышкина лишить чина и жить ему безвыѣздно въ деревнѣ; Ушакова опредѣлить къ командѣ, гдѣ слѣдуетъ». Сдавая этотъ указъ для исполненія, Меншиковъ велѣлъ прибавить къ нему слова: «Дивьеру, при ссылкѣ, учинить наказаніе, бить кнутомъ».

15-го мая приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе. Несчаст-

наго Дивьера, еще не оправившагося отъ пытокъ, раздѣли и привязали къ «кобылѣ», и палачъ, который до сихъ поръ находился въ его распоряженіи и не разъ подвергался отъ него батогамъ за пьянство и другіе проступки, обрадовался случаю выместить на немъ свою злобу. По словамъ очевидцевъ, онъ съ такимъ расчитаннымъ звѣрствомъ наказывалъ своего бывшаго начальника, что каждый ударъ по спинѣ ложился одинъ къ другому, и не осталось ни одного мѣста, не затронутаго кнутомъ.

Меншиковъ не пощадилъ и свою сестру. Ей было велѣно ѣхать на жительство съ четырьмя малолѣтними дѣтьми въ деревню. Пожалованная Петромъ Великимъ Дивьеру за службу, въ Ямбургскомъ уѣздѣ, деревня Зигорица была отобрана и подарена штабълекарю Ягану Шульцу.

V.

Ненависть Меншикова къ Дивьеру и Скорнякову-Писареву, съ которымъ у него также были старинные счеты, не удовлетворилась понесенными ими униженіемъ и позоромъ. Съ свойственной ему жестокостью, онъ придумалъ для нихъ новую пытку, назначивъ мѣстомъ ссылки обоихъ Жиганское зимовье, въ Якутской области, на пустынномъ берегу Лены, въ 9.000 верстахъ отъ Петербурга и 800 отъ Якутска. Въ этомъ безлюдномъ мѣстѣ, куда только изрѣдка наѣзжали подъячій и переводчикъ для сбора ясака съ окрестныхъ якутовъ и тунгусовъ, ссыльные были совершенно отрѣзаны отъ всего міра, нуждались во всемъ необходимомъ, по цѣлымъ мѣсяцамъ были вынуждены питаться однимъ хлѣбомъ и рыбой, и даже рѣдко могли видѣться другъ съ другомъ, потому что сторожившему ихъ караулу было строго приказано не допускать общенія ихъ съ кѣмъ бы то ни было.

Паденіе Меншикова, смерть Петра II и восшествіе на престолъ Анны Ивановны прошли для нихъ безслѣдно. Неизвѣстно, почему Анна Ивановна и Биронъ не захотѣли облегчить участи Дивьера. Можетъ быть, у него были какія нибудь непріятныя столкновенія съ ними во время посылки его въ Курляндію, или, зная его за преданнаго слугу семьи Петра Великаго, они боялись, что, вернувшись въ Петербургъ, онъ явится дѣятельнымъ сторонникомъ устраненной отъ престола и любимой народомъ цесаревны Елисаветы.

Счастіе улыбнулось Скорнякову-Писареву ранѣе Дивьера. По окончаніи первой экспедиціи капитанъ-командора Беринга въ Камчатку, правительство нашло необходимымъ учредить въ Охотскомъ острогѣ, вмѣсто ясачной избы, охотское управленіе, независимое отъ Якутска, и устроить при устьѣ рѣки Охоты портъ. Дѣльныхъ администраторовъ въ Сибири не было, и Берингъ указалъ на Скор-

някова-Писарева, какъ на человѣка способнаго и наиболѣе подходящаго для такого дѣла, тѣмъ болѣе, что онъ хорошо изучилъ инженерное и водяное искусство, состоя долгое время при Минихѣ во время сооруженія Ладожскаго канала. Согласно представленію Беринга, 23-го апрѣля 1731 года, сибирскій приказъ получилъ изъ сената указъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: «Григорій Скорняковъ-Писаревъ, который сосланъ въ Сибирь на поселеніе и находится въ Жиганскомъ зимовьѣ, опредѣленъ въ Охотскъ съ тѣмъ, чтобы онъ имѣлъ главную команду надъ тѣмъ мѣстомъ». Жалованья ему назначалось 300 рублей въ годъ, «да хлѣба всякаго, какимъ онъ взять хочетъ», по сту четвертей и вина простаго по сту ведеръ въ годъ. Ему поручалось главнымъ образомъ заселить Охотскъ, завести тамъ верфь, устроить пристань, построить суда для перевозки изъ Камчатки мягкой рухляди и приложить стараніе о развитіи тамъ хлѣбопашества. На первое время, для поселенія въ Охотскѣ, были отправлены, вмѣсто каторги, неоплатные должники, въ числѣ 153 человѣкъ.

Скорняковъ-Писаревъ былъ дѣйствительно человѣкъ очень способный и умный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вздорный, неуживчивый, безъ всякихъ нравственныхъ правилъ, не чистый на руку. Еще не доѣхавъ до Охотска, онъ уже поссорился съ якутскимъ воеводой Жадовскимъ, а на мѣстѣ у него начались постоянныя пререканія съ Берингомъ, капитаномъ Шпанбергомъ, возникли недоразумѣнія съ подчиненными, посыпались жалобы и доносы. Онъ предавался въ Охотскѣ пьянству и разврату, велъ самую разгульную жизнь, окружилъ себя цѣлымъ гаремомъ, бралъ взятки, не выдавалъ служащимъ жалованье, былъ жестокъ до звѣрства и т. п. Слухи о безчинствахъ Писарева дошли, наконецъ, до императрицы, и 13-го апрѣля 1739 года послѣдовалъ указъ: «На мѣсто въ Охотскѣ командира Григорія Скорнякова-Писарева опредѣлить изъ ссылочныхъ Антона Дивьера; а жалованье давать по тому-жъ, какъ опредѣлено Скорнякову-Писареву». Сибирскій приказъ 28-го августа сообщилъ объ этомъ Дивьеру, предписывая ему немедленно отправиться въ Охотскъ и при отправленіи принять присягу и прислать ее въ сенатъ. «И велѣно тебѣ, — говорилось въ предписаніи приказа,—по прибытіи въ Охотскъ, смѣнить Писарева и поступать во всемъ по его инструкціи. А Писарева, по смѣнѣ, держать подъ арестомъ, а о доносахъ Беринга, Шпанберга и его, Писарева, другъ на друга, изслѣдовать накрѣпко». Вмѣстѣ съ тѣмъ, было написано и Писареву, чтобы онъ былъ послушенъ Дивьеру.

Въ апрѣлѣ 1740 года Дивьеръ былъ уже въ Иркутскѣ, а 8-го мая въ Верхоленскомъ острогѣ, откуда просилъ выслать къ нему изъ Иркутска приказныхъ. Въ какомъ именно мѣсяцѣ онъ прибылъ въ Охотскъ неизвѣстно, но только первое донесеніе его оттуда было отъ ноября 1740 года. Онъ нашелъ Охотскій портъ и

команду въ самомъ бѣдственномъ положеніи: «люди претерпѣвали голодъ, малымъ пропитаніемъ едва дни живота своего препровождали».

Съ обычной своей энергіей и добросовѣстностью Дивьеръ принялся за устраненіе безпорядковъ и злоупотребленій и приведеніе въ порядокъ ввѣреннаго ему дѣла. Онъ употребилъ всѣ средства порта на постройку необходимыхъ зданій и судовъ, снарядилъ всѣмъ нужнымъ Беринга для его второй экспедиціи, и даже завелъ школу, которая послужила основаніемъ штурманскому училищу сибирской флотиліи. Школа эта существовала болѣе ста лѣтъ и была разсадникомъ образованія для всего сѣверо-восточнаго края Сибири. По вступленіи своемъ въ командованіе портомъ, Дивьеръ арестовалъ Писарева, описалъ его имущество, продалъ часть съ аукціоннаго торга и вырученныя деньги употребилъ на удовлетвореніе команды жалованьемъ, котораго она не получала нѣсколько лѣтъ. При слѣдствіи, Дивьеръ раскрылъ всѣ злоупотребленія своего предшественника и донесъ о нихъ сенату. Донесеніе это было получено въ Петербургѣ за нѣсколько дней до вступленія на престолъ Елисаветы Петровны и послужило имъ обоимъ въ пользу. Императрица вспомнила о нихъ, и 1-го декабря 1741 года состоялся именной указъ: «Обрѣтающимся въ Сибири Антону Дивьеру и Скорнякову-Писареву вины ихъ отпустить и изъ ссылки освободить». Указъ этотъ былъ полученъ въ Иркутскѣ 3-го марта, а въ Охотскѣ 26-го іюня 1742 года. Писаревъ въ это время все еще содержался подъ арестомъ.

11-го іюля Дивьеръ сдалъ свою должность и выѣхалъ изъ Охотска, а вслѣдъ за нимъ отправился и Писаревъ. По возвращеніи ихъ въ столицу, высочайшимъ указомъ 23-го апрѣля 1743 года, имъ возвращены прежніе чины, ордена и имѣнія, а Дивьеру и графское достоинство съ назначеніемъ снова генералъ-полицеймейромъ столицы.

Но Дивьеру недолго пришлось пользоваться возвращенными ему благами жизни. Пятнадцатилѣтнія страданія и лишенія совершенно надломили его здоровье; онъ постоянно хворалъ и умеръ 24-го іюня 1745 года.

Въ настоящее время, на Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры можно отыскать, хотя и не безъ труда, полувросшую въ землю, расколотую плиту, прикрывающую прахъ перваго петербургскаго генералъ-полицеймейстера, на которой еще уцѣлѣла надпись: «Генералъ-аншефъ графъ Антонъ Мануиловичъ Дивьеръ... погребенъ 27-го іюня 1745 года».

С. Шубинскій.

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ РОССІИ.

> «Переселенія русскаго народа и колонизаціонная его дѣятельность составляютъ весьма видный актъ народной исторія. Но, играя видную роль въ прошломъ, переселенческій вопросъ обѣщаетъ играть еще большую роль въ будущемъ».
>
> Н. М. Ядринцевъ.

ОДНОЮ изъ наиболѣе выдающихся чертъ русской исторіи является постоянное расширеніе границъ государства и распространеніе народности, ассимилирующей въ себѣ чуждые элементы. Узкая сравнительно полоса земли отъ Кіева до Новгорода, составлявшая Русь при образованіи государства, была тою основною клѣткой, къ которой постепенно присоединялись, въ видѣ новыхъ земель, другія клѣтки, составившія громадное тѣло—современное Русское государство. А такъ какъ всякое движеніе направляется въ сторону наименьшаго сопротивленія, то и русскіе, въ своихъ завоеваніяхъ и колонизаціи, большею частію идутъ въ мѣста малонаселенныя и притомъ обитаемыя некультурными племенами. Сначала Русь расширялась на сѣверо-востокъ, и это продолжалось до тѣхъ поръ, пока она не встрѣтила естественныхъ границъ, въ видѣ Сѣвернаго и Великаго океановъ. Затѣмъ начинается, не кончившееся и до сихъ поръ, движеніе на юго-востокъ, къ предѣламъ Индіи и Китая.

При этомъ наши политическія границы обыкновенно идутъ далѣе границъ этнографическихъ, и въ настоящее время на окраи-

нахъ имперіи русскій элементъ представленъ еще очень слабо. Зато можно положительно сказать, что въ то время, какъ территоріальному увеличенію скоро долженъ наступить конецъ, такъ какъ границы Россіи подошли или къ морямъ, или къ владѣніямъ другихъ могущественныхъ народовъ, процессъ распредѣленія населенія по этой территоріи еще очень далекъ отъ своего завершенія. Русское племя, сосредоточенное до сихъ поръ главнымъ образомъ въ Европейской Россіи, ежегодно выдѣляетъ изъ себя значительное количество эмигрантовъ, направляющихся на юго-востокъ государства. Особенно много колонистовъ привлекаютъ Уфимско-Оренбургскій край, южныя части Тобольской и Томской губерній, Минусинскій округъ, Амуръ, Южно-Уссурійскій край, Кавказъ и средне-азіатскія владѣнія. То-есть основная тенденція современнаго переселенческаго движенія та же самая, что и территоріальнаго расширенія послѣдняго періода нашей исторіи.

Особенно важенъ въ этомъ отношеніи переживаемый нами моментъ. Никогда совершенно не прекращавшееся стремленіе народныхъ массъ къ занятію «вольныхъ земель», стремленіе отъ старыхъ историческихъ центровъ къ периферіи государства, на его окраины, въ послѣдніе годы пріобрѣтаетъ все большую и большую интенсивность, принимаетъ все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Оно выражается теперь въ столь рельефныхъ очертаніяхъ, что уже рѣдко кто рѣшается высказать мнѣніе о случайности этого явленія или объяснять его «какимъ-то, спеціально якобы присущимъ русскому народу, духомъ бродяжничества, склонностью къ безцѣльному шатанію по широкому раздолью родной земли». Современное переселенческое движеніе обусловлено существенными причинами, аналогичными тѣмъ, которыя заставляли русскаго человѣка покидать насиженныя мѣста и уходить въ неизвѣстную даль въ старые годы, когда онъ несъ культуру въ дикіе края, прорубалъ непроходимые лѣса, оживотворялъ пустыни. Особенно поучительна съ этой точки зрѣнія исторія заселенія Сибири, куда и теперь направляется главный потокъ нашей колонизаціи, обѣщающій въ ближайшемъ будущемъ превратиться въ многоводную рѣку. Кромѣ причинъ общаго характера, обусловливающихъ колонизаціонное движеніе настоящаго времени и не обнаруживающихъ тенденціи вскорѣ прекратить свое дѣйствіе, на усиленіе этого движенія, безъ сомнѣнія, окажетъ вліяніе и строящаяся теперь Сибирская желѣзная дорога. Эта дорога должна быть «великимъ народнымъ дѣломъ» не только потому, что, соединивъ берега Великаго океана съ Европейской Россіей, дастъ намъ возможность прочно укрѣпиться на дальнемъ Востокѣ, но также, и гораздо болѣе, потому, что она придетъ на помощь народнымъ массамъ въ дѣлѣ заселенія далекихъ окраинъ, облегчитъ имъ трудный путь.

Колонизаціонная дѣятельность русскаго народа, по переходѣ

предѣловъ Европы, началась заселеніемъ сѣверо-западной окраины Сибири. Сибирь же, въ ея южной и восточной частяхъ, съ «благодатнымъ» Алтаемъ, съ богатыми областями Амура и Уссури и пр., является цѣлью путешествія и большинства современныхъ русскихъ переселенцевъ. Исторія ея заселенія есть собственно исторія русской колонизаціи въ Азіи, и потому, для выясненія главныхъ чертъ этого явленія, мы должны обратить вниманіе преимущественно на сибирскую колонизацію.

Самое присоединеніе къ Россіи обширныхъ пространствъ Сибири было не столько правительственнымъ, сколько народнымъ дѣломъ, подвигомъ народной массы, стремившейся на Востокъ, «на вольное житье». Бѣглые всякаго рода, заселяя пустынныя мѣстности за Камой и отражая инородцевъ, постепенно подвигаютъ на востокъ фактическія границы государства въ XVI вѣкѣ. Наиболѣе выдающимся моментомъ въ этомъ движеніи «бродячей руси» является побѣдоносный походъ Ермака, съ горстью людей «убійственныхъ и храбрыхъ». Дальнѣйшее завладѣніе Сибирью не представляло уже никакой трудности и совершилось съ необыкновенною быстротою. Небольшіе отряды правительства и частныхъ промышленниковъ, постепенно углубляясь въ глубь страны, строятъ городки и остроги, гарнизоны которыхъ и составляютъ первоначальный контингентъ русскаго населенія Сибири.

Народный элементъ, игравшій столь видную роль въ завоеваніи этой страны, оказалъ еще болѣе существенную услугу государству въ дѣлѣ укрѣпленія за Россіей новопріобрѣтенныхъ земель, въ ихъ колонизаціи. Послѣдняя, съ конца XVI вѣка и до нашихъ дней, выражается въ двухъ формахъ: правительственной и вольно-народной.

Московское правительство населяло «дальнюю государеву вотчину» то «по прибору», то «по указу», то-есть или вызывая желающихъ переселиться въ Сибирь и обѣщая за это значительныя льготы, или просто приказывая извѣстнымъ лицамъ отправиться туда и давая имъ «подмогу». Иногда правительство само «прибирало» переселенцевъ «на государеву пашню», а иногда возлагало приборъ опредѣленнаго числа крестьянъ на какую нибудь область, въ видѣ повинности. Такъ, въ 1590 году было приказано въ Соли-Вычегодской и въ уѣздѣ прибрать въ Сибирь 30 семействъ пашенныхъ крестьянъ, причемъ требовалось, чтобы каждое семейство имѣло «по три мерина добрыхъ, по три коровы, по двѣ козы, по три свиньи, по пяти овецъ, по два гуся, по пяти куръ, по двѣ утки, хлѣба на годъ, соху для пашни, сани, телѣгу и всякую житейскую рухлядь». Въ такихъ случаяхъ сами жители данной области прибирали желающихъ отправиться въ Сибирь и давали имъ «подмогу». Упомянутыя 30 семействъ получили по 50-ти рублей. «Отсюда видно,—замѣчаетъ одинъ изслѣдователь,—что пра-

вительство заботилось о томъ, чтобы крестьяне переселялись въ Сибирь съ полнымъ хозяйствомъ: на 50 рублей въ то время можно было купить все то, что долженъ былъ имѣть, по указанію правительства, каждый прибранный крестьянинъ въ Сольвычегодской волости. Но бывали примѣры, что такіе посошные [1]) крестьяне получали подъемныхъ денегъ по 135 рублей». Примѣръ поучительный и для нашего времени,—замѣтимъ мы отъ себя.

«По государеву указу» переводились крестьяне изъ дворцовыхъ селъ и преступники. Вопреки господствовавшему ранѣе взгляду, по которому ссылка «у древнихъ русскихъ царей была мѣрой чисто административной и почти всегда сопровождалась заточеніемъ» (г. Ядринцевъ), тщательное изученіе документальныхъ данныхъ привело г. Буцинскаго къ выводу, что московское правительство прежде всего смотрѣло на ссылку въ Сибирь, какъ на средство колонизаціи этого края [2]). Ссыльныхъ обыкновенно или «верстали въ службу», давая имъ при этомъ, какъ и прочимъ служилымъ людямъ, «государево денежное и хлѣбное жалованье», или «сажали на государеву пашню»; въ послѣднемъ случаѣ «разбойникъ и душегубецъ» надѣлялся значительнымъ кускомъ земли, получалъ деньги на первое обзаведеніе хозяйствомъ и пользовался «мѣсячиной» изъ царскихъ житницъ до тѣхъ поръ, пока не получалъ хлѣба съ собственной пашни, первыя сѣмена для которой также выдавались ему изъ царскихъ житницъ.

Но, не смотря на такую организацію, правительственныя переселенія далеко не всегда достигали своей цѣли, и не правительству принадлежитъ заслуга настоящаго заселенія Сибири. Казенные переселенцы часто бѣгали изъ Сибири, иногда не дойдя даже до мѣста назначенія; многіе гибли вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій мѣстности, назначенной для ихъ поселенія. «Не мало было создано искусственныхъ деревень и городовъ, которые послѣ падали и теряли значеніе». Но всего важнѣе то, что эта «искусственная и принудительная колонизація не можетъ создать настоящаго импульса жизни, здѣсь не достаетъ живой силы, могучей воли, энергіи, творчества, народнаго вдохновенія. Сама по себѣ, она не создала бы Сибири, не заселила бы всѣхъ пространствъ ея, не одухотворила бы жизнью и не привлекла бы къ работѣ такую массу населенія» [3]). Это—дѣло добровольной, вольно-народной колонизаціи.

«Неправительственная колонизація,—читаемъ въ LX «Спискѣ населенныхъ мѣстъ Россійской имперіи»,—какъ кажется, шла

---

[1]) Такъ назывались они потому, что расходы на подмогу имъ разверстывались между остающимися на родинѣ «посошно».

[2]) П. Н. Буцинскій. Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ. Харьковъ. 1889.

[3]) Н. М. Ядринцевъ. Сибирь какъ колонія. Спб. 1882.

значительно быстрѣе правительственной. Сибирь, по покореніи ея, открылась привольною страною, въ которой могли найти успокоеніе всѣ недовольные условіями своей прежней жизни. Подъ прикрытіемъ лѣсовъ и болотъ, а также при не водворенномъ еще порядкѣ даже между слабосильными инородцами, сюда бѣжали воры, грабители, разбойники и разные преступники, раскольники, крѣпостные отъ своихъ господъ, люди, избѣгавшіе рекрутчины и платежа государственныхъ повинностей, и вообще всѣ тѣ, которые по какимъ либо причинамъ считали свободнѣе жить въ привольныхъ и никѣмъ не занятыхъ обширныхъ пространствахъ Зауралья».

Отмѣна Юрьева дня при Ѳедорѣ Ивановичѣ имѣла своимъ послѣдствіемъ массовое бѣгство «за Камень» вновь прикрѣпленнаго народа. Сибирскіе воеводы, дорожившіе приростомъ населенія, скрывали бѣглыхъ, да и само московское правительство «смотрѣло сквозь пальцы на эту нелегальную колонизацію Сибири, и если по челобитью владѣльцевъ и приказывало воеводамъ содѣйствовать послѣднимъ въ отысканіи холоповъ, то только для того, чтобы удовлетворить челобитчиковъ». Но какъ прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ было только началомъ почти трехвѣковаго народнаго бѣдствія, такъ и бѣгство ихъ въ Сибирь не ограничилось первымъ только временемъ крѣпостнаго періода. Волна бѣгущаго изъ Европейской Россіи народа никогда не уничтожалась. Она лишь то опускается, то поднимается, въ зависимости отъ того, на сколько сносно живется крестьянину на родинѣ. Особенно высоко поднялась эта волна во время народныхъ волненій и послѣ строгихъ указовъ противъ раскольниковъ въ XVII вѣкѣ. Массовыя переселенія того времени внушаютъ серьезныя опасенія правительству, которое въ 1683 году предписываетъ поставить «заставы крѣпкія», чтобы запретить бѣглымъ перебираться въ Сибирь. Но это не положило предѣла бѣгству народа «изъ-подъ ига крѣпостнаго права, отъ безурядицы, смуты, гнета суровой регламентаціи, непосильныхъ тягостей и злоупотребленій». «По длинной границѣ отъ Верхотурья до Исети,—говоритъ старый историкъ Сибири,—тогдашняя власть не могла удержать людей; наконецъ, многіе воеводы находили свой расчетъ потворствовать преумноженію переселенцевъ, которые не прежде обнаруживались, когда разрубятъ лѣса и поднимутъ пашенные выгоны». Узнавши о новыхъ починкахъ, заимкахъ и цѣлыхъ деревняхъ, часто долгое время спустя послѣ ихъ основанія, власти облагали ихъ оброкомъ и десятинною пашней.

Преслѣдованія противъ бѣглыхъ, начавшіяся съ половины XVIII вѣка, заставляли ихъ забираться въ самыя глухія, лѣсистыя мѣста Сибири и повліяли на уменьшеніе числа переселенцевъ. Тѣ же слѣдствія имѣли и мѣры противъ переселенія въ Сибирь крѣпостныхъ крестьянъ, принимавшіяся въ первой половинѣ настоящаго столѣтія. Легально могли переселяться только государ-

ственные крестьяне, которые въ 1847—1855 годахъ широко воспользовались вызовомъ правительства, предоставлявшаго имъ различныя льготы и вспомоществованіе; имъ выдавались кормовыя деньги во время пути и субсидіи на обзаведеніе хозяйствомъ на новомъ мѣстѣ. Такъ, въ одномъ 1854 году въ Тобольскую и Томскую губерніи было приписано 19.163 души; число переселившихся въ одну Томскую губернію съ 1852 года по 1863 годъ опредѣляется въ 18.340 душъ.

Неблагопріятныя условія крестьянскаго хозяйства, отчасти созданныя великою реформою 19-го февраля 1861 года, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе даютъ себя чувствовать; а вмѣстѣ съ этимъ замѣчается постепенное усиленіе переселенческаго движенія. Теперь крестьяне всѣхъ наименованій въ отношеніи переселенія поставлены въ одинаковыя условія: переселенцы изъ государственныхъ крестьянъ не пользуются болѣе правительственною помощью, а частновладѣльческіе получаютъ свободу передвиженія (они составляютъ въ настояще время около 60% всѣхъ переселенцевъ). Тѣмъ и другимъ предоставлено право двигаться, съ надлежащаго разрѣшенія, на собственный счетъ и устроиваться, какъ могутъ. На практикѣ дѣло приняло такой видъ: одни изъ переселенцевъ берутъ приговоры отъ обществъ, а другіе, и большая часть, отправляются по паспортамъ, по которымъ и живутъ продолжительное время на новыхъ мѣстахъ. На этихъ послѣднихъ администрація долго смотрѣла, какъ на какихъ-то бѣглыхъ, «самовольныхъ» переселенцевъ, противъ которыхъ въ 70-хъ годахъ принимались довольно крутыя мѣры. Мѣстнымъ властямъ предписывалось «слѣдить за тѣмъ, чтобы переселенцы имѣли всѣ нужные документы по перечисленію: иначе имъ не дозволялось водвореніе и обзаведеніе; это значило, что предоставлялось высылать ихъ на мѣсто жительства этапнымъ порядкомъ», хотя многіе изъ нихъ жили въ Сибири 15—17 лѣтъ и давно уже обзавелись хозяйствомъ. Но первыя же попытки водворенія переселенцевъ «на мѣста жительства», гдѣ у нихъ рѣшительно ничего не оставалось, показали всю нераціональность этой мѣры, не говоря уже о ея жестокости. Хотя такіе переселенцы до сихъ поръ признаются самовольными, но получаютъ земли и перечисляются изъ прежнихъ обществъ въ новыя, причемъ дѣло не обходится безъ значительныхъ хлопотъ и недоразумѣній.

Активное участіе правительство принимало во все это время только въ колонизаціи Амурской области и Южно-Уссурійскаго края. По проекту, составленному графомъ Муравьевымъ-Амурскимъ вскорѣ послѣ Айгунскаго трактата, предполагалось заселить эти края преимущественно добровольными переселенцами. Весною 1859 года 290 семей (2.383 души) государственныхъ крестьянъ изъ губерній Воронежской, Тамбовской, Пермской и Вятской были отправлены сухимъ путемъ на Амуръ, на казенный счетъ. Ихъ

трудное и продолжительное путешествіе на пространствѣ болѣе чѣмъ восьми тысячъ верстъ, потребовавшее громадныхъ расходовъ (около 566 руб. на семью) и сопровождавшееся страданіями отъ холода и голода и сильнымъ развитіемъ болѣзней и смертности, показало всю непрактичность такого рода переселенія. Изъ 290 отправившихся семей добрались до Амура только 230, а остальныя остались въ Забайкальѣ. Не повторяя болѣе попытки полнаго казеннаго переселенія, правительство начало привлекать въ край добровольныхъ переселенцевъ, предоставляя имъ значительныя льготы. По высочайше утвержденнымъ 26-го марта 1861 года правиламъ, казна оплачиваетъ путевыя издержки переселенцевъ, которые получаютъ въ надѣлъ 100 десятинъ земли на семью, освобождаются отъ рекрутской повинности на десять лѣтъ и отъ всѣхъ другихъ—на двадцать лѣтъ.

Слухи объ этихъ льготахъ, распространившись во внутреннихъ губерніяхъ, вызвали много желающихъ переселиться. Въ 1861 — 1864 годахъ на имя амурскаго губернатора поступило болѣе 7.000 просьбъ отъ крестьянъ, просившихся на переселеніе. Но это стремленіе «на Амуръ» вскорѣ ослабѣло. «Не смотря на всѣ заботы правительства и стремленіе русскаго народа на Амуръ, — говоритъ г. Елисѣевъ,—колонизація его въ 60-хъ и въ 70-хъ годахъ шла очень плохо и съ количественной, и съ качественной стороны... Практика двадцатилѣтней колонизаціи показала, что ни переселеніе на казенный счетъ, ни широкія льготы, ни другія заботы правительства не могли сами по себѣ создать правильнаго и естественнаго переселенія изъ внутреннихъ частей имперіи, такъ какъ отдаленность края и трудность его достиженія парализовали всѣ выгоды, манившія сюда издали переселенца» [1]).

Къ началу 80-хъ годовъ правительство убѣдилось, что ни самыя широкія льготы, ни возмѣщеніе путевыхъ издержекъ не въ силахъ привлечь достаточное число переселенцевъ на эту восточную окраину Россіи, если не будетъ облегченъ самый путь. Тогда явилась мысль объ отправкѣ переселенцевъ въ Владивостокъ морскимъ путемъ. Первыя партіи рѣшено было отправить на казенный счетъ, съ казеннымъ же обезпеченіемъ всѣмъ необходимымъ (постройками, хлѣбомъ, скотомъ и проч.) по прибытіи ихъ на мѣсто переселенія. «Новый переселенецъ раннею весною садился на пароходъ въ Одессѣ, переплывалъ большинство морей и Индѣйскій океанъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, и черезъ 40—45 дней прибывалъ во Владивостокъ, гдѣ все уже было готово къ его прибытію. Отсюда уже сравнительно недалеко до мѣста его новой осѣдлости, такъ что мѣсяца черезъ три-четыре послѣ

---

[1]) А. В. Елисѣевъ. Южно-Уссурійскій край и его русская колонизація. («Русскій Вѣстникъ», 1891 года, № 7).

оставленія роднаго села новый поселенецъ могъ уже приступить къ устройству новаго гнѣзда, что представляло, безъ сомнѣнія, огромныя выгоды, сравнительно съ полутора, двумя и даже четырьмя (бывали и такіе примѣры) годами сухопутнаго переселенія черезъ всю Сибирь при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ». Въ мартѣ 1883 года на двухъ пароходахъ Добровольнаго флота отправилась первая казеннокоштная партія переселенцевъ, въ числѣ 1.588 человѣкъ (759 мужчинъ и 764 женщины). Партія слѣдующаго года состояла изъ 1.772 человѣкъ, или 296 семей. Въ 1885 году отправилось 382 семьи, или 2.526 человѣкъ, изъ которыхъ 142 семьи—408 человѣкъ своекоштныхъ. Въ 1886 году казеннокоштныхъ переселенцевъ уже не было; всѣ 2.895 человѣкъ поѣхали на собственный счетъ. По дѣйствующимъ въ настоящее время правиламъ, переселенцы, уплатившіе за проѣздъ на пароходѣ, но не имѣющіе средствъ для обзаведенія хозяйствомъ, получаютъ ссуды изъ особаго переселенческаго капитала. Краткосрочныя ссуды выдаются на одинъ годъ, а долгосрочныя—на неопредѣленное время изъ 6% годовыхъ; онѣ не должны превышать 600 рублей на семью. Кромѣ того, переселенцы отъ 18 до 50 лѣтъ безвозмездно получаютъ казенные винтовки и патроны.

Между тѣмъ постоянно усиливающееся движеніе переселенцевъ въ другія мѣстности Сибири также вызываетъ со стороны правительства рядъ положительныхъ мѣръ для его урегулированія. Такъ, въ 1881 году при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ была образована особая коммиссія, занявшаяся этимъ вопросомъ; тогда же разсуждали объ этомъ вопросѣ и «свѣдущіе люди», вызванные отъ земствъ, хотя ихъ работы не имѣли практическаго значенія. Къ тому же 1881 году относится учрежденіе въ Батракахъ, Сызранскаго уѣзда, Симбирской губерніи, переселенческой конторы, съ особымъ чиновникомъ, который долженъ былъ слѣдить за переселенческими партіями, вести учетъ переселенцевъ, давать совѣты и указывать имъ направленіе. Затѣмъ чиновники по переселенческому дѣлу командируются министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ Оренбургъ, Тюмень и Томскъ. Въ распоряженіе двухъ послѣднихъ министерство отпускаетъ отъ четырехъ до шести тысячъ рублей, для раздачи наиболѣе нуждающимся изъ переселенцевъ.

Чтобы видѣть поразительный ростъ переселенческаго движенія за послѣдніе годы, обратимся къ точнымъ статистическимъ даннымъ, касающимся переселенцевъ, направляющихся черезъ городъ Тюмень, эти «главныя ворота колонизаціоннаго движенія». Съ 1-го ноября 1887 года по 1-е ноября 1888 года черезъ этотъ городъ прослѣдовало 25.883 души обоего пола; съ 1-го ноября 1888 года по 1-е ноября 1889 года—26.108 душъ; съ 1-го ноября 1889 года по 1-е ноября 1890 года—29.266 душъ. Что касается

послѣдняго года, то въ письмѣ изъ Тюмени, отъ 7-го октября, 1891 года, помѣщенномъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 289), читаемъ: «съ весны сего года черезъ Тюмень идетъ шестьдесятъ первая тысяча». Притомъ, какъ видно изъ газетныхъ извѣстій, даже наступленіе зимы не останавливаетъ теперь переселенцевъ, бѣгущихъ съ родины... Такимъ образомъ, если, за отсутствіемъ правильнаго учета переселенцевъ, идущихъ другими путями, число выселившихся въ 1890 году изъ Европейской Россіи крестьянъ приблизительно опредѣляется въ сорокъ тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ чрезъ Тюмень прошло около тридцати тысячъ, то число переселившихся въ 1891 году во всякомъ случаѣ превышаетъ семьдесятъ тысячъ...

И какъ идетъ большинство переселенцевъ! И теперь, какъ въ старину, они снимаются съ мѣстъ и направляются наугадъ, на основаніи смутныхъ слуховъ о привольныхъ и богатыхъ дарами природы краяхъ, не только не имѣя точныхъ свѣдѣній о мѣстности, куда идутъ, но не зная иногда даже пути, попадая вмѣсто Амура на Кавказъ. Это трудное путешествіе очень часто предпринимается съ самыми ничтожными денежными средствами. Число болѣе или менѣе состоятельныхъ переселенцевъ не превышаетъ половины. «Болѣе 50%, — говоритъ г. Остафьевъ, изслѣдовавшій бытъ переселенцевъ Тобольской и Томской губерній, — могли еле-еле доѣхать до Сибири; изъ нихъ 25% съ посторонней помощью, а 25% кое-какъ на свои» [1]). Вотъ въ какихъ чертахъ описываетъ очевидецъ группу бѣднѣйшихъ переселенцевъ: «Изнуренныя лица, приниженность, покорность судьбѣ, лохмотья, босыя ноги, прошеніе милостыни почти шепотомъ — вотъ ихъ отличительные признаки. Эти не имѣютъ уже рѣшительно никакихъ рессурсовъ: рубище, которое прикрываетъ ихъ наготу и не защищаетъ ихъ отъ прохлады даже лѣтней ночи,—вотъ вся ихъ одежда; пособіе, которое могло быть имъ выдано, уже получено и истрачено на хлѣбъ; не подвертывается никакой, даже самой грубой работы; остается кое-какъ питаться подаяніемъ да получать небольшую поддержку отъ товарищей, столь же бѣдныхъ, какъ они сами» (профессоръ А. Исаевъ). И эта группа считаетъ въ своихъ рядахъ «добрыхъ 25%» всѣхъ переселенцевъ.

Ихъ положеніе представится намъ буквально безвыходнымъ, если мы примемъ во вниманіе, что они «на свои средства» должны не только совершить далекій путь, но, по приходѣ на мѣсто, обзавестись хатой, инвентаремъ, лошадью, коровой и проч.; «при этомъ каждаго переселенца ожидаетъ впереди суровая сибирская зима». Но даже абсолютное отсутствіе средствъ не удерживаетъ

[1]) В. Остафьевъ. Переселенцы въ Сибири. («Юридическій Вѣстникъ», 1891 года, №№ 5—6 и 7—8).

нашихъ крестьянъ отъ переселенія; извѣстны случаи путешествія изъ Европейской Россіи въ Сибирь пѣшкомъ. И въ то время, какъ какой нибудь Пѣшковъ, непроизводительно потратившій время на путешествіе изъ Сибири въ Петербургъ (при средствахъ и на хорошей лошади), дѣлается героемъ дня, прославляется, какъ человѣкъ, совершившій невѣсть какой подвигъ, наши крестьяне ни для кого незамѣтно совершаютъ истинно геройскіе подвиги съ дѣйствительно важными цѣлями. Такъ, одинъ николаевскій солдатъ, 60-ти лѣтъ, не имѣя рѣшительно ничего на дорогу, «сдѣлалъ телѣжку, посадилъ въ нее двухъ сыновей, 5-ти и 4-хъ лѣтняго возроста, и съ женою 40 лѣтъ и дочерью 16-тилѣтней отправился изъ города Шадова въ городъ Томскъ, вышелъ въ 1887 году, пробылъ въ пути одинъ годъ и 4 мѣсяца. Затѣмъ, уже поживъ въ Томскѣ, купилъ себѣ лошаденку, и въ 1889 году пришелъ въ Тобольскую губернію къ своимъ односельчанамъ».

Во время пути переселенцы много страдаютъ отъ крайней неупорядоченности пароходныхъ и желѣзно-дорожныхъ тарифовъ: плата за провозъ ихъ самихъ и ихъ багажа взимается крайне произвольно и, будучи въ общемъ довольно высокою, не обезпечиваетъ ихъ въ отношеніи самыхъ элементарныхъ удобствъ. Вслѣдствіе антигигіэническихъ условій, въ которыя поставлены наши колонисты на пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ, при плохомъ питаніи, среди нихъ получаютъ сильное развитіе разныя эпидемическія болѣзни, отъ которыхъ особенно много умираетъ дѣтей, въ возростѣ отъ 1 до 8 лѣтъ. Между тѣмъ смерть мальчика — громадное горе для переселенца, такъ какъ надѣлъ дается по количеству душъ мужскаго пола.

Послѣ цѣлаго ряда бѣдствій, они приходятъ, наконецъ, «на новыя мѣста». Но и здѣсь, при неимѣніи средствъ на обзаведеніе хозяйствомъ, еще долго страдаютъ, прежде чѣмъ окончательно поправятся. Еще хуже положеніе тѣхъ изъ нихъ, которые не могутъ добраться до мѣста или, придя туда, находятъ далеко не то, на что надѣялись, и возвращаются на родину, питаясь подаяніемъ. Ужасно это «обратное движеніе», возвращеніе «домой», гдѣ у нихъ уже нѣтъ ни кола, ни двора; ужасны и разсказы возвратившихся о ихъ несчастномъ путешествіи...

Но все это не заставляетъ отказываться отъ переселенія тысячъ и тысячъ крестьянъ, потому что стимуломъ къ этому является желѣзная необходимость, экономическая необезпеченность на родинѣ. Стремленіе избавиться отъ жестокой неволи, избѣжать религіозныхъ преслѣдованій, гнёта властей гнало въ былое время русскаго человѣка «за Камень». Теперь, при измѣнившихся соціально-экономическихъ условіяхъ, его гонитъ съ насиженныхъ мѣстъ малоземелье, эксплоатація капитала, непосильные платежи.

По. полученіи крестьянами уставныхъ грамотъ, стремленіе къ переселенію прежде всего обнаружилось среди получившихъ минимальный надѣлъ и постепенно усиливалось, по мѣрѣ вздорожанія арендныхъ земель. И теперь главный контингентъ переселенцевъ даютъ мѣстности, гдѣ крестьянское хозяйство поставлено въ наименѣе благопріятныя условія. 800 семействъ, водворившихся въ Тобольской и Томской губерніяхъ съ 1885 по 1890 годъ, экономическое положеніе которыхъ обслѣдовано г. Остафьевымъ, распредѣляются по мѣсту своего происхожденія слѣдующимъ образомъ: изъ Курской губерніи 374 с. (46,7%), Витебской—154 (19,2%), Пермской—90 (11,2%), Владимірской—68 (8,5%), Смоленской—28 (3,5%), Казанской — 20 (2,5%), Орловской — 18 (2,2%), Псковской—13 (1,6%); остальные изъ Подольской, Ковенской, Харьковской, Воронежской, Полтавской, Курляндской и Екатеринославской.

Главныя причины переселенія группируются такъ: а) совершенное неимѣніе земли, а слѣдовательно отсутствіе возможности существовать другимъ образомъ, какъ батракомъ, работникомъ; б) крайне ограниченное количество земли, такъ что безъ посторонних заработковъ или аренды невозможно жить и платить подати; в) полная несоотвѣтственность количества надѣльной земли, полученной на ревизскія души, съ количествомъ наличныхъ мужскихъ и работниковъ, которое произошло отъ сильнаго увеличенія населенія [1]; г) слишкомъ плохое качество надѣльной земли (пески, болота, щебень), требующей громаднаго удобренія, при отсутствіи луговъ и пастбищъ, необходимыхъ для того, чтобы держать много

[1] Отношеніе между наличными душами въ семьѣ и количествомъ земли рельефно представлено на слѣдующей таблицѣ, составленной г. Остафьевымъ:

Количество семей.	Ревизскихъ душъ.	Надѣлъ на 1 душу.	Всей земли.	Количество душъ наличныхъ мужск.	Взрослыхъ работниковъ.	На 1 душу мужскаго пола.	На 1 работника.	Изъ какихъ губерній и разрядъ крестьянъ.
18	47	4,5	211,5	56	32	3,7	6,6	Владимірской.
4	—	—	60	19	9	3	6	Витебской, подворные.
6	6	5	30	18	9	1,6	3,3	Псковской.
8	8	4	32	22	12	1,4	2,6	Смоленск., временн. обяз.
19	23	$3\frac{3}{4}$	$86\frac{1}{4}$	68	25	1,2	3,4	Смоленск. государств.
12	—	—	42	31	15	1,3	2,8	Витебской, подворные.
55	79	$2\frac{3}{4}$	217	188	110	1,1	1,9	Курской, временн. обяз.
30	32	3	98	98	53	1	1,8	Курской, государств.
29	—	—	87	110	58	0,8	1,5	Витебской, подворные.
7	—	4	28	30	23	0,9	1,2	Витебской, государств.
39	47	$3-2\frac{1}{4}$	109	148	78	0,7	1,3	Курской, временн. обяз.
5	—	—	13	17	7	0,7	1,8	Витебской, подворные.
14	—	$1\frac{1}{2}-2$	22,5	37	22	0,6	0,8	Курской, временн. обяз.
43	—	$\frac{3}{4}-19$	45	144	82	0,3	0,5	Дарственники.
84	—	—	262	364	180	0,7	1,4	Четвертныхъ правъ.

скота; д) чрезмѣрное вздорожаніе арендныхъ цѣнъ на земли и постоянное повышеніе ихъ (напримѣръ, переселенцы изъ Витебской губерніи платили на родинѣ за плохую землю по 30 рублей за десятину, а за хорошую навозную по 60 рублей).

Эволюція, происходящая въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ послѣ 1861 года и состоящая въ переходѣ помѣщичьихъ земель въ руки капиталистовъ, также способствуетъ обездоленію крестьянъ, жившихъ ранѣе арендою этихъ земель, и содѣйствуетъ усиленію переселенія. По словамъ автора статьи «Міусскіе хохлы на границѣ Китая» («Сѣверный Вѣстникъ», 1889 года, № 10), въ Міусскомъ округѣ, Донской области, бо̀льшая часть купленной у коренныхъ помѣщиковъ земли перешла въ руки молоканъ, крупныхъ владѣльцевъ-овцеводовъ и нѣмцевъ-колонистовъ. «Тѣ и другіе эксплоатируютъ купленную землю сами, и она уже закрывается для мѣстныхъ крестьянъ, привыкшихъ нанимать подъ пахоту десятками десятинъ и водившихъ прежде десятки головъ рогатаго скота и до сотни овецъ на помѣщичьей землѣ. Такое стѣсненіе въ землѣ, вмѣстѣ съ рядомъ неурожаевъ, жучками, овражками и другими невзгодами, побуждаетъ крестьянъ уходить» [1]).

Если прибавимъ ко всему этому черезполосность владѣнія, съ вѣчными потравами и штрафами, такъ что, по выраженію одного изъ героевъ комедіи Л. Н. Толстаго, крестьянинъ не можетъ выпустить не только теленка, но даже курицу, то мы поймемъ, почему «новыя мѣста», съ ихъ просторомъ и обиліемъ угодій всякаго рода, представляются нашему земледѣльцу обѣтованною землей: тамъ находитъ приложеніе его неутомимая энергія и привычка къ труду.

И крестьянинъ вполнѣ правъ. «По характеру страны, — говоритъ компетентный изслѣдователь, — въ Сибири есть мѣстности степныя, лѣсистыя, земледѣльческія равнины и горныя пространства; климатъ разнообразенъ, начиная съ суроваго сѣвера, кончая южными широтами южнаго Алтая, Бухтармы, Зайсана, Семирѣчья и Амура; все это можетъ удовлетворить привычкамъ самаго разнообразнаго населенія, начиная съ малоросса, кончая архангельцемъ. Далѣе, Сибирь представляетъ полную возможность просторнаго экстенсивнаго хозяйства, обширность луговъ благопріятствуетъ скотоводству; во многихъ мѣстностяхъ населеніе можетъ пользоваться почти по 60 и по 100 десятинъ на душу» (Н. М. Ядрин-

[1]) Недородъ хлѣба изстари побуждалъ нашихъ крестьянъ переселяться. Въ послѣдніе годы это явленіе подтверждается извѣстіями изъ разныхъ краевъ Россіи. Весьма вѣроятно, что и настоящій голодъ, постигшій мѣстности земледѣльческія попреимуществу, когда крестьяне «проѣдаютъ» все, что имѣютъ, и лишаются скота, послужитъ послѣднимъ толчкомъ для многихъ изъ нерѣшавшихся до сихъ поръ покинуть родину; мы не удивились бы, если бы число переселенцевъ достигло въ 1892 году ста тысячъ.

цевъ). Чтобы судить о просторѣ этой страны, обратимъ вниманіе на Южно-Уссурійскій край, представляющій собою площадь въ 76.000 квадратныхъ верстъ, или около восьми милліоповъ десятинъ. «Хотя большая часть этой площади и занята тайгою, мѣстами довольно сильно разрѣженною, но, всетаки, не менѣе четверти этого пространства, то-есть до двухъ милліоновъ десятинъ, вполнѣ годно для земледѣлія, не считая еще значительныхъ лѣсныхъ участковъ, которые также легко могутъ быть превращены въ пахатныя земли». Обиліе лѣса, луговъ, прекрасная черноземная почва, масса рыбы въ рѣкахъ и Японскомъ морѣ — все это дѣлаетъ край особенно привлекательнымъ для переселенцевъ, наравнѣ съ Алтаемъ, Минусинскимъ округомъ, государевымъ имѣніемъ Мургабъ и другими благодатными мѣстностями нашихъ азіатскихъ владѣній.

Правда, всѣ эти дары роскошной природы даются далеко не даромъ; чтобы пользоваться ими, нужно затратить массу труда и энергіи. Зато трудъ, къ которому не привыкать нашему крестьянину, щедро вознаграждается природою. По словамъ г. Елисѣева, почти всѣ роды хлѣба произрастаютъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ «чрезвычайно успѣшно». Рожь и пшеница, овесъ и кукуруза, ячмень и просо родятся одинаково роскошно какъ въ рѣчныхъ долинахъ, такъ и на склонахъ уваловъ. Для огородничества почва этого края представляетъ наилучшія условія. Корнеплоды и табакъ родятся хорошо и въ туманной, и солнечной полосѣ. О томъ, какъ быстро возрастаетъ земледѣльческая производительность Южно-Уссурійскаго края, можно судить по тому количеству зерна (ярицы, пшеницы), которое продано его населеніемъ (составлявшимъ въ 1884 году 17.000 душъ обоего пола, а къ осени 1891 года достигшимъ 30.450 душъ, то-есть увеличившимся за 7 лѣтъ на 79%) окружному интендантству, какъ единственному покупателю; именно: отъ урожая 1884 года продано 160 тысячъ пудовъ, а отъ урожая 1890 года уже 364 тысячи пудовъ; осенью же 1891 года было заявлено къ продажѣ 600 тысячъ пудовъ. Такимъ образомъ, избытокъ зерна на одного человѣка въ 1884 году составлялъ 9,4 пуда, а въ 1891 году уже 20 пудовъ. Аналогичное явленіе замѣчается и въ Амурской области. За тотъ же промежутокъ времени земледѣльческое населеніе этой области увеличилось на 86% (съ 20.800 на 38,700), а количество свободнаго зерна, приходящагося на одного человѣка земледѣльческаго населенія, увеличилось почти вдвое [1]). Кругосвѣтная доставка хлѣба изъ Россіи уже прекратилась, край два года питаетъ себя и расположенныя въ немъ войска, и недалеко то время, когда онъ будетъ отпускать хлѣбъ въ Европу.

Въ Тобольской и Томской губерніяхъ земли отводятся переселенцамъ высочайше утвержденнымъ въ 1884 году «отрядомъ по

---

[1]) «Новое Время», 1891 года, № 5629: «Изъ Южно-Уссурійскаго края».

устройству переселенческихъ участковъ и отводу ихъ въ Западной Сибири». До изданія закона 16-іюля 1890 года отрядъ отводилъ имъ земли на арендномъ правѣ, по 15 десятинъ на мужскую наличную душу, съ платой около 19 коп. за десятину. Право на полученіе земли имѣли только тѣ переселенцы, которые шли по предварительному разрѣшенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, причемъ каждой семьѣ выдавалось проходное свидѣтельство, въ которомъ обозначено, куда назначенъ переселенецъ, въ какой округъ и даже на какой участокъ. Съ 16-го іюля 1890 года порядокъ отвода остался тотъ же, но теперь переселенцы пользуются землей уже не на арендномъ правѣ, а на основаніи общихъ положеній о государственныхъ крестьянахъ, съ тѣми льготами, которыя имъ высочайше дарованы. Съ 1885 по 1890 годъ отрядъ водворилъ въ Тобольской губерніи 3.340 душъ мужскаго пола, а въ Томской — 6.300 душъ, всего 80 поселковъ, около 2.500 — 2.800 семей; удобной земли отведено 144.600 десятинъ. Роль отряда ограничивается только отводомъ земли переселенцамъ. Далѣе они во всемъ предоставляются себѣ самимъ.

Вотъ что разсказываетъ г. Остафьевъ, детально изучившій бытъ новоселовъ въ Западной Сибири, о первыхъ шагахъ нашихъ колонистовъ на новомъ мѣстѣ. Какъ только участокъ выбранъ и указанъ, переселенецъ тотчасъ же вступаетъ въ фактическое владѣніе имъ. «Никто такъ скоро не привыкаетъ къ мѣстности, не запоминаетъ ея въ мельчайшихъ подробностяхъ, какъ крестьянинъ; въ этомъ отношеніи у него громадный навыкъ и достаточно разъ провести по участку, указать границы, и переселенецъ на 3—4 день знаетъ его детально — каждый кустъ, каждую пахоту, сѣнокосъ, болото, озеро и т. д., не смотря даже на то, что участокъ въ нѣсколько тысячъ десятинъ. Первое, что выбираютъ, это мѣсто для усадьбы, предпочитаютъ, конечно, рѣки и рѣчки, но въ Сибири больше озеръ, а потому садятся и на озерахъ». Выбравъ усадебное мѣсто, разбиваютъ таборъ, строятъ временные шалаши, печки, земляныя юрты, чтобы какъ нибудь прикрыться отъ непогоды... Черезъ двѣ, три недѣли появляются лошади, коровы, срубы, начинается рытье ямъ для будущихъ построекъ.

Самое трудное время для переселенцевъ — зима: своего хлѣба нѣтъ, приходится покупать или заработывать. Въ неурожайный годъ положеніе ухудшается еще болѣе: хлѣбъ страшно дорогъ, заработковъ никакихъ. Въ такомъ положеніи находились переселенцы Томской губерніи въ 1888 году, когда отъ недостатка хлѣба заболѣвали голоднымъ тифомъ. Въ такіе годы необходима помощь правительства. Одинъ земскій засѣдатель, посѣтившій тогда Александровскій поселокъ, Каинскаго округа, такъ описываетъ положеніе новоселовъ: «Болѣе жалкаго, невозможнаго положенія мнѣ никогда не приходилось видѣть; живутъ въ какихъ-то землянкахъ, гдѣ не-

возможно дышать: половина больныхъ и голодныхъ; хлѣба почти ни у кого нѣтъ, здоровые разъѣхались по деревнямъ собирать милостыню. Изъ 42-хъ семей абсолютно ничего не имѣли и питались милостыней 28 семей, у остальныхъ было всего 60 пудовъ».

Но всѣ невзгоды мужественно переносятся большинствомъ переселенцевъ, и въ концѣ концовъ они берутъ «верхъ надъ долей горькою». Поселокъ, сначала не имѣющій вида деревни, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе обстроивается, образуются дворы, появляются надворныя постройки, на задахъ разводятся огороды со всевозможными овощами, по дворамъ видны куры, утки, гуси и даже индѣйки, на изгородяхъ развѣшиваются сѣти, снасти для рыболовства и проч. Уже на второй годъ черный хлѣбъ замѣняется пшеничнымъ, столъ въ общемъ значительно улучшается: появляются мясо, сметана, яйца, молоко, масло, постомъ рыба. Но особенно сильная перемѣна происходитъ въ поселкѣ на 5—6 годъ. «Иногда ростъ благосостоянія на столько великъ, что бросается въ глаза, съ изумленіемъ останавливаешься, не хочешь вѣрить, что передъ тобой старый поселокъ, онъ будто бы по какому-то волшебству исчезъ, и на томъ же мѣстѣ выстроилась фантастическая, сказочная деревня».

Наконецъ-то нашъ труженикъ чувствуетъ себя въ полномъ достаткѣ и можетъ отдохнуть отъ вѣчной «маяты». На родинѣ главною причиною всѣхъ его бѣдствій было малоземелье. Здѣсь онъ въ совершенно другихъ условіяхъ. Изъ приведенной выше таблицы видно, что у 373 семей, поселившихся въ Западной Сибири, въ Европейской Россіи приходилось на 1.351 наличную душу мужскаго пола 1.343 десятины земли, то-есть на одну наличную душу по 0,9 десятины, на работника по 1,8 десятины; теперь они имѣютъ удобной земли 20.265 десятинъ, что составитъ по 15 десятинъ на мужскую душу, по 28 на работника. Контрастъ на столько значителенъ, что нѣтъ ничего удивительнаго, если не какіе нибудь профессіональные бродяги, а «крѣпкіе землѣ домосѣды-пахари, зачастую дальше своего уѣзднаго города и дороги-то не знающіе, бросаютъ дѣдовскую пашню и бредутъ десятками тысячъ въ невѣдомую даль» [1]). И ничто не въ силахъ удержать ихъ: ни отсутствіе матеріальныхъ средствъ, ни трудности предстоящаго пути, ни канцелярскія проволочки, ни казенныя убѣжденія чиновъ мѣстной администраціи...

Долго перебивались они кое-какъ, черезъ пень-колоду, истомились отъ постояннаго ожиданія «поравненія», прирѣзки земли. Наконецъ, сами принялись за рѣшеніе трудной экономической проблемы. Народный смыслъ нашелъ выходъ изъ критическаго положенія,—средство, несравненно болѣе раціональное, чѣмъ всѣ пал-

---

[1]) «Алтай», П. А. Голубева, Томскъ, 1890 года, стр. 338.

лiативы, исходящiе изъ канцелярій и кабинетовъ и направленные противъ «обезземеленія» крестьянъ. Къ такому выходу пришелъ народъ не вслѣдствіе какихъ нибудь внѣшнихъ внушеній, а исключительно подъ вліяніемъ жизненныхъ фактовъ. «Говоря о народѣ,—замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ Добролюбовъ,—у насъ сожалѣютъ обыкновенно о томъ, что къ нему почти не проникаютъ лучи просвѣщенія, и что онъ поэтому не имѣетъ средствъ возвысить себя нравственно, сознать право личности, приготовить себя къ гражданской дѣятельности, и проч. Сожалѣнія эти очень благородны и даже основательны; но они вовсе не даютъ намъ права махнуть рукой на народныя массы и отчаяться въ ихъ дальнѣйшей участи. Не одно скромное ученье, подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ, не одна литература, всегда болѣе или менѣе фразистая, ведетъ народъ къ нравственному развитію и къ самостоятельнымъ улучшеніямъ матеріальнаго быта. Есть другой путь—путь жизненныхъ фактовъ, никогда не пропадающихъ безслѣдно, но всегда влекущихъ событіе за событіемъ, неизбѣжно, неотразимо... Дѣйствительный фактъ, отразившись въ практической жизни дѣятельнаго, рабочаго человѣка, породитъ тоже дѣйствительный фактъ».

Когда такой фактъ выходитъ изъ эмбріональнаго состоянія, когда народныя стремленія выражаются уже на столько опредѣленно, что въ нихъ нельзя сомнѣваться, тогда мы можемъ быть увѣрены въ томъ, что улучшеніе благосостоянія, начатое народною массой, ничѣмъ не можетъ быть остановлено, хотя на время его и можно задержать искусственными мѣрами. И истинная политическая мудрость состоитъ не въ томъ, чтобы перестроивать народную жизнь по отвлеченнымъ теоріямъ, а въ томъ, напротивъ, чтобы, угадывая требованія даннаго историческаго момента, прислушиваясь къ пульсу народной жизни, устранять препятствія, встрѣчаемыя естественными народными стремленіями и оказывать послѣднимъ всевозможное содѣйствіе. Къ сожалѣнію, занимающій насъ въ настоящую минуту фактъ громадной важности, до сихъ поръ вызываетъ къ себѣ нежелательное отношеніе. Приходится даже слышать разсужденія о «вредѣ» переселеній для «народнаго» (sic) хозяйства. Правда, правительствомъ указаны извѣстныя мѣстности для переселенцевъ, и существуютъ лица и учрежденія, назначеніе которыхъ — устройство быта новоселовъ; но переселенческое движеніе встрѣчаетъ на своемъ пути немало тормазовъ. Разрѣшеніе переселиться дается крайне неохотно, вслѣдствіе чего большинство—$^4/_5$—переселенцевъ идетъ въ Сибирь «самовольно», по паспортамъ, что сопровождается большими неудобствами при водвореніи на мѣстѣ поселенія. Высокій тарифъ желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ вводитъ ихъ въ крупные расходы; а разныя формальности по перечисленію затя-

гиваютъ устройство новоселовъ иногда на нѣсколько лѣтъ. Нечего уже и говорить о томъ, какъ ничтожна помощь, оказываемая переселенцамъ во время пути правительствомъ и частною филантропiей. Между тѣмъ необходимость значительной помощи не только въ дорогѣ, но и по приходѣ переселенцевъ на новыя мѣста, на первоначальное обзаведенiе хозяйствомъ и до полученiя ими своего хлѣба, хорошо сознавалась еще въ XVI—XVII столѣтiяхъ, когда правительство давало имъ «подмогу»; получали помощь отъ правительства и государственные крестьяне, переселявшiеся въ Сибирь въ Николаевское время; пользуются ею и отправляющiеся на Амуръ, въ Южно-Уссурiйскiй край; выдается также ссуда и натурою, и деньгами колонистамъ Мургаба... Новоселъ, своевременно получившiй правительственное вспомоществованiе, хотя бы и не безвозвратно, а въ видѣ ссуды, сразу дѣлается самостоятельнымъ хозяиномъ; въ противномъ случаѣ онъ принужденъ идти въ батраки, изъ которыхъ не всегда можетъ выйдти.

Не смотря на все это, переселенческое движенiе дѣлаетъ свое великое дѣло: «оно, по выраженiю Глѣба Успенскаго, тихо и мирно разрѣшаетъ тысячи всякихъ неправдъ, отравляющихъ жизнь крестьянина; оно оживляетъ и оплодотворяетъ пустыни, даетъ мѣсто, трудъ и жизнь приросту народонаселенiя».

М. Ладвинскiй.

НЕДАВНЯЯ ТРАГЕДІЯ ВЪ БУХАРѢ [1].

«Если кто нибудь обижаетъ васъ, обижайте его, какъ онъ васъ обижаетъ».

Коранъ, глава II, стихъ 190.

БЕЗКОНЕЧНО велика та рознь, которая отдѣляетъ насъ до сихъ поръ въ бытовомъ, общественномъ и религіозно-нравственномъ отношеніи отъ нашихъ ближайшихъ сосѣдей на далекомъ востокѣ. Коранъ и шаріатъ, составляющіе единственную основу вѣрованій и понятій неподвластныхъ намъ мусульманъ Средней Азіи, являются какъ бы стѣной, ограждающей ихъ отъ вѣянія времени и вліянія цивилизаціи. Ограниченныя на нашей территоріи, въ своемъ ближайшемъ примѣненіи, сферой религіозныхъ отправленій и автономіей народнаго суда, исламо-суфическія тенденціи находятъ широкій просторъ для своего развитія на почвѣ, сосѣднихъ намъ, полунезависимыхъ ханствъ Бухары, Хивы и родственнаго имъ по языку и религіи Авганистана.

Государственный и общественный строй этихъ странъ, религія, бытъ народа, нравы, обычаи, судопроизводство и образованность—все это вытекаетъ изъ двухъ главныхъ началъ ислама: корана и шаріата. Эти два творенія великаго мусульманскаго пророка и его ближайшаго послѣдователя составляютъ до сей поры единственныя двѣ истины, въ которыя вѣритъ магометанинъ

[1]) Свѣдѣнія объ излагаемомъ ниже эпизодѣ собраны нами лично, въ бытность нашу въ Бухарѣ, въ іюнѣ мѣсяцѣ прошлаго года.

Средней Азіи, которыми онъ живетъ и изъ которыхъ черпаетъ всю свою житейскую мудрость.

Многочисленное и вліятельное мусульманское духовенство всѣми силами поддерживаетъ въ народѣ обаяніе религіозныхъ идей ислама. Ревниво охраняя сложившійся за тысячелѣтіе назадъ, подъ ихъ вліяніемъ, государственный и общественный строй отъ какихъ бы то ни было современныхъ нововведеній, оно представляетъ изъ себя могущественнаго противника тѣмъ новымъ идеямъ, которыя широкой волной хлынули въ Среднюю Азію изъ Европы черезъ открытыя ворота Туркестанскаго края. Оно, повидимому, въ полной мѣрѣ достигаетъ пока своихъ цѣлей, ибо косность, въ которой пребываетъ неподвластный намъ мусульманскій міръ, простирается до такой степени, что даже могущественное вліяніе Россіи, въ соединеніи съ добрымъ желаніемъ правителей ханствъ, оказывается подчасъ безсильнымъ измѣнить въ ихъ внутреннемъ строѣ то или другое условіе, созданное тысячелѣтними традиціями ислама.

Страннымъ, почти невѣроятнымъ для нашего времени, анахронизмомъ являются эти догорающіе очаги религіознаго фанатизма, отжившихъ идей и устарѣвшихъ традицій!

Мы не можемъ не привѣтствовать то замѣтное стремленіе внести въ этотъ темный міръ идеи государственнаго и общественнаго порядка, образованности и человѣчности, которое за послѣднее время особенно ощущается въ нашей политикѣ на далекомъ востокѣ. Безъ сомнѣнія, стремленія эти являются лишь первыми попытками къ осуществленію той высоко-гуманной задачи, которую, вопреки увѣреніямъ нашихъ соперниковъ англичанъ, Россія совершенно безкорыстно преслѣдуетъ относительно подвластныхъ ей народовъ Средней Азіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ желательно, чтобы приводимый нами ниже трагическій эпизодъ составилъ единичный фактъ въ исторіи царствованія эмира Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-хана, благородныя побужденія и добрыя намѣренія котораго не подлежатъ сомнѣнію.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, первенствующее значеніе между государственными чинами Бухарскаго ханства занимала родственная между собой группа сановниковъ персидскаго происхожденія, состоявшая изъ престарѣлаго кушъ-беги Муллы-Мехметъ-Бія [1]),

[1]) Званіе кушъ-беги, по своему внутреннему значенію въ Бухарскомъ ханствѣ, можетъ быть приравниваемо къ званію у насъ министра иностранныхъ дѣлъ и предсѣдателя государственнаго совѣта. Оно сопряжено, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ званіемъ губернатора Бухары и коменданта дворца эмира.

Высшая должность въ Бухарѣ «аталыкъ» остается незамѣщенной со времени эмира Насръ-Уллаха, сдѣлавшаго въ послѣдній разъ аталыкомъ владѣтеля Шахризябскаго. (Мурза-Шамси-Бухари, Записки, пр. 13, стр. 60).

его сына, главнаго бухарскаго зякетчи Мухамедъ-Шарифа-диванъ-беги [1]), и внука, бека Чарджуйскаго, Астанакулъ-инака [2]).

Группа эта считалась наиболѣе сильной и вліятельной въ странѣ какъ по своему непосредственному значенію, такъ и по тому довѣрію и расположенію, которое ей оказывалъ молодой эмиръ Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-ханъ, связанный по отношенію кушъ-беги чувствомъ благодарности за его старинную преданность къ дому Мангытъ [3]) и къ нему лично, а съ его сыномъ узами дружбы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, группа эта считалась стоящей во главѣ наиболѣе сочувствующей Россіи партіи бухарскихъ сановниковъ, противовѣсъ которой составляла старо-бухарская, узбекская, партія. Само собой разумѣется, что эта могущественная семья, какъ и повсюду на востокѣ, имѣла многочисленныхъ родственниковъ, ставленниковъ и приверженцевъ на различныхъ ступеняхъ государственной лѣстницы.

Глава и патріархъ этой семьи, Мулла-Мехмедъ-Вій, родомъ персіянинъ изъ мѣстечка Караи, близъ Мешхеда, еще мальчикомъ десяти-двѣнадцати лѣтъ былъ захваченъ въ плѣнъ туркменами и въ 1820 году привезенъ ими на продажу въ Бухару.

Здѣсь онъ былъ купленъ за нѣсколько червонцевъ извѣстнымъ Хакимомъ-кушъ-беги [4]).

---

[1]) Званіе диванъ-беги можетъ быть приравниваемо къ званію статсъ-секретаря; должность главнаго зякетчи—къ должности министра финансовъ и завѣдывающаго казной и хозяйствомъ эмира.

[2]) Бекъ—начальникъ города и прилегающаго къ нему округа Инакъ—военный чинъ, приравниваемый къ чину полковника.

[3]) Царствующая въ Бухарѣ династія ведетъ свой родъ, по женской линіи, отъ Тамерлана. (Мурза-Шамси-Бухари, Записки, прим. 15, стр. 61). По мужской она происходитъ отъ узбекскаго рода Мангытъ, изъ отдѣленія Тукъ. (Ханыковъ, Описаніе Бухарскаго ханства, стр. 58).

У монголовъ названіемъ «тукъ» опредѣлялся отрядъ воиновъ въ 100 человѣкъ. (Марко Поло, переводъ Шемякина, стр. 181).

[4]) Хакимъ-кушъ-беги игралъ выдающуюся роль въ исторіи Бухарскаго ханства первой четверти текущаго столѣтія, олицетворяя собой вѣроломный типъ царедворца при дворѣ средне-азіатскихъ деспотовъ. Обязанный всѣмъ своимъ благосостояніемъ Эмиръ-Сеиду, онъ отравляетъ его, желая доставить его второму сыну, Насръ-Уллаху, удобный случай захватить престолъ отца, помимо старшаго брата, Хуссейнъ-хана. Когда же интрига не удалась, и этотъ послѣдній въ 1825 году воцарился на бухарскомъ престолѣ, онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отравляетъ и его. Присягнувъ, затѣмъ, назначенному Хуссейнъ-ханомъ себѣ въ преемники младшему сыну Эмиръ-Сеида, Омаръ-хану, онъ измѣннически предастъ его и городъ Бухару въ руки взбунтовавшагося Насръ-Уллаха, который и воцаряется въ столицѣ ханства 22-го марта 1826 года, подъ именемъ Насръ-Улла-Вагадуръ-Хана-Меликъ-Эль-Муменина. Этотъ вѣроломный человѣкъ былъ достойнымъ образомъ наказанъ за свои позорныя дѣянія. Въ 1837 году возведенный имъ на престолъ эмиръ Насръ-Уллахъ конфискуетъ всѣ награбленныя имъ несмѣтныя богатства, а его самого заключаетъ въ тюрьму, гдѣ онъ и былъ зарѣзанъ въ 1840 году. (Ханыковъ, Исторія Бухарскаго ханства, стр. 224—230; Борнсъ, Путешествіе въ Бухару, ч. 2, стр. 382 — 388 и др.; Вамбери, Исторія Бухары, гл. XVIII, стр. 136—140).

По умерщвленіи этого послѣдняго при эмирѣ Насръ-Уллахѣ, въ 1840 году, онъ, вмѣстѣ съ прочими его рабами и имуществомъ, поступилъ въ казну и былъ причисленъ къ штату наслѣдника

Мулла-Мехмедъ-Бій.

престола Сеидъ-Музафаръ-Эддина [1]), при которомъ состоялъ въ качествѣ слуги. Его выдающіяся способности обратили на него вни-

[1]) Эмиръ Сеидъ-Музафаръ-Эддинъ родился въ 1823 году, вступилъ на бухарскій престолъ въ 1860 году, умеръ 31-го октября 1885 года.

маніе Музафаръ-Эддина и, при его воцареніи на престолѣ, въ 1860 году, Мулла-Мехмедъ-Бій былъ послѣдовательно назначаемъ на должности миршаба (полицейскаго чиновника), мираба (завѣдывающаго ирригаціей) и серкерда (баталіоннаго командира). Въ послѣднемъ званіи онъ участвовалъ въ сраженіяхъ при Джизакѣ, Самаркандѣ и Зерабулакѣ, раздѣливъ съ своимъ повелителемъ тяжкіе удары, нанесенные русскимъ оружіемъ могуществу властителя правовѣрныхъ въ Средней Азіи.

По окончаніи войны, Мулла-Мехмедъ-Бій былъ назначенъ бекомъ въ Шахризябзѣ, гдѣ успѣлъ заявить себя способнымъ, дѣятельнымъ и энергичнымъ администраторомъ, а въ 1870 году эмиръ предоставилъ ему оставшуюся вакантной должность кушъ-беги [1]).

Кушъ-беги Мулла-Мехмедъ-Бій дожилъ до глубокой старости, сохранивъ до послѣдней минуты бодрость духа и принимая непосредственное участіе въ дѣлахъ государства. Его девятнадцатилѣтнее пребываніе у власти было ознаменовано глубокой преданностію интересамъ народа и обоихъ эмировъ, довѣріемъ и расположеніемъ которыхъ онъ пользовался, не смотря на происки и интриги природныхъ бухарцевъ, ненавидѣвшихъ его, какъ пришлеца и шіита.

Населеніе столицы уважало и любило его. По свидѣтельству лицъ, коротко знакомыхъ съ положеніемъ дѣлъ въ ханствѣ, никогда не было слышно жалобъ на притѣсненія, интриги или несправедливости съ его стороны.

Въ 1886 году, Мулла-Мехмедъ-Бій вмѣстѣ съ своей семьей и прочими рабами въ Бухарскомъ ханствѣ былъ освобожденъ отъ невольничества, навсегда уничтоженнаго эмиромъ Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-ханомъ въ его владѣніяхъ.

Сынъ Муллы-Мехмедъ-Бія, Мухамедъ-Шарифъ-диванъ-беги, занимая должность главнаго бухарскаго зякетчи еще при дворѣ покойнаго эмира Музафаръ-Эддина, успѣлъ зарекомендовать себя выдающимися способностями и особенной преданностію къ царствующей династіи, въ частности къ Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-хану. Между прочими оказанными имъ послѣднему услугами было то, что онъ скрылъ отъ народа смерть эмира Музафара до тѣхъ поръ, пока изъ Керминэ [2]) прибылъ Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-ханъ, чѣмъ пре-

---

[1]) Въ этой должности его видѣли и о немъ писали: Всеволодъ Крестовскій (Въ гостяхъ у эмира бухарскаго, гл. VII, стр. 292—296) и докторъ Яворскій (Путешествіе русскаго посольства по Авганистану и Бухарскому ханству въ 1878—1879 годахъ, т. II, стр. 334—336).

[2]) Городъ Керминэ и прилегающій къ нему округъ составляютъ какъ бы удѣлъ наслѣдниковъ бухарскаго престола, гдѣ они поселяются по достиженіи совершеннолѣтія, управляя округомъ на правахъ бековъ.

Керминэ, расположенный въ 80 верстахъ желѣзно-дорожнаго пути отъ Бухары, у подошвы горнаго хребта Каратау, составляетъ любимое лѣтнее мѣстопребываніе эмира Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-хана.

дотвратилъ безпорядки въ странѣ и неизбѣжную въ такихъ случаяхъ на Востокѣ семейную распрю.

По воцареніи молодаго эмира 4-го ноября 1885 г., Мухамедъ-Шарифъ сдѣлался его ближайшимъ личнымъ совѣтникомъ. Кромѣ

Мухамедъ-Шарифъ-диванъ-беги.

того, Сеидъ-Абулъ-Ахатъ поручилъ ему завѣдываніе всѣми дѣлами по сношеніямъ Бухары съ русскимъ правительствомъ.

При такомъ положеніи вещей, вся страна и самъ эмиръ смотрѣли на Мухамедъ-Шерифа-диванъ-беги, какъ на будущаго преемника его отца Муллы-Мехмедъ-Бія въ званіи кушъ-беги.

Младшимъ представителемъ этой выдающейся семьи являлся сынъ Мухамедъ-Шарифа, двадцативосьми-лѣтній чарджуйскій бекъ Астанакулъ-инакъ [1]). Одаренный замѣчательно красивой наружностью, симпатичный и умный, онъ рано обратилъ на себя вниманіе эмира, который ввѣрилъ ему важный постъ начальника пограничнаго съ русскими владѣніями Чарджуйскаго округа. На этой должности онъ успѣлъ оказать серьезныя услуги русскому правительству при постройкѣ Закаспійской желѣзной дороги, за что былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени.

При такихъ обстоятельствахъ застаетъ эту семью 1888-й годъ, имѣвшій для нея роковое значеніе.

Въ это время проживалъ въ Бухарѣ нѣкто Гаибъ-Назаръ, по происхожденію авганецъ, занимавшій при эмирѣ Музафарѣ должность амлякдара въ Керминэ [2]), когда бекствомъ этимъ управлялъ наслѣдникъ престола, нынѣшній эмиръ Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-ханъ. Вскорѣ послѣ смерти Музафара, Гаибъ-Назаръ былъ уволенъ отъ должности за то, что утаилъ часть казенныхъ доходовъ ввѣреннаго ему округа. Подозрѣвая въ Мухамедъ-Шарифѣ-диванъ-беги главнаго виновника постигшаго его несчастія, онъ затаилъ къ нему глубокую ненависть и, поселившись въ своемъ домѣ въ Бухарѣ, гдѣ пользовался репутаціей человѣка со средствами, выжидалъ лишь случая отомстить своему врагу.

Эмиры бухарскіе имѣютъ обыкновеніе ежегодно разъ объѣзжать свои владѣнія, останавливаясь на нѣкоторое время въ наиболѣе населенныхъ округахъ, какъ Керминэ, Кахши, Шахризябскія владѣнія и Чарджуй.

Во время одной изъ такихъ поѣздокъ Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-хана въ Шахризябзъ, весной 1888 года, Хаидъ-караулъ-беги, братъ Гаибъ-Назара, служившій въ бухарскихъ войскахъ и командированный, на время, съ какимъ-то порученіемъ изъ Шахризябза въ Бухару, привезъ эмиру доносъ Гаибъ-Назара на Мухамедъ-Шарифа-диванъ-беги и на прочихъ высшихъ должностныхъ лицъ, остававшихся въ столицѣ.

Доносъ этотъ привелъ эмира въ негодованіе и вызвалъ приказъ объ арестованіи Гаибъ-Назара и о конфискаціи его имущества. Исполненіе этого приказа было возложено эмиромъ на Мухамедъ-Шарифа-диванъ-беги.

21-го марта 1888 года, въ 8 часовъ утра, Мухамедъ-Шарифъ, въ сопровожденіи двухъ слугъ, прибылъ въ домъ Гаибъ-Назара для объявленія ему воли эмира и составленія описи его имуще-

---

[1]) Въ настоящее время главный бухарскій зякетчи, Астанакулъ-парванachи.

[2]) Амлякдаръ—сборщикъ податей. Въ Бухарскомъ ханствѣ ежегодный размѣръ подати съ земли опредѣляется по весеннимъ всходамъ, что, разумѣется, открываетъ широкій путь къ злоупотребленіямъ всякаго рода со стороны должностныхъ лицъ податной администраціи.

стна. Взойдя въ мима-хана (пріемная комната), онъ передалъ Гаибъ-Назару повелѣніе, присовокупивъ, съ своей стороны, слова утѣшенія и обѣщаніе ходатайствовать передъ эмиромъ о его прощеніи. Гаибъ-Назаръ молча выслушалъ диванъ-беги и, когда по-

Астанакулъ-парваначи.

слѣдній кончилъ, заявилъ ему, что въ числѣ его имущества находятся цѣнныя вещи, отданныя ему на сохраненіе, которыя онъ, прежде всего, желаетъ представить. Затѣмъ онъ вышелъ въ другую комнату и, черезъ минуту возвратившись оттуда съ револьверомъ въ рукѣ, съ словами: «собака, шпіонъ, предатель!» выстрѣ-

лилъ изъ него два раза въ Мухамедъ-Шарифа. Этотъ послѣдній, уже смертельно раненый, бросился на него. Завязалась борьба, прекращенная лишь сбѣжавшейся на шумъ толпой, которая схватила и избила преступника.

Умирающаго положили на арбу и увезли домой, но онъ еще нашелъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы приказать освободить убійцу изъ рукъ разъяренной черни и доставить его къ себѣ на квартиру, гдѣ помѣстилъ въ сосѣдней съ собой комнатѣ, опасаясь, что онъ будетъ растерзанъ народомъ до производства надъ нимъ слѣдствія.

22-го марта, въ 5 часовъ утра, Мухамедъ-Шарифъ-диванъ-беги умеръ, не смотря на медицинскую помощь, оказанную ему докторомъ Гейфельдеромъ, командированнымъ на мѣсто происшествія строителемъ Закаспійской желѣзной дороги генералъ-лейтенантомъ Анненковымъ, находившимся въ это время по служебнымъ дѣламъ въ окрестностяхъ Бухары.

Смерть этого выдающагося человѣка искренне огорчила не только эмира и населеніе столицы, но и всѣхъ соприкасавшихся съ нимъ, по служебнымъ дѣламъ, лицъ нашей туркестанской администраціи. Бухара потеряла въ немъ способнаго, энергическаго администратора, а Россія человѣка, искренне преданнаго русскимъ интересамъ, много способствовавшаго измѣненію къ лучшему положенія дѣлъ въ ханствѣ.

Узнавъ о кончинѣ Мухамедъ-Шарифа, эмиръ написалъ удрученному горемъ престарѣлому кушъ-беги прочувствованное письмо, въ которомъ, между прочимъ, упомянулъ, что никогда не смотрѣлъ на покойнаго какъ на слугу, а какъ на старшаго брата, и что теперь постарается замѣнить Муллѣ-Мехмедъ-Бію потеряннаго имъ сына.

Почтенный старецъ недолго пережилъ это печальное событіе: онъ умеръ 10-го ноября 1889 года, на 81 году жизни.

Сынъ умершаго Мухамедъ-Шарифа Астанакулъ-инакъ назначенъ эмиромъ на мѣсто отца тотчасъ послѣ его смерти и въ званіи парваначи и главнаго закетчія является теперь однимъ изъ наиболѣе преданныхъ и полезныхъ слугъ Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-хана.

Что касается убійцы диванъ-беги, Гаибъ-Назара, то, по повелѣнію эмира, онъ былъ переданъ въ руки родственниковъ убитаго.

Нужно знать исторію бухарскаго народа и тѣ звѣрскіе инстинкты, алчность и честолюбіе, которые ему присущи, нужно, наконецъ, принять въ расчетъ, что, по установившемуся обычаю, смерть или удаленіе какого нибудь государственнаго сановника въ Бухарскомъ ханствѣ влечетъ за собой смѣну съ должностей всѣхъ его подчиненныхъ и замѣщеніе ихъ ставленниками вновь назначаемаго лица, чтобы объяснить себѣ ту ужасную казнь, которая ожидала преступника. Безъ сомнѣнія, она была придумана

не однимъ лицомъ, а цѣлой корпораціей людей, старавшихся вымѣстить на убійцѣ диванъ-беги то ожесточеніе, которое въ нихъ было вызвано смертью этого человѣка, унесшаго съ собой въ могилу шансы на успѣхъ, богатство и почести, быть можетъ, не одного поколѣнія близкихъ къ нему людей и родственниковъ.

Казнь эта, достойная временъ Каракалы и Нерона, заключалась въ слѣдующемъ: убійца былъ привязанъ къ хвосту лошади и, при огромномъ стеченіи народа, возимъ такимъ образомъ по улицамъ, площадямъ и базарамъ города. Затѣмъ, ему раздробили кости рукъ и ногъ и еще живымъ бросили за городскую стѣну, на съѣденіе собакамъ.

Главныя подробности этой безчеловѣчной казни, какъ всегда, были приведены въ исполненіе на обширной соборной площади Бухары, въ виду величественныхъ зданій медрессе Миръ-Арабъ и Мечеть-и-калянъ, этихъ нѣмыхъ свидѣтелей столькихъ кровавыхъ историческихъ событій, начиная съ нашествія Чингизъ-хана и тріумфальныхъ въѣздовъ Тимура, до недавней еще казни двухъ невинныхъ орудій англійской алчности и домогательствъ въ Средней Азіи—Коноли и Стоддарта [1]).

П. П. Ш.

Ташкентъ.
23-го ноября 1891 года.

[1]) Полковникъ Стоддартъ и капитанъ Коноли, командированные англійскимъ правительствомъ въ Бухару и Коканъ съ цѣлью образовать изъ средне-азіатскихъ ханствъ враждебную Россіи коалицію, были схвачены эмиромъ Насръ-Уллахомъ и, по его повелѣнію, казнены въ Бухарѣ, въ 1842 году.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ К. Е. МАКОВСКАГО[1].

НѢСКОЛЬКО лѣтъ тому назадъ г. Булгаковъ началъ весьма полезное дѣло: издавать фототипическіе снимки произведеній нашихъ выдающихся художниковъ. Русская живопись и скульптура по разнымъ причинамъ далеко еще не пользуются должною популярностью въ нашемъ обществѣ. Двумя или тремя годовыми выставками въ Петербургѣ и Москвѣ едва ли не ограничиваются личныя старанія нашихъ художниковъ познакомить общество съ собою и съ своими произведеніями. Даже и въ столицахъ никто не заглядываетъ въ художественныя мастерскія, въ противность тому, какъ водится въ Европѣ; наши художники живутъ замкнутою жизнью, а не знакомство общества съ ними усиливается еще тѣмъ, что картины ихъ, сравнительно рѣдко, продаются въ средній, дѣйствительно интеллигентный, но не богатый классъ. Затѣмъ гравюра теперь вообще не въ ходу, а фотографическіе снимки, болѣе удобные въ настоящее время, для популяризаціи произведеній искусствъ, всетаки, мало распространены у насъ. Въ виду дороговизны цѣнъ, назначаемыхъ эстампными магазинами за всякое воспроизведеніе художественныхъ вещей, средніе столичные покупатели старательно обходятъ эти магазины. Въ провинціи же дѣло идетъ еще хуже; тамъ почти нѣтъ частныхъ галлерей, и только съ самаго послѣдняго времени и то самые значительные города стали посѣщаться художественными вы-

[1]) Ѳ. И. Булгаковъ. Альбомъ русской живописи. Картины К. Е. Маковскаго. Спб. 1892.

К. Е. Маковскій.

ставками — «передвижною и академическою», а какихъ либо снимковъ, гравюръ и фотографій съ произведеній русскаго искусства въ провинціи и въ поминѣ нѣтъ. Понятно, что чего мы не видимъ, о чемъ мы не слышимъ, тѣмъ и не интересуемся. Поэтому нельзя не привѣтствовать счастливую мысль г. Булгакова знакомить насъ съ нашимъ искусствомъ посредствомъ сборниковъ и альбомовъ, не такъ легко исчезающихъ, какъ обычныя иллюстрированныя изданія.

Кромѣ иллюстрированныхъ обзоровъ художественныхъ выставокъ, начатыхъ съ 1885 года, г. Булгаковъ издалъ особые альбомы, резюмирующіе дѣятельность четырехъ нашихъ значительныхъ художниковъ—Орловскаго, Айвазовскаго, Семирадскаго, а теперь и К. Е. Маковскаго. Всѣ четверо являются рельефными представителями нашей живописи, понятными и интересными не только намъ, но и всякой странѣ Европы. Мы не знаемъ, имѣлъ ли издатель въ виду намѣренную цѣль въ выборѣ указанныхъ художниковъ, но во всякомъ случаѣ отмѣчаемъ эту черту въ дѣятельности выбранныхъ имъ лицъ.

Г. Маковскій, оставаясь вмѣстѣ съ Орловскимъ наиболѣе русскимъ изъ названныхъ четырехъ художниковъ, является вмѣстѣ съ Семирадскимъ наиболѣе близкимъ европейской публикѣ. Его пылкая фантазія, проявляющаяся не столько въ выборѣ темъ для его произведеній, сколько въ разработкѣ и богатствѣ частностей его картинъ, его смѣлый рисунокъ, яркая кисть, блестящій колоритъ — вотъ тѣ качества, которыя обезпечиваютъ К. Маковскому успѣхъ въ Европѣ, пожалуй, еще болѣе, чѣмъ у насъ. У насъ извѣстная часть публики охотно прощаетъ художнику техническіе недостатки за идейную сторону картинъ, за содержаніе послѣднихъ, хотя бы въ сущности и скудное. Въ Европѣ же отнесутся строго къ техническимъ недочетамъ и обязательно потребуютъ отъ произведенія искусства тѣхъ его качествъ, которыя оно должно заключать. Для европейца художественныя произведенія не есть только историческій документъ или иллюстрація человѣческаго быта въ какой либо странѣ и въ какую либо эпоху: для него картины и статуи прежде всего должны удовлетворять извѣстнымъ спеціальнымъ требованіямъ художественнаго вкуса. Вотъ почему далеко не всѣ наши художники на международныхъ выставкахъ обращали на себя вниманіе публики и печати, почему картины, признававшіяся у насъ выдающимися, проходили на Западѣ незамѣченными, почему наоборотъ художники, съ преобладающей склонностью къ формѣ и виртуозности, хотя бы даже и не блиставшіе особенною глубиною мысли и чувства, обращали на себя въ Европѣ вниманіе. К. Маковскій принадлежитъ къ числу художниковъ именно послѣдняго рода. Натура, можетъ быть, не особенно глубокая, но замѣчательно гармоничная, ярко чувствующая прелесть внѣшнихъ очертаній, формъ и красокъ, то-есть имѣющая тѣ главныя условія, безъ которыхъ немыслимъ истинный художникъ, К. Маковскій одаренъ ими въ высокой степени, и они обезпечиваютъ ему успѣхъ. Къ этимъ условіямъ надо прибавить еще его замѣчательную плодовитость, въ свою очередь являющуюся доказательствомъ истиннаго дарованія.

Г. Булгаковъ приводитъ двѣсти семьдесятъ три номера работъ К. Маковскаго, сдѣланныхъ имъ только по частнымъ заказамъ.

Портретъ жены художника.

Въ это число не входятъ тѣ работы, которыя Маковскій дѣлалъ, повинуясь своей собственной волѣ, и которыя являлись на нашихъ художественныхъ выставкахъ, начиная съ 1862 года. Число этихъ картинъ несомнѣнно равняется,—если только не превосходитъ значительно,—числу работъ, дѣланныхъ имъ по заказу. Москвичъ родомъ, К. Маковскій не ограничился только русскою жизнью, какъ его братья, В. и Н. Маковскіе. Начавъ съ жанра, съ русскихъ

бытовыхъ сценъ, онъ расширилъ содержаніе своихъ произведеній, перешелъ на историческій жанръ, пользовался жизнію Востока, не пренебрегалъ и фантастическою областью, точно такъ же, какъ и портретною живописью, въ которой достигъ рѣдкаго виртуознаго блеска. Во всѣхъ этихъ областяхъ живописи онъ представилъ намъ

Странникъ въ гостяхъ у кухарки.

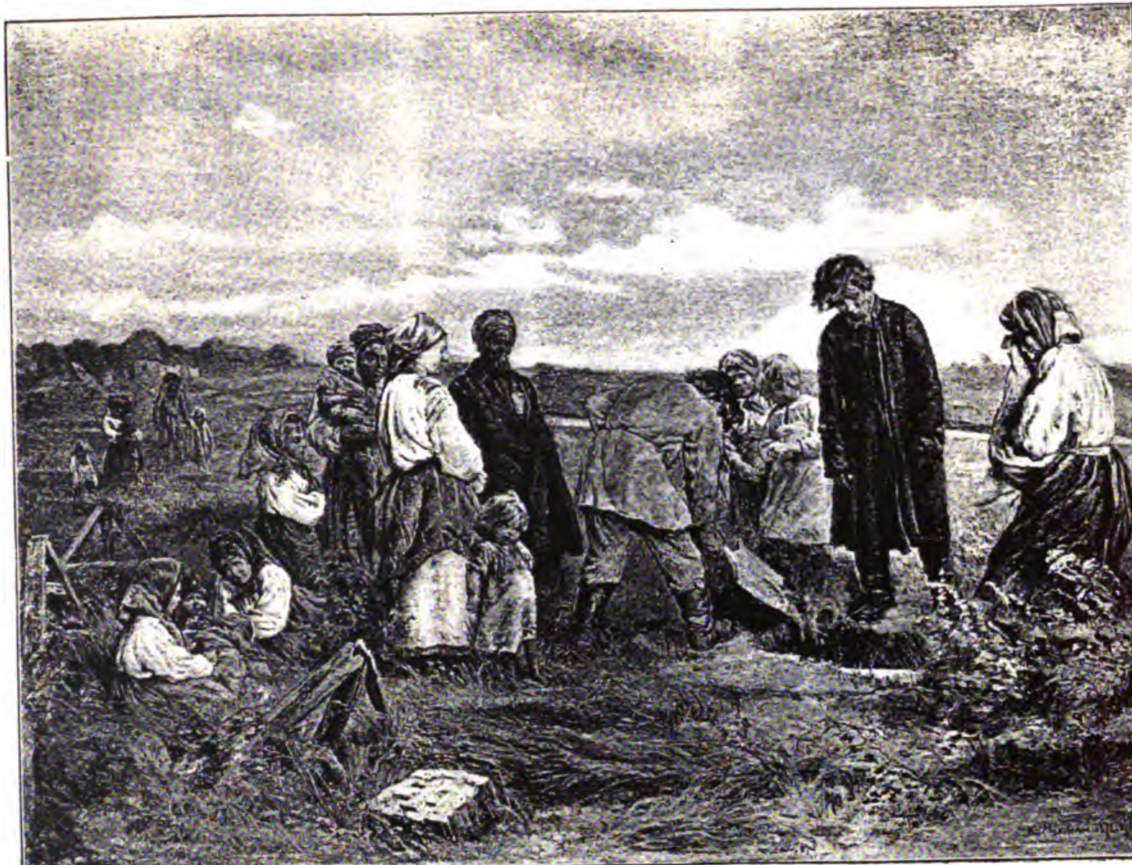
произведенія выдающіяся. Припомнимъ въ области жанра его бытовую картину «Масляница въ Петербургѣ», пріобрѣтенную покойнымъ государемъ, въ области историческаго жанра—«Боярскій пиръ» и «Смерть Ивана Грознаго», въ области восточной жизни—картину «Перенесеніе священнаго ковра въ Каирѣ», находящуюся въ Эрмитажѣ, въ области фантастической и фресокъ—«Русалки» и различ-

Алексѣичъ.

ныя панно (въ этомъ числѣ работы для дома г. Дервиза); наконецъ, его безчисленные портреты, давшіе ему такую репутацію выдающагося портретиста, которая не померкнетъ при сравненіи съ репутаціею любой европейской знаменитости въ этомъ родѣ, напримѣръ, Каролюса Дюрана и др.

Г. Маковскій является однимъ изъ блестящихъ учениковъ нашей академіи художествъ, наглядно въ числѣ другихъ многочисленныхъ примѣровъ опровергая ходячее мнѣніе о рутинѣ этого учрежденія, забивавшей будто бы дарованія. Самъ онъ не разъ ссорился съ академіею, сходился съ передвижниками, но живая натура не могла удержать его и среди новыхъ друзей. Онъ разошелся съ ними и съ 1883 года устроиваетъ уже отдѣльныя выставки своихъ произведеній. Въ Европѣ, гдѣ онъ принималъ участіе во многихъ международныхъ выставкахъ, его имя пользуется широкою извѣстностью и, что еще лучше, его картины, не смотря на ихъ дорогую цѣну, покупаются иностранцами, чѣмъ могутъ похвастаться очень немногіе изъ нашихъ художниковъ. Такъ, «Боярскій пиръ», «Судъ Париса», «Выборъ невѣсты царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ» проданы въ Америку. Это несомнѣнно одно изъ лучшихъ мѣрилъ европейскаго успѣха нашего художника, потому что, вообще говоря, мало и рѣдко продаются иностранцамъ картины и статуи русскихъ артистовъ, хотя бы и живущихъ постоянно за границею. Въ настоящее время К. Маковскій дѣлитъ свою дѣятельность между Петербургомъ и Парижемъ; въ обоихъ городахъ у него находятся мастерскія. Снимокъ съ роскошной петербургской его мастерской помѣщенъ въ альбомѣ г. Булгакова. Недавно, именно въ 1885 году, Маковскій праздновалъ двадцатипятилѣтіе своей дѣятельности; онъ находится теперь въ полной силѣ своего таланта, и мы думаемъ, что можемъ ожидать отъ него еще немало интересныхъ вещей.

Въ альбомѣ г. Булгакова помѣщена сорокъ одна иллюстрація, относящаяся къ произведеніямъ г. Маковскаго. Эти иллюстраціи даютъ полное понятіе о разнообразныхъ работахъ художника, начиная съ портретовъ и до историческаго жанра. Всѣ иллюстраціи исполнены фототипіей (нѣкоторыя же—цинкографіей) и отлично передаютъ общее впечатлѣніе картинъ. Выборъ г. Булгакова слѣдуетъ одобрить; даже слабыя картины Маковскаго, какъ «Болгарскія мученицы» и «Убіеніе дѣтей Годунова», дополняютъ наше представленіе о дѣятельности художника. Въ числѣ портретовъ помѣщены, кромѣ портрета самого художника, портретъ графа Муравьева-Амурскаго, съ котораго и началась репутація Маковскаго, какъ портретиста. Изданіе отличается внѣшнимъ изяществомъ, къ которому насъ пріучили другія изданія подобнаго рода, сдѣланныя г. Булгаковымъ. При недорогой цѣнѣ этого альбома, несомнѣнно, что



Похороны въ деревнѣ.

цѣль издателя — популяризація произведеній нашего искусства — достигаетъ своего назначенія. Слѣдуетъ желать, чтобы и произведенія другихъ нашихъ крупныхъ художниковъ были изданы г. Булгаковымъ въ отдѣльныхъ альбомахъ.

М.

Насѣдка.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ГРАФИНИ Е. В. САЛЬЯСЪ (ЕВГЕНІИ ТУРЪ).

Библіографическій очеркъ.

> ... «Правда жизни, чистота стремле-
> мленій остались за мною, — и это бо-
> гатство донесу я до могилы»...
>
> Евгенія Туръ.

СРЕДИ литературныхъ именъ, хорошо знакомыхъ всѣмъ образованнымъ читателямъ, втеченіе болѣе сорока лѣтъ, на страницахъ русскихъ газетъ и журналовъ или на заглавныхъ листахъ отдѣльно изданныхъ книгъ, появлялась извѣстная подпись: «Евгенія Туръ». Давно уже ни для кого изъ внимательныхъ читателей не было тайною, что подъ этимъ псевдонимомъ скрывается даровитая представительница русской аристократіи—графиня Елизавета Васильевна Сальясъ-де-Турнемиръ; однако, при жизни самой писательницы, почти никто, кромѣ друзей и близкихъ знакомыхъ, не могъ знать даже краткой ея біографіи. Единственный источникъ для знакомства съ женщинами-авторами — «Библіографическій словарь русскихъ писательницъ», изданный кн. Н. Н. Голицынымъ (Спб., 1889 г.), представилъ почти полный перечень трудовъ этой замѣчательной писательницы, но въ то же время, не имѣя точныхъ біографическихъ свѣдѣній о ней, ограничился лишь слѣдующимъ лаконическимъ указаніемъ: «Сальясъ-Турнемиръ графиня, Елизавета Васильевна, рожд.

Сухово-Кобылина, пишетъ обыкновенно подъ псевдонимомъ: Евгенія Туръ» (стр. 217). Поэтому, въ настоящее время, когда названная писательница сошла въ могилу [1]) и тѣмъ завершила свою многолѣтнюю литературную дѣятельность, является возможность передать нѣкоторые факты изъ жизни покойной и представить подробный обзоръ ея произведеній,—тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ послѣднихъ, по своимъ достоинствамъ, справедливо считались и, надѣемся, будутъ долго считаться украшеніемъ нашей родной литературы.

Графиня Елизавета Васильевна Сальясъ-де-Турнемиръ родилась въ Москвѣ, 12-го августа 1815 года [2]). Она была одною изъ дочерей заслуженнаго генерала В. Сухово-Кобылина, женатаго на Шепелевой, и доводилась родною сестрою А. В. Сухово-Кобылину, автору извѣстной комедіи: «Свадьба Кречинскаго». Благодаря родовитому происхожденію, будущая русская писательница получила въ домѣ своего отца образцовое воспитаніе и лучшее образованіе. Подъ руководствомъ опытныхъ гувернантокъ ей пришлось въ совершенствѣ изучить иностранные языки (особенно французскій), что впослѣдствіи послужило большимъ подспорьемъ для ея критическихъ и историко-литературныхъ статей. Равнымъ образомъ и научное образованіе было ввѣрено извѣстнымъ московскимъ педагогамъ: по собственнымъ признаніямъ покойной графини, «исторію Россійскую преподавалъ ей профессоръ Ѳ. Л. Морошкинъ, литературу поэтъ С. Э. Раичъ, физику профессоръ М. А. Максимовичъ». Изъ этихъ лицъ наиболѣе сильное и важное вліяніе на будущую дѣятельность нашей писательницы оказалъ Семенъ Егоровичъ Раичъ (Амфитеатровъ), тогдашній преподаватель русской словесности въ Университетскомъ благородномъ пансіонѣ, издатель нѣсколькихъ альманаховъ, самъ поэтъ и переводчикъ поэмы Тасса «Освобожденный Іерусалимъ»; по отзыву современниковъ, «онъ горячо любилъ литературу, обожалъ поэзію, какъ нѣчто священное, и былъ не только поэтомъ-стихотворцемъ, но и поэтомъ въ душѣ, въ высшемъ значеніи этого слова [3]).

Широко образованная и богато одаренная отъ природы, Елизавета Васильевна, даже послѣ годовъ ученья, нашла въ родномъ домѣ

---

[1]) Графиня Е. В. Сальясъ-де-Турнемиръ скончалась 15-го марта нынѣшняго года въ Варшавѣ, но похоронена въ Тихоновой пустыни, близь Калуги.

[2]) См. ея автобіографическую замѣтку въ альбомѣ М. И. Семевскаго: «Знакомые» (Спб., 1888 г., стр. 268).

[3]) О немъ см. періодическія изданія 1855 года: «Вѣдомости Московской Городской Полиціи», № 289; «Московскія Вѣдомости», № 141; «Москвитянинъ», №№ 21—22, стр. 247—248. Также въ книгѣ Н. В. Гербеля: «Русскіе поэты», Спб., 1888 г., стр. 178—179.

Графиня Е. В. Сальясъ-де-Турнемиръ.

самую благопріятную среду для продолженія своего научно-литературнаго развитія. Домъ Сухово-Кобылиныхъ, въ тридцатыхъ годахъ, могъ назваться однимъ изъ важныхъ центровъ, куда въ опредѣленные дни собирались писатели и профессора Московскаго университета; напримѣръ, тамъ особенно часто присутствовалъ профессоръ эстетики и вмѣстѣ съ тѣмъ издатель «Телескопа» Н. И. На-

деждинъ[1]). Среди этихъ представителей русской науки и литературы постоянно находилась молодая Сухово-Кобылина, пока не уѣхала съ родными за границу, гдѣ и вышла замужъ за французскаго графа Сальясъ-де-Турнемира.

По возвращеніи въ Россію, съ конца сороковыхъ годовъ, молодой графинѣ пришлось выступить на литературное поприще, подъ именемъ «Евгеніи Туръ». Ея первые труды относились къ такъ называемой «изящной русской словесности» и появились въ слѣдующемъ порядкѣ: «Ошибка», повѣсть («Современникъ», 1849 годъ, т. XVII, кн. 10), «Племянница», романъ, часть первая (тамъ же, 1850 года, т. XIX, кн. 1—2; т. XX, кн. 3—4)[2]), «Долгъ», повѣсть (тамъ же, 1850 года, т. XXIV, кн. 11)[3]), «Первое апрѣля», сцена изъ свѣтской жизни (Комета, учено-литературный альманахъ, изданный Н. М. Щепкинымъ, М., 1851 года, стр. 5—85). «Двѣ сестры», повѣсть («Отечественныя Записки», 1851 года, т. LXXV, кн. 3), «Чужая душа—потемки», поговорка (тамъ же, 1852 года, т. LXXXI, кн. 3), «Три поры жизни», отрывокъ изъ романа («Библіотека для Чтенія», 1853 года, т. CXVII, кн. 2)[4]), Заколдованный кругъ», повѣсть («Отечественныя Записки», 1854 года, т. XCII, кн. 1), «Старушка», повѣсть («Русскій Вѣстникъ», 1856 года, т. I, кн. 1—2) и «На рубежѣ», повѣсть (тамъ же, 1857 г., т. XI, кн. 20; т. XII, кн. 21—22). Нѣкоторыя изъ этихъ произведеній («На рубежѣ», «Ошибка», «Заколдованный кругъ», «Двѣ сестры» и «Старушка») вошли въ собраніе, изданное подъ заглавіемъ: «Повѣсти и разсказы Евгеніи Туръ» (М., 1859 года, четыре части), и вмѣстѣ съ отдѣльно напечатанными романами («Племянница» и «Три поры жизни») дали графинѣ Сальясъ видное мѣсто въ ряду тогдашнихъ русскихъ писательницъ. Авторитетная критика (особенно—Григорьевъ, Тургеневъ и Эдельсонъ) съ горячимъ сочувствіемъ привѣтствовала симпатичный талантъ въ лицѣ «Евгеніи Туръ», а Московское общество любителей россійской словесности, «въ уваженіи замѣчательныхъ

---

[1]) См. объ этомъ въ книгѣ Н. П. Барсукова: «Жизнь и труды М. П. Погодина», Спб., 1891 года, кн. IV, стр. 311—312.

[2]) Остальныя части романа были помѣщены въ сборникѣ «Раутъ» (М., 1851 года, кн. 1) и въ учено-литературномъ альманахѣ «Комета» (М., 1851 года, стр. 257—426), а затѣмъ весь романъ «Племянница» вышелъ отдѣльно (М., 1851 года, четыре части).

[3]) Эта повѣсть въ рукописи носила названіе «Капризъ»; но цензура, по словамъ писательницы, «не позволила появиться въ печати этой повѣсти иначе, какъ переименовавъ заглавіе на «Долгъ». Только спустя нѣсколько лѣтъ, упомянутая повѣсть подъ своимъ прежнимъ названіемъ «Капризъ» была перепечатана въ «Библіотекѣ для дачъ» (1856 года, кн. 37).

[4]) Въ слѣдующемъ году этотъ романъ, подъ тѣмъ же заголовкомъ, вышелъ отдѣльно (М., 1854 г., три части).

литературныхъ трудовъ», поднесло ей дипломъ на званіе почетнаго члена (съ 4-го марта 1859 года).

При такой высокой оцѣнкѣ первыхъ произведеній «Евгеніи Туръ», можно было ожидать, что талантливая писательница подаритъ русскую литературу дальнѣйшими разсказами, повѣстями и романами. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ она прекратила дѣятельность романистки и занялась критическими трудами. Прежде всего, па ея долю, еще съ 1856 года, выпало дѣятельное участіе въ редакціи «Русскаго Вѣстника»: ей поручался просмотръ, оцѣнка, иногда даже исправленіе беллетристическихъ произведеній, присланныхъ для помѣщенія въ названномъ журналѣ,—и можно справедливо сказать, что отдѣлъ романовъ, повѣстей и разсказовъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» пятидесятыхъ годовъ своими высокими достоинствами былъ преимущественно обязанъ изящному вкусу и критическому чутью графини Сальясъ. Одновременно съ такою дѣятельностью она сама въ томъ же періодическомъ изданіи М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева открыла вереницу мастерски написанныхъ этюдовъ, посвященныхъ жизни или произведеніямъ иностранныхъ писателей и писательницъ. Къ этимъ замѣчательнымъ статьямъ принадлежали:

«Жизнь Жоржъ-Санда», на основаніи книги: «Histoire de ma vie, par Georges Sand (1856 года, т. III, кн. 9 и 12; т. IV, кн. 16).

«Нравоописательный романъ во Франціи», по поводу сочиненія: «Madame de Bovary, moeurs de province», par Gustave Flaubert (1857 годъ, т. X. кн. 16).

«О пьесѣ Э. Ожье: L'a jeunesse» (1857 года., т. XIV, кн. 7).

«Уйльямъ Чаннингъ» (1858 года, т. XIV, кн. 8).

«О сочиненіи Э. Ожье и Э. Фуссье»: «Les Lionnes pauvres» (1858 года, т. XVI, кн. 15).

«Парижскія письма» (1858 года, т. XVII, кн. 17).

«Миссъ Бронте, ея жизнь и сочиненія» (1858 года, т. XVIII, кн. 24).

«Женщина и любовь по понятіямъ г. Мишле», на основаніи книги: «L'amour, par I. Michelet» (1859 года, т. XXI, кн. 11).

«Госпожа Рекамье», по поводу изданія: «Souvenirs et correspondance tirés des papiers de M-me Récamier» (1860 года, кн. 3 и 4).

«Госпожа Свѣчина», на основаніи сочиненія: «Madame Swetchine, sa vie et ses oeuvres publiés, par le C-te de Falloux, de l'Académie française» (1860 года, т. XXVI, кн. 7).

При послѣдней статьѣ редакція «Русскаго Вѣстника» сдѣлала замѣчаніе о неполномъ разборѣ ультрамонтанскихъ взглядовъ С. П. Свѣчиной (урожденной Соймоновой). На эту замѣтку графиня Сальясъ отвѣтила «Письмомъ къ редактору» (Русскій Вѣстникъ», 1860 года, т. XXVI, кн. 8, стр. 406—411), но въ то же время встрѣтила новое, болѣе подробное объясненіе М. Н. Каткова подъ заглавіемъ: «По поводу письма г-жи Евгеніи Туръ»

(тамъ же, стр. 468—488) [1]). Эта полемика заставила нашу писательницу навсегда прекратить свое участіе въ «Русскомъ Вѣстникѣ» и, послѣ короткаго сотрудничества въ «Русскомъ Словѣ», гдѣ ею помѣщенъ критическій разборъ романа Крашевскаго: «Два свѣта» (1860 года, кн. 5—6), предпринять изданіе собственнаго журнала. Послѣдній, сначала подъ редакціею Евгеніи Туръ, а потомъ (съ № 39)—Е. М. Ѳеоктистова, сталъ выходить въ Москвѣ съ 1-го января 1861 года, два раза въ недѣлю, подъ такимъ названіемъ: «Русская Рѣчь. Обозрѣніе литературы, исторіи, искусства и общественной жизни на западѣ и въ Россіи». На страницахъ этого періодическаго изданія, прожившаго только тринадцать мѣсяцевъ и прекратившагося на первомъ нумерѣ за 1862 годъ, графиня Сальясъ частію продолжала свои критическіе этюды по иностранной литературѣ, частію печатала разборы новыхъ русскихъ сочиненій. Намъ извѣстны слѣдующія ея статьи, помѣщенныя въ «Русской Рѣчи» за 1861 годъ:

«Горасъ Вальполь и маркиза Дюдеффанъ» (№№ 1—3).

«Москва и москвичи», за подписью «В. Сухаревъ» (№№ 1 и 3).

«Разборъ» романа М. В. Авдѣева: «Подводный камень» (№ 6).

«Рецензія» романа В. Крестовскаго: «Въ ожиданіи лучшаго» (№ 12).

«Переписка Беранже» (№ 14).

«Жизнеописанія замѣчательныхъ людей: Елизавета Фрей» (№№ 17, 19, 20, 22, 25 и отдѣльною брошюрою: М., 1861 года, 60 стр.).

«Нѣсколько словъ о женскомъ трудѣ» (№ 70).

«Разборъ» романа Ѳ. М. Достоевскаго: «Униженные и оскорбленные» (№ 89).

Вслѣдъ за прекращеніемъ «Русской Рѣчи» графиня Е. В. Сальясъ на время перенесла свою литературную дѣятельность на страницы петербургскихъ журналовъ и газетъ. Такъ въ журналѣ «Время» она помѣстила «Шесть недѣль въ гостяхъ и дома» (1862 года, кн. 4), «Воспоминанія и размышленія» (1862 года, кн. 6); въ «Сѣверной Пчелѣ» — «Нѣсколько бѣглыхъ замѣтокъ послѣ чтенія романа И. С. Тургенева «Отцы и дѣти» (1862 года, №№ 91 и 92) и «Письма изъ-за границы» (1862 года, №№ 108, 125, 131, 135), но болѣе значительныя статьи, особенно по иностранной литературѣ, напечатала въ «Библіотекѣ для Чтенія» и «Отечественныхъ Запискахъ», какъ, напримѣръ:

«Выдержки изъ текущей литературы и путевыя замѣтки»: Новый Вавилонъ, Е. Пеллетана и Баль-Мабиль въ Парижѣ, Брюссель и воспитаніе дѣвицъ въ монастыряхъ, Спа, молодая Франція, нѣмецкій

---

[1]) Для полноты нашего очерка должно упомянуть, что графиня Е. В. Сальясъ напечатала еще въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1860 года, № 85) «Нѣсколько словъ по поводу статьи русской женщины: Елена Николаевна Стахова »,—статьи, помѣщенной въ журналѣ «Наше Время» (1860 года, № 13).

патріотизмъ, Наугеймъ, рулетка, переписка г-жи Сталь, ея отношенія къ Шиллеру, Гёте и Бонапарту («Библіотека для Чтенія», 1862 года, кн. 10 и 11).

«Политическая комедія во Франціи», по поводу сочиненій: «Les Ganaches», par Victorien Sardou и «Le fils de Giboyer», par Emile Augier («Отечественныя Записки», 1863 года, кн. 2.).

«Богини свободы», на основаніи книги: «Les déesses de la liberté», par M. Capefigue («Библіотека для Чтенія», 1863 года, кн. 3).

«Разборъ» повѣсти графа Л. Н. Толстаго: «Казаки» («Отечественныя Записки», 1863 года, кн. 6).

«О книгѣ: Paris en Amérique, par le docteur René Lefebure» («Библіотека для Чтенія», 1863 года, кн. 5—7).

«Изъ Парижа»: новая пьеса—«Cocher à Bobino», маленькіе театры, особенность французскаго настроенія, романы Шанфлери и Абу, серьезныя книги Лабулэ и Ланфре («Библіотека для Чтенія», 1864 года, кн. 2).

«Біографія Виктора Гюго», на основаніи книги: «Victor Hugo raconté par un témoin de sa vie» (тамъ же, кн. 4—8.).

«Италія и Америка», по поводу сочиненій: «L'Italie des italiens», par Louise Colet и «North Amerika», by Anthony Trollope (тамъ же, кн. 10—12.).

«Сисмонди, графиня Альбани, Альфіери и г-жа Сталь» (тамъ же, кн. 12).

Сверхъ того, втеченіе двухъ лѣтъ, за подписью Евгеніи Туръ, были напечатаны подобныя же статьи и въ газетѣ «Голосъ». Изъ нихъ намъ извѣстны; «Марія-Антуанетта и Марія Стюартъ» (1864 года, №№ 199 и 207), «Записки г-жи Роланъ» (№№ 213 и 214), «Корреспонденція изъ Парижа» (№ 238), «Отзывъ о книгѣ Ренана» (№ 171); «Рецензія на сочиненіе Прудона: Искусство» (1865 года, № 244) и «Эпизоды изъ эпохи Реформаціи» (№ 272). Это были послѣдніе историко-литературные и критическіе труды графини, если не считать немногихъ случайныхъ статей того же рода, напечатанныхъ позже, а именно: «Кто герои романа «Пугачевцы»?» (М., 1874 года), «Теперь и прежде», по поводу драматическихъ представленій Эрнеста Росси («Вѣстникъ Европы», 1877 года, кн. 6), «Гизо» по сочиненію г-жи де-Виттъ («Полярная Звѣзда», 1881 года, кн. 1), «О Саррѣ Бернаръ и ея репертуарѣ на московской сценѣ» («Русская Мысль», 1882 года, кн. 2).

Зато съ 1866 года графиня Е. В. Сальясъ открываетъ новый періодъ своей дѣятельности: она, втеченіе болѣе четверти вѣка, отдаетъ свое перо оригинальнымъ и переводнымъ сочиненіямъ, предназначеннымъ для дѣтскаго или юношескаго возроста. Извѣстно, какъ плодотворны были труды нашей даровитой писательницы на этомъ важномъ поприщѣ: ея повѣсти и разсказы для юныхъ читателей служили образцами изящнаго и прекраснаго какъ по мыслямъ, такъ и по формѣ изложенія; въ выборѣ сюже-

товъ и въ обрисовкѣ типовъ сказывался опытный педагогическій тактъ; многія страницы дышали искренней сердечностью, теплотою чувства и нерѣдко истинною религіозностью. Однимъ словомъ, это новое направленіе литературныхъ занятій дало еще большую извѣстность графинѣ Сальясъ, такъ что ея обычная подпись «Евгенія Туръ» сдѣлалась дорогой, точно родной, для нашихъ школъ и для каждой образованной русской семьи... Къ благотворнымъ плодамъ такой дѣятельности относились слѣдующія произведенія:

«Катакомбы», повѣсть изъ первыхъ временъ христіанства, перев. съ англійскаго, М., 1866 года. — Второе изданіе: М., 1869 года. — Третье: Спб., 1878 года.—Четвертое: Спб., 1882 года. — Пятое: Спб., 1886 года. — Шестое: М., 1890 года, 287 стр.

«Жемчужное ожерелье», сказка, М., 1870 года, 36 стр.

«Звѣздочка», разсказъ, М., 1873 года, 116 стр.

«Хрустальное сердце», разсказъ, М., 1873 года, 103 стр.

«Семейство Шалонскихъ», изъ семейной хроники, Спб., 1880 г., 168 стр.—Второе изданіе: Спб., 1882 года.—Третье изданіе: М., 1891 года 156 стр. — Это сочиненіе сначала было напечатано въ «Исторической Вибліотекѣ» (1879 года, кн. 1 и 2).

«Послѣдніе дни Помпеи», повѣсть, передѣланная съ англійскаго для отроческаго возроста («Дѣтскій Отдыхъ», 1882 года, кн. 1—4). Затѣмъ эта повѣсть имѣла отдѣльныя изданія: первое—М., 1883 года, 219 стр.; второе—Спб., 1887 года, 183 стр., съ четырьмя рисунками; третье—М., 1891 года, 179 стр.

«Графъ Варвикъ», историческій романъ изъ англійской жизни XV вѣка («Дѣтскій Отдыхъ», 1883 года. кн. 9).

«Житіе преподобнаго отца нашего Ксенофонта, супруги его Маріи и двухъ сыновей его, Іоанна и Аркадія», Спб., 1884 года.

«Мученики Колизея», историческій разсказъ для дѣтей, М., 1884 года, 146 стр.—Второе изданіе: Калуга, 1884 года.—Третье изданіе: М., 1890 года, 164 стр. и два рисунка.

«Очеркъ жизни и дѣяній Иннокентія, митрополита московскаго, М., 1884 года, 64 стр.

«Три разсказа для дѣтей»: Жемчужное ожерелье, Звѣздочка, Хрустальное сердце. Спб., 1884 года, 265 стр.—Второе изданіе: М., 1891 года, 269 стр.

«Жизнь святаго Макарія Египетскаго» («Дѣтскій Отдыхъ», 1885 года, кн. 1). Отдѣльное изданіе: М., 1885 года, 24 стр.

«Дѣти короля Людовика XVI» («Дѣтскій Отдыхъ», 1885 года, кн. 2). Отдѣльно: М., 1886 года, 190 стр.

«Черезъ край», разсказъ, М., 1885 года, 64 стр.

«Страданія святыхъ мучениковъ Адріана и Наталіи», Калуга, 1885 года.

«Княжна Дубровина», повѣсть въ трехъ частяхъ («Дѣтскій Отдыхъ», 1886 года). Отдѣльныя изданія: первое—М., 1887 года, 437 стр., и второе—М., 1890 года, 363 стр.

«Борьба испанцевъ съ маврами и завоеваніе Гренады», Спб., 1887 года, 149 стр.

«Священная исторія Ветхаго Завѣта», М., 1888 года, 219 стр.

«Сережа Воръ-Раменскій», повѣсть («Дѣтскій Отдыхъ», 1888 года, кн. 1—4). Отдѣльныя изданія: первое—М., 1888 года, двѣ части, 178+244 стр., и второе—М., 1891 года.

Среди работы надъ собственными указанными произведеніями наша писательница только одинъ разъ и то по усиленной просьбѣ нѣкоторыхъ лицъ дала критическую оцѣнку трехъ сочиненій для дѣтскаго чтенія: мы разумѣемъ ея отзывъ, напечатанный въ «Народной и Дѣтской Библіотекѣ» (М., 1879 года, № 1, стр. 5—8; № 3, стр. 77—78), о повѣстяхъ Соковнина: «Быть и казаться», о книгѣ Гиппіусъ: «Городъ и деревня», и о разсказѣ И. С. Тургенева: «Живыя мощи».

Наконецъ, намъ остается еще указать на одинъ неоконченный трудъ графини Е. В. Сальясъ—на ея «Воспоминанія». Въ одномъ изъ раннихъ своихъ произведеній она писала: «Глубоко сердце человѣческое; неизмѣримы, темны и страшны его сокровенныя пропасти, и когда что̀ западаетъ въ нихъ, часто внезапно опять подымается изъ нихъ и заливаетъ все существо давно затеряннымъ и умершимъ чувствомъ»... Руководясь такими мыслями, графиня, за десять лѣтъ до кончины, помѣстила небольшой отрывокъ изъ своихъ «Записокъ», посвященный профессору Московскаго университета, извѣстному историку и литератору П. Н. Кудрявцеву («Полярная Звѣзда», 1881 года, кн. 3, стр. 9—59). Многіе, какъ мы знаемъ, съ удовольствіемъ прочли эту интересную часть ея «Воспоминаній» и съ нетерпѣніемъ ожидали обѣщаннаго продолженія. Между тѣмъ покойная писательница, полагая, какъ видно, неудобнымъ при своей жизни печатать остальныя главы, прекратила изданіе любопытныхъ «Воспоминаній». Можно думать, что въ ея бумагахъ отыщутся эти «страницы изъ пережитаго» и появятся въ цѣльномъ видѣ, какъ драгоцѣнное наслѣдіе умной, наблюдательной и правдивой женщины, мимо которой прошли многія замѣчательныя лица и «дѣла давно минувшихъ дней»...

Д. Языковъ.

ФЕЛЬДМАРШАЛЪ ПАСКЕВИЧЪ И ДИПЛОМАТІЯ ВЪ 1827—1829 ГОДАХЪ.

ТРЕТІЙ ТОМЪ сочиненія князя Щербатова: «Генералъ-фельдмаршалъ князь Паскевичъ, его жизнь и дѣятельность», обнимаетъ собою кульминаціонный пунктъ карьеры Паскевича, касаясь самыхъ лучшихъ его боевыхъ подвиговъ, какъ главнокомандующаго русскихъ войскъ въ Персидскую кампанію, а также и въ слѣдовавшую почти тотчасъ вслѣдъ за этой Турецкую кампанію 1829 года. Тутъ, являясь вполнѣ самостоятельнымъ военачальникомъ, Паскевичъ выслужилъ себѣ титулъ графа, Георгіевскій крестъ первой степени, орденъ Андрея Первозваннаго, а въ концѣ концевъ за войну 1828—1829 годовъ эполеты и жезлъ фельдмаршала. И все это, цитируя письмо къ нему императора Николая Павловича, дѣйствительно принадлежало ему не по какому либо пристрастію, но по славнымъ дѣламъ, которыя присоединили имя его къ именамъ Румянцева и Суворова. Позволяя себѣ сдѣлать и изъ этой большой и почтенной работы князя Щербатова бѣглую компиляцію, я долженъ сказать, что общія достоинства этого тома тѣ же, что и въ предшествовавшихъ двухъ томахъ: внѣшняя роскошь изданія, прекрасный языкъ, богатыя карты и чрезвычайно интересныя приложенія документовъ и писемъ, до настоящаго времени нигдѣ не обнародованныхъ. Во многихъ отношеніяхъ трудъ князя Щербатова является весьма цѣннымъ вкладомъ въ историческую сокровищницу прошлаго русскаго народа, и потому такъ позволительно посѣтовать на автора

за бѣглость, съ которой онъ проходитъ мимо нѣкоторыхъ сторонъ дѣятельности Паскевича, намекая на нихъ, даже подчасъ давая крайне интересные документы, относящіеся къ этимъ сторонамъ дѣятельности и характера своего героя, но не освѣщая ихъ съ полною ясностью для читателя. Кромѣ того, какъ уже замѣчено спеціально военно-исторической критикой, походъ 1829 года интереснѣйшій, даже скажемъ прямо, удивительнѣйшій по удачѣ и деталямъ, среди которыхъ приходилось дѣйствовать главнокомандующему, въ числѣ другихъ нашихъ походовъ, пройденъ историкомъ суховато, въ видѣ почти послѣдовательнаго перечисленія именъ, урочищъ и фамилій генераловъ, одерживавшихъ побѣды или терпѣвшихъ неудачи, втеченіе этихъ блестящихъ вообще военныхъ дѣйствій. Приложенная карта, очень хорошая сама по себѣ, нѣсколько узка, такъ какъ по ней совершенно невозможно прослѣдить отважныя дѣйствія Паскевича при рекогносцировкѣ на Трапезонтъ и всѣхъ его движеній въ сторону Сиваза.

Въ общемъ, картина войны въ Малой Азіи подъ начальствомъ Паскевича нарисована княземъ Щербатовымъ спокойно, правдиво, послѣдовательно, но какъ бы совершенно безучастно, между тѣмъ какъ эта картина невольно возбуждаетъ не только участіе, но и волнуетъ, особенно въ тѣхъ ея деталяхъ, которые касаются дѣйствій нашей дипломатіи подъ управленіемъ Нессельроде. Безпристрастіе и даже безстрастіе въ историкѣ первое дѣло; но это еще совсѣмъ молодая исторія, и потому да позволено будетъ намъ немного и поволноваться. Дешево цѣнитъ русская дипломатія русскую доблестную кровь и, расточая ее обильно и широко, она какъ будто всегда ставила себѣ задачей уничтожить переговорами все, что было добыто смертью и мечами военачальниковъ и солдатъ нашихъ. Съ этой-то нѣсколько болѣе страстной точки зрѣнія мы и подойдемъ къ тѣмъ подвигамъ дипломатическимъ и военнымъ, которые съ историческимъ спокойствіемъ рисуетъ намъ князь Щербатовъ въ третьемъ томѣ своего обстоятельнаго и прекраснаго труда.

I.

Туркманчай.

Съ покореніемъ Эривани, крѣпости, на сопротивленіи которой Абассъ-мирза, наслѣдникъ персидскаго престола и главнокомандующій персидскою арміей, вторгнувшеюся въ 1827 году въ предѣлы Россіи, основывалъ всѣ свои надежды и всѣ соображенія о дальнѣйшемъ сопротивленіи побѣдоносной русской арміи Паскевича, собственно боевыя дѣйствія кампаніи были закончены; но впереди предстояла, пожалуй, еще болѣе трудная задача: понудить

персіянъ къ миру и заставить ихъ принять именно тѣ условія, которыя мы имъ продиктуемъ. Съ этой цѣлью, не смотря на позднее уже время года, Паскевичъ приказалъ начать наступленіе въ Персію немедленнымъ же переходомъ Аракса, что было блистательно исполнено и вскорѣ послѣ чего былъ занятъ Тавризъ, главный городъ Азербайджана. Тавризъ, въ которомъ сосредоточивались большія запасы продовольствія и военныхъ запасовъ и гдѣ находился лучшій артилерійскій арсеналъ, приведенный въ порядокъ и хорошо оборудованный воинственнымъ и даровитымъ Абассомъ-мирзою, былъ занятъ безъ сопротивленія, хотя Алаяръ-ханъ, первый министръ шаха, и собирался здѣсь организовать какой нибудь отпоръ, устроивая остатки разбитыхъ войскъ, еще не совсѣмъ разбѣжавшихся, а также стараясь поднять жителей города на священную войну съ наступающимъ врагомъ. Но на этотъ разъ само шеитское духовенство было противъ свѣтскихъ властей и, разсказывая жителямъ о милосердіи и великодушіи побѣдителей Сардаръ Абада и Эривани, которые вездѣ являлись освободителями угнетенныхъ и обираемыхъ и никогда не притѣсняли покореные народы въ ихъ религіозныхъ вѣрованіяхъ и обрядахъ, мѣшало усиліямъ и начинаніямъ людей военныхъ. Въ этомъ направленіи особенно горячо работалъ въ нашу пользу муджтехидъ Ага-Амиръ-Фетъ-Сеидъ, вполнѣ предавшійся русскимъ и по окончанія войны перешедшій даже въ наше подданство. Такимъ образомъ, проповѣдь духовенства вмѣстѣ съ ненавистью персіянъ къ династіи каджаровъ, жадныхъ и жестокихъ притѣснителей народа, сдѣлали свое дѣло и покорили русскимъ сердца не только простаго народа, но и хановъ Марагскаго, Агарскаго, Ардебильскаго и Хойскаго. Поэтому усилія Алаяръ-хана не привели ни къ чему, и когда авангардъ русскихъ войскъ подошелъ къ Тавризу, то жители вышли на встрѣчу съ цвѣтами и привѣтствіями и безпрепятственно допустили русскихъ занять не только городъ, но и цитадель, въ которой находились литейный заводъ и арсеналъ со всѣми боевыми запасами. Восторги толпы и пріемъ, оказанный Тавризомъ вступленію Паскевича съ авангардомъ въ городъ, причемъ путь его усыпали цвѣтами и въ честь его закалывали быковъ, нѣсколько даже безпокоили нашего главнокомандующаго, знавшаго, что императоръ Николай вовсе не желалъ присоединенія Азербайджана къ Россіи. Точно также, и по той же причинѣ, Паскевичъ отклонялъ отъ себя всякую измѣнническую помощь хановъ, просившихъ о принятіи ихъ подъ главенство Россіи, чего онъ, въ силу данной ему инструкціи, не могъ исполнить, а между тѣмъ не хотѣлъ, чтобы усердіе и преданность лицъ вражескаго государства, по удаленіи русскихъ войскъ, повели бы къ бѣдственнымъ для нихъ послѣдствіямъ и обрушили на ихъ головы жестокія кары. Овладѣвъ Тавризомъ, Паскевичъ расположилъ свои войска на зимнихъ квартирахъ, причемъ походныя дви-

женія его продолжались на его лѣвомъ флангѣ въ отрядѣ генерала Вадбольскаго, которому досталась крайне трудная дорога для вторженія въ Персію, гдѣ вообще дороги отвратительны, почему генералъ Вадбольскій и не могъ слѣдовать, равняясь съ главными силами, но постоянно отставалъ отъ нихъ. Дѣйствія эти, сами по себѣ требовавшія большихъ жертвъ лошадьми и людьми, падавшими отъ усталости и непомѣрныхъ трудовъ, имѣли, конечно, уже второстепенное значеніе, но служили къ тому, чтобы персіяне и во время переговоровъ, которые они по примѣру всѣхъ восточныхъ народовъ безконечно затягивали, находились подъ угрозой немедленнаго возобновленія военныхъ дѣйствій. Переговоры эти по своимъ деталямъ были въ высшей степени любопытны.

21-го октября Абассъ-мирза, выразивъ первоначально желаніе лично видѣться съ Паскевичемъ, чтобы трактовать о мирѣ, неожиданно для послѣдняго прислалъ каймакана, то-есть своего помощника по управленію Азербайджаномъ, чтобы воспользоваться посредничествомъ англичанъ и начать переговоры о мирѣ при ихъ содѣйствіи въ Тавризѣ. Но Паскевичъ отлично понялъ разставленную ему ловушку и, отклонивъ всякое посредничество англичанъ, не пустилъ каймакана въ Тавризъ, остановивъ его за семь верстъ въ деревнѣ Карамеликѣ, куда, однако, выслалъ почетный караулъ и начальника своей дипломатической канцеляріи Обрѣзкова, для начатія непосредственныхъ переговоровъ о мирѣ. Съ Обрѣзковымъ же были посланы и условія, на основаніи которыхъ долженъ былъ быть составленъ и самый мирный трактатъ. Условія эти были слѣдующія.

Персія уступала Россіи въ вѣчное владѣніе ханства Эриванское и Нахичеванское: первое цѣликомъ съ частями, лежащими по ту и другую сторону Аракса, а послѣднее по берегу Аракса, который и долженъ былъ служить границею между трактующими государствами. Затѣмъ Россіи возвращалось ханство Талышинское (то-есть Ленкорань), принадлежавшее ей по силѣ Гюлистанскаго трактата, но захваченное персіянами, при ихъ вторженіи въ Россію, и, наконецъ, Персія обязывалась уплатить 15-ть куруровъ томановъ, или тридцать милліоновъ рублей серебромъ, въ вознагражденіе издержекъ, понесенныхъ Россіею во время этой войны. Какъ дополненіе, крайне существенное въ переговорахъ съ шахомъ, который, не увѣренный въ прочности своего престола, былъ готовъ, какъ говорили англичане и даже его собственные министры, отдать лучше три Азербайджана, нежели тронуть свою собственную казну, стояло еще условіе, что серьезные переговоры о мирѣ должны начаться только послѣ уплаты русскимъ пяти куруровъ, или десяти милліоновъ рублей, впередъ. Каймаканъ вовсе не противорѣчилъ Обрѣзкову при первомъ свиданіи и просилъ только о свиданіи съ англійскимъ полковникомъ Макдональдомъ

въ Тавризѣ. Очень не хотѣлось этого посредничества Паскевичу, но, сообразивъ всю обстановку дѣла, онъ принужденъ былъ согласиться на это, такъ какъ,—писалъ онъ государю,—«содѣйствіе англійскаго резидента будетъ благотворно для Персіи, ибо онъ лучше можетъ оцѣнить опасность, сему государству грозящую, нежели шахъ и его министры». Но Макдональдъ, не смотря на просьбы каймакана, не поѣхалъ въ Тегеранъ, такъ какъ ему казалось болѣе полезнымъ устроить свиданіе Паскевича съ Абассъ-мирзою и притомъ онъ ясно понималъ, что дѣло рѣшится во всякомъ случаѣ въ Тавризѣ, а не въ Тегеранѣ. Онъ только снабдилъ каймакана письмомъ къ своему повѣренному въ Тегеранѣ, приглашая послѣдняго «открыть глаза шаху и его министрамъ». Хотя все это составляло несомнѣнную затяжку дѣла, но въ душѣ Паскевичъ самъ былъ не прочь затянуть переговоры недѣль на восемь, чтобы дать подтянуться обозамъ съ обмундированіемъ для своего совершенно обнищавшаго и оборвавшагося войска, а это могло произойти только недѣль черезъ шесть. Во всякомъ случаѣ желанія этого Паскевичъ не высказывалъ, а, напротивъ, торопилъ персіянъ всѣми зависящими отъ него средствами. Такимъ образомъ, онъ еще 22-го октября послалъ сказать каймакану, что если по истеченіи шести дней Абассъ-мирза доставитъ рѣшительный отвѣтъ и свое согласіе на предложенныя условія, то онъ будетъ принятъ Паскевичемъ въ Дей-Карганѣ, причемъ онъ предварительно долженъ сдать крѣпость Хой русскимъ войскамъ и ѣхать на свиданіе съ конвоемъ изъ русскихъ же войскъ. Абассъ-мирза отвѣтомъ медлилъ, но движеніе Бенкендорфа къ Чевистеру на сообщеніе Хоя съ Тегераномъ заставило его рѣшиться подтвердить все условленное каймаканомъ и выѣхать на свиданіе съ Паскевичемъ въ Дей-Карганъ. Хой же тотчасъ сдался со всѣми запасами, и туда былъ назначенъ русскій комендантъ. Свиданіе главнокомандующихъ персидской и русской армій было полно взаимныхъ вѣжливостей и имѣло даже дружественный характеръ, потому что лично Паскевичъ сочувствовалъ Абассу-мирзѣ, считая его однимъ изъ лучшихъ принцевъ персидской династіи, и не отказывалъ ему въ извѣстныхъ даже военныхъ дарованіяхъ. Со своей же стороны Абассъ-мирза, испробовавъ на своихъ бокахъ силу русскихъ и ихъ непобѣдимость, самъ былъ не прочь заключить миръ прочный, хотя бы и невыгодный для Персіи, сунувшейся въ воду, не извѣдавъ броду. Но весь вопросъ былъ въ деньгахъ, которыхъ у Абассамирзы не было, и которыхъ шахъ дать не соглашался. Наслѣдникъ персидскаго престола упорно выпрашивалъ облегченія именно денежныхъ условій, но дождался только ултиматума, чтобы къ 1-му декабрю было получено извѣстіе объ отправкѣ изъ Тегерана 10 милліоновъ, въ противномъ случаѣ переговоры прекращаются и военныя дѣйствія возобновятся. Вѣроятно, въ виду этого ульти-

матума, бѣдный Абассъ-мирза, попавшій въ тиски между непреклонностью русскаго побѣдителя и скупостью отца, попробовалъ еще разъ оскалить свои вышибленные зубы. 12-го ноября Паскевичъ узналъ о сосредоточеніи персидскихъ войскъ на Тегеранской дорогѣ, въ ста верстахъ впереди Тавриза, у городаМіаны, и 14-го ноября же объявилъ Абассу-мирзѣ, что приказалъ генералу Розену занять городъ Міану. Отрядъ этотъ,—объявилъ при этомъ Паскевичъ,—будетъ служить постомъ для принятія денегъ, которыя имѣютъ быть высланы шахомъ, если же денегъ прислано не будетъ, то авангардомъ для движенія на Тегеранъ. Абассъ-мирза пріунылъ, сталъ просить нѣсколько дней на размышленіе и потомъ просилъ еще отпустить плѣннаго Алаяръ-хана къ шаху, чтобы тотъ могъ убѣдить его въ необходимости немедленно согласиться на требованіе русскаго главнокомандующаго. Хотя Паскевичъ вѣрилъ, что Алаяръ-ханъ могъ быть полезенъ въ этомъ направленіи, какъ человѣкъ, видѣвшій силу русскихъ своими глазами, и притомъ, какъ агентъ, преданный лично Абассу-мирзѣ, но не желая показать персіянамъ, что русскіе во что бы то ни стало добиваются мира, рѣшилъ не пускать этого сановника въ Тегеранъ.

Не смотря, однако, на эти энергическія побужденія и на твердую рѣшимость Паскевича поставить на своемъ, мѣрами ли кротости, или мѣрами боевыми, наступилъ 1828 годъ, и переговоры въ Дей-Карганѣ не подвигались сколько нибудь замѣтно впередъ. Положимъ, 9-го декабря, прижатый къ стѣнѣ ультиматумомъ Паскевича, Абассъ-мирза подписалъ условія мира такими, какъ ихъ желалъ главнокомандующій, но выговоривъ только признаніе себя наслѣдникомъ персидскаго престола, что и было ему даровано, какъ высокая милость государя императора, но съ оговоркой, что въ случаѣ смутъ онъ не можетъ требовать отъ насъ вмѣшательства въ дѣла Персіи въ свою пользу. Тѣмъ временемъ, однако, Розенъ шелъ къ Міанѣ.

Съ наступленіемъ новаго года, Паскевичъ, видя, что дѣло затягивается, приказалъ Сухтелену объявить Абассу-мирзѣ, что онъ прекращаетъ перемиріе и возобновляетъ военныя дѣйствія занятіемъ ханства Марагскаго и Урмійскаго и что если персіяне не хотятъ быть атакованными русскими войсками, то чтобы вывели оттуда находящіеся тамъ небольшіе отряды еще уцѣлѣвшихъ персидскихъ войскъ. Къ этому времени Паскевичъ уже зналъ, да знали о томъ и въ Тавризѣ, и въ Тегеранѣ, что предстоитъ неминуемый разрывъ между Турціей и Россіей, причемъ Абассъ-мирза сообщалъ Паскевичу, что Ванскій паша предлагалъ ему помощь, если онъ съумѣетъ найдти средства продолжить борьбу съ русскими. Обстоятельства становились трудными, и все дѣло грозило быть проиграннымъ при самомъ окончаніи своемъ. Но тутъ

случилось нѣчто такое, чего никакъ нельзя было даже и предвидѣть. Намъ помогли англичане. Въ Тегеранѣ началось движеніе народа, пріѣхалъ хоросанскій ханъ Гассанъ-Али-мирза, младшій сынъ шаха, и былъ принятъ, какъ избавитель народа, населеніемъ гаремомъ шаха и, наконецъ, самимъ шахомъ Фетъ-Али, которому попрежнему всего болѣе было жаль денегъ. По увѣренію персіянъ, Гассанъ-Али привелъ съ собой свѣжее войско, въ числѣ около семи тысячъ регулярной пѣхоты и около сорока тысячъ милиціи хоросанской. Деньги, которыя начали было уже собирать для перевозки къ русскимъ, остановили въ недалекомъ разстояніи отъ Тегерана, и къ Паскевичу былъ посланъ новый негоціаторъ съ новыми условіями, продиктованными уже персіянами. Паскевичъ, однако, не принялъ этихъ условій, а показавъ подписанный Абассъ-мирзой прелиминарій, не пожелалъ вести никакихъ новыхъ переговоровъ и объявилъ о начатіи военныхъ дѣйствій. Поступая такъ, онъ написалъ въ Петербургъ государю извинительное письмо, въ которомъ, описывая обстоятельства, вынуждающія его дѣйствовать такимъ образомъ, указывалъ, что въ результатѣ движенія на Тегеранъ надо ожидать неминуемаго сверженія династіи каджаровъ и возмущенія персіянъ противъ ихъ законнаго государя, чего всего болѣе не желалъ допустить императоръ Николай, уготовившій себѣ самую несправедливую оцѣнку въ исторіи и возбудившій пристрастный судъ современниковъ, именно благодаря несчастной идеѣ поддержанія монархическихъ принциповъ не вообще въ ихъ абстрактной формѣ, но даже и въ личной формѣ, существующей въ данной странѣ фактической и хотя бы и не вполнѣ законной власти. Эта идея, рыцарская сама по себѣ и вполнѣ чистая и высокая въ мысляхъ этого талантливаго и благороднаго государя, въ частныхъ примѣненіяхъ получала характеръ крайне невыгодный для собственныхъ интересовъ Россіи и ея государя, и, конечно, она-то всего болѣе и привела насъ къ катастрофѣ севастопольской и къ парижскому миру. Но самъ Паскевичъ вовсе не считалъ нужнымъ поддерживать каджарскую, ненавистную персіянамъ, династію, и самъ, конечно, давно бы справился съ Персіей въ духѣ гораздо болѣе русскомъ, если бы его не удерживали изъ Петербурга. На этотъ же разъ мысль императора о необходимости поддержать именно каджаровъ на престолѣ персидскомъ нашла откликъ въ англійскихъ сердцахъ, такъ какъ не намъ, а имъ была выгодна эта персидская династія, допускавшая англичанъ распоряжаться въ Персіи не такъ, какъ было выгодно и удобно персіянамъ, или намъ русскимъ, но какъ было выгодно и удобно Англіи, причемъ, конечно, какъ всегда, мы старались вліять на дѣла великодушіемъ, гуманностью, ласками, за которыми слѣдовали разгромы въ родѣ Эриванскаго, а англичане платили, платятъ и будутъ платить за все однѣми деньгами. Движеніе въ Тегеранъ испугало англичанъ

въ томъ же смыслѣ, въ какомъ оно, ради петербургской дипломатіи, озабочивало и Паскевича, и вотъ англійскій резидентъ и англійскій докторъ, вхожій даже въ султанскій гаремъ, принялись серьезно спасать Абасса-мирзу, то-есть начали серьезно уговаривать шаха въ необходимости уплатить требуемую съ него контрибуцію. При такомъ оборотѣ дѣло пошло на ладъ, и 1-го февраля въ мѣстечкѣ Туркманчай, находящемся недалеко отъ города отъ Міана, куда Паскевичъ очень предусмотрительно перенесъ переговоры, чтобы постоянно грозить Тегерану, начались серьезные переговоры о мирѣ. Въ ночь съ 9-го на 10-е февраля, ровно въ полночь, былъ подписанъ этотъ знаменитый Туркманчайскій договоръ, по которому Россія пріобрѣла двѣ огромныя провинціи, завладѣла опять Ленкораномъ и получила около 70 милліоновъ на ассигнаціи за военныя издержки. Можно было бы по этому случаю сказать: не было бы счастія, да несчастье помогло; но какъ бы то ни было, этотъ актъ подвига Паскевича, дѣйствительно, заслуживаетъ благодарности потомства.

Полученная отъ персіянъ значительная сумма денегъ явилась очень кстати для начинавшейся уже войны съ турками, въ которой Паскевичу опять приходилось принимать такое блестящее участіе.

II.

Адріанополь.

Не успѣлъ еще разсѣятся въ Петербургѣ дымъ отъ выстрѣловъ по поводу окончанія войны съ Персіей, какъ 12-го апрѣля 1828 года Высочайшимъ манифестомъ была объявлена война съ Турціей, и Паскевичъ получилъ соображенія главнаго штаба, еще не успѣвъ вернуться изъ Тавриза въ Тифлисъ. Ему предлагалось дѣйствовать, во главѣ кавказскихъ войскъ, въ направленіи Ахалцыха, Карса и Поти. Справедливо замѣчаетъ Н. К. Шильдеръ въ статьѣ, сообщающей интереснѣйшую переписку между императоромъ Николаемъ и Дибичемъ въ эпоху адріанопольскаго мира, помѣщенной въ декабрской книжкѣ «Древней и Новой Россіи» 1879 года, «что событія 1828 и 1829 годовъ еще пребываютъ въ ожиданіи правдиваго исторіографа». Конечно, за минувшіе съ тѣхъ поръ 12—13 лѣтъ, въ сочиненіяхъ Мольтке, переведенныхъ генералами Шильдеромъ и Лукьяновичамъ, а также въ лежащемъ передъ нами трудѣ князя Щербатова, мы находимъ уже серьезныя попытки освѣтить эти событія, но сдѣланнаго еще мало для разъясненія интимныхъ сторонъ вопроса, которыя въ нашей политикѣ съ Портой всегда почему-то имѣли большее значеніе, чѣмъ всѣ боевые и даже дипломатическіе успѣхи русскихъ дипломатовъ: Обрѣзкова и Грибоѣдова въ Персіи и Орлова въ Адріанополѣ.

Между тѣмъ о боевыхъ дѣйствіяхъ Паскевича, какъ они описаны его исторіографомъ, надо сказать безъ оговорокъ, что въ кампанію 1828—29 годовъ въ Малой Азіи, принимая во вниманіе условія того времени, когда войска прежде, чѣмъ вступить въ боевыя линіи, проходили черезъ чумные карантины, эти дѣйствія должны быть названы блестящими и поучительными въ высшей степени. И въ этомъ отношеніи, конечно, правы русскіе люди, удивляющіеся нашему пристрастію къ иностраннымъ подвигамъ, которые мы раздуваемъ, оставаясь равнодушными къ такимъ кампаніямъ, какъ эта кампанія Паскевича въ Малой Азіи, и до сихъ поръ являющаяся какимъ-то сухимъ анекдотомъ въ нашей военной лѣтописи, не удостоенная даже сколько нибудь обстоятельныхъ коментарій и надлежащаго изученія по оффиціальнымъ и не оффиціальнымъ матеріаламъ того времени. Достаточно сказать, что сейчасъ послѣ начала кампаніи изнуренный въ Персіи зимними походами кавказскій корпусъ овладѣваетъ при помощи ускоренныхъ инженерныхъ атакъ и кровопролитныхъ штурмовъ такими твердынями, какъ Ардаганъ, Ахалкалаки, Карсъ и, наконецъ, Ахалцыхъ, разбивая воинственнѣйшія и храбрѣйшія войска и милиціи турокъ, въ то время, когда у насъ на флангахъ уже свирѣпствовала чума. Всѣ распоряженія аккуратнаго и предусмотрительнаго Паскевича въ это время, по продовольствію, по устройству своего тыла и базы, не смотря на обычную въ этихъ случаяхъ вороватость интендантовъ и гражданскихъ властей, слѣдуетъ признать выше всякой похвалы. Въ то же время надо отдать справедливость и его энергіи, какъ военноначальника. Оцѣнка имъ позицій при Ахалкалакахъ, при Ардаганѣ и особенно при Карсѣ и Ахалцыхѣ также лежитъ внѣ всякой критики и заставляетъ признать въ немъ большой талантъ хорошаго полководца и большой опытъ, въ которомъ въ его карьерѣ недостатка не было. Продержавъ и успокоивъ войска втеченіе зимы на зимнихъ квартирахъ, съ наступленіемъ весны 1829 года, Паскевичъ, войска котораго были разбросаны на громадномъ пространствѣ и дѣйствовали отъ Вана до Поти, одерживаетъ двѣ удивительныя побѣды въ открытомъ полѣ при селеніи Каинлы 19-го іюня, а вслѣдъ затѣмъ, 20-го іюня, онъ ведетъ дѣло при урочищѣ Милидюзъ со смѣлостью чисто юношескою. Въ этомъ послѣднемъ дѣлѣ Паскевичъ предпринимаетъ обходное движеніе по пересѣченной мѣстности въ горахъ, заросшихъ лѣсомъ, съ отрядомъ около 12,000 человѣкъ и выходитъ въ тылъ авангарда, которымъ командовалъ Гахки-Паша, становится между нимъ и главными силами сераскира, у котораго подъ ружьемъ въ день боя находилось до тридцати тысячъ хорошихъ войскъ. Занявъ Гахки-пашу демонстраціями чисто потѣшнаго характера, нѣсколькихъ батальоновъ генерала Панкратьева, разводившаго передъ очами многобунчужнаго паши потѣшные огни и производившаго своимъ

войскамъ церемоніальные марши, Паскевичъ обходитъ этотъ авангардъ и внезапно ударяетъ на сераскира, бьетъ его на голову и затѣмъ прямо идетъ на затылокъ увлеченнаго русскими парадами Гахки-паши и тутъ доколачиваетъ главныя силы турецкой малоазіатской арміи... Это дѣло по истинѣ слѣдуетъ назвать молодецкимъ во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ русскій главнокомандующій тутъ показалъ свое умѣнье, въ важныхъ случаяхъ, ставить на карту все, что у него есть, и сжигать свои корабли, чтобы не думать о возможности отступленія. Остальная кампанія, сопровождавшаяся неудачнымъ для насъ дѣломъ Бурцева у Харта, гдѣ Бурцевъ былъ убитъ, неудачнымъ же поискомъ генерала Гессе на Кабулеты и Цихидзири, а также болѣе удачнымъ поискомъ самого Паскевича, по приказанію императора, на Трапезонтъ, къ которому онъ подходилъ на разстояніе до 75 верстъ, и занятіемъ безъ боя Эрзерума, уже не представляла большаго интереса въ боевомъ смыслѣ, хотя движеній войскъ и походовъ совершено было очень много сотенъ и тысячъ верстъ. Замѣтимъ еще, что Адріанопольскій миръ былъ уже подписанъ, когда Паскевичъ далъ еще сраженіе у Байбурта и разгромилъ и эту укрѣпленную позицію турокъ, которые напрасно вызвали это кровопролитіе какъ съ нашей, такъ и особенно со своей стороны, тѣмъ, что не пускали въ Трапезонтъ втеченіе двухъ сутокъ фрегатъ, привезшій извѣстіе о заключенномъ мирѣ. Въ эти-то двое сутокъ Паскевичъ и разбилъ еще разъ злополучнаго сераскира и уничтожилъ укрѣпленія Байбурта.

Въ числѣ большихъ подвиговъ Паскевича за этотъ же годъ слѣдуетъ зачесть ему всѣ дѣйствія его противъ Персіи въ моментъ печальной катастрофы, сопровождавшейся убійствомъ нашего чрезвычайнаго посланика А. С. Грибоѣдова въ Тегеранѣ. Но объ этомъ подробнѣе мы скажемъ ниже.

Мы знаемъ, что и дѣйствія Дибича на европейскомъ театрѣ войны были столь же удачными. Онъ первый перешелъ Балканы, занялъ безъ боя Адріанополь, за что и получилъ титулъ Забалканскаго и орденъ Георгія первой степени, а по заключеніи мира фельдмаршалскій жезлъ и эполеты, лично присланные ему императоромъ Николаемъ. Званіе же фельдмаршала и орденъ Георгія первой степени за эту войну получилъ также и Паскевичъ. Между тѣмъ, пока русскій мечъ дѣлалъ свое дѣло и еще разъ доказалъ свою неоспоримую непобѣдимость народамъ востока и ареопагу европейскихъ торгашей, перья петербургскихъ дипломатовъ школы Нессельроде старались вернуть насъ на стезю неизрѣченнаго великодушія къ побѣжденнымъ. И если мы были великодушны съ Персіею въ Туркманчаѣ, то великодушію адріанопольскому трудно подобрать даже настоящее названіе, если сообразить и сосчитать, какихъ потоковъ русской крови стоило Россіи это великодушіе

втеченіе ея послѣдующей исторіи. Достаточно сказать, что въ Азіи мы отказались отъ владѣнія Карскимъ пашалыкомъ и самымъ Карсомъ и ограничились только пріобрѣтеніемъ Анапы, Ахалцыха, Ахалкалаки и Ацхора. Въ Европѣ же мы получили только одинъ берегъ сулинскаго рукава Дуная и тѣ песчаныя отмели, которыя находились въ гирлахъ Дуная между Георгіевскимъ русломъ и Сулиною, и затѣмъ бѣдную контрибуцію въ 10 милліоновъ червонцевъ за военныя издержки и полтора милліона голандскихъ дукатовъ за убытки, причиненные во время войны нашей черноморской торговлѣ.

До тридцатаго года, въ обезпеченіе уплаты этихъ денегъ, которую Порта по обычаю затягивала и въ концѣ концовъ едва ли произвела даже въ половину, мы занимали Силистрію и узкую полосу дороги черезъ Молдавію, служившую намъ путемъ сообщенія съ имперіею. Словомъ, можно сказать, что переходомъ черезъ Балканы мы завоевали для юга Россіи страшную чуму, остановленную только рѣшительными дѣйствіями начальника Новороссійскаго края графа Воронцова, и никакихъ иныхъ выгодъ мы не получили, такъ какъ Сулина, съ одного только берега принадлежащая намъ, не обезпечивала намъ свободной переправы черезъ Дунай, въ случаѣ слѣдующаго похода на Константинополь.

Такія условія мира крайне опечалили Паскевича. По его предположеніямъ, сообщеннымъ графу Нессельроде еще въ іюнѣ мѣсяцѣ, Паскевичъ предлагалъ установить въ Малой Азіи почти ту самую границу, которая установлена только теперь, послѣ нашей послѣдней столь кровопролитной и трудной войны. Онъ предлагалъ взять Карсъ и Баязетъ. Но мнѣніе главнокомандующаго малоазіатскою арміей, дѣйствовавшей противъ турокъ, вовсе не было принято во вниманіе, подъ предлогомъ почти до ребячества наивнымъ. Письмо Паскевича, изволите видить, опоздало на два дня. Дибичъ получилъ его черезъ Нессельроде 20-го августа, а прелиминарныя условія великодушнаго Адріанопольскаго мира были предложены 18-го. Узнавъ объ этомъ, графъ Паскевичъ написалъ Нессельроде слѣдующія пророческія слова:

«Остается только надѣяться, что намъ не придется раскаяться о сдачѣ Карса и хребта Саганлукскихъ горъ, а уступка немаловажная».

Мы теперь знаемъ, какъ мы раскаялись въ этой уступкѣ, и какъ поплатились въ 1855 году, во время бѣдственнаго Муравьевскаго штурма и безплодной блокады Карса, и затѣмъ сколько еще крови стоилъ нашъ послѣдній штурмъ Карса въ памятную эпоху послѣдней нашей войны. Въ дѣлѣ уступки Карса характерно также, для обрисовки канцелярскихъ тенденцій, начинавшихъ уже въ началѣ царствованія императора Николая разъѣдать боевую и политическую силу Россіи путемъ кабинетно-бумажныхъ

соображеній и канцелярскихъ плановъ дѣйствій, въ которыхъ трудно было доискаться смысла человѣческаго, мнѣніе Дибича, высказанное имъ въ особой запискѣ, служившей отвѣтомъ на весьма справедливое мнѣніе самого императора Николая, что Карсъ и Батумъ стоятъ нѣсколькихъ милліоновъ контрибуціи. На это Дибичъ возражаетъ:

«Признаюсь вамъ въ то же время, государь, что на сколько я знакомъ съ мѣстностью изъ донесеній (!), которыя я старался получить, когда имѣлъ счастіе занимать должность начальника штаба вашего величества, Карсъ кажется мнѣ даже весьма мало полезнымъ наступательнымъ пунктомъ, послѣ того, какъ мы владѣемъ Эриванью и когда можно укрѣпить Толынь. Батумъ съ плохою гаванью, совершенно открытою для сѣвернаго и западнаго вѣтровъ и отдѣленный отъ торговой дороги, идущей вдоль Ріона черезъ Кутаисъ, двумя едва проходимыми проходами, по моему мнѣнію, нисколько не нуженъ для прикрытія нашего праваго фланга, и долженъ сознаться вамъ, государь, что не считаю удобнымъ, чтобы въ концѣ войны, въ которой наши арміи въ Европѣ и въ Азіи покорили столько провинцій и крѣпостей, требовать еще уступки города, которому даже не угрожали эти войска».

Приводя эти архи-канцелярскія строки, гдѣ слово обладаетъ такою силой, что помогаетъ знакомству съ мѣстностью по донесеніямъ о ней, да еще по донесеніямъ, которыя только еще старались вызвать, Н. К. Шильдеръ дѣлаетъ справедливое замѣчаніе:

«Чтеніе этой записки производитъ весьма тяжелое впечатлѣніе, въ ней замѣтно полнѣйшее непониманіе существеннѣйшихъ интересовъ Россіи и указаній, предначертанныхъ главнокомандующему державной рукою императора Николая. Доводы же, которыми отвергается значеніе для насъ Карса и Батума, поражаютъ своею наивностью. Перечитывая 2-ю и 4-ю статьи Адріанопольскаго трактата, въ которыхъ перечисленъ длинный рядъ нашихъ завоеваній, возвращаемыхъ Блистательной Портѣ, невольно поражаетъ насъ мнѣніе, высказанное Дибичемъ, относительно неудобствъ требовать уступки Батума, какъ пункта, которому даже не угрожали побѣдоносныя русскія войска впродолженіе двухлѣтней кампаніи».

Возвращаясь къ сочиненію князя Щербатова, нельзя не посѣтовать на автора за то малое вниманіе, которое онъ удѣлилъ распоряженіямъ Паскевича для устройства тыла арміи и особенно госпиталей. Конечно, картины здѣсь были бы, если вѣрить другимъ историкамъ событій, и въ числѣ ихъ автобіографическимъ запискамъ Муравьева, удручающія. Такъ, напримѣръ, знаменитый госпиталь въ Гилюсахъ, гдѣ болѣе 2,000 больныхъ дезинтеріею, голодныхъ, неперевязанныхъ и безпомощныхъ, лежали подъ открытымъ небомъ, тогда какъ на небольшое число болѣе счастли-

выхъ больныхъ были устроены показные бараки (такія исторіи повторялись и въ минувшую кампанію въ Одессѣ), заставляетъ шевелиться волосы на головѣ нервнаго человѣка, а такъ, говорятъ, было почти вездѣ, какъ въ Персидскую, такъ и въ Турецкую кампаніи. Но Паскевичъ, конечно, не хотѣлъ этого и дѣлалъ все возможное, распекая генераловъ, жалуясь государю на Сипягина, гражданскаго губернатора Грузіи, и самъ постоянно наѣзжая въ госпитали и карантины, дабы сколько нибудь облегчить участь больныхъ и раненыхъ. Но тутъ дѣйствовали непреоборимыя влеченія, лихоимства, мздоимства, любостяжанія, корыстолюбія, а также иной разъ и злорадства, которыя много помогали по природѣ уже труднымъ условіямъ войны въ этихъ мѣстахъ и еще болѣе парализовали усилія главнокомандующаго завести здѣсь какой либо порядокъ. Но въ концѣ концевъ Паскевичу все же удавалось кое-какъ устроиваться и, конечно, дѣятельность его въ этомъ направленіи, въ томъ самомъ, въ какомъ онъ отличался еще въ званіи начальника дивизіи при проходѣ русскимъ войскъ 1813—1814 годовъ черезъ Германію въ Россію, заслуживала большаго вниманія, нежели то, какое ему удѣлилъ его старательный біографъ. Кстати скажемъ еще разъ, что намъ кажется не совсѣмъ вѣрной мысль князя Щербатова, собрать въ исторіи Паскевича только его удачи и выставлять одни его вѣчные успѣхи. Картина выходитъ поэтому безъ тѣней, и самое лице фельдмаршала теряетъ округлость. Паскевичъ много сдѣлалъ, онъ, конечно, былъ, по дарованіямъ, однимъ изъ безусловно выдающихся людей Николаевскаго времени, и притомъ въ самомъ хорошемъ смыслѣ этого слова. Его боевые подвиги значительны и неоспоримы, его административные таланты также были велики и принесли свои плоды, но нельзя же думать, чтобы онъ никогда не ошибался и всю жизнь и всю свою дѣятельность оставался постоянно непогрѣшимымъ. Вѣроятно, онъ, какъ талантъ, и самъ о себѣ никогда этого не думалъ. Мнѣ кажется, что историку постоянно слѣдуетъ помнить, что прошедшему рѣшительно безразлично, что о немъ думаетъ настоящее, но будущему важно, чтобы прошедшее, горе и радость, слава и безславіе, были освѣщены правильно и вѣрно по отношенію къ причинамъ, въ одномъ случаѣ порождавшимъ славу, а въ другомъ безславіе, одинъ разъ давая великолѣпные результаты и удачу, въ другомъ же—ведя къ пораженіямъ и потерямъ. И вотъ почему только та исторія хороша и полезна, гдѣ прошедшее поучаетъ будущее, не слишкомъ заботясь о настоящемъ.

III.

Оригинальность Нессельродовской дипломатіи.

Остановимся теперь прежде всего на удивительной, безпримѣрной, какъ выражались и англичане, исторіи убійства русскаго чрезвычайнаго посла въ Тегеранѣ А. С. Грибоѣдова. Причины, которыя стоили жизни одному изъ даровитѣйшихъ и убѣжденнѣйшихъ русскихъ людей, автору безсмертной комедіи «Горе отъ ума», были слѣдующія: онѣ очень коротко, но очень характерно и вѣрно, очерчены въ крупныхъ чертахъ историкомъ графа Паскевича, княземъ Щербатовымъ.

Послѣ великодушнаго, по отношенію къ Персіи, Туркманчайскаго мира, мы, какъ всегда, не старались завоевать благодарность отъ шаха персидскаго Фетъ-Али-хана, который предался вполнѣ во власть англичанъ. Наслѣдникъ же его престола, воочію убѣдившійся въ боевомъ могуществѣ сосѣда Персіи, Россіи, какъ человѣкъ умный, искалъ сближенія съ нашимъ правительствомъ и домогался пріема въ Петербургѣ, желая, какъ будущій владѣтель Персіи, обезпечить себѣ дѣятельное и разумное покровительство Россіи за то вассальное подчиненіе своего государства, некультурнаго и безсильнаго, безъ котораго оно, на самомъ дѣлѣ, можетъ быть, и существовать бы не имѣло ни возможности, ни права. Конечно, намъ русскимъ это было выгодно и, конечно же, по тому самому Нессельроде ничего объ этомъ и слышать не хотѣлъ.

«Умоляю васъ,—писалъ Нессельроде Паскевичу,—беречь англичанъ и не вѣрить слухамъ, распускаемымъ про нихъ армянами и другими азіатскими интриганами, желающими насъ съ ними поссорить».

Понятно, однако, какъ досадны были эти нѣмецкія молитвы о благополучіи англичанъ со стороны русскаго министра иностранныхъ дѣлъ русскому сердцу Паскевича и Грибоѣдова, и, можетъ быть, именно потому, что такія молитвы шли изъ Петербурга, бѣдный чрезвычайный посолъ въ Персіи нѣсколько неосторожно впутался въ гаремную исторію съ мирзой Якубомъ. Онъ и вся его миссія, кромѣ одного только Мальцева, который успѣлъ спастись во дворцѣ шаха, были убиты при возмущеніи тегеранской черни. Это, конечно, внѣшній фактъ, но при его оцѣнкѣ надо принимать во вниманіе предчувствіе Грибоѣдова, который говорилъ и писалъ, что Алаяръ-ханъ, бывшій плѣнникъ Паскевича въ Тавризѣ, лице, купленное англичанами, не проститъ ему Туркманчайскаго договора и не подаритъ ему своей мстительной ненависти... Замѣчательно также и то, что событіе совершилось почти вслѣдъ за вѣжливымъ отказомъ нашего двора относительно желанія Абасса-

мирзы побывать въ Петербургѣ. Не смотря, однако, на очевидное участіе въ этой исторіи благородныхъ мореплавателей, сама по себѣ она была до того необычайна и страшна по послѣдствіямъ, которыхъ слѣдовало ожидать Персіи со стороны такого могучаго Левіафана, какимъ являлась въ ея глазахъ Россія, что шахъ совершенно потерялся и писалъ, что пусть петербургское правительство само представитъ себѣ, что подобное несчастіе совершилось не въ Тегеранѣ съ русскимъ чрезвычайнымъ посланникомъ, но въ Петербургѣ съ персидскимъ, и научитъ персіянъ, какъ имъ поступить въ этомъ случаѣ.

«Всякаго рода возмездіе и наказаніе,—писалъ шахъ,—согласное съ постановленіями обѣихъ религій, будетъ исполнено. Я сдѣлаю,—прибавилъ онъ далѣе,—болѣе, чѣмъ отъ меня потребуютъ, потому что мы должны спасти доброе имя нашего правительства».

Паскевичъ, знавшій лучше всѣхъ подкладку этого гнуснаго дѣла, конечно, взбѣсился и написалъ къ Нессельроде, что Грибоѣдовъ, захвативъ въ свои руки преобладающее вліяніе въ Персіи, возбудилъ противъ себя англійскую миссію. «Если персидскіе министры,—писалъ онъ далѣе,—знали о готовившемся возмущеніи, то несомнѣнно это было извѣстно и англійскому посольству, у котораго весь Тегеранъ на откупу». Странно, что въ кровавый день убійства Грибоѣдова въ Тегеранѣ не было ни одного англичанина, тогда какъ въ другое время они шагъ за шагомъ слѣдили за русскими. Кромѣ этихъ вѣскихъ догадокъ о дѣйствіяхъ англичанъ въ этомъ случаѣ, Паскевичъ сообщалъ и факты: такъ, англичане мѣшали проведенію границъ во время командировки Ренненкампфа для разграниченій по Туркманчайскому договору и возбуждали постоянныя недоразумѣнія; затѣмъ, по ихъ совѣту, г. Амбургеръ, дипломатъ школы Нессельроде, послѣ убійства Грибоѣдова укрылся въ Нахичевань и, наконецъ, когда спасшійся чудомъ Мальцевъ выѣхалъ изъ Персіи, подозрѣвая, что его убьютъ въ дорогѣ, то англичане ему совѣтовали самую трусливую политику, именно въѣздъ въ Тавризъ ночью и остановку въ англійскомъ посольствѣ, «дабы,—пишетъ Паскевичъ,—показать народу, что русскіе нуждаются въ покровительствѣ англичанъ». Благородный Мальцевъ, однако, поступилъ совершенно обратно этимъ совѣтамъ и заслужилъ полное одобреніе Паскевича.

Занятый войною съ турками, Паскевичъ не прочь былъ дать еще разъ урокъ Персіи, въ которой онъ приписывалъ убіеніе Грибоѣдова вліянію партіи, желавшей возобновленія войны. Проектируя эту войну, онъ требовалъ только нѣкоторой сдержанности до сосредоточенія русскихъ войскъ въ Астрахани. Между тѣмъ, Нессельроде съ своей стороны дошелъ до такого великодушія, что соглашался принять въ Петербургѣ посольство, во главѣ котораго стоялъ второстепенный чиновникъ мирза Масуда. Паскевичъ этому

энергически воспротивился, такъ какъ требовалъ съ своей стороны, чтобы съ этими извиненіями было послано лице царственной крови, и если не самъ Абассъ-мирза, то хотя бы его старшій сынъ Мамедъ-мирза. Съ этою цѣлью онъ послалъ адъютанта своего князя Кудашева съ тремя письмами, однимъ оффиціальнымъ, которое должно было быть передано Абассу-мирзѣ въ торжественной аудіенціи, и другими секретными. Въ первомъ Паскевичъ писалъ, что онъ находитъ возможнымъ вести переговоры съ однимъ только Абассъ-мирзою, въ другихъ же было сказано категорически:

«Не употребляйте во зло терпѣніе россійскаго императора. Одно слово моего государя—и я въ Азербайджанѣ за Кафланку, и можетъ статься не пройдетъ и года, и династія каджаровъ уничтожится. Не полагайтесь на обѣщанія англичанъ и увѣренія турокъ». Далѣе онъ выражался еще сильнѣе: «Съ Турціей Россія не можетъ дѣлать все, чего желаетъ, ибо держава сія нужна и необходима для поддержанія равновѣсія политической системы Европы. Персія нужна только для выгодъ остъ-индской купеческой компаніи, и Европѣ равнодушно, кто управляетъ симъ краемъ. Все ваше политическое существованіе въ рукахъ нашихъ, вся надежда ваша въ Россіи, она одна можетъ васъ свергнуть, она одна можетъ васъ поддержать». Въ третьемъ письмѣ, которое имѣло быть предъявленнымъ послѣ согласія Абасса-мирзы на посылку сына въ Петербургъ, Паскевичъ требовалъ отъ Персіи объявленія войны Турціи и занятія Ванскаго пашалыка. «Симъ средствомъ вы докажете, что всѣ происшествія не были ни въ вашей, ни въ шахской волѣ».

Копіи съ этихъ писемъ, доставленныя Нессельроде, вызвали въ русскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ взрывъ негодованій и опасеній, и графъ Нессельроде немедленно написалъ нашему послу въ Лондонѣ, князю Ливену, поручая ему сообщить англійскому правительству высочайшее неодобреніе русскаго государя и рѣшительное несогласіе русскаго правительства съ содержаніемъ писемъ, посланныхъ Паскевичемъ Абассу-мирзѣ съ княземъ Кудашевымъ.

«Поберегите политическую обидчивость англійскаго кабинета,— писалъ Нессельроде Ливену,—и успокойте раздраженіе и ревнивое недовѣріе англійскаго правительства!» Вмѣстѣ съ этимъ позорнѣйшимъ посланіемъ, которое когда либо, я думаю, подписывала рука человѣка, любящаго свою родину, Нессельроде писалъ и Паскевичу о неодобреніи государемъ его произвольныхъ дѣйствій. Въ этомъ письмѣ нашъ удивительный дипломатъ восклицалъ: «какъ приметъ г. Макдональдъ ваши намеки относительно политики Англіи, именно въ то время, когда онъ выказалъ относительно насъ столь почтенныя и честныя намѣренія?»

Посылая это письмо, Нессельроде сообщалъ Паскевичу, что, не довѣряя ему, государь посылаетъ для переговоровъ свиты его величества генералъ-маіора князя Долгорукова, которому онъ, Нес-

сельроде, поручилъ выманить письма Паскевича къ Абассу-мирзѣ, переданныя княземъ Кудашевымъ, обратно. Словомъ, ужасъ обуялъ наше министерство иностранныхъ дѣлъ и, кажется, что, строча такія письма и ноты, недостойныя даже третьестепеннаго государства, не только Россіи, нашъ канцлеръ видѣлъ уже занесеннымъ надъ своею грудью ножъ персидскаго простолюдина, защищающаго право англичанъ гадить въ Персіи намѣреніямъ и интересамъ Россіи. И вотъ величайшій подвигъ, совершенный фельдмаршаломъ Паскевичемъ, по моему, состоялъ въ томъ, что онъ силою не пустилъ Долгорукова въ Персію, но вытребовалъ къ себѣ Хозроя-мирзу, младшаго сына Абасса-мирзы и внука шаха, въ Тифлисъ въ качествѣ заложника (аманата), немедленно и безъ бумагъ послалъ его въ Петербургъ, сообщивъ шаху, что прибытіе его внука къ императору Россіи безъ надлежащихъ извинительныхъ писемъ и бумагъ будетъ равносильно объявленію войны. Эта рѣшительная и благородная мѣра, конечно, какъ и всѣ подобныя, возымѣла свое дѣйствіе. Шахъ, испуганный, немедленно же выслалъ самыя льстивыя и покорныя письма Хозреву, и эти письма, догнавшія его уже въ Новгородѣ, послужили надлежащимъ разрѣшеніемъ этого прискорбнѣйшаго инцидента, безъ новаго оскорбленія величія Россіи. Вотъ когда Паскевичъ доказалъ и свое русское происхожденіе, и свое право на благодарность потомства... русскаго, конечно. Иначе нельзя себѣ и представить, до чего бы мы дошли. Нельзя читать безъ болѣзненнаго сжиманія сердца эти страницы нашей исторіи, которыя объясняютъ многое, что случилось гораздо позднѣе.

IV.

Письма императора Николая.

Въ одномъ изъ своихъ, всегда столь интересныхъ историческихъ сообщеній, Н. К. Шильдеръ высказалъ мысль, что лучшій памятникъ императору Николаю Павловичу поставитъ тотъ, кому выпадетъ на долю возможность собрать и издать его частныя письма. Дѣйствительно, пока еще такихъ писемъ извѣстно не много, но каждое письмо, взятое въ отдѣльности, постоянно рисуетъ намъ этого государя совершенно не въ томъ рѣзкомъ видѣ, какимъ привыкли его представлять современники, а за ними и съ ихъ голосовъ и часть историческаго потомства. Въ письмахъ своихъ, всегда хорошо и весьма часто необыкновенно тепло написанныхъ, онъ является въ образѣ не только чрезвычайно умнаго, но и въ высшей степени терпимаго и благоразумнаго человѣка. Незнающій, кому принадлежатъ нѣкоторыя изъ этихъ писемъ, и предубѣжденный исторической неправдой объ этомъ государѣ, навѣрное ни за

что не угадаетъ, что эти письма писаны не простымъ и притомъ прекраснымъ и душевнымъ человѣкомъ, но грознымъ и суровымъ императоромъ Россіи. Этимъ, я думаю, объясняется то рѣзкое противорѣчіе въ сказаніяхъ объ этой большой исторической личности тѣхъ, передъ кѣмъ Николай Павловичъ являлся только въ офиціальномъ образѣ императора и монарха, и тѣхъ большихъ или малыхъ людей, передъ которыми онъ не считалъ нужнымъ скрывать въ себѣ обыкновеннаго, очень благодушнаго человѣка. И вотъ, если первые при имени императора Николая и теперь еще встаютъ и застегиваются на всѣ пуговицы, вспоминая грозу, нѣкогда въ самомъ дѣлѣ гремѣвшую, другіе же являются исполненными настоящаго обожанія къ личности того же самаго монарха. Одна изъ моихъ, нынѣ уже покойныхъ тетокъ, состояла въ званіи камеръ-медхенъ у императрицы Александры Θеодоровны втеченіе шести или семи лѣтъ. Умерла она въ глубокой старости, но до конца ея жизни обожаніе къ личности императора, по ея словамъ, всегда доступнаго, всегда внимательнаго, веселаго и милостиваго, не имѣло границъ. Всегда передъ ея глазами висѣлъ скорбный портретъ императора на смертномъ одрѣ, и никому въ ея домѣ не дозволялось произносить его имени безъ надлежащаго почтенія. Между тѣмъ, мой дядя, ея мужъ, архитекторъ, одно время очень извѣстный, быстро возвеличенный, при одномъ несчастномъ крушеніи дома въ Петербургѣ былъ наказанъ очень строго, такъ какъ государю донесли, что паденіе произошло по причинамъ корыстолюбивымъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ здѣсь была простая ошибка, или вѣрнѣе даже дружеская услуга, которой другъ безсовѣстно воспользовался, чтобы свалить свою вину на неповиннаго и неосторожно довѣрчиваго товарища по оружію. Какъ бы то ни было, но наказаніе повліяло тяжко на наказаннаго, человѣка вообще честнаго, именно потому, что онъ считалъ, что не оправдалъ довѣрія къ себѣ любимаго государя, и, не смотря на это, никогда любовь и уваженіе къ почившему вскорѣ монарху не ослабѣвали въ этомъ домѣ: до того оставленное имъ обаяніе втеченіе интимной службы во дворцѣ вкоренилось въ душѣ моей покойной тетки, а черезъ нее и у ея мужа. Понятно, что такая любовь даже могущественнѣйшими государями не заказывается, но заслуживается лично, такъ же какъ и всѣми остальными людьми.

Встрѣчаясь въ разныхъ историческихъ сочиненіяхъ съ выдержками, или еще лучше съ полными письмами императора Николая, были ли они писаны въ началѣ царствованія, или при его печальномъ концѣ, я начинаю совершенно отчетливо понимать, какъ можно было любить этого превосходнаго человѣка, у котораго были всѣ данныя для историческаго величія: высокій умъ, открытый рыцарскій характеръ и большая политическая дальновидность, но, къ несчастію, не было вѣры въ свою непогрѣшимость. Ка-

жется, всѣ ошибки этого царствованія кроются именно только въ отсутствіи того самомнѣнія и той непреклонной слѣпой воли, въ которой историками почему-то принято укорять императора Николая.

Письма, приведенныя княземъ Щербатовымъ въ его историческомъ трудѣ, къ Паскевичу, а также письма къ Дибичу, собственноручно писанныя государемъ и приведенныя въ статьѣ Н. К. Шильдера «Адріанопольскій миръ», еще разъ подтверждаютъ, что лучшимъ памятникомъ этому государю и самымъ блестящимъ его оправданіемъ передъ судомъ нелицепріятной исторіи было бы собраніе его приватной интимной переписки, съ кѣмъ бы и когда бы онъ ея ни велъ.

6-го ноября 1827 года, когда Паскевичъ уже началъ переговоры съ персіянами, онъ получилъ большое письмо отъ императора, въ которомъ, между прочимъ, мы читаемъ слѣдующія строки:

«Изъ офиціальныхъ бумагъ вы увидите все мое удовольствіе, но мнѣ желательно, чтобъ мой старый командиръ[1]) зналъ, что я имъ сердечно доволенъ и вѣчно буду благодаренъ за то, что поддержалъ честь русскаго имени и исполнилъ мою волю. Спасибо, любезный Иванъ Ѳедоровичъ, спасибо отъ всей души!»...

Кончается это письмо такъ:

«Съ нетерпѣніемъ жду вашихъ извѣстій. Да хранитъ васъ Богъ, да продолжаетъ благословлять подвиги ваши какъ военные, какъ и мирные. Мое уваженіе и благодарность и искренняя дружба съ вами навсегда. Всѣмъ сотрудникамъ вашимъ мой поклонъ. Николай».

Вотъ тонъ письма, между тѣмъ въ главной своей части это письмо дѣловое! Въ письмѣ отъ 18-го марта 1828 года, въ которомъ императоръ сообщалъ о дарованіи ему титула графа Эриванскаго, послѣ благодарностей столь же теплыхъ, какъ и вышеприведенныя, стояло слѣдующее:

«Теперь, какъ старому знакомому, могу сказать, какъ другу, дозвольте мнѣ изъяснить со всею искренностью новое желаніе мое, собственно до васъ, любезный Иванъ Ѳедоровичъ, относящееся. Я душу вашу знаю, знаю, что благородная душа ваша не оскорбится голосомъ друга, которому честь ваша, ваша слава, точно дороги. Не скрою отъ васъ, любезный другъ, что съ прискорбіемъ я видѣлъ, что многіе достойные сотрудники ваши, люди, коихъ вы уважать должны, ибо они вполнѣ сего достойны, лишились подъ конецъ похода вашего довѣрія, не сдѣлавъ, я смѣло скажу, ничего, дабы провиниться и тѣмъ заслужить неудовольствіе ваше справедливымъ образомъ. Можетъ ли высокая и благородная душа ваша быть преступна къ незаслуженной недовѣрчивости? достойно ли васъ угнетать или быть несправедливому къ тѣмъ, кои, не щадя

[1]) Слова, напечанныя разрядкой, подчеркнуты самимъ государемъ.

ни трудовъ, ни самой жизни, дабы заслужить мое благоволеніе, были истинными вамъ сотрудниками и помощниками?

«Не мнѣ, любезный Иванъ Ѳедоровичъ, упоминать, что прощать великодушно, притѣснять же безъ причины — неблагородно. Прошу васъ, какъ другъ, примите сіе увѣщаніе отъ меня, какъ долгъ тому, которому я самъ многими добрыми совѣтами обязанъ. Я желаю, чтобы моего Ивана Ѳедоровича всякій подчиненный любилъ и почиталъ, какъ отца, и чтобы не было другихъ завистниковъ его славы и добродѣтели».

Далѣе, продолжая все въ томъ же простомъ, товарищескомъ и дружескомъ тонѣ, императоръ Николай, заступаясь передъ своимъ «отцемъ командиромъ» за обиженныхъ имъ чѣмъ-то генераловъ: Сипягина, Эмануэля и Красовскаго, пишетъ слѣдующую въ высшей степени характерную для своей репутаціи фразу:

«Сипягина знаю лично, онъ передъ вами забыться не можетъ, *если-бъ и принять можно было, чтобы предъ начальникомъ подчиненный забыться могъ безъ особенной вины начальника»*[1]). Не правда ли, какъ эта мысль характерна для обрисовки такъ называемаго пристрастными историками духа николаевскаго деспотизма? Нѣтъ, этотъ духъ былъ разумный въ мысляхъ государя, но, какъ и многое иное, къ несчастію, искажался въ рукахъ и подъ вліяніемъ его неумѣлыхъ и часто вовсе не даровитыхъ помощниковъ.

Подобное же письмо писалъ Николай Павловичъ Паскевичу, посылая ему фельдмаршалскіе эполеты.

«Воздавъ благодареніе Всевышнему, видимо намъ помогавшему, обращаюсь къ вамъ, мой любезный Иванъ Ѳедоровичъ, примите искреннее благодареніе стараго вашего друга, умѣющаго цѣнить ваши заслуги. Чинъ фельдмаршала, мною вамъ данный, принадлежитъ вамъ не по пристрастію какому, но по славнымъ дѣламъ, которыя присоединяютъ имя ваше къ именамъ Румянцева и Суворова; съ сердечной радостью пишу вамъ это, ибо слова сіи въ моихъ устахъ вамъ не лесть, а справедливость. Но позвольте другу вашему сказать вамъ: «ничто столько не украшаетъ величіе дѣла, какъ *скромность*»; въ этомъ нахожу я величайшую красу, истинную доблесть великихъ людей. Во всякомъ случаѣ, нами исполняемомъ, мы должны искать помощи Божіей, Его рука насъ караетъ, Его же рука насъ возноситъ, васъ она поставила на высшую степень славы. Да украситъ васъ и послѣдняя слава, которая истинно будетъ ваша принадлежность: *скромность*; воздайте Богу и оставьте *намъ* славить васъ и дѣла ваши. Вотъ совѣтъ друга, васъ искренно любящаго и изъ глубины души благодарнаго».

Письмо это закончено такъ:

---

[1]) Мой курсивъ.

«Жена моя вамъ сердечно кланяется. Прощайте, любезный Иванъ Өедоровичъ, вѣрьте дружбѣ искренно вамъ доброжелательнаго. Николай.

«Прилагаемые эполеты прошу носить, меня поминая».

Приводя эти въ высшей степени любопытныя письма, историкъ Паскевича очень глухо говоритъ о причинахъ, вызвавшихъ такія посланія императора къ своему довѣренному главнокомандующему. Онъ упоминаетъ о доносахъ, о какихъ-то перлюстраціяхъ писемъ въ московскомъ почтамтѣ изъ числа приходящихъ съ Кавказа, откуда могли дойти и до государя кое-какія сплетни, говоритъ о столкновеніяхъ иногда въ самомъ дѣлѣ слишкомъ горячаго и требовательнаго Паскевича съ Красовскимъ за плохую поправку укрѣпленій Эриванскихъ, а съ Сипягинымъ за запутанность счетовъ, которая и была выясненена ревизіею уже послѣ смерти Сипягина, но все это говорится гадательно, въ предположительномъ тонѣ, и не можетъ служить достовѣрной причиной, вызвавшей весьма во всякомъ случаѣ милостивые и умные совѣты государя. Послѣднее же письмо такъ и не объяснено вовсе, хотя, можетъ быть, тутъ было и не безъ вліянія Нессельроде, конечно, не очень довольнаго, что Паскевичъ въ Грибоѣдовскомъ дѣлѣ настоялъ на своемъ и не далъ унизить Россіи и русскихъ. Можетъ быть, князь Щербатовъ хорошо бы сдѣлалъ, если бы подробнѣе постарался выяснить эту исторію.

Такимъ же дружескимъ тономъ дышатъ письма Николая Павловича и къ Дибичу. Но они писаны пофранцузски, и потому тонъ ихъ нѣсколько теряетъ въ переводѣ. Для характеристики я и изъ нихъ позволю себѣ нѣкоторыя выдержки, подтверждающія и доказывающія мою мысль о томъ, какимъ терпимымъ и ласковымъ человѣкомъ является императоръ Николай въ своей приватной перепискѣ, съ своими помощниками и слугами. Интересно также, что самъ императоръ Николай, хотя въ душѣ и не желалъ паденія Отоманской имперіи, однако давалъ своему главнокомандующему совершенно категоричные совѣты на всякій случай. Такъ, въ письмахъ отъ 28-го августа и 1-го сентября 1829 года онъ говоритъ:

«Одобряю во всѣхъ отношеніяхъ мѣропріятія ваши, но настаиваю на томъ, чтобы въ томъ случаѣ, если переговоры прервутся, вы направили корпусъ войскъ къ Дарданеламъ, дабы быть въ увѣренности, что «незванные гости» [1]) не явились тамъ для вмѣшательства и вреда дѣламъ нашимъ. Впрочемъ, я увѣренъ, что вы такъ и поступили при малѣйшемъ къ тому поводѣ, судя по самому смыслу вашего письма и по мнѣнію, вами выраженному о новостяхъ, сообщенныхъ вамъ всѣми посланниками въ Константино-

[1]) Это слово во французскомъ письмѣ написано порусски.

полѣ. Наконецъ, если вы у Дарданелъ, то положительно откажите въ пропускѣ всякому иному флоту, кромѣ нашего. Если будутъ къ тому понуждать, вы отвѣтите пушечными выстрѣлами. Но отъ сего да оборонитъ насъ Богъ».

Въ слѣдующемъ письмѣ стояло:

«Перейдемъ теперь къ случайностямъ, осуществленіе которыхъ я молю Бога не допустить. Это увидѣть насъ владыками Константинополя и тѣмъ вызвать, слѣдовательно, исчезновеніе Оттоманской имперіи въ Европѣ. Однако я не хочу оставить васъ безъ общихъ указаній на случай, если бы дѣйствительно дошло до этого. При неуспѣшности переговоровъ вы должны немедленно двинуться къ Константинополю, обезпечивъ себя со стороны Дарданелъ, не обращайте вниманія на ваши недостаточныя численныя силы, онѣ болѣе уравновѣшиваются вашею нравственной силой. Овладѣвъ Константинополемъ, вы будете ожидать новыхъ приказаній, до полученія которыхъ вы положительно откажитесь войти въ какіе бы то ни было переговоры, какого рода они бы ни были и съ кѣмъ бы то ни было».

Указывая затѣмъ на испугъ Англіи, императоръ кончаетъ это письмо такъ:

«Слава Богу, а вамъ спасибо. Это болѣе чѣмъ фразы! Но, любезный другъ, теперь болѣе чѣмъ когда нибудь отнесемъ все Богу и да будемъ спокойнѣе, скромнѣе, великодушнѣе и послѣдовательнѣе прежняго. Вотъ слава, о которой я мечтаю, и да хранитъ меня Господь добиваться иной, я же увѣренъ, что вы меня понимаете. Жена моя кланяется вамъ, а я васъ обнимаю. Итакъ, если все кончено, возвращайтесь, если же нѣтъ—впередъ».

Относительно вниманія, съ какимъ относился Николай Павловичъ къ личнымъ дѣламъ своихъ слугъ, интересна переписка о назначеніи генерала Нейгарда на мѣсто отпущеннаго въ отпускъ Толя. По этому поводу государь пишетъ Дибичу:

«Нейгардъ здѣсь, и принимаетъ на себя порученіе, но при всей его честности я подозрѣваю, что онъ согласіемъ своимъ приноситъ мнѣ тяжелую жертву. Лишенный счастія участвовать въ блистательной кампаніи, онъ долженъ замѣнить другаго при обстоятельствахъ почти столь же затруднительныхъ, но менѣе славныхъ. Онъ попрежнему слабаго здоровья, и я опасаюсь, что онъ прибудетъ къ вамъ только для пополненія лазарета главной квартиры. Ваша мысль относительно Красовскаго прекрасна, съ нетерпѣніемъ буду ожидать вашего рѣшенія, которое сдѣлаетъ безполезнымъ отъѣздъ Нейгарда».

Не смотря, однако, на эту ясную просьбу освободить Нейгарда и оставить исполнять должность начальника главнаго штаба гене-

---

[1]) Мой курсивъ.

рала Красовскаго, Дибичъ все же потребовалъ къ себѣ Нейгарда.

При возвращеніи войскъ изъ зачумленныхъ мѣстностей, Николая Павловича особенно заботила возможность занесенія чумы въ предѣлы Россіи, и въ этомъ направленіи его письма дышатъ настоящимъ благородствомъ и рѣдкою энергіею.

«Во время возвращенія войскъ необходимо обратить самое строгое, добросовѣстное вниманіе на то, чтобы не занести чумы, писалъ онъ Дибичу въ письмѣ отъ 12-го сентября 1829 года. Васъ лично обязываю отнестись къ этому со всевозможною строгостью и самому подавать примѣръ. Къ несчастію, недавній примѣръ показалъ, на сколько это существенно: госпитальное судно «Скорый» выѣхало съ больными изъ Сизополя, остановилось въ Месемвріи, гдѣ 50 больныхъ, и черезъ нихъ заразилось чумою; всѣ умерли, кто ни соприкасался съ этими людьми, опасаются за Севастополь, что было бы ужасно.

«Я приказалъ графу Витте и Воронцову приготовить все, что окажется возможнымъ и полезнымъ для облегченія карантина войскамъ, но крайне необходимо, чтобы вы внушили всѣмъ начальникамъ и подчиненнымъ ихъ, что они первые должны единодушно работать, дабы искоренить зло, ежели оно есть, или помѣшать ему возникнуть. Вы скажите имъ также, что ни чины, ни заслуги не помѣшаютъ примѣнить военные законы ко всякому нарушенію предписанныхъ правилъ и въ особенности къ желающимъ добыть себѣ льготы, которыя эта болѣзнь отнюдь не допускаетъ». И далѣе:

«Искренно одобряю вашъ способъ эвакуаціи,—пишетъ онъ Дибичу въ концѣ октября,—но въ это время года невозможно будетъ подвергнуть войска всѣмъ необходимымъ правиламъ карантина, и нужно удержать второй и третій эшелоны въ Молдавіи, вѣроятно, до марта или апрѣля. Предосторожности день ото дня становятся насущнѣе, печальное доказательство этого у насъ въ Одессѣ, гдѣ чума началась съ новой силой послѣ того, какъ къ несчастію сняли кордонъ, что заставляетъ меня сильно опасаться заразы въ другихъ мѣстностяхъ ближе къ Бугу. Она показалась также на «Флорѣ» въ Севастополѣ, вслѣдъ за ея возвращеніемъ. Грейгъ постоянно увѣряетъ, что это не правда, но мнѣ надоѣли эти глупости, и я съумѣю заставить уважать мои приказанія до послѣдней минуты моей жизни. *Моя отвѣтственность передъ Богомъ, передъ моею страной и передъ совѣстью слишкомъ велика, чтобы я могъ забывать мои обязанности*[1])».

Въ послѣднемъ письмѣ отъ 28-го декабря императоръ Николай пишетъ Дибичу:

«Весьма радъ слышать, что болѣзни начинаютъ уменьшаться

---

[1]) Мой курсивъ.

у васъ, чума въ Одессѣ и Бессарабіи прекращается, и я съ нетерпѣніемъ жду извѣстій изъ 2-го корпуса. Получилъ ихъ изъ Бугской бригады, которая благополучно пришла въ Дубоссары и выдерживаетъ карантинъ. Морозы уменьшились, мы же имѣли въ свою очередь 27 градусовъ, почти безъ снѣга. Все спокойно и идетъ прекрасно, много веселятся; опасаюсь, что послѣдняго нѣтъ въ Бургасѣ и окрестностяхъ. Я былъ бы весьма радъ узнать, что васъ всѣхъ тамъ нѣтъ, въ особенности васъ, любезный другъ, приносящаго мнѣ тяжелую жертву, но которую я умѣю цѣнить, будьте въ этомъ увѣрены. Прощайте; жена вамъ кланяется. Николай».

Вотъ, слѣдовательно, какой обликъ получаетъ личность императора Николая изъ тѣхъ его собственноручныхъ писемъ, какія стали намъ извѣстны. Онъ умѣлъ быть строгимъ, основываясь на разумѣ дѣла, онъ былъ справедливымъ при оцѣнкѣ трудовъ своихъ помощниковъ и оставался щедрымъ поцарски и хотѣлъ быть доступнымъ и простымъ чисто почеловѣчески. Вспомнимъ при этомъ также съ благодарностью, что изъ всѣхъ цензоровъ своего царствованія лично онъ самъ былъ самымъ толерантнымъ и милостивымъ, допустивъ даже на сцену такія сильныя сатиры на правительственные недуги, какія мы видимъ въ безсмертной комедіи Грибоѣдова и въ «Ревизорѣ». И какъ это ни странно, именно въ это царствованіе умственный ростъ Россіи сталъ особенно замѣтенъ во всѣхъ отрасляхъ искусства: въ музыкѣ, въ поэзіи, въ литературѣ, въ зодчествѣ, въ живописи и скульптурѣ оставилъ по себѣ великіе и прочные памятники. Все несчастіе этого большаго ума и опредѣленнаго характера лежало въ недовѣріи къ себѣ и рядомъ съ этимъ въ недовѣріи и къ тѣмъ, къ кому на самомъ дѣлѣ лежало его сердце, съ которыми онъ навѣрное былъ согласенъ въ тиши своего кабинета, наединѣ съ самимъ собою, но въ какомъ-то слѣпомъ, непонятномъ подчиненіи мнѣніямъ лицъ, рѣшительно бездарныхъ и, что всего хуже, недоброжелательныхъ къ насущнѣйшимъ интересамъ Россіи, разрушавшихъ все, что побуждала создавать собственная добрая воля и природный геній.

Въ исторіи нельзя переставлять лица и событія, однако можно съ извѣстною достовѣрностью догадываться, что будь императоръ Николай Павловичъ цесаревичемъ, судьбы Россіи были бы навѣрное иными. Всѣ данныя, чтобы стать великимъ государемъ, были налицо, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ сердцѣ жилъ какой-то червякъ и вѣчно подтачивалъ въ корнѣ то, что созрѣвало, и всего болѣе то, что было велико по замыслу и необходимо по назрѣвшему времени. Безспорно, это еще исторически не доказано, но если гласъ народа есть гласъ Божій, то самая мысль объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости серьезно занимала императора Николая Павловича, вызывая протесты со стороны его окружавшихъ лицъ и заставляя даже исторіографовъ писать по этому поводу за-

писки, которыя лучше было бы для ихъ личной славы вовсе не писать! Мысль эта, по общему убѣжденію, была завѣщана, а иные говорятъ, даже **приказана** умиравшимъ монархомъ въ трудную годину для Россіи его незабвенному наслѣднику императору Александру II.

Послѣднія главы третьяго тома исторіи князя Паскевича, написанной княземъ Щербатовымъ, заняты вопросами объ административныхъ распоряженіяхъ Паскевича на Кавказѣ, въ короткое время, втеченіе котораго фельдмаршалъ, закончивъ Турецкую войну и не начавъ еще Польской, тамъ оставался. Мы знаемъ, предваряя изслѣдованіе историка, что административныя дарованія этого генерала нисколько не уступали его военнымъ талантамъ. Поэтому можно было заранѣе предвидѣть, что по вопросу о покореніи кавказскихъ горцевъ Паскевичъ выскажется въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ высказывались всѣ даровитые военачальники, занимавшіеся разрѣшеніемъ этого дѣла. Паскевичъ, подобно Циціанову и Ермолову, отрицалъ пользу походовъ и экспедицій въ горы для штурмовъ и бомбардировокъ тѣхъ орлиныхъ гнѣздъ и норъ, въ какихъ умѣютъ ютиться горскіе неприхотливые народы. Напротивъ, и онъ указывалъ, въ виду начавшагося движенія мюридитскаго, благодаря проповѣдямъ Кази-муллы, какъ на средство единственно полезное для умиротворенія Кавказа, на прочное его заселеніе и постоянное присутствіе русскихъ силъ и русскихъ властей на плоскогоріяхъ, безъ владѣнія которыми горскіе народы не могли ни содержать скота своего, ни вести нужную для себя торговлю. Этого, однако, не понимали и не хотѣли понимать въ петербургскихъ канцеляріяхъ и писали о немедленномъ завоеваніи Кавказа, какъ о дѣлѣ пустомъ, о которомъ и думать особенно много нечего. И вотъ, слѣдуя этимъ предписаніямъ, Паскевичъ дѣлалъ поиски, лазилъ съ войсками по высотамъ Черноморскаго побережья и по скаламъ Дагестана, съ постоянными побѣдами, но и безъ всякихъ результатовъ, которыхъ самъ вовсе и не ждалъ. Случай вскорѣ подоспѣлъ къ нему на выручку. Дибичъ, послѣ Граховскаго боя, почему-то струсившій и отступившій къ Брестъ-Литовску, умеръ отъ холеры, и государь, лишившись нѣмецкаго фельдмаршала, съ которымъ переписывался о русскихъ войскахъ пофранцузски, вызвалъ съ Кавказа Паскевича и поручилъ ему веденіе войны съ возставшими и возмнившими о себѣ патріотами Рѣчи Посполитой. Объ этой-то интересной исторіи новыхъ подвиговъ князя Варшавскаго разскажетъ намъ князь Щербатовъ въ слѣдующемъ томѣ своего почтеннаго труда.

В. К. П.

ВИЛЬГЕЛЬМЪ II И СОЦІАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ.

ЛИЧНОСТЬ и дѣятельность германскаго императора привлекаютъ общее вниманіе уже втеченіе почти четырехъ лѣтъ, а между тѣмъ представляются многимъ еще чрезвычайно неясными. Можно даже сказать, что чѣмъ долѣе онъ царствуетъ, тѣмъ сильнѣе расходятся мнѣнія о немъ. Онъ по временамъ возбуждаетъ общія симпатіи, по временамъ же къ нему относятся недружелюбно или даже враждебно, и притомъ не только въ разныхъ странахъ или среди разныхъ партій,—нѣтъ, одни и тѣ же лица, хвалившія его сегодня, порицаютъ его завтра и наоборотъ. У насъ, въ Россіи, напримѣръ, онъ при вступленіи своемъ на престолъ вызвалъ общее недовѣріе: въ немъ предполагали воинственность. Затѣмъ послѣ его путешествій въ Россію, возбужденія имъ рабочаго вопроса въ весьма симпатичной формѣ и знаменитыхъ рѣчей противъ классицизма, онъ пріобрѣлъ у насъ нѣкоторую популярность и нашелъ себѣ многочисленныхъ сторонниковъ. Но вскорѣ его словоохотливость и разныя, довольно рѣзкія заявленія, повидимому, противорѣчившія другъ другу, лишили его обаянія: стало устанавливаться мнѣніе, будто бы онъ недостаточно взвѣшиваетъ свои слова и дѣйствія. Дѣло дошло даже до того, что возникло подозрѣніе, не является ли эта измѣнчивость его настроенія послѣдствіемъ приписываемой императору опасной болѣзни. Это продолжается до сихъ поръ; можно даже сказать, что скептицизмъ постоянно усиливался и теперь рѣшительно преобладаетъ.

Во всякомъ случаѣ даже лица, не заходящія такъ далеко, склонны думать, что императоръ Вильгельмъ II—личность не установившаяся, что цѣли, которыя онъ преслѣдуетъ, для него самого еще не выяснились, что онъ идетъ, такъ сказать, ощупью, вслѣдствіе молодости и нѣкоторой страстности темперамента кидается изъ стороны въ сторону и сжигаетъ сегодня то, чему еще вчера поклонялся. Если бы это дѣйствительно было такъ, то противорѣчивыя сужденія о немъ были бы весьма естественны и понятны. Мы, однако, рѣшительно отказываемся присоединиться къ такому взгляду на молодаго императора. Напротивъ, онъ представляется намъ очень цѣльнымъ характеромъ, сознательно преслѣдующимъ весьма опредѣленныя цѣли. Но, произнося подобное сужденіе, мы руководствуемся понятно не газетными статьями, а исключительно словами самого императора и его правительственными дѣйствіями. Кромѣ того, мы имѣемъ обыкновеніе составлять себѣ сужденіе о той или другой выдающейся личности на основаніи всей совокупности ея дѣятельности, а не на основаніи отрывочныхъ словъ, ложно понятыхъ или съ умысломъ ложно истолкованныхъ газетными обозрѣвателями.

Пояснимъ нашу мысль примѣромъ. Вступая на престолъ, императоръ Вильгельмъ заявилъ, какъ всѣмъ еще памятно, о своемъ твердомъ намѣреніи придерживаться конституціоннаго принципа. Германскіе либералы пришли въ восторгъ отъ этого заявленія, консерваторы пріуныли. Затѣмъ императоръ пожелалъ подвергнуть школьное законодательство пересмотру въ видахъ усиленія религіознаго элемента въ дѣлѣ воспитанія юношества. Тутъ консерваторы и клерикалы воспрянули духомъ, либералы пріуныли. Общественное мнѣніе довольно единодушно высказалось противъ предположенной императоромъ реформы. Оставаясь вѣренъ конституціонному принципу, онъ отказывается отъ школьной реформы, вызываетъ этимъ министерскій кризисъ, вооружаетъ противъ себя клерикаловъ и отчасти консерваторовъ, возбуждаетъ враждебность тамъ, гдѣ онъ пользовался симпатіями,—и начинаются усиленные толки о непослѣдовательности, неясности цѣлей главы государства. Въ чемъ, однако, тутъ непослѣдовательность? Могъ ли императоръ, оставаясь вѣренъ конституціонному принципу, осуществить предположенную имъ школьную реформу вопреки общественному мнѣнію, которое рѣшительно высказалось противъ нея? Мы видимъ, что послѣдовательность тутъ не при чемъ, а вопросъ сводится къ тому, что программа императора не соотвѣтствуетъ въ своей совокупности интересамъ той или другой политической партіи, хотя съ другой стороны въ отдѣльныхъ своихъ частяхъ и можетъ совпадать съ интересами той или другой партіи.

Вообще большинство лицъ, составляющихъ себѣ сужденіе о германскомъ императорѣ, совершаютъ ту крупную ошибку, что руководствуются слухами и соображеніями органовъ разныхъ германскихъ

партій. Намъ, русскимъ, стоящимъ въ сторонѣ отъ борьбы этихъ партій, слѣдуетъ относиться къ ихъ сужденіямъ очень осторожно и имѣть въ виду болѣе достовѣрные источники, какими могутъ быть только слова и дѣйствія самого германскаго правительства. Но и къ этому источнику надо относиться осмысленно. Между тѣмъ этого по большей части не замѣчается. Основная идея и основная цѣль упускаются изъ виду, а разнымъ частностямъ придается въ данный моментъ огромное значеніе, потому что онѣ соотвѣтствуютъ нашимъ собственнымъ симпатіямъ или антипатіямъ. Вслѣдствіе этого получается и у насъ то странное явленіе, что императоръ Вильгельмъ подвергается весьма различной и даже прямо противоположной оцѣнкѣ со стороны однихъ и тѣхъ же органовъ либеральнаго или консервативнаго толка. Когда Вильгельмъ II заявляетъ о своемъ твердомъ намѣреніи сообразоваться съ желаніями общества или вооружается противъ классицизма, наши либеральные органы ему апплодируютъ; когда онъ говоритъ, что «уничтожитъ» своихъ враговъ, предлагаетъ оппозиціоннымъ элементамъ покинуть страну или намѣревается усилить религіозный элементъ въ школьномъ преподаваніи, ему сочувствуютъ консервативные органы. Однако, императоръ Вильгельмъ такъ часто уже возбуждалъ и восторгъ, и негодованіе нашихъ либераловъ и консерваторовъ, что имъ пора было бы призадуматься наконецъ надъ вопросомъ, что же такое императоръ Вильгельмъ и каковы истинныя его намѣренія, основныя его правительственныя задачи.

Но объ этомъ никто у насъ не заботится, истина никому не дорога. Всѣ только думаютъ о томъ, какъ бы воспользоваться императоромъ Вильгельмомъ для своихъ цѣлей, личныхъ или партійныхъ. Высказываемыя имъ мысли умышленно либо искажаются, либо комментируются въ духѣ, наиболѣе удобномъ для комментаторовъ. Наталкиваясь на систематическую оппозицію чрезвычайно вліятельнаго государственнаго дѣятеля, поставившаго себѣ вслѣдствіе уязвленнаго самолюбія или по другимъ причинамъ цѣлью во что бы то ни стало дискредитировать молодаго императора, онъ, выведенный изъ терпѣнія, говоритъ о томъ, что «уничтожитъ» своихъ враговъ или предлагаетъ послѣднимъ покинуть Германію,— его тотчасъ же обвиняютъ въ деспотическихъ наклонностяхъ, а вслѣдъ затѣмъ удивляются, что онъ въ угоду общественному мнѣнію отрекается отъ школьной реформы, которую долго и тщательно подготовлялъ. Но вѣдь императоръ Вильгельмъ и не думалъ вступать въ борьбу съ общественнымъ мнѣніемъ; онъ, напротивъ, желаетъ добиться своихъ цѣлей при его содѣйствіи, потому что вѣритъ въ плодотворность своихъ государственныхъ предначертаній и убѣжденъ, что общественное мнѣніе въ широкомъ значеніи этого слова, какъ совокупность всѣхъ партій, всего народа, не можетъ не оказаться въ концѣ концовъ на сторонѣ того, кто единственно

заботится о примиреніи расходящихся интересовъ разныхъ партій для достиженія блага всего государства. Но такая постановка вопроса никому не нравится: она лишаетъ комментаторовъ возможности пользоваться императоромъ Вильгельмомъ, какъ орудіемъ для достиженія своихъ личныхъ или партійныхъ цѣлей. И вотъ выходитъ, что когда императоръ высказывается противъ классицизма или дружественно пожимаетъ руку рабочимъ, онъ по изображенію однихъ является просвѣщеннымъ и чуть ли не геніальнымъ государственнымъ дѣятелемъ, а по изображенію другихъ говоруномъ и шарлатаномъ; когда же онъ грозитъ уничтожить своихъ враговъ или старается усилить религіозный элементъ въ школьномъ преподаваніи, онъ является замѣчательнымъ государственнымъ человѣкомъ въ глазахъ вторыхъ и говоруномъ по отзыву первыхъ. Люди же безпристрастные и желающіе составить себѣ объективное сужденіе о новомъ германскомъ императорѣ находятся въ полномъ недоумѣніи, или отрекаются отъ него, какъ отъ дѣятеля, о которомъ не знаешь, что и думать.

Это явленіе въ одно и то же время и непонятно, и очень прискорбно: непонятно оно потому, что при сколько нибудь внимательномъ отношеніи къ словамъ и дѣйствіямъ германскаго императора трудно ошибиться относительно истинныхъ его намѣреній; прискорбно же оно потому, что постепенно, вслѣдствіе всѣхъ этихъ кривотолковъ, императоръ Вильгельмъ утрачиваетъ какъ въ самой Германіи, такъ и въ другихъ странахъ популярность, которую онъ вполнѣ заслуживаетъ по своимъ возвышеннымъ и плодотворнымъ намѣреніямъ. Если дѣло будетъ такъ продолжаться, то легко можетъ случиться, что императоръ Вильгельмъ утратитъ вѣру въ возможность достиженія своихъ цѣлей при содѣйствіи общественнаго мнѣнія, и тогда можетъ сложиться положеніе дѣлъ крайне нежелательное для самой Германіи и опасное для ея сосѣдей. Мы видѣли, къ какимъ прискорбнымъ послѣдствіямъ привелъ при Бисмаркѣ разладъ между исполнительною властью и народнымъ представительствомъ: нормальное развитіе законодательной дѣятельности сильно страдало, приходилось постоянно обращаться къ чрезвычайнымъ мѣрамъ воздѣйствія на избирателей и депутатовъ въ родѣ указанія на какія-то страшныя внутреннія или внѣшнія опасности для возбужденія патріотическаго чувства; такимъ образомъ, добрыя сосѣдскія отношенія все болѣе нарушались, и спокойствіе во всѣхъ странахъ Европы подвергалось сильному испытанію, а вмѣстѣ съ тѣмъ страдали торговля и промышленность; дѣло дошло до того, что въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ всѣ были убѣждены въ неизбѣжности русско-германской войны, и нашъ курсъ упалъ до полтинника за рубль. Но не будемъ распространяться объ этомъ, всѣмъ еще памятномъ, тяжеломъ положеніи Европы. Воцареніе новаго германскаго императора сразу ослабило всѣ эти по-

чальныя стороны бисмарковскаго режима. Можно, однако, навѣрное предсказать, что если разладъ между рейхстагомъ и исполнительною властью опять проявится съ прежнею силою, если императоръ Вильгельмъ убѣдится, что доброжелательныя его намѣренія не встрѣчаютъ сочувствія со стороны народныхъ представителей вслѣдствіе склонности послѣднихъ преслѣдовать узкія партійныя цѣли, если печать будетъ умышленно искажать цѣли, преслѣдуемыя молодымъ императоромъ, то прежнее печальное положеніе можетъ возобновиться и привести къ тѣмъ же печальнымъ послѣдствіямъ, то-есть главнымъ образомъ къ стремленію искать во внѣшнихъ пререканіяхъ спасенія противъ внутреннихъ опасностей. До сихъ поръ признаковъ такого поворота еще не замѣтно, но никто не станетъ отрицать его возможности.

Мы въ предъидущемъ указывали, что только партійная предубѣжденность можетъ затемнить истинный смыслъ руководящей идеи царствованія императора Вильгельма. Дѣйствительно, онъ въ своихъ официіальныхъ заявленіяхъ выяснилъ ее съ чрезвычайною точностью и всѣми своими правительственными дѣйствіями подтвердилъ неуклонное намѣреніе осуществлять ее во всей полнотѣ. Въ первой же своей тронной рѣчи онъ торжественно заявилъ, что «Германія не нуждается ни въ новой военной славѣ, ни въ завоеваніяхъ», что она «будетъ заботливо охранять личную дружбу съ русскимъ императоромъ и существующія уже сто лѣтъ мирныя отношенія къ сосѣднему Русскому царству, вполнѣ соотвѣтствующія какъ личнымъ чувствамъ императора Вильгельма II, такъ и интересамъ Германіи». Во время своего четырехлѣтняго царствованія онъ совершенно недвусмысленно, всѣмъ памятными, краснорѣчивыми фактами подтвердилъ, что это была въ его устахъ не простая фраза, какими обыкновенно украшаются тронныя рѣчи, а одинъ изъ основныхъ принциповъ его правительственной системы, безъ котораго осуществленіе остальныхъ ея частей было немыслимо. Напомнимъ вкратцѣ объ этихъ фактахъ. Тотчасъ по вступленіи на престолъ онъ спѣшитъ въ Россію для дружественнаго свиданія съ ея государемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаютъ опасенія войны, нависшія грозною тучею надъ Европою въ послѣднее время всемогущества князя Бисмарка. Результатъ этого путешествія и поворота въ международныхъ отношеніяхъ ясно отмѣченъ въ тронной рѣчи, которою открытъ былъ въ томъ же году прусскій сеймъ. Въ ней говорилось: «Вы можете приступить къ законодательнымъ вашимъ трудамъ съ тѣмъ большимъ спокойствіемъ духа, что сношенія имперіи со всѣми иностранными государствами имѣютъ дружественный характеръ и что я, лично посѣтивъ дружественныхъ монарховъ, пришелъ къ убѣжденію, что мы можемъ съ увѣренностью предаваться надеждѣ на дальнѣйшее сохраненіе мира». Эти слова представляли полный контрастъ

съ рѣчами князя Бисмарка, въ которыхъ Россіи и Франціи систематически приписывались воинственныя намѣренія. Но, не довольствуясь этимъ, императоръ Вильгельмъ черезъ два года вновь посѣтилъ Россію и этимъ достигъ полнаго успокоенія умовъ, выразившагося, между прочимъ, въ томъ обстоятельствѣ, что нашъ курсъ достигъ небывало-высокаго уровня въ 263 м. Какую громадную разницу представляютъ эти свиданія съ тѣми, которыя происходили во время всемогущества князя Бисмарка, когда въ 1887 г. наканунѣ пріѣзда государя императора въ Берлинъ послѣдовало распоряженіе имперскому германскому банку о невыдачѣ ссудъ подъ русскія бумаги, чѣмъ ихъ цѣнность была понижена сразу на 20—40%, и когда вслѣдъ за свиданіями произносились рѣчи о томъ, что Германія можетъ выставить на восточной и западной своихъ границахъ по милліону надежныхъ солдатъ и что она де «никого не боится, кромѣ Бога». Если, тѣмъ не менѣе, увѣренность въ мирѣ не упрочилась окончательно, если опасенія все еще возобновляются, хотя и въ значительно ослабленной степени, то видѣть въ этомъ вину императора Вильгельма II трудно. Франція не откажется отъ мысли о возвращенія себѣ Эльзаса и Лотарингіи, какъ Россія не откажется отъ своихъ вѣковыхъ задачъ на Востокѣ. Эти два факта опредѣляютъ собою международное положеніе Европы и породили такъ называемый тройственный союзъ, который былъ задуманъ и осуществленъ не императоромъ Вильгельмомъ II, а княземъ Бисмаркомъ, какъ комбинація, вытекавшая изъ крупныхъ историческихъ событій. Не найдется ни одного нѣмца, который высказался бы за упраздненіе тройственнаго союза. Слѣдовательно все, что можетъ сдѣлать въ этомъ отношеніи императоръ Вильгельмъ, это—ослабить печальныя послѣдствія сложившихся помимо него международныхъ отношеній. Къ этой цѣли онъ и стремится, какъ ясно видно изъ всѣхъ его международныхъ начинаній. Императоръ Вильгельмъ дорожитъ миромъ и увѣренностью въ мирѣ. Онъ даже пытался добиться сближенія съ Франціею, потому что общее успокоеніе умовъ ему крайне необходимо для осуществленія широкихъ внутреннихъ задачъ и реформъ, которыя онъ предпринялъ въ видахъ обезпеченія матеріальнаго и духовнаго благосостоянія необезпеченной части германскаго населенія.

Приступая къ этимъ реформамъ, онъ также сразу съ большимъ прямодушіемъ и ясностью установилъ основной принципъ, которымъ намѣренъ руководствоваться; онъ заявилъ именно, что, «подобно отцу, съ тою же добросовѣстностью будетъ уважать права народнаго представительства». Отъ этого принципа онъ не только не отказывался ни на одну минуту во время своего четырехлѣтняго царствованія, а, напротивъ, подтвердилъ его не менѣе ясными фактами вплоть до отреченія отъ задуманной имъ школьной реформы. Если императору Вильгельму приписываютъ какія-то дик-

таторскія замашки, то по очевидному недоразумѣнію. Онъ часто въ своихъ рѣчахъ говоритъ о томъ, что «уничтожитъ» своихъ враговъ, предлагаетъ имъ выселиться изъ страны или упоминаетъ о томъ, что въ государствѣ не могутъ одновременно дѣйствовать «двѣ воли» (voluntas regis—suprema lex). Но подобныя рѣчи онъ сталъ держать только съ тѣхъ поръ, какъ оппозиція князя Бисмарка начала принимать размѣры весьма опасные для внутренняго спокойствія страны. Можно ли поэтому сомнѣваться, противъ кого онѣ направлены? И съ другой стороны можно ли его обвинять за рѣзкость этихъ фразъ, если принять во вниманіе, что князь Бисмаркъ ведетъ систематическій походъ противъ молодаго императора, осуждая все, что отъ него исходитъ, даже такія мѣры и дѣйствія, которыя самъ князь Бисмаркъ съ большою страстностью и энергіею отстаивалъ, когда онъ еще находился у кормила правленія? Но по отношенію къ народному представительству и вообще «волѣ» народа, какъ совокупности всѣхъ партій, императоръ Вильгельмъ не только не проявляетъ диктаторскихъ замашекъ, а, напротивъ, большую податливость и очевидную склонность идти съ нею рука объ руку.

Это, такъ сказать, общія внѣшнія и внутреннія условія, установленныя молодымъ императоромъ. Одновременно онъ не менѣе ясно опредѣляетъ и по существу основную задачу своего царствованія. Еще будучи наслѣднымъ принцемъ и даже раньше онъ заявлялъ, что главнымъ его стремленіемъ будетъ «помощь бѣдствующимъ и страждущимъ духовно и тѣлесно, и что никакіе толки не помѣшаютъ ему слѣдовать примѣру дорогаго отца, то-есть не обращая вниманія на происки политическихъ партій, посильно содѣйствовать облегченію участи нуждающихся». Эта программа принца Вильгельма нашла себѣ болѣе точное выраженіе въ кабинетномъ указѣ, изданномъ императоромъ вначалѣ 1889 года, то-есть вскорѣ по вступленіи его на престолъ. Этотъ кабинетный указъ, не обратившій на себя въ свое время никакого вниманія, однако бросаетъ яркій свѣтъ на намѣренія императора. Онъ касается преподаванія въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ и въ немъ говорится, что «отечественная исторія должна попреимуществу быть исторіей нашего соціальнаго и экономическаго законодательства» и что «рабочій людъ въ будущемъ можетъ ожидать справедливаго къ себѣ отношенія и обезпеченія себѣ заработковъ отъ короля», потому что «прусскіе короли все время заботились о тѣлесномъ и духовномъ благосостояніи рабочаго люда». Вслѣдъ затѣмъ разразились грозныя стачки въ прирейнской области. Мы не станемъ напоминать здѣсь, какъ отнесся императоръ къ этимъ событіямъ, потому что все это еще очень свѣжо въ памяти. Отмѣтимъ только слѣдующее мѣсто изъ одной его рѣчи. «Человѣку,—сказалъ императоръ,—естественно добиваться наиболѣе бла-

гопріятныхъ жизненныхъ условій. Рабочіе читаютъ газеты и знають, какое отношеніе существуетъ между заработной платой и барышомъ, получаемымъ владѣльцами предпріятій. Понятно, что они желаютъ до извѣстной степени участвовать въ барышахъ». Вслѣдъ затѣмъ назначена была коммиссія для изслѣдованія рабочаго вопроса, которая пришла къ выводу, что многія жалобы рабочихъ на чрезмѣрный трудъ и недобросовѣстные расчеты вполнѣ основательны. Во всякомъ случаѣ императоръ Вильгельмъ своимъ личнымъ энергическимъ вмѣшательствомъ въ дѣло предупредилъ безпорядки и устранилъ опасность. Затѣмъ, какъ извѣстно, состоялись новые выборы, выяснившіе, что, благодаря дѣятельности князя Бисмарка, число соціалистовъ-избирателей втеченіе пятнадцати лѣтъ возросло съ 25,000 до 1.500,000 и составило одну седьмую часть всѣхъ избирателей. Немного раньше выяснилось, что протекціонная система князя Бисмарка оказалась также совершенно несостоятельною: отпускъ упалъ, привозъ все усиливался. (Въ 1889 году привозъ превысилъ отпускъ на 800 милл. марокъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось, что управлять страною при помощи рейхстага нѣтъ никакой возможности. Князю Бисмарку удавалось добиваться большинства только путемъ воздѣйствія на патріотическое чувство, то-есть указаніемъ на мнимыя грозныя внѣшнія опасности. Всѣ эти обстоятельства и послужили причинами его увольненія. Вотъ на какой почвѣ произошло это событіе: императоръ, какъ мы видѣли, желалъ во что бы то ни стало поднять уровень благосостоянія рабочихъ массъ, упрочить въ нихъ вѣру, что государственная власть можетъ придти имъ на помощь, а князь Бисмаркъ дальше своей системы страхованія отказывался идти и, когда созвана была международная конференція для обсужденія рабочаго вопроса, занялъ по отношенію къ ней недоброжелательное и даже прямо враждебное положеніе. Императоръ же Вильгельмъ съ рѣдкимъ прямодушіемъ заявилъ, что онъ надѣется «доставить рабочимъ охрану противъ произвольной и безграничной эксплоатаціи рабочей силы», что «современное общество не лежитъ на анатомическомъ столѣ и не представляетъ собою трупа, который могли бы рѣзать по своему усмотрѣнію крупные фабриканты и заводчики». Но при этомъ онъ поспѣшилъ еще замѣтить, что «желательный прогрессъ не можетъ быть достигнутъ одними государственными мѣропріятіями», что необходимы «соединенныя усилія правительства, церкви и школы». Мы отмѣчаемъ съ особеннымъ удареніемъ эти слова, потому что въ нихъ уже совершенно ясно выражена программа императора Вильгельма. Всѣ отрывочныя его замѣчанія были потомъ сгруппированы въ рядѣ статей, появившихся въ «Имперскомъ Указателѣ» подъ общимъ заглавіемъ: «Соціальная политика, соціальная реформа и соціализмъ». Въ этихъ статьяхъ проводится та мысль, что до новѣйшаго времени основная задача правительства заключалась въ осво-

божденіи народныхъ массъ, въ отмѣнѣ крѣпостнаго права и въ устройствѣ быта освобожденныхъ крѣпостныхъ; теперь же основная задача правительства измѣнилась только по формѣ, а по существу остается прежнею и заключается въ томъ, чтобъ обезпечить духовное и матеріальное благосостояніе многомилліонной рабочей массы, вполнѣ законно требующей участія въ плодахъ современной цивилизаціи и культуры. Вотъ это-то и составляетъ основную задачу современнаго правительства, какъ ее понимаетъ императоръ Вильгельмъ. Если для освобожденія крѣпостныхъ потребовались жертвы отъ другихъ классовъ, то онѣ требуются и теперь. «Никакія указанія на страшныя послѣдствія возбужденія этого вопроса,—говорится въ одной изъ этихъ статей,—не удержатъ императора придти на помощь общественнымъ классамъ, страждущимъ въ настоящее время. Соображенія подобнаго рода не могутъ удержать прусскаго короля отъ того, что ему повелѣваютъ разумъ и совѣсть».

Мы видимъ, слѣдовательно, какими ясными, просвѣщенными и благородными побужденіями руководствуется императоръ Вильгельмъ. Если мы хотимъ произносить надъ нимъ судъ, то мы должны произносить его съ точки зрѣнія того по истинѣ великаго дѣла, которому онъ служитъ, навлекая на себя недовольство разныхъ партій и подвергая себя и даже свой престолъ совершенно очевидной опасности. Раздраженіе и даже озлобленіе, которое онъ противъ себя вызываетъ, не только не должны лишать его въ нашихъ глазахъ обаянія, а напротивъ дѣлаютъ ему величайшую честь по старинной германской пословицѣ: «viel Feind, viel Ehr» (много враговъ, много чести).

Но посмотримъ, какъ дальше развивалась правительственная программа молодаго императора. Можетъ быть, онъ, въ виду противодѣйствія, на которое натолкнулся со стороны обиженнаго Бисмарка, его многочисленныхъ сторонниковъ и тѣхъ общественныхъ классовъ, которые озабочены не благомъ отечества, а своекорыстными цѣлями, отказался отъ своей программы или началъ ее проводить неувѣренно и тѣмъ отшатнулъ отъ себя даже своихъ друзей. Въ рѣчахъ молодаго императора дѣйствительно часто звучитъ трагическая нота. У него нерѣдко вырывается фраза, что онъ долженъ «все перенести, хотя бы ему и суждено было погибнуть». Онъ сознаетъ свое одиночество, вокругъ себя видитъ враждебность, недоброжелательство, постоянно встрѣчаетъ противодѣйствіе, а его союзникъ тамъ внизу—широкое народное море, зыбкая стихія, на которую правителю такъ трудно опереться. Не даромъ онъ себя сравниваетъ съ «вахтеннымъ офицеромъ на государственномъ кораблѣ»; не даромъ онъ торопится и желаетъ «идти впередъ на всѣхъ парахъ». Онъ надѣется, что результаты его просвѣщенной дѣятельности проявятся съ достаточною ясностью, чтобы заставить умолкнуть раздающіеся вокругъ него враждебные голоса, соединять неразры-

вными узами престолъ и народъ и выяснять лучше всякихъ словъ плодотворность его начинаній.

Мы рѣшительно недоумѣваемъ, какъ вся эта сторона дѣятельности императсра Вильгельма ускользаетъ теперь отъ вниманія ея комментаторовъ. Она съ такою очевидностью проявилась и въ знаменитыхъ рѣчахъ противъ классицизма, и въ австро-германскомъ торговомъ договорѣ, и въ финансовыхъ реформахъ, осуществляемыхъ г. Микелемъ, и въ школьномъ законопроектѣ, надѣлавшемъ за послѣднее время столько шума! Во всѣхъ этихъ словахъ и дѣйствіяхъ императора Вильгельма собственно идетъ рѣчь только объ одномъ: рабочій вопросъ стоитъ въ центрѣ всего, что онъ говоритъ и дѣлаетъ; на немъ сосредоточиваются, около него группируются всѣ его мысли и начинанія.

Подтвердимъ этотъ взглядъ на дѣло бѣглою оцѣнкою только что указанныхъ нами рѣчей и мѣропріятій. Начнемъ съ знаменитыхъ школьныхъ рѣчей. Императоръ Вильгельмъ сразу ставитъ въ нихъ вопросъ на соціальную почву. «Если-бъ школа, — говоритъ императъ,—дѣлала то, что надлежитъ отъ нея требовать, то она съ самаго начала вступила бы въ борьбу съ соціальной демократіей... Отчего современная молодежь такъ легко совращается?—спрашиваетъ далѣе императоръ.—Отчего появляются въ такомъ множествѣ разные туманные реформаторы, не уяснившіе себѣ, чего именно они хотятъ? Оттого,—отвѣчаетъ императоръ,—что молодежь наша не знаетъ исторіи развитія нашихъ порядковъ и не выяснила себѣ, что они коренятся въ эпохѣ французской революціи». Стоитъ только вдуматься въ эти вопросы и въ отвѣтъ на нихъ, чтобы понять, почему императоръ Вильгельмъ относится скептически къ классическому образованію. Всецѣло озабоченный рѣшеніемъ рабочаго, или, точнѣе говоря, соціальнаго вопроса, онъ и на гимназическое образованіе смотритъ съ этой точки зрѣнія. Онъ требуетъ, чтобы уже въ школѣ подростающсе поколѣніе подробно ознакомилось съ отечественною исторіею, чтобы «юношество вели не отъ Ѳермопилъ къ Росбаху, а наоборотъ отъ Седана черезъ Росбахъ назадъ къ Ѳермопиламъ», другими словами онъ желаетъ, чтобы учащаяся молодежь ознакомилась съ «реальными требованіями окружающей ея жизни», съ преемственными государственными, общественными и экономическими задачами, чтобы изъ нея выработалось поколѣніе здоровое тѣломъ, трезвое душою, ясно сознающее ближайшія цѣли общественной и государственной жизни, не увлекающееся утопіями, а способное приложить сильную и умѣлую руку къ рѣшенію ближайшихъ и насущнѣйшихъ задачъ. Между этими задачами онъ ставитъ соціальный вопросъ на первомъ планѣ. Вотъ къ чему, по его мнѣнію, «стремится новый духъ и заканчивающееся теперь столѣтіе», и, выдвигая этотъ вопросъ смѣло и рѣшительно,

императоръ думаетъ, что онъ вѣрно «прислушивается къ пульсу современной намъ эпохи и предусматриваетъ грядущія событія».

Мы видимъ, слѣдовательно, что содержаніе знаменитыхъ школьныхъ рѣчей далеко не исчерпывается преимуществами классическаго и реальнаго образованія, что въ нихъ живымъ ключемъ бьетъ все та же широкая основная идея, которою проникнуто все, что исходитъ отъ императора Вильгельма. Намъ нечего далѣе пояснять, что и въ австро-германскомъ торговомъ договорѣ нашла себѣ ясное выраженіе та же идея. Благодаря этому договору, хлѣбъ въ Германіи удешевится на 30%, а крупные землевладѣльцы потеряютъ 100 милліоновъ, казна же 30 милліоновъ. Мы это подробно выяснили еще недавно (см. статью «Вооруженный миръ и торговые договоры», «Историческій Вѣстникъ», мартъ, 1892 г., стр. 766). Здѣсь же достаточно будетъ упомянуть, что, разъясняя смыслъ этого договора въ рейхстагѣ, имперскій канцлеръ, генералъ Каприви, сказалъ, что конечныя цѣли его заключаются въ томъ, чтобы «облегчить и удешевить народное пропитаніе». Равнымъ образомъ и финансовые законопроекты, внесенные правительствомъ императора Вильгельма въ законодательныя собранія, клонятся къ тому, чтобы облегчить финансовое бремя, лежащее на нисшихъ классахъ населенія. Наконецъ, что касается до школьныхъ законопроектовъ, то они являются не чѣмъ инымъ, какъ осуществленіемъ основной идеи, высказанной императоромъ Вильгельмомъ еще въ самомъ началѣ его царствованія, именно, что соціальный вопросъ долженъ быть рѣшенъ, по его мнѣнію, «соединенными усиліями правительства, церкви и школы». Какъ извѣстно, императоръ очень далекъ отъ всякой религіозной нетерпимости, но онъ глубоко вѣрующій человѣкъ, его никогда не покидаетъ мысль, что христіанская любовь является плодотворнѣйшимъ началомъ въ народной жизни, и этому-то началу онъ хотѣлъ дать больше вѣсу и въ школѣ. Быть можетъ, имъ при этомъ упущено изъ виду, что тотъ духъ терпимости, которымъ онъ самъ воодушевленъ, еще не составляетъ прочнаго достоянія его народа, что религіозная рознь проявляется въ концѣ и нашего столѣтія иногда почти съ такою же силою, какъ и нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Но едва ли кому нибудь удастся убѣдить императора Вильгельма, что любовь къ ближнему, эта основа христіанскаго ученія, не должна служить и основою народнаго образованія; въ то же время нельзя не видѣть что въ разработанныхъ по его иниціативѣ школьныхъ законопроектахъ проявляется все то же стремленіе рѣшить главный вопросъ современной народной жизни, вопросъ о пріобщеніи народныхъ массъ къ благамъ цивилизаціи и культуры. И съ этой точки зрѣнія школьные законопроекты императора Вильгельма поистинѣ заслуживаютъ болѣе справедливой оцѣнки, чѣмъ какой они удостоились со стороны разныхъ германскихъ партій: они внушены не клери-

кализмомъ, котораго чуждъ императоръ Вильгельмъ, а заботою о воспитаніи подростающаго поколѣнія въ духѣ христіанской любви. Если-бъ это было понято, если-бъ народные представители оказались на высотѣ указанной императоромъ задачи, то былъ бы избѣгнутъ кризисъ, тѣмъ болѣе прискорбный, что онъ возбудилъ взаимное недовѣріе между основными факторами государственной власти.

Но, какъ бы то ни было, можно ли въ виду изложенныхъ нами фактовъ сомнѣваться относительно истинныхъ намѣреній императора Вильгельма, относительно руководящей идеи его царствованія, приписывать ему неустойчивость во взглядахъ, оспоривать, что онъ представляетъ собою цѣльный характеръ, и упрекать его въ томъ, что онъ непостояненъ въ своихъ принципахъ? Нѣтъ, какъ разъ обратное вѣрно. Онъ, можетъ быть, слишкомъ спѣшитъ высказываться съ полною откровенностью, забывая, что «царскій голосъ» не долженъ «на воздухѣ теряться попустому», что онъ, «какъ звонъ святой, вѣщать лишь долженъ велику скорбь или великій праздникъ». Онъ, можетъ быть, по пылкости, свойственной молодости, забываетъ, что въ трудныхъ и сложныхъ государственныхъ дѣлахъ опасно быстро «измѣнять теченіе дѣлъ», что «привычка — душа державъ». Поэтому онъ часто рвется впередъ и затѣмъ вынужденъ отступить назадъ, чтобы не нарушить своихъ руководящихъ началъ. Такъ было въ вопросѣ о школьныхъ законопроектахъ: онъ слишкомъ поторопился, не выяснивъ должнымъ образомъ цѣли, къ которой стремится, и ему пришлось отказаться отъ предпринятаго имъ дѣла, чтобы соблюсти одинъ изъ основныхъ своихъ принциповъ, именно строгое соблюденіе правъ народнаго представительства. Сдѣлалъ онъ это со свойственной ему простотою, прямодушіемъ и честностью, не отказываясь даже въ крайнемъ случаѣ разстаться съ испытанными своими помощниками, какъ онъ въ свое время рѣшился разстаться съ княземъ Бисмаркомъ, когда тотъ воспротивился тому, что императору «повелѣвали разумъ и совѣсть». Но упрекать его въ измѣнчивости, въ непониманіи своихъ задачъ, въ легкомысліи, и отказывать ему въ сочувствіи, въ признаніи благородства его побужденій и дальновидности его государственныхъ предначертаній,—нѣтъ, этого мы не можемъ; напротивъ, мы думаемъ, что онъ вѣрно «прислушивается къ пульсу современной жизни» и поэтому идетъ вѣрною дорогою, и въ то же время полагаемъ, что онъ заслуживаетъ со стороны своего и другихъ народовъ больше симпатіи и содѣйствія, чѣмъ какія выпадаютъ на его долю въ предпринятомъ имъ трудномъ, отвѣтственномъ и лично для него столь опасномъ дѣлѣ.

Собственно говоря, основная задача, которую старается осуществить императоръ Вильгельмъ, вовсе не является специфическою принадлежностью германской государственной жизни и еще менѣе того можетъ считаться проявленіемъ субъективныхъ взглядовъ и

настроенія императора. Всѣ государственные люди, гдѣ бы они ни дѣйствовали и къ какой бы партіи ни принадлежали, болѣе всего озабочены именно этою задачею. Отъ американскихъ береговъ Тихаго океана до Урала, въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Южной Америкѣ, во всѣхъ государствахъ нашего материка, эта задача составляетъ предметъ усиленныхъ думъ и заботъ общественнаго мнѣнія, людей науки, государственныхъ дѣятелей и, проявляясь въ многообразнѣйшихъ формахъ, остается въ сущности неизмѣнной. Ее называютъ соціальнымъ вопросомъ; на самомъ дѣлѣ это—вопросъ соціальный, экономическій, политическій; имъ въ значительной степени опредѣляется направленіе и науки, и искусства; онъ всюду проникаетъ и все одухотворяетъ. Гдѣ только онъ замѣшанъ, тамъ возбужденъ интересъ, разгораются страсти. Заходитъ ли рѣчь о романахъ Золя, американскомъ законѣ, направленномъ противъ кулiевъ, грандіозныхъ стачкахъ англійскихъ углекоповъ, министерскомъ кризисѣ въ Берлинѣ, переселенческомъ движеніи въ нашемъ отечествѣ, — вездѣ мы встрѣчаемся съ однимъ и тѣмъ же вопросомъ, съ соціальнымъ, если хотите, но въ сущности болѣе широкимъ и значительнымъ. Онъ стоитъ загадкою передъ всѣми народами, и всѣ народы его сознательно или ощупью рѣшаютъ. Устранить его нѣтъ никакой возможности, и собственно рѣчь можетъ идти только о томъ, слѣдуетъ ли чистосердечно признать, что онъ назрѣлъ, и соединить всѣ силы для мирнаго и спокойнаго его рѣшенія, или же рѣшать его молча, по мѣрѣ того, какъ жизнь выдвигаетъ то или другое частное его проявленіе, урывками, безъ опредѣленной системы, безъ объединенія силъ, необходимыхъ для правильнаго его рѣшенія. Императоръ Вильгельмъ придерживается первой тактики: онъ не хочетъ играть въ жмурки, обманывать себя и другихъ относительно существованія опасности, скрывать, на что собственно направлены его заботы и усилія. Возражать противъ такого образа дѣйствій можно развѣ только въ формальномъ отношеніи, но не по существу. Мы думаемъ наоборотъ, что откровенное признаніе задачи и обращеніе ко всѣмъ заинтересованнымъ сторонамъ, ко всѣмъ факторамъ, участвующимъ въ рѣшеніи вопроса, представляетъ тактику наиболѣе цѣлесообразную. Вывести соціальный вопросъ изъ полумрака, который окружалъ его до сихъ поръ, на ясный солнечный свѣтъ открытаго его обсужденія и рѣшенія при помощи всѣхъ факторовъ общественной и государственной жизни, значитъ лишить его фантастическаго характера и поставить его на почву трезвой дѣйствительности. Быть можетъ, правильное и мирное его рѣшеніе затруднялось главнымъ образомъ тѣмъ, что его держали въ полумракѣ и отказывались говорить о немъ прямодушно и открыто, какъ говорятъ о другихъ насущныхъ задачахъ народной жизни. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что съ тѣхъ поръ, какъ разные государственные дѣятели начали призна-

вать существованіе этого вопроса и изъявлять готовность приложить къ его рѣшенію дѣятельную руку, онъ въ значительной степени утратилъ свой фантастическій характеръ и представляется намъ теперь уже гораздо менѣе опаснымъ, потому что нарождается предчувствіе возможности благополучнаго его рѣшенія. Въ этомъ смыслѣ починъ императора Вильгельма II представляется намъ большою заслугою.

Всякій внимательный наблюдатель общественной и политической жизни культурныхъ странъ не можетъ не замѣтить, что постепенно происходитъ сближеніе между разными партіями именно на этой почвѣ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что это сближеніе приведетъ даже къ видоизмѣненію нынѣшней группировки общественныхъ и политическихъ дѣятелей по разнымъ лагерямъ. Если признать руководящимъ принципомъ современной политической жизни торжество интересовъ большинства, то естественно и неизбѣжно всѣ политическія партіи, какія бы цѣли онѣ ни преслѣдовали, должны считаться съ этимъ большинствомъ. Поэтому мы дѣйствительно и видимъ, что во всѣхъ странахъ, не смотря на крайнее разнообразіе ихъ политической организаціи, настроеніе, желанія, традиціи, интересы большинства становятся, такъ сказать, верховнымъ закономъ, которому подчиняется вся общественная и политическая жизнь. Даже тѣ партіи, которыя преслѣдуютъ цѣли несовмѣстимыя съ интересами большинства, до извѣстной степени поддѣлываются подъ него, стараются заручиться его поддержкою. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что англійская аристократія, а по примѣру ея французская, австрійская, германская, въ лицѣ такихъ своихъ представителей, какъ лордъ Рандольфъ Черчиль, графъ де-Менъ, князь Алоизій Лихтенштейнъ и проч., «идутъ въ народъ». Этимъ же обстоятельствомъ объясняется, что въ настоящее время англійскіе консерваторы, напримѣръ, стараются перещеголять либераловъ въ энергическихъ усиліяхъ, направленныхъ къ обезпеченію благополучія обездоленныхъ классовъ общества. Въ странахъ, гдѣ большинство добилось фактическаго вліянія на государственную жизнь, старое дѣленіе на партіи кореннымъ образомъ уже видоизмѣнилось. Борьба изъ-за политической власти, конечно, продолжается, но она приняла другія формы: власть уже не полагается стоящею какъ бы въ сторонѣ; никто уже не думаетъ, какъ въ прежнее время, что ею можно завладѣть помимо народа въ тѣсной сферѣ такъ называемыхъ правящихъ классовъ; всѣ чувствуютъ, что ею нельзя заручиться иначе, какъ примкнувъ къ народу, къ его интересамъ, къ его понятіямъ и стремленіямъ, что безвозвратно уже прошло то время, когда люди мечтали, что изъ народа можно лѣпить, какъ изъ воска, все, что угодно, а вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось, что достигнуть желательныхъ цѣлей въ государственной жизни можно только въ союзѣ съ народомъ.

Эта истина, прокладывающая себѣ все рѣшительнѣе дорогу въ жизни, сознана теперь болѣе или менѣе ясно всѣми просвѣщенными общественными и политическими дѣятелями. Достаточно вдуматься въ исторію безконечныхъ французскихъ государственныхъ переворотовъ, чтобы понять громадное ея практическое значеніе. Всѣ эти перевороты оказывались неустойчивыми до тѣхъ поръ, пока французскіе государственные люди не прониклись этою истиною. Даже совершенно независимо отъ внѣшнихъ катастрофъ ни одно французское правительство не могло продержаться, когда оно основывало свое вліяніе только на поддержкѣ такъ называемыхъ правящихъ классовъ, будь это военное сословіе, родовая аристократія, духовенство или буржуазія. Не даромъ одинъ изъ видныхъ современныхъ дѣятелей Франціи заявилъ, измѣняя извѣстный афоризмъ Тьера, что «республика будетъ крестьянскою или ея вовсе не будетъ»; не даромъ уже Наполеонъ III всячески старался поддерживать фикцію и отчасти дѣйствительно руководствовался принципомъ, что только то правительство прочно, которое основано на благополучіи широкихъ народныхъ массъ. Если англійская аристократія такъ долго сохраняла и до сихъ поръ сохраняетъ свое политическое вліяніе, то только благодаря тому обстоятельству, что она болѣе, чѣмъ французы, прониклась въ этой сферѣ ихъ поговоркою: «noblesse oblige».

Но вотъ что тутъ заслуживаетъ особеннаго нашего вниманія. Какую страну съ народнымъ правительствомъ въ указанномъ смыслѣ мы бы ни взяли, вездѣ мы натолкнемся на слѣдующее характерное явленіе: такъ называемая идеологія, политическая доктрина или фраза утрачиваютъ свое значеніе, а дѣловитость, разрѣшеніе ближайшихъ и насущнѣйшихъ задачъ повседневной жизни вступаетъ въ силу. Это, конечно, не исключаетъ обдуманнаго плана въ разрѣшеніи подобнаго рода задачъ, но надо, чтобы этотъ планъ былъ дѣйствительно направленъ къ удовлетворенію реальныхъ народныхъ нуждъ. Мы не будемъ говорить о Швейцаріи, о Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ демократическія начала пустили глубокіе историческіе корни; мы не будемъ говорить и объ Англіи, гдѣ, какъ я только-что указывалъ, правящіе классы постоянно работали на пользу народную въ практической сферѣ мѣстнаго управленія; мы возьмемъ разительный примѣръ Франціи, этой классической страны политической и соціальной доктрины и фразы, страны, которая вызвала безконечныя кровопролитія и пережила множество государственныхъ потрясеній во имя торжества той или другой общественно-политической доктрины. Что же мы видимъ теперь во Франціи? Тщетно мы стали бы искать въ ней политическихъ героевъ въ прежнемъ смыслѣ. Послѣднимъ жалкимъ ихъ потомкомъ былъ пресловутый генералъ Буланже, авантюристъ, полагавшій, что стоитъ только объявить войну прави-

тельству, чтобы заручиться всеобщимъ сочувствіемъ. Правителями Франціи являются разные Фрейсинэ, Констаны, Рувье, Рибо, Роши, люди, о которыхъ мы знаемъ только, что они дѣловиты и разрѣшаютъ практическія задачи практическими средствами. Мало того, изъ кого состоитъ парламентское большинство? Консерваторы, представители прошлаго, радикалы, представители будущаго, силятся вступить въ союзъ, чтобы низвергнуть настоящее; но это имъ не удается: большинство народныхъ представителей, какъ и самъ народъ, мало сочувствуютъ политическимъ доктринамъ, оказавшимся несостоятельными, или еще не испытаннымъ, но уже внушившимъ къ себѣ недовѣріе, потому что вообще всякая политическая доктрина, что бы она ни сулила, представляется здравому народному смыслу подозрительною. Только этимъ и можно объяснить, что на выборахъ одерживаютъ все въ большомъ числѣ перевѣсъ не люди фразы, а люди спокойнаго жизненнаго дѣла. По мѣрѣ того, какъ выясняется это явленіе, какъ политическая жизнь пріобрѣтаетъ будничный характеръ, герои фразы и высокопарныхъ доктринъ все чаще повторяютъ слова Гоголя: «Скучно на этомъ свѣтѣ, господа». Имъ, конечно, скучно: нѣтъ порывовъ, нѣтъ подвиговъ, которыми они себя тѣшили. Но тѣмъ, кто въ устраненіи назойливыхъ повседневныхъ заботъ о кускѣ хлѣба, о пріобрѣтеніи элементарныхъ знаній, необходимыхъ для лучшаго устройства своей жизни, видитъ все свое спасеніе, кто задыхается отъ нищеты, грязи, невѣжества,—«тѣмъ, господа, не скучно»; имъ было скучно и невыносимо, когда мы совершали наши подвиги, прикрываясь народнымъ знаменемъ, но въ сущности не зная и не понимая народа.

Люди, дорожащіе устраненіемъ того, что на самомъ дѣлѣ гнететъ и давитъ народъ, не могутъ не привѣтствовать совершающагося нынѣ всюду поворота въ общественномъ настроеніи. Грандіозная задача пріобщенія народныхъ массъ къ благамъ цивилизаціи и культуры требуетъ напряженія всѣхъ нашихъ силъ, и споръ о томъ, кому придти на помощь народу, — споръ недостойный и праздный. Надо пользоваться всѣми силами, и только ослѣпленіе политическою доктриною можетъ заставить насъ отвергать въ этомъ дѣлѣ починъ и содѣйствіе наиболѣе могущественныхъ факторовъ народной жизни. Вотъ почему насъ такъ поражаетъ невѣрная оцѣнка правительственныхъ начинаній императора Вильгельма II. Онъ можетъ ошибаться относительно средствъ, но основная его цѣль, выраженная, какъ мы видѣли, столь недвусмысленно, столь рѣшительно, можетъ возбуждать въ насъ только чувство глубокой симпатіи. Надняхъ у насъ появился русскій переводъ извѣстнаго сочиненія Ланге [1]) о рабочемъ вопросѣ. Книга Ланге

[1]) Ф. Ланге. Рабочій вопросъ. Переводъ А. В. Блёка. Предисловіе Р. И. Сементковскаго.

во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ полнаго вниманія, такъ какъ замѣчательно рельефно устанавливаетъ истинное значеніе рабочаго вопроса. «Ужасы французской революціи, — говоритъ авторъ,—были совершены подавленными массами, которыя убѣдились въ крушеніи старыхъ авторитетовъ, но никогда не принимали дѣйствительнаго участія въ возвышенной идейной жизни руководящихъ умовъ эпохи. Пора предостеречь человѣчество отъ повторенія такого великаго несчастія и осторожно и сознательно подготовить неизбѣжный новый порядокъ вещей. Откровенность и правдивость—вотъ то великое средство, которое одно способно привести къ цѣли, которое поможетъ торжеству желательныхъ цѣлей и предотвратитъ опасность. Поэтому не слѣдуетъ препятствовать рабочимъ серьезно изучать свое положеніе и, вмѣсто того, чтобы предаваться мрачной злобѣ и тупому отчаянію, обращать свой взоръ къ восходящей зарѣ новой эпохи и стараться строго обдуманными средствами ускорить ея приближеніе; надо радоваться, что они, сознавъ свои человѣческія права и высшее назначеніе, борятся за ту свободу, которая только тому и идетъ въ прокъ, кто ее самъ завоевалъ. Въ этомъ движеніи слѣдовало бы видѣть не опасность, но скорѣе первый симптомъ избавленія отъ громадной опасности». Это—очень глубокія слова. Намъ кажется, что императоръ Вильгельмъ, ставя «откровенно и правдиво» рабочій вопросъ основною задачею своего царствованія, въ значительной мѣрѣ способствуетъ «избавленію своего отечества отъ громадной опасности». Старыя партіи, сложившіяся на исторической почвѣ и не желающія «прислушиваться къ пульсу современной жизни», могутъ оказывать ему противодѣйствіе и, пожалуй, даже смутить его; но, тѣмъ не менѣе, восторжествуютъ не онѣ. Вездѣ, во всѣхъ странахъ цивилизованнаго міра, происходитъ одна и та же нами уже отмѣченная эволюція, дальновидно предусмотрѣнная еще Токвилемъ. «La marée démocratique monte»,— гласитъ его знаменитое изрѣченіе. Да, волны народнаго моря вздымаются все выше и выше. Онѣ могутъ потопить цивилизацію и распространить на цѣлыя страны ужасы, безплодные и дикіе, напоминающіе отдаленныя времена человѣконенавистничества и варварства, подобно тому, какъ они вдругъ, къ общему изумленію, разразились въ столицѣ Франціи во время коммуны. Но онѣ могутъ и служить только предвѣстниками мирнаго и неизбѣжнаго волненія, знаменующаго собою наступленіе новой лучшей эпохи, новой болѣе совершенной общественной организаціи, когда нынѣшняя соціальная неправда будетъ въ значительной степени смягчена или совершенно устранена, когда цивилизація, которою мы по праву гордимся, распространитъ свое благотворное вліяніе на всѣ классы общества и станетъ не только по имени, но и по сущности своей достойною великаго названія... христіанской. Къ этой

цѣли должны быть направлены всѣ наши усилія, и тотъ, кто для нея трудится, кѣмъ бы онъ ни былъ и гдѣ бы онъ ни дѣйствовалъ, является истиннымъ работникомъ на нивѣ человѣческаго счастія и искорененія общественнаго зла. Пора намъ отрѣшиться отъ прежней исключительности, пора понять, что если къ истинѣ можно приблизиться разными путями, то и жизненныя цѣли могутъ быть достигнуты разными средствами. Человѣкъ науки говоритъ объ альтруизмѣ, вѣрующій говоритъ о любви къ ближнему, въ сущности это одно и то же, а какой длинный путь совершило человѣчество, чтобы черезъ скептицизмъ, матеріализмъ и позитивизмъ прійдти къ сознанію всеспасительности альтруизма, то-есть нравственнаго закона, возвѣщеннаго много тысячелѣтій тому назадъ! Мы по большей части рабы формы и на сущность обращаемъ слишкомъ мало вниманія, такъ мало, что часто даже жертвуемъ ею ради формы. Лассаль мечталъ о вмѣшательствѣ государства въ пользу рабочихъ массъ. Давно ли мы зачитывались и восторгались романомъ Шпильгагена: «Одинъ въ полѣ не воинъ»? Почти одновременно упомянутая книга Ланге читалась нами въ оригиналѣ съ жаднымъ вниманіемъ. Смотришь, съ тѣхъ поръ прошло всего около четверти вѣка, и все, что казалось тогда вопросомъ отдаленнаго будущаго, что имѣло прелесть какой-то несбыточной мечты, теперь уже осуществляется въ жизни. Но мы, тѣмъ не менѣе, недовольны. Тогда намъ казалось, что этотъ громадный переворотъ совершится путемъ какого-то великаго, героическаго движенія, въ которомъ мы всѣ страстно и восторженно примемъ участіе. Онъ совершается на дѣлѣ тихо и спокойно молодымъ правителемъ, понявшимъ непреложныя требованія нашего времени. И кажется намъ, что это не то, какъ не удовлетворяетъ насъ и политическій строй, установившійся во Франціи; и тамъ—то да не то. Мы даже мало интересуемся французскими дѣлами и событіями въ Германіи: развѣ какой нибудь скандалъ заставляетъ насъ внимательнѣе присматриваться къ тому, что происходитъ въ этихъ странахъ, а къ повороту, совершающемуся въ настроеніи общества и правительства, мы относимся съ замѣчательнымъ безучастіемъ. Или въ самомъ дѣлѣ мы способны интересоваться только мечтою, а все, что носитъ характеръ положительный, не въ состояніи возбуждать наше сочувствіе? Между тѣмъ сколько поучительнаго въ жизни Франціи и Германіи, въ особенности для такого общества, какъ наше, располагающее очень недостаточнымъ политическимъ опытомъ! Старые лозунги и тамъ, и здѣсь, и въ Германіи, и во Франціи, утратили свое значеніе. Вопросъ о политическихъ формахъ мало кого интересуетъ; соціальная борьба, соціальное законодательство поглощаютъ общее вниманіе, но не въ смыслѣ излюбленнаго нами грандіознаго переустройства общества, а въ смыслѣ работы, направленной къ изысканію практическихъ

путей для рѣшенія насущныхъ потребностей народныхъ массъ. Работа этого рода кипитъ. Во Франціи большинству въ парламентѣ и его представителямъ въ администраціи приходится защищать эту точку зрѣнія противъ партій, «ничего не забывшихъ и ничему не научившихся», противъ легитимистовъ, орлеанистовъ, бонапартистовъ, радикаловъ; въ Германіи эту роль смѣло принялъ на себя молодой императоръ. И въ этомъ совпаденіи краснорѣчиво выражается духъ времени; оно свидѣтельствуетъ, что, не смотря на все разнообразіе политическихъ формъ, двѣ идеи прокладываютъ себѣ всюду дорогу въ жизни: первая изъ нихъ та, что прежняя борьба политическихъ партій, какъ остатокъ средневѣковаго расчлененія общества, отживаетъ свое время, что нынѣ могутъ расчитывать на вліяніе и успѣхъ только такія партіи, которыя умѣютъ согласовать свои интересы съ интересами широкихъ народныхъ массъ; вторая же заключается въ томъ, что въ виду этого измѣненія прежней политической борьбы необходимы и новыя средства, и что эти средства должны быть согласованы съ здравымъ смысломъ массы, которая требуетъ достиженія положительныхъ, насущныхъ, ясныхъ цѣлей ясными же средствами и при помощи всѣхъ существующихъ силъ, правительственныхъ, общественныхъ, частныхъ. Очевидно, и прежнія понятія о либерализмѣ и консерватизмѣ требуютъ кореннаго пересмотра съ этой точки зрѣнія, и, быть можетъ, недалеко уже то время, когда либераломъ будетъ называться только тотъ, кто пользуется всѣми исторически-сложившимися силами для обезпеченія народнаго благополучія, а консерваторомъ будетъ именоваться тотъ, кто, преданный устарѣвшимъ формамъ борьбы, вѣчно протестуетъ, и этими протестами только мѣшаетъ жизнерадостному, бодрому и практическому рѣшенію насущныхъ задачъ народной жизни, кѣмъ и въ какой формѣ онѣ бы ни исполнялись.

Но если мы всѣ сознаемъ, что эта политическая и соціальная эволюція неизбѣжна, что дальнѣйшіе успѣхи цивилизаціи и культуры поставлены въ самую тѣсную зависимость отъ желанія и умѣнія согласовать интересы такъ называемыхъ правящихъ классовъ, стоящихъ на высотѣ образованности, матеріальной обезпеченности и соціальнаго вліянія, съ интересами громаднаго большинства, не пользующагося еще ни вліяніемъ, ни образованностью, ни матеріальною обезпеченностью,— то можемъ ли мы отказывать въ нашемъ сочувствіи политическимъ дѣятелямъ, понявшимъ это непреложное требованіе времени и старающимся исполнить его честно и добросовѣстно, по мѣрѣ разумѣнія и силъ. Между такими дѣятелями занимаетъ несомнѣнно очень видное мѣсто императоръ Вильгельмъ II. Вступивъ на путь энергическаго и даже самоотверженнаго служенія народу, онъ по неволѣ долженъ былъ подвергнуть пересмотру правительственную систему своихъ пред-

шественниковъ и внесъ въ нее очень существенныя измѣненія. Во-первыхъ, какъ мы видѣли, онъ поспѣшилъ возстановить болѣе дружественныя отношенія къ Россіи, послѣ того, какъ князь Бисмаркъ довелъ дѣло почти до войны. Само собою разумѣется, что если-бъ императору Вильгельму не удалось достигнуть этой цѣли, то и его забота объ обезпеченіи благосостоянія рабочаго люда могла бы дать лишь очень скромные результаты, потому что опасенія войны неизбѣжно вызываютъ застой въ промышленности и торговлѣ. Такимъ образомъ, основная задача германскаго императора не мирится съ возбужденіемъ тревоги, между тѣмъ, какъ князь Бисмаркъ наоборотъ усматривалъ главную свою силу въ возбужденіи воинственности, потому что на этой почвѣ стяжалъ самые блестящіе лавры, и, основывая свое политическое вліяніе на поддержкѣ крупныхъ землевладѣльцевъ и промышленниковъ, то-есть на феодальныхъ и буржуазныхъ элементахъ, могъ заручиться содѣйствіемъ большинства населенія только путемъ возбужденія патріотическихъ порывовъ. Во-вторыхъ, императоръ приступилъ къ очень существенному измѣненію международной экономической политики Германской имперіи въ духѣ обезпеченія интересовъ большинства германскихъ потребителей, что подаетъ несомнѣнную надежду на ослабленіе бисмарковской таможенной борьбы, отразившейся такъ тяжело на экономическихъ интересахъ европейскихъ державъ, преимущественно же на интересахъ Россіи. Такимъ образомъ, руководящая задача царствованія императора Вильгельма II не только возбуждаетъ сочувствіе съ общей точки зрѣнія, но и оказывается многообѣщающею съ точки зрѣнія возможности примиренія нѣкоторыхъ очень важныхъ взаимныхъ интересовъ Россіи и Германіи. Поэтому можно только пожалѣть о томъ, что у насъ дѣятельность императора Вильгельма такъ часто оцѣнивается совершенно ложно. Противъ умышленнаго искаженія ея истиннаго смысла, конечно, всѣ доводы и факты окажутся безсильными; но возобновленіе въ памяти ея фактической стороны должно значительно сократить число лицъ, склонныхъ усвоивать себѣ эти лжетолкованія. Такова цѣль нашего этюда, и мы желали бы отъ души, чтобы она была достигнута.

Р. Сементковскій.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

«Историческое Обозрѣніе». Сборникъ историческаго общества при императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, издаваемый подъ редакціей Н. И. Карѣева. Томъ третій. Спб. 1892.

ТРЕТІЙ ТОМЪ «Историческаго Обозрѣнія» составленъ еще разнообразнѣе и интереснѣе, чѣмъ два предъидущихъ. Среди статей, вошедшихъ въ него, есть и такія, которыя прочтутся съ интересомъ не одними спеціалистами учеными, а большинствомъ читающей публики. Таковы статьи профессора Н. И. Карѣева «Всеобщая исторія въ университетѣ» и К. А. Рубакина «Замѣтка объ историческихъ книжкахъ «для народа». Первая изъ нихъ представляетъ лекцію, читанную въ Петербургскомъ университетѣ студентамъ-филологамъ младшихъ семестровъ 2-го сентября 1891 года, въ видѣ вступленія въ общій курсъ новой исторіи. Теперь слова, сказанныя въ стѣнахъ аудиторіи, представляются на судъ всей публики, которая, конечно, оцѣнитъ правильность и важность взгляда уважаемаго профессора на постановку историческаго преподаванія въ университетѣ, того взгляда, который Н. И. Карѣевъ постоянно такъ усердно проповѣдуетъ и всѣми силами ратуетъ за его практическое примѣненіе. Сущность этого воззрѣнія выражена въ заключительныхъ словахъ указанной статьи. Вотъ она: «Я смотрю на васъ (то-есть студентовъ), какъ на юношей, ищущихъ общаго образованія, не забывая при этомъ видѣть въ васъ и въ извѣстномъ смыслѣ спеціалистовъ, и, стоя на этой точкѣ зрѣнія, я буду знакомить васъ въ общемъ курсѣ съ избраннымъ мною на этотъ годъ отдѣломъ всеобщей исторіи. Съ нѣкоторыми изъ васъ мнѣ придется имѣть дѣло впослѣдствіи, какъ съ спеціалистами, но и тогда я

буду искать въ васъ общаго образованія, безъ котораго нѣтъ и не можетъ быть «духа жива» въ наукѣ. Одно — живая наука, другое — мертвая ученость: оживляетъ послѣднюю, превращаетъ ее въ живую науку только идейность, дающаяся однимъ широкимъ общимъ образованіемъ. Этого образованія я и совѣтую вамъ искать въ университетѣ, не замыкаясь въ рамки того, что вамъ полагается по вашей спеціальности, и не обходя того, что предоставляется вашей собственной любознательности, которую я хотѣлъ бы видѣть въ васъ поднятой на степень истинной жажды настоящаго знанія. Отсюда еще одинъ совѣтъ — читайте, какъ можно больше читайте, но въ выборѣ книгъ прежде всего руководствуйтесь мыслью о томъ, что общее образованіе не должно быть приносимо въ жертву учености». Статья г. Рубакина посвящена разбору исторической литературы «для народа»; она указываетъ на полную непригодность почти всѣхъ существующихъ въ этой области брошюръ и книженокъ и пытается установить тѣ требованія, которыя должны быть соблюдаемы при составленіи подобныхъ трудовъ. Дезидераты г. Рубакина сводятся главнымъ образомъ къ тому, чтобы «исторія для народа» была наукою, а не средствомъ для назиданія или безсмысленнаго убиванія времени, но чтобы въ то же время она писалась языкомъ совершенно доступнымъ народу. Съ другой стороны слѣдуетъ обращать вниманіе не столько на внѣшнія событія и отдѣльныя выдающіяся личности, сколько на исторію культуры и исторію народныхъ массъ. Всякому, хоть сколько нибудь знакомому съ лубочной литературой, извѣстно, какъ мало удовлетворяетъ она этимъ справедливымъ требованіямъ. Объясняется это, конечно, тѣмъ, что дѣятелями на этомъ поприщѣ являются попреимуществу лица, совсѣмъ не знакомыя ни съ наукой, ни съ народомъ. Поэтому желательно было бы, чтобы наши университетскіе ученые не побрезгали заняться этимъ дѣломъ: авось тогда оно пошло бы лучше. Но Боже сохрани насъ отъ такихъ профессорскихъ твореній, какъ то, коимъ не такъ давно подарилъ нашу литературу Н. А. Астафьевъ. Въ «Настольной книгѣ для народа» есть, между прочимъ, его изложеніе всемірной исторіи на 74 страничкахъ, составленное весьма любопытно: «Въ отдѣлъ всемірной исторіи вошла исторія священная и исторія церкви, которымъ посвящено около **половины** всего отдѣла. Исторія Ассиріи и Вавилона занимаетъ 3 страницы, исторія Греціи и Рима—по одной. Приговоръ о грекахъ профессоръ Астафьевъ даетъ такой: «Служа твари вмѣсто Творца и предаваясь страстямъ, они были въ этомъ отношеніи не лучше другихъ». «Какъ не заботились они имѣть Бога въ разумѣ, то предалъ ихъ Богъ превратному уму дѣлать непотребства», свидѣтельствуетъ апостолъ Павелъ (Рим. 2, I, 28). О томъ, что греки дали человѣчеству не говорится ни слова. Ссылки на св. Писаніе, въ осужденіе разныхъ лицъ и народовъ, разсыпаны по всей книгѣ. На стр. 71 Людовикъ XVI названъ «добрѣйшимъ»; французская революція приписана главнымъ образомъ «своекорыстнымъ честолюбцамъ, смущавшимъ голодный народъ внушеніями». «Государство погибало, но тутъ выступилъ умный и смѣлый генералъ Бонапартъ, любимый солдатами и народомъ». «Великая французская революція была подавлена,—заключаетъ профессоръ Астафьевъ свой очеркъ всемірной исторіи,—но ея духъ, духъ своеволія и безбожія, разошелся по всей Европѣ, прельщая легкомысленныхъ и неосторожныхъ, нетвердыхъ въ благочестіи, и внося повсюду вражду и смуту. Таково время, въ которое и мы теперь живемъ.

Здѣсь умѣстно вспомнить предостереженіе апостола Павла (слѣдуетъ ссылка на текстъ)». Прекрасное изложеніе всеобщей исторіи! Не мудрено, что г. Рубакинъ отнесся недовѣрчиво къ тому, чтобы г. Астафьевъ могъ быть профессоромъ. Но, увы! къ несчастью, это правда: Н. А. Астафьевъ состоитъ профессоромъ всеобщей исторіи въ историко-филологическомъ институтѣ въ Петербургѣ. Мы остановились на трудѣ профессора Астафьева нѣсколько дольше въ виду того обстоятельства, что онъ является типичнымъ образцомъ цѣлаго разряда историческихъ книгъ для народа, того разряда, который преслѣдуетъ назидательныя цѣли. Другой, еще болѣе многочисленный разрядъ составляютъ книжки, имѣющія въ виду только помочь читателю праздно убить свободное время—сюда придется отнести произведенія вродѣ: «Илья Муромецъ и боярская дочь, или русскіе въ началѣ XVII вѣка, во время чернаго года» (?), «Золотой домъ» Понсонъ-дю-Терайля (sic) и т. п. Вотъ въ какомъ положеніи находится эта отрасль литературы для народа! Положеніе, дѣйствительно, неприглядное. Дай Богъ, чтобы статья г. Рубакина не осталась гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Переходя отъ статей, имѣющихъ животрепещущій интересъ, затрогивающихъ вопросы современности, къ статьямъ чисто научнаго содержанія, мы должны прежде всего отмѣтить, что въ настоящемъ выпускѣ «Историческаго Обозрѣнія» появились наконецъ столь долго ожидавшіяся статьи по русской исторіи. Ихъ три. Двѣ изъ нихъ, принадлежащія перу молодыхъ ученыхъ, отмѣчены печатью современнаго теченія въ изученіи русской исторіи — именно, тяготѣніемъ къ разработкѣ вопросовъ внутренней исторіи. Мы говоримъ о статьяхъ А. С. Лаппо-Данилевскаго «Выслуженныя вотчины въ Московскомъ государствѣ XVI—XVII вв.» и М. А. Дьяконова «Къ исторіи древне-русскихъ церковно-общественныхъ отношеній». Что касается третьей статьи «Верховники и дворянство» Е. А. Бѣлова, то она въ значительной степени уступаетъ по своимъ достоинствамъ двумъ вышеназваннымъ. Почтенный авторъ, задавшись цѣлью выяснить причины борьбы аристократіи съ дворянствомъ въ первую половину XVIII вѣка, на столько увлекся частыми отступленіями и ненужными аналогіями, что основная его идея совершенно затерялась, и поэтому очень трудно уловить, что именно хочетъ онъ установить своей статьей. По всеобщей исторіи въ третьемъ выпускѣ мы находимъ статью М. М. Ковалевскаго «Поворотный моментъ въ исторіи землевладѣнія и землевладѣльческихъ классовъ въ Англіи», а по вопросамъ педагогическаго характера—трудъ Сапожникова: «Преподаваніе исторіи въ швейцарскихъ учебныхъ заведеніяхъ». Затѣмъ нельзя не обратить вниманія на библіографическій отдѣлъ «Историческаго Обозрѣнія», который даетъ два очень цѣнныхъ обзора, именно прекрасный «обзоръ литературы по русской исторіи за 1890 г.», принадлежащій А. И. Браудо, и затѣмъ «историческія статьи въ главныхъ русскихъ журналахъ за 1890 г.». О пользѣ и важности такихъ библіографическихъ работъ распространяться много, конечно, не приходится. Значительно улучшенъ въ третьемъ томѣ также и отдѣлъ «Исторической хроники», въ которомъ можно найти массу любопытныхъ свѣдѣній о состояніи исторической науки въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, объ историческихъ диспутахъ (этотъ отдѣлъ составляется особенно тщательно), о присужденіи академическихъ премій, объ ученыхъ историческихъ обществахъ и т. п. Однимъ словомъ, каждый новый выпускъ «Историческаго Обозрѣнія» все яснѣе и яснѣе доказываетъ, съ какимъ

усердіемъ и умѣньемъ ведется его изданіе, и теперь можно сказать съ увѣренностью, что, идя по разъ намѣченному пути, органъ историческаго общества несомнѣнно завоюетъ себѣ самыя искреннія симпатіи всѣхъ лицъ, интересующихся развитіямъ историческихъ наукъ въ Россіи. Намъ остается только пожелать, чтобы матеріальныя обстоятельства позволили исполниться завѣтной мечтѣ руководителя «Историческаго Обозрѣнія»—превратить сборникъ историческаго общества въ журналъ. С. А—въ.

А. Ермоловъ. Комитетъ министровъ въ царствованіе императора Александра I. Спб. 1891.

Названное сочиненіе вошло въ видѣ предисловія во второй томъ «Журналовъ комитета министровъ», изданныхъ статсъ-секретаремъ А. Н. Куломзинымъ, и теперь выпущено отдѣльно. Въ немъ г. Ермоловъ на основаніи документовъ, обнародованныхъ А. Н. Куломзинымъ, даетъ очеркъ дѣятельности комитета министровъ въ 1810, 1811 и 1812 гг. Эта дѣятельность въ разсматриваемое время отличалась такимъ же разнообразіемъ и такою же всесторонностью, какъ и въ первыя 8 лѣтъ существованія комитета (см. мою статью въ «Юридическомъ Вѣстникѣ» за 1888 г.: «Комитетъ министровъ въ началѣ царствованія Александра I»). Такъ продолжалось до 20-го марта 1812 г., когда было издано первое «Учрежденіе комитета министровъ», уничтожившее неопредѣленность компетенціи комитета и съ точностью указавшее, какія дѣла подлежатъ его разсмотрѣнію. На основаніи «Учрежденія» назначался особый предсѣдатель комитета и, кромѣ того, въ засѣданіяхъ послѣдняго было предписано присутствовать главнокомандующему столицы и предсѣдателямъ департаментовъ государственнаго совѣта. Дѣла въ комитетѣ должны были рѣшаться большинствомъ голосовъ, причемъ при равенствѣ послѣднихъ голосъ предсѣдателя давалъ перевѣсъ. Мы уже говорили, что компетенція комитета была также опредѣлена, а именно: въ него поступали дѣла текущія, дѣла секретныя и дѣла, требовавшія высочайшаго разрѣшенія. «Учрежденіе» довольно подробно опредѣляетъ названныя категоріи «дѣлъ».

За указанный трехгодичный періодъ комитетъ министровъ функціонировалъ въ области всѣхъ отраслей управленія. Такъ, онъ разрѣшилъ немало дѣлъ, касающихся организаціи и порядка дѣятельности государственныхъ и губернскихъ учрежденій, изъ которыхъ многія по существу своему имѣли несомнѣнно законодательный характеръ и, слѣдовательно, должны были бы разсматриваться не въ комитетѣ, но въ государственномъ совѣтѣ (напримѣръ, объ учрежденіи при министерствѣ полиціи цензурнаго комитета, объ учрежденіи въ Тифлисѣ приказа общественнаго призрѣнія, объ устройствѣ городской и земской полиціи въ Курляндіи и Лифляндіи, объ установленіи правилъ для открытія частныхъ пансіоновъ, о порядкѣ принятія на службу и производства чиновниковъ по разнымъ вѣдомствамъ и т. п.). Затѣмъ комитетъ обладалъ судебными функціями, разрѣшая какъ гражданскія, такъ и уголовныя дѣла, причемъ не разъ фигурировалъ въ качествѣ апелляціонной инстанціи по отношенію къ сенату, что опять-таки не согласовалось съ закономъ, такъ какъ по указу 4-го сентября 1802 года о возстановленіи правъ сената, послѣдній былъ признанъ «верховнымъ мѣстомъ и хранителемъ правосудія», рѣшенія котораго считались безапелля-

ціонными. Далѣе комитетъ вѣдалъ дѣла финансовыя и относящіяся до различныхъ отраслей государственнаго хозяйства и народной промышленности, а также дѣла по обезпеченію народнаго продовольствія и по хлѣбной торговлѣ. Наконецъ, въ его рукахъ сосредоточивались самыя разнообразныя административныя функціи. Такъ, въ 1810 году онъ разбиралъ жалобу дворянства Полтавской губерніи на малороссійскаго генералъ-губернатора князя Лобанова-Ростовскаго. Дворяне жаловались на то, что генералъ-губернаторъ, созвавъ ихъ въ губернское правленіе, куда въ полномъ присутствіи прибылъ самъ, и, «укоряя ихъ прежде словесно, потомъ письменно, что мнѣнія ихъ (поданныя ему по поводу введенной тогда пошлины на вино) не соотвѣтствуютъ цѣли правительства и нуждѣ казенной и что къ пользѣ оной не означается того благороднаго рвенія, коего ожидать отъ сословія ихъ можно было, приказалъ все сіе записать въ журналъ». Дворянство, жалуясь на генералъ-губернатора, представляло, что оно «многими опытами оправдало усердіе свое къ государственной пользѣ, для которой не только имуществомъ, но и жизнью своею всегда жертвовало, и что если они неосновательное дѣлали предположеніе объ учрежденіи на вино акциза, то долгъ былъ генералъ-губернатора вразумить ихъ, а не оскорблять ихъ чести». Комитетъ министровъ, разсмотрѣвъ жалобу, постановилъ: «предоставить министру полиціи отвѣтствовать полтавскому губернскому маршалу для объявленія дворянству, чтобы оно записанными въ журналѣ выраженіями генералъ-губернатора ни мало не оскорблялось, ибо его императорское величество не изволитъ никакъ сомнѣваться въ благородномъ онаго рвеніи къ пользѣ государственной».

Почти половина книги г. Ермолова посвящена обзору дѣятельности комитета министровъ во время войны 1812 года. Названная дѣятельность «въ соотвѣтствіи съ самымъ теченіемъ событій можетъ быть раздѣлена на нѣсколько отдѣловъ» (стр. 74). Къ первому отдѣлу слѣдуетъ причислить подготовительныя къ войнѣ мѣры и распоряженія разнаго рода, вызванныя открытіемъ военныхъ дѣйствій, напримѣръ, изысканіе финансовыхъ средствъ на покрытіе чрезвычайныхъ военныхъ издержекъ, мѣры, принятыя по поводу распространенія въ обществѣ тревожныхъ слуховъ и толковъ, мѣры, касающіяся иностранной торговой политики, мѣры къ обезпеченію различныхъ военныхъ потребностей и другія. Среди полицейскихъ мѣръ, принятыхъ по поводу распространенія ложныхъ толковъ и слуховъ, любопытна слѣдующая: «въ настоящихъ обстоятельствахъ постановить, чтобы издатели всѣхъ газетъ въ государствѣ, въ коихъ помѣщаются политическія статьи, почерпали изъ иностранныхъ газетъ только такія извѣстія, которыя до Россіи вовсе не касаются, а имѣющія связь съ нынѣшнимъ нашимъ политическимъ положеніемъ заимствовали единственно изъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», которыя издаются подъ ближайшимъ присмотромъ».

Ко второму отдѣлу относятся мѣры, касающіяся военныхъ дѣйствій, начавшихся послѣ вторженія Наполеона въ Россію. Такъ, комитетъ въ чрезвычайномъ засѣданіи 12-го іюля возложилъ на Кутузова обязанность защищать столицу и одновременно съ этимъ поручилъ всѣмъ министрамъ, каждому по своему вѣдомству, представить соображенія, «какіе именно предметы, которые непріятелю въ руки достаться никакъ не должны, вывезти нужно и сколько судовъ и подводъ для того надобно будетъ». На слѣдующій день (13-го іюля) комитетъ предложилъ петербургской городской

думѣ сдѣлать распоряженіе «объ избраніи мѣщанами и цеховыми изъ среды себя людей на защиту отечества съ тѣмъ, чтобы до востребованія ихъ оставались они въ домахъ у себя при обыкновенныхъ своихъ упражненіяхъ, чтобы бородъ имъ не брить, чтобы одежду имѣть имъ, обыкновенно ими употребляемую, только не долгополую, и чтобъ опредѣленъ былъ образъ продовольствія выбранныхъ на службу людей». Названное ополченіе должно было защищать столицу отъ непріятеля. 15-го іюля комитетъ предписалъ олонецкому и вологодскому губернаторамъ избрать въ каждой изъ этихъ губерній не менѣе 500 крестьянъ-стрѣлковъ и немедленно отправить ихъ въ Петербургъ. Въ сентябрѣ комитетъ занимался изысканіемъ средствъ къ уничтоженію обнаружившагося въ войскахъ на театрѣ войны мародерства. Результатомъ засѣданій комитета было изданіе государемъ слѣдующаго приказа войскамъ: «мужественные и православные воины, любезные сыны отечества. Вы тѣ русскіе защитники вѣры, которыхъ слава гремѣла и гремитъ въ цѣломъ свѣтѣ. Недавно ратное поле видѣло подвиги ваши, недавно отечество со слезами благодарило васъ за храбрость вашу и церковь Божія молилась о спасеніи вашемъ. Но къ великому прискорбію моему слышу я, что есть между вами недостойные васъ сотоварищи ваши, которые, отлучаясь самовольно отъ командъ своихъ, шатаются по деревнямъ и лѣсамъ подъ именемъ мародеровъ. Имя гнусное, никогда не слыханное въ русскихъ войскахъ, означающее вора, грабителя, разбойника. Должно ли почтенное имя защитника вѣры и отечества оскверняться сими презрительными именами? Россія мать ваша. Что-жъ можетъ быть преступнѣе, какъ, видя ее, расхищаемую врагами, не только не защищать ее, но еще вмѣстѣ съ ними грабить и собственными руками раздирать утробу своей матери? Тяжкій грѣхъ сей не отпустится никогда ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ. Воины, горящая Москва да воспалитъ въ душахъ вашихъ огонь мщенія: потушите пожаръ ея кровію враговъ. Да не понесутъ они съ собою стыдъ вашъ и и слезы вашихъ родныхъ и ближнихъ! Сего ожидаетъ поруганная ими церковь и оскорбленное отечество». Немало занимался также комитетъ рекрутскимъ наборомъ, устройствомъ ополченія и т. п.

Наконецъ, къ третьему отдѣлу г. Ермоловъ относитъ мѣры, принятыя комитетомъ къ возстановленію порядка и спокойствія въ освобожденныхъ отъ непріятеля мѣстностяхъ и къ воспособленію населенію, пострадавшему отъ непріятельскаго нашествія. Такъ, въ октябрѣ комитетъ получилъ донесеніе отъ графа Растопчина касательно разныхъ распоряженій, сдѣланныхъ имъ въ отношеніи Москвы (въ которой онъ нашелъ только 3.000 человѣкъ «въ самомъ бѣдномъ и жалкомъ состояніи»). По прочтеніи донесенія, члены комитета, между прочимъ, постановили: «для изслѣдованія о людяхъ, бывшихъ у непріятеля въ Москвѣ при должностяхъ (какъ-то бывшій въ учрежденномъ французами городскомъ правленіи бургомистръ Коробовъ и другіе члены правленія), учредить особую коммиссію изъ московскаго главнокомандующаго и двухъ сенаторовъ, поручивъ ей, по окончаніи изслѣдованія, представить оное прямо въ правительствующій сенатъ для опредѣленія виновнымъ строжайшаго по законамъ наказанія». Въ декабрѣ комитетъ обсуждалъ проектъ манифеста о всеобщемъ прощеніи жителей присоединенныхъ отъ Польши губерній, которые во время войны «преклонились на сторону непріятеля по вступленіи его въ предѣлы Россіи». Немало засѣданій посвятилъ комитетъ разрѣшеніямъ вопросовъ о пособіяхъ и вспомоществова-

ваніяхъ разворенными и вообще пострадавшимъ отъ войны. Обозрѣніе дѣятельности комитета министровъ г. Ермоловъ заканчиваетъ изданіемъ манифестовъ «объ изъявленіи россійскому народу благодарности за спасеніе отечества» и «о построеніи въ Москвѣ церкви во имя Христа Спасителя, въ знаменованіе благодарности къ Промыслу Божію за спасеніе Россіи отъ враговъ». В. Латкинъ.

Образованность Московской Руси XV — XVII вѣковъ. Проф. А. Соболевскаго. Спб. 1892.

На годичномъ актѣ С.-Петербургскаго университета 8-го февраля настоящаго года проф. А. И. Соболевскій прочелъ рѣчь объ образованности Руси XV—XVII вѣковъ. Эта рѣчь теперь и издана имъ отдѣльной брошюрой. Не смотря на скромный размѣръ брошюры, авторъ вноситъ въ свою работу нѣкоторую новизну, такъ какъ пользовался матеріалами, «изданными пока въ очень ограниченномъ количествѣ». О малограмотности въ Московскомъ государствѣ принято обыкновенно судить по грамотѣ новгородскаго архіепископа Геннадія, постановленіямъ Стоглаваго собора, сочиненіямъ Посошкова и разсказамъ иностранцевъ. Но, замѣчаетъ г. Соболевскій, «ближайшее знакомство съ московской письменностью XV и особенно XV—XVII вѣковъ заставляетъ насъ въ значительной степени измѣнить мнѣніе и признать, что жалобы Геннадія, отзывы Стоглаваго собора и Посошкова должно принимать съ большими ограниченіями». По его изслѣдованіямъ, бѣлые священники были поголовно грамотны. «Правительство постоянно приказываетъ посадскимъ и крестьянамъ, если они не грамотны, давать расписываться за себя своимъ «отцамъ духовнымъ», слѣдовательно, считаетъ священниковъ, какія бы мѣстности ни имѣлись у него въ виду, всѣхъ безъ исключенія грамотными».

Черное духовенство немногимъ было менѣе грамотно. Челобитная Кириллова-Бѣлозерскаго монастыря (1582 — 1883 гг.) написана отъ имени 48 монаховъ, но подписана 34-мя. «Изъ этого видно, что процентъ грамотныхъ между старшею братіею Кириллова монастыря превышалъ 70». На основаніи этого случая и еще подобныхъ г. Соболевскій заключаетъ, что большинство чернаго духовенства было грамотно. Относительно бояръ и боярскихъ дѣтей онъ говоритъ:

«Изъ двухъ документовъ новгородскихъ конца XVI и самаго начала XVII вѣковъ, на одномъ (1567 года) мы находимъ подписи, изъ 5 поручителей дѣтей боярскихъ, — троихъ, а на другомъ (1613 года), изъ 26 поручителей помѣщиковъ (въ томъ числѣ 4 князей), — четырнадцати (въ томъ числѣ 3 князей). Эти документы показываютъ процентъ грамотныхъ между новгородскими помѣщиками конца XVI—начала XVII вѣка около 55. Показаніе псковскихъ помѣщиковъ и дѣтей боярскихъ, числомъ около 90 человѣкъ (1631 года), подписано 59 изъ нихъ; изъ него виденъ процентъ грамотныхъ большій 65. Извѣстная грамота объ избраніи на царство Бориса Годунова (1598 года) даетъ намъ понятіе о грамотности среди придворныхъ чиновъ. Она подписана изъ 22 бояръ — восемнадцатью, изъ 15 окольничихъ — 31-ю, изъ 42 стольниковъ — 36, изъ 98 дворянъ — 64, изъ 40 жильцовъ — 38. Она показываетъ процентъ грамотныхъ при дворѣ XVI вѣка выше 78. Приведенныя данныя позволяютъ признать, что болѣе 50% крупныхъ и мелкихъ

землевладѣльцевъ московской Руси въ XVI и XVII вѣкахъ были грамотны, безразлично, гдѣ бы они ни жили, въ самой ли Москвѣ, или на окраинахъ Московскаго государства».

Среди купечества грамотность была также обыкновеннымъ явленіемъ. «Челобитная московскихъ торговыхъ людей 1646 года (о притѣсненіяхъ иноземцевъ) подписана изъ 168 челобитчиковъ — 163-мя, т. е. болѣе, чѣмъ 96%». Проф. Соболевскій вычислилъ процентъ грамотныхъ даже среди посадскихъ людей и крестьянъ.

«Передъ нами рядъ документовъ, составленныхъ въ Тихвинѣ въ разные годы XVII вѣка (съ 1624 по 1694). Одинъ изъ нихъ подписанъ изъ 20 посадскихъ—4-мя, другой изъ 34—13-ю, третій изъ 7—3-я, четвертый изъ 10—3-мя, пятый изъ 11—7-ю, шестой и седьмой изъ 3—1, восьмой изъ 5—2-мя, всего изъ 98 посадскихъ 34-мя, т. е. 38%. Изъ трехъ документовъ, выданныхъ въ Бѣлозерскѣ въ первой половинѣ XVII вѣка (1613—1641 г.), первый подписанъ изъ 4 посадскихъ двумя, второй изъ 44 посадскихъ и стрѣльцовъ — однимъ, третій изъ 59 посадскихъ — 19-ю, всего изъ 107 человѣкъ 22-мя, т. е. болѣе, чѣмъ 20%. Въ общемъ процентъ грамотныхъ между посадскими XVI—XVII вѣка едва ли можетъ быть опредѣленъ ниже 20».

Относительно крестьянъ онъ приводитъ данныя XVII вѣка. «Документъ 1601 года подписанъ изъ 20 крестьянъ Прилуцкаго монастыря шестью; два документа 1614 года подписаны одинъ—изъ 32 крестьянъ Ипатскаго монастыря однимъ, другой—изъ трехъ солигалицкихъ крестьянъ также однимъ; документъ 1618 года подписанъ изъ шести крестьянъ Прилуцкаго монастыря тремя; документъ 1638 года изъ четырехъ сарапульскихъ крестьянъ—тремя; документъ 1684 года изъ 26 вещоверскихъ крестьянъ—также тремя. Вообще грамотные крестьяне въ XV—XVII вѣкахъ не могли быть исключительнымъ явленіемъ; ихъ процентъ въ XVII вѣкѣ едва ли былъ ниже 15».

Столь широкое и качественно-равное для всѣхъ распространеніе грамотности было обусловлено существованіемъ множества мелкихъ частныхъ училищъ, гдѣ въ одни и тѣ же годы, по однѣмъ и тѣмъ же книгамъ и часто у однихъ и тѣхъ же учителей, обучались и княжескій сынъ, и поповскій, и крестьянскій. Единство грамотности, т. е. чтеніе, письмо и грамматика, «подошва всѣмъ свободнымъ хитростямъ», объединявшая всѣ сословія, начинаетъ рушиться въ концѣ XVII вѣка и исчезаетъ въ XVIII, когда образованность духовенства, замкнувшагося въ бурсу, и дворянства въ спеціальныхъ школахъ возросла на счетъ народныхъ школъ. «Лишь одно низшее свѣтское сословіе (особенно крестьянство), благодаря Петровской реформѣ, проиграло. Оно должно было остаться при старыхъ училищахъ и продолжать учиться по часослову и псалтырю у дьяконовъ и дьячковъ».

Въ интересной работѣ г. Соболевскаго обращаетъ на себя вниманіе употребленный имъ часто ариѳметическій пріемъ для опредѣленія приблизительнаго процента грамотныхъ по сословіямъ въ Московской Руси. По житіямъ святыхъ и, главнымъ образомъ, рукоприкладствамъ на оффиціальныхъ документахъ онъ судитъ о степени грамотности того или другаго сословія всей страны, точно все народонаселеніе тогдашней Руси жило въ бумагахъ. Если нѣсколько бумагъ составлены отъ имени 5 человѣкъ, а подписаны двумя изъ нихъ, то онъ заключаетъ о 40% грамотности всего сословія на Руси. Но могутъ ли такія ничтожныя пятна характеризовать всю массу? Наши пословицы: «гдѣ рука, тамъ и голова», «рука согрѣшитъ—голова въ

отвѣтѣ», подтверждаютъ юридическій обычай, когда неграмотные люди, ручаясь и свидѣтельствуя что либо, давали дьяку правую руку въ знакъ «заручной» подписи. Духовныя завѣщанія даже нашихъ князей рѣдко подписаны ими собственноручно и, совмѣстно съ другими обстоятельствами, свидѣтельствуютъ совершенную безграмотность массы. Конечно, точныхъ источниковъ для сужденія объ образованности Московскаго государства мы не имѣемъ. Проф. Соболевскій воспользовался по этому вопросу совершенно новыми документами, и заслуга его, разумѣется, значительна въ томъ отношеніи, что онъ оживилъ простыя рукоприкладства на оффиціальныхъ бумагахъ и научилъ насъ цѣнить ихъ въ широкомъ, соціальномъ смыслѣ. Но при этомъ являются весьма серьезные вопросы о томъ, будутъ ли его чисто механическія и ариеметическія вычисленія о процентномъ отношеніи грамотныхъ въ массѣ совпадать съ исторической дѣйствительностью; если за неимѣніемъ иныхъ болѣе точныхъ способовъ изслѣдованія мы выберемъ гадательный и крайне смѣлый, то на сколько это лучше? Между тѣмъ отъ рѣшенія этихъ естественныхъ вопросовъ зависитъ и достоинство брошюры проф. Соболевскаго. **А. Фаресовъ.**

Казиміръ Бродзинскій и его литературная дѣятельность. Изслѣдованіе К. И. Арабажина. Кіевъ. 1891.

Книга эта—цѣлая дисертація въ 400 страницъ, написанная авторомъ еще въ 1889 г. на тему, предложенную историко-филологическимъ факультетомъ Кіевскаго университета, присудившимъ за нее золотую медаль и премію имени Пирогова. Для чего понадобилось русскому университету назначать премія и медали за разборъ сочиненій второстепеннаго польскаго писателя, не создавшаго ничего выходящаго изъ рамокъ заурядной посредственности,—это уже другой вопросъ, но заданную ему тему г. Арабажинъ разработалъ въ высшей степени добросовѣстно и съ полнымъ знаніемъ дѣла, изучивъ всѣ относящіеся къ предмету источники. Монографія вышла до того подробная, переполненная такимъ тщательнымъ изслѣдованіемъ мельчайшихъ и не рѣдко пустѣйшихъ произведеній Бродзинскаго, что одолѣть ее сразу положительно не подъ силу русскому читателю. У самихъ поляковъ нѣтъ такой обширной критической біографіи ихъ соотечественника, а что никому изъ нихъ никогда не придетъ въ голову составить подобный этюдъ Дельвига, Баратынскаго, Веневитинова, Языкова, или кого нибудь изъ другихъ второстепенныхъ нашихъ поэтовъ, которые, однако, по таланту всѣ выше Бродзинскаго,—объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Самъ г. Арабажинъ во многихъ мѣстахъ своей дисертаціи и даже въ первыхъ строкахъ предисловія сознается, что «личность Бродзинскаго можетъ показаться малозначительной и не заслуживающей того вниманія, какое ей удѣлено». Но онъ объясняетъ свой трудъ тѣмъ, что «въ изученіи литературной эволюціи переходная пора важна не менѣе эпохъ наибольшаго развитія литературы». Даже и допустивъ этотъ парадоксъ, можно было, всетаки, выбрать для изученія болѣе выдающагося представителя переходной эпохи. А г. Арабажинъ, проситъ еще снисхожденія къ неполнотѣ своей книги, какъ будто о Бродзинскомъ мало наговорено, и извиняется, что приступить немедленно къ печатанію его книги помѣшали ему «извнѣ вторгшіяся (хорошо, что не изнутри) обстоятельства». Въ польской литературѣ, говоритъ г. Арабажинъ,

«значеніе Бродзинскаго нѣсколько приподнято, преувеличено»; мы находимъ даже, что не нѣсколько, а слишкомъ, и во всякомъ случаѣ его не слѣдовало приподнимать еще больше въ русскомъ сочиненіи. Авторъ сожалѣетъ, что «достаточнымъ знакомствомъ съ польской литературой не можетъ похвалиться русское славяновѣдѣніе». А знакомство поляковъ съ русской литературой, вѣроятно, болѣе достаточно?

Монографію свою авторъ начинаетъ перечисленіемъ всего, что написано о Бродзинскомъ, хотя бо̀льшая часть статей объ немъ не имѣетъ критическаго значенія. Его игнорировали даже современники его, какъ Юшинскій и Ходынецкій, издавшіе словари польскихъ писателей. Но позднѣйшіе историки литературы, какъ Войцицкій, Вартошевичъ и др., сочли, конечно, своимъ долгомъ возвести его на пьедесталъ. Сдержанный, но вѣрный отзывъ, напрасно названный г. Арабажинымъ «слишкомъ сухимъ и краткимъ», сдѣланъ Куличковскимъ и очень меткій—Спасовичемъ, но эти мнѣнія не приведены въ монографіи. Послѣ біографіи приводятся литературные взгляды Бродзинскаго, общественныя, философскія и эстетическія мнѣнія, затѣмъ онъ разсматривается какъ поэтъ, этнографъ, славянофилъ, педагогъ и ученый, въ заключеніи упоминается о его масонскихъ и мистическихъ произведеніяхъ. Во всемъ этомъ, особенно въ воззрѣніяхъ писателя, мало интереснаго и оригинальнаго. Приводятся цѣлыя страницы польскихъ цитатъ безъ перевода, хотя русскіе читатели не обязаны изучать польскій языкъ для знакомства съ Бродзинскимъ, а поляки не будутъ читать даже панегирика объ немъ, написаннаго порусски. Въ немъ не было ничего особенно привлекательнаго, какъ въ писателѣ, мыслителѣ и человѣкѣ. Общественнымъ и политическимъ дѣятелемъ онъ никогда не былъ, хоть и дрался противъ насъ въ 1812 году, а въ революцію 1831 года писалъ стихи противъ Россіи, за которыя правительство не привлекло его къ отвѣту. Умеръ онъ рано, 44-хъ лѣтъ, но врядъ ли бы создалъ что нибудь выдающееся при его надломленномъ здоровьѣ и слабомъ характерѣ. Поляки ставятъ его высоко какъ поэта; по мнѣнію г. Арабажина, онъ гораздо выше какъ ученый, педагогъ, переводчикъ. Но особыхъ ученыхъ заслугъ мы въ немъ не видимъ, лекціи его въ Варшавскомъ университетѣ работа компилятивная, а не самостоятельная. Отсутствіемъ самостоятельности упрекаетъ его и г. Арабажинъ, говоря, что онъ старался замѣнить ее усердіемъ и трудолюбіемъ. Это, однако, не оправдываетъ того, что въ свои курсы эстетики и литературы онъ вносилъ цѣлыя главы изъ Канта, Шлегеля, Аделунга, Гердера, Бентковскаго. Что у него «не было ни друзей, ни личныхъ враговъ», это плохо рекомендуетъ его, не смотря «на кроткій и незлобивый характеръ». Поляки считаютъ его великимъ поэтомъ, но г. Арабажинъ говоритъ, что значеніе его, какъ поэта, было «весьма не велико» и ограничивалось проповѣдью идеи народности; за то его политическія и историческія тенденціи безспорно вліяли на общество, «плохо знавшее родную исторію и которому, при его ничтожномъ умственномъ развитіи, серьезный трудъ былъ не по силамъ». Но могъ ли имѣть серьезное вліяніе на такое неразвитое общество писатель съ такими «сентиментально-самодовольными взглядами,—какъ выражается г. Арабажинъ,—льстившій національной гордости». Популярность его русскій критикъ объясняетъ такъ, что Бродзинскій былъ «средній писатель, средняго ума, средняго таланта, пользовавшійся извѣстностью въ широкомъ кругѣ посредственности». Это былъ «не Іоаннъ-креститель, какъ пышно величаютъ его

польскіе критики, а пожалуй, его можно назвать первымъ подснѣжникомъ, возвѣщавшимъ роскошную весну». Но стоило ли послѣ этого разбирать на четырехстахъ страницахъ его пустыя мнѣнія и наивные взгляды? Если же премія и назначалась за разоблаченіе этой фальшивой и не въ мѣру раздутой извѣстности, то можно было бы сдѣлать это гораздо короче, представивъ оцѣнку ея въ болѣе сжатомъ видѣ, въ менѣе уклончивыхъ сужденіяхъ, въ болѣе строгихъ выводахъ. Въ настоящемъ своемъ видѣ дисертація не удовлетворитъ ни польскихъ читателей, видящихъ великаго дѣятеля въ мелкой личности, ни русскую публику, пожалѣющую, что потрачено столько непроизводительнаго труда на кропотливую оцѣнку писателя, не заслуживающаго подробнаго разбора. Въ «Исторіи всемірной литературы» В. Зотова ему отведена всего одна страница, достаточная для ознакомленія съ нимъ, и приведена одна изъ его идилій «Заславъ» въ переводѣ Бенедиктова, о чемъ, конечно, не упоминаетъ г. Арабажинъ, развѣнчавшій, однако, Бродзинскаго, какъ поэта, «талантъ котораго никогда не блестѣлъ особенно яркимъ свѣтомъ». Отличительныя черты его поэзіи — преувеличенная религіозность и сентиментальное отношеніе къ людямъ. Здановичъ въ своей исторіи литературы называетъ такое настроеніе «религіозно-обывательскимъ» и находитъ, что оно присуще всѣмъ польскимъ писателямъ, но видитъ въ этомъ, конечно, ихъ заслугу. Не въ мѣру прославленныя поляками «Сельскія пѣсни» Бродзинскаго, по словамъ русскаго критика, «не имѣютъ поэтическихъ достоинствъ, народный элементъ въ нихъ ничтоженъ, и хвалебные отзывы польской критики доказываютъ только, что ей и до сихъ поръ чуждо здравое пониманіе народности и связанное съ нимъ чувство демократизма. Въ ея оцѣнкахъ оказывается традиціонная неспособность польскаго общества глядѣть на народъ трезво, а не сквозь призму шляхетскихъ предразсудковъ?» Въ военно-патріотическихъ стихотвореніяхъ Бродзинскаго, навѣянныхъ наполеоновскими войнами, г. Арабажинъ видитъ только «разслабленный сентиментально меланхолическій лепетъ» и ставитъ всѣ эти пьесы гораздо ниже стиховъ Кернера и Жуковскаго. Но, признавая за Бродзинскимъ единственную заслугу хорошаго переводчика, г. Арабажинъ напрасно ставитъ его выше Жуковскаго въ переводахъ изъ Шиллера. У нашего поэта дѣйствительно многое передано не точно, а мѣстами даже не гладко, но вѣдь не надо забывать, что онъ писалъ въ двадцатыхъ годахъ, когда не установилась еще окончательно и форма стиха, и въ поэмахъ Пушкина встрѣчались усѣченныя окончанія и другія неправильности. Но самая гармонія русскаго стиха, въ сравненіи съ силабической польской просодіей, придаетъ ему блескъ и силу, какихъ никогда не достигаютъ стихи не только Бродзинскаго, но и лучшихъ польскихъ поэтовъ. **В—ъ.**

И. В. Теличенко. Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху Екатерининской коммиссіи. Кіевъ. 1891.

Книга, названіе которой выписано выше, печаталась прежде въ формѣ отдѣльныхъ статей въ «Кіевской Старинѣ» и теперь выпущена авторомъ отдѣльно. Послѣдній задался цѣлью «сдѣлать попытку краткаго изложенія нуждъ, желаній и стремленій, заявленныхъ малороссійскимъ народомъ, какъ въ своихъ наказахъ, такъ и въ самыхъ собраніяхъ, толкахъ и броженіи, вызванномъ манифестомъ 14-го декабря 1766 года». Г. Теличенко тѣмъ бо-

лѣе рѣшилъ остановиться на интересующей его темѣ, что депутатскіе наказы о желаніяхъ, нуждахъ и надеждахъ украинцевъ представляютъ не только важный матеріалъ для сужденія о недостаткахъ и безпорядкахъ въ области управленія Малороссіей, но также доставляютъ весьма драгоцѣнныя данныя для характеристики политическаго развитія и идей, волновавшихъ въ это время населеніе южно-русской окраины. Помимо этого, г. Теличенко считаетъ наказы особенно важными для изслѣдователя еще въ томъ отношеніи, что они заключаютъ въ себѣ указанія на реакцію малорусскаго народа противъ принятыхъ въ отношеніи его централизаціонныхъ мѣръ правительства Екатерины II и ея предшественниковъ. Въ это время порядки старой казацкой гетманщины были признаны изжившими свой вѣкъ и для нихъ наступалъ часъ окончательной ликвидаціи. «Въ виду этого,—говоритъ г. Теличенко,—малороссійскіе наказы, отмѣченные сильной струей децентрализаціоннаго направленія, представляютъ какъ бы заранѣе подготовленный отвѣтъ малороссійскаго народа на политику Екатерининскаго царствованія и даютъ весьма любопытныя свѣдѣнія для оцѣнки самосознанія и міровозрѣнія старой Малороссіи, въ послѣдній разъ въ 1767 году заявившей о себѣ, какъ объ особой культурно-исторической единицѣ, желающей жить, управляться и развиваться на основаніи своихъ привилегій, правъ и законовъ».

Разсматриваемое сочиненіе начинается изложеніемъ избранія малороссійскихъ депутатовъ, а также броженія и толковъ, которые были вызваны въ Малороссіи манифестомъ 14-го декабря 1766 года. Впрочемъ, эта часть сочиненія не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что не было уже ранѣе извѣстно изъ книгъ и статей гг. Авсѣенка, Соловьева, профессора Багалѣя, г. Скальковскаго и другихъ. Остальныя главы посвящены анализу содержанія малороссійскихъ наказовъ, представленныхъ въ коммиссію отъ шляхетства, горожанъ и казаковъ, а также заявленій духовенства, вошедшихъ въ наказъ святѣйшаго синода. Названная работа произведена довольно подробно и обстоятельно.

Всѣмъ наказамъ присуща проходящая черезъ ихъ содержаніе красной нитью черта—страстное желаніе остаться на томъ положеніи, «на какомъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ малороссійской націи корпусомъ подъ державу великороссійскую приступилъ», причемъ это желаніе не составляетъ особенности однихъ шляхетскихъ наказовъ, но является общимъ голосомъ всей Малороссіи, такъ какъ нѣтъ наказа, гдѣ бы прошлое малороссійскаго народа не выставлялось идеаломъ и для будущей общественной жизни Украйны. «Если,—писали жители города Олишевки,—оставить ихъ на такомъ основаніи, какъ гетманъ Богданъ Хмельницкій со всѣмъ малороссійскимъ народомъ приступилъ подъ державу всероссійскую и утвержденныя статьи всероссійскими монархами въ ненарушимой цѣлости, то тогда народъ города Олишевки могъ бы прійдти въ цвѣтущее состояніе». Даже духовенство вспомнило о своемъ «особомъ» положеніи и высказалось за необходимость избранія митрополита изъ природныхъ малороссовъ «вольными голосами», о дозволеніи ему безъ разрѣшенія синода посвящать въ архіерейскій санъ и пользоваться разными другими привилегіями. Тѣ же сепаратистическія тенденціи отстаивали малороссійскіе депутаты и въ самой коммиссіи. Вотъ, напримѣръ, съ какимъ заявленіемъ выступили они въ послѣдней: «малороссійскій народъ, свергнувши съ себя иго Польской республики, добро-

вольно присоединился къ Московскому государству на томъ основаніи, чтобы ему оставаться вѣчно при всѣхъ своихъ вольностяхъ, правахъ, свободахъ и обыкновеніяхъ такъ, какъ онъ состоялъ подъ королями польскими, упущеніе же въ проектѣ о правахъ благородныхъ привилегій малороссійскаго шляхетства составляетъ нарушеніе самаго важнаго договора». Точно также и въ заявленіяхъ отдѣльныхъ депутатовъ постоянно сквозила вышеуказанная тенденція. Такъ, депутатъ Политика въ весьма интересномъ письменномъ мнѣніи объяснялъ коммиссіи, что особыя преимущества малороссійскаго шляхетства заключаются прежде всего въ томъ, что «ему послѣ высочайшей власти должно принадлежать все правленіе дѣлъ въ Малороссіи, а именно право устанавливать, отмѣнять и поправлять свои законы и просить государя о поддержаніи оныхъ» и т. д. Однако, императрица Екатерина II совершенно не раздѣляла подобныхъ стремленій, такъ какъ была сторонницей болѣе тѣснаго единенія окраинъ Россіи съ ея центромъ, что и показала впослѣдствіи своей объединительной политикой въ отношеніи Остзейскаго края, западныхъ губерній и Малороссіи. Вотъ что писала она въ инструкціи, данной князю Вяземскому: «Малая Россія, Лифляндія, Финляндія суть провинціи, которыя правятся конфирмованными имъ привилегіями, нарушать оныя весьма непристойно было-бъ, однако-жъ и называть ихъ чужестранными и обходиться съ ними на такомъ основаніи есть больше, нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностью глупость. Сіи провинціи, такъ же Смоленскую, надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобъ онѣ обрусѣли и перестали-бъ глядѣть, какъ волки въ лѣсу. Къ тому приступъ весьма легкій, когда разумные люди избраны будутъ начальниками въ тѣхъ провинціяхъ... Когда-жъ въ Малороссіи гетмана не будетъ, то должно стараться, чтобъ и имя гетмановъ исчезло, не только-бъ персона какая была произведена въ оное достоинство».

Другія заявленія наказовъ касались разныхъ отраслей государственнаго управленія и права, напримѣръ, судоустройства и судопроизводства, финансоваго управленія, привилегій и правъ сословій, городскаго устройства и самоуправленія, народнаго просвѣщенія, торговли и промышленности, денежныхъ и натуральныхъ повинностей и т. п. Всѣ они подробно излагаются въ книгѣ г. Теличенка.

Въ заключеніе считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ pro domo sua. Г. Теличенко неоднократно полемизируетъ со мною по поводу нѣкоторыхъ мнѣній, высказанныхъ въ моемъ изслѣдованіи «Законодательныя коммиссіи въ Россіи въ XVIII столѣтіи», причемъ также неоднократно приписываетъ мнѣ то, чего я никогда не говорилъ. Такъ, указывая на сепаратистическую тенденцію малороссійскихъ наказовъ, г. Теличенко старается постоянно ее оттѣнить, въ виду того, что нѣкоторые изслѣдователи, какъ, напримѣръ, г. Авсѣенко и я, пытаются доказать, что въ малорусскомъ обществѣ XVIII столѣтія отсутствовали стремленія не только къ національной, съ чѣмъ согласенъ и г. Теличенко, но и къ провинціальной обособленности, «чего уже никакъ нельзя допустить въ виду массы указаній прямо противоположнаго характера». Далѣе слѣдуетъ цитата изъ книги г. Авсѣенка «Малороссія въ 1767 году» и замѣчаніе г. Теличенка, что того же мнѣнія держусь и я въ своемъ трудѣ о законодательныхъ коммиссіяхъ въ XVIII столѣтіи. На сколько слова г. Теличенка справедливы въ отношеніи г. Авсѣенка, на столько они несправедливы въ отношеніи меня, такъ какъ я въ своемъ

указанномъ трудѣ никогда не отрицалъ стремленій малороссовъ XVIII столѣтія «къ провинціальной обособленности». Напротивъ, и на страницѣ 2[illegible], и на страницѣ 512 своей книги я указывалъ на ходатайства малороссійскихъ наказовъ о подтвержденіи ихъ привилегій, на возбужденіе вопроса не только о городскомъ устройствѣ и управленіи, но и объ областномъ, на просьбы о дозволеніи «имѣть вольный голосъ» при избраніи гетмана, а также генеральной, полковой и сотенной старшины, на просьбы объ особомъ областномъ судоустройствѣ и т. п. Единственно, что я утверждалъ и продолжаю теперь утверждать, это то, что анти-ассимиляціонныя стремленія остзейскихъ и финляндскихъ наказовъ (въ частности дворянскихъ) достигали гораздо большей степени интенсивности, чѣмъ тѣ же стремленія наказовъ южно-русскихъ (малороссійскихъ, новороссійскихъ и слободско-украинскихъ). Въ то время, какъ первые, отстаивая свои привилегіи, ничего общаго не имѣвшія съ привилегіями русскаго дворянства, стремились къ сохраненію своего изолированнаго положенія отъ всей Россіи вообще и отъ русскаго дворянства въ частности, ничего такъ не боясь, какъ смѣшенія и единенія съ этимъ послѣднимъ, вторые, также отстаивая свои привилегіи, совершенно не желали замкнуться въ особомъ statu in statu, а, напротивъ, стремились къ объединенію съ русскимъ дворянствомъ и къ уравненію своего положенія съ положеніемъ послѣдняго. «Повѣряемъ вамъ, то-есть депутату,—говоритъ въ своемъ наказѣ черниговское шляхетство,—доставить ея императорскому величеству всеподданѣйшую нашу просьбу, чтобы мы, яко равные къ равнымъ, яко свободные къ свободнымъ, яко бывшій издревле истинный, главнѣйшій членъ россійскаго народа, къ первому его тѣлу въ сообщество единаго закона присовокуплены были, оставляя намъ на вѣки всѣ отличныя выгоды и вольности» и т. д. Такимъ образомъ, между стремленіями малороссовъ съ одной стороны и остзейцевъ съ финляндцами съ другой существуетъ немалое различіе, что и было мною констатировано въ указанномъ моемъ трудѣ.

Затѣмъ, на страницѣ 59 своей книги г. Теличенко называетъ мое мнѣніе о томъ, что указъ 3-го мая 1783 года, отнявшій у малороссійскихъ крестьянъ право перехода и поставившій ихъ въ условія крѣпостной зависимости, былъ отвѣтомъ императрицы на хлопоты южно-русскихъ шляхетскихъ наказовъ, «совершенно невѣрнымъ и безосновательнымъ», но нѣсколькими строками ниже самъ же признаетъ, что «шляхетство всегда добивалось установить болѣе прочную власть надъ посполъствомъ и въ эпоху коммиссіи болѣло этимъ недугомъ». Спрашивается послѣ этого, къ кому болѣе примѣнимы указанные выше эпитеты: къ моему ли мнѣнію, или къ возраженію на него со стороны г. Теличенка?

В. Латкинъ.

К. А. Барсовъ. Магометъ, его жизнь и ученіе. Москва. 1892.

Отъ изданій, предназначенныхъ для популярнаго чтенія, требуется главнымъ образомъ возможная полнота и ясность изложенія, при необходимой въ такихъ случаяхъ краткости, а также неизмѣнная, строго обдуманная вѣрность тона, которымъ должно говорить о томъ или другомъ предметѣ. Этимъ-то именно требованіямъ и не отвѣчаетъ книжечка г. Барсова, заглавіе которой выписано нами выше.

Такъ, на стр. 27 говорится, что «принявшіе новую вѣру (Мухаммеда) стали называться мусульманами, т. е. преданными волѣ Божіей, или по имени пророка магометанами». Такимъ образомъ выходитъ, что **мусульманинъ** значитъ **преданный волѣ Божіей**, тогда какъ это слово означаетъ **спасенный**, отъ слова **исламъ**—спасеніе, отъ арабскаго глагола **сàлама**—спасать. Слово **исламъ** авторомъ не объяснено вовсе. Магометанами же мусульмане зовутся только христіанами, сами они себя такъ никогда не называютъ. Это надо было бы объяснить. На стр. 57 слово **халифъ** переводится словомъ **намѣстникъ**, между тѣмъ оно означаетъ собственно **наслѣдникъ** (отъ глагола **хàлафа**— наслѣдовать), т. е. принявшій наслѣдіе пророка: исламъ и политическую власть. На 59 стр. сказано, что сунниты и шіиты отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что первые носятъ бѣлыя, а вторые—красныя чалмы. Этихъ наружныхъ признаковъ различія между ними не существуетъ, и шіиты вовсе не имѣютъ обычая носить красныя чалмы. Мусульмане не носятъ вообще тюрбановъ этого цвѣта: самый распространенный цвѣтъ ихъ головныхъ уборовъ—бѣлый или зеленый, священный цвѣтъ ислама. Встрѣчаются также и ошибки въ ороографіи арабскихъ словъ: вмѣсто **Ведеръ** надо произносить **Ведръ**, вмѣсто **геджира**—**хиджра**.

Всѣ эти промахи, конечно, не важны сами по себѣ, но, когда книга составляетъ всего 72 стр., они пріобрѣтаютъ извѣстное значеніе.

Далѣе авторъ не считаетъ почему-то нужнымъ объяснять болѣе точно различіе суннитовъ и шіитовъ. Онъ упоминаетъ лишь, что шіиты отрицаютъ сунну, преданіе о жизни Мухаммеда, чтимое суннитами, но совсѣмъ умалчиваетъ объ основныхъ положеніяхъ религіозной системы шіизма: обоготвореніе Али и его потомства, ученіе, перешедшее въ исламъ изъ древняго Ирана, и мистическая теорія объ имамѣ махди, своеобразномъ мухаммеданскомъ мессіи. Говоря о дочеряхъ арабскаго новатора, авторъ умалчиваетъ о любимѣйшей дочери Мухаммеда — Фатимѣ, женѣ двоюроднаго брата пророка Али, игравшей такую популярную роль въ исторіи первыхъ годовъ ислама и принимавшей такое живое участіе въ совѣщаніяхъ о наслѣдіи халифатомъ.

Самый тонъ книги—очень странный: точно о Мухаммедѣ и его подвигахъ пишетъ не русскій, православный человѣкъ, объективно и серьезно относящійся къ мусульманству, а какой-нибудь казанскій или касимовскій поклонникъ пророка, съ такимъ слащавымъ восхищеніемъ толкуетъ почтенный авторъ о Мухаммедѣ, неукоснительно все время называя арабскаго религіознаго и соціальнаго реформатора пророкомъ, точно будто самъ наивно вѣритъ въ пророческую миссію Мухаммеда, миссію, въ которую этотъ послѣдній самъ только по временамъ вѣрилъ. Личность творца ислама изображается авторомъ въ дивномъ ореолѣ святости, чуть не аскетической жизни и подвижничества. Нервнаго, страстнаго, сластолюбиваго, хитраго и, несомнѣнно, поэтическаго и психически больнаго визіонера, какимъ мы знаемъ мусульманскаго «пророка» по европейскимъ и восточнымъ историческимъ даннымъ, — мы не находимъ въ брошюркѣ г. Барсова, точно рѣчь въ ней идетъ о какомъ-то другомъ лицѣ, святомъ аскетѣ, укрѣпляющемъ плоть постомъ и молитвою и вѣчно пребывающемъ въ заоблачныхъ мечтаніяхъ. Кстати: откуда авторъ заимствовалъ портретъ Мухаммеда, когда извѣстно, что Коранъ запрещаетъ живопись, и на всемъ востокѣ нѣтъ, конечно, вѣрныхъ снимковъ съ пророка и его семьи?

Если разбираемая нами брошюрка предназначена для образованнаго класса общества, то она не принесетъ никакой пользы, такъ какъ не даетъ никакого понятія объ исламѣ и его основаніяхъ; если же она написана для народа, для темной толпы, то она принесетъ прямо вредъ, внушая неправильныя идеи о мусульманствѣ и его творцѣ, ставя ихъ на незаслуженную ими высоту и придавая имъ не то освѣщеніе, въ которомъ они являются подъ ученымъ анализомъ спокойной объективности. Популяризація — дѣло очень и очень нелегкое, особенно, когда она имѣетъ въ виду цѣлую религіозно-философскую систему, насчитывающую милліоны прозелитовъ. За такія популяризаціи надо браться съ большой осмотрительностью, во всеоружіи научной подготовки, иначе лучше совсѣмъ за нихъ не браться.

С. У—цъ.

Вологодская старина. Историко-археологическій сборникъ. Составилъ И. К. Степановскій. Вологда. 1892.

Въ разнаго рода провинціальныхъ изданіяхъ, губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостяхъ, памятныхъ книжкахъ и сборникахъ, нерѣдко можно встрѣтить очень цѣнные и важные, если не статьи, то матеріалы, которые, однако, не принимаются во вниманіе почти никѣмъ и единственно потому, что розыскивать ихъ чрезвычайно трудно. Нужно, въ самомъ дѣлѣ, довольно много самопожертвованія для того, чтобы просмотрѣть всю массу провинціальныхъ изданій, не зная навѣрно, приведетъ ли это къ какимъ нибудь положительнымъ результатамъ. Поэтому чрезвычайно было бы важно, если бы къ такимъ изданіямъ составлялись указатели. Въ послѣднее время кое-гдѣ начинаютъ уже приводить въ исполненіе такія скромныя desiderata, главнымъ образомъ, кажется, благодаря тому, что въ настоящее время большинство губернскихъ вѣдомостей заканчиваетъ пятидесятилѣтній періодъ своего существованія.

Къ числу такого рода указателей относимъ мы и настоящій сборникъ г. Степановскаго, такъ какъ главная его цѣнность заключается именно въ этихъ указателяхъ, хотя авторъ и отнесъ ихъ къ концу книги. Вопросъ о томъ, на сколько точны указанія, на сколько они полны, мы рѣшать не беремся, такъ какъ для этого пришлось бы продѣлать вторично работу г. Степановскаго, хотя на одинъ, можетъ быть, даже единственный пропускъ, случайно замѣченный нами въ книжкѣ г. Степановскаго, укажемъ какъ на небезполезное дополненіе. Авторомъ пропущена статья г. Суворова: «Цѣны на разныя жизненныя потребности въ г. Вологдѣ за 230 лѣтъ до настоящаго времени» (Вологодск. Губ. Вѣд., 1859 г., № 34, стр. 297). Конечно, это не уменьшаетъ цѣнности указателя, составленнаго очень хорошо и систематически. Нельзя, впрочемъ, не пожалѣть также, что авторъ не указалъ перепечатокъ однѣхъ и тѣхъ же работъ въ различныхъ изданіяхъ. Это сберегло бы еще нѣсколько времени у человѣка, которому придется пользоваться книгой г. Степановскаго. Такъ, напримѣръ, статья г. Мерцалова: «Устюгъ Великій, историко-экономическій очеркъ», помѣщенная въ «Вологодскомъ Сборникѣ» за 1887 г., была напечатана тѣмъ же авторомъ въ «Волог. Губернск. Вѣдомостяхъ» за 1885 г., въ №№ 23—34, подъ заглавіемъ «Устюгъ Великій въ первой четверти XVII вѣка.» Это, конечно, уже нѣкоторая роскошь, но роскошь легко исполнимая.

Указатели, впрочемъ, занимаютъ меньшую часть сборника г. Степановскаго. Авторъ большую часть его отвелъ краткому, чисто хронологическому очерку исторіи края и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ городовъ, описанію церквей, монастырей, равнаго рода мѣстныхъ древностей. Но все это носитъ характеръ простой компиляціи, притомъ же сдѣланной главнымъ образомъ на основаніи матеріала, напечатаннаго въ мѣстныхъ изданіяхъ. Трудъ большой, конечно, но, какъ намъ кажется, напрасный. Кто заинтересуется тѣмъ или другимъ вопросомъ мѣстной исторіи, предпочтетъ, конечно, обратиться къ первоисточникамъ, найдти которые, благодаря труду г. Степановскаго, очень легко. Упрекать за это мы, конечно, автора не въ правѣ, но думаемъ, что свой трудъ и время, потраченные имъ на составленіе этой части книги, гораздо важнѣе было бы потратить хоть бы на исполненіе своего первоначальнаго плана, отъ котораго отвлекла г. Степановскаго, вѣроятно, именно эта излишняя работа. А первоначальный планъ состоялъ въ томъ, что авторъ хотѣлъ «собрать по возможности всѣ вообще относящіеся къ исторіи и археологіи края матеріалы, гдѣ бы то ни было находящіеся» (стр. 6), другими словами дать полный систематическій указатель всей литературы, относящейся къ исторіи края. Было бы, конечно, очень желательно, чтобы автору удалось привести въ исполненіе этотъ планъ, дать такимъ образомъ въ руки изслѣдователей еще одно цѣнное пособіе и вызвать подраженіе среди другихъ провинціальныхъ ученыхъ. Такого рода работы очень важны и полезны. Жаль только, что въ настоящее время ихъ очень немного, да и о тѣхъ, которыя существуютъ, знаютъ очень не многіе. Виноваты, конечно, въ послѣднемъ сами авторы, не считающіе нужнымъ заявить о книгѣ сейчасъ же послѣ ея выхода. Такъ, напримѣръ, книжка г. Степановскаго напечатана ровно два года тому назадъ и знали о ней, можетъ быть, только въ Вологдѣ, да и то еще не всѣ, такъ какъ въ продажу она поступила всего какой нибудь мѣсяцъ тому назадъ.

В. Б.

Записки по исторіи военнаго искусства въ Россіи. Выпускъ 1-й. 1683—1762 годъ. (Съ планами, чертежами и схемами). Генеральнаго штаба полковника Д. Ѳ. Масловскаго, ординарнаго профессора Николаевской академіи генеральнаго штаба. Спб. 1892.

Въ 1889—90 учебномъ году, по иниціативѣ начальника академіи генеральнаго штаба, генерала Леера, въ аудиторіяхъ послѣдней, впервые была создана каѳедра спеціальныхъ лекцій по исторіи отечественнаго военнаго искусства. Едва ли необходимо говорить что либо въ защиту того громаднаго значенія, которое безспорно внесетъ съ собою въ сферу военнаго просвѣщенія нашей арміи это нововведеніе, тѣмъ болѣе, что прошлое нашей ратной жизни, изучаемое до сихъ поръ лишь въ массѣ военно-поучительныхъ образцовъ всеобщей военной исторіи, теряло главнѣйшія изъ своихъ полезныхъ основъ—служить указателемъ тѣхъ особенностей русскаго военнаго искусства, которое создавалось цѣлыми звеньями вѣковъ на самобытности Руси, особенностяхъ ея народнаго духа и боевыхъ искони русскихъ традиціяхъ. При ознакомленіи съ историческими фактами военнаго дѣла въ Россіи, приходилось пока обращаться къ обширной литературѣ исключительно моногра-

фическаго характера, изучать ихъ по очеркамъ отдѣльныхъ кампаній, частныхъ операцій и по изслѣдованіямъ одного какого нибудь вопроса, другими словами, обращаться къ литературѣ отрывочныхъ военныхъ событій, не дающей въ общей массѣ ихъ цѣльной связности, столь необходимой и поучительной при слѣдованіи основнымъ задачамъ военно-исторической науки. Требованія послѣдней не ограничиваются однимъ знаніемъ боевыхъ фактовъ, необходимо внутреннее ихъ изученіе, въ изслѣдованіи причинной связности ихъ съ общими факторами военнаго искусства.

Эта идея и была принята приглашеннымъ къ занятію указанной каѳедры профессоромъ Масловскимъ основною при постановкѣ имъ въ академіи курса исторіи русскаго военнаго искусства.

Имя почтеннаго лектора давно уже пользуется широкою извѣстностью въ области военно-исторической литературы, гдѣ не одинъ десятокъ его трудовъ посвященъ спеціальному изслѣдованію фазисовъ развитія на Руси воинскаго искусства, на основаніи изученія архивныхъ документовъ и другихъ первоисточниковъ. Капитальный трудъ его «Русская армія въ Семилѣтнюю войну», увѣнчанный первою преміею митрополита Макарія, переведенъ на нѣмецкій языкъ, сдѣлавъ такимъ образомъ имя автора извѣстнымъ и за границею.

Настоящее изданіе профессора Масловскаго, скромно озаглавленное «Записками», является какъ бы отчетомъ по разрѣшенію возложенной на него нелегкой задачи созданія новаго курса, новой отрасли военно-исторической науки. Объемистый томъ, въ 350 страницъ текста и болѣе сотни въ приложеніи и примѣчаніяхъ, представляетъ собою сводъ прочтенныхъ лекцій, охватившихъ пока исторію военнаго искусства въ Россіи отъ эпохи первыхъ регулярныхъ полковъ до исхода событій Семилѣтней войны. Главнѣйшими періодами авторомъ намѣчены слѣдующіе четыре: эпоха подготовительная, преобразованія и реформы Петра Великаго, время Миниха и Ласси и послѣдній—отъ начала царствованія Елизаветы Петровны до оставленія престола Петромъ III. Указанная эра двухъ столѣтій — одна изъ темныхъ страницъ военной исторіи: многіе вопросы оставались совершенно неизслѣдованными и внѣ научнаго освященія, въ выясненіи ихъ и заключается главнѣйшее достоинство настоящаго труда. Слѣдуя основному, указанному выше, принципу изслѣдованія, авторъ въ обзорѣ фактовъ боевой хроники останавливается исключительно только на поучительныхъ «классическихъ» образцахъ, но зато отводитъ широкій просторъ освѣщенію окружающей ихъ обстановки. Сообщая данныя той или другой операціи, онъ группируетъ рядомъ всѣ факторы, имѣвшіе непосредственное вліяніе на исходъ ея, касаясь здѣсь изслѣдованія вопросовъ: о составѣ и внутреннемъ устройствѣ войскъ, объ ихъ вооруженіи, о строевыхъ и боевыхъ порядкахъ, объ отличительныхъ особенностяхъ тактическихъ и стратегическихъ пріемовъ и т. п. Въ общемъ трудъ г. Масловскаго представляетъ цѣльную живую картину исторіи развитія воинскаго искусства въ Россіи до вѣка Екатерины Второй. Изслѣдованіемъ послѣдняго начнется второй выпускъ «Записокъ», продолженію которыхъ нельзя не пожелать скорѣйшаго выхода въ свѣтъ.

По внѣшнему виду книга издана прекрасно, къ тексту приложена, собранная въ отдѣльный атласъ, обширная серія чертежей, картъ и плановъ; кромѣ того, въ концѣ книги помѣщены нѣсколько приложеній, изъ которыхъ особенно выдѣляется по своему интересу небольшой отрывокъ изъ

«Исторіи императора Петра Великаго», сочиненной его повелѣніемъ и съ собственноручными «черненіями» и поправками самого Петра. Заканчивающія книгу страницы съ массою обычныхъ въ примѣчаніяхъ ссылокъ указываютъ на обширность эрудиціи автора. С—въ.

«Филологическое Обозрѣніе». Журналъ классической филологіи и педагогики. Томы I и II (книга 1). Харьковъ. 1892.

Появленіе новаго журнала, спеціально посвященнаго вопросамъ классической филологіи и педагогики, не представляло бы ничего необычайнаго на Западѣ, гдѣ такіе журналы давно существуютъ въ большомъ количествѣ, и среди опредѣленнаго круга читателей пользуются довольно значительнымъ распространеніемъ. Но у насъ до сихъ поръ не было серьезнаго научнаго періодическаго изданія, направленнаго къ объединенію тѣхъ русскихъ ученыхъ силъ, которыя работаютъ въ области классической филологіи. Предпринятое гг. А. Адольфомъ и В. Аппельротомъ съ октября прошлаго года изданіе «Филологическаго Обозрѣнія» представляетъ собою первую попытку въ этомъ родѣ,—первую, говоримъ мы, потому что знаменитые «Пропилеи» П. Леонтьева отличались совершенно инымъ, болѣе общедоступнымъ характеромъ, а въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» классическій отдѣлъ не занимаетъ первенствующаго положенія. Въ этой попыткѣ нельзя не видѣть краснорѣчиваго указанія на то, что число русскихъ работниковъ на нивѣ филологической науки возросло до значительной величины, и что въ средѣ ихъ ощутилась настоятельная потребность живаго учено-литературнаго общенія.

До сихъ поръ вышло три книжки названнаго журнала. Составлены онѣ весьма разнообразно и интересно. Каждая изъ нихъ распадается на два отдѣла, научный и критико-библіографическій. Въ научномъ отдѣлѣ пока статьи филологическаго содержанія преобладаютъ надъ статьями педагогическими, и нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ выдающійся интересъ. Я остановлю вниманіе читателя исключительно на тѣхъ, которыя имѣютъ отношеніе къ исторіи, и не стану упоминать о работахъ болѣе спеціальнаго характера изъ области грамматики, критики древнихъ текстовъ, ихъ интерпретаціи и т. п., хотя бы и подписанныхъ авторитетными именами профессоровъ Ѳ. Корша, Ѳ. Зелинскаго, И. Нетушила и др.

Начиная съ первой книжки журнала, въ немъ послѣдовательно печатается «Археологическая хроника эллинскаго востока», составляемая А. Щукаревымъ. Это реальный обзоръ новѣйшихъ результатовъ, добытыхъ археологическими изысканіями на эллинскомъ востокѣ. Авторъ дѣлаетъ краткую характеристику современнаго состоянія археологіи въ Греціи, описываетъ важнѣйшія греческія коллекціи древностей и трактуетъ о раскопкахъ, произведенныхъ за послѣднее время въ Додонѣ, Дельфахъ, Ѳивахъ и другихъ беотійскихъ городахъ, въ Элевсинѣ и въ Аѳинахъ. Г. Щукаревъ не говоритъ въ своей «Хроникѣ» лишь о работахъ Шлимана на Гиссарлыкѣ, въ Микенахъ и Тиринѳѣ, но этотъ пропускъ объясняется тѣмъ, что по «Шлимановскому вопросу» въ журналѣ имѣется уже подробная статья другаго автора, профессора В. Бузескула. Въ ней читатель найдетъ весьма обстоятельный обзоръ находокъ, сдѣланныхъ Шлиманомъ въ означенныхъ мѣстахъ, а равно

и изложеніе ученаго спора между геніальнымъ археологомъ и его скептическимъ противникомъ Эрнстомъ Веттихеромъ.

В. Шефферъ помѣстилъ въ «Филологическомъ Обозрѣніи» статью подъ заглавіемъ: «Наука объ эпиграфикѣ и мѣсто, занимаемое ею среди другихъ филологическихъ наукъ». Здѣсь имѣется бѣглое обозрѣніе эпиграфическихъ памятниковъ, указывается на особенности внѣшней формы надписей и выясняется ихъ значеніе, какъ юридическихъ документовъ, важныхъ въ качествѣ источниковъ государственнаго и частнаго права древней Греціи.

Подъ рубрикою «Общія характеристики», въ отдѣлѣ критики и библіографіи, находимъ интересныя замѣчанія профессора И. Цвѣтаева «О нѣкоторыхъ опредѣленіяхъ въ исторіи античнаго искусства». Это—критика учебника исторіи профессора А. Трачевскаго, но критика, имѣющая общее значеніе въ виду распространенности тѣхъ ошибокъ и заблужденій, которыя въ ней указаны. Подъ тою же рубрикою помѣщена статья проф. Ю. Кулаковскаго «Вопросъ о пеласгахъ», разсматривающая два новыхъ изслѣдованія по этому темному и безнадежно запутанному вопросу.

Критико-библіографическій обзоръ заключаетъ въ себѣ (во всѣхъ трехъ книжкахъ) около пятидесяти рецензій, изъ коихъ нѣкоторыя весьма обширны. Кромѣ того, каждая книжка снабжена обозрѣніемъ журналовъ, русскихъ и иностранныхъ, причемъ старательно отмѣчены всѣ журнальныя статьи, имѣющія отношеніе къ области классической филологіи и педагогики.

Съ внѣшней стороны журналъ имѣетъ весьма опрятный видъ. Все свидѣтельствуетъ въ немъ о той любви, которую вносятъ энергичные издатели въ свое скромное, но полезное предпріятіе. А. Деревицкій.

Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе Александра II. Н. П. Семенова. Томъ III, часть 2. Спб. 1892.

Настоящимъ томомъ, повидимому, заканчивается почтенный трудъ г. Семенова. Общій характеръ его достаточно извѣстенъ каждому, кто ознакомился съ предъидущими томами. Это рядъ протоколовъ, характеризующихъ намъ дѣятельность редакціонной коммиссіи по вопросу объ освобожденіи крестьянъ, какъ бы стенографическій отчетъ, воспроизводящій передъ читателемъ всѣ разговоры, каждое слово, сказанное въ коммиссіи. Здѣсь, кромѣ дѣловыхъ споровъ и объясненій, записаны такія мелочи, какъ, напримѣръ (стр. 417), слова гр. Панина (предсѣдателя) къ Булгакову: «я вчера ноги промочилъ, но принялъ предосторожности», или нѣсколько дальше: «графъ Панинъ потчивалъ Булгакова табакомъ, передавъ ему свою табакерку, и прибавилъ: я нарочно свѣжаго велѣлъ насыпать для васъ»... Изъ протоколовъ, помѣщенныхъ въ настоящемъ томѣ, видно, какъ графъ Панинъ, имѣвшій 21.000 душъ, старался отстаивать частичныя выгоды въ пользу помѣщиковъ и въ ущербъ крестьянамъ, къ которымъ, какъ крѣпостникъ, онъ относился почти враждебно, и къ какимъ средствамъ прибѣгалъ онъ для того, чтобы провести свои взгляды. Какъ на яркій примѣръ, укажемъ на слѣдующій эпизодъ, записанный г. Семеновымъ. Явившись разъ въ засѣданіе коммиссіи, гр. Панинъ заявилъ, что онъ пріобщитъ къ окончательному проекту редакціонныхъ коммиссій 108 статей сельскаго устава государственныхъ крестьянъ и все вмѣстѣ представитъ на благо-

усмотрѣніе главнаго комитета. Когда сказали, что редакціонныя коммиссіи этого не желаютъ, такъ какъ «всѣ эти статьи закона составлялись въ прежнія времена, не соотвѣтствуютъ Положенію, представляются нынѣ уже почти смѣшными», что коммиссіи не хотятъ «принимать на себя отвѣтственности за всѣ нелѣпости, которыя могутъ встрѣтиться въ постановленіяхъ, отживающихъ свой вѣкъ», графъ Панинъ отвѣчалъ, что отвѣтственность онъ возьметъ на себя, пускай дескать ужъ бранятъ его, если тѣ боятся, но что онъ дѣлалъ предложеніе о внесеніи этихъ статей раньше въ коммиссіи и оно было принято членами. Милютинъ, кн. Черкасскій и др. заявили, что принять этого они «не могли», и если приняли, то съ большими ограниченіями, «не совсѣмъ». — «Какъ не совсѣмъ? — закричалъ графъ Панинъ,—я ссылаюсь здѣсь на всѣхъ, которые были тогда въ собраніи. Я сдѣлалъ вамъ свое предложеніе, вы представляли мнѣ возраженія; я вамъ уступилъ, но настоятельно выразилъ, что на статьи закона, которыя не отмѣняются, должно быть сдѣлано указаніе въ Положеніи. Нашли, что противъ этого нельзя ничего сказать. (Милютину): Нѣкоторые молчали, слѣдовательно изъявили согласіе на мое предложеніе. Я, наконецъ, спрашиваю — было это, или нѣтъ?» — Этого никогда не было,—отвѣтилъ Милютинъ: — мы не соглашались съ тѣмъ, что вашему сіятельству угодно намъ теперь предлагать. — «Какъ! — съ замѣтнымъ негодованіемъ крикнулъ Панинъ,— слѣдовательно, вы опровергаете то, чему многіе были здѣсь свидѣтелями. Впродолженіе всего моего государственнаго поприща и при такомъ собраніи, мнѣ удается въ первый разъ слышать отрицаніе моихъ словъ. Такъ мы кончить никогда не можемъ. Я не отступлюсь отъ своихъ словъ» (стр. 590). Къ несчастью Панина, въ коммиссіи находились не окружавшіе его до сихъ поръ чиновники, отъ которыхъ только и слышно было, что «такъ точно» да «слушаю-съ», какую бы нелѣпость онъ ни сказалъ, а люди, смѣвшіе «свое сужденіе имѣть», при томъ сужденіе, съ которымъ ему, графу Панину, приходилось считаться. Эпизодъ этотъ вполнѣ характеризуетъ Панина. Вообще трудъ г. Семенова заключаетъ въ себѣ богатый и цѣнный матеріалъ для характеристики великой реформы. Всякій, интересующійся ходомъ этой реформы, найдетъ здѣсь очень много важныхъ и любопытныхъ данныхъ.

Въ настоящемъ томѣ, заключающемъ въ себѣ около 850 страницъ, помѣщены протоколы засѣданій коммиссіи, на которыхъ обсуждались вопросы объ усадебномъ устройствѣ, надѣлѣ, о повинностяхъ крестьянъ, о дворовыхъ людяхъ, о сельскихъ магазинахъ, школахъ и др. Здѣсь же находятся свѣдѣнія о закрытіи коммиссій и проекты манифеста 19-го февраля, написанные разными лицами. В. Б.

Черные дни. Наблюденія и замѣтки Вл. Михневича. Спб. 1892.

Въ концѣ 1891 года г. Михневичъ, по порученію редакціи «Новостей», совершилъ поѣздку по губерніямъ Нижегородской, Казанской, Симбирской, Самарской, Пензенской и Рязанской. «Наблюденія и замѣтки», вынесенныя изъ этой двухмѣсячной экскурсіи,—говоритъ онъ,—«захватываютъ не болѣе, какъ одинъ лишь моментъ изъ пережитыхъ нашей родиной черныхъ дней на огромномъ пространствѣ семнадцати, если не больше, губерній». Тѣмъ не менѣе онъ рѣшился издать ихъ отдѣльной книжкой, полагая, «что, на-

писанныя искренно, подъ свѣжими впечатлѣніями живой дѣйствительности, они, при всей ихъ бѣглости и неполнотѣ, не утратили еще, быть можетъ, нѣкотораго значенія и интереса, хотя бы только какъ маленькой справки въ большомъ, трудномъ вопросѣ о причинахъ настоящаго народнаго бѣдствія и о средствахъ его устраненія».

Книжка написана очень живо и интересно: здѣсь дѣло постоянно перемѣшивается съ бездѣльемъ, разсужденія о злобѣ дня пересыпаны остротами, тамъ и здѣсь попадаются анекдоты... При этомъ авторъ сообщаетъ много любопытныхъ фактовъ, проливающихъ яркій свѣтъ на положеніе населенія посѣщенныхъ имъ мѣстностей. Не мало видѣлъ онъ самъ, еще больше узналъ изъ бесѣдъ съ представителями администраціи, земства и другими мѣстными дѣятелями. Въ числѣ послѣднихъ находимъ и графа Л. Н. Толстого. Разсказывая г. Михневичу о томъ, какъ онъ началъ дѣло помощи крестьянамъ Данковскаго уѣзда, графъ замѣтилъ, что ничего не могло быть проще. Трудная задача была счастливо разрѣшена учрежденіемъ столовыхъ, которыя сразу пріобрѣли большую популярность и стали называться въ народѣ «сиротскими призрѣніями». Толстой находитъ, что такія «призрѣнія» совершенно въ духѣ русскаго народа, вполнѣ ему понятны и симпатичны». «Долженъ сказать по совѣсти,—замѣчаетъ авторъ,—что изъ всѣхъ, видѣнныхъ мною, разнообразныхъ опытовъ оказанія благотворительной помощи нуждающемуся, по случаю неурожая, населенію, самый удачный безспорно сдѣланъ гр. Толстымъ».

Что касается выводовъ изъ непосредственныхъ наблюденій или «итоговъ», какъ называетъ ихъ самъ г. Михневичъ, то съ ними не всегда можно согласиться. Такъ, въ числѣ причинъ «безхозяйственности» онъ указываетъ, между прочимъ, на общинные передѣлы земли (стр. 258—259). Между тѣмъ, какъ выяснено компетентными изслѣдователями народнаго хозяйства, ссылка крестьянъ черноземной полосы на передѣлы, какъ на препятствіе къ правильному удобренію полей, вовсе не заслуживаетъ такого довѣрія, съ какимъ относится къ ней авторъ. Существованіе передѣловъ и жеребьевокъ не служитъ, вѣдь, препятствіемъ къ удобренію полей въ нечерноземныхъ мѣстностяхъ. (См. «Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики», Спб., 1892, т. I, стр. 412 и слѣд.).

С.

Сербско-болгарская война 1885 года. Съ приложеніемъ 12 плановъ. Составилъ болгарскаго генеральнаго штаба капитанъ Бендеревъ. Спб. 1892.

До сихъ поръ въ нашей литературѣ не было труда, спеціально посвященнаго исторіи войны, шесть лѣтъ съ небольшимъ тому назадъ удивившей всю Европу. Давно уже ожидали мы хотя краткаго очерка, который бы познакомилъ насъ съ тѣми причинами и побужденіями, которыя заставили два небольшихъ родственныхъ другъ другу народа съ небывалымъ ожесточеніемъ полѣзть въ драку другъ съ другомъ и, побившись безъ всякихъ результатовъ двѣ недѣли, покончить эту трагикомедію замиреніемъ. Теперь кап. Бендеревъ, уже извѣстный намъ, какъ авторъ «Военной географіи и статистики Македоніи», выступаетъ съ довольно объемистымъ (около 500 стр.) трудомъ, посвященнымъ разсмотрѣнію сербско-болгарскихъ военныхъ дѣй-

ствій съ 1-го по 16-е ноября 1885 года. Трудъ свой предназначаетъ онъ для спеціалистовъ, находя, что данная война, «не смотря на ея кратковременность, заключаетъ въ себѣ много поучительнаго». «Извѣстные военные принципы, говоритъ авторъ, и въ этой маленькой войнѣ на каждомъ шагу находятъ подтвержденіе. Но особенно поучительна она въ отрицательномъ смыслѣ: съ начала и до конца кампаніи читатель найдетъ въ ней факты, еще разъ доказывающіе, какъ рискованно со стороны военачальниковъ пренебрегать требованіями военнаго искусства». Основываясь на этомъ, кап. Бендеревъ внимательно изучилъ всѣ имѣющіеся какъ печатные, такъ и рукописные источники и представилъ полный и подробный очеркъ этой войны, не пропустивъ въ немъ ни одного сколько нибудь, по его мнѣнію, замѣчательнаго факта. При этомъ авторъ старался и о томъ, чтобы возможно подробнѣе входить въ разсмотрѣніе какъ дѣйствій сербской, такъ и болгарской арміи, находя, что всѣ предъидущіе труды, изъ которыхъ главные «Сливница» Владана Джорджевича и «Der Bulgarisch-Serbische Krieg, 1885, Bilinick—Weissolin'a», останавливаются преимущественно на дѣйствіяхъ одной сербской арміи. Во всемъ этомъ нельзя, однако, сказать, чтобы г. Бендеревъ достигъ полнаго успѣха. Во-первыхъ, ошибочна уже самая основная мысль его, будто сербско-болгарская война можетъ дать много поучительнаго для будущаго. Война, которая велась совершенно необдуманно, гдѣ съ болгарской стороны, напримѣръ, не было ни одного почти искуснаго офицера, участвовали въ дѣлѣ плохо дисциплинированныя, на скорую руку мобилизованныя войска, едва ли можетъ чему нибудь научить. А тотъ основной выводъ автора, что «рискованно со стороны военачальниковъ пренебрегать требованіями военнаго искусства», не можетъ же онъ считать на столько новымъ, чтобы въ подтвержденіе его писать книгу въ цѣлыхъ пятьсотъ страницъ. Признавая такимъ образомъ, что для спеціалиста военнаго изложеніе во всѣхъ подробностяхъ сербско-болгарской войны имѣетъ очень мало значенія, мы находимъ, однако, глубокій интересъ этой войны въ тѣхъ причинахъ, которыя привели къ войнѣ. О нихъ-то въ книгѣ говорится слишкомъ мало, и это главный ея недостатокъ. А. Л—нъ.

Крестьяне на Руси. Изслѣдованіе о постепенномъ измѣненіи значенія крестьянъ въ русскомъ обществѣ. Сочиненіе И. Бѣляева. Третье изданіе безъ измѣненій противъ перваго изданія. Москва. 1891.

Трудъ г. Бѣляева, заглавіе котораго мы выписали, до сихъ поръ представляетъ собой, можно сказать, почти единственную работу въ нашей историко-юридической литературѣ, посвященную полному обозрѣнію юридическаго положенія и состоянія крестьянства въ древней Руси. Трудъ этотъ достаточно извѣстенъ всѣмъ, занимающимся русской исторіей, и потому останавливаться на его содержаніи мы не будемъ. Само собой разумѣется, что многое въ настоящее время понимается и толкуется иначе, что многія изъ положеній Бѣляева въ настоящее время уже устарѣли, но, не смотря на это, трудъ Бѣляева не потерялъ своего значенія, и издатели поступили очень хорошо, выпустивъ новымъ изданіемъ это сочиненіе, такъ какъ въ послѣднее время его уже не встрѣчалось въ продажѣ. В. Б.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Русская политика въ Азіи по отношенію къ Китаю и Англіи. — Изслѣдованіе русской голодовки французскимъ экономистомъ. — Англійскій переводъ «Принцесы Таракановой».— Нѣмецкій разсказъ изъ эпохи крѣпостничества въ Россіи.— Новая біографія Ксаверія де Местръ. — Русскій генералъ и французскій писатель.—Неудачное путешествіе въ Тибетъ.

АЛЬБЕРТЪ Перкеръ написалъ обширное изслѣдованіе объ отношеніяхъ Китая, Россіи и Англіи (La Chine, la Russie et l'Angleterre) по поводу послѣдняго возстанія, поднявшагося въ Небесной имперіи, въ то самое время, когда китайское правительство рѣшилось, наконецъ, сдѣлать уступку европейской цивилизаціи и провести сѣть желѣзныхъ дорогъ въ имперіи. Виновниками возстанія были несомнѣнно безчисленныя тайныя общества, покрывающія Китай, особенно члены союза Колао-гуи, но ему сочувствовало если не все населеніе страны, то всѣ низшіе классы общества, давно уже недовольные «рыжими варварами» и еще болѣе своимъ правительствомъ. Это недовольство, высказывающееся явною антипатіею къ иностранцамъ въ народныхъ массахъ, раздѣляется и среднимъ сословіемъ и чиновниками, неохотно оказывающими покровительство чужеземцамъ, даже когда это приказывается начальствомъ. Да и это начальство, въ лицѣ высшихъ мандариновъ, во многихъ мѣстностяхъ, направляло чернь на европейцевъ. Въ прежнее время бунты поднимались противъ католическихъ и протестантскихъ миссій, теперь дѣло идетъ уже о поголовномъ изгнаніи «варваровъ» изъ имперіи, а въ провинціи Юнань, съ ея 20-ти-милліоннымъ населеніемъ, возмущеніе открыто клонилось къ низверженію манджурской династіи и

возведенію на престолъ одного изъ потомковъ Минга или изъ предводителей возстанія, который очистилъ бы страну отъ европейцевъ. Это уже прямая борьба двухъ цивилизацій: дикой, но тысячелѣтней, и современной, но антипатичной неразвитымъ массамъ. По требованію европейскихъ кабинетовъ, богдыханъ, хоть и не съ особенной охотой, издалъ указъ, предписывающій его подданнымъ не трогать миссіонеровъ и не нарушать добраго согласія, установившагося между Китаемъ и иностранцами. Но указъ этотъ, появившійся въ «Пекинской Газетѣ», остался мертвою буквою, и возстаніе не прекратилось. Убили нѣсколько миссіонеровъ и монаховъ, сожгли и разграбили ихъ учрежденія. Англія встревожилась и предложила западнымъ державамъ составить коалицію противъ Китая, но остановилась передъ приведеніемъ въ исполненіе этой миссіи изъ боязни, что страна бросится въ объятія Россіи. Да и къ чему повела бы война Европы съ этимъ азіатскимъ государствомъ? Флоты его, конечно, были бы разбиты, города взяты, но въ результатѣ было бы занятіе европейскими войсками страны въ 1.348,000 квадратныхъ миль съ населеніемъ въ 400 милліоновъ. Китайцы надавали бы всевозможныя обѣщанія, сдѣлали бы какія угодно уступки, подписали бы трактаты—и не исполнили бы ихъ, какъ не исполняютъ и теперь. Китаецъ считаетъ свою цивилизацію выше нашей, къ религіи нашей онъ совершенно равнодушенъ, плохо вѣря и въ свою собственную; его идеи, понятіе о правѣ и справедливости діаметрально противоположны нашимъ; нашихъ открытій, улучшеній, прогреса, комфорта онъ не признаетъ и не хочетъ знать,—неужели поэтому слѣдуетъ его просвѣщать насильно? Къ тому же китайская армія далеко не такъ слаба, какою была въ 1860 году. Наученная опытомъ, она ввела у себя, со времени послѣдней войны съ Европою, много улучшеній, а массою своихъ войскъ можетъ подавить всякаго противника. У нея уже теперь отличныя крѣпости, арсеналы, крупповскія орудія. Въ двухъ дивизіяхъ ея флота 88 хорошихъ судовъ съ 30,000 экипажа. Поэтому-то Англія и хочетъ избѣгнуть столкновенія съ Китаемъ, желая имѣть его своимъ союзникомъ на случай войны съ Россіей. По мнѣнію французскаго автора, Россія старается сблизиться со своимъ азіатскимъ сосѣдомъ въ тѣхъ же видахъ, а самъ сосѣдъ не прочь предъявить свои права на Сиккимъ и западный Туркестанъ. Но, опасаясь флота европейцевъ, Китай, не смотря на свою непомѣрную гордость и увѣренность въ своей силѣ, сознаетъ и могущество Россіи, встрѣчая ее хорошо вооруженною и организованною на всемъ протяженіи ея границъ, въ Троицкосавскѣ и Селенгинскѣ, какъ и во Владивостокѣ. Бѣлый царь — единственный владыка въ мірѣ, котораго желтый царь признаетъ дѣйствительнымъ монархомъ. Посольство этого монарха въ Пекинѣ и русскіе купцы пользуются особыми привилегіями. Альбертъ Меньянъ въ своей книгѣ: «Изъ Парижа въ Пекинъ сухимъ путемъ» (De Paris à Péking par terre), говоритъ, что для того, чтобы проникнуть въ Китай черезъ степь Гоби онъ долженъ былъ запастись русскимъ паспортомъ. Китайскій губернаторъ Маймачена, къ которому онъ обратился за разрѣшеніемъ продолжать свое путешествіе, сказалъ ему: «По закону я бы не долженъ былъ позволить вамъ вступить на нашу територію, такъ какъ одни русскіе имѣютъ право въѣзжать въ Китай сухимъ путемъ. Но я закрою глаза, если вы выхлопочете отъ русскаго комисара паспортъ, какъ торгующій чаемъ русскій подданный. Съ этимъ паспортомъ вы получите вездѣ по дорогѣ свободный пропускъ». По договору, заключенному въ Ливадіи въ 1880 году, Россія открыла себѣ торговый путь

изъ Сибири въ Ханькоу и Кульджу черезъ Су-Чоу и 36 пограничныхъ станцій, по которымъ могутъ слѣдовать русскіе караваны, причемъ они имѣютъ право носить оружіе. На ярмарку въ Ургѣ, столицѣ Монголіи, стекается до двухсотъ тысячъ купцовъ и покупателей, между которыми изъ иностранцевъ — только одни русскіе, и англичане напрасно хлопотали въ Цунг-ли-яменѣ о подобной же привилегіи для себя. Всѣ старанія Англіи получить доступъ для своихъ товаровъ въ центральную Азію до сихъ поръ оставались безплодными, тогда какъ русскія консульства въ сѣверномъ и сѣверо-восточномъ Китаѣ пользуются большими льготами: въ Чугучакѣ, Кобдо, Улясутаѣ и другихъ городахъ Монголіи и Джунгаріи большіе склады русскихъ товаровъ, а въ Ургѣ конвой губернатора состоитъ изъ двухъ ротъ казаковъ на русскомъ жалованьѣ. Между Петербургомъ и Пекиномъ организованъ почтовый трактъ черезъ Кяхту и Калганъ, и почта, находящаяся въ русскомъ управленіи, доходитъ въ 53 дня, тогда какъ въ другихъ частяхъ своей обширной территоріи Китай еще не додумался до почтовыхъ учрежденій. По ливадійскому договору Россія уступила, правда, Китаю Кульджу, но оставила за собою значительную часть этой провинціи, и пріобрѣла окончательно Забайкалье, долину Амура по лѣвому берегу рѣки—пространство, равняющееся Франціи, и часть Маньчжуріи между Амуромъ и Уссури до границъ Кореи. Новыя укрѣпленія Владивостока, по словамъ англійскихъ газетъ, могутъ дать отпоръ самому сильному флоту, а въ гавань города не допускаютъ одновременно болѣе двухъ иностранныхъ кораблей, послѣ того какъ англичанамъ вздумалось стоять возлѣ этой гавани въ количествѣ 13-ти военныхъ судовъ. По желѣзной дорогѣ, въ 7,400 верстъ можно будетъ изъ этого города доѣхать до Москвы въ двѣ недѣли, вмѣсто трехъ мѣсяцевъ. Англія знаетъ все это очень хорошо и старается всѣми силами «открыть глаза» Китаю на воинственные замыслы Россіи. И вмѣстѣ съ тѣмъ не только англійскіе публицисты, но и такіе государственные люди, какъ лордъ Вольслей, пускаются въ самыя мрачныя предсказанія на счетъ будущаго могущества Китая. Англійскій главнокомандующій въ Египтѣ, Суданѣ, странѣ зулусовъ, говоритъ въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ журнала «Review of reviews», что въ Китаѣ возникнетъ великій полководецъ и законодатель, который оттѣснитъ русскихъ къ полярному кругу и, обратившись потомъ на востокъ, покоритъ Индію и опрокинетъ англичанъ въ море. Въ ожиданіи этихъ событій англичанамъ, кажется, можно было бы и не такъ громко жаловаться на то, что Россія захватила въ свои руки китайскія сухопутныя сообщенія и почту: вѣдь съ 1863 года китайскими таможнями управляетъ англичанинъ Робертъ Гардъ и ежегодно вноситъ въ казну богдыхана 20 милліоновъ долларовъ, получая 1.700,000 таелей за свое вѣдомство, въ которомъ работаютъ 3,000 чиновниковъ и агентовъ. Кромѣ того, Гардъ завѣдуетъ устройствомъ маяковъ и освѣщенія морскихъ береговъ на протяженіи 1,800 миль. Сиккимскій договоръ обязанъ ему своимъ утвержденіемъ, и онъ такъ усердно служитъ двумъ государствамъ, что королева Викторія сдѣлала его кавалеромъ ордена св. Георгія, а императоръ Куанг-гсу возвелъ его предковъ, до третьяго поколѣнія, въ званіе мандариновъ. Почти вся морская торговля Китая въ рукахъ Англіи. Въ 20-ти портахъ, открытыхъ европейцамъ трактатомъ въ Чу-фу 1876 года, преобладаютъ англичане, управляясь вполнѣ самостоятельно и совершенно независимо отъ китайскихъ чиновниковъ. Въ одномъ Шанхаѣ ежегодный торговый оборотъ дохо-

дитъ до 860 милліоновъ франковъ, и гавань его посѣщаютъ 5,500 судовъ. Основавшись въ какомъ нибудь мѣстѣ, англичанинъ прежде всего учреждаетъ клубъ, потомъ какой нибудь спортъ и проповѣди для обращенія язычниковъ. Но религіозная пропаганда плохо прививается въ Китаѣ: по послѣднимъ даннымъ, число китайцевъ, принявшихъ христіанство, не доходитъ до 35.000, а поучаютъ ихъ 1.133 миссіонера, содержаніе же миссій и церквей стоитъ до 400.000 рублей. Въ заключеніе своего этюда авторъ, увѣренный, что Англія изъ личныхъ выгодъ никогда не поднимется противъ Китая, приглашаетъ, въ виду все еще продолжающихся въ немъ возстаній, Францію, Германію и Соединенные Штаты къ устройству общей защиты противъ опасности, угрожающей европейцамъ въ Небесной имперіи.

— Извѣстный политико-экономистъ Клодіо Жане посвящаетъ въ журналѣ «Correspondant» серьезное изслѣдованіе экономическому развитію Россіи. Уже три года тому назадъ этотъ писатель доказывалъ, что Россія, какъ отдѣльный міръ въ соціальномъ и промышленномъ отношеніи, будетъ имѣть въ XX вѣкѣ огромное вліяніе на мелкія и раздѣленныя между собою государства Западной Европы. Съ тѣхъ поръ громадная имперія шла безостановочно по пути прогреса, а черезъ нѣсколько лѣтъ ея сибирская желѣзная дорога нарушитъ равновѣсіе всѣхъ политическихъ комбинацій, и центръ ихъ тяжести перейдетъ несомнѣнно на Востокъ. Въ 1883 году въ Россіи было 105 милліоновъ жителей, въ 1891—117. Только въ Соединенныхъ Штатахъ населеніе увеличивается быстрѣе, но туда привлекаетъ эмигрантовъ политическая свобода, соціальное равенство и отсутствіе воинской повинности, а изъ Россіи однихъ жидовъ въ 1891 году ушло до 200.000, чему всѣ русскіе очень рады. Къ несчастію, въ этомъ же году страну постигнулъ сильный неурожай: вмѣсто 249 милліоновъ гектолитровъ ржи, которою преимущественно питается народъ, собрано только 190. Въ такой же пропорціи уменьшились и другіе сорта хлѣба. На пространствѣ вдвое бо́льшемъ Франціи, съ населеніемъ въ 27 милліоновъ, неурожай былъ въ 47%. Въ 17-ти губерніяхъ половина населенія должна была прибѣгнуть къ государственной и общественной помощи. Вывозъ зерна и муки былъ запрещенъ, но, къ сожалѣнію, нѣсколько поздно и неодновременно. До конца февраля правительство послало въ голодающія мѣстности хлѣба на 350 милліоновъ франковъ, но, чтобы прокормить пострадавшихъ отъ неурожая до будущей жатвы, потребуется еще такая же сумма. Недостающій хлѣбъ былъ доставленъ изъ урожайныхъ мѣстностей и изъ-за границы. Парижская фирма Луи Дрейфуса доставила значительные транспорты муки черезъ свою одесскую контору, но часть этой муки, по доставленіи ея на мѣсто, оказалась на двѣ трети смѣшанною съ сорными травами и пескомъ. «Эта фальсификація произведена, впрочемъ, русскими же комисіонерами», — говоритъ авторъ, забывая прибавить, что эти комисіонеры — жиды и агенты Дрейфуса. Та же поддѣлка оказалась и въ мукѣ, поставленной въ Петербургъ «нѣмецкими купцами въ Либавѣ». Авторъ точно нарочно избѣгаетъ упоминать, что и тутъ продавали жиды же, входя въ сдѣлку съ управскими героями, за что городская дума «подвергла выговору (a censure) своихъ главныхъ членовъ», что также не вѣрно, такъ какъ благодушная дума изъявила только свое сожалѣніе второстепеннымъ агентамъ по поставкѣ, а главнымъ дѣльцамъ не сдѣлала даже и простого замѣчанія. Были попытки и въ другихъ мѣстахъ воспользоваться народнымъ бѣдствіемъ; кое-гдѣ неумѣлые чиновники тормозили правительствен-

ныя предписанія, но министерство внутреннихъ дѣлъ приняло энергичныя мѣры къ свободному движенію хлѣбныхъ грузовъ по имперіи. Общественныя работы предприняты въ обширныхъ размѣрахъ. Нигдѣ не возникали безпорядки, «которые неминуемо вспыхнули бы въ Англіи въ подобномъ случаѣ».

— Англійская критика очень довольна романомъ Данилевскаго «Принцеса Тараканова», переведеннымъ г-жею Мухановой (The princess Tarakanova, a dark chapter of russian history translated from the russian of G. P. Danilewsky by Ida de Mouchanoff). Эту «темную главу русской исторіи», какъ назвала переводчица романъ, хвалитъ и знатокъ русской жизни В. Р. Морфилъ. Русскіе историческіе романы не появлялись въ англійскомъ переводѣ почти полвѣка. «Басурманъ» (Heretic) Лажечникова вышелъ въ переводѣ Шау въ 1849 году. Произведеніе Данилевскаго напоминаетъ критику романы Эйсворта «Лондонскій Тоуэръ», «Виндзорскій замокъ». Это интересный, полный драматизма разсказъ, основанный на историческомъ фактѣ. Героиня его принадлежитъ къ загадочнымъ лицамъ, вродѣ «Желѣзной маски» или Людовика XVII, бѣжавшаго изъ Тампля. Ея царское происхожденіе трудно доказать. Орловъ изображенъ авторомъ уже черезчуръ въ непривлекательномъ видѣ, но характеристика Шешковскаго, историка Герарда Мюллера и англійскаго банкира Сутерланда — вполнѣ вѣрны. Но англійскій переводъ русской дамы критика не хвалитъ, находя въ немъ много неправильностей и искаженія собственныхъ именъ, какъ Ropshoe, Von Viesing и др. Критикъ даже удивляется, къ чему переводчица вмѣсто извѣстнаго и на западѣ имени Catherine, пишетъ вездѣ «Ekaterina», а себя называетъ Идою де-Мухановъ.

— Нѣмцы не только переводятъ разсказы изъ русской жизни, но и сочиняютъ ихъ, хоть и не особенно удачно. Какой-то Густавъ Дамсъ напечаталъ «культурную картину изъ Россіи», подъ названіемъ «Маша», имѣвшую успѣхъ (Mascha. Ein Kulturbild aus Russland). Въ разсказѣ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, обычныхъ неточностей о нашемъ отечествѣ, хотя культурная картина изображаетъ крѣпостную эпоху. Разсказъ, по словамъ автора, имѣетъ цѣлію доказать, что даже наслѣдственное рабство и прирожденная бѣдственная жизнь не побѣждаетъ въ сердцѣ чувство долга. «Не убиваютъ его ни рабская зависимость отъ помѣщика и чиновника, ни грубыя (brutalen) формы, въ которыя слагается крестьянская жизнь, рѣдко соединяющая въ себѣ столько нужды и бѣдствій, какъ въ нѣкоторыхъ русскихъ деревняхъ, гдѣ господствуютъ тупая апатія и повальное пьянство. Солнце рѣдко заглядываетъ въ маленькія окна деревенскихъ избъ, заклеенныя бумагой, рѣдко освѣщаетъ ихъ убогую обстановку съ невыносимымъ запахомъ кислой капусты, хранящейся въ бочкахъ за печкой». Но и въ такой грязи и бѣдности выростаютъ замѣчательныя красавицы «съ темными, живыми глазами, какихъ не встрѣчаешь въ романскихъ земляхъ». Въ такую красавицу Машу влюбляется помѣщикъ села Домброва Владиміръ, живетъ съ ней одно лѣто, а на другое уѣзжаетъ въ Остенде, не заботясь о томъ, что брошенная имъ дѣвушка должна вдвойнѣ работать, чтобы прокормить себя и своего ребенка. Черезъ пять лѣтъ помѣщикъ, вернувшись въ свою деревню, проѣзжаетъ однажды по ея улицѣ въ фаэтонѣ и, встрѣтивъ мальчишку, лежащаго посреди дороги, сгоняетъ его ударомъ хлыста. Узнавъ, что это ребенокъ Маши, которая въ это время жала рожь, онъ подходитъ къ ней и даетъ ей десять рублей «для маленькаго», но она не беретъ денегъ, и онъ называетъ ее по-

мѣшанной. Еще черезъ нѣсколько лѣтъ, помѣщикъ, охотясь въ полѣ за куропатками, нечаянно застрѣливаетъ своего сына. Ребенка хоронятъ, и въ тотъ же день Владиміръ напивается со своими сосѣдями, явившимися изъявить свое соболѣзнованіе по поводу «непріятнаго случая». Проводивъ гостей, помѣщикъ идетъ въ рощу освѣжиться послѣ попойки и ложится подъ деревомъ. Къ нему пробирается Маша и, бросаясь на пьянаго, душитъ его, спрашивая: узнаетъ ли онъ ее? Маша!—хрипитъ Владиміръ и начинаетъ давать ей разныя обѣщанія, но она называетъ его собачьимъ сыномъ (Hundesohn) и втыкаетъ ему ножъ въ горло, а сама пропадаетъ. Такова эта культурная исторія, измышленная нѣмцемъ и заставляющая его соотечественниковъ содрогаться при мысли о русскомъ варварствѣ.

— Вышла новая біографія Ксаверія де-Местра, по неизданнымъ документамъ (Xavier de Maistre). Этотъ сардинскій гражданинъ, писавшій по-французски и умершій въ Россіи въ генералъ-маіорскомъ чинѣ, оставленъ въ тѣни французскою критикою, хотя отрывки изъ его «Путешествія вокругъ моей комнаты» и «Прокаженнаго въ Аостѣ» помѣщаются во всѣхъ хрестоматіяхъ. Громкая извѣстность въ литературномъ и католическомъ мірѣ его старшаго брата Жозефа де-Местра оттѣснила на второй планъ менѣе талантливаго, но болѣе симпатичнаго Ксаверія, мало заботившагося о своихъ литературныхъ трудахъ, которые, можетъ быть, и не явились бы на свѣтъ, если бы объ этомъ не позаботился Жозефъ. Но если младшимъ братомъ мало занимаются французы, тщательно охраняющіе отъ забвенія даже малоизвѣстныхъ своихъ писателей, то не удивительно, что объ немъ нѣтъ этюдовъ и на русскомъ языкѣ, хотя онъ прожилъ болѣе тридцати лѣтъ въ Россіи и написалъ два разсказа изъ русской жизни: «Кавказскіе плѣнники» и «Молодая сибирячка». Послѣдній разсказъ въ напечатанныхъ русскихъ передѣлкахъ и въ сценической обработкѣ сдѣлался почти народнымъ, подъ названіемъ «Параша сибирячка». И, не смотря на это, въ то время, когда въ «Русской Рѣчи» 1861 года явилась обширная статья «Жозефъ де-Местръ въ Петербургѣ», подписанная Е. М. Ѳеоктистовымъ, въ «Свѣточѣ» его біографія, составленная П. Лыжинымъ, а въ «Русскомъ Архивѣ» 1866 года письма его къ князю П. Б. Козловскому о Россіи 1815 года съ коментаріями и приложеніями, — о Ксаверіи де-Местръ нѣтъ никакихъ статей въ нашей журналистикѣ. Скромный писатель остается забытымъ въ то время, когда апологистъ папства, фанатикъ-ультрамонтанъ, авторъ «Вечеровъ въ С.-Петербургѣ», Жозефъ возбуждаетъ сильную полемику. Новый біографъ Ксаверія, клерикалъ Лескюръ, называетъ даже Жозефа геніемъ, причисляя брата его къ талантамъ, которымъ въ исторіи литературы отводится второстепенное мѣсто. Но эта оцѣнка несправедлива по отношенію къ обоимъ братьямъ: Жозефомъ восхищаются только фанатическіе паписты, и сочиненія его, относящіяся къ ультро-католическимъ памфлетамъ, не принадлежатъ къ области чистой литературы и забыты уже и теперь, тогда какъ въ ней навсегда останется «Путешествіе вокругъ моей комнаты», юмористическая фантазія умнаго человѣка, хотя и не присяжнаго писателя. Въ письмахъ къ русскому дворянину объ испанской инквизиціи Жозефъ оправдываетъ это отвратительное учрежденіе тѣмъ, что церковь судила только ересь, а казнила свѣтская власть. Но вѣдь и судья, какъ священникъ, только осуждаетъ еретика, а сжигалъ его палачъ, стало быть, виноватъ онъ одинъ. Жозефъ де-Местръ до того путается въ своихъ парадоксахъ, что высказы-

ваетъ, напримѣръ, слѣдующія мысли: «плоть грѣховна, проклята и враждебна Богу; только кровью можно умилостивить небо. Первые христіанскіе учители вѣрили, что тамъ гдѣ льется кровь, присутствуютъ ангелы. Пролитая кровь имѣетъ примирительную силу. Палачъ—краеугольный камень общества, званіе его священно». Въ «Петербургскихъ вечерахъ» онъ доказываетъ, что государствами управляетъ провидѣніе. Въ сочиненіи о папѣ онъ говоритъ, что «непогрѣшимость въ духовной сферѣ также необходима, какъ догматъ самодержавія въ свѣтской власти. Всякая власть должна быть абсолютна и, слѣдовательно, непогрѣшима. Хотя не должно сопротивляться и несправедливымъ властителямъ, но папа имѣетъ право разрѣшить подданныхъ отъ присяги въ вѣрности. Христіанство въ сущности не что иное, какъ одно изъ орудій правительства. Не внутреннее содержаніе догматовъ, а твердая организація опредѣляетъ достоинство церкви». Ненавистникъ не только революціи, но и всякой конституціи, Жозефъ де-Местръ былъ отправленъ въ 1803 году сардинскимъ посланникомъ въ Петербургъ, гдѣ оставался до 1819 года, когда его заступничество за іезуитовъ, высылаемыхъ изъ Россіи, довело его до того, что за вмѣшательство въ распоряженія русскаго правительства его попросили дипломатическимъ образомъ вернуться въ Туринъ, гдѣ онъ и умеръ въ 1821 году, глубоко скорбя о распространеніи революціонныхъ идей. Еще въ 1805 году онъ пристроилъ въ адмиралтействѣ своего брата, служившаго съ 1800 года въ русской арміи, кутилу-офицера Ксаверія, попавшаго за дуэль подъ арестъ, во время котораго онъ написалъ «Путешествіе по своей комнатѣ», изданное безъ его вѣдома старшимъ братомъ. Подъ его покровительствомъ Ксаверій получилъ хорошее мѣсто, въ 1813 году женился на богатой невѣстѣ, фрейлинѣ Загряжской, вышелъ въ отставку въ 1817 году генералъ-маіоромъ и жилъ въ Петербургѣ до смерти Александра I. Потерявъ въ Россіи двоихъ дѣтей, онъ вернулся въ Италію, гдѣ провелъ 16 лѣтъ, но въ 1842 году опять явился въ Россію, потерявъ на родинѣ остальныхъ двухъ дѣтей, и умеръ всѣми забытый въ 1852 году девяностолѣтнимъ старикомъ. Новая біографія прибавляетъ къ этимъ уже извѣстнымъ фактамъ подробности о службѣ Ксаверія на Кавказѣ, о ранѣ, полученной имъ при осадѣ Ахалцыха, и объ участіи, какое онъ принималъ въ войнѣ 1812 года, состоя въ штабѣ императора. Лескюръ сообщаетъ также извѣстіе о томъ, что Ксаверій былъ очень хорошій живописецъ, и въ царствованіе Павла добывалъ средства къ жизни не литературой, а картинами. Въ біографіи помѣщено много писемъ его изъ послѣднихъ лѣтъ жизни, но корреспонденція его мало интересна, и о Россіи говорится въ ней очень немного. Онъ даже не очень доволенъ своимъ возвращеніемъ въ Россію, «гдѣ дышутъ только въ непосредственной атмосферѣ императора». Сообщая извѣстіе о смерти Пушкина, онъ заключаетъ, что «никто не упрекаетъ въ ней вдову, несчастіе которой только въ томъ, что она очень красива и что за ней много ухаживали; но любви тутъ никакой не было. Мужъ былъ горячая голова и все сдѣлало оскорбленное самолюбіе».

— Также, какъ и намъ, англичанамъ не удается проникнуть въ Тибетъ, до сихъ поръ недоступный для европейскихъ эксплуататоровъ, хотя по формальному договору съ Китаемъ, англійское посольство имѣетъ право являться въ столицу Далай-ламы въ сопровожденіи китайскаго комисара, который вотъ уже нѣсколько лѣтъ собирается пріѣхать къ вице-королю Индіи въ удобное время для посѣщенія таинственной страны. А пока на-

ступитъ это время, путешественники напрасно стараются проникнуть въ нее дальше ея окраины. Послѣдняя попытка Ронгилля въ прошломъ году описана въ его книгѣ «Страна ламайства, замѣтки о поѣздкѣ черезъ Китай, Монголію и Тибетъ» (The land of the Lamas, notes of a journey through China, Mongolia and Tibet). Ронгилль писалъ изслѣдованія о священныхъ книгахъ Тибета, четыре года прожилъ въ Пекинѣ секретаремъ посольства Сѣверо-Американскихъ штатовъ, учился тибетскому языку у одного ламы изъ Лассы и, подготовившись къ путешествію, отправился въ Ланчуфу и оттуда къ озеру Кукунору и въ Цайдамъ, на прямую дорогу въ Лассу, но принужденъ былъ вернуться съ этой дороги, и опять проѣхалъ весь Китай, только въ обратномъ направленіи отъ востока къ западу, по бассейну Желтой рѣки. Въ 8 мѣсяцевъ онъ проѣхалъ до 7½ тысячъ километровъ, но видѣлъ только сѣверныя границы Тибета. Путевыя замѣтки его очень любопытны, не смотря на ихъ неполноту и отрывочность. Онъ не рѣдко цитируетъ Пржевальскаго.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

I.

Изъ жизни Сперанскаго въ Перми.

23-го сентября 1812 года Мих. Мих. Сперанскій отвезенъ былъ на жительство въ Пермь.

Начальникомъ губерніи въ то время былъ Богданъ Андреевичъ Германъ, который въ управленіи губерніей никакого участія не принималъ. Важнѣйшія дѣла рѣшали чиновники канцеляріи, а дѣлами мелкими вѣдала Анна Ивановна, супруга губернатора. По прибытіи Сперанскаго въ Пермь, никто не зналъ, лишенъ ли онъ правъ, сосланъ ли безъ лишенія чиновъ и орденовъ, словомъ вопросъ этотъ поставилъ всѣхъ втупикъ. На выручку чиновному міру, да и всему пермскому обществу, явилась Анна Ивановна. Основываясь на томъ, что Герману предписано было: «имѣть Сперанскаго подъ строгимъ присмотромъ», Анна Ивановна распорядилась поставить въ квартиру Сперанскаго двухъ будочниковъ, а городничему Грену и двумъ приставамъ приказала во всякое время дня и ночи являться въ квартиру Сперанскаго и послѣ каждаго такого посѣщенія рапортовать губернатору о всемъ видѣнномъ и слышанномъ. Нашлись, однако, люди, которые спросили однажды Анну Ивановну, съ какою цѣлью наряжаются будочники. «Такъ себѣ, — отвѣчала губернаторша,—пускай г. временщикъ при видѣ караульныхъ пойметъ конецъ своей роли».

Съ первыхъ же дней по пріѣздѣ Сперанскій посѣтилъ многихъ представителей города. Чиновники, убоясь гнѣва Анны Ивановны, не отвѣтили Сперанскому приличіемъ вѣжливости; ихъ примѣру послѣдовалъ и архіерей Іустинъ, Не устрашился никого одинъ только соликамскій игуменъ Иннокентій, жившій въ Перми, какъ преподаватель духовной семинаріи: самъ бывалъ у Сперанскаго и къ себѣ принималъ его,

Впослѣдствіи къ Иннокентію присоединились еще купецъ Смышляевъ и Поповъ, хозяинъ дома, въ которомъ жилъ Сперанскій. Эти три лица пользовались постоянной дружбой Сперанскаго. Иннокентій, какъ монахъ, въ свѣтскія дѣла не вмѣшивался; Смышляевъ, какъ богатый человѣкъ, пользовался независимымъ положеніемъ; Попову и терять было нечего: онъ разорился въ пухъ и совершеннымъ бѣднякомъ кое-какъ влачилъ свое существованіе. Смышляева Сперанскій не забывалъ до самой смерти. Въ ссылкѣ у Сперанскаго были трудныя минуты жизни; въ одну такую трудную пору Смышляевъ ссудилъ 5 тыс. рублей безъ залога и безъ процентовъ.

Анна Ивановна продолжала свирѣпствовать; войдя во вкусъ, она не переставала безпокоить «врага отчизны», какъ величала она Сперанскаго.

По ея наущенію, мальчишки при встрѣчѣ со Сперанскимъ кричали: «Измѣнникъ! Измѣнникъ!». Разсказываютъ даже, что за эти возгласы Анна Ивановна раздавала мальчикамъ разныя лакомства.

Одинъ изъ чиновниковъ, поощряемый губернаторшей, въ пьяномъ видѣ передъ окнами квартиры Сперанскаго постоянно оралъ: «На рѣкахъ вавилонскихъ»...

Сближеніе игумена со Сперанскимъ смущало многихъ. «Напрасно вы, отецъ,—говаривали ему знакомые,—сближаетесь съ изгнанникомъ. Бѣды наживете». На всѣ подобныя предостереженія Иннокентій обыкновенно отвѣчалъ: «А мнѣ, монаху, нѣтъ дѣла до политики. Вижу къ себѣ вниманіе Михаила Михаиловича и обязанностью христіанина почитаю воздавать ему за честь честью».

Тѣмъ временемъ Анна Ивановна дошла, наконецъ, до такихъ безобразій по отношенію къ Сперанскому, что серьезно напугала друзей Германа. Какъ бы всѣмъ не досталось!

Для разъясненія томившихъ недоразумѣній посовѣтовали Герману спросить у министра полиціи Балашева, какъ разумѣть личныя права сосланнаго Сперанскаго. Балашевъ не замедлилъ отвѣтить коротко и ясно: «Разумѣть сосланнаго государственнаго секретаря, какъ тайнаго совѣтника».

Отвѣтъ министра полиціи какъ громомъ поразилъ всѣхъ; смущеніе властей дошло до крайности. Приставленные къ Сперанскому будочники и самъ городничій Гренъ куда-то быстро исчезли. Положеніе Богдана Андреевича какъ ни было смѣшно, однако онъ не растерялся. Въ первый же торжественный праздникъ Германъ со свитой изъ чиновниковъ въ полной парадной формѣ отправился на поклонъ къ Сперанскому.

«На поздравленіе наше,—говоритъ одинъ изъ участвовавшихъ лицъ въ церемоніи, — тайный совѣтникъ, едва приподнявшись со стула, отвѣтилъ легкимъ наклоненіемъ головы. Тутъ только поняли мы наши грѣхи противъ него! Чувство стыда смѣшалось въ насъ съ чувствомъ страха. Визитъ былъ непродолжительнымъ. Откланявшись, мы уѣхали по домамъ и послѣ долго не заводили рѣчи про настоящій урокъ. Впослѣдствіи Михаилъ Михаиловичъ никому не высказывалъ своего неудовольствія, напротивъ весьма любезно принималъ участіе въ общественныхъ собраніяхъ».

19-го сентября 1814 года Сперанскій собирался выѣхать изъ Перми въ Новгородскую губернію.

Носились слухи, что Сперанскій вернется ко двору. Мѣстныя власти сильно побаивались за свои грѣшки противъ Сперанскаго. Чтобы загладить вину, въ день отъѣзда, 19-го сентября, собралось все губернское начальство

пожелать благополучнаго пути отъѣзжающему. У заставы Сперанскій благодарилъ всѣхъ за добрыя пожеланія и за оказанную честь; затѣмъ, взявъ руку Иннокентія, сказалъ: «Прощайте, добрѣйшій отецъ Иннокентій! Если я буду когда либо счастливъ, и вы будете счастливы!».

Черезъ 12 лѣтъ игуменъ Иннокентій неожиданно получилъ мѣсто настоятеля въ Псковскомъ монастырѣ, потомъ переведенъ былъ викарнымъ въ Москву, а затѣмъ получилъ архіепископство на Волыни.

II.

Водка примирительница.

Въ 1860-хъ годахъ начальникъ Ярославской губерніи, контръ-адмиралъ Унковскій, во время своихъ поѣздокъ по губерніи заѣхалъ, между прочимъ, и въ городъ Романовъ. Ревизуя присутственныя мѣста Романова, онъ не упустилъ изъ виду и романовскую ремесленную управу. При входѣ въ это учрежденіе губернатора, послѣдняго встрѣтилъ ремесленный старшина, старецъ лѣтъ 80-ти, прослужившій много трехлѣтій на одной и той же должности. Губернаторъ обратился къ старшинѣ и просилъ показать дѣлопроводство, реестръ, настольныя и другія книги. Старшина показалъ всѣ книги за нѣсколько лѣтъ, но, къ удивленію губернатора, книги оказались чистыми и ничего не было написано.

— Что это значитъ?—спросилъ удивленно начальникъ губерніи.—Какія же у васъ есть дѣла въ производствѣ, какія не рѣшенныя и почему нѣтъ въ журналѣ никакихъ записей?

— Ваше в—ство!—отвѣчалъ старшина,—потому нѣтъ записей, что всѣ дѣла у меня кончаются миромъ. Вызову въ ремесленную управу челобитчика и отвѣтчика, поговорю съ ними и кончу дѣло миромъ. Вотъ почему нѣтъ записей и дѣлъ. Дѣла же мои рѣшенныя и нерѣшенныя хранятся вотъ здѣсь...

При этомъ старшина отворилъ шкафъ, на полкахъ котораго губернаторъ увидѣлъ 2 полуштофа—одинъ пустой, другой съ водкой до половины.

— Вотъ, ваше в-ство,—сказалъ старшина, указывая на полуштофы:—этотъ пустой полуштофъ—дѣла рѣшенныя, а этотъ съ водкой до половины—дѣла, находящіяся въ производствѣ.

— Да какъ же ты, дѣдушка, дѣла рѣшаешь?—спросилъ ласково губернаторъ.

— А вотъ, примѣрно будучи сказать, ваше в—ство, будьте вы старшиной и извольте сѣсть на предсѣдательское мѣсто; я буду челобитчикъ, сяду противъ васъ, а помощникъ мой пусть будетъ за отвѣтчика. Вотъ всѣ трое сидимъ. Передъ нами стоитъ вотъ этотъ полуштофчикъ съ недопитой водкой, да вотъ эти рюмочки тоже поглядываютъ на насъ. Мы этакъ сидимъ да поговариваемъ о своихъ дѣлахъ мирно, спокойно. Поговоримъ, поговоримъ, да и кончимъ миромъ, безъ ссоръ и дрязгъ. Но что же дѣлаютъ добрые люди, когда кончаютъ дѣло миромъ? Випиваютъ, ваше в—ство. Вотъ мы поговорили сейчасъ, кончили дѣло, надо и выпить.

Старшина взялъ полуштофъ, розлилъ по рюмкамъ и предложилъ всѣмъ выпить. Выпили по одной рюмкѣ.

— А чтобы не было повороту, ваше в—ство,—сказалъ старшина,—слѣдуетъ выпить по второй.

Всѣ трое выпили по второй, и кончилась водка въ полуштофѣ.

— Теперь, ваше в—ство,—продолжалъ старшина,—полуштофъ пустой; значитъ, дѣло рѣшено. Эй, сторожъ!

Явился сторожъ такой же старецъ, какъ и старшина.

— Убери рюмки, дѣло, слава Богу, рѣшено миромъ. Теперь твоя очередь привести въ исполненіе: рюмки поставь на мѣсто, а полуштофы сдай въ архивъ.

— Вотъ такъ, ваше в—ство, я рѣшалъ всѣ дѣла втеченіе всей моей многолѣтней службы.

Губернаторъ Унковскій остался очень доволенъ и пожелалъ старцу всегда рѣшать дѣла такимъ же порядкомъ.

Возвратившись домой послѣ ревизіи, губернаторъ не замедлилъ представить старшину къ высочайшей наградѣ.

Старшина получилъ золотую медаль для ношенія на груди.

Е. Г.

СМѢСЬ.

Чествованіе памяти Амоса Коменскаго. Въ то время, какъ чехамъ въ Австріи запрещено торжественно чествовать память ихъ великаго соплеменника, педагога Іоанна Амоса Коменскаго, русскій педагогическій міръ достойно отмѣтилъ 300-лѣтнюю годовщину со дня рожденія великаго славянина. Большая аудиторія Педагогическаго музея, гдѣ происходило 10-го марта чествованіе, была переполнена публикой. Знатоки исторіи педагогики—С. И. Миропольскій, П. Ф. Каптеревъ и Л. Н. Модзалевскій—почтили память Коменскаго своими рѣчами. Инспекторъ Маріинскаго института Л. Н. Модзалевскій въ немногихъ словахъ разсказалъ съ каѳедры о жизни Коменскаго, полной горестныхъ приключеній, и произнесъ въ заключеніе: «Пусть страдальческая тѣнь великаго славянина-педагога утѣшится тѣмъ, что въ то время, когда на его родинѣ лучшія чешскія чувства унижены, родная Россія приметъ отъ чеховъ высокое знамя свободной науки, славянской самобытности и всеобщаго народнаго образованія». П. Ф. Каптеревъ сдѣлалъ характеристику материнской школы Коменскаго, который первый привелъ въ стройную систему семейное воспитаніе. Великій педагогъ горячо и убѣдительно проводилъ воспитаніе въ духѣ христіанской церкви и отличался гуманнымъ взглядомъ на дѣтей. Дѣти—величайшая драгоцѣнность, проповѣдовалъ онъ: они дороже золота и серебра; прививайте дѣтямъ добродѣтель, дайте знанія, но, главнымъ образомъ, заботьтесь объ ихъ здоровьѣ: первая обязанность матери—самой кормить ребенка; неужели женщина болѣе жестока, чѣмъ дикіе звѣри? Дѣтскій разумъ можетъ развиться только среди сверстниковъ, но товарищей для нихъ надо выбирать осторожнѣе. Всѣ эти истины до сихъ поръ еще многими не примѣняются. Рѣчи ораторовъ были покрыты дружными аплодисментами. Въ антрактѣ воспитанницы частныхъ женскихъ гимназій Стоюниной, Гедда и Шаффе, подъ акомпаниментъ оркестра пріюта принца Ольденбургскаго и подъ управленіемъ г. Главача, исполнили гимнъ Коменскому и чешскую пѣсню: «Кдэ домовъ муй?». С. И. Миропольскій произнесъ рѣчь объ учебно-воспитательныхъ идеалахъ Комен-

скаго въ исторіи педагогики. По словамъ оратора, всѣ русскіе педагоги увлекались въ 60-хъ годахъ нѣмецкими педагогическими идеями, но 20 лѣтъ тому назадъ русскіе познакомились съ сочиненіями Коменскаго и убѣдились, что не добро искать правды у нѣмцовъ. Всѣ основныя начала современной педагогики находятся у Коменскаго, а нѣкоторыя его идеи еще ожидаютъ своего осуществленія. Педагогъ-славянинъ первый выяснилъ значеніе образованія для общества и государства, первый сталъ учить, что правильное обученіе надо согласовать съ природою человѣка, указалъ на важность физическаго образованія, гимнастики и ручныхъ работъ, на необходимость образованія для женщинъ, глухонѣмыхъ и слѣпыхъ. Въ заключеніе оркестръ пріюта принца Ольденбургскаго исполнилъ увертюру на гуситскую пѣсню, гуситскій гимнъ, оркестрованный г. Шолларомъ, и нѣсколько старинныхъ чешскихъ пѣсней. Хоръ воспитанницъ женскихъ учебныхъ заведеній пропѣлъ народный гимнъ.

Могила Кульнева. Въ исторіи 18-го драгунскаго Клястицкаго полка значится, что тѣло генералъ-маіора Якова Петровича Кульнева покоится въ деревнѣ Соколищахъ, Витебской губерніи, гдѣ палъ знаменитый герой въ 12-мъ году; на самомъ же дѣлѣ прахъ генерала Кульнева находится въ настоящее время въ церкви села Ильвенбергъ, Витебской губерніи (въ 12-ти верстахъ отъ города Рѣжицы), куда въ 1832 г. перенесенъ по высочайшему повелѣнію. Внѣшній видъ его могилы таковъ: въ сельской Ильвенбергской церкви съ правой стороны находится деревянное возвышеніе, окрашенное въ бѣлую краску; съ боку—образъ апостола Іакова, передъ нимъ стеклянная лампадка, на возвышеніи положено 7-ми-фунтовое ядро, найденное на мѣстѣ, гдѣ палъ Яковъ Петровичъ, и только боковыя надписи свидѣтельствуютъ о томъ, что скрыто подъ этой сельской простотой. Знаемъ, что такая временная обстановка могилы Якова Петровича допущена только потому, что всѣ кульневцы—клястицкіе и гродненскіе—были увѣрены, что прахъ героя покоится на славномъ боевомъ Сивошинскомъ полѣ, гдѣ сама природа служила лучшимъ памятникомъ Якову Петровичу; теперь же, когда обнаружено, что могила Кульнева находится не въ такой желательной обстановкѣ, является возможнымъ всѣмъ почитателямъ Кульнева еще разъ соединиться надъ его прахомъ въ посильной каждому лептѣ; тогда, смотря по обстоятельствамъ, скромная могила можетъ украситься мраморной плитой, чугунной рѣшеткой, серебрянымъ вѣнкомъ и серебряной лампадкой. Могила будетъ снята и фотографіями могутъ быть снабжены всѣ, кто интересуется мѣстомъ упокоенія Якова Петровича. Съ посильной жертвой просятъ обращаться въ 18-й драгунскій Клястицкій полкъ, городъ Млава, Плоцкой губерніи. Въ 1892 г. исполнится 80 лѣтъ со дня смерти нашего героя и 60 лѣтъ со дня переноса праха съ полей Сивошинскихъ въ Ильвенбергскую обитель.

Истребленіе древнихъ памятниковъ въ Ригѣ. Этотъ городъ чрезвычайно богатъ разными древними и историческими памятниками, которые, однако, нашими современниками, главнымъ образомъ городскимъ управленіемъ, сокрушаются безпощадно. Такъ, на Ратушской площади находится крайне оригинальное по архитектурѣ и внѣшнимъ орнаментамъ въ фламандскомъ стилѣ, древнѣйшее зданіе «Черноголовыхъ», передъ которымъ каждый любопытный путешественникъ невольно останавливается. Главный, оригинальный фасадъ этого дома, относящагося по постройкѣ къ XIV и XV вѣкамъ, въ послѣднее время рѣшительно обезображенъ частными, возведенными съ разрѣшенія городского управленія, постройками, которыя на половину его закрываютъ: съ одной стороны водочный заводъ, съ другой — чайная торговля. Другое древнее, довольно мрачное зданіе въ готическомъ стилѣ, — домъ для призрѣнія сиротъ,—въ прошломъ году, по распоряженію городского управленія, продано было въ частныя руки, и отъ этого стариннаго памятника теперь почти ничего не осталось: по фасаду и внутри все переломано, передѣлано,

и въ этомъ перестроенномъ домѣ теперь помѣщаются самые заурядные магазины. Грубыя руки ломали стрѣльчатыя готическія окна этого зданія и находившіяся на фасадѣ фигуры и лѣпныя на стѣнахъ старинныя надписи. Добираются и до единственной уцѣлѣвшей въ Ригѣ крѣпостной башни, подъ названіемъ «Пороховой», находящейся на Бастіонной площади. Какъ извѣстно, городъ Рига былъ обнесенъ со стороны р. Двины и по всей линіи городского канала каменною крѣпостною стѣною и, кромѣ того, по линіи канала, громаднѣйшимъ крѣпостнымъ валомъ, отъ которыхъ въ наше время оставались единственными памятниками лишь два предмета: бастіонная горка, оставшаяся отъ крѣпостного вала, и громадная, высокая, круглая крѣпостная башня съ бойницами. Извѣстно, какъ сильно всегда была укрѣплена Рига, особенно за время шведскаго владычества. Въ стѣнахъ башни, о которой идетъ рѣчь, по настоящее время сохранилось нѣсколько чугунныхъ, засѣвшихъ ядеръ, выпущенныхъ во время осады Риги русскими войсками. Есть преданіе, что нѣкоторыя изъ засѣвшихъ въ стѣнѣ башни ядеръ были выпущены самимъ Петромъ Великимъ. Какъ бы то ни было, эта башня осталась почти единственнымъ свидѣтелемъ старинныхъ укрѣпленій Риги, которая кругомъ была опоясана крѣпостными рвами и верками. И вотъ теперь хотятъ уничтожить этотъ почти послѣдній памятникъ. Дѣло въ томъ, что одна изъ корпорацій рижскаго Политехникума, именно «Рубонія», задумала пріобрѣсти отъ города эту башню, для временного устройства въ ней помѣщенія своему «конвенту», съ тѣмъ, чтобы городъ разрѣшилъ корпораціи передѣлку и перестройку башни, снаружи и внутри, согласно плану, составленному архитекторомъ-профессоромъ Политехникума. По чертежамъ этого плана, уже отпечатаннаго и разосланнаго, въ башнѣ предполагается устроить 5 этажей, въ стѣнахъ пробить громадныя окна и снаружи придѣлать разныя пристройки и украшенія. Въ итогѣ, отъ стариннаго зданія башни, въ смыслѣ памятника, ровно ничего не останется, а будетъ, судя по чертежамъ плана, новая, довольно красивая, въ смѣшанномъ готическомъ стилѣ, башня, въ которой, на мѣсто драгоцѣнныхъ историческихъ воспоминаній, студенты рижской Политехнической школы, корпораціи «Рубоніи», будутъ распивать пиво и распѣвать свои разудалыя пѣсни. Русскіе въ Ригѣ возмущаются этимъ и не хотятъ вѣрить, чтобы власти допустили разрушеніе столь драгоцѣннаго памятника, а между тѣмъ городская дума уже рѣшила передѣлать башню согласно чертежамъ профессорскаго плана. Уже начались подготовительныя работы, очистка и проч. Рижской думѣ не мѣшало бы, наконецъ, подумать и о томъ, что въ сводѣ мѣстныхъ узаконеній губерній остзейскихъ, ч. III, существуетъ законъ, который гласитъ: Ст. 980. Запрещается разрушать или сносить остатки древнихъ замковъ, крѣпостей и другихъ зданій и памятниковъ древности. Им. ук. 1826 г., дек. 31 (794); 1827 г., дек. 14 (1613); 1848 г., февр. 14 (21992). Ст. 981. Изъ числа такихъ зданій должны быть исправляемы и починяемы только тѣ, въ которыхъ есть помѣщенія, пригодныя для какого либо употребленія; въ остальныхъ же чинятся и поддерживаются только ворота и своды.

Палестинское общество. Въ послѣднемъ засѣданіи этого общества сообщено о любопытномъ путешествіи г. Кондакова и другихъ ученыхъ въ Сирію, Гауранъ, Заіорданье, Іерусалимъ и Св. Землю съ цѣлью изученія христіанскихъ древностей. Богатые матеріалы, вывезенные экспедиціей, составили предметъ открытой нынѣ въ Петербургѣ выставки древностей. Во всѣхъ мѣстахъ, которыя приходилось посѣтить, члены экспедиціи изучали христіанскіе памятники, архитектуру и орнаментику. Близь Бальбека въ ущельѣ былъ изслѣдованъ барельефъ временъ персидскаго царя Хозроя I или II; въ Сиріи былъ изученъ мѣстный акрополь съ его руинами, въ Дамаскѣ — базилика Іоанна Предтечи, затѣмъ были обслѣдованы массы древнихъ поселеній II—VII в., разбросанныя по вулканической почвѣ, и Заіорданье.

Въ развалинахъ Белы сдѣланы снимки съ остатковъ древнихъ театровъ, портиковъ и т. п., но остатковъ базиликъ здѣсь было найдено очень мало. Экспедиція по разнымъ причинамъ не могла пройти восточную сторону Мертваго моря и принуждена была, переправившись черезъ Іорданъ, возвратиться въ Іерусалимъ. Изучая здѣсь архитектуру нынѣшняго храма гроба Господня, ученые пришли къ заключенію, что въ этомъ храмѣ, сооруженномъ Константиномъ Великимъ, слѣдовъ его постройки не оказалось ни одного. Протекшіе съ тѣхъ поръ вѣка измѣнили совершенно первоначальный грандіозный типъ древняго храма.

Географическое общество. Послѣднее засѣданіе этнографическаго отдѣленія Русскаго географическаго общества было очень многолюдно. Интересъ засѣданія сосредоточился на крестьянинѣ Олонецкой губерніи И. А. Касьяновѣ, одномъ изъ все рѣже и рѣже встрѣчающихся теперь сказателей или пѣвцовъ старинныхъ народныхъ былинъ. Спеціально для пѣнія этихъ былинъ И. А. Касьяновъ и былъ приглашенъ въ географическое общество. Олонецкая губернія въ особенности богата сказателями былинъ. Онѣ тамъ передаются отъ отца къ сыну въ томъ неприкосновенномъ видѣ, въ какомъ идутъ съ незапамятныхъ временъ. Такимъ образомъ можно надѣяться, что памятники древней народной поэзіи еще долго сохранятся въ ихъ старомъ безъискуственномъ видѣ. И. А. Касьяновъ пропѣлъ нѣсколько былинъ про Дюка Степановича, царя Алексѣя Михайловича и городъ Смоленскъ, про Голубиную книгу и т. д. Содержаніе былинъ не представляетъ ничего новаго въ общемъ. Разница заключается въ деталяхъ—въ измѣненіяхъ фразъ, нѣкоторыхъ выраженій и словъ. Пѣніе былинъ не можетъ назваться пѣніемъ въ прямомъ смыслѣ этого слова: это просто ритмическая декламація. Фразы произносятся нараспѣвъ, однообразнымъ, нѣсколько заунывнымъ мотивомъ. Въ общемъ получается впечатлѣніе оригинальное и не лишенное своеобразной пріятности. И. А. Касьянову много аплодировали. Ѳ. М. Истоминъ сдѣлалъ небольшое сообщеніе: «О причитаніяхъ и плачахъ, записанныхъ имъ въ Олонецкой и Архангельской губерніяхъ». Олонецкая губернія вообще сохранила въ средѣ крестьянскаго населенія много старыхъ обычаевъ и обрядовъ. Хранительницами этихъ обычаевъ и обрядовъ, касающихся исключительно домашней жизни, преимущественно являются женщины. Онѣ хранятъ громадный запасъ всевозможныхъ пѣсенъ, сопровождающихъ тотъ или другой семейный обрядъ. Пѣсни эти не остаются, однако, всегда однѣми и тѣми же. Онѣ измѣняются и варьируются примѣнительно къ даннымъ лицамъ или случаю. Мотивъ всѣхъ пѣсенъ постоянно заунывный, даже на такомъ веселомъ обрядѣ, какъ свадьба. Отсюда происходитъ и названіе пѣсенъ—причитанія и плачи. Главными предметами, на которые слагаются пѣсни, являются: свадьба, похороны и рекрутскій наборъ. Въ пѣсняхъ, относящихся къ послѣднему, видно уже отраженіе послѣдняго времени. Въ нихъ говорится о всеобщей воинской повинности, и жизнь солдата не рисуется чѣмъ-то ужаснымъ, какъ прежде. Въ плачахъ и причитаніяхъ Архангельской губерніи замѣчается особый характеръ въ пѣсняхъ населенія приморской части. Въ нихъ много говорится о морѣ и трудности борьбы съ нимъ и т. д. Цѣлый рядъ плачей посвященъ оплакиванію погибшихъ рыбаковъ. Г. Истоминъ познакомилъ слушателей съ выдержками нѣкоторыхъ плачей и причитаній.

Археологическое общество. 27-го марта въ общемъ годовомъ собраніи русскаго археологическаго общества Н. И. Веселовскій сдѣлалъ сообщеніе «О раскопкахъ въ Таврической губерніи лѣтомъ 1891 г.». Производя археологическія изысканія по порученію археологической комисіи, Н. И. Веселовскій лѣтомъ прошлаго года изслѣдовалъ, между прочимъ, два кургана въ Таврической губерніи: одинъ въ Мелитопольскомъ уѣздѣ, близъ села Шульговки, и другой—въ восьми верстахъ отъ Симферополя, на землѣ г жи Калаевой. Первый изъ этихъ кургановъ оказался уже разграбленнымъ, но

все же, при тщательномъ обслѣдованіи, далъ значительное число мелкихъ золотыхъ вещей, представляющихъ украшенія царской одежды, которыя по типу работы совершенно совпадаютъ съ скиѳскими вещами III—IV вѣковъ до Рождества Христова. Особый же интересъ въ изслѣдованномъ курганѣ представляетъ самое устройство обширнаго, въ 7 саженъ, склепа, вырытаго въ материкѣ, съ тремя нишами. Во второмъ курганѣ, уцѣлѣвшемъ сполна, найдены при костякѣ двѣ амфоры, стрѣлы, дротики, олений ножъ, обложенный серебромъ. Въ засѣданіи восточнаго отдѣленія Общества, подъ предсѣдательствомъ барона В. Р. Розена, академикъ В. В. Радловъ сдѣлалъ сообщеніе объ орхонской экспедиціи, совершенной имъ лѣтомъ прошлаго 1891 г., по порученію академіи наукъ. Въ экспедиціи этой также принимали участіе Н. М. Ядринцевъ, въ свое время обратившій особое вниманіе на древности Монголіи, и Д. А. Клеменцъ, изслѣдователь сибирскихъ древностей. Главной задачей академика В. В. Радлова было собрать возможно большее количество надписей, сохранившихся на памятникахъ тюркской эпохи. Многіе изъ этихъ памятниковъ съ точностью датируются при помощи свѣдѣній, сообщаемыхъ какъ китайскими историками, такъ и нѣкоторыми европейскими путешественниками отдаленной древности, какъ, напримѣръ, Рубруквисъ, а центромъ этихъ древностей является древняя столица Чингисхана, Каракорумъ, топографія котораго послѣдними изысканіями, произведенными участниками экспедиціи В. В. Радлова, окончательно выясняется и пріурочивается къ мѣстоположенію монгольскаго монастыря Эрдони-Дзоу, раскинувшагося на берегу рѣки Орхона, среди развалинъ древняго города, охватывавшаго пространство въ 8 верстъ въ діаметрѣ. Эпиграфическій матеріалъ среди этихъ древностей сосредоточенъ, конечно, въ многочисленныхъ надгробіяхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ погребальныхъ сооруженій восходятъ по древности къ VIII вѣку нашей эры и даже глубже, причемъ надгробія съ надписями соединяются съ распространенными по всей южной Россіи такъ называемыми каменными бабами, цѣпь которыхъ почти непрерывнымъ рядомъ идетъ изъ степей Восточной Азіи, а къ болѣе древнему времени очевидно относятся такъ называемые керексуры, т. е. киргизскія могилы, состоящія изъ груды камней, окруженной рядомъ камней, отдѣльно положенныхъ. Особенный интересъ представляетъ изслѣдованный нашими учеными путешественниками большой надгробный монументъ, сооруженный китайскимъ императоромъ въ 732 году (нашей эры) въ честь монгольскаго хана Кютегина, съ пространной эпитафіей на китайскомъ языкѣ по одну сторону мраморной плиты и съ надписями особаго шрифта на другой сторонѣ и на бокахъ. Первые изслѣдователи назвали это неразгаданное письмо руническимъ, но уже снимки, привезенные Н. М. Ядринцевымъ, были прочитаны однимъ изъ нашихъ оріенталистовъ г. Кохъ, какъ надписи уйгурскихъ князей VIII вѣка. Въ нынѣ же исполненныхъ Радловымъ снимкахъ съ вышесказанныхъ надписей точно опредѣляются элементы уйгурскаго письма, уступающаго затѣмъ мѣсто особому тюркскому письму, алфавитъ котораго, однако, еще вполнѣ не отгаданъ, и Радловъ успѣлъ пока прочитать два слова и установить написаніе 8 буквъ этой тюркской письменности.

Отчеты по Минусинскому мѣстному музею и общественной библіотекѣ за 1891 годъ (15-й годъ существованія). Въ коллекціи музея, къ 1-му января 1892 года, въ естественно-историческомъ отдѣлѣ по минералогіи и геогнозіи находилось 2.386 предметовъ, ботаникѣ—5.963, зоологіи—2.545, палеонтологіи—528; въ антропологическомъ отдѣлѣ по антропологіи и этнографіи—1.206; въ археологическомъ отдѣлѣ—8.076; въ промышленномъ отдѣлѣ—2.478; въ сельскохозяйственномъ отдѣлѣ—2.434; въ нумизматическомъ отдѣлѣ—1.056; въ образовательномъ отдѣлѣ, предметовъ не мѣстнаго происхожденія—7.428; въ педагогическомъ отдѣлѣ—1.590; въ лабораторіи—82; во всѣхъ 9-ти отдѣлахъ 35.572 предмета. Въ отчетномъ году они увеличились на 2.817 нумеровъ. Въ

дѣйствительности же число новыхъ поступленій, особенно по ботаникѣ, было значительно больше, но часть ихъ не могла быть включена въ настоящій отчетъ, такъ какъ составляла дублеты поступившаго раньше однороднаго матеріала. Что касается научной цѣнности пріобрѣтеній отчетнаго года, то о ней въ настоящее время,—когда еще значительная часть матеріала, особенно въ естественно-историческомъ отдѣлѣ, не обработана,—судить трудно; но въ общемъ можно сказать, что 1891 годъ, хотя и не мало пополнилъ нѣкоторые отдѣлы музея, не далъ ему чего либо особенно выдающагося. По отчету за 1890 г. стоимость инвентаря музея достигала 4.059 р. Въ отчетномъ году инвентарь музея увеличился исключительно на пожертвованіе почетнаго члена музея И. М. Сибирякова. Изъ высланныхъ имъ 1,000 р. на окончательное устройство зданія музея и библіотеки израсходовано 266 р. на постройку всей недостающей мебели. Общая стоимость инвентаря музея къ концу отчетнаго года достигла 5.000 р. Комитетъ музея не имѣетъ возможности дать точной цифры посѣтителей музея за 1891 годъ, по неимѣнію достовѣрныхъ данныхъ, но въ общемъ безъ большой погрѣшности можно считать, что въ 1891 г. было не менѣе 9.000 отдѣльныхъ посѣщеній. Приходъ былъ 1.243 р. 29 к., расходъ — 1.396 р. 4 к., перерасходовано 152 р. 75 к. Кромѣ того, на 1892 г. имѣется изъ пожертвованія И. М. Сибирякова 200 р. и еще пожертвовано 110 р. По ознакомленію съ дѣятельностью музея, его програмой и задачами, а также съ нынѣшнимъ его состояніемъ, изданы на собственныя средства музея и на пожертвованія В. А. Данилова и П. О. Барташова: «Отчетъ по музею и библіотекѣ за 1890 г.», «Краткое описаніе музея и перечень его коллекцій» и «Каталогъ сельско-хозяйственнаго отдѣла съ сельско-хозяйственнымъ очеркомъ Минусинскаго края». Увеличеніе библіотеки въ отчетномъ году, какъ и въ предъидущіе, происходило путемъ пожертвованія книгъ и другихъ изданій разными лицами, поступленіемъ отъ авторовъ, отъ разныхъ обществъ и учрежденій, уплатой книгами за чтеніе и пріобрѣтеніемъ на собственныя средства библіотеки. По инвентарю библіотеки число сочиненій достигло 10.458 нумеровъ, но изъ этой суммы слѣдуетъ исключить до 100 сочиненій потерянныхъ, попорченныхъ и переданныхъ въ другія библіотеки Сибири. Такимъ образомъ наличность библіотеки къ концу 1891 года заключалась въ 10.358 соч., въ 13.501 томѣ на сумму 20.491 р.

† 20-го марта, въ Петербургѣ **Помпей Николаевичъ Батюшковъ**, пріобрѣвшій почетную извѣстность своими изданіями, относящимися къ исторіи и древностямъ западныхъ окраинъ Россіи. Младшій братъ поэта К. Н. Батюшкова, предшественника Пушкина, П. Н. родился 14-го апрѣля 1811 года; образованіе получилъ первоначально въ пансіонѣ пастора Муральта, потомъ въ академическихъ классахъ артиллерійскаго училища. Въ 1829 году онъ поступилъ въ военную службу, но въ 1840 году перешелъ въ гражданскую и въ 1850 году былъ назначенъ ковенскимъ вице-губернаторомъ, затѣмъ попечителемъ Виленскаго учебнаго округа. Отозванъ изъ Вильны съ назначеніемъ на должность члена совѣта при министрѣ народнаго просвѣщенія, но переѣхалъ въ Москву, гдѣ почти безвыѣздно оставался втеченіе 12 лѣтъ дѣятельнымъ членомъ миссіонерскаго общества, вице-президентомъ славянскаго комитета и комисіи по постройкѣ храма Спасителя, а также (съ 1882 года) почетнымъ опекуномъ московскаго присутствія опекунскаго совѣта. Въ 1882 году, переведенный на тотъ же постъ въ Петербургъ, П. Н. въ 1886 году получилъ въ свое управленіе Вдовій Домъ, Домъ призрѣнія бѣдныхъ дѣвицъ благороднаго званія и Воскресенскій (Смольный) соборъ всѣхъ учебныхъ заведеній. Во всей своей дѣятельности онъ проявлялъ русское направленіе. По Виленскому округу труды его памятны устройствомъ учебныхъ заведеній на строго русскихъ началахъ, причемъ, не взирая ни на какія вѣянія противоположнаго направленія, онъ не допускалъ въ школу польскаго влія-

нія. Онъ положилъ основаніе высшему образцовому женскому институту въ Вильнѣ, закрывъ частные женскіе пансіоны, служившіе проводниками польско-католическихъ идей, и улучшилъ учебный персоналъ округа, устранивъ изъ казенныхъ учебныхъ заведеній польскій элементъ. Пребываніе Батюшкова въ Москвѣ совпало съ временемъ подъема въ сознаніи русскаго общества общеславянскихъ идей, и когда на Балканскомъ полуостровѣ возгорѣлось стремленіе къ освобожденію отъ турецкаго ига, когда посыпались изъ Россіи жертвы въ пользу Босніи, Герцеговины, Сербіи и Черногоріи, Батюшковъ сдѣлался однимъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ славянскаго комитета по сбору и отправкѣ на мѣсто пожертвованій деньгами и вещами. Но еще большую память оставилъ по себѣ почившій дѣятель своими иллюстрированными изданіями. Первымъ изъ нихъ былъ «Атласъ народонаселенія западно-русскаго края по исповѣданіямъ», выдержавшій два изданія; затѣмъ въ послѣдовательномъ порядкѣ были изданы имъ: «Собраніе проектовъ постройки православныхъ церквей въ бѣлорусскихъ губерніяхъ»; «Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ», 8 выпусковъ; «Холмская Русь»; «Волынь»; «Бѣлоруссія и Литва» и «Подолія». Всѣ эти изданія, къ составленію которыхъ были призваны имъ лучшіе сотрудники, служатъ капитальнымъ вкладомъ въ русскую историческую литературу. Какъ послѣднее звено цѣлаго ряда описаній судебъ нашихъ сѣверо и юго-западной окраинъ, должна была появиться иллюстрированная книга «Бессарабія»; къ изданію ея Батюшковъ приступилъ еще лѣтомъ прошлаго года, но завершить предпринятое имъ дѣло смерть помѣшала ему, и книга, отпечатанная къ настоящему времени лишь въ третьей части, появится въ свѣтъ уже какъ посмертное изданіе. Втеченіе своей болѣзни онъ выражалъ сожалѣніе, что не кончилъ двухъ своихъ задачъ: внѣшней отдѣлки Воскресенскаго (Смольнаго) собора и изданія «Бессарабіи». Наконецъ, нельзя не упомянуть о выпущенныхъ покойнымъ двухъ изданіяхъ сочиненій брата его, К. Н. Батюшкова: полномъ, въ три тома, роскошно изданномъ въ 1887 году, и сокращенномъ, въ одномъ томѣ, появившемся въ 1888 году. Достигнувъ преклоннаго возраста и пользуясь хорошимъ здоровьемъ, П. Н. Батюшковъ до послѣдняго времени выказывалъ юношескую энергію и бодрость духа. Интересуясь судьбами отечества, живо относясь ко всѣмъ внутреннимъ дѣламъ, въ особенности когда дѣло касалось науки, просвѣщенія и духовнаго управленія, состоя членомъ многихъ научныхъ и благотворительныхъ обществъ и учрежденій, покойный былъ извѣстенъ не только среди русскаго интеллигентнаго общества, но и за границей, въ особенности среди славянъ.

† 3-го марта, профессоръ академіи художествъ, археологъ-живописецъ, занимавшійся преимущественно акварелью, **Ѳедоръ Григорьевичъ Солнцевъ**, доживші до глубокой старости. Родился онъ 14-го апрѣля 1800 года, въ крестьянской семьѣ села Верхуникжевскаго, Ярославской губерніи. Семнадцатилѣтнимъ юношей поступилъ въ академію художествъ въ число своекоштныхъ учениковъ, и черезъ восемь лѣтъ кончилъ курсъ, получивъ золотыя медали за исполненіе картинъ: «Крестьянскій обѣдъ» и «Воздадите Кесарево Кесареви». Будучи еще воспитанникомъ академіи, Ѳ. Г. пристрастился къ отечественной археологіи и затѣмъ отдался изученію древностей, которыя съ 1825 года сдѣлались почти исключительнымъ предметомъ его занятій. Николай I, обративъ вниманіе на художника, командировалъ его въ 1830 году въ Москву и другіе города для срисовыванія предметовъ, имѣющихъ археологическую и этнографическую цѣнность. Результатомъ поѣздки были обширныя собранія рисунковъ старинныхъ одѣяній, оружія, церковной и царской утвари, конской сбруи и другихъ памятниковъ древности. Часть этихъ рисунковъ напечатана въ роскошномъ изданіи «Древности Россійскаго государства». Въ 1836 году за картину «Свиданіе князя Святослава съ Іоанномъ Цимисхіемъ» Солнцевъ получилъ званіе академика. Рисунки покойнаго

послужили образцомъ при реставрированіи церкви и терема въ московскомъ Кремлѣ, и по этимъ же рисункамъ произведены работы по внутреннему устройству Большого московскаго дворца. Въ 1843 году онъ открылъ въ Кіево-Софійскомъ соборѣ подъ штукатуркою древнюю живопись и мозаику XI вѣка, надъ возобновленіемъ которыхъ трудился, посѣщая въ то же время разные города и монастыри, замѣчательные по остаткамъ древности. Въ зимніе же мѣсяцы онъ занимался преподаваніемъ иконописи въ петербургской духовной семинаріи. Въ 1858 году М. Н. Муравьевъ призналъ полезнымъ, чтобы способные къ художеству крестьянскіе мальчики имѣли возможность учиться на казенный счетъ въ академіи художествъ. Эти ученики были поручены непосредственному надзору Ѳ. Г., и нѣкоторые изъ нихъ подъ его руководствомъ окончили академическій курсъ съ золотою и серебряною медалями. Заботы покойнаго о художникахъ изъ крестьянъ продолжались непрерывно до дня его кончины, и память о добромъ руководителѣ останется среди массы художниковъ, обязанныхъ ему своими знаніями и извѣстностью. Кромѣ названныхъ работъ онъ исполнилъ множество другихъ, относящихся до реставраціи и воспроизведенія памятниковъ древне-русскаго искуства. Онъ писалъ иконы и рисунки для молитвенниковъ и церковныхъ книгъ, составлялъ проекты иконостасовъ, сочинялъ рисунки для различныхъ утварей въ древне-русскомъ стилѣ. За услуги, оказанныя покойнымъ археологіи русскаго искуства, академія признала его въ 1863 году своимъ почетнымъ вольнымъ общникомъ, а въ уваженіе 50-тилѣтней дѣятельности, въ 1876 году онъ былъ возведенъ въ званіе профессора. Археологическое общество въ день празднованія юбилея выбило въ честь Ѳ. Г. медаль его имени. Къ 25-тилѣтнему юбилею Александра II, Ѳ. Г. написалъ книгу, подъ заглавіемъ: «Русскіе святые—предстатели предъ Богомъ за царя и святую Русь». Государю императору онъ поднесъ альбомъ, подъ названіемъ: «Знаменательные дни въ домѣ императора Александра III».

† 24-го марта, одинъ изъ лучшихъ учителей петербургской седьмой гимназіи **Александръ Александровичъ Цвѣтковъ**, четверть вѣка преподававшій въ гимназіи русскій языкъ и словесность, а въ послѣднее время занимавшій должность инспектора. Онъ былъ образцовымъ наставникомъ и отличался умѣньемъ гуманно обращаться съ учениками. А. А. зналъ особенности почти каждаго ученика и благотворно вліялъ на поведеніе своихъ воспитанниковъ. Память о немъ надолго сохранится среди многочисленныхъ бывшихъ учениковъ гимназіи, многимъ обязанныхъ покойному. А. А. Цвѣтковъ родился въ Петербургѣ въ 1840 году, отецъ его, діаконъ Казанскаго собора, пожелалъ приготовить своего сына къ священническому сану и съ этою цѣлью помѣстилъ его въ петербургскую духовную семинарію. По окончаніи семинарскаго курса, покойный поступилъ въ духовную академію, а оттуда слушателемъ на педагогическіе курсы при военно-учебныхъ заведеніяхъ. Преподавательская дѣятельность А. А. началась въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ Аракчеевскомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ 60-хъ годахъ покойный переселился въ Петербургъ и, кромѣ седьмой гимназіи, преподавалъ русскій языкъ и словесность въ петербургскомъ маріинскомъ институтѣ. Онъ составилъ сборники образцовыхъ произведеній новой и древней русской словесности.

† **Викторъ Ивановичъ Бибиковъ**, авторъ нѣсколькихъ романовъ («Чистая любовь», «Друзья пріятели» и др.) и многочисленныхъ разсказовъ, изъ которыхъ многіе были недурны и отмѣчены печатью таланта, 15-го марта, отъ чахотки легкихъ, въ Кіевѣ, въ Александровской больницѣ, едва достигнувъ 30-лѣтняго возроста. Онъ былъ еще совершенно здоровъ въ концѣ прошлаго года. Изъ средствъ Литературнаго Фонда, оказывающаго больнымъ писателямъ поддержку только изъ процентовъ, хотя и приносимыхъ довольно крупнымъ основнымъ капиталомъ, Бибиковъ получилъ вспомоществованіе до 800 рублей, но не могъ выѣхать въ Крымъ, какъ совѣтовалъ ему врачъ,

при началѣ болѣзни. На нервную и неуравновѣшенную натуру молодого писателя подѣйствовало также требованіе редактора одного журнала, гдѣ была принята его повѣсть, перемѣнить фамилію. Редакторъ нашелъ, что повѣсть его превосходна и даже «вдохновенное произведеніе», но что имя писателя «запятнано». Какъ литераторъ, Вибиковъ былъ безупреченъ; страстная любовь къ литературѣ доходила въ немъ до идолопоклонства передъ выдающимися писателями; произведенія Пушкина, Лермонтова и Тургенева онъ зналъ наизусть. Что касается до его личной жизни, то у него были ошибки; онъ былъ не сдержанъ на языкъ, безпеченъ, расточителенъ; порядочные люди прощали ему его увлеченія. Въ журналѣ, который не хотѣлъ принять повѣсти Вибикова, какой-то рецензентъ разругалъ его прежнія произведенія, а Вибиковъ, встрѣтившись съ редакторомъ, назвалъ его «жидкомъ». Редакторъ не могъ, повидимому, простить Вибикову этого «намека» на свое происхожденіе. Требованіе свое измѣнить фамилію автора объяснялъ нежеланіемъ уронить авторитетъ журнала, гдѣ ругаютъ писателя и тутъ же печатаютъ его «вдохновенное» произведеніе. Такимъ редакторскимъ рѣшеніемъ были возмущены (разумѣется, потихоньку) даже ближайшіе его сотрудники, особенно, если принять въ соображеніе, что редактору было извѣстно, что Вибиковъ боленъ и находится въ тяжеломъ матеріальномъ положеніи. Лишить писателя имени наканунѣ его смерти, расхваливъ предварительно въ письмѣ его повѣсть, до этого надо умѣть додуматься. Въ послѣднее время Русское Литературное общество нашло возможнымъ поддержать Вибикова, какъ писателя и своего сочлена, и ему была выслана часть денегъ, собранныхъ для него по подпискѣ. Но помощь ужъ не могла принести ему пользы.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Царскосельская легенда и дѣйствительность.

Наша исторія, въ особенности XVIII столѣтія, наполнена такимъ множествомъ легендъ, что необходимо относиться къ нимъ съ величайшею осторожностью. Оттого крайне досадно видѣть, если къ имѣющимся уже сказкамъ присоединяются новыя, и притомъ въ серьезныхъ изданіяхъ. Такъ, между прочимъ, въ столь солидномъ изданіи, какъ: «Историко статистическія свѣдѣнія о С.-Петербургской епархіи, изданныя С.-Петербургскимъ епархіальнымъ историко-статистическимъ комитетомъ», въ VIII выпускѣ, мы встрѣтили замѣтку о происхожденіи царскосельскаго Казанскаго кладбища, составленную мѣстнымъ протоіереемъ І. Смирницкимъ, гдѣ передается слѣдующее: «Объ устроеніи кладбища передаютъ, что Александръ Дмитріевичъ Ланской, пользовавшійся особеннымъ расположеніемъ императрицы Екатерины II, выѣхалъ однажды на охоту, и когда проѣзжалъ по здѣшней окрестности, то выбѣжавшій изъ кустарниковъ заяцъ испугалъ его лошадь, которая сбила Ланскаго съ себя, и онъ, страшно ушибленный, вскорѣ скончался. Императрица, видѣвшая все это съ балкона своего дворца, распорядилась устроить тутъ церковь и кладбище. Ланской былъ сперва погребенъ близь стараго дворца, въ садикѣ императрицы, а по

освященія церкви, прахъ былъ перенесенъ сюда». И такъ, къ числу многихъ малодостовѣрныхъ легендъ о генералъ-адъютантѣ императрицы Екатерины II генералъ-поручикѣ Александрѣ Дмитріевичѣ Ланскомъ, игравшемъ въ 1780—1784 г.г. весьма выдающуюся роль, прибавилась новая легенда, и притомъ имѣющая всѣ признаки «достовѣрнаго преданія». Поинтересовавшись узнать, откуда о. І. Смирницкій почерпнулъ это свѣдѣніе, я хотѣлъ было лично спросить его о томъ, но оказалось, что священникъ этотъ уже скончался, а изъ другихъ источниковъ узналъ я, что вышеприведенную легенду передавалъ о. Смирницкому одинъ изъ старожиловъ города Царскаго Села. О томъ, что вышеприведенное преданіе отъ слова до слова вымыселъ, не стоитъ много распространяться. Достовѣрныя извѣстія о смерти генерала Ланскаго напечатаны на основаніи записокъ лечившаго его доктора Вейкарта въ «Русскомъ Архивѣ», 1886 года (книга 4), и находятся также въ помѣщенныхъ въ Сборникѣ Историческаго Общества письмахъ императрицы Екатерины II къ барону Гримму, гдѣ ясно обозначена самая болѣзнь Ланскаго: злокачественная пятнистая горячка (fiévre maligne et pourprée); впрочемъ, докторъ Вейкартъ называетъ его болѣзнь гнилою жабою или злокачественною скарлатиною. Записки Вейкарта и письма Екатерины навсегда устраняютъ всякія догадки о смерти Ланскаго.

Я счелъ долгомъ сообщить эту замѣтку въ «Историческій Вѣстникъ» для того, чтобы кто нибудь не подумалъ, что легенда, приводимая о. Смирницкимъ и помѣщенная въ изданіи, гдѣ все должно быть основано на вѣрныхъ документальныхъ данныхъ, тоже имѣетъ право на историческую достовѣрность. Конечно, не все ли равно для современнаго общества, отчего умеръ генералъ-адъютантъ Ланской сто лѣтъ тому назадъ, но зачѣмъ же пускать въ печать безъ провѣрки новыя легенды, на основаніи разсказовъ вовсе некомпетентныхъ въ исторіи людей? Н. Л. Ширяевъ.

II.

Письмо въ редакцію.

Позвольте надѣяться, что вы не откажете мнѣ въ просьбѣ исправить на страницахъ вашего уважаемаго журнала нѣкоторыя неточности и недоразумѣнія, вкравшіяся въ рецензію на мою книгу «Матеріалы для біографіи Гоголя» въ апрѣльскомъ № «Историческаго Вѣстника».

По странной случайности, г. рецензентъ, приведя два-три примѣра въ доказательство моей якобы недобросовѣстности и небрежности, попалъ какъ разъ на опечатки, изъ которыхъ одна оговорена въ концѣ книги, другая же явилась при перепечаткѣ съ прежняго изданія, въ которомъ ея не было. Между тѣмъ, на основаніи этихъ опечатокъ, вынесено крайне несправедливое мнѣніе о всей книгѣ. Понятно, что такая досадная случайность не должна остаться безъ разъясненія, вслѣдствіе чего я позволяю себѣ по этому поводу сказать нѣсколько словъ.

Вопервыхъ, г. рецензентъ отмѣтилъ мнимое противорѣчіе въ двухъ рядомъ стоящихъ предложеніяхъ, гдѣ непосредственно послѣ замѣчанія о высокомъ мнѣніи Гоголя о себѣ сказано будто бы о его «врожденной скромности». Очень жаль, что, указывая точно страницу, гдѣ допущено такое по

истинѣ вопіющее противорѣчіе, г. рецензентъ не взглянулъ въ перечень опечатокъ, гдѣ онъ нашелъ бы указаніе, что слово скромность напечатано вмѣсто скрытность. Опечатокъ въ книгѣ немного, и онѣ были тщательно провѣрены; но г. рецензентъ случайно нападалъ именно на типографскія погрѣшности: указанная имъ неточность даты на страницѣ 232 представляетъ также опечатку, какъ въ томъ можно убѣдиться изъ сличенія этого мѣста настоящаго изданія съ предыдущимъ изданіемъ («Ученическіе годы Гоголя», Москва, 1887 года, стр. 114). Не могу также признать противорѣчій въ характеристикѣ отношеній Гоголя къ матери: я считаю искреннимъ только чувство любви къ ней со стороны Гоголя, но это нисколько не обязываетъ меня вѣрить каждому слову въ его письмахъ, въ чемъ со мной согласились многіе другіе гг. рецензенты, отчасти полагающіе впрочемъ, вопреки г. Витбергу, что я въ своемъ довѣріи къ Гоголю иду дальше, нежели слѣдовало. Уже существованіе такого разногласія показываетъ спорность сдѣланнаго мнѣ упрека.

Наконецъ, г. рецензентъ возражаетъ противъ отнесенія мною нѣсколькихъ приведенныхъ выдержекъ изъ дневника А. О. Смирновой (рожденной Россетъ) къ 1830 году, тогда какъ онъ самъ ихъ относитъ къ 1829—1831 годамъ. Но на страницѣ 324 моей книги, въ 4 примѣчаніи и объяснено именно, что эти выдержки относятся къ указаннымъ тремъ годамъ обладательницей дневника, г-жей О. Н. Смирновой; мною же отнесена къ 1830 году только первая выдержка, и мнѣ непонятно, какимъ образомъ г. Витбергъ нашелъ возможнымъ приписать мнѣ ошибочныя хронологическія указанія объ остальныхъ выдержкахъ, которыя мною не пріурочиваются къ какой либо строго опредѣленной датѣ (такъ какъ это и не нужно было для установленія года знакомства Гоголя съ Смирновой), кромѣ небольшой выдержки на стр. 327, отнесенной мною къ 1829, а не къ 1830 г.

Съ однимъ замѣчаніемъ г. Витберга я совершенно согласенъ. Я вполнѣ раздѣляю его недовольство количествомъ собранныхъ мною матеріаловъ о жизни Гоголя и желаніе видѣть въ печати несравненно больше данныхъ, нежели сколько находится въ моей книгѣ. Въ свое оправданіе, позволю себѣ только сказать, что я положилъ на это дѣло и не безъ нѣкотораго, хотя, быть можетъ, очень скромнаго успѣха много труда, затратъ и времени, и что находить новыя цѣнныя и любопытныя данныя о Гоголѣ далеко не такая легкая вещь, какъ это можетъ казаться, а, можетъ быть, эти матеріалы уже почти исчерпаны. Во всякомъ случаѣ, я очень желалъ бы, чтобы другимъ изслѣдователямъ Гоголя посчастливилось доказать на дѣлѣ неосновательность послѣдняго предположенія и обогатить русскую литературу капитальнымъ вкладомъ. В. Шенрокъ.

Королевскій эмисаръ слушалъ, понимая на половину, подозрѣвая обманъ. Въ сущности они ничего не знали. Имъ казалось невѣроятнымъ, чтобы войско, по словамъ шпіоновъ въ 120,000 человѣкъ, могло совершить это передвиженіе черезъ Францію, расположиться на границахъ, и чтобы союзникамъ не было дано опредѣленныхъ распоряженій.

Цѣлый день прошелъ въ нерѣшительности—тайные посланцы безпрерывно перебирались черезъ границу.

Никакихъ опредѣленныхъ приказаній: тамъ ничего неизвѣстно.

Но вотъ 13-го узнаютъ, — Лавердьеръ первый сообщилъ объ этомъ,—что Наполеонъ въ Авэнѣ.

14-го утромъ онъ выступилъ къ Бомону, въ нѣсколькихъ лье отъ Шарльруа. Теперь, быть можетъ, было уже поздно сомнѣваться!

Предстояло нападеніе, несомнѣнное, рѣшительное, при неожиданныхъ условіяхъ.

Тогда эмисаръ, человѣкъ безъ имени, французъ, который, при помощи французовъ, замышлялъ и подготовлялъ пораженіе своихъ соотечественниковъ, отдалъ приказаніе Лавердьеру снова пробраться черезъ войска, требовалось въ ночь доставить одинъ условный знакъ де-Бурмону.

Графъ, генералъ-лейтенантъ, командовалъ четвертымъ корпусомъ у Жерара.

Во что бы то ни стало надо было пробраться къ нему и передать ему одно несомнѣнное удостовѣреніе.

Никакихъ писемъ. Ничего написаннаго—золотую монету съ королевскимъ гербомъ, и только.

«Ремесло разносчика, — подумалъ Лавердьеръ, — вдобавокъ, и ноша не тяжелая».

Между тѣмъ, этотъ господинъ принялъ торжественный тонъ.

— Милостивый государь,—сказалъ онъ, обращаясь къ нему:— тотъ, кому будетъ поручена передача этого условнаго знака, и кто съ успѣхомъ исполнитъ данное ему порученіе, имѣетъ право лично требовать вознагражденія себѣ отъ короля.

— Гмъ!—промычалъ авантюристъ: — иными словами, если я буду пойманъ, мнѣ смерть.

— Зачѣмъ быть пойманнымъ... Дайте лучше себя убить.

— Прекрасно... Это входитъ въ условіе... Но скажите, пожалуйста, мнѣ вѣдь эти дѣла знакомы: если меня убьютъ,—это легко сказать, — кто же исполнитъ порученіе. Никто. Повѣрьте, лучше не подвергать себя случайности. Безспорно, можно попасть въ какую нибудь непріятность, но всего благоразумнѣе изъ нея выкарабкаться, не оставляя своихъ костей и исполнивъ миссію. Не могу ли я расчитывать на вашу помощь?

— Не понимаю.

— Я вамъ сейчасъ объясню. Я не знаю, кто вы, но я готовъ

васъ величать «монсиньоромъ», именно въ силу того уваженія, какое вы внушаете мнѣ, я позволяю себѣ разсуждать и говорю себѣ: такая личность, столь важная, которая держитъ въ своихъ рукахъ судьбы народовъ, не рискуетъ собою безъ нѣкоторыхъ предосторожностей; согласитесь, монсиньоръ, вѣдь я, дѣйствительно, рискую: вѣдь если бы васъ захватили, васъ могутъ разстрѣлять.

— Я ничего не боюсь.

— Вотъ это-то я и желалъ услыхать отъ васъ. Это только доказываетъ, что у васъ есть охранный листъ, почемъ знать, можетъ быть, ихъ у васъ два. Отчего бы вамъ не дать мнѣ одинъ изъ нихъ; я догадываюсь, вы боитесь, что я воспользуюсь правомъ пропуска для какого нибудь неблагоразумнаго поступка. Будьте покойны, я совсѣмъ не собираюсь теперь, по крайней мѣрѣ, вступить въ какія нибудь препирательства съ якобинцами Бонапарта. Если я воспользуюсь охраннымъ листомъ, то, даю вамъ слово, только въ минуту крайности. Но отчего же, чортъ возьми, не спасти своей шкуры, когда это можно.

Лавердьеръ не ошибся.

Онъ попалъ вѣрно; у стараго господина былъ при себѣ паспортъ или чистый бланкъ, за подписью министра полиціи.

Да и развѣ Лавердьеръ былъ не правъ: онъ былъ достаточно смѣлъ, чтобы выбраться изъ всякаго безвыходнаго положенія, отчего же ему не помочь!

— Я впишу ваше имя,—сказалъ гордо, закинувъ голову, эмисаръ, взявшись за перо:—«капитанъ Лавердьеръ», не правда ли?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ авантюристъ.—Напишите мое настоящее имя...—и онъ шепнулъ нѣсколько словъ на ухо своему слушателю, который промычалъ.

-- Неужели... старинная вѣтвь...

— Которая только и ждетъ, чтобы снова зазеленѣть...—проговорилъ Лавердьеръ, выпрямляясь.

— Король вамъ это припомнитъ,—прибавилъ тотъ съ особымъ оттѣнкомъ почтенія къ авантюристу.

Они раскланялись. Лавердьеръ вышелъ.

Теперь онъ былъ на настоящемъ пути.

Теперь дѣйствовалъ не капитанъ авантюристъ, а слуга, съ которымъ придется расчитываться не золотыми, а нѣсколько иначе.

У него не оставалось никакого сомнѣнія на счетъ того, какого рода была его миссія.

Начальнику корпуса враги Наполеона не могли вручить ничего иного, кромѣ плана измѣны.

Тѣмъ лучше: чѣмъ ниже задача, тѣмъ выше награда, да и что за щепетильность вдругъ у Лавердьера...

Но если благородныя миссіи возвышаютъ энергію, придаютъ храбрости,—низкія, подлыя дѣла, если и подтягиваютъ временно

нервы, зато послѣ нихъ во всемъ существѣ чувствуется какое-то омерзѣніе къ себѣ, медленное презрѣніе.

Лавердьеръ, обыкновенно отправляясь въ опасность, бывалъ веселъ, беззаботенъ въ душѣ, злился только наружно, вообще игралъ въ смерть, какъ играютъ въ кости; на этотъ разъ онъ былъ серьезенъ.

Онъ вернулся къ своему товарищу болѣе задумчивымъ, чѣмъ бы желалъ того.

Въ ожиданіи часа отъѣзда, зная, что только ночью ему можно будетъ пробраться изъ Мобежа въ Филиппвилль, и что у него слѣдовательно оставалось около часу времени, онъ расположился въ маленькомъ домикѣ, служившемъ главною квартирою, въ которомъ, хотя онъ былъ и нежилой, имѣлось все необходимое для старыхъ воиновъ—столы, стулья, бутылки.

— Ну, теперь за прощальный кубокъ! — обратился онъ къ Франсуа «Синему», — и за дѣло. Что съ тобой?

Старый солдатъ былъ блѣденъ какъ смерть.

— Гм! — продолжалъ Лавердьеръ, всматриваясь въ него, — ты, кажется, боишься за свои старыя кости, такъ чортъ съ тобой совсѣмъ, я и безъ тебя обойдусь...

— Дай мнѣ выпить, — проговорилъ тотъ.

Водка была въ запасѣ.

На дворѣ стояла страшная жара, нечѣмъ было дышать, кровь приливала къ головѣ.

Наши молодцы не разговаривали, что-то подавляло ихъ. Вдругъ оба вздрогнули.

Пустяки, гдѣ-то вдалекѣ протрубилъ рожокъ, далеко, далеко гдѣ-то на горизонтѣ, вѣроятно, проходилъ кавалерійскій корпусъ по Жемонскому шоссе въ полумили.

Франсуа «Синій» выпилъ полный стаканъ и со всего размаху поставилъ стаканъ на столъ.

— Что съ тобой, пріятель? — спросилъ Лавердьеръ.

— Ничего, меня томитъ жажда.

Затѣмъ, точно помимо воли, онъ пробормоталъ:

— А, всетаки, низкое ремесло!

— Что ты сказалъ?

Тотъ взглянулъ ему прямо въ лице, точно собираясь что-то отвѣтить, затѣмъ схватилъ бутылку и молча налилъ себѣ еще стаканъ.

Лавердьеръ украдкой наблюдалъ за нимъ. Что происходило въ головѣ этого негодяя? Какой нибудь капризъ продажнаго человѣка, чтобы получить побольше за свои услуги. Что-жъ, можно будетъ и дать... посмотримъ... вѣдь этотъ народъ трудится только изъ-за денегъ.

— Чѣмъ ты недоволенъ?

— Ничѣмъ.

— Водка не хороша, что ли?

— Чудесная, первый сортъ. Налей-ка еще.

— Ты слишкомъ много пьешь.

— Есть вещи, которыя не легко даются...

— Послушай, скажи, что съ тобой. Ты боишься?

— Нѣтъ, кажется, что нѣтъ.

— Ты знаешь, какъ я обращаюсь съ трусами?

Говоря это, Лавердьеръ пояснительнымъ жестомъ ткнулъ его рукою въ бокъ.

— Я никогда не былъ трусомъ,—отвѣтилъ тотъ.—Въ Флёрусѣ...

— Сдѣлай милость, не начинай... Я знаю, старый другъ,—продолжалъ Лавердьеръ дружелюбно, — что тебя печалитъ... Тебѣ не особенно улыбается перспектива висѣть гдѣ нибудь на суку или быть подстрѣленнымъ, какъ птица... За этотъ рискъ потвоему надо получить хорошую плату... Гм! вотъ оно что... У насъ въ горлѣ пересохло, а зубы-то длинные...

Онъ опустилъ руку въ карманъ и вынулъ кошелекъ.

Онъ высыпалъ изъ него нѣсколько золотыхъ ему прямо въ руку.

— Что, теперь легче?... Протяни лапу...

Франсуа протянулъ ему руку, улыбаясь.

— Ну, видишь ли, — заговорилъ Лавердьеръ,—все это ребячество. Поговорили откровенно, и все выяснилось... Золото даромъ вѣдь не дается. А теперь мы съ тобой переодѣнемся. Теперь мы не какіе нибудь торговцы крупою или скотомъ, а солдаты, которыхъ вездѣ пропустятъ, при условіи, однако, не попадаться людямъ на глаза.

Лавердьеръ направился къ сундуку, который стоялъ въ углу. Онъ открылъ его и вынулъ изъ него военное платье.

— Я буду стрѣлковымъ поручикомъ, а ты простымъ солдатомъ. Мы будемъ курьерами. Ихъ тутъ разсылаютъ десятками, и насъ никто не тронетъ, а если бы, по несчастью, насъ кто нибудь задержалъ, у меня есть готовый отвѣтъ... Тебѣ, не шутя, нечего бояться... Снаряжайся.

И, не обращая больше вниманія на Франсуа, который все еще любовался золотыми, держа ихъ въ рукѣ, Лавердьеръ сталъ надѣвать военную форму.

— Ты еще не готовъ? Вечерѣетъ, минуты дороги... Пьянъ ты, что ли? Одѣвайся.

И онъ бросилъ ему предназначенный ему костюмъ, но тотъ не двигался.

— Тебѣ горничную надо, что ли? — спросилъ онъ, смѣясь. — Къ твоимъ услугамъ.

Онъ подошелъ къ нему и накинулъ ему мундиръ на плечи.

Тотъ разомъ подскочилъ, схватилъ мундиръ и сталъ его разсматривать во всѣ глаза.

— Ну, что же? Знаешь, почтенный, ты начинаешь меня выводить изъ терпѣнія... Да или нѣтъ, будешь ли ты, наконецъ, одѣваться, или нѣтъ?

Франсуа съ ужасомъ отбросилъ отъ себя мундиръ и грубо проговорилъ:

— Нѣтъ, не буду.

— Это еще что за выдумки? Вамъ, можетъ быть, угодно офицерскія звѣздочки?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ тотъ.—Но... это мундиръ корпуса, въ которомъ я служилъ.

— Такъ что же?

Франсуа «Синій» выпрямился.

— Ты хочешь знать, такъ слушай же. Я слышалъ, какая обязанность на насъ возложена, мы должны предать, продать французовъ иноземцамъ. Мнѣ это претитъ, и я этого дѣлать не стану.

— Что ты сказалъ?—спросилъ Лавердьеръ угрожающимъ тономъ.

— Я сознаюсь, что я кралъ, убивалъ изъ засады. Сознаюсь, что я негодяй, но есть вещи, которыхъ не дѣлаютъ. Этой формы я не надѣну.

— Иначе сказать, ты берешь деньги даромъ, ты крадешь ихъ.

Онъ не докончилъ, Франсуа швырнулъ ему золотые въ лице.

— А, ты вотъ какъ!—крикнулъ Лавердьеръ, вынимая шпагу,— я съ тобой расправлюсь посвоему, ты становишься опаснымъ.

И онъ налетѣлъ на него съ обнаженной. шпагой, тотъ бросился за столъ, защищаясь стуломъ.

— Подлый Іуда!—крикнулъ онъ.—Продажная душа... Измѣнникъ Франціи... Ахъ...

Однимъ ударомъ Лавердьеръ вонзилъ ему шпагу въ горло.

Франсуа «Синій» съ хрипомъ свалился.

Лавердьеръ на минуту задумался.

— Болванъ! — пробормоталъ онъ сквозь зубы. — Туда же, захотѣлъ быть честнымъ!—съ усмѣшкой прибавилъ онъ, пожимая плечами.

Онъ нагнулся къ нему. Бѣдняга лежалъ бездыханно, у него была перерѣзана сонная артерія. Лавердьера передернуло. При вечернемъ освѣщеніи это мертвое лице было ужасно.

Авантюристъ отвернулся. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ, вскочилъ на коня и спустился галопомъ съ холма. Однако, мундира онъ не надѣлъ.

Было ли то вліяніе алькоголя, или гнѣва, но къ мозгамъ приливала кровь и удесетеряла въ немъ всѣ дурныя чувства. Несясь на конѣ, онъ оглядывался по сторонамъ.

Была темная, удушливая ночь, безлунная, въ которой чувствовалась близость грозы.

Двѣнадцать миль... у него оставалось четыре часа времени — вполнѣ достаточно.

Онъ тяжело вздохнулъ, ему, всетаки, было не совсѣмъ-то по себѣ, въ ушахъ его звучало слово: «Іуда!»

Ба! вѣдь не ребенокъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, чтобы смутиться такимъ вздоромъ... Да и, наконецъ, что же онъ такое дѣлалъ: онъ везъ посланіе генералу Бурмону, честному роялисту, съ которымъ онъ прежде воевалъ на Востокѣ, вся вина котораго въ томъ, что онъ, ненавидя Наполеона, служитъ ему, въ силу серьезныхъ соображеній, не подчиняясь глупымъ людскимъ предразсудкамъ. Неужели ему, Лавердьеру, котораго судьба не особенно баловала, болѣе брезгать, чѣмъ всѣмъ этимъ важнымъ особамъ, которыя за каждую измѣну получаютъ новыя почести. Ужъ это было бы слишкомъ глупо!

И онъ пришпорилъ лошадь, точно торопясь сдѣлать новую мерзость. Весь гнѣвъ его вымѣщался теперь на бѣдномъ животномъ, онъ такъ и хлесталъ коня хлыстомъ. Это проявленіе звѣрства соотвѣтствовало кровопусканію; онъ понемногу успокоился и сталъ думать объ обѣщанной наградѣ и какъ ее заслужить.

Онъ скакалъ по дорогамъ, окраинѣ лѣса, скакалъ, не уменьшая шага, по тропинкамъ холмовъ, пересѣкая каменистыя большія дороги. Въ первый часъ, не смотря на трудный путь, онъ сдѣлалъ болѣе четырехъ миль.

Судьба покровительствовала ему: онъ никого не встрѣтилъ. Поднялся туманъ, и вокругъ все стало невидимо.

Какъ разъ онъ подъѣзжалъ къ Бомону и ѣхалъ лѣсомъ, который съ каждымъ шагомъ дѣлался все гуще и гуще. Вдругъ онъ услыхалъ конскій топотъ — за нимъ или на встрѣчу?

Въ густомъ лѣсу звуки отдаются не вѣрно, бываетъ акустическій обманъ. Онъ былъ убѣжденъ, что скачутъ за нимъ въ погоню.

Но кто? Франсуа «Синій» умеръ, навѣрно. Развѣ онъ могъ еще говорить, выдать его?

Что дѣлать? Взять въ сторону, дать проѣхать преслѣдующему или преслѣдующимъ его, но какъ разъ въ это время онъ былъ въ оврагѣ, окруженномъ двумя стѣнами изъ мрамора и гипса съ остроконечными вершинами; не было выхода ни вправо, ни влѣво.

Во что бы то ни стало надобно выбраться изъ этого котла, въ которомъ онъ находится въ плѣну.

Оврагъ выходилъ въ долину; пришпоренная лошадь неслась во всю прыть.

Лавердьеръ, съ поводомъ въ одной рукѣ, съ пистолетомъ въ другой, не оглядывался, а топотъ другой лошади не переставалъ

раздаваться въ ушахъ. Наконецъ, каменная стѣна разверзлась разомъ, и онъ очутился въ полѣ.

Направо лѣсъ высокоствольныхъ деревъ, повидимому, не проницаемый. Лавердьеръ остановилъ лошадь, слѣзъ, взялъ ее подъ узцы и направился черезъ кустарникъ къ лѣсу. Въ двухъ метрахъ отъ дороги онъ остановился, ничто не могло выдать его присутствія, замученная лошадь не шевелилась. Лавердьеръ, держа въ обѣихъ рукахъ по пистолету, сталъ прислушиваться. Въ тишинѣ еще явственнѣе былъ слышенъ лошадиный топотъ. На этотъ разъ не могло быть сомнѣній — всадникъ ѣхалъ изъ Бомона. Это была не погоня, а простая встрѣча. Во всякомъ случаѣ было лучше остаться не замѣченнымъ.

Изъ любопытства онъ добрался до границы дороги и оттуда сталъ смотрѣть: въ темнотѣ, къ которой глаза его уже привыкли, онъ разглядѣлъ силуэтъ всадника, офицера, который пришпоривалъ лошадь, а судя по треугольной шляпѣ и золотымъ аксельбантамъ, это былъ офицеръ генеральнаго штаба.

Вдругъ лошадь взвилась на дыбы... Проклятіе... Крикъ...

И всадникъ мгновенно былъ сброшенъ на землю.

Лавердьеръ тутъ былъ не причемъ, у него не прибавилось грѣха на душѣ. Пистолеты оставались у него въ рукахъ не разряженными, лошадь споткнулась на всѣ четыре ноги, упала и увлекла за собой всадника.

Офицеръ барахтался на землѣ, пытаясь освободиться, и Лавердьеръ услыхалъ съ отчаяньемъ вырвавшіяся слова:

— Проклятіе! Сломалъ ногу!

Сознавая всю безвыходность своего положенія, раненый молилъ о помощи.

Онъ не былъ опасенъ. Лавердьеръ однимъ прыжкомъ очутился на дорогѣ и приблизился къ нему. Въ эту минуту лошадь вскочила и, почуявъ авантюриста, пронеслась во весь опоръ, такъ что ему пришлось отскочить въ сторону, чтобы она его не опрокинула.

— Не отчаявайтесь, господинъ офицеръ, — обратился къ нему Лавердьеръ,—обопритесь на меня, попробуйте встать.

— Какое счастье — я не одинъ... Мнѣ надо сѣсть на лошадь, помогите мнѣ.

Несчастный ухватился за своего спасителя, но вдругъ съ крикомъ снова упалъ, почти безъ сознанья.

— Чортъ возьми!—подумалъ Лавердьеръ,—онъ, кажется, правъ, у него что нибудь сломано.

Онъ взялъ его подъ руки, перетащилъ черезъ дорогу и посадилъ къ дереву.

Затѣмъ вытащилъ изъ кармана фляжку съ водкой и поднесъ ее къ его губамъ.

Офицеръ пришелъ въ себя.

— Благодарю васъ, у меня сломана нога выше колѣна.

И онъ прибавилъ со злобою:

— И не быть въ состояніи исполнить своего долга! не быть въ состояніи ѣхать дальше!

Лавердьеръ нагнулся къ нему:

— Положимъ, я простой мужикъ, господинъ офицеръ, но если я могу вамъ быть хоть чѣмъ нибудь полезенъ, располагайте мною, мы всѣ люди и обязаны помогать другъ другу въ жизни.

Офицеръ, ошеломленный паденіемъ, изнемогая отъ невыносимой боли, едва могъ говорить:

— Кто вы?—спросилъ онъ.

— Говорю вамъ, поселянинъ, честный человѣкъ, вы можете вполнѣ мнѣ довѣрится. Тома Петерсъ торговецъ хмелемъ, меня всѣ знаютъ.

— Французъ?

— Вы спрашиваете?.. Французъ до мозга костей... и да здравствуетъ императоръ, который вздуетъ всѣхъ этихъ «englisches» и «késerlicks».

Офицеръ хотѣлъ хорошенько разглядѣть его лице, но не могъ приподняться.

— Въ такомъ случаѣ, окажите мнѣ услугу, не только мнѣ, но и отечеству; у меня на груди депеша, приказаніе генералу Вандаму.

— Передать ее ему?

— Нѣтъ, я не знаю, гдѣ генералъ, но въ одной милѣ отсюда, въ Бомонѣ, передайте ее первому попавшемуся офицеру и разскажите ему о случившемся.

— И сказать ему, чтобы онъ пріѣхалъ за вами.

— Обо мнѣ не хлопочите, прежде всего доставьте это приказаніе, Боже мой, какъ я страдаю!

Несчастный скрежеталъ зубами, едва удерживаясь отъ крика.

Лавердьеръ, по его приказанію, приподнялъ его, и онъ судорожными руками растегнулъ сюртукъ, вынулъ съ груди бумагу, но тутъ сдѣлалъ какое-то неосторожное движеніе, всѣмъ тѣломъ опустился на бедро и отъ боли потерялъ сознаніе.

Лавердьеръ хотѣлъ поднести снова фляжку къ его устамъ, но было уже безполезно, и онъ спряталъ ее въ карманъ. Онъ еще разъ взглянулъ на несчастнаго, лежавшаго безъ признаковъ жизни, всталъ, вошелъ въ лѣсъ, отвязалъ свою лошадь, вывелъ ее на дорогу, вскочилъ на нее и послалъ рукой ему послѣдній привѣтъ.

Къ чему же само искушеніе шло къ нему на встрѣчу?

Депеша изъ главной квартиры! быть можетъ, отъ самого императора! то-есть отъ врага тѣхъ, кому онъ служилъ. Въ военное время—все добыча.

Новый товаръ, которымъ онъ будетъ торговать въ Филиппвиллѣ!

Что бы ни случилось, офицеръ никогда его не признаетъ. Тома Петерсъ подходящее имя для каждой физіономіи.

Впередъ! Еще семь миль. Лошади дано было нѣсколько минутъ отдыха. Теперь, успокоившись, онъ, конечно, не загонитъ ее. Она казалась бодрою, какъ въ минуту отъѣзда. Надо сознаться, все шло какъ нельзя лучше.

Лавердьеръ ѣхалъ рысью, со свѣжею головою, съ полною вѣрою въ будущее; вотъ оно, быть можетъ, то давно желанное счастье, надо быть дуракомъ, чтобы упустить его.

За Бомономъ шла чудесная дорога, прямая, шоссе, съ маленькимъ подъемомъ, онъ ее зналъ, такъ какъ ѣздилъ по ней нѣсколькими днями раньше. Вдругъ,—онъ ѣхалъ уже съ четверть часа,—въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него раздалось:

— Кто идетъ?

Онъ разомъ остановилъ лошадь.

Чортъ возьми! Онъ совсѣмъ забылъ про ведетъ, про конный караулъ! Онъ молчалъ, притаивъ дыханіе.

Снова крикнули:

— Кто идетъ?

Бѣжать въ лѣсъ невозможно... вѣрная смерть—поймаютъ и разстрѣляютъ...

— Свой,—отвѣтилъ онъ,—французъ!

— Иди въ караулъ.

И въ ту же минуту два вольтижера со штыками, точно призраки ночи, подбѣжали, направляя штыки въ грудь лошади.

Лавердьеръ былъ взятъ: важно было не потерять присутствія духа.

— Пропустите меня, господа.

— Кто ты такой?

— Тома Петерсъ, хмелевщикъ изъ Bossu-les-Walcourt, возвращаюсь домой.

— Слѣзай съ лошади.

— Увѣряю васъ...

— Слѣзай...

И, присоединяя дѣйствіе къ слову, оба вольтижера стащили его съ лошади.

Тогда Лавердьеръ объявилъ:

— Я желаю видѣть офицера. Я имѣю ему передать нѣчто важное.

— Какъ кстати... Мы тебя и безъ того свели бы... Гмъ! это у тебя тамъ что? Пистолеты... Ты не дурно вооруженъ для торговца хмелемъ... Ну-ка, въ дорогу!

— Я вамъ сказалъ, что я долженъ видѣть офицера.

— Мы тебя не задержимъ долго. Но въ такія времена, пріятель, надо быть въ порядкѣ... иначе...

И ударъ по стволу ружья заключилъ фразу. Медленно, тяжелою поступью мужика, Лавердьеръ слѣдовалъ за ними, размышляя:

— Неужели счастье измѣнило?

XIII.

Съ самаго Champ de Mai Франція была въ лихорадкѣ, самой мучительной лихорадкѣ, въ лихорадкѣ неизвѣстности и ожиданій. Заботы внутренней политики, имѣвшія первостепенное значеніе для высшихъ классовъ, заинтересованныхъ въ интригахъ, нисколько не вліяли на народъ.

Открытіе палаты депутатовъ, избраніе республиканца Ланжюинэ въ президенты, адрессы и рѣчи, несмѣлые протесты и неискреннія поздравленія—все это проходило, не затрогивая массу, всецѣло находившуюся подъ страхомъ, который обыкновенно предшествуетъ крупнымъ потрясеніямъ.

Опять, какъ въ 1792 году, призракъ отечества въ опасности носился надъ страною, быть можетъ, еще болѣе грозный, чѣмъ тогда, потому что страна сознавала, что она обезсилена, утомлена: безъ сомнѣнія, всѣ руки, всѣ сердца, полныя любви и преданности, простирались къ этому мрачному призраку, но тутъ прежняя довѣрчивость замѣнилась сомнѣніемъ.

Одно только имя имѣло еще почти волшебное значеніе въ этомъ трагическомъ кризисѣ: это—имя Наполеона. Ни въ одномъ салонѣ, ни въ одной комнатѣ, ни въ одной хижинѣ, словомъ, нигдѣ это имя не произносилось иначе, какъ съ благоговѣніемъ, съ упованіемъ. Даже тѣ, кто нѣкогда радовался его паденію, теперь, поджавши хвосты, твердили:

— Онъ одинъ можетъ спасти насъ!

Таковъ удѣлъ деспотовъ — стоять одиноко. Кромѣ Наполеона, никого, ни одной личности, ни одного ума, способнаго гальванизировать родину.

По мѣрѣ приближенія опасности, все болѣе обострявшееся томленіе увеличивало его популярность, впрочемъ, державшуюся на успѣхѣ, ибо она не имѣла иной опоры.

Создавались иллюзіи; не вѣрили, что Наполеонъ постарѣлъ, усталъ; его возвращеніе съ Эльбы, это путешествіе, значеніе котораго оспаривалъ Талейранъ, цѣнили наравнѣ съ его самыми знаменитыми побѣдами.

Затѣмъ шла армія, которую Франція поистинѣ боготворила: вездѣ, во всѣхъ городахъ, по дорогамъ войско восторженно встрѣчалось. Это былъ не только энтузіазмъ, не банальное восхищеніе формою и галунами, но искренняя, нѣжная любовь къ трехцвѣтному знамени, которое воскресало, къ знамени революціи, свободы, побѣды, въ развѣвающихся складкахъ котораго были вписаны великія даты Жемапа, Аустерлица и Іены. Женщины при видѣ его плакали и посылали поцѣлуи. Когда утромъ 12-го узнали, что императоръ покинулъ Парижъ, у всѣхъ замерло дыханіе, точно раздался первый пушечный залпъ.

Кто знаетъ, чѣмъ былъ занятъ Парижъ въ тѣ немногіе послѣдующіе дни? Вся его жизненная сила слѣдила мысленно за мальпостомъ, который уносилъ цезаря и благополучіе Франціи, между двухъ стѣнъ трепещущихъ людей, изъ груди которыхъ вырывались виваты, какъ бы мольбы. И въ крикѣ, повторявшемся тысячами тысячъ голосовъ: «Да здравствуетъ императоръ!», быть можетъ, онъ слышалъ синтезисъ всѣхъ этихъ возгласовъ, высшее заклинаніе: «Да здравствуетъ Франція!».

12-го іюня онъ ночевалъ въ Лаонѣ, 13-го въ Авэнѣ, 14-го вечеромъ онъ прибылъ въ Бомонъ и расположился въ замкѣ среди лѣса, окаймляющаго границу.

Извѣстія были хорошія: непріятелю, повидимому, было неизвѣстно направленіе войска, которое на протяженіи 100 миль отъ Лилля до Метца въ нѣсколько дней составило 20 тысячъ человѣкъ на небольшой площади отъ Мобежа до Филиппвилля.

«Мнѣ показалось,—говоритъ посланный Макбету,— что идетъ Бирманскій лѣсъ».

Такъ точно завтра долженъ былъ двинуться лѣсъ Бомона на встрѣчу.

Въ эту ночь, съ 14-го на 15-е іюня, ни огня, ни звука въ лагеряхъ. Строгое приказаніе. Сердце арміи билось надеждою, каждый солдатъ сознавалъ отвѣтственность, которую несетъ, старики не забыли прежнихъ великихъ дней и на бивуакахъ разсказывали молодымъ о небывалыхъ побѣдахъ, отъ которыхъ содрогнулась вся Европа. Одна только тѣнь: недовѣріе къ начальству. Наполеона нельзя побѣдить иначе, какъ предательствомъ, было общее мнѣніе, и солдаты безпокоились, когда подъ тѣнью трехцвѣтнаго знамени проходили офицеры, которые за три мѣсяца передъ тѣмъ отдали честь шпагою бѣлому знамени. Но это было только мимолетное опасеніе, точно струя холода, которая быстро разсѣялась отъ пыла энтузіазма.

Въ эту именно ночь арміи предстояло двинуться, оставалось зарядить ружья и быть наготовѣ.

Генералъ Вандамъ стоялъ въ Бомонѣ. Императоръ, по прибытіи своемъ, выселилъ его изъ дома, который онъ занималъ, и старому солдату пришлось искать себѣ другое убѣжище.

Гдѣ онъ его нашелъ? Никто этого не зналъ, по крайней мѣрѣ, вѣрнаго ничего не было извѣстно. Маршалъ Сультъ командировалъ офицера на поиски его, чтобы передать ему приказаніе выступать съ разсвѣтомъ, въ три часа утра.

Расположившись въ хижинѣ угольщика, на прогалинѣ лѣса, капитанъ Жанъ Шенъ съ своей ротой охранялъ пересѣченіе трехъ дорогъ.

Было 10 часовъ; отецъ Марсели одинъ при свѣтѣ лампы занимался, желая убѣдиться въ возможности побѣды.

Ему доложили, что провіантскій офицеръ желаетъ его видѣть.

По его приказанію, офицеръ былъ введенъ.

Это былъ старикъ Картамъ.

Оба бросились въ объятія другъ друга.

— Жанъ, — началъ старикъ, — знаешь ли ты, что назавтра назначено сраженіе?

— Знаю.

— Мы окунемся въ огненную пещь: Богъ знаетъ, кто изъ насъ останется въ живыхъ. Вотъ отчего я пришелъ тебѣ напомнить, что у насъ съ тобой есть на душѣ обязательство.

Жанъ вздрогнулъ и, проведя рукой по лбу, проговорилъ:

— Ты говоришь о Марсели?

— Да... Жанъ... ты долженъ отдать мнѣ справедливость, что до сихъ поръ я не требовалъ отъ тебя откровенности. Я люблю дочь твою, ты знаешь, какъ собственную... можетъ быть, даже больше: въ мои годы торопишься любить изъ страха, что, пожалуй, не долго осталось любить...

Онъ остановился, затѣмъ взялъ Жана Шена за руку и продолжалъ:

— Я не знаю, ни кто ты, ни кто она...

Жанъ Шенъ собирался отвѣтить ему.

— Дай мнѣ высказаться,—продолжалъ старикъ.—Между нами не должно быть ничего недосказаннаго, мы на столько уважаемъ другъ друга, что намъ нечего прятаться другъ отъ друга. Какимъ образомъ я сталъ дѣдушкой Марсели, я тебѣ сейчасъ напомню.

—... Съ тѣхъ поръ прошло 15 лѣтъ—это было въ концѣ 1800 года; я въ то время былъ молодымъ человѣкомъ, такъ какъ вступилъ въ жизнь только въ первые дни революціи, въ 1789 году мнѣ было 25 лѣтъ... Не буду напоминать тебѣ, какую роль мнѣ пришлось играть до 95 года. Я боролся, я любилъ мою родину, я принадлежалъ ей всецѣло; ни въ одномъ моемъ поступкѣ я не раскаиваюсь, я горжусь, что не погибъ въ борьбѣ, въ которой сгинули люди посильнѣе меня. Не будемъ на этомъ останавливаться. Если я надѣлалъ ошибокъ, я за нихъ жестоко наказанъ, я видѣлъ Брюмеръ! Послѣ покушенія, отъ котораго погибла республика, сознаюсь, я былъ близокъ къ отчаянью, я былъ похожъ на сироту, у котораго на глазахъ убили бы мать, которую онъ не въ силахъ былъ спасти. Я рѣшилъ покинуть родину, я уѣхалъ изъ Парижа и, чтобы обратить въ деньги кое-какое имущество, я отправился къ стариннымъ друзьямъ нашей семьи, какъ ты знаешь, я—бретонецъ изъ окрестностей Редона. Тамъ меня снова обуяла страсть къ изученію кельтскихъ древностей, которому предавался Ла Туръ д'Оврнь. Казалось бы, отчего мнѣ тамъ не остаться неизвѣстнымъ, забытымъ. Моя милая жена, которая не

разставалась никогда со мной, поддерживала меня въ моемъ намѣреніи, и мы рѣшили тамъ основательно устроиться.

— Въ это время, точно въ силу подражанія преступленію, совершенному въ Парижѣ, вооруженныя шайки бродили по Нормандіи, Анжу, въ Мэнѣ, Бретани. Это были уже не вандейцы, даже не шуаны, а просто-напросто грабители и разбойники, которые не останавливались ни передъ пожарами, ни передъ убійствомъ.

— Я жилъ въ маленькомъ бургѣ Лангонъ и мало выходилъ, но я не разъ слышалъ разсказы о ночныхъ нападеніяхъ въ окрестностяхъ, а именно въ Бренѣ, въ Селѣ, въ Гишенѣ. Уединенныя жилища были ограблены до-чиста.

— Моя бѣдная жена, столь храбрая во всѣхъ пережитыхъ нами катастрофахъ, умоляла меня покинуть страну, она боялась этихъ разбойниковъ, и я самъ, признаться сказать, думалъ съ отвращеніемъ о томъ, что мнѣ придется защищать мою жизнь и жизнь близкихъ мнѣ отъ этихъ низкихъ грабителей. Однажды ночью, именно 28-го декабря, кто-то громко постучалъ въ мою дверь.

— Домъ, который я занималъ, стоялъ далеко отъ всякаго жилья, и я сознавалъ въ душѣ, что онъ подверженъ опасности болѣе, чѣмъ другой. Я работалъ, жена моя заснула подлѣ меня въ креслѣ. Я всталъ и, взявъ ружье, которое я держалъ наготовѣ заряженнымъ, спустился съ лѣстницы какъ можно тише.

— Второй разъ застучали въ дверь, но, странная вещь, ни возгласа, ни крика.

— Безъ сомнѣнія, готовилась какая нибудь западня, но я былъ не изъ тѣхъ, которые бы продали свою жизнь за дешевую цѣну.

— Я подошелъ къ двери и приложилъ ухо. Ничего! Совершенная тишина. Весь вечеръ шелъ снѣгъ, и я рѣшилъ, что на глубокомъ снѣгу не слышны шаги.

— Я все прислушивался, эта тишина начинала меня тревожить, быть можетъ, болѣе всякаго шума. Прошло нѣсколько минутъ, шумъ не повторялся. Очевидно, ложная тревога. Я поднялся къ себѣ наверхъ такъ же осторожно и засталъ жену уже проснувшеюся, она стояла въ комнатѣ въ недоумѣніи: куда я могъ дѣться?

— Пустяки... Мнѣ послышался какой-то подозрительный шумъ,— сказалъ я ей, возвратясь.

— Она страшно перепугалась, я всячески старался ее успокоить, смѣясь надъ ея страхами, и, чтобъ доказать ей, какъ они не основательны, я открылъ окно, все еще при оружіи, и высунулся въ него.

— На дорогѣ не было ни души, передо мною разстилалась безмолвная, унылая степь, занесенная снѣгомъ.

— Посмотри сама,—обратился я къ моей дорогой женѣ, — все совершенно тихо.

— Она высунулась тоже, на половину успокоенная.

— Послушай,—вдругъ воскликнула она,—тамъ у дома на каменной ступенькѣ, посмотри, что тамъ такое.

— Я сталъ смотрѣть по направленію, которое она мнѣ указала, и разглядѣлъ черную массу, какое-то темное пятно на бѣлой ступени.

И вдругъ—о, я никогда не забуду этой минуты, этой секунды... раздался медленный, слабый крикъ, похожій на крикъ раненной птицы.

— Я обернулся—жена моя уже исчезла. О сердце матери, которое бьется въ груди каждой женщины! Она никогда не слыхала этого крика, я не зналъ счастья имѣть ребенка. Но она не ошиблась въ немъ, она въ одинъ прыжокъ была уже внизу, своими маленькими ручками она не раскрыла воротъ, но, въ своемъ возбужденіи, положительно взломала желѣзную рѣшетку, и въ этой рамѣ раскрывшихся воротъ она, торжествующая, держала на рукахъ ребенка.

— Маленькое, несчастное существо... Сколькихъ лѣтъ? Около двухъ... Небольше... граціозная, прелестная, миніатюрная дѣвочка! Она была почти голая, вся холодная, но живая... Какъ все это творится, непостижимо; но черезъ нѣсколько минутъ дѣвочка была уже отогрѣта, одѣта и, улыбаясь, протягивала ручки женѣ. Сколько было восторговъ, радости—ты можешь себѣ представить, какъ быстро прошла для насъ ночь.

— Тѣмъ не менѣе, когда настало утро, я сказалъ женѣ: у ребенка есть отецъ и мать, и я сейчасъ же отправлюсь ихъ розъискивать.

— Она держала ребенка на колѣняхъ, онъ спалъ, она прижала его къ себѣ и съ тревогою во взорѣ сказала мнѣ:

— Отецъ, мать! Что ты говоришь? Неужели ты не понялъ?

— Послушай, Жанъ, не знаю, на сколько было вѣрно то, что предполагала моя жена, но я, если никогда не упоминалъ объ этихъ подробностяхъ, то только потому, что страшился пробудить въ тебѣ мучительныя воспоминанія, позабытую злобу... противъ матери, которая могла бросить своего ребенка!

Картамъ остановился и взглянулъ на Жана Шена, который, облокотясь на столъ, держалъ себя за голову. Не поднимая головы, онъ сдѣлалъ знакъ старику продолжать.

— Это предположеніе, — продолжалъ Картамъ, — какъ бы ни было ужасно, было правдоподобно, но я не считалъ себя въ правѣ поддаваться ему, останавливаться на немъ и, не сдѣлавъ сперва всѣхъ попытокъ къ раскрытію истины, оставить у себя ребенка. Жена моя, моя Марсель, — она тоже носила это имя, которое я, изъ любви къ ней, далъ найдёнышу,—боялась, что я узнаю истину. Случай послалъ ей ребенка, онъ былъ ея теперь, ея собственностью, и она не желала разставаться съ нимъ.

— Но при всей страстности ея сердца она была строго честная натура, и было рѣшено, что я не остановлюсь ни передъ чѣмъ, чтобы удостовѣриться въ подлинности несчастной малютки, которая уже совсѣмъ обжилась въ домѣ, со свойственной этому блаженному возрасту милою беззаботностью. Она, цѣлуя мою жену, называла ее: мама! Но завѣряю тебя честью, что на слѣдующій день было немыслимо приступить къ исполненію моего намѣренія: съ шести часовъ утра поднялась такая буря, что насъ совсѣмъ занесло снѣгомъ. Да я, признаться, и не особенно огорчился: тотъ стукъ въ мою дверь, желаніе обратить мое вниманіе, затѣмъ то, что ушли только тогда, когда услыхали, что я схожу внизъ,—все это, при ближайшемъ обсужденіи, убѣждало, что ребенокъ былъ подкинутъ намѣренно.

— Два дня, по крайней мѣрѣ, мы были буквально подъ снѣгомъ. Не было никакой возможности открыть даже окна, такой былъ страшный заносъ.

— Наконецъ, на третій день стихло.

— Я надѣлъ мой толстый плащъ, взялъ дерновую палку; жена не дѣлала мнѣ вопросовъ, она молча поняла, въ чемъ дѣло, и, прижимая къ себѣ ребенка, заливалась слезами. Быть можетъ, никогда еще мнѣ не было такъ тяжко исполненіе долга... Я вышелъ. Я сдѣлалъ не болѣе 50 шаговъ отъ дому, какъ я почувствовалъ, что меня хватаютъ и увлекаютъ куда-то съ тѣмъ насиліемъ, которое знакомо тѣмъ, кто попадалъ въ руки адептовъ деспота: я отбивался, я кричалъ, все напрасно, черезъ часъ я былъ доставленъ въ замокъ Редонъ, безъ всякаго объясненія причины моего ареста.

— Что сказать тебѣ дальше, пріятель, чего бы ты не зналъ такъ же хорошо, какъ и я? Только въ Нантѣ, при отплытіи въ Новый Свѣтъ, я узналъ, что я, ни въ чемъ неповинный, расплачивался за покушеніе Нивоза, за эту адскую махинацію, за преступленіе Сенъ-Режана и роялистовъ.

— Я не имѣлъ возможности даже написать письма женѣ, сосланный въ Магэ, потомъ выброшенный съ тридцатью злополучными товарищами сперва на островъ Анжуанъ, потомъ на Коморскіе острова, затѣмъ бѣжалъ, былъ взятъ въ плѣнъ англичанами—чего только не было! Сегодня не хочу напоминать все, что я вынесъ изъ-за этого человѣка. Пусть онъ спасетъ Францію, и все ему прощу!

— Въ 1805 году я вернулся въ Парижъ, на все готовый, даже убить собственноручно того, кто именовалъ себя императоромъ.

— Но что говорить о политической злобѣ! Мнѣ предстоялъ иной ударъ, который долженъ былъ меня сразить.

— Я не безъ труда напалъ на слѣдъ моей жены. О несчастная женщина! какъ она постарѣла! Шесть мѣсяцевъ ее уже не покидала лихорадка; наше скромное довольство смѣнилось бѣдностью...

— А знаешь ли, что она сказала мнѣ, когда я, рыдая, припалъ къ ея кровати?

— Пьеръ, я не хотѣла умирать, покуда ты не вернешься... изъ-за ребенка.

— А она, малютка, такими серьезными глазками смотрѣла на ту, которая по праву и по долгу замѣняла ей мать и которая не хотѣла умереть, не сдавъ ее съ рукъ на руки...

— Она въ то злополучное утро, когда я изчезъ изъ дому, когда я былъ арестованъ, собрала всѣ средства и бѣжала въ Парижъ. Она расчитывала на Фуше... Невинная! Фуше отвѣтилъ ей типичною фразою.

— Людоѣдъ почуялъ свѣжее мясо... Ничего не подѣлаешь!

— Тѣмъ не менѣе, онъ помогъ ей деньгами. Вѣдь и въ грязи иногда бываютъ капли воды съ отблескомъ брилліанта!.. Я презираю и ненавижу этого человѣка... но эти нѣсколько золотыхъ, брошенныхъ свысока, спасли его отъ моего гнѣва... Я ему никогда не сдѣлаю зла.

— И впродолженіе пяти лѣтъ, пяти вѣковъ агоніи, она ждала меня, не зная даже, гдѣ я, не получая ни одного изъ тѣхъ писемъ, которыя я пытался ей отсылать всякими путями.

Въ морскомъ министерствѣ къ намъ относились, какъ къ покойникамъ.

Къ чему будоражить всю эту грязь? Приходится выносить лютыхъ звѣрей; о нихъ не разсуждаютъ.

И въ окружающемъ ее мракѣ единственнымъ свѣтомъ былъ ребенокъ, который росъ. Но, увы! какъ она сама мнѣ сказала, моя дорогая, моя незабвенная подруга жизни, она ждала меня только для того, чтобы передать мнѣ завѣтъ своего сердца. Умирая, она вложила въ мою руку руку дитяти, которое съ ужасомъ смотрѣло на меня, преждевременнаго старика, сѣдовласаго, исхудалаго, съ впалыми глазами.

— И вотъ такимъ-то образомъ я сталъ дѣдушкой Картамъ.

Бывшій ссыльный остановился отъ слезъ.

Жанъ Шенъ молчалъ.

— Затѣмъ,—продолжалъ Картамъ,—однажды, въ 1806 г., въ то время, когда я шелъ на проломъ, когда я всецѣло отдался служенію свободѣ, когда я велъ войну посредствомъ заговоровъ съ всемогущимъ цезаремъ, избранный нашими сотоварищами въ начальники филадельфовъ, планы которыхъ Малэ слишкомъ скоро и слишкомъ рано раскрылъ, я встрѣтился съ тобою, другомъ Уде. Я призналъ въ тебѣ товарища по оружію, я полюбилъ тебя, какъ сына. Ты мнѣ сказалъ однажды: «Я—отецъ Марсели, вѣрь мнѣ и не разспрашивай». Я зналъ, что ты не способенъ на ложь, я отвѣчалъ тебѣ: Марсель твоя дочь, вѣрю тебѣ. Марсели я велѣлъ тебя поцѣловать, и пактъ былъ заключенъ. Ты мнѣ ничего

ИСТОРИЧЕСКІЙ МУЗЕЙ

Гвардейской артиллеріи

(при офицерскомъ собраніи Л.-Гв. 1-й Артиллерійской бригады. Литейн. ул., 26).

9-го ноября 1896 года 2, 3, 4, 5 и 6 батареи Л.-Гв. 1-й *), Л.-Гв. 2-я и Гв. Конно-артиллерійская бригады съ Высочайшаго утвержденія будутъ праздновать столѣтній юбилей со дня сформированія Гвардейскаго артиллерійскаго батальона 9 ноября 1796 г.

9-го ноября 1796 года императоръ Павелъ I, только что восшедшій на престолъ, но уже задолго до того подготовившій успѣхъ нижеупоминаемому преобразованію, отдѣлилъ отъ гвардейскихъ полковъ (Преображенскаго, Семеновскаго и Измайловскаго) ихъ уже достаточно обезличенную послѣ Петра I артиллерію и, придавъ къ ней свою гатчинскую, образовалъ совершенно самостоятельную артиллерійскую часть — Гвардейскій артиллерійскій батальонъ.

Не стяжать бы Гвардейской артиллеріи той славы въ борьбѣ съ Наполеономъ, не занять бы ей первенствующаго мѣста среди русской артиллеріи, если бы не новая ея организація 9-го ноября 1796 года, благодаря которой Гвардейская артиллерія быстро стала въ ряду лучшихъ артиллерій того времени.

9-е ноября 1796 года, по истинѣ, есть день возрожденія Гвардейской артиллеріи.

Раздѣленіе Гвардейскаго артиллерійскаго батальона на три самостоятельныя бригады не умалило значенія этихъ частей, изъ которыхъ каждая въ день своего столѣтняго юбилея 9-го ноября 1896 года, не краснѣя, развернетъ предъ очами своего Монарха картину славнаго своего вѣковаго прошлаго.

Чтобы собрать возможно больше матеріаловъ, въ видѣ рукописей, портретовъ, батальныхъ картинъ, книгъ (весьма интересно было бы собрать всѣ сочиненія лицъ, служившихъ въ Гвардейской артиллеріи) и различныхъ предметовъ, имѣющихъ отношеніе къ Гвардейской артиллеріи, общество офицеровъ Л.-Гв. 1-й Артиллерійской бригады, какъ старѣйшей части, имѣющей въ числѣ своихъ батарей бывшую Бомбардирскую роту и обладающей архивомъ Гвардейскаго артиллерійскаго батальона и многими историческими памятниками, имѣющими отношеніе ко всей Гвардейской артиллеріи, на общемъ собраніи 1890 года единогласно постановило просить командира бригады ходатайствовать объ открытіи при офицерскомъ собраніи Л.-Гв. Артиллерійской бригады Историческаго Музея Гвардейской артиллеріи. Многія лица, служащія и служившія въ Гвардейской артиллеріи, а также родственники служившихъ въ послѣдней, обѣщали, по открытіи Музея, сдѣлать весьма цѣнные для Гвардейской артиллеріи вклады.

Въ началѣ 1891 года послѣдовало разрѣшеніе Ихъ Императорскихъ Высочествъ Генералъ-Фельдцейхмейстера и Главнокомандующаго войсками С.-Петербургскаго Военнаго Округа на открытіе Историческаго Музея Гвардейской артиллеріи при офицерскомъ собраніи Л.-Гв. 1-й Артиллерійской бригады.

Имѣя честь довести до свѣдѣнія лицъ, служащихъ и служившихъ въ Гвардейской артиллеріи, объ открытіи въ настоящее время Историческаго Музея Гвардейской артиллеріи, прошу не отказать принести въ даръ означенному учрежденію свои портреты, фотографіи, дневники, записки о прохожденіи службы, сочиненія...

Прошу также и родственниковъ гвардейскихъ артиллеристовъ не отказать въ память послѣднихъ принести тѣ же предметы Историческому Музею.

Историческій Музей Гвардейской артиллеріи собираетъ всѣ предметы, имѣющіе отношеніе къ Гвардейской артиллеріи, со времени основанія ея въ 1683 году, какъ-то: предметы, напоминающіе о войнахъ, въ которыхъ участвовала послѣдняя, батальныя и бытовыя картины, портреты гвардейскихъ артиллеристовъ, ихъ сочиненія, рескрипты, грамоты и награды, полученныя гвардейскими артиллеристами, формы одеждъ и вооруженія, модели матеріальной части, старинныя сочиненія по артиллеріи и уставы и т. п.

Мы убѣждены, что ко дню 100-лѣтняго юбилея, безъ особыхъ затратъ, составится музей, картинно рисующій славное прошлое Гвардейской артиллеріи.

Историческій Музей Гвардейской артиллеріи, открытый для всѣхъ желающихъ, издающій печатно, періодически, описаніе поступающихъ предметовъ съ указаніемъ, отъ кого именно они поступили, собирающій и любовно хранящій все дорогое для Гвардейской артиллеріи (и будучи оттого звеномъ различныхъ поколѣній артиллеристовъ), со временемъ сослужитъ службу и для всей полевой артиллеріи.

Просимыя свѣдѣнія и предметы прошу адресовать: С.-Петербургъ, Литейн. ул., д. № 26, Историческій Музей Гвардейской артиллеріи, штабсъ-капитану Потоцкому.

Завѣдывающій Музеемъ штабсъ-капитанъ *Потоцкій.*

---

*) 1-я батарея Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича, происходящая отъ Бомбардирской роты, праздновала свой 200-лѣтній юбилей 23-го мая 1883 года.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., **д. № 38. Отдѣленіе** главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **„Новаго Времени“**, Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Программа **„Историческаго Вѣстника“**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ г[illegible]ую контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ по[illegible] имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почто[illegible]щена выдача журналовъ.

Издатель **А. С. Суворинъ**. Редакторъ **С. Н. Шубинскій**.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ТРИНАДЦАТЫЙ

ІЮНЬ, 1892

СОДЕРЖАНІЕ.

ІЮНЬ, 1892 г.

См. слѣд. страм.

КНЯЗЬ ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ БАГРАТІОНЪ

Съ гравированнаго портрета Ческаго.

Дозв. цен. спб., 26 мая 1892 г.

ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ ВОРОТЫНЦЕВЫХЪ [1].

XX.

Былъ жаркій іюльскій день.

Наканунѣ, вечеромъ, Людмила Николаевна Ратморцева приказала разбудить себя чуть свѣтъ, и солнце еще не выглянуло изъ-за рощи, когда старая горничная Акулина вошла въ ея спальню.

— Дѣти спятъ?—спросила барыня, торопливо поднимаясь съ постели.

— Почиваютъ-съ. Шарабанъ сейчасъ подаютъ. Степанъ прибѣгалъ спрашивать, ему съ вами ѣхать, или Конону.

— Все равно. А погода какая?

— На небѣ ни облачка. Извольте сами посмотрѣть.

Она отдернула темную, штофную занавѣску передъ стеклянной дверью въ садъ, и настежь растворила эту дверь. Комната вся засіяла въ розовомъ сіяніи утренней зари и наполнилась благоуханіемъ цвѣтовъ. Людмила Николаевна, съ распущенными волосами, въ бархатныхъ туфляхъ на босую ногу и въ батистовой кофточкѣ, вышла на террасу.

— Какое чудное утро!—проговорила она, вдыхая полной грудью свѣжій душистый воздухъ и обводя радостнымъ взглядомъ клумбы цвѣтовъ, раскинувшіяся затѣйливыми фигурами между группами

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLVIII, стр. 313.

рѣдкихъ растеній, съ извивающимися тропинками, усыпанными пескомъ.

Къ мѣстечку этому, прозванному «барыниномъ садомм», со всѣхъ сторонъ сходились аллеи изъ старыхъ, тѣнистыхъ деревьевъ обширнаго парка, примыкавшаго къ рѣкѣ, съ мостикомъ въ лѣсъ.

Подъ окнами гостиной, кабинета и столовой, тоже были клумбы съ цвѣтами, но не съ такими рѣдкими, какъ тѣ, что цвѣли въ «барыниномъ саду». Сюда и изъ оранжерей садовникъ приносилъ все, что у него выращивалось удачнѣе и распускалось пышнѣе.

Людмила Николаевна до страсти любила цвѣты. Окружать себя ими было для нея потребностью; она страдала отъ лишенія цвѣтовъ, какъ страдаютъ люди, привыкшіе курить, когда у нихъ нѣтъ табаку, и обжоры безъ лакомствъ.

— Извольте надѣть ботинки, сударыня: роса-съ, говорила, слѣдуя за нею, Акулина, съ полусапожками на толстыхъ подошвахъ въ рукѣ.

— Ничего, тутъ сухо, а въ садъ я не сойду. Мнѣ только хочется посмотрѣть, распустилась ли та пунцовая роза, которую пересадили сюда изъ оранжереи на прошлой недѣлѣ,—отвѣчала Людмила Николаевна, вглядываясь прищуренными глазами въ куртину, шагахъ въ пятидесяти отъ террасы. Надъ куртиной этой ужъ роемъ кружились пчелы и другія крылатыя насѣкомыя.

— Я сейчасъ посмотрю, а вы извольте тутъ постоять, трава мокрехонька и песокъ на дорожкахъ страсть какой сырой, — объявила Акулина.

И, не выпуская ботинокъ изъ рукъ, она направилась къ куртинѣ розъ.

— Ну, что?—въ нетерпѣніи крикнула ей барыня.

— Сейчасъ, сударыня, сейчасъ, дайте посмотрѣть... Вы про которую изволите спрашивать? Про желтую?

— Нѣтъ, нѣтъ, темно-красная, рядомъ съ бѣлой, правѣе, правѣе... Баринъ въ каждомъ письмѣ про нее спрашиваетъ...

— Вижу, сударыня, вижу. Вотъ она, расцвѣла. И какая большущая да красивая! Внутри-то лепесточки совсѣмъ какъ кровь алые... Вамъ оттуда не видать...

— Хорошо, хорошо, мы вмѣстѣ съ бариномъ посмотримъ. Пожалуйста, чтобъ ее не сорвали, Боже сохрани!

— Кому срывать, сударыня, барышни знаютъ, какое у вашей милости къ цвѣточкамъ пристрастье. Да и сами-то онѣ, большей радости для нихъ нѣтъ, какъ цвѣточками любоваться. Вчера о ландышахъ горевали: ландыши въ лѣсу въ нашемъ отцвѣли, искали, искали съ Григоріемъ Александровичемъ, ни одного не нашли, онъ и говоритъ...

— Ахъ, пора, пора мнѣ ѣхать,—прервала ея болтовню барыня, торопливо направляясь въ спальню, чтобы приняться за туалетъ.

— Успѣете-съ. До Грушевки верстъ пятнадцать будетъ, не больше. Степанъ намеднись сказывалъ: въ часъ, говоритъ, докатимъ. Вамъ какой клокъ-то подать, суконный или шелковый на ватѣ?

— Суконный. Сережа будетъ очень радъ узнать, что кустъ этотъ зацвѣлъ: онъ боялся, что прививка не примется,— говорила Людмила Николаевна, надѣвая шляпу изъ тонкой, итальянской соломы съ газовымъ, зеленымъ вуалемъ, и натягивая перчатки.

— Имъ еще суприз въ оранжереѣ припасенъ,—объявила Акулина, подавая барынѣ зонтикъ.

— Персики?

Старуха лукаво усмѣхнулась.

— Персики само собою, а то еще... Отъ всѣхъ Лукьянычъ въ секретѣ держитъ. До тѣхъ поръ никому не покажу, говоритъ, пока баринъ не пріѣдетъ.

— Ну, я и спрашивать не стану,— улыбнулась барыня, поспѣшно направляясь въ прихожую черезъ еще не прибранныя комнаты, съ множествомъ завялыхъ цвѣтовъ въ вазахъ, кувшинахъ и стаканахъ, разставленныхъ на всѣхъ столахъ, окнахъ и этажеркахъ.

— Скажи дѣтямъ, чтобъ позаботились о цвѣтахъ,— говорила она на ходу, слѣдовавшей за нею, горничной,— мы вернемся къ завтраку.

— Ужъ будьте покойны, еще вчера утромъ съ Григоріемъ Александровичемъ сговаривались, какъ имъ папенькинъ кабинетъ цвѣточками да разными тамъ другими сурпризами разукрасить. Все о ландышахъ хлопочутъ. Поди, чай уѣхалъ ужъ онъ за ними, Григорій-то Александровичъ, верхомъ хотѣли поѣхать къ оврагу.

— Да развѣ въ оврагѣ еще ландыши есть?

— Дѣвки намеднись сказывали, что есть. Григорій Александровичъ...

— Пожалуйста, чтобъ зелени было побольше къ завтраку. Горошекъ, какъ баринъ любитъ, въ салфеткѣ съ сливочнымъ масломъ.

— Слушаю-съ.

— Цыплята... и чтобъ спаржу не забыли.

— Не извольте безпокоиться-съ.

— Завтракъ накрыть на сѣверной террассѣ.

— Слушаю-съ. Барышнямъ бѣлыя надѣть платьица или новыя, розовыя?

Людмила Николаевна на мгновеніе задумалась.

— Розовыя,—отвѣчала она.

И счастливая улыбка разлилась по ея лицу.

Она ѣхала навстрѣчу къ мужу, въ хуторъ Грушевку, гдѣ онъ долженъ былъ переночевать проѣздомъ изъ Петербурга къ себѣ въ Святское. Ей о столькомъ нужно было переговорить съ нимъ наединѣ, что она рѣшила поѣхать къ нему навстрѣчу, съ тѣмъ, чтобъ вернуться вмѣстѣ домой и дорогой обо всемъ переговорить на просторѣ.

Никогда еще не ждала она съ такимъ нетерпѣніемъ свиданія съ мужемъ, какъ въ этомъ году.

Выѣхала она съ семьей въ деревню раньше обыкновеннаго, въ концѣ марта, съ мѣсяцъ спустя послѣ неожиданной кончины Воротынцева, и отчасти для того, чтобъ избавиться отъ докучливаго любопытства многочисленныхъ родственниковъ и знакомыхъ, интересовавшихся юношей, котораго они пріютили у себя въ домѣ.

Герой печальной драмы, розыгравшейся въ домѣ Воротынцевыхъ, оказался вдругъ предметомъ всеобщаго любопытства въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ. О немъ всюду говорили, всѣ хотѣли его видѣть, чтобъ собственными глазами судить объ его сходствѣ съ покойнымъ отцомъ, всѣхъ страстно интриговало таинственное прошлое этого юноши, всѣ задавались предположеніями насчетъ того, что ожидаетъ его въ будущемъ, и осыпали разспросами тѣхъ, которымъ удавалось познакомиться съ нимъ лично. А удавалось это немногимъ; съ тѣхъ поръ, какъ Ратморцевы взяли его подъ свое покровительство, Григорій Александровичъ, кромѣ какъ въ церковь съ семьей Сергѣя Владиміровича, никуда не показывался.

Людмилу Николаевну всѣ эти толки и разспросы невыносимо раздражали.

— Успокойся, милая, это только вначалѣ имъ такъ интересуются,—говорилъ Сергѣй Владиміровичъ женѣ, когда она жаловалась ему на назойливость тетушекъ и кузинъ, осаждавшихъ ее разспросами и просьбами показать имъ Григорія Воротынцева:— вотъ увидишь, что когда вы вернетесь сюда осенью, о немъ никто и не вспомнитъ.

— Осенью? Но неужто-жъ къ осени судьба его не будетъ окончательно рѣшена?

— Врядъ ли. Смерть Александра затормозитъ дѣло. Въ этомъ многіе увѣрены, между прочимъ, и графъ. Онъ говорилъ мнѣ, что государь съ большимъ участіемъ отнесся къ осиротѣвшей семьѣ Александра. И ужъ проволочки начались: дѣло для дополнительнаго слѣдствія отослано назадъ въ Москву, а Бутягину дали понять, чтобъ онъ больше не докучалъ начальству напоминаніями про Григорія. Старикъ уѣзжаетъ надняхъ восвояси: это я ему посовѣтовалъ.

Людмила Николаевна вздохнула.

— Значитъ, Гриша еще долго у насъ проживетъ, — печально протянула она.

— Развѣ онъ тебѣ въ тягость?— тревожно спросилъ ее мужъ.

Она поспѣшила его успокоить. Нѣтъ, нѣтъ, онъ ей не въ тягость, онъ не можетъ ей быть въ тягость. Она должна сознаться, что онъ очень кроткій и благонравный юноша, скромный, деликатный, всячески старается никому не мѣшать въ домѣ, никогда не придетъ раньше, чѣмъ его позовутъ, самъ ни съ кѣмъ первый не заговоритъ, по возможности стушевывается и всегда радъ услужить, доказать свою благодарность; надо также и въ томъ отдать ему справедливость, что онъ чрезвычайно прилеженъ, и m-r Vaillant имъ весьма доволенъ, но...

Остальнаго Людмила Николаевна не договаривала. Не хотѣлось ей сознаваться мужу, что она была несравненно счастливѣе раньше, когда Григорія у нихъ въ домѣ еще не было, и что она будетъ очень рада, когда ему вернутъ имя, состояніе, все что ему слѣдуетъ, и онъ переѣдетъ жить въ свой домъ или въ свое имѣніе, куда хочетъ, однимъ словомъ. Тогда она опять будетъ спокойно входить въ комнаты дочерей, безъ того слегка брезгливаго чувства, которое она теперь не въ силахъ подавить въ себѣ, при видѣ этого малаго, не знающаго, куда дѣвать руки, когда съ нимъ заговариваютъ, не умѣющаго ни сидѣть, ни разговаривать въ хорошемъ обществѣ и представлявшаго такой рѣзкій контрастъ съ ея изящными дѣвочками, что странно было ихъ видѣть вмѣстѣ.

Чувство это, которое она старалась въ себѣ заглушить, Людмила Николаевна приписывала отчасти опасенію, чтобъ дѣвочки не услыхали отъ этого полудикаря такихъ словъ, которыхъ онѣ не должны были слышать, чтобъ онъ не разсказалъ имъ чего нибудь изъ своей печальной исторіи, про то, что ему извѣстно про его мать и про отца, мало ли что могъ позволить себѣ разболтать юноша, не воспитанный, не имѣющій ни малѣйшаго понятія о томъ, что могутъ знать дѣвушки изъ хорошаго общества и что нѣтъ.

Сонѣ съ Вѣрой сказали, что Гриша имъ родственникъ, что вслѣдствіе стеченія несчастныхъ обстоятельствъ, которыя онѣ слишкомъ молоды, чтобъ понять, онъ все свое дѣтство и раннюю молодость провелъ между простыми людьми, и теперь ему надо какъ можно скорѣе наверстать потерянное время, чтобъ занять то мѣсто въ обществѣ, на которое онъ имѣетъ право по своему происхожденію. Къ этому прибавили, что разспрашивать его о прошломъ было бы неделикатно и жестоко, такъ какъ объ этомъ печальномъ прошломъ онъ, разумѣется, безъ смущенія и горечи вспоминать не можетъ.

Дѣвочки Ратморцевы были воспитаны въ такомъ слѣпомъ повиновеніи родительской власти, что имъ даже и въ голову не приходило протестовать противъ этого распоряженія, и Людмила Николаевна ни минуты не сомнѣвалась въ томъ, что приказаніе ея будетъ исполнено въ точности.

Дочери ея, подстрекаемыя и собственной добротой, и интересомъ къ новому родственнику, а также живымъ и горячимъ участіемъ къ нему всей дворни, усердно принялись за его воспитаніе и все свободное время посвящали ему, учили его играть на фортепьяно, объясняли уроки, заданные ему m-r Vaillant, по правляли его выговоръ, когда онъ произносилъ заученныя наизусть французскія фразы, и разсказывали ему то, что имъ было извѣстно изъ исторіи и литературы. Онъ выказывалъ большую любознательность, съ жадностью ко всему прислушивался и присматривался и позволялъ себѣ иногда предлагать вопросы относительно того, что ему трудно было съ перваго разу понять, но пускаться въ какіе бы то ни было разговоры о предметахъ, не касающихся ученія, или про себя, онъ никогда ни съ кѣмъ въ домѣ не рѣшался. Вообще никакихъ ни мыслей, ни чувствъ, онъ не позволялъ еще себѣ проявлять, и сдержанность эту одни приписывали робости, другіе—хитрости, третьи—глупости. Но въ виду его успѣховъ въ ученіи съ послѣднимъ мнѣніемъ трудно было согласиться. M-r Vaillant былъ въ восторгѣ отъ его памяти и понятливости. Мѣсяца три послѣ того, какъ началось его воспитаніе, онъ ужъ читалъ и писалъ пофранцузски и могъ объясняться на этомъ языкѣ. Учитель русскаго языка тоже былъ доволенъ его успѣхами. Память у него была богатая, охота учиться страстная. Но въ чемъ Сергѣй Владиміровичъ съ особеннымъ удовольствіемъ убѣждался съ каждымъ днемъ все больше и больше, это въ томъ, что Гриша на всѣхъ производитъ хорошее впечатлѣніе. Онъ все еще былъ неловокъ и робокъ, но мужицкаго, грубаго, въ немъ ровно ничего не было и въ застѣнчивости его, при красивой юношеской наружности, съ тонкими, благородными чертами нѣжнаго лица и большими, задумчивыми глазами, было много привлекательнаго.

Такъ прошла зима. Съ переѣздомъ въ деревню Сонѣ съ Вѣрой было предоставлено еще больше времени заниматься Гришей. Онъ оказался отличнымъ спутникомъ для отдаленныхъ прогулокъ; съ нимъ можно было куда угодно отпускать барышень. Онъ былъ силенъ, сметливъ, неутомимъ и чувствовалъ себя вполнѣ въ своей сферѣ среди полей и лѣсовъ.

Въ десяти верстахъ отъ Святскаго былъ мужской монастырь расположенный въ мѣстности, извѣстной въ окрестности красивымъ мѣстоположеніемъ.

Гриша туда повадился. Рѣдкое воскресенье не уходилъ онъ съ ранняго утра къ монахамъ, чтобъ пѣть съ ними на клиросѣ и бесѣдовать съ настоятелемъ, который полюбилъ его. Возвращался онъ назадъ съ цѣлыми снопами цвѣтовъ для сестрицъ, съ птичками и бѣлками, пойманными для нихъ въ лѣсу. У монаховъ все поспѣвало раньше, чѣмъ въ Святскомъ—малина, смородина, вишни; они щедро обдаривали Гришу всѣмъ, что у нихъ было лучшаго,

и онъ все это тащилъ къ своимъ. Людмила Николаевна не оставалась въ долгу и часто Гришѣ приходилось отправляться въ монастырь въ телѣжкѣ, чтобъ довезти кульки съ провизіей и виномъ, которые она поручала ему передать о. настоятелю съ братіей.

Такимъ образомъ черезъ Гришу сношенія между монастыремъ и Святскимъ установились самыя тѣсныя и частыя.

— Дѣвочки безпрестанно туда просятся,—разсказывала Людмила Николаевна мужу, возвращаясь съ нимъ въ шарабанѣ съ хутора домой.—Это теперь наша любимая прогулка. Мы не дальше, какъ вчера тамъ были. О. Амвросій очень добръ къ Гришѣ. Я съ нимъ недавно говорила про него. Старику удалось заставить его разоткровенничаться; онъ передалъ мнѣ про его чувства къ намъ, я была тронута.

— О, я въ этомъ не сомнѣваюсь! Онъ можетъ быть подозрителенъ и скрытенъ, какъ юноша, выросшій среди чужихъ, въ нуждѣ, невѣжествѣ и страхѣ, но это богато одаренная природа и въ немъ не трудно будетъ развить самыя высокія и благородныя чувства: вотъ увидишь.

— Дай-то Богъ!

— Да, да,—продолжалъ съ возростающимъ одушевленіемъ Ратморцевъ,—мы во всякомъ случаѣ сдѣлаемъ изъ него порядочнаго человѣка и полезнаго члена общества, и даже въ такомъ случаѣ, если ему не достанется никакого состоянія...

— А развѣ что нибудь слышно про его дѣло?—спросила она съ тревогой.

— Въ томъ-то и штука, что теперь про это дѣло ровно ничего не слыхать, имъ считается даже неумѣстнымъ интересоваться. Я раза три видѣлся съ графомъ, подолгу съ нимъ бесѣдовалъ о разныхъ предметахъ, но не нашелъ возможности упомянуть про Григорія, понимаешь?

— Это—дурной знакъ.

— Очень дурной,—подхватилъ Ратморцевъ.

— Неужели слѣдствіе замнутъ?

— Мало ли что могутъ сдѣлать!—уклончиво отвѣчалъ Сергѣй Владиміровичъ.

И, помолчавъ немного, онъ прибавилъ:

— Во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ внушить Гришѣ, чтобъ онъ чрезмѣрнымъ надеждамъ на счетъ скораго рѣшенія своей судьбы не предавался.

— Я ему на это недавно еще намекала.

— Хорошо сдѣлала. Ну, а что дѣти? Ты писала, что онѣ поздоровѣли и посвѣжѣли.

— Загорѣли даже, вотъ какъ на нихъ въ нынѣшнемъ году благотворно подѣйствовалъ деревенскій воздухъ. Особенно Вѣра.

Теперь она уже не такъ похожа на сестру, щечки у нея розовыя и пухлыя, а у Сони оваль лица удлинняется...

— Да и въ глазахъ у нея другое выраженіе, чѣмъ у сестры. А съ лѣтами разница обозначится еще рѣзче, вотъ увидишь. Съ каждымъ годомъ взглядъ у Сони будетъ все глубже и мечтательнѣе, а улыбка...

— Да, Вѣринька дольше останется ребенкомъ. Ея смѣхъ съ утра до вечера раздается по всему дому, отъ каждой бездѣлицы она приходитъ въ восторгъ. Соня много серьезнѣе и стала задумываться...

— Голова у нея не болитъ? Помнишь въ прошломъ году?—съ живостью перебилъ жену Сергѣй Владиміровичъ.

Въ домѣ говорили, будто Соня его любимица. Должно быть, и Людмила Николаевна была въ этомъ убѣждена и, вѣроятно, поэтому старалась она при каждомъ удобномъ случаѣ вызвать въ немъ нѣжность къ Вѣрѣ.

— О, она совсѣмъ здорова! Обѣ онѣ окрѣпли и расцвѣли, какъ розы. И выросли. Я по платьямъ ихъ вижу, что онѣ выросли и пополнѣли,—повторила она съ наслажденіемъ. — У Сони походка измѣнилась, она становится похожа осанкой и манерами на твою покойную мать.

— А какъ онѣ съ Гришей? Не надоѣло еще съ нимъ возиться?

— Нисколько. Онѣ теперь съ нимъ за пѣніе принялись. У него голосъ замѣчательно хорошъ. Настоятель мнѣ говорилъ, что народу больше стало ѣздить въ монастырь къ обѣднѣ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ у нихъ поетъ на клиросѣ.

— Вотъ какъ!

— Да и вообще... вотъ ты самъ увидишь, онъ дѣлается совсѣмъ приличнымъ молодымъ человѣкомъ, даже ловокъ. Отлично выучился ѣздить верхомъ, и какъ скоро, въ какой нибудь мѣсяцъ. Мы недавно на него смотрѣли съ m-r Vaillant; въ бархатной жакеткѣ, которую ты ему прислалъ недавно, и въ башмакахъ, въ немъ невозможно узнать того полумонаха въ длинной чуйкѣ, какимъ онъ къ намъ явился полгода тому назадъ.

— Отлично, отлично, — съ самодовольной улыбкой повторялъ Сергѣй Владиміровичъ, слушая жену.

— Это будетъ ужасно, если ему никогда не возвратятъ его правъ на имя и состояніе отца,—замѣтила Людмила Николаевна.

— Ну, во всемъ-то ему отказать не могутъ, государь слишкомъ справедливъ. Я хочу, переждавъ нѣкоторое время, опять о немъ напомнить черезъ Леонтія Васильевича или прямо графу, но только не теперь...

— А что Воротынцевы? Ничего про нихъ не слыхать?

— Ничего. Уѣхали въ Тверскую губернію, тамъ у Марьи Леонтьевны наслѣдственное имѣніе...

— Можно себѣ представить, въ какой они тревогѣ!

— Еще бы,—со вздохомъ произнесъ Ратморцевъ и, чтобы скорѣе разсѣять мрачныя мысли, закружившіяся у него въ головѣ при напоминаніи о несчастныхъ жертвахъ, оставленныхъ Воротынцевымъ, онъ заговорилъ про своихъ дѣвочекъ. Неужели онѣ до сихъ поръ ничего не знаютъ о прошломъ Гриши? Ничего не знаютъ про его печальную исторію? Про его надежды?

Вопросы эти слегка даже оскорбили Людмилу Николаевну. Какъ могутъ ея дочери знать про то, о чемъ имъ запрещено спрашивать, и о чемъ никто въ домѣ не смѣетъ съ ними заговаривать? Нѣтъ, нѣтъ, имъ ничего неизвѣстно. Имъ даже и въ голову не приходитъ задумываться надъ подобными вопросами. Имъ извѣстно изъ жизни только то, что родители и старый идеалистъ Vaillant находятъ нужнымъ имъ открыть, только это, и ничего больше. Никогда не читали онѣ ни одной изъ тѣхъ книгъ, въ которыхъ трактуется о житейскихъ мерзостяхъ. Даже исторію, какъ священную, такъ и свѣтскую, онѣ изучаютъ по разсказамъ, нарочно для нихъ составленнымъ ихъ учителемъ, какъ и сама она училась, и всѣ дѣвушки изъ порядочнаго общества. Подругъ у нихъ нѣтъ; изъ дворни онѣ имѣютъ сношенія только со старшими слугами, а эти еще ревнивѣе родителей оберегаютъ ихъ чистоту и невинность. Надо слышать, съ какимъ восхищеніемъ няня разсказываетъ про своихъ барышень, какія онѣ чистыя и непорочныя, даже во снѣ имъ одни только ангельскіе сны грезятся. Да если-бъ имъ даже теперь и разсказать мрачную исторію Гришиной матери, онѣ ничего въ ней не поймутъ. Людмила Николаевна была въ этомъ точно также убѣждена, какъ въ томъ, что она жива и дышитъ. Сергѣй Владиміровичъ не разубѣждалъ ее; такая мать, какъ Людмила Николаевна, не могла не знать своихъ дѣтей, сомнѣваться въ этомъ было бы просто смѣшно.

День этотъ весело начался въ Святскомъ.

— Соня! сегодня папенька пріѣдетъ!—вскричала радостно Вѣра, просыпаясь.

Соня, въ полосатенькомъ бѣломъ съ голубыми полосками халатикѣ, свѣженькая и розовая отъ холодной ключевой воды, которой только что умылась, съ густыми, бѣлокурыми волосами, поутреннему заколотыми черепаховой гребенкой высоко на маленькой, граціозной головкѣ, стояла у открытаго окна и смотрѣла въ садъ.

— Да, да, маменька ужъ давно къ нему навстрѣчу поѣхала,—проговорила она, не мѣняя позы.

— Къ завтраку пріѣдутъ, нечего прохлаждаться-то, подымайся скорѣе,—ворчала няня, широко раздвигая бѣлый кисейный пологъ и сбираясь стащить съ лѣнтяйки пикейное одѣяло, подъ которымъ она потягивалась, закинувъ за голову тонкія ручки, съ розовыми пятнами на локтяхъ.

— Дай понѣжиться,—протянула Вѣра.

И, снова обращаясь къ сестрѣ, спросила, съ кѣмъ она говоритъ.

— Съ кѣмъ ей говорить, никого тамъ, окромя птичекъ Божьихъ да букашекъ, нѣтъ, — отвѣчала за Соню няня. — А ты вставай, дѣла-то еще много остается сдѣлать, а ужъ восьмой часъ, — продолжала старуха, отыскивая подъ простыней ножку своей любимицы и принимаясь натягивать на нее тонкій бѣлый ажурный чулокъ. Но Вѣра не унималась.

— Ты тамъ съ Гришей говоришь?—продолжала она допрашивать сестру.

Соня и на это ничего не отвѣтила.

— Какой тамъ Гриша! Гриша къ оврагу за ландышами ускакалъ. Еще солнышко не поднялось, какъ онъ осѣдлалъ себѣ Бурку, да и поѣхалъ. Гриша-то не такой лѣнтяй, какъ ты,—проговорила старуха. — Ну-ка, давай другую ножку, гдѣ она тамъ у тебя... Экая лѣнтяйка, даже обуться сама не можетъ... Дай срокъ, вотъ какъ пожалуюсь я на тебя маменькѣ, задастъ она тебѣ, дай срокъ. Ну, вотъ и башмачки надѣты, вставай же скорѣе.

Съ этими словами старуха стащила и простыню съ гибкаго, стройнаго тѣла своей любимицы.

Вѣра, еще разъ потянувшись и зѣвнувъ, стряхнула, наконецъ, съ себя дремоту и, сорвавшись съ постели, перебѣжала комнату, кинулась къ сестрѣ, обняла ее и, высунувъ свое еще заспанное личико съ взъерошенными волосами черезъ ея плечо, окинула смѣющимся взглядомъ прелестный пейзажъ, далеко раскинувшійся передъ нею въ яркомъ солнечномъ блескѣ.

— Ахъ ты безстыдница! Въ одной сорочкѣ! Ну, Боже сохрани, увидитъ кто!—забранилась няня.—Иди скорѣе умываться, проказница!

— Няничка, я сейчасъ... меня никто не увидитъ, я за Соню спрячусь... Какъ хорошо пахнетъ цвѣтами! Ахъ, какъ хорошо! Соня, какъ ты думаешь, что намъ привезетъ папенька? Я видѣла во снѣ, что на мнѣ браслетъ золотой, съ красными камнями, очень красивый... А, можетъ быть, онъ намъ подаритъ такія филиграновыя корзиночки, какъ у Маши Голицыной... Мы поѣдемъ сегодня верхомъ, Соня? Мнѣ хотѣлось бы далеко, далеко, въ монастырь, или еще дальше... Поѣдемъ сейчасъ, Соня, пожалуйста, милая, душенька, поѣдемъ!—болтала она, прижимаясь къ сестрѣ и цѣлуя ее куда ни попало.—Гриша скоро вернется, поѣдемъ съ нимъ... къ завтраку назадъ можно вернуться... А то еще лучше, поѣдемъ по дорогѣ въ Грушевку, навстрѣчу къ папенькѣ съ маменькой...

— А вокализы? А дуэтъ повторить?—напомнила Соня.

Вѣра вздохнула.

— Ахъ да, и у меня еще пейзажъ не совсѣмъ готовъ! Вчера вечеромъ m-r Vaillant не могъ его вставить въ рамку, потому что дерево съ лѣвой стороны еще не додѣлано, — печально прибавила она.

— Ну, вотъ видишь, одѣвайся скорѣе.

Но Вѣра не трогалась съ мѣста.

— На что ты тамъ смотришь?—спросила она, вглядываясь въ изумрудныя углубленія промежъ листвы разбѣгавшихся по всѣмъ направленіямъ аллей.

— Ни на что особенно, такъ,—неохотно отвѣчала Соня.

— А мнѣ показалось, будто ты съ кѣмъ-то разговариваешь...

Ее нетерпѣливо прервали.

— Одѣвайся скорѣе.

А когда Вѣра, привыкшая повиноваться сестрѣ, отошла къ умывальнику, у котораго ее ждала няня, Соня поспѣшно высунулась изъ окна и, кивнувъ по направленію къ высокому дубу, за который, при появленіи у окна Вѣры, спряталась мужская фигура, выбѣжала изъ комнаты.

Въ одно мгновеніе слетѣла она съ лѣстницы, промчалась, не оглядываясь, черезъ столовую и гостиную, выскочила въ растворенную стеклянную дверь на крытую террассу, густо обвитую вьющимися растеніями, и задыхающимся отъ волненія голосомъ прошептала:—Гриша!

Изъ-за дерева появился юноша съ корзинкой въ рукахъ.

— Ландыши?—спросила она, не спуская съ него смѣющагося взгляда.

— Ландыши. Здравствуй.

Они поцѣловались.

— Вотъ я прибѣжала скорѣе, чтобы прежде всѣхъ знать, что̀ ты принесъ.

— Да я бы никому и не показалъ прежде, чѣмъ тебѣ.

Глаза ея сверкнули счастьемъ.

— Такъ и стоялъ бы за дубомъ?

— Такъ и стоялъ бы.

И оба отъ избытка безотчетнаго веселья, переполнявшаго имъ душу, звонко засмѣялись.

— Ну, покажи, покажи... сейчасъ Вѣра придетъ... Ахъ, сколько ландышей! Гдѣ это ты нашелъ такое множество?—вскричала она, всплескивая руками отъ восхищенія, когда, снявъ листья, которыми были прикрыты нѣжные бѣлые цвѣты, онъ подалъ ей корзинку.

— Ахъ, какая прелесть!—повторяла она, пригибаясь все ближе и ближе къ цвѣтамъ, пока зардѣвшееся отъ восторга личико совсѣмъ не утонуло въ нихъ.

А онъ молча, съ блаженной улыбкой на полураскрытыхъ губахъ, любовался ея граціозной бѣлой шейкой и густыми кудрями, выбивавшимися изъ-подъ гребенки.

— Ахъ, какъ хорошо пахнетъ! — вымолвила она ослабѣвшимъ голосомъ.

И, поднявъ голову, вскинула на юношу опьяненный ароматами взглядъ и, въ порывѣ благодарности за доставленное наслажденіе, протянула ему обѣ руки.

— Какой ты милый, что досталъ эти цвѣты!

— Это послѣдніе,—вымолвилъ онъ въ смущеніи, не зная, что дѣлать съ ручками, такъ довѣрчиво отданными въ его распоряженіе. Не смѣя ни пожать ихъ, ни поцѣловать, онъ выпустилъ ихъ изъ своихъ дрожащихъ пальцевъ и, повторивъ безсвязно: это послѣдніе, покраснѣлъ до ушей.

Она не удивилась его смущенію. Къ его странностямъ сестры успѣли привыкнуть и, когда на него находили припадки безпричинной печали, задумчивости или конфуза, онѣ никогда не спрашивали, что съ нимъ, а старались только наперерывъ развеселить его ласками и разсказами.

— Ты очень хорошо сдѣлалъ, что съѣздилъ за ландышами,— объявила Соня, ставя корзину на полъ и опускаясь рядомъ съ нею. Это любимые папенькины цвѣты. Онъ писалъ намъ съ Вѣрой: «жаль, что не застану въ Святскомъ ландышей», помнишь?

— Помню, помню,—разсѣянно отвѣчалъ Гриша.

Лице его постепенно омрачалось подъ наплывомъ мыслей, закружившихся въ его головѣ при напоминаніи о пріѣздѣ Сергѣя Владиміровича изъ Петербурга.

Какія вѣсти привезетъ онъ изъ столицы?

Вопросъ этотъ Григорій никому здѣсь не смѣлъ предложить. Съ многочисленной дворней онъ и самъ держалъ себя далеко, да и люди эти въ своемъ желаніи видѣть въ немъ настоящаго барина, возвысить его въ своемъ собственномъ мнѣніи, обращались къ нему съ преувеличеннымъ почтеніемъ, а Людмила Николаевна съ мужемъ точно зарокъ себѣ дали не упоминать ни про его прошлое, ни про то, что ждетъ его въ будущемъ. Одинъ только m-r Vaillant позволялъ себѣ изрѣдка и вскользь намекнуть на то, что ученику его надо еще много работать, чтобы сдѣлаться достойнымъ того положенія, которое его ждетъ въ болѣе или менѣе ближайшемъ будущемъ. Но намеки эти были напрасны, и безъ того Григорій постоянно думалъ о будущемъ, теряясь въ самыхъ противорѣчивыхъ предположеніяхъ насчетъ того, чѣмъ будетъ для него это будущее, и безпрестанно впадая изъ одной крайности въ другую, отъ безумной радости въ мрачное отчаяніе. Вынужденное спокойствіе, подъ которымъ онъ долженъ былъ сдерживать чувства, волновавшія ему душу, угнетало все его существо тѣмъ бо-

лѣе невыносимо, что прежде, чѣмъ попасть въ домъ Ратморцевыхъ, онъ прожилъ около двухъ мѣсяцевъ въ совершенно иной средѣ. У Бутягиныхъ только и дѣлали, что судили и рядили про перемѣну, происшедшую въ его судьбѣ, и самымъ наивнымъ, самымъ шумнымъ образомъ проявляли участіе къ нему. У него спрашивали: какъ онъ думаетъ устроить свою жизнь, когда ему достанется имя и состояніе отца; съ нему приставали съ совѣтами и, съ безцеремонностью дикарей, не стѣснялись предаваться въ его присутствіи предположеніямъ самаго фантастическаго свойства.

Въ ревнивой заботливости о своемъ любимцѣ, Бутягинымъ мерещились ужасныя вещи: ударъ кинжала изъ-за угла, ядъ, колдовство... Мало ли есть средствъ извести человѣка, отъ котораго грозитъ позоръ и раззореніе! И Григорія никуда не выпускали безъ провожатаго, зорко слѣдили за каждымъ кускомъ, который онъ проглатывалъ, спрыскивали его съ уголька отъ глаза и почти каждый день вѣшали ему на шею новую ладонку съ молитвой, крестикъ деревянный съ мощами, или образокъ съ изображеніемъ угодника, охраняющаго отъ враговъ, учили его особеннымъ молитвамъ, имѣющимъ даръ смягчать сердца недоброжелателей.

Григорій всему безпрекословно повиновался. Въ его головѣ, отуманенной до потери сознанія новизной положенія и блестящими перспективами, развертывающимися безъ конца передъ его духовными очами, первое время не было ни одной складной мысли, все перепуталось въ какомъ-то хаосѣ ощущеній до того разнообразныхъ и противорѣчивыхъ, что разобраться въ нихъ не было никакой возможности, а въ душѣ, угнетаемой новыми впечатлѣніями, не находилось мѣста ни для какихъ проявленій самостоятельности и свободной воли. Порой все случившееся съ нимъ казалось ему очаровательнымъ сномъ, въ которомъ ежеминутно приходилось наталкиваться на такія явленія, о которыхъ онъ раньше имѣлъ самое смутное, самое отдаленное понятіе, и которыя, при ближайшемъ съ ними знакомствѣ, оказывались совсѣмъ иными, чѣмъ они представлялись его воображенію.

Въ той деревнѣ, гдѣ онъ выросъ, не было барскаго дома; это было поселеніе государственныхъ крестьянъ, считавшихся зажиточными, благодаря большому строевому лѣсу, составлявшему достояніе общества, деревни душъ въ пятьсотъ. Господъ Гришѣ рѣдко доводилось видѣть, но разъ какъ-то, среди лѣта, пріѣхала къ нимъ въ лѣсъ, за грибами, богатая помѣщица съ семьей и слугами изъ села, верстъ за пятнадцать. Явилось это общество въ линейкахъ, съ телѣгой, нагруженной посудой и провизіей, и расположилось на полянкѣ, у ручья, чай пить. Видѣть вблизи господъ было для Гриши и для его товарищей такою диковинной рѣдкостью, что они со всѣхъ ногъ сбѣжались, чтобы изъ-за деревьевъ наслаждаться невиданнымъ зрѣлищемъ.

Очень было любопытно. На барынѣ былъ шушунъ такой синій съ разводами и рукавички желтыя (теперь ужъ онъ зналъ, что это были перчатки), голова бѣлымъ окутана; на барышняхъ были коротенькія такія юбочки, бѣлые штаники съ балаболочками, зеленые башмачки, перевязанные ленточками крестъ на крестъ на бѣлыхъ чулкахъ съ дырочками, точь въ точь такихъ, какіе носили Соня съ Вѣрой. А на головѣ у нихъ были шляпы соломенныя, большущія, съ розовыми лентами. Были съ ними и барчуки, тоже любопытно наряженные, въ курткахъ какихъ-то и свѣтлыхъ штанахъ. И разговаривали они между собою пофранцузски. Теперь-то Григорій понялъ бы, что они говорятъ, ну, а тогда ни слова, конечно. И вдругъ кому-то изъ нихъ чернаго хлѣба захотѣлось и молока. Замѣтивъ выглядывавшую промежъ вѣтвей рожицу, барыня закричала:

— Эй, ты, мальчикъ, поди-ка сюда, не бойся.

Товарищи Григорія, съ сдержаннымъ хихиканіемъ, стали толкать его впередъ. Онъ упирался, что было силъ. Ему очень жутко было предстать передъ такимъ важнымъ обществомъ въ своей рваной рубашонкѣ, подпоясанной лычкомъ, и въ заплатанныхъ посконныхъ штанахъ, но дѣлать было нечего: озорникъ Ѳедька такъ изловчился выпихнуть его изъ-за дерева, что онъ кубаремъ выкатился почти къ самымъ ногамъ барыни. Дѣти завизжали отъ восторга, и сама барыня изволила засмѣяться. Григорій быстро вскочилъ на ноги и съ отчаянною рѣшимостью смотрѣлъ ей прямо въ глаза. «Дѣлай, дескать, со мной, что хочешь, ужъ все равно».

— Какой хорошенькій! — замѣтила одна изъ барышень.

Одобрительно кивнувъ въ знакъ того, что она согласна съ мнѣніемъ дочери, барыня ласково спросила у Григорія, здѣшній ли онъ.

Онъ не понялъ вопроса и робко вымолвилъ:

— Ты чаво?

Молодые господа опять подняли хохотъ. Тогда съ травы, на которой онъ растянулся во весь ростъ, приподнялся молодой баринъ и принялся въ свою очередь допрашивать мальчика, гдѣ изба его родителей и какъ зовутъ его отца.

Тутъ на выручку Григорія выступилъ одинъ изъ лакеевъ, раздувавшихъ по близости самоваръ. Онъ объяснилъ, что знаетъ этого мальчика. У него ни тятьки, ни мамки нѣтъ, онъ изъ шпитательнаго, у кузнеца Андрона живетъ. Кузнечиха его изъ Москвы на выкормку взяла.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ; Григорію было не болѣе семи лѣтъ, когда случилось это происшествіе, но до сихъ поръ помнитъ онъ взгляды, полные любопытства, которыми всѣ окружающіе на него уставились, узнавъ объ его происхожденіи. Всѣ перестали смѣяться и, приблизившись къ Григорію, разглядывали его съ ногъ до головы, обмѣниваясь между собою замѣчаніями на

непонятномъ ему языкѣ. И прислуга тоже съ большимъ участіемъ на него смотрѣла. Наконецъ, предложивъ ему нѣсколько вопросовъ на счетъ того, добры ли къ нему пріемные родители, есть ли у нихъ свои дѣти и живутъ ли они зажиточно, барыня откинула съ его лба всклокоченныя кудри, спадывавшія ему ниже бровей, и долго всматривалась въ его синіе, съ длинными рѣсницами глаза, любуясь ими, а также его прямымъ съ горбинкой носомъ, маленькимъ ртомъ, продолговатымъ оваломъ загорѣлаго лица. Она приказала ему для чего-то протянуть ручонку и растопырить пальцы. Чудная барыня! Кабы Гриша не оробѣлъ до полусмерти при этомъ осмотрѣ, ему было бы смѣшно, ей-Богу! Она даже и на его босыя, грязныя ноги обратила вниманіе и другимъ велѣла на нихъ посмотрѣть, вотъ какая любопытная. Потомъ ему всѣ наперерывъ стали давать сластей, наклали ему въ подолъ рубашонки сахару, пироговъ сладкихъ, булки бѣлой, кренделей и, положивъ на все это два пятака, приказали принести изъ деревни кринку молока и чернаго хлѣба.

Григорій со всѣхъ ногъ побѣжалъ исполнять приказаніе, и прямо къ мамкѣ кузнечихѣ. Та пятакамъ несказанно обрадовалась, сейчасъ полѣзла въ погребъ за молокомъ, отрѣзала полковриги хлѣба, завернула въ чистое полотенце и, вмѣстѣ съ крынкой молока съ густымъ устоемъ, понесла господамъ въ лѣсъ. Григорій больше не трусилъ и пошелъ съ нею. Господа долго бесѣдовали съ кузнечихой. О чемъ именно, онъ не понялъ, хотя и порусски говорили, но, вѣроятно, о немъ, потому что время отъ времени кузнечиха ласково гладила его по головѣ своей широкой, мозолистой рукой. Господа дали ей денегъ. Много, должно быть. Григорію потомъ гармонику купили, да изъ старой тятькиной чуйки на зиму новый армякъ сшили. И долго послѣ того, почитай съ мѣсяцъ, зря не колотили, а тогда только учили, когда онъ виноватъ былъ въ чемъ нибудь.

А тамъ, пріѣхалъ изъ сосѣдняго большаго села братъ кузнечихи, слесарь Акимъ, и взялъ его къ себѣ въ ученіе. Григорій такъ хорошо навострился работать, что ему ужъ поручали тонкія штучки дѣлать, когда Бутягинъ розыскалъ его и открылъ ему, какая его ждетъ судьба.

Все ему тутъ разсказали, безъ утайки, и о томъ, какой важный да строгій баринъ его родитель, а также про горькую судьбу его матери. Но долго ничего не понималъ Григорій, кромѣ того, что въ судьбѣ его свершилась важная перемѣна. Этого ужъ нельзя было не понять: его одѣли съ ногъ до головы во все новое, кормили лакомствами и обращались съ нимъ болѣе чѣмъ ласково, съ уваженіемъ даже, называя не иначе, какъ Григорій Александровичъ, и на всѣ лады повторяли, что онъ долженъ себя за барина считать.

Привезли его въ Петербургъ и стали совѣщаться относительно того, какъ съ нимъ дальше поступать.

Старикъ Бутягинъ объявилъ, что денегъ онъ на него не пожалѣетъ.

— Хоть бы тысячу рублей запросили, чтобъ изъ Григорія Александровича заправскаго барина сдѣлать, сейчасъ готовъ дать.

Сынъ его, Алексѣй Петровичъ, купецъ первой гильдіи, одобрилъ вполнѣ намѣреніе отца, а невѣстка его, Анна Васильевна, которая вела знакомство въ хорошихъ домахъ и часто навѣщала свою крестную, супругу статскаго генерала, утверждала, что для манеръ и чтобъ онъ умѣлъ погосподски объясняться и пофранцувски бы зналъ, необходимо отдать его къ нѣмцу въ пансіонъ.

— А вотъ, какъ прикажетъ его дяденька, Сергѣй Владиміровичъ, сенаторъ Ратморцевъ, такъ мы и сдѣлаемъ,—возражалъ на эти совѣты старикъ.

Всѣ эти разговоры происходили въ присутствіи Григорія. Не стѣсняясь, совѣщались при немъ и съ камердинеромъ сенатора Ратморцева, Захаромъ Ипатычемъ, который рѣдкій день не забѣгалъ къ Бутягинымъ провѣдать молодаго барина Григорія Александровича и потолковать про его дѣло со своимъ старымъ кумомъ Петромъ Захарычемъ. У Бутягиныхъ Захаръ Ипатычъ былъ почетнымъ гостемъ, его сажали на диванъ, уставляли передъ нимъ столъ съ закусками, и Анна Васильевна заставляла свою Фленушку подавать ему чай.

Являлись и другіе люди поглазѣть на непризнаннаго сынка Воротынцевскаго барина, но всѣхъ рѣзче запечатлѣлась въ памяти Григорія женщина среднихъ лѣтъ, съ пронзительнымъ взглядомъ, не спускавшая съ него глазъ въ церкви. Каждую субботу и воскресенье, и въ какую бы церковь его ни повели, она непремѣнно туда являлась и ни на секунду не спускала съ него своихъ выразительныхъ черныхъ глазъ.

Женщину эту покровители его тоже давно замѣтили.

— Маланья-то Михаилова опять насъ выслѣдила, — говорила Анна Васильевна мужу и свекру по возвращеніи домой.—Все время на Григорія Александровича смотрѣла.

— Пусть ее смотритъ, — ухмылялся самодовольно старикъ.

— И мужъ съ нею былъ?

— Былъ, былъ.

— А прошлый разъ, на всенощной, съ двумя какими-то старушками пришла; тоже обѣ на Григорія Александровича всё глядѣли да вздыхали. Очень онъ имъ всѣмъ любопытенъ.

— Какъ не любопытенъ! Поди, чай, тоже изъ Воротыновскихъ, маменьку его покойницу помнятъ. Маланья-то, эфта самая, вмѣстѣ съ нею выросла, еще покойницей старой барыней была къ ней приставлена. Она вѣдь, Маланья-то, покойницѣ Ѳедосьѣ Ивановнѣ внучатной племянницей доводилась, любимаго ейнаго племянника, выѣзднаго Тимоѳея, дочка. Его, Тимоѳея-то, въ солдаты покойный баринъ Василій Григорьевичъ отдалъ, мать потерялась, дѣвочку бабка и призрѣла...

И, разъ попавъ на эту тему, разговоръ не истощался. У обоихъ стариковъ много осталось друзей и родныхъ въ Воротыновкѣ и перебирать старину было для нихъ истиннымъ наслажденіемъ. Безпрестанно пересыпались ихъ разсказы о прошломъ именами старой барыни Мареы Григорьевны, барышни Мареиньки, приживалки Варвары Петровны, Митиньки. Упоминали они также и про ту, что въ Гнѣздѣ умерла, понижая при этомъ, по привычкѣ, таинственно голосъ, и такъ увлекались бесѣдой, что забывали о присутствующихъ. Надо было дернуть за рукавъ разболтавшагося Захара Ипатыча или Петра Захарыча, знаменательно кивнувъ при этомъ на Григорія, чтобъ заставить ихъ вспомнить, что неудобно распространяться при немъ такъ откровенно про его мать, отца, прабабку. Вѣдь баринъ будетъ и, какъ вернутъ ему права, вся Воротыновка, съ землями, лѣсами, водами и людьми будетъ ему принадлежать. А сколько въ этой самой Воротыновкѣ живетъ близкихъ имъ людей, которые очутятся тогда совсѣмъ въ его власти. Ну, какъ онъ окажется такимъ же крутымъ да злопамятнымъ, какъ дѣдъ и отецъ? У этихъ такія рѣчи не прошли бы даромъ, можетъ, и онъ за нихъ отомститъ на невинныхъ, какъ въ силу-то войдетъ. Теперь-то онъ тихъ да робокъ, какъ мать, ни бахвальства въ немъ, ни чванства не замѣтно, кто его знаетъ, какимъ онъ потомъ окажется, какъ настоящимъ бариномъ себя почувствуетъ.

Но опасенія эти были напрасны. Григорій былъ слишкомъ ошеломленъ настоящимъ, чтобъ вдумываться въ прошлое. Разсказы про мать доходили только до его ушей, сердцемъ же не воспринимались. Эта женщина оставалась ему чужой, и онъ уже потому не скорбѣлъ объ ея злой судьбѣ, что не въ состояніи былъ понимать ея страданій. Страданія эти были недоступны его душѣ, никогда не испытавшей никакихъ другихъ чувствъ, кромѣ боязни быть побитымъ и страха, что ему не дадутъ ѣсть, если останутся недовольными его работой. Ни мукъ любви, ни терзаній самолюбія онъ не испыталъ и о бо̀льшей радости, какъ надѣть новую шапку или красную рубашку въ праздникъ, онъ не зналъ. Отъ пьянства и разврата въ окружавшей его средѣ спасала его врожденная мечтательность, составлявшая основу его характера. Всегда, съ тѣхъ поръ, какъ онъ себя помнилъ, тянуло его къ уединенію. Ни съ кѣмъ онъ не сближался, потому, можетъ быть, что чувствовалъ себя для всѣхъ чужимъ, безъ роду и племени. А, можетъ быть, потому, что ребенокъ, зачатый въ слезахъ и печали, не можетъ родиться съ здоровой душой; такъ или иначе, но шумное веселье пугало и раздражало его. Нервной чувствительности, унаслѣдованной отъ матери, надо было также приписать безотчетный, почти физическій страхъ, испытываемый имъ отъ такихъ причинъ, какъ заигрываніе дѣвокъ и молодыхъ бабъ, въ которыхъ его тонкая, бар-

ская красота возбуждала нѣжность и жалость, какъ къ существу не отъ міра сего.

Да, ни мыслей, ни чувствъ развитаго воспитаніемъ человѣка у Григорія до двадцати лѣтъ не было, но душа его была до болѣзненности чутка къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ; онъ плакалъ, самъ не зная о чемъ, глядя на звѣзды въ лѣтнюю ночь, блѣднѣлъ и впадалъ въ столбнякъ отъ безотчетнаго восторга, слушая пѣвчихъ въ церкви.

Его сближеніе съ семьей Ратморцева было такой же важной эпохой въ его жизни, какъ и переходъ изъ слесарни въ домъ Бутягиныхъ, даже болѣе важный, можетъ быть, такъ какъ изумленіе передъ внезапно его постигшимъ переворотомъ судьбы начинало уже притупляться и его отношенія къ новымъ впечатлѣніямъ съ каждымъ днемъ становились сознательнѣе. Когда его въ первый разъ повели къ дяденькѣ Сергѣю Владиміровичу, онъ ужъ зналъ причину невольнаго страха и смущенія, овладѣвшаго всѣмъ его существомъ; онъ зналъ, что ему стыдно предстать мужикомъ и неучемъ передъ человѣкомъ, которому онъ равенъ по рожденію и по состоянію, и сознаніе это усиливало его робость.

Не взирая на то, что его ужъ давно готовили къ этому знакомству и со всѣхъ сторонъ ему толковали про доброту и привѣтливость дяденьки Сергѣя Владиміровича, тетеньки Людмилы Николаевны и ихъ барышень, Григорій не помнилъ себя отъ волненія и смущенія, поднимаясь по лѣстницѣ съ красивымъ ковромъ и проходя по богато убраннымъ комнатамъ Ратморцевскаго дома. Все тутъ было иначе, чѣмъ у Бутягиныхъ, несравненно просторнѣе и свѣтлѣе. Каждый предметъ ласкалъ взоръ красотой и изяществомъ; воздухъ былъ пропитанъ ароматомъ цвѣтущихъ растеній и тонкихъ духовъ; высокіе потолки были такъ прекрасно расписаны, что, если-бъ не стыдно было, Григорій все бы стоялъ, задравъ носъ къ верху. Благообразная, съ почтительными манерами прислуга, попадавшаяся имъ на встрѣчу, ступала такъ тихо и осторожно по коврамъ и половикамъ, разостланнымъ по паркету, что нельзя было не проникнуться благоговѣйнымъ уваженіемъ къ хозяевамъ этого дома.

Сергѣй Владиміровичъ Ратморцевъ ѣхалъ въ сенатъ, когда Григорія къ нему ввели; онъ былъ во фракѣ съ свѣтлыми пуговицами, въ орденахъ и звѣздѣ. Его блѣдное и худощавое лицо, съ глубокими глазами, показалось Григорію очень строго и, если онъ довольно складно отвѣчалъ на предлагаемые ему вопросы, это вышло совершенно случайно: у него звенѣло въ ушахъ отъ волненія, и словъ, обращенныхъ къ нему онъ разобрать не могъ, слышалъ только голосъ, и голосъ этотъ казался ему рѣзкимъ и повелительнымъ.

Впослѣдствіи онъ привыкъ къ голосу дяди и убѣдился, что добрѣе

и великодушнѣе человѣка трудно найти на свѣтѣ, а, всетаки, не въ силахъ былъ преодолѣть чувство страха и смущенія, когда Сергѣй Владиміровичъ обращался къ нему съ вопросомъ или замѣчаніемъ. Но зато ко всѣмъ остальнымъ членамъ семьи онъ скоро привыкъ и не стѣснялся ни съ Людмилой Николаевной, ни съ m-r Vaillant; а ужъ про Соню съ Вѣрой и говорить нечего: эти съ первой же минуты показались ему ангелами небесными, сошедшими на землю для его радости и счастья. Къ нимъ онъ съ первой минуты почувствовалъ нѣчто въ родѣ благоговѣйнаго обожанія, длившагося и до сихъ поръ, съ тою только разницей, что онъ сталъ понемногу отличать одну отъ другой все больше и больше. Въ минуты тоски его тянуло къ Сонѣ, а когда было радостно на душѣ, онъ предпочиталъ быть съ Вѣрой.

Съ нѣкоторыхъ поръ въ немъ стало пробуждаться новое, никогда еще до сихъ поръ не испытанное чувство—потребность къ изліяніямъ. Разъ какъ-то, незадолго до того дня, когда ожидали Сергѣя Владиміровича изъ Петербурга, самъ не понимая, какъ это случилось, онъ заговорилъ съ Соней про то, о чемъ никогда еще никому не проронилъ ни слова.

Вѣра уѣхала къ сосѣдямъ съ матерью, m-r Vaillant ушелъ удить рыбу къ мельницѣ, а Соня съ Григоріемъ засидѣлись вдвоемъ до поздняго вечера на ступенькахъ террассы въ садъ. Вѣроятно, наступившая темнота придала ему храбрости, и онъ разсказалъ ей все, что ему было извѣстно про несчастную судьбу своей матери: какъ она росла круглой сиротой въ Воротыновкѣ у старой барыни Мароы Григорьевны, какъ пріѣхалъ туда молодой баринъ и обвѣнчался съ нею, а потомъ разлюбилъ, бросилъ и уѣхалъ въ Петербургъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ приказалъ отвезти ее въ подмосковную, гдѣ ее держали взаперти, какъ невольницу, даже подышать свѣжимъ воздухомъ изъ подвала не выпускали, и, наконецъ, какъ она одна, всѣми покинутая, умерла послѣ того, какъ онъ родился на свѣтъ.

Соня слушала молча. Было темно, и лица ея не было видно, но онъ слышалъ ея порывистое дыханіе, видѣлъ, какъ вздрагиваютъ ея плечи, и какъ она все ниже и ниже опускаетъ голову на руки. Онъ догадался, что она плачетъ, и у него тоже слезы потекли изъ глазъ. Но это были не горькія слезы, а радостныя и успокоительныя. Тоска, душившая его весь день, постепенно разсѣявалась по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, и, чувствуя, что милое его сердцу существо плачетъ о томъ же самомъ, о чемъ онъ до сихъ поръ одинъ печалился, у него отлегло отъ сердца, и новое, никогда еще до этой минуты не испытанное чувство сладкой истомы стало наполнять ему душу. Чего-то хотѣлось... чего-то неопредѣленнаго, непонятнаго жаждало сердце.

И вдругъ, почувствовавъ на своей рукѣ холодную, дрожащую

ручку Сони, онъ понялъ, что ему только этого и надо—чувствовать ея руку въ своей рукѣ, и волненіе его сердца успокоилось.

— Ты это давно знаешь?—спросила она тихо-тихо, прерывающимся отъ рыданій голосомъ.

Онъ тотчасъ же понялъ, о чемъ она спрашиваетъ: ее приводило въ недоумѣніе его запоздалое чувство къ матери. Ему и самому теперь казалось непонятнымъ, какъ могло это чувство такъ долго не пробуждаться въ его душѣ.

— Да, я давно это знаю, — отвѣчалъ онъ со вздохомъ. — Мнѣ разсказали это еще въ Москвѣ, больше года тому назадъ! А потомъ мнѣ и у Бутягиныхъ постоянно про нее говорили, но я какъ-то не понималъ, и слушать про нее мнѣ было все равно, что про чужую... Ну, вотъ точно въ книжкѣ читаешь или тебѣ какую нибудь выдуманную сказку разсказываютъ, понимаешь? Петръ Захарычъ ее хорошо зналъ, и безъ слезъ про нее вспомнить не можетъ. Онъ ее видѣлъ въ Воротыновкѣ, когда она еще была барышней. Передъ свадьбой она цѣлыхъ двѣ недѣли у его родителей, въ ихъ городскомъ домѣ, прогостила. Потомъ къ ней ужъ никого не пускали изъ чужихъ и видѣли ее одни только Воротыновскіе. Захаръ вашъ, Акулина, а также старая ключница Матрена, всѣ они ее помнятъ совсѣмъ молоденькой. Они говорятъ, что я на нее похожъ, а Бутягины, тѣ увѣряютъ, что я весь въ отца уродился.

И, помолчавъ, онъ прибавилъ, понижая голосъ и точно про себя:

— Я ее все во снѣ вижу. Надо по ней панихиду отслужить. Какъ пойду въ монастырь одинъ, такъ и отслужу.

— Зачѣмъ одинъ? Я съ тобой пойду,—сказала Соня.

— Тебя не пустятъ.

— Мы такъ сдѣлаемъ, что никто не узнаетъ. Не надо никому объ этомъ говорить, это будетъ наша тайна, хочешь?

— Еще бы! Мнѣ только съ тобою и хочется говорить про нее, ни съ кѣмъ больше. Я и думать-то про нее сталъ только съ тѣхъ поръ, какъ я съ тобой подружился; прежде я ничего къ ней не чувствовалъ. Я даже представить себѣ не могъ, какая она была. Когда, бывало, ребятишки дразнились въ деревнѣ: «у тебя мамки нѣтъ», я уйду подальше и все думаю, все думаю, какая она была. И начнетъ, бывало, несуразное представляться... то на Богородицу похоже, то на...

Онъ махнулъ рукой и, не договоривъ начатой фразы, смолкъ.

— Ну, а теперь?—спросила Соня.

— Теперь... Я тебѣ скажу,—началъ онъ, запинаясь передъ каждымъ словомъ:—только я боюсь, какъ бы ты не обидилась...

— Нѣтъ, нѣтъ, говори, говори скорѣе...

— Теперь мнѣ кажется, что она на тебя похожа. Какъ начну про нее вспоминать, такъ ты мнѣ и являешься. Я не хотѣлъ тебѣ этого говорить и вотъ не вытерпѣлъ... Ради Бога, не говори этого

никому, я пропалъ, если кто нибудь узнаетъ,—продолжалъ онъ, въ волненіи сжимая ея руки и устремляя на нее полный испуга взглядъ.

— Никому не скажу! Никому! Клянусь тебѣ въ этомъ моимъ ангеломъ хранителемъ.

И, задыхаясь отъ слезъ, она дрожащими пальчиками раздвинула на груди складочки своей бѣлой, кисейной шемизетки, вынула образокъ, висѣвшій на ея шейкѣ, на тонкой золотой цѣпочкѣ, поцѣловала его и подала ему. Онъ тоже прижался къ нему губами.

Послѣ этого Соня съ Григоріемъ сдружились еще больше, и лучшаго удовольствія у нихъ не было, какъ сойтись гдѣ нибудь вдвоемъ, чтобъ толковать про то, что они называли своей тайной, то-есть про его мать.

Но мало по малу у нихъ стали являться и другіе предметы для разговора.

Про ихъ общую прабабку, Марѳу Григорьевну, Соня съ сестрой много слышали и отъ родителей, и отъ прислуги. Нерѣдко также упоминали при нихъ и про дяденьку Александра Васильевича Воротынцева, но что онъ именно и есть Гришинъ отецъ, этого онѣ не знали, и когда онъ сказалъ это Сонѣ, она въ первую минуту ничего не поняла.

— Да вѣдь дяденькину жену зовутъ Марьей Леонтьевной, и она до сихъ поръ жива,—возразила она, широко раскрывая глаза.

— Онъ послѣ на ней женился, а раньше его женой была моя мать.

— Значитъ, кузина Марта тебѣ сестра, а Леля съ Васей братья?

Онъ утвердительно кивнулъ и хотѣлъ было ей пояснить что-то такое, но она прервала его.

— Постой, дай мнѣ вспомнить... Вотъ,—продолжала она послѣ небольшаго раздумья,—когда прошлой зимой дяденька Александръ Васильевичъ умеръ, маменька съ папенькой говорили между собой про то, носить ли тебѣ по немъ трауръ, или нѣтъ. И маменька сказала: «если ужъ ему носить трауръ, то самый глубокій». Меня съ Вѣрой это удивило; насъ только шесть недѣль одѣвали въ бѣлое, а маменька ходила до Пасхи въ сѣромъ, зачѣмъ же тебѣ было носить глубокій трауръ? Теперь я понимаю, онъ былъ твой отецъ.

— Я его вовсе не зналъ,— замѣтилъ Григорій.

— И даже ни разу не видѣлъ?

— Видѣлъ разъ, въ пріемной у графа Бенкендорфа. Но мнѣ только послѣ сказали, что это онъ. Это и хорошо: если-бъ я зналъ раньше, что этотъ важный господинъ съ сердитымъ и гордымъ лицемъ мой отецъ, у меня такъ зарябило бы въ глазахъ отъ страха, что я вовсе не могъ бы его разглядѣть. И безъ того у меня мурашки пробѣжали по тѣлу, когда онъ передо мною остановился.

— А развѣ онъ остановился передъ тобой? Разскажи, пожалуйста, разскажи, какъ это было?

Но Григорій колебался.

— Я не долженъ объ этомъ говорить, Соня.

— Ничего, ничего, разскажи!—настаивала она съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ.

— Мнѣ запретили говорить вамъ про себя, я обѣщалъ... это будетъ не хорошо, если я не сдержу слова...

— Ничего... ты ужъ началъ, не все ли равно... Мнѣ такъ хочется знать про тебя все, все... Гриша, милый, разскажи!—повторила она безсвязно, задыхаясь отъ волненія, прижимаясь къ нему и впиваясь въ его лице сверкающими глазами.—Зачѣмъ тебя позвали къ графу? Зачѣмъ?

— Онъ у меня спросилъ, что мнѣ извѣстно про моихъ родителей, про мою мать, про отца. Ну, я сказалъ все, что слышалъ отъ Бутягиныхъ. Нельзя было не сказать, онъ такъ строго спрашивалъ...

— Разумѣется, нельзя было, ну, такъ что-жъ?

— Да мнѣ-то ничего, а Петру Захарычу, тому крѣпко досталось. Его тамъ одинъ такой худой, блѣдный, съ черными глазами, ругалъ, ругалъ...

Какъ ни была заинтересована разсказомъ Соня, однако при послѣднемъ словѣ она остановила Григорія.

— Не надо такъ выражаться, Гриша.

— Да, я все забываю.

— Надо сказать: ему сдѣлали строгій выговоръ,—объявила она наставительнымъ тономъ.—Но ты про себя-то разскажи, какъ ты съ отцомъ встрѣтился.

— Вотъ послѣ того, какъ меня обо всемъ разспросили, мнѣ приказали въ пріемной ждать, а Петру Захарычу велѣли домой идти.

— Ты, значитъ, одинъ остался?

— Одинъ. Но только Петръ Захарычъ совсѣмъ-то не ушелъ: когда меня выпустили, я его на крыльцѣ увидѣлъ. Онъ меня тамъ ждалъ.

— Ну? Ну?

— Онъ сталъ меня спрашивать: видѣлъ ли я моего родителя, Александра Васильевича Воротынцева? Я говорю: много тамъ было генераловъ, которые прямо къ графу въ кабинетъ прошли, а которые со всѣми въ пріемной ждали. Одинъ какой-то, очень важный, должно быть, какъ онъ проходилъ, такъ всѣ ему кланялись, а онъ только кое-кому головой кивалъ, а когда поровнялся со мной, остановился на минуту и пронзительно на меня посмотрѣлъ. А какой онъ изъ себя?—спросилъ Петръ Захарычъ. Высокій такой, говорю, плотный, глаза большущіе, черные, брови дугой, а носъ съ горбинкой. Онъ, онъ,—сказалъ Петръ Захарычъ,—онъ самый есть, Александръ Васильевичъ Воротынцевъ, твой родитель. Такъ онъ

остановился передъ тобой, ты говоришь? Призналъ, значитъ. И ничего не сказалъ? Ничего, только посмотрѣлъ на меня, говорю.

— А послѣ этого ты его больше не видѣлъ? — спросила Соня.

— Гдѣ же послѣ, вѣдь онъ въ ту же ночь и скончался,—отвѣчалъ Григорій. — Панихиду по немъ мы въ лаврѣ св. мученика Александра Невскаго отслужили, и, должно быть, Петръ Захарычъ разсказалъ про меня монахамъ: они съ такимъ любопытствомъ на меня уставились, что я отъ стыда не зналъ, куда глаза дѣвать.

— Чего тебѣ было стыдиться?

— Ахъ, Соня, вѣдь онъ такъ и умеръ, не пожелавъ меня сыномъ признать! За врага, поди чай, меня почиталъ. Это отецъ-то родной! Какъ же не стыдно!

— Ты не виноватъ, — вымолвила она.

У него вырвался изъ груди глубокій вздохъ.

— Эхъ, кабы скорѣе томленіе это кончилось! Ужъ знать бы мнѣ навѣрное, что я такое...

— Кончится, вотъ увидишь, что скоро кончится! — вскричала Соня, обнимая его.—Я такъ усердно молюсь за тебя Богу! Я теперь и ночью встаю, чтобъ молиться за тебя,—прибавила она понижая голосъ.

Она думала о немъ постоянно, и онъ это теперь зналъ. Когда имъ нельзя было говорить наединѣ, они обмѣнивались взглядами и улыбками и читали въ глазахъ другъ у друга мысли, какъ въ открытой книгѣ.

— Вѣдь ты прибѣжала сюда пораньше, чтобъ поговорить со мной безъ Вѣриньки; ты угадала, что я тебя жду,—сказалъ Григорій, въ то время какъ, нагнувшись надъ корзиной, она перебирала въ ней ландыши.

Соня стремительно подняла къ нему свое раскраснѣвшееся, оживленное лицо.

— Да. Я какъ проснулась, такъ подумала: Гриша въ саду, онъ принесъ ландыши и хочетъ мнѣ ихъ раньше всѣхъ показать, вѣдь правда?

— Правда, правда, я тебя ждалъ.

Она опустила руку съ недодѣланнымъ букетомъ въ корзину и стала внимательно вглядываться въ его лице.

— Ты плакалъ? О чемъ?

— Ничего, я такъ... сердце ноетъ. Все кажется, что дяденька привезетъ для меня недобрыя вѣсти...

Печаль его мгновенно и точно въ зеркалѣ отразилась въ ея глазахъ, и ея нижняя губка задрожала, какъ у дѣтей, когда они собираются заплакать.

— Почему ты такъ думаешь?—дрогнувшимъ отъ сдержанныхъ слезъ голосомъ спросила она.

— Не знаю, не знаю,—безпомощно повторилъ онъ,—предчувствіе, это со мной бываетъ...

Онъ хотѣлъ что-то прибавить, но смолкъ на полусловѣ, прислушиваясь къ отдаленному шороху и торопливымъ шагамъ маленькихъ ногъ, бѣгущихъ сюда сверху.

— Это Вѣринька,—объявила Соня.—Она сначала заглянетъ въ классную, а потомъ прибѣжитъ сюда, мы съ тобой поговоримъ послѣ...

Лице юноши омрачилось.

— Когда же? Дяденька съ тетенькой скоро пріѣдутъ, и тогда тебѣ ужъ ни на минуту нельзя будетъ отлучиться изъ дому,—проговорилъ онъ печально.

— Найдемъ минутку, не безпокойся. А нельзя будетъ днемъ, такъ вечеромъ, передъ ужиномъ, какъ вчера, помнишь... тссс!

Они смолкли. Изъ гостиной ужъ слышался голосъ Вѣры:

— Соня! Гриша! Гдѣ вы?

— Я здѣсь,—поспѣшила откликнуться ея сестра.

— А я уйду,—сказалъ Григорій,—мнѣ такъ тоскливо, что я только съ тобой и могу быть.

— Иди, иди.

Онъ въ два прыжка очутился въ темной аллеѣ и, когда Вѣра прибѣжала, она нашла на террассѣ одну только Соню.

XXI.

Господа пріѣхали въ Спасское въ назначенный часъ. Послѣ завтрака Сергѣй Владиміровичъ бесѣдовалъ съ дѣтьми и съ m-r Vaillant про ихъ занятія во время его отсутствія, просматривалъ ихъ работы, рисунки, пробы лѣпки изъ воску и глины, заставлялъ ихъ пѣть и играть на фортепіано, выслушалъ съ большимъ вниманіемъ дуэтъ, выученный къ его пріѣзду Соней съ Гришей, и остался очень доволенъ ихъ успѣхами во всемъ.

Особенно радовалъ его здоровый румянецъ на щечкахъ дочерей и то, что онѣ выросли, пополнѣли и такъ развились физически за эти три мѣсяца, что можно было успокоиться на счетъ ихъ здоровья. Можно было, значитъ, зимой, не прерывая уроковъ, начать вывозить ихъ въ свѣтъ, не опасаясь опасныхъ послѣдствій для ихъ деликатнаго сложенія, отъ нарушенія той правильной жизни, которую онѣ до сихъ поръ вели.

Произвелъ на него также хорошее впечатлѣніе и Григорій. Угловатая неловкость въ движеніяхъ и робость, непріятно поражавшая въ немъ еще такъ недавно, теперь сгладилась на столько, что если онъ и отличался еще отъ юношей его лѣтъ, воспитанныхъ съ дѣтства побарски, то развѣ только, не лишенной граціи, наивною естественностью въ манерѣ держать себя и сдержанностью въ рѣчи,

да еще тѣмъ, что онъ казался моложе своихъ лѣтъ; больше восемнадцати ему трудно было дать.

По просьбѣ m-r Vaillant Сергѣй Владиміровичъ позвалъ къ себѣ въ кабинетъ Гришу, чтобъ подробно проэкзаменовать его изъ исторіи, географіи, продиктовалъ ему нѣсколько строкъ пофранцузски и долго бесѣдовалъ съ нимъ на этомъ языкѣ. По окончаніи экзамена Ратморцевъ съ улыбкой обратился къ старику-французу со словами:

— Вашъ ученикъ вамъ дѣлаетъ честь, m-r Vaillant.

Лице старика просіяло отъ этого комплимента.

— Vour pouvez vous retirer, mon garçon,—обратился онъ къ Гришѣ. И, оставшись наединѣ съ Сергѣемъ Владиміровичемъ, онъ сталъ превозносить способности, быстроту соображенія, прилежаніе и добрый нравъ юноши.

— Вы представить себѣ не можете, какъ съ нимъ легко заниматься! Память феноменальная и схватываетъ все, что ему объясняешь, на полусловѣ. C'est une terre vierge que ce garçon! Сѣйте на ней что угодно, все взойдетъ и дастъ роскошные плоды. О, года черезъ три онъ перегонитъ въ познаніяхъ всѣхъ своихъ сверстниковъ изъ высшаго петербургскаго общества, за что я ручаюсь. Онъ почти отъ всѣхъ своихъ дурныхъ привычекъ отвыкъ, не произноситъ больше тѣхъ вульгарныхъ словъ, которыя такъ шокировали m-me Ratmortzeff. Правда, что въ этомъ отношеніи les demoiselles намъ дѣятельно помогаютъ. Онѣ не спускаютъ ему ни одного низкаго слова или движенія, а онъ, il est d'une docilité surprenante. Oh! c'est une nature d'ange...

— Въ мать,—задумчиво замѣтилъ Ратморцевъ.

— Дай ему Богъ счастья и удачи,—подхватилъ старый французъ.

И послѣ минутнаго колебанія онъ не вытерпѣлъ, чтобъ не спросить, что извѣстно про дѣло Григорія, есть ли надежда, что оно скоро кончится.

И его тоже, какъ и всѣхъ остальныхъ въ домѣ, страстно интересовалъ этотъ вопросъ, отчасти по личнымъ соображеніямъ. Онъ не сомнѣвался въ томъ, что, получивъ свое состояніе, сдѣлавшись однимъ изъ богатѣйшихъ людей Россіи, Григорій непремѣнно захочетъ путешествовать, захочетъ видѣть сокровища искусства и цивилизаціи, съ которыми такъ старательно знакомитъ его m-r Vaillant своими разсказами, а также посредствомъ книгъ извѣстныхъ путешественниковъ. Пуститься въ путь одинъ онъ не рѣшится, да и пользы будетъ несравненно меньше; онъ, безъ сомнѣнія, будетъ просить m-r Vaillant его сопровождать и, какъ ни грустно будетъ старику разставаться съ семьей Ратморцевыхъ, онъ согласится на просьбу Григорія, потому что ему очень хочется взглянуть передъ смертью на свою прекрасную родину и пожить въ ней годикъ, другой.

Осуществленіе этой мечты зависѣло отъ окончанія дѣла, поднятаго покровителями Григорія противъ наслѣдниковъ Воротынцова; понятно, что m-r Vaillant не безъ тревоги заговорилъ про это дѣло.

Сергѣй Владиміровичъ отвѣтилъ ему то же самое, что и женѣ своей нѣсколько часовъ назадъ: дѣло не подвинулось ни на іоту со смерти Александра Васильевича, и никому неизвѣстно, когда ему дадутъ надлежащій ходъ.

— Гришѣ еще долго, можетъ быть, придется ждать, чтобъ ему возвратили имя и состояніе отца.

— Pauvre garçon!—вздохнулъ французъ.

— Его слѣдовало бы къ этому приготовить, — замѣтилъ Ратморцевъ.

Лице старика вытягивалось все больше и больше.

— Я ему постоянно толкую о терпѣніи и о превратностяхъ судьбы. Жизнь состоитъ изъ разочарованій, — прибавилъ онъ печально.

— Вы хорошо дѣлаете, но этого мало: надо ему опредѣленнѣе выяснить его положеніе, чтобъ онъ не предавался напраснымъ надеждамъ.

И, рѣшившись, вдругъ, скорѣе кончить съ этимъ непріятнымъ объясненіемъ, онъ прибавилъ:—Пришлите его ко мнѣ, я съ нимъ самъ переговорю.

M-r Vaillant вышелъ, а минутъ черезъ пять вошелъ въ кабинетъ Григорій.

— Садись сюда, Гриша, потолкуемъ,—сказалъ ему дядя, указывая на стулъ рядомъ съ письменнымъ столомъ.

Григорій опустился на указанное ему мѣсто.

Уже по одному выраженію лица стараго француза и по голосу его, когда онъ передавалъ ему приказаніе дяди къ нему явиться, Григорій догадался, что ему предстоитъ узнать непріятную новость, и сердце его забилось недобрымъ предчувствіемъ. Ласковый тонъ Сергѣя Владиміровича еще усилилъ его безотчетную тревогу. Со свойственной впечатлительнымъ людямъ склонностью къ преувеличенію, ему показалось, что надъ головой его повисла страшная бѣда, и представленія одно другаго ужаснѣе закружились въ его воображеніи.

Что если его призвали для того, чтобъ объявить, что онъ здѣсь не можетъ дольше оставаться?

Онъ холодѣлъ съ ногъ до головы при этой мысли. Все, все готовъ онъ вынести, только не это! Онъ здѣсь такъ счастливъ съ тѣхъ поръ, какъ подружился съ Соней! Разлуки съ нею онъ не вынесетъ, ни за что! Лучше смерть, чѣмъ жить вдали отъ милыхъ его сердцу существъ, къ которымъ онъ прилѣпился всей душой.

Мысль о разлукѣ съ ними приводила его въ такой ужасъ, что онъ чувствовалъ въ себѣ силу протестовать, отстаивать свое счастье. «На колѣни брошусь, въ ногахъ у него буду валяться до тѣхъ поръ, пока онъ не смилуется и не оставитъ меня здѣсь», — мелькало у него въ головѣ въ то время, какъ Сергѣй Владиміровичъ объяснялъ ему его положеніе и необходимость терпѣливо ждать, чтобъ о немъ вспомнили и приняли въ немъ участіе тѣ, отъ кого теперь зависитъ окончательное рѣшеніе его судьбы.

Григорій слушалъ молча, но, должно быть, страхъ и отчаянье очень краснорѣчиво отражались на его поблѣднѣвшемъ лицѣ, потому что Сергѣй Владиміровичъ поспѣшилъ его успокоить.

— Не отчаявайся, милый другъ, можетъ, и скорѣе, чѣмъ я думаю, найдется случай напомнить про тебя государю. И случай этотъ мы уже не упустимъ, не безпокойся. А ты пока учись, старайся и не думай о будущемъ, что Богъ дастъ!

Съ этими словами Ратморцевъ всталъ и въ раздумьѣ прошелся по комнатѣ.

Машинально поднялся съ мѣста и Григорій. Съ минуту тишина, воцарившаяся въ комнатѣ, кромѣ шороха листьевъ, отъ перелетающихъ съ вѣтки на вѣтку птицъ подъ окнами, ничѣмъ не нарушалась, а затѣмъ, остановившись передъ юношей, Ратморцевъ снова заговорилъ:

— Ты знаешь, что, когда права твои на имя и наслѣдство твоего покойнаго отца будутъ возстановлены, его дѣти отъ второй жены лишатся и имени, которое они носятъ до сихъ поръ, и большей части состоянія, которымъ они теперь пользуются?—спросилъ онъ, устремляя на Григорія пытливый взглядъ.

Юноша молча кивнулъ, онъ не въ силахъ былъ произнести ни слова.

— Ты, стало быть, долженъ понимать,—продолжалъ Сергѣй Владиміровичъ,—что, если ты хлопочешь о томъ, чтобъ тебѣ вернули то, что тебѣ слѣдуетъ, то и они, въ свою очередь, прилагаютъ стараніе къ тому, чтобъ удержать по возможности дольше все то, на что они до сей поры взирали, какъ на свою неотъемлемую и законную собственность, понимаешь?

Возраженія не послѣдовало.

— Ты понимаешь, что я хочу сказать? — повторилъ еще настоятельнѣе Ратморцевъ, недоумѣвая передъ растерянностью своего слушателя, передъ его упорнымъ молчаніемъ, усиливающейся блѣдностью и нервнымъ подергиваніемъ мускуловъ, искажавшимъ его красивое лице.

— Дяденька, — вскричалъ вдругъ Григорій, — не выгоняйте меня!

И затѣмъ съ глухимъ воплемъ, вырвавшимся изъ его сдавленной спазмой груди, онъ какъ снопъ повалился ему въ ноги.

Ратморцевъ поспѣшилъ его поднять и успокоить. Никогда онъ его не выгонитъ. Чѣмъ онъ будетъ несчастнѣе, тѣмъ больше долженъ расчитывать на его поддержку и на участіе всей его семьи къ нему...

Слушая его, Григорій такъ расчувствовался, что не въ силахъ былъ дольше сдерживать рыданія, рвущіяся у него изъ груди, и съ нимъ сдѣлалось нѣчто вродѣ припадка. Когда Захаръ прибѣжалъ на зовъ барина, онъ засталъ его на колѣняхъ передъ распростертымъ на полу Григоріемъ Александровичемъ, котораго сводило судорогами точно въ падучей. Глаза закатились, на посинѣвшихъ губахъ бѣлѣлась пѣна, изъ горла вмѣстѣ съ прерывистымъ, тяжелымъ дыханіемъ вырывался зловѣщій хрипъ.

— Скорѣе воды холодной и нюхательнаго спирта спроси у барыни,—отрывисто приказалъ Сергѣй Владиміровичъ, развязывая галстукъ и растегивая жилетъ на больномъ.

Захаръ со всѣхъ ногъ побѣжалъ исполнить приказаніе и, узнавъ въ чемъ дѣло, Людмила Николаевна поспѣшила въ кабинетъ съ домашними средствами, выбранными съ большимъ толкомъ и знаніемъ дѣла, изъ домашней аптечки.

Къ счастью, припадокъ былъ изъ легкихъ, и вскорѣ удалось привести Григорія въ чувство. Минутъ черезъ пять онъ ужъ со слезами благодарности цѣловалъ руки у тетки съ дядей, увѣрялъ, что чувствуетъ себя совсѣмъ хорошо и въ отчаяніи, что причинилъ столько хлопотъ и безпокойства.

— Однако, у тебя, другъ любезный, нервы-то не изъ крѣпкихъ, — съ улыбкой замѣтилъ Сергѣй Владиміровичъ, ласково трепля его по плечу, въ то время какъ Захаръ приводилъ въ порядокъ его костюмъ. — Ступай къ себѣ въ комнату, раздѣнься, лягъ на диванъ и постарайся ни о чемъ не думать и заснуть. Передъ обѣдомъ зайду тебя навѣстить.

— Это съ нимъ въ первый разъ? — обратился Ратморцевъ къ женѣ, когда Григорій съ Захаромъ вышли, и онъ остался съ нею въ кабинетѣ вдвоемъ.

— Въ первый разъ. Но я ужъ и раньше замѣчала въ немъ большую нервность. Онъ не можетъ долго слушать музыку, блѣднѣетъ, и слезы выступаютъ на глазахъ. Подмѣчала я также за нимъ въ церкви, во время службы, онъ молится съ какой-то неестественною страстностью, съ изступленіемъ, можно сказать, и тоже, вотъ какъ сейчасъ, холодѣетъ съ ногъ до головы, взглядъ дѣлается безсмысленный, и ничего не слышитъ и не понимаетъ. M-r Vaillant говоритъ, что въ такія минуты у него кровь отливаетъ отъ мозга, что это бываетъ съ очень молодыми людьми деликатнаго сложенія, и что тутъ ничего нѣтъ опаснаго. Но съ чего это съ нимъ сегодня сдѣлалось?

— Отъ нравственнаго потрясенія. Онъ, должно быть, ждалъ

хорошихъ для себя вѣстей изъ Петербурга, и когда я ему сказалъ, чтобъ онъ не расчитывалъ на скорую развязку въ его положеніи, на него напало такое отчаянье, что онъ Богъ знаетъ какіе ужасы себѣ вообразилъ, что мы его выгонимъ отсюда, откажемся отъ него, перестанемъ принимать въ немъ участіе... Онъ, кажется, къ намъ очень сильно привязался.

— О, да, особенно къ дѣвочкамъ. И день отъ дня все больше и больше. Я замѣтила, что онъ въ лицѣ мѣняется при ихъ появленіи.

— Бѣдный мальчикъ,—вздохнулъ Ратморцевъ.—Требовать отъ него, чтобъ онъ былъ, какъ другіе, разумѣется, нельзя. Въ немъ всегда будутъ странности, даже и тогда, когда жизнь его войдетъ въ нормальную колею. Такія нравственныя потрясенія, какъ тѣ, которымъ онъ подвергся, не могутъ не отразиться даже на крѣпкомъ организмѣ, а онъ и отъ природы не изъ сильныхъ.

— Знаешь, я чего боюсь, Сережа, — съ волненіемъ спросила Людмила Николаевна,—ужъ не падучая ли у него?

— Нѣтъ, нѣтъ, просто истерика. Если-бъ онъ далъ раньше волю слезамъ, судорогъ бы не было. Но, всетаки, не мѣшаетъ съ докторомъ посовѣтываться. Я напишу Өедору Ивановичу, чтобъ онъ къ намъ пріѣхалъ.

— Напиши. Главное, чтобъ, Боже сохрани, на дѣвочекъ не повліяло. Соня такая впечатлительная. Сейчасъ, когда я шла сюда, она попалась мнѣ въ корридорѣ, какъ смерть блѣдная, и вся дрожитъ. Я приказала ей идти къ сестрѣ на верхъ и не сходить внизъ, пока ихъ не позовутъ, но она была въ такомъ волненіи, что не вдругъ меня поняла, все повторяла: «что съ нимъ, маменька? что съ нимъ?» А Вѣринька, та расплакалась, когда узнала, что съ Гришей припадокъ сдѣлался и что онъ безъ чувствъ.

— Онѣ тоже къ нему привязались,— замѣтилъ Сергѣй Владиміровичъ,—это очень естественно.

— Разумѣется, онѣ такія добрыя и чувствительныя. Хорошо, что ихъ тутъ не было, когда ему сдѣлалось дурно. Но вѣдь это можетъ повториться и въ ихъ присутствіи... Я теперь ни минуты не буду имѣть покоя, — продолжала волноваться Людмила Николаевна,—и ужъ, конечно, ни кататься, ни гулять далеко отъ дома втроемъ, ихъ никогда не пущу.

Мужъ сталъ ее успокоивать, убѣждалъ не придавать особеннаго значенія случившемуся, во всемъ положиться на рѣшеніе доктора и до его пріѣзда не предаваться никакимъ опасеніямъ, но слова его на этотъ разъ на нее не подѣйствовали. Она такъ берегла своихъ дѣвочекъ, такъ заботилась о томъ, чтобъ предохранить ихъ отъ всякаго сколько нибудь пагубнаго вліянія, такъ старательно отстраняла отъ нихъ непріятныя впечатлѣнія, что, когда часа черезъ два онѣ прибѣжали къ ней съ просьбой позволить имъ навѣстить Гришу, она съ раздраженіемъ отказала имъ въ этомъ.

— Что за вздоръ! Вы его только еще больше разстроите, ему покой нуженъ,—объявила она съ досадой.

Весь день напрасно прождалъ Григорій, чтобъ къ нему пришла Соня; наступила ночь, а она все не являлась.

Ему велѣли лечь въ постель часовъ въ девять. Немного спустя, онъ услышалъ знакомый шумъ въ столовой, торопливые шаги прислуги, звонъ посуды, отдаленный говоръ. Господа ужинали раньше обыкновеннаго для Сергѣя Владиміровича, который чувствовалъ себя немного утомленнымъ съ дороги. Съ часъ спустя, m-r Vaillant вернулся въ свою комнату, рядомъ съ той, что̀ занималъ его ученикъ, и Гриша слышалъ, какъ старикъ раздѣлся, какъ слегка скрипнула подъ нимъ кровать, и вздохъ облегченія, вырвавшійся изъ его груди, когда онъ вытянулъ подъ одѣяломъ свое старое тѣло. А затѣмъ все кругомъ мало по малу смолкло, и всѣ огни погасли. Тогда Григорій осторожно приподнялся съ подушекъ и сталъ прислушиваться.

Онъ не могъ дольше лежать. Слабость и изнеможеніе, овладѣвшіе имъ послѣ припадка, давно ужъ начали постепенно переходить въ раздраженіе... Его бросало то въ жаръ, то въ холодъ отъ нетерпѣнія; хотѣлось бѣжать въ садъ, въ лѣсъ, въ поле, куда нибудь, лишь бы только быть подальше отъ тѣсной и душной комнаты, среди давившихъ его со всѣхъ сторонъ стѣнъ, гдѣ онъ провелъ сегодня столько нестерпимо томительныхъ часовъ въ напряженномъ и напрасномъ ожиданіи.

Ему такъ нужно было видѣть Соню, такъ нужно было ей сказать... Что именно? Этого онъ и самъ не зналъ, но это потому, что ея тутъ нѣтъ, стоитъ ей явиться, и слова найдутся, непремѣнно найдутся, онъ все вспомнитъ, все. У нихъ всегда находится, о чемъ говорить, когда они вдвоемъ. Но сегодня ужъ поздно, онъ ея не увидитъ. Она на верху, въ своей бѣленькой постелькѣ подъ кисейнымъ пологомъ, спитъ... Нѣтъ, нѣтъ, не спитъ! Она не можетъ спать. Вѣдь они съ утра, весь день не видѣлись, она объ немъ думаетъ. Ей тоже тоскливо и ее тоже тянетъ къ нему.

И ему такъ захотѣлось быть къ ней ближе, хоть немножко ближе, хоть постоять подъ ея окномъ, посмотрѣть на свѣтъ лампадки, что̀ теплится у кіота въ ея комнатѣ... она, можетъ быть, теперь молится за него передъ этимъ кіотомъ... Онъ, можетъ быть, увидитъ ея тѣнь на занавѣскѣ, какъ это ужъ было не разъ...

Силъ больше не стало собой владѣть. Онъ поспѣшно одѣлся, осторожно растворилъ окно, спустился въ садъ и, обогнувъ домъ, пробрался, перескакивая черезъ кусты и клумбы, къ старому дубу, раскинувшему свои суковатыя вѣтви подъ окномъ комнаты барышень.

Оно было растворено, это окно, и въ немъ что-то бѣлѣлось. У него сердце заколотилось въ груди отъ радости: это была Соня.

Не взирая на темноту, ночь была безлунная и на небѣ горѣли только звѣзды, онъ тотчасъ же ее узналъ.

А она? О, она давно его ждала, и появленіе его подъ окномъ ни крошечки не удивило ее.

Онъ долженъ былъ придти. Непремѣнно. Это вполнѣ ясно и понятно. Весь день ихъ тянуло другъ къ другу, а сойтись было невозможно. Понятно, что оба не могли заснуть отъ волненія и тоски, понятно, что онъ воспользовался первой удобной минутой, чтобъ попытаться хоть на окно ея посмотрѣть. Она была такъ въ этомъ увѣрена, что, вглядываясь въ темноту и увидавъ неясную тѣнь, отдѣлившуюся отъ группы деревьевъ, что̀ чернѣлась шагахъ въ двадцати, она тотчасъ же перегнулась своимъ гибкимъ молодымъ тѣломъ черезъ подоконникъ, чтобъ шепнуть этой тѣни:

— Гриша, это ты?

И, протягивая къ ней обѣ руки, она прибавила:

— Какъ хорошо, что ты пришелъ!

Слова эти были произнесены очень тихо, такъ тихо, что ихъ можно было принять за вздохъ ночнаго вѣтерка въ листвѣ или за шорохъ крыльевъ проснувшейся бабочки въ цвѣткѣ, но онъ ихъ разслышалъ, и у него духъ захватило отъ радости.

Никогда еще не былъ онъ такъ счастливъ, какъ въ эту минуту. Но хотѣлось еще чего-то, быть къ ней ближе, какъ можно ближе. Почувствовать ея руку въ своей, какъ сегодня утромъ? Точно не самъ онъ, а кто-то другой въ немъ всѣмъ распоряжался, всѣмъ, всякимъ движеніемъ. Этотъ другой зналъ лучше его, что ему надо. Окно было высоко, во второмъ этажѣ. Ни секунды не колеблясь, ухватился онъ за сукъ стараго дуба у самой стѣны и въ два прыжка очутился на той самой вѣткѣ, что̀ была всѣхъ ближе къ окну.

Соня съ восхищеніемъ смотрѣла на него. Держась одной рукой за сукъ, онъ къ ней протянулъ другую. Она ухватилась за нее, и оба защебетали разомъ, не слушая другъ друга, торопясь излить мысли и чувства, переполнившія имъ душу.

— Ахъ, какъ хорошо! Мы можемъ разговаривать... ты мнѣ скажешь... ты мнѣ скажешь... я измучилась, думая про тебя,— шептала она въ упоеніи.

Онъ не отвѣчалъ на ея вопросы, не могъ дать себѣ отчета, что съ нимъ такое.

— Что тебѣ сказалъ папенька? Говорятъ, ты такъ испугался, что упалъ въ обморокъ? Правда это?

— Не знаю, не знаю... Ничего не помню. Я какъ будто только сейчасъ народился на свѣтъ... въ прошломъ точно не я былъ, а другой кто-то, будущаго мнѣ не надо, не могу даже и думать о немъ, только бы вотъ эта минута длилась, долго, долго, всю жизнь,

а потомъ умереть съ тобой вмѣстѣ... какъ было бы хорошо! Хочешь? Что это со мной, объясни? Я не понимаю...

И она тоже наслаждалась, слушая его безсвязную рѣчь, чувствуя его руку въ своей и всматриваясь въ его лице, бѣлѣвшееся между листьями на темномъ фонѣ ночи. Но ее раздражала темнота, мѣшающая его видѣть, и, не выпуская его руки изъ своихъ, она сѣла на подоконникъ и придвинулась къ самому краю.

— Пригнись ко мнѣ ближе... еще... еще... Я хочу видѣть твои глаза... твои губы... я слышу твой голосъ, чувствую твое дыханіе, мнѣ хочется тебя видѣть... Вотъ такъ!

Широкій рукавъ бѣлаго пенюара отлетѣлъ назадъ, и тонкая ручка обвилась вокругъ его шеи.

— Что тебѣ сказалъ папенька? — спросила она, впиваясь глазами въ его глаза.

— Онъ сказалъ, что дѣло мое еще не скоро кончится,—безсвязно, точно во снѣ, проговорилъ онъ.

— И что-жъ?—продолжала она свой допросъ.

— Я испугался.

— Чего?

Она притянула къ себѣ его голову, губы ихъ встрѣтились и слились въ поцѣлуѣ.

А затѣмъ наступило молчаніе.

— Ты ужъ уходишь?—протянула она печально.

— Да вѣдь надо.

— Надо, надо, подхватила она со вздохомъ.

И снова, не зная, что сказать другъ другу и не имѣя силъ разстаться, они смолкли въ блаженномъ упоеніи.

Григорій первый опомнился отъ забытья.

— Ты у меня что-то спрашивала, что?—вымолвилъ онъ съ усиліемъ.

Она встряхнула кудрями, пытаясь собрать мысли, расплывавшіяся въ волнахъ счастья, затопившаго ей душу, но изъ усилій ея ничего не выходило.

— Не могу вспомнить, все, все забыла,—проговорила она, безпомощно опуская голову, и прибавила еще тише: — поцѣлуй меня еще разъ, прежде чѣмъ уйти.

Н. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ А. И. МИХАЙЛОВСКАГО-ДАНИЛЕВСКАГО 1818 ГОДЪ [1].

II.

Поѣздка императора Александра на Ахенскій конгрессъ.—Составъ свиты государя.—Пребываніе въ Ригѣ.—Въѣздъ въ предѣлы Пруссіи.—Встрѣча государя съ королемъ прусскимъ.—Пребываніе въ Берлинѣ.—Закладка памятника въ честь воиновъ, павшихъ въ войну 1813—1815 годовъ.—Маневры.—Дальнѣйшее путешествіе черезъ Германію.—Прибытіе въ Ахенъ.—Уполномоченные со стороны державъ.—Засѣданія конгресса.—Образъ жизни императора Александра въ Ахенѣ.—Пѣвица Каталани.—Смотръ союзныхъ войскъ въ Валансіеннѣ.—Корпусъ графа Воронцова.—Кратковременная поѣздка государя въ Парижъ и свиданіе съ Людовикомъ XVIII.—Возвращеніе въ Ахенъ.—Заговоръ противъ императора Александра.—Поѣздка въ Брюссель.—Окончаніе Ахенскаго конгресса.—Возвращеніе въ Россію черезъ Вѣну.—Разговоръ государя во время пути.

АВГУСТА 27-го, въ 5 часовъ утра, императоръ Александръ отправился изъ Царскаго Села въ Ахенъ. Въ коляскѣ съ нимъ, по обыкновенію, сидѣлъ князь Волконскій; я ѣхалъ въ коляскѣ князя, иногда немного впереди, иногда позади государя. Назначенные находиться при его величествѣ въ Ахенѣ генералъ-адъютанты: Уваровъ, князь Трубецкой, Чернышевъ, графъ Ожаровскій, князь Меншиковъ и флигель-адъютантъ Бутурлинъ, отправились изъ Петербурга нѣсколькими днями ранѣе. Дорогою до Риги государь останавливался только одинъ разъ, въ Дерптѣ, для посѣщенія вдовы князя Барклая де-Толли. Въ Ригу прибыли мы утромъ 29-го августа. Черезъ часъ государь смотрѣлъ два морскіе полка, потомъ принималъ представленія духовныхъ, дворянъ, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, ѣздилъ къ супругѣ герцога

[1]) Окончаніе. См. Историческій Вѣстникъ, т. XLVIII, стр. 445.

Александра Виртембергскаго, осматривалъ общественныя заведенія, обѣдалъ въ дворянской залѣ, гдѣ было много дворянъ, и кушалъ чай у жены англійскаго купца Куминга. Ночью государь поѣхалъ изъ Риги въ Митаву. Въ слѣдующее утро, 30-го, былъ онъ у обѣдни, осматривалъ разныя заведенія и присутственныя мѣста, принималъ представленія и депутатовъ отъ крестьянскаго сословія, въ тотъ день получившаго особенныя права. Обѣдъ былъ, какъ въ Ригѣ, въ дворянскомъ собраніи. Въ вечеру мы продожали путешествіе.

На послѣдней курляндской станціи государь надѣлъ прусскій мундиръ и звѣзду Чернаго Орла. Въ Полангенѣ ожидали его присланные изъ Берлина для его встрѣчи и сопровожденія генералъ Гольцендорфъ и полковникъ Блокъ. Въ Мемелѣ государь только ночевалъ; въ Кенигсбергѣ онъ посѣщалъ генераловъ Борстеля и Стутергейма. Во всей Пруссіи принимали насъ самымъ радушнымъ образомъ. Города, гдѣ императоръ останавливался для ночлеговъ, были иллюминованы.

На станціяхъ, гдѣ назначены были по маршруту обѣды, находили мы прусскую придворную прислугу, накрытые столы и готовыя кушанья. Прогоновъ съ насъ не брали, вѣроятно, потому, что въ послѣднее путешествіе короля прусскаго въ Москву велѣно было на почтовыхъ везти его величество и свиту его безденежно. Король встрѣтилъ государя за нѣсколько миль передъ Берлиномъ. По улицамъ столицы разставлены были войска. На время пребыванія государя въ Берлинѣ назначены были состоять при немъ: оберъ-камергеръ князь Витгенштейнъ, оберъ-шенкъ графъ Нагель, посланникъ при испанскомъ дворѣ баронъ Вертеръ, генералъ Нацмеръ и полковникъ Малаховскій.

На другой день, 6-го сентября, императоръ ѣздилъ съ королемъ въ казармы и лазаретъ полка своего имени, а оттуда на выставку художественныхъ произведеній. Во дворцѣ былъ обѣденный столъ на 200 особъ, причемъ пѣлъ хоръ изъ 19 русскихъ пѣсенниковъ, присланныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ Петербурга въ Берлинъ. Вечеромъ былъ придворный балъ. Сентября 7-го происходила при монархахъ закладка памятника, сооружаемаго въ честь воиновъ, падшихъ на войнѣ 1813—1815 годовъ, причемъ епископъ Эйлеръ произнесъ рѣчь, и обращаясь къ императору, сказалъ: «Благодареніе наше возносится къ Богу на крыльяхъ радости въ сію священную минуту, при вожделѣнномъ присутствіи того помазанника Твоего, въ чьемъ царствѣ великій судъ Твой воспріялъ начало свое. Мудростью, твердостью и постоянствомъ сего монарха, храбрымъ его воинствомъ, Тобою благословеннымъ, начался трудный и кровопролитный подвигъ и славно окончился. Милліоны возносятъ къ Тебѣ дражайшее имя его, милліоны молятъ за него, но и мы въ сію священную минуту взываемъ къ Тебѣ однимъ сердцемъ

и одими устами: Всемогущій Боже, благослови императора Александра, благослови домъ его и народъ, и ниспошли имъ все великое, доброе и радостное, чего почитаніе наше, любовь и признательность имъ желаютъ».

Послѣ закладки памятника мы поѣхали на маневры, потомъ былъ у короля обѣдъ, за которымъ находились только принцы крови и русскіе, состоявшіе при государѣ, князь Волконскій, Чернышевъ, князь Меншиковъ и я. Въ вечеру монархи посѣтили театръ. На другой день отъ ранняго утра были мы на маневрахъ, и потомъ обѣдали и ночевали въ Шарлотенбургѣ; 9-го возобновились маневры, послѣ которыхъ монархи отправились на ночлегъ въ Потсдамъ и здѣсь простились. Государь пожаловалъ прислугѣ прусскаго двора 3.500 и полку имени своего 2.000 червонцовъ, и поѣхалъ 10-го сентября въ Лейпцигъ. Въ приготовленномъ для него домѣ онъ былъ встрѣченъ королемъ Саксонскимъ, внукомъ Гессенъ-Кассельскаго курфирста и владѣтельнымъ герцогомъ Кобургскимъ. Послѣ отъѣзда ихъ государь былъ въ русской церкви и потомъ отправился въ Веймаръ. Прибывъ туда часу въ третьемъ, онъ обѣдалъ вдвоемъ съ великою княгинею Маріею Павловною, и почти весь слѣдующій день провелъ съ нею въ Бельведерѣ. При отъѣздѣ своемъ, 11-го, онъ пожаловалъ прислугѣ веймарскаго двора 1.000 червонцевъ. Великая княгиня провожала государя до Эйзенаха. Вечеромъ того дня проѣхали мы прекрасно иллюминованный городъ Фульду и ночевали на первой за нимъ станціи Нейгофъ. Для сопровожденія его величества по гессенъ-кассельскимъ владѣніямъ былъ присланъ въ Фульду генералъ Оксъ, тотъ самый, котораго Чернышевъ полонилъ подъ Гальберштатомъ.

Изъ Ганау государь ѣздилъ обѣдать къ курфирсту кассельскому въ замокъ Вильгельмсбадъ, а оттуда отправился во Франкфуртъ, гдѣ былъ встрѣченъ передъ заставою и въ улицахъ несмѣтнымъ стеченіемъ жителей, наполнявшихъ воздухъ восклицаніями. Не останавливаясь въ приготовленномъ для него домѣ банкира Бетмана, государь поѣхалъ прямо къ находившейся во Франкфуртѣ королевѣ виртембергской и супругу ея. Пробывъ у нихъ съ часъ, онъ пріѣхалъ въ домъ Бетмана, былъ чрезвычайно веселъ, шутилъ съ нами и вскорѣ опять поѣхалъ къ королю и королевѣ, у которыхъ провелъ весь вечеръ. Въ слѣдующее утро государь посѣщалъ эрцгерцога Палатина, герцога Ольденбургскаго, принцессу Турнъ и Таксисъ, герцогинь Кумберландскую и Кембриджскую, а потомъ весь день былъ у королевы Екатерины Павловны.

Сентября 15-го отправились мы изъ Франкфурта, ночевали въ Андернахѣ и на другой день прибыли въ Ахенъ. Король прусскій выѣзжалъ на встрѣчу государя за нѣсколько миль отъ Ахена, гдѣ войска стояли по улицамъ. Въ слѣдующее утро государь посѣщалъ императора Франца, короля прусскаго и герцога Веллингтона, ко-

торый послѣ монарховъ занималъ самое почетное мѣсто на конгрессѣ. За симъ были они трое у его величества, послѣ нихъ государь принималъ уполномоченныхъ отъ главныхъ державъ: лорда Кастельре, дюка де-Ришелье, князей Метерниха и Гарденберга. Черезъ день императоръ ѣздилъ въ Спа для свиданія съ великою княгинею Анною Павловною, потомъ ея высочество нѣсколько разъ пріѣзжала въ Ахенъ.

Со стороны Россіи были уполномоченными на конгрессѣ графъ Нессельроде и графъ Каподистрія, но они являлись только исполнителями велѣній государя. Онъ лично занимался дипломатическими дѣлами, ежедневно принималъ у себя первенствующихъ иностранныхъ полномочныхъ и часто посѣщалъ ихъ. Засѣданія конгресса начались немедленно, и уже 27-го сентября, 11 дней послѣ нашего пріѣзда въ Ахенъ, подписали договоръ о выводѣ союзныхъ войскъ изъ Франціи къ 18-му ноября и сдачѣ къ сему сроку французскому правительству всѣхъ крѣпостей, занятыхъ союзниками. Такимъ образомъ Франція выходила изъ-подъ опеки, въ которой содержали ее европейскія державы съ 1815 года, и въ короткое время былъ рѣшенъ самый главный предметъ Ахенскаго конгресса.

Желая облегчить участь Франціи, союзные монархи убавили также контрибуцію, которую она обязалась взнести договоромъ 1815 г. Сумму сію опредѣлили въ 265 милліоновъ франковъ; изъ нихъ причиталось Россіи 48 милліоновъ. Отправивъ договоръ о контрибуціи и выводѣ войскъ для ратификаціи Людовика XVIII въ Парижъ, занялись дѣлами второстепенными, въ томъ числѣ о наслѣдіи Баденскаго герцогства, на которое Баварія предъявляла свои права, въ случаѣ кончины тогдашняго баденскаго герцога и опровергала права наслѣдія графовъ Гохберговъ. Императоръ Александръ принималъ въ семъ дѣлѣ особенное участіе, и согласно его мнѣнію конгрессъ опровергнулъ притязанія Баваріи. Вскорѣ и другія второстепенныя дѣла были кончены, и получена ратификація Людовика XVIII. Союзнымъ войскамъ, занимавшимъ Францію, велѣли готовиться къ выступленію, и монархи собирались къ отъѣзду, когда Ришелье увѣдомилъ о невозможности Франціи уплатить контрибуцію въ опредѣленные сроки. Сужденіе о семъ обстоятельствѣ удержало монарховъ еще на нѣсколько времени въ Ахенѣ.

Такова была сущность занятій Ахенскаго конгресса, на которомъ вели жизнь тихую, однообразную. Веселостей было очень мало, а смотровъ войскъ совсѣмъ не было. Только однажды, 6-го октября, въ воспоминаніе Лейпцигскаго сраженія былъ церковный парадъ. Императоръ Александръ обыкновенно вставалъ въ 8-мъ часу и вскорѣ потомъ принималъ князя Волконскаго. Кончивъ съ нимъ дѣла, онъ оставался въ своемъ кабинетѣ одинъ или съ кѣмъ либо изъ иностранныхъ министровъ. Во второмъ часу онъ ходилъ, или

ѣздилъ гулять, или посѣщалъ монарховъ; возвратясь, обѣдалъ большею частью съ великими князьями Константиномъ Павловичемъ и Михаиломъ Павловичемъ. Въ 7-мъ часу являлись къ государю графъ Нессельроде и графъ Каподистрія съ докладами и проводили у него весь вечеръ и иногда до полуночи.

На конгрессъ пріѣзжали знаменитые художники. Примѣчательнѣе другихъ были: пѣвица Каталани, живописцы Лоренцъ и Давъ, съ которымъ заключили тогда условіе о написаніи портретовъ съ нашихъ генераловъ — памятникъ благодарности Александра къ своимъ соратникамъ въ войнахъ съ Наполеономъ. Лоренцъ имѣлъ порученіе отъ англійскаго короля написать портреты съ государя, Уварова, Чернышева, графа Нессельрода и графа Каподистріи. Онъ почитался въ Англіи первымъ живописцемъ, но ему, какъ и знаменитому Жерару, не удалось изобразить вѣрно Александра.

По пріѣздѣ своемъ въ Ахенъ, Каталани отказалась пѣть, пока не услышитъ ее императоръ. Онъ приказалъ отвѣчать ей, что въ занимаемомъ имъ домѣ нѣтъ большой залы для ея голоса. Каталани упорствовала въ своемъ намѣреніи. Тогда Веллингтонъ просилъ государя удостоить посѣщеніемъ его концертъ, въ которомъ будетъ пѣть Каталани. Она согласилась пріѣхать къ Веллингтону, но съ условіемъ представиться государю передъ концертомъ. Желаніе ея было удовлетворено. Въ назначенный часъ она пріѣхала въ домъ государя. Пока докладывали объ ней, я спросилъ ее о причинѣ настоятельнаго желанія ея видѣть императора. Она отвѣчала: «Хочу пасть передъ Александромъ на колѣни и скажу: боготворю васъ». Послѣ ея аудіенціи, мы поѣхали къ герцогу Веллингтону. У него были императоры Александръ и Францъ, король прусскій, великіе князья, находившіеся на конгрессѣ, принцы, министры и генералы. Всѣ нетерпѣливо ждали появленія первой пѣвицы того времени. Она явилась и запѣла порусски:

«Ты возвратился, благодатный?»

Послѣ она пѣла стихи въ честь другихъ союзныхъ монарховъ. Государь пожаловалъ ей бриллiантовый фермуаръ въ 6,300 рублей.

Октября 7-го государь и король прусскій отправились въ Валансіеннъ на смотръ союзной, предводимой Веллингтономъ арміи, три года занимавшей Францію. Прибывъ въ Валансіеннъ, императоръ принималъ сперва герцога Веллингтона, а потомъ принца Оранскаго, графа Воронцова и французскаго генерала Дессоля, присланнаго Людовикомъ XVIII поздравить его величество съ прибытіемъ въ предѣлы Франціи. На слѣдующее утро былъ смотръ корпуса русскихъ войскъ, а на другой день маневръ пяти союзныхъ корпусовъ. Въ строю находилось 58 баталіоновъ, 62 эскадрона и 166 орудій. Сперва войска были выстроены колоннами въ одну линію; на правомъ крылѣ стояли русскіе, подлѣ нихъ саксонцы, потомъ ганноверцы, англичане и датчане. Маневръ со-

стоялъ въ томъ, что русскіе обходили непріятеля справа, а другіе корпуса нападали на него съ фронта, повторяя атаки противъ пяти различныхъ позицій. Всѣ присутствовавшіе осыпали похвалами распоряженія Веллингтоновы. Послѣ маневра, который продолжался часовъ девять, войска проходили мимо монарховъ церемоніальнымъ маршемъ, пѣхота взводными колоннами, конница поэскадронно, артиллерія по четыре орудія въ рядъ. Вечеромъ государь поѣхалъ къ Веллингтону на большой званый обѣдъ. Веллингтонъ былъ въ Андреевской лентѣ.

11-го октября императоръ отправился изъ Валансіенна въ Мобежъ, главную квартиру находившихся во Франціи съ 1815 года русскихъ войскъ, состоявшихъ изъ 9-й и 12-й пѣхотныхъ и 3-й драгунской дивизіи и 2-хъ казачьихъ полковъ. Первоначально корпусъ расположенъ былъ около Нанси, а потомъ перешелъ въ окрестности Мобежа. Въ трехлѣтнее пребываніе свое во Франціи корпусъ нашъ соблюдалъ примѣрную подчиненность, больныхъ и бѣжавшихъ было чрезвычайно мало. Въ отдаваемыхъ графомъ Воронцовымъ приказахъ подробно были объяснены правила на счетъ продовольствія, отопленія дровами и угольями, подводъ, артелей, квитанцій, браковки принимаемыхъ въ полки вещей, осмотра ружей, лагерной службы, и составлено краткое, ясное извлеченіе изъ сухопутнаго устава Петра Великаго. Вины наказывались строго. Желая соблюсти положенную законами мѣру взысканія и обрядъ судопроизводства, графъ Воронцовъ изложилъ въ особенныхъ приказахъ основанія военно-судной части. Въ наставленіяхъ о маневрахъ слово «отрѣзаны» не только запрещалось, но было предано проклятію.

Для сохраненія здоровья въ войскахъ и содержанія ихъ во всегдашней готовности къ походу, полки дѣлали каждую недѣлю по два и по три раза переходы верстъ по 20 и болѣе, въ полномъ вооруженіи. Устраняя духъ праздности, графъ Воронцовъ завелъ школы, гдѣ офицеры обучали солдатъ грамотѣ по выписаннымъ изъ Петербурга азбукамъ и прописямъ. Войска стояли на самой границѣ Франціи и Бельгіи, почему для воздержанія ихъ отъ поползновенія къ перевозу непозволенныхъ въ сихъ государствахъ товаровъ положены были, съ согласія французскаго правительства, награды и нашимъ, если они помогутъ открыть запрещенные товары.

Всего труднѣе было жить въ дружествѣ съ французами, тогда полными воспоминаній о побѣдахъ Наполеона и оскорбленными въ своемъ честолюбіи присутствіемъ нашихъ войскъ во Франціи. И сія трудность была одолѣна. Графъ Воронцовъ строго предписалъ уважать права собственности и лицъ, но безъ послабленія и поноровки французамъ. Жителей, въ чемъ либо оскорбившихъ нашихъ офицеровъ или солдатъ, запрещено было своевольно брать

подъ стражу, развѣ только въ важныхъ случаяхъ, и приказано представлять королевскому прокурору. Однажды французское правительство не наказало виновнаго, пойманнаго за убійство казака и отправленнаго къ прокурору. Съ того времени приказано всѣхъ виновныхъ французовъ представлять за карауломъ въ корпусную квартиру. Повелѣніе сіе было впослѣдствіи отмѣнено, когда французское правительство доставило законное удовлетвореніе. Парижскіе игроки, образующіе общества или шайки, нѣсколько разъ покушались открыть игорные домы въ мѣстахъ расположенія нашего корпуса, но каждый разъ были высылаемы. По выступленіи своемъ изъ Франціи, графъ Воронцовъ и предводимыя имъ войска унесли съ собою уваженіе и любовь французовъ.

Изъ Мобежа государь отправился на смотръ прусскихъ войскъ въ Седанъ, а оттуда въ Парижъ, вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ и цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ. Въ семъ путешествіи сопровождалъ императора одинъ князь Волконскій. Переночевавъ въ Суассонѣ, государь въѣхалъ въ Парижъ 17-го октября, около полудня, въ открытой коляскѣ вмѣстѣ съ цесаревичемъ, и остановился въ домѣ русскаго посольства. Вскорѣ посѣтили его принцы крови, но Людовикъ XVIII, обязанный своимъ престоломъ Александру, не пріѣзжалъ. Здѣсь невольно вспомнишь о 1815 годѣ. Тогда не прошло и получаса послѣ прибытія императора Александра въ Парижъ, какъ увидѣли мы у него Людовика XVIII. У посольскаго дома поставили почетный караулъ. Черезъ два часа, въ кавалергардскомъ мундирѣ и орденѣ св. Духа, государь поѣхалъ къ королю прусскому и вмѣстѣ съ нимъ отправился обѣдать въ Тюльерійскій дворецъ. Послѣ обѣда король прусскій поѣхалъ въ театръ, а государь, проведя нѣсколько часовъ наединѣ съ Людовикомъ XVIII, въ 9-мъ часу возвратился изъ Тюльерійскаго замка и въ тотъ же вечеръ выѣхалъ изъ Парижа въ Ахенъ черезъ Санлисъ, Валансіеннъ и Намюръ. Король прусскій и цесаревичъ оставались еще на нѣсколько дней въ Парижѣ.

Разговаривая впослѣдствіи о причинахъ сего краткаго путешествія въ Парижъ, государь сказалъ:

— Веллингтонъ первый началъ въ Ахенѣ намекать мнѣ о поѣздкѣ въ Парижъ. Сначала я отклонилъ предложеніе. Потомъ Веллингтонъ присовокупилъ, что мое присутствіе въ Парижѣ не только очень обрадуетъ короля французовъ, но необходимо для поддержанія его власти. Въ то же время говорилъ мнѣ Ришелье, что Людовикъ XVIII умретъ, если я не посѣщу его, находясь въ предѣлахъ Франціи. Тогда я рѣшился исполнить ихъ предложеніе, и такъ какъ мнѣ въ Парижѣ нечего было долго дѣлать, то, переговоря съ королемъ, я тотчасъ выѣхалъ.

Октября 19-го государь возвратился въ Ахенъ и немедленно посѣтилъ австрійскаго императора. На другой день прибыли въ

Ахенъ прусскій наслѣдный принцъ и братъ его принцъ Вильгельмъ. Не выждавъ ихъ посѣщенія, государь поѣхалъ къ нимъ, а отъ нихъ къ Веллингтону. Потомъ были у государя императоръ Францъ и лордъ Кастельре, который провелъ у его величества часа два. Октября 21-го императоръ ѣздилъ съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ на встрѣчу императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, и всѣ вмѣстѣ обѣдали въ загородномъ домѣ государя подлѣ Ахена. Послѣ стола она продолжала путешествіе свое въ Брюссель. Государь провожалъ ее до Мастриха и тамъ ночевалъ. Возвратясь въ Ахенъ, онъ пожаловалъ русскимъ фельдмаршаломъ Веллингтона, который представлялся его величеству въ мундирѣ князя Волконскаго. Тогда же пріѣзжалъ въ Ахенъ герцогъ Ангулемскій благодарить императора Александра и короля прусскаго за посѣщеніе, сдѣланное ими Людовику XVIII.

Къ 1-му ноября всѣ дѣла на конгрессѣ были кончены, и императоръ готовился ѣхать въ Брюссель. Передъ самымъ отъѣздомъ онъ получилъ извѣстіе отъ герцога Веллингтона и дюка де-Ришелье объ открытіи противъ него заговора. Нѣкто Бассо, Пулье и Вюшо явились въ Брюсселѣ, первый къ французскому посланнику Латуръ-Дюпенъ, а послѣдніе двое къ тамошнему бургомистру и объявили, что французъ Пиже, бывшій адъютантъ Вандама Лабордъ и другіе злодѣи намѣревались остановить императора Александра въ проѣздѣ его изъ Ахена въ Брюссель и принудить его къ подписанію слѣдующей прокламаціи:

«Именемъ отечества

и

Императора Александра.

1.

«По рѣшенію Ахенскаго конгресса объявляемъ, что союзная армія, занимавшая Францію, выступаетъ изъ ея предѣловъ въ послѣднихъ числахъ сего мѣсяца и возвращается въ отечество.

2.

«На основаніи тайнаго совѣщанія монарховъ объявляемъ опредѣленіе конгресса, что именемъ Франціи Наполеонъ долженъ быть перевезенъ туда съ острова св. Елены подъ отвѣтственностію англійскаго правительства, и провозглашаемъ сына Наполеона, Франца-Карла Наполеона, императоромъ французовъ, а Марію-Луизу императрицею—правительницею».

Немедленно были приняты нидерландскимъ королемъ всѣ мѣры для открытія заговора, и задержали нѣсколько соучастниковъ. Показанія ихъ, въ подробностяхъ разнорѣчивыя, являлись согласными въ существѣ—въ намѣреніи броситься на императора изъ лѣса, послѣ

чего хотѣли увезти его, по словамъ однихъ, въ ближнюю крѣпость для обнародованія прокламаціи, а по словамъ другихъ, въ Бургундію, преданную Наполеону, надѣясь потомъ на присоединеніе къ бунтовщикамъ значительнаго числа войскъ. Нѣкоторые говорили о намѣреніи заговорщиковъ посягнуть на жизнь императора въ случаѣ отказа его подписать прокламацію. Также разногласно было показаніе заговорщиковъ о числѣ ихъ. Одни говорили, что оно простиралось отъ 30 до 40, другіе до 600 человѣкъ. Всѣ захваченные заговорщики были люди низшихъ сословій. По первоначальнымъ ихъ показаніямъ, нидерландское правительство выводило заключеніе, что они принадлежали къ тайному обществу, называемому «рыцарями черной булавки», и имѣли сношенія съ заговорщиками въ Парижѣ.

Таковы были первыя извѣстія, полученныя императоромъ Александромъ. Онъ не отмѣнилъ своей поѣздки въ Брюссель, приказавъ написать королю нидерландскому, что полагается на мѣры, какія будутъ имъ приняты противъ заговора, и 4-го ноября отправился въ Брюссель. На немъ была треугольная шляпа съ бѣлымъ перомъ, какъ будто для того, чтобы заговорщики могли удобнѣе узнать его, ибо обыкновенно дорогою надѣвалъ онъ фуражку. Принцъ Оранскій, имѣвшій отъ короля приказаніе принять мѣры безопасности во время сего путешествія, распорядился такимъ образомъ, что перемѣнные отряды конницы слѣдовали въ нѣкоторомъ разстояніи за коляскою государя, безъ вѣдома его и не бывъ имъ примѣчены. Другіе отряды расположены были на станціяхъ. Нидерландскія войска, въ рядахъ коихъ находилось много Наполеоновскихъ солдатъ, были сведены съ дороги и замѣнены швейцарскими, состоявшими въ нидерландской службѣ. Большое число жандармовъ были спрятаны подъ мостами, въ рвахъ и деревняхъ, а также переодѣтые въ крестьянскія платья ѣхали верхомъ, не теряя изъ виду государевой коляски. Верховыя лошади, назначенныя для императора въ крайнемъ случаѣ, слѣдовали поодаль. Исполненіе всѣхъ сихъ распоряженій возложено было принцемъ Оранскимъ на генерала Триппа, который сопутствовалъ императору отъ Ахена до Брюсселя.

Императоръ прожилъ въ Брюсселѣ 6 дней, почти исключительно въ семейномъ кругу, ибо въ Брюсселѣ находилась почти вся царская фамилія: императрица Марія Өеодоровна, цесаревичъ Константинъ Павловичъ, великій князь Михаилъ Павловичъ и великая княгиня Анна Павловна. Однажды, во время придворнаго бала, полиція донесла о намѣреніи заговорщиковъ напасть на государя въ самомъ Брюсселѣ. При этомъ извѣстіи императоръ пребылъ также спокоенъ, какъ въ 1812 году на балѣ въ Вильнѣ, когда донесли ему о переходѣ Наполеона черезъ Нѣманъ. Онъ предоставлялъ нидерландскому правительству распоряжаться по

усмотрѣнію, а самъ являлся въ Брюсселѣ на гуляньяхъ среди множества народа, одинъ, во фракѣ.

Ноября 9-го императоръ поѣхалъ изъ Брюсселя въ Ахенъ и, переночевавъ здѣсь, отправился обратно въ Россію, черезъ Карлсруэ, Штутгартъ, Веймаръ и Вѣну. Остановясь на нѣсколько часовъ для ночлега въ Андернахѣ, на другой день онъ прибылъ во Франкфуртъ, гдѣ его ожидали королева Екатерина Павловна съ своимъ супругомъ. Проведя слѣдующій день съ ними и съ другомъ своимъ, королемъ прусскимъ, императоръ отправился въ Карлсруэ и дорогою посѣтилъ дармштадтскаго великаго герцога. Перемѣняя лошадей въ Гейдельбергѣ, государь вспомнилъ о времени, проведенномъ имъ здѣсь за три года, и сказалъ:

— То были одни изъ счастливыхъ дней моей жизни!

Тогда получилъ онъ извѣстіе о побѣдѣ подъ Ватерлоо—довершеніе великой борьбы его съ Наполеономъ. Ночью пріѣхалъ онъ въ Карлсруэ, избѣгая тѣмъ парадной встрѣчи, приготовленной жителями. Когда они узнали, что настояніями императора на Ахенскомъ конгрессѣ устранены были притязанія Баваріи на наслѣдіе баденскими владѣніями, то въ изъявленіе своей благодарности желали выпрячь лошадей изъ коляски его величества и везти ее на себѣ отъ Дурлаха до Карлсруэ, другіе хотѣли даже нести коляску на своихъ плечахъ.

Въ Карлсруэ находились: императрица Елисавета Алексѣевна, мать ея, маркграфиня съ тремя дочерьми: принцессою Амаліею, наслѣдною принцессою дармштадтскою и бывшею королевою шведскою, принцъ Ваза, маркграфъ Людвигъ и три графа Гохберги, въ родъ которыхъ, по прекращеніи Церингенскаго дома, перешло потомъ Баденское герцогство.

Изъ Карлсруэ мы поѣхали въ Штутгартъ, гдѣ прожили четыре дня. Съ утра до вечера государь былъ неразлученъ со своею любимою сестрою Екатериною Павловною. Она обворожила насъ своимъ обращеніемъ.

— Знаете ли, — сказала она мнѣ, между прочимъ:— о чемъ я всего болѣе въ моей жизни жалѣю? О томъ, что не была мужчиною въ 1812 году.

20-го ноября мы выѣхали изъ Штутгарта въ Веймаръ. Король и королева сопутствовали императору до Гейльброна и, прощаясь, обѣщали пріѣхать вскорѣ въ Петербургъ. Судьба расположила иначе: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ скончалась Екатерина Павловна въ цвѣтѣ лѣтъ, во всемъ блескѣ тѣлесной и душевной красоты. Къ вечеру мы прибыли въ Мергентгеймъ. Здѣсь ожидалъ государя бывшій вице-король италійскій Евгеній. Онъ получилъ разрѣшеніе выѣхать навстрѣчу его величества вслѣдствіе письма сестры его, принцессы Гортензіи, присланнаго ею къ государю въ Штутгартъ. Неподражаемый въ самой утонченной вѣжливости, импера-

торъ Александръ приказалъ послать отвѣтъ на письмо принцессы Гортензіи не съ русскимъ фельдъегеремъ, но съ французскимъ курьеромъ, который ѣхалъ изъ Ахена верхомъ передъ коляскою государя, и прежде находился при Наполеонѣ. Государь провелъ съ вице-королемъ весь вечеръ до глубокой ночи, и на другое утро еще часъ, а потомъ мы отправились въ Вюрцбургъ, объѣхавъ дорогою возвращавшуюся изъ Франціи артиллерію нашу. За обѣдомъ въ Вюрцбургѣ императоръ хвалилъ исправное состояніе ея и сказалъ:

— Принцъ Евгеній не можетъ налюбоваться русскою артиллеріею, а его сужденіе имѣетъ въ моихъ глазахъ большой вѣсъ. Онъ одинъ изъ лучшихъ генераловъ нашего времени, сверхъ того, онъ человѣкъ самыхъ честныхъ правилъ.

Послѣ рѣчь зашла объ опредѣленіи Ахенскаго конгресса касательно баденскаго наслѣдія. Государь сказалъ:

— Я замѣтилъ, что жители земель, которыя Баварія желала присвоить себѣ, привержены къ баденскому правительству, хотя въ Ахенѣ меня увѣряли въ противномъ. Потому нахожу, что мы сдѣлали доброе дѣло, оставивъ ихъ настоящему владѣтелю; кромѣ того, его права неоспоримы.

Я сказалъ государю, что успѣхъ этой важной тяжбы долженъ быть тѣмъ пріятнѣе для него, что во время споровъ о наслѣдіи находилась въ Карлсруэ императрица Елисавета Алексѣевна и, такимъ образомъ, среди своего семейства имѣла утѣшеніе узнать, что достояніе предковъ ея сохранится въ родѣ ихъ.

— Увѣряю тебя, — сказалъ мнѣ государь: — что я защищалъ права шурина моего не потому, что онъ братъ жены моей, но по той причинѣ, что дѣло его было справедливое.

Во время сего разговора подъѣхала къ дому, гдѣ мы обѣдали, одна изъ нашихъ придворныхъ колясокъ, и народъ, толпившійся на улицѣ, закричалъ «ура!».

— Слышишь, какъ кричатъ,—сказалъ мнѣ государь.—Всѣ такія восклицанія ничтожны.

Мы ночевали въ Мюнерштадтѣ, гдѣ государь имѣлъ свиданіе съ великою княгинею Анною Ѳеодоровною. На другой день надобно было намъ проѣзжать черезъ Готу, лежавшую на нашемъ пути. Желая миновать сей городъ, чтобы не посѣтить герцога, государь велѣлъ послать нарочнаго узнать о состояніи почтъ и дорогъ въ Тюрингенскомъ лѣсу.

— Помнишь,—сказалъ мнѣ государь:—какъ мы этимъ лѣсомъ проходили послѣ Лейпцигскаго сраженія; но, можетъ быть, тебѣ неизвѣстно, что нѣкоторымъ изъ союзниковъ нашихъ очень хотѣлось, чтобы русскіе пришли къ Рейну позднѣе ихъ. Какъ было велико удивленіе и негодованіе ихъ, когда мы туда приспѣли прежде всѣхъ.

Возвратясь, посланный донесъ, что на почтахъ въ Тюрингенскомъ лѣсу мало лошадей, а потому мы отправились на Готу, гдѣ государь пробылъ минутъ съ десять у герцога и, выходя отъ него, сказалъ мнѣ:

— Однажды, проѣзжая черезъ Готу въ два часа ночи, я не посѣтилъ герцога, и тогда, Богъ знаетъ, какъ объ этомъ толковали.

Въ Веймарѣ были императрица Марія Θеодоровна, наслѣдный Мекленбургскій принцъ съ супругою и двумя дѣтьми отъ перваго брака съ великою княгинею Еленою Павловною, герцоги Готскій и Мейнингенскій, принцы Гильбургсгаузенскій, Рейсъ-Шлейцскій и Леопольдъ Кобургскій. Въ день пріѣзда государя въ Веймарѣ былъ большой обѣдъ при дворѣ. Когда подали кофе, императрица Марія Θеодоровна подозвала государя и, показывая на прелестныхъ внучатъ своихъ, которые кругъ нея ласкались, сказала:

— Est ce un songe ou une realité que nous sommes chez Marie et voyons cette jeunesse. (Что это: сонъ или дѣйствительность, что мы у Маши и видимъ эту молодежь?).

Государь разговаривалъ со всѣми присутствовавшими принцами и, отходя отъ одного изъ нихъ, сказалъ мнѣ порусски:

— Какой тяжелый человѣкъ! Я насилу отъ него отдѣлался.

Проживя три дня въ Веймарѣ, ноября 26-го, утромъ, государь выѣхалъ въ Вѣну. Великая княгиня Марія Павловна провожала его до первой станціи, Экартеберга. Въ полночь мы пріѣхали въ Хемницъ. Здѣсь былъ король Саксонскій, пріѣхавшій изъ Дрездена на встрѣчу государю. Свиданіе монарховъ продолжалось до третьяго часа утра. Послѣ краткаго отдыха, мы продолжали путешествіе и къ обѣду пріѣхали въ богемскій городъ Маріенбергъ. Государь пригласилъ къ обѣду встрѣтившихъ его австрійскихъ чиновниковъ. Ни одинъ изъ нихъ не говорилъ пофранцузски, и государь велѣлъ мнѣ быть его переводчикомъ, сказавъ:

— Ты лучше знаешь понѣмецки. Съ самаго дѣтства моего,— продолжалъ онъ:—я отсталъ отъ нѣмецкаго языка и началъ опять привыкать къ нему во время заграничныхъ походовъ; могу свободно объясняться понѣмецки только о предметахъ, касающихся службы.

Послѣ обѣда отправили въ Петербургъ фельдъегеря, съ приказаніемъ поспѣть туда 6-го декабря, въ день тезоименитства великаго князя Николая Павловича. Императоръ имѣлъ обыкновеніе въ путешествіяхъ своихъ посылать курьеровъ въ Петербургъ такимъ образомъ, чтобы они пріѣзжали въ день именинъ или рожденія особъ царской фамиліи.

Дождь не переставалъ лить до самой Вѣны, и дороги совсѣмъ испортились, но, такъ какъ государь непремѣнно желалъ проѣзжать каждый день разстояніе, назначенное по маршруту, сдѣланному въ Ахенѣ, то мы достигали очень поздно ночлеговъ и останавли-

вались на нихъ не болѣе трехъ часовъ. При перемѣнѣ лошадей въ Голлабрюнѣ, государь приказалъ мнѣ поспѣшить къ его обѣду, назначенному въ Иглау. За столомъ его были князь Волконскій, Вилліе и три австрійскіе гражданскіе чиновника. Сначала говорили о составѣ и мундирахъ австрійской арміи. Чиновники удивлялись необыкновенной памяти государя, потому что онъ говорилъ съ такимъ знаніемъ дѣла, что будто бы рѣчь шла о русской арміи.

— У васъ теперь новый фельдмаршалъ, Веллингтонъ,—сказалъ имъ императоръ: — теперь онъ фельдмаршалъ семи державъ.

— Веллингтонъ,—замѣтилъ я,—окажется въ затрудненіи, когда эти державы будутъ между собою воевать; въ такомъ случаѣ останется ему сохранить нейтралитетъ.

— Я не думалъ, — сказалъ мнѣ государь порусски, — что ты такой задорный: ты хочешь насъ поссорить. Могу увѣрить тебя, что войны не будетъ. Въ настоящемъ положеніи дѣлъ всѣмъ державамъ предстоятъ выгоды не отъ войны, но отъ мира. Мы устроили дѣла такимъ образомъ, что ни Россія, ни Австрія, ни Пруссія не имѣютъ взаимныхъ другъ на другѣ требованій и притязаній. Все заплачено, всѣ между собою расчитались, и надобно быть глупцомъ, начиная войну за какую нибудь деревушку. Если можно предполагать войну, то съ французами: эти господа не хотятъ жить спокойно.—Помолчавъ, государь присовокупилъ:—Впрочемъ, чтобы сохранить миръ, надобно содержать войска въ исправности.

Потомъ, обращаясь къ Вилліе, императоръ сказалъ:

— Видишь, мы рѣшили, войны не будетъ, и теперь лекарямъ не остается другаго дѣла, какъ лечить насморки и принимать младенцевъ у родильницъ.—Послѣ государь говорилъ, какимъ образомъ онъ себя иногда лечилъ.—Когда у меня болятъ зубы,—сказалъ онъ,—то я хожу пѣшкомъ и, не смотря ни на какую погоду, открываю ротъ и дышу свѣжимъ, часто очень холоднымъ воздухомъ: это мнѣ помогало. Вотъ средство, — продолжалъ онъ, — для предохраненія себя отъ стужи, которое я на себѣ испыталъ. Когда мнѣ надобно долго бывать на холодѣ, напримѣръ, на парадахъ зимою, я сжимаю крѣпко губы и стараюсь втягивать дыханіе носомъ.

На другой день, 30-го ноября, на послѣдней передъ Вѣною станціи ожидалъ государя оберъ-гофмаршалъ графъ Врбна, съ изъявленіемъ сожалѣнія императора Франца, что по болѣзни онъ не могъ выѣхать на встрѣчу государю. Мы прожили въ Вѣнѣ десять дней. При государѣ назначены были состоять генералъ графъ Гардегъ, полковникъ графъ Паръ и маіоръ графъ Шуленбургъ. По утрамъ императоръ осматривалъ войска и общественныя заведенія; вечера проводилъ въ кругу семействъ, знакомыхъ ему съ конгресса, но большею частью у князя Шварценберга, брата фельдмаршала. Изъ русскихъ, кромѣ Чернышева, никто не бывалъ на этихъ вечернихъ собраніяхъ, куда государь ѣзжалъ въ черномъ фракѣ, въ

башмакахъ и съ орденомъ Маріи-Терезіи, повѣшенномъ въ петлицѣ на золотой цѣпочкѣ.

Однажды государь слушалъ обѣдню въ церкви своего полка и при возвышеніи святыхъ даровъ преклонилъ колѣна вмѣстѣ съ католиками. Послѣ обѣдни служили панихиду по фельдмаршалѣ князѣ Шварценбергѣ, съ которымъ со времени послѣднихъ походовъ императоръ находился въ самыхъ дружескихъ связяхъ. Изъ церкви государь поѣхалъ въ инвалидный домъ и, узнавъ, что тамъ находится девяностолѣтній солдатъ полка его, подошелъ къ его кровати. На государѣ былъ полковничій австрійскій мундиръ, и потому инвалидъ не узналъ его, смѣло и шутливо разсказывалъ о походахъ своихъ въ Семилѣтнюю войну. Но, когда ему сказали, что онъ говоритъ съ россійскимъ императоромъ, старикъ благодарилъ Бога за счастіе видѣть передъ смертію великаго монарха и силился поцѣловать руку его. Государь обнялъ старца. Бывшій тутъ князь Лихтенштейнъ, обратясь къ намъ, сказалъ: «Счастливъ народъ, имѣя такого монарха». На другой день императоръ приказалъ генералу Храповицкому лично вручить сто червонцевъ престарѣлому воину. Инвалидъ отвѣчалъ Храповицкому: «Дорогъ мнѣ подарокъ, но дороже вчерашній поцѣлуй».

Въ театрѣ императоръ былъ одинъ только разъ, ибо не любилъ театровъ. Представляли дѣтскій балетъ, послѣ чего государь сказалъ намъ порусски:

— Дѣти танцуютъ прекрасно, но страшно подумать объ участи, которая ожидаетъ ихъ въ жизни. У нихъ нравственность должна быть непремѣнно испорченной.

Передъ отъѣздомъ изъ Вѣны, кромѣ подарковъ, государь пожаловалъ прислугѣ вѣнскаго двора 2.000, конюшеннымъ чиновникамъ 1.000, бывшей при его комнатахъ прислугѣ 700 и полку своего имени 2.000 червонцевъ.

«Декабря 10-го, въ часъ по полуночи, отправились мы изъ Вѣны, 11-го ночевали въ Фрейбергѣ, и 12-го, въ день рожденія императора Александра, пріѣхали въ Тешенъ къ обѣду, за которымъ, однако же, не пили за его здоровье, потому что онъ того не любилъ. Къ столу были приглашены трое австрійскихъ штабъ-офицеровъ; государь почти все время говорилъ съ ними объ арміи ихъ. Увидя въ окно, что пошелъ снѣгъ, онъ сказалъ порусски: «Не правда ли, это напоминаетъ cara patria? Признаюсь, люблю морозы». Декабря 13-го мы обѣдали въ Бохнѣ, а на другой день, часовъ въ 11, пріѣхали въ замокъ Ланкутъ, гдѣ встрѣтили князя Чарторыйскаго. Государь принялъ его, нѣкогда своего наперстника, сухо, но пригласилъ его обѣдать въ Ланкутѣ. Черезъ нѣсколько минутъ мы сѣли за столъ. Кромѣ князя Чарторыйскаго, были тутъ князь Волконскій, Виллие и я. Государь началъ разговоръ сими словами:

— Итакъ, Ахенскій конгрессъ, о которомъ говорили такъ много,

который представляли такимъ таинственнымъ, конченъ, и миръ утвержденъ надолго. Императоръ Францъ, король прусскій и я, мы положили съѣхаться опять черезъ три года. Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы мѣстомъ будущаго конгресса былъ назначенъ Ахенъ. Мнѣ тамъ было очень пріятно, хотя всѣ увѣряли, что въ Ахенѣ скучно.

Князь Чарторыйскій, какъ бывшій прежде министромъ иностранныхъ дѣлъ, могъ поддержать разговоръ о конгрессѣ и дѣлахъ дипломатическихъ, но молчалъ. Императоръ сталъ разсказывать о подробностяхъ своего краткаго путешествія въ Парижъ, послѣ чего князь Чарторыйскій спросилъ:

— Не изъявляла ли императрица Марія Ѳеодоровна желанія побывать въ Парижѣ, находясь такъ близко отъ него въ Брюсселѣ?

Вопросъ былъ неумѣстный: государь не любилъ, чтобы русскіе ѣздили въ Парижъ. Онъ отвѣчалъ, что, достигнувъ извѣстныхъ лѣтъ, становишься менѣе любопытнымъ.

— Напримѣръ,— сказалъ онъ,— императрица предлагала графинѣ Ливенъ обозрѣть прекрасныя мѣстоположенія между Майнцомъ и Кобленцомъ. Графиня отвѣчала, что видъ изъ ея комнатъ въ Зимнемъ дворцѣ не хуже Рейнскихъ видовъ. У всякаго свой вкусъ,—прибавилъ государь.—Слыханное ли дѣло, чтобы кто нибудь, на другой день своего пріѣзда въ Парижъ, пошелъ рано утромъ осматривать конюшни кавалерійскихъ гвардейскихъ полковъ? Это сдѣлалъ нынѣ братъ мой, Константинъ Павловичъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ очень неохотно поѣхалъ въ Италію: ему, кажется, было бы пріятнѣе, если бы я послалъ его въ Камчатку.

Послѣ обѣда императоръ отправился въ путь; дорогою, въ замкѣ Сенявѣ, пилъ чай у княгини Чарторыйской, потомъ сѣлъ въ сани и, не доѣзжая польскаго мѣстечка Бѣлгорая, гдѣ былъ назначенъ ночлегъ, надѣлъ польскій мундиръ и орденъ Бѣлаго Орла. Прислуга его величества одѣлась въ польскую ливрею. Въ Замостьѣ цесаревичъ Константинъ Павловичъ встрѣтилъ императора, обѣдалъ съ нимъ вдвоемъ и провожалъ его до Устилуга. На другой день мы пріѣхали въ Турискъ. Здѣсь государь обѣдалъ. За его столомъ были только князь Волконскій и я. Записанный мною тотчасъ послѣ обѣда разговоръ происходилъ слово отъ слова такъ:

— Въ одномъ ли ты со мною домѣ ночевалъ въ Устилугѣ?— спросилъ меня государь.

— Я останавливался въ жидовской корчмѣ.

— Между жидами,—сказалъ государь,—есть очень умные люди; они умнѣе поляковъ, у которыхъ я начинаю замѣчать странныя, непостижимыя понятія. Доволенъ ли ты былъ своею квартирою?

— Неопрятная корчма,— сказалъ я,— мнѣ показалась прелест-

ною, потому что, послѣ четырехъ-мѣсячнаго отсутствія изъ Россіи, я въ первый разъ спалъ на отечественной землѣ.

— То же самое чувствовалъ и я,—отвѣчалъ государь.— Я радуюсь каждый разъ, когда переѣзжаю нашу границу, особенно, когда вижу русское селеніе. Въ первый разъ путешествовалъ я съ покойнымъ императоромъ и, когда мы возвращались въ Петербургъ по Рижской дорогѣ, то, въѣзжая въ первую русскую деревню недалеко отъ Нарвы, я былъ въ истинномъ восхищеніи.

Императоръ спросилъ князя Волконскаго, отправилъ ли онъ подарокъ къ г-жѣ Любовецкой, у которой государь наканунѣ пилъ чай въ Рубешевѣ? Князь отвѣчалъ, что послалъ ей бриліантовый фермуаръ при письмѣ. Императоръ, обратясь ко мнѣ, сказалъ:

— Конечно, ты писалъ письмо, и я увѣренъ, что оно очень учтиво?

— Вѣжливое письмо,—отвѣчалъ я,—увеличитъ въ глазахъ г-жи Любовецкой цѣну подарка.

На это государь сказалъ пофранцузски:

— Vous avez raison. Je suis persuadé, que rien n'est si necessaire dans la vie humaine que la cordialité et la politesse. Ces qualités nous sont recommandées par la religion, et elles rendent l'existence des sociétés possible, comme d'un autre côté, tout ce qui detruit ce sentiment de cordialité est nuisible à l'existence des sociétés. Quand j'étais jeune, quand j'avais vingt ans, je pensais en partie autrement, je songeois aux babioles. Vous, vous êtes plus jeune que moi. Avec l'âge vous serez convaincu de la vérité des mes paroles. Même, si les personnes avec lesquelles nous et usons de la sorte, sont en retard en fait de politesse, ce sont elles qui le regretterons un jour. Croyez-moi. (Вы правы. Я убѣжденъ, что ничто такъ необходимо въ человѣческой жизни, какъ радушие и вѣжливость. Эти качества указываются намъ религіей и дѣлаютъ возможнымъ существованіе обществъ, точно также, какъ съ другой стороны, все то, что разрушаетъ чувство радушія вредно для существованія обществъ. Когда я былъ молодъ, когда мнѣ было двадцать лѣтъ, я думалъ отчасти иначе и заботился о пустякахъ. Вы моложе меня. Съ годами вы убѣдитесь въ истинѣ моихъ словъ. Даже, если люди, съ которыми мы обращаемся такимъ образомъ, отстали относительно вѣжливости, то они именно и пожалѣютъ объ этомъ когда нибудь. Вѣрьте мнѣ).

По нѣкоторомъ молчаніи государь спросилъ меня:

— Замѣтилъ ли ты, что передъ самымъ мѣстечкомъ Турискомъ я обогналъ тебя?

Надобно знать, что императоръ ѣхалъ въ дурныхъ лубочныхъ саняхъ, взятыхъ въ Устилугѣ.

— Я едва узналъ ваше величество, вы ѣхали въ такихъ скромныхъ саняхъ.

— Скромныхъ? — сказалъ государь. — Не въ первый разъ видишь ты меня скромнымъ. Я увѣренъ, что многіе изъ моихъ собратій не поѣхали бы въ такихъ саняхъ.

Послѣ обѣда мы отправились въ путь и ночевали за 40 верстъ до Бреста, въ замкѣ графа Міержевскаго, давно знакомаго государю. На другой день, 17-го декабря, мы выѣхали съ ночлега часу въ десятомъ и въ полдень обѣдали въ Брестѣ. Къ столу его величества были приглашены командиръ стоявшаго въ Брестѣ полка, Чертовъ, бригадный командиръ его и дворянскій предводитель. Разговоръ касался войскъ и ученій. Ночлегъ былъ въ Ружанахъ. Въ слѣдующій день государь принималъ въ Слонимѣ сенатора Новосильцева, которому было писано изъ Вѣны, чтобы онъ пріѣхалъ изъ Варшавы въ Минскъ, гдѣ императоръ намѣревался заняться съ нимъ дѣлами царства Польскаго. Мы обѣдали на второй станціи за Слонимомъ, въ Дѣдахъ. За столомъ его величества были князь Волконскій, Вилліе и я, пріѣхавшій въ половинѣ. Я не хотѣлъ было входить въ комнату, но государь велѣлъ меня позвать. Посмотрѣвъ на меня пристально, онъ сказалъ мнѣ:

— A présent je suis avec vous sur le pied le plus amical. Nous-nous voyons à toute heure du jour; nous parlons de tout en veritables amis; j'aime votre sincérité et votre franchise. Mais dans quelques jours nous serons à Pétersbourg. Cette liaison amical cessera entre nous, parceque toutes les fois que je vous vois à Pétersbourg vous avez la mine si serieuse, que je crains de vous approcher. Dites moi, pourquoi vous avez cet air sombre que je vous vois toujours? (Теперь я нахожусь съ вами на самой дружеской ногѣ. Мы видимся во всякое время и говоримъ обо всемъ, какъ истинные друзья; я люблю вашу искренность и прямодушіе. Но черезъ нѣсколько дней мы будемъ въ Петербургѣ. Эта дружеская связь между нами прекратится, потому что всякій разъ, когда я вижу васъ въ Петербургѣ, вы имѣете такую серьезную физіогномію, что я боюсь къ вамъ подойти. Скажите мнѣ, почему у васъ такой мрачный видъ, который я всегда вижу?).

— Sire! c'est l'air d'un sujet respectueux. (Государь! это видъ почтительнаго подданнаго).

Государь улыбнулся, низко мнѣ поклонился и продолжалъ:

— Sujet respectueux, tant que vous voulez, mais il en est infiniment plus agréable, que vous soyez avec moi sur le ton d'un ami, que vous parliez et agissiez avec moi franchement, rondement. (Почтительный подданный, сколько вамъ угодно, но было бы безконечно пріятнѣй, если-бъ вы держались со мной дружески, говорили и поступали со мной откровенно, на чистоту).

— A l'avenir, sire, — отвѣчалъ я, — ce sera pour moi un devoir sacré de me conformer à ces paroles flattans. (На будущее время я

поставлю себѣ священнымъ долгомъ сообразоваться съ этими лестными словами).

— Elles ne sont pas flattans,—прорвалъ государь,—mais sincères. Il faut, que ce ton amical règne entre des personnes qui, comme vous et moi, se voyent si souvent depuis des années. (Они не лестны, но искренни. Нужно, чтобы этотъ дружескій тонъ господствовалъ между людьми, которые, подобно вамъ и мнѣ, видятся такъ часто втеченіе стольких лѣтъ).

Императоръ налилъ намъ всѣмъ вина въ стаканы, и мы стукнули ими, причемъ государь сказалъ, что онъ пьетъ за здоровье моего новорожденнаго сына. Послѣ рѣчь зашла о необходимости добродѣтели. Между прочимъ, государь сказалъ порусски:

— Надобно торопиться дѣлать добро, и дѣлать его должны мы не изъ ожиданія для себя какой нибудь пользы, но потому, что это нашъ долгъ. Неужели не садить мнѣ дерева для того только, что я не надѣюсь дожить до того времени, когда будутъ на немъ плоды, или когда можно мнѣ будетъ отдыхать подъ его тѣнью?

Такъ какъ придворные зимніе экипажи, высланные изъ Петербурга, еще до насъ не доѣхали, то государь бралъ на станціяхъ сани лубочные. Онъ ѣхалъ въ нихъ съ княземъ Волконскимъ, а я сидѣлъ въ однихъ саняхъ съ Вилліе. Императоръ часто насъ опережалъ, а иногда мы его обгоняли, причемъ онъ, бывъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа, всю дорогу шутилъ съ нами. Ночлегъ былъ въ селѣ Заушьѣ. На другой день мы пріѣхали въ Минскъ, гдѣ ожидалъ императора новый главнокомандующій 1-й арміи, Сакенъ, и въ тотъ же вечеръ государь продолжалъ путь въ Петербургъ, куда я не имѣлъ счастія послѣдовать за нимъ, отправляясь въ Москву.

Такимъ образомъ совершились высочайшія путешествія въ 1818 году. Весною императоръ былъ въ Варшавѣ, въ Бессарабіи, Крыму и въ землѣ Донскихъ казаковъ, осенью въ Нидерландахъ, въ Парижѣ, Штутгартѣ, Веймарѣ и Вѣнѣ; всего проѣхали мы въ томъ году болѣе 14,000 верстъ.

А. Михайловскій-Данилевскій.

ВОЕННАЯ ГРОЗА.

ПОВѢСТЬ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

I.

Въ 1812 ГОДУ въ Литвѣ весна была поздняя и холодная. Въ Вербное воскресенье, 14-го апрѣля, послѣ пасмурныхъ дней проглянуло солнце. Свѣжій восточный вѣтеръ разогналъ облака. Въ поляхъ еще всюду лежалъ снѣгъ. Темными полосами ихъ прорѣзывали дороги, сходившіяся къ Вильнѣ. Мѣстами на нихъ виднѣлся камень. Ухабы и зажоры, затянутыя тонкимъ льдомъ, затрудняли движеніе.

Съ утра Вильна въ этотъ день приняла праздничный видъ. Народъ оживленно толпился на улицахъ. Войска стягивались къ Антокольскому предмѣстью. Генералы, въ сіявшихъ золотомъ мундирахъ, показывались верхомъ то тутъ, то тамъ.

Около часу дня, волненіе, охватившее городъ, достигло крайняго предѣла. Депутаціи отъ дворянства, купечества, цѣховъ, еврейскаго общества направлялись къ заставѣ. Всѣ заборы и крыши усѣяны были народомъ, всѣ окна были заняты зрителями, съ нетерпѣніемъ ожидавшими пріѣзда государя Александра I, который, какъ донесъ прибывшій въ городъ курьеръ, уже въ шесть часовъ утра выѣхалъ изъ Свѣнцянъ.

У первой полевой рогатки собрались генералъ-адъютанты. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ ожидалъ высочайшаго прибытія

военный министръ Барклай-де-Толли со всѣмъ генералитетомъ и стоявшею во фронтѣ кавалеріей. Долгое ожиданіе утомило всѣхъ. Офицеры и солдаты, бывшіе въ однихъ туго-затянутыхъ мундирахъ, продрогнувъ, переминались на сѣдлахъ.

Во второмъ часу по полудни государь показался верхомъ, въ сопровожденіи свиты. Свѣжее красивое лицо его было оживлено румянцемъ. Въ большихъ голубыхъ глазахъ его виднѣлась радость.

Встрѣченный военными почестями, онъ направился къ заставѣ. Начальники частей присоединились къ его свитѣ и густой толпой ѣхали сзади.

По отданіи чести, кавалерія въ нѣсколькихъ эскадронахъ послѣдовала за ними. По приближеніи ко второй рогаткѣ началась пальба изъ пушекъ, поставленныхъ на горахъ, гдѣ въ это время заиграла и музыка. За второй рогаткой еврейское общество встрѣтило государя хлѣбомъ-солью при радостныхъ кликахъ и звукахъ своей «національной» музыки. Отъ замковыхъ воротъ вплоть до квартиры, назначенной для государя, по тремъ улицамъ шпалерами были разставлены пѣхотныя войска. У заставы государь былъ встрѣченъ купечествомъ и цѣхами, у соборной церкви — духовенствомъ. Около дворца государя встрѣтилъ гражданскій губернаторъ, Лавинскій, съ городскими чиновниками и губернскій маршалъ съ дворянствомъ. Со всѣхъ церквей раздавался колокольный звонъ. Народъ, тѣснясь толпами, радостными восклицаніями и криками «ура» выражалъ свой восторгъ.

Въ этотъ день у государя обѣдали начальники частей и лица изъ свиты. Вечеромъ во многихъ мѣстахъ городъ былъ иллюминованъ, и праздничное настроеніе сказывалось во всемъ.

Государь прибылъ въ Вильну въ виду тревожныхъ вѣстей изъ Франціи. Съ декабря 1811 года никто не сомнѣвался въ неизбѣжности войны. Властолюбивые замыслы Наполеона были слишкомъ извѣстны. На западной границѣ были собраны всѣ войска, какими русскій военный министръ могъ располагать. Государь прибылъ въ Вильну, чтобы лично руководить первыми дѣйствіями, если бы произошелъ съ Франціей окончательный разрывъ.

На слѣдующій день государю представились чиновники и почетнѣйшіе изъ дворянъ, духовенство, граждане и еврейскій кагалъ, послѣ чего многіе изъ знатныхъ лицъ были приглашены къ высочайшему столу. Послѣ недолгаго отдыха, государь посѣтилъ города и мѣстечки въ сосѣднихъ уѣздахъ, наблюдая за боевой готовностью войскъ, и вновь вернулся въ Вильну. Къ этому времени прибыли сюда наслѣдникъ цесаревичъ, министръ полиціи Балашевъ, графъ Аракчеевъ и другія видныя лица двора. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ уѣздовъ наѣхали помѣщики. По словамъ очевидцевъ, такого оживленія и многолюдства въ Вильнѣ никогда еще не было.

II.

Мѣсяца черезъ два, по узкой лѣсной дорогѣ, въ темную, бурную лѣтнюю ночь тащилась длинная, неуклюжая, похожая на ковчегъ, еврейская брика. Сверху она была покрыта грубымъ холстомъ, обтянутымъ по обручамъ, прикрѣпленнымъ къ краямъ брики. Въ холстѣ, въ разныхъ мѣстахъ, были прорѣзаны отверстія, откуда выглядывали лица пассажировъ. Блескъ молніи по временамъ освѣщалъ ихъ испуганныя лица и согнутую фигуру возницы на козлахъ. Каждому, кто только путешествовалъ по литовско-польскому краю, и теперь не разъ случалось видѣть эти дилижансы домашняго издѣлія. Владѣлецъ такой брики Шлiома или Іосель обыкновенно ѣздитъ взадъ и впередъ по одной и той же дорогѣ, соединяющей два города, набирая пассажировъ за цѣны, какія удалось получить. Въ старину же, въ описываемое время, это былъ одинъ изъ самыхъ удобныхъ способовъ передвиженія для небогатыхъ людей.

По той же дорогѣ за брикой ѣхала легкая телѣжка. Круглая сѣрая лошадка пугливо косилась во всѣ стороны, вздрагивая при каждомъ ударѣ грома. Хозяинъ ея ни мало не заботился о дорогѣ и, привязавъ къ передку вожжи, прикурнулъ на бокъ, предоставивъ лошади идти, какъ ей угодно.

Гроза стихала. Молнія сверкала рѣже, раскаты грома становились глуше и шире, утративъ ту рѣзкость и звонкость, которая свидѣтельствуетъ, что гроза разражается какъ разъ надъ головой.

— Ну, погодка,—пробормоталъ, очнувшись отъ дремоты, беззаботный путешественникъ:—эдакъ недолго и шею сломить.

Привычной рукой онъ захватилъ вожжи. Дождавшись молніи, онъ окинулъ взглядомъ дорогу и увидѣлъ, что брика уѣхала далеко впередъ. Тогда онъ погналъ лошадь. При блескѣ молніи можно было разсмотрѣть, что онъ былъ высокаго роста съ привѣтливымъ румянымъ лицомъ. Ушастый, съ круглымъ кожанымъ козырькомъ, картузъ крѣпко сидѣлъ на его русоволосой, остриженной въ кружокъ головѣ. Короткій кафтанъ составлялъ его верхнюю одежду. Съ виду онъ походилъ на торговца.

Прошло нѣсколько времени. Небо прояснилось. Заалѣла ранняя лѣтняя заря. Лѣсъ порѣдѣлъ и раздвинулся. Зеленыя поля блестѣли, осыпанныя крупными дождевыми каплями. Бѣловатый паръ, признакъ наступающаго жаркаго дня, поднимался съ нихъ. Жаворонки, трепеща крыльями, отдѣлялись отъ земли, мѣрно уносясь вверхъ въ безоблачную лазурь. Вдали закричалъ пѣтухъ.

На косогорѣ показалась деревня. Поодаль находилась корчма. Проѣзжій подъѣхалъ къ ней. Его звали Иванъ Засыпкинъ. Онъ служилъ въ прикащикахъ у виленскаго купца Зайцева и возвращался домой изъ Минска, куда ѣздилъ по хозяйскому дѣлу.

Бричка тоже остановилась предъ заѣзжимъ дворомъ. Жидъ, нисколько не заботясь о своихъ пассажирахъ, равнодушно слѣзъ съ козелъ и пошелъ въ корчму, между тѣмъ какъ изъ ковчега стали выходить на волю добровольные узники.

Первымъ вышелъ толстый маленькій старикъ въ долгополомъ еврейскомъ сюртукѣ, похожемъ на халатъ, съ сумкой чрезъ плечо. Красное жирное лицо его, съ тупымъ мясистымъ носомъ, было отмѣчено. Недовольная складка виднѣлась на тонкихъ губахъ. Клочки сѣдыхъ бровей хмурились надъ его зоркими сѣрыми глазками.

За нимъ вышла молодая дѣвушка, дочь его, достаточно стройная и миловидная, чтобы привлекать вниманіе встрѣчныхъ мужчинъ. За ней вылѣзло двое мѣщанъ и старушка-богомолка.

Но, конечно, нечего было ожидать, чтобы еврейская фура разрѣшилась отъ бремени столь малымъ числомъ законныхъ пассажировъ (незаконные прицѣпились къ задку, когда фура въѣхала въ деревню, и разбѣжались, когда она остановилась у корчмы). Вслѣдъ за старушкой появилось еще нѣсколько человѣкъ мелкаго люда.

Пріѣзжіе вошли въ корчму, представлявшую обыкновенную избу со свѣтелкой на верху. Въ просторной комнатѣ за деревянной рѣшеткой, какъ въ русскихъ деревенскихъ кабакахъ, сухопарый корчмарь, въ рыжемъ засаленномъ бархатномъ картузѣ, торговалъ водкой. Тутъ было грязно и шумно. Кромѣ пріѣзжихъ, здѣсь уже толпилось человѣкъ восемь крестьянъ.

Насыпкинъ прошелъ въ слѣдующую комнату поменьше и расположился у стола. Неподалеку помѣстились еврей-купецъ съ дочерью.

Жена корчмаря, проворная еврейка, принялась услуживать гостямъ. Купецъ развязалъ котомку и досталъ хлѣба, яицъ и сушеную рыбу. Бережно отливъ вина изъ походной фляги, онъ принялся съ дочерью закусывать, не обращая вниманія на окружающихъ.

Въ углу, у окна, сидѣлъ рослый рыжій мужчина. Онъ не сводилъ глазъ съ купца. Въ его лицѣ, изрытомъ оспой, было что-то звѣрское. Непомѣрно развитыя скулы, обросшія жесткими волосами, вдавленный лобъ, хитрые сѣрые, близко поставленные, впалые глаза, придавали ему отталкивающій видъ. Широкія атлетическія плечи не соотвѣтствовали его маленькой головѣ. Приземистый, крѣпкій и неуклюжій онъ походилъ на медвѣдя.

Нѣсколько времени онъ наблюдалъ за купцомъ. Въ глазахъ его засвѣтилась радость. Онъ нагнулся и тихо пробормоталъ [illegible] своему сосѣду, черноволосому, съ малиновыми мокрыми губами и синеватыми бѣлками, молодому еврею:

— Это онъ. Теперь не уйдетъ. А я было думалъ, что онъ уже проѣхалъ.

— Тише, Спягло,—возразилъ еврей:—да, это Янъ Коленда, я его сразу узналъ. Видишь, вышло по моему. А ты все хотѣлъ ѣхать впередъ. Недаромъ графъ сказалъ тебѣ: слушайся Огурцевича.

Тутъ Засыпкинъ покосился на нихъ, и они смолкли. Въ комнату вошло трое мѣщанъ, пріѣхавшихъ въ брикѣ. Они расположились за отдѣльнымъ столомъ, спросили пива и закурили трубки.

— Плохія времена, — сказалъ одинъ изъ нихъ: — денегъ ни у кого нѣтъ, каждый годъ неурожай, а налоги ростутъ. Толкуютъ, что и война будетъ.

— Да ужъ время, — отозвался другой: — я слышалъ, что въ Вильну нагнали москали войска видимо-невидимо. Говорятъ, на французовъ пойдутъ. Какъ вы полагаете, панъ Коленда?

Услыхавъ свое имя, старикъ нахмурился.

— А ты откуда знаешь меня?

— Какъ не знать васъ? Вся Вильна васъ знаетъ и то, что вы самый первый тамъ мѣняла,—проговорилъ неожиданно корчмарь, стоявшій на порогѣ и считавшій про себя бутылки, отпущенныя гостямъ.

Коленда насупился еще болѣе при такомъ подтвержденіи его извѣстности. По всему видно было, что это для него очень непріятно. Тѣмъ не менѣе онъ поддержалъ разговоръ.

— Война всегда можетъ быть, а пока ничего не слышно.

— Изъ Варшавы пишутъ, что по всей Вислѣ показались войска, — продолжалъ корчмарь. — И не знаешь, что дѣлать: такъ неспокойно, такъ неспокойно.

— А когда война будетъ, возьмутъ насъ отъ москалей?—спросилъ одинъ изъ мѣщанъ. — Толкуютъ, будто и Литва, и Польша опять королевствами станутъ.

Никто не отвѣтилъ.

— Былъ я и въ Краковѣ, и въ Варшавѣ. Вездѣ порядки одни: богатому хорошо, а бѣдному худо, — проговорилъ одинъ изъ мѣщанъ.—И съ каждымъ годомъ все труднѣе.

— А у насъ, въ Вильнѣ, и еще того хуже, — подхватилъ другой: — ни въ одномъ литовскомъ или польскомъ городѣ нѣтъ такихъ сборовъ и податей. Вотъ хоть бы взять брашный сборъ, бруковый, карбонный...

— А рыбный, локтевой,—подхватили его собесѣдники.

И они наперерывъ стали перечислять трудности своего житья-бытья и тяжесть налоговъ, которыми были обложены промышленность и торговля.

III.

Пока въ корчмѣ шли эти разговоры, на улицѣ раздался конскій топотъ и щелканье бичей. Передъ воротами остановилась коляска, запряженная цугомъ шестеркой вороныхъ лошадей. Изу-

крашенная вызолоченными бляхами сбруя, бѣлые султаны, прикрѣпленные между ушами лошадей, пышныя ливреи гайдуковъ, обнаруживали знатность и богатство путниковъ. Ихъ было двое. Одинъ былъ дородный, бѣлокурый мужчина, лѣтъ тридцати, съ бѣлымъ полнымъ надменнымъ лицомъ. Заплывшіе темные глаза его презрительно щурились. Сложивъ руки на животѣ, онъ откинулся на спинку коляски. Другой, худощавый и тонкій въ плечахъ, держался прямо, переводя холодные сѣрые глаза съ предмета на предметъ. Рыжеватые усы его были закручены въ стрѣлку, бородка острижена клиномъ. Замѣтивъ выскочившаго корчмаря, онъ крикнулъ:

— Эй, жидъ! Есть у васъ тутъ кузнецъ? Тащи его сюда.

Гайдуки между тѣмъ выпрягли одну изъ лошадей. Ей надо было перемѣнить подкову.

Пока бѣгали за кузнецомъ, и онъ возился около лошади, всѣ, кто былъ въ корчмѣ, съ любопытствомъ глядѣли на проѣзжихъ пановъ. Только Огурцевичъ и Спягло, взглянувъ на минуту, возвратились на свое мѣсто, обмѣнявшись многозначительнымъ взглядомъ.

— Кто это?—спрашивали шепотомъ мѣщане корчмаря.

Тотъ отвѣчалъ съ важнымъ видомъ:

— Вотъ этотъ полный—графъ Гюнтеръ Любомірскій, а другой панъ, должно быть, его родственникъ, Бжостовскій. Богатые магнаты...

Лошадь скоро впрягли. Графъ Гюнтеръ досталъ серебряную монету и небрежно кинулъ ее кузнецу. Она упала на землю, подпрыгнула и плеснулась въ лужу. Коляска помчалась.

— Вотъ они всѣ таковы,—сказалъ Коленда Засыпкину, съ презрѣніемъ посмотрѣвъ вслѣдъ магнатамъ.

Еврей, владѣлецъ брики, сталъ торопить своихъ пассажировъ. Спягло подошелъ къ Колендѣ и отвелъ его въ уголъ.

— А что панъ,—спросилъ онъ тихо:—ты хочешь ѣхать дальше?

Мѣняла съ недоумѣніемъ и худо скрытой боязнью посмотрѣлъ на него.

— Это я къ тому говорю,—продолжалъ равнодушно Спягло:—что у пана Бжостовскаго и у графа Любомірскаго есть дѣло до тебя. Самъ я нахожусь на службѣ у графа Гюнтера. Такъ вотъ графъ, узнавъ, что ты въ Минскѣ, приказалъ мнѣ встрѣтить тебя и просить заѣхать къ нему въ фольваркъ. Отсюда это недалеко.

— Я не могу,—сказалъ недовѣрчиво мѣняла.

— Графъ получилъ деньги. Вѣрно, онъ хочетъ заплатить свои долги.

При этихъ словахъ мѣняла удвоилъ вниманіе.

— А какъ же мое мѣсто въ дилижансѣ?—сказалъ онъ.

— Графъ прислалъ для тебя своихъ лошадей. На нихъ ты и доѣдешь до Вильны.

Между тѣмъ пассажиры одинъ за другимъ полѣзли въ фуру. Засыпкинъ тоже сѣлъ въ свою толѣжку.

— Ну, какъ же, панъ Коленда?—говорилъ Спягло.—Вотъ и кони.

Тутъ онъ показалъ рукой на пару горячихъ вороныхъ лошадей, запряженныхъ въ тарантасъ, остановившихся у крыльца. Огурцевичъ сидѣлъ на козлахъ рядомъ съ дюжимъ кучеромъ.

— Ну, хорошо, я поѣду съ тобой, — наконецъ согласился Коленда и позвалъ дочь.

— Эстѐръ, не спѣши, мы остаемся.

Фура заскрипѣла и покатилась дальше.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

I.

Графъ Гюнтеръ, раздосадованный невольной остановкой у корчмы, приказалъ кучеру гнать лошадей. Хотя было раннее утро, но путь былъ далекъ. До Закрета, имѣнія графа Бенигсена, только-что пріобрѣтеннаго у него императоромъ Александромъ за двѣнадцать тысячъ червонцевъ, куда ѣхали оба пана, было не меньше двадцати верстъ, а графъ Гюнтеръ предполагалъ еще остановиться въ одномъ изъ фольварковъ своего будущаго тестя, князя Сигизмунда Яснопольскаго, для того, чтобы перемѣнить дорожную одежду на бальный нарядъ и вмѣстѣ съ княземъ и своей невѣстой, княжной Казимірой, ѣхать на балъ въ Закретъ.

Фольваркъ князя Яснопольскаго, главныя имѣнія котораго лежали по ту сторону Вильны, состоялъ изъ мызы и небольшаго красиваго охотничьяго замка, въ которомъ иногда отдыхалъ во время продолжительныхъ охотъ князь Сигизмундъ. Путники прибыли сюда еще засвѣтло. Прямая широкая аллея изъ пирамидальныхъ тополей вела къ замку, окруженному развѣсистыми каштанами. Двухэтажный замокъ полуготическаго стиля отражался въ зеркальной поверхности небольшаго озера. Во всѣ стороны вокругъ него синѣлъ вѣковой лѣсъ, изобиловавшій кабанами и козами.

Сбросивъ дорожные плащи на руки подбѣжавшей челяди, паны поднялись по широкой лѣстницѣ во второй этажъ, гдѣ находились барскія комнаты. Внизу помѣщались егеря и слуги.

Въ большой залѣ, увѣшанной портретами членовъ знатнаго рода Яснопольскихъ, гостей встрѣтилъ князь Сигизмундъ. Это былъ представительный высокій старикъ съ выбритымъ, заостреннымъ къ низу, лицомъ. Густые сѣдые усы его съ широкими подъусниками придавали ему на первый взглядъ добродушно воинственный видъ. Но стоило только посмотрѣть въ его проницательные сѣрые, ковар-

ные глаза, чтобы составить о немъ другое мнѣніе. Круглая сплюснутая голова съ рѣзко обозначенными, какъ у каждаго кровнаго поляка, углами висковъ и красивый сухой орлиный носъ дополняли его наружность. Одежда его, отличавшаяся изысканностью, состояла изъ разрѣзаннаго спереди, вишневаго цвѣта, кафтана и шелковаго бѣлаго жилета, застегнутаго золотыми тонкой чеканки пуговками. Пышное батистовое жабо окружало его шею. Короткіе узкіе темносиніе брюки были завязаны у колѣнъ. Ниже шли свѣтлые шелковые чулки, скрываясь въ узкихъ длинныхъ остроносыхъ башмакахъ съ большими стразовыми пряжками.

Княжна Казиміра сдержанно отнеслась къ графу Гюнтеру. Ей было не болѣе семнадцати лѣтъ. Гибкая, стройная, она походила на отца, но всѣ черты ея лица были мягче и привлекательнѣе. Густые каштановые волосы были собраны на ея головѣ и закрѣплены дорогимъ черепаховымъ съ золотой рѣзьбой гребнемъ.

Послѣ легкой холодной закуски, залитой кубками золотистаго лагоднаго (сладкаго) и вытравнаго (горькаго) стараго венгерскаго вина, пріѣзжіе отправились въ приготовленные имъ покои и здѣсь совершили свой туалетъ.

Княжна тоже отправилась переодѣваться, такъ какъ было принято, чтобы знатныя дамы мѣняли раза три, четыре въ день свои наряды.

Когда всѣ собрались опять въ залу, пора было ѣхать въ Закретъ. Графъ Гюнтеръ и Бжостовскій были одѣты такъ же, какъ и князь Сигизмундъ. Ихъ платье различалось лишь цвѣтомъ матерій, пуговицами и украшеньями.

Застоявшіеся кони ржали на дворѣ, грызя свои строгіе стальные мундштуки и разбрасывая клочья бѣлой пѣны.

Князь Сигизмундъ сѣлъ съ дочерью въ карету, графъ Гюнтеръ и Бжостовскій въ свою коляску, и лошади тронулись.

Приближаясь къ Закрету, находившемуся близь предмѣстья Вильны, путники встрѣтили множество повозокъ, дрожекъ и фуръ, наполненныхъ виленскими обывателями. Всѣ они также ѣхали въ Закретъ, желая хоть издали взглянуть на объявленное тамъ пышное празднество. Другіе брели сюда пѣшкомъ, захвативъ съ собою котомки съ провизіей. Вся дорога пестрѣла разряженными мѣщанками и шляхтенками, число которыхъ все увеличивалось. Достигнувъ окруженнаго густымъ сосновымъ лѣсомъ Закрета, представлявшаго нѣчто въ родѣ плато на обрывистомъ берегу Виліи, съ древними развалинами, пирамидальными тополями, вязами и каштанами, среди которыхъ пѣнился каскадъ, толпы народа разсыпались въ бывшемъ монастырскомъ саду, заняли берегъ рѣки и образовали на травѣ живописныя группы.

II.

Императоръ Александръ продолжалъ жить въ Вильнѣ, гдѣ была главная квартира русской арміи, находившейся подъ начальствомъ военнаго министра Барклая-де-Толли. Государь занимался съ обычнымъ жаромъ политическими и военными дѣлами, развлекаясь время отъ времени балами и праздниками, которые давали польскіе магнаты.

Наконецъ, императорскій штатъ, генералъ-адъютанты и лица свиты пожелали устроить празднество въ честь его величества. Государь приказалъ выдать триста червонцевъ изъ своихъ суммъ, сказавъ при этомъ:

— Если вы, господа, намѣрены устроить праздникъ, то постарайтесь, чтобы онъ вышелъ какъ слѣдуетъ, такъ какъ наши дамы знаютъ въ этомъ толкъ.

Генеральша Бенигсенъ предложила въ распоряженіе устроителямъ празднества Закретъ, не переданный еще вѣдомству государственныхъ имуществъ, со своимъ домомъ въ старинномъ монастырѣ іезуитовъ. Распорядители, найдя помѣщеніе въ монастырѣ тѣснымъ, задумали выстроить сквозную на колоннахъ галлерею въ саду на лужайкѣ. Среди зелени, цвѣтовъ, въ тихій лѣтній вечеръ, на открытомъ воздухѣ, многочисленному обществу здѣсь было бы безъ всякаго сравненія привольнѣе и удобнѣе, чѣмъ въ душныхъ компатахъ. Построить галлерею поручили виленскому архитектору Шульцу, не особенно предусмотрительному и искусному.

Галлерея состояла изъ массивныхъ круглыхъ бревенъ, украшенныхъ листьями, съ капителями изъ пирамидальныхъ каштановыхъ цвѣтковъ. Бревна возвышались надъ деревяннымъ помостомъ и были наверху соединены легкой изящной крышей.

Работы подходили къ концу, какъ вдругъ крыша обрушилась. Это случилось во время обѣда рабочихъ, и потому никто не пострадалъ, кромѣ Шульца. Внѣ себя отъ отчаянія при мысли быть заподозрѣннымъ въ покушеніи на жизнь государя, онъ бросился въ Вилію, протекавшую внизу, и утонулъ. На берегу нашли его шляпу, а тѣло такъ и не всплыло, что̀ дало поводъ къ толкамъ о побѣгѣ Шульца за границу и о ловкомъ замаскированіи побѣга брошенной шляпой. Государь взглянулъ на несчастье, какъ на простой случай.

Между тѣмъ, 12 іюня, празднество состоялось. Приглашенные собрались въ саду, на помостѣ, оставшемся отъ обрушившейся галлереи и красиво декорированномъ щитами и тропическими растеніями. Померанцевыя деревья, находившіяся въ цвѣту, разливали ароматъ. Подъ темно-зеленой группой ихъ усѣлись дамы, а около нихъ расположились мужчины. Столъ для goûter былъ накрытъ посрединѣ. Вечеръ былъ мягкій, теплый. Небо покрылось нѣжными

перистыми жемчужнаго цвѣта облаками, которыя умѣряли блескъ солнечныхъ лучей.

Толпы пріѣхавшихъ изъ Вильны горожанъ бродили по саду и по берегу рѣки, представляя разнообразное и живописное зрѣлище. Бальное общество со свѣжими роскошными платьями дамъ и залитыми золотомъ мундирами военныхъ привлекало ихъ вниманіе. Любопытные тѣснились около легкой ограды, отдѣлявшей пространство въ саду для приглашенныхъ.

Въ восемь часовъ крики ура возвѣстили о прибытіи государя. Онъ былъ строенъ и красивъ. На немъ былъ мундиръ Семеновскаго полка. Яркій синій воротникъ оттѣнялъ нѣжность и свѣжесть его лица, цвѣту котораго могла бы позавидовать любая женщина. Въ это время ему было тридцать пять лѣтъ, но онъ казался гораздо моложе. Онъ имѣлъ открытый, ласковый видъ, соотвѣтствовавшій отличительной чертѣ его характера, мягкости, добротѣ и деликатности. Но бѣлокурые волосы его уже посвѣтлѣли, станъ пополнѣлъ и видно было, что первая пора его молодости уже прошла.

Государь остановился у стола, чтобы разомъ все осмотрѣть, принялъ привѣтствіе хозяевъ дома, затѣмъ приблизился къ дамамъ, не позволяя имъ вставать.

Вскорѣ сѣли за столъ. Разговоры отличались большимъ оживленіемъ. Наконецъ, государю было предложено открыть балъ.

Военная музыка, расположенная въ саду, заиграла полонезъ. Государь прежде всего пригласилъ графиню Бенигсенъ, какъ хозяйку празднества, затѣмъ графиню Барклай-де-Толли, супругу военнаго министра, потомъ молодую дѣвушку, литовскую красавицу, графиню Тизенгаузъ.

Изящная и граціозная, какъ полька, съ густыми каштановыми волосами и темными глазами, она была высокаго роста, который такъ любилъ въ женщинахъ государь. На ней была богатая туника изъ крепа, по которой были вышиты гирлянды изъ смородины—листья изъ бѣлой синели, а ягоды изъ бургиньоновъ. Какъ туника, такъ и все бѣлое шелковое платье ея было отдѣлано гладкаго шелка бахромой. Широкій изъ бусъ кушакъ, также обшитый бахромой, охватывалъ ея тонкій станъ, выгодно удлинняя короткую талію, какія было принято носить въ 1812 году. Корсажъ графини былъ затянутъ шнуровкой, причемъ шнурки кончались грушевидными бусами. Ожерелье изъ крупнаго жемчугу и повязка съ гребнемъ изъ брилліантовъ довершали ея роскошный нарядъ. Большинство дамъ было въ свѣтлыхъ платьяхъ изъ кисеи, газа и перкаля, убранныхъ живыми цвѣтами. Нѣкоторыя дамы, прослышавъ, что въ Парижѣ появились длинныя платья, сдѣлали себѣ безконечные шлейфы и, къ большому удовольствію зрителей, вымели полъ своими трэнами.

Когда при звукахъ полонеза былъ обойденъ помостъ, общество послѣдовало въ домъ, въ бальную залу, проходя по корридорамъ и галлереямъ. Послѣ того танцовали новый танецъ—кадриль, въ который входили разныя фигуры, заканчивавшіяся всякій разъ туромъ вальса при ритурнели. Французскій же контръ-дансъ танцовали въ то время лишь послѣ многихъ репетицій, и мало кто зналъ его, такъ что онъ не былъ исполненъ на этомъ балу.

Когда кадриль кончилась, въ залѣ уже стало очень жарко. Генеральша Бенигсенъ, относившаяся съ особеннымъ вниманіемъ къ графинѣ Тизенгаузъ, пригласила ее пройти въ угловую комнату, въ концѣ галлереи, откуда удобно было смотрѣть, какъ зажигають иллюминацію въ садахъ и на островкѣ, гдѣ среди зелени бѣлѣли скатертями маленькіе столы, накрытые для ужина. Черезъ нѣсколько минутъ въ галлереѣ показался государь. Хозяйка, улыбаясь, шепнула графинѣ, что это преслѣдують ее. Графиня сдѣлала движеніе уйти, но государь уже подошелъ къ ней. Послѣ нѣсколькихъ словъ она отошла и, ставъ у консоли, начала перелистывать ноты, кадриль сочиненія Мерлини, подъ которую только что танцовали. Въ это время самъ авторъ вошелъ въ комнату. Онъ слылъ въ Вильнѣ за хорошаго музыканта, и его любили.

По протекціи Бенигсена онъ былъ сразу пожалованъ въ маіоры. Неуклюжій и близорукій, онъ возбуждалъ улыбки окружающихъ и въ военномъ мундирѣ походилъ на штатскаго.

Войдя сюда, онъ узналъ государя лишь тогда, когда тотъ самъ обратился къ нему и спросилъ:

— Это, кажется, вашего сочиненія кадриль?

Композиторъ оторопѣлъ. Государь отошелъ, подавляя смѣхъ. Графиня тоже засмѣялась и уронила ноты. Государь поспѣшилъ ихъ поднять, Мерлини въ свою очередь бросился за ними и своею неловкостью развеселилъ еще больше общество.

Между тѣмъ балъ продолжался. Когда государь вернулся въ залу, танцовавшіе выстроились въ длинный рядъ, приготовляясь танцовать англезъ—танецъ, который въ то время много танцовали и который былъ безконеченъ. Танцовавшіе, чтобы не стоять спиной къ его величеству, раздвинулись, образовавъ въ серединѣ пустое пространство. И такъ дальше танцы продолжались съ соблюденіемъ должнаго этикета.

Послѣ многихъ мазурокъ, вальсовъ и полонезовъ, всѣ сошли въ садъ на островокъ ужинать. Стояла тихая теплая ночь. Луна блестѣла въ голубой вышинѣ. Освѣщенный изнутри замокъ, огненныя гирлянды иллюминаціи въ саду, пѣнистый каскадъ, множество разсыпавшагося по берегу рѣки и въ аллеяхъ народу, составляли оживленную, прекрасную картину. Праздникъ былъ въ полномъ разгарѣ.

Но если бы кто нибудь могъ здѣсь взлетѣть вверхъ, ему бы

представилось другое, гораздо болѣе величественное и торжественное зрѣлище. Онъ увидѣлъ бы на западѣ въ четырехъ переходахъ отсюда молчаливыя темныя полчища войскъ, струившіяся по тремъ мостамъ черезъ широкую полноводную рѣку. Бряцаніе оружія, топотъ лошадей, лишь одни нарушали безмолвіе ночи. Войска выходили на берегъ и расходились въ разныя стороны. А съ другаго берега изъ огромнаго мрачнаго лѣса все текли и текли новыя полчища, и, казалось, имъ не будетъ конца. То переходилъ русскую границу Наполеонъ со своей арміей...

Государь не садился за столъ и съ видомъ полнымъ веселости переходилъ отъ одной дамы къ другой. Въ это время подошелъ съ озабоченнымъ видомъ министръ полиціи, генералъ-адъютантъ Балашовъ, и остановился вопреки этикету слишкомъ близко отъ государя.

Александръ понялъ, что Балашовъ желаетъ сообщить что-то важное, и, взглянувъ на него, послѣдовалъ въ садъ. Балашовъ тотчасъ приблизился и заговорилъ сдержаннымъ голосомъ. На лицѣ Александра изобразилось сильное волненіе.

— Какъ! безъ объявленія войны вступить въ Россію! — проговорилъ съ возбужденіемъ онъ:—я помирюсь только тогда, когда ни одного непріятельскаго солдата не останется на моей землѣ.

Однако, онъ вскорѣ успокоился и, отпустивъ Балашова, вернулся къ обществу. Какъ потомъ онъ говорилъ, ему не хотѣлось омрачать праздника сообщеніемъ роковой вѣсти. Около получаса смотрѣлъ онъ на возобновившіеся танцы, продолжавшіеся и послѣ его отъѣзда.

Какъ ни тщательно скрывали на балу только что полученное важное извѣстіе, однако кое-кто изъ польскихъ магнатовъ тотчасъ провѣдалъ о немъ. Князь Сигизмундъ былъ однимъ изъ первыхъ. Живая радость изобразилась на его лицѣ. Тлѣвшія подъ пепломъ надежды его загорѣлись вновь яркимъ пламенемъ. Ему уже представилась возстановленная Польша въ предѣлахъ до ненавистныхъ раздѣловъ. Горячій патріотъ, ловкій политикъ, онъ, какъ и всѣ поляки того времени, заблуждался относительно своего отечества и грезилъ о томъ, что само по себѣ уже было несбыточно.

Замѣтивъ графа Гюнтера, Яснопольскій отвелъ его въ уединенную часть сада.

— Слышали вы?—сказалъ старый магнатъ, торжествуя: — Наполеонъ перешелъ Нѣманъ.

Замѣтивъ на лицѣ собесѣдника выраженіе недоумѣнія и недовѣрія, князь продолжалъ:

— Война началась. Я надѣюсь, что черезъ недѣлю вся Литва будетъ очищена отъ русскихъ войскъ. Наполеонъ не знаетъ неудачъ. Онъ развѣетъ непріятельскіе полки. Время и намъ, графъ, встать за оскорбленную родину. Помните нашъ договоръ съ вами.

Я отдамъ вамъ свою дочь лишь тогда, когда вы на дѣлѣ докажете любовь къ отечеству. Вы обязались сформировать изъ своихъ людей конный полкъ. Вы говорили, что у васъ все готово. Я надѣюсь встрѣтить васъ во главѣ его, при вступленіи побѣдоносной французской арміи въ Вильну.

Напыщенный тонъ этой рѣчи ускользнулъ отъ графа Гюнтера, не отличавшагося сообразительностью, но, тѣмъ не менѣе, содержаніе ея было ему не совсѣмъ по вкусу. Онъ любилъ пиры, охоту, женщинъ, но не имѣлъ никакой склонности къ политикѣ. Онъ смутно сознавалъ весь рискъ того шага, котораго отъ него требовалъ князь Сигизмундъ. Знакомый съ могуществомъ Наполеона болѣе по наслышкѣ, графъ не раздѣлялъ увѣренности Яснопольскаго въ его непобѣдимости. Мало образованный, преданный грубымъ чувственнымъ удовольствіямъ, отдаваясь все время попойкамъ и охотѣ въ своихъ, расположенныхъ въ глухомъ уѣздѣ Литвы, помѣстьяхъ, онъ въ сущности считалъ безразличнымъ, кому бы ни принадлежала верховная власть въ Польшѣ, лишь бы ему жилось хорошо. Влеченіе къ прекрасной и богатой Казимірѣ поставило его въ зависимость отъ безпокойнаго и честолюбиваго Яснопольскаго, и онъ тяготился своимъ положеніемъ.

Пока онъ обдумывалъ отвѣтъ, подошелъ Бжостовскій и, хлопнувъ его по плечу, сказалъ:

— Прошу извиненія, князь Сигизмундъ. Гюнтеръ, на два слова.

Тотъ тотчасъ послѣдовалъ за пріятелемъ, радуясь неожиданному избавленію. Они направились къ рѣкѣ. Едва они вышли за ограду, передъ ними появился юркій еврей.

Глаза его бѣгали, какъ мыши, на губахъ виднѣлась льстивая улыбка.

— Ты откуда?—нахмурясь, спросилъ Гюнтеръ, узнавъ своего слугу, Огурцевича.

— Все исполнено, ваше сіятельство, — проговорилъ тотъ, униженно кланяясь.

— Они ужъ въ Пруцанахъ,—прибавилъ Бжостовскій.

Графъ задумался.

— Ну, хорошо,—сказалъ онъ,—передай Спягло, что я сегодня же отправлюсь туда. На, тебѣ.

Швырнувъ пару червонцевъ, онъ возвратился къ князю Сигизмунду.

Празднество уже кончалось. Огни иллюминаціи погасали. Гости разъѣзжались одинъ за другимъ. Толпы горожанъ чернѣли на дорогѣ. Луна закатилась, и ночныя тѣни густо охватили землю.

III.

Возвратившись въ Вильну съ бала, государь въ два часа ночи послалъ за государственнымъ секретаремъ Шишковымъ и велѣлъ написать приказъ войскамъ и рескриптъ фельдмаршалу Салтыкову.

Въ тотъ же день, 13-го іюня, въ девять часовъ вечера, государь, пославъ за министромъ Балашовымъ, принялъ его въ маленькомъ кабинетѣ, въ которомъ обыкновенно работалъ.

— Ты вѣрно не знаешь,— сказалъ государь, — зачѣмъ я тебя призвалъ? Я намѣренъ послать тебя къ императору Наполеону. Я сейчасъ получилъ донесеніе изъ Петербурга, что нашему министерству иностранныхъ дѣлъ прислана нота отъ французскаго посольства, въ которой изъяснено, что такъ какъ нашъ посолъ въ Парижѣ, князь Куракинъ, неотступно требовалъ два раза въ одинъ день паспортовъ ѣхать изъ Франціи, то сіе принимается за разрывъ и равномѣрно повелѣвается и графу Лористону просить паспортовъ и ѣхать изъ Россіи.

Государь, сказавъ это, помолчалъ.

— Итакъ, я хотя слабую, но вижу причину, въ первый еще разъ, которую беретъ предлогомъ Наполеонъ для войны,—продолжалъ государь,—но и та ничтожна, потому что Куракинъ сдѣлалъ это самъ собой, а отъ меня не имѣлъ повелѣнія. Онъ увидѣлъ, что всѣ ѣдутъ изъ Парижа, не только Наполеонъ, но и Бассано, и счелъ, что ему не у кого будетъ послѣ требовать себѣ паспортовъ и для того настоятельно просилъ объ этомъ прежде ихъ выѣзда. А какъ, между тѣмъ, присылка была ко мнѣ отъ Наполеона его генералъ-адъютанта графа Нарбонна, который и военнымъ министромъ былъ прежде, то въ отвѣтственность сего и рѣшился я послать тебя. Хотя, впрочемъ, между нами будь сказано, я не ожидаю отъ сей посылки прекращенія войны, но пусть же будетъ извѣстно Европѣ и послужитъ новымъ доказательствомъ, что начинаемъ ее не мы.

Послѣ того государь прочелъ и вручилъ Балашову собственноручное письмо свое къ французскому императору.

— Объяви Наполеону,—прибавилъ государь,—что ежели онъ намѣренъ вступить въ переговоры, то они сейчасъ могутъ начаться, съ условіемъ однимъ, чтобы арміи его вышли за границу. Въ противномъ же случаѣ даю слово, покуда хотя одинъ вооруженный французъ будетъ оставаться въ Россіи, не говорить и не принять ни одного слова о мирѣ.

Балашовъ, взявъ трубача и двухъ казаковъ, тотчасъ отправился въ путь и на разсвѣтѣ пріѣхалъ въ деревню Рыконты, лежащую на этой сторонѣ Нѣмана. Здѣсь находились уже французскіе передовые посты. Часовые остановили Балашова.

— Вамъ придется подождать здѣсь,—дѣловымъ тономъ сказалъ унтеръ-офицеръ, рослый гусаръ въ малиновомъ мундирѣ и мѣховой шапкѣ.—Я пошлю сейчасъ доложить полковнику.

Балашовъ принужденъ былъ покориться. Казаки его и французы съ любопытствомъ осматривали другъ друга. Гусары съ чувствомъ превосходства поглядывали на ихъ поджарыхъ степныхъ лошадей и высокія съ кожаными подушками сѣдла. Казаки любовались ихъ новенькими щегольскими мундирами. Это было въ то первое время кампаніи, когда войска находились въ почти смотровой исправности, но только съ той нарядной воинственностью во внѣшности и съ тѣмъ нравственнымъ оттѣнкомъ веселья и предпріимчивости, которые всегда сопутствуютъ началу войны.

Полковникъ скоро пріѣхалъ въ сопровожденіи двухъ гусаровъ.

Балашовъ назвалъ себя. Полковникъ въ свою очередь вѣжливо отрекомендовался (фамилія его была Юльнеръ) и сказалъ, что за деревней, въ двухъ верстахъ, находится начальникъ дивизіи, который приметъ Балашова и проводитъ его по назначенію.

Только они миновали деревню, какъ внизу изъ-подъ горы показалось нѣсколько всадниковъ. Впереди на вороной лошади, съ блестѣвшей на солнцѣ сбруей, скакалъ большаго роста человѣкъ въ шляпѣ съ перьями, съ черными падавшими на плечи кудрявыми волосами. Красная мантія его развѣвалась, длинныя ноги въ желтыхъ сапогахъ шпорили лошадь.

Этотъ всадникъ, похожій на театральнаго героя, въ браслетахъ, ожерельяхъ и золотѣ, былъ уже недалеко, когда Юльнеръ почтительно прошепталъ:

— Король Неаполитанскій.

Это былъ Мюратъ, зять Наполеона, начальникъ кавалеріи grande armée.

Увидавъ Балашова, онъ осадилъ лошадь. Юльнеръ подъѣхалъ къ нему и вполголоса сообщилъ о цѣли прибытія русскаго генерала.

— А, хорошо,—быстро заговорилъ Мюратъ,—очень радъ познакомиться съ вами, генералъ.

И, перекинувъ ногу, онъ слѣзъ съ сѣдла. Балашовъ послѣдовалъ его примѣру.

— Ну, что, генералъ, кажется, у насъ война,—сказалъ Мюратъ, какъ будто допуская, что его присутствіе здѣсь, подъ Вильной, могло обозначать что либо другое.

— Ваше величество,—отвѣчалъ Балашовъ,—императоръ Александръ не желаетъ войны. То, что я нахожусь здѣсь, служитъ этому лучшимъ доказательствомъ.

Полное удовольствіе выражалось на сытомъ простоватомъ лицѣ Мюрата. Ему представилось, что онъ долженъ переговорить серьезно,

какъ союзникъ Наполеона и король, съ посланникомъ русскаго императора. Взявъ подъ руку Балашова и отдалившись отъ свиты, онъ сталъ ходить съ нимъ взадъ и впередъ, стараясь говорить вѣско и значительно.

— Неужели вы считаете зачинщикомъ войны Наполеона, а не Александра?—съ наивной улыбкой неожиданно спросилъ онъ.

Балашовъ сказалъ, что, по его мнѣнію, дѣйствительно Наполеонъ началъ войну.

Но Мюратъ, не слушая, болтливо перебилъ его:

— Ахъ, любезный генералъ, я желаю отъ всей души, чтобы императоры уладили дѣло между собою, и война кончилась какъ можно скорѣе.

И затѣмъ, поговоривъ еще немного, онъ сказалъ:

— Однако я васъ не стану болѣе задерживать, генералъ. Поѣзжайте дальше. Наполеонъ тутъ гдѣ нибудь недалеко. Васъ тотчасъ представятъ ему.

Балашовъ, радуясь, что сейчасъ прiѣдетъ, пустился въ путь, но вмѣсто встрѣчи съ французскимъ императоромъ сторожевая цѣпь пѣхоты Даву задержала его, и адъютантъ проводилъ его къ маршалу.

Суровый товарищъ Наполеона по Бріенской военной школѣ, самый способный и самый угрюмый и жестокосердый изъ его маршаловъ, Даву сидѣлъ въ крестьянскомъ сараѣ на чурбанѣ и разбиралъ бумаги, которыя были разложены на сорванной съ петель двери, лежавшей на двухъ боченкахъ. Замѣтивъ русскаго генерала, онъ не всталъ, не пошевелился, а сдѣлалъ видъ, что еще больше занятъ работой.

Предполагая, что маршалъ не знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, Балашовъ объяснилъ, зачѣмъ прiѣхалъ. Но Даву сталъ еще грубѣе.

— Ну, гдѣ тамъ вашъ пакетъ? Дайте его, я пошлю его императору.

— Я имѣю приказаніе государя передать письмо лично императору Наполеону.

— Пусть вашъ государь приказываетъ въ своей арміи, а здѣсь вы должны дѣлать то, что вамъ велятъ.

Балашовъ вынулъ пакетъ съ письмомъ отъ государя, положилъ его на дверь, замѣнявшую маршалу столъ, и сказалъ:

— Вы можете не оказывать мнѣ уваженія, но позвольте вамъ замѣтить, что я имѣю честь носить званіе генералъ-адъютанта его величества и въ данномъ случаѣ быть его представителемъ.

Даву взялъ пакетъ и прочелъ надпись.

— Ну, вамъ будетъ оказано должное, — пробормоталъ онъ, положилъ пакетъ въ карманъ и ушелъ изъ сарая.

Вслѣдъ затѣмъ появился адъютантъ маршала, де-Кастре, и провелъ Балашова въ назначенное для него помѣщеніе.

На другой день Даву пригласилъ къ себѣ Балашова и сказалъ, что проситъ его оставаться здѣсь впредь до дальнѣйшихъ распоряженій. Послѣ того маршалъ уѣхалъ.

Балашовъ увидѣлъ себя подъ арестомъ. Этотъ арестъ продолжался четыре дня.

Между тѣмъ французская армія продолжала наступленіе. Передовые разъѣзды Мюрата 15-го іюня показались у Вильны.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

I.

Хозяинъ Засыпкина, вяземскій уроженецъ Тихонъ Фроловичъ Зайцевъ, былъ однимъ изъ извѣстныхъ купцовъ въ Вильнѣ. Пріѣхавъ сюда лѣтъ восемь назадъ, онъ занялся оптовой и розничной торговлей, открылъ въ городѣ магазинъ и товарный складъ. Зайцевъ привезъ съ собой сестру, маленькаго сына и двухъ прикащиковъ: Засыпкина и Григорія Колесникова. Дѣла его пошли хорошо. Смѣтливый и оборотливый торговецъ, онъ скоро пріобрѣлъ большой кругъ покупателей. Съ поляками онъ старался поддерживать добрыя отношенія и польскихъ гостей своихъ принималъ радушно. Такъ у него бывалъ ректоръ Виленскаго университета Снядецкій.

Въ дружеской бесѣдѣ съ нимъ Зайцевъ не разъ обращалъ его вниманіе на гибельное увлеченіе студентовъ революціонными идеями запада, не чуждыми и профессорамъ.

Вѣсть о приближеніи французской арміи, разнесшаяся на другой день послѣ праздника въ Закретѣ, смутила Зайцева. Обсудивъ положеніе дѣлъ, онъ рѣшилъ уѣхать въ Вязьму. Что же касается дома, магазина и прочаго имущества, то все это онъ положилъ передать въ вѣдѣніе Засыпкина. Вѣрный приказчикъ клятвенно обязался хранить хозяйское добро.

Медлить было нельзя. Многіе изъ русскихъ уже выбирались изъ города. Зайцевъ съ вечера приказалъ укладываться, а на другой день отправился въ Святодуховскій монастырь помолиться предъ дорогой. Наступилъ часъ отъѣзда. Запряженная въ тарантасъ тройка сытыхъ лошадей стояла у крыльца. Зайцевъ усадилъ сестру, сына и сѣлъ самъ. Колесниковъ взлѣзъ на козлы. Засыпкинъ безъ шапки стоялъ тутъ же, безмолвно глядя на отъѣзжающихъ.

Зайцевъ протянулъ ему руку.

— Прощай, другъ Ваня,—съ волненіемъ сказалъ онъ:—да хранитъ тебя Богъ! Если не умремъ, свидимся.

Засыпкинъ припалъ со слезами къ его плечу. Лошади тронулись.

II.

Не дождавшись возвращенія Балашова, государь выѣхалъ изъ Вильны. Въ виду приближенія непріятеля главнокомандующій русской арміей Барклай-де-Толли отдалъ приказъ очистить городъ. Войска потянулись къ Нѣменчину.

Какъ только государь выѣхалъ, почти всѣхъ городскихъ лошадей потребовали для чиновниковъ и служащихъ, которые поспѣшно сложили пожитки на подводы и выбрались изъ города съ женами и дѣтьми. Улицы были запружены каретами и колясками, куда были безпорядочно свалены люльки и клѣтки съ испуганными птицами, посуда, мѣха, съѣстные припасы. Общая паника дошла до того, что даже нѣкоторые изъ сторонниковъ французовъ обратились въ бѣгство изъ опасенія, что городъ будетъ уничтоженъ до тла.

Вся ночь прошла въ грохотѣ и шумѣ, а на другой день все вдругъ утихло, не слышно было стука колесъ. Но все было спокойно только съ виду. Среди обывателей распространялись самые тревожные слухи, что предмѣстья будутъ сожжены, жителей перебьютъ, у городскихъ стѣнъ произойдетъ сраженіе, нужно прятаться въ погреба и въ горы. Старый эмигрантъ, графъ Лотрекъ, объявивъ, что всѣ оставшіеся погибнутъ, подалъ первый примѣръ, засѣвъ съ бутылкой вина и колбасой въ рукахъ, въ развалинахъ башни на Замковой горѣ.

Всю ночь русскія войска проходили непрерывно черезъ городъ и сожгли за собой Зеленый мостъ на Виліи. Утромъ французы вошли въ Вильну съ противоположной стороны. Восьмой уланскій полкъ князя Доминика Радзивилла вступилъ въ городъ первымъ. Это были польскіе уланы, въ короткихъ нарядныхъ мундирахъ и блестящихъ киверахъ. Польскія дамы съ балконовъ привѣтствовали ихъ, махая платками и бросая цвѣты. Уланы гордо и весело отдавали честь. Многіе изъ обывателей въ первый разъ въ жизни видѣли польскихъ военныхъ. Слезы восторга и радости лились изъ глазъ потрясенныхъ патріотокъ. Каждая изъ нихъ сознавала себя полькой. Эта минута для нихъ была восхитительна, но какъ она была коротка.

Народъ безумно веселился на улицахъ, на площадяхъ, крича «виватъ» и пускаясь къ рѣкѣ подбирать тамъ и сямъ валявшееся оружіе, брошенное и забытое въ ночной суматохѣ.

Муниципалитетъ, депутаціи отъ дворянства и прочихъ сословій 16-го іюня встрѣтили Наполеона, въ семи верстахъ отъ Вильны, на Панарскихъ горахъ, съ распущенными знаменами и въ знакъ покорности поднесли ему городскіе ключи на серебряномъ блюдѣ. Окруженный конной гвардіей, онъ торжественно въѣхалъ въ городъ и тотчасъ же отправился къ Зеленому мосту, приказавъ ту-

шить пожаръ, такъ какъ огонь началъ распространяться и на сосѣднія строенія. Онъ сѣлъ на бревно, велѣлъ дать работникамъ пива и самъ выпилъ стаканъ, сказавъ попольски:

— Dobre piva.

Затѣмъ онъ сѣлъ на свою сѣрую арабскую лошадь и взобрался на Замковую гору, чтобы оттуда осмотрѣть Вильну и ея окрестности. Затѣмъ онъ отправился во дворецъ. Король Неаполитанскій расположился въ обширныхъ палатахъ графа Паца, которыя занималъ великій князь Константинъ. По его требованію ему доставили бѣлья, серебро, вина и наскоро изготовленный обильный завтракъ. Генералы и офицеры тоже заняли лучшіе дома. Въ городѣ было тихо, но въ предмѣстьяхъ и окрестныхъ деревняхъ начался грабежъ и неслыханныя безчинства. Церкви были ограблены, священные сосуды осквернены, кладбища разрыты. Солдаты насиловали дѣвушекъ и женщинъ, убивали возмутившихся поселянъ.

Это дошло до свѣдѣнія Наполеона. Онъ самъ сталъ принимать жалобы и щедро вознаграждалъ потерпѣвшихъ. Наконецъ его терпѣніе истощилось. Собравъ начальниковъ частей, онъ гнѣвно порицалъ ихъ за нерадивость и заключилъ свою громовую рѣчь словами:

— Господа, вы меня безчестите, вы меня губите.

И грабителей велѣно было разстрѣливать.

Три дня въ арміи не было хлѣба. Русскіе повсюду на пути французовъ сожгли хлѣбные запасы и мельницы.

Въ Вильнѣ солдатамъ выдавался хлѣбъ изъ столь дурной муки и столь плохо выпеченный, что брошенный въ стѣну онъ прилѣплялся къ ней, какъ сырое тѣсто.

Въ кавалеріи не было фуража, и для прокормленія лошадей въ концѣ іюня уже снимали хлѣбъ съ полей. Онѣ падали сотнями, ихъ трупы бросали въ Вилію. Рыба и раки въ ней пропахли трупнымъ запахомъ, такъ что ихъ нельзя было ѣсть. Постепенно распространилось между поляками и литовцами уныніе. Многіе уже сомнѣвались въ звѣздѣ Наполеона, а походъ былъ только лишь начатъ. Но гвардія и войско боготворили своего императора и въ пылу увлеченія не замѣчали зловѣщихъ предвѣстниковъ своей гибели.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

I.

Князь Сигизмундъ не былъ изъ числа такихъ людей, отъ которыхъ легко отдѣлаться. Настойчивый въ требованіяхъ, хитрый и предусмотрительный, онъ всегда добивался, чего хотѣлъ. Зная лѣность и упрямство графа Гюнтера, онъ рѣшилъ, не откладывая дальше, принудить его теперь же вступить на французскую службу. По мнѣнію князя, минута была какъ нельзя болѣе благопріятна. «Французы-освободители» приближались. Вниманіе ненавистныхъ «притѣснителей» было отвлечено.

Французская армія уже не мало знатныхъ литовцевъ и польскихъ магнатовъ считала въ своихъ рядахъ. Владиміръ Потоцкій въ своихъ родовыхъ помѣстьяхъ въ Подоліи набралъ цѣлый полкъ, вооружилъ его на свой счетъ и присоединилъ къ польскому корпусу, служившему тогда во Франціи. Глава богатаго рода, князь Доминикъ Радзивиллъ, поступилъ точно также, какъ Потоцкій. Князь Понятовскій, Красинскій, графъ Пацъ и много другихъ богачей изъ поляковъ и литовцевъ находились на службѣ у Наполеона, сражаясь противъ русскихъ и пользуясь своими доходами, не опасаясь, что ихъ имѣнія въ Россіи подвергнутся секвестру или конфискаціи. Но болѣе дальновидные обращали недвижимость въ деньги и помѣщали ихъ на храненіе въ Лондонъ или въ Америку. Такъ графъ Пацъ, собравъ милліонъ, положилъ его въ нью-іоркскій банкъ.

Вернувшись ночью въ свой охотничій замокъ, вмѣстѣ съ Гюнтеромъ и Бжостовскимъ, князь Сигизмундъ отложилъ предполагаемый серьезный разговоръ со своимъ будущимъ зятемъ до слѣдующаго дня. Утромъ онъ пригласилъ его къ себѣ въ кабинетъ.

Графъ Гюнтеръ равнодушно выслушалъ всѣ доводы Яснопольскаго. Но, когда вошла панна Казиміра въ легкомъ бѣломъ домашнемъ нарядѣ, съ распущенными волосами, прекрасная, свѣжая, благоухающая, съ сіяющими синими глазами и золотистыми волосами, отуманенный ея красотой графъ далъ свое дворянское слово немедленно встать въ ряды французовъ.

Княжна улыбаясь смотрѣла на него. Если-бъ онъ былъ сколько нибудь проницателенъ, онъ не прочелъ бы въ ея прозрачныхъ глазахъ большаго расположенія къ себѣ. Умная и расчетливая, чистокровная полька, княжна Казиміра очень хорошо понимала всѣ выгоды замужества съ знатнымъ, богатымъ литовцемъ, долженствующимъ занять въ возстановленной Польшѣ, какъ одинъ изъ освободителей ея, видное мѣсто. Но въ то же время она не упускала изъ виду и оборотной стороны медали.

Въ это время въ дверяхъ показался Бжостовскій.

— Не пора ли намъ, Гюнтеръ?

— Знаю, знаю,—отозвался тотъ.

Они распрощались съ Яснопольскими и уѣхали.

II.

Черезъ три часа рѣзвыя лошади доставили ихъ въ Пруцаны, небольшую усадьбу Бжостовскаго, лежавшую въ глухомъ, уединенномъ мѣстѣ.

Покосившійся сѣрый деревянный домъ съ выбитыми во многихъ окнахъ стеклами, осѣвшее крыльцо, сараи безъ крышъ свидѣтельствовали, что усадьба давно заброшена, и никто не живетъ въ ней. Поселокъ изъ нѣсколькихъ крестьянскихъ дворовъ, числившійся при этой усадьбѣ, находился въ верстахъ двухъ.

Заросшая травой дорога, пролегая чрезъ мелкій частый ельникъ, вела къ дому. Дряхлые вязы окружали его. Запущенный садъ разросся и соединился съ шумѣвшимъ кругомъ лѣсомъ.

Приближеніе коляски къ дому, повидимому, не привлекло ничьего вниманія. Даже нигдѣ не залаяла собака. Домъ казался необитаемымъ. Но, когда лошадь остановилась у крыльца, калитка заскрипѣла, и рыжій коренастый Спягло пролѣзъ въ нее. Подобострастно кланяясь, онъ привѣтствовалъ своихъ повелителей, располагавшихъ его тѣломъ и душой. Вслѣдъ за нимъ показалось еще нѣсколько человѣкъ дворовой челяди графа Гюнтера. Всѣ они были вооружены. Ихъ грубыя мрачныя лица не предвѣщали ничего добраго. Эти тѣлохранители и приспѣшники графа были выбраны изъ числа самыхъ преданныхъ и надежныхъ рабовъ. Съ ними производилъ онъ набѣги и насилія, какими развлекался, и они повиновались малѣйшему его знаку.

Оба пана вошли въ домъ. Огромная темная зала съ почернѣвшимъ отъ сырости потолкомъ и ободранными обоями носила слѣды полнаго запустѣнія.

Спягло слѣдовалъ свади, ожидая приказаній графа, и тихо доложилъ, что плѣнники были доставлены безъ всякой помѣхи и подъ строжайшей тайной.

— Гдѣ они?—спросилъ Гюнтеръ.

— Старикъ въ кладовой, а дѣвушка наверху,—отвѣтилъ Спягло:—ихъ вещи у меня подъ замкомъ.

— Это хорошо, — замѣтилъ Бжостовскій: — молодецъ, Спягло. Старая лисица могла засунуть въ щель важныя бумаги, а ихъ-то намъ и надо.

По приказанію графа Гюнтера, Спягло принесъ сумку, снятую съ Коленды, и его дорожный мѣшокъ. Всѣ эти вещи были разложены на столѣ въ небольшой угловой комнатѣ, дверь которой

графъ заперъ и, выславъ раба, приказалъ ему сторожить, чтобы никто не смѣлъ помѣшать ихъ занятію.

Оба пана высыпали на столъ все, что лежало въ сумкѣ. Тутъ были пригоршни двѣ червонцевъ, пара дорогихъ браслетовъ, нѣсколько золотыхъ часовъ, купленныхъ по случаю или взятыхъ въ закладъ, дюжина колецъ, цѣпочекъ, серегъ. Но не эти вещи интересовали пановъ. Они тщательно пересмотрѣли попавшіяся имъ бумаги, заемныя письма и другіе денежные документы на значительныя суммы. Найдя свои векселя, Гюнтеръ и Бжостовскій разразились хохотомъ и, кликнувъ Спягло, приказали проводить ихъ къ заключенному.

Миновавъ узкій, темный корридоръ, они достигли кладовой, помѣщавшейся въ концѣ дома. Это была просторная мрачная комната съ желѣзной рѣшеткой въ небольшомъ окнѣ. Въ углу, на полу, сидѣлъ съ связанными назадъ руками мѣняла. Одежда его была въ безпорядкѣ. Борода растрепалась, лицо осунулось. Глаза его лихорадочно блестѣли, и по всему видно было, что онъ находился въ сильномъ нервномъ возбужденіи.

При входѣ пановъ, которыхъ узналъ съ перваго взгляда, онъ съ трудомъ поднялся на ноги.

— Здравствуй, Коленда,— насмѣшливо началъ Бжостовскій:— давно съ тобой не видѣлись. Я слышалъ, ты собирался ко мнѣ пріѣхать. Ну, вотъ ты теперь у меня.

— Ясновельможный панъ, — дрожащимъ голосомъ произнесъ старикъ:—прикажите развязать мнѣ руки. По какому праву ваши люди заперли меня здѣсь?

Гюнтеръ усмѣхнулся.

— Эй, послушай, намъ нечего съ тобой долго разговаривать. Ты ѣздилъ въ Минскъ и сбывалъ мои векселя Исааку Ганделю!

— И мои тоже,—прибавилъ Бжостовскій.

— Ты дорого за нихъ хотѣлъ, и это справедливо, потому что я съ лихвой плачу свои долги. Ну, а теперь мы, кажется, квиты.

Съ этими словами онъ разорвалъ векселя.

Тяжелый вздохъ вырвался изъ груди Коленды, обнаруживъ его сожалѣніе о столь дурно помѣщенныхъ деньгахъ.

— Но это не все!—сурово сказалъ Гюнтеръ:—ты долженъ уплатить еще свой выкупъ.

И онъ назвалъ крупную сумму.

Лице мѣнялы исказилось.

— Если-бъ я могъ продать все, что имѣю, и тогда бы у меня не хватило, сколько вы требуете,—сказалъ онъ.

— Стой, Коленда,—перебилъ Бжостовскій:—вотъ тебѣ мое слово, что я вздерну тебя передъ этимъ окномъ, если ты станешь упрямиться. Ни одинъ жидъ не уходилъ отсюда, не заплативъ дол-

жной дани. У тебя сундуки ломятся отъ награбленнаго бумажнымъ грабежемъ золота.

— Такъ его надо отнять силой...

— Собака!—грозно сказалъ Гюнтеръ:—мы пришли не торговаться съ тобой и не спорить, а взять у тебя должное. Если ты не хочешь поступиться безделицей добровольно, то, повѣрь, у насъ найдется чѣмъ тебя принудить.

Онъ обратился къ Спягло и велѣлъ позвать людей. Вошло трое прислужниковъ. Они схватили старика и совлекли съ него одежду.

Бжостовскій пожалъ плечами и сказалъ Гюнтеру:

— Поручаю тебѣ покончить съ нимъ счеты.

И затѣмъ, посвистывая, онъ позвалъ Спягло и отправился наверхъ къ Эстеръ, дочери Коленды.

III.

Въ то время необузданный произволъ царилъ въ Польской землѣ. Хотя Литва была присоединена уже къ Россіи, но шляхта, а главное богатые магнаты, сохраняли духъ и обычаи феодаловъ. Кровавыя расправы, наѣзды на владѣнья противника, были повсемѣстнымъ обычнымъ явленіемъ.

Князья и графы, нуждаясь въ деньгахъ, занимали ихъ гдѣ попало, подъ какіе угодно проценты. Иногда они платили долги, но еще чаще сбывали съ рукъ неотвязчивыхъ кредиторовъ, заключая ихъ посредствомъ взятокъ и происковъ въ тюрьму, или просто своимъ судомъ расправлялись съ ними.

Понявъ, что ему нечего ждать пощады отъ мучителей, Коленда пошелъ на уступки. Онъ опустился на колѣни и проговорилъ дрожа:

— Пресвѣтлѣйшій графъ, я возвращу вамъ всѣ другіе ваши векселя, но не требуйте, чтобы я далъ выкупъ деньгами, потому что въ нашей кассѣ теперь нѣтъ ни одного злотаго. Я буду разоренъ, но дайте мнѣ возможность вернуться къ честному труду.

— Изволь, векселя я возьму, но, кромѣ того, какъ тебѣ уже сказано, ты долженъ уплатить сто тысячъ.

Коленда съ энергіей отчаянья затрясъ головой. По знаку графа на средину комнаты выдвинули длинный плоскій ларь. На него положили ничкомъ упрямаго мѣнялу и, вытянувъ ему руки, привязали ихъ къ желѣзной скобѣ. Къ другой скобѣ прикрутили ноги. Распластанный старикъ едва могъ пошевельнуться. Два прислужника съ бичами въ рукахъ стали по сторонамъ ларя. Ремни засвистали и врѣзались въ тѣло узника. Хриплый вопль вырвался изъ его груди. Кровавыя полосы обозначились на его бокахъ.

— Довольно,— сказалъ графъ, отсчитавъ нѣсколько десятковъ ударовъ.—Будешь ли ты теперь противиться?

Старикъ посмотрѣлъ на него искажёнными отъ боли и ужаса глазами.

— Развяжите, я уплачу все, что могу. Но вы должны, прежде чѣмъ будетъ доставлено золото, отпустить меня съ дочерью въ Вильну.

Гюнтеръ мрачно захохоталъ.

— Прежде чѣмъ будетъ доставлено золото? Да неужели ты думаешь, что я буду такъ глупъ и выпущу тебя изъ рукъ? Ты уйдешь, когда я тутъ при тебѣ пересчитаю присланныя деньги. И какое мнѣ дѣло до твоей дочери? Она понравилась Бжостовскому, и врядъ ли онъ захочетъ скоро разстаться съ ней, что̀, право, для нея большая честь.

При этомъ неожиданномъ извѣстіи новый вопль вырвался у Коленды.

— Проклятый магнатъ!—закричалъ онъ:—рѣжь и терзай меня, но ты не получишь ни одного гроша. Всѣ векселя твои скуплю я и подамъ въ судъ, и ты уплатишь по нимъ все дочиста или лишишься своихъ помѣстій! Моя же Эстеръ скорѣе убьетъ себя, чѣмъ дозволитъ прикоснуться къ себѣ нечистому развратнику, твоему другу!

Эти слова, исторгнутыя отчаяньемъ, не произвели особеннаго впечатлѣнія на Гюнтера, привыкшаго къ грубой брани. Онъ махнулъ рукой, и бичеваніе возобновилось.

Отъ неистовыхъ криковъ и страдальческаго вида, извивавшагося на прилавкѣ старика, содрогнулось бы всякое менѣе черствое сердце, но Гюнтеръ былъ непоколебимъ. Скрестивъ руки на груди, онъ равнодушно ждалъ послѣдствій пытки.

IV.

Бжостовскій, поднявшись на верхъ, остановился у запертой двери. Спягло вытащилъ изъ-за пояса ключъ и отперъ ее. Бжостовскій махнулъ рукой, приказывая ему уйти, и вошелъ къ заключенной.

Эстеръ сидѣла на кровати, покрытой ветхимъ зеленымъ шелковымъ одѣяломъ. Комната была невелика. Окно ея выходило въ садъ. На стѣнѣ висѣло круглое зеркало, подъ нимъ находился комодъ. Шкафъ для платья, два сундука, нѣсколько стульевъ дополняли обстановку.

Замѣтивъ вошедшаго, дѣвушка встала и оперлась рукой на комодъ. Въ глазахъ ея, устремленныхъ на молодаго шляхтича, виднѣлся испугъ и недовѣріе.

— Не бойся меня, милая Эстеръ, — сказалъ съ улыбкой Бжостовскій, приближаясь къ ней. — Я хочу, чтобы ты считала меня своимъ другомъ.

— Если-бъ вы точно хотѣли этого, то не позволили бы своимъ людямъ схватить меня и привести сюда! Но что я должна теперь думать о васъ? Въ послѣдній разъ, какъ я видѣла васъ въ нашемъ домѣ, я сказала, что намъ нечего встрѣчаться. Вы согласились съ этимъ, а между тѣмъ поступили такъ, какъ недостойно честнаго дворянина.

Твердый тонъ и пылкость, съ какой произнесла она эту рѣчь, на минуту смутили Бжостовскаго. Онъ попробовалъ засмѣяться. Эстеръ нахмурилась. Сообразивъ, что она вполнѣ въ его власти, онъ сдѣлался смѣлѣй.

— Ну, полно, сердись—не сердись, но ты знаешь, я люблю тебя и жду отъ тебя того же. Не упрекай меня за то, что я хотѣлъ видѣть тебя.

Онъ подошелъ и попробовалъ обнять ее. Она гордо отстранила его руку.

— Какая пара бѣдная мѣщанка знатному магнату. Быть вашей игрушкой, вашей забавой я не хочу. Развѣ мало у васъ своихъ крестьянокъ. Дарите имъ свою дворянскую любовь, а мнѣ ея не нужно. Я свободна, и никто не смѣетъ принудить меня къ тому, чего я не хочу.

— Ого, голубка клекочетъ, какъ орелъ, — пробормоталъ раздосадованный панъ: — но какъ бы то ни было тебѣ придется покориться!

Онъ крѣпко сжалъ ее въ объятіяхъ. Она сильно забилась въ его рукахъ. Гибкая и ловкая она ускользала отъ него. Багровая краска залила его лице. Отъ выпустилъ ее и отшатнулся съ рѣзкимъ жестомъ. Она слѣдила за каждымъ его движеніемъ. Онъ превозмогъ себя. У него явилась мысль склонить ее къ уступчивости ласковымъ обращеніемъ. Онъ кликнулъ Спягло и приказалъ ему подать завтракъ.

— Почему въ домѣ такъ тихо? — спросила она:—гдѣ мой отецъ?

— Милая Эстеръ,—заговорилъ Бжостовскій, садясь за накрытый столъ и подвигая ей кресло напротивъ себя.—Право, тебѣ нечего бояться. Садись, пожалуйста, въ это кресло. Я хочу позавтракать въ твоемъ обществѣ.

— Я не стану ѣсть, — сказала дѣвушка, но, тѣмъ не менѣе, сѣла: — скажите, по какому праву вы держите меня здѣсь? И долго ли мы съ отцомъ будемъ оставаться вашими узниками? У него неотложныя дѣла въ Вильнѣ, о насъ навѣрно безпокоятся дома. Подумайте, сколькихъ людей вы мучите изъ-за какихъ-то безчестныхъ цѣлей.

— Ты знаешь, Эстеръ, я люблю тебя,—отвѣтилъ Бжостовскій, мѣняясь въ лицѣ.

— Какое мнѣ дѣло до вашей любви. Я не желаю ничего слышать о ней.

Онъ пожалъ плечами.

— Позволь тебѣ положить крылышко куропатки и лучше выпей рюмку этого венгерскаго. Ручаюсь честью, у самого папы не всегда найдется такое.

— Угощайте вашихъ друзей и вашихъ женщинъ. Къ тому же вина я совсѣмъ не пью.

— Это напрасно. Вино смягчило бы твою раздражительность и разсѣяло бы мрачныя мысли. Ахъ, какъ бы я хотѣлъ, чтобы ты была весела, счастлива.

Онъ взялъ ее за руку.

— И дѣлаете все какъ разъ напротивъ,— возразила она, отодвигая кресло отъ стола.

Прикосновеніе къ ней снова воспламенило его. Онъ всталъ и наклонился къ ней, удерживая ее на креслѣ.

— Эстеръ, не упорствуй,— глухо заговорилъ онъ, мѣшаясь мыслями:—я женюсь на тебѣ, не теперь, но все равно.

Она захохотала.

— Даже не теперь. Вы бы лучше поклялись, что теперь. По крайней мѣрѣ, вышло бы соблазнительнѣй.

— Ты не знаешь меня. Если ты будешь смѣяться надо мной, я не отвѣчаю ни за что. Я способенъ убить тебя.

— Такъ убейте. Лучше умереть, чѣмъ принадлежать такому жалкому развратнику, какъ вы. Оставьте меня. Не смѣйте прикасаться ко мнѣ.

Она вырвалась и стала за кресло. Онъ смотрѣлъ на нее распаленнымъ, блуждающимъ взоромъ.

— Воцлавъ, Кароль!—крикнулъ онъ.

Эстеръ испугалась.

— Чего вы хотите?

— Я хочу приказать связать тебя и тогда...

Она пронзительно вскрикнула и схватила ножъ со стола.

— Сдѣлай еще шагъ, и я убью тебя!— задыхаясь прошептала она.

Онъ отшатнулся. И ярость, и страсть распалили его.

— Постой,—проговорилъ онъ:—прислушайся. Вотъ внизу раздаются стоны. Знаешь ли, что это? Это графъ Гюнтеръ терзаетъ въ мучительной пыткѣ твоего отца. И пытка не кончится, пока онъ не испуститъ духъ. Хочешь ли ты его смерти? Уступи, и я спасу его.

Эстеръ затрепетала, какъ подстрѣленная птица.

— О, разбойники, что вамъ нужно отъ насъ? Иди, вырви его изъ рукъ мучителей. Если ты сдѣлаешь это, я не буду отталкивать тебя и, если ты исправишься, стану твоей женой!

Она произнесла эти слова столь выразительно, съ такой силой и благородствомъ, что Бжостовскій былъ пораженъ. Ея расширив-

шіеся черные глаза горѣли. Пышные волосы распустились въ борьбѣ и упадали волнами на ея стройныя бѣлыя плечи, выдѣлявшіяся изъ-подъ разорванной одежды. Высокая грудь ея вздымалась. Скромная и тихая, теперь, въ минуту высочайшаго возбужденія, она была неузнаваема.

Бжостовскій молча любовался ею. Она не понимала его замысловъ. Ужасное положеніе престарѣлаго отца живо представилось ей.

— Нѣтъ, нѣтъ, — быстро проговорилъ панъ,—скажи: да, сейчасъ, немедленно! Тогда я пойду и прекращу истязанія. Но поспѣши. Еще нѣсколько мгновеній, и будетъ поздно.

Невыразимая мука исказила черты ея нѣжнаго лица. Она хотѣла что-то сказать, но губы ей не повиновались.

Вдругъ въ лѣсу раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Одна изъ пуль попала въ окно. Стекло посыпалось и зазвенѣло.

Бжостовскій стремглавъ бросился внизъ.

— Гюнтеръ, измѣна!—закричалъ онъ, вбѣгая въ кладовую.

Тамъ оробѣвшіе прислужники торопливо развязывали безчувственнаго мѣнялу. Паны поспѣшили въ большую залу и собрали людей. Черезъ минуту явился Спягло.

— Французы!—задыхаясь проговорилъ онъ.

Спустя нѣсколько минутъ, усадьба была оцѣплена солдатами.

Не встрѣчая сопротивленія, они собрались у воротъ и вошли въ домъ. Красивый щеголеватый офицеръ, ихъ начальникъ, обратился съ любезнымъ привѣтствіемъ къ Гюнтеру и Бжостовскому. Графъ назвалъ себя и проговорилъ въ отвѣтъ, что онъ другъ французовъ и ожидалъ ихъ прибытія, чтобы присоединиться къ великой арміи.

Между тѣмъ солдаты, разсыпавшись по усадьбѣ, натолкнулись на запертую кладовую. Не долго думая, они выбили дверь. Увидѣвъ связаннаго еврея, они освободили его. Изъясняясь на ломанномъ французскомъ языкѣ, онъ умолялъ защитить его. Сержантъ привелъ его къ офицеру.

— Господа,— произнесъ тотъ, обращаясь къ панамъ:—насиліе не можетъ быть терпимо на территоріи, занятой императорскими войсками. Плѣнникъ, вы свободны,— произнесъ онъ съ театральнымъ жестомъ.

Въ это время въ комнату ввели Эстеръ.

— Это ваша дочь?—сказалъ офицеръ, любуясь ея красотой:— сержантъ, вы отвѣчаете мнѣ за эту дѣвушку. Я беру ее подъ свое покровительство.

Въ тотъ же день освобожденные были отправлены въ Вильну.

Анатолій Леманъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

Н. В. ГОГОЛЬ ВЪ 1831 ГОДУ.

ПРІѢХАВЪ въ концѣ 1828 года въ Петербургъ съ радужными мечтами о широкой и полезной общественной дѣятельности, Гоголь, вслѣдствіе своей молодости (ему шелъ всего только 20-й годъ), неопытности и отсутствія литературныхъ и общественныхъ связей, долго не могъ «пристроиться» и больше года велъ жизнь нигдѣ не служащаго и ничѣмъ не обезпеченнаго юноши. Наконецъ, благодаря, по всей вѣроятности, Свиньину [1]), въ журналѣ котораго («Отечественныя Записки») онъ сотрудничалъ, ему удалось опредѣлиться въ 1830 году на службу въ департаментъ удѣловъ, а въ концѣ того же года онъ завелъ сношенія съ барономъ Дельвигомъ, приведшія его въ слѣдующемъ году къ знакомству съ Жуковскимъ, Плетневымъ и Пушкинымъ.

Такимъ образомъ, 1831 годъ оказывается весьма важнымъ моментомъ въ жизни и поэтической дѣятельности Гоголя. Познакомившись съ тѣмъ литературнымъ кружкомъ, во главѣ котораго стоялъ Пушкинъ, Гоголь попалъ въ соотвѣтствовавшую ему атмосферу. Въ этомъ кружкѣ онъ нашелъ и матеріальную поддержку и нравственное сочувствіе всѣмъ своимъ завѣтнымъ мечтамъ и стремленіямъ. Если сношенія его съ Дельвигомъ были непродолжительны, вслѣдствіе смерти послѣдняго въ самомъ началѣ 1831 года, то дружественная связь его съ Жуковскимъ и Плетневымъ

---

[1]) См. статью мою: «Н. В. Гоголь въ своихъ отношеніяхъ къ М. П. Погодину» въ № 168 газеты «Русская Жизнь» за 1891 годъ.

продолжалась втеченіе всей его послѣдующей жизни, а съ Пушкинымъ до самой его кончины въ 1837 году. Дружба эта устояла противъ всѣхъ испытаній, которымъ вообще подвергались дружественныя связи Гоголя вслѣдствіе тѣхъ «странностей» въ его характерѣ и поведеніи, о которыхъ такъ много писано, но которыя до сихъ поръ остаются не вполнѣ разъясненными. Даже въ самый критическій моментъ въ жизни Гоголя, заставившій его выпустить знаменитыя «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями», когда самые горячіе поклонники Гоголя пришли сначала въ недоумѣніе, а потомъ обрушились на него съ рѣзкими и тяжелыми упреками и обвиненіями, даже въ этотъ тяжелый для Гоголя моментъ Плетневъ и Жуковскій не присоединились къ числу порицателей Гоголя, а, наоборотъ, отнеслись къ нему съ сочувствіемъ и съ истинно-дружескимъ участіемъ старались нравственно ободрить его. Обоимъ имъ Гоголь вообще былъ много обязанъ въ своемъ нравственномъ и литературномъ развитіи; но еще болѣе обязанъ онъ былъ въ этомъ отношеніи Пушкину, дружба съ которымъ, по собственному признанію Гоголя, имѣла весьма важное и рѣшительное вліяніе на направленіе его литературнаго таланта.

Въ виду этого, вопросъ о времени и способѣ знакомства Гоголя съ Пушкинскимъ кружкомъ и съ самимъ Пушкинымъ не лишенъ извѣстнаго литературнаго значенія, а между тѣмъ онъ до сихъ поръ остается нерѣшеннымъ. Въ предлагаемой статьѣ я попытаюсь сгруппировать всѣ тѣ данныя, которыя помогутъ намъ пролить нѣкоторый свѣтъ на этотъ невыясненный еще въ нашей литературѣ эпизодъ.

Г. Шенрокъ въ статьѣ своей: «Н. В. Гоголь въ началѣ литературной карьеры» («Вѣстникъ Европы» 1890, VIII, 509, примѣчаніе)[1], высказалъ предположеніе, что Гоголь познакомился съ Жуковскимъ черезъ Дельвига. Соображая всѣ извѣстныя намъ данныя о литературныхъ партіяхъ того времени, предположеніе это можно признать не только вѣроятнымъ, но и вполнѣ согласнымъ съ дѣйствительностью.

Прежде всего должно обратить вниманіе на то, что изданіе «Литературной Газеты» (въ которой въ 1831 году появилось нѣсколько статей Гоголя) было общимъ предпріятіемъ Жуковскаго, князя Вяземскаго, Пушкина и барона Дельвига. Извѣстно, что Пушкинъ и его друзья сильно негодовали на монополію, какою пользовались въ нашей тогдашней журналистикѣ Булгаринъ и Гречь, и задолго до основанія «Литературной Газеты» задумывали изданіе журнала, который бы могъ оказать противодѣйствіе рас-

[1]) Перепечатанной въ недавно вышедшей книгѣ его: «Матеріалы для біографіи Гоголя», т. I.

тлѣвающему вліянію этой монополіи. Вызванный въ 1826 году изъ своего невольнаго уединенія въ селѣ Михайловскомъ въ Москву, Пушкинъ сошелся съ тамошними молодыми литераторами, и въ томъ же году, подъ его покровительствомъ и при непосредственномъ его участіи, основанъ былъ журналъ «Московскій Вѣстникъ», редакторомъ котораго избранъ былъ М. П. Погодинъ (Н. Барсуковъ: «Жизнь и труды Погодина», II, 53).

Взглядъ Пушкина на значеніе этого предпріятія выразился въ письмѣ его къ князю Вяземскому, въ немъ не участвовавшему и поддерживавшему въ это время Полеваго:

«Полевой, Погодинъ, Сушковъ, Завальевскій, кто бы ни издавалъ журналъ,—все равно. Дѣло въ томъ, что намъ надобно завладѣть однимъ журналомъ самовластно и единовластно». О Полевомъ же онъ писалъ въ томъ же письмѣ: «.... согласись со мной, что ему невозможно довѣрить изданіе журнала, освященнаго нашими именами. Впрочемъ, ничего не ушло. Можетъ быть, не Погодинъ, а я буду хозяиномъ новаго журнала» (Сочиненія Пушкина, изданіе 8-е, VII, 46). Самъ Погодинъ въ одной изъ своихъ статей, въ которой хотѣлъ обратить вниманіе публики на новый журналъ, писалъ: «Московскій Вѣстникъ» издается не однимъ мною, но многими занимающимися русской литературой, кои, бывъ движимы чистымъ усердіемъ къ общему благу, рѣшились соединить свои усилія воедино при семъ изданіи и принести общую жертву на алтарь отечественнаго просвѣщенія» (Н. Барсуковъ: «Жизнь и труды Погодина», II, 75). Но, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, о которыхъ распространяться здѣсь не будемъ, изданіе «Московскаго Вѣстника» не дало тѣхъ результатовъ, къ какимъ стремились Пушкинъ и его друзья, вслѣдствіе чего уже въ концѣ 1827 года возникаетъ мысль о новомъ органѣ,—«Современникѣ». 8-го ноября 1827 года князь Вяземскій писалъ Жуковскому: «Радуюсь, что мой «Современникъ» пришелъ тебѣ на вкусъ, но жалѣю, что мои современники мнѣ не подъ стать. Кому же, какъ не тебѣ, быть главою такого предпріятія. По крайней мѣрѣ Пушкину. Мнѣ, пожалуй, и откажутъ въ позволеніи издавать журналъ». А въ письмѣ къ Пушкину отъ 22-го ноября того же года онъ спрашивалъ: «Что нашъ «Современникъ»: пойдетъ ли современемъ?» (Князь П. П. Вяземскій: А. С. Пушкинъ, 1826—1837, стр. 17 и 15). Результатомъ всѣхъ этихъ толковъ Пушкина и его друзей о необходимости имѣть свой литературный органъ и была новая попытка, и съ 1-го января 1830 года появилось въ Петербургѣ новое періодическое изданіе «Литературная Газета», выходившая подъ редакціей барона Дельвига. По признанію самихъ основателей этого журнала, онъ имѣлъ вполнѣ интимный характеръ. «Литературная Газета» была у насъ необходима», сказано въ 8-мъ номерѣ этого журнала, «не столько

для публики, сколько для нѣкотораго числа писателей, не могшихъ по разнымъ отношеніямъ являться подъ своими именами ни въ одномъ изъ петербургскихъ или московскихъ журналовъ» (Н. Барсуковъ: «Жизнь и труды Погодина», III, 12). Понятно, что участіе въ этомъ журналѣ прямо открывало Гоголю путь къ сближенію съ этимъ интимнымъ кружкомъ представителей нашей тогдашней литературы, тѣмъ болѣе, что изъ этого кружка Гоголь впервые услышалъ привѣтъ своему дарованію. Въ издававшемся Дельвигомъ альманахѣ «Сѣверные Цвѣты» (на 1830 годъ) извѣстный тогдашній критикъ Сомовъ, въ статьѣ: «Обзоръ россійской словесности за первую половину 1829 года», упомянувъ объ идилліи В. Алова (то-есть Гоголя) «Ганцъ Кюхельгартенъ», замѣтилъ, что «въ сочинителѣ виденъ талантъ, обѣщающій въ немъ будущаго поэта». Отзывъ этотъ показываетъ, какъ вѣрно угадалъ Гоголь, пославъ incognito по экземпляру своей идилліи (тотчасъ по ея выходѣ) Плетневу и Погодину. Онъ смутно чувствовалъ, что именно въ Пушкинскомъ кружкѣ найдетъ себѣ вѣрную оцѣнку. Плетнева онъ зналъ еще въ Нѣжинской гимназіи по его стихотвореніямъ, помѣщавшимся въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ», которые усердно читались нѣжинскими гимназистами, а Погодинъ былъ извѣстенъ ему, какъ редакторъ «Московскаго Вѣстника», имѣвшаго на Гоголя весьма сильное и благотворное вліяніе, о которомъ узнаемъ изъ письма его къ Шевыреву (соредактору Погодина) отъ 10-го марта 1835 года: «Я васъ люблю почти 10 лѣтъ, съ того времени, когда вы стали издавать «Московскій Вѣстникъ», который я началъ читать, будучи еще въ школѣ, и ваши мысли подымали изъ глубины души моей многое, которое еще донынѣ не совершенно развернулось» («Русская Старина», 1875, XIV, 114).

Но, рѣшившись послать свое юное произведеніе Плетневу и Погодину, Гоголь не могъ рѣшиться даже incognito отдать его на судъ Пушкина. При томъ идеально-возвышенномъ настроеніи, въ которомъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, онъ представлялъ себѣ великаго нашего поэта не иначе, какъ за постоянной работой надъ своими великими созданіями, въ сравненіи съ которыми наивная идиллія Гоголя, конечно, должна была ему самому казаться недостойной вниманія такого человѣка, какъ Пушкинъ. Онъ самъ разсказывалъ впослѣдствіи П. В. Анненкову о томъ робкомъ и благоговѣйномъ чувствѣ, съ которымъ онъ относился въ это время къ Пушкину. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ, сгорая нетерпѣніемъ видѣть Пушкина, рѣшился пойти къ нему. Но у самыхъ дверей его квартиры до того оробѣлъ, что «убѣжалъ» въ кондитерскую и выпилъ для храбрости рюмку ликеру. Снова явившись передъ квартирой Пушкина, онъ позвонилъ и, узнавъ отъ слуги, что Пушкинъ «почиваетъ», спросилъ съ участіемъ: «вѣрно, всю ночь работалъ?» — «Какъ же, работалъ, — отвѣчалъ слуга, —

въ картишки игралъ». По словамъ Гоголя, это былъ первый ударъ, который жизнь нанесла его идеально-возвышенному міросозерцанію (П. В. Анненковъ: «А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи», 360). Только черезъ два почти года послѣ этой неудачной попытки Гоголя познакомиться съ Пушкинымъ, онъ дѣлается членомъ его кружка и, наконецъ, знакомится съ нимъ самимъ.

Обыкновенно за исходную точку въ вопросѣ о времени сближенія Гоголя съ Пушкинскимъ кружкомъ принимаютъ показаніе Кулиша, что въ 1830 году Гоголь «досталъ отъ кого-то рекомендательное письмо къ В. А. Жуковскому, который сдалъ молодаго человѣка на руки П. А. Плетневу съ просьбой позаботиться о немъ» («Записки о жизни Гоголя», I, 84). Мнѣ думается, что можно взять и другую исходную точку, на которую наводитъ совершенно, какъ мы видѣли, правдоподобное предположеніе г. Шенрока: не Дольвигъ ли рекомендовалъ Гоголя Жуковскому? 30-го октября 1825 года баронъ Дельвигъ женился, и съ этого времени у него начались литературные вечера, на которыхъ собирались Крыловъ, Жуковскій, Гнѣдичъ, Измайловъ, Сомовъ, П. Яковлевъ, князь Вяземскій, Плетневъ, Илличевскій, Деларю, Веневитиновъ, А. И. Подолинскій, баронъ Розенъ и нѣсколько позже Гоголь[1]). По смерти Дельвига эти собранія перенесены были къ Плетневу (Гаевскаго: «Дельвигъ», Современникъ, 1854 г., IX, 7—8). Такъ какъ баронъ Дельвигъ скончался 14-го января 1831 года, то посѣщеніе Гоголемъ его литературныхъ вечеровъ должно отнести къ концу 1830 г. и самому началу 1831 г. Эти посѣщенія и должны были повести къ знакомству его съ Жуковскимъ и Плетневымъ. За отсутствіемъ положительныхъ указаній о способѣ знакомства Гоголя съ Жуковскимъ, можно сдѣлать два предположенія: или Гоголь познакомился съ нимъ на одномъ изъ литературныхъ собраній Дельвига, или, принимая во вниманіе, что Жуковскій, занятый въ это время своей высокой обязанностью воспитателя наслѣдника престола, рѣже другихъ бывалъ у Дельвига, послѣдній дѣйствительно могъ дать Гоголю рекомендательное письмо къ нему. Это сочувственное отношеніе Дельвига къ Гоголю тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ первомъ нумерѣ «Литературной Газеты» на 1831 годъ помѣщены три статьи Гоголя. А это показываетъ, что баронъ Дельвигъ обратилъ серьезное вниманіе на дарованіе своего новаго молодаго сотрудника. Самъ Гоголь, вспоминая въ 1847 году о своемъ знакомствѣ съ Жуковскимъ, такъ разсказываетъ о первомъ своемъ визитѣ къ нему: «Вотъ уже скоро двадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я, едва вступавшій въ свѣтъ юноша, пришелъ къ тебѣ, уже

---

[1]) Какъ Гоголь познакомился съ барономъ Дельвигомъ: самъ ли явился къ нему съ предложеніемъ своихъ статей, или былъ кѣмъ либо рекомендованъ? На это никакихъ указаній въ литературѣ не имѣется.

совершившему полъ-дороги на этомъ поприщѣ. Это было въ Шепелевскомъ дворцѣ [1]). Комнаты этой уже нѣтъ, но я ее вижу, какъ теперь, всю до малѣйшей мебели и вещицы. Ты подалъ мнѣ руку и такъ исполнился желаньемъ помочь будущему сподвижнику! Какъ былъ благосклонно любовенъ твой взоръ!... Что насъ свело неравныхъ годами? Искусство. Мы почувствовали родство, сильнѣйшее обыкновеннаго родства. Отъ чего? Отъ того, что чувствовали оба святыню искусства» («Сочиненія», изд. 10, IV, 279).

На литературныхъ вечерахъ Дельвига Гоголь могъ познакомиться и съ Плетневымъ, который, по ходатайству Жуковскаго, принялъ въ немъ участіе и старался доставить ему постоянныя средства къ существованію. Черезъ Плетнева и Жуковскаго Гоголь получилъ въ началѣ 1831 года частные уроки въ домѣ статсъ-секретаря Лонгинова («Современникъ», 1854, III); вскорѣ послѣ этого Плетневъ рекомендовалъ его, въ качествѣ учителя, Балабинымъ и Васильчиковымъ, а въ началѣ февраля 1831 года доставилъ ему мѣсто старшаго учителя исторіи въ Патріотическомъ институтѣ. Всѣ эти связи ободрили сильно бѣдствовавшаго до тѣхъ поръ Гоголя и поселили въ немъ надежду на болѣе свѣтлое будущее. Уже 19-го декабря 1830 года онъ писалъ матери: «Мои удвоившіеся труды, мои успѣшныя занятія и лестное вниманіе ко мнѣ—все заставляетъ меня думать, что участь моя, къ моему и вашему удовольствію, перемѣнится, и въ наступающемъ 1831 году... предвижу я для себя много хорошаго» (Кулишъ, V, 123). Мѣсяца черезъ два онъ высказался въ письмѣ къ матери еще опредѣленнѣе: «О себѣ скажу, что мои обстоятельства идутъ, чѣмъ далѣе, лучше и лучше: все вселяетъ въ меня надежду, что если не въ этомъ, то въ слѣдующемъ году, я буду уже въ возможности содержать себя собственными трудами; по крайней мѣрѣ, основаніе положено изъ самаго крѣпкаго камня» (Кулишъ, V, 127). Появившіяся въ печати статьи Гоголя и завязанныя имъ литературныя знакомства на столько утвердили уже въ это время его репутацію, что онъ могъ въ томъ же письмѣ (10-го февраля 1831 г.) написать: «Мнѣ любо, когда не я ищу, но моего ищутъ знакомства» (тамъ же, 128).

Какъ только положеніе его упрочилось, первою его мыслію было—облегчить матеріальное положеніе матери. «Въ іюнѣ мѣсяцѣ я ожидаю снова отъ васъ двухъ сотъ пятидесяти рублей,—писалъ онъ ей 16-го апрѣля 1831 года [2]),—послѣ чего будьте совершенно спокойны. Въ 1832 году буду имѣть возможность пріѣхать къ вамъ, не принесши вамъ никакихъ издержекъ, а въ 1833 году,

[1]) Гдѣ нынѣ эрмитажъ.

[2]) Не имѣя никакихъ опредѣленныхъ источниковъ дохода и терпя большую нужду, Гоголь въ первые два года пребыванія своего въ Петербургѣ вынужденъ былъ пользоваться денежной помощью матери.

въ свою очередь, помочь вамъ» (Кулишъ, V, 129). Это же радостное сознаніе своего окончательнаго «устройства» матеріальнаго выражается и въ послѣдующихъ письмахъ. Такъ, 9-го октября 1831 года онъ опять пишетъ матери: «Я повторяю снова: не безпокойтесь ни о чемъ, не принимайте ничего слишкомъ близко къ сердцу и старайтесь побольше веселиться. Одного молодца вы уже совершенно пристроили. Онъ вамъ больше уже ничего не будетъ стоить, а съ слѣдующаго года будете получать съ него, можетъ быть, и проценты» (Кулишъ, V, 135—136). Въ этомъ же письмѣ онъ выражаетъ надежду помочь и сестрамъ своимъ: старшей — «собрать» приданое, а младшихъ помѣстить въ институтъ. 10-го марта 1832 года онъ дѣйствительно послалъ матери 500 рублей «на помощь пріуготовленіямъ къ сестриной свадьбѣ» (Кулишъ, V, 148), а за симъ, возвращаясь въ октябрѣ того же года изъ своей Васильевки въ Петербургъ, увезъ съ собой своихъ младшихъ сестеръ для помѣщенія въ Патріотическій институтъ, намѣреваясь платить за нихъ, но оказалось, что ихъ приняли на казенный счетъ (Кулишъ, V, 160—162). Воспользовавшись знакомствомъ съ статсъ-секретаремъ Лонгиновымъ, управлявшимъ въ то время Опекунскимъ Совѣтомъ, онъ въ томъ же письмѣ отъ 9-го октября 1831 года просилъ мать сообщить ему подробныя свѣдѣнія о долгѣ въ Опекунскій Совѣтъ за заложенное имѣніе, выражая надежду, что ему удастся выхлопотать отсрочку. И дѣйствительно, ознакомившись въ 1832 году, во время лѣтняго пребыванія своего въ Васильевкѣ, съ запутаннымъ положеніемъ денежныхъ дѣлъ матери (см. письмо къ Погодину, 20-го іюля 1831 года, Кулишъ, V, 158), онъ, по возвращеніи въ Петербургъ, увѣдомилъ ее (3-го декабря 1831 года), что ей «нечего слишкомъ безпокоиться», такъ какъ прошеніе объ отсрочкѣ будетъ удовлетворено (Кулишъ, V, 163).

Не довольствуясь этими заботами о существенныхъ нуждахъ семьи, Гоголь выражалъ свою нѣжную заботливость объ ней даже въ самыхъ мелочахъ, въ формѣ безпрестанныхъ посильныхъ подарковъ матери и сестрамъ. Еще 30-го августа 1829 года онъ съ сокрушеніемъ писалъ, что хотѣлъ бы «милой сестрицѣ Марьѣ Васильевнѣ прислать чего нибудь», но недостатокъ денегъ не позволяетъ этого (Кулишъ, V, 82). Теперь же, окончательно устроившись въ матеріальномъ отношеніи, онъ поспѣшилъ исполнить это давнишнее свое желаніе и, пославъ (31-го августа 1831 года) матери ридикюль, а сестрамъ конфекты, въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ (17-го октября 1831 года) спрашивалъ у матери, какой цвѣтъ идетъ больше къ лицу ей и старшей сестрѣ. «Это не мѣшаетъ знать на всякій случай,—писалъ онъ,—особливо когда случатся у меня лишнія деньги. Также пришлите мнѣ мѣрку съ ногъ вашихъ: я знаю, что у васъ совсѣмъ нельзя достать хоро-

шихъ башмаковъ; они же при томъ такъ непрочны, но здѣшніе вамъ станутъ, вѣрно, надолго» (Кулишъ, V, 137). Изъ письма его къ матери отъ 8-го декабря 1831 года узнаёмъ, что 13-го октября онъ отправилъ семьѣ подарковъ на 90 рублей (браслеты, перчатки, пряжку, кушакъ, ридикюль и конфекты), а въ маѣ 1832 года послалъ сестрѣ платье (Кулишъ, V, 141, 144, 155). Подобныя же извѣстія о подаркахъ семьѣ находимъ и въ другихъ письмахъ (Кулишъ, V, 145, 146, 149 и слѣд.).

Эти безпрестанныя посылки встревожили его мать. Она подумала, что онъ, по обыкновенію, увлекается и дѣлаетъ подарки въ ущербъ самому себѣ, что̀ и выразила въ одномъ изъ писемъ къ нему. Но Гоголь совершенно откровенно отвѣтилъ: «Да пожалуйста, не говорите мнѣ, что я посылаю сверхъ силъ и проч. Вы мнѣ приписываете гораздо болѣе великодушія, нежели я имѣю его въ самомъ дѣлѣ. Будьте увѣрены, что я не столько глупъ, чтобы посылать вамъ тогда, когда самъ нуждаюсь. Дѣлать это значитъ отнимать у себя возможность быть полезнымъ вамъ впослѣдствіи. И потому безъ церемоній! прошу писать ко мнѣ обо всемъ, что вамъ нужно. Когда будутъ у меня лишнія деньги, я вышлю; когда же нѣтъ, то подождете до другаго раза» (Кулишъ, V, 155).

Вполнѣ сознавая, сколькихъ лишеній стоили матери какъ его воспитаніе, такъ и первые два года пребыванія его въ Петербургѣ, онъ спѣшилъ помочь ей въ свою очередь, сколько могъ, такъ что даже ничтожные подарки отъ нея приводили его въ смущеніе. По поводу полученія отъ нея дюжины чулокъ, онъ писалъ ей 25-го марта 1832 года: «Прошу, однако же, васъ ничѣмъ не озабочиваться для меня: у меня совершенно все есть, что мнѣ нужно. Я не знаю, какъ уплатить вамъ хотя сотую долю старыхъ долговъ, а вы налагаете на меня безпрестанно новые. Право, маменька, вы великодушны до безчеловѣчія» (Кулишъ, V, 150).

Такимъ образомъ, всѣ тревоги Гоголя, всѣ его душевныя безпокойства и разстройства на время прекратились. Обративъ на себя вниманіе своими литературными статьями, сблизившись съ выдающимися литераторами и познакомившись чрезъ нихъ съ нѣсколькими, довольно видными по ихъ служебному и общественному положенію, семействами, онъ почувствовалъ почву подъ ногами, тѣмъ болѣе, что и матеріальное его положеніе значительно улучшилось. Вмѣсто утомительной канцелярской работы по 42 часа въ недѣлю въ департаментѣ удѣловъ, онъ имѣлъ въ Патріотическомъ институтѣ всего 6 уроковъ въ недѣлю, а жалованья получалъ даже немного болѣе, чѣмъ въ департаментѣ. Осенью же онъ расчитывалъ получить уроки еще въ трехъ заведеніяхъ. «Тогда я буду занимать 20 часовъ и жалованья буду получать вчетверо

болѣе теперешняго»,—писалъ онъ матери (Кулишъ, V, 129—130). Эта благопріятная перемѣна во внѣшнихъ обстоятельствахъ Гоголя отразилась и на его душевномъ настроеніи. Упомянувъ въ одномъ изъ тогдашнихъ писемъ къ матери о пережитыхъ имъ непріятностяхъ, неудачахъ и тревогахъ, онъ замѣчаетъ: «Время это было для меня наилучшимъ воспитаніемъ, какого, я думаю, рѣдкій царь могъ имѣть. Зато какая теперь тишина въ моемъ сердцѣ! Какая неуклонная твердость и мужество въ душѣ моей!» (Кулишъ, V, 128). «Я теперь болѣе, нежели когда либо, тружусь, — читаемъ въ другомъ его письмѣ къ ней,—и болѣе, нежели когда либо, веселъ. Спокойствіе въ моей груди величайшее» (Кулишъ, V, 130).

Независимо отъ благопріятной перемѣны служебныхъ занятій, такое душевное спокойствіе, подтверждающееся всѣми относящимися къ данному времени письмами Гоголя (см. у Кулиша, V, 126 и слѣд.), объясняется еще и тѣмъ, что, попавъ, наконецъ, въ соотвѣтствующую среду и пользуясь массой свободнаго времени, онъ могъ вполнѣ предаться своимъ литературнымъ трудамъ. Уже въ 1829 году набросано было имъ нѣсколько повѣстей, вошедшихъ потомъ въ составъ «Вечеровъ на хуторѣ близь Диканьки» (Вечеръ накануне Ивана Купалы, Сорочинская ярмарка, Майская ночь; см. «Сочиненія», изд. 10-е, I, 513, 516, 536). Но тревожная жизнь ничѣмъ не обезпеченнаго человѣка, безъ всякихъ служебныхъ и литературныхъ связей, конечно, мало благопріятствовала свободному и спокойному художественному творчеству. Поступленіе въ 1830 году на службу и завязавшіяся въ это время литературныя сношенія съ Свиньинымъ и Дельвигомъ, изъ которыхъ послѣднія привели его вскорѣ къ знакомству съ Жуковскимъ и Плетневымъ, водворивъ миръ и тишину въ душѣ Гоголя, повліяли въ высшей степени благопріятно на его художественное творчество, и втеченіе 1830 и 1831 годовъ имъ окончательно написанъ былъ радъ повѣстей, составившихъ двѣ книжки «Вечеровъ на хуторѣ», изъ которыхъ первая вышла изъ цензуры въ маѣ 1831 года, а въ продажу поступила въ сентябрѣ 1831 года, а вторая вышла изъ цензуры въ январѣ 1832 года и появилась въ продажѣ въ мартѣ 1832 года («Сочиненія», изд. 10, I, 505, 509, 539 и 541). Слѣдовательно, повѣсти, вошедшія въ составъ первой книжки, были окончательно обработаны въ 1830 и въ началѣ 1831 годовъ, а повѣсти, составившія вторую книжку,—втеченіе 1831 года. Въ нихъ ярко выразилось то безмятежно-спокойное, безпечно-веселое, полное добродушнаго юмора, настроеніе, въ которомъ находился въ это время Гоголь.

Къ этому же 1831 году относится и важнѣйшее въ жизни Гоголя событіе—знакомство его съ Пушкинымъ.

Въ упомянутой выше статьѣ моей: «Н. В. Гоголь въ своихъ отношеніяхъ къ М. П. Погодину» (см. № 39-й газеты «Русская Жизнь»

1891 г.), я замѣтилъ, что вопросъ о времени знакомства Гоголя съ Пушкинымъ приходится оставить не рѣшеннымъ, вслѣдствіе невозможности примирить разногласія въ имѣющемся у насъ въ рукахъ печатномъ матеріалѣ. Не надѣясь окончательно разрѣшить этотъ вопросъ, я попытаюсь только сгруппировать всѣ относящіяся къ нему извѣстныя намъ данныя и на основаніи ихъ позволю себѣ вывести не болѣе, какъ простое предположеніе о томъ, когда именно могло состояться это знакомство. Обыкновенно думаютъ, что Гоголя познакомилъ съ Пушкинымъ Плетневъ, такъ какъ еще въ февралѣ 1831 года послѣдній писалъ Пушкину о Гоголѣ: «Я нетерпѣливо желаю подвести его къ тебѣ подъ благословеніе» (Соч. Плетнева, III, 366). Если остановиться на этой мысли, то дѣйствительно придется согласиться съ мнѣніемъ г. Шенрока, будто Гоголь познакомился съ Пушкинымъ въ Петербургѣ въ маѣ мѣсяцѣ («Вѣстникъ Европы», 1890 г., VIII, 511 [1]), такъ какъ въ этомъ именно мѣсяцѣ Пушкинъ пріѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ и, пробывъ въ немъ нѣсколько дней, переѣхалъ въ концѣ мая (числа 25-го) въ Царское Село («Сочиненія» Пушкина, изд. 8, VII, 316—317). Но такое предположеніе представляется, на мой взглядъ, мало вѣроятнымъ. Пушкинъ пробылъ въ Петербургѣ всего нѣсколько дней: 11-го мая онъ былъ еще въ Москвѣ, а 25-го уже въ Царскомъ Селѣ (см. Я. Грота: «Хронологическая канва для біографіи Пушкина», стр. 30). Пріѣхавъ въ Петербургъ съ молодой женой, онъ долженъ былъ втеченіе этихъ нѣсколькихъ дней дѣлать и принимать свадебные визиты, хлопотать о переѣздѣ въ Царское Село, о меблировкѣ нанятаго тамъ для него дома и т. п. Очевидно, ему было не до новыхъ знакомствъ. Съ другой стороны, и Плетневъ, который будто бы познакомилъ въ это время Гоголя съ Пушкинымъ, и самъ Гоголь заняты были въ это время экзаменами въ Патріотическомъ институтѣ, и если у Гоголя были свободные отъ экзаменовъ дни, то у Плетнева, занимавшаго въ институтѣ должность инспектора классовъ, конечно, ни одного свободнаго дня не было. Наконецъ, ни въ письмахъ Гоголя, ни въ письмахъ Пушкина за май и іюнь 1831 года не встрѣчается никакого указанія на то, что они были въ это время знакомы. Въ письмахъ Гоголя впервые упоминается объ этомъ знакомствѣ 27-го іюля, а въ письмахъ Пушкина послѣ 3-го августа. Соображенія эти подтверждаются показаніемъ гр. В. А. Сологуба, который въ своихъ «Воспоминаніяхъ» (М., 1866 г., 14) разсказываетъ, что, пріѣхавъ лѣтомъ 1831 года изъ Дерпта въ Павловскъ и встрѣтивъ въ Царскосельскомъ паркѣ Пушкина, онъ спросилъ его, знаетъ ли онъ Гоголя, на что̀ Пушкинъ отвѣ-

---

[1]) Также въ недавно вышедшей его книгѣ: «Матеріалы для біографіи Гоголя», т. I, стр. 329 и 345.

тилъ, что еще не знаетъ, но слышалъ о немъ и желаетъ съ нимъ познакомиться[1]).

Такимъ образомъ, не только въ маѣ, но даже въ іюнѣ и первой половинѣ іюля Пушкинъ еще не былъ знакомъ съ Гоголемъ. Но въ концѣ іюля имѣется уже положительное свидѣтельство въ письмахъ самого Гоголя о томъ, что въ это время онъ уже былъ знакомъ съ Пушкинымъ. Въ письмѣ къ матери отъ 27-го іюля 1831 года изъ Павловска, гдѣ Гоголь жилъ въ качествѣ наставника въ домѣ кн. Васильчикова (см. «Воспоминанія» гр. Сологуба), онъ писалъ: «Письма адресуйте ко мнѣ на имя Пушкина, въ Царское Село, такъ: Его высокоблагородію Александру Сергѣевичу Пушкину. А васъ прошу отдать Н. В. Гоголю» (Кулишъ, V, 133). Самая точность, съ которою Гоголь обозначилъ здѣсь, какъ адресовать ему письма, показываетъ, что адресъ на имя Пушкина данъ имъ впервые. Это подтверждается и предъидущими письмами его къ матери.

9-го іюня онъ писалъ ей: «Письма до времени пріостановитесь ко мнѣ писать, потому что я живу теперь на дачѣ и доставлять мнѣ очень трудно» (Кулишъ, V, 132).

Если бы онъ былъ въ это время знакомъ съ Пушкинымъ, то что мѣшало ему дать матери адресъ на имя Пушкина, какъ онъ сдѣлалъ это 27-го іюля? Между тѣмъ, не смотря на затруднительность сношеній со столицей, окруженной, по случаю холеры, карантинами, онъ предпочелъ въ слѣдующемъ письмѣ (4-го іюля) дать ей свой городской адресъ (въ Малую Морскую, въ домѣ Ленюня, подъ № 97). Слѣдовательно, даже 4-го іюля онъ еще не былъ знакомъ съ Пушкинымъ. Знакомство это состоялось въ томъ же мѣсяцѣ, только нѣсколько позже, и состоялось не при посредствѣ Плетнева, который (какъ всегда) жилъ это лѣто на дачѣ Кушелева, близь Лѣснаго института, не заглядывая, изъ боязни холеры, въ Петербургъ, а потому не видался и съ Пушкинымъ, по переѣздѣ его въ Царское Село («Сочиненія» Плетнева, III, 374). Посредникомъ въ знакомствѣ Гоголя съ Пушкимъ былъ, всего вѣроятнѣе, Жуковскій.

Въ 1831 году, по случаю холеры, дворъ оставался долѣе обыкновеннаго въ Петергофѣ, гдѣ съ дворомъ провели первую половину лѣта и Жуковскій, и фрейлина А. О. Россети (будущій другъ Гоголя). Въ первой половинѣ іюля холера стала ослабѣвать, и 17-го іюля дворъ переѣхалъ въ Царское Село («Сочиненія» Плетнева, III,

---

[1]) Въ другомъ изданіи «Воспоминаній» графа Сологуба (Спб., 1877 г., изд. А. С. Суворина) объ этой встрѣчѣ ничего не говорится, и вообще все разсказано совсѣмъ не такъ, какъ въ изданіи 1866 года. Изъ этихъ двухъ противорѣчивыхъ разсказовъ графа Сологуба приходится, слѣдовательно, дѣлать выборъ. Очевидно, всего естественнѣе дать предпочтеніе тому изъ нихъ, который наиболѣе согласуется со всѣми остальными извѣстными намъ данными, то-есть разсказу, помѣщенному въ первомъ изданіи «Воспоминаній» графа Сологуба.

372—374), а вмѣстѣ съ дворомъ переѣхали туда Жуковскій и Россети. Понятно, что и Гоголь, уже знакомый съ Жуковскимъ, и Пушкинъ поспѣшили съ нимъ увидаться, и въ эти-то именно дни, между 17-мъ и 27-мъ іюля, и могло произойдти у Жуковскаго или при его посредствѣ знакомство Гоголя съ Пушкинымъ. Конечно, это только мое предположеніе, хотя и выведенное изъ сопоставленія всѣхъ извѣстныхъ намъ и совершенно точныхъ данныхъ, но, тѣмъ не менѣе, только предположеніе, которое я привожу только потому, что оно кажется мнѣ самымъ правдоподобнымъ. Въ противорѣчіи съ нимъ находится только письмо Гоголя къ матери, помѣченное Кулишемъ: «Іюля 24-го (1830 года) Павловскъ», и оканчивающееся словами: «Помнит ели вы адресъ? на имя Пушкина, въ Царское Село» (V, 118). Противорѣчіе я вижу здѣсь именно въ словѣ «помните ли», которое показываетъ, что адресъ на имя Пушкина былъ уже сообщенъ раньше, въ одномъ изъ предъидущихъ писемъ. Но письмо это, по нѣкоторымъ подробностямъ своего содержанія, не согласуется съ другими письмами Гоголя къ матери въ лѣтніе мѣсяцы 1831 года, именно съ письмами отъ 4-го и 27-го іюля (въ чемъ всякій легко можетъ убѣдиться при внимательномъ ихъ сличеніи), и потому полагаю, что въ этомъ письмѣ не только годъ выставленъ Кулишемъ ошибочно (1830, вмѣсто 1831), что онъ самъ, впрочемъ, отмѣтилъ скобками, но даже и число поставлено невѣрно: вмѣсто 24-го іюля въ подлинникѣ стояли, вѣроятно, неразборчиво написанныя цифры 28 или 29.

Если это такъ, то тогда всѣ противорѣчія разъясняются, и мое предположеніе о томъ, что Гоголь познакомился съ Пушкинымъ въ Царскомъ Селѣ, между 17-мъ и 27-мъ іюля 1831 года, при посредствѣ Жуковскаго, дѣлается вполнѣ правдоподобнымъ и согласнымъ съ находящимися у насъ въ рукахъ всѣми остальными данными.

Пользуясь знакомствомъ съ Жуковскимъ и познакомившись съ Пушкинымъ, Гоголь сталъ проводить дни попеременно то въ Павловскѣ, то въ Царскомъ. «Все лѣто прожилъ я въ Павловскѣ и Царскомъ Селѣ»,—писалъ онъ пріятелю своему А. С. Данилевскому 2-го ноября 1831 года,—«почти каждый вечеръ собирались мы, Жуковскій, Пушкинъ и я. О, если бы ты зналъ, сколько прелестей вышло изъ-подъ пера сихъ мужей» (Кулишъ, V, 139).

Знакомство Гоголя съ Пушкинымъ скоро превратилось въ дружбу и, по переѣздѣ обоихъ поэтовъ въ Петербургъ, они часто видались, просиживая другъ у друга цѣлые вечера и знакомя другъ друга со своими новыми художественными произведеніями. По словамъ служителя Гоголя Якима, Пушкинъ очень любилъ Гоголя и часто посѣщалъ его во всякую погоду, просиживая у него «по цѣлымъ ночамъ» и слушая, какъ Гоголь читалъ свои сочиненія (см. статью

Данилевскаго въ «Русскомъ Инвалидѣ», 1853 года, № 26, стр. 104). Разсказамъ Якима нельзя, правда, вполнѣ довѣрять, такъ какъ они не согласуются съ другими вполнѣ достовѣрными показаніями. Такъ, напримѣръ, разсказъ его о томъ, будто въ 1836 году, наканунѣ отъѣзда Гоголя за границу, Пушкинъ просидѣлъ у него всю ночь напролетъ, читая ему свои произведенія и слушая отрывки изъ сочиненій Гоголя, опровергается письмомъ Гоголя къ Жуковскому отъ 16-го іюня 1836 года изъ Гамбурга, въ которомъ читаемъ: «Даже съ Пушкинымъ я не успѣлъ и не могъ проститься; впрочемъ, онъ въ этомъ виноватъ» («Русскій Архивъ», 1871 года, 952). Но о частыхъ сношеніяхъ Гоголя съ Пушкинымъ мы имѣемъ свѣдѣнія и отъ самого Гоголя. 16-го марта 1837 года онъ писалъ Плетневу изъ Рима, по поводу неожиданной смерти Пушкина: «Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собою. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое — вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепетъ невкушаемаго на землѣ удовольствія обнималъ мою душу» (Кулишъ, V, 287).

Въ этомъ признаніи Гоголя вполнѣ обнаруживается вся сила того нравственнаго вліянія, какое имѣлъ на Гоголя Пушкинъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣлается вполнѣ яснымъ, какъ глубоко и беззавѣтно умѣлъ Гоголь привязываться. Только искренно и глубоко любящія натуры способны привязываться до такой степени, что всѣ свои дѣйствія мысленно провѣряютъ мнѣніями и сужденіями любимаго человѣка. Но разъясненіе того, въ чемъ и какъ выразилось это нравственное вліяніе Пушкина на Гоголя, не составляло цѣли настоящей статьи, потому что вопросъ этотъ, по своей важности, требуетъ отдѣльнаго изслѣдованія.

Ф. Витбергъ.

ВОСПОМИНАНІЯ АРТИСТА ИМПЕРАТОРСКИХЪ ТЕАТРОВЪ А. А. АЛЕКСѢЕВА [1].

V.

Посѣщеніе театра императоромъ Николаемъ Павловичемъ. — Его излюбленная пьеса «Ложа перваго яруса».—Государь упрекаетъ Мартынова.—Анекдотическія воспоминанія о П. Г. Григорьевѣ, П. И. Григорьевѣ, П. И. Толченовѣ, О. О. Прохоровѣ, Фаллс.—Авторъ «Ремонтеровъ».

ИМПЕРАТОРЪ Николай Павловичъ былъ записнымъ театраломъ; онъ охотно посѣщалъ оперу, балетъ, но особенною его любовью пользовалась драма вообще и водевили преимущественно. Водевилистовъ Каратыгина, Григорьева, Ѳедорова, онъ всегда поощрялъ какъ милостивыми похвалами, такъ и драгоцѣнными подарками. Бывало, при встрѣчѣ на сценѣ съ Григорьевымъ или Каратыгинымъ, Николай Павловичъ говорилъ:

— Ну, что, пишешь что нибудь новенькое?

И, когда слѣдовалъ отрицательный отвѣтъ, то прибавлялъ, шутя:

— Ужъ не лѣниться ли вздумалъ? Смотри ты у меня! Я лѣнтяямъ не потворствую... Съ завтрашняго же дня принимайся за дѣло!

— Слушаю, ваше величество!

— Ну, то-то!

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XLVIII, стр. 406.

Оригинальныя пьесы государю нравились болѣе переводныхъ или передѣланныхъ: объ этомъ я заключаю изъ одного разговора его съ Петромъ Андреевичемъ Каратыгинымъ.

— Спасибо, Каратыгинъ, за водевиль! — сказалъ императоръ послѣ представленія, если не ошибаюсь, «Булочной».—Развеселилъ ты меня сегодня!... Эта вещь твоя, или съ французскаго?

— Оригинальная, ваше величество.

— Оригинальная? Ну, полное тебѣ спасибо! А за переводы я только полу-благодарю...

Николай Павловичъ въ большинствѣ случаевъ сидѣлъ въ боковой литерной ложѣ, имѣвшей непосредственное сообщеніе со сценой, на которую почти каждый антрактъ онъ выходилъ и лично передавалъ исполнителямъ свои впечатлѣнія. Больше всѣхъ государь удостоивалъ своими разговорами Вѣру Васильевну Самойлову, братьевъ Каратыгиныхъ, П. И. Григорьева, В. В. Самойлова, А. М. Максимова и А. Е. Мартынова. Двухъ послѣднихъ Николай Павловичъ очень любилъ и относился къ нимъ покровительственно. Высоко цѣня ихъ выдающіяся дарованія, государь прощалъ имъ пагубныя слабости, вслѣдствіе которыхъ происходило небрежное съ ихъ стороны отношеніе къ дѣлу. Въ особенности Мартыновъ былъ невоздерженъ при употребленіи спиртныхъ напитковъ. Случалось много разъ такъ, что въ присутствіи императора Александръ Евстафьевичъ былъ почти не въ силахъ выйдти на сцену. Его отрезвляли искусственнымъ образомъ: холодными компрессами, нашатырнымъ спиртомъ, крѣпкимъ чаемъ, но все это не могло же окончательно его отрезвить, и онъ появлялся передъ зрителями замѣтно въ возбужденномъ состояніи. Въ концѣ концовъ водка и уложила въ гробъ этого геніальнаго комика, хорошаго человѣка и лучшаго изъ товарищей.

Почти постоянно Николая Павловича сопровождалъ въ театръ великій князь Михаилъ Павловичъ, знаменитый острякъ и каламбуристъ, съ которымъ не разъ состязался другой знаменитый острякъ, П. А. Каратыгинъ. Императоръ любилъ слушать ихъ остроумную бесѣду и отъ души хохоталъ при удачныхъ остротахъ того или другаго, причемъ и самъ не отставалъ отъ нихъ въ находчивости и остроумныхъ замѣчаніяхъ.

Излюбленной пьесой государя одно время былъ водевиль Каратыгина «Ложа перваго яруса», который пришелся по вкусу петербургскимъ зрителямъ и выдержалъ безчисленное количество представленій. Особенное вниманіе обращалъ на себя П. Г. Григорьевъ, изображавшій въ этомъ водевилѣ купца и говорившій каждый разъ что нибудь новое на злобу дня. Эти нецензурованныя вставки дѣлались остроумнымъ Григорьевымъ съ личнаго разрѣшенія Николая Павловича. Чуть не на каждомъ представленіи водевиля присутствовалъ государь и, съ свойственнымъ ему увлеченіемъ, слѣ-

дилъ за ходомъ дѣйствія этой забавной и непритязательной вещицы. Много разъ «Ложа» назначалась по желанію императора, когда онъ думалъ посѣтить театръ, или просто замѣняла собою другой какой либо водевиль, если Николай Павловичъ бывалъ въ театрѣ неожиданно.

Въ послѣднемъ случаѣ, во время спектакля изъ театра разсылались во всѣ концы города сторожа для сбора дѣйствующихъ лицъ въ водевилѣ. Григорьева вмѣстѣ съ актеромъ Воротниковымъ, игравшимъ въ «Ложѣ» нѣмца, всегда находили въ трактирѣ «Ерши», существовавшемъ на Разъѣзжей улицѣ, въ томъ самомъ трактирѣ, который такъ художественно обрисованъ въ романѣ В. Крестовскаго «Петербургскія трущобы». Они обыкновенно бывали на взводѣ и пріѣзжали въ театръ нѣсколько навеселѣ, что, впрочемъ, не мѣшало имъ съ неподражаемымъ юморомъ передавать свои типическія роли.

Нѣсколько импровизацій Григорьева въ «Ложѣ перваго яруса» я помню. Обыкновенно онъ велъ діалогъ съ ливрейнымъ лакеемъ, который по ходу пьесы стоялъ около него въ толпѣ, осаждавшей театральную кассу (сцена представляла театральный подъѣздъ съ характерной вереницей публики, добывающій чуть не сбою билеты на представленія пріѣзжей балетной знаменитости).

— Если тутъ билетовъ нѣтъ, — говорилъ однажды Григорьевъ, наканунѣ назначенной лекціи Н. И. Греча о русскомъ языкѣ,— то поѣду во вторую гимназію.

— Зачѣмъ же?—любопытствуетъ ливрейный лакей.

— Тамъ чудны дѣла творятся! — со вздохомъ отвѣчаетъ Григорьевъ-купецъ.

— Какія же?

— Нѣмецъ русскимъ языкъ показываетъ!

Въ другой разъ Григорьевъ говорилъ:

— Если билетовъ тутъ нѣтъ, поѣду въ Александринскій театръ.

— А тамъ что же идетъ сегодня?

— Очень любопытная комедія Булгарина...

— А какъ она прозывается?

— Шкуна Нюкарлеби.

— Это что же?

— Судно.

— Да дѣло-то въ чемъ?

— Экій ты несообразный человѣкъ: ужъ если про судно рѣчь, такъ значитъ въ суднѣ дѣло.

Потомъ какъ-то Григорьевъ вышелъ на сцену съ большою медалью на шеѣ.

Ливрейный лакей, по предварительному условію, спрашиваетъ его, указывая на знакъ отличія.

— Это у васъ что?

— Не образованіе! Не видишь что ли!—медали!

— За что же она у вась?

— Послѣ пожара изъ Зимняго дворца мусоръ вывозилъ.

Однако, эта шутка даромъ не прошла Григорьеву. Государь приказалъ посадить его на три дня подъ арестъ.

Николай Павловичъ провинившихся своихъ любимцевъ журилъ самолично, не прибѣгая ни къ какимъ наказаніямъ черезъ начальство. Мартынова и Максимова онъ часто укорялъ за пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ и отечески увѣщевалъ ихъ беречь себя для искусства, которое находило въ Николаѣ Павловичѣ знатока и покровителя. Оба они всегда обѣщали исправиться, и никогда, разумѣется, не исправлялись. Помню, какъ однажды государь встрѣтилъ на сценѣ пошатывавшагося слегка Мартынова, который, завидя его, хотѣлъ скрыться незамѣченнымъ въ уборныхъ.

— Мартыновъ!—окликнулъ его Николай Павловичъ.

Александръ Евстафьевичъ пріободрился и браво подошелъ къ императору.

— Пьянъ?

— Такъ-точно, ваше величество.

— А помнишь, ты обѣщалъ мнѣ исправиться?

— Я-то помню, ваше величество, да врагъ-то мой не помнитъ.

— А ты отъ враговъ-то подальше бы!

— Этого-то никакъ нельзя, ваше величество.

— Почему?—удивился государь.

— Да потому, что въ одно и то же время они и друзья мои

— Эхъ, Мартыновъ, Мартыновъ! Что мнѣ дѣлать съ тобой?

— Простите, ваше величество, но съ такимъ дуракомъ, какъ я, другой бы на вашемъ мѣстѣ и разговаривать не сталъ...

Государь разсмѣялся и отошелъ отъ неукротимаго комика.

Говоря о сороковыхъ годахъ, нельзя не привести нѣсколькихъ курьезовъ изъ жизни товарищей и сослуживцевъ, давно умершихъ и давно забытыхъ.

Петръ Ивановичъ Григорьевъ и Петръ Григорьевичъ Григорьевъ, служившіе въ одно время на сценѣ Александринскаго театра, ничего не имѣли между собой общаго, родственнаго, хотя театралы почему-то и называли ихъ братьями. На театральныхъ афишахъ эти однофамильцы проставлялись Петръ Ивановичъ—первымъ, а Петръ Григорьевичъ—вторымъ. Жили они въ одномъ домѣ, но въ разныхъ квартирахъ, на Разъѣзжей улицѣ, недалеко отъ Пяти Угловъ. Однажды одного изъ нихъ разыскивалъ какой-то субъектъ. Подходитъ къ ихъ дому и обращается къ дворнику съ вопросомъ

— Здѣсь живетъ Григорьевъ?

— Здѣсь, но вамъ котораго нужно?

— Который служитъ въ Александринскомъ театрѣ?

— Оба служатъ въ Александринскомъ театрѣ.

— Онъ еще недавно изъ театральной школы вышелъ?

— Оба они вышли, кажись, недавно...

— Ну, того, который надняхъ женился?

— Оба они въ одно время поженились...

Субъектъ уже сталъ сердиться и раздраженно сказалъ:

— Его Петромъ зовутъ?

— Оба Петры!...

— Ахъ, чтобъ ихъ!... Веди меня къ тому и другому, буду по лицу узнавать...

Петръ Григорьевичъ былъ записнымъ карточнымъ игрокомъ и частенько засиживался за зеленымъ полемъ до полдня. Опоздавъ такимъ образомъ на репетицію, онъ всегда присылалъ къ режиссеру Куликову лаконическую записку: «На репетиціи быть не могу, выдергиваю зубъ». Когда у Николая Ивановича накопилось такихъ записокъ до 50, онъ собралъ ихъ въ пачку и, выждавъ удобный случай, при всей труппѣ сказалъ Григорьеву:

— Петръ Григорьевичъ, много ли у человѣка во рту зубовъ?

— А я почемъ знаю, — отвѣтилъ спокойно Григорьевъ: — я не анатомъ...

— Однако, можетъ быть, слышали?

— Слышать-то слышалъ: штукъ тридцать, говорятъ...

— А вотъ и неправда,—перебилъ его Куликовъ,—больше: вотъ у меня ваши записки — по нимъ вы ужъ полсотни у себя зубовъ повыдергали, да еще у васъ полный ротъ остался...

— Ничего нѣтъ удивительнаго,—безъ смущенія отвѣтилъ Григорьевъ.—Я вмѣсто выдернутыхъ-то всегда новые вставляю, вѣдь вставные тоже болятъ и ихъ приходится опять замѣнять свѣжими, такъ что на мой счетъ вы, Николай Ивановичъ, проѣхались совсѣмъ неосновательно...

Этотъ наивный отвѣтъ разсмѣшилъ всѣхъ присутствующихъ, въ томъ числѣ и Куликова, который послѣ этого, всетаки, не переставалъ получать краткія, но выразительныя посланія Петра Григорьевича.

Непризнанный трагикъ Павелъ Ивановичъ Толченовъ, считавшій себя забитымъ по милости Василія Андреевича Каратыгина, трагика признаннаго и знаменитаго, былъ въ жизни удивительнымъ комикомъ. Онъ не отличался миловидностью, а люди со вкусомъ такъ просто называли его уродомъ, но зато самъ о себѣ онъ былъ высокаго мнѣнія и въ грубоватыхъ чертахъ своего непредставительнаго лица видѣлъ классическую красоту. Гримировался онъ постоянно молодцовато, для какой бы ни было роли, и на свое шершавое лице усердно накладывалъ молодые блики.

— Послушай, Толченовъ, — часто говорили ему товарищи, — ты вымазался не по характеру роли...

— Наоборотъ, даже очень характерно...

— Помилуй, по пьесѣ ты долженъ быть антипатиченъ, золъ, съ перекошеннымъ лицемъ, а ты Аполлономъ Бельведерскимъ загримировался... Поправься, не хорошо...

— Что вы понимаете! Я въ суть основательно вникнулъ и пришелъ къ убѣжденію, что наружность должна быть контрастомъ душевныхъ качествъ изображаемаго мною лица...

— Врешь! Изъ чего же ты заключаешь это?

— А изъ всего... Даже, говорятъ, въ психологіи сказано, что всякій злодѣй прежде всего привлекателенъ и интересенъ...

— Кто же тебѣ это сказалъ?

— Мнѣ это по заграничнымъ источникамъ извѣстно...

— А какъ до тебя заграничные источники дошли?

— Убирайтесь вы отъ меня! Чего пристали, какъ дураки... Я пообразованнѣе васъ, у меня сынъ въ гимназіи учится...

Отъ нашего парикмахера (Өедора Ефимовича Тимоөеева, прослужившаго при театрѣ около 60-ти лѣтъ) Толченовъ всегда требовалъ нарядныхъ париковъ, приглаженныхъ, расчесанныхъ, завитыхъ. Однажды Тимоөеевъ надѣваетъ ему на голову парикъ; Павелъ Ивановичъ, разглядывая себя въ зеркало, замѣчаетъ:

— Не хорошъ!

— Чѣмъ же-съ?

— Не къ лицу.

— Что вы, помилуйте! Его всегда съ большимъ удовольствіемъ Иванъ Ивановичъ [1]) надѣваетъ...

— Мало ли что Иванъ Ивановичъ носитъ! Онъ мнѣ не указъ... Ему что ни надѣнь, онъ все уродъ уродомъ будетъ, а я не хочу отвращеніемъ выглядѣть...

— А другаго подобнаго нѣтъ-съ, Павелъ Ивановичъ.

— Я этого не надѣну!

— Какъ же такъ?!

— А такъ, не надѣну, и кончено!... Что это за парикмахеръ, если у него ничего подходящаго нѣтъ!... Вотъ твой парикъ, полюбуйся!...

Толченовъ былъ вспыльчивъ. Сорвалъ онъ съ головы своей парикъ и швырнулъ его на полъ.

— Это ужасъ! Это безобразіе!—выходя изъ себя, началъ кричать трагикъ.—Париковъ—нѣтъ! Начальства—нѣтъ! Порядка—нѣтъ! И это императорскимъ театромъ зовется!... Я этого такъ не оставлю!.. Я поѣду жаловаться!... Дайте мнѣ адресъ государя!... Гдѣ живетъ государь?...

Разумѣется, всѣ присутствовавшіе въ уборной безъ умолку хохотали надъ расходившимся Толченовымъ, а онъ еще болѣе горячился и говорилъ несообразности.

---

[1]) Сосницкій.

Въ сороковыхъ же годахъ служилъ въ Александринскомъ театрѣ небольшой актеръ Осипъ Осиповичъ Прохоровъ, большой анекдотистъ и невоздержный любитель предательской рюмочки. Онъ былъ родомъ французъ и настоящая его фамилія—Дальмазъ. Этотъ самый Прохоровъ упоминается Гоголемъ въ безсмертномъ «Ревизорѣ», въ сценѣ перваго акта, когда городничій спрашиваетъ квартальнаго:

ГОРОДНИЧІЙ.

...да другіе-то гдѣ? Неужели ты только одинъ? Вѣдь я приказывалъ, чтобы и Прохоровъ былъ здѣсь. Гдѣ Прохоровъ?

КВАРТАЛЬНЫЙ.

Прохоровъ въ частномъ домѣ, да только къ дѣлу не можетъ быть употребленъ.

ГОРОДНИЧІЙ.

Какъ такъ?

КВАРТАЛЬНЫЙ.

Да такъ: привезли его поутру мертвецки. Вотъ уже два ушата воды вылили, до сихъ поръ не протрезвился [1]).

Эта сценка вписана была Николаемъ Васильевичемъ на одной изъ репетицій, когда на окликъ городничаго, котораго изображалъ И. И. Сосницкій, вбѣжалъ какой-то выходной актеръ и сталъ читать роль квартальнаго, а такъ какъ на предыдущихъ репетиціяхъ эту роль репетировалъ Прохоровъ, то Сосницкій спросилъ отъ себя:

— А Прохоровъ гдѣ?

— Опять запьянствовалъ...

Гоголю такъ понравился этотъ частный разговоръ, что онъ тутъ же вставилъ его въ свою комедію въ вышеприведенной редакціи. Такимъ оригинальнымъ образомъ Осипъ Осиповичъ «попалъ въ литературу», какъ самъ онъ выражался про этотъ эпизодъ.

Осипъ Осиповичъ былъ очень уменъ и образованъ и, не смотря на все это, не могъ уразумѣть всю безшабашность своего поведенія и умѣрить свое пристрастіе къ излишеству въ питіяхъ, за что нѣсколько разъ позорно былъ выгоняемъ со службы самимъ Гедеоновымъ. Однажды, пробывъ въ отставкѣ два мѣсяца, Прохоровъ обносился, обѣднѣлъ до крайности и надумалъ идти къ директору проситься на службу снова.

Пришелъ въ пріемную и сталъ ожидать обычнаго выхода Александра Михайловича. Гедеоновъ въ то утро былъ въ веселомъ расположеніи духа. Онъ подошелъ къ Осипу Осиповичу и ласково спросилъ его:

— А, Прохоровъ! Что тебѣ надо?

---

[1]) «Ревизоръ», изд. 2-е, Москва, 1841 года.

Прохоровъ, не говоря ни слова, полѣзъ въ карманы, вынулъ два пистолета и наставилъ ихъ на Гедеонова. Тотъ въ ужасѣ отшатнулся и дрожащимъ голосомъ произнесъ:

— Что ты, безумный!

— Ваше превосходительство!—съ паѳосомъ воскликнулъ Прохоровъ и закончилъ водевильнымъ тономъ:—не угодно ли купить у меня для бутафоріи два пистолета! Вы меня выгнали—я умираю съ голоду...

Гедеоновъ мигомъ успокоился и, смѣясь, сказалъ:

— Иди въ контору и скажи, что я приказываю принять тебя вновь, но только, смотри, въ послѣдній разъ...

Прохоровъ былъ вообще чудакъ. Какъ-то казенная наша карета останавливается на Фонтанкѣ у живорыбнаго садка. Въ каретѣ сидѣли я и Леонидовъ.

— Ты къ кому?—съ удивленіемъ спрашиваемъ мы кучера.

— Къ Прохорову-съ!

— На садокъ-то?

— Да-съ, они живутъ здѣсь...

Кучеръ пошелъ за нимъ. Черезъ нѣсколько минутъ влѣзъ къ намъ въ карету Осипъ Осиповичъ.

— Какимъ образомъ вы обитаете тутъ?—обратились мы къ нему съ вопросомъ.

— Нездоровится что-то... Докторъ прописалъ ѣхать на воды, а средствъ нѣтъ. Вотъ я и переѣхалъ сюда... на дешевыя воды...

Жилъ онъ на садкѣ около года, нанималъ за дешевую цѣну коморку и увѣрялъ всѣхъ, что жизнь на водахъ имѣетъ чудесное вліяніе на его здоровье.

Кто-то разговорился съ Прохоровымъ о газетахъ.

— Да вы, Осипъ Осиповичъ, кажется, ничего не читаете?

— Зачѣмъ?

— Ну, всетаки, интересно же знать, что дѣлается въ Европѣ?

— А я каждый день бываю въ «Европѣ» [1]) и знаю отлично, что тамъ дѣлается!

Былъ еще у насъ актеръ Фалле, который мнѣ памятенъ по одному печальному эпизоду, происшедшему въ нашей уборной во время представленія трагедіи «Разбойники».

Въ одномъ изъ антрактовъ, бутафоръ подалъ Фалле пистолетъ, нужный ему для сцены, какъ дѣйствующему лицу. Онъ началъ съ нимъ продѣлывать различныя эволюціи.

— Не шали,—кто-то замѣтилъ ему.

— Ничего, не выстрѣлитъ...

— Бывали примѣры... брось лучше...

---

[1]) «Европа», гостиница на Фонтанкѣ, у Чернышева моста.

— Если кто изъ васъ, братцы, захочетъ стрѣляться, то самое лучшее пускать пулю въ ротъ... Вотъ такъ...

Фалле вложилъ дуло пистолета въ ротъ, нажалъ курокъ и вдругъ послѣдовалъ неожиданный выстрѣлъ. Насъ всѣхъ передернуло. Фалле упалъ, изо рта его хлынула кровь.

Пистолетъ оказался заряженнымъ пыжемъ. Благодаря недосмотру бутафора и собственной неосторожности, несчастный храбрецъ поплатился долговременной болѣзнью и лишился ясности произношенія.

Кстати объ авторѣ комедіи «Ремонтеры», нѣкоемъ г. Мирошевскомъ, съ которымъ произошелъ такой забавный казусъ. Онъ созвалъ черезъ начальство всю драматическую труппу на сцену Александринскаго театра для слушанія его произведенія, сказать къ слову, очень плохенькаго, не выдерживающаго никакой критики. Читать комедію взялся самъ авторъ. При его монотонномъ чтеніи пьеса еще болѣе теряла занимательности, но самъ онъ своимъ чтеніемъ такъ увлекся, что не замѣчалъ сперва сдержанныхъ улыбокъ слушателей, потомъ откровеннаго смѣха ихъ и, наконецъ, ихъ поочереднаго исчезновенія изъ театра. Порывъ же увлеченія его сдержалъ сторожъ, невольный свидѣтель всей происшедшей сцены; онъ степенно подошелъ къ чтецу и, подавая ему ключъ отъ выходной двери, сказалъ:

— Баринъ, вотъ ключъ,—когда кончите, такъ заприте!

VI.

Поѣздка въ Москву.—Знакомство съ московскими артистами.—Д. Т. Ленскій.— Его остроты.

Наслышавшись много похвальнаго про московскую труппу, я возымѣлъ непремѣнное желаніе побывать въ Москвѣ и самолично провѣрить разсказы знакомыхъ театраловъ. Я выпросился у дирекціи въ мѣсячный отпускъ и поѣхалъ въ Бѣлокаменную. Желѣзныхъ дорогъ тогда еще не существовало, и мнѣ пришлось тащиться въ дилижансѣ около недѣли.

Пріѣхавъ въ Москву, прежде всего я пошелъ представиться директору московскихъ театровъ, Михаилу Николаевичу Загоскину, который принялъ меня очень любезно и предоставилъ мнѣ свободный входъ въ театръ Петровскаго парка, такъ какъ время было лѣтнее и вся труппа Малаго театра играла по обыкновенію на дачной Петровской сценѣ.

Мнѣ привелось быть на первомъ дебютѣ Прова Михайловича Садовскаго, выступавшаго въ водевиляхъ «Любовное зелье» и «Дезертиръ». Чуткая московская публика съ перваго выхода оцѣнила артиста по достоинству; пріемъ ему былъ оказанъ радушный. Я

былъ за кулисами и видѣлъ, какъ сами актеры восторгались его талантливой игрой...

Во время своего недолгаго пребыванія въ Москвѣ, я познакомился съ Щепкинымъ, Ильей Вас. Орловымъ, Мочаловымъ, Живокини, Самаринымъ, а такъ же и съ Михаиломъ Андреевичемъ Максимовымъ, суфлеромъ Малаго театра, а впослѣдствіи актеромъ Александринской сцены. Особенно хорошее впечатлѣніе произвела на меня актриса Рѣпина, лучшая сила тогдашняго персонала московской труппы. Она играла съ замѣчательной простотой и чувствомъ; вмѣстѣ съ нею переживалъ зритель всѣ перипетіи героини пьесы.

Наибольшей симпатіей публики въ то время пользовались Щепкинъ и Живокини. Мочаловъ имѣлъ тоже громадный успѣхъ, но его поклонники разбивались на партіи, такъ что такого единодушія въ восторгахъ отъ его дѣйствительно высоко-талантливой игры не было, какъ отъ игры Щепкина или Живокини... Живокини былъ комикъ, Мочаловъ—трагикъ, между тѣмъ въ дарованіи того и другаго было нѣчто общее: Живокини заставлялъ публику смѣяться до слезъ, а Мочаловъ производилъ на нее такое потрясающее впечатлѣніе своимъ геніемъ, что она плакала до истерическаго хохота...

Съ Ленскимъ я былъ уже знакомъ, и потому мы встрѣтились съ нимъ, какъ старые товарищи. Въ сущности ему я и обязанъ знакомствомъ съ московскими актерами, которымъ онъ меня любезно представилъ и не по заслугамъ расхвалилъ.

Его безчисленныя остроты были въ модѣ и передавались изъ устъ въ уста по всей Москвѣ. Мѣткость и удачность его эпиграммъ и экспромтовъ порождала даже личныхъ враговъ, крупныя недоразумѣнія и непримиримыя размолвки, между тѣмъ Димитрій Тимоѳеевичъ не имѣлъ злаго сердца и все, что срывалось съ языка его, было не намѣреніемъ кого либо обидѣть, а только ловко подхватить. Многія остроты были такъ неожиданны для самого Димитрія Тимоѳеевича, что онъ почти тотчасъ же самъ раскаявался въ нихъ.

Ленскій былъ приглашенъ Ильей Васильевичемъ Орловымъ на свою свадьбу. Въ церкви, при вѣнчаніи, была масса народу, принадлежавшаго въ большинствѣ къ артистическому міру. Дмитрій Тимоѳеевичъ былъ въ тотъ день очень веселъ и особенно остроуменъ, остроты и каламбуры такъ безъ перерыва и срывались съ его языка. Окружавшіе Ленскаго хохотали безъ умолку, обращая на себя общее вниманіе. Когда вѣнчаніе было окончено, Дмитрій Тимоѳеевичъ вмѣстѣ съ другими подошелъ къ новобрачнымъ и вмѣсто обычнаго поздравленія произнесъ экспромтъ:

Илья, Васильевъ сынъ, Орловъ,
Женился для приплода.
Посмотримъ же ребятъ
Орловскаго завода!

Какъ-то, проходя мимо Большаго театра, гдѣ шла чуть не въ сотый разъ репетиція «Аскольдовой могилы», Ленскій остановился съ хористами, вышедшими во время антракта на театральный подъѣздъ покурить.

— Что репетируете?

— Могилу.

— Которая же это у васъ проба?

— Восемьдесятъ третья.

— Ну, значитъ, завтра вы будете дураки восемьдесятъ четвертой пробы.

Въ сороковыхъ годахъ былъ командированъ изъ Петербурга въ Москву нашъ непризнанный трагикъ Толченовъ. Онъ долженъ былъ выступить передъ москвичами въ нѣсколькихъ сильныхъ роляхъ своего классическаго репертуара. При первомъ и не совсѣмъ удачномъ дебютѣ его, у Дмитрія Тимоѳеевича спрашиваютъ мнѣнія о гастролерѣ.

— Много у насъ добра своего,—отвѣтилъ Ленскій,—а тутъ еще прислали Толченова.

Бывшій калязинскій предводитель дворянства Л. А. Р—скій имѣлъ страсть къ вокальному искусству. Онъ въ молодости имѣлъ голосъ и учился одно время въ Италіи; въ позднее время жизни, разумѣется, голосъ пропалъ, но манера пѣть сохранилась, что при его особенной охотѣ услаждать слушателей своимъ пѣніемъ было очень забавно. Недостатки своихъ голосовыхъ средствъ Р—скій замѣнялъ уморительными ужимками, мимикой и театральной жестикуляціей. По этому поводу Ленскій однажды сказалъ:

— Въ молодости у Р—скаго былъ tenor di gracia, теперь у него теноръ пропалъ и осталась одна грація.

Въ домѣ у Ш., во время исполненія Р—скимъ какихъ-то чувствительныхъ романсовъ, кто-то изъ присутствующихъ спросилъ у Дмитрія Тимоѳеевича:

— Это баритонъ?

— Нѣтъ, совритонъ,—отвѣтилъ острякъ.

Во времена Ленскаго въ Москвѣ жилъ извѣстный богачъ Куманинъ, расточавшій свои богатства безъ зазрѣнія совѣсти. Дмитрій Тимоѳеевичъ, выходя съ нимъ вмѣстѣ отъ знакомыхъ, разговорился объ его дорогой собольей шубѣ.

— Поди, дорого она тебѣ стоила?

— Полторы тысячи... и помоему очень дешево, потому что хороша.

— Хороша-то хороша, но только моль въ ней...

Куманинъ отвѣтомъ не нашелся...

Въ заключеніе приведу еще удачную остроту Дмитрія Тимоѳеевича, которую я слышалъ отъ одного покойнаго сослуживца, бывшаго случайнымъ свидѣтелемъ ея.

Въ бытность свою въ Петербургѣ, Ленскій обыкновенно проводилъ вечера за театральными кулисами, въ средѣ товарищей и друзей, относившихся къ нему любовно и крайне радушно.

Однажды, во время представленія оперы «Робертъ и Бертрамъ», Ленскій блуждая по сценѣ передъ началомъ третьяго дѣйствія, нападаетъ на влюбленную парочку, которая вела переговоры въ необыкновенной позѣ. Она (балетная танцовщица), изображавшая тѣнь, лежала въ гробу, а онъ (нашъ всесильный директоръ театровъ) стоялъ передъ ея гробомъ и велъ съ нею оживленную бесѣду. Нужно замѣтить, что близость директора къ танцовщицѣ ужъ очень рельефно обозначалась ея полнотой, нѣсколько нарушавшей иллюзію и мѣшавшей ея сценическому успѣху. Словомъ наступало такое время, когда уже нельзя было выступать на подмосткахъ, но расчетливая артистка не могла помириться съ мыслью потерять свои значительныя разовыя и продолжала, при помощи своего поклонника, «не наносить себѣ матеріальнаго убытка».

Завидя ихъ, Дмитрій Тимоѳеевичъ подходитъ къ директору и шутя говоритъ:

— Чудотворецъ вы, ваше превосходительство!

— Какимъ образомъ?

— А такимъ,—отвѣтилъ Ленскій, указывая на танцовщицу,— и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ.

VII.

Откупщикъ Кузинъ. — Моя поѣздка въ Харьковъ. — Отпускъ.—М. Г. П. — Отставка.—Актеръ Ершовъ.—Начало провинціальнаго скитанія.—Антрепренеръ Каратеевъ.—Перемѣна фамиліи.—Гастроли Щепкина и Мартынова.—Поѣздка на ярмарку въ Кременчугъ вмѣстѣ съ Мартыновымъ.—Несчастіе съ пароходомъ.— Потопленіе Мартынова въ Днѣпрѣ.—Его спасеніе Горевымъ-Тарасенковымъ.

У отца моего бывалъ по дѣламъ откупщикъ Кузьма Никитичъ Кузинъ, харьковскій меценатъ и строитель мѣстнаго театра, существующаго до сихъ поръ. Онъ былъ любитель и знатокъ посвоему вообще всѣхъ искусствъ и въ особенности театральнаго. Свой харьковскій театръ онъ сдавалъ извѣстному въ то время провинціальному антрепренеру Людвигу Юрьевичу Молотковскому [1]), дѣлавшему тамъ хорошія дѣла.

Кузинъ, узнавъ, что я служу на сценѣ Александринскаго театра, сталъ меня звать погостить къ себѣ въ Харьковъ, соблазняя большимъ барышомъ, если я выступлю тамъ въ нѣсколькихъ спектакляхъ.

---

[1]) Его настоящая фамилія была Млотковскій; Молотковскимъ же онъ былъ прозванъ актерствующимъ людомъ.

— Стоитъ ли?—сомнѣвался я въ обѣщаніяхъ Кузина.

— Еще бы!—съ увлеченіемъ разубѣдилъ онъ меня.—Провинціальная сцена—это такая прелесть, о которой вы и понятія не имѣете! Прежде всего въ провинціи заслуги актеровъ измѣряются не численностью лѣтъ, выжитыхъ ими за кулисами, а ихъ дарованіемъ, которому дается просторъ и возможность выказать себя во всей полнотѣ и блескѣ. У насъ не практикуется затиранье, столь развитое на столичныхъ сценахъ, и нѣтъ интригъ, то-есть, есть, но на столько незначительныя, что не имѣютъ по себѣ никакихъ послѣдствій... Я серьезно увѣренъ, что, какъ попадете на провинціальную сцену, такъ и разстаться съ ней не захотите...

— Ну, это, кажется, не правда!—возразилъ я.—Почему же всѣ провинціальные актеры жаждутъ службы на казенной сценѣ?

— Изъ тщеславія, конечно.

Я взялъ отъ дирекціи мѣсячный отпускъ и отправился въ Харьковъ, спеціально затѣмъ, чтобы попробовать свои силы на провинціальныхъ подмосткахъ, такъ симпатично обрисованныхъ Кузьмой Никитичемъ, который далъ мнѣ рекомендательное письмо къ Молотковскому.

Людвигъ Юрьевичъ встрѣтилъ меня очень любезно и радушно, тотчасъ же предложивъ дебютировать въ чемъ мнѣ угодно. Я выбралъ милаго мнѣ «Стряпчаго подъ столомъ», въ которомъ и выступилъ впервые передъ харьковскою публикой съ большимъ успѣхомъ. Объ этомъ и о послѣдующихъ успѣхахъ въ Харьковѣ я потому упоминаю, что они сбили меня съ толку, и я, благодаря имъ, ни на минуту не задумывался покинуть сцену столичную и окончательно перейти на провинціальную.

Отпускъ мой приходилъ къ концу, мнѣ надлежало возвратиться въ Петербургъ, но Молотковскій сталъ убѣждать меня сказаться больнымъ и попросить у дирекціи продолженіе отпуска еще на мѣсяцъ. Послѣ продолжительнаго колебанія, я уступилъ его настоянію и телеграфировалъ матери своей, чтобы она лично отправилась къ Гедеонову и, объяснивъ ему мое мнимое болѣзненное состояніе, удерживающее меня на югѣ, попросила бы еще на одинъ мѣсяцъ отпуска.

Впрочемъ, быть можетъ, я бы не такъ легко поддался убѣжденіямъ Молотковскаго, если бы не было еще одного очень важнаго обстоятельства, мучившаго меня своею невыясненностью. Въ свое короткое пребываніе на сценѣ Харьковскаго театра увлекся я миловидной актрисой М. Г. П., здравствующей донынѣ, и сдѣлалъ ей предложеніе, на которое она отвѣтила полуотказомъ. Свой полуотказъ она мотивировала тѣмъ, что такую скоро приходящую любовь должно основательно провѣрить, и тогда только рѣшиться на серьезный шагъ, дабы не пришлось впослѣдствіи раскаяваться за него и дорого поплатиться...

— Сперва намъ нужно пудъ соли съѣсть вмѣстѣ!—припомнила она популярную русскую пословицу, съ которой nolens-volens пришлось согласиться.

Любезность Гедеонова распространилась еще на добавочный мѣсяцъ отпуска, и я продолжалъ свои гастроли. Когда подошелъ конецъ и этому отпуску, я съ М. Г. П. повелъ опять разговоръ о женитьбѣ.

— Поѣдемъ въ Петербургъ и тамъ повѣнчаемся...

— Ну, какіе мы супруги будемъ,—сказала она,—мы не пара...

— Какъ не пара? Почему?

— Вы—столичный, я—провинціальная...

— Богъ дастъ, и вы пристроитесь къ намъ, въ Александринку...

— Во-первыхъ, это трудно, во-вторыхъ, у васъ тяжело отъ интригъ, а у Молотковскаго мнѣ отлично живется...

— Если только смущаетъ васъ моя казенная служба, то да буду и я провинціальнымъ актеромъ!—произнесъ я съ паѳосомъ и тотчасъ же послалъ въ Петербургъ прошеніе объ отставкѣ. На этотъ разъ я адресовался уже прямо къ самому директору, но отвѣта отъ него никакого не получалъ долгое время. Я писалъ къ Александру Михайловичу еще и еще разъ, но мои посланія оставались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Наконецъ, хлопотать объ отставкѣ я началъ черезъ мать. Упросилъ ее опять отправиться къ Гедеонову и спросить, почему моя просьба не приводится въ исполненіе? При чемъ я надоумилъ ее сказать ему, что отставка мнѣ необходима въ силу моего разстроеннаго здоровья, не допускающаго скораго возвращенія моего въ Петербургъ въ виду вреднаго для меня столичнаго климата.

— Ну, хорошо, — отвѣтилъ Гедеоновъ моей матери, — я дамъ отставку, но ужъ зато никогда больше не приму его въ нашу труппу. Такъ ему и отпишите. Онъ вѣдь знаетъ, какъ я привыкаю къ своимъ, и какъ не люблю съ ними разставаться.

Получивъ отставку, радостный и веселый прибѣгаю къ М. Г. П.

— Вотъ моя отставка! — восторженно воскликнулъ я, торжественно показывая ей долгожданную бумагу.—Теперь, наконецъ-то, я могу жениться на васъ!

— Ну, что объ этомъ разговаривать!—сказала спокойно М. Г. П., такъ спокойно, что меня даже передернуло.

— То-есть, какъ же объ этомъ не разговаривать?

— Да такъ, вы еще совсѣмъ мальчикъ! Кромѣ того...

— Что кромѣ того? — съ ужасомъ вскричалъ я, предчувствуя въ этой фразѣ что-то весьма недоброе...

— Кромѣ того, у меня есть женихъ, Алексѣй Алексѣевичъ Ленскій!

— А я, я-то при чемъ? — заговорилъ я, уже совсѣмъ растерявшись.—Зачѣмъ же вы мнѣ раньше объ этомъ не сказали? Вѣдь

я для васъ карьерой своей пожертвовалъ! Что это за шутки были?

— Меня просилъ Молотковскій удержать васъ...

— А, когда такъ, я сейчасъ же уѣду изъ Харькова и порву навсегда всякія отношенія съ нимъ.

Огорченный и разочарованный, пошелъ я къ актеру Ершову, очень симпатичному человѣку и отзывчивому товарищу. Пожаловался ему на свое незавидное положеніе и попросилъ его совѣта: что и какъ мнѣ поступить?

— Э! Мальчикъ!—сказалъ мнѣ Александръ Васильевичъ.—Захотѣлъ ты вѣрить въ закулисную застѣнчивость! Всѣ мы живемъ для себя только. Понадобился ты нашему Людвигу, онъ тебя съ вѣрнаго мѣста сковырнулъ, да какъ ловко сковырнулъ-то: самъ чистъ, М. Г. П. въ подозрѣніи, а ты въ дуракахъ.

— Служить у Молотковскаго я ни за что не останусь, денегъ у меня никакихъ,—что мнѣ дѣлать и куда дѣться?

— Дня черезъ три я въ Кіевъ ѣду, — проговорилъ Ершовъ,— если хочешь, поѣдемъ вмѣстѣ. Я буду тамъ играть, разумѣется, поиграешь и ты...

— Я бы поѣхалъ, но какъ относительно денегъ справлюсь...

— Деньги пустяки!—философски разсудилъ Ершовъ.— Заложи что нибудь, вотъ тебѣ и средства къ существованію...

Я такъ и сдѣлалъ. Заложилъ кое-что изъ гардероба и поѣхалъ съ нимъ въ Кіевъ «на долгихъ», но при всѣхъ нашихъ дорожныхъ экономіяхъ наши рессурсы оказались на столько незначительными, что окончательно расплатиться съ ямщикомъ мы не могли. Пришлось прямо съ дороги пріѣхать къ мѣстному антрепренеру Анатолію Васильевичу Каратееву и просить его объ уплатѣ за насъ возницѣ. Для людей, незнакомыхъ съ закулисною жизнью провинціальныхъ актеровъ, будетъ не безъинтересна картинная встрѣча наша съ антрепренеромъ.

— Вотъ и я!— возвѣстилъ о своемъ явленіи Ершовъ, переступая порогъ квартиры Каратеева.

— Наконецъ-то!—весело встрѣтилъ его Анатолій Васильевичъ.— А ужъ я думалъ, надуешь!

— Я никого не надувалъ, ты долженъ знать, мой другъ, въ подлунной!—продекламировалъ Ершовъ и, указывая на меня, проговорилъ:—вотъ я съ собой на всякій случай актерика прихватилъ!

— На простачковъ?— живо спросилъ меня антрепренеръ, принимая дѣловой видъ.

— Да, и на комиковъ!—поспѣшилъ я отвѣтить.

— Очень хорошо, очень хорошо... Но только не иначе, какъ съ дебюта, потому что у меня на амплуа это уже есть...

По театральному этикету, это деликатный отказъ. Я почувство-

валъ себя не совсѣмъ хорошо. Я было сталъ отвѣчать ему согласіемъ, но Ершовъ перебилъ меня.

— Это потомъ! Теперь будемъ говорить о дѣлахъ текущихъ, важныхъ, неотложныхъ! Анатолій, заплати за нашу тройку, у насъ ни одного луидора!

— Сколько?—спокойно спросилъ Каратеевъ.

Ершовъ сказалъ цифру, антрепренеръ тотчасъ же отсчиталъ требуемую сумму и выслалъ ее ямщику, послѣ чего уже мы поздоровались, я отрекомендовался и повели дѣльный разговоръ.

Дня черезъ два я дебютировалъ. Публика принимала меня радушно, Каратееву видимо я понравился, но заключить со мною условіе онъ не рѣшился. Послѣ уже третьяго дебюта мнѣ было предложено имъ: сторублевый мѣсячный окладъ и одинъ полубенефисъ. Такое жалованье въ то время называлось очень солиднымъ, и я, разумѣется, съ большою радостью ухватился за него; въ особенности же льстилъ моему самолюбію полубенефисъ, котораго я не имѣлъ въ Петербургѣ.

По просьбѣ антрепренера, я дебютировалъ и все время игралъ подъ фамиліей Александрова. Онъ мнѣ отсовѣтывалъ называться въ Кіевѣ «актеромъ Алексѣевымъ», подъ именемъ коего кіевлянамъ былъ извѣстенъ драматическій герой Алексѣевъ, пользовавшійся абсолютною ненавистью всей театральной публики, которая одно время дошла до того, что имя этого отчаяннаго трагика не могла видѣть равнодушно даже на афишахъ.

Въ Кіевъ я пріѣхалъ въ январѣ 1843 года, и весь комическій репертуаръ лежалъ на моихъ плечахъ до начала мая, до пріѣзда къ намъ на гастроли Михаила Семеновича Щепкина изъ Москвы и Александра Евстафьевича Мартынова изъ Петербурга; впрочемъ, послѣдній прибылъ въ Кіевъ уже въ концѣ мая, послѣ тріумфовъ своего знаменитаго коллеги.

Появленіе двухъ колоссовъ на однихъ подмосткахъ вызвало раздѣленіе публики на группы, дѣлавшія своимъ любимцамъ оваціи, встрѣчи, проводы. Кіевляне долго помнили это знаменательное для ихъ театра лѣто. Особенныя бури восторговъ вызывалъ Щепкинъ изображеніемъ малороссовъ, которые въ его исполненіи выходили такими живыми, типичными, что сами малороссы узнавали въ немъ себя, со всѣми своими привычками, особенностями и оригинальностями. Въ свою очередь, Мартыновъ сводилъ съ ума всѣхъ своимъ неподражаемымъ комизмомъ, не шаржированнымъ, не утрированнымъ, чуявшимъ предѣлъ, имѣвшимъ большое значеніе для кіевскихъ цѣнителей и судей, любившихъ и хорошо понимавшихъ драматическое искусство. Мартыновъ и Щепкинъ, по экономическому расчету антрепренера, играли поочередно и только свои излюбленныя роли; остальныя роли они раздавали по собственному усмотрѣнію, такъ что во время своихъ гастролей они являлись не го-

стями, какъ бы это подобало, а хозяевами, и какими взыскательными хозяевами! Антрепренеръ, режиссеръ, «первачи», всѣ отошли на заднiй планъ и смѣшались въ общую группу, никто не имѣлъ ни авторитета, ни самостоятельности, все дѣлалось безпрекословно такъ, какъ хотѣли гастролеры.

Щепкинъ вздумалъ поставить для себя «Ревизора». Это былъ лучшiй городничiй, признанный самимъ авторомъ. Роли распредѣлилъ онъ на режиссерскомъ экземплярѣ самолично, кромѣ одной, это—Хлестакова, сказавъ Каратееву, чтобы онъ попросилъ Мартынова взять роль Хлестакова на себя. Послушный совѣту гостя, антрепренеръ отправился къ Александру Евстафьевичу и замолвилъ слово о роли Хлестакова.

— Нѣтъ, эта роль мнѣ тяжела, — отвѣтилъ Мартыновъ,—да и вообще въ «Ревизорѣ» для меня нѣтъ ни одного дѣйствующаго лица, которое подходило бы подъ мой жанръ. Я игралъ Бобчинскаго, Осипа и Хлестакова, и ни одинъ мнѣ не удался, то-есть, не такъ, чтобы публика видѣть меня не могла, нѣтъ, принимали во всѣхъ этихъ роляхъ меня чудесно, но самъ-то собой я не удовлетворялся, не чувствовалъ себя на своемъ мѣстѣ. Въ «Ревизорѣ», Богъ знаетъ почему, мнѣ всегда тяжело; комедiя эта—величайшее произведенiе, но я въ ней ни къ селу, ни къ городу... Хлестаковъ во мнѣ особенно скверенъ... Вотъ развѣ Осипъ еще туда-сюда... Если хотите его я съиграю...

Каратеевъ возвратился къ Михаилу Семеновичу и оповѣстилъ его объ отказѣ Мартынова отъ роли Хлестакова.

— Въ такомъ случаѣ,—отвѣтилъ Щепкинъ,—передайте ее Александрову.

По предварительной отмѣткѣ Щепкина, я долженъ былъ играть Бобчинскаго и явился въ театръ репетировать эту роль, но передъ самой репетицiей ко мнѣ подходитъ антрепренеръ и, вручая мнѣ объемистую роль Хлестакова, говоритъ:

— Ивана Александровича придется играть вамъ!

— Какъ?—перепугался я, и рѣшительно отвѣтилъ:—Не могу!

— Почему?

— Потому что я такъ ее провалю, что вы вмѣстѣ съ Щепкинымъ свѣту не взвидите!

— Вздоръ! Эта роль въ вашемъ характерѣ...

— Да нѣтъ же... Отчего вы любовнику не дадите?

— Оттого, что Михаилъ Семеновичъ велѣлъ вручить Хлестакова именно вамъ...

— Да откуда онъ взялъ, что я съ ней справлюсь?

— А ужъ это спросите у него.

Я такъ и сдѣлалъ, подошелъ къ Щепкину и заявилъ:

— Хлестакова мнѣ не съиграть?

— Съиграете!

— Роль эта мнѣ просто не по силамъ?

— Осилите! Я съ вами, если хотите, пройду эту роль...

— Развѣ только при такихъ условіяхъ...

— Займитесь ею хорошенько, и она будетъ вашею коронною ролью...

Подъ руководствомъ Щепкина я разучилъ Хлестакова и, благодаря этому, съигралъ его такъ, что удостоился похвалы и отъ публики, и отъ Мартынова, и отъ самого учителя своего. Щепкинъ былъ такимъ превосходнымъ городничимъ, а Мартыновъ—Осипомъ, что «Ревизоръ» прошелъ у насъ шесть разъ подъ рядъ при полныхъ сборахъ.

Въ іюнѣ сборы въ нашемъ театрѣ пали, наступившая жара отбила у публики охоту просиживать вечера въ душномъ театральномъ зданіи. Даже Щепкинъ и Мартыновъ ничего не могли подѣлать съ апатіей театраловъ.

Михаилъ Семеновичъ былъ человѣкомъ состоятельнымъ, не особенно нуждавшимся въ гастрольномъ гонорарѣ, а разъѣзды его по провинціямъ можно просто объяснить желаніемъ показать себя. Мартыновъ же, наоборотъ, бѣдствовалъ съ обременявшимъ его семействомъ и ѣздилъ на гастроли съ единственною цѣлью зашибить лишнюю копѣйку. Поэтому при упадкѣ сборовъ Щепкинъ трогательно распрощался съ кіевлянами и, не доведя до конца серію своихъ гастролей, отправился домой въ Бѣлокаменную. А Александръ Евстафьевичъ при всемъ желаніи не могъ послѣдовать примѣру своего знаменитаго товарища, карманъ его былъ тощъ, да и, кромѣ того, по своей безконечной добротѣ онъ допустилъ Каратеева задолжать ему за нѣсколько спектаклей, что̀ составляло довольно солидную цифру денегъ. Въ этомъ случаѣ Щепкинъ былъ предусмотрительнѣе и требовалъ условленную сумму передъ выходомъ на сцену. Такимъ образомъ, онъ никогда отъ своихъ гастролей не терпѣлъ убытка.

— Александръ Евстафьевичъ, а вѣдь теперь я не могу вамъ уплатить своего долга,—сказалъ какъ-то Каратеевъ петербургскому гостю.

— Да вы какъ нибудь,—отвѣтилъ конфузливо комикъ,—хоть частями... Да вѣдь и не Богъ вѣсть, какъ много мнѣ надо...

— Сами видите, какія дѣла, могу ли изъ этихъ сборовъ я вамъ хоть одинъ грошъ удѣлить?

— Такъ-то оно такъ, но, всетаки...

— Не помиримся ли мы съ вами вотъ какимъ образомъ: поѣзжайте вмѣстѣ съ нами на Ивановскую ярмарку въ Кременчугъ?

— Что изъ этого послѣдуетъ?

— Послѣдуетъ то, что я тамъ выплачу вамъ весь долгъ до копѣйки...

— Ну, что же подѣлаешь съ вами? Разумѣется, я согласенъ...

Черезъ нѣсколько дней всѣ мы собрались въ путь-дорогу и поѣхали на пароходѣ по Днѣпру. Александръ Евстафьевичъ во все время нашего путешествія былъ душею общества; онъ очаровалъ всѣхъ своею простотою и любезностью. Посторонніе пассажиры жадно прислушивались къ его безпрерывнымъ разсказамъ и съ большимъ почтеніемъ заводили знакомство съ кѣмъ либо изъ нашей труппы.

Посрединѣ пути съ пароходомъ случилась катастрофа. По оплошности рулеваго онъ сѣлъ на мель и такъ неудобно, что, по объясненію капитана, нужно было нѣсколько часовъ работы, чтобы стащить его съ подводнаго землянаго бугра, въ который онъ врѣзался всею своей массивностью. Нѣкоторые нетерпѣливые пассажиры при посредствѣ лодокъ сошли на берегъ, немногіе спустились въ каюты, а наша компанія осталась на палубѣ. Во время этого происшествія плавнаго разговора не заводилось, а отрывочные скоро надоѣли, и наступало время отъ времени томительное молчаніе.

— А не покупаться ли намъ, господа?—въ одну изъ особенно продолжительныхъ паузъ воскликнулъ Мартыновъ.

— Ну, какое теперь купанье!—кто-то отозвался.

— Прекрасное! Поплескаться на открытомъ мѣстѣ—одинъ восторгъ... Только вотъ нужно попросить капитана, чтобы онъ насъ на берегъ высадилъ...

Обязательный капитанъ исполнилъ просьбу артиста, и Мартыновъ въ сопровожденіи небольшой группы смѣльчаковъ отправился на берегъ. Каратеевъ, во имя благопристойности, повелъ дамскій элементъ въ каюты и остался тамъ разыгрывать роль галантнаго кавалера. Я же, никогда не испытывавшій удовольствія отъ необъятныхъ морскихъ или рѣчныхъ ваннъ, остался на палубѣ скромнымъ наблюдателемъ храбрыхъ купальщиковъ.

Передъ входомъ въ воду, на берегу, какъ передавали мнѣ, происходилъ такой разговоръ между Мартыновымъ и его спутниками:

— Днѣпръ-то бушующій! страшно знакомиться съ нимъ,— замѣтилъ трусливо вообще храбрый нашъ трагикъ Горевъ-Тарасенковъ, рѣдкій типъ истаго провинціальнаго актера, олицетвореннаго Островскимъ въ его характерной комедіи «Лѣсъ» подъ именемъ Несчастливцева.

— Эхъ, ты! — насмѣшливо отвѣтилъ Александръ Евстафьевичъ.—Такой большой и съ такимъ маленькимъ мужествомъ!

— Ну, ты мнѣ этого не говори! Я не изъ-за себя, а изъ-за тебя больше... Плаваю я превосходно, изъ какой угодно глубины вынырну, а вѣдь твою силу любая волна перешибетъ, и пойдешь ты ко дну на подобіе топора...

— А вотъ я тебѣ покажу сейчасъ, какъ меня волны перешибаютъ!..

— Александръ Евстафьевичъ,—скромно замѣтилъ театральный машинистъ Ефремовъ,—вы осторожнѣе ныряйте, все дно покрыто скалами да камнями... и пороговъ много, какъ бы не закрутило...

— Вздоръ! Вѣдь я не первый разъ въ воду иду,—проговорилъ Мартыновъ и бросился въ Днѣпръ.

Его примѣру послѣдовали спутники, однако, державшіеся ближе къ берегу, а непослушный комикъ, молодецки разсѣкая волны, поплылъ къ серединѣ рѣки. Я съ палубы слѣдилъ за нимъ и наблюдалъ его хитроумныя эволюціи въ водѣ, для остальныхъ же купальщиковъ онъ сталъ незамѣтенъ. Вдругъ вижу я, Мартыновъ точно нырнулъ, но что-то долго не появляется на поверхности. Сердце инстинктивно екнуло... Вдругъ на секунду поднимается изъ воды его голова, и до меня доносится страшное слово:

— Помогите!

Еще черезъ секунду:

— Тону!

Я закричалъ всею силою своей груди:

— Спасайте! Спасайте! Тонетъ!...

И указалъ рукой то мѣсто, гдѣ Мартыновъ боролся съ рѣчною стихіей.

Самоотверженный трагикъ Горевъ-Тарасенковъ схватилъ у берега какую-то лодченку, подъѣхалъ къ захлебывавшемуся комику, ловко схватилъ его за шею и вытащилъ изъ воды.

Мой крикъ всполошилъ весь пароходъ, всѣ, бывшіе въ каютахъ, выскочили на палубу и, уже не обращая вниманія на праотцовскіе костюмы господъ купальщиковъ, съ сердечнымъ трепетомъ слѣдили за утопавшимъ Мартыновымъ. Многіе плакали и крестились...

Когда подвезли Александра Евстафьевича къ пароходу, онъ былъ безъ чувствъ. Его осторожно снесли въ машинную отогрѣваться. Положили на импровизированную постель, состоявшую изъ одѣяній кочегара, сердобольнаго малаго, пожертвовавшаго свое имущество для «отходящаго», какъ полагали въ первыя минуты происшествія. Потомъ Мартыновъ отлежался, пришелъ въ себя и со слезами на глазахъ благодарилъ всѣхъ за оказанную ему помощь и состраданіе, особенно признателенъ онъ былъ Гореву-Тарасенкову, который отвѣчалъ ему коротко:

— Дуракъ ты!.. Говорили—не слушалъ, ну, и дуракъ!... Самъ-то по глупости своей тони, наплевать, а за что же бы талантъ твой погибъ?...

По пріѣздѣ въ Кременчугъ, Мартыновъ прежде всего отправился въ церковь и отслужилъ благодарственный молебенъ. Изъ актеровъ одинъ я былъ вмѣстѣ съ Мартыновымъ въ храмѣ и видѣлъ, какія теплыя молитвы онъ возносилъ Господу за свое спасеніе; весь молебенъ онъ простоялъ на колѣняхъ и рыдалъ навзрыдъ...

VIII.

Отъѣздъ Мартынова изъ Кременчуга. — Отношенія Каратеева къ актерамъ вообще и въ частности ко мнѣ.—Моя ссора съ нимъ.—Послѣдній спектакль съ полиціей на сценѣ. — Буфетчикъ Симка. — Какъ онъ пріютилъ меня.—Его совѣты и помощь. — Антрепренеръ Зелинскій. — Ромны.—Елизаветградъ.—Н. Х. Рыбаковъ.—Какъ онъ женилъ меня.—Анекдоты про Рыбакова.

Съигравъ съ громаднѣйшимъ успѣхомъ нѣсколько спектаклей въ ярмарочномъ театрѣ и получивъ сполна весь долгъ съ Каратеева, Александръ Евстафьевичъ собрался уѣзжать въ Петербургъ, гдѣ ожидали его казенные спектакли.

Во все время пребыванія его въ нашей труппѣ, я чувствовалъ себя безконечно счастливымъ и спокойнымъ. Всѣ свободныя отъ театра минуты мы проводили съ нимъ вмѣстѣ, и надъ нашей искренно-братской дружбой легкомысленные люди пытались даже подсмѣиваться. Моя привязанность къ нему имѣла серьезныя основанія, благодаря тому, что онъ съ самаго перваго дня своего пріѣзда вспомнилъ меня, своего стараго сослуживца, приласкалъ и пригрѣлъ. Всего этого было достаточно для того, чтобы полюбить Мартынова всѣмъ сердцемъ, всей душой. Все время въ провинціи я былъ окруженъ чужими, черствыми, закаленными людьми, которые смотрѣли на меня, въ сущности, какъ на новичка, имѣющаго большой ходъ, не то чтобы очень непріязненно, но не безъ зависти, плохо скрываемой и обнаруживающейся при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ... Много дней пришлось переживать въ тяжеломъ раздумьѣ и мучительномъ сознаніи, что мой уходъ съ казенной сцены такая непростительная ошибка, что придется за нее платиться всею жизнью. Къ этому присоединилась тоска по Петербургу, по роднымъ, знакомымъ, и тягостное ощущеніе бездомничества, безпріютности, скитальческаго прозябанія въ захолустьяхъ. Я ужасался своего положенія, и вдругъ является ко мнѣ ангеломъ-утѣшителемъ Александръ Евстафьевичъ, ободрившій меня, отнесшійся ко мнѣ сочувственно, братски. Я опять окрѣпъ духомъ. За все это какъ же мнѣ было не цѣнить его, какъ же не боготворить? И на сколько правы тѣ, которые находили въ моей привязанности къ Мартынову тщеславную дружбу съ знаменитостью? Меня легко пойметъ тотъ, кто самъ испыталъ хоть какое нибудь одиночество; не говорю уже про закулисное одиночество, гдѣ подъ тяжестью интригъ и непріятностей задыхаешься безъ всякой надежды на благопріятный исходъ, и на выручку вдругъ являлся искренній, правдивый, сердечный человѣкъ...

Когда Александръ Евстафьевичъ сталъ сбираться въ Петербургъ, я снова захандрилъ; въ перспективѣ стало обрисовываться то же мучительное одиночество, безъ теплаго сердца, безъ ласковаго голоса; сѣрые люди, сѣрые дни...

Мартыновъ поѣхалъ на почтовыхъ. Провожать его никто не явился. Я помогалъ ему укладываться и отправился съ нимъ вмѣстѣ до первой станціи, на которой по русскому обычаю устроили «отвальную» и разъѣхались въ разныя стороны.

— Ты не скучай здѣсь, — сказалъ мнѣ при прощаньѣ Александръ Евстафьевичъ,—поиграй немного, да къ намъ и пріѣзжай...

— Гедеоновъ ни за что меня не приметъ, онъ не любитъ, когда сами со сцены уходятъ...

— Такъ-то такъ, но Богъ милостивъ,—пристроишься снова...

— Нѣтъ ужъ, чувствую я, что не бывать мнѣ больше въ Александринскомъ театрѣ...

— Вздоръ, ничего ты не чувствуешь, а блажишь только... Побывай въ Питерѣ, повидай генерала, но въ хорошую минуту повидай, и опять ты будешь нашимъ...

— Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается...

— Ну, если такъ отчаяваться ты будешь, то, конечно, изъ медвѣжьихъ угловъ на свѣтъ Божій никогда не выберешься. А ты прихрабрись и жди момента, таковой непремѣнно придетъ. У каждаго человѣка эти моменты бываютъ, да не каждый человѣкъ ими пользоваться умѣетъ. Распуститъ нюни, какъ ты, и все мимо себя пропускаетъ, между тѣмъ какъ за этотъ самый моментъ уцѣпиться надо, а онъ по сторонамъ ротозѣйничаетъ и дуракъ-дуракомъ стоитъ...

Являясь для другихъ моралистомъ, самъ Александръ Евстафьевичъ былъ въ жизни именно такимъ ротозѣемъ и никогда никакихъ не ловилъ моментовъ, о которыхъ онъ такъ горячо расписывалъ и которыхъ у него было много.

Чокнулся я съ Мартыновымъ послѣдней чаркой, поцѣловался и распростился. Сѣлъ онъ въ кибитку и поѣхалъ. Я долго слѣдилъ за нимъ, пока окончательно не скрылся изъ глазъ его дореформенный экипажъ; въ свою очередь и Александръ Евстафьевичъ, высунувшись на половину изъ кибитки, кивалъ мнѣ головой и махалъ клѣтчатымъ носовымъ платкомъ...

Послѣ отъѣзда Мартынова, Каратеевъ рѣзко измѣнился въ своихъ отношеніяхъ ко мнѣ. Онъ и вообще-то помыкалъ всѣми нами, давая каждому почувствовать, что онъ хозяинъ, а тутъ вдругъ и вовсе Титъ Титычемъ сдѣлался. Надо полагать, дѣйствовала на него чья нибудь товарищеская сплетня про меня. Не любя возраженій, а тѣмъ болѣе напоминаній относительно жалованья, во всѣхъ своихъ закулисныхъ дѣйствіяхъ онъ былъ крайне произволенъ, что̀, разумѣется, ожесточало противъ него служащихъ и возмущало даже самыхъ спокойныхъ изъ нихъ. Фундаментомъ его благополучія служили штрафы, которые онъ налагалъ за всякую бездѣлицу, за каждый незначительный промахъ, обыкновенно проходящій безслѣдно во всякомъ другомъ театрѣ.

Имѣя крайнюю нужду въ деньгахъ, являюсь я въ одно прекрасное утро къ антрепренеру и прошу его выдать часть слѣдуемаго мнѣ жалованья, которое онъ задержалъ мѣсяца за три.

— Нѣтъ у меня ни копѣйки!—грубо отрѣзалъ онъ.

— Я долгое время не безпокоилъ васъ, но теперь подошло такое время, что ѣсть нечего...

— А ужъ это не мое дѣло!

— Какъ не ваше? Я для васъ работалъ, вы задолжали мнѣ, благодаря чему я сижу безъ куска хлѣба...

— Другимъ я болѣе долженъ, да не требуютъ такъ назойливо...

— Я далеко не назойливъ, краснорѣчивымъ подтвержденіемъ чего могутъ послужить мои сапоги, износившіеся, отрепанные, которые при всей необходимости замѣнить новыми я не въ силахъ, опять же благодаря вамъ...

— Мальчишка!—возвысилъ голосъ Каратеевъ.—Ты еще смѣешь со мной разговаривать?

— Отчего мнѣ съ тобой не разговаривать?—такъ же грубо отвѣтилъ я ему.

— А! Когда такъ, я тебѣ ничего не долженъ! Понимаешь, ты съ меня не получишь ни одной копѣйки! Да еще по контракту прослужишь даромъ полгода...

Я тотчасъ же отправился къ полицеймейстеру полковнику Бобухову и просилъ его заступничества. Онъ принялъ меня очень хорошо, вошелъ въ мое положеніе и обѣщалъ свое покровительство. Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, Бобуховъ послалъ разсыльнаго за Каратеевымъ. Когда тотъ явился, полицеймейстеръ предложилъ ему нѣсколько формальныхъ вопросовъ и, между прочимъ, такой:

— Почему вы не платили Алексѣеву (въ Кременчугѣ я опять взялъ свою старую фамилію) три мѣсяца жалованья?

— Какъ не платилъ? — Каратеевъ состроилъ удивленную физіономію.—До копѣйки все выплатилъ...

— А его росписки въ полученіи у васъ имѣются?

— Росписокъ нѣтъ... да у меня вообще ихъ не существуетъ, всѣмъ на слово вѣрю...

— А если вы своимъ служащимъ вѣрите на слово, то зачѣмъ же съ ними контрактъ заключаете? То же бы на слово...

— Контракты дѣло другое...

— Вижу, вижу, что контракты для васъ дѣло другое... Я пригласилъ васъ къ себѣ для того, чтобы объявить вамъ, что контрактъ Алексѣева вами нарушенъ неуплатой своевременно слѣдуемыхъ ему денегъ, на основаніи чего съ этой минуты для Алексѣева онъ не имѣетъ никакой силы обязательства...

— То-есть какъ это контрактъ нарушенъ?

— А такъ, вы обязаны уплатить ему свой долгъ, а онъ продолжать службу у васъ не желаетъ...

— Этого нельзя. Сегодня назначенъ «Дезертиръ», и онъ въ немъ участвуетъ. Афиши расклеены съ его именемъ, а замѣнить эту пьесу другой я не имѣю возможности...

— Сегодня я съиграю, — замѣтилъ я Каратееву, — но прежде всего уплатите мнѣ жалованье...

— У меня нѣтъ денегъ...

— А мнѣ нечего ѣсть. На голодный желудокъ игра на умъ не идетъ...

— Я вамъ выплачу потомъ...

— Когда?

— Когда поправлюсь нѣсколько... Что я не останусь передъ вами плутомъ, даю честное слово при господинѣ полицеймейстерѣ...

Бобухинъ нѣсколько смягчился и сказалъ мнѣ:

— Ну, сегодня-то ужъ съиграйте!

Я согласился, но съ тѣмъ, чтобы для огражденія моей личности отъ непріятностей со стороны антрепренера, на сцену и въ уборную мою была поставлена полиція. Бобуховъ прикомандировалъ ко мнѣ трехъ нижнихъ полицейскихъ чиновъ и одного квартальнаго, которые не отходили отъ меня ни на репетиціи, ни на спектаклѣ.

Публика, узнавшая наше закулисное происшествіе и его подробности, сдѣлала мнѣ овацію, которая пришлась очень не по вкусу самолюбивому и мстительному Каратееву...

Въ концѣ концовъ я оказался въ крайне печальномъ положеніи: ни денегъ, ни квартиры, ни куска хлѣба. Каратеевъ слова своего не сдержалъ и мнѣ не выплатилъ ни одной копѣйки; квартирный срокъ давно минулъ, и я не считалъ возможнымъ злоупотреблять довѣріемъ хозяевъ далѣе. Я уже совсѣмъ было упалъ духомъ, но на выручку ко мнѣ явился нашъ театральный буфетчикъ, еврей Симка, очень добрый и сострадательный.

— Вамъ подложили свинью, — сказалъ онъ мнѣ, встрѣтясь со мной на ярмарочной площади.—И денегъ у васъ нѣтъ. Вѣдь нѣтъ?

— Нѣтъ!

— Ну, вотъ какъ я знаю все хорошо!.. А когда у человѣка нѣтъ денегъ, то у него нѣтъ и квартиры. Вѣдь такъ?

— Такъ!

— Видите, какъ я правъ!—самодовольно разсуждалъ Симка.— И нѣтъ такъ же обѣда, ему нечего кушать. Вѣдь правда?

— Совершеннѣйшая.

— Вы не глядите, что я такой, а я все отлично понимаю!

— Это дѣлаетъ тебѣ, Симка, честь...

Симка какъ-то особенно потоптался на мѣстѣ и, послѣ небольшаго молчанія, конфузливо произнесъ:

— А если у васъ ничего нѣтъ, то идите пока, на время, ко мнѣ пожить...

— Спасибо тебѣ, Симка, но зачѣмъ же я къ тебѣ поѣду, ты самъ человѣкъ бѣдный ..

— Не бѣдный я, у меня всего хватитъ... И если вы пойдете ко мнѣ, я васъ живо на мѣсто устрою...

— На какое же? — улыбнулся я своему неожиданному покровителю.

— Вы не смѣйтесь,—слегка обидѣлся Симка, — я не шучу. У меня есть очень хорошій знакомый антрепренеръ, Карлъ Михайловичъ Зелинскій, который скоро поѣдетъ мимо насъ на Ильинскую ярмарку въ Ромны...

Я перебрался къ Симкѣ. Онъ жилъ на окраинѣ города, въ какой-то вонючей трущобѣ, населенной сплошь нечистоплотными сынами израиля. Его семейство, состоявшее человѣкъ изъ пятнадцати, если только не больше, встрѣтило меня довольно радушно и на перебой угощало всевозможными еврейскими снѣдями, къ которымъ, при всей своей невзыскательности, особенно на голодный желудокъ, я не отважился прикоснуться.

Во время моего пребыванія у Симки, Каратеевъ дѣлалъ попытку помириться со мной, но я ее благоразумно отклонилъ, такъ какъ отъ дальнѣйшаго пребыванія въ его труппѣ трудно было ожидать чего либо хорошаго. Наконецъ, вскорѣ онъ и совсѣмъ собрался покинуть Кременчугъ и переѣхать обратно въ Кіевъ. Въ день отъѣзда парохода съ театральными дѣятелями, я получилъ приглашеніе яко бы отъ старыхъ своихъ товарищей повидаться съ ними и попрощаться на пароходѣ, но Симка меня предупредилъ:

— Не нужно съ ними прощаться. Не ходите на пароходъ.

— Почему?

— Они васъ заманиваютъ нарочно.

— Какъ нарочно?

— А такъ: какъ только войдете на пароходъ, Каратеевъ сейчасъ же прикажетъ тронуть его и отвезутъ васъ въ Кіевъ, а ужъ тамъ вы совсѣмъ пропадете. Кіевскій губернаторъ Бибиковъ къ нему благоволитъ, вашъ контрактъ признаетъ сохранившимъ свою силу, и пробудете вы у Каратеева въ кабалѣ до тѣхъ поръ, пока самъ онъ васъ не пожелаетъ отпустить.

— Ну, это вздоръ! Этого быть не можетъ...

— Можетъ! Оттого-то я васъ къ себѣ и переманилъ жить, что все можетъ быть. Въ прошломъ-то году точь въ точь, какъ я разговариваю, съ однимъ актеромъ произошло: взялъ онъ его обманно на пароходъ, да и промучилъ всю зиму... Тамошній губернаторъ до него очень ласковъ...

Запуганный Симкой, я такъ и не ѣздилъ прощаться съ своими

сослуживцами, какъ оказывалось, послушно плясавшими подъ антрепренерскую дудку.

Вскорѣ пріѣхалъ въ Кременчугъ антрепренеръ Зелинскій, съ которымъ познакомилъ меня все тотъ же услужливый и обязательный Симка, отказавшійся наотрѣзъ взять отъ меня за всѣ свои благодѣянія какую либо благодарность.

Зелинскій оказался очень сговорчивымъ и хорошимъ человѣкомъ. Онъ не воспользовался моимъ безвыходнымъ положеніемъ, эксплоатировать меня не сталъ, а наоборотъ отнесся ко мнѣ крайне сочувственно и совершенно потоварищески. Безъ всякихъ контрактовъ или условій онъ выдалъ мнѣ авансомъ нѣкую толику презрѣннаго металла и на свой счетъ повезъ меня въ городъ Ромны.

По пріѣздѣ въ Ромны, призвалъ онъ портнаго и приказалъ ему обмундировать меня, такъ какъ я во время пребыванія своего въ труппѣ Каратеева порядкомъ пообносился и поистрепался. Разумѣется, всѣ эти траты на мою персону онъ впослѣдствіи вычелъ изъ жалованья, но, тѣмъ не менѣе, это краснорѣчиво говоритъ въ пользу его.

Ильинская ярмарка дала изрядный барышъ Зелинскому. Впрочемъ, въ то приснопамятное время ни одно театральное предпріятіе не оканчивалось такими печальными результатами, какъ сплошь и рядомъ бываетъ теперь. Тогда самый маленькій городишко въ состояніи былъ выдерживать сезонъ за сезономъ и если не давать большихъ барышей антрепренеру, то во всякомъ случаѣ прокормить его труппу; теперь же получается въ итогѣ отъ самыхъ громадныхъ и даже признанныхъ театральныхъ городовъ значительный дефицитъ. То самое театральное дѣло, которое лѣтъ тридцать-сорокъ тому назадъ считалось очень выгоднымъ, теперь обезцѣнено до такой незначительности, что сколько нибудь состоятельныхъ охотниковъ на него не отыскать, а если и находятся въ наше время смѣльчаки, выступающіе въ качествѣ антрепренеровъ, то всегда безденежные и малодобросовѣстные, которые себя развязно подводятъ подъ поговорку: «ничего не имѣя, нельзя что либо потерять», а своихъ довѣрчивыхъ служащихъ приводятъ къ нищетѣ. Теперь въ провинціи нѣтъ антрепренеровъ, а слѣдовательно нѣтъ театровъ и нѣтъ артистовъ. Впрочемъ, многое-множество народа играетъ, кажется, нѣтъ такого города, въ которомъ не гостила бы какая нибудь кочующая труппа, но что это за исполнители, столичный житель и представить себѣ не можетъ!

По окончаніи Ильинской ярмарки, мы покинули Ромны и направились въ Елизаветградъ. Тутъ дѣла были тоже не дурны. Зелинскій одновременно держалъ два театра — елизаветградскій и николаевскій. Играли мы съ переѣздами: извѣстный промежутокъ времени пробудемъ въ Николаевѣ и ровно столько же въ Елиза-

ветградѣ. Благодаря періодамъ, мы не надоѣдали ни той, ни другой публикѣ, что благопріятно вліяло на сборы. Зелинскій былъ человѣкъ очень практичный и всякія благопріятныя обстоятельства уяснялъ превосходно. Онъ вѣрно расчиталъ, что ни тотъ ни другой городъ въ отдѣльности выдержать большой труппы не въ состояніи (а у Зелинскаго труппа была большая), но оба города въ складчинѣ не только покроютъ расходы, но даже и коекакую наживу дадутъ. Оно такъ и было.

Къ концу ярмарочнаго сезона въ Ромнахъ наша труппа увеличилась. Зелинскій выписалъ знаменитаго провинціальнаго трагика Николая Хрисанѳовича Рыбакова, типичнаго представителя закулисной жизни добраго стараго времени. Будучи всеобщимъ любимцемъ, Рыбаковъ приподнялъ сборы еще значительнѣе, такъ что Зелинскому больше ничего не оставалось дѣлать, какъ только потирать руки отъ удовольствія.

Во время своего совмѣстнаго пребыванія съ покойнымъ Николаемъ Хрисанѳовичемъ на одной сценѣ, а впослѣдствіи даже породнившись, мнѣ пришлось довольно близко узнать его и полюбить всѣмъ сердцемъ. Это былъ добрый, искренній, прямой и безхитростный человѣкъ, неоцѣнимый товарищъ и примѣрный семьянинъ. Обладая въ полномъ смыслѣ «артистической» натурой, то-есть будучи немножко на правахъ генія, онъ не питалъ достодолжнаго уваженія къ презрѣнному металлу и относился къ нему почти равнодушно. Николай Хрисанѳовичъ не зналъ «послѣдней копѣйки» и о завтрашнемъ днѣ совсѣмъ не думалъ. По своей безконечной добротѣ, онъ въ состояніи былъ снять съ себя единственный сюртучишко и отдать его неимущему, а про деньги и говорить нечего: если, бывало, жена не успѣетъ отобрать ихъ отъ него, то не смотря ни на какую ихъ значительность, онъ «протиралъ имъ глаза» въ самое непродолжительное время.

— Ты, кажется, бѣденъ! — говорилъ онъ въ такихъ случаяхъ какому нибудь собутыльнику или просто первому встрѣчному.

— Нельзя сказать, Николай Хрисанѳовичъ, чтобы очень богатъ былъ...

— Я, братъ, отлично все вижу и понимаю, потому что самъ я живу безъ достатковъ и претерпѣваю лишенія... Деньги тебѣ нужны, говори мнѣ прямо?

— Помилуйте, Николай Хрисанѳовичъ, кому по нынѣшнимъ временамъ деньги не нужны? Всѣ мы нуждаемся...

— За откровенность—спасибо!

— Какая же это откровенность,— изумляется собесѣдникъ:— это просто такъ, къ слову сказано...

— Все равно—спасибо! И за эту самую откровенность я тебѣ денегъ дамъ. Говори, сколько тебѣ надо?

— Что вы, что вы, Николай Хрисанѳовичъ, зачѣмъ я у васъ деньги стану брать! Не надо, не надо...

— Нишкни! Бери, если тебѣ, дураку, даютъ...

— Да съ какой же это стати?!.

— Молчать! Получай и прячь.

Такимъ образомъ и другому, и третьему, навяжетъ онъ свои заработанныя крохи и остается въ концѣ концовъ безъ гроша. Недобросовѣстные люди пользовались его характеромъ и жестоко его обирали, что, впрочемъ, не остерегало его отъ нихъ, и онъ охотно поддерживалъ съ ними дружбу.

Какъ всѣ «великіе» люди, Рыбаковъ имѣлъ свои маленькія слабости, впрочемъ, невыгодныя для него самого и безобидные для всѣхъ остальныхъ: выпить лишнюю чарку водки и поврать. Враль онъ былъ знаменитый, и его вранье, кажется, признано классическимъ. Про него существуетъ такая масса анекдотовъ, что если бы всѣ ихъ собрать да напечатать, то вышла бы объемистая книга, по своему содержанію нисколько не уступившая бы популярному барону Мюнгаузену, имя котораго стало европейскимъ синонимомъ...

Послѣ отъѣзда Мартынова, какъ я уже говорилъ, на меня снова напала тоска и не покидала долгое время. Рыбаковъ обратилъ вниманіе на мое удрученное состояніе духа и спросилъ:

— Чего это ты точно не въ своей тарелкѣ?

— Скучно.

— Почему же это тебѣ скучно?

— Такъ...

— Такъ только галки летаютъ! Ты не финти, а говори толкомъ и обстоятельно...

— Я оторванъ отъ дому, отъ родныхъ, отъ товарищей, здѣсь никого нѣтъ близкаго, все чуждо и постыло...

— А ты, дурень, въ кислоту-то не ударяйся! Подбодрись да расхаживай фертомъ...

— Не для чего?

— А не то женись, это иногда помогаетъ... Вдвоемъ-то веселѣе... право-слово, женись...

— На комъ?

— Мало на свѣтѣ бабъ существуетъ, что ли? Сколько угодно дуръ найдется... Да не хочешь ли я тебѣ свою свояченицу присватаю?

— Ну, гдѣ мнѣ жениться, я еще такъ молодъ...

— Молотъ, молотъ!—передразнилъ меня Рыбаковъ и скаламбурилъ:—молотъ-то въ кузницѣ, а ты человѣкъ, какъ человѣкъ... Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, женись ты на моей Варюшѣ, чего она въ дѣвкахъ сидитъ, давно бы пора ей семьей обзавестись... Вотъ послѣ репетиціи пройдемся-ка ко мнѣ...

— Ну, какой я женихъ, Николай Хрисанѳовичъ...

— Экій ты не сговорчивый, ужъ коли сказалъ женю, такъ непремѣнно женю, безъ этого дѣло не обойдется...

Послѣ репетиціи Рыбаковъ увелъ меня къ себѣ почти силой. Переступивъ порогъ квартиры, онъ своимъ зычнымъ голосомъ крикнулъ:

— Жена, Павлина Герасимовна, припасай водки!

— Ну, чего ты орешь! — послышался изъ сосѣдней комнаты голосъ жены, привыкшей такимъ образомъ усовѣщевать мужа.

— Водки, говорю я! Поздравлять нареченныхъ будемъ...

— Николай Хрисанѳовичъ! — шепнулъ я ему: — какъ же поздравлять-то, ни невѣста меня, ни я ее, еще не видали...

— Чего тутъ видѣть, всѣ на одинъ манеръ скроены... Ты, братъ, не шебарши, а повинуйся...

Въ этотъ визитъ я познакомился съ его свояченицей, Варварой Герасимовной, которая произвела на меня очень хорошее впечатлѣніе и своимъ характеромъ расположила въ свою пользу. Въ Елизавстградѣ я сдѣлалъ ей предложеніе, а въ Николаевѣ въ началѣ ноября женился.

Вотъ какимъ анекдотическимъ образомъ я сдѣлался семьяниномъ. Теперь кстати приведу нѣсколько забавныхъ фактовъ изъ жизни Николая Хрисанѳовича, совершившихся на моихъ глазахъ.

Павлина Герасимовна Рыбакова, отлично знавшая неукротимо-добрый нравъ своего супруга, отбирала отъ Николая Хрисанѳовича всѣ деньги, какія только у него случались. Иногда даже вмѣстѣ съ нимъ ходила получать его жалованье и зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы онъ не бралъ отъ антрепренера «въ счетъ будущей получки». Къ этому принудила ее безалаберная натура мужа, который, благодаря своей артистической беззаботности, очень часто заставлялъ семью терпѣть нужду и лишенія. Поэтому, когда деньги попадали въ руки Павлины Герасимовны, Рыбаковъ превращался самъ въ нуждающагося человѣка и выпрашивалъ у нея цѣлковые на карманные расходы. Но иногда, не довольствуясь рублемъ, онъ прибѣгалъ къ различнымъ замысловатымъ обманамъ и подъ разными благовидными предлогами выманивалъ бо́льшую сумму. Хотя эти обманы и не были рѣдкостью для Рыбаковой, но, тѣмъ не менѣе, они ему часто удавались. Объ одномъ изъ такихъ я и хочу разсказать.

Однажды Рыбаковъ говоритъ своей женѣ:

— Какъ ты думаешь, готовъ мой жилетъ или нѣтъ?

— Какой жилетъ?—изумляется та.

— Да вотъ тотъ, темный, высокій...

— Какой такой? Въ первый разъ слышу...

— Какъ въ первый? Да развѣ я тебѣ не говорилъ, что на той недѣлѣ я себѣ новый жилетъ заказалъ для бенефиса?..

— Ничего не говорилъ...

— Да но можетъ быть! Ты вѣрно забыла...

— Никогда ничего не забываю...

— Удивительно!..—пожимаетъ плечами Николай Хрисанѳовичъ и ласково прибавляетъ:—дай-ка мнѣ пять рублей, я пойду возьму его, навѣрное давно готовъ...

— Не врешь ли ты,— подозрительно вглядывается Павлина Герасимовна въ супруга, который храбро выдерживаетъ пристальный взглядъ, не моргнувши глазомъ.

— Вотъ тебѣ разъ!—хладнокровно замѣчаетъ онъ и ссылается на меня:—вотъ и Саша видѣлъ, какъ я съ портнымъ торговался. Онъ все время на семи рубляхъ стоялъ, а я больше пяти не давалъ... Саша, вѣдь при тебѣ я жилетъ заказывалъ?

— Не помню что-то,—конфужусь я,—кажется, безъ меня...

— Неужели забылъ? Еще въ это время ты, кажется, въ углу уборной на парикмахерскомъ столѣ сидѣлъ и роль училъ?

— Не другой ли кто былъ?..

— А, можетъ быть, кто и другой... ну, да это все равно, однимъ словомъ у меня свидѣтель имѣется... Ну, дай ты мнѣ, пожалуйста, пятерку... Какъ-то не ловко—жилетъ готовъ, а я не иду за нимъ.

— Промотаешь...

— Ну, вотъ тебѣ разъ! Если хочешь, я съ Сашей пойду: онъ будетъ благороднымъ свидѣтелемъ...

Получивъ деньги, Рыбаковъ позвалъ меня съ собой къ портному. Отправились. Но, дойдя до перваго трактира, завернули въ его гостепріимное помѣщеніе. Я было сталъ удерживать его.

— Не хорошо, говорю,—вѣдь мы къ портному пошли...

— Неужели ты принимаешь меня за дурака, который жилетъ себѣ заказываетъ?

— Истратишься, а жена будетъ сердиться...

— Не твое дѣло! Я умѣю съ ней разговаривать...

Пробыли мы съ нимъ въ трактирѣ часа два и израсходовали три рубля. Возвращаемся домой, уже нѣсколько навеселѣ. Павлина Герасимовна встрѣчаетъ его вопросомъ:

— А жилетъ принесъ?

— Нѣтъ, портного не застали дома...

— А деньги цѣлы?..

— Почти... Ахъ, если бъ ты знала, какое съ нами несчастіе случилось.

— Что такое?

— Только что вышелъ я съ Сашей отъ портного, какъ нападаютъ на насъ два замаскированныхъ разбойника. Выхватываютъ у меня пятерку, себѣ берутъ три, а мнѣ оставляютъ два рубля. Вотъ тебѣ и сдача, а кричать мы никакъ не могли, потому что они зажали намъ рты и къ виску пистолеты приставили.

Жена по обыкновенію махнула рукой и прекратила дальнѣйшіе разспросы.

Когда Рыбаковъ объявилъ Зелинскому, что ему нуженъ второй бенефисъ для того, чтобы справить пятидесятилѣтній юбилей своей артистической дѣятельности, атрепренеръ возразилъ:

— Ужъ не съ ума ли ты сошелъ, Николай Хрисанѳовичъ? Да развѣ есть пятьдесятъ лѣтъ, какъ ты играешь?

— Ну, и дуракъ же ты!—отвѣтилъ Рыбаковъ.—Развѣ доживу я до дѣйствительнаго юбилея? Надо раньше его справить... Двадцатипятилѣтіе-то я ужъ сколько разъ справлялъ, и всегда было очень весело...

Какъ-то передъ спектаклемъ разговорились актеры про казенные театры. Разговоръ былъ продолжительный и спорный.

— А отчего вы, Николай Хрисанѳовичъ, не попробуете на императорской сценѣ продебютировать?—спросилъ Рыбакова кто-то.

— Я ужъ почти дебютировалъ, — отвѣтилъ Рыбаковъ такимъ тономъ, послѣ котораго непремѣнно должно было слѣдовать вранье.

— Какъ такъ почти?

— А такъ. Донесъ кто-то великому князю Михаилу Павловичу, что существую я въ провинціи и всѣмъ трагикамъ носъ утираю. Вотъ онъ обрадовался и выписалъ меня въ Петербургъ. Пріѣзжаю я съ курьеромъ и прямо во дворецъ. «А, это ты», говоритъ великій князь. «Да, отвѣчаю, я». «Вотъ молодецъ, говоритъ, что пріѣхалъ, а я думалъ, что закапризничаешь». А я отвѣчаю: «никогда, ваше высочество, не капризничаю».

Рыбаковъ перевелъ духъ и гордо произнесъ:

— Вотъ какой мнѣ пріемъ былъ, даже теперь слеза донимаетъ!..

— Ну, а дальше-то что?—приставали къ разсказчику.

— Дальше-то мнѣ говоритъ Михаилъ Павловичъ: «ты будешь служить у насъ, но долженъ предупредить тебя, что Каратыгинъ очень завистливъ и будетъ интриговать». А я отвѣчаю: «ничего, если будетъ много шебаршить—побью». Потомъ и говоритъ: «онъ будетъ стараться не допускать тебя до дебюта, ты какъ нибудь подкрѣпись и не пей до перваго выхода, а потомъ валяй, какъ тебѣ будетъ угодно». Я пообѣщалъ, пошелъ въ гостинницу, остановился въ ней и сталъ роль зубрить. Зубрилъ, зубрилъ, выпить страхъ захотѣлось, но я крѣплюсь. Вотъ пообѣдалъ и все крѣплюсь. На другой день тоже крѣплюсь, а къ вечеру сталъ дьяволъ меня соблазнять.

— Какимъ образомъ?

— Вижу вдругъ я: въ печкѣ штофъ водки дрыгаетъ, то покажется, то опять вверхъ поднимется, и пищитъ какой-то жиденькій голосишко: «выпей, выпей, выпей». Крѣпился, крѣпился, не стерпѣлъ. Поймалъ этотъ штофъ и выпилъ. Приходятъ звать на ре-

петицію, а я еле языкомъ шевелю, ну, конечно, доложили Михаилу Павловичу. «Жаль, сказалъ онъ, Рыбакова, да ничего не подѣлаешь; а все это штуки Каратыгина». Меня отправили на казенный счетъ обратно въ провинцію, а Каратыгина за навожденіе на меня нечистой силы посадили на мѣсяцъ подъ арестъ... Вотъ такъ мое поступленіе и не состоялось...

Нужно ли прибавлять, какъ во все время его разсказа присутствовавшіе еле удерживались отъ смѣха, чтобы не разсердить Николая Хрисанѳовича, не любившаго недовѣрія къ своимъ словамъ, и какимъ хохотомъ они разразились въ концѣ-концовъ. На что Рыбаковъ только и крикнулъ:

— Дурачье! Побывали бы въ моей шкурѣ, такъ не до смѣху бы вамъ было...

Какъ-то участвуетъ Николай Хрисанѳовичъ въ драмѣ Лажечникова «Опричникъ». Онъ игралъ царя Грознаго. Въ нѣкоторыхъ сценахъ онъ такъ увлекался, что, забывъ совершенно про существованіе суфлера, дѣлалъ незамѣтно для себя громадныя вставки изъ «Бориса Годунова» Пушкина.

— Вы какой-то винигретъ изъ роли дѣлаете,—замѣчаютъ ему.

— Нѣтъ-съ, жарю по пьесѣ...

— Помилуйте, въ пьесѣ и намека на то нѣтъ, о чемъ вы разговаривали...

— Грознаго я наизусть знаю, дословно его играю...

— Вы цѣлые монологи изъ «Бориса Годунова» читали.

— А «Годунова» кто сочинилъ?—быстро нашелся Рыбаковъ.

— Пушкинъ.

— А кто «Опричника» написалъ?

— Лажечниковъ.

— Что же, по твоему, Пушкинъ-то не поважнѣе Лажечникова?!

Дальше спорить съ нимъ было нельзя.

Антрепренеръ Азбукинъ, у котораго служилъ Рыбаковъ, поѣхалъ на ярмарку и купилъ тамъ пьесу Н. Полевого «Уголино». Возвратясь къ себѣ, онъ принесъ ее на репетицію и похвастался актерамъ своимъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ.

— Она мнѣ дастъ роскошные сборы, — сказалъ Азбукинъ, — только жаль, что вскорѣ ее поставить нельзя.

— Почему?—спросилъ Рыбаковъ.

— Костюмная. Старинныя одѣянія нужны...

— Дай-ка ты мнѣ ее разсмотрѣть,—сказалъ Николай Хрисанѳовичъ, отбирая у Азбукина драму.

— Да ужъ вѣрно... дѣйствіе происходитъ въ Италіи, во время какой-то борьбы гвельфовъ и гибелиновъ...

— Ну, и врешь! — торжественно произнесъ Рыбаковъ.—Вовсе не въ Италіи, а въ Петербургѣ, и не въ старину, а въ наше время...

— Какъ такъ?—изумился Азбукинъ открытію трагика.

— А вотъ какъ! Читай-ка, что внизу написано: С.-Петербургъ, 1839 года.

— Да вѣдь это годъ и мѣсто отпечатанія книги.

— Это не твое дѣло. Ремарка есть, и ты не повиненъ... Пьеса современная и костюмы, значитъ, современные. Такъ и ставь, безъ всякихъ разсужденій...

А. Алексѣевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ТИПЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ[1].

IV.

«Пріятный мужикъ».

I.

ДОМА Алексѣй Ивановичъ?—спросилъ я у горничной, которая отворила мнѣ дверь.

— Дома-съ.

— Что онъ дѣлаетъ?

— Чай пьютъ.

— Одинъ?

— Нѣтъ-съ, съ Финогеномъ.

— Аѳиногенъ... Кто такой Аѳиногенъ?—спрашивалъ я, подымаясь по лѣстницѣ.

— Да мужикъ... дымковскій мужикъ.

— Мужикъ?

— Да-съ. Алексѣй Ивановичъ очень его любятъ и благоволятъ къ нему.

Алексѣй Ивановичъ Карауловъ служилъ судебнымъ слѣдователемъ и былъ молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати. Говорятъ, мужчина уже красивъ, если немного получше чорта. Благодаря такой снисходительной точкѣ зрѣнія, Карауловъ считался виднымъ женихомъ въ городѣ. Но онъ не думалъ жениться, очень удобно

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ XLVIII, стр. 374.

устроивъ свою жизнь, взявъ въ услуженіе бойкую и красивенькую горничную. Алексѣй Ивановичъ не любилъ общества, весь ушелъ въ свои служебныя занятія. Онъ былъ по натурѣ вполнѣ чиновникъ.

Я засталъ его въ столовой, за самоваромъ. По обыкновенію Алексѣй Ивановичъ сидѣлъ въ халатѣ и пилъ чай изъ аппетитной чашки, похожей скорѣе на миску.

— А-а! Это ты! — привѣтствовалъ онъ меня, протягивая мнѣ руку. — Садись, будемъ чай пить.

— Я ужъ напился.

— И еще можно. Я налью?

— Пожалуй, выпью стаканъ.

На углу стола, поодаль отъ хозяина сидѣлъ мужикъ. При моемъ появленіи, онъ быстро всталъ и отошелъ къ стѣнѣ, оставивъ чашку на столѣ и продолжая пить чай съ блюдечка.

«А, это Аѳиногенъ», — подумалъ я и внимательно посмотрѣлъ на мужика. Онъ мнѣ низко поклонился (но иначе, совсѣмъ съ другимъ оттѣнкомъ, чѣмъ кланялся Сидоръ), дохлебнулъ чай съ блюдечка, осторожно взялъ со стола чашку, вылилъ изъ нея остатки чая на блюдечко и, уже держа чашку въ рукѣ, сталъ опять пить чай.

Алексѣй Ивановичъ взглянулъ на меня и, замѣтивъ, что я разсматриваю его гостя, промолвилъ съ легкой улыбкой:

— А это, дружище, Аѳиногенъ Сырцовъ, изъ Дымкова. Мой пріятель, если хочешь. Я у него всегда и останавливаюсь, когда приходится быть въ Дымковѣ, или по близости. Живетъ онъ хорошо, порядки всѣ знаетъ, и вкусъ, привычки мои изучилъ. Славный мужикъ, — добавилъ Карауловъ уже тихонько.

Аѳиногенъ допилъ чай, мягко ступая, подошелъ къ столу и, опрокинувъ чашку бокомъ на блюдечко, поклонился Караулову.

— Покорнѣйше благодаримъ-съ, Алексѣй Ивановичъ.

— Пей еще!

— Ужъ довольно-съ, покорнѣйше благодаримъ-съ. Вдосталь, можно сказать, ублаготворились. Премного благодарны.

Пока онъ говорилъ все это, кланяясь, я еще внимательнѣе разглядѣлъ его.

Онъ былъ средняго роста, хорошо сложенъ, умѣренной полноты, только едва сообщавшей тѣлу пріятную округлость. Слегка удлиненное лице, съ правильными и тонкими чертами, было бѣло и чисто; щеки подернуты румянцемъ. Голубые глаза имѣли ласковое и угодливое выраженіе; густые свѣтлорусые волосы сочно напомажены и гладко причесаны; окладистая, свѣтлая борода придавала вмѣстѣ съ волосами степенный видъ его удивительно благообразной физіономіи. Слово «благообразный» лучше и болѣе всего опредѣляло его. Онъ говорилъ мягкимъ, немного вкрадчивымъ баритономъ, ласкавшимъ ухо; держался онъ солидно, степенно. На немъ была кумачевая рубаха, уже не новый, но крѣпкій «спинжакъ» изъ чор-

товой кожи и такіе же черные шаровары, заправленные въ высокіе сапоги бутылками. Изъ кармана пиджака торчалъ уголъ клѣтчатаго платка, которымъ онъ и началъ утирать вспотѣвшее лицо, отойдя снова къ стѣнѣ.

— Пей, если хочешь, не церемонься,—произнесъ Карауловъ.

— Нѣтъ, ужъ увольте... много вамъ благодарны-съ... я и то безъ церемоніи... потому какъ вы... очинно благодарны за ваше вниманіе, Алексѣй Ивановичъ, но...

Онъ не кончилъ, дополняя недосказанное поклономъ.

— Ну, какъ хочешь, не неволю,—сказалъ Карауловъ и обратился ко мнѣ. — Давно мы не видались, давно... что новаго? что подѣлываешь? никуда не ѣдешь?

— Пока нѣтъ. Вотъ порыбачить хотѣлъ бы съѣздить, люблю лучить рыбу, да не съ кѣмъ.

— А-а, ты все насчетъ рыбы. Охота же, право! Да чего же, поѣзжай вотъ въ Дымково: тамъ двѣ рѣки близко, лови себѣ на здоровье!

Карауловъ засмѣялся и взглянулъ на Сырцова. Тотъ также улыбнулся.

— Въ Дымково? — спросилъ я.

— Да. Вотъ и остановиться можешь у него,—кивнулъ пріятель головой на Аѳиногена:—домъ у него хорошій, удобно будетъ. Что, Аѳиногенъ, можно вѣдь такъ? — обратился онъ къ мужику.

— Съ нашимъ-съ удовольствіемъ, Алексѣй Ивановичъ, — поспѣшно произнесъ Сырцовъ:—очинно даже будетъ пріятно... услужить господамъ намъ завсегда лестно.

Я взглянулъ на него.

— Милости просимъ, — поклонился онъ мнѣ: — рады служить, чѣмъ можемъ. Ужъ угодимъ ли, не знаю, а служить рады.

— У тебя вѣдь есть и лодка,—замѣтилъ Карауловъ.

— Какъ же не быть-съ, даже двѣ, Алексѣй Ивановичъ: любую да лучшую. И удочки есть.

— И удочки?

— Все есть. Потому парни балуются на досугѣ... не для чего другаго, извѣстно, а такъ, для развлеченія.

— А рыбу вы лучите? — спросилъ я.

— По правдѣ, если сказать вамъ, этимъ не занимаемся, потому хлопотно... удочками такъ балуются парни, а чтобы лучить... нѣтъ! А только,—прибавилъ Аѳиногенъ:—все это я вамъ могу устроить.

— Ну, зачѣмъ же хлопотать, — возразилъ я.

— Помилуйте, что за хлопоты! Вблизи насъ, по рѣкѣ же, рыбаки живутъ... заправскіе значитъ. Они и мережей ловятъ, и закололъ... вотъ они и лучатъ рыбу. Я вашу милость къ нимъ и устрою; они съ удовольствіемъ, значитъ, потому заработать пріятно; ну, вы на чаишко имъ дадите малость.

— О, конечно! — поспѣшно согласился я.

— Ну, вотъ и чудесное дѣло-съ! Я васъ и устрою.

— Спасибо!

— Не на чѣмъ-съ, мы завсегда готовы и рады служить хорошимъ господамъ.

— Видишь, какой онъ у меня,—засмѣялся Карауловъ: — сейчасъ и устроитъ. Другой ничего не сдѣлаетъ, и не знаетъ, и не умѣетъ, ну, Аѳиногенъ—не то... за это и люблю я его.

— Премного довольны на вашей добротѣ и на похвалѣ, Алексѣй Ивановичъ,—осклабившись поклонился Сырцовъ: — не знаю ужъ, чѣмъ могъ заслужить такое вниманіе.

— Ну, ладно, ладно,—улыбнулся милостиво Карауловъ:—точно мало ты дѣлалъ для меня. Да, такъ вотъ что, Аѳиногенъ,—прибавилъ онъ дѣловымъ тономъ:—о чемъ ты просишь, я сдѣлаю. Я отпущу его на поруки. Только гляди—ты ручаешься!

— Ахъ, да какъ же, Алексѣй Ивановичъ: извѣстно, моя голова въ отвѣтѣ. Ужъ будьте спокойны, не сумлѣвайтесь.

— То-то, смотри!

— Будьте благонадежны. Понимаю-съ! Ужъ не знаю, какъ и благодарить васъ, Алексѣй Ивановичъ. Вѣчные мы должники передъ вами.

— Ну, сочтемся, услужишь и ты мнѣ.

— Охъ, и чѣмъ ужъ, право, отслужу вамъ. Такъ-то вы, такъ-то...

Онъ не кончилъ, какъ бы отъ полноты взволнованныхъ чувствъ, и низко поникъ головой, придавая своему лицу еще болѣе благообразія, если только можно такъ выразиться.

— Такъ я ужъ пойду, Алексѣй Ивановичъ? — произнесъ онъ черезъ минуту, подымая голову и встряхивая русыми волосами.

— Иди, такъ и скажи. Я завтра же, а, можетъ быть, и сегодня сдѣлаю распоряженіе.

— Чувствительно благодарны, Алексѣй Ивановичъ! Прощенья просимъ, счастливо оставаться!

Онъ низко поклонился, но не протянулъ руки. Карауловъ сдѣлалъ было движеніе, какъ бы хотѣлъ подать руку Сырцову, но не подалъ, а только промолвилъ:

— Прощай, Аѳиногенъ! Кланяйся женѣ.

Аѳиногенъ молча еще разъ поклонился ему и мнѣ и вышелъ изъ комнаты почти не слышно.

— Хитрый мужикъ, кажется,—замѣтилъ я Караулову съ улыбкой, когда вышелъ Аѳиногенъ.

— Хитрый? Ну, нѣтъ... можетъ быть, немного, а только онъ услужливъ очень, славный мужикъ и любитъ меня. Ну, и я съ нимъ обращаюсь... даю понять, что цѣню его услуги: останавливаюсь у него, обѣдаю...

Карауловъ усмѣхнулся.

— Знаешь, какъ онъ цѣнитъ, напримѣръ, то, чтобы ему руку подавали... Ну, я изрѣдка и дѣлаю это. Да и что же... нынѣ свободные, всѣ равные. А онъ и стоитъ: пріятный мужикъ, можно сказать.

— Ты думаешь, онъ исполнитъ все, что обѣщалъ мнѣ?—спросилъ я Караулова.

— О, еще бы! Конечно! Онъ не пустомеля. Да и ты мой пріятель. Ужъ по одному этому—не обманетъ. Онъ, говорю тебѣ, меня очень любитъ. Онъ услужливъ вообще, но меня выдѣляетъ... надъ докторомъ немножко и посмѣивается. Онъ умный мужикъ, надо сказать... все понимаетъ! Доктора, напримѣръ, онъ изучилъ до тонкости тоже и трунитъ... Ну, а меня любитъ и уважаетъ. Ты смѣло можешь ѣхать!

— Это хорошо,—сказалъ я.

Мы поговорили еще немного, и я ушелъ. Въ сѣняхъ и на крыльцѣ я встрѣтилъ толпу мужиковъ, вызванныхъ Карауловымъ по какому-то дѣлу.

II.

Отъ города до Дымкова около двадцати верстъ. Я хотѣлъ было нанять обывательскихъ, но случайно попался мужикъ изъ Босова, деревни, лежащей недалеко отъ Дымкова. Я зналъ Егора, у него раза два мой дядя покупалъ сѣно.

— Ты съ чѣмъ?—спросилъ я Егора, отвѣчая на его поклонъ.

— Да такъ, по своимъ дѣламъ, Ликсандръ Васильевичъ... ну, купить кой-что.

— А когда домой?

— Да севодни же и домой, прохлажаться неча, время, какъ самъ знаешь, дорого, коли бы не нужда, и не поѣхалъ даже.

— Такъ вотъ что: не довезешь ли ты меня до Дымкова?

— До Дымкова? а что же, и довезу. Для ча не довезти. Оно чуточку въ сторону будетъ, ну, да ты не обидишь, на чаишко прибавишь.

— А не на водку?—разсмѣялся я.

— Ни! Къ праху ее совсѣмъ. Чуть было она, проклятая, совсѣмъ не сгубила меня.

— Ну? что же такое?

— Да лонись выпимши былъ и курилъ, чуть сарай не спалилъ... и самъ-то не сгорѣлъ... благодареніе Создателю, еще Дунька во время прибѣгла, а то бы бѣда бѣдущая! Ну, ее къ ляду—водку! А чай—спасенное дѣло!

Мы сторговались, и около полудня я отправился съ Егоромъ въ Дымково.

Егоръ—мужикъ словоохотливый. Онъ еще не старый, лѣтъ ему подъ пятьдесятъ, но онъ такъ сохранился, что на видъ ему и со-

рока не дадите. Ни одного сѣдаго волоса, зубы бѣлые, крѣпкіе, держится прямо, бодро. Однимъ словомъ—молодецъ молодцомъ.

Я замѣтилъ ему это. Онъ улыбнулся и промолвилъ, дергая возжами:

— Не ты первый говоришь это, Ликсандръ Васильевичъ. Слава Богу, оно дѣйствительно крѣпокъ я; робить начну — молодому не уступлю. Косить ежели—право слово—въ потъ вгоню любаго. Ну, и сила... вотъ тебѣ сколько лѣтъ? тридцать, поди, не болѣе... есть тридцать-то?

— Есть.

— Ну, а я тебя подберу любо-дорого. Жилъ какъ-то баринъ у меня, на дачѣ, такъ будемъ говорить. Такъ все за книжкой, все за книжкой, ну, и стало, въ родѣ тебя: такой же сухопарый, изъ лица-то темный. Такъ я его, смѣючись, какъ-то одной рукой свалилъ. Потому вы все на книжкѣ, а мы по своей части... оно и тяжело, да, видать, здоровѣе.

— Вотъ и я ѣду отдохнуть, порыбачить,—сказалъ я.

— Такъ, такъ... что-жъ, дѣло пріятное. По ребячеству и я лютъ былъ до рыбы, ухъ какъ лютъ: умиралъ на плотахъ, ни ѣды, ни питья не надо—все бы ловилъ.

— А теперь?

— Ну, а теперь некогда, работы вдосталь—только успѣвай.

— И Аѳиногенъ не ловитъ?

— Ѳиногенъ? Это Сырцовъ?

— Да.

— Ни... Какая ему ловля! Ребята балуются, а ему гдѣ-жъ... нѣшто досужно! А ты у него пристанешь?

— У него.

— Такъ. Что-жъ, это хорошо, потому у него удобно: изба просторная... есть и новая совсѣмъ горница, чистая... недавно пристроена.

— Значитъ, онъ богато живетъ?

— Какъ тебѣ молвить, не то чтобы богатѣй какой, а хозяйственно живетъ, ну, и копѣйка какая водится... Это точно. Онъ, Ликсандъ Васильевичъ, мужикъ разсудительный, сладкій мужикъ!

— Какъ сладкій?—засмѣялся я.

— А такъ же. Умѣетъ, значитъ, принять и слово ко времени молвить... Мозговитый мужикъ. Ты думаешь, зачѣмъ онъ горницу-то пристроилъ?

— Зачѣмъ?

— А все по этому самому, чтобы было куда принять. Онъ линію ведетъ далеко.

— То-есть, какъ же это?

— А такъ. У него всѣ господа пристаютъ: слѣдственникъ (судебный слѣдователь) пріѣдетъ—у него, докторъ—къ нему, стано-

вой ему кумомъ доводится даже. И самъ Митрій Семеновичъ не обижаетъ, останавливается.

— Кто это Дмитрій Семеновичъ?

— А предсѣдатель. Баринъ большой, енералъ, его и попъ побаивается, потому у губернатора—свой человѣкъ... понимай это!

— Вотъ какъ.

— Да-а... Ну, и онъ у Ѳиногена раза два, кажись, приставалъ; хозяйкѣ даже платокъ купилъ, а мальчишлѣ—рубль серебряный... Это какъ ты думаешь?

— За что же?

— А потому—любитъ Ѳиногена. Ну, и Ѳиногенъ это чувствуетъ, и завсегда, значитъ, съ послугой. Одинова вотъ барчукъ наѣзжалъ— сынъ Митрія-то Семеновича, обучается разнымъ наукамъ въ Петербургѣ, скубентъ, стало быть. Вотъ онъ наѣзжалъ. Такъ Ѳиногенъ цѣлыхъ три дня, если не больше, все съ нимъ возился: и на охоту ходилъ, и на рыбной ловлѣ, и угощеніе. Умѣетъ онъ угодить господамъ, ну, и тѣ его возлюбляютъ и отличаютъ. Самъ я, Ликсандъ Васильевичъ, видѣлъ, хошь побожиться, какъ ему руку господа подаютъ, — дохтуръ, слѣдственникъ, да и не они, а ужъ нашто важный баринъ Митрій Семеновичъ, а и онъ съ нимъ за руку... А барчукъ-то, такъ тотъ даже на вы, все на вы, да на вы, и не просто Ѳиногенъ, а Ѳиногенъ Карповичъ, да Ѳиногенъ Карповичъ, такъ и величаетъ! Вотъ оно и понимай!

— Пріятный, стало быть, мужикъ Аѳиногенъ? — произнесъ я, припоминая слова Караулова.

— Вотъ, вотъ, правильно ты молвилъ: именно пріятный, всѣмъ угодитъ.

— А изъ-за чего хлопочетъ? Я думаю, ради выгоды?

— Ну, само собой,—воскликнулъ Егоръ: — онъ свой антересъ соблюдаетъ, убытка не бываетъ. Знаешь пословицу: ласковый теленокъ двухъ матокъ сосетъ, такъ-то вотъ и Ѳиногенъ. Онъ господамъ, и они ему. Что попросить, сдѣлать—это ему сейчасъ: кому другому—ни, ни, а ему можно! Былъ у него споръ какъ-то насчетъ покоса. Сейчасъ это онъ, Ѳиногенъ, къ Митрію Семеновичу, а тотъ къ справнику, ну, а справникъ становому, молъ, такъ, и такъ... Ну, и что же: по его вышло! Нну, ты, чего въ лѣнки-то!—закричалъ онъ на лошадь.—Упарилась! Отдохнешь, погоди... Ну, ну!

Онъ задергалъ возжами, и лошадь опять затрусила.

— Много еще осталось?—спросилъ я Егора.

— А ужъ не больно, почитай... Верстъ восемь отмахали... вотъ какъ мызу проѣдемъ, ровно половина будетъ.

Я прилегъ на телѣгу и скоро незамѣтно для себя заснулъ. Когда я пробудился отъ сильнаго толчка, до Дымкова оставалось уже не болѣе версты.

III.

Почти въ одно время съ нашей телѣгой къ воротамъ Аѳиногеновскаго дома подъѣхалъ тарантасъ, запряженный парой земскихъ лошадей. Въ тарантасѣ сидѣлъ высокій плотный блондинъ, съ широкимъ, добродушнымъ лицомъ и съ апатичными узенькими голубыми глазами.

— Ба, кого вижу!—закричалъ блондинъ.

— Докторъ, вы откуда?

— Отъ больныхъ и къ больнымъ, а то, если хотите, отъ здоровыхъ къ здоровымъ, ха-ха-ха.

Онъ смѣялся какъ-то вяло. И его манеры и говоръ обличали въ немъ сразу семинариста.

— А вы откуда?—произнесъ онъ снова, вылѣзая изъ тарантаса и протягивая мнѣ руку.

— Изъ города.

— А зачѣмъ вы сюда, къ нашему другу-пріятелю?

— Пожить здѣсь хочу.

— Ужъ не матеріалъ ли хотите набрать?

— Можетъ быть,—усмѣхнулся я.

— Валяйте, опишите его, дипломата дымковскаго, изобразите, пусть... а-а, вотъ и онъ! Ишь лице какое умильное, точно ему чинъ дали, а въ душѣ, поди, клянетъ насъ обоихъ, а если не обоихъ, такъ меня въ единственномъ числѣ. Такъ я говорю, Аѳиногенъ Карповичъ?—обратился онъ къ Сырцову, подходившему къ намъ.

— Што вы, Герасимъ Спиридоновичъ, какъ можно. Обижаете меня! Мы съ хозяйкой завсегда рады вамъ.

— Ну, ладно, ладно, говори, Бисмаркъ. А вотъ я тебя сейчасъ огорошу. Что, пива, поди, нѣту?

— А вотъ и не угадали, Герасимъ Спиридоновичъ, есть. Пожалуйте въ горницу. Хозяйка ужъ самоваръ ставитъ, и чаекъ, и пивцо—все имѣется.

— Ахъ, Аѳиногенъ, и у кого ты только научился всему,—промолвилъ докторъ, хлопнувъ Сырцова по плечу.

Такая шутка, видимо, была пріятна Аѳиногену.

— Вы про что это, Герасимъ Спиридоновичъ?—промолвилъ онъ.—Мы люди простые, на мѣдные гроши обучены, а если что, такъ по истинѣ, отъ всего сердца... Ужъ не обезсудьте!

Онъ говорилъ это, подымаясь за нами по лѣстницѣ въ чистую горницу. Она была только-что отстроена, пахла свѣжимъ «лѣсомъ» и выглядѣла не обыкновенно бѣленькой и свѣтлою. Новыя лавки, большой столъ, три деревянныхъ стула и широкая деревянная кровать.

— Совсѣмъ номеръ уѣздной гостинницы, пожалуйте рубль цѣлковый въ сутки,—смѣясь, промолвилъ докторъ, сбрасывая пальто и фуражку на кровать.—Что ты гостинницы не откроешь, а?—добавилъ онъ, опускаясь грузно на стулъ.

— Зачѣмъ, Герасимъ Спиридоновичъ? Мы не для этого, я значитъ для того, чтобы хорошимъ господамъ лѣтомъ было поспособнѣе: не жарко и мухъ не столь много, а то гостинницу... Шутники вы, право! А на долго ли, дозвольте спросить, Герасимъ Спиридоновичъ.

— А что? за пиво боишься?

— Скажете,—махнулъ рукою Сырцовъ, какъ бы довольный и счастливый новой шуткой доктора:—пива хватитъ, а я на счетъ иного-прочаго, можетъ, что нужно, такъ я въ село спосылаю, у насъ гдѣ же!

— Ну, и у тебя найдется, куръ не мало!

— Это точно, куры есть, и если супикъ куриный, это можно.

— Нѣтъ, братъ, спасибо, оставь до слѣдующаго раза, осчастливлю, а теперь я сегодня же уѣду: вотъ только пивца попью и въ путь.

— Такъ, такъ, а я думалъ поживете, обрадовался было... а вы и на отлетъ.

— Вотъ что, Аѳиногенъ, поешь ты сладко, а всетаки твои рѣчи не пиво, тащи его скорѣе.

— Сей минутъ, Герасимъ Спиридоновичъ, и чаекъ и пиво будетъ.

Онъ поспѣшно вышелъ изъ горницы, и въ сѣняхъ раздался его громкій голосъ: жена, а жена, подь-ка скорѣй.

Дальше ужъ ничего не было слышно. Докторъ зѣвнулъ и промолвилъ, доставая портсигаръ:

— И усталъ же я: всю ночь не спалъ.

— Отъ труднаго больнаго вы?

— Какой тамъ больной? Къ Маисову заѣхалъ, и всю ночь провинтили, двадцать рублей я выигралъ, ха-ха-ха. А вы въ самомъ дѣлѣ зачѣмъ къ этому соловью пріѣхали, а?

— Порыбачить хочу.

— Ну?

— Ну, и все.

— Да какой же онъ рыбакъ, квартальный съ вами!

— Не онъ; онъ только меня устроитъ, къ рыбакамъ свезетъ.

— А-а, и давно вы съ нимъ знакомы?

— Недавно, я его встрѣтилъ у Караулова.

— Тэ-тэ-тэ! понимаю теперь все. Ну, онъ устроитъ вамъ, это вѣрно. Онъ—мужикъ дипломатъ и честолюбивый.

Явился Аѳиногенъ съ четырьмя бутылками пива и съ двумя стаканами.

— Можетъ, и вы выкушаете?—промолвилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

Я наотрѣзъ отказался.

— Напрасно,—замѣтилъ докторъ.—Пиво—чудеснѣйшій напитокъ, не такъ ли, Карповичъ?

— Справедливо, Герасимъ Спиридоновичъ. Холодненькое пивцо—пріятно въ жару.

— Какъ и ты самъ пріятный человѣкъ,—засмѣялся врачъ.

Аѳиногенъ усмѣхнулся и обратился ко мнѣ:

— А вамъ сейчасъ чаекъ когда, и баранки вкусныя. Точно зналъ, вчера купилъ на селѣ. Пойду, потороплю бабу.

И онъ тихими шагами вышелъ изъ комнаты.

— Видите, какъ ходитъ, да говоритъ сладко,—сказалъ докторъ, отхлебывая пиво и указывая глазами на дверь, куда скрылся Аѳиногенъ.

— Услужливый мужикъ,—замѣтилъ я.

— Дипломатъ! Вотъ вашъ пріятель Алексѣй Ивановичъ имѣетъ простодушіе вѣрить въ искренность его чувствъ. И пусть вѣритъ на здоровье, а я понимаю истину, а, всетаки, скажу — пріятный мужикъ и съ нимъ хорошо имѣть дѣло.

— Я думаю, онъ все это изъ выгоды?

— Конечно, не безъ расчета. Мужикъ вѣдь нашъ вообще практикъ, только Аѳиногенъ не изъ одной выгоды... Честолюбивъ онъ, самолюбивъ посвоему!... Ему лестно, что господа его не гнушаются, а компанію ведутъ, останавливаются... Знай-де нашихъ: мы знакомство ведемъ съ чиновными особами!... Самъ генералъ бываетъ... Разговору ему и бахвальства послѣ посѣщеній, напримѣръ, предсѣдателя — на полгода хватитъ... Ужъ одно то, что ему руку жмутъ — его какъ подымаетъ!... Разъ ему предсѣдатель нашъ папиросу далъ, и они вмѣстѣ курили, хотя Аѳиногенъ и стоялъ, а все же курилъ... если бы вы видѣли его... Эхъ, жаль, что не пріѣхалъ сегодня генералъ-то, либо исправникъ, посмотрѣли бы вы, какъ заходилъ бы нашъ Аѳиногенъ... Да-а, честолюбивый мужикъ!... Знаете: есть люди, любящіе вставлять въ разговоръ: «когда и я былъ за границей»... Аѳиногенъ же любитъ вставлять: «когда у насъ былъ... такой-то»... Генералъ, конечно, на первомъ мѣстѣ, а засимъ и мы всѣ значеніе имѣемъ... Вотъ про васъ будетъ говорить: «когда-де былъ питерскій господинъ...».

Я засмѣялся.

— Вѣрно, вѣрно!—произнесъ докторъ:—изъ-за чего же и старается!.. Ужъ выгода само собой, и она не на первомъ планѣ... И далеко не всегда она нужна...

Толстая баба внесла большой самоваръ, за нею маленькая дѣвушка подносъ съ посудой, съ баранками на тарелкѣ, а Аѳиногенъ замыкалъ шествіе.

— А ты что же одинъ стаканъ принесъ?—спросилъ я.

— Да Герасимъ Спиридоновичъ не желаютъ кушать,—отвѣтилъ Аѳиногенъ.

— А ты самъ? Я безъ тебя и пить не буду.

— Очинно благодаренъ! Если угодно вамъ, отчего же? Я хоша и пилъ, да вѣдь что же: чай на чай, не побои на побои. Глашка, а Глашка, — крикнулъ онъ въ догонку дѣвушкѣ: — принеси-ка стаканъ!

— Да будетъ тебѣ хлопотать, садись,—сказалъ докторъ.—Чего ты все хлопочешь?

— Какъ же не хлопотать-то, Герасимъ Спиридоновичъ, я вѣдь радъ васъ видѣть...: а тутъ вотъ еще и они впервой,—какже для дорогихъ гостей, да не похлопотать. Да и какіе мои хлопоты! И угостить нечѣмъ, какъ бы слѣдовало, стыдъ просто.

— Давно становой былъ?—спросилъ докторъ.

— Не такъ чтобы давно, по дѣлу проѣзжали, ну, и не обидѣли, завернули, чайку попили, да вотъ стойно васъ бутылочку пивца выпили, пошутили... Сами знаете, характера они веселаго... ужъ на что моя хозяйка не любитъ смѣха, а и ту распотѣшили... «ой, говоритъ, Иванъ Ивановичъ, вы хошь мертваго разсмѣшите», истино такъ.

— Да-а,—согласился докторъ:—Ивана Ивановича хлѣбомъ не корми, а дай зубы поточить.

— Веселаго характера,—повторилъ Аѳиногенъ.—Какъ уѣдутъ, такъ даже скучно безъ нихъ въ домѣ станетъ, право.

— Ну, а генералъ не былъ? — промолвилъ докторъ, подмигнувъ мнѣ.

— Не проѣзжали, давненько не проѣзжали, а то бы безпремѣнно у меня остановились. Никогда не проѣдутъ, не обидятъ. Вамъ какъ прикажете налить,— обратился онъ ко мнѣ: — пожиже или покрѣпче?

— Не крѣпкій.

— Не возлюбляете крѣпкаго?

— Сердце бьется отъ него сильно... вредно мнѣ!

— А-а!.. Такъ, такъ!... А мы вотъ не понимаемъ ничего, и пьемъ крѣпкій, скуснѣе будто!...

— Отъ крѣпкаго чая цвѣтъ лица портится,—пошутилъ врачъ.

— Вотъ оно!—разсмѣялся Аѳиногенъ...—А мы этого не боимся... Какое бы ни было лице—все одно...

И онъ осторожно налилъ чаю на блюдечко.

— А гдѣ бы мнѣ соснуть, пріятный ты человѣкъ?—произнесъ докторъ.—Я, братъ, спать хочу...

— Да вотъ же кровать!—указалъ я.

— А вы-то?

— Я не лягу...

— Ну, чай роспивать будете... гдѣ же тутъ спать!

Я успокоилъ его, сказавъ, что пить буду немного, и сейчасъ же уйду гулять... Онъ остался доволенъ и растянулся на широкой кровати.

Спустя полчаса, докторъ уже храпѣлъ. Мы осторожно вышли изъ горницы.

— А то и вы бы соснули?—предложилъ Аѳиногенъ.

Мы стояли въ сѣняхъ.

— Вотъ тутъ,—указалъ онъ на лежавшій у стѣны сѣнникъ:— чудесное дѣло: не жарко и ни одной мушки...

Соблазнило ли меня предложеніе, или я только сейчасъ вдругъ почувствовалъ усталость, но я не пошелъ гулять, а легъ отдохнуть.

— Только я не усну, а полежу,—сказалъ я.

— И то чудесно... Косточки отдохнутъ, члены порасправите... А я въ ту пору кой-что по дому похлопочу... Встанетъ Герасимъ Спиридоновичъ, отдохнете, и закусить пора будетъ...

И онъ ушелъ куда-то... А черезъ нѣсколько минутъ и я спалъ также крѣпко, какъ докторъ.

Я пробудился отъ тихаго разговора... Со мной всегда такъ случается: подъ шумъ я могу спать, а заговорятъ шепотомъ, я проснусь.

Сначала я ничего не могъ понять, но потомъ сообразилъ, что это разговариваетъ Аѳиногенъ съ женою въ избѣ, дверь въ которую была пріотворена... Я началъ прислушиваться.

— Не долго нонѣ поживетъ, сегодня и ѣдетъ, — промолвилъ Аѳиногенъ.

— И слава Богу,—отвѣтилъ женскій голосъ:—а то пиво трескаетъ, какъ воду, не напасешься!

— Тише ты!—остановилъ мужъ:—вѣдь этотъ здѣсь спитъ... въ сѣняхъ.

— Ахъ, что-бъ его... Зачѣмъ еще онъ? На долго ли? И на кой прахъ!... И самъ-то слѣдственникъ надоѣлъ... пріѣдетъ, и что у себя дома будто...

— Рыбу ловить пріѣхалъ, говорилъ вѣдь тебѣ! А ты молчи, коли не понимаешь!

— Долго ли, говорю, проживетъ-то? Не понимаю!.. Ты понимаешь, небось! Ну?

— А кто-жъ его знаетъ, сколько... Его дѣло!..

— Эдакъ онъ и нивѣсть сколь проживетъ!—опять громче воскликнула жена съ досадой.

— Да тише ты, чего горло-то распустила! — остановилъ снова мужъ.

— Спитъ онъ!

— Спитъ! А все же надо... знаешь... пріятель слѣдователя, ну, и...

Нѣсколько фразъ я совсѣмъ не уловилъ.

— Ну, полно тебѣ, не объѣстъ!—поймалъ я опять слова Аѳиногена.

Отвѣта жены я не понялъ... Не знаю, что было бы дальше, но я неожиданно чихнулъ.

— Тс! никакъ проснулся! — промолвилъ Аѳиногенъ и, выйдя изъ избы, плотно захлопнулъ дверь.

Но я нарочно притворился спящимъ.

Скоро, однако, проснулся докторъ. Всталъ и я... Опять сладко запѣлъ Аѳиногенъ и началъ упрашивать доктора закусить. Но тотъ отказался, спѣша попасть въ пунктъ... Мнѣ вдругъ тоже не захотѣлось оставаться у «пріятнаго мужика», и я попросилъ его довезти меня до рыбаковъ.

— Нѣтъ ужъ, какъ вамъ угодно, а такъ въ сухую нельзя-съ. Мнѣ и передъ Алексѣемъ Ивановичемъ стыдно будетъ... какъ можно...

Дѣлать было нечего: я остался закусить. Но послѣ закуски, не смотря на то, что наступилъ уже поздній вечеръ, я, всстаки, уѣхалъ къ рыбакамъ.

Аѳиногенъ замѣтно удивился моему быстрому отъѣзду и даже какъ бы испугался. У него, видимо, мелькнула мысль: «не подслушалъ ли я разговоръ?». Я постарался разбить его подозрѣніе, обѣщаясь непремѣнно заѣхать послѣ «лученія». Но я не заѣхалъ.

— Ну, что, не правда ли: преуслужливый мужикъ? а? —спрашивалъ меня потомъ Карауловъ.

— Да,—усмѣхнувшись, отвѣтилъ я.

— Пріятный мужикъ!—повторилъ Алексѣй Ивановичъ.

«Если бы ты зналъ», — подумалъ я. Мнѣ вдругъ захотѣлось все разсказать пріятелю. Но я удержался. Зачѣмъ?

Я скоро уѣхалъ изъ города, гдѣ жилъ мой пріятель.

Недавно я получилъ письмо отъ него. Онъ пишетъ, что Аѳиногенъ на верху блаженства. Случайно въ день его именинъ проѣзжалъ черезъ Дымково генералъ и заѣхалъ на пирогъ...

А. Кругловъ.

КНЯЗЬ БАГРАТІОНЪ НА ДУНАѢ ВЪ 1810 ГОДУ.

Имя князя Багратіона, какъ славнаго сподвижника Суворова и Кутузова, героя боя при Галлабрюнѣ въ 1805 году, спасшаго нашу отступающую армію послѣ Аустерлица и снискавшаго себѣ громкую славу въ 1812 году, до сихъ поръ живетъ въ нашей арміи, какъ преданіе о тѣхъ чудо-богатыряхъ, которыми гордится солдатъ, которыми славится исторія.

«Важныя слѣдствія бываютъ отъ ничтожныхъ причинъ»,—говорилъ Наполеонъ, и это вполнѣ подтвердилось надъ кн. Багратіономъ. Легкомысленный, салонный разсказъ какого-то Гибша, котораго кн. Багратіонъ называлъ мальчишкой, молокососомъ, послужилъ началомъ недовѣрія къ боевой опытности главнокомандующаго и привелъ къ замѣнѣ его, не въ мѣру честолюбивымъ, гр. Н. М. Каменскимъ, отвергнувшимъ планъ кампаніи 1810 года, составленный его предшественникомъ,—планъ, представляющій собою по истинѣ геніальную мысль. Если бы этотъ планъ былъ извѣстенъ передъ началомъ нашей послѣдней войны съ Турціей въ 1877—1878 годахъ, у насъ не было бы, можетъ быть, Плевны, такъ какъ кн. Багратіонъ именно указывалъ на важность этого пункта и на дорогу отъ Плевны къ Орханіи. Но плану этому не суждено было осуществиться, и онъ по сіе время скромно хранился въ разныхъ не важныхъ дѣлахъ архива. Гр. Каменскій составилъ свой планъ, какъ бы идущій въ разрѣзъ съ планомъ кн. Багратіона, и затянулъ на три года войну, которая могла бы кончиться въ 1810 году.

Для разъясненія этого печальнаго эпизода нужно сказать нѣсколько предварительныхъ словъ.

Престарѣлый, хилый фельдмаршалъ кн. Прозоровскій имѣлъ слабость все писать и писать, а дѣла у него не выходило. Едва двигаясь и страдая разными недугами, онъ, если можно такъ выразиться, размѣнялся на мелочь; входилъ во всѣ подробности, часто излишнія и ни къ чему не ведущія, и упускалъ изъ виду главное. Онъ отдалъ приказъ по арміи, чтобы отнюдь не гоняться за зайцами, пробѣгающими черезъ лагерь, такъ какъ непріятель можетъ подумать, что если «такой звѣрь, какъ заяцъ», можетъ производить тревогу въ нашихъ войскахъ, то чего не могутъ сдѣлать турки, если бы партія ихъ напала на нашъ лагерь. Всего онъ боялся, отъ всего сторонился, тогда какъ современныя событія требовали энергіи. Изъ Петербурга постоянно ему указывали на своевременность и необходимость перейдти на правый берегъ Дуная и дѣйствовать наступательно, такъ какъ Турція была не готова къ упорной борьбѣ, которую нужно было кончить скорѣе, такъ какъ всѣ уже сознавали, что разрывъ Россіи съ Наполеономъ неизбѣженъ, въ близкомъ будущемъ, и нужно было воспользоваться временемъ, пока онъ занятъ Австріей и Италіей.

Но кн. Прозоровскій во всемъ видѣлъ одну невозможность и жаловался на слабость здоровья. Рескриптомъ отъ 30-го іюля 1809 года императоръ Александръ писалъ ему: «Измѣряя степень болѣзни, васъ удручающей, неограниченнымъ усердіемъ вашимъ, съ прискорбіемъ вѣрю, что одна невозможность продолжать командованіе ввѣренной вамъ арміей заставляетъ васъ желать себѣ преемника»[1]). Такимъ преемникомъ назначался генералъ-отъ-инфантеріи кн. Багратіонъ, хотя кн. Прозоровскому предоставлено было право сдать командованіе арміею только тогда, когда онъ самъ найдетъ это нужнымъ. Въ этомъ смыслѣ писалъ ему военный министръ гр. Аракчеевъ, отъ того же 30-го іюля: «Если по милосердію Вышняго и къ совершенному удовольствію государя императора, степень болѣзни вашей подаетъ вамъ возможныя силы», то, «не слагая съ себя званія главнокомандующаго, поручили бы кн. Багратіону исполненіе перехода съ войсками за Дунай и дальнѣйшія съ оными дѣйствія».

Стараго фельдмаршала, видимо, щадили, а это стоило намъ цѣлаго года кампаніи (1809 г.), слишкомъ поздно начатой и потому не достигшей никакихъ результатовъ.

Не желая разстаться съ властью, кн. Прозоровскій не сдавалъ командованія и не высылалъ Багратіона за Дунай. Онъ все самъ собирался перейдти его, и съ этимъ желаніемъ умеръ 9-го августа 1809 года.

---

[1]) В. Уч. Арх., № 1368.

«Ежели бы умирать старому фельдмаршалу, — писалъ кн. Багратіонъ въ частномъ письмѣ къ гр. Аракчееву отъ 24-го сентября 1809 г.,—лучше бы онъ умеръ три мѣсяца прежде, и теперь бы, можетъ быть, я васъ поздравилъ съ миромъ» [1]).

Вступивъ въ командованіе арміею, кн. Багратіонъ быстро развилъ наступательныя дѣйствія на правомъ берегу Дуная. Уже 18-го августа былъ занятъ Мачинъ, а 22-го Гирсово.

Одновременно съ переходомъ нашей арміи на правый берегъ Дуная, верховный визирь съ 30.000 арміею направился къ Рущуку, съ тѣмъ, чтобы перейдти на лѣвый берегъ Дуная, занять Бухарестъ и заставить кн. Багратіона возвратиться изъ-за Дуная для защиты своихъ сообщеній и тыла. Визирь позабылъ, что его собственный тылъ подвергался той же опасности, которою онъ грозилъ кн. Багратіону.

Турецкій корпусъ, высланный изъ Журжи къ Бухаресту, былъ разбитъ гр. Ланжерономъ 29-го августа при Фросинѣ и Дагѣ и отступилъ къ Журжѣ. Визирь готовился подкрѣпить его изъ Рущука и возобновить наступленіе на Бухарестъ, когда узналъ, что армія кн. Багратіона, вмѣсто того, чтобы отступить обратно въ Валахію, быстро подвигается впередъ, 30-го августа заняла Кистенджи, 4-го сентября разбила турокъ при Расеватѣ и подступила къ Силистріи, а 14-го сентября заставила сдаться Измаилъ.

Теперь уже не время было думать о наступленіи на Бухарестъ, а предстояло спасать Силистрію, осажденную кн. Багратіономъ. Поэтому визирь выслалъ изъ своей рущукской арміи 15.000 человѣкъ для принужденія нашей арміи снять осаду Силистріи, куда, вслѣдъ затѣмъ, намѣревался слѣдовать самъ съ остальными 15.000.

Не смотря на свою относительную малочисленность, кн. Багратіонъ рѣшился встрѣтить въ полѣ подходящаго къ Силистріи непріятеля, надѣясь, разбивъ его, заставить Силистрію сдаться.

Произошелъ рѣшительный бой 10-го сентября при Тоторицѣ, долженствовавшій рѣшить кампанію 1809 года. У кн. Багратіона было всего въ полѣ 4.500 человѣкъ пѣхоты, тогда какъ турки, сильно окопавшись при Тоторицѣ, были въ числѣ не менѣе 20.000 человѣкъ.

Не смотря на чудеса храбрости, оказанныя нашими войсками въ этомъ отчаянномъ бою, мы не могли заставить непріятеля оставить его позиціи, которыя кн. Багратіонъ называлъ неприступными. Но зато мы не уступили противнику ни одного вершка изъ занятыхъ нами передъ началомъ сраженія позицій и отражали всѣ наступательныя попытки турокъ, у которыхъ мы взяли 16 знаменъ, 200 плѣнныхъ и нанесли имъ въ людяхъ уронъ до 2.000 человѣкъ, лишившись сами до 500 человѣкъ.

---

[1]) В. Уч. Арх., № 1884, стр. 558—586.

Простоявъ все 11-е число на позиціи, въ надеждѣ вызвать нападеніе со стороны турокъ, кн. Багратіонъ отошелъ 12-го числа на 3 версты назадъ, все въ тѣхъ же видахъ, выманить непріятеля изъ-за его окоповъ и разбить его въ полѣ. Но турки оставались неподвижными.

Обѣ стороны приписывали себѣ побѣду, хотя ни одна не достигла желаемыхъ результатовъ: турки не могли освободить Силистріи, мы не могли отогнать ихъ отъ нея.

Когда же, черезъ три дня, 15-го сентября, къ Тоторицѣ прибыла вся остальная визирская армія, то кн. Багратіонъ, въ виду чрезмѣрнаго неравенства силъ, находилъ опаснымъ оставаться долѣе подъ Силистріей и, снявъ осаду этой крѣпости, рѣшился отступить на зиму, на лѣвый берегъ Дуная, чтобъ выработать новый планъ для дѣйствій въ 1810 году.

Въ Петербургѣ тоторицкій бой считали побѣдой. Поэтому намѣреніе кн. Багратіона отступить на лѣвый берегъ Дуная было принято императоромъ Александромъ крайне неблагопріятно.

Больше всего радовался этому Наполеонъ, принимая это отступленіе за неудачу съ нашей стороны, что́ могло побудить его ранѣе предпринять уже задуманное имъ вторженіе въ Россію. Мы же совсѣмъ еще не были готовы для борьбы съ Франціей.

Одержи кн. Багратіонъ рѣшительную побѣду при Тоторицѣ, политическій горизонтъ принялъ бы совершенно иныя очертанія. Отсюда становится понятнымъ, почему всѣ доводы, приводимые кн. Багратіономъ въ подтвержденіе необходимости предпринятой имъ мѣры, считались недостаточно основательными. Если легко вѣрится тому, чего желаешь, то съ какимъ упорствомъ отвергается вѣра въ то, что идетъ въ разрѣзъ съ нашими желаніями! Таково свойство человѣческой природы.

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что кн. Багратіонъ могъ достигнуть болѣе рѣшительныхъ результатовъ боя при Тоторицѣ, если бы заблаговременно собралъ къ Силистріи большую часть своей арміи, чего онъ не сдѣлалъ. Съ тѣми же средствами, какими онъ располагалъ, отъ него требовать большаго было нельзя. Но и это убѣжденіе поколебалось, когда прибылъ въ Петербургъ изъ Константинополя сынъ датскаго посланника при Портѣ, нѣкто Гибшъ, проѣзжавшій по Турціи вскорѣ послѣ тоторицкаго сраженія.

Естественно, что въ придворныхъ кружкахъ къ нему обратились съ разными разспросами о томъ, что онъ видѣлъ на театрѣ дѣйствій. Для приданія себѣ большей интересности, молодой Гибшъ къ былямъ прилагалъ небылицъ. Онъ разсказалъ, что, проѣзжая черезъ Шумлу, онъ видѣлся съ докторомъ верховнаго визиря, и что когда зашла рѣчь о тоторицкомъ сраженіи, докторъ сказалъ ему: «Удивляюсь, отчего русская армія не воспользовалась одержаннымъ ею успѣхомъ. Безпорядокъ въ турецкой арміи

былъ такъ великъ, что верховный визирь имѣлъ при себѣ не болѣе 3 или 4 тысячъ человѣкъ. Сбившись по случаю густаго тумана съ дороги, самъ визирь едва не попался въ плѣнъ». Разговоръ этотъ дошелъ до гр. Румянцева, министра иностранныхъ дѣлъ, и сталъ извѣстенъ государю. Кн. Багратіону не повѣрили, а повѣрили авантюристу Гибшу. Въ обличеніе сказокъ послѣдняго кн. Багратіонъ писалъ гр. Румянцеву отъ 13-го января 1810 года: «Съ крайнимъ прискорбіемъ душевнымъ видѣлъ я изъ письма вашего, что вы заключенія ваши на мой счетъ основать изволили на голословныхъ показаніяхъ малолѣтняго мальчишки, не имѣющаго еще ни о чемъ понятія, и первый разъ изъ-подъ кровли родителей въ свѣтъ вышедшаго. По крайней мѣрѣ, очевидно то, что если показанія Гибша справедливы, то мои донесенія моему государю ложны, и я преступенъ предъ Богомъ и монархомъ. Питаю себя надеждою, что его императорское величество ни въ прежней моей службѣ, ни въ настоящей, не соизволилъ найти причины сомнѣваться въ справедливости моихъ донесеній. Въ сраженіи предъ Тоторицей былъ я лично посреди рукопашнаго боя; донесеніе мое основано было на томъ, что я самъ видѣлъ и дѣлалъ. Сраженіе кончилось въ нашу пользу. Верховный визирь не былъ въ Тоторицѣ ни во время сраженія, ни въ послѣдующіе два дня, а имѣя при себѣ отъ 9—10 тысячъ подъ ружьемъ, находился въ Капаклѣ. Погода всѣ три дня была, какъ днемъ, такъ и ночью, весьма ясная: и такъ я долженъ полагать, что безпорядокъ и туманъ находились только въ головѣ барона Гибша тогда, какъ онъ вамъ все сіе разсказывалъ». Между тѣмъ гр. Румянцевъ, въ письмѣ къ кн. Багратіону, указывалъ ему на тѣ важныя, вредныя для нашихъ интересовъ, послѣдствія, какія могутъ произойти отъ перехода нашей арміи на лѣвый берегъ Дуная, и настаивалъ даже на открытіи наступательныхъ дѣйствій на правой сторонѣ Дуная. Какъ бы въ назиданіе ему, онъ прислалъ, отмѣченное въ книгѣ карандашемъ, описаніе дѣйствій за Дунаемъ своего славнаго отца, гр. Румянцева-Задунайскаго. Кн. Багратіонъ очень обидѣлся этимъ и отвѣчалъ гр. Румянцеву слѣдующимъ письмомъ [1]):

«Покорно благодарю васъ за замѣтку... Я очень знаю, что Румянцевъ былъ умнѣе Багратіона!.. Онъ собралъ совѣтъ и перешелъ обратно (Дунай); я ни того, ни другаго не сдѣлалъ и слѣпо повинуюсь волѣ монарха! Напрасно прислали—я давно читалъ и знаю содержаніе онаго (рапорта). Прощайте, вѣрьте мнѣ лучше, нежели иновѣрцамъ (Гибшу), оно полезнѣе будетъ. Они стелютъ мягко, но намъ спать жестко. Мнѣ кажется, лучше воевать противъ турокъ, нежели противъ меня и общаго блага... Я здѣсь ближе всѣхъ и

[1]) 28-го ноября 1809 г. Bagration 1809, № 247. Архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ.

лучше знаю; на что вы мнѣ мѣшаете? Что за польза, зачѣмъ раскричались, что я отошелъ—вотъ прогулка моя какова: Браиловъ палъ. Это не шутка, и никто не бралъ... Что оно стоило намъ всегда?—а теперь ни гроша и ни души!..

«Лучше дайте мнѣ волю — лицемъ въ грязь не ударю; а если писать и вѣрить чужеземцамъ, тогда я буду и трусъ и не рѣшимъ, для того, что отнимете всю мою вѣру и вѣрность. Это жалко, грустно, неполезно, больно и вредно. Что за бѣда, что хотѣлъ перейтить Дунай? Военныя обстоятельства мгновенно перемѣняются. Мнѣ надо было такъ сдѣлать, иначе не могу и будетъ зеръ шлехтъ.

«Прощайте, пусть другой бы сдѣлалъ въ три мѣсяца... (больше чѣмъ я).

«Я знаю много храбрыхъ издали и послѣ баталіи! Прошу Торнео и Аландъ въ примѣръ не ставить—совсѣмъ не то (переходъ русскихъ войскъ зимою черезъ Кваркенъ въ 1809 году). Есть вещи невозможныя. Почему въ Египтѣ не держался N. (Наполеонъ), а ушелъ, и погибель, стало, не невозможна была. Напрасно васъ обманываютъ и льстятъ для гибели нашей, что турокъ не много. Неправда — ихъ очень много, и не то что бывало... Визирь этотъ самый, который былъ въ Египтѣ и билъ... (Наполеона). Я его не боюсь, онъ меня уважаетъ, такъ какъ я располагалъ; а теперь уже онъ мною будетъ повелѣвать, а я въ томъ, право, виноватъ не буду. За мною дѣло не станетъ, трусомъ не бывалъ, но хотѣлъ, чтобы я былъ трусъ! Понять не могу, что за выгода? Арміею ворочать—не баталіономъ. Въ одну позицію влюбляться вредно. Прошу одной милости: дать мнѣ волю или вольность, иначе истинно принужденъ буду, по крайности духа и тѣла моего, остаться и просить избавленія. Вотъ вамъ, ваше сіятельство, мое чистосердечіе. Весь вашъ, кн. Багратіонъ».

Затѣмъ въ припискѣ къ письму, между прочимъ, сказано:

«Мнѣ кажется, общее благо должно совѣстить каждаго. Не быть довольнымъ тѣмъ завоеваніемъ, что я сдѣлалъ въ короткое время; билъ въ полѣ, шелъ до нельзя; важныя крѣпости взялъ, мосты построилъ!.. Теперь занимаюсь, къ веснѣ, строить суда для транспортовъ. Три года армія здѣсь стояла неподвижно. Кромѣ сплетни и побіенія отъ непріятеля ничего не дѣлала. Флота на Черномъ морѣ я не имѣю, хотя и должно бы, и о томъ только и думаю. Виноватъ ли я, что въ 24 часа не могъ побѣдить Оттоманскую Порту? Прежнія войны длились по нѣсколько лѣтъ, имѣя притомъ союзниковъ, и оканчивались почти ничѣмъ при мирѣ; а нынѣ я одинъ, флота нѣтъ, а, можетъ быть, и требованія наши такія [1]), что не только туркамъ можно скоро согласиться, а, можетъ быть, другіе ихъ на сіе не допустятъ.

[1]) Отъ Порты требовалась уступка Бессарабіи, Молдавіи, Валахіи, въ Азіи территорія по Кубань и 20 милліоновъ контрибуціи.

«Очень хорошо, дайте мнѣ 50.000 кавалеріи и столько же пѣхоты: я на будущую кампанію заставлю ихъ, вѣрно; иначе не можно. Для великихъ дѣлъ надо великіе способы, иначе далеко не уйдешь. Я смѣло скажу и торжественно, что никому не удалось такой кампаніи, какъ нынѣшняя. Если недовольны, я сожалѣю, и охотно отдамъ другому, а самъ останусь прапорщикомъ. Пусть лучшій пріѣдетъ, я докажу, что умѣю повиноваться».

По тому же поводу, въ оправданіе своихъ дѣйствій, кн. Багратіонъ писалъ военному министру, отъ 18-го ноября: «Съ малочисленною арміею, дѣлая быстрыя движенія, намѣренъ я былъ показаться непріятелю сильнѣе, чѣмъ я былъ; но коль скоро превосходныя его силы, прибывающія на всѣхъ пунктахъ, дали ему способъ открыть истинное мое положеніе, то почиталъ я нужнымъ взять всѣ мѣры осторожности (т. е. отступить въ Валахію)».

Въ пространной же запискѣ, поданной императору отъ 17-го ноября [1]), кн. Багратіонъ подробно излагалъ обстоятельства, побудившія его перейти на лѣвый берегъ Дуная. Въ то время, какъ превосходныя силы непріятеля пользуются запасами, хранящимися въ крѣпостяхъ,—«на всемъ пространствѣ земли, начиная отъ Тульчи и Исакчи до Силистріи, Базарджика и Коварны, нѣтъ ни единаго обывателя, нѣтъ ни жилища, ни пристанища, ни единаго способа къ полученію первыхъ потребностей. Извѣстно, что турки имѣютъ превосходнѣйшую во всемъ свѣтѣ кавалерію; для побѣжденія ея нужны кавалерія и артиллерія; но лошади, претерпѣвавши всѣ недостатки въ подножномъ кормѣ, изнурены были и не могли дѣйствовать съ успѣхомъ».

Необходимо было: «Втеченіе четырехъ зимнихъ мѣсяцевъ привести войска въ порядокъ, справить ихъ, одѣть и обуть, ибо три дивизіи не имѣютъ ни шинелей, ни панталонъ, и никто сапоговъ (не имѣетъ)».

Снабдивъ армію всѣмъ необходимымъ, можно было начать весеннюю кампанію въ мартѣ, или не позже апрѣля мѣсяца; тогда какъ осеннія кампаніи въ Турціи крайне неудобны и не даютъ времени воспользоваться побѣдами.

Сверхъ этихъ причинъ, князь Багратіонъ выставлялъ еще слѣдующія:

1) Болѣзненность въ войскахъ была такъ велика, что не было въ арміи ни одного баталіона болѣе чѣмъ половиннаго комплекта людей.

Если оставить почти нагія войска безъ пристанища на зиму, «то, конечно, по крайней мѣрѣ, половина оныхъ перемретъ до весны, изъ остальной же части едва ли останется половинное число здоровыхъ; и тогда, на веснѣ, непріятель со свѣжими и всѣмъ удовле-

[1]) В. Уч. Арх., № 1384, стр. 718—723.

творенными войсками прійдетъ на меня и истребитъ тощіе остатки силъ моихъ».

2) Князь Прозоровскій, не предполагавшій стать твердою ногою за Дунаемъ, расположилъ всѣ продовольственные магазины въ княжествахъ, откуда доставка транспортовъ въ армію, если бы она осталась на зиму за Дунаемъ, была бы чрезвычайно затруднительна. Для сплава же запасовъ изъ магазиновъ по рѣкамъ, впадающимъ въ Дунай, не имѣлось судовъ; къ тому же имъ предстояло бы тянуться вверхъ по Дунаю бичевою.

3) Доставка въ армію фуража, и особенно сѣна, была бы положительно не возможна. Сѣна требовалось въ день не менѣе 12.000 пудовъ. Для подвоза его нужно было имѣть 500 паръ воловъ, дѣлающихъ въ сутки не болѣе 15 верстъ. Сѣно должно было бы подвозить съ разстоянія отъ 300 до 400 верстъ; причемъ волы могли кормиться только тѣмъ же сѣномъ, которое везли. Если положить въ сутки, на пару воловъ по $1^1/_2$ пуда сѣна, котораго на возъ можно положить не болѣе 25 пудовъ, то окажется, что все перевозимое сѣно будетъ съѣдено волами въ дорогѣ втеченіе 17 дней, тогда какъ къ арміи транспортъ могъ прійти не ранѣе 20 или 30 дней, считая со дня его отправленія съ мѣста заготовки.

3) На зиму пришлось бы строить за Дунаемъ землянки для войскъ, «но для того нельзя сыскать и хворостинки. Нечѣмъ будетъ войскамъ ни обогрѣваться, ни теплую пищу себѣ изготовить».

5) Отъ лишеній разовьются въ арміи болѣзни, и больныхъ, за неимѣніемъ воловъ, не на чемъ будетъ отправлять въ госпитали.

Еще настоятельнѣе доказывалъ князь Багратіонъ необходимость возвратиться на зиму за Дунай, въ письмѣ своемъ къ графу Аракчееву, отъ 22-го ноября [1]).

«Вся прежняя служба моя, писалъ онъ, можетъ, я надѣюсь, служить доказательствомъ, что я не трусъ; но безразсудную отвагу признаю я также большимъ въ полководцѣ порокомъ. Войска, здѣсь остающіяся (на правомъ берегу Дуная), принуждены въ палаткахъ, изъ коихъ многія такъ ветхи, что только наименованіе палатокъ имѣютъ,—претерпѣвать всѣ впечатлѣнія осеннихъ невзгодъ и жестокости зимы».

«Дунай и впадающія въ него рѣки, какъ Серетъ, Мильковъ, Бузео, Яломица и другія,—весьма часто, мгновенно разливаются, сносятъ мосты и прерываютъ коммуникацію на два и на три дня, а иногда и на недѣлю. Такимъ образомъ, долженъ я, безъ всякой пощады, лишиться всѣхъ кавалерійскихъ, артилерійскихъ и подъемныхъ лошадей. Картина сія, кажется, довольно ясно изображаетъ предстоящую арміи, а чрезъ то и мнѣ, гибель. Но я собою охотно жертвую, если тѣмъ самымъ могу спасти армію. Я разсуждаю, что

[1]) В. Уч. Ар., № 1384, стр. 742.

въ глазахъ не только турковъ, но и всей Европы, прискорбнѣе для насъ будетъ, лишась въ продолженіи зимы, безъ всякаго дѣйствія военнаго, и людей и лошадей, — на веснѣ неминуемо быть побитыми, нежели теперь, оставя сію голую степь, съ самой ранней весны, въ полномъ удостовѣреніи на силы свои, стараться наносить непріятелю чувствительные удары.

«Впрочемъ, если представленія мои признаются вѣры недостойными, въ такомъ случаѣ, для службы и для интересовъ государственныхъ, полезнѣе поручить главное начальство надъ арміею другому, который бы пользовался довѣренностію; поелику главнокомандующимъ безъ довѣренности монаршей быть нельзя».

Твердый въ этомъ убѣжденіи, князь Багратіонъ писалъ императору Александру, отъ 5-го декабря 1809 года:

«Если, къ сугубому несчастію моему, лишился я высоко монаршей довѣренности вашего императорскаго величества, въ такомъ случаѣ, повергаясь къ освященнымъ стопамъ вашимъ, всеавгустѣйшій монархъ, осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить высокомонаршаго милосердія вашего о опредѣленіи на мѣсто мое другаго, который бы, при вящихъ способностяхъ воинскихъ, съ большею пользою и успѣхами могъ предводительствовать арміею.

«Съ моей стороны готовъ я продолжать служеніе, по мѣрѣ силъ и способностей моихъ, въ такомъ званіи, въ которомъ вашему императорскому величеству благоугодно будетъ, и подъ начальствомъ того, котораго ваше императорское величество къ главному надъ арміею командованію достойнѣйшимъ признать соизволите».

Вся эта переписка, какъ уже было скаазано, возникла вслѣдствіе несогласія государя признать уважительными доводы князя Багратіона, относительно необходимости отступить за Дунай. Разрѣшеніе на этотъ переходъ послѣдовало только послѣ письма канцлера графа Румянцева къ императору, отъ 6-го декабря 1809 года. Въ этомъ письмѣ канцлеръ говорилъ: «Я не сомнѣваюсь, что ничего болѣе не остается, какъ немедленно дозволить князю Багратіону исполнить его планъ, состоящій въ томъ, чтобы обратно перейти Дунай, приготовиться и снова перейти Дунай весною» [1]).

Перейдя на лѣвый берегъ Дуная и расположивъ армію на зимнія квартиры, князь Багратіонъ дѣятельно приступилъ къ составленію плана кампаніи 1810 года.

«Отправленъ будучи, безъ всякаго предварительнаго ожиданія, къ молдавской арміи,—писалъ онъ императору отъ 13-го декабря 1709 года,—не нашелъ я никакого общаго плана военныхъ операцій. Я признаю составленіе подробнаго и обстоятельнаго, по мѣрѣ возможности, плана будущимъ военнымъ дѣйствіямъ необходимо нужнымъ».

Въ этихъ видахъ, для избѣжанія длинной и ни къ чему не

[1]) В. Уч. Арх., № 1384, стр. 762.

ведущей переписки, при объясненіи оснований своего плана, князь Багратіонъ просилъ дозволенія лично пріѣхать въ Петербургъ— «не болѣе какъ на 4 дня».

При изустномъ объясненіи, писалъ онъ, «планъ кампаніи въ нѣсколько часовъ установится скорѣе и лучше, нежели въ нѣсколько мѣсяцевъ обширною перепискою».

Но эта просьба князя Багратіона не была уважена. Поѣздку его въ Петербургъ считали неудобною, имѣя, безъ сомнѣнія, въ виду замѣнить его графомъ Каменскимъ 2-мъ.

Хотя князь Багратіонъ и просилъ замѣнить его кѣмъ либо другимъ, но самъ, казалось, не думалъ, чтобы эта просьба была принята. Поэтому онъ занялся выработкою плана на мѣстѣ, для чего каждому изъ главныхъ военныхъ начальниковъ предложилъ представить свои предположенія относительно плана будущей кампаніи. Это было сдѣлано, какъ съ цѣлью обобщить частные взгляды опытныхъ боевыхъ людей, и на этихъ взглядахъ основать свои собственныя заключенія, такъ и въ видахъ ознакомленія съ военными способностями главныхъ начальниковъ своей арміи.

Выработанный такимъ путемъ планъ кампаніи 1810 года, представленный княземъ Багратіономъ императору 12-го марта 1810 года, обнаруживаетъ такое рѣзкое отступленіе отъ тѣхъ основаній, которыми мы всегда руководствовались въ нашихъ войнахъ съ турками, что выполненіе этого плана, отлично соображеннаго во всѣхъ подробностяхъ, обѣщало привести насъ къ самымъ рѣшительнымъ результатамъ и кончить войну въ томъ же 1810 году.

Но было уже извѣстно о назначеніи новаго главнокомандующаго, и потому, представляя свой планъ, князь Багратіонъ писалъ: «Къ приведенію въ исполненіе плана моего я приступить не могъ, поелику мнѣ вовсе неизвѣстно, будетъ ли преемникъ мой съ онымъ согласенъ, и не имѣетъ ли онъ другаго плана въ готовности».

Хотя у графа Каменскаго 2 никакого готоваго плана не было, зато было желаніе поступить во всемъ наоборотъ съ предположеніями князя Багратіона.

Неудачи подъ Шумлою и Рущукомъ доказали плохо составленныя предположенія Каменскаго 2; а такъ какъ онъ дѣйствовалъ вопреки мыслямъ князя Багратіона, то тѣмъ самымъ и доказалъ превосходство взглядовъ своего предшественника.

Замѣчательному плану князя Багратіона не только не суждено было осуществиться, но до послѣдняго времени онъ оставался въ полной неизвѣстности. А между тѣмъ, многія изъ высказанныхъ имъ идей очень бы пригодились для соображеній даже нашей послѣдней войны съ Турціей и, можетъ быть, избавили бы насъ отъ многихъ ошибокъ. «Въ наше время лучше всѣхъ думаетъ тотъ, кто лучше другихъ знаетъ мысли своихъ предшественниковъ».

Эту истину, къ сожалѣнію, часто забываютъ при изученіи исторіи.

А. Петровъ.

РУССКІЙ ИДЕАЛИЗМЪ «СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ» [1].

I.

Нѣтъ НИЧЕГО справедливѣе мысли, что «первые, молодые идеалы писателей столь же важны въ біографическомъ отношеніи, какъ и позднѣйшіе идеалы, на которыхъ основана ихъ извѣстность». Но мысль эта пріобрѣтаетъ особенное значеніе въ примѣненіи къ «молодымъ» и «позднѣйшимъ» идеаламъ общественнымъ. Такъ, изученіе идеальныхъ стремленій, лежавшихъ въ основаніи умственной и практической дѣятельности русскихъ людей «сороковыхъ годовъ»,—изученіе безпристрастное, критическое, безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей и увлеченій,—должно открыть совершенно неожиданныя перспективы, освѣтить неожиданно яркимъ и своеобразнымъ свѣтомъ всю исторію умственныхъ движеній русскаго общества втеченіе всего полстолѣтія, протекшаго со времени тѣхъ «сороковыхъ годовъ». «Люди сороковыхъ годовъ» (собственно тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ) окружены въ русскихъ умахъ лучезарнымъ ореоломъ умственной и нравственной силы; они считаются истинными представителями «идеаловъ будущаго» для своего времени, общественными руководителями, указавшими послѣдующимъ поколѣніямъ новые пути. Довольно извѣстно, однако, что, въ дѣйствительности, слѣдовавшія за ними поколѣнія, если не считать

---

[1]) П. В. Анненковъ и его друзья. Литературныя воспоминанія и переписка 1835—1885 годовъ. Спб., изд. А. С. Суворина. 1892.

нхъ чисто теоретическаго поклоненія предшественникамъ, далеко не слѣдовали по проложенному ими пути. «Мы догадались,—говорили, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые крайніе люди изъ ближайшаго къ людямъ сороковыхъ годовъ поколѣнія:—мы догадались, что болтать, все только болтать о нашихъ язвахъ не стоитъ труда, что это ведетъ только къ пошлости и доктринерству; мы увидали, что и умники наши, такъ называемые передовые люди и обличители, никуда не годятся, что мы занимаемся вздоромъ, толкуемъ о какомъ-то искусствѣ, безсознательномъ творчествѣ, о парламентаризмѣ, объ адвокатурѣ и чортъ знаетъ о чемъ, когда дѣло идетъ о насущномъ хлѣбѣ, когда грубѣйшее суевѣріе насъ душитъ,... когда самая свобода, о которой хлопочетъ правительство, едва ли пойдетъ намъ въ прокъ»... И эти рѣчи, вложенныя Тургеневымъ въ уста Базарову, въ сущности, развѣ съ самыми скромными умѣряющими ограниченіями, служатъ дѣйствительною характеристикою людей «шестидесятыхъ годовъ», отринувшихъ, признавшихъ ложнымъ все умственное движеніе, выразителемъ котораго былъ Пушкинъ съ своими ближайшими и дальнѣйшими послѣдователями и преемниками. Намъ нѣтъ надобности говорить, на сколько несостоятельно оказалось это новое умственое настроеніе. Какъ бы то ни было, но остается фактомъ—непослѣдовательность въ развитіи направленій, руководившихъ умственной жизнью русской. Въ чемъ же причина, по которой свѣтлые идеалы сороковыхъ годовъ оказались не на столько жизненными, чтобы съ большею силою повліять даже на непосредственное будущее?

Недавно изданныя воспоминанія и переписка П. В. Анненкова затрогиваютъ именно этотъ вопросъ, значеніе котораго совершенно напрасно остается не только не выясненнымъ въ сознаніи большинства образованныхъ русскихъ людей, но едва затронуто русскою литературою. Покойный авторъ книги поставленъ былъ въ исключительно благопріятныя условія, чтобы собрать значительные матеріалы для характеристики умственнаго движенія русскаго въ тридцатые и сороковые годы. Принадлежа самъ къ виднымъ представителямъ литературнаго поколѣнія той эпохи, онъ почти со всѣми писателями ея былъ въ близкихъ сношеніяхъ, а съ нѣкоторыми, преимущественно изъ кружка западниковъ, въ болѣе или менѣе тѣсной дружбѣ, или пріязни, по крайней мѣрѣ. При этомъ, самъ будучи сверстникомъ и сотоварищемъ ихъ, раздѣляя съ ними общее направленіе, онъ сохранялъ своеобразную независимость мысли, не безъ проницательнаго скептицизма относился къ ихъ воззрѣніямъ и увлеченіямъ, умѣлъ съ критической провѣркой, съ анализомъ, подойти къ этимъ послѣднимъ. Въ его умѣ, холодномъ и спокойномъ, внѣшнимъ образомъ не блестящемъ, но не лишенномъ глубины, мнѣнія и настроенія знаменитыхъ современниковъ вызывали не одно увлеченіе и поклоненіе, а и серьезную оцѣнку, анализъ.

И нужно сказать, что нѣкоторые изъ его друзей умѣли цѣнить этотъ спокойный, критическій умъ. Извѣстно, напримѣръ, что Тургеневъ не отдавалъ ни одного своего значительнаго труда въ печать, не подвергнувъ его предварительно критической оцѣнкѣ Анненкова. Въ самой той книгѣ, которая послужила поводомъ къ предлагаемому очерку, читатель находитъ вѣскія доказательства независимости мысли покойнаго писателя, умѣнья взглянуть глубже въ сущность и источники тѣхъ идей, которыя легли въ основаніе дѣятельности многихъ представителей сороковыхъ годовъ, его современниковъ.

Служа продолженіемъ извѣстныхъ «Воспоминаній и критическихъ очерковъ», съ одной стороны, а съ другой—началомъ опубликованія цѣнныхъ матеріаловъ изъ домашняго архива, оставшагося послѣ Анненкова, первый изданный томъ заключаетъ въ себѣ «Письма изъ-за границы» и «Парижскія письма» его самого, печатавшіяся въ сороковыхъ годахъ и служащія прекрасной характеристикой автора ихъ, какъ одного изъ представителей умственнаго движенія эпохи; затѣмъ письма многихъ замѣчательныхъ современниковъ его: Гоголя, Каткова, В. Боткина, Бѣлинскаго, Кудрявцева, М. Бакунина, Герцена, Некрасова, Огарева, появлявшіяся только въ отрывкахъ въ статьяхъ Анненкова; наконецъ—рядъ очерковъ «Къ исторіи работъ надъ Пушкинымъ» Анненкова, какъ извѣстно, посвятившаго себя въ началѣ пятидесятыхъ годовъ работамъ надъ геніальнымъ русскимъ поэтомъ, составившаго «Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина» и издавшаго сочиненія его. Но во главѣ книги помѣщены статья покойнаго писателя: «Идеалисты тридцатыхъ годовъ (біографическій этюдъ)», уже бывшая въ печати, и «Записка о Н. П. Огаревѣ», посвященныя характеристикѣ личности и дѣятельности Герцена и Огарева. Онѣ служатъ какъ бы введеніемъ во всю книгу, отражая воззрѣнія автора на двухъ названныхъ знаменитыхъ дѣятелей и подготовляя къ пониманію и другихъ, письма которыхъ затѣмъ слѣдуютъ, давая поводы и возможность отмѣчать въ нихъ любопытныя и характерныя черты, которыя безъ того, быть можетъ, ускользнули бы отъ вниманія читателей. На этихъ статьяхъ, на выводахъ, на которые они невольно наталкиваютъ, мы главнымъ образомъ и остановимся.

II.

Герценъ и Огаревъ, особенно первый, принадлежатъ къ самымъ замѣчательнымъ представителямъ сороковыхъ годовъ. Надъ другими они имѣютъ то преимущество, что мысль ихъ и дѣятельность были направлены въ сторону практическую, въ сторону общественныхъ интересовъ, общественныхъ реформъ. Это не были тѣ люди сороковыхъ годовъ, которые составили себѣ оригинальную репу-

тацію «прекраснодушія», мысль ихъ не ушла въ ограниченную сферу «искусства для искусства», «безсознательнаго творчества» и т. п.; то были общественные реформаторы съ достаточно опредѣленными стремленіями. И тѣмъ любопытнѣе и поучительнѣе присмотрѣться къ ихъ умственной и нравственной физіономіи. Анненковъ беретъ ихъ, къ тому же, въ тотъ моментъ ихъ жизни, когда «надъ ними разразилась неожиданная гроза», то-есть, когда они были сосланы изъ Москвы и, слѣдовательно, изъ кабинетно-созерцательной жизни пришли въ рѣзкое соприкосновеніе съ окружающей ихъ дѣйствительностью. Мы говоримъ здѣсь не о томъ «соприкосновеніи съ дѣйствительностью», которая обыкновенно подразумѣвается въ подобныхъ случаяхъ, именно, что вотъ-де такіе развитые и умные люди, которые внесли бы въ общество поразительную по своимъ результатамъ дѣятельность, которые сразу повернули бы общество на превосходнѣйшій путь благотворнѣйшихъ перемѣнъ, — такіе-то люди «посторонними обстоятельствами» были отстранены отъ дѣятельности, какъ элементы «неудобные» для этихъ «постороннихъ обстоятельствъ». Гораздо проще и жизненнѣе разумѣемъ мы въ данномъ случаѣ столкновеніе съ дѣйствительностію: изъ сферы кружковъ, занятыхъ размышленіями о тѣхъ или другимъ тезисахъ философіи Гегеля, Герценъ и Огаревъ были поставлены прямо передъ дѣйствительной русской жизнью съ ея чиновничествомъ и крѣпостничествомъ, съ ея насущными интересами, съ видимыми для всякаго невооруженнаго взгляда невзгодами. Чѣмъ же заинтересовались и чѣмъ занялись молодые люди въ ихъ новой обстановкѣ? Цѣлесообразнѣе для насъ поставить этотъ вопросъ прежде передъ личностью Огарева.

Огаревъ, какъ извѣстно, былъ высланъ въ Пензу, къ отцу его. И «съ первой же оказіей московскіе друзья узнали,—иронически разсказываетъ Анненковъ,—что онъ засѣлъ за громадный трудъ, за созданіе системы, объясняющей происхожденіе вселенной изъ сочетанія матеріи и идеи и указывающей «математически точно» законы, по которымъ развивалось человѣчество съ самаго своего появленія на землѣ». «Трудъ» этотъ, какъ видитъ читатель, по широтѣ задачи далеко превосходитъ подобный же трудъ Гоголевскаго Тентетникова, который (трудъ) долженъ былъ обнять Россію во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ: политическомъ, экономическомъ, гражданскомъ, религіозномъ, философическомъ и проч. Но по исполненію судьба ихъ оказалась одинакова. Дѣло въ томъ, что встрѣтились двѣ помѣхи. Во-первыхъ, потребовалась масса разнообразнѣйшихъ книгъ, изъ которыхъ предполагалось почерпнуть необходимыя свѣдѣнія; во-вторыхъ, «среда», въ видѣ семейства Огарева, обнаружила свое противодѣйствіе: на занятія Огарева въ ней смотрѣли «съ ужасомъ», полагая, «что они приравниваютъ наслѣдника богатаго дома къ разночинцамъ». И хотя, конечно,

«ужасъ» среды особыхъ дѣйствительныхъ препятствій не представлялъ, а «матеріалъ труда (то-есть нѣмецкія и французскія книжки), безпрестанно пополняемый изъ Москвы», и приходилъ своевременно, тѣмъ не менѣе, какъ съ новой ироніей замѣчаетъ Анненковъ, «система, какъ и слѣдовало ожидать, никогда не была завершена вполнѣ»; остался «только любопытный планъ ея... съ почти неосязаемымъ, отвлеченнымъ характеромъ: умственная жизнь у насъ обыкновенно начиналась съ теозофскихъ и философскихъ сумерекъ». Нѣтъ надобности передавать этотъ планъ «новосозидаемой науки» міровѣдѣнія; достаточно сказать, что въ письмахъ, гдѣ онъ излагается, по выраженію Анненкова, «глубокая, непроглядная метафизика идетъ объ руку съ наивной исповѣдью своего безсилія передъ домашнею бѣдой, которая смѣняется гордыми надеждами на себя въ будущемъ»... Не лишнее, впрочемъ, привести изъ «трактата» Огарева, положимъ, хоть слѣдующую фразу: «Матерія есть свѣтъ. Къ солнцу тяготѣютъ планеты, ergo начало тяготѣнія въ свѣтѣ»... и т. д.; и если построеніе этой тирады поразитъ скромнаго читателя, то ему необходимо знать, что даже и въ этомъ отношеніи Огаревъ не былъ самостоятеленъ, что̀ и естественно, а только подражалъ, и не очень удачно, германскимъ философамъ.

Приводя еще нѣсколько темнѣйшихъ разсужденій Огарева, Анненковъ замѣчаетъ совершенно справедливо: «Нельзя не подивиться обилію безсодержательныхъ представленій, какими обладало воображеніе Огарева, и пріобрѣтенной способности его складывать ихъ въ узоры, пригоняя цвѣтъ къ цвѣту»... Все это, конечно, было въ тогдашнемъ порядкѣ вещей. Но любопытнѣйшею чертою автора «системы» представляется отношеніе его самого къ своей еще не разрѣшенной, только предпринятой, задачѣ; уже тотъ одинъ фактъ, что онъ намѣревается искать рѣшенія неразрѣшимой задачи, ставитъ его въ собственныхъ глазахъ на недосягаемый пьедесталъ. «Когда я раскрою вамъ, — пишетъ онъ даже своимъ ученымъ друзьямъ,—законъ тройственности—сущность, идея, осуществленіе въ жизни человѣчества, когда я покажу вамъ человѣчество, прежде колоссальное, какъ вселенная, которую онъ боготворитъ, потомъ выводящее изъ себя свою собственную идею; когда я покажу вамъ въ каждой отдѣльной эпохѣ, въ каждомъ годѣ, въ каждомъ моментѣ (!)... этихъ двухъ отдѣловъ (древности и христіанства) тотъ же законъ тройственности, тогда я положу вопросъ будущности, тогда я скажу вамъ задачу, разгадкѣ которой посвящаю себя словомъ и дѣломъ»... Когда же онъ захотѣлъ «намекнуть» только на задачу общественной организаціи, то у него вышла самая обыкновенная мысль: «сохранить при высочайшемъ развитіи общественности полную свободу индивидуальную», «сочетать эгоизмъ съ самопожертвованіемъ, вотъ въ чемъ дѣло, вотъ къ чему должно

стремиться общественное устройство»... И эту задачу Огаревъ намѣренъ «вывести исторически» и доставить друзьямъ «приближенное рѣшеніе... черезъ мѣсяцъ». Какъ сказано выше, все это было простою мечтою, принимаемою за дѣйствительность вслѣдствіе ложнаго представленія о себѣ, о своихъ силахъ.

Рядомъ съ созданіемъ новой науки «міровѣдѣнія» занимали Огарева и другіе проекты, не менѣе грандіозные. Онъ чувствовалъ въ себѣ огромныя силы. Жалѣя товарищей по ссылкѣ, для себя онъ не видитъ въ ней особеннаго неудобства. «Я знаю,— пишетъ онъ,— что у нихъ нѣтъ столько матерій для жизни души, какъ у меня; я въ этомъ случаѣ что-то индійское!». «Дайте мнѣ дѣйствія,—восклицаетъ онъ,—дайте желаемый кругъ дѣйствія. Я чувствую въ себѣ силу неограниченную. Нѣтъ, еще есть вѣра, и я пойду далеко! Если бы я былъ съ вами, друзья, или тамъ, гдѣ движутся языцы!.. Но я буду, непремѣнно буду; мой fatum написанъ рукой Бога на пути вселенной: онъ неизмѣненъ»... Анненковъ останавливается на этой «легкости», съ которою и Огаревъ, и Герценъ «постоянно призывали само Провидѣніе на вмѣшательство въ ихъ дѣла, какъ бы въ видѣ своего довѣреннаго и уполномоченнаго лица», и считаетъ необходимымъ пояснить, что «черта эта была у нихъ общая со многими сверстниками: Станкевичъ, Грановскій, В. Боткинъ, Бѣлинскій, также точно, какъ К. Аксаковъ и другіе, одинаково считали себя орудіями высшихъ силъ и тщились содержать себя въ надлежащей чистотѣ, приличной избранникамъ Промысла; вся интеллигентная молодежь конца тридцатыхъ годовъ составляла подобіе... общины, которая вѣровала въ свое призваніе обновить міръ дѣломъ и словомъ».

Такъ или иначе, но при этой вѣрѣ въ свои силы и въ свое призваніе, все казалось исполнимымъ и возможнымъ. И Огаревъ принимается, помимо своей «системы міра», за трактатъ «о воспитаніи». Онъ говоритъ о немъ съ воодушевленіемъ, но также скоро устаетъ. «Статью о воспитаніи,—пишетъ онъ,—не могу теперь доставить, ибо чѣмъ больше пишу ее, тѣмъ она плодовитѣе и пишется, и такъ скоро отдѣлана быть не можетъ; съ первой оказіей она доставится». Трактатъ или статья остались, конечно, опять только въ проектѣ. За проектомъ этой статьи слѣдовалъ проектъ драмы, подъ заглавіемъ «Художникъ», которою предполагалось «разоблачить будущность искусства». Художникъ этотъ преслѣдуемъ роковыми призраками: сомнѣніемъ, которое граничитъ съ отчаяніемъ. «Форма драмы будетъ оригинальна. Мой художникъ— энциклопедистъ: поэзія, музыка, живопись участвовали въ его образованіи. Конецъ—сумасшествіе». Драмѣ сопутствуетъ романъ. «Хочу писать сказку или быль, какъ порядочный человѣкъ гибнетъ въ провинціи...». Совокупность всего этого выражается прекрасно словами самого Огарева: «Пишу романъ, драму, повѣсть,

систему міра, прокламаціи къ моимъ подданнымъ... и вездѣ ѣзжу на любимомъ конькѣ, на предисловіи... Прощай, братъ». По поводу «прокламаціи къ моимъ подданнымъ» Анненковъ высказываетъ законное любопытство на счетъ того, «какимъ языкомъ говорилъ съ этими подданными въ эпоху крѣпостнаго быта молодой натуръ-философъ и христіански-радикальный мыслитель»... Къ сожалѣнію, и «прокламаціи», какъ и все прочее, остались навѣки въ одномъ только предположеніи. И изъ всѣхъ этихъ предпріятій Огареву удалось только одно: какъ извѣстно, ему удавалось писать недурные стихи.

Такъ «тѣшился», по выраженію Анненкова, «Огаревъ, переходя отъ законодательства къ электричеству, а отъ нихъ къ маленькимъ стишкамъ, тутъ же (въ письмахъ) и приложеннымъ». Любопытно, однако, что не однѣ «высокія матеріи» давали поводы къ увлеченіямъ и проектамъ Огареву. Соскучившись въ провинціи, онъ напалъ на мысль ѣхать на службу на Кавказъ, и этотъ маленькій проектъ немедленно былъ скрашенъ довольно звучною теоріей. «Мечта о Кавказѣ меня не покидаетъ,—писалъ Огаревъ.— Война лучшій выходъ. Разумно, я чувствую, никогда не выйду, да и скучно что-то искать разумнаго выхода, если онъ самъ не приходитъ. Наука и практическая дѣятельность не даются мнѣ. Дѣятельность безпутная лучше выведетъ на путь. Да вѣдь оно какъ-то и хорошо: шумная битва да шумный бивакъ!.. А за жизнь мою ручается что-то, что выше меня. Я въ свою будущность вѣрю, потому что все же умѣлъ стать духомъ выше своей личности»... Но, конечно, этотъ проектъ больше, чѣмъ какой либо другой, не могъ имѣть никакихъ результатовъ.

Предположеніе о присутствіи въ себѣ какихъ-то высшихъ силъ, между тѣмъ, неотразимо вело Огарева къ тому отрицательному отношенію къ обществу русскому, которое было сродни презрѣнію, а также равнодушію. Дѣйствительныя задачи русской жизни, даже въ ея не совсѣмъ мрачныхъ сторонахъ, конечно, были совершенно не похожи на миражи якобы міровыхъ вопросовъ, окружавшихъ его. Та самая родная семья, которая встрѣтила его любовью и привѣтомъ, кажется ему «погребомъ». «Благодарю, много благодарю васъ,—пишетъ онъ,—друзья мои, за ваши посланія. Вы меня оживили. Я умиралъ, совсѣмъ умиралъ. Да и какъ не умереть? Знаешь ли, какъ тупѣетъ голова, когда цѣлый день вертишься въ кругу пошлыхъ мыслей. Моя душа здѣсь, какъ въ погребѣ.... О Боже, какъ я несчастливъ». Дѣло въ томъ, что у него «отняли волю трудиться», что ему «не достаетъ духу мыслить». «Или система, о которой ты знаешь, слишкомъ высока, или я слишкомъ глупъ... Развивъ абсолютъ до первоначальной матеріи, я сталъ, какъ вкопанный». Печальный результатъ этотъ приписывался вліянію окружающей обстановки. Тѣмъ не менѣе Анненковъ

констатируетъ любопытный фактъ, что «Огаревъ отлично уживался съ тѣмъ самымъ свѣтомъ, на который падали его безпощадные удары»; онъ, въ дѣйствительности, «обладалъ искусствомъ находить для себя уютные уголки посреди многолюдства и царствовать тамъ въ силу одной симпатической своей природы», не отличаясь «ни особеннымъ даромъ слова, ни эпиграмматическою мѣткостью замѣтокъ, ни веселостью», какъ Герценъ.

Во всѣхъ увлеченіяхъ Огарева было много безусловно искренняго, и онъ обнаружилъ стремленія выразить свои мнѣнія въ своихъ общественныхъ отношеніяхъ. Но результаты этой практической дѣятельности были плачевны, обнаруживъ величайшую непрактичность, полное незнакомство съ презираемымъ обществомъ и русскимъ народомъ. По смерти отца онъ задумалъ «отпустить па волю», освободить отъ крѣпостной зависимости крестьянъ села Бѣлоомута, села богатѣйшаго, считавшаго въ своей средѣ чуть не милліонеровъ-крестьянъ,и отпустилъ за ничтожный выкупъ. Но вся операція эта, по выраженію Анненкова, закончилась абсурдомъ. Огаревъ самъ въ концѣ концовъ разорился; но не выиграли ничего и крестьяне, въ массѣ. Хозяйство села «было мужицко-олигархическое, съ обманнымъ видомъ самоуправленія»; въ дѣйствительности масса, бѣдные, находились въ полной зависимости отъ богачей, которыхъ считали своими прирожденными господами. Молодой помѣщикъ устроилъ дѣло такъ, что отдалъ этихъ бѣдняковъ, при выкупѣ, вполнѣ въ руки могущественныхъ кулаковъ, хотя вполнѣ могъ взять съ богачей въ десять разъ больше только за свободу, и предоставить бѣдному люду хоть бы даромъ земли и угодья, свободныя отъ эксплоататоровъ. И, совершивши все это, Огаревъ «началъ долгую жизнь праздностей, мечтаній, толковъ, всего обычнаго времяпрепровожденія русскихъ той эпохи въ Москвѣ и за границей».

Съумѣлъ совершенно испортить и свою личную жизнь Огаревъ, женившись неудачно. «Да, другъ, другой жены я не могъ бы выбрать и съ другой не могъ бы быть счастливъ»,—патетически восклицалъ онъ, — а теперь я счастливъ, совершенно счастливъ... Какъ богата, какъ роскошна во всемъ, что въ мірѣ называютъ прекраснымъ и высокимъ, будетъ жизнь»... Но Огаревъ опять принималъ свои мечтанія за дѣйствительность. Жена его оказалась съ стремленіями, совсѣмъ не гармонировавшими съ намѣреніями мужа,—и жизнь его была разбита. Нужно подивиться идеалистической слѣпотѣ и слабости характера Огарева во всей этой исторіи, которая окончательно доконала его матеріальное положеніе и оставила глубокіе слѣды на всей его жизни. Во всемъ онъ оказался «неудачникомъ», «лишнимъ человѣкомъ», который только тѣмъ былъ освобожденъ отъ судьбы Тургеневскаго «Гамлета Щигровскаго уѣзда», что занималъ въ обществѣ русскомъ, по своему богатству вначалѣ, положеніе вліятельное, исключительное, а по сво-

имъ связямъ тоже и впослѣдствіи. Не нужно, однако, думать, что дальнѣйшая его дѣятельность снимаетъ съ него тотъ колоритъ, которымъ окрашены его описанныя выше дѣянія. Не менѣе горькое разочарованіе, въ смыслѣ объективномъ, послѣдовало, какъ извѣстно, и за его совокупною съ Герценомъ дѣятельностью заграничною, лондонскою, что̀ и понятно, ибо мечтатель остался имъ до конца.

III.

Мы остановились такъ долго на Огаревѣ потому, что въ немъ рѣзче выразились извѣстныя свойства и черты времени и обстоятельствъ. Но Герценъ? Примѣнимо ли къ нему все вышесказанное,— къ нему, отличавшемуся и большей силой ума, и большей выдержанностью характера, и большей опредѣленностью стремленій? Прежде всего невольно поражаетъ тотъ, безусловно утверждаемый Анненковымъ и доказываемый дружбою втеченіе всей жизни Огарева съ Герценомъ, фактъ, что Герценъ былъ постоянно подъ вліяніемъ мечтательной и благородной личности Огарева. Затѣмъ несомнѣнно, что Герценъ обладалъ умомъ болѣе трезвымъ и проницательнымъ. Тѣмъ не менѣе въ той или другой мѣрѣ въ немъ постоянно сказываются одинаковыя съ Огаревымъ родовыя черты умственнаго и нравственнаго склада. «По истинѣ можно удивляться, — говоритъ Анненковъ, — этой массѣ плановъ и предначертаній, которые не давали успокоиться уму нашего автора (Герцена) и, вѣроятно, помѣшали полному осуществленію и окончательной обработкѣ всѣхъ ихъ».

Дѣйствительно, самые разнообразные планы кишѣли въ умѣ Герцена, показывая несомнѣнное отсутствіе ясно сознанныхъ представленій о своей роли въ общественной русской жизни, несомнѣнную случайность увлеченій. Ссылка хотя и тяжело отразилась на нравственномъ его состояніи, но, какъ и въ Огаревѣ, вызвала стремленіе «въ тотъ міръ фантазіи, гдѣ широко и разгульно мечтать, гдѣ воля полная страстямъ». «Какая-то ничтожность, землистость покрыла мою душу здѣсь», — пишетъ Герценъ далѣе.— «Для занятій почти нѣтъ времени—цѣлое утро въ канцеляріи, а послѣ обѣда, по большей части, пропадаетъ: les devoirs de la société маленькаго города обязываютъ всякаго дѣлать глупости. Сначала я распутничалъ, но остановился, вспомнивъ, что я обязанъ беречь свою душу для другихъ ощущеній, и еще болѣе увидѣлъ пустоту этихъ ложныхъ, искусственныхъ чувствъ». Въ этомъ состояніи пріѣздъ Витберга въ Вятку уже представляется Герцену фактомъ для его личной жизни высокаго значенія. «Онъ понимаетъ всякій восторгъ, цѣнитъ всякое чувство, онъ артистъ въ душѣ... Въ его головѣ родилась мысль высокая, — сбыточная или нѣтъ, что за дѣло?»... И дни и ночи проводитъ онъ съ Витбергомъ «въ во-

сторженныхъ разговорахъ о торжествѣ всего пошлаго и рутиннаго на землѣ»...

Изъ Москвы спрашивали, что же собственно серьезнаго дѣлаетъ Герценъ? Въ портфелѣ его было заготовлено множество статей, плановъ, начатковъ, даже драматическихъ сценъ, притомъ въ стихахъ, и т. п. Умалчивая объ этомъ, онъ, однако, даетъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ работахъ, которымъ не всѣмъ суждено было придти къ окончанію, по причинамъ довольно понятнымъ. «Что я могу прислать для печати?»—спрашиваетъ онъ, и отвѣчаетъ: «1) «Встрѣчи»; это три статьи... 2) «Письма о Казани, Перми и Вяткѣ»... 3) «Легенда»... наконецъ 4) первыя четыре главы моей повѣсти: «Тамъ». Относительно послѣдней, напримѣръ, Герценъ выражаетъ сомнѣніе, «можно ли въ формѣ повѣсти перемѣшать науку, каррикатуру, философію, религію, жизнь реальную, мистицизмъ». Изъ дальнѣйшаго мы узнаемъ, что «всемірный энциклопедическій романъ» этотъ могъ имѣть нѣкоторое сходство съ Флоберовскимъ произведеніемъ «Искушеніе св. Антонія», съ тою капитальною разницею, что религіозный индифферентизмъ Флобера замѣнился бы здѣсь проповѣдью о томъ, что въ искусствѣ находится прямая оцѣнка вѣрованій. «Такъ вотъ съ чего,—восклицаетъ Анненковъ,—начиналъ Герценъ, будущій авторъ статей «О диллетантизмѣ въ наукѣ», «Объ изученіи природы», «Записокъ доктора Крупова» и множество другихъ произведеній совершенно противоположнаго характера съ тѣми, которыя здѣсь разбираемъ!» Дальше шли фантазія «Полингенезія», драма, иначе: «Лициній», отрывокъ изъ новыхъ драматическихъ сценъ, въ стихахъ; «Диссертація о томъ, о семъ»; «Даніилъ въ Вавилонѣ»—новая поэма»... Анненковъ даетъ любопытнѣйшія разъясненія къ этимъ предположеннымъ произведеніямъ. Такъ «Лициній» представлялъ попытку «громадныхъ и рискованныхъ обобщеній»; тутъ было, напримѣръ, «сопоставленіе апостола Павла, воскрешающаго юношу, съ расчетливымъ Уильямомъ Пеномъ, убѣгающимъ въ Америку для водворенія своей замкнутой въ себѣ, сектантской и торговой общины». Какъ человѣкъ съ умомъ большимъ и проницательнымъ, Герценъ моментами скептически и самъ относился къ этому кипѣнію ума въ дѣйствіи пустомъ. «Нѣтъ,—писалъ онъ,—все, что я писалъ, глупо. Сожгу все, кромѣ статьи архитектурной, а она, можетъ быть, всѣхъ глупѣе, да въ ней есть хоть указаніе на мысль широкую... Есть мысль хорошая для новой повѣсти, а какъ примешься писать, выйдетъ чортъ знаетъ что: пуншъ, въ которомъ и чай, и ромъ испорчены другъ другомъ»...

Гораздо позднѣе, въ эпоху второй, почетной, ссылки Герцена, въ Новгородъ, когда онъ «радуется», что «цѣли (у него) ограничены», когда онъ сознаетъ, что «пора перестать блуждать по морю по океану», Герценъ, тѣмъ не менѣе, еще увлекается широкими задачами и ри-

скованными обобщеніями. Онъ предпринимаетъ изученіе Гегеля и нѣмцевъ, диссертацію о Петровскомъ переворотѣ, и составленіе книжки о всеобщей исторіи для дѣтей — одновременно. Но, какъ и въ предыдущее время, эти предпріятія остаются тщетными, выходя не изъ изученія предметовъ предварительнаго, а изъ стремленія найти въ нихъ основанія для уже готовыхъ широкихъ обобщеній. Гегеля Герценъ понималъ такъ, что тотъ «взрылъ почву подъ общественнымъ, частію еще средневѣковымъ строемъ европейской жизни, но боялся наложить руки на само зданіе, выстроенное ею на рыхлой почвѣ, изъ жалости къ красивой его постройкѣ, на которую указывалъ и своимъ послѣдователямъ, терпѣливо ожидая, что оно рухнетъ само собою, по милости логически и діалектически подкопаннаго имъ, Гегелемъ, фундамента»,—толкованіе, конечно, совершенно произвольное и только льстящее настроенію авторскаго ума. Для диссертаціи о Петровскомъ переворотѣ Герценъ запасается Голиковымъ, но мысль его идетъ ранѣе изученія фактовъ, и въ томъ именно направленіи, что «мы, выходящіе изъ національности въ чисто европейскую форму и сущность, заканчиваемъ дѣло очеловѣченія Руси», а «послѣ нашего времени начнется періодъ органическаго, субстанціальнаго развитія, и притомъ чисто человѣческаго для Руси; вся «диссертація» разрѣшилась, однако, только «остроумной статейкой»: «Москва и Петербургъ», которая не могла попасть въ нашу печать и появилась на свѣтъ въ видѣ привѣса къ забавному разсказу «Станція Едрово», передѣланная и ослабленная. Книжка о всеобщей исторіи для дѣтей по отсутствію пособій была заброшена.

Въ соприкосновеніяхъ съ дѣйствительностію Герценъ обнаружилъ гораздо больше впечатлительности и трезвости мысли, чѣмъ Огаревъ. Обыденная жизнь провинціи, при настроеніи Герцена, конечно, не могла не повліять на него всего больше чисто отрицательными сторонами, скрывая источники и корни, болѣе жизненные. «Что за пошлость провинціальная жизнь!» — пишетъ онъ.— «Когда Богъ сжалится надъ этой толпой, которая столь же далека отъ человѣка, сколько отъ птицы!» Распространяя свое предвзято-отрицательное отношеніе ко всему русскому быту, на основаніи міровыхъ теорій, Герценъ и друзья его обнаружили весьма характерную черту своими отношеніями къ Вадиму Пассеку. Путевыя записки этого этнографа, указывавшія на важность путешествій по Россіи для пониманія ея исторіи, приняты были, какъ «отреченіе автора отъ недавняго своего прошлаго, отъ связей съ товарищами»; на основаніи его восторженнаго отношенія къ былому Руси и къ ея исторіи было заключено, что «онъ перешелъ въ лагерь служебнаго патріотизма». И Герценъ восклицаетъ: «Вадимъ продолжаетъ писать—se offendendo; я радъ: ренегатамъ нѣтъ успѣха». Ошибка скоро обнаружилась, но фактъ остался характернымъ.

Во всемъ этомъ не было упрямаго и тупаго нежеланія видѣть вещи въ болѣе дѣйствительномъ освѣщеніи, и Герценъ не безъ удивленія сознается въ своихъ ошибкахъ, имѣвшихъ предвзято теоретическія причины. «Теперь я увидѣлъ хоть часть Россіи,— писалъ онъ изъ первой своей ссылки.—Что же я замѣтилъ? Во-первыхъ, что управленіе губернское въ интегралѣ идетъ несравненно лучше, нежели я думалъ, и, находясь теперь въ центрѣ онаго, я могу судить о необъятныхъ трудахъ министерства внутреннихъ дѣлъ для матеріальнаго благосостоянія, и болѣе, прогрессивное начало, сообщаемое министерствомъ, гораздо выше понятій и требованій провинціи»... Позже Герценъ, впрочемъ, иначе взглянулъ на дѣло, основываясь на опытѣ и наблюденіяхъ; но эти иные взгляды были столько же результатами дальнѣйшаго развитія опредѣлившихся теоретическихъ построеній. Чтобы понять болѣе опредѣленно, въ чемъ состояли названные опыты и наблюденія, нужно взглянуть на службу Герцена въ Новгородѣ, въ качествѣ совѣтника губернскаго правленія. «Здѣсь, по выраженію Анненкова, открылось ему то запущенное годами поле администраціи, которое онъ призванъ былъ подготовить для высшей культуры. По крайней мѣрѣ, такъ онъ понялъ самъ свою задачу, впадая при этомъ въ ошибку, свойственную всѣмъ утопистамъ канцелярій и правленій». Онъ «принялся за работу не какъ чиновникъ, а какъ посторонній чиновникъ, имѣющій свои цѣли и торопящійся обнаружить свои честныя идеи». Въ одномъ изъ разсказовъ Помяловскаго есть чиновникъ, производящій слѣдствіе надъ мужеубійцею, и, вмѣсто того, чтобы собирать факты, требуемые закономъ, плачущій вмѣстѣ съ убійцею, преступленіе которой было результатомъ несчастно сложившейся семейной жизни,—примѣръ, могущій пояснить въ преувеличенной формѣ дѣйствія утописта-чиновника. Естественно, что Герценъ не поладилъ ни съ кѣмъ, и оставилъ службу, оставилъ свое мѣсто болѣе податливому, конечно, человѣку, быть можетъ, и совсѣмъ не имѣвшему «идей»; та польза, которая вытекала бы изъ дѣятельности въ «раздражающемъ» отдѣленіи, гдѣ сосредоточивались дѣла о ссыльныхъ, о крестьянахъ, должна была отступить передъ стремленіемъ освободить себя отъ «страданій несовершенствованіями администраціи и суроваго, положительнаго законодательства»...

Умственная жизнь, черезъ которую прошли позже знаменитые дѣятели, и которой мы собрали наиболѣе яркія черты, была результатомъ не личныхъ ихъ свойствъ, но всего времени; и это прекрасно поясняетъ, почему то поколѣніе не оставило на столько положительнаго наслѣдія, что потомство не могло бы отнестить къ нему отрицательно. Мечтательный идеализмъ былъ свойствомъ всѣхъ

образованныхъ людей того времени, соединенный съ пренебрежительнымъ отношеніемъ ко всей дѣйствительности узнать въ ея не однѣхъ только темныхъ сторонахъ, даже съ нежеланіемъ узнать эту дѣйствительность. Въ этомъ смыслѣ выдающіеся дѣятели были въ близкомъ родствѣ, какъ это ясно читателю, съ тѣми типами русскихъ людей, которые были воспроизведены вскорѣ литературою,—великій актъ русскаго самосознанія. Самъ Анненковъ, судившій своихъ сверстниковъ гораздо позже, заднимъ числомъ, принадлежалъ къ тому же типу, и въ его «письмахъ» изъ-за границы и парижскихъ, обнаруживающихъ весь складъ его мысли, находятся тому доказательства. Не менѣе запечатлѣны тѣмъ же духомъ и характеромъ письма къ Анненкову, собранныя въ книгѣ, за исключеніемъ, быть можетъ, писемъ Гоголя, этого великаго психолога, видѣвшаго, при своемъ знаніи души человѣческой, все то смутное и неопредѣленное, что руководило современнымъ ему положеніемъ. Если самъ великій художникъ, Гоголь ничего не могъ создать положительнаго въ сферѣ общественныхъ воззрѣній, то съ большой проницательностью умѣлъ онъ цѣнить существующія. «Непонятенъ для меня,—писалъ онъ, напримѣръ, Анненкову,—духъ нѣкотораго удовлетворенія вашимъ настоящимъ состояніемъ, точно какъ бы вы уже нашли важную часть того, что ищете, и какъ бы стали уже на верховную точку вашего разумѣнія и вашего воззрѣнія на вещи. Вы уже подымаете заздравный кубокъ и говорите: да здравствуетъ простота положеній и отношеній, основанныхъ на практической дѣйствительности, здравомъ смыслѣ, положительномъ законѣ, принципѣ равенства и справедливости! Смыслъ всего этого необъятно обширенъ. Цѣлая бездна между этими словами и примѣненіями ихъ къ дѣлу. Если вы станете дѣйствовать и проповѣдовать, и то прежде всего замѣтятъ въ вашихъ рукахъ эти заздравные кубки, до которыхъ такой охотникъ русскій человѣкъ, и перепьются всѣ, прежде чѣмъ узнаютъ, изъ-за чего было пьянство». Любопытныя строки! Въ нихъ съ одной стороны очерчивается съ необыкновенной наглядностью, что даже стремленія трезваго ума Анненкова къ «простотѣ отношеній, основанныхъ на практической дѣйствительности и здравомъ смыслѣ», носили очевидный характеръ чисто теоретическихъ построеній, которыя тотчасъ и усмотрѣлъ Гоголь. Съ другой—онѣ показываютъ, какъ ясно умѣлъ видѣть Гоголь отсутствіе опредѣленности за повидимому совершенно опредѣленными словами, какъ мало могли его увлечь теоріи и мечтанія, составлявшія суть вещей для тогдашнихъ, даже наиболѣе выдающихся, умовъ, прошедшихъ школу европейскаго образованія.

Анненковъ беретъ Герцена и Огарева еще вначалѣ ихъ дѣятельности, болѣе въ тридцатые годы. Но легко понять, что крѣпкая закваска теоретичности и мечтательности, какъ бы ни были

суровы впослѣдствіи уроки жизни, не могла уже уступить ничему вполнѣ. И если искать причинъ этому странному и въ сущности достаточно печальному состоянію умовъ въ наши тридцатые и сороковые годы, то ихъ невозможно нигдѣ найдти иначе, какъ въ направленін нашего тогдашняго образованія. Дѣло было въ томъ, что образованіе это было лишено всякихъ русскихъ основъ, лишено всякой родной почвы, и въ этомъ глубоко были правы позднѣйшіе «почвенники» литературные, подвергавшіеся совершенно напрасно осмѣянію. Русскіе люди тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ учились почти всецѣло у иностранцевъ, на иностранныхъ языкахъ, по иностраннымъ книжкамъ. Тамъ они находили грандіозныя представленія объ исторической жизни Европы и еще болѣе грандіозныя утопіи, указывавшія главнымъ образомъ на пороки европейской жизни, противорѣчащіе имъ, но принимавшіеся русскими учениками за дѣйствительность европейскую. Съ другой стороны они находили тамъ традиціонную вѣковую ненависть къ Россіи, воззрѣнія на нее, какъ на дикую страну. И то, и другое прививалось къ молодымъ душамъ со всею силою; родная дѣйствительность, богатая мрачными сторонами, какъ бы оправдывала эти воззрѣнія своею противоположностью съ европейскими утопіями и вырывала интересъ къ себѣ. Въ лучшемъ случаѣ она вызывала къ себѣ сожалѣніе и стремленіе передѣлать ее по иностраннымъ образцамъ, согласно съ европейскими теоріями. А между тѣмъ эта дѣйствительность русская, слагавшаяся вѣками и скрывавшая подъ внѣшними формами крѣпкія непоколебимыя основы, не могла уступить такъ легко первымъ подвернувшимся теоріямъ, и въ душѣ мечтателя могла только вызвать въ лучшемъ случаѣ, въ случаѣ любви къ родинѣ, отчаяніе, подобное тому, которое вылилось въ «Философическихъ письмахъ» Чаадаева. Естественно и неизбѣжно, что еще молодые умы, еще въ первые моменты самостоятельной дѣятельности, должны были уходить отъ этой русской дѣйствительности въ міръ фантазій, для которыхъ такое роскошное поле представлялъ міръ европейскихъ литературъ, тогда какъ русской литературы, можно сказать, еще не было,—и европейской исторіи. При знакомствѣ съ Европою личномъ, она, на первыхъ порахъ, тѣснотою своего населенія и связаннаго съ нею развитія общественности, равно какъ и историческими преданіями, какъ бы подтверждала теоретическія о ней представленія, и разочарованія въ ней, анализъ ея быта, наступали, какъ у Герцена, гораздо позже, при внимательномъ ея обозрѣніи не съ однѣхъ внѣшнихъ сторонъ. А это, при состояніи молодой русской мысли, и было единственнымъ надежнымъ путемъ возвращенія къ родинѣ, къ болѣе серьезному отношенію къ ней.

Времена того мечтательнаго идеализма для Россіи, конечно, прошли. Но кто не согласится съ тѣмъ, что, какъ ни сильно было

отрицаніе его даже въ послѣдующемъ поколѣніи, понынѣ встрѣчаются еще на каждомъ шагу, въ направленіяхъ мысли русской, рѣзкіе слѣды этого прошлаго? Легко оставлялись несостоятельныя воззрѣнія, но трудно было отрѣшиться отъ общаго привычнаго настроенія умовъ, и отъ однихъ заблужденій такъ удобно было переходить къ другимъ. Путь къ самостоятельной умственной жизни лежитъ для Россіи чрезъ точное сознаніе прошлыхъ ошибокъ, чрезъ совлеченіе ореоловъ съ прошлыхъ заблужденій, нисколько, замѣтимъ, не препятствующее съ должнымъ уваженіемъ относиться къ замѣчательнымъ дѣятелямъ этого прошлаго. Книга Анненкова представляетъ цѣнные матеріалы для этой, предстоящей русскимъ умамъ, работы, которая не будетъ безплодна.

Арсеній Введенскій.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ УЧЕНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И. Е. ЗАБѢЛИНА.

АПРѢЛЯ 25-го исполнилось, а 17-го сентября текущаго года будетъ праздноваться, полувѣковое служеніе исторической наукѣ одного изъ наиболѣе даровитыхъ и крупныхъ ея представителей, глубокаго знатока нашего древняго, до-Петровскаго, быта и выдающагося археолога, Ивана Егоровича Забѣлина. Едва ли кто другой изъ русскихъ историковъ посвятилъ столько вниманія нашему древнему быту, столько работалъ надъ многотруднымъ собираніемъ его мелкихъ подробностей, добываніе которыхъ пріобрѣталось цѣною долгой кропотливой работы съ источниками крайне сухими, въ родѣ старыхъ описей, счетныхъ и расходныхъ книгъ. Немногіе съумѣли бы овладѣть всѣмъ этимъ матеріаломъ, извлечь изъ него характерныя и наглядныя черты той жизни, которая оставила въ нихъ слѣдъ, и не сдѣлаться, вмѣстѣ съ тѣмъ, архиваріусами. Нуженъ былъ недюжинный талантъ, философская обобщающая способность и поэтическо-историческая фантазія, которая одна только въ состояніи одухотворить сухой матеріалъ, пугающій обыкновеннаго наблюдателя или дѣйствующій на него только поверхностно—древній курганъ, развалину, старую запись. Благодаря своему самобытному историческому таланту, Забѣлинъ угадывалъ смыслъ памятника, самъ переносился въ далекія времена и сдѣлался живымъ бытописателемъ, который,—согласно его собственному взгляду на задачу исторіи, высказанному въ статьѣ: «Размышленія о современныхъ задачахъ русской исторіи и древностей»,—всегда стремился «выяснить типическія черты народной жизни, понять народъ, какъ живую единицу, возсоздать народную личность въ живомъ цѣльномъ образѣ». Можно не соглашаться съ нѣкоторыми взглядами Забѣлина,—напримѣръ,

на первоначальную исторію Руси, на развитіе московскаго единодержавія, на причины смутнаго времени,—можно называть ихъ даже парадоксальными и скорѣе остроумными, чѣмъ хорошо обоснованными, но нельзя, вмѣстѣ съ тѣмъ, не признать, что Забѣлинъ всякій старый и какъ будто уже рѣшенный историческій вопросъ умѣетъ поставить такъ оригинально и такъ освѣтить его съ новыхъ сторонъ, что для читателя дѣлаются до очевидности ясными слабыя стороны въ господствующихъ мнѣніяхъ и раскрывается необходимость новыхъ изслѣдованій. Такимъ образомъ, въ Забѣлинѣ, какъ историкѣ и археологѣ, соединяются два рѣдкихъ и цѣнныхъ качества: смѣлый оригинальный умъ и живая поэтическая фантазія. Онъ историкъ-художникъ, историкъ-философъ. Поэтому-то, придавая большое значеніе каждой характерной мелочи древняго быта, прекрасно зная цѣну старинной иконѣ, рукописи, портрету, сосуду, оружію, украшенію и т. д., Забѣлинъ, въ то же время, отнюдь не видитъ въ нихъ цѣль и сущность археологической науки. Мелочи быта должны служить только къ уясненію представленій, понятій, вѣрованій и идеаловъ древняго человѣка, къ возсозданію его со всѣмъ матеріальнымъ бытомъ, умственнымъ развитіемъ и нравственнымъ складомъ, что и составляетъ главную цѣль археологическаго изслѣдованія. Нельзя также не замѣтить, что занятія археологіей и древней русской жизнью не угасили въ Забѣлинѣ интереса къ современности, не сдѣлали его поклонникомъ до-Петровской Руси. Забѣлинъ всегда былъ противъ идеализаціи русской старины, горячо сочувствовалъ и реформѣ Петра Великаго, и реформамъ прошлаго царствованія, и видѣлъ въ усвоеніи Россіею началъ европейской цивилизаціи, съ примѣненіемъ ихъ къ потребностямъ и условіямъ русской жизни, необходимое условіе нашего историческаго развитія. Горячо любя русскую старину, Забѣлинъ открывалъ въ ней черты той самобытности, на почвѣ которой могъ выработаться самостоятельный историческій процессъ нашего развитія.

На сколько замѣчательна учено-литературная дѣятельность Забѣлина, на столько же любопытна и жизнь этого даровитаго самоучки, обязаннаго своимъ развитіемъ и обширными познаніями исключительно выдающимся природнымъ способностямъ и любознательности. Жизнь и дѣятельность Забѣлина находятся въ довольно тѣсной связи и распадаются на три періода. Первый—періодъ службы въ московской Оружейной палатѣ и въ московской дворцовой конторѣ, когда Забѣлинъ занимался, главнымъ образомъ, XVI—XVII вѣками; этотъ періодъ завершился капитальнымъ двухтомнымъ трудомъ «Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ», увѣнчаннымъ Демидовской и Уваровской преміями и награжденнымъ серебряною и золотою медалями отъ императорскаго русскаго археологическаго общества. Во второмъ періодѣ Забѣлинъ обратился

къ самой далекой древности, къ до-Рюриковской эпохѣ; къ началу этого періода относятся работы по раскопкѣ кургановъ на югѣ России, а завершеніемъ его является двухтомная «Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ», первый томъ которой вышелъ въ 1876, а второй—въ 1879 году. Наконецъ, третій періодъ, продолжающійся до настоящаго времени, посвященъ, съ одной стороны, дѣятельности по московскому Историческому музею, въ основаніи котораго Забѣлинъ принималъ близкое участіе и въ которомъ теперь состоитъ товарищемъ предсѣдателя, а съ другой—исторіи и археологіи Москвы.

Родился И. Е. Забѣлинъ 17-го сентября 1820 года, въ Твери, въ бѣдной семьѣ чиновника тамошней казенной палаты. Черезъ годъ послѣ рожденія сына, Забѣлины переѣхали въ Москву, гдѣ отецъ получилъ мѣсто въ губернскомъ правленіи и гдѣ, шесть лѣтъ спустя, онъ умеръ, оставивъ вдову и семилѣтняго сына безъ всякихъ средствъ къ существованію. Послѣ долгихъ хлопотъ, вдовѣ Забѣлиной удалось, наконецъ, опредѣлить сына, 12-го ноября 1832 года, въ Преображенское училище при богадѣленномъ домѣ московскаго приказа общественнаго призрѣнія. Не смотря на суровость школы, ея старинные порядки и старинные учебники, талантливый мальчикъ находилъ возможность прочитать русскій переводъ біографій Плутарха, первый томъ Карамзина, нѣкоторые романы Вальтеръ-Скотта, Купера и Вельтмана; такое чтеніе еще на школьной скамьѣ пробудило въ Забѣлинѣ интересъ къ историческому прошлому, къ древнему быту. Къ сожалѣнію, въ виду стѣсненныхъ обстоятельствъ матери Забѣлинъ не могъ продолжать свое образованіе, не могъ идти тою дорогою, которою шли обыкновенно способные ученики Преображенскаго училища,—черезъ гимназію или при посредствѣ домашней подготовки поступить въ университетъ. Забѣлинъ долженъ былъ поступить въ 1837 году на службу въ Оружейную палату канцелярскимъ служителемъ втораго разряда. Канцелярская служба, въ качествѣ даже одной переписки бумагъ, по необходимости и незамѣтно пролагала здѣсь дорогу къ подробному изученію русской исторіи и древностей. Оружейная палата, это единственное въ своемъ родѣ хранилище разнородныхъ и драгоцѣнныхъ памятниковъ царскаго быта [1]), въ то же время заключала никому неизвѣстный и совсѣмъ забытый архивъ древнихъ расходныхъ и другихъ книгъ. Все это, конечно, не могло не возбудить любознатель-

---

[1]) Оружейная палата въ до-Петровское время завѣдывала всею художественною и ремесленною частью по украшенію и внутреннему убранству дворца; подъ ея вѣдѣніемъ производились всѣ иконописныя и живописныя работы, а также рѣзныя и токарныя, деревянныя и костяныя, золотыя, ювелирныя, желѣзныя, и т. п. Въ этомъ же вѣдомствѣ сосредоточивалось и все собственно оружейное дѣло.

ности молодаго Забѣлина. Скоро научившись читать старинные затѣйливые почерки, онъ, пересматривая мало-по-малу въ свободное отъ службы время и перечитывая архивный матеріалъ, замѣтилъ, что ни у Карамзина, ни въ другихъ книгахъ по русской исторіи, нѣтъ и помину о многомъ, что̀ открывалось въ этихъ рукописяхъ. Изъ дробныхъ и мелкихъ свѣдѣній, которыя молодой Забѣлинъ

Иванъ Егоровичъ Забѣлинъ.

усердно выписывалъ, мало-по-малу сами собою составлялись болѣе или менѣе полные отдѣлы любопытныхъ свидѣтельствъ о давней старинѣ. Такимъ образомъ, и была на первый разъ составлена, въ 1840 году, статья о богомольныхъ путешествіяхъ русскихъ царей въ Троице-Сергіеву лавру, встарину называвшихся «Троицкими походами». Но юный авторъ не довѣрялъ своимъ силамъ и не рѣшался выступить въ печать, ограничиваясь пока только помощью Строеву и Снегиреву въ ихъ занятіяхъ въ архивѣ Оружейной па-

латы. Но случайное знакомство съ В. В. Пассекъ, тогдашнимъ редакторомъ «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», и его ободряющая просьба о сотрудничествѣ, конечно безвозмездномъ, заставили отдать робѣющаго автора на пробу въ «Московскія Губернскія Вѣдомости» одинъ лишь краткій очеркъ своей статьи, который и былъ напечатанъ, 25-го апрѣля 1842 года, въ № 17, подъ заглавіемъ: «Нѣсколько словъ о богомольныхъ царскихъ походахъ». Съ нѣкоторыми добавленіями эта же статья была перепечатана въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1846 года и значительно дополненная новыми архивными данными черезъ годъ, затѣмъ, появилась на страницахъ «Чтеній императорскаго общества исторіи и древностей», за что авторъ тогда же былъ избранъ въ соревнователи, а потомъ, съ 1851 года, и въ дѣйствительные члены. Такъ началась учено-литературная дѣятельность Забѣлина. Вѣрный разъ избранному пути, онъ неутомимо продолжалъ свои изысканія въ томъ же направленіи, рѣдко касаясь внѣшней политической исторіи и чувствуя, что его главная сила въ изученіи исторіи бытовой.

За первымъ трудомъ, втеченіе сороковыхъ годовъ, въ разныхъ періодическихъ московскихъ изданіяхъ стали появляться другія статьи Забѣлина, посвященныя самостоятельному изученію нашего древняго быта и основанныя на архивныхъ данныхъ; кромѣ статей, Забѣлинъ началъ писать и рецензіи на новыя историческія книги. Изъ статей сороковыхъ годовъ особенное вниманіе обратили на себя рядъ небольшихъ очерковъ подъ общимъ заглавіемъ: «Нѣкоторые придворные обряды и обычаи царей московскихъ». Новизна сообщаемыхъ матеріаловъ и талантливая обработка ихъ сдѣлали извѣстнымъ имя молодаго ученаго. На Забѣлина, сдѣлавшагося членомъ московскихъ ученыхъ и литературныхъ кружковъ, обратилъ, между прочимъ, сочувственное вниманіе Грановскій, который помогалъ ему въ его стремленіяхъ къ знанію и даже читалъ для него (и еще для нѣсколькихъ лицъ) особый курсъ исторіи. Такимъ путемъ И. Е. успѣлъ вознаградить недостатки своего образованія, что дало ему возможность внести въ свои спеціальныя изслѣдованія широкую постановку вопросовъ. Литературные труды измѣнили къ лучшему служебное положеніе Забѣлина: въ 1848 году онъ перешелъ помощникомъ архиваріуса въ московскую дворцовую контору, гдѣ потомъ, съ 1856 по 1859 годъ, состоялъ архиваріусомъ.

Въ началѣ 1850 года, отъ петербургскаго археологическаго общества была объявлена задача написать на Уваровскую премію сочиненіе о металлическомъ производствѣ въ Россіи до XVII столѣтія. Забѣлинъ взялся за эту задачу, прекрасно выполнилъ ее и получилъ премію, точно такъ же какъ черезъ два года и за другое сочиненіе, предложенное тѣмъ же обществомъ—«Историческое обозрѣніе финифтянаго и ценинпаго дѣла въ Россіи». Продолжая обрабатывать матеріалы по исторіи царскаго быта, Забѣлинъ время отъ

времени, втеченіе 1851—1857 годовъ, помѣщалъ ихъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Въ 1862 году эти журнальныя статьи вышли отдѣльной книгой, подъ заглавіемъ «Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII столѣтіяхъ»; семь лѣтъ спустя, появился второй томъ озаглавленный «Домашній бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ». Несомнѣнно, что это лучшая книга изъ всѣхъ, какія только выходили въ нашей литературѣ по исторіи русскаго быта. По замыслу автора, сочиненіе его должно было обнимать главныя основы исторіи русской культуры — исторію семейнаго быта, потому что за недостаткомъ общественнаго развитія вся жизнь древней Руси сосредоточивалась преимущественно на семьѣ, въ домашнемъ быту; кромѣ того, авторъ остановилъ свое вниманіе на бытѣ царей и царицъ потому, что въ его основѣ замѣчается первобытный строй безъискусственной жизни всего русскаго народа; большія же удобства и самый «нарядъ» этого быта служили образцомъ для боярства. Авторъ ограничилъ предметъ своихъ изслѣдованій XVI и XVII столѣтіями вслѣдствіе того, что только отъ этихъ столѣтій дошло до насъ достаточное количество матеріаловъ для исторіи быта, и что древне-русская жизнь въ этомъ періодѣ, и особенно въ XVII столѣтіи, достигла въ Москвѣ своего наивысшаго развитія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ важнѣйшія явленія изучаемаго періода, если только они основываются на послѣдовательномъ преданіи, Забѣлинъ объясняетъ историческимъ путемъ, отличая всякій разъ древнѣйшее отъ присущаго XVI и XVII столѣтіямъ; поэтому характеристика русскаго быта излагается въ его книгѣ не только съ документальною точностью, но и въ исторической перспективѣ послѣдовательно развивающихся явленій. Этой талантливой характеристикой Забѣлинъ, между прочимъ, показалъ, что государь въ своей жизни въ домашнемъ быту оставался народнымъ типомъ хозяина и вотчинника и что все различіе царскаго быта отъ простонароднаго заключалось въ большей «прохладѣ», въ такъ называемомъ «нарядѣ». Изба крестьянская, срубленная во дворцѣ, для государева житья, убранная богатыми тканями, раззолоченная и расписанная, оставалась всетаки избою съ тѣми же лавками, конникомъ, переднимъ угломъ, сохраняя даже общенародное названіе избы. Москва въ сущности была помѣщичьею усадьбою, обширнымъ дворцомъ вотчинника, стоявшимъ среди деревень и слободъ, которыя почти всѣ имѣли какое либо служебное назначеніе въ хозяйствѣ вотчинника, въ потребностяхъ его домашняго обихода. Названія разныхъ урочищъ, улицъ и переулковъ Москвы до нашего времени свидѣтельствуютъ объ этомъ вотчинническомъ характерѣ московскихъ князей и государей; самый планъ города, похожій на паутину, расположеніе улицъ и переулковъ, изъ которыхъ первыя какъ бы бѣгутъ къ центру этой паутины, къ Кремлю, а другіе постоянно огибаютъ этотъ центръ, до

сихъ поръ наглядно свидѣтельствуютъ, куда тянула жизнь и что управляло даже внѣшнимъ расширеніемъ города. Разсыпанныя въ книгѣ Забѣлина мелочи быта, приведенныя въ живую связь съ цѣлымъ, даютъ не только яркій колоритъ своеобразной картинѣ и подробно обрисовываютъ полную обстановку, среди которой протекала старинная дворцовая жизнь съ ея обычаями, обрядами, повѣрьями и взглядами, но и знакомятъ вообще съ отечественною исторіею, съ народными промыслами и занятіями, свидѣтельствуя, что древне-русскій бытъ не коснѣлъ въ неподвижности, а замѣтно развивался, вслѣдствіе разныхъ улучшеній и видоизмѣненій, особенно съ конца XVI и въ XVII столѣтіи. Нельзя не отмѣтить того замѣчательнаго, такъ сказать, такта, съ которымъ авторъ умѣетъ устранить себя отъ личнаго вмѣшательства и заставляетъ говорить только самые факты, сами собою бросающіе свѣтъ и тѣни въ общей исторической картинѣ домашняго быта русскихъ царей и царицъ до-Петровской Руси.

Второй періодъ литературной дѣятельности Забѣлина соединился съ новыми служебными занятіями. По предложенію графа С. Г. Строганова, И. Е. занялъ въ 1859 году мѣсто младшаго члена только-что возникшей императорской археологической коммиссіи и принялъ порученіе разслѣдовать скиѳскіе курганы въ степяхъ Новороссіи и на Таманскомъ полуостровѣ. Въ 1864 году, Забѣлинъ получилъ мѣсто старшаго члена и неутомимо, втеченіе 17-ти лѣтъ, съ небольшими перерывами, продолжалъ археологическія раскопки, вознаградившіяся крупными, драгоцѣнными находками. Такъ, раскопка въ 1860 году «Толстой могилы», близь Краснокутской станціи, по дорогѣ изъ Екатеринославля въ Никополь, и особенно раскопка въ 1863—1864 гг. «Чертомлыцкаго кургана» на правомъ берегу Днѣпра, въ 20-ти верстахъ отъ Никополя,—кургана, имѣвшаго 9 саженъ вышины и болѣе 165 саженъ въ окружности,—дали множество золотыхъ, бронзовыхъ и другихъ издѣлій греческой и варварской работы III—II вѣковъ до Р. Хр., которыя существенно обогатили отдѣлъ скиѳскихъ южно-русскихъ древностей императорскаго Эрмитажа. Эти раскопки дали также наглядное понятіе объ обстановкѣ погребенія скиѳскихъ царей и подтвердили отчасти извѣстія Геродота. Не менѣе важные результаты дала раскопка двухъ значительныхъ кургановъ на Таманскомъ полуостровѣ, гдѣ открыта была могила какой-то царицы или жрицы Деметры, со множествомъ драгоцѣнныхъ художественныхъ греческихъ издѣлій III вѣка до Р. Хр. Всѣ эти находки дали обширный матеріалъ для южно-русской археологіи и исторіи древняго греческаго и варварскаго искуства. Описаніе разслѣдованій кургановъ, кромѣ отчетовъ въ археологическую коммиссію, сдѣлано еще въ статьѣ: «О раскопкѣ Чертомлыцкаго кургана», за что Забѣлинъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены императорскаго московскаго археологическаго

общества, а также въ сочиненіи, появившемся въ 1872 году, подъ заглавіемъ «Древности Геродотовой Скиѳіи».

Изслѣдованіе кургановъ, этихъ памятниковъ далекой древности, навело талантливаго археолога на мысль возсозданія древняго быта, чтò онъ и исполнилъ съ замѣчательнымъ искусствомъ въ «Исторіи русской жизни съ древнѣйшихъ временъ». Авторъ не соглашается съ учеными, которые начинаютъ русскую исторію съ «пустаго мѣста», оставляя почти безъ вниманія то, чтò могло въ ней происходить до призванія варяговъ (по теоріи норманнистовъ), или до Игоря (по Иловайскому), или даже до Владиміра Святаго (по Костомарову). Первоначальныя лѣтописныя извѣстія не вымыселъ; въ нихъ есть зерно дѣйствительнаго, фактическаго положенія вещей, и Забѣлинъ объясняетъ ихъ въ русско-славянскомъ смыслѣ, отыскивая начало Руси въ балтійскомъ славянствѣ, откуда вышли и варяги. Опираясь на указанія лѣтописи, что жители Новгородскаго края назывались «Славянами», а южнаго края — «Русью», Забѣлинъ говоритъ, что на сѣверъ шелъ особый славянскій притокъ населенія съ запада, отъ балтійскаго славянства. Побудительною причиною этого движенія были интересы промысла и торговли; движеніе шло по сѣти рѣкъ — отъ устьевъ Нѣмана въ глубь нынѣшняго Западнаго края и потомъ сѣвернѣе къ Новгороду и его окрестнымъ землямъ. По этому пути Забѣлинъ находитъ цѣлый рядъ мѣстностей и поселеній съ именами, взятыми отъ славянъ: городъ «Словенскъ» озера «Словенскія», «Слововгощъ», «Словенскіе ключи», и проч. Такимъ образомъ и закрѣпилась связь Новгорода съ заморьемъ, — связь, которая въ фактѣ призванія князей-варяговъ является обычнымъ дѣломъ. «Варяги», по самой лѣтописи, бывали въ Новгородѣ; это были промышленники, торговцы, а также и воины съ славянскаго балтійскаго поморья, которое въ тѣ времена славилось своей мореходной, промышленной и военной предпріимчивостью. Варяги пришли, какъ единоплеменники, и вскорѣ слились съ общей массою населенія, благодаря быстротѣ развитія первоначальной русской исторіи. Дѣлая, затѣмъ, общій очеркъ страны, авторъ складомъ ея объясняетъ видоизмѣненія народнаго типа, а также образованіе историческихъ центровъ. Полагая, что русская страна издавна принадлежала племени, которое живетъ въ ней и въ историческія времена, Забѣлинъ утверждаетъ, что Несторовы русскія племена уже при Геродотѣ (т. е. за 450 лѣтъ до Р. Хр.), а потомъ и при Птоломеѣ, сидѣли на тѣхъ же мѣстахъ и съ тѣми же мѣстными именами, что славянами были и гунны, и роксоланы, и меланхлены, и скиѳы, и сарматы. Не придерживаясь ни родоваго быта, ни славянофильской общины, Забѣлинъ находитъ, что родовой бытъ — только первичная форма общественности, которая господствовала въ тѣсныхъ предѣлахъ частной жизни; родовая община приводила къ созданію городка и города, а слѣдовательно и

городоваго быта: только въ городѣ могъ образоваться и зародышъ государственный, т. е. потребность порядка и правильной власти. Мнѣніе Забѣлина о существованіи въ до-исторической Руси культуры подтвердилось позднѣйшими археологическими изысканіями профессора Д. Я. Самоквасова.

Вообще «Исторія русской жизни» исполнена большаго интереса по живой постановкѣ историческаго вопроса. Новый взглядъ на начало русской государственности проведенъ у Забѣлина, какъ вѣрно замѣтилъ А. Н. Пыпинъ, съ логическою ясностью, въ искусно объясняемой связи съ данными условіями (исторически извѣстными или теоретически выводимыми) народной жизни, съ умѣньемъ понимать и угадывать бытовыя явленія отдаленныхъ вѣковъ. Можно не соглашаться со многими взглядами Забѣлина относительно нашей доисторической древности, но нельзя не признать, что критика его указала много слабыхъ сторонъ въ господствующихъ мнѣніяхъ. Неясность лѣтописнаго разсказа о началѣ Руси, отсутствіе прямыхъ указаній на первоначальныя связи новгородскаго сѣвера съ балтійскимъ поморьемъ у многихъ можетъ возбудить недовѣріе къ теоріи Забѣлина. Но сильная сторона ея въ томъ, что она объясняетъ смутное лѣтописное преданіе безъ всякихъ неожиданностей, въ родѣ норманновъ, родины которыхъ не могли розыскать самые усердные норманнисты; она беретъ свое главное основаніе въ реальныхъ торгово-промысловыхъ отношеніяхъ, которыя существовали и много вѣковъ послѣ призванія, какъ, вѣроятно, существовали и раньше. Кромѣ мастерскаго обзора ученыхъ мнѣній о началѣ Руси, положительными достоинствами въ книгѣ Забѣлина отличаются тѣ отдѣлы, которые относятся къ бытовой археологіи. Особенно удалось Забѣлину изображеніе древняго общинно-родоваго быта, путей и способовъ народной колонизаціи, обстоятельствъ, вызвавшихъ «призваніе варяговъ», начатковъ городской жизни и болѣе сложнаго общественнаго порядка, а также характеристика древней лѣтописи.

Занимаясь раскопками и «Исторіею русской жизни», Забѣлинъ, однако, не прерывалъ совсѣмъ изученія стариннаго русскаго быта. Такъ, въ 1865 году, онъ издаетъ «Историческое описаніе московскаго ставропигіальнаго монастыря», въ 1872 году помѣщаетъ въ «Русскомъ Архивѣ» большую статью «Мининъ и Пожарскій. Прямые и кривые въ смутное время», появившуюся въ 1883 году отдѣльнымъ изданіемъ, пишетъ изслѣдованіе о «Кунцевѣ и древнемъ Сѣтунскомъ станѣ», собираетъ и издаетъ, въ 1872—73 годахъ, свои статьи, написанныя въ разное время, въ два тома, подъ заглавіемъ: «Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи», наконецъ, въ 1878 году помѣщаетъ въ журналѣ «Древняя и Новая Россія» изслѣдованіе по древне-русскому искусству, подъ заглавіемъ «Черты самобытности въ древне-рус-

скомъ зодчествѣ», первоначально читанное въ московскомъ обществѣ любителей художествъ. Наиболѣе замѣчательными изъ этого ряда перечисленныхъ статей являются: въ «Опытахъ»—«Дѣтскіе годы Петра Великаго» и «Московскіе сады въ XVII столѣтіи», а также—«Мининъ и Пожарскій». Послѣдняя статья представляетъ возраженіе на монографію Костомарова «Личности смутнаго времени», и въ ней Забѣлинъ доказываетъ, что смута начальныхъ годовъ XVII столѣтія порождена и распространена на всю Землю боярствомъ и вообще служилымъ сословіемъ и что, наоборотъ, коренное земство (народъ) не только не участвовало въ сочиненіи и распространеніи смуты, но, крѣпкое и здоровое нравственно, угасило ее и спасло отечество.

Послѣ семнадцатилѣтней службы въ императорской археологической коммиссіи, въ 1876 году, Забѣлинъ, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, вышелъ въ отставку, вслѣдствіе разстроеннаго здоровья частію отъ зимнихъ занятій въ архивахъ, а главнымъ образомъ отъ пребыванія, при раскопкѣ кургановъ, въ сырыхъ подземельяхъ, иногда на глубинѣ шести саженъ. И. Е. намѣревался посвятить свой досугъ историческимъ трудамъ, занявшись своей «Исторіей русской жизни». Отчасти это удалось ему исполнить и выпустить въ свѣтъ, въ 1879 году, второй томъ «Исторіи»; но отъ продолженія этого капитальнаго труда Забѣлинъ былъ отвлеченъ другаго рода важною дѣятельностью: 6-го января 1879 года, послѣ смерти С. М. Соловьева, И. Е. избрали предсѣдателемъ императорскаго общества исторіи и древностей. Въ изданіяхъ этого общества Забѣлинъ помѣстилъ цѣлый рядъ интересныхъ статей и сообщеній, каковы, напр., «Дополненія къ дворцовымъ разрядамъ». Кромѣ того, къ послѣднему періоду неутомимой ученой дѣятельности И. Е. относятся двѣ замѣчательныхъ работы: первая — обширная статья въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1881 года, подъ заглавіемъ: «Взглядъ на развитіе московскаго единодержавія», вторая—первый томъ «Матеріаловъ для исторіи, археологіи и статистики Москвы».

Въ статьѣ «Взглядъ на развитіе московскаго единодержавія» первоначальная исторія Москвы разсматривается съ совершенно новой и оригинальной точки зрѣнія. Статья эта является опроверженіемъ мысли, высказанной Карамзинымъ, что «Москва, будто бы, своимъ величіемъ обязана ханамъ», что князья московскіе брали поклонами Ордѣ, между тѣмъ какъ Рюрикъ, Святославъ, Владиміръ брали земли мечомъ. Забѣлинъ, наоборотъ, очень убѣдительно доказываетъ, что сила Москвы развилась не изъ хищничества, а изъ крѣпкой самозащиты, изъ умѣнья постоять за себя, изъ умѣнья «жить за одинъ». Въ Москвѣ существовало внутреннее единеніе, и если случалось смятеніе въ семьѣ князей московскихъ, то являлся на помощь народъ и пе-

редовое общество. Торговля разросталась отъ земской тишины, посреди которой больше всѣхъ богатѣли московскіе князья потому, что Москва стояла на торговомъ распутіи. Развитіе московскаго единодержавія въ сущности есть развитіе народнаго единства. Зерно, или растительная клѣточка этого единства, съ давнихъ поръ хранилась въ особенностяхъ народнаго быта Суздальской земли, именно въ промышленныхъ началахъ народной жизни, постоянно требовавшихъ тишины и мира для всей Суздальской области. «Жить за одинъ» значило жить заодно съ землею, съ интересами всего земства. И дѣйствительно, во всѣхъ важныхъ дѣлахъ Москва всегда обращалась къ мнѣнію земства, хотѣла жить съ нимъ однимъ умомъ и въ этомъ находила не только твердую опору, но и оправданіе своихъ дѣйствій, по крайней мѣрѣ, во всѣхъ общеземскихъ дѣлахъ. Москва очень дорожила земскимъ мнѣніемъ, потому что вся ея исторія постоянно опиралась на земство и выростала изъ земства же. Народъ хорошо помнилъ стихійную грозу царя Ивана Васильевича IV, но онъ также хорошо помнилъ и его стремленіе жить съ земствомъ единою душею, а потому и въ пѣсняхъ про Грознаго царя высказываетъ не малое ему сочувствіе. Въ политическомъ и общественномъ отношеніи московскій царскій идеалъ и царская власть выразили небывалое дотолѣ могущество русской народной самостоятельности и самобытности. Московскіе князья подняли политическій и общественный духъ Руси, и это необходимо отразилось въ сознаніи всего народа, какъ и отдѣльнаго лица. До возвышенія Москвы князья непрестанно крамолили, заводили усобицы и тѣмъ только угнетали развитіе народной жизни.

Столь же замѣчательны, если не больше, «Матеріалы для исторіи, археологіи и статистики Москвы». Это—капитальная исторія первопрестольной столицы, предпринятая по порученію московской городской думы. Для начертанія исторіи этого города, различныхъ московскихъ учрежденій, памятниковъ и предметовъ, Забѣлинъ предназначилъ 137 рубрикъ или отдѣловъ: исторія городской власти, земской, посадской и государевой, составъ населенія и его статистика въ связи съ земледѣліемъ, посадами, слободами, съѣзжими дворами и проч., исторія церковныхъ приходовъ, московской благотворительности, врачебнаго искусства, торговли, биржи, промысловъ, грамотности и т. д. Когда въ 1884 году появился первый томъ «Матеріаловъ», покойный Н. В. Калачовъ такимъ образомъ отозвался о нихъ: «Одно ужъ заглавіе новаго обширнаго изданія, предпринятаго московской городской думой, и знаменитое имя археолога, которому поручено его составленіе, должны возбудить не только въ каждомъ москвичѣ, но и въ каждомъ русскомъ, самыя радостныя чувства по поводу великаго дѣла, задуманнаго и уже приводимаго въ исполненіе нашей первопрестольной столицей».

Еще въ 1871 году кіевскій университетъ св. Владиміра удостоилъ Забѣлина степени доктора русской исторіи, «желая тѣмъ почтить многолѣтнюю полезную дѣятельность этого ученаго», а въ послѣдующіе годы и другіе русскіе университеты и ученыя общества избрали И. Е. въ свои почетные или дѣйствительные члены. Наконецъ, въ 1884 году, императорская академія наукъ избрала Забѣлина въ число членовъ-корреспондентовъ.

С. Трубачевъ.

ПАМЯТНИКЪ ПЛѢНИРЫ.

ВЪ КОНЦѢ прошлаго столѣтія, въ Петербургѣ, блистала, умомъ и красотой Екатерина Яковлевна Державина жена нашего знаменитаго поэта Гавріила Романовича. Вокругъ нея въ тѣ времена собиралось все лучшее и образованнѣйшее тогда общество. Въ ея гостиной встрѣчались поэты и писатели—Дмитріевъ, Хемницеръ, Капнистъ, историкъ Карамзинъ и многіе другіе. Ее воспѣвали въ самыхъ восторженныхъ стихахъ и одахъ, отдавая должное ея уму и красотѣ. По словамъ современниковъ, она обладала такой чарующею граціей, что ее называли Плѣнирой. Ее этимъ именемъ называлъ и самъ ея мужъ Г. Р. Державинъ, почерпавшій въ ней свое вдохновеніе. Ея кроткій, тихій и въ то же время веселый характеръ ставился въ образецъ. Она не была лишена также и талантовъ: прекрасно рисовала, пѣла и, какъ говорятъ, была отличной чтицей. Особенно удавались ей силуэты: она умѣла ихъ легко и живо схватывать съ натуры и съ удивительной вѣрностью наносить на бумагу или вырѣзывать изъ нея. Одинъ изъ силуэтовъ, вырѣзанныхъ ея рукою, дошелъ и до нашихъ дней. Она въ одну изъ шаловливыхъ минутъ въ кругу друзей вырѣзала силуэтъ Хемницера и такъ удачно, что Хемницеръ счелъ нужнымъ приложить его къ изданію своихъ сочиненій, которое вышло въ свѣтъ черезъ пять лѣтъ послѣ смерти сдѣлавшей силуэтъ художницы—въ 1799 году. Любители подобныхъ работъ могутъ отыскать этотъ силуэтъ въ указанномъ изданіи, которое, хотя и составляетъ теперь библіографическую рѣдкость, но еще существуетъ кое-гдѣ. Державинъ гордился своей соломенной гостиной, обои которой были сплетены руками его жены изъ со-

ломы. По свидѣтельству современниковъ, она даже писала стихи, но эти произведенія ея не дошли до насъ.

Екатерина Яковлевна Державина до замужества носила фамилію Бастидонтъ. Въ ея жилахъ текла португальская кровь. Отецъ ея, португалецъ Бастидонтъ, былъ камердинеромъ императора Петра III, а мать—кормилицей великаго князя Павла Петровича. Воспитаніе ея, по словамъ современниковъ, было самое обыкновенное, «какое получали тогда въ приватныхъ учебныхъ заведеніяхъ; но она, по выходѣ въ замужество, пристрастилась къ лучшимъ сочиненіямъ французской и отечественной словесности. Въ обществѣ друзей своего супруга она пріобрѣла вѣрный вкусъ и здравое сужденіе о красотахъ и недостаткахъ сочиненія; отъ нихъ же, а болѣе отъ Н. А. Львова и А. Н. Оленина получила основательныя свѣдѣнія въ музыкѣ и архитектурѣ». Не смотря на свое низкое происхожденіе, она умѣла держать себя на такой высотѣ, какая была прилична женѣ тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера, какимъ былъ тогда Г. Р. Державинъ. Она была красавицей. Ей въ 1778 году, когда она была еще невѣстой, влюбленный Державинъ написалъ посвященіе:

«Хотѣлъ бы похвалить, по чѣмъ начать, не знаю.
«Какъ роза, ты нѣжна; какъ ангелъ, хороша;
«Пріятна, какъ любовь; любезна, какъ душа»...

Она принимала живѣйшее участіе во всѣхъ дѣлахъ, предпріятіяхъ и даже помышленіяхъ своего мужа. Подъ ея вліяніемъ и въ ея присутствіи онъ задумывалъ и выполнилъ многія изъ своихъ произведеній. Она была его душою и вдохновляла его, представляя для него собою самаго близкаго человѣка. Самыя лучшія и знаменитыя произведенія поэта явились въ первые годы его женитьбы. Лучшими годами въ своей жизни самъ Державинъ считалъ время отъ своей свадьбы и до смерти Екатерины Яковлевны. Ей посвятилъ онъ нѣсколько своихъ произведеній и, между прочимъ, стихотвореніе «Ласточка», начинающееся словами: «О, домовитая ласточка, о, милосизая птичка!»... Стихотвореніе это было написано еще при жизни Екатерины Яковлевны. Послѣ ея смерти Державинъ добавилъ къ концу слѣдующія строки:

«Душа моя! Гостья ты міра,
«Не ты ли перната сія?
«Воспой же безсмертіе, лира...
«Возстану, возстану и я;
«Возстану, и въ безднѣ эфира
«Увижу-ль тебя я, Плѣнира?»...

Въ скобкахъ самимъ авторомъ было приписано: «Сочинено въ память первой жены автора». Державинъ очень любилъ ее, гдѣ только было возможно, вставлялъ ея имя въ своихъ стихотвореніяхъ.

Въ его бумагахъ найденъ былъ даже полулистъ со счетомъ бѣлья, на оборотѣ котораго рукою поэта было написано четверостишіе:

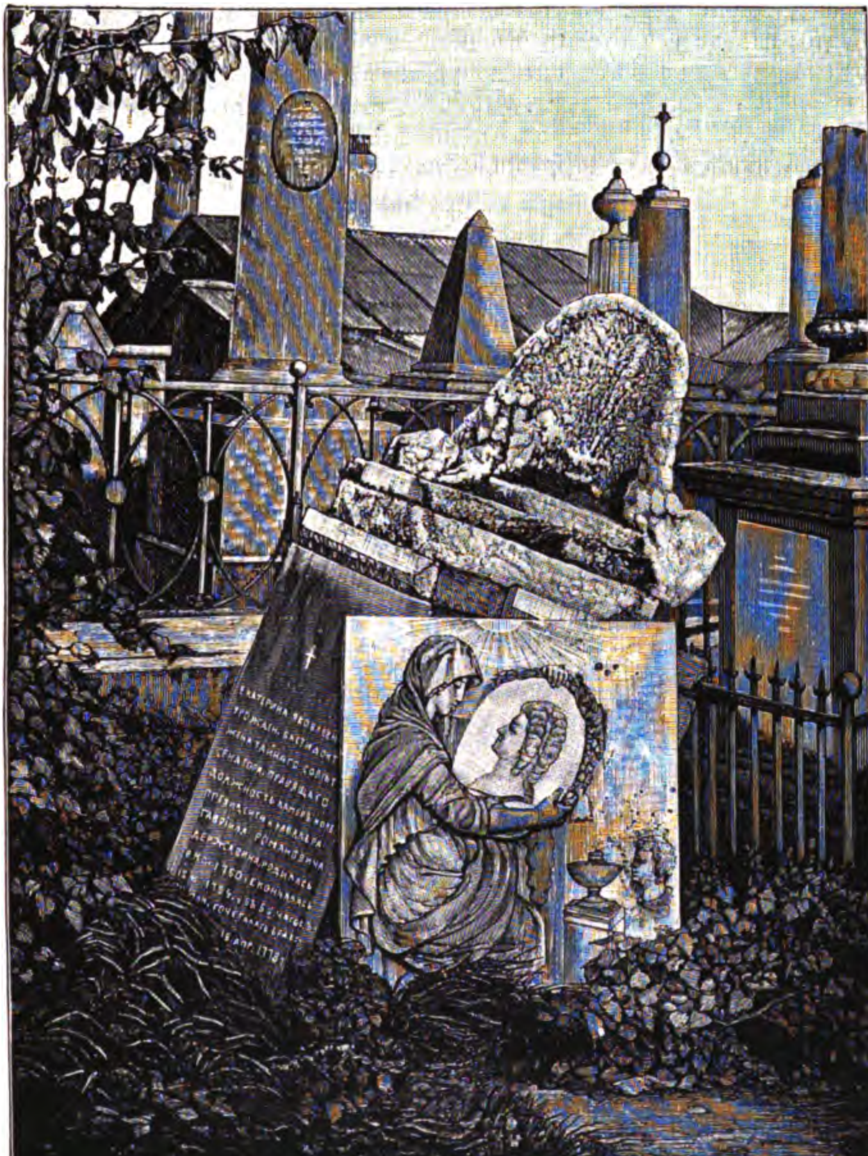
«Не знаю, отчего весь духъ мой унываетъ
«И грудь мою тоска несносно разрываетъ;
«Не знаю, что меня смущаетъ и мятетъ
«И ни на часъ душѣ покоя не даетъ»...

Въ это время Екатерина Яковлевна жила въ Тамбовѣ, и мужъ ея тосковалъ въ одиночествѣ. Она нѣсколько разъ заболѣвала въ этомъ городѣ лихорадкою, которая въ конецъ и расшатала ея здоровье. Державинъ чутко прислушивался ко всякимъ доходившимъ въ Петербургъ вѣстямъ о ея здоровьѣ и даже былъ склоненъ видѣть въ нѣкоторыхъ событіяхъ благопріятныя предзнаменованія. Такъ, подъ вліяніемъ случайнаго событія, онъ написалъ стихотвореніе «Провидѣніе», въ которомъ восклицаетъ:

«Ты возвратило мнѣ Плѣниру!»...

Дѣло заключается въ слѣдующемъ. Не задолго до смерти Плѣниры, которая въ это время была уже серьезно больна, и мужъ ея постоянно жилъ между страхомъ за ея жизнь и надеждой, а именно 31-го марта 1794 года, императрица Екатерина посѣтила Эрмитажъ и, взглянувъ въ окно на Неву, увидѣла внизу на ней оживленную сцену. Она заинтересовалась и велѣла узнать, что тамъ происходитъ. Оказалось, что толпа собралась потому, что спасали утопавшую дѣвочку сироту-охтянку. На императрицу это событіе произвело сильное впечатлѣніе. Она облагодѣтельствовала сироту, а Державинъ тутъ же, по поводу всего происшествія, написалъ восторженное произведеніе «Провидѣніе». Склонный видѣть въ этомъ событіи счастливое предзнаменованіе, которое пророчитъ выздоровленіе его жены, онъ воскликнулъ Провидѣнію: «Ты возвратило мнѣ Плѣниру». Но его ожиданіямъ и надеждамъ не суждено было сбыться. Екатерина Яковлевна, тогда уже переѣхавшая изъ Тамбова въ Петербургъ, угасала съ каждымъ днемъ, и черезъ три мѣсяца ея не стало.

Она родилась въ 1760 году и вышла замужъ 18-ти лѣтъ въ 1778 году. Судьба дала ей очень немного цвѣтущихъ лѣтъ, такъ украшавшихъ и жизнь Державина, и его друзей, и современнаго ей общества. Она умерла на 34-мъ году своей жизни, проживъ съ мужемъ только шестнадцать лѣтъ. Ея смертью былъ искренно огорченъ весь тогдашній образованный Петербургъ. Въ ея лицѣ потеряли красивую, умную, образованную и талантливую женщину съ возвышенной душой и вмѣстѣ съ нею хоронили идеалъ любящей жены и примѣръ образцовой хозяйки. За ея гробомъ тянулся длинный траурный поѣздъ. На мужа смерть ея произвела удручающее впечатлѣніе. Онъ совсѣмъ потерялъ голову, и стихотворенія его, относящіяся къ этому времени, полны самой искренней скорби,



Памятникъ Плѣниры.

доходившей даже до чего-то похожаго на галлюцинаціи. На второй день смерти, утромъ, когда тѣло Екатерины Яковлевны лежало еще на столѣ, Державинъ проснулся и, лежа на диванѣ, увидѣлъ, будто изъ дверей буфета къ нему течетъ и ложится около него бѣлый туманъ; затѣмъ онъ почувствовалъ какъ бы ласковое прикосновеніе какого-то духа. Этотъ туманъ онъ счелъ за посѣтившій его духъ жены, явившійся утѣшить его въ скорби. Поэтъ немедленно написалъ: «Призваніе и явленіе Плѣниры».

«Приди ко мнѣ, Плѣнира,
«Въ блистаніи луны,
«Въ дыханіи зефира,
«Во мракѣ тишины!...
«Приди въ подобьи тѣни,
«Въ мечтѣ, иль легкомъ снѣ,
«И, сѣдши на колѣни,
«Прижмися къ сердцу мнѣ...
«Я вижу — ты въ туманѣ
«Течешь ко мнѣ рѣкой,
«Плѣнира на диванѣ
Простерлась надо мной,
И легкимъ осязаньемъ
Устъ сладостныхъ твоихъ,
Какъ вѣтерокъ дыханьемъ,
Въ объятіяхъ своихъ
Меня ты утѣшаешь
И шепчешь нѣжно въ слухъ:
«Почтò такъ сокрушаешь
«Себя, мой милый другъ?
«Нельзя смягчить судьбину,
«Ты сколько слезъ ни лей»...

Смерть Екатерины Яковлевны оплакали въ стихахъ Дмитріевъ и Капнистъ, называя ее также Плѣнирою. При жизни ея извѣстный въ то время художникъ Боровиковскій написалъ съ нея масляными красками портретъ. Съ этого портрета послѣ смерти ея художникомъ Майромъ (Mayr) была сдѣлана гравюра aqua tinta, изданная Н. А. Львовымъ съ слѣдующею имъ же сочиненною подписью (1797):

«Красою, дружбою, любовью оживлялась,
Къ любови вѣчной призвана,
Жива въ сердцахъ друзей осталась
И съ ними лишь умретъ она».

Но болѣе всѣхъ тосковалъ самъ Державинъ. Глубокой грустью дышитъ его письмо къ И. И. Дмитріеву, написанное недѣлю спустя послѣ смерти жены. Вотъ что онъ пишетъ 24 іюля 1774 года.

«Ну, мой другъ, Иванъ Ивановичъ, радость твоя о выздоровленіи Екатерины Яковлевны была напрасна. Я лишился ея 15-го

числа сего мѣсяца. Погруженъ въ совершенную горесть и отчаяніе. Не знаю, что съ собою дѣлать. Не стало любезной моей Плѣниры! Оплачьте, музы, мою милую, прекрасную, добродѣтельную Плѣниру, которая для меня только жила на свѣтѣ, которая все мнѣ въ немъ составляла. Теперь для меня сей свѣтъ совершенная пустыня... и васъ, друзей моихъ, нѣтъ къ утѣшенію моему! Простите и будьте счастливы»...

Еще до похоронъ Екатерины Яковлевны Державинъ написалъ «Пѣснь на смерть Плѣниры» (1794 года, 15 іюля):

«Ужель по тверди бирюзовой,
Прекрасная небесная дщерь,
Достигла ты въ твой домъ лиловой? [1])
. . . .
. . . .
. . . .
Но гдѣ я? Гдѣ? Куда иду?
Тебя, Плѣнира, провожаю!
Тебя въ могилу я кладу!
Какое зрѣлище—Плѣнира!...
. . . .
О сколь несчастливъ я, Плѣнира,
Счастлива и блаженна ты!»...

Ей же онъ посвятилъ и скорбное произведеніе въ прозѣ, въ которомъ ярко описываетъ свое ужасное въ то время душевное состояніе. Приводимъ отрывокъ.

«Ни единая черта красоты твоей не измѣнилась [2]). Отпечатокъ непорочности и добродѣтели блисталъ на твоемъ блѣдномъ лицѣ, подобно какъ заемлющее лучи бреніе испускаетъ отъ себя свѣтъ во мракѣ, или, какъ свѣтлый спящій ангелъ, ты предлежала предстоящимъ; всѣ удивлялись и созерцали въ тебѣ прекрасную душу въ то время, какъ другіе и живые никакой не имѣли. Прекрасная, изъ прекраснаго дому, въ прекрасномъ гробѣ и на прекрасномъ мѣстѣ ты погребена. Но я почто остался? Не услышали небеса молитвы нашей, и смерть не поразила насъ вдругъ обоихъ... Подпора моей жизни, бальзамъ души моей, другъ мой меня оставилъ. Что мнѣ дѣлать? Куда дѣться? Хочу я сыскать отраду внѣ дома моего, иду на театръ міра, вмѣщаюся въ блещущій строй двора, спѣшу на пиршества откупщиковъ, лечу на гулянья друзей, но, вспомня, что тебя ни со мною нѣтъ, ни дома ты меня не ожидаешь, скука простирается по сердцу моему. Природа помрачается въ очахъ моихъ... Ахъ, Плѣнира! Послѣ тебя сыщется ли достойная обладать сердцемъ моимъ, прелестная очаровать мой взоръ, властитель-

---

[1]) Варіантъ: «Достигла въ домъ ты жизни новой».
[2]) То-есть послѣ смерти, въ гробу.

ная оковать мою вѣтренность? Сыщется, можетъ быть, но будь увѣрена, что только на минуту. Хладному моему сердцу всѣ прелости міра теперь прикасаются, какъ къ льдинѣ»...

Въ сочиненіяхъ И. И. Дмитріева есть очень прочувствованное стихотвореніе, написанное на смерть Плѣниры. У Капниста—также. Вотъ что сохранила намъ исторія и записки современниковъ о личности и жизни первой жены Г. Р. Державина. Но до нашихъ дней сохранился еще и другой историческій, напоминающій о ней памятникъ. Это—надгробный мавзолей, воздвигнутый надъ ея могилой на старомъ Лазаревскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Когда-то, по словамъ самого Державина, это было «прекрасное мѣсто». Но теперь этого сказать нельзя. Въ какомъ жалкомъ видѣ теперь мавзолей, можно видѣть на нашемъ рисункѣ. Верхняя часть памятника, представлявшая когда-то эллиптическій куполъ, теперь разрушилась на половину. Весь памятникъ покосился влѣво. Доски съ надписями отвалились и уцѣлѣли отъ полнаго разрушенія только потому, что ихъ кое-какъ недавно прислонила и приставила къ базису администрація кладбища не изъ уваженія къ историческому памятнику, а просто изъ благочинія и для порядка. Правая боковая плита разбита вдребезги; задняя со стихами Державина вросла на половину угломъ въ землю. Памятникъ стоитъ почти у входа на Лазаревское кладбище, нѣсколько вправо, у самой стѣны. На передней мраморной, теперь уже покрывшейся пятнами отъ плѣсени, доскѣ изображена плачущая муза съ портретомъ-медальономъ въ рукахъ и съ урною для слезъ впереди. Портретъ, по свидѣтельству современниковъ, былъ очень похожъ, но теперь онъ выцвѣлъ, и можно смѣло сказать, что если памятникъ не будетъ реставрированъ, то черезъ пять-шесть, много—десять, лѣтъ отъ него останется только груда безфюрменныхъ каменныхъ обломковъ, и память о первой женѣ Державина буквально, а не аллегорически, будетъ стерта съ лица земли.

На той доскѣ, которая видна на рисункѣ слѣва, высѣчена надпись:

> «Екатерина Яковлевна, урожденная Бастидонтъ, жена тайнаго «совѣтника, сенатора, правящаго должность комерцъ-коллегіи пре«зидента и кавалера Гавріила Романовича Державина, родилась «8-го ноября 1760 года; скончалась 15-го іюля 1794 года въ 5½ «часовъ по полуночи. Сочеталась бракомъ 18-го апрѣля 1778 года».

На другой доскѣ сзади, на половину вросшей въ землю, можно еще прочесть четверостишіе Г. Р. Державина:

> «Гдѣ добродѣтель? Гдѣ краса?
> «Кто мнѣ слѣды ея примѣтитъ?
> «Увы! Здѣсь дверь на небеса...
> «Сокрылась въ ней... да солнце встрѣтитъ!»...

На третьей доскѣ изображено:

«Поставилъ сіе надгробіе въ память любезной и добродѣтельной супруги огорченный и благодарный мужъ».

Неужели же этой исторической могилѣ, связанной съ памятью свѣтлой личности и вдохновительницы нашего поэта, дадутъ въ конецъ разрушиться, и, пока еще не поздно, не найдется рука, которая принялась бы за ея починку, хотя бы даже изъ того чувства, которое подвигаетъ потомковъ реставрировать уцѣлѣвшіе отъ времени памятники старины?!

Александръ Чеховъ.

НОВЫЙ ВЗГЛЯДЪ НА РЕФОРМЫ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Въ НАЧАЛѢ нынѣшняго года вышла книга П. Н. Милюкова: «Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVIII столѣтія и реформа Петра Великаго». Трудъ этотъ,—объемистый томъ слишкомъ въ семьсотъ страницъ, не считая обширныхъ приложеній,—представляетъ изъ себя подробное изслѣдованіе, на основаніи массы неизданнаго еще архивнаго матеріала, вопросовъ, поставленныхъ заглавіемъ книги. Не задаваясь цѣлью изобразить дѣятельность Петра Великаго во всей ея полнотѣ и обстановкѣ, авторъ требуетъ отъ читателя своей книги извѣстной подготовки. Даже живая и сжатая заключительная глава книги, вопреки мнѣнію автора, является не столько общимъ изложеніемъ хода реформы, сколько дополненіемъ разъясненій, введенныхъ въ текстъ предъидущихъ главъ. Трудъ П. П. Милюкова являстся, такимъ образомъ, вполнѣ спеціальнымъ и мало доступнымъ для большинства публики. Однако, новизна собранныхъ фактовъ, оригинальность взглядовъ автора на крупнѣйшія явленія нашей исторіи дѣлаютъ его книгу предметомъ живаго вниманія всякаго, интересующагося родной стариной. Изъ новаго труда по эпохѣ Петра Великаго мы беремъ для изложенія не главную сторону его, но наиболѣе характерную для воззрѣній автора и въ то же время, можетъ быть, наиболѣе интересную: объясненіе административныхъ реформъ Петра. Только ограничивая такимъ образомъ свою задачу, мы можемъ въ короткихъ словахъ дать общее представленіе объ обширномъ изслѣдованіи П. Н. Милюкова. Изложеніе нашего автора—строго-хронологическое: этотъ порядокъ обязателенъ и для насъ. Начинаемъ съ первой крупной реформы.

Январьскимъ указомъ 1699 года Петръ предоставилъ право торгово-промышленному населенію городовъ за платежъ двойнаго оклада государственныхъ податей управляться выборными бурмистрами во всякихъ расправныхъ дѣлахъ, повинностяхъ и казенныхъ сборахъ. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ города освобождались отъ воеводскаго управленія и отъ московскихъ приказовъ. Послѣдніе для городскаго населенія замѣнила, вновь учрежденная въ Москвѣ, Бурмистерская палата, или ратуша, состоявшая изъ выбранныхъ же московскимъ населеніемъ бурмистровъ. Ратуша служила высшей инстанціей по судебнымъ дѣламъ для торгово-промышленнаго населенія государства и стягивала всѣ городскіе сборы. П. Н. Милюковъ примыкаетъ къ мнѣнію тѣхъ изслѣдователей, которые (какъ, напр., И. И. Дитятинъ) видятъ въ этой реформѣ преимущественно фискальную мѣру: уменьшить недоборы и недоимки во всякихъ сборахъ, а не мѣру, отвѣчающую интересамъ городовъ дарованіемъ имъ самоуправленія. То-есть авторъ отрицаетъ въ этой реформѣ желаніе Петра Великаго поднять значеніе общества, черезчуръ придавленнаго администраціей, дать ему законные пути заявлять и отстаивать свои нужды. Преобразованіе это является лишь дальнѣйшимъ развитіемъ давно начавшагося процесса — увеличиванія доходности сборовъ путемъ реформы ихъ администраціи: «путемъ сосредоточиванія ихъ въ одномъ центральномъ учрежденіи и путемъ устраненія отъ взиманія ихъ—приказнаго элемента, какъ не способнаго отвѣчать за полноту сбора, съ одной стороны, и какъ составляющаго непроизводительный и лишній расходъ на взиманіе сбора—съ другой стороны» [1]). Но авторъ разочаровываетъ изучающаго эту реформу и въ другомъ отношеніи, вскрывая взглядъ на это преобразованіе и самого городского населенія. Послѣднее еще съ конца царствованія Θедора Алексѣевича было освобождено отъ вмѣшательства воеводъ въ взиманіе государственныхъ сборовъ. Такимъ образомъ, у воеводъ послѣ этого для городскаго населенія оставались лишь «расправныя дѣла», судъ, и откупаться по закону 1699 года приходилось городамъ, въ сущности, лишь отъ этихъ остатковъ воеводской власти, а не отъ воеводскаго управленія во всѣхъ дѣлахъ, какъ гласилъ законъ. Большинство городовъ и не пожелало выкупать такой дорогой цѣной (платежемъ двойного оклада государственныхъ податей) участіе воеводъ въ расправныхъ дѣлахъ и судѣ. Именно, изъ собранныхъ авторомъ свѣдѣній о 70 городахъ оказалось, что только 11 безусловно приняли правительственное предложеніе, 33 отказались отъ него и 26 избрали средній путь: избрали бурмистровъ, но умолчали о двойномъ платежѣ. Поэтому черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ томъ же 1699 году Петръ отказывается отъ двойнаго платежа и дѣлаетъ реформу обязательной и повсемѣстной.

[1]) Стр. 163.

Въ 1708 году Петръ вводитъ новое областное устройство, раздѣливъ всю Россію на губерніи и предоставивъ начальникамъ послѣднихъ обширную власть. Старое Московское государство имѣло очень дробное областное дѣленіе: оно состояло въ XVII вѣкѣ почти изъ полутораста уѣздовъ. Петръ Великій стягиваетъ ихъ въ 8 губерній. Реформа эта объясняется въ исторической литературѣ, какъ вполнѣ новая мѣра, имѣвшая цѣлью улучшить внутреннее управленіе государства и явившаяся плодомъ зрѣлой политической мысли законодателя. По мысли Петра, полагаютъ, новое губернское устройство должно было ослабить злоупотребленія и произволъ мѣстныхъ властей, отдѣлить власть административную отъ судебной, поставить заботой областныхъ управителей не одни финансовыя дѣла — обогащеніе казны государевой, но и благополучіе подданныхъ. Въ иномъ совсѣмъ видѣ является это преобразованіе въ анализѣ автора. Уже съ XVI вѣка появляются на Руси болѣе крупныя территоріальныя единицы, чѣмъ уѣзды, — военные округа. Округа эти (носившіе названія «полковъ» и «разрядовъ») постоянно умножаются, поглощая и дѣля прежніе болѣе старые округа, увеличиваются вмѣстѣ съ территоріальнымъ и военнымъ ростомъ государства. Но округа эти объединялись первоначально лишь разборами (смотрами) мѣстныхъ служилыхъ людей, раздачей имъ жалованья и особенно единствомъ военной команды, и не были похожи на губерніи. Начальникъ «разряда» принималъ на себя и всѣ правительственныя обязанности, но лишь по тому городу (съ уѣздомъ), который былъ назначенъ центромъ военнаго округа. Чтобы приблизиться къ губерніямъ, военные округа должны были получить финансовую компетенцію и правительственный органъ на столько самостоятельный, чтобы онъ освобождалъ провинцію отъ власти московскаго приказа. Судъ и полиція, по мнѣнію автора, примыкали въ Московскомъ государствѣ или къ военной, или къ финансовой власти. Военную и финансовую самостоятельность «разряды» и стали получать въ XVII вѣкѣ, хотя и не вполнѣ, и лишь на болѣе или менѣе короткій срокъ. Тяжелыя войны царей Алексѣя Михайловича и Өеодора Алексѣевича, веденныя преимущественно за Малороссію, принуждали давать такую обособленность округамъ: Сѣвскому, Бѣлгородскому, Смоленскому. Военная нужда повела въ этихъ случаяхъ обращеніе государственныхъ доходовъ, минуя старые пути (изъ области въ центръ и оттуда опять въ область), непосредственно на нужнѣйшее употребленіе, на покрытіе военныхъ расходовъ на мѣстѣ въ самой области. Въ 1681 году была даже сдѣлана попытка распространить на всю Россію дѣленіе на военно-финансовые округа: предполагалось именно распредѣлить все служилое населеніе Россіи между 8 разрядами. Но правительство, по постороннимъ причинамъ, отказалось отъ этой попытки, не приступая къ ея осуществленію. Съ начала Сѣверной войны, т. е. съ

1700 года, государство оказалось въ гораздо болѣе тяжеломъ положеніи, чѣмъ было когда либо. Необходимость въ энергичномъ сборѣ доходовъ и быстромъ распоряженіи собираемыми суммами сказалась сильнѣе, и вотъ за два года до изданія указа о губерніяхъ мы видимъ уже чрезвычайно обширные военные округа, но представляющіе изъ себя, конечно, простое историческое продолженіе прежнихъ,—округа съ очень большой финансовой самостоятельностью. Постройка воронежскаго флота и азовской гавани вызвали азовско-воронежскій округъ; завоеваніе прибалтійскихъ городовъ вызвало ингерманландскій округъ; оборонительная война съ Карломъ XII заставила сосредоточить военныя силы и финансовые рессурсы въ Смоленскѣ и Кіевѣ; астраханскій бунтъ (1705—1706 гг.) вызвалъ казанско-астраханскій военно-финансовый округъ. Обособленіе областныхъ единицъ каждый разъ становилось въ противорѣчіе съ центральными учрежденіями — московскими приказами, которые, какъ извѣстно, не контролировали и не руководили областными органами, а прямо управляли областями черезъ свои послушныя и слѣпыя орудія — черезъ воеводъ. Приказы, обыкновенно оттягивавшіе всякую самостоятельность отъ области, въ этихъ случаяхъ сами теряли эту самостоятельность. Поэтому финансовая компетенція округовъ являлась лишь въ крайнихъ военныхъ опасностяхъ. Опасности, среди которыхъ оказалось Московское государство съ начала Сѣверной войны, значительно превышали таковыя временъ царей Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича. Войны Петра Великаго въ сравненіи съ предшествовавшими были, по замѣчанію автора, ураганомъ, валившимъ зданіе раньше, чѣмъ можно было бы подумать о построеніи новаго. Перечисленные военные округа, получивъ большую финансовую самостоятельность, стали въ противорѣчіе съ Ратушей, управлявшей всѣми городскими сборами, а также и съ другими центральными учрежденіями. Послѣднія стали быстро расшатываться и грозили хаосомъ и путаницей въ общегосударственномъ строѣ. Правительству Петра Великаго пришлось ухватиться за самое необходимое въ данный моментъ, чтобы устоять на ногахъ, и оно поневолѣ взялось за болѣе систематичное устройство военно-финансовыхъ округовъ. Взялось поспѣшно и не намѣтивъ себѣ никакихъ ясныхъ теоретическихъ началъ, обращая лишь вниманіе на потребности минуты; отсюда крайняя сбивчивость и запутанность первыхъ шаговъ новой областной жизни. При этомъ правительство Петра взялось за улучшеніе организаціи военно-финансовыхъ округовъ, не обращая уже вниманія на порядокъ въ центральныхъ учрежденіяхъ. Къ послѣднимъ, къ тому же, у Петра родилось и большое равнодушіе, вслѣдствіе его постоянныхъ отсутствій изъ Москвы. Не много оставалось сдѣлать, чтобы военно-финансовые округа превратились въ губерніи. Тяжелыя политическія событія въ сущности создали губерніи еще до указа о новомъ об-

ластномъ дѣленіи. Въ самомъ дѣлѣ, каждый изъ перечисленныхъ округовъ дѣлается ядромъ губерніи: С.-Петербургской, Смоленской, Кіевской, Азовской, Казанской. Реформѣ оставалось только передать города, не попавшіе въ военную группировку по своему центральному (около Москвы) или сѣверному положенію (по Бѣлому морю), въ спеціальное вѣдомство тѣхъ начальниковъ, которые и до сихъ поръ имѣли надъ ними главную власть: сѣверные города въ вѣдомство начальника Ратуши, а центральные въ вѣдомство начальника Разряднаго Приказа (военнаго министерства). Такъ явились Архангелогородская и Московская губерніи. Сибирь такъ же незамѣтно превратилась въ губернію, получивъ еще въ XVII вѣкѣ военную и финансовую самостоятельность. «Росписаніе городовъ по губерніямъ 1708 года въ основѣ своей только свело въ одно цѣлое рядъ извѣстныхъ намъ частныхъ распоряженій или вывело изъ нихъ ихъ естественныя послѣдствія». Такъ заключаетъ авторъ разборъ территоріальнаго состава новыхъ губерній [1]). Конечно, совпаденіе было еще полнѣе въ цѣляхъ появленія военно-финансоваго округа и его необходимаго продолженія—губерніи. Послѣдняя, какъ и округъ, приближала финансовую администрацію сборовъ къ мѣсту ихъ взиманія, облегчала этимъ наблюденіе за сборами, ввѣряемое надежнымъ лицамъ, и обращало государственные доходы, минуя старые пути, непосредственно на необходимѣйшія употребленія — на войну. Послѣ Полтавской побѣды такое образованіе областныхъ кассъ понадобилось Петру, ожидавшему скораго окончанія войны, и для того, чтобы содержать армію и въ мирное время, но расквартированной по всѣмъ губерніямъ. Здѣсь царь имѣлъ образцомъ Швецію, гдѣ военныя силы содержались прямо областью. Но и такая территоріализація войскъ не была при Петрѣ новой идеей. Проектъ 1681 года, дѣлившій всю Россію на военно-финансовые округа, несомнѣнно заключалъ въ себѣ однородную цѣль. Эта попытка Петра расквартировать армію, которую онъ рѣшился не распускать послѣ войны по домамъ, какъ это дѣлали въ XVII вѣкѣ, однако, не удалась въ настоящій періодъ.

Сначала изслѣдователи (прежде всего Неволинъ) старались найдти связь первыхъ губерній съ административными дѣленіями XVII вѣка, получившимися, когда центральныя учрежденія стягивали подъ свое управленіе каждое по нѣскольку уѣздовъ. Но это была натяжка: въ дѣленіи государства между приказами ясно обнаруживалась крайняя черезполосица. Явилось противоположное мнѣніе—о случайности и механичности Петровскаго дѣленія, подчиненнаго лишь творческой мысли законодателя (Лохвицкій, Андреевскій). Нашъ авторъ снова возвращается назадъ, но ищетъ связь губерній съ военнымъ дѣленіемъ древней Руси. Соотвѣт-

---

[1]) Стр. 371.

ственно этому и цѣль первыхъ губерній, по взгляду П. Н. Милюкова, не улучшеніе областнаго управленія, а болѣе удобное удовлетвореніе ближайшихъ военно-финансовыхъ потребностей минуты. При этомъ связь Петровскихъ губерній съ прошлымъ у автора является на столько глубокой и сильной, что она исключаетъ почти всякую оригинальность и преднамѣренность въ реформѣ 1708 года. Это не значитъ, конечно, что въ старину было стремленіе создать что либо похожее на губернію, и что Петръ лишь наслѣдовалъ и осуществилъ до конца это стремленіе. Какъ раньше, такъ и при Петрѣ Великомъ, самостоятельность области являлась лишь уступкой исключительнымъ обстоятельствамъ. Именно поэтому появленіе губерній у П. Н. Милюкова является болѣе сильнымъ поворотомъ къ новой государственной жизни, чѣмъ знаменуется этотъ фактъ у другихъ историковъ: давая новый ходъ областному управленію, та же реформа 1708 года повела за собою окончательное крушеніе центральныхъ учрежденій.

Паденіе центральной администраціи оставляло пробѣлъ, который необходимо было чѣмъ нибудь пополнить. Распоряженіе эксплоатаціей цѣлаго ряда регалій (прибыль съ денежной операціи, съ продажи соли и другихъ казенныхъ товаровъ) находилось въ ближайшемъ вѣдѣніи самого Петра. Въ 1711 году, «для своей отлучки», онъ передалъ это распоряженіе довѣреннымъ лицамъ. Коллегія этихъ лицъ, учрежденная указомъ 22-го февраля, и была названа въ томъ же указѣ «сенатомъ». Но, созданный для управленія негубернскими поступленіями, сенатъ быстро долженъ былъ получить наблюденіе за губернскимъ хозяйствомъ и руководящую роль въ общей государственной системѣ, т. е. занять по возможности мѣсто разрушенныхъ губерніею центральныхъ учрежденій. Приказы къ 1711 году или явились цѣликомъ въ новыхъ областныхъ центрахъ, получивъ губернское, а не общегосударственное значеніе, или раздѣлили свои дѣла между губерніями, или закрылись. Старая же Боярская Дума, превратившаяся съ самаго начала XVIII вѣка въ съѣздъ начальниковъ важнѣйшихъ отраслей государственнаго управленія, въ «консилію», какъ ее стали называть, не только не имѣла какихъ либо правильныхъ отношеній къ губернскому управленію, но, съ крушеніемъ приказовъ, поколебалась и въ своей главной роли, роли высшей инстанціи для центральныхъ учрежденій. Итакъ, сознательная цѣль учрежденія сената была финансовая: общегосударственное значеніе его первоначально не предвидѣлось. Вотъ почему сенатъ былъ учрежденъ указомъ 22-го февраля, а, напримѣръ, его канцелярія, о которой нѣтъ ни слова въ этомъ указѣ, устроилась лишь 27-го марта 1711 года. Въ концѣ концевъ реформа 1711 года носила на столько же стихійный характеръ, на сколько носило его и преобразованіе 1708 года. Такъ объясняетъ П. Н. Милюковъ происхожденіе «правительствующаго сената».

Въ русской исторической литературѣ полагали сначала, что Петръ Великій замѣнилъ Боярскую Думу сенатомъ потому, что Дума не отвѣчала новымъ потребностямъ государства по своему узко-сословному составу, по отсутствію въ ней достаточной законодательной и исполнительной инициативы. Потомъ въ этотъ взглядъ была внесена существенная поправка (В. О. Ключевскимъ): Боярская Дума съ начала царствованія Петра постепенно превращалась въ совѣтъ («консилію»), близко подошедшій по идеѣ и формѣ къ Петровскому сенату въ первой порѣ дѣятельности послѣдняго; такъ что указъ 22-го февраля не произвелъ переворота въ высшемъ управленіи. Въ изслѣдованіи нашего автора сенатъ не выходитъ изъ «консиліи», то-есть не имѣетъ никакой связи съ Боярской Думой; не является продуктомъ сознательной воли Петра Великаго; сенатъ замѣняетъ не высшую инстанцію центральнаго управленія, а восполняетъ вообще отсутствіе центральныхъ учрежденій, необходимыхъ для правильнаго хода губернскаго управленія.

Въ 1718 году Петръ началъ вводить у себя коллегіи (первоначально числомъ девять), замѣняя ими старые московскіе приказы. Послѣдніе представляли въ большинствѣ очень мелкія учрежденія съ неправильно и случайно разграниченными вѣдомствами. Каждая коллегія, стянувъ обыкновенно по нѣскольку приказовъ, представляла болѣе крупное вѣдомство, причемъ дѣла между коллегіями были распредѣлены правильнѣе по существу. Приказы были болѣе единоличными присутствіями, то-есть дѣла рѣшались въ нихъ по указанію начальниковъ; коллегіи вели дѣла большинствомъ голосовъ, коллегіальнымъ порядкомъ. Новыя центральныя учрежденія, будучи органами власти исполнительной, были подчинены сенату. Образцемъ при устройствѣ коллегій были для Петра западныя, прежде всего шведскія, коллегіи. Значительное, почти рѣшающее вліяніе на Петра Великаго въ признаніи имъ преимуществъ коллегіальныхъ учрежденій передъ единоличными, оказалъ тогдашній философъ Лейбницъ, съ которымъ царь находился въ перепискѣ. Такой взглядъ сложился въ русской исторической наукѣ на коллегіи Петра Великаго. При изученіи ихъ особенно подчеркивалось, что коллегіи замѣнили собою приказы, что значеніе новыхъ центральныхъ учрежденій заключалось для реформатора въ проведеніи въ нихъ принципа коллегіальности. Принципъ этотъ, впрочемъ, послѣ смерти Петра сталъ быстро вырождаться и не оправдалъ надеждъ, возложенныхъ на него великимъ преобразователемъ (что̀ и было одной изъ причинъ, почему при императорѣ Александрѣ I коллегіи были замѣнены министерствами).

Въ изложенный выше взглядъ П. Н. Милюковъ вноситъ существенныя поправки. Коллегіи не замѣнили приказовъ, потому что послѣднихъ къ этому времени не существовало, какъ централь-

ныхъ учрежденій. Приказы, какъ мы уже видѣли, изъ общегосударственныхъ превратились въ губернскія учрежденія, иногда даже сохраняя свое прежнее названіе, подобно тому какъ еще до введенія губерній старые приказы иногда назывались коллегіями. Приказъ большаго дворца, напримѣръ, прежде вѣдавшій всѣ дворцовые города и села, съ учрежденіемъ губерній сохранилъ свое названіе, но получилъ значеніе конторы дворцовыхъ владѣній Московской губерніи. Коллегіи явились, чтобы заполнить то пустое мѣсто, которое образовалось въ центрѣ, вслѣдствіе перемѣнъ въ областномъ управленіи, а не для той цѣли, чтобы замѣнить прежнія центральныя учрежденія. Напротивъ, тѣ изъ послѣднихъ, которыя уцѣлѣли къ 1718 году отчасти еще въ прежнемъ значеніи (общегосударственномъ), не были замѣнены коллегіями и даже не вполнѣ подчинились послѣднимъ, напримѣръ: городское, монастырское, сословно-финансовыя управленія. Эту пустоту въ центрѣ первоначально думали заполнить однимъ сенатомъ, быстро превративъ его изъ финансоваго учрежденія въ правительственное. Но сенатъ не могъ одинъ справляться съ массой дѣлъ; къ тому же губернская организація, вызванная неотложной нуждой, проведенная поспѣшно, представляла крупные недостатки. Поэтому рано выяснилось, что надо точнѣе опредѣлить положеніе сената относительно губернаторовъ, и что это опредѣленіе должно ввести губернаторскую власть въ болѣе точные предѣлы. Двойной задачей законодательства становится, такимъ образомъ, во-первыхъ, возстановленіе системы центральныхъ учрежденій, во-вторыхъ, болѣе опредѣленное устройство областныхъ. Систематическое устройство высшаго управленія должно было состоять въ постановкѣ учрежденій, промежуточныхъ между сенатомъ и губернаторами. Таковыя не могли быть замѣнены ни съѣздами губернаторовъ, созываемыми Петромъ ежегодно къ святкамъ, ни коммиссарами отъ губерній при сенатѣ, учрежденными «для спроса и приниманія указовъ», ни другими отдѣльными и безсистемными попытками. Хотя Петръ Великій несомнѣнно предпочиталъ коллегіальное начало въ управленіи единоличному, но онъ не поэтому ввелъ коллегіи, а потому, что нужно было ввести какія нибудь центральныя государственныя учрежденія. А изъ таковыхъ были знакомы ему и неоднократно рекомендованы иностранныя коллегіи. Познакомившись въ общихъ чертахъ съ устройствомъ коллегій изъ проекта, имѣвшаго въ виду шведскія учрежденія, представленнаго неизвѣстнымъ иностранцемъ въ началѣ 1715 года, Петръ къ зимѣ того же года же года командировалъ въ Швецію голштинскаго камералиста, гамбургскаго уроженца Генриха Фика. Къ началу 1717 года Фикъ собралъ оффиціальные источники шведскаго коллегіальнаго устройства («нѣсколько сотъ регламентовъ и разныхъ вѣдомостей», по его собственному заявле-

нію), а съ середины того же года начались подготовительныя работы для введенія его въ Россію. Въ то же время, въ началѣ 1717 года, былъ представленъ Петру Великому еще проектъ заимствованія шведскихъ коллегій иностранцемъ барономъ Люберасомъ. Послѣдній, вступивъ на русскую службу, подалъ въ 1718 году другое, болѣе обстоятельное предложеніе. Появленіе коллегій и было осуществленіемъ всѣхъ этихъ проектовъ (вліяніе Лейбница въ этой реформѣ авторъ совершенно устраняетъ), при чемъ даже особенности каждаго предложенія замѣтно отразились на первоначальномъ устройствѣ новыхъ учрежденій. Такъ, проектъ 1715 года, вопреки шведскому образцу, назначаетъ президентами коллегій сенаторовъ, что и осуществлялось у насъ съ 1718 по 1722 годъ. Авторъ отмѣчаетъ также связь излагаемой реформы съ перемѣной русской столицы. Война съ Швеціей и постройка балтійскаго флота требовала частыхъ и продолжительныхъ пребываній царя во вновь строющемся Петербургѣ. Съ успѣхомъ въ войнѣ и съ достиженіемъ свободнаго плаванія по Балтійскому морю, Петръ быстро сталъ привыкать къ мысли о превращеніи новаго города въ столицу, къ тому же Москва, лишенная почти центральныхъ учрежденій, и не требовала личнаго присутствія въ ней царя. Выборъ новой осѣдлости естественно сопровождался желаніемъ имѣть возлѣ себя высшія учрежденія, неотложная необходимость въ которыхъ выяснилась достаточно къ тому времени. «Такимъ образомъ,—заключаетъ авторъ,—отсутствіе центральныхъ учрежденій облегчило перемѣну столицы, а окончательный выборъ столицы вызвалъ потребность въ новыхъ центральныхъ учрежденіяхъ» [1]).

Устройство шведскихъ коллегій ставило ихъ въ непосредственную подчиненную связь лишь съ монархомъ, поэтому, переносясь въ Россію, онѣ должны были соперничать съ сенатомъ, уже давно стоявшимъ во главѣ управленія. Предотвращалось отчасти это соперничество, однако, назначеніемъ президентами коллегій тѣхъ же сенаторовъ. Но практика показала, что это «не рассмотря учинено было», какъ откровенно выразился Петръ Великій въ указѣ 12-го января 1722 года, что такой порядокъ противорѣчилъ контролирующей роли сената: сенаторы должны были контролировать коллегіи, то-есть ревизовать самихъ себя.

Чтобы устранить этотъ недостатокъ, названнымъ уже указомъ было уже постановлено назначить въ коллегіи менѣе вліятельныхъ руководителей, а ревизіонъ-коллегію (финансовый контроль) слить съ сенатомъ. Такимъ образомъ сенатъ повысился въ своемъ значеніи, а коллегіи стали его исполнительными органами. Этимъ вполнѣ было бы разрѣшено столкновеніе новыхъ центральныхъ

---

[1]) Стр. 721.

учрежденій съ сенатомъ, если бы изъ послѣдняго были, такъ сказать, выведены и президенты военной, адмиралтейской и иностранной коллегій. Но этого сдѣлать было нельзя,— управленіе арміей, флотомъ и иностранными дѣлами по своей важности и раньше нисколько не зависѣло отъ сената, а теперь, съ возвышеніемъ послѣдняго, должно было быть, по крайней мѣрѣ, равнымъ сенату. Президенты этихъ трехъ коллегій не только остались въ сенатѣ, но власть ихъ на практикѣ становилась даже выше сената, такъ какъ они непосредственно, а не черезъ него, сносились съ верховною властью по важнѣйшимъ дѣламъ. Путаница въ центральной іерархіи не исчезла. Но болѣе рѣшительная попытка ввести порядокъ въ этой области явилась лишь послѣ смерти Петра Великаго. При императрицѣ Екатеринѣ I возникло учрежденіе, состоявшее изъ важнѣйшихъ сановниковъ государства (прежде всего изъ главныхъ начальниковъ управленія арміей, флотомъ и иностранными дѣлами), которое рѣшало подъ личнымъ предсѣдательствомъ императрицы наиболѣе важныя внутреннія и внѣшнія дѣла,—верховный тайный совѣтъ. Ставъ выше сената, который и переименованъ былъ изъ «правительствующаго» въ «высокій», онъ свелъ его почти на положеніе коллегіи. Въ нашей исторической литературѣ господствуетъ чрезвычайно пессимистическій взглядъ на верховный тайный совѣтъ, какъ учрежденіе олигархическаго пошиба, шедшее въ разрѣзъ съ великими планами Петра, явившееся внезапно, безъ подготовки. П. Н. Милюковъ принимаетъ этотъ взглядъ съ серьезными оговорками. Еще при жизни Петра знаменитый «прибыльщикъ» Курбатовъ и извѣстный намъ Генрихъ Фикъ подали правительству проекты устройства высшей инстанціи, которая дала бы болѣе стройный ходъ дѣятельности сената и коллегій. Верховный тайный совѣтъ, въ устройствѣ котораго принималъ нѣкоторое участіе и Фикъ, хотя и не былъ осуществленіемъ этихъ проектовъ, но явился отвѣтомъ на потребность, сознанную какъ этими, такъ и другими сотрудниками императора. Но учрежденіе это осуществилось путемъ партійной борьбы (кн. Меншиковъ, Шафировъ, кн. Д. М. Голицынъ и др.), вспыхнувшей послѣ смерти Петра, почему не упорядочило, а скорѣе болѣе осложнило и запутало отношенія между центральными инстанціями. При воцареніи императрицы Анны, верховный тайный совѣтъ былъ уничтоженъ, но потребность установить правильную іерархію между высшими учрежденіями осталась. «Кабинетъ» Анны Ивановны приспособился къ этой цѣли и явился учрежденіемъ, стоящимъ выше сената.

Въ 1713 году вся Россія была раздѣлена уже на 10 губерній, каждая губернія дѣлилась на «провинціи», а провинціи—на уѣзды; при этомъ былъ увеличенъ и измѣненъ нѣсколько въ своей дѣятельности служебный персоналъ областей. Цѣль этой реформы,

какъ склонны думать наши изслѣдователи, улучшить областное устройство учрежденіемъ средней инстанціи («провинціи») между черезчуръ большой губерніей и очень маленькимъ уѣздомъ. По мнѣнію нашего автора, правительство Петра Великаго хотѣло этой реформой не столько устранить недостатки въ области, сколько принаровить послѣднюю къ дѣятельности новыхъ центральныхъ учрежденій. П. И. Милюковъ такъ объясняетъ это преобразованіе: центральная организація Швеціи опиралась на приспособленное къ ней областное устройство, особенно въ финансовомъ управленіи, и вводить одно безъ другаго не было никакой возможности. Генрихъ Фикъ заявилъ объ этомъ въ самомъ началѣ реформы центральныхъ учрежденій, въ маѣ 1718 года; къ осени ему поручено было сравнить шведское областное устройство съ русскимъ и представить объ этомъ докладъ, который и положенъ былъ въ основу губернской реорганизаціи. Рѣшено было именно заимствовать должности средней и высшей областныхъ инстанцій Швеціи—дистрикта и ландсгевдингства. Шведскій дистриктъ былъ приспособленъ къ бо̀льшему по своему территоріальному объему и по населенію русскому уѣзду, и второстепенный до того уѣздный чиновникъ—земскій комиссаръ получилъ бо̀льшую власть; ему была дана инструкція, переведенная съ небольшими измѣненіями съ инструкціи начальнику шведскаго дистрикта (ландъ-фогту). Первостепенное же должностное лицо уѣзда, ландратъ, получаетъ назначеніе на одну изъ новыхъ должностей провинціи, а самая ландратская должность упраздняется. Такъ какъ высшей шведской областной единицѣ ничто въ Россіи не соотвѣтствовало (русская губернія для ландсгевдингства была чрезмѣрно велика), то и положено было ввести новое областное дѣленіе. Все государство было разбито на 49 провинцій. Всѣ чиновники ландсгевдингства: воевода-начальникъ провинціи (въ Швеціи—ландсгевдингъ), камериръ (всѣ счеты провинціи «пересматриваетъ и свидѣтельствуетъ»), рентмейстеръ (казначей) и другіе должны были явиться въ провинціи. Инструкціи этимъ чиновникамъ были цѣликомъ переведены съ шведскихъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, въ общемъ очень незначительными, и опубликованы въ началѣ 1719 года. Провинція съ ея должностями, по мысли законодателя, должна была замѣнить прежнюю губернію, почему начальниковъ нѣкоторыхъ провинцій предполагалось именовать не только губернаторами, но и генералъ-губернаторами. Когда новое областное устройство стало дѣйствовать, прежняя губернія осталась нетронутой. Произошло столкновеніе новой губерніи (то-есть провинціи) со старой, такъ какъ юридически провинція должна была имѣть прямыя сношенія съ центромъ, мимо старой губерніи, съ которой она становилась такимъ образомъ равноправной. Это вызвало путаницу въ іерархіи областныхъ единицъ, какъ столкновеніе коллегій съ сенатомъ вызвало путаницу

въ іерархіи центральныхъ учрежденій. Такого столкновенія не предвидѣли люди, работавшіе надъ проектами, такъ какъ по послѣднимъ новыя учрежденія упраздняли старыя. Но новое областное устройство столкнулось и съ вводимой одновременно новой податной реформой. Послѣдняя, вводя подушный налогъ вмѣсто прежняго подворнаго, назначала болѣе спеціальную дѣятельность земскому комиссару, чѣмъ предписывала данная ему шведская инструкція. Главной обязанностью его въ силу податной реформы стали не административныя и финансовыя, а одни финансовыя дѣла—сборы въ уѣздѣ подушной подати и передача ея въ расквартированные полки, помимо всякихъ инстанцій, непосредственно. Шведская инструкція оказалась такимъ образомъ для земскаго комиссара негодной, и для него въ 1724 году составили новую. Перемѣна дѣятельности комиссара отняла много дѣлъ у чиновниковъ провинціи, и служебной персоналъ послѣдней оказался черезчуръ великъ, тогда какъ уѣздъ, напротивъ, сталъ почти безъ властей. Среди такихъ противорѣчій оказалась новая областная реформа.

Выходъ изъ этой неурядицы окончательно былъ найденъ уже послѣ смерти Петра Великаго. Въ 1728 году былъ изданъ наказъ губернаторамъ и воеводамъ, сводившій въ систему всѣ частныя мѣропріятія верховнаго тайнаго совѣта, клонившіяся къ устраненію отмѣченныхъ противорѣчій. По этому наказу, заимствовавшему свои постановленія гораздо болѣе изъ старыхъ, допетровскихъ наказовъ воеводамъ, чѣмъ изъ шведскихъ инструкцій 1719 года,—по этому наказу дѣлалось строгое подчиненіе уѣзда провинціи, а этой послѣдней—губерніи, то-есть провинція окончательно сдѣлана средней областной инстанцій; служебный персоналъ провинціи былъ сокращенъ, а провинціальный воевода принялъ на себя много новыхъ обязанностей; онъ сталъ не контролеромъ только, а дѣйствующимъ лицомъ финансовой администраціи; уѣздъ получилъ снова сильную власть, но въ лицѣ уѣзднаго воеводы. Наказъ 1728 года, сохранившій свою силу до императрицы Екатерины II, носитъ болѣе слѣдовъ XVII вѣка, чѣмъ эпохи Петра Великаго, онъ является реакціей реформѣ послѣдняго. Но это лишь реакція русской дѣйствительности буквальному примѣненію къ ней иностранныхъ образцовъ, а не протестъ противъ реформы. Послѣдняя на самомъ дѣлѣ развилась и осуществилась въ примѣненіи къ русской жизни этимъ понятнымъ шагомъ. Если бы Петръ Великій остался живъ еще нѣсколько лѣтъ, реформа получила бы свое завершеніе въ томъ же направленіи; націонализація государственныхъ преобразованій была необходима, неизбѣжна. Да и люди, работавшіе надъ ними, въ концѣ царствованія и въ первые годы послѣ смерти императора были одни и тѣ же.

Въ ходѣ Петровскихъ преобразованій авторъ отмѣчаетъ два періода: стихійный и сознательный; хронологической гранью между ними является приблизительно 1714 годъ. Въ первый періодъ—стихійный—новыя учрежденія складывались не сознательной дѣятельностью правительства, а самимъ ходомъ тяжелыхъ политическихъ обстоятельствъ. Текущія потребности минуты разрушали старыя и параллельно вызывали новыя учрежденія. Когда Петръ сознавалъ потребность въ реформѣ, а эта потребность заставала его врасплохъ, реформа въ сущности была уже готова, и правительство на первыхъ порахъ довольствовалось тѣмъ, что̀ находило. Реформы перваго періода не только не были проникнуты никакой сознательной государственной мыслью,—онѣ обдумывались, и то поспѣшно, послѣ ихъ появленія,—но были проводимы Петромъ поневолѣ. Правительство его «представляло очень печальное зрѣлище: оно не по своей винѣ, конечно, разрушило старую рутину Московскаго государства, грубо, примитивно, но все же прочно сложившуюся; но своей системы своими силами оно создать не могло и осуждено было блуждать въ потемкахъ, ежеминутно натыкаясь на новыя неожиданности. Этой реформѣ,—продукту революціонной мысли законодателя, какъ иногда ее представляютъ, — не доставало, какъ мы ее до сихъ поръ знаемъ, одного существеннаго, необходимаго элемента, недоставало именно мысли; лишенная мысли, она разрушала старое только по необходимости и безпомощно цѣплялась за остатки разрушаемой старины, не рѣшаясь ни на шагъ ступить далѣе, чѣмъ требовала неотложная нужда текущей минуты» [1]. Личные интересы Петра Великаго сосредоточивались на войскѣ и флотѣ, военныя столкновенія съ сосѣдями заставляли его обратить вниманіе и на иностранныя дѣла, а сильная нужда въ деньгахъ принудила наблюдать за внутреннимъ государственнымъ строемъ; но здѣсь реформаціонныя стремленія Петра не шли дальше увеличенія своихъ доходовъ. Личная иниціатива преобразователя, такимъ образомъ, въ реформахъ перваго періода сводится П. Н. Милюковымъ къ весьма небольшимъ размѣрамъ. Немного размѣръ ея увеличивается и во второй—сознательный періодъ. И въ это время вопросъ о преобразованіяхъ выдвигается текущими требованіями дѣйствительности, ставится жизнью, хоть и не такъ рѣзко и неожиданно, какъ въ предшествовавшій періодъ. Правительство Петра Великаго не только не ставило этихъ вопросовъ, но и въ обсужденіи ихъ играло второстепенную роль. Разсматривая длинный рядъ представленныхъ царю проектовъ въ кабинетныхъ бумагахъ Петра, авторъ приходитъ къ выводу, что реформы втораго періода являлись плодомъ коллективнаго обсужденія правительства и общества. При этомъ вопросы, поднятые той или другой отдѣльной конкрет-

---

[1]) Стр. 396.

ной потребностью, «формулировали болѣе или менѣе способные и знающіе люди: царь схватывалъ иногда главную мысль формулировки, или—и, можетъ быть, чаще—ухватывался за ея прикладной выводъ; обсужденіе необходимыхъ при осуществленіи подробностей поставленной, формулированной и одобренной идеи предоставлялось царемъ правительству вмѣстѣ съ подавшими мысль совѣтчиками—и въ результатѣ получался указъ» [1]). Способныхъ совѣтниковъ при Петрѣ Великомъ было не такъ мало, какъ это вообще полагаютъ: большая часть высказанныхъ извѣстнымъ Посошковымъ мнѣній и совѣтовъ есть только отголосокъ того, чтò вообще говорилось около него. Въ концѣ концовъ, государственная реформа «стихійно-подготовленная, коллективно-обсужденная, эта реформа не только не была схоронена въ «духѣ» императора, но, напротивъ, только изъ вторыхъ рукъ, случайными отрывками проникала въ его сознаніе» [2]). Въ значительной степени вѣрнымъ является отзывъ императрицы Екатерины II, хорошо изучившей съ практическими цѣлями кабинетныя бумаги Петра Великаго,—отзывъ, записанный ея статсъ-секретаремъ Грибовскимъ: «онъ (Петръ) самъ не зналъ, какіе законы учредить для государства надобно».

Н. Гутьяръ.

[1]) Стр. 587—588.
[2]) Стр. 732.

БАЙРОНЪ КАКЪ ПОЛИТИЧЕСКІЙ ДѢЯТЕЛЬ.

ЧТОБЪ СУДИТЬ правильно о Байронѣ, мы должны смотрѣть на него съ широкой европейской, а не узкой, англійской точки зрѣнія. Его сила, прямота и соціальный энтузіазмъ возбуждаютъ удивленіе и уваженіе Европы, которая не смущается, какъ мы, тѣмъ, что у него иногда можно встрѣтить плохой стихъ. Для итальянцевъ онъ болѣе итальянскій, чѣмъ англійскій поэтъ, для грековъ онъ пророкъ ихъ патріотическихъ стремленій; во Франціи и Германіи его болѣе цѣнятъ и изучаютъ, чѣмъ въ современной Англіи, гдѣ вѣнчаютъ лаврами только звучную риому и утонченную смутность идей. Но когда пройдетъ господство литературнаго пуризма, Байронъ явится передъ нами, какъ поэтъ политическаго движенія, которое въ началѣ XIX столѣтія возбудило новую эпоху возрожденія.

Этими словами одинъ изъ лучшихъ современныхъ англійскихъ публицистовъ, Гаррисонъ, въ только что изданномъ подъ его редакціей переводѣ «Календаря Конта» съ біографическими коментаріями, смѣло и безпристрастно характеризуетъ политическое значеніе великаго поэта; въ то же самое время итальянскій журналистъ Кіарини посвящаетъ двѣ замѣчательныя статьи въ «Nouva Antologia» уясненію политическаго вліянія Байрона на Европу въ началѣ настоящаго столѣтія. Задавъ себѣ вопросъ, почему творецъ «Чайльда Гарольда» имѣлъ такую чарующую силу въ глазахъ всей Европы, тогда какъ другіе современные ему поэты отличались, по общему приговору критиковъ, бо̀льшими поэтическими достоинствами, Кіарини отвѣчаетъ, что этотъ, повидимому, непонятный фактъ очень просто объясняется: Байронъ былъ единственный вы-

дающійся писатель, который открыто и краснорѣчиво протестовалъ противъ политической реакціи послѣ 1815 года. Ни Гёте, ни Шелли, не трогали такъ сердца читателей, какъ Байронъ, потому что ни одинъ изъ нихъ не выражалъ, какъ онъ, подавленныхъ радикальныхъ стремленій того времени. И къ тому же Байронъ не довольствовался однимъ литературнымъ протестомъ, а одинаково протестовалъ и словомъ и дѣломъ. Покинувъ Англію съ презрительнымъ отвращеніемъ къ ея лицемѣрію и узкой рутинности, онъ впродолженіе двухъ лѣтъ былъ дѣятельнымъ членомъ тайнаго общества карбонаріевъ въ Италіи, а затѣмъ отдался всецѣло борьбѣ за освобожденіе Греціи. Вотъ почему вся стремящаяся впередъ Европа смотрѣла на Байрона съ такимъ энтузіазмомъ: онъ вдохновлялъ Мадзини и въ славянскихъ странахъ онъ былъ первымъ англійскимъ поэтомъ, котораго восторженно изучали. Въ заключеніе, итальянскій критикъ, вполнѣ признавая литературные недостатки Байроновской поэзіи, доказываетъ, что онъ прямо, непосредственно содѣйствовалъ осуществленію двухъ великихъ идеаловъ своей жизни: освобожденію Италіи и независимости Греціи, а потому, по своему историческому значенію, онъ стоитъ гораздо выше болѣе безупречныхъ поэтовъ.

Въ Германіи точно также стали теперь признавать политическое значеніе Байрона, и въ появившемся надняхъ въ Нюренбергѣ первомъ томѣ сборника «Политическихъ рѣчей», его рѣчь, произнесенная въ палатѣ лордовъ въ 1812 году, помѣщена наравнѣ съ знаменитыми рѣчами Мирабо, Робеспьера, Маколея и современныхъ столбовъ политическаго краснорѣчія: Кастелара, Клемансо, Бебеля и немногихъ другихъ. Замѣчательно, что Кастеларъ, первый политическій ораторъ нашего времени, не только въ Испаніи, но и во всемъ свѣтѣ, тридцать лѣтъ тому назадъ, въ своей прекрасной, глубоко сочувственной біографіи Байрона, уже указывалъ на его важную политическую роль, и въ самыхъ лестныхъ, даже поэтическихъ выраженіяхъ отзывался о тѣхъ парламентскихъ рѣчахъ великаго поэта, одна изъ которыхъ теперь является въ нѣмецкомъ сборникѣ рядомъ съ образцами его собственнаго вдохновеннаго краснорѣчія. «Лордъ Байронъ,— писалъ Кастеларъ,—вступилъ въ палату лордовъ и произнесъ три рѣчи. Въ каждой изъ нихъ онъ защищалъ великое правое дѣло—дѣло угнетенныхъ. Никогда человѣческая рѣчь, величайшій изъ даровъ Провидѣнія, не можетъ быть посвящена болѣе славному предмету, чѣмъ служенію правдѣ и справедливости. Нѣтъ въ природѣ болѣе сладкой музыки, чѣмъ рѣчь, каждая фраза которой воплощаетъ въ себѣ идею, могущую быть зерномъ новаго міра. Никакая человѣческая слава не можетъ сравниться со славой оратора, который, не проливая ни капли крови, не омрачая своихъ лавровъ роковыми трофеями завоевателя, побѣждаетъ съ трибуны души своихъ слушателей и заставляетъ биться ихъ сердца въ унисонъ съ своимъ сердцемъ. Байронъ обладалъ всѣми необходимыми

качествами для оратора: отзывчивостью, воображеніемъ, возвышенными идеями, гибкимъ голосомъ, выражавшимъ всѣ разнообразные оттѣнки мысли, и упорнымъ стремленіемъ къ правдѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ его удивительная внѣшность, красота его греческой головы, его громадный лобъ, его дугообразныя брови, глубина его глазъ, голубыхъ, какъ небо, въ минуты покоя и черныхъ, какъ бушующій океанъ, при малѣйшемъ волненіи, безупречныя очертанія его губъ, словно изваянныхъ для извлеченія звуковъ вѣчной гармоніи, его олимпійскіе жесты, его величественный видъ, смягченный нѣжностью, его блѣдный цвѣтъ лица, походившій на античный мраморъ, всѣ его черты, дышавшія геніемъ, все его существо—ясно говорили, что природа, создавшая такой, вполнѣ совершенный сосудъ, не могла не наполнить его безсмертнымъ нектаромъ. И такого-то человѣка, созданнаго, чтобъ быть великимъ ораторомъ, выбросила изъ своей среды англійская палата пэровъ! Онъ произнесъ въ ней только три рѣчи, и хотя онѣ не представляютъ ничего необыкновеннаго, но нельзя не пожалѣть, что онъ вынужденъ былъ покинуть парламентскую трибуну прежде, чѣмъ его ораторскій талантъ вполнѣ развился. Свою первую рѣчь онъ произнесъ противъ проекта жестокаго закона, которымъ предлагалось карать рабочихъ, уничтожавшихъ съ отчаянія и голода новыя машины, лишавшія ихъ ручнаго труда. Вторая его рѣчь имѣла цѣлью поддержать предоставленье политическихъ правъ ирландскимъ католикамъ, тогда гонимымъ протестантской нетерпимостью. Третью рѣчь онъ посвятилъ защитѣ главы лиги парламентской реформы, Картрайта, котораго полиція подвергала преслѣдованію за его агитацію въ пользу всеобщей подачи голосовъ. Такимъ образомъ въ волновавшихъ такъ долго Англію вопросахъ о рабочемъ трудѣ, эманципаціи католиковъ и избирательной реформѣ, Байронъ оставилъ слѣды своего политическаго ума, благородной любви къ человѣчеству и постоянной защиты человѣческой свободы».

Ровно восемьдесять лѣтъ покоилась въ пыли англійскаго парламентскаго архива рѣчь Байрона, напечатанная нынѣ въ нѣмецкомъ сборникѣ образцоваго политическаго краснорѣчія и, если мы не ошибаемся, ранѣе только однажды были напечатаны изъ нея отрывки въ анонимной статьѣ «Lord Byron as a politician», помѣщенной въ первомъ номерѣ издававшагося въ 1883 году маленькаго лондонскаго журнала «To day». Но она оказывается замѣчательной во всѣхъ отношеніяхъ и какъ бы написана вчера. Это не только любопытный документъ для исторіи англійской и общеевропейской литературы, но краснорѣчивый, благородный откликъ прошедшаго на животрепещущіе вопросы настоящаго. Великій поэтъ какъ бы предвидѣлъ мрачныя заботы конца того вѣка, начало котораго онъ освѣтилъ блескомъ своего генія, и его вдохновенныя слова служатъ лучшимъ коментаріемъ къ современнымъ

событіямъ. Знаменитое родовое жилище Байрона Ньюстэдъ-Аббэ находилось близь промышленнаго города Нотингама, гдѣ произошли въ началѣ 1812 года безпорядки среди рабочихъ, уничтожившихъ въ невѣжественномъ отчаяніи новые вязальные станки и ма-

Байронъ.

шины, которые въ ихъ глазахъ уменьшали ихъ заработокъ, такъ какъ число рабочихъ по этому ремеслу значительно сократилось. Реакціонное англійское правительство того времени предложило парламенту принять новый законъ, увеличивавшій до смертной

казни наказанія за подобные проступки, а Байронъ, лично видѣвшій то, что происходило въ Нотингамѣ, явился въ палату лордовъ, гдѣ онъ уже засѣдалъ нѣсколько времени, но молча, среди общаго холоднаго равнодушія, и произнесъ свою дѣвственную парламентскую рѣчь 27-го февраля, при второмъ чтеніи этого законопроекта.

«Лорды,—сказалъ двадцатичетырехлѣтній поэтъ:—вопросъ, предложенный впервые на ваше разсмотрѣніе, хотя новъ для этой палаты, но не новъ онъ для страны. Я полагаю, что онъ составлялъ предметъ серьезнаго размышленія для многихъ задолго до того времени, какъ имъ занялась законодательная власть, вмѣшательство которой только можетъ оказать дѣйствительную пользу. Какъ человѣкъ, имѣющій нѣкоторое отношеніе къ страдающему въ настоящемъ случаѣ округу Англіи, я позволяю себѣ, хотя я совершенно чужой этой палатѣ и почти каждому изъ моихъ слушателей, просить снисходительнаго вниманія къ моимъ немногимъ замѣчаніямъ по предмету, который, признаюсь, меня глубоко интересуетъ. Излишне распространяться подробно о рабочихъ безпорядкахъ. Палатѣ уже извѣстно, что всякаго рода насильственныя дѣйствія, за исключеніемъ кровопролитія, совершены рабочими, и что собственники ненавистныхъ рабочимъ машинъ, а также всѣ лица, имѣющія какое либо къ нимъ отношеніе, подверглись оскорбленію словами и дѣйствіемъ. Во время моего недавняго пребыванія въ Нотингамширѣ не проходило дня, чтобъ не произошло новаго акта насилія, и въ то утро, когда я уѣхалъ оттуда, до меня дошло извѣстіе о разгромѣ сорока станковъ, безъ всякаго сопротивленія со стороны хозяевъ и безъ поимки виновныхъ. Но что было причиной такого ненормальнаго явленія? Очевидно, потеря работы многими рабочими вслѣдствіе введенія новыхъ машинъ. Отказанные хозяевами рабочіе, въ своемъ слѣпомъ невѣжествѣ, стали думать, что ихъ приносили въ жертву механическимъ улучшеніямъ, не понимая, что надо было радоваться этимъ улучшеніямъ, какъ приносящимъ великую пользу всему человѣчеству. Они воображали, что благосостояніе многихъ бѣдныхъ рабочихъ важнѣе обогащенія немногихъ уже богатыхъ людей, благодаря усовершенствованію орудій труда, которое лишало ихъ работы. Они были согласны копать землю, но всѣ лопаты находились въ другихъ рукахъ, они не стыдились бы просить милостыни, но никто не хотѣлъ имъ помочь; имъ были отрѣзаны всѣ средства къ жизни, и совершенныя ими насилія, какъ они ни достойны сожалѣнія и осужденія, едва ли могутъ кого нибудь удивить. Хотя мечъ самый дурной аргументъ, и къ нему можно прибѣгать только въ крайности, но въ этомъ случаѣ мечъ былъ первымъ средствомъ, которое употребило правительство, но по счастью мечъ до сихъ поръ не выходилъ изъ ноженъ. Предлагаемая нынѣ законадательная мѣра, однако, обнажитъ мечъ, а если-бъ въ началѣ этихъ безпорядковъ были созваны подобающіе ми-

тинги и были бы справедливо обсуждены причины недовольства какъ рабочихъ, такъ и хозяевъ, то я увѣренъ, что можно было бы принять мѣры къ возвращенію рабочимъ ихъ занятій и возстановленію спокойствія въ странѣ. Теперь Нотингамширъ страдаетъ отъ двойнаго зла: отъ голодающаго населенія и праздныхъ солдатъ. Такая странная апатія овладѣла нами, что только теперь впервые офиціально обращено вниманіе этой палаты на безпорядки, происходящіе въ 130 миляхъ отъ Лондона. Мы все это время спокойно наслаждались сознаніемъ своего величія и праздновали свои внѣшнія торжества, тогда какъ среди насъ происходили домашнія бѣдствія. Но всѣ взятые вами города, всѣ арміи, обращенныя въ бѣгство вашими военачальниками,—пустой предметъ самовосхваленія, если въ вашей странѣ одни граждане возстаютъ противъ другихъ, а вашихъ солдатъ и палачей приходится спустить на часть вашего населенія. Вы называете этихъ людей чернью, опасной, отчаянной, невѣжественной и полагаете, что единственное средство успокоить «bellua multorum capitum», снести нѣсколько излишнихъ головъ. Но даже чернь можно лучше образумить примиреніемъ и твердостью, чѣмъ возбужденіемъ страстей и усиленіемъ каръ. Сознаемъ ли мы наши обязанности относительно черни? Вѣдь эта самая чернь работаетъ на вашихъ поляхъ и служитъ въ вашихъ домахъ, она образуетъ вашу армію и вашъ флотъ; благодаря ей, вы могли вызвать на бой весь міръ, но и она можетъ вызвать васъ на бой, когда ваше презрѣніе и непредусмотрительность доведутъ ее до отчаянія. Вы можете называть народъ чернью, но не забывайте, что чернь часто высказываетъ чувства народа. Здѣсь я кстати замѣчу; что вы съ удивительной поспѣшностью оказываете помощь союзникамъ въ бѣдственномъ положеніи, но предоставляете свое бѣдствующее населеніе на произволъ судьбы. Когда португальцы страдали отъ опустошительнаго отступленія французской арміи, то всѣ въ Англіи протянули имъ руку помощи; золото богачей и лепта вдовицы одинаково сыпались въ ихъ пользу, давая имъ возможность выстроить вновь свои жилища и наполнить зерномъ свои житницы. Въ настоящую минуту тысячи заблуждающихся, но несчастныхъ вашихъ соотечественниковъ терпятъ голодъ и всякаго рода бѣдствія, но ваша благотворительность, столь щедрая для чужихъ, не обращаетъ вниманія на своихъ. А гораздо меньшей суммы, чѣмъ та, которую вы пожертвовали Португаліи, было бы достаточно, чтобъ сдѣлать излишними нѣжныя попеченія штыковъ и висѣлицъ, если дѣйствительно нельзя возвратить рабочимъ ихъ прежнія занятія, чего я не могу признать до основательнаго изслѣдованія этого вопроса. Я посѣтилъ театръ войны на Пиренейскомъ полуостровѣ, я бывалъ въ самыхъ несчастныхъ провинціяхъ Турціи, но никогда и нигдѣ подъ самой деспотической властью невѣрую-

щихъ правителей я не видѣлъ такого бѣдственнаго положенія, какое представилось моимъ глазамъ послѣ возвращенія на родину въ самомъ сердцѣ христіанской страны. Какія же средства вы принимаете? Послѣ мѣсяцевъ бездѣйствія и такихъ дѣйствій, которыя хуже всякаго бездѣйствія, вы, наконецъ, прибѣгаете къ великому средству всѣхъ государственныхъ врачей со временъ Дракона и до нашихъ дней. Пощупавъ пульсъ паціента и значительно покачавъ головой, вы прописываете кровопусканіе. Не говоря уже о несправедливости вашего законопроекта, прежде всего слѣдуетъ остановиться на томъ соображеніи, что въ вашихъ законахъ, кажется, уже достаточно случаевъ смертной казни. Неужели вашъ уголовный кодексъ не довольно проливаетъ крови, что вы находите нужнымъ еще увеличить это пролитіе крови, вопіющее къ небу на васъ? Подумайте также о томъ, какъ вы исполните этотъ законъ? Можете ли вы посадить въ тюрьму населеніе цѣлаго графства? Или вы поставите висѣлицу на каждомъ полѣ и будете вѣшать людей вмѣсто пугалъ, или вы объявите цѣлое графство на военномъ положеніи, обезлюдите его и, превративъ въ пустыню, возстановите Шервудскій лѣсъ, для королевской охоты и убѣжища разбойниковъ. Это ли средства для успокоенія голодающаго и доведеннаго до отчаянія населенія? Неужели вы думаете, что голодный бѣднякъ, не боявшійся вашихъ штыковъ, устрашится вашихъ висѣлицъ? Смерть для него единственное спасеніе, и вы, повидимому, не предоставляете ему другаго выбора, а потому ваши палачи не будутъ дѣйствовать успѣшнѣе вашихъ солдатъ. Если вы вздумаете вести дѣло судебнымъ порядкомъ, то гдѣ вы возьмете свидѣтелей? Люди, которые не хотѣли свидѣтельствовать противъ своихъ товарищей, когда законъ каралъ ихъ ссылкой, не перемѣнятъ своей рѣшимости отъ того, что ссылка замѣнится смертной казнью. При всемъ моемъ уваженіи къ лордамъ, сидящимъ противъ меня, я не могу не сказать, что по всей вѣроятности они перемѣнили бы свое мнѣніе, если-бъ произведено было предварительное изслѣдованіе вопроса. Въ этомъ случаѣ любимая государственная мѣра, промедленіе, оказала бы пользу. Когда дѣло идетъ о какомъ нибудь законѣ, имѣющемъ цѣлью расширить свободу или пресѣчь зло, вы медлите и разсуждаете цѣлыми годами, а расширеніе смертной казни вы хотите постановить мгновенно, не обдумывая послѣдствій. На основаніи всего, что я видѣлъ и слышалъ на мѣстѣ, я могу утвердительно сказать, что, принявъ этотъ билль безъ предварительнаго изслѣдованія вопроса и безъ основательнаго его обсужденія, вы совершите варварство и несправедливость. Но если этотъ законъ, написанный не чернилами, а кровью, будетъ принятъ, то каковъ будетъ его результатъ? Представьте себѣ, что одинъ изъ несчастныхъ, которыхъ я видѣлъ во множествѣ и жизнь котораго вы цѣните дешевле вязальнаго станка, блѣдный, исху-

далый, голодный, отчаянный, оторванный отъ своей семьи, которую онъ не въ состояніи болѣе содержать по винѣ не своей, а обстоятельствъ, явится на скамьѣ подсудимыхъ въ силу вашего новаго закона, а такихъ жертвъ вы можете выбирать сколько хотите въ десяткѣ тысячъ бѣдняковъ; и что же, для обвиненія и постановленія приговора надъ нимъ необходимы еще двѣнадцать мясниковъ, въ лицѣ присяжныхъ, и Джефрисъ, въ лицѣ судьи».

Конечно, законопроектъ, который такъ смѣло и краснорѣчиво громилъ Байронъ, былъ принятъ палатой, но рѣчь его произвела большое впечатлѣніе, и не только одинъ изъ виговъ, лордъ Голандъ, поздравилъ молодаго представителя своей партіи съ талантливой дѣвственной рѣчью, но и враждебные ему пэры единогласно признали, что изъ него можетъ выработаться великій государственный человѣкъ. Спустя два мѣсяца Байронъ произнесъ вторую свою рѣчь по поводу предложенія лорда Доиомира о назначеніи коммиссіи по вопросу о предоставленіи католикамъ политическихъ правъ. Начиная свою пламенную защиту гонимыхъ протестантской нетерпимостью католиковъ, преимущественно въ Ирландіи, онъ подвергъ рѣзкой критикѣ главнѣйшіе аргументы противниковъ католической эманципаціи. «Говорятъ, что теперь не время заниматься этимъ вопросомъ,— сказалъ онъ:— я отчасти съ этимъ согласенъ, дѣйствительно, теперь не время разрѣшать этотъ вопросъ, потому что время для подобнаго разрѣшенія уже давно прошло, и лучше было бы для нашей страны, если-бъ католики теперь пользовались такими же правами, какъ другіе наши сограждане. Извнѣ намъ грозятъ враги, внутри бѣдность и голодъ, а мы препираемся насчетъ догматическихъ тонкостей религіозныхъ обрядовъ. Странно, что мы разсуждаемъ въ подобное смутное время о томъ, на сколько извѣстные обряды при поклоненіи общему Богу могутъ лишить нашихъ согражданъ права служить общему королю. Много говорятъ о церкви и государствѣ, но я полагаю, что подъ этими достойными уваженія словами не слѣдуетъ разумѣть нетерпимой церкви и деспотическаго государства. Сто лѣтъ тому назадъ въ этой самой палатѣ лордъ Питерборо сказалъ, что онъ стоитъ за парламентскаго короля и за парламентскую конституцію, но не за парламентскаго Бога и парламентскую религію. Его слова сохраняютъ силу до настоящей минуты, и пора намъ бросить игру въ религіозные и государственные софизмы. Враги католической эманципаціи увѣряютъ, что для католиковъ и для ирландцевъ уже слишкомъ много сдѣлано, и что они никогда не будутъ довольны, какъ ихъ ни благодѣтельствуй. Этотъ странный пародоксъ напоминаетъ мнѣ разсказъ объ одномъ солдатѣ, который былъ вынужденъ по приказанію начальства наказывать плетьми своего товарища; бѣднякъ просилъ его сѣчь то повыше, то пониже, то направо, то налѣво, но, не смотря на испол-

неніе всѣхъ его желаній, онъ продолжалъ кричать и жаловаться; наконецъ, выведенный изъ терпѣнія солдатъ воскликнулъ: «Чортъ тебя возьми, на тебя не угодишь, какъ тебя ни сѣки». Точно также вы сѣчете католиковъ и ирландцевъ повыше и пониже, направо и налѣво, всегда и вездѣ, удивляясь, что на нихъ не угодишь. Конечно, опытъ доказалъ вамъ всю низость подобнаго варварства и научилъ васъ сѣчь болѣе мягкой рукой, но, всетаки, вы продолжаете сѣчь и будете продолжать порку, по всей вѣроятности, до той минуты, пока вырвутъ изъ вашихъ рукъ плети и не станутъ подвергать васъ самихъ такой же поркѣ. Недавно въ этой палатѣ кто-то замѣтилъ, что если предоставить права католикамъ, то почему же не предоставить ихъ евреямъ? Если эти слова внушены состраданіемъ къ евреямъ, то они заслуживаютъ полнаго вниманія, но, конечно, они сказаны ради глумленія надъ католиками, хотя католики такіе же христіане, какъ мы». Въ концѣ своей рѣчи, упоминая о спеціальныхъ преслѣдованіяхъ католиковъ въ Ирландіи, молодой поэтъ характеристично замѣтилъ: «И все это дѣлается въ то время, когда нашимъ единственнымъ торжествомъ послѣ многихъ лѣтъ военныхъ катастрофъ на континентѣ мы обязаны ирландскому генералу; правда, онъ не католикъ, а то мы были бы лишены его услугъ; но я полагаю, что никто не станетъ доказывать, что католическая религія уменьшила бы его военные таланты и патріотизмъ, хотя ему тогда пришлось бы служить простымъ рядовымъ и онъ не имѣлъ бы права командовать арміей».

Въ третій и послѣдній разъ Байронъ говорилъ въ палатѣ пэровъ, 1-го іюня 1813 года по вопросу о парламентской реформѣ. Онъ взялъ на себя представить благородному собранію петицію главы лиги въ пользу парламентской реформы, Картрайта, который подвергся насильственному аресту полиціи за собраніе публичныхъ митинговъ, на которыхъ онъ требовалъ ежегодныхъ парламентовъ и всеобщей подачи голосовъ. Конечно, лорды не приняли къ разсмотрѣнію этой петиціи, но Байронъ высказалъ по этому случаю свои смѣлые взгляды не только на парламентскую реформу, но и на неправильныя дѣйствія полиціи, которая, не давая одному изъ гражданъ свободно выразить свои мнѣнія, оскорбляла, по его убѣжденію, весь англійскій народъ.

Значеніе парламентскихъ рѣчей Байрона можетъ быть вполнѣ понято, только принявъ въ соображеніе, что онѣ были произнесены въ эпоху наполеоновскихъ войнъ, пріучившихъ весь міръ смотрѣть съ пренебреженіемъ на кровопролитія и народныя бѣдствія, въ самую реакціонную эру европейской политики, когда народныя права и свобода всюду попирались. При этомъ не надо забывать, что защищаемыя молодымъ поэтомъ благородныя, передовыя идеи онъ высказывалъ не только въ законодательномъ собраніи, но въ

своихъ частныхъ письмахъ и литературныхъ произведеніяхъ. Недавно въ лондонскомъ журналѣ «Murray's Magazine» напечатано письмо Байрона къ миссъ Фаншо, въ которомъ онъ блестяще описываетъ свое свиданіе съ г-жей Сталь въ Лондонѣ въ 1813 году и набрасываетъ поразительную картину тогдашняго политическаго положенія Англіи.

Если мы перейдемъ къ литературнымъ произведеніямъ Байрона, то увидимъ, что политическая нота звучитъ въ нихъ съ первыхъ страницъ перваго сборника его стихотвореній «Часы праздности», изданнаго въ 1809 году, когда онъ находился въ Кембриджскомъ университетѣ. Тамъ, между прочимъ, юный девятнадцатилѣтній поэтъ оплакиваетъ смерть Фокса, гнѣвно возстаетъ противъ его клеветниковъ и въ пламенныхъ выраженіяхъ защищаетъ знаменитаго поборника конституціонной свободы, геній котораго, по его словамъ, одинаково признается и друзьями и врагами. Въ послѣдовавшей затѣмъ блестящей сатирѣ на англійскихъ поэтовъ и шотландскихъ критиковъ, которую вызвала злобная критика его первой книги, встрѣчаются политическіе намеки на неспособное, реакціонное правительство въ Англіи, на развратную аристократію, на голодающій народъ и т. д. Въ «Чайльдъ-Гарольдѣ» онъ воспѣвалъ борьбу Испаніи за свободу, во время которой «всѣ вели себя благородно, кромѣ такъ называемаго благороднаго класса, лобызавшаго сковывавшія его цѣпи», клеймилъ древнихъ и современныхъ тирановъ Италіи и вообще поэтически высказывалъ свой культъ возвышенныхъ политическихъ идеаловъ. Но изъ всѣхъ его произведеній «Донъ-Жуанъ» наиболѣе пропитанъ политическимъ духомъ. Въ немъ онъ страстно высказывается противъ войны; саркатически смѣется надъ тогдашнимъ кумиромъ, Веллингтономъ; ставитъ выше всѣхъ завоевателей Вашингтона, «имя котораго означаетъ спасеніе страны, а не разореніе цѣлаго міра, и будетъ лозунгомъ для всего свѣта до окончательнаго его освобожденія»; называетъ Англію, «могущую быть благороднѣйшей изъ странъ, тюремщицей всѣхъ націй, которыя ее ненавидятъ за сковываніе связующихъ ихъ цѣпей»; гордо ссылается на свою вѣрность вигскимъ принципамъ Фокса среди «общаго ультра-юліанства»; гнѣвно упрекаетъ министра Кастльрэ, «этого умственнаго евнуха и хладнокровнаго негодяя за омраченіе своихъ рукъ кровью ирландскаго народа»; оплакиваетъ несчастную судьбу Греціи, издыхающей подъ турецкимъ игомъ; указываетъ на то, что «истинные повелители Европы—еврей Ротшильдъ, его христіанскій товарищъ Берингъ и либеральный Лафитъ», и всегда кстати и не кстати обнаруживаетъ свои политическія убѣжденія, побудившія его, въ послѣдніе годы его жизни, принять живое участіе въ движеніи итальянскихъ карбонаріевъ и умереть въ борьбѣ за освобожденіе Греціи.

Какъ въ своихъ парламентскихъ рѣчахъ, такъ и въ своей практической дѣятельности въ Греціи, Байронъ выказалъ задатки великаго государственнаго человѣка, но судьбѣ было угодно, чтобы преждевременная смерть не дала развиться его политическому значенію, хотя для его славы трудно придумать болѣе достойнаго конца, чѣмъ геройскій апоѳеозъ въ Мисалонги. «Былъ мѣсяцъ апрѣль,— говоритъ его краснорѣчивый біографъ Кастеларъ: — природа воскресала, въ воздухѣ царила южная теплота; церковь праздновала Пасху. Подъ тяжестью борьбы съ реальными преградами и ядовитыми міазмами окружавшей его мѣстности, Байронъ умиралъ, завернувшись въ длинныя складки знамени свободы, какъ Брутъ или Катонъ. Ему было только тридцать шесть лѣтъ, и онъ палъ, словно дерево, отягченное богатой листвой и роскошными плодами. Въ своемъ бреду, онъ думалъ, что взбирался на стѣны Лепанто, а въ сущности онъ переступалъ черезъ стѣну безсмертія. И что могъ сдѣлать Байронъ въ эпоху, когда Священный Союзъ заставлялъ молчать всю Европу, какъ не умереть за великую попранную тогда идею? Онъ былъ богатъ и отказался отъ своихъ сокровищъ; онъ любилъ и покинулъ ту, которая отвѣчала ему пламенной взаимностью; онъ былъ поэтъ и отложилъ въ сторону свою лиру—онъ все оставилъ, все забылъ для борьбы за святое дѣло человѣчества. Вѣрь въ его скептицизмъ, страна торгашей, которая прокляла его и омрачила ореолъ его славы, по выраженію Сано Пано, отрыжкой съѣденныхъ бифстэковъ и выпитаго пива. Выбрось его изъ своей среды, какъ недостойнаго тебя, и онъ пойдетъ съ своимъ мечемъ и своей лирой умереть за Грецію, а вмѣсто неблагодарной родины у него будетъ новая лучшая родина—все человѣчество!»

Къ своему вѣчному позору, Англія и послѣ смерти одного изъ величайшихъ своихъ сыновъ отнеслась къ нему съ черной, тупой несправедливостью, и останки Байрона покоятся до сихъ поръ не въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, а въ скромной церкви маленькаго провинціальнаго городка Гукналь-Торкарда, близь Ньюстедъ-Аббэ; даже когда въ 1852 году вскрыли семейный склепъ, чтобъ похоронить тамъ его дочь, лэди Аду Ловлэсъ, и какая-то бѣдная маленькая дѣвочка, проникнувъ по узенькимъ ступенькамъ въ усыпальницу великаго поэта, вынесла кусокъ бархата съ его гроба, то это драгоцѣнное сокровище купилъ у нея цѣною золота не богатый, или знатный англичанинъ, а чужеземный изгнанникъ, Кошутъ. Только въ послѣднее время начали въ Англіи отдавать должную справедливость творцу «Чайльдъ-Гарольда», и въ лондонскихъ журналахъ прошедшаго года встрѣчается цѣлый рядъ статей о немъ: объ его школьныхъ годахъ въ Абердинской первоначальной школѣ, объ его пребываніи въ Италіи, о томъ, что онъ будто бы

передъ смертью былъ склоненъ сдѣлаться методистомъ и т. д. Но, конечно, первое мѣсто среди этой новой байроновской литературы занимаетъ приведенный въ началѣ настоящей статьи отзывъ Гаррисона о политическомъ значеніи поэта, наиболѣе олицетворявшаго идеи и стремленія XIX вѣка.

В. Т.

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Архивъ дирекціи императорскихъ театровъ. Выпускъ I. (1746—1801 г). Спб. 1892.

Въ СРЕДѢ ДИРЕКЦІИ императорскихъ теаровъ возникла счастливая мысль сдѣлать для людей, интересующихся судьбами нашихъ театровъ, не только доступнымъ, но и легкимъ, удобнымъ, ознакомленіе съ архивомъ дѣлъ дирекціи, въ ней сохранившихся. Нѣсколько лицъ, большею частью принадлежащихъ къ администраціи петербургской императорской дирекціи, подъ общей редакціей гг. В. П. Погожева, А. Е. Молчанова и К. А. Петрова, три года усердно разбирали дѣла архива, тщательно перечитывая всѣ бумаги, дѣлая выписки, сортируя ихъ, приводя въ систематическій порядокъ, и результатомъ этого громаднаго труда явилось объемистое сочиненіе, въ четыре тома большаго формата, всего слишкомъ въ полторы тысячи страницъ. Изданіе напечатано на счетъ дирекціи императорскихъ театровъ и всего только въ трехстахъ экземплярахъ, причемъ каждый экземпляръ носитъ свой номеръ.

Архивъ дирекціи можно раздѣлить на два крупныхъ отдѣла: первый (старѣйшая часть) охватываетъ эпоху до 1830 года, хранится при С.-Петербургской конторѣ императорскихъ, театровъ, заключаетъ въ себѣ документы, относящіеся какъ до петербургскихъ такъ и до московскихъ императорскихъ театровъ, и страдаетъ весьма существенными пробѣлами; второй, сравнительно болѣе полный, относится къ позднѣйшему времени и хранится при соотвѣтствующихъ конторахъ петербургскихъ и московскихъ театровъ. Вышедшій теперь (въ 4-хъ томахъ) первый выпускъ архива обнимаетъ время отъ 1746 по 1801 годъ. Документы, коими пользовались издатели, состоятъ для разсмотрѣннаго времени изъ слѣдующихъ разрядовъ: 1) собраніе высочайшихъ повелѣній, первый и второй томы; 2) сборникъ постановленій по театральной части, въ трехъ томахъ, составленный осо-

бою коммиссіею; 3) распоряженія дирекціи за время 1783 — 1801 г.г., въ семи книгахъ (журналы, опредѣленія, предложенія, приказы); 4) дѣла дирекціи (27 дѣлъ), тутъ и старѣйшій документъ архива отъ 16-го іюня 1746 года; 5) списки личнаго состава служащихъ при дирекціи; 6) приходо-расходныя книги дирекціи (сохранилось всего 14). Весь этотъ матеріалъ разработанъ въ слѣдующей системѣ. Первый отдѣлъ архива (первая книга изданія) заключается въ полной описи всѣхъ документовъ архива дирекціи (4.960 документовъ) съ краткимъ изложеніемъ содержанія каждаго документа. Всѣ эти документы напечатаны по разрядамъ, приблизительно въ томъ порядкѣ, какъ сказано выше, и къ книгѣ, кромѣ оглавленія, приложенъ систематическій указатель, въ которомъ тщательно подобраны цифры страницъ и номера документовъ, упоминающихъ то или другое свѣдѣніе театральной жизни (внутреннее управленіе, внѣшнія сношенія, прохожденіе по службѣ персонала дирекціи, репертуарная часть, устройство спектаклей, монтировочное хозяйство, общее хозяйство, театральное училище). Этотъ систематическій указатель есть очень драгоцѣнная сторона изданія, потому что онъ до послѣдней возможности облегчаетъ пользованіе архивомъ. Желающему ознакомиться съ каждой отдѣльной частью театральнаго дѣла, нѣтъ нужды рыться и отыскивать въ документахъ интересующія его данныя; ему прямо указаны страницы и номера документовъ, въ которыхъ онъ найдетъ то, что ему нужно. Второй томъ архива заключаетъ въ себѣ цѣликомъ отпечатанные самые документы; но тутъ уже, конечно, съ выборомъ. Изъ общаго количества—4.960 документовъ, отпечатано 664. Основаніемъ къ выбору документовъ послужилъ тотъ интересъ, который они, по содержанію или по формѣ, представляютъ въ историческомъ отношеніи. Такъ сюда попали почти цѣликомъ, сборникъ высочайшихъ повелѣній и списки служащихъ, большинство документовъ, характеризующихъ вообще порядокъ центральнаго управленія театрами того времени, и проч. Этотъ томъ тоже снабженъ спеціальнымъ для него систематическимъ указателемъ. Третій томъ архива заключаетъ въ себѣ систематическій сводъ свѣдѣній о личномъ составѣ, репертуарѣ и хозяйствѣ императорскихъ театровъ. Надъ этимъ отдѣломъ пришлось особенно потрудиться издателямъ, такъ какъ они старались наивозможно полно представить какъ списокъ всѣхъ артистовъ и другихъ служащихъ въ дирекціи лицъ, такъ и всѣхъ игранныхъ за означенное время пьесъ. Тутъ не только сдѣлана выборка изъ разныхъ документовъ, но и просмотрѣны всѣ списки служащихъ, книги жалованной суммы, книги спектакльной суммы, дѣла, заключающія въ себѣ счета по монтировочной части, наконецъ, въ библіотекѣ дирекціи пересмотрѣны всѣ относящіяся къ тому времени пьесы и партитуры. Различныя надписи на нихъ о времени перваго представленія, объ именахъ авторовъ и участвовавшихъ въ нихъ актерахъ, дали возможность востановить много свѣдѣній. Такимъ образомъ, въ третьемъ томѣ архива найдется полный списокъ актеровъ того времени съ точными, хотя и краткими (какъ послужной списокъ), біографическими данными; полный списокъ всѣхъ исполненныхъ пьесъ, съ обозначеніемъ, когда онѣ были исполнены и на какихъ театрахъ, причемъ съ 15-го апрѣля 1789 года по 3-е февраля 1801 года напечатанъ весь репертуаръ спектаклей, изо дня въ день съ обозначеніемъ сборовъ. Наконецъ, тутъ же напечатаны отчеты о приходѣ и расходѣ суммъ дирекціи за означенное время. Послѣдній четвертый, уже небольшой, томъ архива есть азбучный указатель ко всѣмъ

тремъ предыдущимъ. Здѣсь въ алфавитномъ порядкѣ помѣчено каждое имя, заглавіе, названіе учрежденій и т. п., съ указаніемъ на страницы и документы, въ коихъ они встрѣчаются; стало быть, всякая справка можетъ быть весьма легко и скоро сдѣлана.

Изъ этого краткаго обзора содержанія изданнаго выпуска архива уже видно, какой богатѣйшій матеріалъ онъ представляетъ для всякаго, интересующагося исторіей нашего театра. Мы еще надѣемся вернуться къ этому матеріалу въ болѣе подробной статьѣ, а пока считаемъ долгомъ только обратить на нихъ вниманіе. Масса свѣдѣній, и главнымъ образомъ свѣдѣній точныхъ, основанныхъ на неоспоримыхъ данныхъ, могутъ служить вполнѣ надежной руководящей нитью для будущаго историка русскаго театра, который не мало поблагодаритъ составителей изданія за тщательно выполненную систематизацію собранныхъ документахъ, дѣлающую пользованіе архивомъ императорскихъ театровъ такимъ удобнымъ и яснымъ. Нельзя не пожелать самымъ искреннимъ образомъ, чтобы изданіе это не ограничилось только первымъ выпускомъ, а въ такомъ же видѣ было разработано и далѣе.

В. К.

Банкъ сиропитательнаго дома Елизаветы Медвѣдниковой въ Иркутскѣ. Историко-статистическій очеркъ, составленный по архивнымъ матеріаламъ подъ редакціей совѣта учрежденій Медвѣдниковой А. А. Пановымъ. Изданіе совѣта Иркутскаго сиропитательнаго дома Елизаветы Медвѣдниковой и учрежденнаго при немъ банка. Москва. 1892. 2 тома. (Съ портретомъ В. Н. Баснина).

Еще въ 1887 году исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со дня основанія Иркутскаго сиропитательнаго дома Елизаветы Медвѣдниковой и состоящаго при немъ банка. Совѣтъ этихъ учрежденій, въ ознаменованіе юбилея полувѣковаго служенія ихъ на пользу мѣстнаго общества, постановилъ издать историческій очеркъ ихъ существованія, но ко дню празднованія юбилея успѣлъ выпустить лишь очеркъ дѣятельности сиропитательнаго дома, написанный Н. В. Подвысоцкимъ, составленіе же исторіи банка вынужденъ былъ отложить на нѣкоторое время. Мысль эта оставалась безъ исполненія втеченіе двухъ слишкомъ лѣтъ, и только въ концѣ 1889 года могла начаться работа собиранія и систематизаціи того обширнаго матеріала по исторіи банка, который заключается въ его архивѣ, состоящемъ болѣе чѣмъ изъ 2.000 дѣлъ. Теперь этотъ трудъ выполненъ. Исторія банка Медвѣдниковой изложена въ двухъ томахъ: въ первомъ изъ нихъ (301 страница) передается исторія дѣятельности этого учрежденія въ девяти отдѣльныхъ главахъ съ обширнымъ введеніемъ и приложеніемъ, посвященнымъ описанію празднованія юбилея пятидесятилѣтняго существованія Иркутскаго сиропитательнаго дома и банка Е. Медвѣдниковой; во второмъ томѣ помѣщено двадцать пять таблицъ, графически изображающихъ результаты добычи золота въ Восточной Сибири за время съ 1839 по 1887 годъ и состояніе банка за пятьдесятъ лѣтъ въ отношеніи движенія его капиталовъ и различныхъ его операцій.

Долголѣтняя и успѣшная дѣятельность Медвѣдниковскаго банка служитъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ того, что это учрежденіе не было затѣей празднаго филантропа, а вызывалось дѣйствительными потребностями

края. При рѣдкости населенія, разбросаннаго на громадной территоріи и при мѣновомъ способѣ торговли (съ китайцами, а также и съ мѣстными инородцами), затраченный въ дѣло капиталъ обращался крайне медленно, а потому торговля была доступна лишь тѣмъ капиталистамъ, которые могли выждать два-три года, пока ихъ капиталъ совершитъ свой полный оборотъ и реализуется въ деньги. Люди съ небольшими капиталами всецѣло зависѣли отъ крупныхъ оптовыхъ торговцевъ. Такимъ образомъ создавалась неизбѣжная монополія нѣсколькихъ крупныхъ иркутскихъ капиталистовъ, которые ворочали торговымъ дѣламъ всего обширнаго края. Кромѣ этого, для большинства купцовъ самымъ тяжкимъ условіемъ въ кяхтинской торговлѣ была необходимость уплачивать пошлины тотчасъ за вымѣномъ чаевъ въ самой Кяхтѣ. Позднѣе эта уплата замѣнена была залогомъ и, наконецъ, еще позднѣе— векселями, по которымъ насчитывались довольно значительные проценты. Это вынуждало купцовъ дѣйствовать не всею силою своего капитала, или оставляя часть его для оплаты пошлины, или задолжая его въ чаи, которые въ качествѣ залога оставались лежать въ таможнѣ впредь до оплаты вывезеннаго чая. При этомъ таможня принимала въ залогъ чаи лишь по самой низкой оцѣнкѣ. Въ довершеніе всего, чаи приходилось отдавать въ Европейской Россіи не иначе, какъ съ условіемъ платежа въ 12-ти-мѣсячный срокъ, а, между тѣмъ, деньги были необходимы для оплаты чаевъ пошлиной и для закупки новыхъ товаровъ. Поэтому чайные торговцы одну половину чая продавали въ кредитъ, а за другую получали наличныя деньги, но съ учетомъ 12%. При такихъ обстоятельствахъ поддержка кредита была безусловно необходима. И при отсутствіи надлежащаго кредитнаго учрежденія въ Иркутскѣ и Кяхтѣ процвѣтало ростовщичество.

Такимъ образомъ, банкъ въ Иркутскѣ былъ необходимъ, какъ учрежденіе, могущее содѣйствовать быстротѣ и удобству торговыхъ предпріятій сибирскихъ коммерсантовъ. Съ другой стороны, учрежденіемъ банка достигалась въ высшей степени прекрасная филантропическая цѣль: онъ долженъ былъ служить источникомъ доходовъ для содержанія перваго въ Сибири женскаго учебно-воспитательнаго заведенія, а именно сиропитательнаго дома Елизаветы Медвѣдниковой въ Иркутскѣ. Елизавета Михайловна Медвѣдникова происходила изъ рода небогатыхъ купцовъ Красногоровыхъ. Девятнадцати лѣтъ она вышла замужъ за Логина Ѳедоровича Медвѣдникова, который послѣ 1812 года, вслѣдствіе удачной торговли китайкою сталъ однимъ изъ первостепенныхъ богачей города Иркутска. На двадцать восьмомъ году Е. М. Медвѣдникова лишилась мужа и осталась съ двумя малолѣтними дѣтьми. Расположенная къ дѣламъ благотворительности, она хотѣла сдѣлать для этой цѣли денежное пожертвованіе. Но она умерла скоропостижно 24-го октября 1828 года, на 42 году жизни, не опредѣливъ точно суммы пожертвованія и самой цѣли благотворенія. Это было сдѣлано уже ея старшимъ сыномъ Иваномъ Логиновичемъ Медвѣдниковымъ. Послѣдній, исполняя желаніе покойной матери, назначилъ для дѣла благотворительности 70 тысячъ рублей (ассигнаціями). По совѣту и при содѣйствіи разныхъ лицъ, И. Л. Медвѣдниковъ рѣшилъ основать женское учебное заведеніе, а для обезпеченія его средствами — банкъ. То и другое, послѣ цѣлаго ряда хлопотъ и непріятностей для жертвователя, наконецъ, удалось устроить: банкъ былъ открытъ въ 1837 году, а сиропитательный домъ въ слѣдующемъ 1838 году. Авторъ подробно, на основаніи документовъ, разсказываетъ полувѣковую исторію Медвѣдниковскаго

банка. Нѣсколько разъ этому учрежденію случалось испытывать неудобныя и тяжелыя положенія, которыя происходили или отъ неопытности и неумѣнья лицъ, завѣдывавшихъ банкомъ, или отъ мѣстныхъ неблагопріятныхъ экономическихъ условій (напр., упадокъ золотопромышленности, пожаръ Иркутска въ 1879 году, банкротства нѣкоторыхъ торговыхъ фирмъ), или же иногда отъ козней и интригъ лицъ постороннихъ, враждебно расположенныхъ къ банку и распускавшихъ о немъ ложные слухи, съ цѣлью повредить его дѣятельности. Точно также дѣятельность другихъ кредитныхъ учрежденій въ Иркутскѣ, какъ, напримѣръ, отдѣленія сибирскаго торговаго банка, даже отдѣленія государственнаго банка, отчасти угрожала устойчивости дѣлъ банка Медвѣдниковой. Но всѣ невзгоды и кризисы пережиты счастливо этимъ учрежденіемъ, и оно съ честью прошло путь полувѣковой дѣятельности. Мы не имѣемъ возможности въ этой краткой рецензіи подробно слѣдить за постепеннымъ увеличеніемъ капиталовъ и расширеніемъ дѣятельности банка Медвѣдниковой, но укажемъ только для наглядности на состояніе суммъ банка при самомъ его открытіи и затѣмъ по прошествіи 50-ти лѣтъ. Въ годъ открытія банка (1837) ему принадлежалъ только основной капиталъ въ количествѣ 14.904 рублей. Черезъ 50 лѣтъ, а именно въ 1887 году, банку принадлежало уже капиталовъ: основнаго—827.439 рублей, запаснаго—440.901 рубль, на погашеніе долговъ — 63.933 рубля, а всего капиталовъ — 1.332.273 рубля; кромѣ того, въ 1887 году въ банкѣ было вкладовъ: вѣчныхъ—367.126 рублей, срочныхъ и безсрочныхъ—2.378.323 рубля, вкладовъ сберегательной кассы—4.803 рубля, а всего вкладовъ было въ банкѣ—2.750.252 рубля. Какъ выше было упомянуто, на доходы банка долженъ былъ существовать Иркутскій сиропитательной домъ Е. Медвѣдниковой. Въ первомъ году своего существованія, т. е. въ 1837 году, банкъ могъ удѣлить сиропитательному дому изъ своихъ доходовъ, которыхъ было получено всего на всего 702 рубля,— только 429 рублей; но черезъ 50 лѣтъ, т. е. въ 1887 году, банкъ имѣлъ чистой прибыли уже 108.389 рублей, изъ которыхъ на содержаніе сиропитательнаго дома было отчислено 38.786 рублей. Это—такіе результаты дѣятельности банка, что городу Иркутску остается только сказать «сердечное спасибо» семьѣ Медвѣдниковыхъ, учредившихъ сиропитательный домъ и для содержанія его банкъ, а также и В. Н. Баснину, очень много потрудившемуся, по словамъ автора, въ томъ же дѣлѣ. Благодаря пожертвованію Медвѣдниковыхъ, сотни сиротъ-дѣвочекъ нашли пріютъ и получили воспитаніе въ Иркутскомъ сиропитательномъ домѣ. А. О—въ.

Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга пятая. Спб. 1892.

Новый томъ «Жизни и трудовъ Погодина» обнимаетъ 1837 — 1840 годы и столь же любопытенъ, какъ и предыдущіе.

Прежде всего весьма интересно и важно для характеристики Погодина его «вступительное письмо» о русской исторіи, которое онъ написалъ для наслѣдника цесаревича Александра Николаевича, находившагося тогда (1837 г.) въ Москвѣ. Такому лицу Погодинъ писалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Россія — государство, которое заключаетъ въ себѣ всѣ (?) почвы, всѣ (?) климаты... обилуетъ всѣми (?) произведеніями... Спрашиваю, можетъ ли кто состязаться съ нами, и кого не принудимъ мы къ послуша-

нію?.. Одно слово (государя)—и цѣлая имперія не существуетъ; одно слово—стерта съ лица земли другая; слово—и вмѣсто ихъ возникаетъ третья...». Россія «по своему составу, языку, совокупности свойствъ (?) можетъ назваться представителемъ всего словенскаго (sic) міра». Она «занимаетъ теперь въ политическомъ смыслѣ первое мѣсто, и, по всѣмъ соображеніямъ науки (!), должна занимать такое же и въ человѣческомъ смыслѣ (!?)». Интереснѣе всего въ двухъ главахъ, содержащихъ въ себѣ эту многоглаголивую «записку», резолюція Строганова: «Словъ много, мысль новая одна, да и то ложная» (стр. 165—175).

Много интереснаго есть о Гоголѣ, почти все время проводившемъ въ Римѣ, гдѣ онъ «растолстѣлъ, ничѣмъ рѣшительно не занимается, проводя все время въ обществѣ нашихъ художниковъ и играя съ ними не то въ карты, не то въ билліардъ». О родинѣ своей Гоголь отзывался странно: «Въ чужой землѣ я готовъ все перенести, готовъ нищенски протянуть руку... но въ своей—никогда! Съ какой радостью я бросилъ Швейцарію и полетѣлъ въ мою душеньку, въ мою красавицу, Италію! Она моя! Никто въ мірѣ ея не отниметъ у меня! (!) Я родился здѣсь. Россія, Петербургъ, снѣга, подлецы, департаментъ, каѳедра, театръ,—все это мнѣ снилось (!!). Я проснулся опять на родинѣ...» и т. д. (стр. 159—160).

Весьма любопытно путешествіе Погодина по «Словенскимъ» землямъ, свѣдѣнія о Введенскомъ, Надеждинѣ, Григорьевѣ, Мельгуновѣ и пр., хотя все это слишкомъ растянуто. **Ар. М.**

Очерки литовско-русской исторіи XV в. Витовтъ. Послѣднія двадцать лѣтъ княженія, 1410—1430. Сочиненіе А. Барбашева. Спб. 1891.

Настоящій трудъ г. Барбашева является прямымъ продолженіемъ труда, изданнаго авторомъ лѣтъ шесть тому назадъ подъ заглавіемъ «Витовтъ и его политика до Грюнвальденской битвы», и начинается поэтому съ этой битвы. Только теперь авторъ счелъ нужнымъ назвать ее не Грюнвальденской, какъ до сихъ поръ называли ее всѣ, въ томъ числѣ и онъ самъ, а Танненбергской. На это онъ, конечно, имѣлъ полное право, такъ какъ битва дѣйствительно происходила между Грюнвальденомъ и Танненбергомъ. Не понимаемъ только, отчего авторъ не рѣшился прямо продолжать своего предыдущаго изслѣдованія, а счелъ необходимымъ сдѣлать большое отступленіе, и первую главу посвятилъ «Очерку исторіи Литвы до 1410 года». Здѣсь на какихъ нибудь 33 страничкахъ онъ самымъ, конечно, бѣглымъ и поверхностнымъ образомъ разсказалъ предшествующую исторію, начиная съ того времени, какъ литовцы «вмѣстѣ съ другими арійцами оставили Азію и поселились въ Европѣ», сдѣлалъ даже описаніе наружности литовцевъ, помѣстилъ ихъ миѳологію и т. п. Положительно непонятно, для чего все это, тѣмъ болѣе, что новаго здѣсь ничего нѣтъ. То же самое только въ болѣе подробномъ изложеніи можно прочесть въ популярномъ трудѣ г. Брянцева: «Исторія Литовскаго государства», и сокращать его, думаемъ, не было никакой нужды. Послѣ этого вступленія, авторъ переходитъ собственно къ изслѣдованію. Онъ очень подробно устанавливаетъ всѣ факты, относящіеся къ этому періоду княженія Витовта, и нерѣдко дѣлаетъ ихъ оцѣнку, но тоже рѣдко удачную. Для примѣра укажемъ на опредѣленіе

значенія Танненбергской битвы. Авторъ не только счелъ возможнымъ повторить высказанное Соловьевымъ сравненіе этой битвы съ Куликовской, но пошелъ еще далѣе — заявилъ, что она «имѣетъ крупное міровое значеніе». Къ сожалѣнію, мы не можемъ выписать здѣсь цѣликомъ тѣхъ пяти страницъ, на которыхъ разсматриваются значеніе и причины, вызвавшія битву. Скажемъ только, что въ концѣ концовъ оказалось, что битва только расшатала Прусскій орденъ, уже и безъ того расшатанный внутренними неурядицами, и что «гибель ордена послѣ Танненбергскаго пораженія казалась неизбѣжной» (стр. 91). Гдѣ же здѣсь міровыя послѣдствія? Какъ и его предшественники, авторъ смотритъ на битву, какъ на борьбу «романо-германскаго запада со славянскимъ востокомъ», какъ на борьбу «отживающихъ вѣковъ съ наступающими новыми», причемъ особенно сильно обрушивается на нѣмцевъ, которые постоянно за всѣ выгоды «платили славянамъ лишь притѣсненіями и угнетеніями». Будучи народомъ вполнѣ цивилизованнымъ (въ средніе вѣка-то!), они нисколько не заботились о просвѣщеніи. «Ни въ Пруссіи, ни въ Поморской землѣ послѣ рыцарей не осталось ни малѣйшаго слѣда заботы о просвѣщеніи. Вмѣсто науки съ западными пришельцами проникали въ массы народа предразсудки и пороки. Въ XIV и XV вв. въ нѣмецкой землѣ (?) стала распространяться чудовищная теорія истребленія колдуній, и отсюда-то эта теорія перешла и въ Польшу. Пьянство, волокитство и безчестная игра въ кости были обычнымъ времяпровожденіемъ тевтоновъ» (стр. 40). «Подобныя дѣянія и качества, конечно,—замѣчаетъ дальше авторъ,—возбуждали въ притѣсняемыхъ (мирныхъ и благодушныхъ) славянахъ сильную ненависть къ нѣмцамъ». Думаемъ, можно ограничиться и этимъ примѣромъ.

Въ концѣ книжки авторъ разбираетъ критически источники для исторіи Литвы, русскіе, литовскіе и польскіе. Эта часть книги (стр. 267—317) имѣетъ больше значенія, чѣмъ первая, такъ какъ отличается большей самостоятельностью. В. Б.

Опытъ исторіи С.-Петербургской биржи въ связи съ исторіей С.-Петербурга, какъ торговаго порта. Вып. 1—10. Спб. 1888—1891.

С.-Петербургская биржа, въ лицѣ Г. А. Немирова, секретаря с.-петербургскаго биржеваго комитета, взялась за дѣло, довольно грандіозное по замыслу: составить полную подробную исторію какъ торговаго порта Петербурга до и послѣ его основанія, такъ и всей С.-Петербургской биржи отъ основанія ея до нашихъ дней. Для осуществленія этого грандіознаго плана прежде всего нужны средства, и, чтобы превозмочь это препятствіе, г. секретарь прибѣгъ къ довольно оригинальному средству: число выпусковъ предполагаемаго изданія поставилъ онъ въ зависимость отъ числа подписчиковъ. Если окажется 300 подписчиковъ, предположено издать (на первую серію) 15 выпусковъ, если 400—то 19, если 500—то 22 и т. д. до безконечности. Такимъ образомъ, если на первое время окажется лишь 300 подписчиковъ, то серія въ 15 тощихъ выпусковъ обойдется въ 25 рублей, что составитъ $1^2/_3$ рубля за каждыя 30 страницъ. Это уже, конечно, нельзя назвать удобствомъ. Другое неудобство болѣе серьезнаго характера. «Книга,—извѣщаетъ г. Немировъ,—издается выпусками (около 2-хъ листовъ) изъ разныхъ частей (въ видахъ скорѣйшаго опубликованія наиболѣе инте-

реснаго матеріала), но по возможности такъ, чтобы нѣсколько смежныхъ выпусковъ составляли нѣчто цѣлое». Мы должны замѣтить, что намеки на это «нѣчто цѣлое» дѣйствительно есть въ изданныхъ десяти выпускахъ, но именно лишь намеки. Въ самомъ дѣлѣ, что цѣльнаго получаетъ подписчикъ въ слѣдующихъ отрывкахъ: 1) Петербургъ до его основанія (отъ ледниковаго періода до зарожденія будущаго Петербурга въ 1497—1499 гг.); 2) построеніе биржеваго зданія 1724 г.; 3) окрестности нынѣшняго Петербурга въ 1500 г.; 4) начало биржи въ С.-Петербургѣ 1703 г.; 5) мѣстность и окрестности нынѣшняго Петербурга въ 1477—1500 гг. (продолж.); 6) С.-Петербургская биржа въ послѣдній мѣсяцъ царствованія Петра Великаго (январь, 1725 г.); 7) продолженіе обзора Ижорскаго погоста; 8) С.-Петербургская биржа въ первые мѣсяцы царствованія Екатерины I; 9) продолженіе описи Ижорскаго погоста по писцовой книгѣ 1500 г., и 10) освященіе и открытіе нынѣшняго биржеваго зданія (15-го іюля) и учрежденіе биржеваго комитета (6-го ноября) 1816 г. Въ иныхъ случаяхъ, при изданіи какого либо труда въ подобныхъ случайныхъ выпускахъ недостатокъ систематичности въ этихъ послѣднихъ возмѣщаетъ введеніе, снабженное подробнымъ обзоромъ всего того, что предполагается изложить во всѣхъ частностяхъ впослѣдствіи. Въ настоящемъ изданіи ничего подобнаго не находимъ. Г. Немировъ, правда, предполагалъ написать большое предисловіе, но, по его собственному заявленію, «въ виду его объема» отлагаетъ его до особаго выпуска, котораго, на сколько намъ извѣстно, до сихъ поръ еще не послѣдовало. Съ планомъ автора приходится знакомиться пока по тому оглавленію предполагаемыхъ выпусковъ, которое сообщаетъ г. Немировъ. Здѣсь, кромѣ вступительныхъ очерковъ, въ которыхъ излагается «исторія Петербурга до его основанія», находимъ обзоръ десяти періодовъ въ исторіи биржи отъ 1703 до 1876 г., то-есть до введенія института гласныхъ С.-Петербургской биржи. Новѣйшій періодъ, по счету одиннадцатый, предполагается разсмотрѣть въ особыхъ ежегодныхъ или періодическихъ обзорахъ. Относительно системы своей авторъ сообщаетъ слѣдующее: «Изложеніе исторіи каждаго періода раздѣляется на три отдѣла: 1) на хронику (погодное изложеніе отдѣльныхъ событій и документовъ); 2) изложеніе дѣлъ и другихъ историческихъ матеріаловъ, неудобныхъ для раздѣленія по годамъ, и 3) общій обзоръ положенія разныхъ отраслей биржевой торговли и биржеваго управленія въ тотъ періодъ и общіе о немъ выводы». По тѣмъ немногимъ отрывкамъ этой исторіи биржи, которые мы тамъ имѣемъ, трудно еще сказать, на сколько г. Немирову удалось придержаться этой системы; изъ нихъ мы, если и могли что вывести, то лишь тотъ методъ, которому слѣдовалъ авторъ. Методъ этотъ весьма простъ: г. Немировъ или прибѣгаетъ къ выпискамъ, или пересказываетъ матеріалъ своими словами, будетъ ли то писцовая книга, записки современника или какой либо документъ. Методъ конечно, весьма удобный въ томъ отношеніи, что застраховываетъ отъ многихъ промаховъ, но зато способствуетъ весьма сильно увеличенію объема даннаго «сочиненія». При массѣ имѣющихся матеріаловъ и при слѣдованіи этому методу, «Опытъ исторіи С.-Петербургской биржи» до начала XX столѣтія ни въ какомъ случаѣ не будетъ оконченъ. А. Л—нъ.

Глинская Рождество-Богородицкая пустынь. (Курской губерніи, Путивльскаго уѣзда). Курскъ. 1892.

Неизвѣстный авторъ этой книги (издана она Глинской пустынью) поставилъ себѣ задачей описать современное состояніе Глинской пустыни и этому описанію предпослалъ довольно подробный историческій очеркъ ея существованія.

Нужно сказать, что Глинская пустынь въ Курской и сосѣднихъ губерніяхъ пользуется необыкновенной славой. На поклоненіе ея святынѣ—чудотворной иконѣ Божіей Матери, стекается масса богомольцевъ, которыхъ, между прочимъ, привлекаетъ и исполняемый въ обители церковный уставъ св. Аѳонской горы. Пустынь находится въ прекрасномъ состояніи. Въ ней до 450 человѣкъ монашествующихъ. Она владѣетъ большими земельными и другими угодьями, мельницами, заводами, фруктовыми питомниками, сукновальнями и т. д. На средства Глинской пустыни устроено много благотворительныхъ учрежденій, между которыми замѣчательно ремесленное училище. Небезъинтересна и исторія пустыни, весьма недурно написанная. Въ этой исторіи, на основаніи архивныхъ документовъ и преданій, разсказано о возникновеніи и развитіи пустыни, о тѣхъ перемѣнахъ и особенныхъ событіяхъ, которыя имѣли мѣсто въ ея долголѣтней жизни, о настоятеляхъ и т. д.

Изъ любопытнаго для мѣстнаго жителя очерка Глинской пустыни заимствуемъ нѣсколько фактовъ, которые имѣютъ и общеисторическій интересъ.

Названіе свое пустынь получила отъ фамиліи князей Глинскихъ. Когда Іоаннъ III велъ войну съ Литовскимъ государствомъ, то царскій воевода Захарьевичъ въ 1500 году овладѣлъ Путивлемъ, гдѣ намѣстникомъ великаго князя литовскаго былъ князь Богданъ Глинскій, который владѣлъ тою мѣстностью, гдѣ впослѣдствіи возникъ монастырь. Михаилъ Глинскій, дядя великой княгини Елены, владѣлъ городами Медынью и Ярославцемъ Малымъ, находящимся въ Глуховскомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, недалеко отъ Глинской пустыни. Въ началѣ второй половины XVII столѣтія здѣсь была устроена церковь. Архивныя бумаги, касающіяся этой церкви, передаютъ намъ замѣчательный фактъ: именно церковь была частною собственностью, принадлежавшею священнику, Петру Дмитріеву, которую онъ пріобрѣлъ, повидимому, по купчей крѣпости и могъ передать своимъ дѣтямъ. Въ 1703 году по указу императора Петра Великаго Крупецкая дворцовая волость, на территоріи которой находилась Глинская пустынь, со всѣми землями, лѣсами, селами и деревнями пожалована была въ вотчину извѣстному гетману Мазепѣ. Мазепа, имѣя въ виду свои политическія цѣли, поспѣшилъ передать пустынь въ завѣдываніе Кіевскаго митрополита, который и опредѣлялъ въ нее настоятелей. Этимъ распоряженіемъ Мазепы были чрезвычайно недовольны монахи.

Черезъ пять лѣтъ, послѣ измѣны Мазепы, всѣ его имѣнія были конфискованы, и Петръ Великій Крупецкую волость передалъ князю А. Д. Меншикову. Меншиковъ подарилъ Глинской обители большой участокъ земли и сдѣлался лично ктиторомъ монастырскаго храма. Впослѣдствіи значительная часть подаренной кн. Меншиковымъ земли отошла отъ пустыни, и только въ 1823 году она получила во владѣніе 300 десятинъ лѣса по по-

велѣнію императора Александра I. Тогдашній игуменъ Филаретъ въ 1821 году отправился въ Петербургъ, гдѣ успѣлъ испросить высочайшую аудіенцію и лично просилъ государя о пожалованіи земли и 3.000 р. деньгами для уплаты долга, лежавшаго на обители. Александръ I милостиво отнесся къ просьбѣ.

— Исполню,—сказалъ онъ,—и долгъ заплачу; будьте благонадежны. Я поручу князю Голицыну (тогдашнему министру духовныхъ дѣлъ) стараться о доставленіи монастырю вашему лѣса; князь мнѣ разсказывалъ о благочиніи вашей обители; благодарю васъ за усердную службу. Благословите, и когда будете отправляться въ обратный путь, приходите ко мнѣ проститься.

5-го іюля, въ тотъ день, когда игуменъ Филаретъ представлялся Александру I, ежегодно въ Глинской пустыни совершается торжественное поминовеніе этого монарха и его супруги Елисаветы Алексѣевны.

Какъ извѣстно, въ 1825 году, Александръ I осенью предпринялъ путешествіе въ Таганрогъ. Было два царскихъ поѣзда: въ первомъ ѣхала императрица, во второмъ, слѣдовавшемъ нѣсколькими днями позже, государь. Когда первый поѣздъ, по назначенному заранѣе маршруту, въѣхалъ изъ Черниговской губерніи въ Курскую, то государыня увидѣла на пути сонмъ иноковъ съ зажженными свѣчами и кадильницами, въ которыхъ курился оиміамъ. Вышедшіе на встрѣчу иноки были облечены въ священныя одежды и мантіи; во главѣ ихъ находился настоятель. Августѣйшая путешественница велѣла остановить поѣздъ и со слезами умиленія приложилась къ поднесенному ей кресту и была окроплена святой водой. Настоятель, въ напутственное благословеніе поднесъ ея величеству икону Рождества Пресвятой Богородицы, просфору и слѣдующія книги: 1) Апологія въ утоленіе печали человѣку, сущему въ бѣдѣ, гоненія и озлобленіи, 2) Врачество духовное на смущеніе помысловъ, соч. св. Димитрія Ростовскаго, и 3) Житіе преподобнаго Василія Новаго.

Пріѣхавши въ Бѣлгородъ, императрица передала тогдашнему курскому губернатору 500 р., которые повелѣла отослать въ Глинскую пустынь. На эти деньги была выстроена часовня на мѣстѣ встрѣчи государыни иноками. Въ часовнѣ и до сихъ поръ сохраняется портретъ Елисаветы Алексѣевны, съ слѣдующею надписью: «Памятникъ государынѣ императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ, въ проѣздъ въ Таганрогъ, 1825 года, сентября 25 дня».

А. Т.

Д. И. Сапожниковъ. Самосожженіе въ русскомъ расколѣ. (Со второй половины XVII вѣка до конца XVIII). Историческій очеркъ по архивнымъ документамъ. Москва. 1892.

Однимъ изъ наиболѣе печальныхъ явленій въ исторіи нашего раскола было самосожженіе. Уже въ 1675 году муромскій протопопъ Аввакумъ писалъ: «иные ревнители закона суть уразумѣша лесть отступленія, да не погибнутъ злѣ духомъ своимъ, собирающеся во дворы съ женами и дѣтками и сожигахуся огнемъ своею волею». Первые случаи самосожженія, о которыхъ дошли до насъ свѣдѣнія, относятся къ 1676—1683 годамъ, когда въ Пошехонскомъ уѣздѣ, въ Бѣлосельской волости, въ приходѣ церкви св. Пятницы, сожглось въ разное время до 1920 человѣкъ; кромѣ того, «въ окрестныхъ селахъ и деревняхъ, коихъ безчисленное множество народа сожигашася прельщены были, и волшебствомъ очарованы отъ раскольническихъ учи-

телей, исполняшеся воздухъ отъ труповъ, сгорающихъ смрадной вони на многи дни». Д. И. Сапожниковъ насчитываетъ всего 117 случаевъ самосожженія, причемъ число сгорѣвшихъ приблизительно опредѣляется такъ: въ первое полустолѣтіе (1667—1700 гг.) было сжегшихся около 8.834 человѣкъ, во второе (1700—1760 гг.)—1.332 и въ третье (1760—1800)—101.

Книга г. Сапожникова посвящена описанію самосожженій въ хронологическомъ порядкѣ, по царствованіямъ. «Главною цѣлію своихъ занятій,— говоритъ авторъ, — мы поставили собраніе возможно большихъ свѣдѣній о гаряхъ, чтобы при сужденіи о нихъ имѣть опору на прочныхъ историческихъ основахъ... Мы рѣшились собрать о самосожженіяхъ всѣ матеріалы, какъ существующіе въ печати, такъ по мѣрѣ возможности и архивные, чтобы на основаніи ихъ изложить зарожденіе и развитіе вѣроученія самосожигателей съ его догматическими особенностями». Главный рукописный матеріалъ полученъ авторомъ изъ Московскаго архива министерства юстиціи; имъ просмотрѣны дѣла сената, св. синода, раскольнической конторы и отчасти сибирскаго, разряднаго, суднаго и сыскнаго приказовъ.

Фактическія данныя и составляютъ главное содержаніе книги: описаніемъ «гарей» заняты I—VIII главы, причемъ въ послѣдней вкратцѣ говорится о самосожженіяхъ, самоистребленіяхъ и самоистязаніяхъ въ настоящемъ столѣтіи. Теоретическимъ выводамъ отведена одна IX глава (стр. 149 — 161), въ которой авторъ полемизируетъ съ прежними изслѣдователями даннаго вопроса (гг. Пругавинымъ, Пыпинымъ, Сырцовымъ и др.) и высказываетъ свой взглядъ на самосожженіе раскольниковъ; нельзя, однако, сказать, чтобы мысли автора были выражены съ достаточною ясностью и основательностію: онъ ограничивается нѣсколькими замѣчаніями по этому поводу, не развивая своего взгляда детально. Самосожженіе онъ ставитъ въ непосредственную связь съ вѣроученіемъ безпоповцевъ. Расколоучители, начиная съ Аввакума, «объясняли народу положеніе его, становясь на почву своихъ понятій о борьбѣ за существованіе, о догматахъ православной вѣры, преслѣдованіяхъ правительства, недостаткахъ духовенства и необычномъ явленіи новшества, чуждаго чуть не до сей поры русскому простонародью. Но развѣ при такихъ условіяхъ нѣтъ исхода человѣку изъ его гнетущаго положенія? Неужели нѣтъ надежды искупить грѣхи свои и нѣтъ пути, ведущаго въ царствіе небесное?» Отвѣтъ на этотъ вопросъ давало ученіе безпоповщины «о страданіи за Крестъ Христовъ», гласившее: «да умремъ мы за старую вѣру и да сожжемся!» «Но исполненія такихъ догматическихъ требованій безпоповцы придерживались различно: одни раскольники сожигались самопроизвольно, безъ всякихъ побудительныхъ причинъ со стороны блюстителей закона; другіе съ предвзятой мыслью о близости конца міра упорно искали возможности умереть за вѣру старую, и сожигались, когда надежды ихъ (не ?) исполнялись; третьи сожигались при томъ условіи, если нарушался ихъ обыденный порядокъ жизни гонителями ихъ, и напротивъ того не сожигались, когда ихъ оставляли въ покоѣ».

Въ концѣ книги — приложенія: 1) списокъ вождей раскола и ихъ сподвижниковъ, встрѣчавшихся въ описаніи самосожженій; 2) перечень самосожженій и 3) указатель печатныхъ свѣдѣній о самосожженіяхъ.

С.

Лекціи въ императорскомъ Александровскомъ лицеѣ. О драмѣ А. С. Пушкина: „Борисъ Годуновъ". И. Н. Жданова. Спб. 1892.

Задачей настоящей своей работы проф. Ждановъ поставилъ—«изученіе «Бориса Годунова» съ исторической точки зрѣнія, какъ попытки освѣтить тѣ условія русской дѣйствительности конца XVI, начала XVII вѣковъ, которыя вызвали появленіе самозванца и паденіе Годунова».

Въ русской литературѣ на драму Пушкина установился взглядъ, какъ на «отрывки изъ X и XI томовъ «Исторія государства Россійскаго» Карамзина, передѣланные въ разговоры». Мнѣніе это впервые высказано въ 1829 году III Отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи, куда представлена была драма, а затѣмъ болѣе развито Н. А. Полевымъ и Бѣлинскимъ. Послѣдній нападалъ на Пушкина за то, что «онъ рабски во всемъ послѣдовалъ Карамзину», что онъ якобы «сдѣлался рѣшительнымъ рыцаремъ Карамзина». Проф. Ждановъ, вообще отстаивающій самостоятельность Пушкина вездѣ и во всемъ, путемъ детальнаго разбора драмы и сличенія ея съ исторіей Карамзина пришелъ къ совершенно противоположному заключенію. То обстоятельство, что у Пушкина можно найдти массу небольшихъ подробностей, которыхъ нѣтъ у Карамзина и которыя встрѣчаются въ другихъ источникахъ, ясно показываетъ, что Пушкинъ самостоятельно занимался этой эпохой, и что эти подготовительныя занятія не сводились къ чтенію «Исторіи государства Россійскаго». Но яснѣе всего самостоятельность Пушкина сказалась въ оцѣнкѣ личности Бориса Годунова, главнаго лица всей драмы. Карамзинскій Борисъ появляется на престолѣ, какъ излюбленный царь Русской земли, симпатичный боярамъ и народу, его несчастія объясняются его болѣзненной подозрительностью. «Борисъ, по взгляду Пушкина, только казался народнымъ избранникомъ: между Борисомъ и Русской землей, то-есть ея боярствомъ и ея народомъ, не было прочной объединяющей связи... развитіе драмы лишь раскрываетъ ту ложь, которая скрывалась въ самомъ вступленіи Бориса на престолъ». Это ужъ ясно показываетъ, что о «рабской» зависимости Пушкина отъ Карамзина не можетъ быть и рѣчи. Страннымъ даже кажется, какъ могъ допустить подобную ошибку такой человѣкъ, какъ Бѣлинскій. Причины, можетъ быть, нужно искать въ томъ, что Пушкинъ посвятилъ: «драгоцѣнной для россіянъ памяти Н. М. Карамзина свой трудъ, геніемъ его вдохновенный»... Полевой прямо даже ссылается на это посвященіе. Но вотъ что писалъ самъ Пушкинъ объ этомъ посвященіи Плетневу: «Я хотѣлъ посвятить ее Жуковскому... Дочери Карамзина сказали мнѣ, чтобы я посвятилъ любимый трудъ памяти отца. И такъ, если еще можно, то напечатай на заглавномъ листѣ: Драгоцѣнной для россіянъ памяти» и т. д. Это, конечно, не было извѣстно критикамъ Пушкина, и могло ихъ ввести въ ту ошибку, которую въ настоящее время исправилъ своимъ изслѣдованіемъ проф. Ждановъ.

В. Б.

Вс. Крестовскій. Очерки кавалерійской жизни. Спб. 1892.

Упомянутые очерки изображаютъ различные эпизоды изъ военнаго быта добраго стараго времени, т. е. лѣтъ двадцать назадъ. Какъ извѣстно, у насъ существуетъ цѣлая литература такихъ очерковъ, содержаніе которыхъ опредѣляется излюбленной начальной фразой авторовъ ихъ: «когда

мы стояли въ Польшѣ», а затѣмъ идетъ анекдотическое повѣствованіе о храбрыхъ доблестныхъ гусарахъ или уланахъ, злодѣйскихъ пѣхотныхъ штабсъ-капитанахъ, подстерегающихъ въ корчмахъ неопытныхъ корнетовъ и дочиста обирающихъ ихъ въ штосъ, о пархатыхъ жидахъ, поставщикахъ и ростовщикахъ, о прекрасныхъ паненкахъ и о заброшенныхъ, славныхъ въ древности, фольваркахъ съ таинственными преданьями и легендами и еще болѣе таинственными призраками съ неизмѣнной «бѣлой женщиной» во главѣ.

Конечно, мы не ставимъ произведенія нашего талантливаго и достаточно извѣстнаго писателя въ одинъ уровень съ разсказами о томъ, «когда мы стояли въ Польшѣ», но, тѣмъ не менѣе, и въ нихъ фигурируютъ мерзавцы жиды, молодецкіе уланы, хвастуны-трусишки поляки и т. д. Повидимому, эти очерки написаны въ болѣе ранній періодъ литературной дѣятельности г. Крестовскаго. Въ нихъ много недосказаннаго, преувеличеннаго. Недостатки техники въ повѣствованіи, портретахъ дѣйствующихъ лицъ, очерченныхъ довольно блѣдно, въ картинахъ природы, въ бликахъ и пятнахъ, видны на каждомъ шагу.

Какъ сказано, «Очерки» представляютъ рядъ эпизодовъ изъ военной жизни. Всѣхъ очерковъ девять. Лучшій изъ нихъ, это «Базарный день въ Свислочи», заключающій многія вѣрныя черты быта и нравовъ Литовскаго края. Статья «По поводу либеральныхъ привѣтствій» имѣетъ полемическій характеръ и нисколько не относится къ собственно военно-кавалерійской жизни. Она изображаетъ опасенія автора, какъ бы у насъ не появились «офицеры изъ евреевъ»—вопросъ, давно сданный въ архивъ. «На травѣ»,—самый обширный изъ очерковъ. Тутъ есть нѣсколько прекрасныхъ картинъ, но въ общемъ разсказъ безсодержателенъ и вялъ.

Въ книгѣ г. Крестовскаго цѣлыя страницы наполнены жидовско-польскими разговорами. Подобно тому, какъ въ «Петербургскихъ трущобахъ» его воры и грабители говорятъ исключительно на невозможномъ воровскомъ языкѣ, такъ и тутъ глазъ рябитъ, а ухо рѣжетъ, преувеличенно карикатурная рѣчь поляковъ и евреевъ, воспроизведеніе которой составляетъ добрую половину «Очерковъ кавалерійской жизни». А. Леманъ.

„Русскія картины". Изданіе „Посредника" Москва. 1892.

Какъ книги, предназначенныя для чтенія народу, такъ и картины для воспитанія въ немъ эстетическаго вкуса и наглядпаго разумѣнія русской жизни въ большинствѣ случаевъ отличаются крайне лубочнымъ исполненіемъ, а по содержанію лишены добрыхъ и просвѣтительныхъ задачъ. Подобныя книги и картины распространяются въ народѣ преимущественно московскими торговцами съ Никольскаго рынка при посредствѣ цѣлой арміи коробейниковъ - офеней, ходебщиковъ, картинщиковъ и т. п. промышленниковъ. Изданія же «комитетовъ грамотности», «обществъ распространенія полезныхъ книгъ» и т. д. весьма мало проникали въ народъ главнымъ образомъ отъ того, что интеллигентные издатели не имѣютъ посредниковъ между собою и деревнями, а земскія управы до сихъ поръ не догадываются организовать сбытъ хорошихъ книгъ и картинъ, заведя собственныхъ книгоношъ - картинщиковъ по одному или двумъ на уѣздъ съ тѣмъ, чтобы послѣдніе посѣщали ярмарки, базары и деревенскіе праздники,

продавая народу одобренныя земствомъ книги и картины. Болѣе раціональнымъ выборомъ книгъ и картинъ для народа озабочена только фирма «Посредникъ». Послѣ ея сближенія съ лубочниками, когда хозяйственную сторону предпріятія (печатаніе и распространеніе) приняла на себя фирма Сытина и К°, а редакцію и выборъ матеріала принялъ «Посредникъ», изданія ихъ стали распространяться черезъ офеней среди народа въ громадномъ количествѣ экземпляровъ. Въ настоящее время появилась художественная новинка, изданная «Посредникомъ»,—это снимки съ нѣкоторыхъ изъ лучшихъ произведеній русской живописи. Число картинъ въ первой серіи 13, и стоятъ онѣ очень дешево: каждая въ отдѣльности по 10 к., а весь альбомъ 1 р. 30 к.

Каждая картина чрезвычайно богата внутреннимъ смысломъ, и всѣ вмѣстѣ, дѣйствительно, подтверждаютъ слова Л. Н. Толстого о томъ, что «напишетъ правду не тотъ, кто только опишетъ, какъ было дѣло и что сдѣлалъ тотъ, и что сдѣлалъ другой человѣкъ, а тотъ, кто покажетъ, что дѣлаютъ люди хорошо и что дурно». Смотря на альбомъ снимковъ, изданный «Посредникомъ», вы видите не только бытовыя черты окружающей насъ жизни, но и то, что въ ней отвратительно, что не должно быть, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ каждой картинѣ есть трогательныя сцены, внушающія вѣру въ душевныя силы русскаго народа и его жажду большаго свѣта. На картинѣ г. Мясоѣдова мы видимъ стариковъ, слушающихъ мальчика, который читаетъ манифестъ 19-го февраля. Не велика бѣда въ томъ, что они собрались на задворкахъ и ведутъ разговоры съ оглядкой. Каждый изъ нихъ чувствуетъ, что изъ битаго царства вдругъ не битое стало; на обломкахъ произвола теперь долженъ царить законъ. Новая жизнь раскрывается передъ ними, и каждый крестьянинъ вспоминаетъ всю свою прошлую жизнь и думаетъ крѣпкую думу о будущей судьбѣ своей дѣтей и внуковъ. А вотъ и послѣ-реформенная жизнь на картинѣ г. Максимова: «Раздѣлъ». Смотря съ грустью на семейное разложеніе и оскудѣніе крестьянскаго быта, всетаки обвиняешь здѣсь уже болѣе самого человѣка, его нравы и страсти... Картина г. Перова «Пріѣздъ гувернантки» и г. Пукирева «Неравный бракъ» изображаютъ торжество капитала надъ человѣческимъ достоинствомъ ближняго. Затѣмъ идутъ картины изъ военнаго быта, безъ баталій, но съ болѣе глубокимъ и трогательнымъ содержаніемъ: «Проводы новобранца» (Рѣпина), «Вернулся» (его же), «На войну» (Савицкаго), «Письмо на родину» (Клодта), «Вольная сестра милосердія» (его же), и картины изъ тюремной жизни, о которой русскій народъ говоритъ: кому тюрьма, а намъ домъ... «Оправданная» (Маковскаго), «Осужденный» (его же), «Всюду жизнь» (Ярошенки) и, наконецъ, симпатичная картина г. Лемоха «Новое знакомство»—крестьянскихъ дѣтей съ новорожденнымъ младенцемъ.

Нельзя не сочувствовать изданію подобнаго альбома картинъ, предназначенныхъ для народа.

Настоящее изданіе лишено всякихъ коммерческихъ цѣлей, и вся выручка отъ продажи картинъ предназначается въ пользу голодающихъ. Остается пожелать наибольшаго распространенія этой первой серіи художественныхъ русскихъ картинъ среди народа. А. Фаресовъ.

Памятная книжка Курской губерніи на 1892 годъ. Изданіе курскаго губернскаго статистическаго комитета. Составлена секретаремъ комитета Т. I. Вержбицкимъ. Курскъ. 1892.

Эта «книжка» представляетъ собою объемистый томъ въ 50 печатныхъ листовъ, изящно изданный и украшенный хорошо выполненными фототипіями, изображающими виды г. Курска. Въ началѣ книги помѣщены календарныя свѣдѣнія; затѣмъ слѣдуютъ: краткій очеркъ Курской губерніи (матеріалы для историко-статистическаго описанія края); статистическія свѣдѣнія за 1890 годъ; свѣдѣнія объ административномъ устройствѣ губерніи; алфавитный указатель населенныхъ мѣстъ Курской губерніи и адресъ-календарь начальствующихъ и служащихъ лицъ въ Курской губерніи. Въ послѣднемъ отдѣлѣ, на 31 страницѣ, находимъ такую странность: мѣстныя отдѣленія дворянскаго и крестьянскаго банковъ называются отдѣленіями государственнаго банка, тогда какъ въ дѣйствительности дворянскій земельный и крестьянскій поземельный банки существуютъ совершенно самостоятельно отъ государственнаго банка. С.

Сенатскій Архивъ. Томъ IV. Спб. 1891.

Настоящій томъ «Сенатскаго Архива» (въ 715 стр.) заключаетъ въ себѣ журналы и опредѣленія правительствующаго сената за іюнь, іюль, августъ и сентябрь 1741 года. Особенно важныхъ и любопытныхъ въ томъ или другомъ отношеніи отдѣльныхъ документовъ указать нельзя. Въ цѣломъ же томъ представляетъ собой богатый матеріалъ для изображенія экономическаго положенія Россіи въ правленіе Анны Леопольдовны. Здѣсь же можно найти нѣсколько документовъ для біографій В. Н. Татищева, Г. Миллера, Бирона, Миниха и др. Справки облегчаетъ довольно подробный указатель, приложенный въ концѣ тома (1—60 стр.) В. Б.

Іерархія всероссійской церкви отъ начала христіанства въ Россіи и до настоящаго времени. Н. Д. Москва. 1892.

Послѣ «Исторіи россійской іерархіи» Амвросія Орнатскаго, епископа пензенскаго (3 части, изд. 2, 1827 г.), были изданы Ю. В. Толстымъ «Списки архіереевъ и архіерейскихъ каѳедръ іерархіи всероссійской съ 1721 по 1871 годъ» и П. Строевымъ «Списки архіереевъ и настоятелей монастырей» (1877 г.). При неполнотѣ этихъ изданій, пользованіе первымъ изъ нихъ затруднительно въ настоящее время уже потому, что оно составляетъ библіографическую рѣдкость. Поэтому авторъ разсматриваемой книги рѣшился, «пересмотрѣвъ вновь всѣ вышедшіе донынѣ извѣстные историческіе матеріалы и источники, а равно и оффиціальные документы, издать «Списки епархій и архіереевъ». Выпустивъ теперь «Списки архіереевъ и архіерейскихъ каѳедръ въ россійской іерархіи и въ грузинскомъ католикосѣ (I)», онъ ничего не говоритъ объ общемъ планѣ своего сочиненія и о его размѣрахъ. Но въ виду примѣчанія на первой страницѣ, въ которомъ авторъ обѣщаетъ указать матеріалы, коими онъ пользовался, въ «III томѣ»,—въ виду этого нужно полагать, что мы имѣемъ дѣло съ началомъ обширнаго труда о русской іерархіи. Такъ какъ назначеніе подобной книги — служить для справокъ, то было бы желательно, чтобы въ концѣ ея былъ приложенъ алфавитный указатель именъ, безъ котораго, при хронологическомъ перечнѣ іерарховъ, «Списки» не вполнѣ достигаютъ своей цѣли. С.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Военная защита Англіи въ проектѣ статскихъ писателей.—Русскія войска по нѣмецкимъ источникамъ.—Статистическія изслѣдованія Россіи нѣмцами.—Русская политическая и общественная жизнь въ нѣмецкой оцѣнкѣ.—Будущая морская война Англіи съ Франціей.—Новая книга объ убійствахъ въ ночь св. Варѳоломея.—Послѣдній томъ мемуаровъ Талейрана.

ВЪ ТО ВРЕМЯ, когда во Франціи уже который годъ военнымъ вѣдомствомъ управляетъ статскій министръ, въ Англіи два статскихъ писателя составляютъ стратегическіе планы для защиты отечества и издаютъ объемистую книгу объ оборонѣ имперіи (Imperial defence). Изъ двухъ авторовъ этого замѣчательнаго изслѣдованія Чарльсъ Дильке писалъ уже и прежде о военныхъ силахъ не одной Англіи, но и другихъ государствъ, а Спенсеръ Вилькенсъ былъ офицеромъ волонтеровъ, и также занимался изученіемъ военнаго искуства, и хотя оба они не принадлежатъ къ профессіональнымъ стратегамъ, мнѣнія ихъ уважаются спеціалистами. Во введеніи авторы возстаютъ противъ сентиментальной теоріи «мира во что бы то ни стало» и доказываютъ его непригодность. Двѣ затѣмъ слѣдующія главы посвящены англійскому флоту, преобладающее вліяніе котораго для всякой будущей войны Англіи авторы ставятъ на первый планъ. Британская имперія — морская держава,—говорятъ авторы:—отрѣзанная отъ моря ни одна ея колонія не можетъ процвѣтать: она получаетъ свою силу и благосостояніе отъ метрополіи. Великобританія можетъ существовать и безъ своихъ колоній, но тогда она будетъ слабою и изолированною державой. Причиною морской войны можетъ быть: съ Франціею споры изъ-за Египта, Сіама или Ньюфаундленда, съ Россіею изъ-за индѣйскихъ владѣній; обѣ войны могутъ

быть одновременны. Вслѣдствіе того, что французскія морскія силы могутъ сравняться съ англійскими, увеличеніе послѣднихъ необходимо. Сообщеніе Англіи съ колоніями посредствомъ электрическихъ кабелей—существенное условіе обороны. Двѣ слѣдующія и болѣе интересныя главы посвящены защитѣ Индіи. Мысль о войнѣ предохранительной и наступательной, о нападеніи на Россію въ ея владѣніяхъ оставлена, какъ неосуществимая: защита должна ограничиться обороною. На своемъ лѣвомъ флангѣ русскіе могутъ вторгнуться въ Индію небольшими отрядами черезъ Памиръ, Читраль и Гильгитъ, но этотъ путь неудобенъ для развитія серьезныхъ операцій. Изъ центра русскихъ владѣній идетъ лучшая дорога черезъ афганскій Туркестанъ и Кабулъ на Аттакъ. Съ праваго фланга путь лежитъ на Пендже, Гератъ, Кандагаръ, Суккуръ. Для отраженія русскаго нападенія необходимо устроить желѣзную дорогу отъ Дераджата до Гумальскаго прохода и водораздѣла Инда и другую отъ Пешавера до Кабула, также другія дороги въ Гератъ и Белуджистанъ. Для обороны страны нужны четыре корпуса, кромѣ гарнизоновъ въ городахъ и по границѣ. Вспомогательно-индѣйскія войска могутъ поставить два корпуса, а остальныя два надо взять изъ Великобританіи или изъ колоній. Настоящія средства защиты страны совершенно недостаточны; войска разбиты на батальоны и не могутъ дѣйствовать соединенными силами. Книга даетъ планъ устройства територіальной арміи, гдѣ солдаты служили бы 3 года въ строю и 7 лѣтъ въ резервѣ, а потомъ получали бы пенсію. Въ теперешной мѣстной индѣйской арміи дисциплина гораздо слабѣе, чѣмъ въ англійскихъ войскахъ, но военная служба въ Индіи, подъ ея палящимъ климатомъ, очень тяжела, и едва треть солдатъ выслуживаетъ подъ ружьемъ положенный срокъ. О планахъ авторовъ книги трудно судить, не зная мѣстныхъ условій жизни, но, составленные безъ всякаго шовинизма, они указываютъ откровенно на недостатки существующей военной администраціи въ Индіи и Великобританіи и представляютъ много интересныхъ данныхъ по вопросамъ, имѣющимъ несомнѣнно важное значеніе для англійскаго могущества.

— Въ двухъ книгахъ вѣнскаго «Обозрѣнія географіи и статистики» маіоръ австрійской службы Маврикій Рехъ помѣстилъ обширное изслѣдованіе о русскомъ войскѣ (Russlands Heerwesen). Онъ начинаетъ съ историческаго очерка рекрутскаго устава и положенія солдатъ до введенія всеобщей воинской повинности. Это положеніе не изъ легкихъ и не могло считаться завиднымъ. При Петрѣ I брали по одному рекруту съ тысячи; во время крымской войны по 13-ти. Только въ 1867 году отставнымъ солдатамъ назначена пенсія въ 20 рублей, а неспособнымъ къ работѣ въ 36. Но о правительственныхъ военныхъ мѣрахъ авторъ говоритъ много вздору. Такъ онъ утверждаетъ, что рекрутъ брали больше всего съ евреевъ и поляковъ, чтобы ослабить эту національность, и что ссылка поляковъ въ 1863 году въ Сибирь содѣйствовала къ тому, что въ этой странѣ живется гораздо свободнѣе и легче (freier und ungezwungener), чѣмъ въ европейской Россіи. Крымская война показала, что милліонъ двѣсти тысячъ солдатъ были только на бумагѣ. Въ 20 мѣсяцевъ пришлось сдѣлать восемь рекрутскихъ наборовъ. Уже въ концѣ 1854 года армія потеряла убитыми, ранеными и больными 100.000. Потери были особенно велики вслѣдствіе недостатка провіантскихъ и интендантскихъ средствъ. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ послѣ войны по дорогамъ пало до 250.000 лошадей, быковъ и другаго скота. Общая воинская

повинность распространяется по всей Россіи кромѣ казаковъ и Финляндіи, состоящей, по мнѣнію автора, только въ личномъ соединеніи съ Россіей, хотя и подчиненною ей въ военномъ отношеніи. Казаки служатъ до 38-ми лѣтъ, кромѣ терскихъ и кубанскихъ, подчиняющихся по указу 1886 года общимъ воинскимъ постановленіямъ. Авторъ подробно излагаетъ эти постановленія и вообще всѣ правила, относящійся къ управленію войскомъ. Онъ находитъ, что въ нихъ мало заслуженныхъ унтеръ-офицеровъ. Авторъ не говоритъ, откуда онъ беретъ свои данныя, но приводитъ цифры ежегоднаго поступленія въ армію новобранцевъ, начиная съ 1874 года. Въ 1882 году изъ 200.000 рекрутъ грамотныхъ было только 40.000 и 5.000 получившихъ какое нибудь образованіе. Въ 1885 г. изъ 227.000 чел., поступившихъ на службу, 29 процентовъ было женатыхъ, 54.000 найдены неспособными къ военной службѣ; евреевъ принято 17.000. Въ 1890 году поступило 262.400 съ кавказскими казаками. Въ 1892 году, по мирному положенію русская армія состоитъ изъ 787.372 солдатъ, 30.560 офицеровъ и 155.537 лошадей. Въ 1886 году военный бюджетъ простирался до 245-ти милліоновъ рублей. Въ Австріи всего 117 милліоновъ гульденовъ, прибавляетъ австрійскій авторъ, во Франціи 860 милліоновъ, франковъ, въ Германіи почти столько же (622½ милліоновъ марокъ), даже въ Италіи 342 милліона лиръ или франковъ. Въ 1891 году военные расходы доходили до 270½ милліоновъ. По военному положенію, къ 1892 году составъ арміи простирается до 49.739-ти офицеровъ, 4.461.000 солдатъ съ 580 батареями въ 4.070 орудій и 835.863 лошади. Войско раздѣляется на 22 корпуса. Лошадей считается въ Россіи 20 милліоновъ, но число это съ каждымъ годомъ уменьшается. Цѣна ихъ отъ 300 рублей въ тяжелой кавалеріи до 125-ти въ арміи. Какъ въ Австріи, существуетъ въ Россіи конская повинность, но въ кавалерію набираютъ лошадей по цвѣту шерсти, чего нѣтъ въ Австріи, гдѣ 4.360.000 лошадей, въ Германіи — 3.300.000, во Франціи — 2.800.000 въ Италіи — 650.000. Объ ученьѣ новобранцевъ, лагерной жизни, смотрахъ, маневрахъ, сообщаются подробныя свѣдѣнія, причемъ авторъ совѣтуетъ и Австріи производить почаще маневры, не гоняясь за излишней бережливостью. Представляя подробное перечисленіе всѣхъ полковъ и всѣхъ родовъ оружія, авторъ приходитъ къ выводу, что съ 1887 года русская армія сдѣлала огромные успѣхи по отношенію къ военной организаціи и боевой готовности. Онъ хвалитъ и санитарное устройство полковъ, гдѣ въ каждомъ 5 докторовъ, 25 фельдшеровъ, аптека, повозки для раненыхъ и пр. Въ главной квартирѣ 400 генераловъ и флигель-адъютантовъ, въ главномъ штабѣ 600 офицеровъ; крѣпостей и военныхъ гаваней 36, для защиты ихъ организовано 55 баталіоновъ крѣпостной артиллеріи. Флотъ также значительный: въ Балтійскомъ морѣ 230 военныхъ судовъ, въ Черномъ 109, въ сибирскихъ, каспійскихъ и аральскихъ водахъ 52; на всѣхъ 944 орудія; панцырныхъ судовъ 45, всѣхъ моряковъ до 30.000. Общій выводъ автора тотъ, что болѣе всего Россія возлагаетъ надежды на казаковъ, и не напрасно, но можетъ ли сравняться ея пѣхота, кавалерія и артиллерія съ войсками другихъ европейскихъ державъ, это можетъ показать лишь будущая война.

— Какъ усердно нѣмцы изучаютъ во всѣхъ отношеніяхъ Россію, доказываютъ помѣщенныя въ томъ же журналѣ изслѣдованія Экерта «О вліяніи вѣтровъ на хозяйственныя отношенія въ дельтѣ Волги» (Der Einfluss der Winde auf wirtschaftlichen Verhältnisse Wolga — Delta). Авторъ дѣлаетъ выводъ изъ наблюденій, что въ Астрахани чаще всего

дуютъ восточные вѣтры (18,7%), потомъ юго-восточные (14,9) и западные (12%), а южные, юго-западные и сѣверные всего рѣже. Атмосферическое давленіе на западъ отъ Астрахани — 757 миллиметровъ. Восточные и западные вѣтры приносятъ непогоду. Теченіе нижней Волги уклоняется отъ Сарепты на востокъ, въ устьяхъ рѣка направляется къ юго-востоку. Отдѣляющійся выше Сарепты отъ Волги главный рукавъ ея Ахтуба течетъ паралельно съ нею на протяженіи 420-ти верстъ и на разстояніи 33 верстъ, во многихъ мѣстахъ соединяясь съ нею и образуя множество песчаныхъ острововъ, но это еще не дельта Волги: она начинается въ 53 верстахъ выше Астрахани при отдѣленіи отъ главнаго русла протока Бузанъ, соединяющагося потомъ съ Ахтубой. Тутъ ширина дельты дѣлается огромная, а протоки между рукавами рѣки безчисленными, и при отдѣленіи Бузана образуется треугольникъ въ 220 верстъ, вершину котораго составляетъ Каспійское море. Но до 40 верстъ глубина этого моря доходитъ только отъ 4 до 7 аршинъ. Вся сѣверо-восточная часть Каспія до форта Александровска не глубже 20 аршинъ. Здѣсь по берегамъ господствуютъ сильные вѣтры и ѣздятъ только на верблюдахъ. Вѣтры наносятъ много вреда рыбной ловлѣ и скоту, гибнущему больше отъ бурь и метелей, чѣмъ отъ морозовъ. Больше всего отъ этого страдаютъ кочевники: въ 1889 году калмыки потеряли третью часть своихъ стадъ. Въ прошлую зиму Букеевская киргизская орда лишилась на 13 милліоновъ рогатаго скота. Рыбная ловля въ устьяхъ Волги даетъ не болѣе 12-ти милліоновъ прибыли и производится только весною, рѣдко осенью. Лучшая рыба ловится въ морѣ. Авторъ ничего не говоритъ объ упадкѣ рыболовства на Волгѣ, отравляемой нефтью вслѣдствіе ея утечки на многочисленныхъ судахъ, перевозящихъ наливнымъ способомъ этотъ горючій матеріалъ.

— Съ статистическими и географическими изслѣдованіями нѣмцевъ о Россіи можно было бы примириться, но они пускаются въ описаніе политической и общественной жизни нашего отечества, и здѣсь вражда ихъ къ намъ высказывается въ самыхъ яркихъ чертахъ и въ распространеніи самыхъ нелѣпыхъ слуховъ и нерѣдко возмутительной клеветы. Такимъ недоброжелательнымъ тономъ отличается вышедшая въ Лейпцигѣ книга «Россія при Александрѣ III; съ отзывами о недавнемъ прошломъ. Петербургскія картины и письма, изданныя Г. Самсономъ Гиммельстьернъ. Викторъ Франкъ» (Russland unter Alexander III; mit Rückblick auf die jüngste Vergangenheit. St.-Petersburger Schliderungen und Briefe, herausgegeben von H. von Samson Himmelstiern Victor Franck). Это сборникъ разнаго рода статей, появлявшихся прежде въ журналахъ, не имѣющихъ между собою никакой связи, кромѣ общей ненависти къ Россіи. «Отзывы о ея недавнемъ прошломъ» порядочно устарѣли: такъ, въ статьѣ «о нигилизмѣ въ искуствѣ» авторъ разсказываетъ, хотя и въ хвалебномъ тонѣ, біографію живописца Иванова, умершаго отъ холеры въ 1858 году. Авторъ недоволенъ Петербургомъ и называетъ его «огромной деревней, гдѣ всѣ жители — перелетныя птицы». О значеніи Россіи онъ высказываетъ слѣдующее мнѣніе: «Каждый годъ миръ обезпечиваетъ солидарность Европы, кромѣ Франціи и Россіи, усиливаетъ ея оборонительное могущество и каждый годъ мира увеличиваетъ изолированіе Россіи и ускоряетъ ея внутреннее разложеніе; каждый годъ миръ уменьшаетъ власть Россіи дѣлать вредъ». Авторъ очень сожалѣетъ, что Англія не можетъ присоединиться къ трой-

ственному союзу, и обвиняетъ русскій народъ «въ общей безнравственности, отсутствіи законности, нищенской бѣдности, грубости и дикости всѣхъ классовъ общества»; даже Финляндію теперь трудно узнать подъ густымъ слоемъ московскихъ наростовъ (von einer dicken Schlucht moskowischer Spaltpilze). Больше всего достается отъ автора бывшимъ и нынѣшнимъ министрамъ. Какъ истый демократъ, онъ упрекаетъ ихъ въ аристократическомъ духѣ управленія и тутъ же ставитъ въ вину министру просвѣщенія его армянское происхожденіе, придавая ему эпитетъ «neugebackene». Оберъ-прокуроръ синода сравнивается съ Робеспьеромъ, даже Юрій Самаринъ подвергается сильному осужденію за его вражду къ остзейскимъ баронамъ. Это явное доказательство, что авторъ книги — балтійскій нѣмецъ, а не финляндецъ-шведофилъ, за котораго онъ себя выдаетъ. О томъ, что эстонское и латышское населеніе въ 1.800,000 тысячъ ненавидитъ 120.000 своихъ притѣснителей, потомковъ нѣмецкихъ рыцарей-бандитовъ, авторъ не говоритъ ни слова и сознается только, что отношенія народа къ нѣмцамъ далеко не дружелюбныя (seine Beziehungen zum Deutschen sind nicht die freundlichsten) и многіе изъ бароновъ, конечно, со вздохомъ вспоминаютъ о томъ времени, когда гросмейстеръ Зигфридъ фон-Фейхтвангенъ, по его собственному признанію, не садился за обѣдъ безъ того, чтобы не повѣсить прежде пару мужиковъ. Но авторъ толкуетъ не объ этихъ временахъ, а о «московскомъ византизмѣ» да «цезарепапизмѣ». Распространяется онъ также объ обрусеніи Польши, но не говоритъ ничего объ о нѣмеченіи Познани, гдѣ обезлюдѣли огромныя мѣстности послѣ того, какъ ихъ назвали: Бисмарксдорфъ, Седанъ и другими пріятными именами. Русское духовенство, по словамъ автора, отличается религіозною нетерпимостью и фанатизмомъ. Достается также покойнымъ Лорисъ-Меликову и Шувалову, но обвиненія взяты цѣликомъ изъ журнала «Unsere Zeit». Болѣе снисходительнѣе относится авторъ руссофобъ къ Аксаковымъ и Кошелеву. Экскурсіи въ область русской исторіи также не удаются ему. Такъ, онъ увѣряетъ, что Волынскій старался о введеніи парламента въ Россіи, за что и былъ казненъ Елисаветою. Сужденія о писателяхъ еще страннѣе: осыпаются похваламъ Сумароковъ и Кукольникъ; Лермонтовъ происходитъ не отъ шотландскаго рода, а отъ испанскаго герцога Лермы. Царствованіе Николая I онъ считаетъ роковымъ для интелигенціи, хотя при немъ развились Пушкинъ, Гоголь, Лермонтовъ, Кольцовъ; отношенія Краевскаго къ Бѣлинскому — не въ пользу перваго, зато послѣдній названъ русскимъ культуртрегеромъ (Russische Kulturträger) и отзывъ о немъ—довольно благосклонный.

— Вышла еще одна книга съ описаніемъ воображаемой войны между Франціей и Англіей въ 1930 году, подъ названіемъ; «Послѣдняя большая морская война» (The last great naval war. An historical retrospect by A. Nelson Seaforth). Авторъ старается быть безпристрастнымъ въ изображеніи этого послѣдняго столкновенія двухъ могущественнѣйшихъ морскихъ державъ, но всѣ его симпатіи на сторонѣ Англіи, а самоувѣренность въ ея силахъ доходитъ до крайней степени. Книга замѣчательна преимущественно съ морской точки зрѣнія, затрогивая нѣкоторыя спеціальныя частности морского дѣла, но политическое значеніе ея не велико. Война начинается изъ-за ничтожной причины. Французскіе каторжники, бѣжавшіе съ острова Нумеа, захватываютъ англійскую яхту, вырѣзавъ ея экипажъ. Англичане требуютъ, чтобы Франція не ссылала больше преступниковъ въ

Новую Каледонію. Французское министерство отказываетъ въ этомъ. Тогда Англія захватываетъ каторжниковъ и высылаетъ ихъ. Франція требуетъ удовлетворенія, Англія, въ свою очередь, отказываетъ, и ей объявлена война. Приготовленія къ ней начинаются въ англійскихъ гаваняхъ: всѣ купеческіе пароходы, со скоростью 14-ти узловъ въ часъ, запасаются артиллеріею. За хорошую плату пополняется недостатокъ въ матросахъ, но не имѣется достаточнаго числа лейтенантовъ, орудій, быстроходныхъ крейсеровъ. Вокругъ Лондона возводятся земляныя укрѣпленія; до полмилліона волонтеровъ защищаютъ берега, у которыхъ въ громадномъ количествѣ поставлены мины. По ночамъ электричество освящаетъ каждую бухту. Англійскія суда въ Средиземномъ морѣ успѣли укрыться въ Гибралтаръ, тулонская эскадра адмирала Жерве прозѣвала ихъ. Въ первый моментъ по объявленіи войны англійская торговля понесла страшные убытки. Миноноски затопили нѣсколько комерческихъ судовъ, но Англія объявила, что за это будетъ поступать съ миноносками, какъ съ пиратами. Первое и единственное большое морское сраженіе произошло близь острова Тенерифа; у французовъ былъ 21 броненосецъ, у англичанъ 24. Побѣда осталась, конечно, на сторонѣ послѣднихъ, хотя у нихъ погибли четыре судна и 8 были сильно повреждены, но французы были еще въ худшемъ состояніи, и только броненосные пояса спасли ихъ отъ пробоинъ по ватерлиніи и позволили имъ держаться на водѣ. Война грозила затянуться надолго но, «благодаря вмѣшательству англійскихъ и французскихъ рабочихъ» и посредничеству Соединенныхъ Штатовъ, заключенъ миръ: Франція потеряла Новую Каледонію, Тонкинъ, отданный Китаю, и всѣ свои права на Ньюфаундлендъ, но пріобрѣла островъ Альдерней, захваченный ею еще въ началѣ кампаніи. Англія получила только протекторатъ надъ Египтомъ. Результатомъ войны было удержаніе Англіею власти надъ моремъ, уничтоженіе чудовищныхъ орудій, оставленіе невозможныхъ попытокъ—соединить въ одномъ суднѣ всѣ средства нападеній. Поэтому на броненосцахъ, не болѣе какъ въ 8.000 тоннъ водоизмѣщенія, оставлены только пушки и таранъ, а мины переведены на спеціальныя суда. Но Rule Britania the waues! остается въ полной силѣ. Такъ ли это? И неужели не оправдается пророчество Хомякова о близости дня, когда для царицы морей все пройдетъ, какъ сонъ, «громъ въ рукахъ ея остынетъ, перестанетъ мечъ сверкать, и сыновъ ея покинетъ ясной мысли благодать». Предсказаніе о потемненіи ясной мысли у просвѣщенныхъ мореплавателей, пожалуй, уже и сбывается, если судить объ этомъ по сочиненіямъ, вродѣ «Послѣдней морской войны», гдѣ высказывается такая несокрушимая увѣренность въ непобѣдимости морскихъ силъ Британіи. Замѣчательно, что авторъ этой странной книги, приводя подробный списокъ всѣхъ англійскихъ и французскихъ судовъ, участвовавшихъ въ войнѣ, съ указаніемъ на всѣ ихъ достоинства и на аваріи, полученныя въ битвахъ, не говоритъ ни слова о сухопутныхъ французскихъ войскахъ, какъ будто они такъ и должны были все время войны оставаться сложа руки на берегу Ламанша, и ждать, пока англичане уничтожатъ въ одномъ сраженіи всѣ морскія силы Франціи...

— Гекторъ де-Лаферьеръ, авторъ многихъ дѣльныхъ сочиненій объ эпохѣ Возрожденія, издалъ любопытную книгу о ночи св. Варѳоломея (La Saint Barthelemy), въ которой доказываетъ, что виною этого историческаго преступленія была отчасти Англія и королева Елисавета. Въ 1572 году

во Франціи враждовали между собою двѣ партіи: католическая и протестантская; въ главѣ первой была Екатерина Медичи, во второй адміралъ Колиньи. Между тѣмъ, безхарактерный Карлъ IX склонялся то на ту, то на другую сторону, и въ началѣ 1572 года стоялъ за Колиньи, не потому, что раздѣлялъ его религіозныя идеи, а потому, что адміралъ настаивалъ на войнѣ съ Филиппомъ II и заступничествѣ за Нидерланды, часть которыхъ слабому, но завистливому Карлу IX хотѣлось присоединить къ Франціи. Екатерина также не была противъ войны съ Испаніею, но искала союза Англіи, обѣщая подѣлиться добычею и оставить за собою только фландрскія провинціи. Она рѣшилась бы на войну, еслибъ была увѣрена хотя въ нейтральности Англіи, но Елисавета не хотѣла входить ни въ какіе переговоры и даже завязала сношенія съ Филиппомъ. Тогда опасаясь, чтобы Карлъ не подчинился вполнѣ вліянію Колиньи, Екатерина поручила Моревелю убить адмирала, но убійца цѣлился плохо и прострѣлилъ только руку Колиньи. Чтобы скрыть это преступленіе, Екатерина задумала другое, болѣе обширное, увѣрила своего сына, что адміралъ составляетъ противъ него заговоръ, заставила его подписать указъ объ истребленіи гугенотовъ и въ ночь 24-го августа началась кровавая рѣзня. Англія въ ней, конечно, не виновата, и Лаферьеръ напрасно говоритъ о ея отвѣтственности, хотя косвенной и отдаленной. Страсть объяснять убійства въ ночь св. Варѳоломея разными глубокомысленными соображеніями проявлялась и у другихъ историковъ. Особенно католики старались обѣлить свою партію. Есть серьезное сочиненіе, доказывающее, что убійства не были задуманы придворною партіею, а произошли случайно и неожиданно, вслѣдствіе народнаго возстанія. Братья Гастинь были казнены въ Парижѣ за обращеніе въ протестантство и домъ ихъ сожженъ, но на мѣстѣ его приверженцы новаго ученія поставили памятникъ своимъ единовѣрцамъ. Карлъ IX приказалъ уничтожить памятникъ, Колиньи воспротивился этому, и народъ поднялся въ защиту господствующей религіи и произвелъ рѣзню. Екатерина Медичи была тутъ не причемъ. Въ другой исторіи говорится, на основаніи офиціальныхъ документовъ, что сигналъ къ убійствамъ должны были дать въ четыре часа утра колокола въ Луврѣ, но въ полночь, съ церкви св. Жермена Оксеруа раздался призывной набатъ и народъ предупредилъ заговоръ двора. Для него убійства были вовсе не религіознымъ, а политическимъ дѣломъ, хотя тѣ, которые убивали, конечно, думали, что они оказываютъ этимъ услугу религіи. Религіознымъ преступленіемъ монархіи было—уничтоженіе нантскаго эдикта, самое позорное и нелѣпое дѣло короля-солнца, находившагося тогда безспорно въ полномъ затменіи.

— Вышелъ и послѣдній толстый томъ мемуаровъ Талейрана, не возбудившій въ журналистикѣ ни малѣйшаго интереса, наполненный его дипломатическою перепискою втеченіе 1832—1834 года, на половину уже извѣстною и ничего не прибавляющею къ исторіи этого времени. Въ концѣ книги помѣщена отдѣльно біографія Шуазеля, написанная Талейраномъ въ 1828 году, сухая, скучная и плохо характеризующая этого министра. Въ началѣ тома обширное предисловіе издателя, герцога Брольи, все еще старающагося доказать неприкосновенную подлинность мемуаровъ, хотя серьезная историческая критика давно уже указала на промахи, вставки и искаженія этихъ мемуаровъ, переписанныхъ Вакуромъ, издателемъ искаженныхъ имъ еще прежде бумагъ и писемъ Мирабо. Брольи не опровергаетъ ни одного замѣ-

чанія критики и продолжаетъ только вступаться за добросовѣстность Вакура и утверждать, что ошибки могли быть сдѣланы самимъ Талейраномъ. Вопросъ, гдѣ же подлинный манускриптъ, который можно бы сравнить съ рукописью Вакура, такъ и остается безъ отвѣта. А между тѣмъ, первый, кому были завѣщаны мемуары, нотаріусъ Поль Андраль писалъ въ 1868 году: «манускриптъ запечатанъ и въ полной сохранности, копій съ него нѣтъ». И что заставляетъ Брольи такъ горячо отстаивать Вакура и, вмѣстѣ съ нимъ, Талейрана, роль котораго такъ незавидна и такъ ясно опредѣлена въ исторіи его времени? Весьма естественно, что публика ожидала найти въ его мемуарахъ не одни офиціальные дипломатическіе документы, и если не пикантные анекдоты и политическія разоблаченія, то, по крайней мѣрѣ, мѣткія характеристики лицъ, съ которыми онъ имѣлъ сношенія. И ничего подобнаго нѣтъ во всѣхъ этихъ объемистыхъ и скучныхъ томахъ, въ которыхъ авторъ умалчиваетъ даже о важнѣйшихъ историческихъ событіяхъ, и приводитъ только свою дипломатическую кореспонденцію.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Къ воспоминаніямъ о М. Ю. Лермонтовѣ.

Зная, съ какимъ живымъ интересомъ всѣ почитатели нашего знаменитаго поэта слѣдятъ за каждымъ свѣдѣніемъ изъ его кратковременной жизни, я рѣшился написать нѣсколько строкъ о мимолетныхъ встрѣчахъ съ нимъ на Кавказѣ.

Я перешелъ на Кавказъ изъ Россіи, какъ тогда выражались, въ 1840 году, поступивъ въ 20-ю артиллерійскую бригаду, штабъ которой находился въ Ставрополѣ, почему мнѣ довольно часто приходилось въ немъ бывать.

Въ одинъ изъ этихъ пріѣздовъ въ дворянскомъ собраніи давали балъ. Война тогда была въ полномъ разгарѣ, и такъ какъ Ставрополь въ то время былъ сборнымъ пунктомъ, куда ежегодно стекалась масса военныхъ для участія въ экспедиціяхъ противъ горцевъ, то на балѣ офицерства было многое множество и тѣснота была страшная; и вотъ, благодаря этой самой тѣснотѣ, мнѣ привелось въ первый разъ увидать нашего незабвеннаго поэта; пробираясь шагъ за шагомъ въ танцовальный залъ, я столкнулся съ однимъ изъ офицеровъ Тенгинскаго полка, и когда, извиняясь, мы взглянули другъ на друга, то взглядъ этотъ и глаза его такъ поразили меня и произвели такое чарующее впечатлѣніе, что я уже не отставалъ отъ него, желая непремѣнно узнать, кто онъ такой. Случались со мною подобныя столкновенія и прежде и послѣ впродолженіе моей долгой жизни, но мнѣ никогда не приходило въ голову справляться о тѣхъ особахъ, съ которыми я имѣлъ неудовольствіе или удовольствіе сталкиваться.

На другой день послѣ бала я слышалъ слѣдующій анекдотъ о Лермонтовѣ: пригласилъ онъ на вальсъ графиню Ростопчину. «Avec vous?»— сказала она,—«après»; но отмщеніе не заставило долго ждать; въ мазуркѣ подводятъ ее къ нему съ другой дамой. «Мнѣ съ вами»,—объявила графиня.— «Съ вами? послѣ»,—былъ отвѣтъ Лермонтова.

Въ Ставрополѣ, когда я тамъ вращался, самыми популярнѣйшими лицами были баронъ Вревскій и Николай Павловичъ Слѣпцовъ; они служили при штабѣ командующаго войсками Кавказской линіи и оба пользовались всеобщею любовью. Гостепріимныя ихъ двери были всегда раскрыты для пріѣзжавшей военной молодежи.

Въ одинъ прекрасный день, мы, артиллеристы, узнали, что у барона на вечерѣ будетъ Лермонтовъ и, конечно, не могли пропустить случая его видѣть. Добрѣйшій хозяинъ, по обыкновенію, очень радушно насъ встрѣтилъ и перезнакомилъ съ своимъ дорогимъ гостемъ. Публики, какъ мнѣ помнится, было очень много, и когда солидные посѣтители усѣлись за карточными столами, молодежь окружила Лермонтова. Онъ, казалось, былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа и очаровалъ насъ своею любезностью. Но, не прибѣгая къ фантазіи, которая вѣчно молода и игрива, не могу сообщить о нашемъ геніальномъ любимцѣ всего, что говорилось и разсказывалось имъ, такъ какъ неумолимое время все это изгладило изъ моей памяти. Придерживаясь же въ воспоминаніяхъ одной строгой истины, могу разсказать единственный фактъ изъ этого памятнаго вечера. Михаилъ Юрьевичъ роздалъ намъ по клочку бумаги и предложилъ написать по порядку всѣ буквы и обозначить ихъ цифрами; потомъ изъ этихъ цифръ по соотвѣтствующимъ буквамъ составить какой либо вопросъ; принявъ отъ насъ эти вопросы, онъ уходилъ въ особую комнату и, спустя нѣкоторое время, выносилъ каждому отвѣтъ; и всѣ отвѣты до того были удачны, что приводили насъ въ изумленіе. Любопытство наше и желаніе разгадать его секретъ было сильно возбуждено и, должно быть, по этому поводу онъ изложилъ намъ цѣлую теорію въ довольно длинной рѣчи, изъ которой, къ сожалѣнію, въ моей памяти остались только вступительныя слова, а именно, что между буквами и цифрами есть какая-то таинственная связь; потомъ упоминалъ что-то о высшей математикѣ. Вообще же рѣчь его имѣла характеръ мистическій; говорилъ онъ очень увлекательно, серьезно; но подмѣчено было, что серьезность его рѣчи какъ-то плохо гармонировала съ коварной улыбкой, сверкавшей на его губахъ и въ глазахъ. Затѣмъ ничего уже болѣе не могу припомнить объ этомъ знаменательномъ для меня вечерѣ: тяжелая завѣса времени затмила мою память.

Въ 1841 году, въ первой половинѣ іюля, послѣ весенней экспедиціи, я прибылъ изъ крѣпости «Грозной» для излеченія отъ раны въ Пятигорскъ, и здѣсь была моя послѣдняя встрѣча съ Лермонтовымъ. Припоминаю, что шелъ я какъ-то въ гору по улицѣ совсѣмъ еще тогда глухой, которая вела къ Желѣзноводску, а онъ въ то же время спускался по противоположной сторонѣ съ толстой суковатой палкой, сюртукъ на немъ былъ уже не съ бѣлымъ, а краснымъ воротникомъ. Лице его показалось мнѣ чрезвычайно мрачнымъ; быть можетъ, онъ предчувствовалъ тогда свой близкій жребій. Злой рокъ уже сторожилъ свою жертву.

Когда страшная вѣсть о его кончинѣ пронеслась по городу, я тотчасъ же отправился розыскивать его квартиру, которой не зналъ. Послѣдняя встрѣча помогла мнѣ въ этомъ; я пошелъ по той же улицѣ, и вотъ на самой окраинѣ города, какъ бы въ пустынѣ, передо мною, въ моей памяти, выростаетъ домикъ или, вѣрнѣе, убогая хижинка. Вхожу въ сѣни, налѣво дверь затворенная, а направо, въ открытую дверь, увидѣлъ трупъ поэта, покрытый простыней, на столѣ; подъ нимъ мѣдный тазъ; на днѣ его алѣла кровь, которая за нѣсколько часовъ еще сочилась изъ груди его.

Но вотъ что меня особенно поразило тогда: я ожидалъ тутъ встрѣтить толпу поклонниковъ погибшаго поэта и, къ величайшему удивленію моему, не засталъ ни одной души.

Впрочемъ, не стану отравлять свою память воспоминаніемъ о легкомысленномъ тогдашнемъ обществѣ Пятигорска съ его навѣкъ запятнаннымъ героемъ, которому оно расточало въ то время свои симпатіи.

А. Чарыковъ.

СМѢСЬ.

Памятникъ лейтенанту Ильину. Главный морской штабъ въ циркулярѣ объявилъ слѣдующее распоряженіе, которое не можетъ не вызвать сочувственнаго отклика по всей Россіи: «Славный герой Чесменской битвы лейтенантъ Ильинъ, въ память котораго имя его носитъ одинъ изъ минныхъ крейсеровъ балтійскаго флота, погребенъ при церкви села Застижья, Новгородскаго уѣзда, и положенная на его могилѣ каменная плита отъ времени ушла въ землю и поросла мхомъ, а высѣченную на ней надпись едва можно разобрать. Во вниманіе къ совершенному, въ 1770 году, лейтенантомъ Ильинымъ блистательному подвигу, послужившему къ гибели находившагося въ Чесменской бухтѣ турецкаго флота и доставившему нашему флоту неувядаемую славу, для увѣковѣченія памяти славнаго чесменскаго героя, открыта подписка между чинами флота и морского вѣдомства для сбора пожертвоній на сооруженіе и постановку на могилѣ лейтенанта Ильина достойнаго его подвига памятника. Главный морской штабъ, объявляя объ этомъ, присовокупляетъ, что жертвуемыя на сооруженіе памятника деньги могутъ быть присылаемы въ комитетъ по сбору пожертвованій на сооруженіе памятника и составленіе рисунка, адресуя въ главный морской штабъ. Кромѣ того, штабомъ разосланы подписные листы.

Дворецъ царевича Дмитрія въ Угличѣ. Производящаяся въ Угличѣ, Ярославславской губерніи, реставрація дворца царевича Дмитрія близка уже къ окончанію. Къ настоящему времени исполнены всѣ каменныя работы съ перекладкой юго-западной стѣны, грозившей разрушеніемъ, выведены въ подвальномъ и верхнемъ этажахъ новые своды, въ первомъ этажѣ устроены древніе рундуки съ печурами и камерами и выведены кирпичныя стѣны; въ первомъ и подвальномъ этажахъ выстланы кирпичные полы; стѣны окончательно исправлены и облицованы изразцовымъ кирпичомъ съ проложеніемъ желѣзныхъ связей въ первомъ и во второмъ этажахъ. Возведено каменное крыльцо съ дубовыми шатрами и рѣзными колоннами и заготовлены всѣ рѣзныя къ нему украшенія. Крыша дворца сдѣлана изъ листовой

мѣди съ мѣдными, вырѣзанными по рисунку подвѣсами. Возведены вновь четыре шпица съ древними украшеніями. Въ окнахъ вставлены сдѣланные изъ дуба косяки и рамы со стеклами; устроены дубовыя рѣзныя и желѣзныя двери, гдѣ онѣ были прежде; заказаны древнія печи по образцамъ XVII вѣка, и вырѣзанъ изъ дубоваго дерева, по рисунку XV вѣка, орелъ съ позолотою; затѣмъ, произведена оштукатурка сводовъ и стѣнъ. Остается только собрать дубовыя части крыльца, поставить печи, росписать стѣны по образцамъ XV и XVI вѣковъ и окончить другія мелочныя работы, по совершеніи которыхъ, городъ предполагаетъ вокругъ реставрированнаго дворца разбить скверъ и обнести его металической рѣшеткой. На реставрированіе дворца, до сихъ поръ, израсходовано 17.058 р. 23 коп. и для окончанія работъ имѣется на лицо 5.612 р. Сумма всѣхъ пожертвованій, собранныхъ съ 1889 года на означенный дворецъ, достигаетъ 22.670 руб. 23 коп.

Историческая Пасха. День пасхи въ текущемъ году пришелся въ то же самое число, какъ и девяносто пять лѣтъ назадъ, въ 1797 году, въ день коронованія Павла I и Маріи Ѳедоровны. Коронація императора Павла I была по счету пятнадцатымъ вѣнчаніемъ на царство со времени установленія въ Россіи этого обряда, при царѣ Іоаннѣ IV, въ 1547 году. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это было и первое совмѣстное вѣнчаніе на царство императора и императрицы. Для торжества коронаціи совершенно обновлена большая императорская корона, сдѣлавшаяся послѣ того одною изъ величайшихъ драгоцѣнностей въ свѣтѣ; кромѣ того, устроенъ скипетръ, главнымъ украшеніемъ котораго послужилъ знаменитый «орловскій (лазаревскій) брилліантъ», принадлежавшій Екатеринѣ II и оцѣниваемый теперь въ 2.400,000 руб. Обрядъ коронованія Павла I и императрицы въ общемъ слѣдовалъ тому же самому порядку, какъ и при слѣдующихъ коронаціяхъ. Главною особенностью коронаціи Павла I явилось то, что, по прочтеніи евангелія, совершавшіе священнодѣйствіе митрополиты: новгородскій Гавріилъ и московскій Платонъ, поднесли государю особое царское одѣяніе, называющееся «далматикъ», надѣвавшееся при коронаціяхъ византійскими императорами; это одѣяніе государь возложилъ на себя, а поверхъ его надѣлъ императорскую мантію. Во время обряда вѣнчанія на царство, а равно и при миропомазаніи, Павелъ I не снималъ шпаги, которую передалъ только при вступленіи въ алтарь для принятія причастія въ алтарѣ «по чину царскому». Коронованіе Павла I ознаменовалось еще слѣдующими особенностями. При самомъ вѣнчаніи въ Успенскомъ соборѣ самимъ государемъ прочитанъ съ трона законъ о порядкѣ престолонаслѣдія, послѣ чего актъ этотъ положенъ въ соборѣ въ серебряномъ ковчегѣ на жертвенникъ. Тогда же прочитано было новое установленіе о россійскихъ орденахъ, въ которомъ не было упонуто объ орденахъ св. Георгія и св. Владиміра, но «его величество изустно съ престола изрещи соизволилъ тако: «орденъ святаго великомученика и побѣдоносца Георгія остается на прежнемъ основаніи своемъ, какъ и статутъ его»; что же касается ордена св. Владиміра, то онъ возстановленъ позднѣе, уже въ царствованіе императора Александра I. Въ самый же день коронаціи объявленъ въ высочайшемъ присутствіи въ Грановитой палатѣ манифестъ «о трехъ-дневной работѣ помѣщичьихъ крестьянъ въ пользу помѣщика и о непринужденіи крестьянъ къ работѣ въ воскресные дни». Награды при коронованіи Павла I были очень велики; въ пожалованныхъ въ этотъ день помѣстьяхъ считалось до 82,000 крестьянъ; тогда же впервые началась раздача орденовъ духовнымъ лицамъ. По словамъ современниковъ, въ апрѣлѣ 1797 года, во время праздниковъ коронаціи, было холодно. Въ день Преполовенія происходилъ блестящій парадъ, которымъ командовалъ лично Павелъ I, имѣя на себѣ корону и далматикъ; при этомъ митрополитъ Платонъ окропилъ государя и войско святою водой.

Археологическій музей въ Вильнѣ. Въ будущемъ 1893 году, съ 1-го по 14-е августа, въ Вильнѣ состоится IX археологическій съѣздъ и при немъ выставка различныхъ предметовъ древности. Для организаціи съѣзда и подготовительныхъ къ нему работъ, подъ почетнымъ предсѣдательствомъ великаго князя Сергія Александровича образованъ въ Москвѣ предварительный комитетъ и въ Вильнѣ отдѣленіе этого комитета. На основаніи правилъ IX археологическаго съѣзда, виленское отдѣленіе въ декабрѣ прошлаго года открыло свои дѣйствія. Къ 1-му марта отдѣленіе состоитъ изъ предсѣдателя, 14 почетныхъ и 72 дѣйствительныхъ членовъ. Для успѣха предстоящаго съѣзда желательно привлечь къ дѣятельности по съѣзду всѣ наличныя ученыя силы, которыми только обладаетъ Сѣверо-Западный край и сопредѣльныя къ нему части Россіи. Отдѣленіе проситъ всѣхъ лицъ, интересующихся минувшею судьбой западной Россіи, оказать посильное свое содѣйствіе виленскому отдѣленію предварительнаго комитета по устройству IX археологическаго съѣзда и выставки, доставляя свои свѣдѣнія, замѣтки, изысканія и проч., а также свѣдѣнія о лицахъ, обладающихъ коллекціями разныхъ предметовъ древности (съ адресами послѣднихъ) предсѣдателю отдѣленія генералъ-лейтенанту Алексѣю Петровичу Тырнову (Вильна, Вилейская улица, домъ Ленскаго). Всякое такое сообщеніе будетъ принято отдѣленіемъ съ глубокою благодарностью и будетъ занесено въ протоколы отдѣленія. Кромѣ того, отдѣленіе полагаетъ полезнымъ объявить во всеобщее свѣдѣніе, что членами съѣзда признаются всѣ лица (также и женскаго пола), изъявившія желаніе принять участіе въ занятіяхъ съѣзда и заплатившія 4 рубля. Этимъ лицамъ выдается членскій билетъ и особый знакъ, который предоставляетъ имъ право посѣщать засѣданія съѣзда и принимать участіе въ нихъ. Въ экскурсіяхъ съѣзда могутъ принимать участіе только тѣ лица, которыя получатъ на это особыя приглашенія со стороны распорядительнаго комитета съѣзда. Записаться въ члены съѣзда, внести установленную плату и получить членскій билетъ можно заблаговременно въ Московскомъ и Петербургскомъ археологическихъ обществахъ и въ отдѣленіи предварительнаго комитета IX съѣзда въ Вильнѣ. Правила предстоящаго съѣзда и предлагаемые для разработки на съѣздѣ вопросы и запросы можно получить въ Москвѣ отъ предсѣдателя московскаго предварительнаго комитета IX археологическаго съѣзда, графини Прасковьи Сергѣевны Уваровой (обращаясь письменно въ Московское археологическое общество на Берсеневкѣ).

Присужденіе премій. На соисканіе премій, учрежденныхъ при синодѣ покойнымъ митрополитомъ московскимъ Макаріемъ (Булгаковымъ), было представлено въ текущемъ году четырнадцать (печатныхъ и рукописныхъ) сочиненій богословско-философскаго и церковно-историческаго содержанія, которыя, по порученію учебнаго комитета, разсмотрѣны учеными спеціалистами. По соображенію съ представленными отзывами рецензентовъ, учебный комитетъ призналъ возможнымъ удостоить денежныхъ наградъ только шесть сочиненій, хотя у него и еще имѣлись въ распоряженіи свободныя суммы. Будетъ выдано всего 6.500 руб. Полная премія, въ 1.500 руб., назначена доценту Петербургской духовной академіи Н. Н. Глубоковскому за его церковно-историческое сочиненіе: «Блаженный Ѳеодоритъ, епископъ Киррскій. Его жизнь и литературная дѣятельность». Пять половинныхъ премій, по 1.000 руб., присуждены: 1) ординарному профессору Кіевской духовной академіи П. Ив. Линицкому за изслѣдованіе «Идеализмъ и реализмъ», 2) ординарному профессору Московской духовной академіи П. Ив. Цвѣткову за докторскую диссертацію «Аврелій Пруденцій Клементъ», 3) ординарному профессору Кіевской духовной академіи А. В. Розову за докторскую диссертацію «Христіанская Нубія», часть первая, 4) преподавателю Оренбургской духовной семинаріи Н. И. Полетаеву за магистерскую диссертацію, подъ

заглавіемъ: «Труды митрополита кіевскаго Евгенія Болховитинова по исторіи русской церкви», и 5) ординарному профессору Кіевской духовной академіи Ак. Ал. Олесницкому, за сочиненіе: «Ветхозавѣтный храмъ въ Іерусалимѣ». Заключенія учебнаго комитета утверждены синодомъ.

Премія профессора Карпова. При обществѣ исторіи и древностей россійскихъ, состоящемъ при Московскомъ университетѣ, учреждается премія въ 500 рублей имени доктора русской исторіи Г. Ѳ. Карпова за изслѣдованія по русской исторіи, на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго для этого капитала, съ предоставленіемъ министру народнаго просвѣщенія права утвердить правила о порядкѣ присужденія таковой преміи. Одобренъ рисунокъ золотой медали, предназначаемой для выдачи рецензентамъ представляемыхъ на эту премію сочиненій. Срокомъ представленія сочиненій на эту премію назначается 1-е ноября 1892 года. О присужденіи преміи будетъ объявлено 24-го апрѣля 1893 г. Къ соисканію преміи имени Геннадія Ѳедоровича Карпова допускаются всѣ самостоятельныя изслѣдованія по русской исторіи, основанныя на первоисточникахъ. Въ случаѣ представленія нѣсколькихъ сочиненій одинаковаго достоинства предпочтеніе отдается тому изъ нихъ, которое относится къ изученію Малороссіи.

Историческое общество при Петербургскомъ университетѣ. На первомъ засѣданіи педагогической секціи въ рефератѣ «О задачахъ и способахъ преподаванія исторіи въ гимназіи» Н. И. Марковинъ задачею средней общеобразовательной школы поставилъ развитіе въ учащихся здраваго смысла и воспитаніе характера въ смыслѣ проявленія разумной воли въ согласіи съ нравственнымъ закономъ и совѣстью; относительно же способовъ преподаванія отмѣтилъ тѣ крайности современнаго школьнаго преподаванія, которыя, пріучая учащихся полагаться на преподавателя и ходить постоянно на его помочахъ, лишаетъ это преподаваніе одной изъ самыхъ существенныхъ сторонъ всякаго познанія — пытливости, личной самодѣятельности и самостоятельности въ работѣ. Выходъ изъ теперешняго состоянія учебнаго дѣла — въ сочетаніи современнаго метода съ методомъ средневѣковой школы, укрѣплявшимъ не только память, но подготовлявшимъ учащихся къ серьезной научной работѣ, безъ всякаго обремененія ихъ силъ, дающимъ навыкъ къ правильному и послѣдовательному мышленію, пріучавшимъ къ самодѣятельности. Свой взглядъ референтъ подтверждалъ авторитетомъ основателя современной педагогіи, Амоса Коменскаго, такъ какъ послѣдній, требуя наглядности въ преподаваніи, настаивалъ, по мысли референта, и на необходимости обобщенія, рекомендуя послѣднее, конечно, въ извѣстной постепенности и послѣдовательности. Современная школа, гоняющаяся за интересностью науки, массою и полнотою знаній, за идеею развитія вообще, игнорируетъ это обобщеніе, разбрасывается въ ширь и даль и не даетъ такимъ образомъ въ сущности никакого познанія или дѣйствительнаго знанія. Въ подтвержденіе правильности своихъ воззрѣній референтъ, въ видѣ илюстраціи, привелъ общее обозрѣніе главныхъ событій и явленій средневѣковой исторіи (курсъ которой считается особенно труднымъ для усвоенія) и расположилъ данныя этого курса въ такомъ порядкѣ, связи и послѣдовательности, которыя, по его мнѣнію, не могутъ ни обременять учащихся массою именъ, мѣстъ, лицъ и происшествій, ни путать хронологическими датами, ни подавлять вообще номенклатурой; отмѣтилъ при этомъ полную возможность событія жизни славянъ и въ частности Русскаго государства обозрѣвать въ связи съ событіями жизни западно-европейской и восточной — греческой, персидской, арабской и монгольской. Сказавши въ заключеніе, что преподаватель исторіи долженъ быть полнымъ хозяиномъ историческаго матеріала, идеаломъ преподавателя г. Марковинъ поставилъ того математика или инженера, который изъ основанія прямой линіи при помощи перпендикуляровъ и параллелей строитъ логическую и послѣдовательную систему мостовъ, напримѣръ, фигуръ, чертежей или формулъ.

Отчетъ Одесской городской публичной библіотеки за 1891 г. На содержаніе библіотеки городское общественное управленіе отпустило въ 1891 году, на личный составъ 5.220 р., на пріобрѣтеніе книгъ 1.300 р., на новые шкафы 160 р., на переплетъ книгъ 500 р., на канцелярскіе расходы 200 р., на отопленіе и освѣщеніе 750 р,, на устройство новаго ватер-клозета и вентиляціи 258 р., итого 8.388 р.

Къ 15-му іюля 1891 г. 50-лѣтію кончины М. Ю. Лермонтова, по предложенію городского головы, городская дума постановила учредить при городской библіотекѣ Лермонтовскій «отдѣлъ». Въ настоящее время для этого отдѣла составлены списки книгъ, долженствующихъ поступить въ него, и часть сочиненій уже пріобрѣтена. Пожертвованія 1891 года значительно меньше предшествовавшаго года, ихъ въ отчетномъ году было 1.366 названій въ 1.926 томахъ, на сумму 2.850 рублей, между тѣмъ какъ въ 1890 г. 1869 названій въ 3.473 томахъ, цѣною свыше 5.300 руб. Но въ прошломъ году поступила по завѣщанію многотомная медицинская библіотека покойнаго д-ра Дрея—явленіе исключительное. Въ общемъ число ежегодныхъ пожертвованій не только не уменьшается, но постоянно увеличивается. Большинство русскихъ ученыхъ обществъ и учрежденій акуратно доставляютъ свои изданія; изъ иностранныхъ ученыхъ учрежденій библіотека, кромѣ втеченіе многихъ лѣтъ доставляемыхъ ей изданій Смитсоніанскаго института въ Вашингтонѣ, стала еще получать изданія Національной библіотеки въ Буэносъ-Айресѣ (Аргентинской республики).

Покупкою въ отчетномъ году пріобрѣтено 559 названій въ 1.282 томахъ и брошюрахъ: почти вдвое противъ предшествующаго года (въ 1890 г. 295 названій въ 699 томахъ на 1.356 р.). На сверхсмѣтныя же средства въ 900 р. изъ того же источника пріобрѣтена, несравненно болѣе стоющая, спеціально театральная библіотека около 2.800 пьесъ отъ Д. В. Ширяева, заключающая почти всю русскую драматическую литературу съ конца XVII- и начала XIX в., которая до сихъ поръ еще не каталогизирована. Такимъ образомъ всего пріобрѣтено покупкою свыше 4.000 томовъ на 2.500 р. слишкомъ.

Всего въ 1891 г. въ библіотеку поступило 1.991 названіе въ 3.246 томахъ, на сумму свыше 4.500 р., и театральная библіотека Ширяева въ 2.800 т. въ 900 р. Итого болѣе 6.000 томовъ стоимостью свыше 5.400 р.

Такимъ образомъ къ 1-му января 1892 г. библіотека состояла изъ 34.567 названій и томовъ 69.766. Кромѣ книгъ, библіотека имѣетъ 12 рукописей, 177 гравюръ и коллекцію автографовъ и др. бумагъ въ числѣ 100 экз. Сверхъ того, при городской публичной библіотекѣ находится въ распоряженіе ея администраціи и для пользованія ея посѣтителей — библіотека Одесскаго Славянскаго благотворительнаго Общества имени Кирилла и Меѳодія, состоящая изъ книгъ въ 2.545 названіяхъ, въ 3.647 томахъ, небольшой колекціи рукописей и 54 старопечатныхъ книгъ.

Билетовъ для занятій въ библіотекѣ въ отчетномъ году выдано 4.585, изъ нихъ мужчинамъ 4.036 и женщинамъ 549.

Читатели библіотеки посѣтили ее 52.822 раза (мужчины 47.645 и женщины 5.177), а такъ какъ читальныхъ дней было 302 (т. е. за исключеніемъ іюля мѣсяца, назначеннаго для провѣрки библіотеки и главныхъ праздниковъ), то среднимъ числомъ приходится болѣе 174 человѣкъ въ день.

† 23-го апрѣля генералъ-отъ-инфантеріи **Павелъ Петровичъ Карцовъ**, принимавшій видное участіе въ послѣдней русско-турецкой войнѣ. Во время этой войны онъ командовалъ отдѣльными ловче-сельвинскимъ и троянскимъ отрядами. Благодаря его распорядительности, масса болгарскихъ семействъ обязана своимъ спасеніемъ отъ турецкихъ истязаній. Находясь въ сентябрѣ 1877 г. въ Ловчѣ и охраняя огромную линію праваго берега Вида, П. П. получилъ свѣдѣніе о томъ, что партія турецкихъ войскъ выгнала изъ селенія

Тораса мужское населеніе, женщины же и дѣти были согнаны въ особые дворы («халы») и подвергались всевозможнымъ истязаніямъ. Покойный послалъ для освобожденія истязуемыхъ отрядъ подъ начальствомъ войскового старшины Тарасова, который и спасъ болѣе 700 женщинъ и дѣтей, заключенныхъ въ подвалы и погреба. Во время осады Плевны генералъ Карцовъ занялъ сел. Торасъ, Турскій Изворъ и городъ Тетевенъ — пунктъ, прикрывавшій горный путь черезъ Балканы. Командуя троянскимъ отрядомъ, покойный взялъ съ боя одинъ изъ величайшихъ балканскихъ переваловъ — Троянскій, а затѣмъ занялъ города Сапошъ, Карлово, Чирнакъ, и Дейагачъ и подошелъ къ Галиполи. П. П. уроженецъ Новгородской губерніи, воспитывался въ новгородскомъ кадетскомъ корпусѣ, вышелъ въ 1842 въ Семеновскій полкъ. Командуя въ 1862—1865 г. петербургскимъ гренадерскимъ полкомъ, участвовалъ въ усмиреніи польскаго возстанія. Потомъ командовалъ втеченіе 14 лѣтъ 7-ю, 18-ю и 13-ю пѣхотными дивизіями. Онъ извѣстенъ и какъ военно-историческій писатель. Имъ составлены: «Исторія Семеновскаго полка»; историческіе очерки: Новгородскаго Аракчеева кадетскаго корпуса и новгородской военной гимназіи и лейбъ-гвардіи 1-го стрѣлковаго баталіона; сочиненія: «Первенцы русской гвардіи»; «Ловче сельвинскій отрядъ»; «Изъ прошлаго»; личныя и служебныя воспоминанія съ 1831—79 г., «Кадетскіе корпуса и военныя гимназіи»; военно-практическіе учебники: «Командованіе ротою»; «Практическія замѣтки изъ служебнаго опыта». Онъ постоянно слѣдилъ за литературою военнаго дѣла. Его перу принадлежитъ масса статей по военнымъ вопросамъ, помѣщенныхъ и въ спеціальныхъ, и въ общихъ повременныхъ изданіяхъ: въ «Военномъ Сборникѣ», въ «Русскомъ Вѣстникѣ», «Русской Старинѣ» и въ нѣкоторыхъ газетахъ.

† Отъ чахотки **Иванъ Яковлевичъ Анисимовъ**, написавшій рядъ статей по сельскохозяйственнымъ и политико-экономическимъ вопросамъ. Онъ родился въ 1853 г., окончилъ курсъ Кологривскаго уѣзднаго училища, въ 1881 г. былъ секретаремъ редакціи газеты «Земство», съ 1884 г. до половины 1885 г. завѣдывалъ редакціей «Земскаго Обзора», а по прекращеніи изданія «Обзора» занялъ мѣсто секретаря полтавской губернской земской управы. Начиная съ 1879 г., И. Я. (псевдонимъ И. Унжинъ) напечаталъ слѣдующія статьи «Вольныя мѣста кустарной промышленности», «Община и ея экономическое значеніе въ народномъ хозяйствѣ» («Русскій Курьеръ»); «Изъ исторіи одной сельской общины» («Земство»); «Горбатовскій уѣздъ Нижегородской губерніи» («Руск. Рѣчь»); «Разложеніе нашей земельной общины» («Вѣстн. Евр.») и, наконецъ, въ 1886 г. издалъ отдѣльно книгу: «Хозяйственно-экономическія данныя земской статистики».

† Въ Тифлисѣ одинъ изъ историковъ кавказской войны **Николай Антоновичъ Волконскій**. Окончательно опредѣлился и выработался талантъ Н. А въ послѣднія 18 лѣтъ, когда онъ началъ помѣщать свои статьи на страницахъ «Кавказскаго Сборника». Въ 1874 г. на призывъ намѣстника кавказскаго участвовать въ работахъ «Кавказскаго Сборника», начали появляться статьи Н. А. по исторіи кавказской войны, сначала небольшія и соединенныя съ личными воспоминаніями, затѣмъ, при болѣе близкомъ ознакомленіи съ архивомъ мѣстнаго окружного штаба, крупныя, основанныя на документахъ и, наконецъ, завершились научными историческими монографіями, обнимающими значительные періоды войны съ горцами восточнаго Кавказа. Важнѣйшій трудъ Н. А.—«Война на Восточномъ Кавказѣ съ 1824 по 1834 годъ въ связи съ мюридизмомъ». Въ 1884 г. за свою «Исторію 1-й пѣшей грузинской дружины», вышедшую отдѣльною книгою и переведенную на грузинскій языкъ, покойный получилъ высочайшую благодарность. До 1862 г. онъ служилъ въ артиллеріи, затѣмъ перешелъ въ гражданское вѣдомство. Въ 1880 г. назначенъ въ военно-историческое отдѣленіе штаба кавказскаго военнаго округа, а въ 1888 г. получилъ должность помощника начальника этого отдѣла. Умеръ на 57-мъ году.

† 15-го апрѣля извѣстный садоводъ и ботаникъ Эдуардъ Людвиговичъ Регель, занимавшій съ 1855 года постъ директора Ботаническаго сада въ Петербургѣ. Онъ родился въ 1815 году въ Готѣ, гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Кончивъ курсъ въ гимназіи, онъ служилъ садовникомъ и слушалъ лекціи въ Геттингенѣ, Боннѣ и Берлинѣ. Съ 1842 по 1855 годъ былъ инспекторомъ Ботаническаго сада въ Цюрихѣ. Въ 1855 году вызванъ въ Петербургъ, гдѣ занялъ должность ученаго директора Ботаническаго сада. Другимъ директоромъ, административнымъ, былъ въ то время (и до 1875 г.) Р. Э. Траутфеттеръ. Энергія и дѣятельность Регеля были изумительны и плодотворны. Одаренный сильнымъ и крѣпкимъ сложеніемъ, онъ пользовался всю жизнь превосходнымъ здоровьемъ, которое начало измѣнять ему лишь за два года до кончины. Съ ранняго утра онъ былъ въ постоянной работѣ, то въ саду, то въ библіотекѣ, то въ гербаріѣ. Еще въ Швейцаріи, онъ основалъ журналъ садоводства (Schweizerische Zeitschrift für Land und Gartenbau), издававшійся имъ совмѣстно съ О. Геeромъ. Затѣмъ, съ 1852 г., началъ онъ издавать свое всесвѣтно извѣстное періодическое изданіе «Gartenflora», съ многочисленными и прекрасными илюстраціями. Въ обоихъ журналахъ онъ самъ работалъ неутомимо. Не менѣе дѣятеленъ былъ онъ и въ обществѣ садоводства, котораго былъ вице-президентомъ съ самаго его основанія, а потомъ и президентомъ. Александровскій садъ въ Петербургѣ и многіе другіе сады въ Россіи разбиты и насаждены его трудами. По его инициативѣ и преимущественно его попеченіями устроивались всѣ выставки садоводства въ Петербургѣ. По его же почину состоялись въ Петербургѣ два международныхъ конгреса садоводства и ботаники, съ международными выставками. Помологическій садъ, основанный имъ съ цѣлью распространенія въ Россіи новыхъ древесныхъ породъ и многолѣтнихъ растеній, принесъ не малую пользу и сталъ извѣстенъ на всю Россію. Чисто ученые труды Э. Л. Регеля многочисленны. Достаточно сказать, что онъ успѣлъ описать болѣе 1,000 новыхъ видовъ и болѣе 10 новыхъ родовъ растеній. Главнымъ его ботаническимъ сочиненіемъ было: «Descriptiones plantarum novarum vel minus cognitarum». Кромѣ того, онъ составилъ нѣсколько монографій и занимался описаніемъ туркестанскихъ и сибирскихъ растеній. На русскомъ языкѣ весьма распространены и цѣнны многія его брошюры и книги съ практическими наставленіями о воздѣлываніи различныхъ плодовыхъ и декоративныхъ растеній. Превосходно издана его русская помологія съ великолѣпными изображеніями всѣхъ сортовъ яблокъ. Онъ состоялъ почетнымъ и дѣйствительнымъ членомъ многихъ иностранныхъ и русскихъ ученыхъ обществъ и членомъ-кореспондентомъ академіи наукъ.

КНИЖНОЕ ДѢЛО

и

ПЕРІОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ ВЪ РОССІИ

въ 1891 году

Л. Н. ПАВЛЕНКОВА

(ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «ИСТОРИЧЕСКОМУ ВѢСТНИКУ»)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1892

I.

Книжное дѣло въ Россіи въ 1891 году.

ПРИСТУПАЯ къ настоящему, шестому, годичному обзору печати въ Россіи, мы спрашиваемъ: нужно ли вести его ежегодно, имѣется ли въ томъ надобность и интересъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно было бы несправедливо, и вотъ по какимъ соображеніямъ. Всякое проявленіе человѣческой дѣятельности, чего бы она ни касалась, составляетъ его общую исторію или какую либо отдѣльную исторію общественно-государственной жизни. Самымъ безпристрастнымъ выразителемъ этой жизни, будетъ ли она относиться къ торговлѣ, промышленности, нравственности и проч., является статистическая цыфра. Идя шагъ за шагомъ за этою жизнью, занося ея проявленія въ свой дневникъ, статистика раскрываетъ передъ нами тѣмъ болѣе обстоятельную и не прикрашенную картину, чѣмъ она сама была послѣдовательнѣе. Если же насъ интересуетъ матеріальная сторона государственной и общественной жизни и мы по ней хотимъ судить о самихъ себѣ, хотимъ имѣть возможность сказать и знать, были ли мы богаты или промышлены годъ, пять, десять лѣтъ тому назадъ и каковы стали теперь; если, основываясь на такихъ свѣдѣніяхъ, желаемъ опредѣлить нашу будущность въ торговомъ и во всякомъ другомъ матеріальномъ отношеніи, то не должны ли и еще болѣе интересоваться нашимъ умственнымъ ростомъ. Мы стали развитѣе и образованнѣе, чѣмъ были прежде; положимъ такъ, но едва ли можно будетъ изобразить этотъ ходъ послѣдовательно и съ полною доказательностію, если оставить въ сторонѣ печать, въ которой, какъ въ зеркалѣ, отражается умственный обликъ общества. Поэтому-то послѣдовательная статистика печати представляется на столько же, если не болѣе, необходимою, какъ и школьная статистика, которая безъ первой не можетъ быть признана полною выразительницею состоя-

1*

нія народнаго образованія. Кромѣ того, подробный и ежегодный статистическій обзоръ печати даетъ совершенно достаточный матеріалъ еще и для того, чтобы, руководствуясь имъ, можно было составить себѣ вѣрное понятіе о современномъ интересѣ общества не только къ печати вообще, но и къ отдѣльнымъ отраслямъ ея; сближая же или сопоставляя данныя о ней, яснѣе представляешь себѣ ея настоящее, яснѣе видишь то, что было бы желательно, и почти можешь предугадать, что должно произойти въ будущемъ, или, другими словами, уловить то умственное теченіе, которое обыкновенно привыкли называть «направленіемъ».

До недавняго времени у насъ совершенно не существовало статистики печати, и это составляетъ громадный и невосполнимый теперь пробѣлъ для исторіи нашего просвѣщенія, а потому и не слѣдовало бы допускать того же впередъ. Мы взялись за настоящій трудъ въ полномъ убѣжденіи въ его несомнѣнной пользѣ, какъ въ настоящемъ, такъ и будущемъ, и останемся при томъ же убѣжденіи всегда, но, высказывая это, мы далеки отъ мысли приписывать себѣ значеніе иниціатора въ дѣлѣ, а только желали сказаннымъ придать этому труду настоящее его значеніе.

Въ истекшемъ 1891 г. въ Россіи, безъ Финляндіи, вышло сочиненій разныхъ наименованій—9,053, которыя были отпечатаны въ количествѣ—29.105,959 экземпляровъ, но, за неимѣніемъ свѣдѣній о числѣ ихъ для нѣкоторыхъ сочиненій, послѣдняя цыфра должна быть увеличина, и ее смѣло можно принять равной 30-ти милліонамъ, если не болѣе. Показанное общее число сочиненій по языкамъ, на которыхъ они были отпечатаны, раздѣляется на двѣ группы: первую составляютъ сочиненія на русскомъ языкѣ—6,588, въ количествѣ—22.918,105 экземпляровъ, и вторую—сочиненія на иностранныхъ и инородческихъ языкахъ—2,465, въ количествѣ—6.187,854 экземпляровъ. Если сравнивать эти данныя съ 1890 годомъ, то окажется, что въ 1891 году вышло всѣхъ вообще сочиненій болѣе на 415 и на 4.117,238 экземпляровъ, если принять только показанное нами число ихъ; увеличеніе это касается преимущественно русскихъ сочиненій, въ 1890 году было наоборотъ, составляя для первыхъ 326 и для иностранныхъ языковъ только 89 сочиненій. Съ увеличеніемъ числа сочиненій, конечно, должно было увеличиться и количество экземпляровъ ихъ, но это можно сказать только въ отношеніи русскихъ сочиненій, для которыхъ оно составило—4.564,979 экземпляровъ, тогда какъ число экземпляровъ сочиненій на иностранныхъ языкахъ уменьшилось на 447,741.

По времени выхода въ свѣтъ всѣ изданія 1891 года распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

Мѣсяцы:	Наименованій	Количество экземпляровъ.	Въ томъ числѣ не на русск. яз. Наименов.	Экземпляровъ.
Январь.	650	2.167,965	171	300,073
Февраль	669	1.572,254	196	376,230
Мартъ	811	2.140,633	236	536,356
Апрѣль.	755	2.278,016	149	439,847
Май	774	1.815,645	210	515,434
Іюнь.	697	1.808,449	205	439,057

Мѣсяцы:	Наименованій	Количество экземпляровъ.	Въ томъ числѣ не на русск. яз. Наименов.	Экземпляровъ.
Іюль.	874	3.056,699	136	260,030
Августъ	556	2.594,019	187	626,362
Сентябрь	625	2.238,562	233	675,995
Октябрь	769	2.881,537	240	900,650
Ноябрь.	849	3.043,862	258	626,194
Декабрь	801	2.115,286	212	474,846

Хотя это распредѣленіе и не имѣетъ существеннаго значенія, но мы должны оговориться, что въ приведенную табличку не вошло 182 сочиненій, время выхода которыхъ нельзя опредѣлить съ точностью.

На этомъ оканчивается общій обзоръ, а затѣмъ, переходя къ частностямъ, начинаемъ его съ сочиненій, изданныхъ на иностранныхъ и инородческихъ языкахъ.

Нашъ обзоръ печати составляетъ не одинъ только сводъ статистическихъ данныхъ о ней, но онъ, отчасти, долженъ заключать въ себѣ и ея годичную хронику. Эта хроника, конечно, обща и потому повѣствованія ея не могутъ отличаться большимъ разнообразіемъ, тѣмъ болѣе, что перемѣна въ общемъ направленіи печатнаго слова можетъ сказаться и ясно обозначиться только по прошествіи довольно значительнаго періода времени. Но хроникеръ обязанъ, не боясь упрека за повторенія, заносить въ свою лѣтопись то, что онъ видитъ и замѣчаетъ, помня, что въ хроникѣ печатнаго слова и повторяющіяся ежегодно явленія имѣютъ свое значеніе—вѣдь слово это во всемъ его объемѣ составляетъ отраженіе нашего духовнаго міра, нашихъ помышленій и стремленій. Наконецъ безъ такой хроники и самыя цыфры оказались бы слишкомъ холодными и даже не на столько понятными.

Всѣ 2,465 сочиненій, отпечатанныхъ въ минувшемъ году на иностранныхъ и инородческихъ языкахъ, въ нисходящемъ порядкѣ, распредѣлялись такимъ образомъ:

	Число сочин.	Количество экземпляровъ.
На польскомъ языкѣ	840	2.212,618
» нѣмецкомъ »	393	516,753
» еврейскомъ »	380	990,350
» латышскомъ »	219	727,460
» эстонскомъ »	188	808,805
» армянскомъ »	139	192,922
» грузинскомъ »	79	110,782
» французскомъ »	65	65,542
» латинскомъ »	37	35,977
» тюркскомъ »	33	159,740
» арабскомъ »	17	113,700
» арабо-тюркскомъ языкѣ . . .	9	136,000
» польско-русскомъ » . . .	9	7,200
» еврейско-русскомъ » . . .	9	19,600

	Число сочин.	Количество экземпляровъ.
На англійскомъ языкѣ . . .	8	3,650
» татарскомъ » . . .	5	15,800
» нѣмецко-русскомъ » . . .	5	10,075
» турецкомъ » . . .	4	12,300
» чувашскомъ » . . .	4	?
» литовскомъ нарѣчіи » . . .	3	4,200
» персидско-тюркскомъ языкѣ .	3	19,400
» чешскомъ » .	2	2,400
» персидскомъ » .	2	980
» нѣмецко-эстонскомъ » .	1	1,200
» французско-русск. » .	1	1,000
» латышско-русск. » .	1	3,000
» грузино-русскомъ » .	1	2,000
» нѣмецко-еврейск.-русск. » .	1	1,000
» финскомъ » .	1	10,000
» шведскомъ » .	1	1,000
» арабско-персидск.-тюркск. » .	1	1,000
» вотякскомъ » .	1	?
» эрзянскомъ нарѣчіи *) » .	1	?
» гольдскомъ » .	1	?
« сартскомъ » .	1	?
Всего . . .	2,465	6.187,854

При взглядѣ на этотъ длинный столбецъ цыфръ у читателя невольно долженъ возникнуть вопросъ: о чемъ же говорится и трактуется въ этихъ тысячахъ сочиненій съ ихъ милліонами экземпляровъ? Мы можемъ отвѣтить на этотъ весьма естественный вопросъ, но отвѣтъ нашъ не будетъ льстивъ для русскаго чувства. Во-первыхъ, скажемъ мы, что наши соотечественники—инородцы и братья славяне, поляки, забыли нашего родного поэта Лермонтова, не вспомнили, что въ минувшемъ году истекло 50 лѣтъ со дня его кончины и что потому произведенія его могъ издавать всякій, кто пожелалъ бы. Имѣется, правда, исключеніе—сочиненія Лермонтова въ февралѣ мѣсяцѣ были изданы въ Москвѣ на армянскомъ языкѣ въ количествѣ 600 экземпляровъ и въ такомъ же количествѣ экземпляровъ на грузинскомъ языкѣ въ Эчміадзинѣ, но исключеніе это, какъ видите, на столько ничтожно, что и указывается на него только въ виду совершенной правдивости. Во-вторыхъ, не смотря на богатство литературъ польской и нѣмецкой, на множество переводныхъ въ ней сочиненій, особенно въ первой, вы не отыщете ни въ той, ни въ другой, ни одного перевода съ русскаго языка ни по научной, ни по беллетристической и ни по какой другой части. Но, говоря такъ, мы боимся встрѣтить возраженіе: намъ могутъ сказать, что даже въ приведенномъ нами перечнѣ значится 9 изданій на польско-русскомъ языкѣ и что, наконецъ, и у поляковъ и у нѣмцевъ существуетъ большая періодическая пресса, которая и

*) Мордовскаго языка.

знакомитъ ихъ съ отечествомъ ихъ—Россіей. Увы, это будетъ только предположеніе. Восемь изъ девяти указанныхъ изданій заключаютъ въ себѣ или либрето балетовъ, или оффиціальный отчетъ какого нибудь благотворительнаго общества, и только одно, носящее названіе «Польско-русскій букварь, съ прибавленіемъ русской прописи», хотя что нибудь значитъ. Что же касается періодической печати и ея отношенія къ Россіи, то достаточно вспомнить, что печать эта даже о такомъ важномъ, европейскомъ, событіи, какъ посѣщеніе Кронштадта французской эскадрой, не обмолвилась ни единымъ словомъ отъ себя. Если же при этомъ укажемъ еще на то, что постоянно живущіе среди польскаго общества русскіе люди обращаются къ этой печати съ такими требованіями, «чтобы она не играла въ руку сепаратнымъ поползновеніямъ; чтобъ она знакомила свое общество съ Россіей по крайней мѣрѣ не менѣе, чѣмъ съ врагами ея; чтобъ она помогала жителямъ края узнать Россію такою, какъ она есть; чтобъ она перестала замалчивать Россію или выбирать изъ текущей русской жизни одни только скандалы и картины мнимаго убожества; чтобы она перестала игнорировать русское искусство и науку и издѣваться надъ русскимъ языкомъ»,—то это только еще болѣе подтверждаетъ все нами сказанное и не допускаетъ даже мысли о томъ, чтобы въ числѣ сотенъ ежегодно выходящихъ сочиненій было хотя бы одно посвященное Россіи. Почти то же самое можно сказать и о нѣмецкой литературѣ.

Такова современная картина польской и нѣмецкой печати въ Россіи, такою же она останется еще очень и очень долго, такъ какъ со стороны народностей этой печати не замѣчалось и не замѣчается еще требованія къ измѣненію существующаго теперь направленія. Какая сторона окажется отъ того въ большемъ убыткѣ, понятно само собою. Въ отношеніи литературъ другихъ народностей, населяющихъ Россію, такого упорнаго сепаратизма не замѣчается: въ ней постоянно встрѣчаются переводы русскихъ беллетристическихъ и другихъ сочиненій; такъ въ 1891 году, кромѣ переводовъ Лермонтова на армянскій и грузинскій языки, въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ г. Эривани, вышелъ переводъ сказки Пушкина «Рыбакъ и рыбка» на турецкій языкъ.

Въ обзорѣ книжнаго дѣла за 1890 г. мы подробно останавливались на сочиненіяхъ, изданныхъ на тюркскомъ языкѣ, теперь же скажемъ, что литература эта годъ отъ года крѣпнетъ и развивается, захватывая все большую и большую область знанія, а потому она, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ особаго вниманія. Въ 1891 г. въ числѣ многихъ сочиненій на этомъ языкѣ было издано «Амиръ Тимуръ», сочиненіе историко-біографическаго содержанія, «Praванини лязиме»—посвященное указаніямъ, какъ поступать со скотомъ во время эпизоотіи сибирской язвы; въ этомъ же году, въ первый разъ, появился тюркскій календарь.

Въ изданіяхъ прошлаго года въ первый разъ встрѣчены нами сочиненія на гольдскомъ, литовскомъ и эрзянскомъ нарѣчіяхъ; послѣднее принадлежитъ къ мордовскому языку.

Обращаемся къ сочиненіямъ, вышедшимъ на русскомъ языкѣ. Этихъ сочиненій, какъ указано выше, въ разсматриваемомъ году было выпущено 6,588, изъ числа которыхъ собственно новыхъ, т. е. отпечатанныхъ въ первый разъ, было

5,661 сочиненіе; отпечатанныхъ вторымъ, третьимъ и т. д. тисненіемъ—927 сочиненій; переведенныхъ съ разныхъ языковъ—265; перепечатанныхъ изъ періодическихъ изданій—399 и, наконецъ, имѣющихъ на себѣ помѣту не соотвѣтствующаго выходу года, т. е. 1892 года,—343 сочиненія.

Распредѣляя всѣ изданія на русскомъ языкѣ по ихъ содержанію и располагая ихъ же, въ нисходящемъ порядкѣ сочиненій, получаемъ:

	Число сочин.	Количество экземпляровъ.
Духовно-богословскихъ	789	3.901,144
Справочныхъ	624	4.164,551
Беллетристическихъ	590	2.583,304
Учебниковъ	574	4.068.602
Медицинскихъ	476	520,104
Отчеты разныхъ обществъ	291	111,387
Драматическихъ	272	188,971
Историческихъ	254	187,804
Юридическихъ	224	290,777
Дешевыхъ и народныхъ изданій	221	1.720,040
Естествознаніе	194	192,240
Сельско-хозяйственныхъ	188	391,695
Смѣсь	184	295,502
Дѣтскихъ	181	1.312,776
Статистическихъ	176	81,605
Педагогическихъ	171	223,526
Техническихъ	157	151,357
Біографическихъ	142	489,079
Военное дѣло	139	242,639
Лубочныхъ изданій	99	997,700
Языкознаніе	94	252,139
Географія и путешествія	79	95,326
Исторія словесности и литературы	71	59,037
Астрономія и метеорологія	59	25,166
Библіографія и критика	54	63,024
Промышленность и торговля	50	39,310
Математическихъ	45	24,925
Политика и общественные вопросы	38	47,345
Счетоводство	30	32,606
Изящныя искусства	28	34,805
Финансы	25	19,100
Философія	24	35,437
Политическая экономія	6	10,672
Ученые сборники	2	1,800
Филологія	2	250
Альбомы съ текстомъ	35	62,360
Всего	6,588	22.918,105

Сравнивая эти данныя съ такими же за 1890 годъ, видимъ, что наибольшее увеличеніе послѣдовало для слѣдующихъ сочиненій: учебныхъ на 114, беллетристическихъ на 82, дешевыхъ-народныхъ на 63, біографическихъ на 44, по естествознанію на 42, по педагогіи на 40 и по политическимъ и общественнымъ вопросамъ на 23; уменьшилось же число сочиненій: по политической экономіи на 129, духовныхъ и богословскихъ на 92, по изящнымъ искусствамъ на 53, военныхъ на 49, юридическихъ на 35, историческихъ на 34 и по исторіи словесности на 29.

Не касаясь общей характеристики, которая при годовомъ обзорѣ, по высказанному уже нами соображенію, не можетъ отличаться строгою опредѣленностью, мы разсмотримъ здѣсь нѣкоторые изъ отдѣловъ сочиненій, указавъ въ нихъ, если окажется къ тому возможность, болѣе другихъ выдающіяся произведенія.

Отдѣлъ духовно-богословскихъ сочиненій хотя и остался въ прошломъ году, какъ и въ прежніе годы, первенствующимъ по численности изданныхъ сочиненій, но онъ былъ бѣднѣе, сравнительно съ 1890 годомъ, какъ въ количественномъ, такъ, отчасти, и въ качественномъ отношеніи. На этотъ разъ въ отдѣлѣ духовныхъ книгъ встрѣчается очень мало сочиненій, имѣющихъ своимъ предметомъ духовную философію и богословское разсужденіе и, напротивъ, изобилуютъ изданія проповѣдей и поученій по разнымъ случаямъ. Кромѣ того, въ этомъ же отдѣлѣ было много, а именно 224 сочиненія прежнихъ и даже давнишнихъ, вышедшихъ, напримѣръ, 30—49 изданіемъ.

Отдѣлъ справочныхъ книгъ, стоящій на второмъ мѣстѣ, имѣлъ 624 изданія и блещетъ новизною ихъ. Встрѣчая здѣсь нѣсколько полезныхъ изданій, какъ, напримѣръ, энциклопедическіе словари, нельзя не замѣтить, что большинство прочихъ почти не заслуживаетъ никакого вниманія и что отдѣлъ этотъ все болѣе и болѣе заполоняется календарями, такъ что приходится спросить: кому же, наконецъ, придется ихъ сбывать? Въ 1891 году было выпущено— 229 русскихъ календарей, въ количествѣ 2.973,508 экземпляровъ, или болѣе противъ 1890 года на 38 изданій и почти на милліонъ экземпляровъ; календарей на другихъ языкахъ вышло 221, въ количествѣ 1.603,000 экземпляровъ; слѣдовательно всего было издано 450 календарей, въ количествѣ 4.576,000 экземпляровъ, что и составляетъ болѣе 1890 года на 29 изданій и 996,437 экземпляровъ. Если мы исключимъ теперь изъ общаго числа экземпляровъ книгъ справочнаго отдѣла—4.164,551, русскіе календари—2.973,508 экземпляровъ, то получимъ остатокъ въ 1.191,043, который будетъ приходиться на 395 некалендарныхъ изданій, или съ небольшимъ 3 тысячи экземпляровъ на каждое изданіе. Изъ этого видно, въ какомъ громадномъ числѣ экземпляровъ издаются нѣкоторые календари и, дѣйствительно, число это доходитъ до 500 и даже 800 тысячъ.

Литературный отдѣлъ, или, какъ мы его назвали, беллетристическій, составляютъ 590 сочиненій въ количествѣ 2.583,304 экземпляра, что будетъ болѣе сравнительно съ 1890 годомъ на 82 изданія и на 895,586 экземпляровъ. Ожидали ли вы большаго? Въ минувшемъ году истекло пятидесятилѣтіе со дня кончины Лермонтова и произведенія его сдѣлались общественнымъ достояніемъ. День этотъ не отмѣченъ никакимъ событіемъ, подобнымъ событію такого же пушкинскаго

дня, если не принимать во вниманіе, предшествовавшаго ему, грознаго предостереженія книгопродавческой фирмы Глазунова гг. издателямъ. Сочиненій Лермонтова какъ въ полномъ ихъ объемѣ, такъ и по частямъ, втеченіе 1891 года вышло въ Россіи—92 въ количествѣ 1.018,300 экземпляровъ, и большая часть этихъ изданій принадлежитъ А. С. Суворину и Ф. Ѳ. Павленкову. Напомнимъ кстати, что въ 1887 г. сочиненій Пушкина вышло 163 изданія, въ количествѣ 1.481,375 экземпляровъ.

Укажемъ еще нѣсколько другихъ достойныхъ вниманія изданій, принадлежащихъ къ этому же отдѣлу: сочиненія С. Т. Аксакова «Семейная хроника и воспоминанія», «Дѣтскіе годы Багрова внука» и юбилейное изданіе тѣхъ же сочиненій; 8-е изданіе сочиненій гр. Л. Н. Толстого и 13 т. его сочиненія, въ которомъ, между прочимъ, помѣщены «Крейцерова соната» и «Плоды просвѣщенія»; 3-е изд. соч. И. С. Тургенева (12,000 экз.); соч. Ѳ. М. Достоевскаго, 6-й, 7-й, 9-й и 10 т.т.; 2-е изд. соч. И. С. Аксакова; новое изд. соч. Салтыкова; соч. Н. В. Шелгунова. Большой интересъ имѣютъ изданія: «П. В. Анненковъ и его друзья. Литературныя воспоминанія и переписка 1835—1885 гг.» и г. Шишко—«Новыя данныя къ біографіи А. Д. Кантемира и его ближайшихъ родственниковъ». Изъ сочиненій современныхъ беллетристовъ назовемъ: разсказы А. П. Чехова—«Въ сумеркахъ», «Хмурые люди», «Пестрые разсказы» и повѣсть «Дуэль»; В. И. Немировича-Данченко—«Ночи безсонныя»; А. П. Чернаго—очерки «Море и моряки»; кн. Голицына-Муравлина—«Судъ идетъ» и друг. Изъ переводовъ выдаются переводы древнеклассическихъ писателей: Фета—«Эпиграмы Марціала», Алексѣева—соч. «Лукіана», Вроблевскаго—«Анабазисъ» Ксенофонта; Шубина — «Аѳинское государственное устройство» Аристотеля; Аверкіева—«Разговоры Гете, собранные Эккерманомъ» и, наконецъ, «Исторія испанской литературы».

Отдѣлъ историческій составляютъ 254 сочиненія, изданныхъ въ числѣ 187,804 экземпляровъ, и хотя онъ въ количественномъ отношеніи оказывается менѣе 1890 года, но зато въ немъ находится не мало изданій, заслуживающихъ полнаго вниманія; къ числу такихъ, между прочимъ, принадлежатъ: изслѣдованіе А. Филиппова—«О наказаніи по законодательству Петра Великаго»; г. Загоскина—«Врачи и врачебное дѣло въ старинной Россіи» и «Наука исторіи русскаго права»; великаго князя Георгія Михаиловича—«Монеты царствованія императоровъ Павла и Александра I-го» и «Русскія монеты 1881—1891 годовъ»; П. Н. Батюшкова—«Подолія»; проф. Корсакова—«Изъ жизни русскихъ дѣятелей XVIII вѣка»; изслѣдованіе г. Шляпкина—«Св. Димитрій Ростовскій и его время»; проф. Брикнера—«Потемкинъ»; И. П. Барсукова—«Графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій»; Пыпина—«Исторія русской этнографіи» (т. 3-й); кн. Щербатова—«Жизнь и дѣятельность генералъ-фельдмаршала князя Паскевича»; проф. Брикнера—«Матеріалы для жизнеописанія графа Н. П. Панина» (3-й и 4-й т.); г. Экземплярскаго—«Великіе и удѣльные князья сѣверной Руси въ татарскій періодъ съ 1238 по 1505 годъ» (2-й т.); г. Семенова—«Освобожденіе крестьянъ въ царствованіе императора Александра II-го» (3-й т.); «Архивъ князя Куракина» (2-й т.); «Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Величества канцеляріи» (4-й вып.); «Архивъ

князя Воронцова» (37-й т.); «Сборникъ Императорскаго историческаго общества» (74, 75, 76 и 77 тт.); описанія дѣлъ и документовъ архивовъ: морского министерства, святѣйшаго синода, министерства юстиціи; «Извѣстія общества археологіи, исторіи и этнографіи при Казанскомъ университетѣ» (9-й т.) и еще друг. сочиненія, полный списокъ которыхъ занялъ бы много мѣста.

Медицинскихъ сочиненій издано 476, изъ нихъ: переводныхъ—64, докторскихъ диссертацій—67 и старыхъ изданій—39. Въ числѣ наиболѣе выдающихся сочиненій этого отдѣла были: «Климатическое леченіе вообще и наши климатическія мѣста» проф. Скворцова, «Мать и дѣтя» (4-е изд.) г. Жука, «Защита жизни и здоровья рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ» г. Пресса, «Учебникъ дѣтскихъ болѣзней» г. Фогеля, «Фабричная гигіена» и «Вопросы общей гигіены» г. Святловскаго, упомянутый въ историческомъ отдѣлѣ трудъ г. Загоскина «Врачи и врачебное дѣло въ старинной Россіи» и, наконецъ, «Реальная энциклопедія медицинскихъ наукъ. Медико-хирургическій словарь» (2-й т.) проф. Аѳанасьева.

На сколько тоща наша дѣтская литература, на столько же тучна и даже очень тучна учебная; такъ первая дала втеченіе 1891 года только 181 изданіе, изъ которыхъ новыхъ 133, послѣдняя же—574 изданія и изъ нихъ новыхъ 270. Но сказанное будетъ еще доказательнѣе, если для сравненія взять нѣсколько годовъ подрядъ.

	Учебныхъ соч.	Экземпляр.	Дѣтскихъ кн.	Экземпляр.
1887 г. . . .	512	3.622,181	105	345,379
1888 » . . .	521	3.691,838	150	545,662
1889 » . . .	538	3.596,142	161	510,260
1890 » . . .	460	3.190,784	193	1.423,375
1891 » . . .	574	4.068,602	181	1.312,776
Всего за 5 л. .	2,605	18.169,547	790	4.137,452

Глядя на первый столбецъ приведенныхъ цифръ и принимая во вниманіе, что количествомъ экземпляровъ опредѣляется спросъ, по неволѣ приходится согласиться съ мнѣніемъ автора статьи «Мало школъ» («Нов. Вр.» № 5568), что въ нашихъ школахъ «обучаютъ не знанію, а программамъ», разнообразіе которыхъ и, вѣроятно, измѣнчивость ихъ въ угоду педагогамъ вызываетъ такую массу изданій учебныхъ книгъ, что, конечно, можетъ быть весьма пріятно для ихъ составителей, но не особенно желательно для родителей учащихся.

Обращаясь къ сочиненіямъ, касающимся различныхъ отраслей реальнаго знанія, находимъ тамъ не мало трудовъ, заслуживающихъ упоминанія по своему значенію. Къ этому числу принадлежатъ: по зоологіи—«Лекціи зоологіи» Поля Вера, «Изъ царства пернатыхъ» и «Наглядное изображеніе пользы и вреда, приносимыхъ нашими птицами», проф. Кайгородова, «Курсъ зоологіи позвоночныхъ» г.г. Полежаева и Шимкевича, «Основанія зоологіи» проф. Бобрецкаго и др.; по ботаникѣ и сельскому хозяйству: «Злаки средней Россіи» г. Маевскаго, «Практическая дендрологія» г. Добровлянскаго, «Русскій лѣсъ» проф. Арнольда, «Лѣсоводство» г. Турскаго, «Бесѣды о русскомъ лѣсѣ» проф. Кайгородова; по хозяйству: г. Уарди—«Болѣзни растеній», г. Кирхнера—«О болѣзняхъ и по-

врежденіяхъ нашихъ сельско-хозяйственныхъ культурныхъ растеній», г. Ермолова—«Современные сельско-хозяйственные вопросы», г. Энгельгардта—«Фосфориты и сидерація», г. Кренке «О сельскомъ хозяйствѣ», г. Вильдерлинга—«Объ удобреніи въ теоріи и на практикѣ», г. Котельникова—«О почвѣ и ея обработкѣ», посмертное изданіе Бутлерова.—«Статьи по пчеловодству», г. Афанасовича—«Плодовый садъ любителя въ сѣверной полосѣ Россіи» и, наконецъ, г. Таирова—«Библіографическій указатель по виноградарству и винодѣлію».

Нельзя не замѣтить, что наша сельско-хозяйственная литература, если судить о ней по числу выходящихъ ежегодно сочиненій и количеству ихъ экземпляровъ, еще не получила, такъ сказать, полныхъ правъ гражданства, должнаго къ ней вниманія, хотя въ странѣ земледѣльческой, какою считается Россія, нужно было бы ожидать противнаго. Такъ, у насъ въ послѣднее пятилѣтіе, съ 1887—1891 гг., вышло всего 858 сочиненій, или по 170 сочиненій въ годъ.

По отдѣламъ астрономическому и метеорологическому у насъ ежегодно издаются сборники, но, къ сожалѣнію, преимущественно на нѣмецкомъ или французскомъ языкахъ, а изъ отдѣльныхъ сочиненій по этой части, изданныхъ въ прошломъ году, можно указать не много: «Метеорологія» проф. Воейкова, «Руководство къ практикѣ физическихъ измѣреній» Кольрауша въ переводѣ г. Дрейтельна, «Электрическія явленія въ атмосферѣ» г. Плантэ и «Научные результаты 40 воздушныхъ путешествій, сдѣланныхъ въ Россіи», проф. Поморцева.

Изъ художественныхъ и иллюстрированныхъ изданій, которыя въ нашемъ перечнѣ значатся подъ рубрикой альбомовъ съ текстомъ, достойны вниманія: «Русскія древности въ памятникахъ искусства» (4-й вып.), изд. гр. Толстого и Кондакова, «Историческая портретная галлерея» изд. А. С. Суворина, «Новыя картины проф. П. К. Айвазовскаго» и «Альбомъ выставки академіи художествъ 1891 г.», изд. Ѳ. И. Булгакова. Къ этой же категоріи могутъ быть отнесены еще и слѣдующія изданія, хотя они показаны у насъ по другимъ отдѣламъ: «Иллюстрированная исторія искусствъ» г. Любке, «Исторія государства Россійскаго въ изображеніяхъ державныхъ его правителей» проф. Верещагина, «Бахчисарайскій фонтанъ» Пушкина, изд. А. С. Суворина съ рисунками г. Соломко, и романъ Лермонтова «Княжна Мери» со снимками съ рисунковъ Зичи.

Заканчивая указанія отдѣльныхъ сочиненій по ихъ предметности, мы не можемъ пройти молчаніемъ отдѣлъ лубочныхъ и дешевыхъ изданій, такъ какъ въ послѣднемъ нашемъ отчетѣ обратили на него вниманіе читателя. Мы говорили, что борьба между этими изданіями началась, и высказали предположеніе о томъ, что побѣдителями должны остаться дешевыя и народныя изданія. Время этой побѣды, кажется, не особенно далеко, и едва ли лубочному рынку удастся удержать прежнюю позицію, не смотря на бьющую на заманку названій своихъ предложеній, въ родѣ слѣдующихъ: «Исторія о храбромъ рыцарѣ Францылѣ и о прекрасной королевнѣ Ренцывенѣ», «Повѣсть о приключеніи англійскаго милорда Георга и бранденбургской маркграфини Фридерики Луизы, съ присовокупленіемъ къ оной исторіи бывшаго турецкаго визиря Марцимирша и сардинской королевы Терезіи» (вотъ, по истинѣ, смѣсь племенъ, нарѣчій, поколѣній); или еще и такая мудреная вещь—«Практическая алхимія. Любо-

пытныя открытія изъ физики и химіи. Чудеса природы, разъясненія и изобрѣтенія великихъ древнихъ маговъ, алхимиковъ, кабалистовъ и чародѣевъ: Сведенборга, Альберта Великаго, М. Задеки, Шата и друг. Тайны мудраго Соломона. Собрано и выписано изъ всѣхъ древнѣйшихъ рукописей, записокъ и книгъ Шахъ-Эль-Абороиъ». И, однако, не смотря на столь безконечныя и мудрыя заголовки, положительныя данныя показываютъ, что сопоставленіе лубочныхъ и дешевыхъ изданій является въ слѣдующемъ, утѣшительномъ для послѣднихъ, видѣ:

	Лубочныхъ изданій.	Экземпляровъ.	Дешевыхъ изданій.	Экземпляровъ.
Въ 1887 году . .	190	1.689,400	146	1.360,300
» 1888 » . . .	88	766,200	123	812,800
» 1889 » . . .	89	719,400	105	636,182
» 1890 » . . .	89	717,840	158	945,880
» 1891 » . . .	99	997,700	221	1,720,040

Переходимъ снова къ общимъ даннымъ, касающимся изданій 1891 г., вышедшимъ на русскомъ, иностранныхъ и инородческихъ языкахъ. Всѣ эти сочиненія, общимъ числомъ 9.053, были отпечатаны въ 154 городахъ Россіи, не считая трехъ, изданныхъ, по одному, въ Берлинѣ, Гельсингфорсѣ и Лейпцигѣ. Сравнительно съ 1890 годомъ районъ книгопечатанія нѣсколько расширился, но все же онъ еще не великъ, такъ какъ въ предѣлахъ Россіи, безъ Финляндіи, считается 1,281 городскихъ поселеній. Распредѣляя 154 города по числу напечатанныхъ въ нихъ сочиненій, получаемъ нижеслѣдующую группировку:

Издано сочиненій.	Число городовъ.
Отъ 1 до 10	169
» 11 » 20	16
» 21 » 30	4
» 31 » 40	1
» 41 » 50	1
» 81 » 90	1
» 101 » 120	1
» 121 » 130	1
» 181 » 190	1
» 191 » 200	1
» 251 » 260	1
» 261 » 270	1
» 291 » 300	1
» 301 » 310	1
» 321 » 330	1
Свыше » 1,000	1
» » 1,800	1
» » 3,000	1

Принимая число сто за желаемый minimum числа сочиненій, печатаемыхъ въ каждомъ городѣ, изъ приведенныхъ данныхъ найдемъ, что съ этимъ числомъ и

свыше насчитывается двѣнадцать городовъ, а именно: Варшава, Вильна, Дерптъ, Казань, Кіевъ, Москва, Одесса, Ревель, Рига, С.-Петербургъ, Тифлисъ и Харьковъ. Сколько въ каждомъ изъ этихъ центровъ было напечатано сочиненій и на какихъ языкахъ, видно изъ слѣдующей таблицы, гдѣ названные города расположены въ нисходящемъ порядкѣ числа сочиненій:

Города:	Русск. соч.	Иностр. соч.	Всего соч.
Петербургъ . . .	3,025	168	3,193
Москва	1,790	58	1,848
Варшава. . . .	88	1,003	1,091
Кіевъ	315	13	328
Казань	230	72	302
Рига	49	248	297
Одесса.	220	45	265
Тифлисъ. . . .	82	173	255
Вильна	54	142	196
Дерптъ	11	173	184
Ревель.	11	110	121
Харьковъ. . . .	106	—	106

Если бы на эту табличку взглянулъ человѣкъ, незнакомый съ распредѣленіемъ по мѣстностямъ населяющихъ Россію національностей, то онъ по ней могъ бы опредѣлить физіономію каждаго города, т. е. сказать, на сколько онъ русскій. Приведемъ теперь указанія, сколько и какихъ сочиненій на русскомъ языкѣ было напечатано въ тѣхъ пяти городахъ, гдѣ ихъ оказывается болѣе, чѣмъ въ другихъ изъ названныхъ въ таблицѣ городовъ:

Сочиненія:	Въ Петерб.	Въ Москвѣ.	Въ Кіевѣ.	Въ Казани.	Въ Одессѣ.	Въ Харьк.
Духовныхъ.	255	321	51	42	25	1
Справочныхъ	319	152	22	17	24	11
Веллетристическ.	312	169	33	5	17	7
Учебныхъ.	250	181	38	5	18	2
Медицинскихъ	250	96	22	27	12	27
Историческихъ	118	46	26	20	3	1
Юридическихъ	118	28	16	11	6	7
Естествознаніе	91	53	13	16	9	5
Сельско-хозяйств.	92	50	11	5	8	6
Педагогическихъ	81	44	3	16	4	1
Техническихъ	92	20	11	6	3	1
Віографическ.	90	27	5	5	5	—
Военное дѣло	99	8	4	5	—	1
Языкознаніе.	62	12	4	1	1	—
Географическ.	40	10	2	2	6	2
Истор. словесн.	38	17	2	4	1	2

Сочиненія:	Въ Петерб.	Въ Москвѣ.	Въ Кіевѣ.	Въ Казани.	Въ Одессѣ.	Въ Харьк.
Астрономическ.	45	1	3	2	—	1
Промышл. и торг.	28	9	6	—	5	1
Математическихъ	14	12	7	4	3	5
Политич. и обществ. . . .	21	3	2	1	4	2
Финансы	14	3	—	1	—	—
Изящн. искусства	18	9	—	1	—	—
Философія.	13	5	2	—	2	—
Политич. экон.	112	16	3	6	3	4
Дешев. и народныхъ . . .	121	85	3	1	4	1
Лубочныхъ	8	90	—	—	—	—

Мы взяли здѣсь не всѣ отдѣлы, а только болѣе крупные, причемъ статистическія изданія показали вмѣстѣ съ политическо-экономическими. Изъ этой таблицы, между прочимъ, видно, что печатаніе дешевыхъ и народныхъ изданій начинаетъ понемногу переходить и въ провинціальные центры книжнаго дѣла.

Въ заключеніе намъ хотѣлось бы рѣшить довольно интересный вопросъ: какъ велика та работа, которую книжное дѣло въ Россіи даетъ типографскому станку? По «Статистическому сборнику свѣдѣній по Россіи 1890 г.», изданному центральнымъ статистическимъ комитетомъ, въ Россіи, безъ Финляндіи, въ 1887 г. считалось: типографій 730, литографій—526 и типо-литографій—288, слѣдовательно всего заведеній для печати—1,544. Допустивъ, что такое же число этихъ заведеній было въ 1891 году, и взявъ общее число 9,053 сочиненія, напечатанныхъ въ этомъ году въ Россіи, и 29.105,959 экземпляровъ, количество, въ которомъ сочиненія эти вышли, получили бы на каждое изъ названныхъ заведеній: по 5,86 сочиненія и 18,851 экземпляра, а если взять исключительно типографіи, то на каждую бы изъ нихъ пришлось: по 12,4 сочиненія и по 39.871,1 экземпляру. Но обратимся къ болѣе опредѣленнымъ даннымъ и для того возьмемъ Петербургъ и Москву, какъ главнѣйшіе центры книгопечатанія въ Россіи. Въ Петербургѣ въ настоящее время, по списку инспекторскаго надзора за типографіями, находится: частныхъ типографій 139 и литографій 124, о Москвѣ же на этотъ счетъ у насъ не имѣется никакихъ свѣдѣній, но тамъ этихъ заведеній, конечно, должно быть менѣе, такъ какъ въ 1887 г. во всей Московской губерніи, по даннымъ центральнаго статистическаго комитета, было: первыхъ—29 и вторыхъ—87. Впрочемъ, всѣ эти числа не имѣютъ для насъ особенно важнаго значенія, такъ какъ мы приводимъ здѣсь только то число типографій Петербурга и Москвы, въ которыхъ въ 1891 году печатались книги.

Въ Петербургѣ, въ указанномъ году, печатались книги въ 140 типографіяхъ, и по количеству выпущенныхъ ими въ свѣтъ сочиненій онѣ группировались такимъ образомъ:

Печаталось сочиненій.	Число типографій.
Отъ 1 до 10	74
» 11 » 20	22

Печаталось сочиненій				Число типографій.
Отъ	21	до	30	14
»	31	»	40	11
»	41	»	50	4
»	51	»	60	6
»	61	»	70	2
»	71	»	80	2
»	101	»	110	1
»	111	»	150	1
»	160	»	170	1
»	200	»	220	1
»	221	»	240	1

По количеству же напечатанныхъ въ каждой типографіи экземпляровъ сочиненій такое же распредѣленіе представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Отпечатано экземпляр.				Число типографій.
Менѣе	1,000 т.		—	17
Отъ	1,000	до	5,000	32
»	5,000	»	10,000	13
»	10,000	»	30,000	26
»	30,000	»	50,000	8
»	50,000	»	100,000	17
»	100,000	»	110,000	2
»	110,000	»	130,000	2
»	130,000	»	150,000	3
»	150,000	»	200,000	3
»	230,000	»	250,000	2
»	260,000	»	290,000	2
»	290,000	»	300,000	2
»	320,000	»	460,000	5
»	460,000	»	490,000	2
Свыше		»	600 т.	1
»		»	800 »	2
»		»	1 милл.	1

Но въ какихъ же типографіяхъ болѣе всего производилось книгопечатной работы? Въ этомъ отношеніи пальма первенства принадлежитъ типографіи академіи наукъ, напечатавшей 236 сочиненій въ числѣ 803,978 экземпляровъ, а за ней, въ нисходящемъ порядкѣ, будутъ слѣдовать типографіи: «Общественной Пользы»—218 сочиненій и 1.059,720 экземпляровъ, А. С. Суворина —168 сочиненій и 473,405 экземпляровъ, Стасюлевича—144 сочиненія и 325,740 экземпляровъ, Балашева—103 сочиненія и 457,749 экземпляровъ и наиболѣе приближающаяся къ послѣдней типографія Демакова—87 сочиненій и 66,740 экземпляровъ.

не объяснилъ, я тебя ни о чемъ не разспрашивалъ. Но какъ могъ ты, братъ по оружію, у котораго не было тайнъ отъ меня, который дѣлилъ со старымъ воиномъ надежды, ненависти, привязанности, какъ могъ ты молчать, когда дѣло шло о ребенкѣ, который для меня дороже всего въ мірѣ? Понималъ ли ты мое нетерпѣніе, которое иногда прорывалось наружу помимо меня?

— По временамъ мнѣ безумно хотѣлось отнять у тебя Марсель, закричать тебѣ: ты солгалъ, она моя, только моя! Но появлялась она, протягивала руку каждому изъ насъ, называя одного отцемъ, другаго дѣдушкою, и лишь только она заговоритъ, мои сомнѣнія исчезали; я вѣрилъ, что ты открылъ мнѣ истину.

— Въ настоящее время, Жанъ Шенъ, обстоятельства измѣнились. Мы мужчины, и намъ нечего сантиментальничать. Борьба, которая готовится, будетъ ужасна, ты или я, а, можетъ быть, и мы оба исчезнемъ съ лица земли, уничтоженные картечью. Такъ какъ ни ты, ни я, мы себя щадить не будемъ: быть можетъ, въ эту самую минуту какой нибудь солдатъ заряжаетъ орудіе, которому суждено насъ убить.

— Что-жъ дѣлать—но Марсель! Если ты погибнешь, неужели ты хочешь, чтобы она осталась навсегда найденышемъ, безъ роду и племени, безъ всякихъ правъ, безъ всякаго общественнаго положенія... Если я останусь живъ, положимъ, я ее усыновлю, но если я тоже буду убитъ, неужели ты хочешь, чтобы она осталась дважды одинокою, выброшенною изъ общества; глупые предразсудки, которые тебѣ извѣстны... Вотъ, пріятель, что я считалъ себя обязаннымъ тебѣ высказать. Марсель въ Бомонѣ, она не пожелала быть вдалекѣ отъ насъ; эта храбрая дѣвушка, которая въ насъ любитъ и французское отечество, послѣдовала изъ состраданія ко мнѣ, изъ любви къ тебѣ, изъ преданности ко всѣмъ людямъ, которымъ предстоитъ страданіе. Если ты непремѣнно желаешь, чтобы она не знала истины... пусть, по крайней мѣрѣ, въ случаѣ смерти насъ обоихъ, она знаетъ свое имя. Неужели я долженъ объ этомъ у тебя ходатайствовать? Одно только слово еще—неужели тебѣ это все никогда не приходило самому въ голову, Жанъ Шенъ? Въ жизни вообще, а въ наше время въ особенности, могутъ быть трагическія случайности. Что если когда насъ не станетъ, она, не подозрѣвая того, не желая, очутится лицомъ къ лицу съ кѣмъ нибудь изъ своей семьи, съ сестрою, съ матерью?..

— Ея мать умерла!—замѣтилъ Жанъ Шенъ.

— Убѣжденъ ли ты, можешь ли ты поручиться, что нѣтъ никого на свѣтѣ, въ комъ бы текла та же кровь, что въ Марсели? Въ эти времена политической вражды, которая заставляетъ молчать всякое состраданіе, развѣ не можетъ случиться, что, не смотря на то, что она женщина, почти ребенокъ, судьба ея зависитъ... почемъ знать—отъ кого? Можетъ быть, отъ кого нибудь, кто при имени

ея забудетъ гнѣвъ, откажется отъ мести. Ради нея, ради ея спасенія, я умоляю тебя быть со мной откровеннымъ, Жанъ. У насъ обоихъ одна забота. Если бы ты обратился ко мнѣ съ такою просьбою, я бы давно тебѣ все открылъ...

— Я и открою тебѣ все совершенно откровенно, — сказалъ Жанъ, вставая.—Довольно подлости. Это долгъ, который я обязанъ исполнить, и благодарю тебя, что ты мнѣ о немъ напомнилъ.

— Поспѣшай, время дорого, я долженъ быть на своемъ посту. Старики, какъ я, должны быть прежде всего аккуратны.

— Выслушай же меня,—началъ Жанъ Шенъ, и лице его приняло грустное выраженіе.—Собственно имя мое ничего тебѣ не откроетъ, меня зовутъ Жанъ де-Листаль. Я родился въ центральной Франціи. Мой родъ старинный дворянскій. Отецъ мой эмигрировалъ въ 1791 году. Мнѣ тогда было 16 лѣтъ. Онъ не взялъ меня съ собою за границу, вѣроятно, чтобы не возиться съ лишнею обузою. Онъ умеръ, и я простилъ ему. Люди того времени и той среды жили другою жизнью, чѣмъ мы, дышали другимъ воздухомъ; не будемъ мѣрить ихъ нашею мѣркою.

Я съ 1792 года былъ предоставленъ себѣ; управляющій, которому я былъ сданъ отцемъ на руки, эмигрировалъ въ свою очередь и былъ увлеченъ потокомъ энтузіазма, который несся по Франціи.

Я очутился въ Парижѣ — какимъ образомъ? Едва это помню. Я исходилъ половину Франціи. Не имѣя ни родныхъ, ни денегъ, ни мѣста, я случайно попалъ на площадь Пантеона во время набора. Голоса вибрировали, на эстрадѣ развѣвались знамена, надъ которыми господствовало, точно погребальный балдахинъ, черное знамя отечества въ опасности, люди взывали о помощи! Я поднялся по ступенямъ, я вписалъ свое имя, я сталъ солдатомъ. О незабвенные, великіе дни!.. Мы страдали, голодали, шли босыми, но всѣ взоры были направлены на отчизну, которую мы видѣли передъ собою, которая призывала насъ.

Съ Люкнеромъ я вошелъ въ Мененъ, въ Ипръ, въ Куртрэ. Я дрался въ Касселѣ съ австрійцами. Съ Келлерманомъ я бралъ Лонгви.

Ужъ я не помню всего—всѣ эти имена носятся у меня въ головѣ точно въ какомъ-то вихрѣ страсти и славы. Я рыдалъ въ бѣшенствѣ, когда послѣ Нервинда безстыдный Дюмурье сдался непріятелю. Я ликовалъ отъ радости послѣ Ватиньи.

Въ 1794 году я, пигмей, былъ въ арміи великановъ, однимъ изъ побѣдителей Флёруса! О, до чего я, не признающій моего происхожденія, до чего я гордился собою!

Въ 1795 году я отправился съ Лазаремъ Гошомъ въ Вандею, а въ 1796 году я послѣдовалъ за нимъ въ Ирландію. Серьезная рана, — пуля пробила мнѣ грудь,—заставила меня вернуться во Францію. Корабль выбросилъ меня на берегъ Бретани.

Казалось, все затихло въ этомъ краю. Меня высадили полумертваго въ окрестностяхъ Реннъ. Крестьяне подняли меня въ оврагѣ близь дороги. Это были добряки, арендаторы, ни синіе, ни бѣлые, которымъ ничего не надо было, кромѣ труда и отдыха.

Три мѣсяца я былъ между смертью и жизнью. Какъ избѣжалъ я могилы, которая ожидала меня? Женщина, самая прелестная, добрая, лучшая изъ всѣхъ женщинъ, спасла меня.

— Кто такая?

— Ея имя—Бланшъ де-Салестэнь.

— Де-Салестэнь? — воскликнулъ Картамъ. — Я слышалъ уже это имя, но гдѣ?

— Я тебѣ сейчасъ напомню... Какимъ чудомъ, происходя изъ феодальной фамиліи, въ которой царили узкіе взгляды, предразсудки, ненависть ко всякой свободѣ, къ свободѣ ума, положенія, могла она, эта чудная дѣвушка, почувствовать состраданіе къ «синему», котораго отецъ ея непремѣнно бы растрѣлялъ, если бы только имѣлъ возможность.

Предвѣчная доброта совершаетъ иногда подобныя чудеса. Бланшъ, тайно отъ всѣхъ, ходила за мною, за неизвѣстнымъ человѣкомъ, и когда я вернулся къ сознанію, я увидалъ ее у моего изголовья съ улыбкою на устахъ, настоящую сестру милосердія, которая спасала человѣка, не спрашивая ни его имени, ни объ его убѣжденьяхъ.

Не требуй отъ меня, о другъ мой, чтобы я сегодня отдался воспоминаніямъ того счастливаго, опьяняющаго періода моей жизни, послѣ котораго я понять не могу, какъ я не умеръ отъ катастрофы, послужившей ему жестокой развязкой.

Бланшъ де-Салестэнь, старшая изъ этой суровой семьи, гордившейся какимъ-то приморскимъ герцогствомъ эпохи самыхъ древнихъ временъ нашей исторіи, была нелюбима въ семьѣ, непризнана, брошена. За что? А вотъ за что. У нея былъ воспитатель, развитой человѣкъ, нѣчто вродѣ аскета, голландецъ, потомокъ Аффиніуса ванъ-денъ-Энде, который чуть не свергнулъ Людовика XIV, и вотъ онъ вложилъ въ сердце этой молодой дѣвушки свою любовь къ добру и къ свободѣ. Онъ посѣялъ въ ея душѣ, точно со злобою мести, всѣ зародыши нравственной независимости, которые были свойствами его души, и ея уму, для котораго, по волѣ другихъ, все было сокрыто, никакая истина не была доступна, который питался преданіемъ, онъ вдругъ раскрылъ широкіе, безграничные горизонты справедливости...

Тогда въ замкѣ, въ ея отчемъ домѣ, начались для нея непрерывныя гоненія, какая-то семейная инквизиція, какое-то бѣшенство пытающихъ, доведенныхъ до отчаянія своимъ безсиліемъ.

У нея была сестра; съ первымъ словомъ, которое она пролепетала, отецъ завладѣлъ ею всецѣло: ея сердце, ея умъ, были для

него то же, что для скульптора кусокъ глины; онъ вылѣпливалъ изъ нихъ то, чего желалъ; они навсегда сохранили отпечатокъ его антипатій, его злобы, его страстей.

Вторую сестру звали Регина, она была по природѣ доброю, и долго Бланшъ боролась изъ-за нея съ палачемъ ея душевныхъ свойствъ, стараясь ее спасти отъ этого Прокустова ложа, которое атрофировало ея мысли, взгляды, молодость.

Но отецъ сторожилъ, и въ этой семьѣ, гдѣ родительскій авторитетъ былъ сознательно преступенъ, гдѣ покорная мать не имѣла никакой воли, въ результатѣ явилось вотъ какое положеніе: братъ (былъ и братъ) и сестра, ненавидящіе, презирающіе свою же родную сестру, относились къ ней, какъ къ бѣсноватой, точно къ какому-то дьявольскому отродью, которое своимъ ядовитымъ дыханьемъ отравляетъ воздухъ, какимъ они дышатъ. И несчастной дѣвушкѣ, безконечно доброй, жаждущей привязанности, разумной въ любви, пришлось выносить ежеминутную пытку.

Зачѣмъ не смирялась она? Зачѣмъ не преклонилась она передъ этимъ авторитетомъ, который точно издѣвался надъ самыми святыми влеченіями ея души? Быть можетъ, она и желала подчиниться, дѣлала къ тому попытки, смирялась и снова возмущалась. Есть натуры по природѣ слишкомъ честныя. Однажды, послѣ какого-то спора, или скорѣе проклятія, ее выгнали изъ дому.

Она ушла, обезумѣвъ отъ ужаса и отчаянія. Она шла, сама не зная куда, съ чувствомъ страха, что, быть можетъ, весь міръ противъ нея, заодно съ тѣми, кто къ ней такъ жестокъ. Братъ ея, какъ и отецъ, крикнулъ ей: «убирайся!» Сестра, къ которой она съ мольбою протянула руки, посмотрѣла ей прямо въ лице и отскочила въ ужасѣ.

Неужели всегда вездѣ всѣ будутъ ее ненавидѣть, презирать, и она будетъ совершенно одинока? Она обратилась къ простому люду, къ мужикамъ, добрымъ, простымъ, живущимъ уединенно, скромно, своимъ трудомъ. Они не отвергли ее. Они потѣснились, чтобы дать и ей мѣстечко у себя, и дочь именитой фамиліи де-Салестэнъ, гордясь теперь тѣмъ, что она теперь никому не въ тягость, трудомъ своихъ рукъ платила за право жизни.

Такъ продолжалось два года. Ей было 20 лѣтъ въ то время, когда случайно на дорогѣ былъ поднятъ умирающій.

Онъ тоже покинулъ феодальный замокъ изъ жажды свѣта, изъ любви къ солнцу...

И въ первый разъ Бланшъ во всей невинности неофита познала, что она понята, что она, кромѣ того, любима.

Когда я поправился, мы навсегда принадлежали другъ другу.

Я прямо отправился въ замокъ де-Салестэнъ, и, быть можетъ, въ первый разъ въ жизни съ гордостью назвалъ свое имя, которое для этого рода людей устраняло всякую мысль о неравности брака.

Меня стали разспрашивать; я разсказалъ мою жизнь.

«Солдатъ республики!» И меня прогнали! Впрочемъ, этого надо было ожидать.

Тогда я вернулся къ Бланшъ, и насъ обвѣнчалъ одинъ священникъ.

Изъ наслѣдства послѣ отца я собралъ кое-какія крохи. Я былъ молодъ, силы вернулись ко мнѣ. Я купилъ домикъ въ окрестностяхъ Редонъ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ деревни, гдѣ ты жилъ. Мы съ тобой никогда не встрѣчались,—не удивительно. Наше одиночество вдвоемъ съ Бланшъ, а затѣмъ втроемъ, когда она стала матерью, было для меня раемъ.

Весь мой міръ заключался въ этихъ двухъ существахъ, въ нихъ были всѣ мои привязанности, вся моя будущность: я превратился въ мужика, занимающагося трудомъ своихъ рукъ, наслаждаясь мирною жизнью, такъ какъ я весь былъ проникнутъ теоріями Жанъ-Жака Руссо о возвращеніи человѣка къ природѣ.

Я считалъ себя всѣми позабытымъ, но я ошибся.

Однажды,—кто меня выдалъ, не знаю, — я былъ вытребованъ въ главный штабъ; такъ какъ я остался въ живыхъ, то долженъ былъ дослужить срокъ моей службы. Государство требовало меня, я протестовалъ. Мнѣ были представлены непреклонныя требованія дисциплины. Оставалось одно — ѣхать самому въ Парижъ и подавать въ отставку. Надо было покончить съ этимъ, и я уѣхалъ, оставивъ жену и ребенка.

Я прибылъ въ Парижъ за нѣсколько дней до покушенія Нивоза; мои дѣла сейчасъ же приняли другой оборотъ. Мое имя раскрывало мнѣ всюду двери: въ то время начинали ухаживать за старымъ дворянствомъ. Преступленіе въ улицѣ Saint Nicaise разомъ измѣнило положеніе вещей. Съ тобою, съ республиканцемъ, съ бывшимъ членомъ конвента, расправа была скорая—арестъ и ссылка безъ суда. Меня же, родомъ изъ Бретани, древняго рода, обвиняемаго неизвѣстно въ чемъ, быть можетъ, въ какомъ нибудь рѣзкомъ словѣ по поводу Брюмера, меня арестовали, затѣмъ выпустили съ оставленіемъ подъ надзоромъ. Впродолженіе двухъ мѣсяцевъ мнѣ былъ воспрещенъ выѣздъ изъ Парижа.

Разлученный съ семьею, я переживалъ страшную тревогу. До меня дошло одно только письмо, написанное черезъ два дня послѣ моего отъѣзда. Затѣмъ никакихъ извѣстій.

Я сдѣлалъ попытку бѣжать изъ Парижа, предпочитая все такому состоянію томительной неизвѣстности. Я былъ пойманъ на границѣ, снова арестованъ, и съ меня взяли честное слово, что я не сдѣлаю вторичной попытки къ бѣгству. Наконецъ, въ мартѣ мнѣ была возвращена свобода. Я въ два дня верхомъ доскакалъ до Редона. И тамъ!

Жанъ Шенъ всталъ съ поднятыми руками, весь задыхаясь, и рыдая продолжалъ:

— Шайки негодяевъ, разбойниковъ, шуановъ, напали на нашъ домъ... прислуга была убита!... Жена моя въ ужасѣ, ночью, среди снѣга, бѣжала съ ребенкомъ на рукахъ!

Моя Бланшъ! Дорогая моя... Трупъ ея былъ найденъ черезъ два дня замерзшій въ оврагѣ... Но ребенокъ... ребенокъ... пропалъ безслѣдно. Напрасно стучался я во всѣ двери. Неужели злодѣи убили его? Все было покрыто мракомъ неизвѣстности.

Зачѣмъ было имъ нападать на этотъ хуторъ, въ которомъ нечего-то и красть? Все было уничтожено, сожжено... хотя ничто не могло навести на мысль, что въ немъ могли быть деньги, драгоцѣнности... Въ моемъ отчаяніи мнѣ невольно пришло на умъ одно ужасное предположеніе: кто руководилъ этой преступной экспедиціей, кто указалъ нашъ домъ этимъ извергамъ?

Мои поиски увѣнчались, наконецъ, успѣхомъ; мнѣ удалось узнать, что шайка, совершившая это низкое злодѣяніе, была подъ предводительствомъ одного изъ самыхъ отъявленныхъ бандитовъ шуанства, извѣстнаго подъ прозвищемъ «Истребителя Синихъ». Я узналъ, что подъ этимъ прозвищемъ скрывался Гюберъ де-Кейразъ, дворянскій батардъ, нѣчто вродѣ кондотьери, который уже два года былъ страшилищемъ населенія Запада, всей нижней Вандеи до Нормандіи. Съ этимъ именемъ мнѣ не припомнилось ничего, что бы могло объяснить личную месть; онъ одно время служилъ въ корпусѣ, которымъ командовалъ де-Салестэнъ. Онъ участвовалъ въ Киберонскомъ дѣлѣ, въ которомъ онъ спасся только чудомъ. Я содрогался при мысли, что, быть можетъ, самъ отецъ предалъ въ руки убійцъ дочь свою, которую онъ проклялъ.

Но нѣтъ, не хочу останавливаться на этомъ предположеніи, даже въ борьбѣ партій подобное преступленіе было бы слишкомъ ужасно. Я не лишилъ себя жизни: оставшись вдовцемъ послѣ жены, которую я обожалъ, безъ ребенка, я весь отдался отечеству. Ты знаешь, какимъ образомъ я сталъ собратомъ по оружію Удэ, какъ вмѣстѣ съ нимъ я мечталъ объ освобожденіи Франціи... Увы! всѣ эти мечты разлетѣлись, въ настоящее время дѣло идетъ не о политической свободѣ, а о національной независимости.

Жанъ Шенъ остановился: онъ былъ потрясенъ, слезы текли ручьемъ изъ глазъ его, безсознательно для него, слова не выходили болѣе изъ его сдавленнаго горла.

— Докончи, молю тебя,—проговорилъ Картамъ. — Время уходитъ. Какъ напалъ ты на слѣдъ твоего ребенка?

— Совершенно случайно; я всюду искалъ, всѣхъ спрашивалъ, все было напрасно. Однажды вечеромъ, на бивуакѣ, одинъ солдатъ разсказывалъ про Редонъ. Слово за слово, разговоръ перешелъ къ шуанамъ, къ убійцамъ. Я, точно подъ вліяніемъ какого-

то необъяснимаго предчувствія, сталъ разспрашивать его и вотъ что узналъ: мать его, какъ-то ночью во время терора, подняла на дорогѣ, въ снѣгу, ребенка, котораго одна женщина, обезумѣвшая отъ ужаса, бѣжавши, выронила изъ рукъ; въ концѣ этой дороги виднѣлся домъ въ пламени; мать разсказчика обуялъ безумный страхъ, что ее поймаютъ, точно она совершала преступленіе, спасая невинную, и она обратилась въ бѣгство, и у перваго попавшагося на ея пути дома она положила ребенка на ступени крыльца, затѣмъ кулаками стала стучать въ дверь, пока не убѣдилась, что живущіе въ домѣ обратили вниманіе на этотъ стукъ; тогда она быстро скрылась.

— Да, все это было именно такъ,—прошепталъ Картамъ.

— Число этого событія совпало со временемъ моего отсутствія. Да я уже съ первыхъ словъ не сомнѣвался. Кто жилъ въ этомъ домѣ, разсказчикъ не зналъ. Слышалъ, что какой-то разбойникъ, котораго полицiя арестовала.

Въ первую минуту мнѣ пришло въ голову, что этотъ солдатъ былъ сообщникомъ убійцъ, и снова у меня мелькнуло предположеніе, что онъ былъ орудіемъ семейства де-Салестэнь. Послѣ Пресбургскаго мира я вернулся во Францію и отправился въ Бретань. Теперь, когда прежніе страхи поулеглись, мнѣ было легче добиться толку въ моихъ разспросахъ. Мать солдата была еще жива, она указала мнѣ на домъ, въ которомъ ты жилъ, я узналъ твое имя.

О, другъ мой, о, отецъ мой, какъ велика была моя радость въ тотъ день! Я еще не зналъ, живъ ли мой ребенокъ, моя дочь; но какое-то инстинктивное чутье, чисто физическое, давало мнѣ чувствовать, что связь между прошлымъ и будущимъ не порвана. Я отправился въ Парижъ. Ты какъ разъ вернулся послѣ долгаго отсутствія. Впродолженіе нѣсколькихъ дней я бродилъ около твоего дома, наконецъ, я увидалъ мою дочь, уже почти взрослую дѣвушку.

Ты не можешь знать, но ты поймешь меня: въ ней я увидалъ ея мать, точно воскресшую, живую! Я имѣлъ, однако, достаточно силъ, чтобы устоять противъ обаянія, какое она на меня производила; конечно, я тебя зналъ, и между нами уже существовала ненарушимая связь, мы оба сражались за ту же идею. Но мнѣ хотѣлось знать, любитъ ли она тебя, счастлива ли она; я увидалъ, какъ ты былъ добръ къ ней, какой ты былъ для нея дѣдушка и прямо пошелъ къ тебѣ и сказалъ: «Молю тебя, береги и люби мою дочь!».

Отчего я тебѣ тогда не разсказалъ всего? Но развѣ ты забылъ, что тогда меня знали только подъ именемъ Жана Шена? Я создалъ себѣ новую жизнь. Я хотѣлъ забыть имя Жанъ де-Листаля, съ которымъ были связаны такія ужасныя воспоминанія, хотѣлъ забыть имя де-Салестэнь, отъ котораго я, помимо моей воли, содро-

гался, которое внушало мнѣ чувства ненависти и мести, преслѣдовавшія меня впродолженіе стольких ночей.

Ее звали Марсель, она была дочерью Жана Шана, внучкою Картама. Къ чему было связывать молодое невинное существо съ воспоминаніемъ звѣрскаго преступленія?

Я хотѣлъ, чтобы она никогда не знала, что въ ней течетъ кровь Салестэновъ—развѣ я былъ не правъ?

Ты сказалъ давеча, Картамъ, что ты гдѣ-то слыхалъ это имя... Ты его слышалъ въ день нашего тайнаго собранія, при появленіи врага нашего, одной женщины, которая предала насъ полиціи Фуше.

— Да, да, мадамъ де-Люсьенъ.

— Она сестра моей дорогой Бланшъ, та самая, у которой не нашлось для нея ни слова, ни слезъ въ то время, когда отецъ выгналъ ее изъ дома.

— Она не вѣдала, что творила.

— Ты слишкомъ добръ и потому снисходителенъ. Я же того мнѣнія, что эта женщина—злой духъ Марсели. Въ первый разъ, что она увидала ее, нашу бѣдную дѣвочку потащили въ тюрьму. Ты не знаешь этой женщины — это олицетвореніе честолюбія, власти, и эта красавица, которая такъ напоминаетъ мнѣ Бланшъ, ненавидитъ все то, что намъ дорого и что мы отстаиваемъ. Есть ли у нея сердце? Зачѣмъ она продала свою молодость старику? Я слѣдилъ за нею издалека, и узналъ въ ней то чудовище, которое носитъ имя политической женщины, заговорщицы; всѣ свои помыслы дѣвушки и женщины она таскала по трущобамъ заговоровъ.

И ты хотѣлъ, чтобы я открылъ Марсели, что она принадлежитъ къ этой проклятой семьѣ, отрекшейся отъ своего единственнаго честнаго, добраго члена, непорочность котораго могла искупить все заслуженное презрѣніе,—отъ моей Бланшъ, которую они, быть можетъ, сами убили... Нѣтъ, я навсегда поставилъ преграду между Марселью... и этими людьми. Неужели ты порицаешь меня за это? Я жду твоего мнѣнія.

Картамъ призадумался.

— Послушай,—началъ онъ,—я всегда держался принципа смотрѣть правдѣ въ лице, не лавируя. Марсель по матери изъ семьи Салестэнъ. Это фактъ, передъ которымъ всѣ соображенія блѣднѣютъ... Повторяю, не иди противъ судьбы, но и не бѣги отъ нея. Развѣ не можетъ случиться, что обѣ женщины опять встрѣтятся, не зная другъ друга?

— О что касается маркизы де-Люсьенъ, то если-бъ убійство Марсели могло послужить къ увеличенію ея состоянія, она, конечно, не призадумалась бы покончить съ ней.

— Жанъ, это говоритъ въ тебѣ злоба, быть можетъ, подъ вліяніемъ ея ты несправедливъ. Я встрѣчалъ женщинъ политики; онѣ,

всетаки, женщины, повѣрь мнѣ, но предположимъ другое: предположимъ, что г-жа Люсьенъ, замѣшанная въ политическія козни, совершитъ какое нибудь низкое дѣяніе, напримѣръ, ее уличатъ въ шпіонствѣ—развѣ ты велишь ее разстрѣлять, ты?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ просто Шенъ.

— Допускаешь ли ты, чтобы мужъ Марсели разстрѣлялъ ее; я знаю Марсель. Если-бъ случайно открылась подобная вещь, она умерла бы съ отчаянія.

Жанъ Шенъ протянулъ руку старику.

— Картамъ, прости меня. Ты всегда былъ моею совѣстью, я это чувствую въ настоящую минуту болѣе, чѣмъ когда нибудь. Да, Марсель должна узнать истину. Вернись къ ней и открой ей все, что ты найдешь нужнымъ. Если меня убьютъ, въ моемъ сундукѣ, въ Парижѣ, ты найдешь всѣ бумаги, относящіяся къ ея рожденію, удостовѣряющія ея личность. Поступи по своему усмотрѣнію, я даю тебѣ полную власть. А затѣмъ, другъ мой, имѣешь ли ты еще что нибудь сказать мнѣ?

Картамъ обнялъ его.

— Жанъ Листаль, для меня ты остаешься, какъ былъ—Жаномъ Шеномъ. Для меня ты сталъ еще дороже послѣ всего, что ты выстрадалъ. Ты говоришь, что я твоя совѣсть, ты же—моя сила, какъ Марсель—моя радость. Я узнаю въ тебѣ человѣка, какимъ я былъ нѣкогда. Я ухожу. Завтра мы оба будемъ исполнять нашъ долгъ. Почемъ знать, можетъ быть, и старику Картаму придется броситься въ свалку со шпагою въ рукѣ. Если я умру, продолжай начатое дѣло; если ты умрешь, я самъ буду продолжать его до самой смерти. А теперь, другъ мой и братъ, обнимемся во имя нашей дѣвочки... и Франціи.

Оба обнялись.

— Одиннадцать съ половиною,—замѣтилъ Картамъ.—Въ двѣнадцать часовъ я буду въ главной квартирѣ. До свиданія, дай Богъ удачи!

И онъ направился къ двери.

Въ эту минуту вошелъ унтеръ-офицеръ и, отдавая честь, проговорилъ:

— Капитанъ, на аванпостѣ задержанъ, по виду судя, крестьянинъ, довольно подозрительный, который говоритъ, что имѣетъ сообщить вамъ нѣчто важное.

— Хорошо. Привести его сюда... До свиданія, Картамъ,—проговорилъ онъ, протягивая еще разъ руку на прощаніе уходившему старику.

XIV.

Арестованнаго ввели два солдата.

Жанъ Шенъ сѣлъ. Коптящая лампа освѣщала желтымъ, мерцающимъ свѣтомъ эту сцену. Лавердьеръ стоялъ въ тѣни.

— Это васъ арестовали?

— Такъ точно, капитанъ.

— Кто вы такой и зачѣмъ находились вы на дорогѣ въ такое позднее время?

— Капитанъ, большое счастье, что я былъ на дорогѣ именно въ такое время, иначе мнѣ не удалось бы сослужить вамъ службы, оказать вамъ услуги.

— Услуги?

— Я нашелъ на дорогѣ раненаго офицера. Его сбросила лошадь, и онъ сломалъ себѣ ногу. Онъ молилъ о помощи. Конечно, я подошелъ къ нему, чтобы помочь ему. Это былъ офицеръ генеральнаго штаба, онъ былъ въ отчаяніи, что несчастный случай лишалъ его возможности исполнить долгъ. Я обѣщалъ ему исполнить все, что онъ пожелаетъ; онъ передалъ мнѣ письмо, съ просьбою вручить его первому встрѣтившемуся офицеру. Затѣмъ, черезъ минуту, я наткнулся на вашихъ людей, которые не хотѣли ничего слышать и потащили меня... Если бы я могъ это предвидѣть...

— Это письмо при васъ?

— Вотъ оно, капитанъ.

Жанъ Шенъ протянулъ руку, почти не глядя на задержаннаго; лице его было такъ мало видно изъ-подъ полей широкой шляпы, надвинутой безъ затѣй, помужицки, на глаза.

Онъ взялъ конвертъ и увидалъ печать генеральнаго штаба, а также имя генерала Вандама.

— Вы не ошиблись, вы оказали намъ настоящую услугу,— воскликнулъ онъ.

— Очень радъ, капитанъ, я и желалъ этого.

Жанъ Шенъ позвалъ вѣстоваго и сдѣлалъ нужныя распоряженія; разспросивъ о мѣстѣ, гдѣ упалъ офицеръ, онъ отправилъ туда двухъ человѣкъ.

— Капитанъ, не съѣздить ли мнѣ въ Бомонъ на лошади этого крестьянина, я скорѣе буду тамъ?

— Конечно.

И, обращаясь къ Лавердьеру, онъ спросилъ:

— Можете ли вы обождать съ полчаса?

— Извините, капитанъ, но мнѣ необходимо поспѣть къ утру въ Филипвилль.

— Странно,—замѣтилъ солдатъ,—намъ онъ говорилъ, что ѣдетъ въ Валькуръ.

— Вѣдь это же по дорогѣ въ Филипвилль.

— И вѣрно для покупки хмѣля; при немъ вотъ эти игрушки,— замѣтилъ не безъ подозрѣнія солдатъ, кладя на столъ передъ Жаномъ Шеномъ два огромныхъ пистолета, вынутыхъ изъ сѣдла.

До сихъ поръ капитанъ не придавалъ накакого значенія событію. Дѣйствительно, было дико приказаніе задерживать всѣхъ прохожихъ, желающихъ пробраться черезъ границу, для того, чтобы, на сколько возможно, сохранить тайну движенія войскъ.

Но здѣсь являлось обстоятельство иного рода. Крестьянинъ былъ задержанъ на французской землѣ и направлялся въ французскій же городъ. Въ то время Филипвилль принадлежалъ французамъ и былъ занятъ корпусомъ Жерара.

Тѣмъ не менѣе, всегда слѣдуетъ остерегаться ночныхъ бродягъ.

Жанъ Шенъ взялъ пистолеты и сталъ ихъ разсматривать.

— Это пистолеты по уставу, — проговорилъ онъ, — откуда они у васъ?

— Я ихъ нашелъ у себя въ полѣ. Не мало ихъ тутъ валяется.

— Если бы это была правда, эти пистолеты не имѣли бы такого вида, они почти новые, вы говорите неправду.

— Вотъ прекрасно!—воскликнулъ съ гнѣвомъ арестованный.— Я оказываю услугу, поднимаю раненаго, помогаю ему, на сколько возможно, беру на себя порученіе, изъ-за котораго теряю время, и мнѣ еще дѣлаютъ всякія затрудненія,—гдѣ же справедливость?

— Капитанъ, позвольте вамъ доложить... — началъ солдатъ.

— Говори.

— Этотъ человѣкъ совсѣмъ не особенно желалъ оказать услугу. Когда мы ему крикнули: «кто идетъ?» онъ не сейчасъ намъ отвѣтилъ, и если бы только ему удалось сбѣжать, онъ, конечно, сбѣжалъ бы.

Солдаты, какъ уже было замѣчено, сильно сомнѣвались, по предчувствію, что императоръ окруженъ невидимыми врагами. Они сторожили, чуяли измѣну.

Лавердьеръ чувствовалъ, что почва колеблется подъ нимъ; онъ попробовалъ отдѣлаться нахальствомъ.

— Шалишь! Другой разъ меня не поддѣнутъ оказывать помощь... Еще что выдумали... Я хотѣлъ бѣжать! Да развѣ я могъ видѣть часовыхъ? Когда на васъ нападаютъ въ лѣсу со штыкомъ, конечно, это не особенно пріятно. А даже если бы я имѣлъ намѣреніе бѣжать, совсѣмъ было бы не такъ просто. Знаю я лѣса Бомона.

Въ сущности всѣ эти доводы были довольно логичны; но заряженные пистолеты шли какъ-то въ разрѣзъ съ мирною профессіею хмѣлевщика, которую мнимый крестьянинъ присвоилъ себѣ.

— Все это возможно, — замѣтилъ Жанъ Шенъ: — но предосторожность необходима, и если вы истинный патріотъ, то поймете это и подчинитесь необходимости. Вы пробудете на бивуакѣ до утра, затѣмъ вы можете продолжать вашъ путь.

Остаться до утра значило потерять обѣщанную награду за возложенную на него миссію къ генералу Бурмону.

Лавердьеръ быстро приблизился къ Жану Шену и проговорилъ вполголоса:

— Капитанъ, велите выйдти вашимъ людямъ, я бы желалъ переговорить съ вами наединѣ.

— Довольно,—отвѣтилъ строго капитанъ:—мнѣ нѣкогда.

И, обращаясь къ солдатамъ, сказалъ:

— Вы мнѣ за него отвѣчаете. Обращаться съ нимъ хорошо, но при малѣйшей съ его стороны попыткѣ къ бѣгству — пулю ему въ лобъ.

Лавердьеръ въ бѣшенствѣ кусалъ себѣ губы. Днемъ, при свѣтѣ, будетъ еще труднѣе разыгрывать роль мужика. Тогда все пропало: въ такое время подозрѣніе въ шпіонствѣ—смерть.

— Пойдемъ-ка, милый мужичекъ,—проговорилъ одинъ солдатъ, весельчакъ.

— Одна минута. Капитанъ, я уже сказалъ, что имѣю вамъ нѣчто сообщить, вамъ лично.

— Если вы имѣете что передать мнѣ, говорите при нихъ,—замѣтилъ Жанъ Шенъ.

— Я сказалъ... и повторяю, я имѣю нѣчто важное, весьма важное сообщить вамъ безъ свидѣтелей.

Лавердьеръ проговорилъ это твердо, не тянувъ словъ, какъ онъ это дѣлалъ до сихъ поръ, подражая крестьянской манерѣ говорить.

Жанъ Шенъ былъ пораженъ происшедшей перемѣной. Что же это за человѣкъ былъ, наконецъ?

— Хорошо,—согласился онъ.—Пускай два человѣка останутся у наружныхъ дверей, я позову, когда потребуется.

Приказаніе было формальное, тѣмъ не менѣе солдаты переглянулись.

— Капитанъ, эта птица изъ породы гусей, — замѣтилъ одинъ изъ нихъ.

— Вамъ сказано,—сказалъ Жанъ Шенъ:—не разсуждать.

Солдаты вышли недовольные.

— Мы одни,—замѣтилъ Жанъ Шенъ.—Говорите скорѣе, пора кончить эту комедію. Кто вы такой?

— Капитанъ, — началъ Лавердьеръ твердымъ голосомъ, — я шпіонъ.

— Что вы сказали?

— Я шпіонъ, французскій шпіонъ, служащій Франціи. Не думаю, чтобы для человѣка развитаго это признаніе могло быть безчестіемъ.

Онъ говорилъ правду: иногда во время войны шпіонство можетъ быть дѣяніемъ величайшей преданности. Въ Конрадѣ Вален-

родѣ Мицкевичъ воплотилъ именно идеалъ предателя. Но для честныхъ ушей это слово всегда неблагозвучно.

На Жана Шена это открытіе произвело удручающее впечатлѣніе.

— Но что же вы можете здѣсь вывѣдать? — спросилъ онъ.

— Я перебрался съ опасностью жизни черезъ границу, разглядѣлъ позиціи англичанъ и долженъ съ разсвѣтомъ дать отчетъ въ возложенномъ на меня порученіи.

— Кому?

— Генералъ-лейтенанту Жерару. Вотъ отчего я васъ покорнѣйше прошу меня отпустить. Мнѣ не болѣе трехъ часовъ до Филипвилля.

Уже нѣсколько минутъ звукъ этого голоса, на который Жанъ Шенъ сперва не обратилъ вниманія, казался ему чрезвычайно знакомымъ. Гдѣ могъ онъ его слышать?

Онъ всталъ, взялъ лампу и освѣтилъ лице Лавердьера.

Онъ внимательно его разсматривалъ и вдругъ вспомнилъ.

— Агентъ Фуше!

Лавердьеръ вздрогнулъ.

— Вы меня знаете?

— Да, я тебя знаю, негодяй! — воскликнулъ Жанъ Шенъ. — Развѣ ты забылъ, двѣ недѣли назадъ, улица Epéron, какимъ низкимъ дѣломъ ты былъ тамъ занятъ?

Улица Epéron! Въ суматохѣ Лавердьеръ разглядѣлъ тамъ только своего прямаго противника, проклятаго виконта де-Лориса. О другихъ онъ и не безпокоился, такъ какъ не собирался доводить до конца дѣло, въ которомъ онъ не имѣлъ никакого личнаго интереса.

Но напоминаніе Жана Шена заставило его сдѣлать усиліе надъ памятью.

— Въ улицѣ Epéron! — проговорилъ онъ. — Весьма возможно, васъ зовутъ капитаномъ Жаномъ Шеномъ. Признаюсь, я не узналъ васъ. Но скажите на милость, въ чемъ вы меня обвиняете? Не все ли равно, солдатъ ли арміи или солдатъ полиціи—и тотъ и другой обязанъ исполнять данное ему приказаніе. Мнѣ было приказано васъ арестовать, я повиновался. Я исполнялъ мой долгъ. Но въ сущности это разъясняетъ положеніе вещей. Каково бы ни было ваше мнѣніе обо мнѣ, разъ, что вы знаете, кто я и кому я служу, у васъ нѣтъ причины къ задержанію меня. Каждый служитъ Франціи и императору посвоему. Между тѣмъ, задерживая меня, вы наносите вредъ весьма серьезному дѣлу, дѣлу, которое вы сами отстаиваете. Я ѣду изъ Ата по пути въ Гандъ. Я многое видѣлъ и многое мнѣ извѣстно. Вы меня извините, если я не скажу ничего болѣе. Мы, шпіоны, тоже умѣемъ быть сдержанны. Я поддался чувству состраданія, поднялъ раненаго офицера, сдѣлалъ цѣлый крюкъ, чтобы доставить депешу, которую этотъ несчастный не могъ доставить лично, я былъ задержанъ слишкомъ рьяными

часовыми, которымъ я отъ всей души прощаю; но вы сами видите, что все это сдѣлано по недоразумѣнію, и надо поскорѣе исправить ошибку. Надѣюсь, что теперь у васъ не можетъ быть никакого основанія задерживать меня.

— Зачѣмъ назвали вы себя вымышленнымъ именемъ, зачѣмъ присвоили себѣ вымышленную профессію?

— Первая обязанность шпіона не сознаваться никому, что онъ занятъ шпіонствомъ, а тѣмъ болѣе передъ такими первобытными людьми, которые въ этомъ ровно ничего не смыслятъ въ нашей профессіи, ложь является долгомъ.

— Даже тогда, когда она безполезна?

— Дѣло привычки, если хотите.

Теперь онъ говорилъ уже повелительнымъ тономъ, онъ ухватился, какъ за соломинку, за то, что судьба свела его съ человѣкомъ, которому было извѣстно, къ какой деликатной профессіи онъ принадлежалъ. И онъ прибавилъ:

— Я не думаю, чтобы Жанъ Шенъ поставилъ какіе нибудь личные счеты выше интересовъ страны.

Ловкая шельма! Этотъ ударъ долженъ былъ попасть вѣрно.

Жанъ Шенъ, однако, раздумывалъ. Агентъ Фуше — развѣ это ручательство за истину? Правда, онъ видѣлъ этого человѣка при исполненіи его обязанности, онъ не могъ отречься, что принадлежитъ къ полицейскому міру, подвластному герцогу Отрантскому, но даже увѣренность въ этомъ, вопреки всякой логики, увеличивала его сомнѣнія.

— Да, агентъ въ Парижѣ,—замѣтилъ онъ,—но гдѣ доказательства, что вы пробрались на непріятельскую территорію для исполненія тѣхъ же обязанностей? Повторяю, что всѣ предосторожности должны быть приняты. Если вы, дѣйствительно, по дѣламъ службы, то при васъ должно быть какое нибудь доказательство того, приказаніе, разрѣшеніе.

«Прекрасно, — подумалъ Лавердьеръ, — онъ самъ себѣ портитъ дѣло... Ловко я вывернулся».

— Вы говорите—приказаніе, разрѣшеніе, бумаги, но вы забываете, капитанъ, что именно въ странѣ непріятеля, имѣя при себѣ такого рода доказательство, рискуешь быть разстрѣляннымъ.

— Разъ, что вы не можете представить мнѣ удостовѣренія вашей личности, на какомъ основаніи могу я вамъ повѣрить?

— Повѣрьте мнѣ на слово.

— Вы, кажется, забываетесь?

«О, какъ за все это тебѣ воздастся!»—подумалъ Лавердьеръ.

— Капитанъ,—сказалъ онъ,—придетъ время, когда вы пожалѣете о вашемъ поведеніи. Армія безъ шпіоновъ—это корпусъ безъ развѣдчиковъ... презрѣніе тутъ неумѣстно.

— Пожалуйста, безъ фразъ, дайте мнѣ доказательство, что вы не лжете, и вы свободны.

— Дайте мнѣ въ этомъ слово.

— Даю.

— Какъ только я представлю вамъ доказательство, я могу ѣхать?

— Я не имѣю привычки повторять.

— Еще одно условіе. Если потребуется, удостовѣрите ли вы, что я открылъ, кто я, потому что былъ къ тому вынужденъ, принужденъ.

— Кому?

— Герцогу Отрантскому, который велитъ намъ быть лучше разстрѣлянными, чѣмъ выдать себя; конечно, по отношенію къ французамъ это нѣсколько иначе.

— Объ этомъ не тревожьтесь.

Если Лавердьеръ пустился въ такія долгія объясненія, то потому, что онъ надѣялся, что какой нибудь непредвидѣнный случай еще выведетъ его изъ того безвыходнаго положенія, въ какое онъ попалъ.

Его особенно тревожила одна мысль. Не расчитывая, что ему придется предъявлять свой пропускъ французамъ или политическимъ противникамъ, онъ, мечтавшій о своемъ прежнемъ имени, о своемъ дворянскомъ происхожденіи, надѣясь выиграть, благодаря этому документу, за оказанную услугу партіи роялистовъ, онъ въ первый разъ послѣ столькихъ лѣтъ сказалъ свое настоящее имя агенту короля и просилъ его прописать его цѣликомъ.

Въ настоящее время, когда ему пришлось сознаться въ неособенно почетномъ званіи шпіона Фуше, онъ весьма желалъ бы сохранить за собою имя Лавердьера, котораго никакое новое пятно не могло сдѣлать болѣе грязнымъ.

Но Жанъ Шенъ, очевидно, терялъ терпѣніе: озлобленіе за ловушку въ Парижѣ могло привести его къ какому нибудь неблагопріятному рѣшенію; надо было рѣшаться.

Раскрывъ блузу, Лавердьеръ досталъ спрятанную на груди бумагу.

— Вотъ мой пропускъ,— сказалъ онъ,— предоставляю судить вамъ самимъ, въ порядкѣ ли онъ.

Жанъ Шенъ взялъ бумагу.

Онъ нагнулся къ лампѣ, развернулъ листъ, на которомъ были штемпель министерства полиціи и подпись Фуше.

«Пропустить именующаго себя»...

Жанъ-Шенъ вдругъ вскрикнулъ въ ярости, стукнувъ кулакомъ по столу:

— Гюберъ де-Кейразъ!—вскричалъ онъ внѣ себя отъ бѣшенства:—отъявленный мерзавецъ, разбойникъ!

И, схвативъ пистолетъ, который лежалъ по близости, онъ приставилъ дуло къ самой груди шпіона.

Лавердьеръ бывалъ храбръ въ такія минуты. Но онъ рѣшительно не могъ понять, что случилось. У него стало энергіи не выйдти изъ своей роли.

— Меня ждутъ въ Филиппвиллѣ,—замѣтилъ онъ холодно.

Жанъ Шенъ не спускалъ курка. Его удерживала не фраза Лавердьера, которой онъ не слыхалъ, не нерѣшительность убить, совершить это дѣяніе правосудія, нѣтъ! но удивленіе, смѣшанное съ отвращеніемъ. Этотъ человѣкъ, этотъ предатель, этотъ мерзавецъ, который былъ въ его власти, былъ убійцею его жены!

— Говори... — проговорилъ онъ задавленнымъ голосомъ, — но клянись жизнью, что ты скажешь истину.

Лавердьеръ удивлялся, что онъ еще живъ.

— Что вы хотите знать?

Жанъ Шенъ сорвалъ съ себя съ ожесточеніемъ офицерскій знакъ, онъ задыхался.

— Я не могу... говори, Гюберъ де-Кейразъ, прозывался ли ты прежде «Истребителемъ Синихъ»?

Не время было вывертываться. Приходилось выбирать между жизнью и смертью. Лучше было скорѣе покончить.

— Да, прозывался,—сказалъ Лавердьеръ.

— Разбойникъ... Значитъ, это ты въ 1800... говори... я тебя не убью еще... Гдѣ ты былъ въ декабрѣ 1800 года? Но не ври, не ври!

— Я былъ въ Бретани, принадлежалъ къ шуанской партіи.

— Былъ ли ты въ окрестностяхъ Редона?

— Да, былъ.

— Помнишь ли ты, о, отъявленный мерзавецъ, будучи во главѣ шайки убійцъ, ты напалъ на уединенный домъ, ты поджегъ его, ты совершилъ убійство неподалеку отъ бурга Ландонъ. Да говори же, говори же, наконецъ!

Лавердьеръ былъ блѣденъ, какъ смерть. Теперь онъ зналъ, за что этотъ человѣкъ хочетъ его убить. Да, онъ дѣйствительно поджегъ этотъ домъ, съ отчаянія, когда онъ и его люди не нашли въ немъ никакихъ драгоцѣнностей. Молчать, врать—къ чему? Правда такъ и душила его, захватывала его всего. Ну, что же? если конецъ — тѣмъ хуже! Не въ первый разъ приходилось ему смотрѣть смерти прямо въ глаза, и всегда она отъ него уходила. Можетъ быть, и на этотъ разъ будетъ то же самое.

Онъ какъ будто колебался еще съ минуту. Затѣмъ Лавердьеръ, не опуская глазъ, отвѣтилъ:

— Да, все это было сдѣлано:.. То было время войны.

Жанъ Шенъ заскрежеталъ зубами и направилъ ему пистолетъ въ лобъ.

Лавердьеръ продолжалъ:

— Вы хотите убить меня... За что? Вѣрно, личная месть... Я васъ не знаю. Если я ограбилъ вашъ домъ, то сдѣлалъ это, не подозрѣвая, что онъ вашъ. Вы встрѣчаетесь со мной черезъ 15 лѣтъ. Вы—солдатъ, я—шпіонъ. Я собралъ свѣдѣнія и везу ихъ моему начальству; благодаря имъ, французы могутъ одержать побѣду. Если вы размозжите мнѣ голову, эти свѣдѣнія останутся неизвѣстными, и вы будете причиною катастрофы. Подумайте, что вы берете на себя; если вамъ нужна моя жизнь, вы можете отнять ее у меня во всякое время, послѣ ли побѣды, или пораженія, она всегда въ распоряженіи дула вашего пистолета, а затѣмъ стрѣляйте.

Жанъ Шенъ слушалъ. Капли холоднаго пота выступили у него на вискахъ.

Съ виду покойный, поблѣднѣвшій до корней волосъ, Лавердьеръ имѣлъ еще силу говорить.

— Я не знаю, кто вы, какое дѣло до меня, до васъ, когда рѣчь идетъ о высшемъ долгѣ; въ послѣдній разъ я, разбойникъ, какъ вы меня назвали, шпіонъ, напоминаю вамъ о вашей обязанности солдата, вы мнѣ дали слово, я требую того, что мнѣ было обѣщано, затѣмъ я умолкаю.

Жанъ Шенъ простоялъ съ минуту неподвижно, съ устремленнымъ взоромъ на злодѣя.

Затѣмъ онъ опустилъ оружіе, подошелъ къ двери и сказалъ солдатамъ:

— Человѣкъ этотъ свободенъ, пропустите его.

XV.

Въ одномъ уголкѣ земнаго шара, величиной едва въ квадратный метръ, за столомъ сидитъ человѣкъ, съ перомъ въ рукѣ, онъ пишетъ по строчкѣ въ двѣ секунды и подписываетъ свое имя.

Сдѣлано. У смерти есть свое слово. Онъ далъ ей его. Кто побѣдитъ? Кому умереть? Надъ этимъ стоитъ зловѣщій вопросительный знакъ.

По всей линіи отъ Самбрэ до Филипвилля летаютъ, пересѣкаются приказанія.

Налѣво между Leers-Fosteau и Sobre-sur-Sambre — 45 тысячъ войска: первый корпусъ подъ командою Друэ д'Эрлонъ, солдата Sambre-et-Meuse и Цюриха, съ Аликсомъ Донзело, который управлялъ Іоническими островами, Дюрнетъ, въ прошломъ году спасшій Мецъ, Жакино, раненный подъ Іеною; второй корпусъ подъ командою Рейлля, который только что женился на дочери Массены, съ Башело Гильемономъ, другомъ Моро, Ришаромъ Фуа, который вотировалъ противъ имперіи. Въ центрѣ, отъ Бомона до

Валькура—60,000 войска; третій корпусъ Вандамма, которому всероссійскій императоръ вернулъ изъ уваженія къ его храбрости шпагу, когда тотъ былъ взятъ въ плѣнъ. Лефоль, Гюберъ, которые, по одному противъ десяти, отбросили испанцевъ въ Каркаджентѣ; Бертезэнъ, Домонъ, который отдѣлился отъ измѣнника Мюрата; шестой корпусъ Лобау, этого льва подъ видомъ овцы, какъ сказалъ про него Наполеонъ, съ Симмеръ, Жаннэнъ, Тестомъ.

Съ права 15 тысячъ войска, до самаго Филипвилля, съ генералъ-лейтенантомъ Жераромъ во главѣ, героемъ Баутцена, съ нимъ Пешё, бывшій капитанъ волонтеровъ въ 1792 году, Морэнъ Бурмонъ.

Около императора императорская гвардія, гренадеры Фріана, егеря Морана, стрѣлки Дюгема, Гюйо со своими драгунами, Лефебвръ Денуэтъ съ вольтижерами, Груши, Сультъ съ своими гусарами, Сюберви, Эксельманъ и Келлерманъ съ кирасирами.

Сто двадцать восемь тысячъ войска, триста тридцать четыре орудія. Всѣмъ этимъ Наполеонъ руководилъ штрихомъ пера, точно костями, которыя бросаютъ на зеленое сукно судьбы.

Отъ двухъ концовъ этой линіи слѣдуетъ провести еще двѣ линіи, которыя бы встрѣтились у Шарлеруа, затѣмъ на верху этого треугольника вывести параллель. Здѣсь отъ Атъ до Ганда и Намура—непріятель.

Налѣво англичане съ бельгійскимъ контингентомъ, Веллингтонъ, принцъ Оранскій, Гилль, Брауншвейгъ, Уксбтиджъ, Сомерсетъ, Понсонби. Направо—прусская армія—Блюхеръ, Цитенъ, оба Пирхъ, Тильманъ, Бюловъ. Слѣва сто тысячъ человѣкъ, справа сто двадцать пять тысячъ.

Вершина треугольника есть точка соединенія: эта фигура какъ нельзя лучше изображаетъ планъ Наполеона, онъ хотѣлъ войдти угломъ въ обѣ арміи, разъединить ихъ, разбить каждую отдѣльно, прежде чѣмъ другая поспѣетъ на помощь, затѣмъ направиться прямо на Брюссель, гдѣ, гордясь побѣдою, начать переговоры о мирѣ... Можетъ быть, и удастся!

Слѣдовательно, требовалось, чтобы на французской линіи три группы одновременно двинулись; лѣвая — наискосокъ вправо, правая—влѣво, центральная—прямо впередъ. На разстояніи нѣсколькихъ четвертей часовъ Шарлеруа являлся общею цѣлью, и всѣмъ тремъ корпусамъ предстояло одно направленіе.

Прокламація императора всѣхъ пріободрила, подогрѣла злобу всѣхъ. Своимъ простымъ языкомъ, безъ прикрасъ, короткими фразами онъ, какъ лезвіемъ, проникъ въ сердце солдатъ.

Наполеонъ напомнилъ имъ о дерзкихъ пруссакахъ: «Подъ Іеною вы были одинъ противъ двухъ».

Объ англичанахъ словами: «Кто былъ у нихъ въ плѣну, пусть вспомнитъ о понтонахъ!»

Клеймя коалицію, пожирающую людей, онъ воскликнулъ:

«Насталъ моментъ для каждаго француза, у котораго есть сердце, побѣдить или умереть».

Совершенно вѣрно: отъ Самбры до Мёзы, пробуждая эхо великой эпохи, раздавался одинъ кличъ, кличъ энергіи, гнѣва, надежды.

Вся слава прежнихъ дней, начиная отъ Флёруса до Аркола, отъ Аустерлица до Шампобера, предстала, витала надъ этими людьми, которые тоже понимали, что надо побѣдить или умереть.

Только въ одномъ мѣстѣ всей длинной атакующей линіи сожгли смѣясь, въ пламени пунша, прокламацію Бонапарта.

Веселая компанія офицеровъ, вѣроятно, клюкнувшихъ шампанскаго болѣе, чѣмъ слѣдовало, собралась внизу, въ комнатѣ подъ квартирою генерала Бурмона, въ домѣ, который еще 30 лѣтъ назадъ показывали по пути отъ Корбиньи въ Филипвилль, всю ночь весельчаки офицеры болтали и смѣялись надъ прокламаціею, которая, по ихъ мнѣнію, была преисполнена самохвальства.

Это были адъютанты д'Андинье, де-Треланъ,—имена, которыя не слѣдуетъ забывать, затѣмъ офицеры разныхъ чиновъ—Тремовиль, Трезекъ, Водеваль, Гишемонъ—цвѣтъ французской молодежи, самому старшему не было тридцати лѣтъ.

Было три часа утра.

Въ окна уже сквозилъ дневной свѣтъ, отъ котораго пламя свѣчей, отражавшееся въ хрусталѣ, казалось желтымъ, тусклымъ.

Столъ походилъ на поле сраженія, на которомъ побѣжденныя, жалкія, пустыя бутылки тѣснились тѣсными группами.

— Что-то, господа,—проговорилъ Тремовиль,—запоздалъ сигналъ къ выступленію. Мы, по крайней мѣрѣ, въ четвертый разъ пьемъ прощальный кубокъ, а до сихъ поръ не слыхать сигнала сѣдлать коней.

Въ эту минуту Гишемонъ, уходившій за справками, вернулся.

— Повидимому, день начинается дурно,—началъ онъ смѣясь.— Третій корпусъ отсталъ, движеніе совершается плохо, сейчасъ прислана эстафетта, которую ожидалъ генералъ Бурмонъ, каковы-то вѣсти!

— Чортъ съ нимъ, съ третьимъ корпусомъ и съ Вандамомъ!— воскликнулъ Трезекъ.—Намъ бы уже полчаса какъ слѣдовало быть въ дорогѣ.

— А главное,—замѣтилъ Гишемонъ:—за нами дивизіонъ, который не настигнетъ насъ ранѣе трехъ, четырехъ часовъ.

— Все та же безпечность!

— Когда имѣешь дѣло съ самомнѣніемъ, не допускающимъ никакихъ опасеній.

— Отвратительная организація.

— Бонапартъ слабѣетъ.

— Скажите, падаетъ.

Настало молчаніе.

Вошелъ генералъ Бурмонъ въ полной парадной формѣ.

Всѣ привѣтствовали его повоенному.

Онъ былъ не одинъ.

— Господа,—проговорилъ онъ,—извѣстія, которыхъ я ждалъ, получены, благодаря усердію одного изъ преданныхъ намъ людей, господина Губерта де-Кейразъ, бретонскаго дворянина древняго рода, который оказалъ серьезныя услуги нашему дѣлу,—представляю его вамъ, господа.

Лавердьеръ былъ теперь въ мундирѣ генеральнаго штаба.

Молодые люди протянули ему руки.

— Вы изъ нашихъ, мсьё де-Кейразъ. — Трезекъ налилъ стаканъ и поднесъ его генералу Бурмону со словами:

— Позвольте намъ выпить, ваше превосходительство, за ваше здоровье.

Графъ Бурмонъ былъ въ то время лѣтъ сорока двухъ, высокій, худой, съ англійскими манерами, говорилъ тихо, съ оттѣнкомъ грусти въ голосѣ, его сѣрые глаза, обрамленные свѣтлыми рѣсницами, не смотрѣли прямо.

— Господа,—произнесъ онъ серьезно,—выпейте лучше за благоденствіе Франціи...

— И за ваши побѣды, генералъ,—прибавилъ кто-то взволнованнымъ голосомъ.

Вошелъ виконтъ Лорисъ, сіяющій, свѣжій, прелестный, въ своей формѣ поручика. При его словахъ у многихъ на лицахъ появилась усмѣшка. Онъ не обратилъ на это вниманія.

— Такъ бы хотѣлось поскорѣе выступить,—продолжалъ онъ:— я не созданъ для гарнизонной службы.

— Иначе сказать,—замѣтилъ Тремовиль,—мсьё Лорисъ фантазеръ, которому нужны или уединеніе, или волненія битвы. Отчего это, милый другъ, вы обошлись съ нами такъ строго? Вмѣсто того, чтобы запереться въ своей комнатѣ и писать посланія въ риемахъ какой нибудь Хлорисѣ, вамъ бы слѣдовало отпраздновать съ нами нашъ отъѣздъ.

— Что дѣлать, Тремовиль, наканунѣ битвы самъ Цезарь крѣпко спалъ, а я не Цезарь, и сонъ у меня еще лучше.

Разговоръ этотъ происходилъ въ полголоса.

Бурмонъ разговаривалъ съ своими адъютантами.

Что касается вновь пришедшаго, онъ подошелъ къ окну и упорно смотрѣлъ въ него. Въ городѣ раздались трубные звуки.

Бурмонъ обратился къ молодымъ людямъ:

— Господа,—проговорилъ онъ,—насталъ часъ. Ожидайте меня у воротъ Вобана.—Онъ остановился и прибавилъ медленно:

— Понятно, господа, что я никого не обязываю слѣдовать за мною.

При этой загадочной фразѣ, тайный смыслъ которой былъ непонятенъ Лорису, послѣдній воскликнулъ:

— Кто же можетъ колебаться? Тамъ, гдѣ вы будете, генералъ, тамъ будетъ и мѣсто чести.

Бурмонъ послалъ ему привѣтъ рукою, точно благодаря его, затѣмъ проговоривъ: до скораго свиданія, господа,—онъ вышелъ.

— Прекрасно сказано,—замѣтилъ Тремовиль, протягивая руку Лорису.—Я зналъ, что мы можемъ на васъ расчитывать.

— Неужели вы могли сомнѣваться во мнѣ?—спросилъ Лорисъ:—я могъ колебаться въ принятіи предложеннаго мнѣ мѣста по причинамъ, которыя достаточно выяснилъ, но я знаю въ настоящее время, въ чемъ моя обязанность.

— Кстати,—замѣтилъ Тремовиль,—не мѣшаетъ намъ поближе познакомиться съ нашимъ новымъ товарищемъ, ярымъ роялистомъ, котораго намъ представилъ генералъ Бурмонъ—мсьё Гюберъ де-Кейразъ.

И, подойдя къ новому гостю, онъ любезно притянулъ его за руку.

Лавердьеру нё везло. Надо же, чтобы опять и въ новомъ своемъ превращеніи онъ наткнулся на одного изъ самыхъ своихъ нелюбезныхъ противниковъ.

Тѣмъ не менѣе, сегодня онъ былъ готовъ на всякій рискъ, сегодня смѣлость положительно выручала его, и онъ преспокойно раскланялся съ Лорисомъ, смотря ему прямо въ глаза.

— Кто такой? Зачѣмъ онъ здѣсь?—воскликнулъ Лорисъ, хватаясь за шпагу.

— Меня зовутъ Гюберъ де-Кейразъ—проговорилъ авантюристъ.—Я имѣю честь состоять при штабѣ генерала Бурмона.

— Быть не можетъ!—воскликнулъ Лорисъ.—Господа, генералъ Бурмонъ, вѣроятно, обманутъ. Мы не можемъ принять этого человѣка въ свои ряды.

— Другъ мой!.. вмѣшался Тремовиль.

— Да вы, вѣроятно, не знаете... Это отъявленный негодяй, шпіонъ Фуше, котораго я уже проучилъ порядкомъ. Взгляните, на его лицѣ сохранились еще слѣды моей шпаги,—и въ припадкѣ гнѣва Лорисъ бросился съ обнаженною шпагою на Лавердьера. Д'Андинье и Треланъ стали между ними.

— Мсьё Лорисъ,—замѣтилъ первый съ раздраженіемъ въ голосѣ,—вы забываете, гдѣ вы и съ кѣмъ вы говорите. Какъ старшій, я вамъ приказываю вложить вашу шпагу въ ножны, или я долженъ буду подвергнуть васъ взысканію дисциплинарнымъ порядкомъ.

— Развѣ вы не слыхали меня?—настаивалъ Лорисъ:—этотъ че-

ловѣкъ чуть не убилъ меня; я его знаю, я самъ видѣлъ, какъ онъ командовалъ полицейскою шайкою Фуше.

— Извините, господа,—прервалъ Лавердьеръ съ полнымъ хладнокровіемъ:—тутъ недоразумѣніе, которое выяснять въ настоящую минуту я не желаю. Я былъ избранъ моимъ начальствомъ, моимъ настоящимъ начальствомъ, для исполненія нѣкоторыхъ весьма деликатныхъ обязанностей, которыя я выполнилъ съ честью. Г-нъ виконтъ Лорисъ не зналъ этихъ подробностей. За исключеніемъ нѣсколькихъ рѣзкихъ выраженій, которыхъ я бы не оставилъ безъ послѣдствій, если бы въ данное время личное самоотреченіе не было обязательно, я понимаю и извиняю то недоразумѣніе, о которомъ я желаю умолчать.

— Какъ? Вы рѣшаетесь говорить это?—воскликнулъ Лорисъ.

— Виконтъ, еще разъ напоминаю о дисциплинѣ и о повиновеніи,—замѣтилъ строго капитанъ генеральнаго штаба.—Вы забываете, что мсьё де-Кейразъ былъ представленъ намъ генераломъ Бурмономъ. Полагаю, что это для васъ достаточное ручательство.

Лорисъ окинулъ всѣхъ взглядомъ; никто не сочувствовалъ ему. Напротивъ, на всѣхъ лицахъ было видно скорѣе неодобреніе.

Рѣзкимъ движеніемъ онъ спряталъ шпагу въ ножны.

— Прекрасно. Конечно, не въ виду непріятеля я подамъ примѣръ непокорности.

И онъ прибавилъ съ дурно скрытой ироніей:

— По приказанію, я признаю мсьё де-Кейразъ человѣкомъ безупречной честности... но мои личные счеты съ капитаномъ Лавердьеремъ я откладываю до другаго раза.

И, не дожидаясь отвѣта, онъ повернулъ ему спину.

— Теперь на коня, милѣйшій Лорисъ, — проговорилъ Тремовиль, фамильярно взявъ его подъ руку. — Вотъ горячка-то вы! Какъ видно, вы никогда не уразумѣете политики, какъ вамъ это недавно сказала г-жа де-Люсьенъ.

— Не думаю, чтобы г-жа де-Люсьенъ имѣла дѣло съ подобными людьми,—замѣтилъ Лорисъ.

Онъ вдругъ замолкъ. Онъ вспомнилъ, что видѣлъ, какъ этотъ самый человѣкъ разговаривалъ тихо съ Региной и кланялся ей.

Онъ провелъ рукой по лбу.

— На коней!—проговорилъ онъ.—Въ эту минуту не хочу думать ни о чемъ, кромѣ исполненія долга.

Черезъ минуту офицеры штаба генерала Бурмона были на лошадяхъ.

За ними слѣдовалъ конвой егерей верхами.

— Впередъ, господа!—скомандовалъ генералъ Бурмонъ.

И изъ открытой потерны кавалькада понеслась рысью.

Сзади слышались сигналы горнистовъ, которые отдавались въ старыхъ укрѣпленіяхъ Вобана.

Четвертый корпусъ двигался. Съ возвышенности было видно по бѣлымъ дорогамъ, среди полей, вытянувшееся войско.

Лорисъ слѣдовалъ за офицерами. Утренній воздухъ обдувалъ его лице, освѣжалъ ему голову. Онъ чувствовалъ себя какъ нельзя лучше.

За послѣднія двѣ недѣли, ему казалось, онъ живетъ какъ во снѣ.

Правда, его поддерживала, пріободряла мысль о счастьѣ, о любви.

Вспомнимъ, что, къ удивленію своему, онъ узналъ отъ аббата Блашъ, по выходѣ изъ консьержери, о внезапномъ отъѣздѣ г-жи де-Люсьенъ.

Для молодаго любящаго сердца подобныя вещи—настоящее горе.

Онъ отправился на Champ de Mai съ тайною надеждою ее тамъ увидѣть. Регины тамъ не было.

Какъ Лорисъ проклиналъ себя за послушаніе! Какою глупостью называлъ онъ слабость, которая допустила его принять предложенное ему званіе, изъ-за котораго онъ лишился свободы! Онъ былъ плѣнникомъ; онъ не могъ слѣдовать по слѣдамъ той, которую любилъ.

Одна мысль утѣшала его: да, онъ связалъ себя, но вѣдь онъ можетъ и вернуть свою свободу. Стоитъ только подать въ отставку: дѣло двухъ строчекъ. Онъ ихъ напишетъ послѣ смотра. Развѣ онъ не имѣетъ права получить обратно свою независимость?

Офицеры генеральнаго штаба сгруппировались на эстрадѣ, напротивъ «Ecole militaire», и хоры военной музыки привѣтствовали трубными звуками знамена, яркіе цвѣта которыхъ, залитые іюньскимъ солнцемъ, ослѣпляли; затѣмъ звонкіе голоса декламировали въ восторженныхъ прозопопеяхъ, въ униссонъ, величіе, надежды отчизны.

Заговорилъ Наполеонъ.

Въ первый разъ Лорисъ видѣлъ въ лице ненавистнаго корсиканца.

Ему показался онъ такимъ обрюзглымъ, безцвѣтнымъ, толстымъ, приземистымъ.

Императоръ выпрямился: его черты, освѣщенныя солнцемъ, на которыхъ отражалось золото и сталь, приняли неровности медали.

Лорисъ слушалъ.

Раздавались слова: отчизна, жертва, непомѣрное усиліе. Они звучали точно звуки рожка. Затѣмъ калейдоскопъ мундировъ, лошадей, несущихся въ галопъ, пѣхотинцы, шедшіе мѣрнымъ шагомъ въ тактъ, точно боевыя машины, а надо всѣмъ этимъ стоялъ гулъ радостныхъ криковъ, точно прорывался въ голубое небо и уносилъ въ безконечное пространство молитву Франціи.

Лорисъ былъ молодъ, въ немъ было то простодушіе, которое легко переходитъ въ энтузіазмъ. Между его душой и этой толпой

точно родилась какая-то связь, и онъ не чувствовалъ къ ней презрѣнія, къ этой толпѣ, являвшейся ему въ единеніи силы и величія. Всеобщая мысль надъ нимъ витала, точно густая туча, изъ которой патріотизмъ дождемъ ниспалъ ему въ сердце, въ умъ.

Когда онъ услыхалъ голосъ Картама, когда въ ряды колеблющихся упала первая вѣтка омелы изъ рукъ Марсели, Лорисъ почувствовалъ, что уста его разверзаются. И онъ тоже воскликнулъ: «Да здравствуетъ императоръ! Да здравствуетъ Франція!» Ему стало ясно понятіе о долгѣ, объ опасности, о національной оборонѣ. Развѣ онъ не офицеръ? Развѣ онъ не имѣетъ права поднять шпагу на враговъ отечества, на чужеземцевъ,—слово, впервые являвшееся ему въ опредѣленномъ значеніи.

Онъ чувствовалъ, что понятіе о настоящей чести распустилось въ его сердцѣ подобно цвѣтку, отъ могучаго жара, распространившагося изъ грудей сотни тысячъ французовъ.

Когда церемонія окончилась, Лорисъ гордился своимъ званіемъ, гордился возложенными на него обязательствами. Дѣло шло не объ императорѣ, не о Бонапартѣ, не объ узурпаторѣ. Картамъ сказалъ вѣрно: Отечество въ опасности!... Онъ поспѣшилъ домой, чтобы поскорѣе приготовиться къ отъѣзду.

Дома онъ нашелъ записку.

Передъ отъѣздомъ Регина де-Люсьенъ черкнула ему строчку: «Я исполняю мой долгъ, вы исполняйте вашъ. Non sibi, sed regi! Досвиданія!».

Лорисъ безумно цѣловалъ записку; она не забыла о немъ, она не покидала его; этими нѣсколькими словами она соединяла ихъ судьбы въ одну миссію мужества и преданности. Марсель бросила ему вѣтку омелы, Регина тоже прислала ему талисманъ.

Марсель! Регина! Онъ соединялъ оба эти имени, онъ произносилъ ихъ, какъ произносятъ имя сестры и жены. Обѣ повелѣвали ему исполнить долгъ; конечно, онъ не спасуетъ. Non sibi, sed Franciae! Развѣ король и Франція—не два выраженія одной мысли? Король ожидалъ, чтобъ ему вернули Францію свободною, побѣдоносною. Долгомъ было возвратить ему неприкосновеннымъ это его достояніе, которое находилось подъ охраною. Лорисъ выступалъ, увѣренный въ себѣ, готовый на всякое содѣйствіе, на всякую жертву.

Если ему суждено умереть, неужели онъ не заслужитъ ни одной слезы Регины, неужели Марсель не пожалѣетъ о немъ?

И теперь, на Бельгійской дорогѣ, подъ командою генерала Бурмона, котораго Лорисъ считалъ за героя, онъ тихонько называлъ эти оба имени.

Онъ былъ счастливъ.

Онъ жаждалъ опасностей, ему хотѣлось битвъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ находился въ корпусѣ генерала Бур-

мона, легкомысленное отношеніе къ дѣлу его сотоварищей, если не оскорбляло, то, всетаки, задѣвало его, но въ сущности, что значили шутки по отношенію къ Бонапарту? Развѣ можно было ихъ упрекать, что они любили только Францію и своего короля?

Въ огнѣ они съумѣютъ умереть, какъ самые заслуженные солдаты. Для того, чтобы быть хорошими солдатами, совсѣмъ не требуется быть старыми ворчунами.

Генеральный штабъ несся въ галопъ, впереди всѣхъ генералъ-лейтенантъ, съ развѣвающимися бѣлыми перьями, напоминающими собою историческій султанъ Генриха IV. Съ полузакрытыми глазами Лорисъ уносился мысленно въ прошлое и представлялъ себѣ то великое рыцарство, тѣ наивныя жертвы человѣчества идеѣ справедливости.

Въ физическомъ движеніи есть своего рода упоеніе. Небо было ясное, солнце весело улыбалось. На душѣ у него было такъ отрадно, онъ гордился, что живетъ, что имѣетъ свое мѣсто, какъ бы оно ни было незначительно, въ великомъ событіи, которое онъ предчуствовалъ.

Продолжали ѣхать.

Филипвилль остался позади; всадники, спустившись въ долину, въѣхали въ узкій проходъ между двухъ каменныхъ скалъ.

Куда направлялись? Лорисъ не задавалъ себѣ этого вопроса. Онъ слѣдовалъ за командиромъ, расчитывая, что каждую минуту можетъ услыхать: «стой!» или «впередъ!», что̀ было сигналомъ битвы. Въ двухъ шагахъ отъ него были Тремовиль, Трезекъ.

Гдѣ-то Лавердьеръ? Но онъ не искалъ его. Только бы хорошенько дрался, а тамъ что Богъ дастъ.

Прошло четверть часа, затѣмъ еще полчаса. Дорога съузилась. Ѣхали по двое въ рядъ; казалось, прибавили ходу, вѣроятно, желая скорѣе встрѣтиться съ непріятелемъ.

За всадниками — конвой, среди котораго на пикѣ развивался трехцвѣтный значекъ.

Вдругъ пейзажъ измѣнился.

Изъ ущелья выбрались, впереди равнина, дорога перекрещивалась.

Вурмонъ остановился. Генеральный штабъ подъѣхалъ къ нему и окружилъ его.

Лорисъ замѣтилъ, что Вурмонъ былъ чрезвычайно блѣденъ.

Вѣроятно, тамъ, на поворотѣ, за первыми деревенскими лачужками, которыя виднѣлись, должна произойдти встрѣча съ непріятелемъ. Вѣроятно, сейчасъ раздадутся первые залпы.

Вурмонъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ мимо офицеровъ штаба, къ конвою.

Онъ знакомъ подозвалъ командовавшаго.

— Капитанъ, — сказалъ онъ, — возвращайтесь назадъ, вы мнѣ болѣе не нужны.

Тотъ, къ кому онъ обратился, былъ старый воинъ со шрамами на лицѣ. Онъ не двигался.

— Генералъ, — спросилъ онъ, — такъ ли я понялъ ваше приказаніе?

— Да, возвращайтесь въ Филипвилль.

— Мы на границѣ.

— Я знаю, отправляйтесь.

Капитанъ взглянулъ на Бурмона, его губы зашевелились, но онъ промолчалъ; приказаніе было опредѣленное.

Онъ поднялъ шпагу и скомандовалъ:

— Налѣво кругомъ! Маршъ!

И сталъ во главѣ отряда.

Затѣмъ ни слова. Молчаніе. Все стихло. У Лориса сжалось сердце.

Когда по приказанію уходили эти люди,—онъ не зналъ ихъ,—но ему казалось, уходятъ друзья.

Бурмонъ оставался неподвиженъ, съ устремленнымъ взоромъ на дорогу; онъ слѣдилъ за исчезающими спинами лошадей.

Въ ста метрахъ дорога сворачивала. Офицеръ прошелъ, исчезъ.

Затѣмъ мало по малу скрылись изъ виду люди, мѣдныя каски, стальныя сабли, блестящіе кожаные кивера, исчезло все, остались только два дерева на холму, какъ часовые, и когда разсѣялась тѣнь послѣдняго егеря, Бурмонъ, еще болѣе поблѣднѣвшій, вложилъ шпагу въ ножны, повернулся спиною къ дорогѣ и, нагнувшись на лошади, проговорилъ страннымъ голосомъ, поразившимъ Лориса.

— Маршъ, господа... и да здравствуетъ король!

И кавалькада понеслась на этотъ разъ во весь опоръ. Точно она уносилась отъ чего-то, что только-что скрылось съ послѣднимъ исчезнувшимъ всадникомъ.

Лорисъ не отдавался болѣе своимъ мечтамъ, онъ подъѣхалъ къ Тремовилю совсѣмъ близко, онъ чувствовалъ потребность не быть одному.

— Гдѣ мы? Куда спѣшимъ мы? — спросилъ онъ.

— Въ Флореннъ, — отвѣтилъ Тремовиль.

Затѣмъ, пришпоривъ лошадь, онъ обогналъ Лориса.

Ѣхали все скорѣе, скорѣе—настоящая скачка. Лорисъ старался подавить въ себѣ чувство страха: у него былъ начальникъ, онъ слѣдовалъ за нимъ.

Впереди виднѣлась деревня Флореннъ, ужъ видны были ея соломенныя крыши, на небѣ рисовался шпицъ колокольни. Подъѣзжали къ ней. Безъ сомнѣнія, галопомъ пронесутся по деревнѣ и въ концѣ какой нибудь длинной улицы внезапно нападутъ на аванпостъ.

Вымощенное шоссе. Послѣ нѣкотораго времени скачки въ галопъ, на площади, противъ церкви, у большаго дома, генералъ Бурмонъ разомъ остановился.

Безъ посторонней помощи онъ слѣзъ съ лошади. Открылась дверь, онъ вошелъ и сдѣлалъ знакъ другимъ слѣдовать за нимъ.

Въ нижнемъ этажѣ, въ большой комнатѣ, было нѣсколько мужчинъ, которые радостно подошли къ нему и стали съ нимъ разговаривать тихо. Бурмонъ нервно снялъ свою огромную шляпу съ перьями и поставилъ ее на столъ передъ собою. Затѣмъ онъ провелъ по лицу всей ладонью, кусая засохшія губы, точно онѣ причиняли ему страшную боль.

Онъ вынулъ изъ кармана изящную записную книжечку съ фамильнымъ гербомъ, вынулъ изъ нея письмо, развернулъ его и, не читая, точно зная его наизусть:

— Вотъ письмо, — сказалъ онъ, — которое я адресую генералу Жерару.

Всеобщее любопытство, всѣ приблизились. Бурмонъ сталъ читать едва слышно:

— «Я покидаю армію; я не могу и не хочу служить далѣе узурпатору, самолюбіе котораго губитъ Францію. Меня не увидятъ въ рядахъ чужеземцевъ, отъ меня не получатъ никакихъ свѣдѣній во вредъ французской арміи; но я постараюсь служить на защиту изгнанниковъ, буду содѣйствовать искорененію изъ отечества системы конфискацій, не теряя изъ виду сохраненія національной независимости».

Никто не промолвилъ ни слова: присутствующимъ давно было извѣстно принятое рѣшеніе. Имъ нечего было даже выражать сочувствія.

— Мы на бельгійской территоріи,—замѣтилъ Бурмонъ.—Вы свободны, господа. Тѣ, которые присоединятся ко мнѣ, чтобы заявить свои вѣрноподданническія чувства королю Франціи, будутъ радостно встрѣчены. Надо, чтобъ черезъ часъ это письмо было доставлено генералу Жерару. Кто желаетъ взять на себя это порученіе?

— Я къ услугамъ генерала Бурмона, — отвѣтилъ кто-то.

И Губюръ де-Кейразъ, бывшій капитанъ Лавердьеръ, сдѣлалъ шагъ впередъ къ генералу Бурмону, протягивая руку.

— Вы подвергаетесь нѣкоторой опасности.

— Ради короля, — проговорилъ съ поклономъ Кейразъ.

— Да хранитъ васъ Богъ!

У Кейраза на лицѣ появилась улыбка самодовольства: онъ становился важнымъ дѣйствующимъ лицомъ, онъ чувствовалъ, что ему уже почти завидуютъ эти придворные завтрашняго дня.

Лавердьеръ поправилъ свою портупею, лихо надѣлъ шляпу, сдѣлалъ полуоборотъ и направился къ двери.

Но въ ту самую минуту, какъ онъ подошелъ къ ней, передъ нимъ кто-то точно выросъ.

— Вы не пройдете.

— Что вы сказали?

— Я говорю, что вы не пройдете.

Лорисъ стоялъ съ непокрытою головою, блѣдный какъ смерть, съ блестящими глазами.

— Однако, птенчикъ мой, — проговорилъ Лавердьеръ съ исказившимися чертами, — неужели я васъ буду постоянно встрѣчать на моемъ пути? Убирайтесь, или я шпагою прочищу себѣ дорогу.

— Попробуй.

И, обнаживъ шпагу, Лорисъ сталъ въ дверяхъ.

Раздался голосъ:

— Развѣ вы не слыхали, мсьё Лорисъ, я вручилъ мсьё де-Кейразъ приказаніе для передачи...

— Къ чему вы это говорите?—замѣтилъ холодно Лорисъ.—Я бы желалъ забыть, кѣмъ написано письмо, которое человѣкъ этотъ взялся доставить французскому генералу. Не напоминайте мнѣ, гдѣ я, и о томъ, что вы дѣлаете. Я говорю съ этимъ негодяемъ. Я говорю ему, что онъ не пройдетъ. Пока я живъ, онъ не пройдетъ.

Раздались возгласы гнѣва. Молодые люди дѣлали видъ, будто накидываются на Лориса. Многіе взялись за шпаги. Лорисъ описалъ шпагою большой кругъ въ воздухѣ.

— Отъ измѣнниковъ до убійцъ недалеко,—проговорилъ онъ.— Такъ вотъ для какого подлаго дѣла вамъ нуженъ былъ еще лишній сообщникъ! Но вы ошиблись! Я вамъ не сообщникъ, но каратель! Ну-ка, Іуда, шпіонъ Іуды, защищайся!

И шпага его коснулась груди Лавердьера. Лавердьеръ откинулся назадъ и снова сталъ въ позицію, направляя шпагу въ упоръ.

— Господа, во имя короля!—крикнулъ Тремовиль.

— Не мѣшайте,—проговорилъ Лавердьеръ:—мнѣ давно надоѣлъ этотъ молокососъ!

И онъ продолжалъ наступать на Лориса съ твердымъ намѣреніемъ его убить.

А вотъ что происходило въ это время у него за спиной. Бурмонъ совѣщался со своими приближенными. Затѣмъ открылась дверь, и онъ исчезъ, а за нимъ и большинство офицеровъ. Черезъ минуту раздался конскій топотъ. Между тѣмъ поединокъ разгорался.

Кейразъ-Лавердьеръ былъ первостепеннымъ бреттеромъ, вдобавокъ Лорисъ непремѣнно хотѣлъ оставаться въ дверяхъ, онъ не подвинулся ни на шагъ, положеніе неудобное, которое затрудняло его движенія.

Шпаги такъ и звенѣли.

Съ обѣихъ сторонъ одинаковое ожесточеніе. Дуэль на смерть.

Уже десять разъ шпага Лавердьера коснулась сюртука молодаго человѣка, но все являлся отбой, и снова ловкій, мѣткій ударъ.

Разбойникъ поблѣднѣлъ отъ бѣшенства. Онъ заскрежеталъ зубами.

Вдругъ Лорисъ, который слѣдилъ за всѣми его движеніями, замѣтилъ, что онъ опустилъ лѣвую руку въ карманъ.

Онъ увидалъ, или скорѣе предугадалъ, ручку пистолета.

Тогда съ неимовѣрною быстротою онъ пропустилъ свою шпагу подъ шпагу Лавердьера, которая коснулась его волосъ, и нанесъ негодяю ударъ въ плечо, слишкомъ высоко.

Пистолетъ, на половину уже вынутый, отъ удара, отъ котораго рука онѣмѣла, упалъ. Раздался выстрѣлъ: несомнѣнное доказательство подлости этого человѣка, который хотѣлъ замѣнить дуэль убійствомъ. Лорисъ, въ которомъ злоба удесятерила силу, накинулся на него, схватилъ его за горло и прижалъ его къ стѣнѣ, блѣднаго и ослабѣвшаго, закатилъ ему нѣсколько пощечинъ, затѣмъ, оторвавъ пуговицы отъ его сюртука, досталъ письмо Бурмона и на глазахъ нѣсколькихъ оставшихся офицеровъ-роялистовъ швырнулъ его на полъ и прокололъ къ полу лезвіемъ шпаги..

— У кого станетъ храбрости поднять это письмо? — спросилъ онъ.

— Это ужъ слишкомъ дерзко!—воскликнулъ кто-то.

Обнаженныя шпаги поднялись на Лориса, который, наступивъ ногою на письмо, отпарировалъ удары, выпрямившись во весь ростъ.

Въ эту минуту отворилась дверь, въ которую скрылся Бурмонъ.

Вошла Регина де-Люсьенъ: всѣ шпаги передъ ней опустились.

— Господа, — проговорила она, — генералъ Бурмонъ ожидаетъ васъ въ замкѣ Ивелль. Препроводите туда раненаго.

Лорисъ, недоумѣвающій, изумленный, ослѣпленный, какъ сказалъ бы старикъ Корнель, глядѣлъ на нее молча, не двигаясь.

Лавердьеръ слабѣлъ. Кровь ручьемъ текла изъ раны.

Его поддерживали, онъ шелъ, но, проходя мимо Лориса, бросилъ на него взглядъ такой глубокой ненависти, что всякій другой на мѣстѣ молодаго человѣка вздрогнулъ бы отъ его угрозы.

За ними закрылась дверь.

Тогда Регина нагнулась и подняла письмо Бурмона.

— Быть можетъ, мсьё Лорисъ убьетъ меня за то, что я его подняла?—спросила она, улыбаясь.

Тяжелыя потрясенія особенно глубоко отражаются на самыхъ сильныхъ натурахъ. Лорисъ былъ какъ потерянный.

Регина стояла передъ нимъ въ амазонкѣ, которая красиво обрисовывала ея дѣвственный станъ, въ шляпѣ лигистки, и, не желая того, она была чрезвычайно театральна.

Онъ смотрѣлъ на нее и точно спрашивалъ себя, не кошмаръ ли все то, что произошло, и не настало ли радостное, неожиданное пробужденіе?

Она положила ему руку на плечо.

— Дитя,—проговорила она,—дитя задорное и неисправимое.

Онъ слушалъ ее, ничего не понимая. За что упреки? Вѣдь это же не дѣйствительность,—эта звѣрская, постыдная, ужасная сцена?

Она продолжала:

— Итакъ, когда вы увѣряли меня, что я—ваша воля, вашъ разумъ, душа вашей души, вы мнѣ лгали, Жоржъ де-Лорисъ? Да, я хорошо помню ваши собственныя слова: «Куда вы пойдете, туда и я,—говорили вы мнѣ голосомъ, который до сихъ поръ звучитъ у меня въ ушахъ,—ведите меня далеко, далеко. Я только одного желаю—чувствовать вашу близость». Да, вы говорили все это. А теперь вы смотрите на меня большими, удивленными глазами, какъ будто вы не сознаете, кто съ вами говоритъ.

И она прибавила тихо:

— Я та, которую вы увѣряли въ любви... и которая, исполнивъ свой долгъ, можетъ въ настоящее время сказать вамъ, что она васъ любитъ.

Регина говорила правду: съ той ночи, когда они оба находились въ одинаковой опасности, ею овладѣло новое чувство, сильное, всецѣло поглотившее ее.

Когда появилась Марсель, въ свою очередь защищая своего покровителя, Регина почувствовала въ душѣ своей точно острую боль—мученіе ревности, злобу женщины къ женщинѣ.

Она ушла разсерженная, не оглянувшись, думая, что ненавидитъ и будетъ ненавидѣть того, къ кому обратился другой женскій голосъ.

Когда же она очутилась одна, въ своей комнатѣ, она вдругъ разрыдалась.

Она рыдала, какъ ребенокъ, не разсуждая, не анализируя, потому только, что она страдала, потому, что случайно эта ревность открыла ей... что она любитъ!

До этихъ поръ, во всей гордынѣ своей побѣдоносной красоты, она черпала убѣжденіе своего неотразимаго владычества.

И вдругъ въ ней зародилось сомнѣніе, терзавшее ее, и въ этомъ терзаніи было что-то мучительно радостное, опьяняющее.

Она любила его!

Она, великосвѣтская женщина, привыкшая ждать любезностей, готова была опять идти ночью къ Лорису, дожидаться его,—для чего? Чтобы сорвать на немъ свой гнѣвъ, выразить ему все свое презрѣніе!

Да, можетъ быть, въ первую минуту! Но ей вдругъ стало ясно, что то, что было вчера,—увѣренность въ себѣ, непреклонная гордость,—всего этого болѣе не существовало; она чувствовала себя

такою слабою, такою ничтожною: одинъ взглядъ, одно слово, сказанное съ нѣжностью, побѣдило бы всѣ ея намѣренія, все ея тщеславіе кокетки.

Ревность! Что за вздоръ! Эта дѣвушка!... онъ ея не знаетъ, если онъ заступился за нее, защитилъ ее отъ нахала, то онъ исполнилъ только долгъ порядочнаго человѣка. И что такое эта Марсель?... О, она не забыла ея имени... Ничтожество... деревенщина... дочь крестьянина... Неужели это для нея соперница?

Развѣ она не имѣла тысячи случаевъ убѣдиться въ тонкихъ свойствахъ души Лориса, аристократа по рожденію, по воспитанію, по своимъ вкусамъ... Зачѣмъ обвинять его въ невозможномъ, въ неправдоподобномъ?

Размышляя такимъ образомъ, Регинѣ становилось страшно, и помимо воли она смѣялась надъ своей боязнью любить.

Она готова была осмѣять себя, убѣдить себя, что въ ней не произошло ничего новаго...

Но зачѣмъ лгать? Въ тиши ночной она чувствовала, что вся полна имъ, и, отдаваясь этому сладкому неизвѣданному ею упоенію, она повторяла тихонько его имя съ сладостнымъ трепетомъ. Она заснула, убаюканная воспоминаніемъ о немъ.

Проснувшись, болѣе спокойная, она стала допрашивать себя. Правда, она не принадлежала болѣе себѣ, она отдалась ему... а миссія, которую она возложила на себя, обязанности, которыя ей предстояло выполнить,—неужели она забудетъ все это?

Нѣтъ, она должна помнить, что не свободна. Лучше поскорѣе исполнить свою задачу и тогда располагать собою. Видѣть ли ей Лориса? Но тогда она рискуетъ утратить энергію, волю... А вдругъ онъ станетъ умолять ее не уѣзжать... и она останется, откажется отъ всѣхъ своихъ обѣщаній...

Ужъ лучше довести дѣло до конца, и затѣмъ, въ день тріумфа, сказать Лорису:

— Посмотри, какъ я поторопилась вернуться къ тебѣ.

Во-первыхъ, развѣ она не заботилась, болѣе чѣмъ когда либо, объ ихъ общей будущности?

Ея побѣда будетъ его славою.

Она сейчасъ же уѣдетъ, не повидавшись съ нимъ. Тамъ они встрѣтятся въ радости побѣды вдали отъ якобинцевъ и... ихъ дочекъ!

Живо. Записку Лорису. Она боялась, что слишкомъ много скажетъ ему. Рука ея опережала ея мысль, остатокъ ея благоразумія. Она удерживала ее.

Только двѣ строчки. Когда она подписала свое имя, ей казалось, она отдала свою душу.

Затѣмъ почтовая карета умчала ее.

Съ этой минуты лихорадочная дѣятельность, поспѣшность, овла-

дѣли ею, и героиня измѣны, не сознающая своей подлости, съ большею ловкостью, чѣмъ когда либо, разставляла свои сѣти, соображала свои интриги; побѣгъ генерала въ утро сраженія былъ дѣломъ ея рукъ.

Тѣмъ скорѣе рухнутъ проклятые порядки, тяготѣвшіе надъ Франціею, тѣмъ скорѣе король вернется въ Парижъ при восторженныхъ крикахъ народа, тѣмъ скорѣе осуществятся ея надежды, которыя приняли реальную форму, точно остановившееся отраженіе.

Бурмонъ измѣняетъ, Лорисъ слѣдуетъ за нимъ. О, она его такъ хорошо знала! Въ его сердцѣ нѣтъ ни одного чувства, которое бы не было и ея собственнымъ.

Она ждала его въ Флореннѣ, точно на свиданіе любви... первое въ ея жизни.

И вдругъ, она узнаетъ отъ Бурмона, что Лорисъ, ея Лорисъ, который раздѣлялъ ея убѣжденія, который, какъ она, готовъ былъ на все, чтобы ускорить паденіе Наполеона, вдругъ сопротивляется, бунтуетъ. О, капризъ ребенка! А главное, его должно было взбѣсить, что передъ нимъ опять очутился Лавердьеръ, котораго судьба вѣчно посылала ему: то исторія съ маленькой якобинкой, то смѣшная стычка въ улицѣ Ерéгоn. Въ сущности оно понятно. Люди благороднаго происхожденія не любятъ связываться съ такими личностями, хотя, что дѣлать, и приходится иногда употреблять ихъ въ дѣло.

И вмѣсто того, чтобы ждать его, она отказалась отъ удовольствія, которое такъ долго предвкушала, и сама полетѣла къ нему и голосомъ чародѣйки, обворожительнымъ по искренности, она говорила ему все это, уничтожая Лавердьера, понося его, выражая къ нему полнѣйшее презрѣніе.

Развѣ онъ не былъ счастливъ увидѣть ее? Развѣ все не было забыто?—все, кромѣ того, что она любитъ его и что отнынѣ они не разлучны.

Лорисъ не отвѣчалъ: то, что въ немъ происходило, было такъ похоже на то, что Регина перечувствовала по своемъ возвращеніи изъ улицы Ерéгоn.

На него тоже снизошло откровеніе свыше, которое началось съ Champ de Mai.

Сперва онъ только видѣлъ ее.

Регина тутъ, Регина дорогая, многолюбимая, она держала его за руки, она глядѣла на него своими опаловыми очами. Онъ чувствовалъ на своихъ волосахъ ея дыханіе. Какое дѣло до всего остальнаго? Пускай разверзнутся небеса, только бы умереть вмѣстѣ, въ объятіяхъ чистой страсти, которая сжигала ихъ сердца.

Вдругъ—неужели иллюзія? Неужели далекое эхо отдалось въ его ушахъ?... Лорисъ услыхалъ звуки рожка, неясные, дрожащіе,

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ".

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени" (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ Москвѣ, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „Новаго Времени", Кузнецкій мостъ, домъ Шориной.

Програма „Историческаго Вѣстника": русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новыя историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику" прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора Сергѣя Николаевича Шубинскаго.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ. Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13